И. А. Виноградов

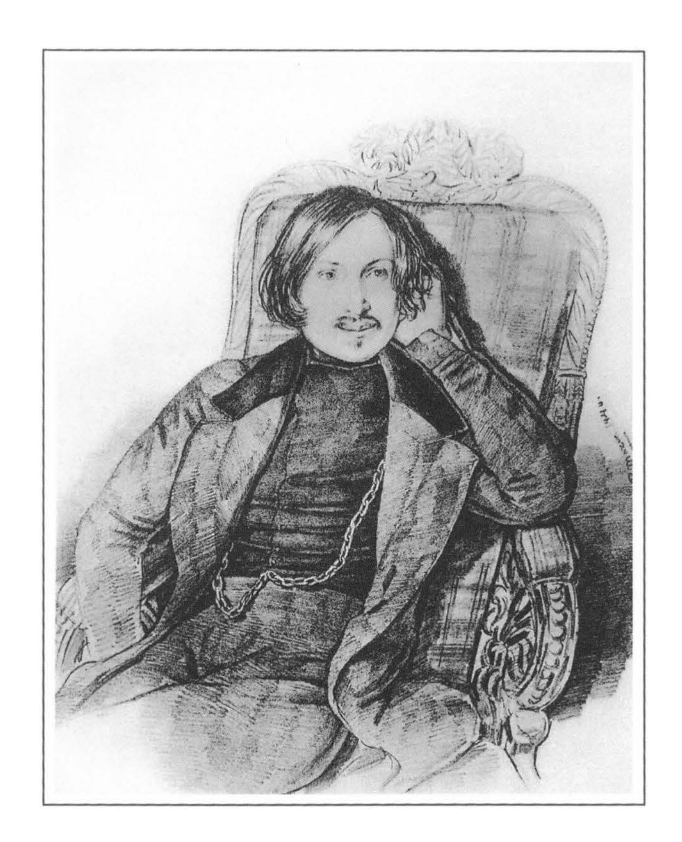
ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н.В.ГОГОЛЯ ТОМ 3

1837 – 1841

И.А.Виноградов

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н.В.ГОГОЛЯ ТОМ 3

1837 – 1841



К. П. Мазер.
Портрет Н. В. Гоголя
1840 г.
литография

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

И. А. Виноградов

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ

в семи томах

1809–1852

Научное издание

Москва
ИМЛИ РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

И. А. Виноградов

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ

том третий

1837–1841

Москва
2017

ББК 83.3

И. А. Виноградов. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание. В 7 т. Т. 3. 1837–1841. – М.: ИМЛИ РАН, 2017. – 672 с.

Книга представляет собой третий том впервые издаваемого систематического летописного свода жизни и творчества Гоголя. В этой части летописи детально воссоздана картина заграничных путешествий писателя и тех впечатлений, которые были получены им в период двух продолжительных сроков пребывания за рубежом. Эти впечатления нашли отражение в главных художественных творениях писателя – второй редакции повести «Тарас Бульба» (в составе единственного прижизненного собрания гоголевских сочинений) и первого тома «Мертвых душ», представляющих собой своего рода «Илиаду» и «Одиссею» Гоголя. В работе использованы многочисленные мемуарные, эпистолярные, дневниковые материалы, документальные архивные свидетельства, собственные воспоминания Гоголя. Отдельные сведения, в частности, датировка писем, получили необходимые уточнения. Данные о каждом дне жизни писателя составляют отдельное аналитическое описание, порой статью, с своей библиографией и необходимыми хронологическими отсылками. Том сопровожден маршрутным указателем (географической канвой жизни и творчества Гоголя), позволяющим наглядно представить перемещения писателя. Именной указатель насчитывает более двух тысяч имен.

ISBN 978-5-9208-0516-4
ISBN 978-5-9208-0514-0 (том 3)

© Виноградов И. А., 2017
© ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2017
© Бернштейн Д. К., оформление, 2017

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ГОГОЛЯ

1837–1841

ЯНВАРЯ 1 <13>. ПЯТНИЦА. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ЯНВАРЯ 1 <13>. ПЯТНИЦА. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.
[2] *Гриц.* С. 230.

ЯНВАРЯ 14 <2>. СУББОТА. ПАРИЖ

Гоголь в письме к матери в Васильевку поздравляет ее с Новым годом и сообщает:

«Я получил ваше письмо из Лозанны, писанное вами 18 октября[1]. Очень рад, что вы здоровы и что сестра благополучно разрешилась сыном[2]. Жаль мне только, что у вас опять небольшая благодать в делах хозяйственных. Наша Малороссия точно несчастный край: неурожай – беда; урожай – тоже. Когда я вспомню, как вас всё это беспокоит, у меня здесь болит сердце. Дай Бог, чтобы винокурня немного вас поправила, хотя я сумневаюсь, чтобы она доставила вам большие выгоды, потому что покамест вы приметесь курить, водка непременно должна упасть в цене. При такой дешевизне хлеба невозможно, чтобы она и месяц постояла в одной цене. <...> Я сижу еще в Париже и просижу до половины февраля[3], то есть до начала весны, чтобы с весною предпринять путь в Италию, где уже в это время будет совершенная весна, если не лето, что для здоровья моего, надеюсь, будет хорошо, потому что в Париже стоит не слишком хорошее время – слякоть и сырость. Здесь зимы совсем нет. Один или два раза было по градусу морозу. Здешние жители в летних сюртуках ходят всю зиму... Вы одно письмо еще можете написать мне в Париж. По прошествии же месяца можете адресовать в Неаполь[4] (poste restante). Не забудьте теперешнего моего адреса в Париж: Place de la Bourse, № 12».

[1] См. ***1836. Октября 18 <30>. Воскресенье. Васильевка.***

[2] «Это был третий сын Марьи Васильевны, родившийся после смерти отца, по имени Михаил, скончавшийся через шесть недель после рождения. (Слышано от Ольги Васильевны Головни, рожденной Гоголь, сестры Н. В. Гоголя)» (примеч. В. И. Шенрока в изд.: Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 419).

[3] См. ***1837. Марта около 6 <февраля около 22>. Париж.***

[4] См. также ***1836. Марта около 6 <февраля около 22>. Париж.***

ЯНВАРЯ 15 <3>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПАРИЖ

Гоголь присутствовал на торжественном спектакле в Théâtre Francais по случаю 215-й годовщины рождения Мольера.

Спустя десять дней, 25 января (н. ст.) 1837 г., Гоголь сообщал Н. Я. Прокоповичу в Петербург: «Я был не так давно в Théâtre Français[1], где торжествовали день рождения Мольера. Давали его пиэсы "Тартюф" и "Мнимый больной". Обе были очень хорошо играны, по крайней мере в сравнении с тем, как играются они у нас. <...> В пиэсах Мольера старики, дяди, опекуны и отцы играются очень хорошо, плуты-слуги тоже прекрасно. <...> Каждый год Théâtre Français торжествует день рождения Мольера. В этом было что-то трогательное. По окончании пиэсы поднялся занавес: явился бюст Мольера. Все актеры этого театра попарно под музыку подходили венчать бюст. Куча венков вознеслась на голове его. Меня обняло какое-то странное чувство. Слышит ли он, и где он слышит это?..»

Возможно, впечатления от этого торжества позднее нашли отражение в гоголевской «Развязке Ревизора» (1846), где актеры, занятые в представлении, увенчивают после завершения комедии «первого комического актера»[2].

[1] Théâtre Français (Comédie Française) – Французский театр (Французская комедия; *фр.*) – драматический театр в Париже, основанный в 1680 г.

[2] См. также ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва.***

ЯНВАРЯ 10 <22>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ЯНВАРЯ 24 <12>. ВТОРНИК. ПАРИЖ

А. С. Данилевский получает письмо от И. Г. Пащенко, сообщавшего, что «Ревизора» в Петербурге якобы играют «каждую неделю».

См. ***1837. Января 25 <13>. Среда. Париж.***

ЯНВАРЯ 25 <13>. СРЕДА. ПАРИЖ

Гоголь пишет ответное письмо Н. Я. Прокоповичу в Петербург, в котором, в частности, побуждает приятеля заняться писательским трудом[1]:

«Я давно не писал к тебе[2]. Я хотел получить прежде твое письмо, о котором я знал, что оно лежит в Лозанне, и которое пришло ко мне довольно поздно. Прежде всего нужно тебя поздравить с

новым годом. Желаю [тебе] одного: чтобы он был плодороднее для тебя прочих, чтобы ты наконец принялся за дело. Тебе нужно испытать горькое и приятное нашего ремесла. Жизнь твоя не полна, ты теперь должен иногда чувствовать пустоту ее. Пора, брат, пора! Вот тебе и желание мое и упрек вместе. <...> Да скажи, пожалуйста, с какой стати пишете вы все про "Ревизора"? В твоем письме и в письме Пащенка, которое вчера получил Данилевский[3], говорится, что "Ревизора" играют каждую неделю, театр полон и проч. ... и чтобы это было доведено до моего сведения. Что это за комедия? Я, право, никак не понимаю этой загадки. Во-первых, я на "Ревизора" – плевать, а во-вторых... к чему это? Если бы это была правда, то хуже на Руси мне никто бы не мог нагадить. Но, слава Богу, это ложь[4]: я вижу через каждые три дня русские газеты. <...> Стыдно тебе! ты предполагал во мне столько мелочного честолюбия! <...> Мне страшно вспомнить обо всех моих мараньях. Они в роде грозных обвинителей являются глазам моим. <...> И если бы появилась такая моль, которая бы съела внезапно все экземпляры "Ревизора", а с ними "Арабески", "Вечера" и всю прочую чепуху, и обо мне, в течение долгого времени, ни печатно, ни изустно не произносил никто ни слова, – я бы благодарил судьбу. Одна только слава по смерти (для которой, увы! не сделал я до сих пор ничего) знакома душе неподдельного поэта. А современная слава не стоит копейки. Но ты должен узнать ее. Ты должен начать с нее непременно, вкусить и горькие и сладкие плоды, покамест безотчетные лирические чувства объемлют душу и не потребовал тебя на суд твой внутренний грозный судья. Моим голосом, который теперь должен иметь над тобой двойную силу и власть, я заклинаю тебя стряхнуть лень. Не принимайся за большое дело, примись сначала за малое; пиши повести, всё, что угодно, но только пиши непременно, рядись на все журналы, помещай и бери деньги. У тебя есть язык, но еще не разболтался. Год или два употреби непременно, чтобы расписаться, и тогда... нечего говорить, ты и сам узнаешь и постигнешь тогда свое назначение и решишь, за что и как нужно взяться. – Кстати о литературных новостях: они однако ж не тощи. Где выберется у нас полугодие, в течение которого явились бы разом две такие вещи, каковы "Полководец" и "Капитанская дочь"[5]. Видана ли была где-нибудь такая прелесть! Я рад, что "Капитанская дочь" произвела всеобщий эффект. Даже Иван Григорьевич <Пащенко> пишет, что чудная вещь. <...> Что ты ничего не пишешь обстоятельней о тех литературных новостях, которые хоть и не так сильно выглядывают, но дороги нам потому, что творцы их или кумовья, или другие близкие нам родственники, например: Кукольник, Базили. Ты очень легко упомянул о "Художественной газете"[6]. Можно бы даже привести отрывочек. Это было бы приятно. Также о "Босфоре"[7]. Нет ли там еще какого-нибудь реверанса? Не дурно также бы упомянуть несколько и об их частной жизни, о новых подвигах их на пользу отечества, а также и на собственную пользу, которая, без сомнения, ни в каком случае не забывается. В каком салоне виден теперь Базили и какую имеет моральную физиогномию? А другой Базили, с кистью вместо пера, художник Мокрицкий? Это тоже лицо не бездельное. Обо всем этом непременно нужно говорить; всё это родственники, которые будут интересовать нас в продолжение всей нашей жизни. Второстепенные лица в этом романе также необходимы, и потому, от времени до времени, непременно нужно будет говорить о философе Данченке и об меньших братцах. Само собою, что сюда должны войти и кумовья, как-то: Жюль[8], Комаровы[9] и все, которых мы близко и коротко знаем. Всем им поклон мой. Жюля особенно попроси, чтобы написал ко мне. Ему есть о чем писать. Верно, в канцелярии[10] случился какой-нибудь анекдот. Если действующие лица выше надворных советников, то, пожалуй, он может поставить вымышленные названия или господин N. N. Скажи ему, что если он меня сколько-нибудь любит, пусть непременно напишет тоже повесть, напечатает и пришлет мне. Я читал[11] одну из старых его повестей, которая длинна и растянута, но в ней много есть такого, что говорит, что вторая будет лучше, а третья еще лучше. Извести меня, что это такое "Литературные прибавления", которые издает Краевский и о которых пишет Пащенко? и отчего мое бедное имя туда заехало[12]? или ему суждено валяться, как векселю несостоявшегося банкрота, от которого хотя не ждут никакой пользы, но не раздирают его потому только, что когда-то он стоил денег. Впрочем, мне это неприятно; и только в нашем литературном мире могут случаться такие самоуправства. Я не желал бы, очень не желал, чтобы мое имя упоминалось в печати. Прощай, душа моя! Не забывай же, пиши ко мне. Ты еще можешь один раз писать ко мне в Париж потому, что я не раньше как через месяц еду в Италию[13]. Мой усердный поклон Марье Никифоровне[14]. Здоров ли сын твой Николай – мой имевшийся быть крестник, о чем я беспрестанно сожалею? <...> ...Как

идут дела корпусные твои? что делает Кушакевич[15], Стефин и прочие? и где ты теперь разглагольствуешь? <...> Да что делает Лукашевич? Уехал ли он за границу или нет? и если не уехал, то почему? и что делает он теперь? Пожалуйста, передай ему мой поклон и скажи ему, что я надеюсь с ним увидеться. Получили вы куплеты: "Да здравствует нежинская бурса", которые Данилевский послал в письме к Пащенку[16]? Уведоми, часто ли ты видишься с Плетневым и кто теперь у него бывает и о чем говорят. Кланяйся ему и скажи, что деньги получены мною с невероятною исправностью. Адрес мой: Place de la Bourse, 12».

Позднее П. В. Анненков, публикуя в «Воспоминаниях о Гоголе» (1857), «неизданный отрывок» из этого письма Гоголя (о «Ревизоре», «Арабесках» и «Вечерах...»), в частности, опустил в нем два упоминания о самом мемуаристе (под прозвищем Жюль), а также фрагмент, заключающий в себе гоголевскую критику парижской жизни (развернутую позднее Гоголем в повести «Рим») (этот пропуск, очевидно, был сделан западником Анненковым по идеологическим соображениям).

В том же письме к Прокоповичу Гоголь писал:

«Париж город хорош для того, кто именно едет для Парижа, чтобы погрузиться во всю его жизнь. Но для таких людей, как мы с тобою, — не думаю, разве нужно скинуть с каждого из нас по 8 лет. К удобствам здешним приглядишься, тем более, что их более, нежели сколько нужно; люди легки, а природы, в которой всегда находишь рессурс и утешение, когда всё приестся, — нет: итак, нет того, что бы могло привязать к нему мою жизнь. Жизнь политическая, жизнь вовсе противоположная смиренной художнической, не может понравиться таким счастливцам праздным[17], как мы с тобою. Здесь всё политика, в каждом переулке и переулочке библиотека с журналами. Остановишься на улице чистить сапоги, тебе суют в руки журнал; в нужнике дают журнал. Об делах Испании[18] больше всякой хлопочет, нежели о своих собственных. Только в одну жизнь театральную я иногда вступаю: итальянская опера здесь чудная! Гризи, Тамбурини, Рубина, Лаблаш — это такая четверня, что даже странно, что они собрались вместе. На свете большею частию бывает так, что одна вещь находится в одном углу, а другая, которой бы следовало быть возле нее, в другом. Не приведи Бог принести сюда Пащенка. Беда была бы нашим ушам. Он бы напевал, я думаю, ежедневно и ежеминутно. <...> Видел в трех пиэсах M-lle Mars[19]. Ей 60 лет. В одной пиэсе играла она 18-летнюю девицу. Немножко смешно было сначала, но потом в других действиях, когда девица становится замужней женщиною, ей прощаешь лишние годы. <...> На русском нашем театре далеко недостает до Mars. Актеров много, очень много хороших. На каждом театре есть два или три своих корифея. Видел наследника Тальмы Ligier <Лижье>. <...> Играл он Людовика XI в пиэсе Делавиня[20] и, кажется, вряд ли Делавиню так написать, как Ligier играл. <...> Если бы собрать с каждого из здешних театров по три первых персонажа, то можно бы таким образом обставить пиэсу, как только может себе составить идею один комик или трагик[21]. Театры все устроены прекрасно. Они не имеют великолепных наружных фасадов, но внутри всё как следует. От первого до последнего слова слышно и видно всем. Балеты становятся с такою роскошью, как в сказках; особливо костюмы необыкновенно хороши, с страшною историческою точностью. <...> Золота, атласу и бархату на сцене много. Как у нас одеваются на сцене первые танцовщицы, так здесь все до одной фигурантки. Далеко Гедеонову до Петрова дни[22], хотя ему и значительно помогает в украшении декораций Федор Андреевич. Тальони — воздух! Воздушнее еще ничего не бывало на сцене. Впрочем, здесь около десяти есть таких танцовщиц, или солисток, перед которыми Пейсар — Пащенко. Скажи Жюлю: как, право, не совестно ему жить с мамзель Жорж[23]. Ведь ей 67 лет. Да притом видно, что она только красотой своей брала. Игра ее очень монотонна и часто напыщенна. Впрочем, говорят, что ее нужно видеть только в старых трагедиях, которых однако ж не играют вовсе на том театре, где она теперь находится. Играет она в театре Porte St. Martin[24], где играются только одни новые драмы и мелодрамы и где зрители шумят больше, нежели на всех других театрах. <...> Народ очень любит драмы и особливо партия республиканская. Это народ сумрачный, аплодирует редко. Прочие ходят в водевиль, среднее сословие — в театр Variete или в театр Палерояль (лучшие водевильные театры!). *Знать*, как бывает всегда, корчит меломанов[25] и ходит в Италианскую или в

Большую оперу (на французском диалекте), где конопатят до сих пор еще "Гугенотов" и "Роберта", ударяя в медные горшки и тазы сколько есть духу; или иногда в Opere Comique (французскую оперу). Но Бог с ними, со всеми этими операми, водевилями и комедиями! Поговорим теперь о тебе. Что ты поделываешь теперь? Там же ли ты, где и прежде, на той ли самой квартире[26]? Так же ли похаживаешь по комнате с трубочкою, в том ли самом халате, несколько поизношенном, как бывает у всех порядочных людей?»

[1] См. также ***1837. Июня 3 <мая 22>. Суббота. Рим.***

[2] См. ***1836. Сентября 27 <15>. Вторник. Ферней, Женева.***

[3] См. ***1837. Января 24 <12>. Вторник. Париж.***

[4] См. ***1836. Сентября 27 <октября 9>. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1836. Октября 11 <23>. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1836. Ноября 15 <27>. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1836. Декабря 16 <28>. Среда. Санкт-Петербург***; ***1836. Января 1 <13>. Пятница. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург.***

[5] Стихотворение А. С. Пушкина «Полководец» было напечатано в т. 3, повесть «Капитанская дочка» – в т. 4 «Современника» за 1836 г. (см. ***1836 декабря 22 <1837 января 3>. Вторник. Санкт-Петербург***).

[6] «Художественная Газета» Н. В. Кукольника стала выходить в Петербурге с августа 1836 г.

[7] «Босфор» – статья К. М. Базили, опубликованная в «Сыне Отечества» (1836. № 4) и вошедшая в отдельное издание «Босфор и новые очерки Константинополя» (СПб., 1836. Ч. 1–2).

[8] Жюль Жанен – псевдоним П. В. Анненкова.

[9] Имеются в виду поэт Александр Александрович Комаров (1813–1874), преподававший русскую словесность в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров с 1839 по 1855 г., а также, вероятно, его брат Николай Александрович Комаров, чиновник 14 класса, губернский секретарь, один из учителей русского языка в 1-м кадетском корпусе, в числе которых был Прокопович.

[10] См. ***1833. Сентября вторая половина. Санкт-Петербург*** (примечания).

[11] См. ***1833. Сентября вторая половина. Санкт-Петербург*** (примечания).

[12] «Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду», издававшиеся в Петербурге с 1831 г. А. Ф. Воейковым, в 1837 г. были приобретены у него А. А. Краевским. Имя Гоголя было помещено в списке сотрудников, участвующих в издании. – См. также ***1836. Июня не позднее 6 <18>. Санкт-Петербург.***

[13] См. ***1836. Марта около 6 <февраля около 22>. Париж.***

[14] Жена Прокоповича.

[15] Инспектор классов 1-го Кадетского корпуса Александр Яковлевич Кушакевич (см.: Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1837. СПб., <1837>. Ч. 1. С. 890).

[16] См. ***1836. Декабря 5 <ноября 23>. Понедельник. Париж.***

[17] Реминисценция из трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» (1830): «Нас мало избранных, счастливцев праздных, / Пренебрегающих презренной пользой, / Единого прекрасного жрецов».

[18] Речь идет о борьбе за престолонаследие после смерти Фердинанда VII, о гражданской войне и разработке новой либеральной конституции в Испании.

[19] Мадемуазель Марс (настоящее имя – А. Ф. И. Буте-Сальвета, 1779–1847), французская актриса.

[20] В пьесе К. Ж. Ф. Делавиня «Людовик XI» (1832).

[21] По-видимому, Гоголь продолжает размышлять в то время об авторской постановке «Ревизора».

[22] Парафраза пословицы «Далеко кулику до Петрова дня».

[23] С актрисой Мадемуазель Жорж (сценическое имя Маргариты Жозефины Веймер) был близок настоящий Жюль Жанен (не П. В. Анненков). В то время ей было 50 лет.

[24] Театр в Париже, расположенный у ворот Сен-Мартен.

[25] 12 апреля 1835 г. Гоголь, в частности, писал матери: «...Не судите никогда, моя добрая и умная маминька, о литературе. <...> У меня, например, нет [сочувствия] уха к музыке, и я не говорю о ней, и меня оттого никто не презирает. Я не знаю ни в зуб математики, и надо мною никто не смеется». В пятой главе «Мертвых душ» он замечал о Собакевиче: «...Разогни кулаку один или два пальца, выдет еще хуже. Попробуй он слегка верхушек какой-нибудь науки, даст он знать потом, занявши место повиднее, всем тем, которые в самом деле узнали какую-нибудь науку. Да еще, пожалуй, скажет потом: "Дай-ка себя покажу!" Да такое выдумает мудрое постановление, что многим придется солоно...» – См. также ***1839. Марта 13 <1>. Среда. Рим*** (примечания).

[26] В доме барона Врангеля (см. ***1837. Июня 3 <мая 22>. Суббота. Рим***).

ЯНВАРЯ 16 <28>. СУББОТА. МОСКВА

К. С. Аксаков пишет М. Г. Карташевской в Петербург:

«*Коляска* Гоголя не то, что *Вечера на хуторе*, относительно сюжета только, но как произведение само по себе оно совершенно; и в этой безделице Гоголь равен сам себе, можно узнать его и тут. Художник творит по вдохновению и чело Юпитера и улыбающееся лицо дитяти, нужно, чтобы каждое произведение выразило совершенно свою идею, и когда это так — произведение совершенно, как другое, то, при всем различии предмета, эти произведения равны между собою в художническом отношении, так и произведения Гоголя. *Тарас Бульба* и *Коляска* две вещи розные; первая выше второго, но как? — как предмет только, как произведение, где *Коляска* точно так же соответствует своему назначению, самой себе, как *Тарас Бульба*, следовательно как произведение и та и другая повести равные»[1].

Представление о том, что произведения разные по содержанию могут быть «равны» между собой «в художническом отношении», К. С. Аксаков развил позднее в статье «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842), где доказывал сходство в «акте творчества» Гоголя и Гомера[2].

[1] Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 786.
[2] См. ***1840. Января 2. Вторник. Москва***; ***1842. Ноября начало <ноября средина>. Москва***.

ЯНВАРЯ 26 <ФЕВРАЛЯ 7>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978*. С. 305.
[2] *Гриц*. С. 231.

ФЕВРАЛЯ 9 <ЯНВАРЯ 28>. ЧЕТВЕРГ. ПАРИЖ

Гоголь обедает у Н. М. и А. О. Смирновых.

11 февраля (н. ст.) 1837 г. Анд. Н. Карамзин сообщал матери, Екатерине Андреевне: «Третьего дня я обедал у Смирновых с кн<ягиней> Трубецкой, Соллогубом и Гоголем. Александра Осиповна получили с курьером последнюю книжку Современника[1] и письма от дяденьки Клементья[2]. — Гоголь сделал успехи на французском языке и довольно его понимает, чтобы прилежно следовать за театрами, о которых он хорошо толкует[3]. Но вообще у Смирновых толковать трудно, потому что немедленно вмешивается Николай Михайлович[4], спорит страшно и несет чепуху...»[5]

[1] См. ***1836 декабря 22 <1837 января 3>. Вторник. Санкт-Петербург***.
[2] Вероятно, имеется в виду брат Смирновой Клементий Осипович Россет.
[3] См. ***1837. Января 25 <13>. Среда. Париж***.
[4] Смирнов, муж А. О. Смирновой.
[5] Письма Андрея Николаевича Карамзина к своей матери, Екатерине Андреевне // Старина и Новизна. М., 1914. Кн. 17. С. 281; см. также: Гоголь в письмах Анд. Н. Карамзина к Е. А. Карамзиной // *Свод*. Т. 2. С. 30.

ЯНВАРЯ 29 <ФЕВРАЛЯ 10>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Кончина А. С. Пушкина.

В Париже, где тогда жил Гоголь, о смерти Пушкина узнали в 20-х числах февраля (н. ст.) 1837 г.

См. ***1837. Февраля 24 <12>. Пятница. Париж***; ***1837. Марта 1–2 <февраля 17–18>. Среда-четверг. Париж***.

ФЕВРАЛЯ 15 <3>. СРЕДА. ПАРИЖ

Гоголь извещает мать о получении от нее письма из Васильевки, которое шло «довольно долго: более месяца»:

«Это происходит оттого, что почты зимою не так удобны, как летом. Здесь зима не то, что у нас. У нас она облегчает путь, а здесь, напротив, затрудняет, потому что здесь она не что иное, как мокрая осень. Мне теперь даже странно было услышать о морозах и особенно узнать из письма вашего, что они были до такой степени сильны, что много было замерзших. Во всё это время здесь все ходили в одних сюртуках, и солнце очень часто было совершенно весеннее.

Я более полуторы недели не думаю оставаться в Париже[1]. Болезнь в Италии давно прекратилась, и время становится благоприятным для путешествия. Я в Париже всё обсмотрел уже, что есть замечательного. Успел побывать и в Версале (в 25 верстах от Парижа), этом великолепном обиталище французских королей, составляющем большой город (около 50 тысяч душ). Дворец, сады, парки без всякого сравнения великолепнее нашего Царского Села и построены с большим вкусом.

Теперь в Париже самое шумное время — карнавал: балы за балами, спектакли великолепные. В последний день карнавала было такое множество народа, какого я никогда еще не видывал. Все бульвары, проходящие с одного конца до другого весь Париж, были завалены народом; целые экипажи наполнены были масками. Маски разных наций и костюмов перебегали беспрестанно по улицам. Впрочем, и до сих пор, хотя вчера уже начался пост, ни балы, ни маскарады не прекратились. Мне хочется светлый праздник встретить в Риме и быть в церкви Святого Петра[2], где должен служить сам папа, и потому вы можете теперь адресовать ко мне письма в Рим, poste restante. <...> Обнимаю несколько раз сестрицу <Марию> и моего племянника и крестника <Николая>. Об Олиньке, которую тоже заочно целую, я совершенно не имею никаких вестей из Петербурга[3] и не знаю, будет ли она принята или нет. <...> Давно ли получали письма от сестер <Анны и Елисаветы> из Петербурга?»

[1] См. ***1837. Марта около 6 <февраля около 22>. Париж.***

[2] См. ***1837. Марта 26 <14>. Воскресенье. Католический праздник Пасхи. Утро. Рим.***

[3] См. ***1836. Октября 3 <сентября 21>. Понедельник. Лозанна.***

ФЕВРАЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА <ФЕВРАЛЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА>. ПАРИЖ

Гоголь пишет шутливую записку к Богдану Залесскому[1] (используя при этом свои словари украинского языка[2]):

«Дуже — дуже було жалко, що не застав пана земляка дома. Чував, що на пана щось напало — не то *сояшныца*[3], не то *завійныця*[4] (хай ій прыснытся лысый дидько[5]), та тепер, спасибо Богови, кажут начей-то пан зовсим здоров. Дай же Боже, щоб на довго, на славу усій козацкій земли давав бы чернецького хлиба усякій болизни и злыдням. Та й нас бы не забував, пысульки в Рым слав. Добре б було, колы б и сам туды колы-небудь прымандрував. Дуже, дуже блызькый земляк, а по серцю ще блыжчый, чим по земли».

[1] См. также ***1836 ноября начало <октября вторая половина> — 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж.***

[2] Творческая история ранних повестей Гоголя показывает, что многие специфические украинские обороты и выражения готовились писателем заблаговременно. Обильный материал для такого вывода дает гоголевская «Книга всякой всячины...» (см. коммент. в изд.: *Гоголь Н. В.* Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести. Вступит. ст. И. А. Виноградова. Коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М., 1998. С. 260–282; см. также: *Виноградов В. В.* Язык Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 291–294; *Виноградов В. В.*

О языке ранней прозы Гоголя // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 112–114; *Чапленко В.* Українізми в мові М. Гоголя // Slavistica. Праці Інституту слов'янознавства Української Вільної Академії Наук. Augsburg, 1948. № 2. С. 17–22).

[3] Сояшныца (соняшниця)— «боль в животе» (словарь «малороссийских слов, встречающихся в первом и втором томах» собрания сочинений Гоголя 1842 г.).

[4] Завійныця (завійниця) – «боль в животе» («Лексикон малороссийский» гоголевской «Книги всякой всячины...»).

[5] Лысый дидько – «домовой, демон» (словарь «малороссийских слов...»).

ФЕВРАЛЯ 7 <19>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре[1].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.

ФЕВРАЛЯ 24 <12>. ПЯТНИЦА. ПАРИЖ

Анд. Н. Карамзин отвечает матери на ее письмо из Петербурга с известием о смерти А. С. Пушкина:

«Я получил Ваше горестное письмо с убийственным известием, милая, добрая, маменька, и до сих пор не могу опомниться!.. Милый, светлый Пушкин, тебя нет!.. <...> Сидя за столом у Смирновых, мне вручили Ваше письмо, я <...> прочел, вскрикнул и сообщил Смирновым. Александра Осиповна горько плакала. Вечером собрались у них Соболевский, <В. П.> Платонов...»[1]

Письмо матери Анд. Н. Карамзина Е. А. Карамзиной и его сестры С. Н. Карамзиной было отправлено 30 января / 11 февраля 1837 г. «Милый Андрюша, – писала мать, – пишу тебе с глазами, наполненными слез, а сердце и душа тоскою и горестию; закатилась звезда светлая, Россия потеряла Пушкина! Он дрался в середу <27 января / 8 февраля 1835 г.> на дуэли с Дантезом, и он прострелил его насквозь; Пушкин бессмертный жил два дни, а вчерась, в пятницу <29 января / 10 февраля 1835 г.>, отлетел от нас; я имела горькую сладость проститься с ним в четверг; он сам этого пожелал. Ты можешь вообразить мои чувства в эту минуту, особливо когда узнаешь, что Арнд с первой минуты сказал, что никакой надежды нет! Он протянул мне руку, я ее пожала, и он мне также, а потом махнул, чтобы я вышла. Я, уходя, осенила его издали крестом, он опять мне протянул руку и сказал тихо: *перекрестите еще;* тогда я опять, пожавши еще раз его руку, я уже его перекрестила, прикладывая пальцы на лоб, и приложила руку к щеке: он ее тихонько поцеловал и опять махнул. Он был бледен как полотно, но очень хорош; спокойствие выражалось на его прекрасном лице. Других подробностей не хочу писать, отчего и почему это великое несчастье случилось: оне мне противны: Сонюшка тебе их опишет. А мне жаль тебя; я знаю и чувствую, сколько тебя эта весть огорчит; потеря для России, но еще особенно *наша;* он был жаркий почитатель твоего отца и наш неизменный друг 20 лет»[2].

С. Н. Карамзина писала брату: «Бедный, бедный Пушкин! Как он должен был страдать все три месяца после получения этого гнусного анонимного письма, которое послужило причиной, по крайней мере *явной* причиной, несчастья, столь страшного. Я не могу тебе сказать, что именно вызвало дуэль, которую женитьба Дантеса, казалось, желала невозможной, и никто этого не знает. Думают, что раздражение Пушкина дошло уже до предела еще в прошлую субботу, когда на балу у Воронцовых он видел, как жена его разговаривает, смеется и *вальсирует* с Дантесом, и эта неосторожная не побоялась снова встретиться с ним в воскресенье у Мещерских и в понедельник у Вяземских. Уезжая оттуда, Пушкин сказал тетушке <княгине В. Ф. Вяземской>: "он не знает, что ждет его дома". Он подразумевал свое письмо к отцу Геккерну <от 25 января / 6 февраля 1835 г.>, оскорбительное сверх всякой меры, в котором он называл его "старой сводней" (тот действительно играл эту роль), а его сына презренным *трусом;* он обвинял Дантеса в том, что даже *после своей женитьбы* он осмеливается обращаться к м<ада>м Пушкиной со своими казарменными остротами и *гнусными объяснениями в любви,* и он грозил публично *оскорбить* его на балу, если *письменного оскорбления* ему недостаточно. Тогда Дантес послал к нему в качестве своего секунданта некоего д'Аршиака из французского посольства, чтобы передать ему вызов. Это было во вторник утром <26 января / 7 февраля 1835 г.>, а вечером на балу у графини Разумовской я видела Пушкина в *последний* раз; он был спокоен, смеялся, разговаривал, шутил; он как-то очень крепко

пожал мне руку, но я тогда не обратила на это внимания. В среду утром он поехал к своему товарищу по лицею Данзасу, чтобы пригласить его себе в секунданты, встретил его на улице, посадил к себе в сани, тут же объяснил ему, в чем дело, и в пятом часу они уже отправились на место поединка – на Парголовскую дорогу возле имения Одоевских. Там, говорят, Пушкин проявил величайшее спокойствие и энергию. Дантес стрелял первым и ранил его в середину тела; он упал, но когда Дантес бросился, чтобы поддержать его, он закричал: "Вернитесь на место, мой выстрел!" Его приподняли и поддерживали; так как пистолет выпал у него из руки на снег, Данзас подал ему другой. Он долго целился, пуля пробила руку Дантеса, но только мягкую часть, и остановилась против желудка – пуговица на мундире предохранила его, и он получил только легкую контузию в грудь, но в первую минут он зашатался и упал, тогда Пушкин подбросил пистолет кверху и закричал: браво! Потом, видя, что Дантес поднялся и идет, он сказал: "*А, значит поединок наш не окончен*". Он был окончен, но он-то думал, что ранен только в бедро. По пути домой тряска в карете вызвала у него сильные боли в животе. Тогда он сказал Данзасу: "Кажется, это серьезно. Послушай, если Арендт найдет мою рану смертельной, ты мне это скажешь. *Меня не испугаешь. Я жить не хочу*".

Дома он увидел жену и сказал ей: "*Как я рад, что еще вижу тебя и могу обнять. Что бы ни случилось, ты ни в чем не виновата и не должна упрекать себя, моя милая!*" – Арендт сразу объявил, что рана безнадежна, так как перебита большая артерия и вены, кровь излилась внутрь и поранены кишки. Пушкин выслушал этот приговор с *невозмутимым спокойствием, с улыбкой.* Он причастился, всех простил; он был в памяти до последней минуты и с ясным сознанием наблюдал за угасанием своей прекрасной жизни. От Государя он получил полное участия письмо, в котором выражено пожелание, чтобы он умер, как христианин, и не тревожился о судьбе жены и детей, ибо заботу о них Государь берет на себя. Пушкин недолго страдал; все время он был неизменно ласков со своей бедной женой. За 5 минут до смерти он сказал врачу: «Что, кажется, жизнь кончается?» Без агонии закрыл он глаза, и я не знаю ничего прекраснее его лица после смерти – чело, исполненное мира и покоя, задумчивое и вдохновенное, и *улыбающиеся* губы. Я никогда не видела у мертвых такого ясного, утешительного, поэтического облика. Его несчастная жена в ужасном состоянии, почти невменяема; это понятно. *Страшно о ней думать*»[3].

[1] Гоголь в письмах Анд. Н. Карамзина к Е. А. Карамзиной // *Свод.* Т. 2. С. 32–33.

[2] *Андроников И.* Тагильская находка // Новый мир. 1956. № 1. С. 183; см. также: Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. М.; Л., 1960. С. 166.

[3] *Андроников И.* Тагильская находка // Новый мир. 1956. № 1. С. 183–184; см. также: Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. М.; Л., 1960. С. 167–168.

МАРТА 1–2 <ФЕВРАЛЯ 17–18>. СРЕДА-ЧЕТВЕРГ. ПАРИЖ

Гоголь в гостях у Н. М. и А. О. Смирновых узнает о гибели А. С. Пушкина. Возможно, тогда Гоголь рассказывает Смирновой о передаче ему Пушкиным в 1835 г. сюжета «Мертвых душ»[1].

2 марта 1837 г. Анд. Н. Карамзин в письме к матери от 1–5 марта (н. ст.) 1837 г. сообщал: «У Смирновых обедал Гоголь: трогательно и жалко смотреть, как на этого человека подействовало известие о смерти Пушкина[2]. Он совсем с тех пор не свой. Бросил то, что писал, и с тоской думает о возвращении в Петербург, который опустел для него»[3].

А. С. Данилевский в 1887 г. рассказывал В. И. Шенроку: «Когда мы с ним были вместе в Париже, он, возвращаясь с А. И. Тургеневым (ошибка; речь идет об Анд. Н. Карамзине. – *И. В.*), расстроенный, сказал мне: "Ты знаешь, как я люблю мать! Если бы я потерял мать, и тогда я не был бы так подавлен и удручен, как теперь: Пушкин умер!"»[4];

«Еще в Париже застало Гоголя роковое для него известие о смерти Пушкина. Данилевский рассказывал мне, как однажды он встретил на дороге Гоголя, идущего с Александром Ивановичем Тургеневым <с Анд. Н. Карамзиным>. Гоголь отвел его в сторону и сказал: "Ты знаешь, как я люблю свою мать; но если бы я потерял даже ее, я не мог бы быть так огорчен, как теперь: Пушкин в этом мире не существует больше!" В самом деле, он казался сильно опечаленным и удрученным»[5].

Возможно, в то время в Париже вместе с Данилевским жил И. Ф. Золотарев (ум. в 1881), со слов которого К. П. Ободовский, позднее, в 1893 г., сообщал: «Когда последний <Пушкин> был убит, и весть об этом чрез посольство достигла до Рима <до Парижа>, Н<иколай> В<асильевич> был глубоко поражен. Целый день он не мог прийти в себя и долгое время спустя после этого события, поразившего горем всю Россию, был молчалив и задумчив»[6].

В 1842 г. В. С. Межевич[7] писал: «Внезапная кончина Пушкина, который с таким радушным приветом, с таким юношеским восторгом первый встретил его <Гоголя> первое произведение, и так полюбил Гоголя, предвидя в нем и надежду, и славу литературы русской, печатным покровом облекла для него отчизну... В то время носились слухи о возращении Гоголя в Петербург; эти слухи не сбылись... Кончина Пушкина, которая не могла не подействовать глубоко на впечатлительную душу Гоголя, может быть, была отчасти тому причиною»[8].

В 1854 г. в «Опыте биографии Н. В. Гоголя...» Кулиш писал: «...Посмотрите, что делает Гоголь по смерти Пушкина. Пишет и жжет. У него нет ободряющего авторитета, нет равносильного гения, который бы указал ему прямой путь поэтической деятельности! Словом, смерть Пушкина положила в жизни Гоголя такую резкую грань, как и переезд из Малороссии в столицу. При жизни Пушкина Гоголь был одним человеком, после его смерти сделался другим»[9].

Имея в виду эти слова Кулиша, С. С. Дудышкин в рецензии на «Опыт...» Кулиша замечал: «Вот образчик тех быстрых и ничем недоказанных заключений, которые г. Николай М. <П. А. Кулиш> беспрестанно делает в своем "Опыте..."»[10] Позднее Дудышкин добавлял: «Не потому, что умер Пушкин и Гоголю не с кем было советоваться, как говорит г. Николай М. <псевдоним П. А. Кулиша>, сожжен второй том "Мертвых Душ" самим автором, а потому, что новая мысль у Гоголя не выработалась, а пользе прежней своей деятельности он перестал верить[11]. В этом случае и Пушкин, сколько мы знаем его образ воззрения на искусство в последнее время, не подал бы никакого совета Гоголю. <...> Пушкин мог делать замечания на произведения Гоголя, Гоголь исправлял их, положим, по замечаниям Пушкина — и произведения от этого выходили совершеннее. Но допустить, что без этих замечаний Гоголь ничего не мог создать... воля ваша, мы в Гоголе видим гораздо больше самостоятельности, нежели биограф. <...> Горе о смерти Пушкина не могло действовать так разрушительно на литературную деятельность Гоголя <...>, потому что в 1841 году он уж явился в России с готовою рукописью первого тома "Мертвых Душ"...»[12]

В том же 1854 г. С. Т. Аксаков в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» писал: «В 1837 году погиб Пушкин. Из писем самого Гоголя[13] известно, каким громовым ударом была для него эта потеря. Гоголь сделался болен и духом, и телом. Я прибавлю, что, по моему мнению, он уже никогда не выздоравливал совершенно и что смерть Пушкина была единственною причиною всех болезненных явлений его духа, вследствие которых он задавал себе неразрешимые вопросы, на которые великий талант его, изнеможенный борьбою с направлением отшельника, не мог дать сколько-нибудь удовлетворительных ответов»[14].

В 1856 г. в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» Кулиш, имея в виду эти слова Аксакова (и как бы отвечая Дудышкину), замечал: «Когда были уже напечатаны (в "Опыте Биографии Гоголя") эти строки <о перемене, случившейся с Гоголем после смерти Пушкина; см. выше>, С. Т. Аксаков позволил мне прочесть "Историю его знакомства с Гоголем", написанную для хранения в рукописи, и я, с удивлением, нашел в ней о смерти Пушкина следующие строки: "Из писем самого Гоголя известно, каким громовым ударом была для него эта потеря. <Следует продолжение цитаты из «Истории нашего знакомства с Гоголем» Аксакова>"»[15].

Из «Воспоминаний о Гоголе» П. В. Анненкова (1857): «Известие о смерти Пушкина в 1837 г. потрясло Гоголя до глубины души, оставило навсегда незаместимую пустоту в его жизни, но нравственных оснований его нисколько не изменило, по крайней мере — письма его, после жарких выражений тоски и боли по невозвратимой общественной и еще более личной для Гоголя утрате, — принимают снова характер тихого, спокойного созерцания людей, говорят о заботах, вызываемых плохим состоянием его здоровья, ясно дают подразумевать ровный, размеренный и спокойный труд — и во многих местах носят свидетельство, что Гоголь еще наслаждался природой и искусством просто, непосредственно, как человек, продолжающий свободно воспитывать мысль»[16].

[1] См. ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург*** (примечания).

[2] Возможно, сообщая о смерти А. С. Пушкина, А. Н. Карамзин отчасти пересказал письма матери Е. А. Карамзиной и сестры С. Н. Карамзиной от 30 января / 11 февраля 1837 г. — из которых сам узнал о кончине поэта (см. ***1837. Февраля 24 <12>. Пятница. Париж***).

[3] Гоголь в письмах Анд. Н. Карамзина к Е. А. Карамзиной // *Свод.* Т. 2. С. 30.

[4] Воспоминания А. С. Данилевского в статье В. И. Шенрока «Родители Гоголя» // *Свод.* Т. 1. С. 495.

[5] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 517.

[6] *Ободовский К. П.* Рассказы о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 121.

[7] Василий Степанович Межевич (1813 – 7 сентября 1849), писатель, критик, журналист. См., в частности: О народности в жизни и в поэзии. Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского Дворянского института 1835 года, Декабря 22-го дня, Старшим Учителем *Василием Межевичем.* М.: В Университетской Типографии, 1835 (цензурное разрешение 10 дек.). 59 с.

[8] *Межевич В. С.* Литературное обозрение // *Свод.* Т. 2. С. 146.

[9] *Кулиш 1854 (2).* С. 48.

[10] Отечественные Записки. 1854. № 5. Отд. 4. С. 57.

[11] См. также ***1852. Февраля 21. Четверг второй недели Великого Поста. 7 часов 45 минут. Москва*** (примечания).

[12] *Дудышкин С. С.* Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение Николая М. Санктпетербург. 1854 // Отечественные Записки. 1854. № 11 (цензурное разрешение 1 ноября). Отд. 3. С. 18, 32.

[13] См. ***1837. Марта 28 <16>. Вторник. Рим***; ***1837. Марта 30 <18>. Четверг. Рим***; ***1837. Апреля 18 <6>. Вторник. Рим***; ***1837. Сентября 19 <7>. Вторник. Женева.***

[14] *Аксаков С. Т.* Из истории Нашего Знакомства с Гоголем <1832–1840 гг.>. <Выписки рукою П. А. Кулиша>. <Конец ноября – начало декабря 1854 г.> // *Свод.* Т. 2. С. 656. См. также: Фрагменты из воспоминаний С. Т. Аксакова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 660; *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 669–670; ***1838. Июля 12 <24>. Вторник. Москва.***

[15] *Кулиш 1856.* Т. 1. С. 194. – См. также ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[16] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 439.

МАРТА ОКОЛО 6 <ФЕВРАЛЯ ОКОЛО 22>. ПАРИЖ

Гоголь выехал из Парижа в Рим[1], доворившись с А. С. Данилевским встретиться с ним через неделю в Риме и отправиться далее в Неаполь[2].

Поздне, 30 марта (н. ст.) 1837 г., Гоголь сообщал Н. Я. Прокоповичу из Рима: «Данилевский обещался неделею после меня быть в Рим, но до сих пор его не вижу».

15 апреля (н. ст.) 1837 г. Гоголь писал самому Данилевскому: «И что тебе пришла за блажь ехать в Швейцарию, я ожидал тебя со дня на день, верил в непреложность твоего обещания и думал, что вот-вот дверь отворится, и ты войдешь в мою комнату, – и вдруг письмо из Женевы. <...> Ты или нарочно меня водишь за нос. Прошлый год, давши слово приехать ко мне в Швейцарию, дернул в Париж[3]. Теперь, обещавшись наверно приехать в Италию, дернул в Швейцарию. У тебя уж, видно, такой бес сидит внутри, который ворочает тобою наперекор».

[1] См. ***1837. Марта 26 <14>. Воскресенье. Католический праздник Пасхи. Утро. Рим.***

[2] См. ***1837. Апреля 15 <3>. Суббота. Рим.***

[3] См. ***1836. Июля 2 <июня 20>. Суббота. Мюнстер, Дюссельдорф, Ахен*** (примечания).

ФЕВРАЛЯ 23 <МАРТА 7>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ФЕВРАЛЯ 25 <МАРТА 9>. ЧЕТВЕРГ. УТРО. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Большом театре; в роли Городничего — М. С. Щепкин.

Гриц. С. 232; *Ельницкая 1978.* С. 305.

МАРТА СРЕДИНА <МАРТА НАЧАЛО>. БРА

Проезжая, предположительно, г. Бра (по пути из Турина в Геную), Гоголь знакомится с местным обычаем почитания Пресвятой Богородицы как «Богоматери цветов» — Madonna degli Fiori, или dei Fiori (Мадонна дей Фьори; *ит.*).

16/28 марта 1837 г. Гоголь, уже прибыв в Рим, сообщал матери, что ехал туда почти три недели, «с задержками и остановками», через Геную[1], Ливорно[2] и Флоренцию[3].

В 1838–1839 гг. название «Madonna degli fiori» Гоголь дал своему незавершенному роману об Италии[4], «отрывок» из которого был опубликован им позднее под названием «Рим» (1842).

Madonna degli Fiori — одно из имен, под которым Католическая церковь почитает Пресвятую Богородицу в одноименном храме в городе Бра (Bra), на севере Италии (между Турином и Генуей). Предание, объясняющее происхождение этого имени, сообщает о том, как 29 декабря 1336 г. молодая женщина Эдждия Матис (Egidia Mathis) совершала обычное для будущих матерей паломничество к чтимому изображению Божией Матери, находившемуся на столпе неподалеку от города Бра. Во время молитвы на нее напали два наемника. Эдждия бросилась к столпу, упав на колени с мольбой о помощи; внезапно оттуда изошло свечение, ослепившее «солдат удачи», которые бежали. Божия Матерь явилась Эдждии, которая в то время родила ребенка, утешила ее и исчезла, а находившиеся вокруг деревья дикой сливы (Prunus spinosa), несмотря на зиму, немедленно зацвели. Чудесное — в конце декабря — внесезонное цветение деревьев продолжается с тех пор в этом месте до настоящего времени. В 1626 г. здесь был построен храм в стиле барокко, сменивший часовню, поставленную в память о чуде. Мадонна Цветов считается покровительницей города Бра, в ее честь 8 сентября здесь ежегодно совершаются процессии[5].

Трудно сказать, какое отношение к замыслу гоголевского романа имело его первоначальное название, но проездом в Турине и, видимо, в Бра Гоголь, как можно полагать, бывал не раз — и впервые, вероятно, при *самом первом* въезде в Италию в средине марта (н. ст.) 1837 г., по дороге из Парижа в Геную (и далее — во Флоренцию и Рим). Возможно, первоначальные впечатления Гоголя от Италии, от первого ее чуда, встреченного в Бра, и стали причиной выбора названия для романа «Madonna degli Fiori». Слова «чудо», «чудный» — едва ли не самые частые в «Риме». Отношение к Риму как к «чуду» отражается и в гоголевских письмах. Одно из римских «чудес» и представляет собой, согласно содержанию повести, украшенная *цветами* красавица Аннунциата, даже имя которой напоминает о чуде, оно означает в переводе «благовещение» (лат. Annuntiatio; ит. Annunciazione). Ср. описание Аннунциаты: «При повороте на Корсо встретил он телегу, полную мужчин в куртках и сияющих женщин *с цветочными венками* на головах (курсив наш. — *И. В.*) <...> Сердце его захолонуло, когда он увидел, что среди женщин сидела в ней поразившая его красавица». В целом это смешение духовного и эстетического (присущее в целом западной католической традиции) отвечает отношению Гоголя (на самых первых порах его пребывания в Италии) к своей жизни в Риме как «художническо-монастырской». 15 апреля (н. ст.) 1837 г. Гоголь писал А. С. Данилевскому: «Тебе нужно было, непременно нужно испытать художническо-монастырскую жизнь в Италии, покушать мрамора и гипса, которого здесь вдоволь, упиться звездами ночи, которые блещут здесь необыкновенным блеском, наглядеться на монахов и аббатов, которыми, как маком, усеяны улицы». Дальнейшее преодоление Гоголем римского «эстетизма» при создании повести «Рим»[6], вероятно, и привело к отказу от первоначального названия.

[1] См. ***1837. Марта 28 <16>. Вторник. Рим.***

[2] См. ***1837. Марта около 20–24 <марта около 8–12>. Ливорно.***

[3] См. ***1837. Марта около 21–25 <марта около 9–13>. Флоренция.***

[4] См. ***1839. Марта 10 <февраля 26>. Воскресенье. Рим.***

[5] См.: *Massimo Centini.* Le apparizioni della Madonna <Явления Мадонны; *ит.*>. Lourdes, Fatima, Medjugorje. De Vecchi Editore, 1998.

[6] См. ***1838. Апреля конец <апреля средина>. Рим*** (примечания); ***1839. Мая 30 <18>. Четверг. Рим***; ***1841. Июня 14 <2> (понедельник) или 26 <14> (суббота). Рим, Альбано***; *Виноградов 2000.* С. 200–202. – См. также ***1836. Августа 23 <11>. Вторник. Женева*** (примечания).

МАРТА ОКОЛО 20–24 <МАРТА ОКОЛО 8–12>. ЛИВОРНО

Гоголь пишет письмо И. П. Симоновскому в Париж (не сохранилось).

Позднее, 15 апреля (н. ст.) 1837 г., Гоголь писал А. С. Данилевскому из Рима: «Напиши адрес Симоновского, если узнаешь. Я к нему писал из Ливорно в Париж. Не знаю, получил ли он его или нет».

МАРТА ОКОЛО 21–25 <МАРТА ОКОЛО 9–13>. ФЛОРЕНЦИЯ

Гоголь во Флоренции[1] (проездом из Ливорно в Рим).

Отмечено, что впечатления от Флоренции, возможно, нашли отражение в мечтах Манилова во второй главе первого тома «Мертвых душ» о том, чтобы «чрез пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян».

«Никто не может поставить под сомнение, что “Мертвые души” — одно из самых русских по духу творений... <...> Но и в “Мертвых душах” при внимательном рассмотрении легко обнаружить итальянские реалии... <...> ...Это каменный мост, о котором мечтал праздномыслящий Манилов <...>, – мост, в котором без труда можно узнать знаменитый флорентийский Понте Веккьо с бойкой торговлей всякой всячиной в расположенных на нем боттегах»[2].

Сам Гоголь в письме к М. П. Погодину от 10 сентября (н. ст.) 1840 г. упоминает о другом «каменном мосте» (тоже «с лавками», или магазинами) – главной достопримечательности Венеции мосте Риальто: «...Вам кланяется <...> Венеция с <...> долговечным Риальтом...»[3]

[1] См. ***1837. Марта 28 <16>. Вторник. Рим.***

[2] *Бочаров И. Н., Глушакова Ю. П.* Итальянская пушкиниана. М., 1991. С. 251.

[3] См. ***1840. Сентября 10 <августа 29>. Четверг. Венеция.***

МАРТА 26 <14>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. КАТОЛИЧЕСКИЙ ПРАЗДНИК ПАСХИ. УТРО. РИМ

Гоголь впервые прибыл в Рим (возможно, вместе с архитектором Д. Е. Ефимовым[1]). Присутствует на праздничной мессе в соборе Святого Петра, которую совершает папа Григорий XVI[2].

16/28 марта 1837 г. Гоголь писал матери из Рима: «Два дни как я здесь. Переезд мой в Италию или, лучше, в самый Рим затянулся почти на три недели. Ехал я морем и землею с задержками и остановками, но, несмотря на всё это, поспел как раз к празднику. Обедню прослушал в церкве Святого Петра, которую отправлял сам папа. Он 60 лет и внесен был на великолепных носилках с балдахином. Несколько раз носильщики должны были останавливаться посреди церкви, потому что папа чувствовал головокружение. Церковь же Петра так огромна, что будет в длину около полверсты. Съезд в Риме был огромный. Народу несколько тысяч стояло в церкве, но она, при всем том, всё еще казалась пуста».

По-видимому, Гоголь приехал в Рим рано утром в самый день праздника, т. е. 14/26 марта («поспел как раз к празднику»). По обычному тогдашнему расписанию дилижанс с путешественниками прибывал в Рим засветло. Об этом, в частности, сообщает М. П. Погодин в своих путевых записках 1839 г.: «*8 марта <н. ст.>*

1839. Дилижанс едет. Рассветает. <...> Прекрасное утро! Я упросил кондуктора взять меня к себе, на перед, чтоб смотреть удобнее вокруг, и поймать первую точку вечного города, как она мелькнет на горизонте»[3].

15 апреля (н. ст.) 1837 г. Гоголь сообщал также А. С. Данилевскому в Париж: «Я приехал в Рим как раз накануне Светлого праздника, и первое, что увидел, это был папа. Таким образом, я выполнил старое правило. Обедню отслушал в беспредельном Петре, который всё казался пуст, как ни много в нем было народу».

Сообщение В. И. Шенрока в 1895 г. (якобы со слов А. С. Данилевского в 1887 г.), о том, что «Гоголь приехал в Рим со своим знакомым Золотаревым 14 марта 1837 года»[4], ошибочно[5]. Очевидно, Шенрок следовал здесь не словам Данилевского, но ошибочному свидетельству К. П. Ободовского (опубликованному в 1893 г.), что «И. Ф. Золотарев жил с Гоголем в 1837 и 1838 гг. в Риме»[6]. На самом деле Золотарев впервые прибыл в Рим в 1838 г.[7]

[1] См. ***1837. Марта 26 <14> — июня вторая половина, не позднее 25 <июня первая половина, не позднее 13>. Рим*** (свидетельство князя Н. В. Репнина-Волконского).

[2] Григорий XVI (Бартоломео Копеллари, 1765–1846), римский папа с 1831 г.

[3] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод*. Т. 2. С. 429. См. также: Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф*. // *Свод*. Т. 2. С. 424.

[4] *Шенрок*. Т. 3. С. 178.

[5] См. ***1838. Апреля 12 <марта 31>. Великий Четверг. Рим.***

[6] См. ***1838. Апреля около 8. Рим***. — О знакомстве Шенрока с публикацией Ободовского см., в частности, ***1836. Июля 1 <июня 19>. Гамбург*** (примечание).

[7] См. примеч. выше.

МАРТА МЕЖДУ 26 И 28 <МЕЖДУ 14 И 16>. РИМ

Гоголь снял квартиру на Via di Isidore, № 17.

В 2001 г. В. Н. Гасперович указывала: «Из писем к матери[1], Н. Я. Прокоповичу[2] и М. П. Погодину[3] <...> выясняется, что писатель остановился на виа Сант-Изидоро, № 17, в доме Джованни Массуччи <...>. Как следует из приходской книги[4], в то время там жила только его вдова, 34-летняя римлянка Тереза Сальпини с детьми Николо 5-ти лет и Джузеппе 2-х лет. Ей помогала по хозяйству сестра Аннунциата 21-го года. Хозяйка сдавала внаем комнаты и располагавшуюся рядом мастерскую (№ 16), что позволяло ей прокормить собственную семью.

Кстати, этот адрес был тогда знаком многим русским путешественникам, — ведь здесь, приехав в Рим, долго жили Орест Кипренский[5] и скульптор Самуил Гальберг»[6].

Гасперович В. Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод*. Т. 3. С. 128.

[1] «Мой адрес: Roma, Via di Isidoro, Casa Ciovanni Massuci, № 17 (vicino alla piazza Barberini» (письмо Гоголя к матери от 28 марта (н. ст.) 1837 г.; см. ***1837. Марта 28 <16>. Вторник. Рим***).

[2] «Мой адрес: Roma, via di Isidoro, casa Giovanni Massuci, 17 (vicino alla piazza Barbierini)» (письмо Гоголя к Н. Я. Прокоповичу от 30 марта (н. ст.) 1837 г.).

[3] «Мой адрес. Via di Isidoro, 17, casa Giovanni Massuci» (письмо Гоголя к М. П. Погодину от 30 марта (н. ст.) 1837 г.).

[4] Имеется в виду одна из «церковных приходских книг (Stato delle Anime), содержащих записи о ежегодной переписи населения, проводимой приходскими священниками перед Пасхой». Дом, в котором остановился Гоголь, принадлежал к «приходу церкви Св. Викентия и Анастасия (SS. Vicenzo e Anastasio) у фонтана Треви, в районе, считавшемся в XIX веке центром культурной жизни Вечного Города» (*Гасперович В*. Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод*. Т. 3. С. 128).

[5] «...1820 г. — дом № 19; 1821 г. — дом № 18; 1827 г. — дом № 20; 1829 г. — дом № 17» (*Гасперович В*. Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод*. Т. 3. С. 128). О проживании художника Ореста Адамовича Кипренского (1783 — 5 октября 1836) по указанному адресу Гоголю было известно (см. ***1838. Апреля 19 <7>. Четверг Светлой седмицы. Рим***).

[6] «...1822 г. Он жил в доме № 17 на 2-ом этаже» (*Гасперович В.* Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 128). Скульптор Самуил Иванович Гальберг (1787–1839) был пенсионером петербургской Академии художеств в Риме в 1818–1828 гг.; по возвращении в Россию женился на дочери своего старшего товарища скульптора В. И. Демут-Малиновского. Гоголь по возвращении 30 октября 1832 г. из Васильевки в Петербург спустя некоторое время поселился в Новом переулке 2-й Адмиралтейской части, в доме В. И. Демут-Малиновского. Дочь Демут-Малиновского Мария Васильевна училась в Патриотическом институте во время преподавания здесь Гоголя; окончила институт в январе 1832 г. (см. ***1832. Октября 30. Воскресенье. Санкт-Петербург***).

МАРТА 26 <14> – ИЮНЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА, НЕ ПОЗДНЕЕ 25 <ИЮНЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА, НЕ ПОЗДНЕЕ 13>. РИМ

Гоголь в Риме в обществе Балабиных, Репниных-Волконских, дипломата П. И. Кривцова[1], княгини З. А. Волконской, Анд. Н. Карамзина. Знакомится с русскими художниками в Риме, в том числе, вероятно, с А. А. Ивановым[2].

Позднее, 19 ноября (н. ст.) 1838 г., отвечая на петербургское письмо М. П. Балабиной, Гоголь писал ей из Рима: «Вы мне живо напомнили <...> мои первые впечатления и ваши первые впечатления <...> во время первых дней наших в Риме, когда с Нибием в руках и проч. и проч... То время уже далеко, уже другие впечатления объемлют мою душу, уже весьма часто прохожу я мимо [не останавливаясь] тех памятников и седых, дряхлых чудес, перед которыми зевал по несколько безмолвных часов. Уже не с готовым удивлением новичка и чужестранца ищу их... Но до сих пор, как прекрасное сновидение, посещает меня иногда воспоминание обо всем этом и я тогда жажду повторить этот сон: спешу увидеть вновь, что видел прежде, и на минуту становлюсь опять новичком».

Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной-Волконской в пересказе А. В. Марковича (1856–1859): «В Риме К<няжна> боле с ним познакомилась, замечала остроумье его, видела ум»[3].

В 1880 г. Репнина-Волконская вспоминала о лицах, посещавших ее семейство во время пребывания в Риме: «Павел Кривцов <...> был умным и добрым, славным человеком в полном значении слова. <...>

– Андрей Карамзин, старший сын историографа, очаровательный молодой человек, часто бывал у нас. <...> Отчего мы не поддерживали отношений с Андреем Карамзиным после столь частых встреч в Италии? Его ли в том вина или наша?

– Гоголь, <...> с которым мы были близко знакомы.

– Ефимов[4], славный и своеобразный человек, архитектор.

– Господин Карл Мейер, антиквар, постоянный посетитель Бонсена. Он влюблялся в каждую из нас по очереди. Я была последним номером, и он сказал мне во время верховой прогулки, что менять предмет любви не означает непостоянство, а, напротив, – постоянство в одном и том же чувстве. Он мне рассказал, что если надеть на себя какую-то вещь, принадлежащую даже безразличной нам особе, то воспылаешь к ней любовью; что однажды он ехал в коляске с двумя дамами и вдруг начался довольно сильный дождь, а поскольку он, Мейер, был одет весьма легко, то одна из дам, несимпатичная ему, дала ему свой плед, чтобы накрыться, и что он в течение шести недель был влюблен в нее, делая все возможное, чтобы избавиться от этой докучной любви. И вот, во время нашей прогулки, поднимаясь на холм (думаю, что это Авентинский холм, куда в один прекрасный день удалился римский народ, а для чего – я, по правде сказать, забыла), так вот, поднимаясь на этот исторический холм, я принялась кашлять, и господин Мейер пожелал снять фуляр со своей шеи и надеть на мою! Из боязни подхватить заразу любви я упорно отказывалась. Он был большой оригинал, он прислал мне книгу своего сочинения "Эдвард в Риме", в которой, якобы, описал меня, но у меня не хватило терпения ее прочитать, потому что в ней было столько археологических подробностей и немецкой философии, что мне было тошно!

— Аббат Феррари, несчастный от того, что он аббат. Он давал мне уроки итальянского языка. Он был завсегдатаем у Раевских[5] и в большой дружбе с их врачом — доктором Циммерманом. Этот доктор был умный человек, но чудак. Я с ним ладила. В Неаполе он женился на немецкой баронессе.

— Елена и Софья Раевские <...>, мои милые подруги. Мы часто бывали друг у друга и в Риме, и во Фраскати, и в Кастелламаре. Они были очаровательны и острого ума, я их очень любила.

— Корроди (Соломон)[6], художник-пейзажист большого таланта, я была очень к нему расположена.

— Каневский[7], художник, бездельник.

— Пинелли, сын знаменитого Пинелли[8]. Он давал Глафире[9] уроки лепки. Это было прелестное дитя природы. Он и Корроди проводили лето на вилле Фальконьери, приглашенные твоим дедом[10]. Там жили и мы, а также графиня Мария Воронцова[11], мамина подруга, при которой были дочь Анны Станкер[12] Мари Баррон и англичанка мисс Симеон — все по-своему очаровательные. Какое-то время на вилле Фальконьери жил и мой дядя Никита Волконский[13], папин брат.

— Графиня Мария Воронцова заслуживает отдельного упоминания. Необычайно умная, приветливая, пылкая, по-прежнему горячо привязанная к мама́, полная доброты ко мне и Глафире. Мари Баррон — красивая девушка, острого ума, очень своеобразная. Мисс Симеон — прелестное создание. Графиня Воронцова и Мари уехали в Марсель[14], чтобы повидаться с графиней Виельгорской[15], старший сын которой, Иосиф, <...> умер в Риме[16].

Мисс Симеон осталась с нами, и нет шалости, которую они с Глафирой не проделывали. Она занимала комнату рядом с нашей и дурачилась вместе с Глафирой. В дневнике, который Глафира вела в то время и который ты унаследуешь[17], ты найдешь рисунки, на которых Глафира изобразила мадемуазель Симеон во время ее пребывания у нас.

— Доктор Каччи — славный, остроумный и своеобразный человек. Благодаря ему, Корроди и Пинелли мы провели приятное лето на вилле Фальконьери»[18].

В 1894–1895 гг. В. И. Шенрок, со слов Репниной-Волконской (ум. в 1891), писал: «После этого[19], — рассказывала нам княжна В. Н. Репнина, — из Баден-Бадена поехали мы в Марсель и потом на барке в Италию. Мы ехали таким образом. По дороге в Марсель, в маленьком городке на Роне, в Pont Saint Esprit мы должны были ночевать, потому что мать занемогла. Потом мы продолжали прерванный путь с матерью и сестрой (Елизаветой Николаевной Репниной, вскоре после этого[20] вышедшей замуж за начальника русских художников в Риме, Павла Ивановича Кривцова), а Марья Петровна Балабина отправилась с своей матерью до Авиньона. Потом мы поехали вместе в Лион экипажем, а из Лиона в Марсель. В Марселе сели на пароход, где нам сопутствовали три брата лордов Харвей, из которых один влюбился в Марью Петровну и сделал ей предложение, но получил отказ. В намерении посвататься он решился сопровождать Балабиных в Италию и поехал вместе с Варварой Осиповной, Марьей Петровной и с Глафирой Ивановной Дуниной-Борковской[21] в Ливорно. Это был первый город в Италии, в котором мы остановились. Мы должны были долго пробыть там, потому что наш корабль был в соприкосновении с Смирной, где свирепствовала тогда чума, и нас не пускали дальше, а сначала даже и в Ливорно. Мы должны были остаться в карантине и здесь получили печальное известие о смерти моей сестры, Кушелевой-Безбородко. Потом мы поехали в Пизу. Так как Пиза чрезвычайно скучный город, то Варвара Осиповна вскоре переехала во Флоренцию. В Пизе-то Артур Харвей и сделал предложение Марье Петровне. Она сначала даже дала было согласие, но отец ее, Петр Иванович, был в страшном негодовании, и дело расстроилось. Из Флоренции мы поехали в Рим. Сюда приехал потом и мой отец. Здесь мы опять встретились с Гоголем. У отца была сильная подагра. Он часто разговаривал с Гоголем, но они не сходились и почти всегда спорили. Отцу сильно не нравился сатирический склад ума Гоголя, и он был притом недоволен его произведениями, особенно "Миргородом"[22]. Напротив, Варвара Осиповна очень любила Гоголя, как и вообще всегда ценила общество умных и образованных людей. Нас нередко навещал аббат Lanci[23], имя которого не раз встречается в переписке Гоголя. Помню, как однажды вечером Гоголь у нас, не переставая, говорил по-русски (он был тогда, что называется, в ударе), так что аббат, не понимая нашего языка, не мог во весь вечер проронить ни слова. На этот

раз, — но это случилось только однажды, — и Варвара Осиповна осталась недовольна Гоголем и бранила его за недогадливость и неучтивость. <...>

...Археолог Мейер <...> был очень предан семейству Балабиных и особенно любил Марью Петровну, а также и был расположен ко всем Волконским. У него была оригинальная странность: он часто влюблялся во многих близко знакомых ему особ и горячо уверял и доказывал, что в этом нисколько не обнаруживается его непостоянство, но, наоборот, это именно послужит доказательством постоянства самого чувства, которое не изменяется, но только избирает себе разные предметы обожания. Однажды он написал даже роман под заглавием: "Eduard in Rom", где в одном из действующих лиц, по его собственному признанию, была изображена княжна В. Н. Репнина. Ей он посвятил книгу и, вручая экземпляр, торжественно просил прочитать; но, по воспоминаниям княжны, роман был так длинен и тяжел и наполнен множеством таких скучных и безжизненных археологических подробностей, что она не могла приневолить себя прочитать эту книгу, которая так и осталась неразрезанной до более благоприятного времени, никогда, впрочем, не наступившего. Над страстью этого Мейера к женскому полу подсмеивались все в доме Балабиных, и Гоголь также расточал относительно его чрезвычайно удачные и меткие насмешки»[24].

В 1902–1903 гг. князь Н. В. Репнин-Волконский[25] сообщал А. И. Маркевичу: «Знакомство с Гоголем всей нашей семьи <...> началось еще с конца тридцатых годов в Риме[26], где в то время жил мой дед кн<язь> Николай Григорьевич <Репнин-Волконский> с моей бабушкой и тетками: Ольгой, Варварой Николаевной и Елизаветой Николаевной Кривцовой и с мужем последней П. Н. Кривцовым. Вместе с ними жила молоденькая девица Глафира Ивановна Псиол, впоследствии Дунин-Барковская. Вместе с дедом и бабушкой жили мой отец и мать с малолетними детьми: мною и братом моим Петром. Кроме того одновременно с нами жила в Риме и бабушка моя с материнской стороны Варвара Ивановна Балабина с дочерью Марией Петровной, совсем юною. В то время приехал в Рим Н. В. Гоголь с архитектором Дм. Ив. <Дмитрием Егоровичем> Ефимовым, академиком, который был известен в Петербурге под именем Хаджи-Ефимов, после его путешествия на Восток. Ефимов был хорошо знаком с Балабиными, и Гоголь в Риме стал давать уроки моей тетке Марии Петровне[27]; с того времени и начались приятельские отношения с ним нашего семейства. Тогда мне было только 3 ½ года, и потому я не помню Гоголя в это время»[28].

[1] Павел Иванович Кривцов (1806–1844). Возможно, в то время Гоголь подарил Крицову экземпляр первого издания «Ревизора» (СПб., 1836) , с надписью: «Павлу Ивановичу Кривцову в знак истинного уважения от Автора».

[2] См. ***1837. Апреля 18 <6>. Вторник. Рим*** (примечания).

[3] Записка, составленная А<фанасием> В<асильевичем> М<аркович>ем из письма к нему Кн<яжны> В. Н. Р<епни>ной о Гоголе. <Письмо к П. А. Кулишу от 31 декабря 1856–1859 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 96.

[4] Дмитрий Егорович Ефимов (1811–1864) в 1834 г. был отправлен за границу; кроме Италии, был в Константинополе, Египте, Палестине, Сирии; в 1839 г. вернулся в Петербург, где ему было присвоено звание академика. Об общении Гоголя с архитектором Ефимовым в 1837 г. в Риме см.: ***1837. Май <апреля вторая половина – мая первая половина>. Рим.***

[5] Софья Алексеевна Раевская (рожд. Константинова, 1769 – 16 декабря 1844, Рим), внучка М. В. Ломоносова, вдова генерала Н. Н. Раевского; с весны 1835 г. вместе дочерьми Еленой (1803–1852) и Софьей (1806–1883) жила в Италии. Е. Н. Раевская скончалась в Риме 10 сентября 1852 г., перед смертью перейдя в католичество.

[6] Соломон Корроди (1810–1892), итальянский пейзажист.

[7] Ксаверий Ксаверьевич Каневский (1804–1867), художник, католик. Осенью 1836 г. выставил в Риме картину «Царствующий папа совершает Св. Тайны в Св. Петре». В том же году написал портрет М. П. Балабиной. В 1900 г. этот портрет видел в Риме у М. П. Вагнер (рожд. Балабиной) корреспондент «Московских Ведомостей»: «Несмотря на свои восемьдесят лет, М. П. Вагнер сохранила всю ясность своего ума... <...> Марья Петровна показала мне <...> письма Гоголя к ней, его рисунки пером малороссийской хаты и балкон дачи Mon Calm, около Стрельны, принадлежавшей семейству Балабиных и приобретенной впоследствии Императором Николаем Павловичем для своего сына Михаила Николаевича <1832–1909>. Все эти живые воспоминания, вид пожелтевших листков бумаги с убористым почерком, на которых Гоголь изливал свои восторги Римом, свои первые впечатления, пережитые вместе со своею ученицей; портрет Марьи Петровны того времени, прелестной шестнадцатилетней девушки, сделанный художником Каневским, о котором уже упоминал Гоголь в

своих письмах <см. ***1837 ноября не позднее 30 <не позднее 18> – 1838 июля начало <июня вторая половина>. Рим*** – примечания>, <...> – все это ярко воскресило предо мной образ нашего писателя...» (*Aventino.* По следам Гоголя в Риме // *Свод.* Т. 3. С. 123).

«Большая часть писем <Гоголя>, адресованных М. П. Балабиной, опубликована. Их передала на родину дочь Марии Петровны Паола Вагнер (1856–1935). Однако некоторые письма остались в семейном архиве Вагнеров, они никогда не публиковались, и их судьба неизвестна. Наши попытки разыскать этот архив оказались безуспешными. Паола Вагнер, оставшаяся незамужней, умерла в глубокой бедности (она похоронена на римском кладбище Тестаччо рядом с матерью) в доме призрения и, видимо, не сохранила ни фамильных бумаг, ни портретов матери. И мы до сих пор так и не знаем, как выглядела юная приятельница Гоголя, хотя ее, как известно, писали отечественные художники...» (*Бочаров И., Глушакова Ю.* Там, где родился образ птицы-тройки // Встречи с прошлым. Научно-популярные очерки. М., 1987. С. 89; см. также: *Бочаров И. Н., Глушакова Ю. П.* Итальянская пушкиниана. М., 1991. С. 258–259).

[8] Бартоломео Пинелли (1781–1835), итальянский рисовальщик, гравер и скульптор.

[9] Глафира Ивановна Дунина-Борковская.

[10] П. И. Кривцов. Воспоминания, озаглавленные княжной В. Н. Репниной-Волконской «Мои воспоминания, посвященные Лили Орловой. 1880 год», адресованы внучке П. И. Кривцова и Е. Н. Кривцовой (рожд. княжны Репниной-Волконской), Елизавете (Лили) Николаевне Орловой (1861–1940), внучатой племяннице княжны.

[11] Графиня Мария Артемьевна Воронцова (около 1775 – 1866). См. также ***1839. Июня 2 <мая 21>. Воскресенье. Рим.***

[12] Анна Антоновна Станкер, воспитанница графини М. А. Воронцовой.

[13] Муж З. А. Волконской.

[14] См. ***1839. Июня после 5 – июля начало <мая после 24 – июня конец>. Рим, Чивитавеккья, Марсель.***

[15] Графиня Луиза Карловна Виельгорская (рожд. курляндская принцесса Бирон; 1791–1853).

[16] См. ***1839. Июня 2 <мая 21>. Воскресенье. Рим.***

[17] См. примеч. выше.

[18] Воспоминания княжны Варвары Николаевны Репниной (1808–1839) / Пер. и публ. Е. Л. Яценко // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2007. <Т. 16>. С. 381–384.

[19] «Приводимые подробности имеют значение, между прочим, потому, что представляют нам вторую встречу Гоголя с Репниными и Балабиными в Риме делом несомненной случайности» (примеч. В. И. Шенрока).

[20] 12 ноября 1837 г. (см. ***1837 ноября не позднее 30 <не позднее 18> – 1838 июля начало <июня вторая половина>. Рим***).

[21] «Глафира Ивановна Дунина-Борковская была неизменной подругой княжны В. Н. Репниной, имевшей несчастие пережить ее. О ней есть воспоминание в "Русском Архиве"» (примеч. В. И. Шенрока).

[22] «Хотя таким образом несогласие во взглядах несомненно отдаляло старика Репнина от Гоголя, но это не мешало собеседникам ценить друг в друге ум и отнюдь не нарушало их дружеских отношений» (примеч. В. И. Шенрока).

[23] Микеланджело Ланчи (Lanci, 1779–1867), римский аббат, археолог, профессор восточных языков.

[24] Воспоминания княжны В. Н. Репниной-Волконской в записи В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 3. С. 107, 108–109.

[25] Князь Николай Васильевич Репнин-Волконский (1834–1918), сын князя и княгини В. Н. и Е. П. Репниных-Волконских, корнет, полковой адъютант, впоследствии киевский губернский предводитель дворянства, член Государственного совета.

В 1890 г. этнограф и критик В. П. Горленко сообщил редактору журнала «Киевская Старина» Е. А. Кивлицкому о двух неизвестных гоголевских лекциях по всемирной истории, хранившихся в архиве князя Н. В. Репнина-Волконского. «Рукопись эта, – писал Горленко, – была у меня в руках. Она принадлежит князю Репнину и взята была мной из его архива <...> По сходству почерка и отчасти по слогу я сразу сделал предположение о принадлежности этих рукописей Гоголю. Но Н. В. Стороженко, с свойственным ему холодным взглядом... стал оспаривать мое мненье, доказывая, что почерк похож на Дунин-Борковской, жившей у Репниных. Несколько времени я держал рукописи у себя, желая показать их <С. И.> Пономареву как эксперту по гоголевскому почерку (очень менявшемуся в разные периоды), но, не дождавшись его, я поддался сомненью и сам и, не застав кн<язя> Репнина в Киеве, отдал рукописи (две тетради) Н. Стороженку для возвращения их, вместе с другими бумагами, Репнину. Бывши в последний раз в Киеве, я купил новое, замечательное тихонравовское издание Гоголя... и, к удивлению своему, в томе пятом, на стр. 539, нашел маленький отрывок "Введение в древнюю историю", представляющий, как мне кажется (репнинской рукописи у меня нет, и я сужу по памяти) буквально начало (первые одна или две страницы) рукописи Гоголя, бывшей у меня...» (*Айзеншток И. Я.* Н. В. Гоголь и Петербургский университет // Вестник Ленинградского государственного ун-та. Серия общественных наук. 1952. № 3. С. 36; *Свод.* Т. 3. С. 787–788). В. П. Горленко имеет в виду отрывок Гоголя 1834 г. «Введение», опу-

бликованный в 1887 г. одной из учениц Гоголя, Е. Умецкой, и перепечатанный в 1889 г. Н. С. Тихонравовым в пятом томе 10-го издания Сочинений Гоголя (см.: Неизданные заметка и письмо Н. В. Гоголя // Новое Время. 1877. 24 мая, № 442. С. 1; *Тихонравов Н. С.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь 1889–1896.* Т. 5. С. 682; *Гоголь 2009–2010.* Т. 8. С. 115–116).

[26] В Бадене (см. ***1836. Июля конец – августа средина <июля средина – августа начало>. Баден-Баден***).

[27] Уроки М. П. Балабиной Гоголь давал еще в Петербурге в 1831 г. (см. ***1831. Февраль (?). Санкт-Петербург***).

[28] *Маркевич А. И.* Воспоминания кн<язя> Н. В. Репнина о пребывании Гоголя в Одессе // *Свод.* Т. 3. С. 785.

МАРТА 28 <16>. ВТОРНИК. РИМ

Гоголь пишет письма П. А. Плетневу в Петербург («Близ Обухова моста, в доме Сухаревой») и матери в Васильевку.

В письме к Плетневу сообщает, что потрясен смертью А. С. Пушкина[1]: «Что месяц, что неделя, то новая утрата[2], но никакой вести[3] хуже нельзя было получить из России. Всё наслаждение моей жизни, всё мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним. Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его пред собою. Что скажет он, что заметит он, чему посмеется, чему изречет неразрушимое и вечное одобрение свое, вот что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепет невкушаемого на земле удовольствия обнимал мою душу... Боже! Нынешний труд мой[4], внушенный им, его создание[5]... Я не в силах продолжать его[6]. Несколько раз принимался я за перо – и перо падало из рук моих. Невыразимая тоска!.. Напишите мне хоть строчку, что делаете вы, или скажите об этом два слова Прокоповичу. Он будет писать ко мне[7]. Я был очень болен, теперь начинаю немного оправляться. Пришлите мне деньги, которые должен внести мне Смирдин к первым числам апреля. Вручите их таким же порядком Штиглицу, дабы он отправил их к одному из банкиров в Риме для передачи мне. Лучше, если он переведет на Валентина, этот, говорят, честнее прочих здешних банкиров. <...> Мой адрес: Via S. Isidoro, № 17, rimpetto alla chiesa S. Isidore, vicino alla Piazza Barbierini»[8].

В письме матери[9] сообщает, что приехал в Рим через Генную[10] и Флоренцию[11], упоминает о вечнозеленой растительности Рима, о том, что звезды здесь блестят «в несколько раз ярче, нежели у нас»: «Я успел осмотреть только часть древностей и развалин, которых на каждом шагу – много, и часто так случается, что в новый дом вделана часть развалины, кусок стены, или колонна, или рельеф. – Я не смотрел еще ни картинных галерей, ни множества разных дворцов, где смотреть станет на целый год. Вся земля пахнет и дышит художниками и картинами. Мозаики и антики продаются кучами. Школы живописи и скульптуры на улице почти у каждых дверей».

[1] См. ***1837. Января 29 <февраля 10>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] Возможно, Гоголю стала известна кончина 22 февраля / 6 марта 1837 г. в Петербурге уроженца Нежина русского мореплавателя Ю. Ф. Лисянского (род. в 1773).

[3] См. ***1837. Февраля 24 <12>. Пятница. Париж***; ***1837. Марта 1–2 <февраля 17–18>. Среда-четверг. Париж.***

[4] «Мертвые души».

[5] См. ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург.***

[6] См. также ***1837. Марта 1–2 <февраля 17–18>. Среда-четверг. Париж*** – примечания.

[7] См. ***1837. Марта 30 <18>. Четверг. Рим.***

[8] Улица Св. Исидора, № 17, напротив церкви Св. Исидора, близ площади Барберини (*ит.*).

[9] См. также ***1837. Марта 26 <14>. Воскресенье. Католический праздник Пасхи. Утро. Рим.***

[10] См. ***1837. Марта средина <марта начало>. Бра*** (примечания).

[11] См. ***1837. Марта около 21–25 <марта около 9–13>. Флоренция.***

МАРТА 30 <18>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Гоголь пишет в Москву ответное письмо М. П. Погодину и отправляет в Петербург письмо к Н. Я. Прокоповичу.

Из письма к Погодину: «Я получил письмо твое[1] в Риме. Оно наполненно тем же, чем наполнены теперь все наши мысли. Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всех больше. Ты скорбишь как русской, как писатель, я... я и сотой доли не могу выразить своей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслаждение умерло с ним. Мои светлые минуты моей жизни были минуты, в которые я творил. Когда я творил, я видел перед собою только Пушкина. Ничто мне были все толки, я плевал на презренную чернь, известную под именем публики; мне дорого было его вечное и непреложное слово. Ничего не предпринимал, ничего не писал я без его совета[2]. Всё, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему. И теперешний труд мой[3] есть его создание[4]. Он взял с меня клятву, чтобы я писал, и ни одна строка его не писалась без того, чтобы он не являлся в то время очам моим. Я тешил себя мыслью, как будет доволен он, угадывал, что будет нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою. Теперь этой награды нет впереди! что труд мой[5]? Что теперь жизнь моя? Ты приглашаешь меня ехать к вам. Для чего? не для того ли, чтобы повторить вечную участь поэтов на родине! Или ты нарочно сделал такое заключение после сильного тобой приведенного примера, чтобы сделать еще разительнее самый пример. Для чего я приеду? Не видал я разве [пустого] дорогого сборища наших просвещенных невежд? Или я не знаю, что такое советники начиная от титулярного до действительных тайных? Ты пишешь, что все люди даже холодные были тронуты этою потерею. А что эти люди готовы были делать ему при жизни? Разве я не был свидетелем горьких, горьких минут, которые приходилось чувствовать Пушкину? Несмотря на то, что сам монарх (буди за то благословенно имя его) почтил талант. О! когда я вспомню наших судий, меценатов, ученых умников, благородное наше аристократство... Сердце мое содрагается при одной мысли. Должны быть сильные причины, когда они меня заставили решиться на то, на что я бы не хотел решиться. Или ты думаешь мне ничего, что мои друзья, что вы отделены от меня горами? Или я не люблю нашей неизмеримой, нашей родной русской земли?

Я живу около года в чужой земле, вижу прекрасные небеса, мир, богатый искусствами и человеком. Но разве перо мое принялось описывать предметы, могучие поразить всякого? Ни одной строки не мог посвятить я чуждому. Непреодолимою цепью прикован я к [моей земле] своему, и наш [незаме<тный>] бедный, неяркий мир наш, наши курные избы, обнаженные пространства предпочел я лучшим небесам[6], приветливее глядевшим на меня. И я ли после этого могу не любить своей отчизны? Но ехать, выносить [надменное презре<ние>] надменную гордость безмозглого класса людей, которые будут передо мною дуться и даже мне пакостить. Нет, слуга покорный. В чужой земле я готов всё перенести, готов нищенски протянуть руку, если дойдет до этого дело. Но в своей — никогда. Мои страдания тебе не могут <быть> вполне понятны. Ты в пристани, ты, как мудрец, можешь [издали] перенесть и посмеяться. Я бездомный, меня бьют и качают волны, и упираться мне только на якорь гордости, которую вселили в грудь мою высшие силы. Сложить мне голову свою не на родине.

Если ты имеешь желание ехать освежиться и возобновить свои силы, увидеть меня — приезжай в Рим. Здесь мое всегдашнее пребывание. На июнь и июль еду в Германию на воды и, возвратившись, провожу здесь осень, зиму и весну. — Небо чудное. Пью его воздух и забываю весь мир. Напиши мне что-нибудь про ваши московские гадости. Ты видишь, как сильна моя любовь, даже гадости я готов слушать из родины. <...> Мой адрес. Via di Isidoro, 17, casa Giovanni Massuci».

В письме к Прокоповичу замечает: «Я не дождался письма твоего[7]. Не знаю, когда получу его из Парижа (если оно только было писано и послано). <...> ...Ты всего только один раз[8] и писал ко мне. От ваших хладных берегов такие грустные несутся вести. Великого[9] не стало. Вся жизнь моя теперь отравлена. Пиши ко мне, Бога ради! Напоминай мне чаще, что еще не всё умерло для меня <на> Руси, которая уже начинает казаться могилою, безжалостно похитившею всё, что есть дра-

гоценного для сердца. Ты знаешь и чувствуешь великость моей утраты[10]. <...> Зайди к Плетневу и узнай, послал ли он ко мне деньги, о которых я писал к нему из Рима[11]? <...> Я в них нуждаюсь. Что тебе сказать об Италии? Она прекрасна. Она менее поразит с первого раза, нежели после. Только всматриваясь более и более, видишь и чувствуешь ее тайную прелесть. В небе и облаках виден какой-то серебряный блеск. Солнечный свет далее объемлет горизонт. А ночи?.. прекрасны. Звезды блещут сильнее, нежели у нас, и по виду кажутся больше наших, как планеты. А воздух? – он так чист, что дальние предметы кажутся близкими. О тумане и не слышно. Я бы более упивался ею, если бы был совершенно здоров; но чувствую хворость в самой благородной части тела – в желудке. <...> Всё наделал гадкий парижский климат, который, несмотря на то, что не имеет зимы, но ничем не лучше петербургского. <...>

Данилевский обещался неделею после меня быть в Рим, но до сих пор его не вижу.

P. S. Впрочем, адресуй лучше в Poste restante, потому что, может быть, случится к тому времени переменить квартиру».

[1] Письмо не сохранилось. В феврале 1837 г. Погодин записал в дневнике: «*Февраль. 1.* Слух о смерти Пушкина. Не верится. <...> *9–28.* Нап<исал> письма Гоголю и Шафарику» (Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1836–1838 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 419). Позднее, 31 августа 1855 г., в наброске воспоминаний о Гоголе Погодин отметил: «Письмо о смерти Пушкина, 1837 г. Ты у нас остался и проч. С тех пор я ходил за ним, как нянька. Всяческая помощь, и от себя и от других» (*Погодин М. П.* <Набросок воспоминаний о Гоголе> // *Свод.* Т. 2. С. 520). В письме к самому Гоголю от 14 июля 1847 г. Погодин также замечал: «Сколько я любил тебя – я помню, как я писал к тебе о смерти Пушкина (не люблю уж я ни литературы, ни отечества, ни тебя так, как я любил тогда)!»

[2] См. ***1834. Июнь – июля начало. Санкт-Петербург.*** – См. также: *Виноградов И. А.* Наследие Богдана: А. С. Пушкин и «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя // Н. В. Гоголь и А. С. Пушкин: Четвертые Гоголевские чтения: Сб. докл. / Комитет по культуре г. Москвы; Гор. б-ка № 2 им. Н. В. Гоголя; Под общ. ред. В. П. Викуловой. М.: КДУ, 2005. С. 299–310; ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург***; ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург.***

[3] «Мертвые души».

[4] См. ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург.***

[5] См. также ***1837. Марта 1–2 <февраля 17–18>. Среда-четверг. Париж*** (примечания).

[6] В одиннадцатой главе первого тома «Мертвых душ» Гоголь восклицал: «Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно и неприютно в тебе... <...> Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе?»

[7] В ответ на свое письмо от 25 января (н. ст.) 1837 г. из Парижа (см. ***1837. Января 25 <13>. Среда. Париж***).

[8] В Лозанну (см. ***1837. Января 25 <13>. Среда. Париж***).

[9] А. С. Пушкина.

[10] См. также ***1837. Марта 1–2 <февраля 17–18>. Среда-четверг. Париж*** (примечания).

[11] См. также ***1837. Марта 28 <16>. Вторник. Рим.***

МАРТА 31 <19>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголю исполняется 28 лет.

МАРТ <МАРТА СРЕДИНА – АПРЕЛЯ СРЕДИНА>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. А. Жуковский пишет Гоголю письмо по поводу смерти А. С. Пушкина (не сохранилось).

Позднее, 3 сентября (н. ст.) 1837 г., Гоголь сообщал Н. М. Смирнову: «Я получил, между прочим, небольшое письмецо от Жуковского, писанное еще им в марте месяце. Пять или шесть строк, но такой исполнены грусти по недавней великой утрате, что я не мог их читать равнодушно. Он всё так же добр и так же любит меня и говорит, что он думает о мне очень часто».

В конце апреля – начале мае 1837 г.[1] вышел в свет пятый том «Современника», где была напечатана статья Жуковского «Последние минуты Пушкина», с письмом Жуковского о кончине поэта к его отцу С. Л. Пушкину от 15 февраля 1837 г. (в сокращении)[2]. В письме Жуковский, в частности, замечал: «Слава нынешнего Царствования утратила в нем своего Поэта, который принадлежал бы ему, как Державин славе *Екатеринина*, а Карамзин славе *Александрова*. <...> Перед отъездом Арендта, он сказал ему: *попросите Государя, чтоб Он меня простил*[3]. <...> Когда поутру кончились его нестерпимые страдания, <...> он <...> подозвал меня: *скажи Государю*, промолвил он, *что мне жаль умереть; был бы весь Его. Скажи, что я Ему желаю долгого, долгого Царствования, что я Ему желаю счастия в Его Сыне, счастия в Его России*»[4].

Позднее, в статье *X. О лиризме наших поэтов* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846), Гоголь замечал: «Только по смерти Пушкина обнаружились его истинные отношения к Государю... <...> Никому не говорил он при жизни о чувствах, его наполнявших, и поступил умно».

В том же пятом томе «Современника» было перепечатано, с примечанием М. П. Погодина, стихотворение Пушкина «Герой»[5]. Погодин пояснял: «Посылаю вам стихотворение Пушкина "Герой". Кажется, никто не знает, что оно принадлежит ему. Пушкин прислал мне оное во время холеры в 1830 году из Нижегородской своей губернии, и вот что писал об нем: "...Посылаю вам из моего Патмоса апокалиптическую песнь. Напечатайте, где хотите, хоть в «Ведомостях», но прошу вас и требую именем нашей дружбы не объявлять никому моего имени. <...>". Я напечатал стихи тогда в Телескопе, и свято хранил до сих пор тайну. <...> Разумеется, никому не нужно припоминать, что число, выставленное Пушкиным под стихотворением, после многозначительного *утешься*, 29 Сентября, 1830, есть день прибытия *Государя Императора* в Москву во время холеры»[6].

О стихотворении Пушкина «Герой» Гоголь также упоминал позднее в статье «О лиризме наших поэтов»: «Пушкин слишком высоко ценил всякое стремление воздвигнуть падшего. Вот отчего так гордо затрепетало его сердце, когда услышал он о приезде Государя в Москву во время ужасов холеры, – черта, которую едва ли показал кто-нибудь из венценосцев и которая вызвала у него сии замечательные стихи...»

[1] См. ***1837. Апреля конец – мая начало <мая средина>. Санкт-Петербург.***

[2] <*Жуковский В. А.*> Последние минуты Пушкина // Современник, литтературный журнал А. С. Пушкина, изданный по смерти его Кн<язем> П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, А. А. Краевским, Кн<язем> В. Ф. Одоевским и П. А. Плетневым. 1837. Т. 5. С. I–XVIII.

[3] Пушкин просил прощения за то, что не сдержал данного Государю обещания не драться на дуэлях.

[4] <*Жуковский В. А.*> Последние минуты Пушкина. С. III, V, VIII–IX.

[5] См. ***1837. Апреля конец – мая начало <мая средина>. Санкт-Петербург.***

[6] Современник. 1837. Т. 5. С. 143.

АПРЕЛЯ 15 <3>. СУББОТА. РИМ

Гоголь получает письмо А. С. Данилевского из Женевы[1]. Пишет ему ответное письмо в пансион Жанена в предместье Женевы, где ранее останавливался сам[2]:

«...Что тебе пришла за блажь ехать в Швейцарию... <...> Или ты не знаешь, а я тебе не говорил, что весною нельзя ехать в Швейцарию. <...> Право, как досадно, я думаю, было по Швейцарии сделать вместе вояж, и Бог знает, теперь увидимся ли мы или нет. <...> Я же никак не могу теперь ехать к тебе. Не могу, во-первых, потому, что еще рано; а во-вторых, самое главное, потому, что сижу без денег. Я приехал в Рим только с двумя стами франками, и если б не страшная дешевизна и удаление всего, что вытряхивает кошелек, то их бы давно уже не было. (За комнату, то есть старую залу с картинами и статуями, я плачу 30 франков в месяц, и это только одно дорого. Прочее всё ни по чем. Если выпью поутру один стакан шоколату, то плачу немножко больше 4 су[3], с хлебом, со всем. Блюда за обедом очень хороши и свежи и обходится иное по 4 су, иное по 6. Мороженого больше не съедаю, как на 4, а иногда на 8. Зато уж мороженое такое, какое и не снилось тебе. Не ту дрянь, которую мы едали у Тортони, которое тебе так нравилось. Масло!) Теперь я такой сделался скряга, что если лишний байок[4] (почти су) передам, то весь день жалко. Я не знаю, право, как мне теперь быть! Я жил мыслью, что мы вместе поедем в Неаполь. Теперь как мне ехать? Я уж не поеду, по крайней мере в этом году. Тебя выписывать я уж не смею, потому что теперь переезд тебе будет дорог. Это не то, что морем, как бы ты мог сделать из Марселя. С другой стороны, мне страшно жаль, что ты, вместо того, чтобы наслаждаться, чтобы окунуться совершенно в новый мир, должен скучать и мерзнуть. Здесь тепло, как летом; а небо, небо – совершенно кажется серебряным. Солн-

це дальше и больше, и сильнее обливает его своим сиянием. Что сказать тебе вообще об Италии? Мне кажется, что будто бы я заехал к старинным малороссийским помещикам. Такие же дряхлые двери у домов, со множеством бесполезных дыр, марающие платья мелом; старинные подсвечники и лампы в виде церковных. Блюда все особенные, все на старинный манер. Везде доселе виделась мне картина изменений. Здесь всё остановилось на одном месте и далее нейдет. Когда въехал в Рим, я в первый раз не мог дать себе ясного отчета. Он показался маленьк<им>. Но чем далее, он мне кажется большим и большим, строения огромнее, виды красивее, небо лучше, а картин, развалин и антиков смотреть на всю жизнь станет. Влюбляешься в Рим очень медленно, понемногу – и уж на всю жизнь. Словом, вся Европа для того, чтобы смотреть, а [Рим] Италия для того, чтобы жить. Это говорят все те, которые остались здесь жить. И правда, что зато вряд ли где сыщешь землю, где бы можно так дешево прожить. Никаких <безделок> и ничего того, что в Париже вкус голодный изобретает для забав[5]. В магазинах только Оссия да антики. Но зато для наслаждений художнических... Ты не можешь себе дать никакой идеи, что такое Рафаэль. Ты будешь стоять пред ним так же безмолвный и обращенный весь в глаза, как ты сиживал некогда перед Гризи. Но, чорт возьми! Я для тебя приготовил и квартиру, и готовился быть твоим чичерони[6], и вместо того... <...> Тебе нужно было, непременно нужно испытать художническо-монастырскую жизнь в Италии, покушать мрамора и гипса, которого здесь вдоволь, упиться звездами ночи, которые блещут здесь необыкновенным блеском, наглядеться на монахов и аббатов, которыми, как маком, усеяны улицы. <...> Напиши <...>, где ты располагаешь быть через полтора месяца, ибо через полтора месяца я выеду из Италии заглянуть на какие-нибудь немецкие воды».

[1] См. ***1837. Апреля 17 <5>. Понедельник. Рим.***

[2] См. ***1836. Сентября 22 <10>. Четверг. Женева.***

[3] Мелкая разменная монета во Франции.

[4] Байок (байокко) – мелкая разменная монета в Италии.

[5] Цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина: «Все, чем для прихоти обильной / Торгует Лондон щепетильный / И по Балтическим волнам / За лес и сало возит нам, / Все, что в Париже вкус голодный, / Полезный промысел избрав, / Изобретает для забав, / Для роскоши, для неги модной, – / Все украшало кабинет / Философа в осьмнадцать лет» (глава 1, строфа XXIII). Мысль, заключенная в этой пушкинской строфе, является одной из ключевых для осмысления Гоголем новейшей европейской цивилизации в его собственных художественных произведениях. См. сопроводит. статьи к 1–6 т. в изд.: *Гоголь 2009–2010.*

[6] Чичерони (чичероне) – проводник (*ит.*).

АПРЕЛЯ 3 <15>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение первого – восьмого томов «Сочинений Александра Пушкина» (СПб., 1838)[1].

Позднее, в <Заметке о Мериме> первой половины 1840-х гг.[2], Гоголь, в частности, писал: «Мериме, бесспорно, замечательнейший писатель 19 века французской литературы. Пушкин уважал его много. Он назвал его остроумным и оригинальным писателем, а сочинения его замечательными в нынешнем униженном, жалком упадке французской литературы (смотри Сочинения Пушкина, т. IV, в Предисловии к “Песням западных славян”)»[3].

[1] См. также ***1840. Апреля 29. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1839. Июля 12 <июня 30>. Пятница. Ганау*** (примечания); ***1843. Августа 28 <16>. Понедельник – ноября 5 <октября 24>. Воскресенье. Дюссельдорф.***

[3] Имеются в виду строки: «...Мериме, острый и оригинальный писатель, автор Театра Клары Газюль, Хроники времен Карла IX, Двойной ошибки и других произведений, чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней французской литературы» (Соч. *Александра Пушкина.* СПб., 1838. Т. 4. С. 139–140).

АПРЕЛЯ 17 <5>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь отправляет письмо А. С. Данилевскому в Женеву.

15 апреля (н. ст.) 1837 г. Гоголь сообщал Данилевскому: «Я получил твое письмо сегодня и сегодня же написал к тебе этот ответ[1], и сегодня же его отправил бы, если б можно было, но теперь поздно, вечер, а завтра не принимают, праздник. Итак, он идет послезавтра».

[1] См. ***1837. Апреля 15 <3>. Суббота. Рим.***

АПРЕЛЯ 18 <6>. ВТОРНИК. РИМ

Гоголь пишет в Петербург на Высочайшее имя прошение о вспомоществовании[1]:

«Простите великодушно смелость Вашему бедному подданному, дерзающему возносить к Вам незнаемый голос. Находясь в чужой земле, среди людей лишенных участия ко мне, к кому прибегну я, как не к своему Государю? Участь поэтов печальна на земле: Им нет пристанища, им не прощают бедную крупицу таланта, их гонят, – но Венценосные Властители становились их великодушными Заступниками[2]. Вы склонили Ваше Царское Внимание к слабому труду моему[3], тогда как против него неправо восставало мнение многих. Глубокое чувство благодарности кипело тогда в сердце Вашего подданного и слезы, невыразимые слезы, каких человеку редко дается вкушать на земле, струились по челу его. Бессильный выразить мою благодарность, я дал клятву в душе своей собрать все, что имею, что даровано на долю мою Богом, и произвести творение, достойное Вашего Внимания. Мои силы телесные не сравнились с душевными. Несчастное здоровье мое заставило меня оставить родину, – и не совершивши предначертанного, я должен прибегнуть к Вашему великодушию, Монарх! <...> Я болен, я в чужой земле, я не имею ничего – и молю Вашей Милости, Государь: Ниспошлите мне возможность продлить бедный остаток моего существования до тех пор, пока совершу начатые мною труды и таким образом заплачу свой долг отечеству, чтобы оно не произнесло мне тяжелого и невыносимого упрека за бесполезность моего существования. <...> ...Ваш верноподданный, исполненный Русской любви к Своему Государю Николай Гоголь».

В тот же день, 18 апреля (н. ст.) 1837 г., Гоголь обратился с письменной просьбой к В. А. Жуковскому передать прилагаемое письмо Государю и похлопотать за него о выдаче ему денежного пособия на прожитие в Италии. Критически отзываясь в этом письме к Жуковскому о «Вечерах на хуторе близ Диканьки», «Арабесках» и «Ревизоре», Гоголь в то же время из своего предшествующего творчества особо выделяет две повести «Миргорода» – «Старосветских помещиков» и «Тараса Бульбу» и просит поэта обратить на эти повести внимание императора:

«Здоровье мое, кажется, с каждым годом становится плоше и плоше. Я был недавно очень болен, теперь мне сделалось немного лучше. Если и Италия мне ничего не поможет, то я не знаю, что тогда уже делать. Я послал в Петербург за последними моими деньгами, и больше ни копейки, впереди не вижу совершенно никаких средств добыть их. Заниматься каким-нибудь журнальным мелочным вздором не могу, хотя бы умирал с голода. Я должен продолжать мною начатый большой труд[4], который писать с меня взял слово Пушкин, которого мысль есть его создание[5] и который обратился для меня с этих пор в священное завещание. Я дорожу теперь минутами моей жизни, потому что не думаю, чтобы она была долговечна, а между тем... я начинаю верить тому, что прежде считал басней, что писатели в наше время могут умирать с голоду. <...> Я думал, думал, и ничего не мог придумать лучше, как прибегнуть к государю. Он милостив, мне памятно до гроба то внимание, которое он оказал к моему Ревизору[6]. Я написал письмо, которое прилагаю; если вы найдете его написанным как следует, будьте моим предстателем, вручите; если же оно написано не

так, как следует, то — он милостив, он извинит бедному своему подданному. Скажите, что я невежа, не знающий как писать к его высокой особе, но что я исполнен весь такой любви к нему, какою может быть исполнен один только русский подданный, и что осмелился потому только беспокоить его просьбою, что знал, что мы все ему дороги, как дети. <...> Найдите случай и средство указать как-нибудь государю на мои повести: *Старосветские помещики* и *Тарас Бульба*. Это те две счастливые повести, которые нравились совершенно всем вкусам и всем различным темпераментам. Все недостатки, которыми они изобилуют, вовсе неприметные были для всех, кроме вас, меня и Пушкина. Я видел, что по прочтении их более оказывали внимания. Если бы их прочел государь[7]! Он же так расположен ко всему, где есть [верные] теплота чувств и что пишется прямо от души... <...> Я ничего не пишу к вам теперь ни о Риме, ни об Италии. Меня одолевают теперь такие печальные мысли, что я опасаюсь быть несправедливым теперь ко всему, что должно утешать и восхищать душу. Может быть, это отчасти действие той ужасной утраты[8], которую мы понесли и в которой я до сих пор не имею сил увериться, которая, кажется, как будто оборвала с моей души лучшие ее украшения и сделала ее обнаженнее и печальнее».

В том же письме Гоголь замечал:

«Поди я в актеры — я бы был обеспечен, актеры получают по 10 000 сер<ебром> и больше, а вы сами знаете, что я не был бы плохой актер. <...> Если бы мне такой пансион, какой дается воспитанникам Академии художеств, живущим в Италии, или хотя такой, какой дается дьячкам, находящимся здесь при нашей церкви, то я бы протянулся тем более, что в Италии жить дешевле. <...> Будь я живописец, хоть даже плохой, я бы был обеспечен: здесь в Риме около 15 человек наших художников, которые недавно высланы из академии, из которых иные рисуют хуже моего, они все получают по три тысячи в год».

В это время в Риме Гоголь мог познакомиться с художником А. А. Ивановым или по крайней мере часто его видел.

По мнению П. А. Кулиша, «Гоголь сблизился с Ивановым в первый период пребывания своего в Риме, между 1837 и 1839 годами»[9].

В. И. Шенрок на основании воспоминаний А. С. Данилевского делал вывод, что Гоголь и Иванов познакомились в Риме в 1837 г.[10]

«Встретиться они должны были едва ли не в первый день по приезде Гоголя в Рим, так как все художники и приезжавшие русские сходились обедать в известную остерию “Фальконе”»[11], — полагала также Е. С. Некрасова[12].

М. В. Алпатов в 1959 г., в частности, указывал: «Между Гоголем и Ивановым <...> была и общность творческих устремлений. Гоголь еще до поездки в Италию успел создать <...> “Тараса Бульбу”. Иванов замышлял <...> историческую картину, рисующую первые победы Москвы над поляками в 1613 году...»[13]

Н. Г. Машковцев отмечал: «Начало знакомства Гоголя с Ивановым точно не установлено. Первое письмо Иванова к Гоголю, черновик которого сохранился в бумагах художника, относится к 1838 г.»[14]; «Имя Гоголя впервые появляется на страницах ивановских писем только в 1838 году»[15].

Июлем — сентябрем (н. ст.) 1838 г. датируется акварельный портрет Гоголя работы А. А. Иванова, хранящийся в Государственном Русском Музее[16].

По свидетельству Ф. И. Иордана, с приездом Гоголя в Рим совпадает начало работы Иванова над картиной «Явление Мессии» в большом размере, а также начало работы самого Иордана над гравюрой «Преображение Господне» с картины Рафаэля. Его воспоминания также свидетельствуют, что знакомство Гоголя с Ивановым состоялось еще в 1837 г.

Из воспоминаний Иордана (опубл. в 1891 г.): «Во время моего пребывания в Риме туда приехал наша знаменитость Николай Васильевич Гоголь; люди, знавшие его и читавшие его сочинения, были вне себя от восторга и искали случая увидать его за обедом или за ужином, но его несообщительная натура и неразговорчивость помаленьку охладили этот восторг. Только мы трое: Александр Андреевич Иванов, *гораздо позже* Федор Антонович Моллер[17] (курсив наш. — *И. В.*) и я остались вечерними посетителями Гоголя...»[18]

Ранее, в 1879 г., Иордан сообщал М. П. Боткину: «Встречались мы с Ивановым не всегда только у Гоголя. Мы иной раз проводили, вечером, часок и в “Cafe del bon Gusto”, особенно когда Гоголя не было в Риме. Я живо помню тот вечер, когда, сойдясь однажды в этом Cafe, как-то мы вдруг сказали друг другу: “Ну, я решился: начинаю завтра свою гравюру с «Преображения» Рафаэля”. — “Ну, и я тоже решился: на днях начинаю свое

«Появление Мессии»". Дело в том, что мы оба долго мечтали о предприятии большого труда, и оба равно не решались. Приехав в Рим из Англии, я долго не знал, на каком именно сюжете остановиться... <...> Полтора года я делал свой рисунок карандашом, и все еще твердо не решался на страшную для меня работу, но, наконец, *в мае 1837 года* (курсив наш. — *И. В.*), заказал медную доску в 1 ¼ пуда, приведшую в ужас моего хозяина, и, когда все было готово, сообщил Иванову, что — принимаюсь. Каково же было мое удивление, когда в ту же самую минуту Иванов, столько лет пробовавший себя на эскизах, и все не решавшийся окончательно приступить к давно задуманной картине, торжественно объявил мне, что и у него заказан холст в 7 ½ аршин вышины и 10 ½ ширины[19]. Тут мы и принялись ревностно за работу»[20].

В это время «Иванов покидает чердак дворца Боргезе и устраивается на Виколо дель Вантаджо, где в его распоряжении оказалась мастерская, достаточно обширная для того, чтобы разместить в ней огромный холст»[21].

Александр Андреевич Иванов (1806–1858), художник. Почва для сближения Гоголя с Ивановым была отчасти подготовлена постоянным интересом Гоголя к живописи — и его собственными опытами в этой области, которым он отдал дань задолго до знакомства с Ивановым. «Я всегда чувствовал в себе маленькую страсть к живописи», — признавался Гоголь в 1834 г. в статье «Несколько слов о Пушкине». «Я прежде любил краски, когда очень молод был», — говорил он в 1851 г.[22] Увлечение рисованием, зародившееся в Нежине — где Гоголь занимался под руководством учителя рисования К. С. Павлова (ученика художника В. К. Шебуева) — и где, по словам школьного приятеля А. С. Данилевского, делал в рисовании «большие успехи»[23], писатель не оставлял и в последующие годы. В Петербурге для совершенствования в живописи Гоголь посещал классы Академии художеств — которые вели А. Е. Егоров и В. К. Шебуев (в свое время побывавшие в Италии)[24]. По словам матери Гоголя, Марии Ивановны, в письме к О. Д. Трощинской от 3 апреля 1831 г. — где она пересказывала содержание письма сына, он «положил на себя занятие в Академии художеств, желая усовершенствоваться в любимом своем искусстве, рисовании...»[25] Знаком был, в частности, Гоголь в Петербурге с В. И. Григоровичем, секретарем Академии художеств и Общества Поощрения Художников — непосредственным начальником Иванова в 1820–1830-х гг. Сохранилось новогоднее поздравление Гоголя Григоровичу от 1 января 1833 г., а также отказ Гоголя, уже из Рима, от 7 января (н. ст.) 1841 г. — тоже на имя Григоровича — состоять членом-корреспондентом Общества Поощрения Художников[26]. Отправление Гоголя в Италию тоже отчасти объясняется его увлечением живописью. Многочисленные письма Гоголя из Рима 1838–1839 гг. свидетельствуют о его интересе к итальянской живописи. В Италии Гоголь не переставал рисовать и сам. В феврале 1839 г. он сообщал своему приятелю А. С. Данилевскому: «Мы с Жуковским рисовали на лету лучшие виды Рима. Он в одну минуту рисует их по десяткам, и чрезвычайно верно и хорошо». К своим опытам в рисовании Гоголь — автор «Портрета» (первая редакция которого была опубликована в 1835 г.) — относился критически, называя себя в шутку «mezzo-художником» (mezzo; *ит.* — средина, половина) (письмо Гоголя к Жуковскому от конца февраля (н. ст.) 1839 г.). Иванов считал его по преимуществу «теоретиком» в живописи (письмо Иванова к Гоголю от 29 мая (н. ст.) 1851 г.). Как свидетельствуют дошедшие до нас материалы, именно Гоголь взял на себя труд помочь художнику в разработке замысла и композиции его знаменитой картины «Явление Мессии» (1832–1857)[27].

[1] Ответ см. ***1837. Июля 8 <20>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] Расцвет талантов при единодержавном правлении Гоголь отмечал позднее, говоря о веке Екатерины II: «В эпоху Екатерины, царствование которой можно назвать блестящей выставкой первых русских произведений, когда на всех поприщах стали выказываться русские таланты, — с битвами вознеслись полководцы, с учрежденьями внутренними государственные дельцы, с переговорами дипломаты, с академиями словесники и ученые — появился и поэт, Державин, с тою же картинно-величавой наружностью, как и все люди времен Екатерины...» «Есть царствования <...> которых образы уже стоят пред нами колоссальные, как у Гомера...» — замечал также Гоголь об эпохе Екатерины II в письме к князю П. А. Вяземскому от июля-сентября 1842 г. Роль самодержавного правления в воспитании талантов в эпоху Екатерины II Гоголь подчеркивал также во второй редакции повести «Портрет» (1842), где сама Императрица говорит о том, что «не под монархическим правлением <...> презираются и преследуются творенья ума, поэзии и художеств; что, напротив, одни монархи бывали их покровителями; что Шекспиры, Мольеры процветали под их великодушной защитой, между тем как Дант не мог найти угла в своей республиканской родине...» Еще ранее, в 1834 г., Гоголь сделал из книги английского историка Г. Галлама «Взгляд на состояние Европы в Средние века» выписку, которой и воспользовался при создании «Портрета»: «В одной из революций, произведенных <...> разветвлением заговоров, Флоренция изгнала из стен своих Данта Алигиери <...> При начале республик ломбардских их ссоры взаимные и домашние были ограничиваемы посредничеством императора, и потеря этого влияния, может, была одна из причин, доведших Италию до такого состояния...» В статье «О Средних веках» (1834) Гоголь также писал: «...Власть папам <...> дана была для того, чтобы в продолжение этого времени юные государства окрепли и возмужали <...> чтобы сообщить им энергию, без которой жизнь народов бесцветна и бессильна». Говоря о завершении средних веков — характеризовавшихся объединительными, но недостаточными усилиями папы («...еще государь звучит одним именем своим, и вместо того миллионы владельцев, из которых каждый — маленький император...»),

Гоголь продолжал: «Духовная власть пала. Государи становятся сильнее. <...> Государства, народы сливаются плотнее в нераздельные массы. Нет того разъединения власти, как в средние века. Она сосредоточивается более в одном лице. И как оттого сильные характеры становятся виднее, круг государей, министров, полководцев обширнее!» («О преподавании всеобщей истории»).

[3] Имеется в виду комедия «Ревизор» (см. ***1836. Февраля после 21 – не позднее марта 2. Санкт-Петербург***; ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург***).

[4] «Мертвые души».

[5] См. ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1836. Февраля после 21 – не позднее марта 2. Санкт-Петербург.***

[7] См. также ***1835. Марта средина, не позднее 17. Санкт-Петербург.***

[8] Имеется в виду кончина А. С. Пушкина. – См. также ***1837. Марта 1-2 <февраля 17-18>. Среда-четверг. Париж*** (примечания).

[9] *Кулиш П. А.* Переписка Н. В. Гоголя с А. А. Ивановым. (Посвящается Ф. И. Иордану) // Современник. 1858. № 11. С. 126.

[10] См. ***1837. Май <апреля вторая половина – мая первая половина>. Рим.***

[11] Имеется в виду трактир «Trattoria del Falcone».

[12] *Некрасова Е. С.* Н. В. Гоголь и Иванов. Их взаимные отношения // Вестник Европы. 1883, № 12. С. 613.

[13] *Алпатов М. В.* Александр Иванов. М., 1959. С. 101.

[14] *Машковцев Н. Г.* Примечания // *Гоголь 1937–1952.* Т. 11. С. 418.

[15] *Машковцев.* С. 89.

[16] См. ***1838. Июль – августа до 14 <июня конец – августа до 2>. Кастелламаре.***

[17] Федор Антонович фон Моллер (1812–1875), художник, протестантского вероисповедания (лютеранин). Впервые в Рим прибыл осенью 1838 г. (см. ***1838. Сентябрь <августа средина – сентября средина>. Рим***). Гоголь в письме к княжне В. Н. Репниной от июня 1839 г. именно Моллера (не Иванова) называл «решительно нашим первым ныне художником» (см. ***1839. Июня после 5 – июля начало <мая после 24 – июня конец>. Рим, Чивитавеккья, Марсель***).

«Гвардии штабс-капитан Федор Антонович фон-Моллер, сын адмирала Антона Васильевича фон-Моллера, с самых юных лет полюбил рисованье и занимался им постоянно. <...> Будучи еще на службе, он в свободное время стал посещать академические классы рисования, и прошел все их отделения, делая замечательные успехи. <...> Открылась Польская компания, и обязанности службы, казалось, должны были отвлечь его от любимых занятий; но военные тревоги не охладили молодого любителя, и по возвращении он написал замечательную картину "Осада Остроленки". *Государь Император* заметил ее и пожелал иметь ее у Себя. <...> Начав с живописи баталической, Моллер стремился перейти к высшему роду; испытывал силы свои в сюжетах исторических, и между прочим, обработывал в этюдах задуманную картину: "Альцеста освобождаемая Геркулесом из царства теней". Доныне большая часть его произведений принадлежат к так называемой живописи de genre. Первая замечательная картина его в этом роде, "Семейство самого художника, с портретами", была на выставке 1836 года и, конечно, памятна всем посетителям Академии. Приехал в Россию Брюллов; Моллер с ним сблизился и стал пользоваться наставлениями и руководством знаменитого художника; копировал с некоторых его работ и особенно с портретов. Сближение это имело решительное влияние на дарование Моллера. <...> Около этого времени Моллер оставил службу и решился совершенно посвятить себя искусству. С этою целию он отправился в Италию...» (<*Струговщиков А. Н.*> Поцелуй. Картина Ф. А. фон-Моллера // Художественная Газета. 1841. № 7 (цензурное разрешение 22 марта). С. 2; авторство статьи указано: <*Струговщиков А. Н.*> От редакции // Художественная Газета. 1841. № 10 (цензурное разрешение 20 мая). С. 6).

[18] Записки профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана // *Свод.* Т. 3. С. 376.

[19] «Он долго не решался начать ее в огромных размерах. Мы часто сходились в мыслях: написать ее в размере исторических картин Н. Пусина <Н. Пуссена>. Однажды, вечером, он приходит в Café Bon Gusto и объявляет, что он решился, наконец, писать ее больше, чем "Медный змий" Бруни. Пожелав ему успеха, я сделал ему замечание, что большие наши картины будут занимать много места; они очень неудобны, посему, если начать, то следует разом начать и разом кончить, не тратя время на разъезды, которые он очень любил и которые затянули и отняли у него столько времени, что и через 20 лет работы он все-таки картину не кончил. Иванов много тратил времени, выслушивая советы гостей и случайных друзей» (Записки ректора и профессора Академии Художеств Федора Ивановича *Иордан*<*а*>. М., 1918. С. 153–154; *Свод.* Т. 3. С. 375).

[20] Воспоминания Ф. И. Иордана (1879 г.) // *Свод.* Т. 3. С. 375.

[21] *Алпатов М. В.* Александр Андреевич Иванов. Жизнь и творчество: В 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 339.

[22] См. ***1851. Января 21. Воскресенье. Одесса.***

[23] См. ***1824. Февраля 11–16. Понедельник-суббота. Масленица. Нежин.***

[24] См. ***1830–1833. Санкт-Петербург***; ***1834. Августа конец – сентябрь. Санкт-Петербург.***

[25] См. ***1831. Апреля 3. Пятница. Васильевка.***

[26] См. также ***1833. Вторая половина года. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[27] См.: *Виноградов И. А.* Явление картины – Гоголь и Александр Иванов // Наше наследие. 2000. № 54. С. 110–125; *Виноградов И. А.* Н. В. Гоголь и А. А. Иванов. К истории создания картины «Явление Мессии» // *Виноградов 2001.* С. 670–708.

АПРЕЛЯ 21 <9>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь вместе с В. О. Балабиной, княжной В. Н. Репниной-Волконской, П. И. Кривцовым, художниками и стипендиатами Академии художеств присутствует на торжественном собрании в Институте археологической корреспонденции[1] в честь дня основания Рима.

«В книге посетителей за 1833–1843 гг. среди автографов тех, кто присутствовал на <...> заседании <...>, есть подпись Гоголя, написавшего свое имя тонким, ясным, бисерным почерком, причем не кириллицей, а латиницей – "N. Gogol". <...> Прочитав подписи участников, некоторые из которых итальянизированы до неузнаваемости (каждый придумывал собственную транслитерацию с кириллицы на латиницу и к тому же всякий раз писал свое имя по-разному), мы можем узнать, кто сопровождал Гоголя в тот день. Подписи стоят в следующем порядке: "Mad<ame> Balabin[2]. P<rince>sse Repnin[3]. N. Gogol". Затем вперемешку с нерусскими фамилиями: "Dournoff"[4], "P. Krivzow"[5], "N. Jefimoff"[6], "Haberzette"[7], "Gornostaeff"[8]»[9].

[1] Instituto di Corrispondenza Archeologica, на Капитолии. Учрежден в Риме 21 апреля 1829 г. Каждую неделю в Институте проводились открытые собрания, участники которых расписывались в книге посетителей.

[2] Поскольку год спустя Гоголь в письме к М. П. Балабиной описывает ей новое римское собрание в честь основания «вечного города» как торжество, на котором она не была (см. ***1838. Апреля 21 <9>. Суббота. Рим***), то очевидно, что на собрании 1837 г. присутствовала не М. П. Балабина, а ее мать В. О. Балабина.

[3] Из двух княжон Репниных-Волконских, сестер Варвары Николаевны и Елизаветы Николаевны, подпись, вероятно, принадлежит старшей Варваре, с которой, так же, как с В. О. Балабиной, был дружен Гоголь (его подпись стоит сразу после подписей Mad<ame> Balabin и P<rince>sse Repnin). Менее вероятным представляется предположение, что подпись P<rince>sse Repnin была сделана княжной Е. Н. Репниной-Волконской. Это предположение было сделано Р. Джулиани на том основании, что Елизавета Николаевна спустя полгода, 12 ноября <н. ст.> 1837 г., вышла замуж за П. И. Кривцова (подпись которого, в свою очередь, стоит ниже, «вперемешку с нерусскими фамилиями», в книге посетителей собрания 21 апреля (н. ст.) 1837 г.).

[4] Александр Трофимович Дурнов (1807 – после 1867), архитектор. «В 1838 г. Александр Дурнов проживал неподалеку от Гоголя на виа Феличе, № 11, как было установлено В. Гасперович, которой мы и обязаны этим указанием. <...> Появление Дурнова в 1837 г. в собрании Института Археологической Корреспонденции в честь празднования основания Рима не было случайным эпизодом. В книге посетителей его подпись встречается пять раз, с апреля по июнь 1837 г. <...> 7, 14 и 21 апреля, 16 и 30 июня...» (*Джулиани Р.* Новые материалы о Н. В. Гоголе: Галерея русских художников, первых римских знакомых писателя // Образ Рима в русской литературе. Международный сборник научных работ / L'immagine di Roma nella letteratura russa. Miscellanea di studi internazionale. Рим; Самара, 2001. С. 108. С. 118, 120).

[5] П. И. Кривцов.

[6] Николай Ефимович Ефимов (1799–1851), архитектор. «...Начиная с апреля 1837 г. в книге посетителей обнаруживаем «D. Jefimoff» (16 марта 1838 г. он итальянизирует свое имя в "Demetrio") – это Дмитрий Егорович Ефимов (1811–1864)» (*Джулиани Р.* Новые материалы о Н. В. Гоголе: Галерея русских художников, первых римских знакомых писателя. С. 113).

[7] Иосиф Иванович Габерцеттель (1791–1853), исторический живописец.

[8] Алексей Максимович Горностаев (1804–1862), архитектор и живописец. «...Принял участие в трех собраниях подряд, состоявшихся в Институте <...> 7, 14 и 21 апреля 1837 г.» (*Джулиани Р.* Новые материалы о Н. В. Гоголе: Галерея русских художников, первых римских знакомых писателя. С. 121).

[9] *Джулиани Р.* Рим в жизни и творчестве Гоголя // *Свод.* Т. 3. С. 123–124.

АПРЕЛЯ 12 <24>. ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], в этот день П. А. Плетнев получил письмо Гоголя из Рима[2].

[1] См.: *Городецкий.* С. 450.
[2] См. ***1837. Марта 28 <16>. Вторник. Рим.*** – См. также ***1837. Апреля 16 <28>. Страстная пятница. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 27 <15>. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ. ВЕЧЕР. РИМ

Гоголь в церкви русского посольства на службе Страстной пятницы.

На следующий день, 28 апреля (н. ст.) 1837 г. Анд. Н. Карамзин сообщал матери: «Вечером был я <...> на 12 Евангелиев, но и тут бес попутал, сведя меня с Гоголем, он мне все время шептал про двух попов в городе Нижнем, кот<орые> в большие праздники служат вместе и стараются друг друга перекричать так, что к концу обедни прихожане глохнут; и как один из этих попов так похож на козла, что у него даже борода козлом воняет и пр.»

Гоголь в письмах Анд. Н. Карамзина к Е. А. Карамзиной // *Свод.* Т. 2. С. 30.

АПРЕЛЯ 16 <28>. СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. А. Краевский пишет М. П. Погодину в Москву:

«Гоголь – скот, как и все хохлы. Недавно получено[1] от него письмо из Рима[2]; оно писано ко всем его приятелям, и что же? ни слова о том, что он делает, когда думает возвратиться. Только просит денег, жалеет о Пушкине, говорит, что был болен, теперь оправляется – вот и все, а осталось чистых три страницы почт<овой> бум<аги> – дурак!»

Гоголь в письмах А. А. Краевского // *Свод.* Т. 1. С. 804.

[1] См. ***1837. Апреля 12 <24>. Великий понедельник. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1837. Марта 28 <16>. Вторник. Рим.***

АПРЕЛЯ 30 <18>. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ. РИМ

Гоголь на пасхальной обедне в церкви Святителя Николая Мирликийского при русском посольстве.

2 мая (н. ст.) 1837 г. Анд. Н. Карамзин сообщал матери о праздновании Пасхи в Риме: «Народу в капелле было много, бесчисленная Репнинская орда с многочисленной прислугой, Волконская, Акацатова, с графиней Дивьер, <С. А.> Раевская – все народ незнакомый, кроме того 10 русских артистов <т. е. художников> и Гоголь. Дьячки, вероятно, перед службой поссорились, а то бы не натурально было им петь так *несогласие.* После службы Кривцов повел всю команду разгавливаться dans les grands appartements du palais. Зала, в которой был накрыт стол, сияла, ярко освещенная,

и вообще всего было вдоволь и все хорошо. Я подсел к артистам; они, узнавши мое имя, предложили мое здоровье, я отвечал, как следует, и знакомство скоро устроилось».

Римские письма А. Н. Карамзина к своей матери, Екатерине Андреевне // Старина и Новизна. М., 1916. Кн. 20. С. 96–97; *Свод*. Т. 3. С. 73.

АПРЕЛЯ 18 <30>. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], Н. Я. Прокопович получил в этот день письмо Гоголя из Рима[2]. Возможно, в тот же день написал ответное письмо[3] (письмо не сохранилось).

[1] См.: *Шубинский*. С. 37.
[2] См. ***1837. Марта 30 <18>. Четверг. Рим.***
[3] См. ***1837. Июня 3 <мая 22>. Суббота. Рим.***

МАРТ-АПРЕЛЬ <ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА – АПРЕЛЯ СРЕДИНА>. ПАРИЖ-РИМ

Гоголь заканчивает работу над «Петербургскими записками 1836 года»[1] (опубликованы в шестом томе «Современника», изданном в 1837 г. в пользу семейства покойного А. С. Пушкина (цензурное разрешение тома 2/14 мая[2]).

[1] См. также ***1836. Ноября 27 <декабря 9>. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1837. Мая 2 <14>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 22 <МАЯ 4>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

М. П. Погодин получил[1] письмо Гоголя из Рима[2].

[1] См.: *Городецкий*. С. 458.
[2] См. ***1837. Марта 30 <18>. Четверг. Рим.***

МАЯ 9 <АПРЕЛЯ 27>. ВТОРНИК. РАДОНИЦА. РИМ

Гоголь по желанию Репниных-Волконских, вероятно, знакомит с ними Анд. Н. Карамзина[1].

Накануне, 8 мая (н. ст.) 1837 г. Карамзин сообщал матери: «Завтра собираюсь я вечером с Гоголем к Репниным, которые *пожелали* моего знакомства»[2].

[1] Ср. ***1837. Мая 20 <8>. Суббота. Рим.***
[2] Гоголь в письмах Анд. Н. Карамзина к Е. А. Карамзиной // *Свод*. Т. 2. С. 30.

АПРЕЛЯ КОНЕЦ – МАЯ НАЧАЛО[1] <МАЯ СРЕДИНА>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет пятого тома журнала «Современник», где напечатаны: статья В. А. Жуковского «Последние минуты Пушкина»[2]; произведения А. С. Пушкина «Медный всадник» (с датой: 1833)[3], «Герой»[4], «Сцены из рыцарских времен» (с пометой: «С. П. бург 1837, 28 Апреля»[5]), «Д. В. Давыдову. (При посылке «Истории Пугачевского бунта»)», «Лицейская годовщина» (с датой: 1836), «Молитва» («Отцы пустынники и жены непорочны...»[6]; с датой: 22 июля 1836), «Отрывок» («Опять на родине! я посетил...»); «Отрывок из рукописи Карамзина “О древней и новой России...”»[7]; и др.

[1] *Рыскин Е. И.* Журнал А. С. Пушкина «Современник». 1836–1837. Указатель содержания. М., 1967. С. 68.
[2] См. ***1837. Март <марта средина – апреля средина>. Санкт-Петербург*** (примечания).
[3] См. также ***1833. Декабря после 20. Санкт-Петербург.***
[4] С заметкой М. П. Погодина (см. ***1837. Март <марта средина – апреля средина>. Санкт-Петербург*** – примечания).
[5] См.: Современник. 1837. Т. 5. С. 224.
[6] См. ***1843. Марта 6 <февраля 22>. Понедельник. Начало Великого поста. Рим***; ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***; ***1851. Июль. Москва.***
[7] См. ***1836. Февраль. Санкт-Петербург.***

МАЯ 2 <14>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение шестого тома журнала «Современник»[1], где напечатана, без имени автора, статья Гоголя «Петербуржские записки 1836 года»[2] (подпись под текстом: * * *), а также пушкинские «Русалка» и «Арап Петра Великого», «Бородино» М. Ю. Лермонтова и др.

По-видимому, знаменитые слова Тараса Бульбы из его речи о товариществе: «Уже если на то пошло, чтобы умирать, так никому ж <...> не доведется так умирать!..», – появились во второй редакции повести (1842) после того, как Гоголь прочел в «Современнике» строки лермонтовского стихотворения: «Ребята! не Москва ль за нами? Умремте ж под Москвой...»

В тот же день, 2 мая 1837 г., состоялось представление «Ревизора» в Александринском театре[3].

[1] Современник, литературный журнал А. С. Пушкина, изданный по смерти его Кн<язем> П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, А. А. Краевским, Кн<язем> В. Ф. Одоевским и П. А. Плетневым. СПб., 1837. Т. 6.
[2] См. ***1837. Март-апрель <февраля средина – апреля средина>. Париж – Рим.***
[3] *Ельницкая 1978.* С. 305.

АПРЕЛЯ КОНЕЦ – МАЯ НАЧАЛО <АПРЕЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. РИМ

Гоголь в письме к А. С. Данилевскому (адресованном, вероятно, в Женеву[1]), сообщает, как его разыскать в Риме:

«Прежде всего найди церковь святого Исидора, а это вот каким образом сделаешь. Из Piazza di Spagna подымись по лестнице на самый верх и возьми направо. Направо будут две улицы; ты возьми вторую; этою улицею ты дойдешь до Piazza Barberia. На эту площадь выходит одна улица с бульваром. По этой улице ты пойдешь все вверх, покамест не упрешься в самого Исидора, который ее и замыкает; тогда поверни налево. Против самого Исидора есть дом № 16, с надписью над воротами: Appartements meuble. В этом доме живу я».

В мае (н. ст.) 1837 г. Данилевский прибыл в Рим[2].

[1] См. ***1837. Апреля 17 <5>. Понедельник. Рим.***
[2] См. ***1837. Май <апреля вторая половина – мая первая половина>. Рим.***

МАЯ 4 <16>. ВТОРНИК. ТВЕРЬ

Наследник Александр Николаевич пишет отцу, Императору Николаю I, в Петербург[1]:

«В ½ 8 часа мы приехали на ночлег в Вышний Волочек... <...> Городничий тамошний[2] напомнил нам городничего из "Ревизора" своей турнюрой»[3].

Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. Сост. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюник. М., 1999. С. 30; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 9.

[1] См. ***1836. Мая 8 <20>. Суббота. Санкт-Петербург.***
[2] Майор Александр Петрович Филисов.
[3] Государь и Наследник присутствовали на первом и третьем представлениях «Ревизора» в Александринском театре в 1836 г. (см. ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1836.* Апреля 24. Пятница. Санкт-Петербург**).

МАЯ 7 <19>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Цензурное разрешение магистерского сочинения О. М. Бодянского «О народной поэзии Славянских племен»[1].

[1] О народной поэзии Славянских племен. Рассуждение на степень Магистра Философского Факультета первого Отделения, Кандидата Московского университета, Иосифа Бодянского. М., 1837 (цензурное разрешение 7 мая). 154 с. – См. также ***1835. Сентября 10. Вторник. Москва***; ***1835. Конец года, не позднее декабря 31. Санкт-Петербург.***

МАЯ 20 <8>. СУББОТА. РИМ

Гоголь с Анд. Н. Карамзиным, М. П. Балабиной и княгиней Е. П. Репниной-Волконской ездил смотреть на Колизей при лунном свете.

26 мая (н. ст.) 1837 г. Карамзин сообщал матери: «В вечер или, лучше сказать, в ночь отправления последнего письма моего, т. е. в субботу ездили мы (Гоголь и я) с Балабиной и Репниной-Балабиной (она премиленькая) смотреть на Колиссей при лунном свете: все было очень хорошо придумано, и факелы для контраста света – недоставало только одного, а именно луны, которая, как на смех, скрылась за тучи, как только мы подошли к Колиссею, и не выглянула из них ни разу в продолжении двух часов, что мы там были. Впрочем, Колиссей всегда хорош, и без луны, а одними

факелами производилось в его темных аркадах чудесные эффекты. К тому же меня чрезвычайно тешил бывший с ними немец г-н Майер, секретарь Прусского посольства, антикварий удивительный и глубокий ученый, к тому же дурак необыкновенный, совершенная каррикатура своего патрона Бунцена. Он старался приволокнуться за Репниной...»

Гоголь в письмах Анд. Н. Карамзина к Е. А. Карамзиной // *Свод.* Т. 2. С. 30.

МАЯ 8 <20>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Император Николай I отвечает[1] сыну, Наследнику Александру Николаевичу:

«Не одного, а многих увидишь подобных лицам "*Ревизора*", но остерегись и не показывай при людях, что смешными тебе кажутся, иной смешон по наружности, но зато хорош по другим важнейшим достоинствам, в этом надо быть крайне осторожным».

Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. Сост. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюник. М., 1999. С. 130; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 11.

[1] См. ***1837. Мая 4 <16>. Вторник. Тверь.***

МАЯ 25 <13>. ЧЕТВЕРГ. КАТОЛИЧЕСКИЙ ПРАЗДНИК ТЕЛА ГОСПОДНЯ. РИМ

Исследовательница Р. Джулиани без ссылки на источник сообщает, что якобы 26 мая 1837 г. Гоголь «вместе с А. Н. Карамзиным на площади Св. Петра <...> наблюдает процессию в честь католического праздника Corpus Domini ("Тело Господне")»[1]. Указание Р. Джулиани, что этот праздник приходился в 1837 г. на 26 мая (н. ст.), т. е. на пятницу, ошибочно[2].

[1] *Джулиани Р.* Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: Материалы и исследования / Пер. с итальянского А. Ямпольской. М., 2009. С. 232.

[2] Ошибка в расчетах, допущенная Р. Джулиани, связана, вероятно, с тем, что разница в католическом и православном календарях (между «новым» и «старым» стилем) составляла в XIX в. двенадцать, а не тринадцать дней. Настоящий праздник всегда совершается в Западной Церкви в четверг. В Дженцано, в тридцати верстах от Рима, в этот день всегда устраивается так называемая «инфьората» (infiorata — украшение цветами; *ит.*). Этот «цветочный» праздник Гоголь впервые наблюдал в 1838 г. (см. ***1838. Июня 14 <2>. Четверг. Католический праздник Тела Господня. Дженцано***). — См. также ***1837. Мая 31 — июня 1 <мая 19–20>. Среда-четверг. Рим, Фраскати, Рим*** (примечание).

МАЯ 25 <13>. ЧЕТВЕРГ. ПАРИЖ

Во французском журнале «Le Globe» напечатана анонимная статья А. Мицкевича о А. С. Пушкине, с подписью: «un ami de Pouschkine» (друг Пушкина; *фр.*)[1].

Экземпляр своей статьи Мицкевич, в частности, подарил в 1839 г. в Париже князю П. А. Вяземскому[2].

Из статьи Мицкевича, в переводе Вяземского 1873 г.: «...Александр Пушкин довершал образование свое в Царскосельском Лицее. В этом училище, направляемом иностранными методами, юноша не обучался ничему, что могло бы обратиться в пользу народному поэту; напротив, все могло содействовать ему многое забыть: он утрачивал остатки родных преданий, он становился чуждым и нравам, и понятиям родным. Царскосельская молодежь нашла, однако ж, противоядие

от иноплеменного влияния в чтении поэтических произведений, особенно Жуковского. Сей знаменитый писатель, сперва подражатель Немецким поэтам, впоследствии сделавшийся соперником их, пытался запечатлеть Русскую поэзию народным характером: он воспевал Русские легенды и отечественные предания. Таким образом Жуковский начал воспитание Пушкина. <...>

Писатели в России (hommes de letters) образуют род братства, соединенного многими связями. Они почти все или люди зажиточные, или чиновники правительства; пишут они большею частью для того, чтобы приобресть славу или общественное значение. Талант у них не сделался еще товаром, а потому редко встречаются между ними ремесленное совместничество и вражда интересов. По крайней мере я не видал тому примера. <...> Таким образом литераторы любили собираться между собою, видались почти ежедневно и весело проводили время среди обедов, чтений, дружеских бесед и споров. Поэтому заговорщикам, в числе коих были также известные писатели, легко было действовать пропагандою на Московских и Петербургских приятелей. Пушкин, как и все товарищи его, делал оппозицию в последних годах царствования императора Александра I. <...> Император Николай отменил строгие меры, принятые в отношении к Пушкину. <...>

Те, кто знали его в это время, замечали в нем значительную перемену. Вместо того, чтобы с жадностью пожирать романы и заграничные журналы, которые некогда занимали его исключительно, он ныне более любит вслушиваться в рассказы народных былин и песней и углубляться в изучение отечественной истории. Казалось, он окончательно покидал чуждые области и пускал корни в родную почву. Одновременно разговор его, в котором часто прорывались задатки будущих творений его, становился обдуманнее и степеннее (sérieux). Он любил обращать рассуждения на высокие вопросы религиозные и общественные... <...> Очевидно, поддавался он внутреннему преобразованию. <...> Я ожидал, что вскоре явится он на сцене человеком новым, в полном могуществе дарования своего, созревшим опытностью, укрепленным в исполнении предначертаний своих. Все знавшие его делили со мною эти желания. Выстрел из пистолета уничтожил все надежды. Пуля, сразившая Пушкина, нанесла ужасный удар умственной России. Она имеет ныне отличных писателей; ей остаются Жуковский, поэт исполненный благородства, грации и чувства; Крылов, басенник, богатый изобретением, неподражаемый в выражении, и другие; но никто не заменит Пушкина. Только однажды дается стране воспроизвести человека, который в такой высокой степени соединяет в себе столь различные и, по-видимому, друг друга исключающие качества. <...> Когда говорил он о политике внешней и отечественной, можно было думать, что случаешь человека, заматеревшего в государственных делах и пропитанного ежедневным чтением парламентских прений. <...> Он умер 38 лет»[3].

В целом оценка Мицкевичем Пушкина в основных чертах совпадает с характеристикой поэта в статье Гоголя «Несколько слов о Пушкине» (1835) и в его «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847). Со словами Мицкевича о Царскосельском лицее перекликаются также позднейшие суждения Гоголя о «новых преподавателях, с новыми взглядами и новыми точками воззрений» в рассказе об обучении Тентетникова во втором томе «Мертвых душ» (основой для этого рассказа послужили Гоголю воспоминания о его alma mater — Гимназии высших наук князя Безбородко в Нежине, принципы обучения в которой во многом сходствовали с характером образования в Царскосельском лицее[4].)

[1] *Вяземский П. А., князь.* Мицкевич о Пушкине // А. С. Пушкин: Новонайденные его сочинения; Его черновые письма; Письма к нему разных лиц; Биографические и критические статьи о нем / <Собр. П. И. Бартенев>. Вып. 2. К биографии А. С. Пушкина. М., 1885. С. 157–163.

[2] *Дерюгина Л. В.* Примечания // *Вяземский П. А.* Эстетика и литературная критика. Сост., подготовка текстов, вступ. ст. и коммент. Л. В. Дерюгиной. М., 1984. С. 482.

[3] *Вяземский П. А., князь.* Мицкевич о Пушкине. С. 158, 159, 161–162.

[4] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Религиозное образование Гоголя в Нежинской гимназии высших наук // Н. В. Гоголь и Православие. М.: Отчий дом, 2004. С. 169–170, 190, 258.

МАЯ 16 <28>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ТВЕРЬ

Наследник Александр Николаевич пишет отцу, Императору Николаю I, в Царское Село[1]:

«Мы ночевали в доме поме<щицы> Жадовской <...> сын ее отставной офицер нас угощал, он должен быть удивительный чудак и напомнил мне Петр<а> Ив<ановича> Бобчинского, наподобие его он просил одной только милости, чтобы довести до Твоего сведения, что я ночевал в его доме. Но и при сем случае я припомнил Твое наставление, любезный Папа, чтобы не показывать вид другим, что кажется смешным».

Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. Сост. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюник. М., 1999. С. 41; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 9.

[1] См. ***1836. Мая 25 <июня 6>. Вторник. Царское Село.***

МАЯ 31 – ИЮНЯ 1 <МАЯ 19–20>. СРЕДА-ЧЕТВЕРГ. РИМ, ФРАСКАТИ, РИМ

Гоголь с Анд. Н. Карамзиным ездил во Фраскати к Репниным-Волконским и пробыл там два дня.

3 июня (н. ст.) 1837 г. Карамзин сообщал матери: «В среду поехали мы с Гоголем во Фраскати, к Репниным, и пробыли там два дня[1]. Роскоши юга в полном летнем уборе, и милое гостеприимство хозяек осветило и ободрило унылый дух. <...> Гоголь gange a etre connu[2], он делается разговорчив и часто в разговоре смешон и оригинален, как в своих повестях. Жаль, очень жаль, что недостает в нем образования, и еще больше жаль, что он этого не чувствует. Погода здесь установилась превосходная; в городе тяжко ходить днем от раскаленных камней...»

Гоголь в письмах Анд. Н. Карамзина к Е. А. Карамзиной // *Свод.* Т. 2. С. 30.

[1] Р. Джулиани без ссылки на источник сообщает, что 1 июня «вся компания отправляется в городок Дженцано» (*Джулиани Р.* Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: Материалы и исследования / Пер. с итальянского А. Ямпольской. М., 2009. С. 232). – См. также ***1837. Мая 25 <13>. Четверг. Католический праздник Тела Господня. Рим.***

[2] При знакомстве выигрывает (*фр.*).

МАЙ <АПРЕЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – МАЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА>. РИМ

Вероятно, в указанный период в Рим прибыл А. С. Данилевский[1]. (Данилевский жил до этого, с конца лета – начала осени 1836 г., в Париже, затем – в Женеве.)

Гоголь 3 июня (н. ст.) 1837 г. сообщал Н. Я. Прокоповичу: «Данилевский теперь тоже здесь»[2].

В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., писал: «Гоголь и Данилевский вращались в Риме преимущественно в кружке русских художников, пансионеров Академии Художеств, в числе которых у них были даже довольно короткие знакомые; но вообще большинству из них, – кроме, конечно, А. А. Иванова, – они мало сочувствовали и часто над ними подсмеивались. К таким принадлежал некто Дурнов, человек, любивший порисоваться и поволочиться[3], с огромным самомнением и, между прочим, не стеснявшийся бранить "наповал все, что ни находится в Риме"[4]; Никитин, над которым Гоголь смеялся по поводу безобразного произношения им по-итальянски своего адреса (Vicolo dei Greci, numero dieci[5]; "адрес Никитина в стихах", говаривал Гоголь[6]); <Д. Е.> Ефимов, показывавший Погодину, как собственное открытие, какия-то египетские древности, потому что "имел благородное обыкновение, свойственное впрочем всем художникам, не заглядывать в книги"[7]. (<...> По словам А. С. Данилевского, один Ефимов <Дмитрий Егорович>

занимался египетскими древностями, другой <Николай Ефимович> — греческими; оба были архитекторы. <...>) <...>

Данилевского он <Гоголь> немедленно ввел в кружок русских художников, хорошо ему знакомых, и они вместе постоянно обращались в этом обществе — между прочим за недостатком других знакомств. <...>

...Данилевский очень мало знал Иванова. (Мне помнится, что Данилевский говорил о своих встречах с Ивановым в 1837 г., но точно он времени не обозначал и, к сожалению, я не предвидел тогда, что после потребуется именно обстоятельное разъяснение времени начала его знакомства с знаменитым художником, чтобы без колебаний установить время знакомства последнего с Гоголем. Но в 1838 г. Данилевский в Риме не был, следовательно уже поэтому можно было бы отнести знакомство его и Гоголя с Ивановым к 1837 г., что мне лично и представляется несомненным.)»[8];

«А. С. Данилевский весьма часто вспоминал в своей семье о Гоголе и рассказывал о нем чрезвычайно много любопытного, но значительная доля его воспоминаний являлась результатом неожиданной ассоциации представлений и имела случайный, отрывочный характер. Данилевскому случалось припомнить о том, как Гоголь неподражаемо передавал в лицах какую-нибудь интересную, иногда даже не совсем скромную сцену, как находчиво отпускал он забавную остроту в театре, в какой-нибудь таверне или лавке, как однажды, например, вслед за такой остротой с невыразимым, полным комизма нетерпением и с необыкновенной живостью обратился к переводчику со словами: “переводчик, переводи!”»[9]

В 1894 г. В. И. Шенрок, со слов княжны В. Н. Репниной-Волконской (ум. в 1891), сообщал: «Из знакомых у Гоголя в это время в Риме не было почти никого, кроме Балабиных, Репниных и княгини Зинаиды Александровны Волконской, не считая, конечно, сожителя его Данилевского»[10].

В период пребывания Данилевского в Риме Гоголь познакомил его с учителем итальянского языка Грифи[11].

В конце июня (н. ст.) 1837 г. Гоголь, простившись с Данилевским, выехал из Рима[12]. В начале сентября — начале ноября (н. ст.) того же года они вновь встретились в Женеве[13]. Впоследствии Данилевский отправился обратно в Париж и в Рим больше не приезжал[14]. Гоголь вернулся тогда в Рим и позднее, в письме от 26 февраля (н. ст.). 1838 г., сообщая Данилевскому об их общих римских знакомых, замечал: «Наконец я добился от тебя письма. Оно меня очень обрадовало». «Одно только мне непонятно, — продолжал Гоголь, — неужели ты не получил моего письма? Я <...> тотчас же, по приезде в Рим[15], написал к тебе письмо[16]. <...> В прежнем письме я уже уведомлял тебя, что в Риме все живы, не только знакомые и русские художники, но даже и все те лица, с которыми встречался ты чаще на улице. <...> Только одна бедная хозяйка твоя, Роза, умерла. Обо всем этом я уже писал к тебе, и мне скучно повторять два <раза>. <...> (Репнины во Флоренции)».

[1] Ранее, 30 марта (н. ст.) 1837 г. Гоголь писал Прокоповичу: «Данилевский обещался неделею после меня быть в Рим <т. е. около 2 апреля(н. ст.)>, но до сих пор его не вижу». В назначенное время Данилевский в Рим не прибыл, а в начале апреля (н. ст.) 1837 г. послал Гоголю в Рим письмо из Женевы. 15 апреля (н. ст.) 1837 г. Гоголь отвечал Данилевскому: «Напиши по крайней мере, где ты располагаешь быть через полтора месяца, ибо через полтора месяца я выеду из Италии заглянуть на какие-нибудь немецкие воды». Вероятно, в Риме Данилевский появился в мае (н. ст.) 1837 г.

[2] См. также ***1837. Апреля конец — мая начало <апреля вторая половина>. Рим.***

[3] См. ***1838. Февраля 26 <14>. Понедельник. Рим.***

[4] Из письма Гоголя к А. С. Данилевскому от 13 мая (н. ст.) 1838 г. из Рима (см. ***1838. Мая 13 <1>. Воскресенье. Рим. Вилла княгини З. А. Волконской***).

[5] Греческий переулок, дом 10.

[6] Ср.: «Он жил в Vicolo dei Greci № dieci (Греческая ул., № 10). Его выговор по-итальянски этих слов всегда возбуждал смех. “Адрес Никитина в рифмах”, — говаривал Гоголь» (Указатель к письмам Гоголя, заключающий в себе объяснения инициалов и других сокращений в издании Кулиша. С приложением неизданных отрывков из писем матери Н. В. Гоголя и его собственных. Составил В. И. Шенрок. М., 1886. С. 54).

[7] Из письма Гоголя к М. П. Погодину от 5 мая (н. ст.) 1839 г. из Рима.

[8] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 517–518. См. также ***1837. Апреля 18 <6>. Вторник. Рим.***

[9] Воспоминания А. С. Данилевского о последних годах жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 525.

[10] Воспоминания княжны В. Н. Репниной-Волконской в записи В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 3. С. 106.

[11] Позднее, 5 мая (н. ст.) 1839 г., Гоголь писал Данилевскому: «Кланяется тебе Грифи» (см. ***1839. Мая 5 <апреля 23>. Воскресенье. Рим***). – См. также ***1839. Апреля 5 <марта 24>. Страстная пятница. Рим.***

[12] См. ***1837. Июня вторая половина, не позднее 25 <июня первая половина, не позднее 13>. Рим.***

[13] См. ***1837. Сентября около 5 – ноября средина <августа около 24 – ноября начало>. Женева.***

[14] См. ***1837. Ноября вторая половина, не позднее 24 <ноября не позднее 12>. Озеро Лаго-Маджоре, Домодоссола; 1838. Апреля около 8 <марта около 26>. Рим; 1838. Апреля 19 <7>. Четверг Светлой седмицы. Рим.***

[15] См. ***1837 ноября не позднее 30 <не позднее 18> – 1838 июля начало <июня вторая половина>. Рим.***

[16] См. ***1837. Декабря начало <ноября вторая половина>. Рим*** (письмо не сохранилось).

ИЮНЯ 3 <МАЯ 22>. СУББОТА. РИМ

Гоголь пишет ответное[1] письмо Н. Я. Прокоповичу в Петербург:

«Наконец, я дождался от тебя письма; хотя коротенькое, но спасибо и за это. <...> Не скучай и не негодуй на пространство, которое нас разделяет. Конечно, лучше лежать вместе на диванчике твоей постоянной квартиры у Б<арона> Врангеля[2], – ты в халате, с трубочкой, я – в старом сертуке, и толковать о всяком вздоре. Признаюсь, часто, когда вспомню ваньку, тащащего меня на тряских дрожках в Свечной переулок, то очень бы хотелось мне в Петербург. Но что ж делать? <...> Данилевский теперь тоже здесь. Он думает на зиму возвратиться в Петербург и расскажет тебе всё. Да, кстати, чтобы не позабыть: пожалуйста, выбрани хорошенько Пащенка за эту достойную его догадку, что мы поссорились, и потому ездим не вместе. Что мы не ездим всегда вместе, это зависит, кроме того, что иногда приятно разлучиться для того, чтобы скоро увидеться, – это зависит от [небольш<ой>] разности в образе воззрения, которою разнообразно исполнены наши людские умы. Полковник[3] больше человек современный, воспитанный на современной литературе и жизни; я больше люблю старое. Его тянет в Париж, меня гнетет в Рим. Но, порыскавши, мы всегда сходимся и приготовляем таким образом друг для друга запас для разговоров. Я бы хотел с тобою теперь поговорить о Риме; но это́ такое бездонное море, что не знаешь, откуда, с которого конца начать и о чем говорить. Я живу скоро три месяца, всякой день смотрю что-нибудь новое, – и всё еще бездна остается смотреть. Тут только узнаешь, что такое искусство. (А природа? Она – италианская красавица, больше я ни с чем не могу ее сравнить, италианская пейзанка, смуглая, сверкающая, с черными, большими – большими глазами, в платье алого, нестерпимого для глаз цвета, в белом, как снег, покрывале). Тут только можно узнать, что такое Рафаэль, которого имя привыкли мы произносить и который для нас, не бывших здесь, существо идеальное и миф высокого искусства. Но к чему говорить и толковать об этом?

"Друг попечительный, больного
В дремоте сладкой не тревожь!"[4]

– сказал, кажется, где-то Баратынский; впрочем, этот же самый стих можно иногда обратить и ко мне. Я теперь намерен тебя прежде всего навьючить страшным множеством поручений, которые все ты должен выполнить. Первое и самое главное, узнай от Плетнева или попроси, чтобы Плетнев узнал, получил ли Жуковский мое письмо и какой имело успех письмо мое к государю[5]. От него зависит моя судьба. Потом мелкое дело. Весь ли вексель Смирдина послал ко мне Плетнев или нет? Мне кажется, что он был на тысячу двести. Впрочем, может быть, что я и ошибаюсь; если уже есть остаток, то скажи ему, что я просил его [убед<ительно>] назначить эти деньги для сестер <Анны и Елисаветы>, поручивши их в институте какой-нибудь даме. Я думаю, что у них не заплачено ни за музыку[6], ничего. 3-е, у него же, Плетнева, узнай, получил ли он от Жуковского что-нибудь, что мне следовало от государыни за поднесение экземпляра моей комедии[7]. Жуковский мне сказал перед выездом, чтобы я не имел об этом никакого сомнения, что он и по отъезде моем будет стараться. Это всё, что нужно узнать от Плетнева. Итак, 3 вещи. Теперь: нужно тебе все рукописные мои книги, которые находятся в моей библиотеке в связках, сложить в ящик, запаковать и отправить

ко мне. Мне очень нужны они, и без них я как без рук. Там у меня выписки и материалы всего. Теперь же принимаюсь не на шутку за важное дело[8]. Сделать это вот каким образом: узнать, какой из иностранных кораблей идет прямо в Ливорно, адресоваться к капитану его и заплатить за доставку деньги, которых придется немного, потому что перевозка очень недорога. Но во всяком случае, что бы ни потребовали, нужно заплатить, потому что мне нужны эти книги и тетради. На вьюке, выставивши мое имя, адресовать на имя нашего консула в Ливорно[9] с просьбою тут же на вьюке, чтобы оно дождалось у него моего приезда в Ливорно. 2-е, пришли вышедшую первую книжку "Современника" на этот год[10]. Его можешь взять у Плетнева; присоедини к этому "Ундину"[11] и еще, если вышло что-нибудь замечательного. Это можешь взять у Смирдина, на мое имя. Пусть поставит его на мой счет. Послать же это ты можешь вот каким образом: завернуть книги в пакет, один или два-три, как хочешь, и надписать: в Вену, в русское посольство, г. Горчакову[12], а оттуда в Рим, на имя Кривцова[13], нашего charge d'affaires в Риме, <...> не платя за это ничего».

Просит Прокоповича навещать «в каждые две недели по разу» своих сестер Анну и Елисавету в Патриотическом институте. Прилагает письмо к ним и их классной даме М. А. Мелентьевой (не сохранились)[14]: «Она очень добрая и ми<лая>». Просит узнать, где находятся П. Н. Демидов[15] («Его дом в Большой Миллионной») и П. А. Лукашевич[16]. Вновь[17] призывает Прокоповича приняться за писательство:

«Ей, пора тебе. Берись за перо; не то будет поздно. Пиши повестоночки или стишоночки, если стишоночки, то пришли их в твоем письме кусоночки. На меня пришла теперь особенная жажда читать твои стихи. После итальянских звуков, после Тасса и Данта, душа жаждет послушать русского».

Признается приятелю:

«Ты старый, верный спутник от незапамятной юности. Будь здоров и весел мыслью, что хотя немноголюден [тройственн<ый>] круг наш, состоящий, может быть, из трех только лиц[18], но тесна связь его и будет продолжаться даже тогда, когда даже ни одного из нас не будет на свете».

[1] См. ***1837. Апреля 18 <30>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Санкт-Петербург.***

[2] Письмо адресовано: «В Петербург. В Свещной переулок, близ Владимирской, в доме Б. Врангеля». См. также ***1837. Января 25 <13>. Среда. Париж.*** – Позднее Прокопович жил на Васильевском острове (см. ***1837. Июля 20 <августа 1>. Вторник. Санкт-Петербург*** – примечания; ***1839. Ноября после 3 – декабря не позднее 17. Санкт-Петербург***; ***1841. Ноября 25. Вторник. Москва***).

[3] Так Гоголь называл в шутку А. С. Данилевского.

[4] Неточная цитата из элегии Е. А. Боратынского «Разуверение» (1821).

[5] См. ***1837. Апреля 18 <6>. Вторник. Рим.***

[6] См. также ***1836. Мая 26. Вторник. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1836. Апреля 29. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1836. Июня 28 <16>. Вторник. Гамбург.***

[8] Вероятно, речь идет о драме из эпохи Богдана Хмельницкого (см. ***1836. Ноября 12 <октября 31>. Суббота. Париж***; ***1839. Августа 15 <3>. Четверг. Мариенбад***).

[9] Статский советник Федор Филиппович Энгельбах (ум. в 1842).

[10] См. ***1837. Сентября 3 <августа 22>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***

[11] Ундина, старинная повесть, рассказанная в прозе бароном Ламот Фуке, на русском в стихах В. Жуковским. СПб., 1837. – См. также ***1837. Июля 16 <4>. Воскресенье. Баден-Баден.***

[12] Князь Александр Михайлович Горчаков.

[13] Павел Иванович Кривцов.

[14] Позднее, в письме от 21 июля (н. ст.) 1837 г. из Бадена, Гоголь писал Прокоповичу: «Получил ли ты письмо мое из Рима? В нем были, между прочим, два письма в Институт. Если ты их не отдавал туда, то и не отдавай. Пусть останутся у тебя».

Сестра Гоголя Анна в письме к В. С. Аксаковой от 24 марта 1853 г. сообщала о письмах брата: «Не помню, показывали ли мы Вам его письма из-за границы в институт. Жаль, что теперь их осталось очень мало – не-

сколько у Лизы — и много потеряно, а они были очень милы» (*Свод.* Т. 1. С. 144). В 1885 г. она же сообщала Г. П. Данилевскому: «В последнее время его письма были всегда грустные и строгие, а прежде в институт он нам писал веселые письма и часто шутил, особенно с сестрою Ел. В. Быковой» (*Данилевский Г. П.* Знакомство с Гоголем // *Свод.* Т. 1. С. 317).

Сестра Елисавета 1 апреля 1853 г., в свою очередь, писала Вере Аксаковой: «...Письма его к нам в институт доказывают, что он слишком переменился, как воротился из Иерусалима. К сожалению, письма институтские сохранились только три: все просили нас прочесть и так зачитали их» (*Свод.* Т. 1. С. 177).

[15] См. ***1836. Мая между 18 и 21–22. Санкт-Петербург.***

[16] См. также ***1837. Января 25 <13>. Среда. Париж.***

[17] См. ***1837. Января 25 <13>. Среда. Париж.***

[18] Гоголь, Прокопович и Данилевский.

МАЯ 23 <ИЮНЯ 4>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

МАЯ 25 <ИЮНЯ 6>. ВТОРНИК. ЦАРСКОЕ СЕЛО

Император Николай I отвечает[1] сыну, Наследнику Александру Николаевичу:

«Смеялся я, читав сцену с Бобчинским, хорош, должен быть, гусь; но спасибо тебе, что <приучился> не показывать смеху при других».

Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. Сост. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюник. М., 1999. С. 134; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 11.

[1] См. ***1837. Мая 16 <28>. Воскресенье. Тверь.***

ИЮНЯ 8 <МАЯ 27>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ. РИМ

Княгиня З. А. Волконская сообщает С. П. Шевыреву в Москву:

«Гоголь здесь и часто приходит на мою виллу, он читает в моей библиотеке...»

Мусатова Т. Л. Н. Гоголь, З. Волконская и «социальное христианство» // Творчество Гоголя в диалоге культур. Четырнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 29 марта — 1 апреля 2014 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя — мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2015. С. 224.

ИЮНЯ 12 <МАЯ 31>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь пишет ответное письмо матери в Васильевку:

«Наконец я получил ваше письмо... <...> Очень сожалею, что здоровье сестры моей <Марии> так плохо. <...> Я проживу, думаю, всё лето в Риме. На один месяц, впрочем, еду в Швейцарию попробовать новых минеральных вод, о которых много говорят. <...> Я дождался наконец италианских жаров. Уже теперь такие дни, каких у нас вовсе не бывает. <...> В полдень почти всё запирается, улицы пусты, в комнатах темно, все ставни закрыты. В семь часов вечера начинает двигаться

народ. Вся ночь (прекрасная ночь) состоит из гуляний. Нередко, проснувшись в два часа ночи, слышишь на улице серенаду, и движенье не прекращается. Города в окружности Рима с виллами прекрасны. Виллами называются дачи, загородные дворцы, которых здесь очень много, и почти все великолепны. Виды прекрасны. Август месяц бывает в Италии так жарок, что кричат собаки, ходя по улицам. Но в августе я не буду в Италии и возвращусь сюда разве только в сентябре. Дай Бог, чтобы сбор хлеба у вас был хорош. Здесь уже начинается его уборка, но, кажется, его не будет много, потому что много полей осталось незасеянными. Прошлый год был [большой] голод. Италианцы ленивы. Папа на днях раздавал хлеб народу. Развалины всё так же прекрасны, увиты плющом, который здесь так разрастается, что не тоньше в корне наших дубов. Запах померанцев от солнца сильнее. Один лезет в мое окошко, и я могу доставать рукою с него плоды. От сестер <Анны и Елисаветы> я давно не получал писем. Ваши замечания все справедливы насчет незванных посетителей, которые довольно нагло вторглись в институт и требуют с ними свидания, называясь родственниками и знакомыми. Я совершенно согласен, что для девиц их возраста совершенно не нужны такого рода развлечения. Очень хорошо будет, если вы напишете, чтобы они не принимали никого, кроме самых близких, и отговаривались в таком случае занятиями. Я тоже с своей стороны дам им это заметить».

МАЙ <МАЯ СРЕДИНА – ИЮНЯ СРЕДИНА>

М. С. Щепкин играл Городничего в «Ревизоре» на гастролях в Воронеже.

Гриц. С. 234.

ИЮНЯ 4 <16>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ИЮНЯ 6 <18>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЕНЬ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ

ИЮНЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА, НЕ ПОЗДНЕЕ 25 <ИЮНЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА, НЕ ПОЗДНЕЕ 13>. РИМ

Гоголь, простившись с А. С. Данилевским, выезжает из Рима[1]. Незадолго до отъезда обещал В. О. и М. П. Балабиным написать, какое впечатление на него произведет «Швейцария после Италии»[2].

Позднее, 5 февраля (н. ст.) 1839 г., Гоголь писал Данилевскому из Рима: «Рим! прекрасный Рим! Ты помнишь ли его? знойную Piazza di Spagna[3], кипарисы, сосны, Петра и дуб Тасса[4], где мы простились, и твоя purificatione[5]».

[1] См. ***1837. Июня 27 <15>. Вторник. Турин.*** – Дорога от Рима до Турина занимала в то время два-три дня.

[2] См. ***1837. Июля 16 <4>. Воскресенье. Баден-Баден.***

[3] Площадь в Риме.

[4] См. также ***1843. Января 27 <15>. Пятница. Рим.***

[5] Via (улица) Purificazione (очищение, освящение; *ит.*), где жил Данилевский в Риме. – См. также ***1838. Апреля 19 <7>. Четверг Светлой седмицы. Рим.***

ИЮНЯ 14 <26>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ИЮНЯ 27 <15>. ВТОРНИК. ТУРИН

Гоголь находится проездом в Турине. Пишет письмо матери в Васильевку (авторская датировка: «15 июня 1837»):

«Вы не удивляйтесь, почтеннейшая маминька, что не получаете ответов на ваши письма. Я их не буду получать по крайней мере полтора месяца: они, без сомнения, все адресованы вами в Рим, а я не раньше туда возвращусь, как в августе или в начале сентября[1]. Пишу и теперь к вам из столицы короля Сардинского <Карла Альберта>, которая не уступает в великолепии прочим. Славится правильностью своих улиц, опрятностью, регулярностью и чистотою домов. Природа уже теряет здесь чисто италианский характер. На место кипарисов — тополи[2]; на место кактусов, маслиничных дерев, миндальных и лимонных чаще попадается более обыкновенных дерев. Словом, это переход от Италии к Швейцарии, и завтра же[3] я увижу опять места и горы, которые видел прошлый год[4]. В Бадене[5] я опять проживу недели две или три и, может быть, возьму тамошних вод. Всё же-таки нужно когда-нибудь отведать, что такое минеральные воды. Я до сих пор ими не пользовался, и хотя чувствую себя здоровым, но для моих гемороид доктора советуют их как действительное средство. Если вы хотите, чтобы я раньше получил ваше письмо, то адресуйте его в Женеву, в Poste restante. Если успеете его отправить в августе месяце, то оно будет мною получено, потому что, может быть, я в Женеве пробуду недели две, на возврате в Италию. Целую сестриц <Марию и Ольгу> и племянника <Николая>».

[1] См. ***1837 ноября не позднее 30 <не позднее 18> – 1838 июля начало <июня вторая половина>. Рим.***
[2] См. ***1837. Июля 16 <4>. Воскресенье. Баден-Баден.***
[3] На самом деле Гоголь, вероятно, отправился в Марсель и – далее – в Испанию и Португалию (см. ***1837. Июня 28 – июля не позднее 15 <июня 16 – июля не позднее 3>. Турин, Марсель, Барселона, Мадрид, Лиссабон, Турин, Баден-Баден***).
[4] См. ***1836. Июля конец – августа средина <июля средина – августа начало>. Баден-Баден.***
[5] См. ***1837. Июля около 15 – августа не позднее 27–28 <июля около 3 – августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден; 1837. Июля 16 <4>. Воскресенье. Баден-Баден.***

ИЮНЯ 28 – ИЮЛЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 15 <ИЮНЯ 16 – ИЮЛЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 3>. ТУРИН, МАРСЕЛЬ, БАРСЕЛОНА, МАДРИД, ЛИССАБОН, ТУРИН, БАДЕН-БАДЕН

Вероятное путешествие Гоголя из Турина в охваченную междоусобной войной Испанию и Португалию, возвращение в Турин и переезд в Баден.

О путешествии Гоголя в Испанию упоминали: А. И. Тургенев 1 сентября (н. ст.) 1837 г.[1]; О. М. Бодянский в письме к М. П. Погодину от 12 мая (н. ст.) 1838 г.[2]; К. С. Аксаков в письме к братьям от 30 сентября 1839 г.[3]

И. И. Срезневский в письме к матери от 7–8 октября 1839 г. называл Гоголя «русским испанцем»[4]. Об испанском вояже Гоголя четырежды свидетельствовала также А. О. Смирнова (дважды в 1854 г., около 1873 и в 1877 г.), ее дочь О. Н. Смирнова (в 1877 г.) и А. С. Данилевский (в 1887 г.) (см. ниже).

А. О. Смирнова в 1877 г. вспоминала: «Раз говорили[5] о разных комфортах в путешествии, и он сказал мне, что на этот счет всего хуже в Португалии, и еще хуже в Испании, и советовал мне туда не соваться с моими привычками. “Вы как это знаете, Николай Вас<ильевич>?” – спросила я его. “Да я там был, пробрался из Испании[6], где также очень гадко в трактирах; всё едят с прогорклым прованским маслом; раз слуга подал мне котлету совсем холодную; я попросил его подогреть ее; он преспокойно пощупал рукой и сказал, что она должна быть так. Чтобы не спорить, я спросил шоколаду, который оказался очень хорошим, и ушел”. – Неправда, Ник<олай> Вас<ильевич>, вы там не были, там всё дерутся гверильясы, все в смутах; и что все, которые оттуда приезжают, много рассказывают, а он ровно ничего. На все это он очень хладнокровно отвечал: “Вы привыкли, чтобы вам всё рассказывали, и занимали публику, чтобы с первого слова человек всё выложил, что знает, что пережил, даже то, что у него на душе”. Я осталась при своем, что он не был в Испании, и у нас осталось это русской шуткой (Жуковский говорил, что русская шутка только тем и хороша, что повторяется)[7]. В Испании он точно был <...>; он оставался недолго; ни климат, ни природа, ни картины не могли произвести особенного впечатления. Испанская школа для него с Болонскою, как в отношении красок, так и рисунка, была противна[8]. Он называл Болонскую школу пекарской. Понятно, что такой художник, как Гоголь, раз взглянувши на Рафаэля в Риме, не мог слишком увлекаться другими живописцами. Его приводил в восторг сжатый, строгий рисунок Рафаэля, он любил Перуджино, из Ранционгли. Джон Bellini нравился своей божественной наивностью; но всё это не может сравниться с нашими византийцами, у которых краска ничего, и всё в выражении и чувстве. Вообще у него была некоторая сдержка в оценке произведений художников; надобно было, чтобы все струны его души признали вещь за прекрасную, чтобы он ее признал гармоническою. “Стройность, гармония во всем, вот что прекрасно”, говорил он»[9].

В. И. Шенрок, беседовавший в 1887 г. с Данилевским – и вскоре получивший от дочери А. О. Смирновой Ольги Николаевны ее записки о Гоголе (основанные на воспоминаниях матери) – в 1888 г. сообщал: «...Дополним здесь кстати, на основании записанного Ольгой Николаевной Смирновой, рассказ Гоголя о путешествии его в Испанию, тем более, что этот эпизод его жизни остается почти неизвестным в нашей литературе. Гоголь был в Испании и даже читал по-испански, в чем удостоверяют по воспоминаниям лица, близко его знавшие (О. Н. Смирнова и друг Гоголя – А. С. Данилевский).

Из Марселя Гоголь отправился морем в Барселону (вероятно, в 1837 г., когда в его переписке замечается длинный перерыв, – с июня по ноябрь) и рассказывал анекдот по этому поводу. Погода была отвратительная. В каюте был Гоголь, два француза и англичанин. Их очень укачивало и все сильно мучились морскою болезнью.

К утру англичанин разделся, снял даже рубашку и при всех бесцеремонно вымылся с ног до головы. Один из французов, возмущенный такой выходкой, обращаясь к Гоголю, сказал:

– Avouez, monsieur le russe, que voila un cochon bien propre![10]

Другой случай произошел в гостинице в Мадриде. Все в ней по испанскому обычаю было грязно; белье было совсем засаленое. Гоголь пожаловался; но хозяин отвечал: “senor, нашу незабвенную королеву (Изабеллу) причисляют к лику святых, а она во время осады несколько недель не снимала с себя рубашки, и эта рубашка, как святыня, хранится в церкви, а вы жалуетесь, что ваша простыня нечиста, когда на ней спали *только* два француза, один англичанин и одна дама очень хорошей фамилии: разве вы чище этих господ?”

Когда Гоголю подали котлетку, жареную на прованском масле и совершенно холодную, Гоголь снова выразил неудовольствие. Лакей (mozzo) преспокойно пощупал ее грязной рукой и сказал:

– Нет, она тепленькая: пощупайте ее!»[11]

Позднее, в 1895 г., В. И. Шенрок писал: «Что Гоголь был действительно в Испании, сообщено еще г. Кулишом в “Записках о жизни Гоголя” и затем подтверждается показаниями Смирновых и Данилевского... <...> По свидетельству покойной О. Н. Смирновой, из Марселя Гоголь приехал в Барселону и это путешествие могло произойти в более, нежели месячный промежуток между 15 июня, когда Гоголь был в Турине, и 21 июля[12], когда мы его видим уже в Бадене»[13].

«В архиве Э. М. де Вогюэ[14] М. Рель обнаружил записанный французским писателем его разговор с кем-то из семьи Смирновых (по мнению автора, скорее всего с А. О. Смирновой) (*Röhl M.* Le Roman Russe de Eugene-Melchior de Vogüe. Stockholm, 1976. P. 121–122). По-видимому, источником сведений Вогюэ о поездке Гоголя в Испанию и об "ориентации" русского писателя во время работы над "Мертвыми душами" на роман Сервантеса[15] является именно А. О. Смирнова»[16].

[1] См. ***1837. Сентября 1 <августа 20>. Пятница. Франкфурт.***

[2] См. ***1838. Мая 12 <апреля 30>. Суббота. Прага.***

[3] См. ***1839. Сентября 29. Пятница. Москва.***

[4] См. ***1839. Октября 7. Москва.*** Ср. также ***1845. Апреля 23–27 <12–15>. Висбаден.***

[5] См. ***1837. Июля около 15 – августа не позднее 27–28 <июля около 3 – августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден.***

[6] «...Я пробрался в Лис<с>абон из Испании...» (Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 216).

[7] «С того времени между ними образовалась шутка: "Это было тогда, когда вы были в Испании", и сам Гоголь говаривал: "Это было тогда, когда я был в Испании". А<лександра> О<сиповна> часто над ним смеялась и выговаривала, как ему не стыдно лгать, и т. п. Гоголь все переносил с хладнокровием стоика» (Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 216).

[8] «Испанская школа, в отношении красок и в особенности рисунка, сливалась для него с Венецианскою и Болонскою, которых он не любил, особенно Болонской» (Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 216).

[9] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 249–250. См. также: Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 216; <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод.* Т. 2. С. 227–228; <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 242.

[10] Признайте, господин русский, что вот очень чистоплотная свинья! (*фр.*).

[11] <«Отрывки из дневника» А. О. Смирновой, присланные О. Н. Смирновой В. И. Шенроку около 1888 г.> // *Свод.* Т. 2. С. 311–312. См. также ***1848. Сентября 17–18. Пятница-суббота. Павловск.***

[12] См. ***1837. Июля 16 <4>. Баден-Баден.***

[13] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 518; *Шенрок.* Т. 3. С. 198; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 314.

[14] Э. М. де Вогюэ (1848–1910), французский писатель и критик, автор книги «Русский роман» («Le roman russe», 1886).

[15] Параллель, которую проводит Э. М. де Вогюэ между «Дон Кихотом» и «Мертвыми душами», перекликается с словами самого Гоголя в «Авторской исповеди» (см. также ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург***).

[16] *Багно В. Е.* Гоголь и испанская литература // *Багно В. Е.* Россия и Испания: общая граница. СПб., 2006. С. 307.

ИЮНЯ 18 <30>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ИЮНЯ 29 <ИЮЛЯ 11>. ВТОРНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], Н. Я. Прокопович получил в этот день письмо Гоголя из Рима[2].

В тот же день в Петербурге было выдано цензурное разрешение девятого тома «Энциклопедического лексикона», где, в частности, напечатана статья Н. И. Надеждина «Великая Россия».

В статье Н. И. Надеждин писал: «Русский народ богат, как нельзя более практическою мудростию... <...> Это доказывается его пословицами, которые составляют драгоценный кодекс житейской философии... <...> В действиях своих Русский человек не любит расчислять, выкладывать, смотреть вдаль, разбирать вероятности удачи и неудачи; у него и в языке нет слова, соответствующего тому, что называется “chance”[3]. Ему стоит только решиться, а там все нипочем: любимое его правило: “на *авось* города брать, да *как-нибудь* век прожить”. Оттого и другая пословица: “Русак умен задним умом”»[4].

Ранее, в 1832 г., И. М. Снегирев также указывал: «Что Русский и после ошибки может спохватиться и образумиться, о том говорит его же пословица: *Русский задним умом крепок*»[5].

Рассуждения Снегирева и Надеждина нашли отражение в строках десятой главы первого тома «Мертвых душ»: «Почтмейстер <...> сознался, что совершенно справедлива пословица, говорящая, что русский человек задним умом крепок». — Эти строки впервые появились в сохранившейся черновой редакции поэмы, датируемой периодом с начала 1840 г. до осени этого года[6].

Позднее, в статье *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846) Гоголь писал: «...Крылов <...> в <...> басне умел сделаться народным поэтом. Эта наша крепкая русская голова, тот самый ум, который сродни уму наших пословиц, тот самый ум, которым крепок русский человек, ум выводов, так называемый задний ум».

[1] См.: *Шубинский*. С. 37.

[2] См. ***1837. Июня 3 <мая 22>. Суббота. Рим.***

[3] Шансы, возможности (*фр.*).

[4] *<Надеждин Н. И.> Н. Н.* Великая Россия // Энциклопедический лексикон. СПб., 1837. Т. 9. Вар-Вес (цензурное разрешение 29 июня). С. 267–268.

[5] *Снегирев И.* Русские в своих пословицах: Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. М., 1832. Кн. 2. С. 27. — См. также: «Так в собственно Русских пословицах выражается свойственный народу склад ума, способ суждения, особенность воззрения. <...> Коренную их основу составляет многовековой, наследственный опыт, этот *задний ум*, которым *крепок Русский...*» (*Снегирев И.* Русские народные пословицы и притчи. М., 1848. С. XV).

[6] *Гоголь 1937–1952*. Т. 6. С. 530–531. — См. также ***1839. Октября 30 — декабря 17. Санкт-Петербург.***

ИЮЛЯ ОКОЛО 15 – АВГУСТА НЕ ПОЗДНЕЕ 27–28 <ИЮЛЯ ОКОЛО 3 – АВГУСТА НЕ ПОЗДНЕЕ 15–16>. БАДЕН-БАДЕН, СТРАСБУРГ, БАДЕН-БАДЕН

Гоголь в Бадене, где рассказал А. О. Смирновой о своем путешествии в Испанию[1]. Смирнова познакомила Гоголя с ее другом Н. Д. Киселевым[2]. Вместе с ней и ее братом А. О. Россетом Гоголь ездил из Бадена в Страсбург.

В своих записках 1880–1881 гг., озаглавленных «Биография Александры Осиповны Чаграновой», Смирнова так описывала знакомство Гоголя в Бадене с Н. Д. Киселевым («Кисой»): «Киса, дайте мне руку, пойдем по Лихтентальской аллее, мне кажется, что я вижу Гоголя. Я не буду вас знакомить, потому что он никогда не знакомится с новыми людьми. Посмотрим... Николай Васильич! Он не оборачивается, пойдем-ка, сядем на скамью напротив фонтана, к счастью, она не занята. <...>

Но вот и Гоголь. Николай В<асильич>, хороши же вы — в Бадене и даже своего длинного носа не показали.

— Я пью воды и не успел быть у вас... <...>

— Николай Вас<ильич>, вот Ник<олай> Дмитрич Киселев, он учился в Дерпте с Языковым и Языков ему первому читал свои стихи. <...>

— Приходите к нам обедать.

— Не могу, я по совету Коппа пью молоко, до 10 стаканов в день, и должен много ходить. Я загляну к вам завтра утром.

— Я вас знаю, вы только обещаете и не придете.

— Я никогда бы не подумал, что это большой писатель, как вы о нем мне говорили, в выражении его лица ничто этого не показывает.

— Гоголь — человек очень благочестивый, он всегда занят движением своей духовной жизни. Он очень мало учился в молодости, теперь он изучает греческий, чтобы иметь возможность читать Евангелие по-гречески. Он себе задает уроки после молитвы, ходит по комнате и учит наизусть греческие слова. <...>

— Киселев, вы должны быть очень горды, Гоголь пожал вам руку, это доказывает, что вы заслуживаете его уважения.

— Но откуда он это знает? У меня на лице не написано, что я честный человек.

— Он большой физиономист и очень наблюдателен, он увидел, как скромен ваш тон и туалет, а вообще-то молодые дипломаты — легкомысленные люди, которые носят с бархатными жилетами и <*нрзб.*> голубые галстуки, как этот дурак Жан Толстой, с такими высокими плечами и с видом пошлого воробья»[3].

В. И. Шенрок сообщал: «...Со слов покойной О. Н. Смирновой нам известно о знакомстве Гоголя с русским уполномоченным в Париже Киселевым»[4].

Впоследствии, «баденский роман» А. О. Смирновой и Киселева Гоголь отчасти изобразил во втором томе «Мертвых душ» в истории любви «петербургской львицы» Чаграновой и «сонного» (до этой встречи) помещика Платонова. Именно поэтому Александра Осиповна *Смирнова* много лет спустя назвала свои автобиографические записки «Биографией Александры Осиповны *Чаграновой*». Сохранился отрывок из второго тома, начинающийся фразой: «...со всех сторон к концу балу Чагравину насчет поведения жены его, называя его и рогоносцем и мужем-телепнем»[5].

(Фамилия героя была образована Гоголем от слова, обозначающего цвет голубей, из его записной книжки 1841–1844 гг.: «Чагравый — голубь очень темный; <...> имеет отметину на груди». Слово было почерпнуто Гоголем из его бесед с С. Т. Аксаковым в Москве в конце октября — первой половине декабря 1841 г.[6] Слово использовано еще раз во втором томе поэмы при первом появлении Платонова в имении Петуха, в третьей главе: «"Батюшка, Платон Михалыч едет!" <...> "Верхом на гнедой лошади! <...> Ты думаешь, Алексаша, наш чагравый хуже его?" <...> Между ними завязался спор о гнедом и чагравом».)

На то, что одним из прототипов «петербургской львицы» Чаграновой послужила Гоголю Смирнова, косвенно также указывает целый ряд свидетельств современников. 13 апреля 1843 г. А. Л. Боратынская писала С. Л. и Н. В. Путятам из Москвы: «...Эту минуту вы, быть может, за пределами Рима, Флоренции и г-жи Смирновой. Сюда уже писали, что Гоголь в нее влюблен[7]; по словам Хомякова, она выгадает на этом только то, что будет в карикатурном виде изображена в одном из произведений, а изобразить иначе Гоголь не сумеет, если бы даже захотел»[8]. 7 февраля 1844 г. С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану: «...От Гоголя писем не имеем. Воротился Валуев[9] и подтвердил ходившие слухи, что Гоголь проводит большую часть времени у Смирновой. Жуковский говорил Валуеву[10], что Гоголь изучает в ней петербургских дам, нужных ему во 2-м томе "Мертвых душ", но это просто шутка»[11]. На следующий день О. Сем. Аксакова также писала сыну: «...Валуев <...> говорит, что Гоголь ездит за Смирновой, что он в ее лице изучает женщин петербургских для "Мертвых душ"»[12]. 7/19 октября 1844 г. сама Смирнова сообщала Гоголю: «На днях сказал мне Самарин, что вы меня любить не можете, что я вашей дружбы недостойна, что во мне нет того элемента душевного, который мог бы нас сблизить, а что вы меня изучаете только, что я для вас предмет наблюдений, потому что вы артист. И я огорчилась, и я поверила этому, потому что должна была сознаться, что я точно недостойна вашей дружбы».

По воспоминаниям Смирновой, в одной из глав второго тома описывалось «имение Чагранова, управляемое молодым человеком, недавно выпущенным из университета. Тут Платонов, спутник Чичикова, ко всему равнодушный, заглядывается на портрет, а потом они встречают, у брата генерала Бетрищева, живой подлинник этого портрета, и начинается роман, из которого Чичиков, как из всех других обстоятельств, каковы б они ни были, извлекает свои выгоды»[13].

Позднее Смирнова привела еще ряд подробностей к содержанию этой главы: «Чичиков уже ездил с Платоновым, который от нечего делать присоединился к этому труженику и вовсе не понимал, что значила покупка мертвых душ. Наконец, приезд в деревню Чаграновых, где Платонов влюбился в портрет во весь рост этой петерб<ургской> львицы»[14].

Еще более подробно передавал содержание «романа» Платонова и Чагравиной брат Смирновой Л. И. Арнольди, которому она пересказала этот сюжет: «Она рассказывала мне после, что удивительно хорошо отделано было одно лицо в одной из глав; это лицо: эманципированная женщина-красавица, избалованная светом, кокетка, проведшая свою молодость в столице, при дворе и за границей. Судьба привела ее в провинцию; ей уже за тридцать пять лет, она начинает это чувствовать, ей скучно, жизнь ей в тягость. В это время она встре-

чается с везде и всегда скучающим Платоновым, который также израсходовал всего себя, таскаясь по светским гостиным. Им обоим показалась их встреча в глуши, среди ничтожных людей, их окружающих, каким-то великим счастием; они начинают привязываться друг к другу, и это новое чувство, им незнакомое, оживляет их; они думают, что любят друг друга, и с восторгом предаются этому чувству. Но это оживление, это счастие было только на минуту, и через месяц после первого признания они замечают, что это была только вспышка, каприз, что истинной любви тут не было, что они и не способны к ней, и затем наступает с обеих сторон охлаждение и потом опять скука и скука, и они, разумеется, начинают скучать в этот раз еще более, чем прежде. Сестра уверяла меня, а С. П. Шевырев подтвердил, что характер этой женщины и вообще вся ее связь с Платоновым изображены были у Гоголя с таким мастерством, что ежели это правда, то особенно жаль, что именно эта глава не дошла до нас...»[15]

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов Смирновой, сообщал: «Из Бадена Гоголь ездил с А. О. С<мирнов>ой и ее братом на три дня в Страсбург. Там в кафедральной церкви он срисовывал карандашом на бумажке орнаменты над готическими колоннами, дивясь изобретательности старинных мастеров, которые над каждой колонной делали отменные от других украшения. А<лександра> О<циповна> взглянула на его работу и удивилась, как он отчетливо и красиво срисовывал.

— Как вы хорошо рисуете! — сказала она.

— А вы этого и не знали? — отвечал Гоголь.

Через несколько времени он принес ей нарисованную пером часть церкви очень искусно. Она любовалась его рисунком, но он сказал, что нарисует для нее что-нибудь лучше, а этот рисунок тотчас изорвал»[16].

Около 1876 г. Смирнова рассказывала также А. Н. Пыпину: «Мы с ним езди<ли> на 3 дни в Стразбург, и в Стразбург<ской> каф<едральной> церкви он карандашом срисовывал необыкновенно красиво карнизы над карнизами. "Как вы хорошо рисуете?" — "А вы этого и не знаете?" Принес кусок церкви. (Над каждой колонной различные орнаменты и оч<ень> красивы.) Разорвал — "я лучше что-ниб<удь> нарисую"»[17].

В 1867 г. А. О. Смирнова рассказывала П. А. Висковатову: «Немцев он не любил, но хранил благодарную память и любовь к некоторым из немецких писателей. Особенно благоволил к Шиллеру и Гофману. Последнего называл даже своим наставником "при создании моих первых юродивых творений"[18]. Но долго Гофман не мог ужиться на малороссийском хуторе. Хохол перестал понимать немца, немец — хохла и убежал, и мы после не встречались.

— Вы браните немцев, — как-то раз сказала я ему, — ну, а Шиллера все-таки любите; а Шиллер тоже немец.

— Шиллер! — отвечал Гоголь. — Да когда он догадался, что был немцем, так с горя умер. А вы думали, отчего он умер?»[19]

[1] См. ***1837. Июня 28 — июля не позднее 15 <июня 16 — июля не позднее 3>. Турин, Марсель, Барселона, Мадрид, Лиссабон, Турин, Баден-Баден.***

[2] См. ***1836. Июля конец — августа средина <июля средина — августа начало>. Баден-Баден*** (примечания).

[3] *Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чаграновой // *Свод.* Т. 2. С. 289–290.

[4] <Воспоминания о Гоголе А. О. и О. Н. Смирновых в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока> // *Свод.* Т. 2. С. 359.

[5] См. ***1839 июня первая половина (после 5 числа) <мая конец (после 24 числа)> или 1841 августа средина <августа начало>. Рим.***

[6] См. ***1841. Октября после 20 — декабря первая половина. Москва.***

[7] Н. М. Языков, проживавший в Риме вместе с Гоголем, 27 февраля (н. ст.) 1843 г. писал в Москву Е. М. Хомяковой: «В большом числе русских, находящихся теперь в Риме, красуется и г-жа Смирнова, урожденная Розетти, — не та ли это, которую Алексей Степанович <Хомяков> воспевал, во время оно, под именем девы-розы? Я редко вижу Гоголя с тех пор как она здесь; он у ней всякий день до позднего вечера: кажется, югозит вкруг нее» (см. ***1843. Февраля 27 <15>. Понедельник. Рим***). (Сам Языков, больной «спинной сухоткой», с Смирновой в Риме не познакомился. Поздне, 2 января (н. ст.) 1844 г., Гоголь писал ему из Ниццы: «Здесь <...> Смирнова, с которою знаком уже давно и которую знаешь и ты по пирогам, присыланным некогда в Рим». — См. также ниже письмо Гоголя к Языкову от 5 июня (н. ст.) 1845 г.)

1 января (н. ст.) 1844 г. Гоголь отвечал Н. Н. Шереметевой: «...Вас огорчают неприятные слухи, рассеваемые про меня. Многие из этих слухов доходили и до меня. И, признаюсь, вначале мне хотелось сильно во многом оправдаться. Теперь я увидел, что даже и оправдываться не имею никакого права. Если бы я, положим, и оправдался во многом, то разве это послужило бы доказательством, что во мне нет других, не менее дурных качеств? Итак, оставим эти слухи, как они есть. Если Бог их допустил, стало быть, они нужны. Признаюсь, мне теперь кажется странно, если бы обо мне были всё хорошие слухи. Человек так способен загордиться, если ему ничто не напоминает о его ничтожестве и мерзости, что задумает наконец точно о себе, как о добродетельном и совершенном». — Ответ Шереметевой см.: ***1844. Января 20 <февраля 1>. Четверг. Москва.***

13 апреля (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал также А. С. Данилевскому: «Ты спрашиваешь: зачем я в Ницце, и выводишь догадки насчет сердечных моих слабостей. Это, верно, сказано тобою в шутку, потому что ты знаешь меня довольно с этой стороны. А если бы даже и не знал, то, сложивши все данные, ты вывел бы сам итог. Да и трудно, впрочем, тому, который нашел уже то, что получше, погнаться за тем, что похуже». (Позднее, в письме к отцу Матфею Константиновскому, Гоголь замечал: «...Кто имеет у себя дома лучший обед, тот не станет по чужим домам искать дурного. Кто добрался до родника вод, тому незачем бегать за всякими грязными ручьями...»; письмо около 9 мая (н. ст.) 1847 г.)

Весной 1844 г. Шереметева вновь писала Гоголю: «Знайте, мой друг, говорю, как перед Богом, пред Коего мы некогда все предстанем, слухи, может, и несправедливы, но приезжавшие все одно говорят, и оттуда пишут то же, что вы предались одной особе, которая всю жизнь провела в свете и теперь от него не удалилась. <...> Часто думала и думаю, что вы печетесь о ее обращении; помоги вам Господи и дай Боже и ей и нам и всем спастись. <...> Прощайте, с нетерпением буду ждать вашего ответа» (см. ***1844. Апреля 9 <21>. Воскресенье. Москва***).

Ответ Н. В. Гоголя, от 15 мая (н. ст.) 1844 г., до нас не дошел. Высылая ответное послание Шереметевой, Гоголь в письме к С. Т. Аксакову от 16 мая (н. ст.) 1844 г. писал: «Прилагаемое письмо прошу вас доставить Над<ежде> Ник<олаевне>. В нем содержится объяснение насчет одного слуха, распущенного обо мне в Москве. Объяснения об этом предмете я б не сделал никому, потому что ленив на подобные вещи; но так как она прямо и бесхитростно сделала мне запрос, то мне показалось совестно не дать ей ответа. А с вами о сем тратить слов не следует. Вы *человек-небаба. Человек-небаба* верит более самому *человеку,* чем *слуху о человеке;* а *человек-баба* верит более слуху о человеке, чем самому человеку». Судя, однако, по позднейшим воспоминаниям о Гоголе С. Т. Аксакова, последний не прислушался к словам Гоголя. Аксаков писал: «...Вредны были ему дружеские связи с женщинами, большею частью высшего круга. Они сейчас сделали из него нечто вроде духовника своего, вскружили ему голову восторженными похвалами и уверениями, что его письма и советы или поддерживают, или возвращают их на путь добродетели. <...> Я не знаю, как сильна была его привязанность к Соллогуб и Виельгорской; но Смирнову он любил с увлечением, может быть потому, что видел в ней кающуюся Магдалину и считал себя спасителем ее души. По моему же простому человеческому смыслу, Гоголь, несмотря на свою духовную высоту и чистоту, на свой строго монашеский образ жизни, сам того не ведая, был несколько неравнодушен к Смирновой, блестящий ум которой и живость были тогда еще очаровательны. Она сама сказала ему один раз: "Послушайте, вы влюблены в меня?.." Гоголь осердился, убежал и три дня не ходил к ней» (см. ***1843. Июля 24 <12>. Понедельник. Баден-Баден***).

16 мая (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал Смирновой по поводу ее слов, что она открыла ему свою душу «во всей черноте и наготе»: «Если сказать вам сущую правду, то узнал я душу вашу не тогда, когда вы мне ее открывали, а тогда, когда речь шла часто о посторонних предметах, когда вы невольно и не думая проговаривались... <...> Вы распространялись передо мною только об одних ваших хороших поступках, а о дурных вы стали упоминать только в последние дни вашего пребывания в Ниц<ц>е <см. ***1844. Марта первая половина <марта начало>. Ницца***>, и то вскользь, в одних общих словах... <...> ...Вы обманываете себя, если думаете, что я знаю вашу душу во всей ее черноте и наготе. То, что вы сказали мне о себе, может сказать о себе публично всякий христианин. Сказать в общих словах: Я преступил против такой-то заповеди — еще небольшая вещь! <...> Напротив, можно сказать, что скорее другие видят в черноте вашу душу, чем я. Да развесь я только уши — так мне с обеих сторон наговорят о вас таких подробностей, о которых вы и не подумаете, чтобы они были кому-нибудь известны».

В письме от 26 августа (н. ст.) 1844 г. Гоголь предупреждал Смирнову, возвращавшуюся в Петербург: «Прежде всего встретят вас всякие слухи о вас самих. Слухи эти изрядно черны и, может быть, даже гораздо хуже тех, которые бы вы могли себе вообразить и представить; но тем не менее, как бы они несправедливы и бесстыдны ни были, примите их, как должное. Они, точно, должное, потому что за всякий проступок следует понести наказание. А наказанья еще нет в том, если другие узнают проступок наш в таком виде, как он есть. Они могут тогда почувствовать к нам даже участие и вместо того, чтобы упрекнуть нас, упрекнут, может быть, себя за свою жестокость. Где же тут наказание? В том-то и есть наше наказание, когда наш проступок перековеркают, преувеличат, истолкуют в несколько раз хуже, чем он есть, сделают его притчею и посмешищем тех именно людей, [которых мы сами презирали] которые сами производят в несколько раз хуже дела и дадут право на презрительность в обращении с нами тех людей, которых мы сами презирали. В этом-то и состоит наше наказание. И глубоко милостив к нам Бог, когда посылает нам такие наказанья и попускает составляться о нас всяким слухам и сплетням».

5 июня (н. ст.) 1845 г. Гоголь писал Языкову: «В Москве будет, вероятно, на днях Смирнова. Ты должен с ней познакомиться непременно. Это же посоветуй Серг<ею> Т<имофеевичу> Аксакову и даже Н<адежде> Н<иколаевне> Шереметьевой. Это перл всех русских женщин, каких мне случалось знать, а мне многих случалось из них знать прекрасных по душе. Но вряд ли кто имеет в себе достаточные силы оценить ее. И сам я, как ни уважал ее всегда и как ни был дружен с ней, но только в одни истинно страждущие минуты, и ее и мои, узнал ее. Она являлась истинным моим утешителем, тогда как вряд ли чье-либо слово могло меня утешить. И, подобно двум близнецам-братьям, бывали сходны наши души между собою». 12 июня 1845 г. Языков отвечал Гоголю: «Жду приезда Смирновой в Москву, познакомлюсь с нею непременно и обещаюсь тебе воспеть ее: я давно уже жажду узнать ее лично, я о ней много слышал разных воспетий...» При этом Языков писал брату: «Ты, верно, заметил в письме Гоголя похвалы, весписуемые им г-же Смирновой. Эти похвалы всех здешних удивляют. Хомяков, некогда воспевавший ее под именем "Иностранки" и "Девы розы" <см. ***1832. Января 27. Среда. Москва***>, считает ее вовсе не способной к тому, что видит в ней Гоголь, и по всем слухам, до меня доходящим, она просто сирена, плавающая в прозрачных водах соблазна. Она и Самарина к себе влечет; соблазнительница она славная – и только!» (см. ***1845. Июня 25 <июля 7>. Понедельник. Москва***). (Обстоятельства знакомства Смирновой с Ю. Ф. Самариным (см. ***1845. Октября 30 <ноября 11>. Вторник. Москва*** – примечания), возможно, тоже нашли отражение в несохранившихся главах второго тома «Мертвых душ».) Племянник Шереметевой поэт Ф. И. Тютчев 26 декабря 1845 г. писал ей из Петербурга: «Мне очень приятно было слышать, что вы познакомились с Смирновой: умная и очень, очень любезная женщина. Но что же касается до ее несчастной участи, в этом я с вами не могу согласиться, так как я и с нею самою не соглашался... Об ее, как и о многих из нас, несчастии можно со всею справедливостию сказать, что оно *с грехом* пополам...» (Лит. наследство. Т. 97. Кн. 1. М., 1988. С. 496).

[8] См. ***1843. Апреля 13 <25>. Вторник Светлой седмицы. Москва.***

[9] Дмитрий Александрович Валуев (1820–1845), историк, славянофил, племянник Н. М. Языкова.

[10] См. ***1843. Мая 26 <14>. Пятница. Дюссельдорф.***

[11] См. ***1843. Февраля 7 <19>. Понедельник. Вечер. Москва.***

[12] См. там же.

[13] См. ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота – июля вторая половина, не позднее 26. Калуга.***

[14] См. там же.

[15] См. там же.

[16] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 217.

[17] <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 243.

[18] См. ***1845. Марта 3 <февраля 19> – мая 15 <3>. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[19] *Висковатов-Висковатый П.* Из рассказов А. О. Смирновой о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 241.

ИЮЛЯ 16 <4>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. БАДЕН-БАДЕН

Гоголь, исполняя данное во второй половине июня (н. ст.) 1837 г. в Риме обещание[1], пишет В. О. Балабиной (авторская датировка письма: «16 июля 1837»):

«Я обещался писать к вам, приехавши на место, где мне суждено пользоваться водопоем, и передать вам те впечатления, которые на меня произвела Швейцария после Италии. Мне жалко было и на месяц оставить Рим. И когда при въезде в северную Италию, на место кипарисов и куполовидных римских сосен увидел я тополи[2], мне сделалось как-то тяжело. Тополи стройные, высокие, которыми я восхищался бы прежде непременно, теперь показались мне пошлыми. Чтобы быть беспристрастнее, я заранее старался себя приготовить, каким образом нужно смотреть Швейцарию и не сравнивать между собою этих двух стран.

Я думал, что природа Италии – странная – греческо-римская архитектура с колоннами, плоскими куполами, плоскими архитравами. Природа Швейцарии сумрачная, архитектура готическая с углообразными сводами, летящими в небо остроконечными шпицами, величавая, вдыхающая беспредельные мысли; что природа Италии действует на чувство, а Швейцария – на мысль и прочие пустяки; я думал, стараясь себя уверить, что мне так же будет приятно взглянуть на Швейцарию после Италии, как после Колизея взглянуть на кёльнский катедраль, как после прекрасно сготовленного обеда прочесть стихи Пушкина. Оттого ли, что я ехал чрез пустынную Савою, видел обнаженные ребра скал, покрытые тощими кустарниками и остроконечными соснами, похожими на наши северные, только мне показалась Швейцария в это время Сибирью. Если бы я видел долины Шамуни или Юнгфрау, я уверен, что мои впечатления были бы другие. Душа бы почувствова-

ла сладкий трепет и священный ужас, глаза бы с наслаждением окунулись в страшно-прекрасных пропастях, подле которых, как мелкая трава, растут леса и царапаются по камням сосны и брызжут водопады, и мысль бы моя, как царь, облетела от снеговых белоянтарно-розовых вершин Альп в темные ущелья и зеленые долины. Дикое и вместе высокое наслаждение!

A prgopos[3], в Турине очень хорошие сухари к чаю.

Вот мое мнение: кто был в Италии, тот скажи "прощай" другим землям[4]. Кто был на небе, тот не захочет на землю. Мне кажется, уже душа не в силах будет наслаждаться прекрасным видом какого-нибудь места, — она будет помнить лучшее и уже ничто не в силах из нее выгнать его. Те горы, которые казались мне голубыми до Италии, теперь кажутся серыми. Воздуха нет, этого прозрачного, транспарантного воздуха. Солнце здесь не любит так земли и людей, как в Италии. Там оно дает им какой-то радушный, сверкающий колорит. Словом, Европа в сравнении с Италией всё равно, что день пасмурный в сравнении с днем солнечным. Я вам советовал бы сделать вот что прожить в Италии лишнюю неделю и пробежать всю Европу вдруг[5], как можно скорее, не останавливаясь нигде. Пусть всё мелькнет перед вами, как в фантастическом сне. Тогда это будет иметь свое достоинство и в быстроте, может быть, покажется приятным. Ни за что не решился бы остаться на житье в середине Европы; мне в этом случае противна середина.

Я в Бадене мимоездом. Еще неизвестно, на какие воды буду отправлен. Во всяком случае в августе месяце надеюсь быть непременно в Швейцарии[6] и, может быть, буду так счастлив, что встречу вас еще раз. <...> Я от вас ожидаю ответа на это письмо из Петербурга. Мне хочется знать, какое чувство будет обладать вашею душою при возвращении вашем на родину в среду вашего единственного в мире по доброте семейства. Вы меня очень обяжете, если что-нибудь из него расскажете. Между тем я заранее прыгаю от радости, воображая, что получу вместе с тем письмо от Марьи Петровны на трех листах, всё наполненное петербургскими сплетнями. А так как я всегда был большой охотник до сплетней, то это для меня такой лакомый кус, с каким не сравнится и то мороженое, какое мы едали у Боюдони[7].

В Бадене я встретился еще раз с Смирновой; она живет даже в том самом доме, где жила прежде[8] (кто живет в вашем, я не знаю). У ней прочитал я "Ундину" Жуковского[9]. Чудо что за прелесть! И вы и Марья Петровна будете восхищены ею, — это я знаю наперед. <...> ...Письма ваши адресуйте в Рим».

[1] См. ***1837. Июня вторая половина, не позднее 25 <июня первая половина, не позднее 13>. Рим.***

[2] См. ***1837. Июня 27 <15>. Вторник. Турин.***

[3] Кстати (*фр.*).

[4] Ср. свидетельство А. О. Смирновой: «Испанская школа для него с Болонскою, как в отношении красок, так и рисунка, была противна. <...> Понятно, что такой художник, как Гоголь, раз взглянувши на Рафаэля в Риме, не мог слишком увлекаться другими живописцами» (см. ***1837. Июня 28 — июля не позднее 15 <июня 16 — июля не позднее 3>. Турин, Марсель, Барселона, Мадрид, Лиссабон, Турин, Баден-Баден***).

[5] Ср. ***1837. Июня 28 — июля не позднее 15 <июня 16 — июля не позднее 3>. Турин, Марсель, Барселона, Мадрид, Лиссабон, Турин, Баден-Баден.***

[6] См. ***1837. Сентября около 5 — ноября средина <августа около 24 — ноября начало>. Женева.***

[7] Вероятно, фамилия ресторатора в Бадене.

[8] См. ***1836. Июля конец — августа средина <июля средина — августа начало>. Баден-Баден.***

[9] См. также ***1837. Июня 3 <мая 22>. Суббота. Рим.***

ИЮЛЯ 20 <8>. ЧЕТВЕРГ. БАДЕН-БАДЕН

Гоголь отправляет в Петербург письмо к Н. Я. Прокоповичу, в котором просит прислать ему полторы тысячи рублей (авторская датировка письма: «Баден-Баден. Июль 21/9»; однако почтовый штемпель указывает, что оно было отправлено 20 июля: «Baden, C. B. 20/7»[1]):

«К тебе с просьбой! с убедительной просьбой! Возьми из банка полторы тысячи и пришли их мне. Чрез полгода надеюсь тебе непременно возвратить их. Я посылаю в начале следующего года печатать мою крупную вещь[2], которая, думаю, вознаградит мои труды и заботы о ней. Пришли, пожалуйста, скорее; я совсем прожился. Я думал, что я успею гораздо раньше окончить мое сочинение[3], не тут-то было! Я сижу теперь на водах, лечусь. Взявши деньги, ты отправься тотчас к Штиглицу, в контору его, что на Английской набережной, и скажи ему, чтобы векселя были доставлены во Франкфурт на имя русского посольства, с извещением, чтобы тотчас же были доставлены мне. Об этом ты, между прочим, мне сам дай знать, чрез poste restante, во Франкфурт. <...> Какое гадкое, какое ужасное время! Дождь, слякоть. Сердце мое тоскует по Риме и по моей Италии! И не дождусь, покамест пройдет месяц, который мне нужно убить на здешних водах»[4].

[1] *Шубинский.* С. 38.
[2] Вероятно, «Мертвые души».
[3] См. ***1836. Мая 12. Вторник. Санкт-Петербург.***
[4] Согласно штемпелю, письмо было получено в Петербурге 20 июля / 1 августа 1837 г. (см. ***1837. Июля 20 <августа 1>. Вторник. Санкт-Петербург***).

ИЮЛЯ 8 <20>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ответ Департамента народного просвещения на запрос Императорской канцелярии о том, что адъюнкт-профессор Санкт-Петербургского университета, «Николай Васильев сын Гоголь-Яновский, по сему званию, приобрел право на чин 8 класса и при новом образовании университета уволен из оного 31 декабря 1835 года»[1].

В тот же день Император Николай I вынес свою резолюцию на прошении Гоголя о вспомоществовании[2]:

«Послать ему чрез нашу миссию 500 червонцев»[3].

Прошение с резолюцией было тогда же передано управляющему I Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии статс-секретарю А. С. Танееву, о чем на письме Гоголя была сделана канцелярская помета: «Получено от Государя Императора 8 июля 1837 года»[4].

[1] Документы об оказании Гоголю Императором Николаем I денежного пособия в 1837 г. // *Свод.* Т. 2. С. 12. – См. также ***1835. Декабря 31. Вторник. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1837. Апреля 18 <6>. Вторник. Рим.***
[3] Документы об оказании Гоголю Императором Николаем I денежного пособия в 1837 г. // *Свод.* Т. 2. С. 12.
[4] Там же. Т. 2. С. 12.

ИЮЛЯ 9 <21>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ИЮЛЯ 10 <22>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Управляющий I Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии статс-секретарь А. С. Танеев посылает Гоголю в Рим официальное

извещение[1] о пожаловании ему Императором пятисот червонных; отправляет такое же извещение, для исполнения, министру финансов графу Е. Ф. Канкрину[2].

Об этих официальных посланиях Танеева на прошении Гоголя от 18 апреля (н. ст.) 1837 г.[3] была сделана канцелярская помета: «Объявлено Высочайшее повеление министру финансов 10-го июля № 1155-й и писано г<-ну> Гоголю № 1136-й»[4].

[1] Не сохранилось.
[2] См. ***1837. Июля 15 <27>. Четверг. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1837. Апреля 18 <6>. Вторник. Рим.***
[4] Документы об оказании Гоголю Императором Николаем I денежного пособия в 1837 г. // *Свод.* Т. 2. С. 12. См. также ***1837. Июля 15 <27>. Четверг. Санкт-Петербург.***

ИЮЛЯ 15 <27>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Директор кредитной канцелярии Министерства финансов Ф. П. Вронченко препровождает директору Департамента хозяйственных и счетных дел Министерства иностранных дел графу Мих. Ю. Виельгорскому «2 векселя для доставления г. Гоголю в Рим»[1], на пожалованную ему Императором сумму, с сопроводительной запиской:

«Г. статс-секретарь Танеев от 10-го сего июля № 1155 сообщил г. министру финансов[2], что Государь Император во внимание к крайне стесненному положению находящегося в Риме Русского Сочинителя, бывшего при С. Петербургском университете адъюнктом, Николая Гоголя, Всемилостивейше пожаловать ему соизволил в единовременное пособие пять сот червонных из Государственного казначейства, повелев сумму сию доставить ему, Гоголю, чрез нашу миссию. Во исполнение сего Особенная канцелярия по кредитной части имеет честь препроводить при сем первый и вторый векселя, на имя г. Гоголя, в *4860 рублей ассигнац<иями>*[3], составляющих достоинство означенных 500 червонных, за вычетом 10 % в пользу увечных[4], покорнейше прося Департамент хозяйственных и счетных дел учинить распоряжение о доставлении сих векселей чрез миссию в Риме к г. Гоголю и о последующем Кредитную канцелярию уведомить»[5].

В тот же день граф Е. Ф. Канкрин известил А. С. Танеева о том, что он распорядился «о доставлении в Министерство иностранных дел, для отправления чрез миссию нашу в Риме, к находящемуся там русскому сочинителю, бывшему при С.Петербургском университете адъюнктом, Николаю Гоголю, первого и второго векселей в 4 860 руб<лей> ассиг<нациями>»[6].

[1] См. ***1837. Июля 16 <28>. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1837. Июля 10 <22>. Суббота. Санкт-Петербург.***
[3] Слова: «4860 рублей ассигнац<иями>», – вписаны рукой Ф. П. Вронченко.
[4] Об «Инвалидном капитале», заведенном после Отечественной войны 1812 года для выдачи пенсий и пособий раненым воинам, Гоголь упоминает в «Повести о капитане Копейкине» в десятой главе «Мертвых душ». – См. также ***1846. Февраля 5 <17>. Вторник. Санкт-Петербург.***
[5] Документы об оказании Гоголю Императором Николаем I денежного пособия в 1837 г. // *Свод.* Т. 2. С. 12–13.
[6] Там же. Т. 2. С. 13.

ИЮЛЯ 16 <28>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Директор Департамента хозяйственных и счетных дел Министерства иностранных дел граф Мих. Ю. Виельгорский отправляет первый из двух векселей на пожалованную Гоголю Императором сумму для передачи ему в Рим, с сопроводительным письмом к российскому поверенному в делах в Риме П. И. Кривцову, в котором сообщал, что второй вексель будет отправлен со «следующей почтой»[1].

В тот же день Виельгорский известил директора кредитной канцелярии Министерства финансов Ф. П. Вронченко[2] о получении из канцелярии векселей на имя Гоголя[3].

[1] Документы об оказании Гоголю Императором Николаем I денежного пособия в 1837 г. // *Свод.* Т. 2. С. 14. См. также ***1837. Июля 20 <августа 1>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1837. Июля 15 <27>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[3] Документы об оказании Гоголю Императором Николаем I денежного пособия в 1837 г. // *Свод.* Т. 2. С. 15.

ИЮЛЯ 20 <АВГУСТА 1>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Подчиненный графа Мих. Ю. Виельгорского, заведующий делами Департамента хозяйственных и счетных дел Министерства иностранных дел В. Ф. Орлов отправляет П. И. Кривцову в Рим второй вексель[1] на имя Гоголя[2].

В тот же день Н. Я. Прокопович получил от Гоголя письмо из Бадена[3] с просьбой прислать полторы тысячи рублей.

Письмо было адресовано Гоголем по старому адресу Прокоповича: «В Петербург. В Свешном переулке, что близ Владимирской, в доме Б<арона> Врангеля». Доставлено было на новый адрес приятеля: «В 9 линии <Васильевского острова>, дом Желтоухова».

[1] См. ***1837. Июля 16 <28>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] Документы об оказании Гоголю Императором Николаем I денежного пособия в 1837 г. // *Свод.* Т. 2. С. 15. См. также ***1837. Октября 14 <2>. Суббота. Рим.***

[3] См. ***1837. Июля 20 <8>. Четверг. Баден-Баден.*** – См. также ***1837. Сентября 19 <7>. Вторник. Женева*** (примечания).

ИЮЛЯ 25 <АВГУСТА 6>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

АВГУСТА СРЕДИНА <АВГУСТА НАЧАЛО>. РИМ

В Риме получены векселя на 4860 рублей ассигнациями, пожалованных Гоголю Императором Николаем I.

См. ***1837. Июля 16 <28>. Пятница. Санкт-Петербург; 1837. Июля 20 <августа 1>. Вторник. Санкт-Петербург; 1837. Октября 14 <2>. Суббота. Рим; 1837. Ноября 2 <октября 21>. Четверг. Женева; 1837. Ноября 30 <18>. Четверг. Рим.***

АВГУСТА 14 <2>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВЕЧЕР. БАДЕН-БАДЕН

Гоголь у Н. М. и А. О. Смирновых читает первые главы «Мертвых душ». На чтении присутствовали также Анд. Н. Карамзин, граф Л. А. Соллогуб, В. П. Платонов[1] и граф А. М. Борх.

18 августа (н. ст.) 1837 г. Карамзин сообщал матери: «В понедельник обедал я у Смирновых с Гоголем, который принес читать нам новое, еще неоконченное сочинение: это длинный юмористический роман о России. Это лучше всего до сих пор писанного им, но ничего другого не смею сказать, потому что он читал нам sous le sceau du secret[2]. И кстати запаслись мы этим чтением, которое задержало нас до позднего вечера, потому что на небе и в воздухе разыгралась такая чертовщина, которой ни сказкой не сказать, ни пером написать. Гром, дождь, вихрь! В четверть часа, ручей, бежавший под окнами, выступил из берегов и залил всю дорогу, телега со двора выплыла на улицу, некоторые мосты снесло; умник Борх[3] послал за почтовыми лошадьми! Когда мы в 11 часов возвращались домой, то безоблачная луна смотрела на нас с радушною улыбкой и сыпала серебряные искры на тихо текущий ручей, листы не колыхались и природа, как бы утомленная своим буйством, покоилась в сладкой дремоте»[4].

В 1854 г. Смирнова вспоминала: «В июне <в августе> месяце он нам вдруг предложил вечером собраться и объявил, что пишет роман под названием “Мертвые души” и хочет прочесть нам две первые главы. Андрей Карамзин, граф Лев Сологуб, <В. П.> Платонов[5] и нас двое условились собраться в 7 часов вечера. День был знойный. Около 7-го часа мы сели кругом стола. Н<иколай> В<асильевич> взошел, говоря, что будет гроза, что он это чувствует, но несмотря на это вытащил из кармана тетрадку в четверку листа и начал первую главу столь известной своей поэмы. Меж тем гром гремел, и разразилась одна из самых сильных гроз, какую я запомню. С гор потекли потоки, против нашего дома образовалась каскада с пригорка, а мутная Мур бесилась, рвалась из берегов. Он поглядывал в окно, но продолжал читать спокойно. Мы были в восторге, хотя что-то было странное в душе каждого из нас. Однако он не дочел второй главы и просил Карамзина с ним пройтись до Грабена, где он жил. Дождь начал утихать, и они отправились. После Карамзин мне говорил, что Н<иколай> В<асильевич> боялся идти один домой и на вопрос его отвечал, что на Грабене большие собаки, а он их боится и не имеет палки. На Грабене же не было собак, и я полагаю, что гроза действовала на его слабые нервы, и он страдал теми невыразимыми страданиями, известными одним нервным субъектам. На другой день я еще просила его прочесть из “Мертвых душ”, но он решительно отказал и просил даже не просить»[6].

В 1867 г. Смирнова рассказывала также П. А. Висковатову: «Гоголь был очень нервен и боялся грозы. Раз как-то в Ницце <в Бадене>, кажется, он читал мне отрывки из второй и третьей <из первой> части “Мертвых Душ” а это было не легко упросить его сделать. Он упирался, как хохол (А<лександра> О<сиповна> и называла его “хохлик”), и чем больше просишь, тем сильнее он упирается. Но тут как-то он растаял, сидел у меня и вдруг вынул из-за пазухи толстую тетрадь и, ничего не говоря, откашлялся и начал читать. Я вся обратилась в слух. <...> Тогда был жаркий день, становилось душно. Гоголь делался беспокоен и вдруг захлопнул тетрадь. Почти одновременно с этим послышался первый удар грома, и разразилась страшная гроза. Нельзя себе представить, что стало с Гоголем: он трясся всем телом и весь потупился. После грозы он боялся один идти домой. Виельгорский <Карамзин> взял его под руку и отвел.

Когда после я приставала к нему, чтобы он вновь прочел и дочитал начатое, он отговаривался и замечал:

— Сам Бог не хотел, чтобы я читал, что еще не окончено и не получило внутреннего моего одобрения... Признайтесь, вы тогда очень испугались?

— Нет, хохлик! это вы испугались, — сказала я.

— Я-то не грозы испугался, а того, что читал вам, чего не надо еще никому читать, и Бог в гневе своем погрозил мне»[7].

В своих записках 1880–1881 гг., озаглавленных «Биография Александры Осиповны Чаграновой», Смирнова сообщала своему воображаемым собеседнику, Н. Д. Киселеву: «Я выпила мой первый стакан мариенбадской воды и, как левретка, бегала рысью по Лихтентальской аллее с Гоголем. Вечером он нам прочел 5 первых глав <две первые главы> “Мертвых душ”. Как не хватало тебя, мой любимый Николай[8], а вместо тебя был меховой нос. Я села в твое кресло, остальная компания разместилась на стульях Дурхольц и которые всего лишь дерево[9]. Платонов, у которого за спиной была подушка, меховая, как его нос, не чувствовал, должно быть, себя на школьной скамье. Тут были Лев Сологуб, Андрей Карамзин, которого ты увидишь в Париже, я тебя с ним познакомлю, это другое дело, чем этот противный Володька[10], которого брат ненавидит и презирает; этот мальчик — гуляка и злюка. <...>

Я забываю тебе сказать, что когда Гоголь читал, хозяин дома[11] осторожно сбежал на рулетку, так как это было после обеда, где большую роль играл картофель, а повар Изабеллы Гагариной[12] сделал суп из капусты и Пухову кашу. Это слово понравилось бы тебе, и когда мы поженимся и будем бедны, я тебе своими руками приготовлю эту кашу; она действительно полита малиновым вареньем и сдобрена ванилью. <...>

Хочешь ли ты знать мой день: встав как обычно, я пошла в Лихтентальскую аллею прогулять мою мариенбадскую воду; я поймала, как обычно, Гоголя в огромном скандале с Сергеем Гагариным[13], который говорил, что он — дурного тона...»[14]

В 1854 г. Смирнова вспоминала: «Лето того же 37 года я провела в Бадене, и Н<иколай> В<асильевич> приехал не лечиться, но пил по утрам холодную воду в Лихтентальской аллее. Мы встречались почти каждое утро. Он ходил или лучше сказать бродил один, потому что иногда был на дорожке, а чаще гулял en zig-zag на лугу у Стефани-бад. Часто он так был задумчив, что я долго, долго его звала; обыкновенно он отказывался со мною гулять, прибирая самые нелепые резоны[15]. Его, кроме <Анд. Н.> Карамзина, из русских никто не знал, и один господин высшего круга <князь С. С. Гагарин> мне сказал, встретив меня с ним: “Vous donnez dans la mauvaise societe; vous vous promenez avec un certain Gogol, qui est tres mauvais genre <Вы находитесь в дурном обществе; вы гуляете с каким-то Гоголем, человеком очень дурного тона; *фр.*>”»[16].

В 1888 г. В. И. Шенрок, со слов дочери Смирновой Ольги Николаевны, сообщал: «Прочитав в “Мертвых Душах”, что Плюшкин ходил в юбке (паневе)[17], Жуковский сказал Гоголю[18]: “Ты, братец мой, это украл у меня; ведь наш юродивый (дурачок) Васька ходил в юбке; но я тебе этого не говорил; как же ты это украл?” Гоголь отвечал: “А<лександра> О<сиповна> <Смирнова> мне рассказала про вашего Ваську, — я украл его юбку и подарил ее Плюшкину”. В<асилий> А<ндреевич> обнял Гоголя и сказал: “Дарю тебе ее в потомственное владение”»[19].

[1] Валериан Платонович Платонов (1809–1893), сенатор, сын князя П. А. Зубова.

[2] Под покровом тайны (*фр.*).

[3] Александр Михайлович Борх (1804–1867), камергер, граф.

[4] Гоголь в письмах Анд. Н. Карамзина к Е. А. Карамзиной // *Свод.* Т. 2. С. 30.

[5] «Поб<очный> сын князя Зубова» (примеч. А. О. Смирновой).

[6] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод.* Т. 2. С. 228; см. также: Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 217; <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 242–243; *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 250.

[7] *Висковатов-Висковатый П.* Из рассказов А. О. Смирновой о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 240.

[8] Н. Д. Киселев.

[9] Игра слов: имя квартирной хозяйки Дурхольц (durch Holz; *нем.*) означает: «древесиной».

[10] Владимир Николаевич Карамзин (1819–1879), сын Н. М. Карамзина, чиновник Министерства юстиции, член Петербургской судебной палаты, сенатор.

[11] Н. М. Смирнов.

[12] Жена князя С. С. Гагарина Изабелла Адамовна (рожд. Виленская).

[13] См. также ***1829. Сентябрь-октябрь. Санкт-Петербург.***

[14] *Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чаграновой // *Свод.* Т. 2. С. 293.

[15] «Он был во всю жизнь мастер на нелепые причины» (*Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 250). «“Ах, вот и Гоголь, — сказала я ему. — Николай Вас<ильевич>, сядьте

с нами". – "Не могу, хожу, чтобы сходить"» (*Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чаграновой // *Свод.* Т. 2. С. 288).

[16] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод.* Т. 2. С. 228; см. также: Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 217; <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 242.

[17] Ср. в первой сохранившейся редакции первого тома 1839 г.: «Чичиков долго не мог разобрать, была ли это баба, или мужик. На ней было какое-то платье неведомой материи, весьма похожее на женский [халат] капот; на голове колпак..» (*Гоголь 1937–1952.* Т. 6. С. 306; *Гоголь 2001–2012.* Т. 7. Кн. 1. С. 301–302).

[18] Вероятно, разговор состоялся в Петербурге в ноябре 1839 г. (см. ***1839. Ноября 15. Среда. Санкт-Петербург***).

[19] <Воспоминания О. Н. Смирновой о Гоголе в статье В. И. Шенрока «А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь» (1888)> // *Свод.* Т. 2. С. 302.

МАЯ КОНЕЦ – ИЮЛЬ <ИЮНЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА – АВГУСТА СРЕДИНА>. ОДЕССА

«Ревизор» поставлен во время гастролей М. С. Щепкина в Одессе.

Клинчин. С. 153.

АВГУСТА 27–28 <15–16>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ – ПОНЕДЕЛЬНИК. БАДЕН-БАДЕН, КАРЛСРУЭ

Гоголь проводил Смирновых до Карлсруэ, где ночевал в гостинице в одной комнате с Н. М. Смирновым. (Далее Смирновы отправились в Дрезден и, далее, в Петербург[1], Гоголь – на следующий день или через день – во Франкфурт-на-Майне[2].)

21 октября 1852 г. Д. В. Стасов, со слов чиновника Евгения Ивановича Барановского (бывшего в 1849 г. с ревизией в Калужской губернии), записал анекдот о Гоголе: «Гоголь приехал с Смирновым (Калужским Губернатором) и его женою Александрою Осиповною во Франкфурт-на-Майне <в Карлсруэ>; остановились они в трактире, и Смирнов с Гоголем поместились на ночь в одной комнате. Только ночью Смирнов слышит, что Гоголь что-то возится, встал с постели, снял простыню, разложил на пол (Смирнов молчит, едва удерживаясь от смеха, под одеялом) и сделал что ему следует, свернул простыню и бросил за окошко, и потом возвращается лечь в постель. «Ник<олай> Вас<ильевич>, что Вы это сделали?» – спросил его Смирнов. «Что прикажете делать, живот заболел смертельно, хотел я выйти, – дверь заперта». На следующее утро разбудил шум у дверей. Что же оказалось, что проходил рано утром <*1 нрзб.*>, честные немцы подняли простыню, развернули и захотели отдать по принадлежности кельнеру. Этот поднял страшную тревогу, хотел узнать, под каким окном подняли, узнал, что под окном русского *князя,* и едва-едва успокоился. – Смирн<ов> рассказывал этот анекдот по возвращении в Калугу при самом Гоголе[3], а тот сидел и улыбался»[4].

В 1854 г. А. О. Смирнова вспоминала: «В августе мы оставили Баден-Баден, и Гоголь с другими русскими проводил нас до Карлсруэ, где ночевал с моим мужем в одной комнате и был болен всю ночь, жестоко страдая желудком и бессонницей»[5].

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов Смирновой, сообщал: «В половине августа А<лександра> О<-сиповна> и ее брат оставили Баден. Гоголь проводил их до Карлсруэ, где переночевал с ними в гостинице и был всю ночь болен. На другой день он возвратился в Баден»[6].

Около 1876 г. Смирнова рассказывала также А. Н. Пыпину: «В полов<ине> авг<уста> мы остав<или> Баден. Н<иколай> В<асильевич> нас провод<ил> до Карлсру, где с нами переноче-

вал в трактире. Был всю ночь болен. На др<угой> день мы уех<али>, а он возвр<атился> в Баден[7] с Кар<амзиным> и Плат<оновым>»[8].

В своих записках 1880–1881 гг., озаглавленных «Биография Александры Осиповны Чаграновой», Смирнова сообщала: «Няньки, слуги и трое малюток были в большом экипаже, Гоголь, он и я – в открытой карете; в дороге я купила корзину мушмулы. <...> ...15-го <27 августа (н. ст.) 1837 г.> мы уже ночевали в Карлсруэ. <...> Я спала в одной комнате, а Гоголь со Смирновым в другой. Мушмула причинила вред Гоголю. Ночью, несмотря на его крепкий сон и храп, Смирнов услышал страшный шум в комнате, он зажег огонь и увидел бедного Ник<олая> В<асильевича>, вытиравшего пол своей простыней, с графином в руке. Он понял, что несчастный искал место в коридоре, что он наполнил свой горшок и выбросил его за окно вместе с содержимым. Какая находка для тряпичников, а с остальным можно поздравить пол. Он был так смущен, что выехал до нас, приказав мне сказать, что он собирается присоединиться к Жуковскому в Дюссельдорфе»[9].

[1] См. ***1837. Сентября 3 <августа 22>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1837. Августа 29–30 <17–18>. Вторник-среда. Карлсруэ.***

[3] См. ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота – июля вторая половина, не позднее 26. Калуга.***

[4] *Стасов Д. В.* Анекдоты и рассказы о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 372.

[5] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод.* Т. 2. С. 228; см. также: *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 250.

[6] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 217. – На самом деле Гоголь, вероятно, отправился из Карлсруэ во Франкфурт-на-Майне (см. ***1837. Августа 29–30 <17–18>. Вторник-среда. Карлсруэ***).

[7] См. предшеств. примеч.

[8] <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 243.

[9] *Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чаграновой // *Свод.* Т. 2. С. 294.

АВГУСТА 29–30 <17–18>. ВТОРНИК-СРЕДА. КАРЛСРУЭ

Гоголь отправляется на пароходе, по Рейну и Майну, во Франкфурт.

См. ***1837. Августа 27–28 <15–16>. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы – понедельник. Баден, Карлсруэ***; ***1837. Сентября 3 <августа 22>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***

СЕНТЯБРЯ 1 <АВГУСТА 20>. ПЯТНИЦА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь, приехав во Франкфурт[1], посетил русского посланника П. Я. Убри, где встретился с А. И. Тургеневым.

В этот день А. И. Тургенев записал в дневнике: «У Убри[2] – долго болтал о Пушк<ине>, о П<етер>бур<ге>. Тут и дочь его – Марченко[3]. Читал циркуляр гр<афа> Нес<сельроде> о непропуске русских без означения *куда* в *П<етер>б<ург>*. Явился автор *Гогель* – из Гишпании и Португалии[4] и Италии. С ним о Пуш<кине>. <...>

Гогель был у меня, потом я у него. О Пушкине, о сочинении его: *Мертвые души*»[5].

Речь, очевидно, шла о передаче Гоголю А. С. Пушкиным сюжета «Мертвых душ»[6].

[1] См. ***1837. Сентября 3 <августа 22>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***

[2] Петр Яковлевич Убри (Убриль) (1774–1847), действительный статский советник, управляющий Коллегией иностранных дел, дипломат, посланник во Франкфурте.

[3] Жена дипломата С. П. Марченко Екатерина Петровна (ум. в 1900).

[4] Путешествие в охваченную междоусобной войной Испанию и Португалию Гоголь совершил в двухнедельный период с конца июня (н. ст.) по 15 июля (н. ст.) 1837 г. (см. ***1837. Июня 28 – июля не позднее 15 <июня 16 – июля не позднее 3>. Турин, Марсель, Барселона, Мадрид, Лиссабон, Турин, Баден-Баден***).

[5] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод*. Т. 3. С. 76.

[6] См. письмо А. И. Тургенева к И. С. Аржевитинову: ***1842. Октября 17 <29>. Суббота. Москва.***

СЕНТЯБРЯ 3 <АВГУСТА 22>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь перед отправлением в Женеву пишет в Дрезден письмо Н. М. Смирнову:

«Ящик ваш я дотащил до Франкфурта. В здоровом состоянии отдал его Заргу, который обещался исполнить в точности ваше желание. <...> Пароход доставил мне приятный сюрприз – ехать вместо одного дни два[1]. Дождь, верный спутник рейнского путешествия, усугубил приятность. Все пассажиры столпились в одну каюту, и немецкой запах сделался до такой степени густ, что можно было 700 топоров повесить в воздухе. Круглые окна нашей каюты до такой степени визжали и обливались слезами, что тоска проходила меня насквозь от головы и до пяток. А мокрые зонтики, сальные сапоги и всеобщий насморк доныне мне грезятся. Наконец я доехал до – Франкфурта и вот уже три дня[2] любуюсь гнуснейшею погодою, какая когда-либо была в мире, и [пошлыми] благородными физиогномиями жидов. Ибо вам, я думаю, уже известно, что Франкфурт страшно пахнет жидом, включая в то число немцев. – Да, вот чуть было не позабыл сказать: во Франкфурте встретился я с Тургеневым[3], с которым мы провели полдни. Он интересовался о вас и особенно о здоровье Александры Осиповны. Я его удовлетворил как мог. Он поехал теперь в Штутгарт, потом еще куда-то (имя я позабыл – какой-то немецкий город), а потом в Париж в конце этого же месяца. Государь очень был доволен сделанными им розысканиями[4] и говорил ему несколько раз, что читал с большим наслаждением его портфели, и отпустил его теперь куда хочет вытряхивать и рыть всё, что ни есть в кладовых Европы. Тургенев, между прочим, сказал важную истину, которая отчасти известна, может быть, и Александре Осиповне, – что, живя за границею, тошнит по России, а не успеешь приехать в Россию, как уже тошнит от России. – Я получил, между прочим, небольшое письмецо от Жуковского[5]... <...> На письмо мое, писанное из Рима[6], я еще ничего не получал. Оно, верно, лежит в Зимнем дворце и дожидается его прибытия из путешествия[7]. У Тургенева я видел совершенно оконченную печатанием первую книжку Современника. Там есть стихи Пушкина под названием: Отрывок, в которых он говорил, как он посетил свою деревню[8], в которой не был уже десять лет, какими показались ему его домик, его комната, за стеной которой уже не раздавались тяжелые шаги его бедной няни, и те же деревья с новыми молодыми. Удивительная простота и такая тихая и вместе глубокая грусть, что я даже не в силах был переписать, мне так сделалось грустно. Я еду сегодня. Отправляюсь в Женеву, где буду ожидать, покамест будет свободен пропуск в Италию от всяких холерных навождений. Вообразите себе мое несчастие: в Риме холера. Меня это как громом хватило; а я уже помышлял, с какою радостью увижу я знакомый купол и места, сделавшиеся для меня второю родиною[9]. Не ездите в Берлин. Там холера, говорят, беснуется, Бог с ним. Будьте здоровы, и да принесет вас добрый ветер благополучно к невским берегам, и да заботятся святые силы о здоровьи Александры Осиповны, этого прекрасного украшения, которого так мало достойна наша пошлая столица».

[1] См. ***1837. Августа 29–30 <17–18>. Вторник-среда. Карлсруэ.***

[2] См. ***1837. Сентября 1 <августа 20>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[3] Имеется в виду А. И. Тургенев.

[4] «...Разные обстоятельства <...> доставили <А. И. Тургеневу> <...> случай собрать обильнейшую для отечественной Истории жатву в Иностранных Библиотеках и Архивах, во время путешествий по Германии, Италии, Франции, Англии, Дании и Швеции. <...> Все таковые сделанные в продолжение нескольких лет исторические приобретения всеподданнейше поднесены Д<ействительным> Ст<атским> Сов<етником> Тургеневым в 1837 и 1839 годах *Государю Императору* <...> и в конце 1839 года, по Высочайшему Его Императорского Величества повелению, доставлены в Археографическую Коммиссию для напечатания...» (Historica Russiae

monumenta. Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек Д. Ст. Сов. А. И. Тургеневым. СПб., 1841. Т. 1. Выписки из Ватиканского тайного архива и из других Римских библиотек и архивов, с 1075 по 1584 год. С. V, VII). (Второй том издания вышел в 1842 г.)

[5] См. ***1837. Март <марта средина – апреля средина>. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1837. Апреля 18 <6>. Вторник. Рим.***

[7] С начала мая до средины декабря 1837 г. Жуковский путешествовал с наследником Александром Николаевичем по России.

[8] Имеется в виду «первая» за 1837 г. «книжка» журнала «Современник» (Т. 5) (см. ***1837. Апреля конец – мая начало <мая средина>. Санкт-Петербург***; ***1837. Июня 3 <мая 22>. Суббота. Рим***), где впервые было напечатано стихотворение Пушкина «...Вновь я посетил...» (1835). В следующем томе «Современника» за 1837 г. (Т. 6; цензурное разрешение 2 мая) были напечатаны «Петербургские записки 1836 года» Гоголя.

[9] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт*** – примечания.

СЕНТЯБРЯ ОКОЛО 5 – НОЯБРЯ СРЕДИНА <АВГУСТА ОКОЛО 24 – НОЯБРЯ НАЧАЛО>. ЖЕНЕВА

Гоголь по приезде в Женеву получил от П. А. Плетнева 1000 рублей[1]. Встречается здесь с А. С. Данилевским, видится с А. Мицкевичем.

Позднее, 24 ноября (н. ст.) 1837 г., Гоголь сообщал матери из Милана: «Я пробыл в Женеве больше, нежели думал (ожидая из Петербурга нужных для меня писем[2]). <...> Я с большою радостью оставил наконец Женеву, где, впрочем, мне не было скучно, тем более, что я там имел счастливую встречу с Данилевским, и таким образом мы провели осень довольно приятно, до тех пор, пока наконец все горы не только огромные, высокие и далекие, но даже и ближние покрылись снегом».

23 апреля (н. ст.) 1838 г. Гоголь писал Данилевскому из Рима: «Посох мой страннический уже не существует. Ты помнишь, что моя палка унеслася волнами Женевского озера».

28 октября (н. ст.) 1838 г., по пути из Парижа в Рим, Гоголь сообщал также Данилевскому из Лиона: «Я много, много крат досадов<ал> на то, что взял эту подлую дорогу на Марсель. Ничего родного до самого Рима. Это, право, тоска. Там хоть Женева с мамзелями Фабр и Калам, с чаем в Коронованной гостинице и, наконец, с вдохновенным Мицкевичем, что мне представляло не мало удовольствия».

В. И. Шенрок, беседовавший в 1887 г. с Данилевским, сообщал: «Осень <1837 г.> <...> Гоголь провел снова с Данилевским в Швейцарии... <...> Они жили вместе в Hotel de la Couronne, где часто видались, между прочим, с Мицкевичем, переселившимся тогда в Лозанну и приезжавшим часто в Женеву. (Мицкевич в 1839 г. получил в Лозанне кафедру древних литератур.)»[3].

[1] См. ***1837. Сентября 19 <7>. Вторник. Женева.*** – Деньги были присланы П. А. Плетневым от книгопродавца А. Ф. Смирдина (см. ***1837. Марта 28 <16>. Вторник. Рим***; ***1837. Марта 30 <18>. Четверг. Рим***).

[2] Речь, очевидно, идет о получении Гоголем в Женеве 2 ноября (н. ст.) 1837 г. материальной помощи от Государя (см. ***1837. Октября 14 <2>. Суббота. Рим***; ***1837. Ноября 2 <октября 21>. Четверг. Женева***).

[3] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 518.

АВГУСТА 30 <СЕНТЯБРЯ 11>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

АВГУСТ <АВГУСТА СРЕДИНА – СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА>. ВОЗНЕСЕНСК

М. С. Щепкин играл Городничего в «Ревизоре» на гастролях в Вознесенске (под Одессой).

Гриц. С. 237.

СЕНТЯБРЯ 19 <7>. ВТОРНИК. ЖЕНЕВА

Гоголь пишет Н. Я. Прокоповичу в Петербург:

«Я не получал от тебя никакого ответа на письмо, писанное из Бадена[1]. И опять повторяю тебе прежнюю просьбу. Если у тебя не случится теперь 1500 рублей, а из банка нельзя будет взять скоро, то продай мою библиотеку[2]. Кажется, Одоевский хотел у меня купить. Предложи ему. Она мне стала до 3000, но если можно за нее выручить половину, то слава Богу. Мне бы не хотелось ее сбывать, хотя я и не буду иметь случая ею пользоваться, но я знаю, что многие книги полезны тебе, и мне приятно воображать, что ты роешься, вместо меня, в них. Но я в большой крайности. Я получил 1000 рублей от Плетнева назад тому две недели[3]; уплатил некоторые долги и сделал себе платье всё изнова, потому что старое разлезлось в куски – последний продукт моей отчизны. Холера, опустошающая теперь Рим, расстроила теперь все мои планы и предположения. Я уже так было устроился и распорядил дела свои, что мог жить в Риме, как у себя дома, куда дешевле того, как жил в Петербурге. Теперь я таскаюсь бесприютно. В Швейцарии всё вдвое дороже против римского. К тому же расположение моей болезни таково, что я не могу теперь забраться в совершенную глушь и против воли должен искать развлечения: я боюсь ипохондрии, которая гонится за мной по пятам. Смерть Пушкина кажется, как будто отняли от всего, на что погляжу, половину того, что могло бы меня развлекать[4]. Желудок мой гадок до невозможной степени и отказывается решительно варить, хотя я ем теперь очень умеренно. Гемороидальные мои запоры по выезде из Рима начались опять, и, поверишь ли, если не схожу на двор, то в продолжение всего дня чувствую, что на мозг мой [совер<шенно>] как будто бы надвинулся какой-то колпак, который препятствует мне думать и туманит мои мысли. Воды мне ничего не помогли, и я теперь вижу, что они ужасная дрянь; только чувствую себя [гораздо] хуже: легкость в карманах и тяжесть в желудке. <...> Узнай от Плетнева, правда ли этому, что говорят, что будто на следующий год едет наследник, а с ним, без сомнения, и Жуковский, а может быть, и Плетнев, в Италию[5]. Как бы я желал, чтобы этому была правда. Я соскучил страшно без Рима. Там только я был совершенно спокоен, здоров и мог предаться моим занятиям. Мутно и туманно всё кажется после Италии. Прежние синие горы теперь кажутся серыми, всё пахнет севером после нее. И как вспомню, что я должен буду прожить месяц, а может быть, и более, вдали от нее (холера по всем вероятьям не оставит Рим раньше месяца), то мне кажется, я заживо вижу перед собою вечность. <...> Когда добудешь деньги, то не медля, ту же минуту неси их к Штиглицу. Чтобы он взял из них 600 франков и отослал в Растат[6], что в Баденском велик<ом> герцогстве, к тамошнему банкиру, который называется Francois Simon Meyer, известивши его, что это следуемые ему от меня занятые у него деньги, а на остальные же деньги, 1000 франков или около, чтобы Штиглиц прислал мне вексель в Женеву».

[1] См. ***1837. Июля 20 <8>. Четверг. Баден-Баден***; ***1837. Июля 20 <августа 1>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] Продажа библиотеки не состоялась. Прокопович занял полторы тысячи рублей и отправил их Гоголю в Женеву с просьбой вернуть по возможности скорее. Однако письмо и деньги, не застав Гоголя, «месяца два» пролежали в Женеве, потом были отправлены к банкиру Д. фон Валентини, который задержал их еще на два месяца, и лишь в половине апреля 1838 г. попали к Гоголю (см. ***1838. Апреля 27–28 <15–16>. Пятница-суббота. Рим***).

[3] См. ***1837. Сентября около 5 — ноября средина <августа около 24 — ноября начало>. Женева.***

[4] См. ***1837. Марта 1–2 <февраля 17–18>. Среда-четверг. Париж.***

[5] Заграничное путешествие В. А. Жуковского с наследником Александром Николаевичем продолжалось с мая 1838 по июнь 1839 г.

[6] Раштатт (см. ***1836. Августа около 15 <3>. Раштатт***).

СЕНТЯБРЯ 8 <20>. СРЕДА. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ОКТЯБРЯ С 1 ПО 13 <СЕНТЯБРЯ С 19 ПО ОКТЯБРЯ 1>. ЖЕНЕВА

Гоголь в письме к матери в Васильевку поздравляет ее с днем Ангела (1/13 октября); сообщает:

«Я уже давно не получал от вас письма, а равным образом и от сестер <Анны и Елисаветы> из Петербурга. Я более месяца провел в Бадене[1], где пользовался водами, которые пользы мне не сделали ни на полушку и только расстроили то, что я совершенно поправил было в Италии. Теперь я вижу ясно, что <для> меня больше всего нужен воздух и что воздух Италии один только может совершенно искоренить все мои геморoидальные припадки. Впрочем, может быть и хорошо, что я в то время выехал из Италии, потому что без меня явилась там холера и пожрала множество людей. Теперь она почти проходит, но я обожду в Женеве до тех пор, пока она исчезнет там совершенно, что, полагаю, должно сбыться в продолжение месяца непременно, потому что по последним известиям из Рима уже сняты даже карантины, и все выздоравливают. Известите меня как идут ваши хозяйственные дела и что делается нового в наших землях. Швейцария всё такая же, как прежде. Я посетил опять[2] здешние чуда натуры. Снегоглавый Монблан перед моими глазами, Женевское озеро со своими бирюзовыми водами и живописными окрестностями всё так же хорошо, но я гляжу уже на них другим оком, равнодушнее прежнего. После Италии здешнее небо не так кажется ясно и сине, а воздух, этот божественный воздух, который так прозрачен в Италии и вливает в нервы такое освежительное здоровье, здесь не тот. Осень привела сюда туманы и дает чувствовать, что зима, которая не существует в Италии, уже недалеко. Впрочем я надеюсь ускользнуть от ней. Если вы успеете получить мое письмо по крайней мере 5 октября по вашему стилю, то пишите ответ в Женеву, когда же нет, то адресуйте в Рим».

[1] См. ***1837. Июля около 15 — августа не позднее 27–28 <июля около 3 — августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден.***

[2] См. ***1836. Августа 23 <11>. Вторник. Женева.***

СЕНТЯБРЯ 20 <ОКТЯБРЯ 2>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ОКТЯБРЯ 14 <2>. СУББОТА. РИМ

Российский поверенный в делах в Риме П. И. Кривцов извещает Департамент хозяйственных и счетных дел Министерства иностранных дел:

«Препровожденные ко мне при почтеннейших отношениях оного Департамента от 16-го и 20-го июля с<его> г<ода> под №-ми 3286 и 3346-ми один первый и вторый векселя[1] в 4860-х <рублях> ас<сигнациями>, Всемилостивейше пожалованных Русскому сочинителю, бывшему при С.-Петербургском университете адъюнктом Николаю Гоголю, я получил в свое время[2], но по отбытии из Рима сего последнего[3] и по неизвестности его местопребывания удержал оные векселя при мне. Нынче известившись партикулярным образом, что г. Гоголь намеревался провести зиму в г. Лозан<н>е, я поспешил отправить вышеозначенные векселя к нашему посланнику при Швейцарском союзе[4], с просьбою доставить оные по принадлежности[5] под росписку и сию последнюю препроводить в Департамент хозяйственных и счетных дел».

Документы об оказании Гоголю Императором Николаем I денежного пособия в 1837 г. // *Свод.* Т. 2. С. 16.

[1] См. ***1837. Июля 20 <августа 1>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1837. Августа средина <августа начало>. Рим.***

[3] См. ***1837. Июня вторая половина, не позднее 25 <июня первая половина, не позднее 13>. Рим.***

[4] Чрезвычайным российским посланником в Швейцарии был тогда знакомый Ф. И. Тютчева барон Павел Алексеевич Криденер (Крюденер, 1784–1858).

[5] См. ***1837. Ноября 2 <октября 21>. Четверг. Женева.***

ОКТЯБРЯ 5 <17>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

НОЯБРЯ 2 <ОКТЯБРЯ 21>. ЧЕТВЕРГ. ЖЕНЕВА

Предположительно в этот день Гоголь получил пожалованные ему Императором Николаем I пять тысяч рублей.

В конце апреля (н. ст.) 1838 г. Гоголь сообщал М. П. Балабиной[1]: «Когда я жил в Швейцарии, где, по причине холеры, я остался гораздо <долее>, нежели сколько думал, я не мог дождаться часа, минуты ехать в Рим; и когда я получил в Женеве вексель, который доставил мне возможность ехать туда, я так обрадовался этим деньгам, что если бы в это время нашелся свидетель моей радости, то он бы принял меня за ужасного скрягу и сребролюбца».

2 ноября 1837 г. Гоголь пометил свое письмо к П. А. Плетневу, которое предполагал опубликовать в «Современнике» как выражение благодарности Императору за оказанную помощь[2]. Поскольку просьба о помощи была отправлена Гоголем из Рима[3] — и туда же затем были посланы деньги[4] — местом создания своего эпистолярного произведения Гоголь обозначил, однако, не Женеву, а Рим, откуда в действительности и отправил позднее, 30 ноября 1837 г.[5], свое письмо, начатое в Женеве[6].

Это готовившееся Гоголем к печати[7] <Письмо из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу> явилось своеобразным «опытом» и предвестием позднейших «Выбранных мест из переписки с друзьями». Благодарность за полученную помощь Гоголь высказал именно в «Переписке с друзьями», в статье «Исторический живописец Иванов» (1846): «Один раз <...> я очутился в городе, где не было почти ни души мне близкой[8],

без всяких средств, рискуя умереть не только от болезни и страданий душевных, но даже от голода. Это было уже давно тому. Спасен я был Государем. Нежданно ко мне пришла от него помощь. Услышал ли он сердцем, что бедный подданный его на своем неслужащем и незаметном поприще помышлял сослужить ему такую же честную службу, какую сослужили ему другие на своих служащих и заметных поприщах, или это было просто обычное движенье милости его. Но эта помощь меня подняла вдруг. Мне было приятно в эту минуту быть обязану ему, а не кому-либо другому. К причинам, побудившим взяться с новою силою за труд, присоединилась еще и мысль, — если удостоит меня Бог сделаться, точно, человеком близким для многих людей и достойным, точно, любви всех тех, которых я люблю, — сказать им: “Не забывайте же, меня бы не было, может быть, на свете, если б не Государь”».

[1] См. ***1838. Апреля конец <апреля средина>. Рим.***

[2] <Письмо из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу> // *Гоголь 2009–2010.* Т. 7. С. 525–526, 760–763.

[3] См. ***1837. Апреля 18 <6>. Вторник. Рим.***

[4] См. ***1837. Июля 20 <августа 1>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1837. Ноября 30 <18>. Четверг. Рим.***

[6] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Неузнанное произведение Гоголя // Духовная традиция в русской литературе. Сборник научных статей / Науч. ред., сост. Г. В. Мосалевой. Ижевск, 2013. С. 236–248.

[7] См. ***1838. Марта 28 <апреля 9>. Великий понедельник. Санкт-Петербург.***

[8] Гоголь делает оговорку: «почти», — так как с ним в Женеве был тогда А. С. Данилевский.

НОЯБРЯ НАЧАЛО <ОКТЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. РИМ

В Рим прибыли А. В. Логановский[1] и М. А. Томаринский (Тамаринский)[2].

Из воспоминаний Ф. И. Иордана (опубл. в 1891 г.): «Томаринский, сын нашего дьякона[3], был человек лет за 35, среднего роста, всегда чисто одетый; вместе с ним приехал <...> Александр Васильевич Логановский, брат нашего академического священника, отца Михаила[4], представлявший с ним, во всех отношениях, совершенную противоположность. Логановский, скульптор, был величайший добряк, и Томаринский подтрунивал над его неимоверною добротою и оригинальным простодушием. <...>

Был у меня <...> приятель архитектор Томаринский, скромный малый, сын нашего академического диакона, Антона Осиповича, который был у нас псаломщиком в 1809 г., когда я мальчишкою был принят в академию. Отец Томаринского не убил времени даром: будучи нашим псаломщиком, он учился рисовать и писать красками. Академическая церковь имела хоругви, им написанные. К несчастию, будучи произведен в диакона, он начал сильным и принужденным голосом оканчивать Евангелие и многолетия на молебнах, надорвался, был тщедушен и детей народил тщедушных. Сын его, талантливый архитектор, предчувствовал свою грудную болезнь, унаследованную от отца, употреблял все предосторожности от грудного недуга, но болезнь взяла свое[5], — он не мог избегнуть своей горестной участи»[6].

[1] Александр Васильевич Логановский (1812–1855), скульптор. Прибыл в Рим как пансионер Академии художеств.

[2] Михаил Антонович Томаринский (1812 — ночь с 14/26 на 15/27 июня 1841), архитектор. Выехал вместе с Логановским из Петербурга в Рим в качестве пансионера Академии художеств 11/23 октября 1837 г. Жил в Риме на одной квартире с Логановским и Д. Е. Ефимовым (см. ***1839. Апреля 7 <марта 26>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Рим***).

[3] Антоний Осипович Томаринский, диакон церкви Сошествия Св. Духа в Императорской Академии художеств.

[4] Михаил Васильевич Логановский, протоиерей церкви Сошествия Св. Духа в Императорской Академии художеств.

[5] Кончина Томаринского в 1841 г. (см. ***1841. Июня 14 <2> (понедельник) или 26 <14> (суббота). Рим, Альбано***) произвела тяжелое впечатление на Гоголя.

[6] Записки профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана // *Свод.* Т. 3. С. 375–376.

ОКТЯБРЯ 26 <НОЯБРЯ 7>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978*. С. 305.
[2] *Гриц*. С. 237.

НОЯБРЯ СРЕДИНА <НОЯБРЯ НАЧАЛО>. ЖЕНЕВА

Гоголь и А. С. Данилевский выезжают из Женевы. Данилевский некоторое время провожает Гоголя по дороге в Рим (до города Домодоссола[1]).

Позднее, 24 ноября (н. ст.) 1837 г., в письме к матери из Милана Гоголь сообщал: «...Я бросил [Женеву] Швейцарию, как узник бросает темницу. Я избрал на этот раз другую дорогу, сухим путем, через Альпы, самую живописную, какую только мне удалось видеть. Громады гор безобразных, диких неслись во всю дорогу, мимо окон нашего дилижанса, мелькали водопады, шумящие, состоявшие из водяной пыли. Половину суток всё подымались мы на Семплон, одну еще не из самых высоких гор, дорога наша кружилась по горе в виду целых цепей других гор. Стремнины страшные становились глубже и глубже с правой стороны дороги. Всё очутилось внизу, те горы, на которых взглянуть было трудно, как говорится, не уронивши с головы шапки, казались теперь малютками, скалы, утесы, водопады — всё было под нашими ногами. Дорога наша проходила часто насквозь скалу, сквозь просеченный в ее каменной массе коридор. Часто висел над нами натуральный свод. Часто мы проезжали сквозь искусственную длинную каменную галерею, потому что без нее дорога была бы занесена снегом. И встретивши таким образом на вершине Семплона около 20 градусов морозу, мы наконец начали спускаться вниз быстро, мимо скал, мимо водопадов. Ничего вы не можете себе представить живописнее. На картинах вы не видали ничего подобного. Уже бросили сани, взяли и карету, и все летели с быстротою по кружащим дорогам, окруженным картинными горами. Меньше нежели в три часа спустились мы с тех гор, на которые подымались около суток, и климат к концу так изменился, что вместо морозу было около 12 градусов теплоты. Расстилавшиеся вдали долины Италии представляли удивительно какой вид!»

[1] См. ***1837. Ноября вторая половина, не позднее 24 <ноября не позднее 12>. Озеро Лаго-Маджоре, Домодоссола.***

НОЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА, НЕ ПОЗДНЕЕ 24 <НОЯБРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 12>. ОЗЕРО ЛАГО-МАДЖОРЕ, ДОМОДОССОЛА

Гоголь и А. С. Данилевский проезжают мимо острова Белла на озере Лаго-Маджоре (Isola Bella; *ит.* «красивый остров») до города Домодоссола (Domodossola), на границе Швейцарии и Италии. Вероятно, здесь произошло расставание Гоголя с Данилевским, направлявшимся в Париж.

Позднее, 24 ноября (н. ст.) 1837 г., в письме к матери из Милана Гоголь сообщал: «Наконец <минули мы> <...> знаменитое Большое озеро с его прекрасными островами; может быть, вы слышали про Изолубеллу, один из островов, который состоит [выстроен] из девяти этажей, из террас, дворцов и всех возможных растений в мире».

В. И. Шенрок, беседовавший с Данилевским в 1887 г., сообщал: «...А. С. Данилевский уже на краю гроба, не мог говорить без волнения о чудной стране, в которой он пережил с Гоголем столько

светлых, незабываемых в жизни минут. Его воспоминания о Риме, об Isola Bella и проч. в тесном кругу любящей семьи, при всем грустном сознании вечной, невознаградимой утраты, дышали какой-то неизъяснимой отрадой...»[1];

«...Он <Гоголь> <в письме к матери от 24 ноября (н. ст.) 1837 г. из Милана>[2] с увлечением передает свои дорожные впечатления <...> и восхищается прелестным островом Isola Bella, всегда сильно нравившимся как ему, так и Данилевскому. “Может быть, вы слышали про Изолу Беллу, один из островов, который состоит из девяти этажей, из террас, дворцов и всех возможных растений в мире”»[3].

В письме к Данилевскому от 30 июня (н. ст.) 1838 г.[4] Гоголь также вспоминал об их совместном путешествии: «Как бы мне хотелось, чтобы меня какой-нибудь <дух> пронес через подлую Германию, Швейцарию, горы, степи и потом, через три-четыре месяца, возвратил опять в Рим! Доныне вспоминаю мое возвращение в Рим. Как оно было прекрасно, как чудесна была Италия после Сенплона, как прекрасен был италианский город Domo d’Ossola!»

[1] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 517.

[2] См. ***1837. Ноября 24 <12>. Пятница. Милан.***

[3] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 521.

[4] См. ***1838. Июня 30 <18>. Суббота. Рим.***

НОЯБРЯ 10 <22>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

НОЯБРЯ 24 <12>. ПЯТНИЦА. МИЛАН

Гоголь проездом в Милане. Сообщает матери в Васильевку[1]:

«Минувши несколько городов уже совершенно италианских, я прибыл в Милан. Он велик, может быть, больше всех других в Италии по населенности, похож несколько на Париж. Но что более всего поражает вид — это катедрал, по-нашему собор. Вообразите себе огромнейшую массу, всю из мрамора, всю из статуй, из резных украшений, похожую на кружево. Театр миланский по величине первый в мире после неаполитанского. Картинная галерея по обыкновению всех италианских городов прекрасная и станет на несколько дней ее глядеть. Я пробуду еще день в Милане и отправлюсь во Флоренцию, а оттуда в Рим. Не успел я выехать в Италию, уже чувствую себя лучше. Благословенный воздух ее уже дохнул».

[1] См. также ***1837.*** **Ноября средина <ноября начало>. Женева**; ***1837. Ноября вторая половина, не позднее 24 <ноября не позднее 12>. Озеро Лаго-Маджоре, Домодоссола.***

НОЯБРЯ 25 <13>. СУББОТА. МИЛАН

Гоголь выехал из Милана во Флоренцию.

См. ***1837. Ноября 24 <12>. Пятница. Милан.***

НОЯБРЯ СРЕДИНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет[1] седьмого тома журнала «Современник» (цензурное разрешение 2 мая), где напечатана «История села Горюхина» (1830) А. С. Пушкина (с неправильным названием — «Летопись села Горохина»).

Позднее, в статье *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846), Гоголь писал о Пушкине: «Почти в одно время с "Капитанской дочкой"[2] оставил он мастерские пробы романов: "Рукопись села Горохина", "Царский арап"[3] и сделанный карандашом набросок большого романа — "Дубровский"»[4].

[1] См.: *Рыскин Е. И.* Журнал А. С. Пушкина «Современник». 1836–1837. Указатель содержания. М., 1967. С. 71–72.

[2] См. ***1836 декабря 22 <1837 января 3>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1837. Января 25 <13>. Среда. Париж.***

[3] См. ***1828. Декабря 27–31. Санкт-Петербург***; ***1837. Мая 2 <14>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1840. Апреля 29. Понедельник. Санкт-Петербург.***

1837 НОЯБРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 30 <НЕ ПОЗДНЕЕ 18> — 1838 ИЮЛЯ НАЧАЛО <ИЮНЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. РИМ

Гоголь в Риме. Встречается здесь с княгинями В. А. Репниной-Волконской[1], З. А. Волконской[2], И. Ф. Золотаревым[3], княжной В. Н. Репниной-Волконской[4], П. И. и Е. Н. Кривцовыми, русскими художниками-пансионерами; знакомится с И. Кайсевичем и П. Семененко[5], Дж. Белли[6], П. Е. и М. П. Комаровскими, с четой И. Д. и М. А. Корсини, фрейлиной А. А. Окуловой[7] и др.

Предположительно, в этот же период Гоголь общался с бароном Христианом фон Бунзеном (1791–1860), знакомым В. А. Жуковского (с мая 1833 г.) и З. А. Волконской, автором книг «Литургия для протестантской часовни королевского прусского посольства в Риме» (Liturgie... für die königlich Preußische evangelische Gesandtschafts-Kapelle zu Rom. Berlin, 1828), «Описание Рима» (Beschreibung der Stadt Pom. Stuttgart u. Tübingen, 1830–1838), «Опыт общеевангельского песнопения и молитвенника» (Versuch eines allgemeines evangeliches Gesang- und Gebetbuches. Hamburg, 1833). (Бунзен покинул Рим 29 апреля (н. ст.) 1838 г.[8])

В 2001 г. В. Н. Гасперович указывала: «Оказавшись в Риме <...> Гоголь нашел себе квартиру на виа Феличе (нынешней виа Систина), № 126[9] — бывшей тогда центром творческой жизни города. <...> <30 ноября (н. ст.)> 1837 г. сам писатель посылает свой адрес В. А. Жуковскому: "Strada Felice, № 126, Ultimo piano" <последний этаж; *ит.*>. <...> Просматривая книгу прихода[10], которому принадлежала виа Феличе за 1838 год и помня о том, что запись была сделана в предпасхальный период — скорее всего в марте месяце, мы имеем возможность познакомиться со всеми жителями дома № 126. Однако для несведущего читателя здесь требуется пояснение: у итальянцев принято считать этажи с нулевого, "земляного", этажа (piano terra), а не с первого, посему 1-й этаж в Италии соответствует 2-му в России и т. д. <...> ...Мы будем придерживаться итальянской традиции, то есть следовать нумерации, обозначенной в приходской книге.

"1-й <2-й> этаж:	незаселенный.
2-й <3-й> этаж:	Аньезе Ринальди, вдова Оливьери из Мессины, 62 года; Франческо Булгарини, 24 года — служащий; Аньезе, 22 года;

2-й <3-й> этаж:	Филиппо, 21 год;	
	Мария Луиза, 19 лет;	дети[11]
	Мария Оттавия, 14 лет;	
	Аделаида, 13 лет.	
3-й <4-й> этаж:	Анна Мария Ринальди, вдова Челли[12] из Мессины, 67 лет;	
	Сальваторе Челли, сын, 41 год;	
	Санте Ринальди из Мессины, 77 лет[13];	
	Анна Урбани, 30 лет – прислуга;	
	Роза Пиккиоли, вдова Костантини, римлянка, 68 лет;	
	Анна Костантини, незамужняя, 31 год;	
	Пьетро Костантини, сын, 12 лет;	
	Роза Костантини, дочь, 32 года;	
	3 испанца-художника, по 23 года[14];	
	2 протестанта[15].	
4-й <5-й> этаж:	Джузеппе Спатти из Феррары, 43 года – табачник;	
	Аннунциата Костантини[16], жена, римлянка, 39 лет;	
	Антонио, 6 лет;	
	Луиза, 3 года;	
	кто-то из Правительства"	

Если верить указаниям Гоголя ("Strada Felice, № 126, Ultimo piano"), писатель жил на последнем этаже. Неужели его считали "кем-то из Правительства"?»[17]

В конце апреля (н. ст.) 1838 г. Гоголь сообщал М. П. Балабиной[18]: «И когда я увидел наконец во второй раз[19] Рим, о, как он мне показался лучше прежнего! Мне казалось, что будто я увидел свою родину[20], в которой несколько лет не бывал я, а в которой жили только мои мысли. Но нет, это всё не то, не свою родину, но родину души своей я увидел, где душа моя жила еще прежде меня, прежде чем я родился на свет. Опять то же небо, то всё серебряное, одетое в какое-то атласное сверкание, то синее, как любит оно показываться сквозь арки Колисея. Опять те же кипарисы – эти зеленые обелиски, верхушки куполовидных сосен, которые кажутся иногда плавающими в воздухе. Тот же чистый воздух, та же ясная даль. Тот же вечный купол, так величественно круглящийся в воздухе. Нужно вам знать, что я приехал совершенно один, что в Риме я не нашел никого из моих знакомых. Ваша сестрица[21] оставалась еще во Флоренции. Но я был так полон в это время, и мне казалось, что я в таком многолюдном обществе, что я припоминал только, чего бы не забыть, и тот же час отправился делать визиты всем своим друзьям. Был у Колисея, и мне казалось, что он меня узнал, потому что он, по своему обыкновению, был величественно мил и на этот раз особенно разговорчив. Я чувствовал, что во мне рождались такие прекрасные чувства! стало быть, он со мною говорил. Потом я отправился к Петру и ко всем другим, и мне казалось, они все сделались на этот раз гораздо более со мною разговорчивы. В первый раз нашего знакомства они, казалось, были более молчаливы, дичились и считали меня за форестьера»[22].

В средине ноября (н. ст.) 1838 г. Гоголь, приехав в Рим третий раз, писал также А. С. Данилевскому: «Я до сих пор еще как-то не очнулся в Риме. Как будто какая-то плева на глазах моих, которая препятствует мне видеть его в том чудном великолепии, в каком он мне представился, когда я въехал в него во второй раз».

В 1894–1895 гг. В. И. Шенрок, на основании переписки Гоголя и воспоминаний княжны В. Н. Репниной-Волконской (ум. в 1891), сообщал: «Во второе свое пребывание в Риме Гоголь сначала жил почти совершенно один, не имея никаких знакомых, кроме малоинтересных и несимпатичных ему русских художников, состоявших под начальством Павла Ивановича Кривцова, женившегося 12 ноября 1837 г. на <княжне> Елизавете Николаевне Репниной-<Волконской>. Остальные Репнины жили тогда во Флоренции[23], а Балабины давно уже возвратились в Петербург. <...> С Балабиной же, как с наиболее молодой, впечатлительной и отзывчивой корреспонденткой, Гоголь с особенным удовольствием делился не только своими лучшими итальянскими впечатлениями, но и сообщал ей в шутливой форме курьезные известия об общих знакомых. К числу последних принадлежали, например, археолог Мейер[24] и художники <Д. Е.> Ефимов[25], Кузьмин[26],

Никитин[27], Каневский и прочие. <...> Над художником Каневским Гоголь также посмеивался, говоря, что он может только нарисовать портрет Кривцова[28]; портрет, впрочем, по воспоминаниям В. Н. Репниной, был действительно удачен. <...> Но больше всего любил Гоголь подтрунить над Магдалиной Александровной Власовой[29], родной сестрой княгини Зинаиды Александровны Волконской[30]. <...> (Из лиц, упоминаемых около этого времени в переписке с Балабиными и Данилевским, назовем еще M-r Pave[31]. По словам княжны Репниной, он был воспитанник княгини З. А. Волконской и ее двоюродного брата Александра Никитича Волконского (сын простого солдата). Гоголь часто пользовался им в качестве исполнителя поручений (см. о нем "Вестн<ик> Евр<опы>", 1890, II, 564, и "Соч. и письма Гоголя", т. V, 335 и 343)»[32].

«Печать-штемпель Н. В. Гоголя, сделанная в Италии (на печати вырезано "Gogol")»[33].

[1] См. ***1837. Декабря 22 <10>. Пятница. Рим.***

[2] См. ***1837. Декабря 28 <16>. Четверг. Рим***; и др.

[3] См. ***1838. Апреля около 8 <марта около 26>. Рим.***

[4] См. ***1838. Апреля конец <апреля средина>. Рим.***

[5] См. ***1838. Марта 17 <5>. Суббота. Рим***; и др.

[6] См. ***1838. Март – апреля конец <февраля средина – апреля средина>. Рим.***

[7] См. ***1838. Апреля 28 <16>. Суббота. Рим.***

[8] Единственным свидетельством в пользу общения Гоголя с Бунзеном служит то, что ранее Бунзен, вместе с другими членами-основателями римского Института археологической корреспонденции, возглавлял торжественное собрание института 21 апреля (н. ст.) 1837 г., на котором присутствовал Гоголь (см. ***1837. Апреля 21 <9>. Пятница. Рим***; *De Michelis C. G.* Nicolaj Gogol e Christian Bunsen // Protestantesimo. Roma. Vol. 58. 1-2003. P. 19–32; *Giuliani R.*, La «meravigliosa» Roma di Gogol: la città, gli artisti, la vita culturale nella prima metà dell'Ottocento. Roma 2002. P. 20–23; *Джулиани Р.* Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: Материалы и исследования / Пер. с итальянского А. Ямпольской. М., 2009. С. 14, 24).

[9] На Strada Felice (в настоящее время – Via Sistina), дом № 126, Гоголь жил во время четырех периодов своего пребывания в Риме в 1837–1843 гг.:

1) с конца ноября (н. ст.) 1837 г. по конец июня (н. ст.) 1838 г.;
2) с 15 ноября (н. ст.) 1838 г. по начало июня (н. ст.) 1839 г.;
3) с конца сентября (н. ст.) 1840 г. по средину августа (н. ст.) 1841 г.;
4) с начала октября (н. ст.) 1842 г. по начало мая (н. ст.) 1843 г.

[10] Имеется в виду одна из «церковных приходских книг (Stato delle Anime), содержащих записи о ежегодной переписи населения, проводимой приходскими священниками перед Пасхой». Дом, в котором остановился Гоголь, принадлежал к «приходу церкви Св. Викентия и Анастасия (SS. Vicenzo e Anastasio) у фонтана Треви, в районе, считавшемся в XIX веке центром культурной жизни Вечного Города» (*Гасперович В.* Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 128).

[11] «Очевидно, имеются в виду дети Аньезе Ринальди» (примеч. В. Н. Гасперович).

[12] Один из родственников Челли был хозяином квартиры, которую снимал Гоголь. Позднее, 9 октября (н. ст.) 1845 г., Гоголь писал А. А. Иванову из Вероны: «...Я еду теперь к вам в Рим... <...> Имейте в виду для меня квартирку или в Via Sistina и Felice, или Грегориана, – две комнатки на солнце. Можно даже [взять] заглянуть и к Celli, моему старому хозяину, хотя он своею безалаберностью и беспрерывной охотой занимать деньги смущает меня, но если, кроме его, не найдется в тех мест<ах>, то можно будет и у него: я привык к этим местам, и мне жалко будет им изменить». В ноябре – декабре 1845 г., Н. М. Языков писал Гоголю: «Жду от тебя письма из Рима, как ты доехал и уселся ли опять у своего Челли?» (С Языковым Гоголь квартировал на улице Феличе, № 126, в последний из четырех периодов своего проживания в Риме по этому адресу, с начала октября (н. ст.) 1842 г. по начало мая (н. ст.) 1843 г.) П. В. Анненков в первой части «Воспоминаний о Гоголе» (1857) также писал: «В последнем этаже дома, в просторной передней я наткнулся на сухого краснощекого старичка, почтенного владельца этажа, г. Челли, с которым так дружно жил впоследствии...» (см. ***1841. Апреля 8 <марта 27>. Великий четверг. Рим***). После того как первая часть «Воспоминаний о Гоголе» вышла в свет, Анненков 15 октября 1857 г. писал И. С. Тургеневу из Петербурга: «В декабре выйдет <...> вторая большая моя статья о Гоголе (имеется в виду вторая часть мемуаров: *Анненков П.* Воспоминания о Гоголе. II // Библиотека для Чтения. 1857. № 11 (цензурное разрешение 4 ноября). <Отд. 3>. С. 1–50. – *И. В.*)... <...> Вот просьба. Зайдите на Strada Felice, № 126, ultimo piano – к владельцу этажа и, если он окажется еще тем самым, у которого жил Гоголь и я (очевидно, имеется в виду римлянин Челли. – *И. В.*), – поклонитесь ему и расспросите о первом из жильцов: это будет любопытно для вас, а мне страх как приятно получить известие о месте, насиженном пятнадцать лет тому назад» (Письма П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу. Предисловие и примечания

Н. М. Мендельсона // Труды Публичной библиотека СССР им. Ленина. <М.:> Academia, 1934. Вып. 3. С. 71; перепечатано: *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу. 1852–1874. Издание подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жигулин. СПб., 2005. Кн. 1. С. 60; *Свод.* Т. 3. С. 468). – Тургенев 12 ноября (н. ст.) 1857 г. отвечал Анненкову: «Вот уже скоро две недели, как я в Риме... <...> ходил на вашу квартиру в Via Felice; но уже все изменилось с тех пор, и хозяин другой – расспрашивать было некого» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М., 1961. Т. 3. С. 159; *Свод.* Т. 3. С. 468).

То, что хозяин квартиры Гоголя был лишь «владельцем этажа» нашло отражение в гоголевском «Риме»: «Домы тут принадлежали двум, трем, а иногда и четырем владельцам, из которых один имеет только пожизненное право, другой владеет одним этажом и имеет право пользоваться с него доходом только два года, после чего, вследствие завещания, этаж должен был перейти от него к padre Vicenzo <отец Виченцо; *ит.*> на десять лет, у которого, однако же, хочет оттягать его какой-то родственник прежней фамилии, живущий во Фраскати и уже заблаговременно затеявший процесс».

[13] «Полагаем, брат хозяйки... <...> Это был единственный пожилой человек в доме» (примеч. В. Н. Гасперович).

[14] «Фамилии не указаны» (примеч. В. Н. Гасперович).

[15] «Фамилии не указаны. Здесь в приходской книге стоят точки, только во второй строке указано: Швеция. Возможно, это были Н. Гоголь и И. Золотарев»; «В списках <...> и англичане, и немцы, и датчане, и русские числятся протестантами ("protestanti")» (примеч. В. Н. Гасперович). Предположение В. Н. Гасперович, что «2 протестантами» могли быть названы Гоголь и И. Ф. Золотарев, ошибочно. Католическая Пасха, накануне которой проводилась перепись, в 1837 г. праздновалась 26 марта (н. ст.). Золотарев приехал в Рим позднее (см. ***1838. Апреля около 8 <марта около 26>. Рим***).

[16] Вероятно, Аннунциата (Нанна) Костантини прислуживала Гоголю (см. ***1839. Марта 8 <февраля 24>. Пятница. Рим***).

[17] *Гасперович В.* Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 128–129.

[18] См. ***1838. Апреля конец <апреля средина>. Рим.***

[19] Ср. ***1837. Марта 26 <14> – июня вторая половина, не позднее 25 <июня первая половина, не позднее 13>. Рим.***

[20] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт*** (примечания).

[21] Имеется в виду либо княгиня Е. П. Репнина-Волконская (рожд. Балабина), либо Е. Н. Кривцова (рожд. княжна Репнина-Волконская).

[22] «Римляне всех, кто не живет в Риме, называют иностранцами (forestieri), хотя бы они обитали только в 10 милях от города» (примечание Гоголя в повести «Рим»).

[23] См. ***1838. Февраля 26 <14>. Понедельник. Рим.***

[24] См. ***1837. Марта 26 <14> – июня вторая половина, не позднее 25 <июня первая половина, не позднее 13>. Рим***; и письмо Гоголя к М. П. Балабиной от апреля 1838 г.

[25] См. также ***1837. Май <апреля вторая половина – мая первая половина>. Рим***; ***1838. Июль – августа до 14 <июня конец – августа до 2>. Кастелламаре.***

[26] Роман Иванович Кузьмин (1811–1867), архитектор.

[27] Александр Степанович Никитин (1809–1880), архитектор.

[28] В апреле 1838 г. Гоголь писал М. П. Балабиной: «Вы спрашиваете еще, правда ли, что Каневский едет в Петербург. Это очень может случиться, и нет ничего удивительного; страннее, если бы он остался в Италии: для этого нужно иметь душу художника. Каневский может нарисовать хорошо портрет Кривцова, но до художника ему далеко, как до небесной звезды».

[29] Магдалина Александровна Власова (рожд. княжна Белосельская-Белозерская; 1787–1857), сестра княгини З. А. Волконской, жена А. С. Власова, известного коллекционера, камергера при дворе Александра I. После смерти мужа в 1825 г. поселилась у своей родной сестры княгини З. А. Волконской, жившей тогда в Москве, а в 1829 г. уехала вместе с ней в Рим. После судебного решения от 4 декабря 1839 г. о необходимости уплаты князю Щербатову долга ее покойного мужа, избегая платежа, передала по купчей крепости свое имение, стоимостью 150 тысяч рублей, своему племяннику, сыну княгини З. А. Волконской, князю А. Н. Волконскому (см. письма управляющего Министерством иностранных дел графа И. И. Воронцова-Дашкова к русскому посланнику в Риме А. П. Бутеневу 1844–1845 гг. по поводу взыскания долга с М. А. Власовой: *АВПРИ.* Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 629. Л. 155, 303).

[30] См. ***1838. Июня (?) 14 <2>. Четверг. Рим.***

[31] Владимир Паве (Pavey, около 1811 – после 1858), воспитанник княгини З. А. Волконской, впоследствии камергер при дворе папы римского.

[32] Воспоминания княжны В. Н. Репниной-Волконской в записи В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 3. С. 108–109. – Имеются в виду письма Гоголя к А. С. Данилевскому от 14 августа (н. ст.) 1838 г. из Неаполя и к М. П. Балабиной от 19 ноября (н. ст.) 1838 г. из Рима.

[33] *Чаговец В. А.* Гоголевская выставка (каталог) // *Свод.* Т. 1. С. 382.

НОЯБРЯ 30 <18>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

По приезде в Рим Гоголь отправляет в Петербург пять писем: для публикации в журнале «Современник» посылает П. А. Плетневу начатое в Женеве[1] письмо с выражением благодарности Государю[2]; пишет письма к А. О. Смирновой (не сохранилось), к Анд. Н. Карамзину (не сохранилось), к В. А. Жуковскому и к Н. Я. Прокоповичу.

В <Письме из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу> сообщает: «...Я счастлив как нельзя больше: добрый Государь наш (храни его за это Бог!), пожаловавши мне 5000 руб<лей>[3], дал мне средство по крайней мере полтора года прожить безбедно в Италии. <...> Когда вам всё изменит, когда вам больше ничего не останется такого, что бы привязывало вас к какому-нибудь уголку мира, приезжайте в Италию[4]. Нет лучшей участи, как умереть в Риме; целой верстой здесь человек ближе к Божеству. Князь Вяземский очень справедливо сравнивает Рим с большим прекрасным романом[5] или эпопеею, в которой на каждом шагу встречаются новые и новые, вечно неожиданные красы. Перед Римом все другие города кажутся блестящими драмами, которых действие совершается шумно и быстро в глазах зрителя; душа восхищена вдруг, но не приведена в такое спокойствие, в такое продолжительное наслаждение, как при чтении эпопеи. <...> Я не знаю, где бы лучше могла быть проведена жизнь человека, для которого пошлые удовольствия света не имеют много цены. Это город и деревня вместе. <...> На каждом шагу и в каждой церкви чудо живописи... <...> Но небо, небо!.. Вообразите, иногда проходят два-три месяца, и оно от утра до вечера чисто, чисто — хоть бы одно облачко, хотя бы какой-нибудь лоскуточек его! <...> ...Когда-нибудь вы увидите записки, в которых отразились, может быть, верно впечатления души моей, где она вылила признательные движения свои, которых не могла бы излить открыто, не нарушая тонкой разборчивости тех, кому в глубине ее сожигается неугасимо жертвенный пламень благодарности».

Автобиографические «записки», о которых говорит Гоголь, до нас не дошли. О том, кому тогда не мог «излить открыто» Гоголь свою благодарность (Государю), позволяет судить его письмо Жуковскому, отправленное в тот же день: «Я получил данное мне великодушным нашим Государем вспоможение. Благодарность сильна в груди моей, но излияние ее не достигнет к его престолу. Как некий бог, он сыплет полною рукою благодеяния и не желает слышать наших благодарностей. Но, может быть, слово бедного при жизни поэта дойдет до потомства и прибавит умиленную черту к его царственным доблестям. Но до вас может досягнуть моя благодарность. <...> Вексель с известием еще в августе месяце пришел ко мне в Рим[6], но я долго не мог возвратиться туда по причине холеры. Наконец я вырвался. Если бы вы знали, с какою радостью я бросил Швейцарию и полетел в мою душеньку, в мою красавицу Италию. Она моя! Никто в мире ее не отнимет у меня! Я родился здесь. — Россия, Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра, театр — всё это мне снилось. Я проснулся опять на родине[7] и пожалел только, что поэтическая часть этого сна: вы да три, четыре оставивших вечную радость воспоминания в душе моей не перешли в действительность. Еще одно безвозвратное... О Пушкин, Пушкин! Какой прекрасный сон удалось мне видеть в жизни и как печально было мое пробуждение. Что бы за жизнь моя была после этого в Петербурге, но как будто [нарочно] с целью всемогущая рука промысла бросила меня под сверкающее небо Италии, чтобы я забыл о горе, о людях, о всем и весь впился в ее роскошные красы. Она заменила мне всё. Гляжу, как исступленный, на всё и не нагляжусь до сих пор. Вы говорили мне о Швейцарии, о Германии и всегда вспоминали о них с восторгом. Моя душа также их приняла живо, и я восхищался ими даже, может, с большею живостью, нежели как я въехал в первый раз в Италию. Но теперь, когда я побывал в них [во второй раз] после Италии, низкими, пошлыми, гадкими, серыми, холодными показались мне они со всеми их горами и видами, и мне кажется, как будто я был в Олонецкой губернии и слышал медвежее дыхание северного океана. И неужели вы не побываете здесь и не поглядите на нее, и не отдадите [то поклонение] тот поклон, которым должен красавице природе всяк кадящий прекрасному? Здесь престол ее.

В других местах мелькает одно только воскраие ее ризы, а здесь она вся глядит прямо в очи своими пронзительными очами. – Я весел; душа моя светла. Тружусь и спешу всеми силами совершить труд мой. Жизни, жизни! еще бы жизни! Я ничего еще не сделал, что бы было достойно вашего трогательного расположения. Но, может быть, это, которое пишу ныне[8], будет достойно его. По крайней мере мысль о том, что вы будете читать его некогда, была одна из первых оживляющих меня во время бдения над ним. <...> Мой адрес: Strada Felice, № 126. Ultimo piano[9]. Прошу вас покорнейше отдать эти письма Алекс<андре> Осип<овне> Смирновой и Андрею Карамзину».

В письме к Прокоповичу обращается к приятелю с новой[10] просьбой выслать ему рукописи, оставленные в Петербурге: «Хоть бы слово на мое письмо, хоть бы строчку в ответ! <...> Я писал к тебе из Рима, из Франкфурта[11], из Бадена[12] – хоть бы одно слово! Ради Бога, выведи меня скорее из неизвестности о себе. <...> Я тебя просил выслать мне мои рукописи – все совершенно, без исключения. Пожалуйста, не позабудь этого исполнить. Они мне совершенно все нужны, в том числе, вместе с ними, есть и печатные экстракты из дел и докладные записки, и малорос<сийские> песни; всё это перешли. Если достанешь еще какие-нибудь дела – попроси от меня Пащенка, Ивана Гр<игорьевича>. Он может похитить из своей юстиции. Может быть, Анненков еще что-нибудь достанет? Всё это запакуй вместе и перешли мне. А переслать вот каким образом: отнеси всё это к m-r Pongis, а где он живет, об этом можно узнать у Штиглица. К Pongis уже об этом писано. Он отправит ящик в Ливорно к тамошнему консулу[13]. <...> Я рад, что у тебя не отнял денег, которые, может быть, тебе нужны самому и которые я просил у тебя взаймы. Я получил от Государя, спасибо ему, почти неожиданно и теперь не нуждаюсь. Если что-нибудь вышло по части русской исто<рии>, издания Нестора, или Киевской летописи[14], Ипатьевской, или Хлебниковского списка – пожалуйста, пришли. Если вышел перевод Славянской истории Шафарика[15] или что-нибудь относительно славян, или мифол<огии> слав<янской?>, также какие-нибудь акты к древней русск<ой> истории, или хорошее издание русских песень, или малорос<сийских> песень, – всё это возьми у Смирдина, пусть поставит на мой счет; также, если есть что новое насчет раскольничьих сект. Если вышло Снегирева описание праздников и обрядов, пришли, или другого какого-нибудь».

[1] См. ***1837. Ноября 2 <октября 21>. Четверг. Женева.***
[2] См. также ***1838. Марта 28 <апреля 9>. Великий понедельник. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1837. Ноября 2 <октября 21>. Четверг. Женева.***
[4] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт*** – примечания.
[5] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт*** – примечания.
[6] См. ***1837. Августа средина <августа начало>. Рим.***
[7] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт*** – примечания.
[8] «Мертвые души».
[9] Улица Феличе... Последний этаж (*ит.*).
[10] См. также ***1837. Июня 3 <мая 22>. Суббота. Рим.***
[11] Вероятно, имеется в виду письмо из Женевы (см. ***1837. Сентября 19 <7>. Вторник. Женева***).
[12] См. ***1837. Июля 20 <8>. Четверг. Баден-Баден.***
[13] Ф. Ф. Энгельбах.
[14] Киевская летопись – Хлебниковский список Ипатьевской летописи (нач. XV в.), найденный Н. М. Карамзиным в 1809 г. в библиотеке купца П. К. Хлебникова. Обширные «Выписки из Киевской летописи» сохранились в бумагах Гоголя среди его <Заметок и выписок при чтении «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина>, сделанных не позднее конца 1832 – начала 1833 гг.
[15] Славянские древности. Сочинение П. И. Шафарика. Перевод с Чешского И. Бодянского. Издано М. Погодиным. Часть историческая. М., 1837. Т. 1. Кн. 1–2 (цензурное разрешение 11 июня 1837); 1838. Т. 1. Кн. 3 (цензурное разрешение 10 окт. 1837; послесловие М. П. Погодина «От издателя» датировано 13 мая 1838 г.) (см. ***1839. Мая 5 <апреля 23>. Воскресенье. Рим***).

ДЕКАБРЯ НАЧАЛО <НОЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. РИМ

Гоголь отправляет в Париж письмо к А. С. Данилевскому.

См. ***1838. Февраля 26 <14>. Понедельник. Рим.***

СЕНТЯБРЬ-НОЯБРЬ <СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА – ДЕКАБРЯ СРЕДИНА>. ХАРЬКОВ

Н. И. Костомаров (1817–1885), оставив Кинбургский драгунский полк, возвращается в Харьков и приступает к занятиям историей.

Из автобиографии Костомарова: «Осенью 1837 года я вернулся в Харьков <...>. В это время мне, уже прежде читавшему Гоголя, попались *Вечера на хуторе близ Диканьки* и *Тарас Бульба*. Это было чуть ли не первое пробуждение того чувства к Малороссии, которое дало совершенно новое направление моей деятельности. Я читал Гоголя с увлечением, перечитывал и начитаться не мог: "Как это все так близко кругом меня, и я ничего этого не видел, не знаю! – думалось мне. – Нужно изучить это хорошенько!"»[1]

Позднее известный историк Д. И. Эварницкий (1855–1940) также признавался, что «любовь к запорожским козакам» зародилась у него «еще с очень раннего детского возраста, когда отец его, "грамотей-самоучка", читал ему бессмертное произведение Гоголя "Тарас Бульба" и заставлял шестилетнего мальчика рыдать горькими слезами над страшною участью героя повести»[2].

«У меня и сейчас живы воспоминания, – писал в 1909 г. С. П. Шелухин (1864–1938), – о влиянии "Тараса Бульбы" и "Вечеров на хуторе близ Диканьки" на нас, воспитанников Лубенской гимназии, Полтавской губ<ернии>. <...> От старых "украинофилов" мне приходилось не раз слышать, как они распространяли "Тараса Бульбу" и "Вечера", убедившись, что эти произведения будят чувства любви и уважения к своей народности и ведут к национальному самосознанию украинского общества. <...> Влияние Гоголя на наши чувства любви и уважения к родному, однако, не имело ничего общего с сепаратизмом и выражалось только в стремлении сохранить, возродить и развить свою украинскую культуру...»[3]

[1] Автобиография Николая Ивановича Костомарова // Русская Мысль. 1885. № 5–6. С. 202.

[2] *Эварницкий Д. И.* Предисловие ко второму изданию // *Эварницкий Д. И.* История запорожских козаков. 2-е изд., испр. и доп. М., 1900. Т. 1. С. 5–6.

[3] *Шелухин С. П.* Гоголь и малорусское общество // Сборник, изданный Имп. Новороссийским ун-том по случаю столетия со дня рождения Н. В. Гоголя. Одесса, 1909. С. 89, 91.

ДЕКАБРЯ 1 <13>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ДЕКАБРЯ 20 <8>. СРЕДА. ПРАГА

О. М. Бодянский сообщает М. П. Погодину из Праги, что «некоторые повести Гоголя» собирается перевести Ф. Л. Челаковский[1].

По слухам, Челаковский намеревался перевести «Тараса Бульбу». Т. Н. Грановский 4 мая 1838 г. писал Н. В. Станкевичу и Я. М. Неверову из Праги, что здесь «Гоголя знают только "Миргород", откуда Челяковский перевел Бульбу»[2] (перевод не был осуществлен).

[1] Письма к М. П. Погодину из славянских земель. (1835–1861). М., 1879. Вып. 1. С. 10.

[2] Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 337–338.

ДЕКАБРЯ 22 <10>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь спустя почти месяц после прибытия в Рим пишет в Васильевку ответные письма матери и сестре Марии.

В письме к матери сообщает: «Я застал ваше письмо в Риме и спешу отвечать. Из него я узнал, что вы еще не получали писем, писанных мною из других мест. Я очень рад, что вы немного развлекли себя поездкою в Киев[1]. Это для вас хорошо — и для здоровья, и для удовольствия, и для души, потому что приятнее помолиться там, где почиют святые. Насчет моих чувств и мыслей об этом, вы правы, что спорили с другими, что я не переменю [религиозных] обрядов своей религии. Это совершенно справедливо. Потому что как религия наша, так и католическая совершенно одно и то же, и потому совершенно нет надобности переменять одну на другую. Та и другая истинна. Та и другая признают одного и того же Спасителя нашего[2], одну и ту же божественную мудрость, посетившую некогда нашу землю, претерпевшую последнее унижение на ней, для того, чтобы возвысить выше нашу душу и устремить ее к небу. — Итак, насчет моих религиозных чувств вы никогда не должны сомневаться[3]. Теперь поговорим о другом. Вы желаете скорее моего возвращения[4]... <...> Возвратиться <...> теперь, не поправившись совершенно, в Россию значит погубить себя. <...> Теперь обратимся к третьему пункту вашего письма. Судьба Олиньки меня беспокоит. Я придумал вот что: поместить ее в Полтавской институт. Что ни говорите, но всё это будет лучше, нежели домашнее воспитание в чужом семействе[5], особенно, когда оно еще не совершенно коротко вам известно. В институте же узнает она несравненно более да притом там же находится, как вы говорите, классною дамою ее прежняя воспитательница, по словам вашим, хорошая женщина, ее любящая. Я просил княгиню Репнину[6] о том, чтобы поместить ее на казенный счет, и она обещалась написать об этом непременно в институт.

Из письма вашего я вижу, что вы иногда нуждаетесь в моих сочинениях, для раздачи их вашим знакомым. Я напишу в Петербург, чтобы вам прислали несколько экземпляров, дабы вы могли, не скупясь, ими наделять деревенских охотников до чтения».

В письме к сестре Гоголь замечает: «Я очень был обрадован твоею припискою, из которой я узнал, что ты совершенно здорова, даже до такой степени, что подумываешь о хорошей партии[7]. Слава Богу! Благословение мое всегда с тобою, и ты можешь им располагать заочно». (М. В. Трушковская умерла[8] вдовой.)

[1] Летом 1837 г. (см. ***1838. Января 10 <22>. Понедельник. Васильевка***).

[2] Судя по другим высказываниям Гоголя (см. коммент. к строкам статьи «Просвещение» — *...одной — подобно скромной Марии... другой же — подобно заботливой хозяйке Марфе...* — в изд.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 6; к строкам <Начала исторического романа> — *У него еломок краше, чем ваша холопска вяра...* — в т. 7, к письму графине А. М. Виельгорской от 30 марта 1849 г. в т. 15, и к повести «Тарас Бульба» в т. 2), можно предположить, что в основе такого утверждения лежало особенное понимание слов св. апостола Павла в Послании к Филиппинцам: «Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь, и буду радоваться» (гл. 1, ст. 18). «Основываясь на этом, — замечает в своих Толкованиях блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский, — некоторые неразумные заключили, что Павел дал начало ересям... Но... те, о которых он говорит, не ввели ложного учения, но проповедовали истинное, хотя неправо и не с истинным намерением». Враждуя против Павла (говорит св. Иоанн Златоуст в одном из Похвальных слов Апостолу) и «желая раздражить Нерона, врага Павлова, они сами берутся за проповедование, дабы при большем распространении учения и умножения учеников более воспламенить ярость тирана...» (с этим Словом Гоголь был знаком по «Христианскому Чтению» за 1841 г., откуда зимой 1843/44 г. сделал несколько выписок). (Отметим также, что экуменические мотивы — применительно к католикам, кальвинистам и лютеранам — встречаются в идиллии немецкого поэта Иоганна Фосса «Луиза» (1783–1784), влияние которой сказалось в «Ганце Кюхельгартене»; см. ***1821. Сентября 19. Понедельник. Нежин.***)

В целом содержание первой части письма Гоголя к матери связано с доселе непроясненными биографами писателя фактами. Дошедшие до М. И. Гоголь слухи, будто ее сын собирается принять католичество, связаны, вероятно, с общением его в Риме с княгиней З. А. Волконской, с 1829 г. жившей в Италии. Ревностная католичка, тайно оставившая Православие еще будучи в России, Волконская старалась о совращении в католичество

своих соотечественников (см., в частности, коммент. к «Ночам на вилле» в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 7). Спустя два с половиной месяца после отправления настоящего письма, в марте 1838 г., Гоголь познакомился через нее с двумя будущими (с 1841 г.) ксендзами Петром Семененко и Иеронимом Кайсевичем, также пытавшимися привлечь его к католичеству (см. ***1838. Марта 17 <5>. Суббота. Рим***; и др.). Однако усилия княгини Волконской и Семененко с Кайсевичем оказались тщетными. (См. также: *Виноградов И. А.* «Тарас Бульба» и отношение Н. В. Гоголя к католицизму (к изучению вопроса) // Гоголезнавчі студії. Ніжин, 1997. Вып. 2; *Виноградов 2000.*)

[3] Ср. также ***1846 января 2 <1845 декабря 21>. Пятница. Рим.***

[4] См. также ***1838. Февраля 5 <января 24>. Понедельник. Рим.***

[5] См. ***1838. Января 10 <22>. Понедельник. Васильевка.***

[6] Имеется в виду княгиня В. А. Репнина-Волконская (рожд. графиня Разумовская), основательница Полтавского института благородных девиц (см. ***1831. Октября 9. Пятница. Санкт-Петербург***).

[7] См. также ***1838. Февраля 5 <января 24>. Понедельник. Рим.***

[8] См. ***1844. Марта 24 <апреля 5>. Страстная пятница. Васильевка.***

ДЕКАБРЯ 12 <24>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПЕТРОВСКОЕ

Н. А. Мельгунов сообщает князю В. Ф. Одоевскому:

«...Кениг пишет ко мне из Германии, что есть надежда на второе издание книги его о русской литературе, вышедшей в нынешнем году[1]. Я вам, кажется, сказывал, каким образом составлена эта книга: она была импровизирована в течение трех недель во время моей болезни в Ганау; где у меня не было никаких пособий и ни одной русской книги под рукою. К доставленным мною ему сведениям, Кениг присоединил все, что слышал или читал о русской литературе. Когда все эти материалы он привел в порядок и составил из них книгу, меня уже не было в Ганау. Я даже не видал и книги. Из этого вы можете заключить, что в сочинение Кенига вкралось много ошибок, недоразумений, даже может быть ложных взглядов на вещи. Если эта книга дойдет до вас, до Г-на Краевского и других Петербургских Литераторов, то я желал бы, чтоб каждый из вас, особливо те, о ком идет речь, отмечал все ее погрешности, и свои замечания доставлял г-ну Красовскому. В Москве то же будет делать Шевырев с братией».

Гоголь в письмах Н. А. Мельгунова // *Свод.* Т. 1. С. 759.

[1] Имеется в виду книга Г. Кёнига «Русские литературные очерки» (*Koenig H.* Literarische Bilder aus Rußland. Stuttgart; Tübingen, 1837). В непродолжительное время книга была переиздана на немецком языке еще раз и переведена на английский, французский, чешский и голландский языки (см.: *Ботникова А. Б.* Книга Г. Кёнига «Литературные картины России» (из истории русско-немецких литературных связей) // Сборник материалов 2-й научной сессии вузов Центрально-черноземной зоны. Литературоведение. Воронеж, 1967. <Вып. 7>. С. 11). Переведена также Н. И. Поповым на русский язык: Очерки русской литературы. Перевод сочинения Кенига. СПб., 1862. Одна из глав книги была посвящена Гоголю. Книга Г. Кёнига вызвала полемику Кёнига и Н. А. Мельгунова с Н. И. Гречем (см.: *Петухов Е. В.* Из бумаг П. И. Шафарика и В. В. Ганки // Уч. зап. Имп. Юрьевского ун-та. 1896. № 1. <Отд. 3>. С. 46–47).

ДЕКАБРЯ 28 <16>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Княгиня З. А. Волконская сообщает С. П. Шевыреву в Москву:

«Гоголь вернулся[1], пронизанный чувствами к Риму».

Мусатова Т. Л. Н. Гоголь, З. Волконская и «социальное христианство» // Творчество Гоголя в диалоге культур. Четырнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 29 марта – 1 апреля 2014 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2015. С. 230.

[1] Из Женевы.

ДЕКАБРЯ 17 <29>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Пожар Зимнего дворца[1].

«Северная столица лишилась лучшего своего украшения: Зимний дворец сделался добычею пламени. <...> Жертвою пожара сделался главный корпус дворца, но Эрмитаж уцелел, и из самого дворца вынесены все драгоценности, вся утварь, бумаги, картины, книги... <...> Начавшись в Пятницу, 17-го числа, в восемь часов вечера, пожар продолжался с одинаковою силою в течение тридцати часов. <...> *Государь Император* <...> приказал обратить все старания на спасение Эрмитажа, и Высочайшая воля исполнена была с успехом: единственное сие хранилище драгоценностей Искусства осталось неприкосновенным»[2].

[1] См. также ***1838. Февраля 26 <14>. Понедельник. Рим***; ***1838. Марта 15 <3>. Четверг. Рим***; ***1838. Сентябрь-ноябрь <сентября средина – декабря средина>. Санкт-Петербург***.

[2] Северная Пчела. 1837. 21 дек. № 290. С. 1157.

ДЕКАБРЯ 17 <29>. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь пишет письмо сыну в Рим.

См. ***1838. Февраля 5 <января 24>. Понедельник. Рим***.

1835–1837. МОСКВА

Н. И. Билевич[1], будучи в 1835–1837 гг. преподавателем русского языка и словесности в московском пансионе Л. И. Чермака, оказал большое влияние на обучавшихся здесь братьев Ф. М. и М. М. Достоевских[2].

По словам их младшего брата А. М. Достоевского, Н. И. Билевич «просто сделался их идолом» и «на каждом шагу был ими вспоминаем»[3]. Особое воздействие на Ф. М. Достоевского оказало чтение Н. И. Билевичем «Тараса Бульбы» (уже к 1844 г. Достоевский под влиянием гоголевской повести написал драму «Жид Янкель», которая не сохранилась). Согласно первоначальным наброскам к роману «Подросток», датируемым февралем 1874 г., именно Н. И. Билевич должен был послужить Достоевскому прообразом идеального школьного учителя, читающего детям «Тараса Бульбу»: «Школьный учитель, роман (описание эффекта чтений Гоголя, “Тараса Бульбы”)»[4].

14 июня 1854 г. И. С. Аксаков сообщал родным из Курска: «Я заехал в канцелярию и, узнав, что главный деятельный член Статистич<еского> Комитета некто Ник<олай> Ив<анович> Билевич, отправился к нему. Он принял меня как человека, давно по слухам ему знакомого; оказалось, что он сам какая-то знаменитость, т. е. не больше моей. К сожалению, я решительно ничего из его трудов ученых и литературных[5] не знаю, но фамилию это я помню. Он долго служил в Москве, товарищ Гоголя по лицею, знает Елагиных, Киреевских, Хомякова, слышал Константина с восхищением, когда он спорил с раскольниками, знает все подробности моей службы. Выйдя потом в отставку[6], поселился он на своей родине в Курске, а теперь вступил вновь на службу по Статистическому Комитету. <...> При всем том он очень высокого о себе мнения и держит себя очень осторожно; но человек положительно умный. Билевич! Я помню, была какая-то история в Москве, в которой замешено было это имя. Спросить его совестно. Не помните[7] ли?»[8]

[1] Николай Иванович Билевич (1812–1860), окончил Гимназию высших наук в Нежине в 1830 г.; литератор, педагог. В 1848 г. был назначен инспектором в Калужскую гимназию (***1849. Января 26. Среда. Калуга***; ***1849. Декабря 6. Вторник. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***). В Калуге он, по-видимому, исполнял также должность домашнего учителя детей А. О. Смирновой (см. ***1849. Сентября 2. Пятница. Калуга***).

В 1850 г. Билевич, вероятно, не без участия Гоголя, был переведен инспектором в 1-ю московскую гимназию. С 1853 г. в отставке. Подробнее о Н. И. Билевиче см.: *Виноградов И. А.* Гоголь и юный Достоевский // Домашний лицей. 2003. № 3. С. 20–31; *Виноградов И. А.* «Тарас Бульба» и юный Достоевский // Наш современник. 2005. № 8. С. 249–256; *Виноградов И. А.* Воспоминания о Н. В. Гоголе Н. И. Билевича в путевом дневнике С. П. Шевырева // Вестник Литературного ин-та им. А. М. Горького. М., 2007. № 1. С. 75–82.

[2] См.: *Федоров Г. А.* Пансион Л. И. Чермака в 1834–1837 гг. (по новым материалам) // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1971. Т. 1. С. 245–247, 252.

[3] *Достоевский А. М.* Воспоминания. Л., 1999. С. 69.

[4] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 16. С. 5.

[5] В 1833 г. Н. И. Билевич издал сборник сатирических статей под заглавием «Картинная галерея светской жизни, или Нравы XIX столетия» (Соч. Н. Б. 2 ч. М., 1833); в 1839 г. – сборник повестей «Святочные вечера, или Рассказы моей тетушки» (2 ч. М., 1836; 2-е изд. СПб., 1839). Перу Билевича принадлежат также: сказка «Журавль» (1846), «Сказка об Иване-Богатыре» (1847), повести «Мечты и существенность» (1849), «Петр Иванович Короткоушкин» (1853), а также статьи «О преподавании русского языка и словесности» (1846), «Несколько слов об историческом значении Петровского-Разумовского» (1846); «Пребывание Карамзина в Москве» (1847), «Николай Иванович Новиков» (1847), «Русские писательницы XVIII века» (1847), «Русские писательницы XIX века» (1847), «О цели и сущности гимназического образования» (1848), «Коренная ярмарка в Курске» (1854).

[6] Весной 1852 г.

[7] С. Т. Аксаков в ответном письме от 28 июня 1854 г. сообщал, что если Билевич тот самый, которого он знает, то о нем дурная слава – он подозревался в доносе на Ю. И. Венелина (1802–1839) (*Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 583; *Свод.* Т. 2. С. 937). Н. И. Билевич приехал на жительство в Москву после окончания Нежинской гимназии в 1830 г.

[8] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 937.

ЯНВАРЯ 9 <21>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ЯНВАРЯ 10 <22>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь сообщает Петру П. Косяровскому:

«По милости Божьей, мы перенесли все удары, сразившие нас[1], и непрерывные хлопоты по хозяйственным моим делам. На сей неделе отвожу меньшую мою дочь Оленьку учиться в дом к приятелю покойного мужа моего[2]; она, по причине нездоровья ее, не могла быть помещена в С. Петербурге. Сын мой теперь в Италии и каждый месяц пишет ко мне со всякого места, где находится. — Главная моя забота теперь о пристроении повыгоднее Машеньки моей[3]; ей оставаться во вдовстве нельзя, не имея мужнина состояния, если Бог ей пошлет помещика с хорошим состоянием, чтобы мог быть полезен в воспитании ее сына <Николая>; в дом зятя я уже ни за что не прейму; такого доброго более не найду, как был покойной наш Павел Осипович! да и Машеньке так наскучили эти места, что она и вспомнить не может, чтобы ей оставаться здесь; пристроя ее, надобно думать и о других, которых воспитание скоро кончится. <...> Летом мы ездили в Киев и были в Андрея Андреевича[4] после потери их двух прекрасных дочерей, он очень великодушно переносит свое несчастие как истинный христианин»[5].

Ольга Васильевна вспоминала: «Потом меня мать отвезла за двести верст в Переяславский уезд к помещику Горбовскому: мать узнала, что там была учительница из Николаевского института. В мое время не называли “гувернантка” — а прямо — “мамзель”. Там меня оставили с горничной, которую прямо с деревни и взяли: девку Настасью[6]. Ей было семнадцать лет. Чтоб ее приучили стирать и гладить. Мне тогда было 13 лет. Там я пробыла два года, домой ни разу не брали, верно,

по случаю дали, а мать приезжала меня навещать. <...> Не помню, часто ли у них бывали гости, так как мы постоянно были наверху, только обедать ходили вниз. Раз во время обеда говорят — гости едут; а мадам Горбовская засуетилась, говорит: "Верно, Гоголь, а у нас беспорядки", или что-то вроде того сказала. Только я услышала, как она сказала: "Гоголь нас опишет". Но оказалось — их сосед приехал»[7].

[1] Имеется в виду смерть зятя П. О. Трушковского и кончина его малолетних сыновей Ивана и Михаила (см. ***1836. Сентября около 5 <около 17>. Васильевка***).

[2] Имеется в виду полтавский прокурор Иван Алексеевич Горбовский, имение которого находилось в Переяславском уезде в двухстах верстах от Васильевки. В свое время отец Гоголя помогал Горбовскому в покупке земель (см.: *Щеголев П. Е.* Отец Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 374). – См. также ***1820. Июля 18. Воскресенье. Полтава***; ***1821. Февраль-март***.

[3] Старшей дочери М. В. Трушковской (рожд. Гоголь).

[4] В имении А. А. Трощинского в Кагорлыке.

[5] *Свод.* Т. 1. С. 110.

[6] «Настасья впоследствии вышла замуж за Петра Юрченка и долго жила вместе в доме Гоголей» (примеч. В. А. Чаговца). См. также ***1840. Апреля не позднее 7 – апреля 27. Суббота. Москва***; ***1848. Мая 25. Васильевка.***

[7] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 196–197.

ЯНВАРЯ 12 <24>. СРЕДА. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Большом театре; в роли Городничего – М. С. Щепкин.

Гриц. С. 241; *Ельницкая 1978.* С. 305.

ФЕВРАЛЯ 3 <ЯНВАРЯ 22>. СУББОТА. РИМ

Княгиня З. А. Волконская сообщает С. П. Шевыреву в Москву:

«Гоголь здесь и всякий день более воплощается с Римом. У нас тепло, но идет дождик»[1].

В одном из писем к Шевыреву Волконская также замечала: «Гоголь пишет и говорит про себя, что удивительно свежи вечера, какое утро, и целый день полон так, что изъяснить нельзя, что больше живешь здесь, то больше наполняются дни и души»[2].

Возможно, в конце января – начале февраля (н. ст.) 1838 г. Волконская познакомила Гоголя с только что написанным ею стихотворением «Песнь Невская»[3].

[1] *Мусатова Т. Л.* Н. Гоголь, З. Волконская и «социальное христианство» // Творчество Гоголя в диалоге культур. Четырнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 29 марта – 1 апреля 2014 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2015. С. 230.

[2] Там же. С. 230.

[3] См. ***1838. Февраля 26 <14>. Понедельник. Рим.***

ФЕВРАЛЯ 5 <ЯНВАРЯ 24>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь пишет ответное письмо матери в Васильевку:

«Я получил Ваше письмо <...>, пущенное вами 17 декабря[1]. Вы ожидаете с нетерпением моего приезда[2]... <...> Но <...> климат действует медленнее, нежели другие средства. <...> Для

того, чтобы почувствовать влияние климата, нужно остаться год, два по крайней мере. <...> Вы уверяете, что наш климат в Малороссии производит то же самое действие, что в Италии, и что Кричевский меня вылечит непременно. На это я вам скажу, что климат здешний вовсе не то, что в Малороссии. У вас теперь, без сомнения, 25 градусов морозу, а здесь 15 градусов тепла. <...> Кричевский[3], конечно, не дурной доктор, но гемороиды не такая болезнь, как другие... <...> Нужно обращать внимание только на климат и на род жизни. И признаюсь, что я начал себя чувствовать хуже с того времени, когда по совету Кричевского начал принимать, бывши дома[4], теплые ванны и сарсепарель. <...> Вы говорите о намерениях сестры моей Мари вступить в новое супружество[5]. Говорите о том, который привлекает ее внимание и ищет руки ее, но всё таким же загадочным образом, как и в первый раз ее помолвки[6]... <...> Говорите только, что он прекрасного характера... <...> Я вам советовал бы во всяком случае прежде посоветоваться осторожно с рассудительным человеком. Теперь, как вы пишете, приехал в наши места, с тем, чтобы поселиться, Владимир Юрьев<ич> Леонтиев[7]. Я бы советовал вам иногда прибегать к его мнению. Он человек весьма неглупой, очень опытной и видит вещи в настоящем виде. <...> Еще одну вещь я вам осмелюсь заметить: к чему такая поспешность? Кажется, как будто кто сзади толкает это ваше предприятие. Едва прошел год после замужества, уже сестре моей не терпится. <...> ...Естли совет любящего ее брата имеет над нею какой-нибудь вес, то я бы сказал ей: Не менять своего вдовьего состояния на супружество, если только это супружество не представит больших выгод. <...> Она должна помнить, что от ней пойдут дети, а с ними тысячи забот и нужд, и чтобы она не вспоминала потом с завистью о своем прежнем бытье. <...> Я рад, что вы провели хорошо день Ваших Именин[8]. Не помню, поздравил ли я вас с Новым годом. Если нет[9], позвольте поздравить теперь. <...> Отослали ли вы две толстые рукописные книги[10] в Киев к Профессору Максимовичу или отвезли их сами, бывши в Киеве[11]? Сделайте милость, известите меня об этом, тем более, что он напоминал[12] мне о них, и я так перед ним виноват».

В письме к А. С. Данилевскому, начатом, вероятно, 2 февраля и отправленном 26 февраля (н. ст.) 1838 г., Гоголь также замечал: «Маминька пишет, что и у нас есть маски, на ее именины наехало много замаскированных и очень хорошо исполняли свои роли. Притом, по обыкновению, прилагается приглашение мне ехать в Василевку и что климат Малороссии такой же, как и в Италии, а Кричевский вылечивает от всяких совершенно болезней. Сестру мою зудит страшным образом выходить замуж, по крайней мере из весьма загадочных и неясных слов письма я вывожу такое заключение. Я почти готов держать пари, что она в это самое время, как я пишу к тебе письмо, уже стоит в церкви под венцом».

[1] См. ***1837. Декабря 17 <29>. Пятница. Васильевка.***

[2] См. также ***1837. Декабря 22 <10>. Пятница. Рим.***

[3] Врач в Полтаве.

[4] См. ***1835. Мая около 17 – июнь; июля начало– августа около 11. Васильевка.***

[5] См. также ***1837. Декабря 22 <10>. Пятница. Рим.***

[6] См. ***1832. Апреля 3. Вербное воскресенье. Васильевка.***

[7] Статский советник, сводный брат А. А. Трощинского (см. ***1833. Февраля 8. Среда. Санкт-Петербург***; ***1835. Января 23. Среда. Санкт-Петербург***).

[8] 1/13 октября 1837 г. (см. ***1837. Октября с 1 по 13 <сентября с 19 по октября 1>. Женева***).

[9] См. ***1837. Декабря 22 <10>. Пятница. Рим.***

[10] Речь идет о собрании украинских народных песен З. Я. Доленги-Ходаковского. Согласно одной из помет М. А. Максимовича во втором томе собрания, в 1840 г. оно к нему вернулось (см.: *Красильников С. А.* Источники собрания украинских песен Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 393).

[11] Летом 1837 г. (см. ***1838. Января 10 <22>. Понедельник. Васильевка***).

[12] См. ***1835. Августа 14 – 18–19. Киев.***

ЯНВАРЯ 25 <ФЕВРАЛЯ 6>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ФЕВРАЛЯ 10 <ЯНВАРЯ 29>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

М. П. Балабина пишет письмо Гоголю в Рим.

См. ***1838. Апреля конец <апреля средина>. Рим.***

ЯНВАРЯ 31 <ФЕВРАЛЯ 12>. ПОНЕДЕЛЬНИК

И. Е. Великопольский[1] пишет С. Т. Аксакову:

«Напишите мне еще, как идет портрет Щепкина. Дурнов[2], как я видел из "Художественной газеты", утвержден в звании академика. Это должно его поощрить. – Написано ли к Гоголю о присылке очерка его лица для бюста, который должен быть на картине[3]? За это взялся Щепкин»[4].

[1] Иван Ермолаевич Великопольский (псевдоним – Ивельев; 1797–1868), литератор.
[2] Иван Трофимович Дурнов (род. в 1801 г.), художник.
[3] Картина неизвестна.
[4] Гоголь в письмах И. Е. Великопольского // *Свод*. Т. 2. С. 964.

ФЕВРАЛЯ 9 <21>. СРЕДА. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Большом театре; в роли Городничего – М. С. Щепкин[1].

«Дебют Жданова в роли Добчинского»[2].

[1] *Гриц*. С. 243; *Ельницкая 1978*. С. 305.
[2] *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1897 гг.> // *ГЦТМ*. Ф. 299. Ед. хр. 1852.

ФЕВРАЛЯ 13 <25>. ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ФЕВРАЛЯ 26 <14>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь отправляет в Париж ответное письмо А. С. Данилевскому.

Письмо датировано Гоголем 2 февраля 1838 г. Согласно почтовым штемпелям, оно было отправлено из Рима 26 февраля и получено в Париже 8 марта (н. ст.). Позднее, 23 апреля (н. ст.) 1838 г. Гоголь сообщал Данилевскому: «...Письмо я, точно, отдал на почту позже, нежели написал, но позже только тремя днями, и потому, что хотел дождаться карнавала, чтобы написать тебе что-нибудь о нем». Римский карнавал в 1838 г. продолжался с понедельника 19-го до «пепельной среды» 28-го февраля (н. ст.).

Из письма к Данилевскому: «Наконец я добился от тебя письма. <...> Одно только мне непонятно: неужели ты не получил моего письма? Я <...> тотчас же, по приезде в Рим, написал к тебе письмо. Это было, если не ошибаюсь, в первых числах ноября <декабря>[1]. <...> В прежнем письме

я уже уведомлял тебя, что в Риме все живы, не только знакомые и русские художники, но даже и все те лица, с которыми встречался ты чаще на улице. С Жозепе было поссорился за то, что подал дурной кусок ломбо di mongana[2], но, нанесши ему удар прямо в сердце тем, что пообедал два раза в другой комнате, наконец с ним примирился, и теперь он угощает меня лучше, нежели когда-нибудь, с самым трогательным, почти отеческим расположением. Только одна бедная хозяйка твоя, Роза, умерла. <...> ...Никогда я не чувствовал себя так погруженным в такое спокойное блаженство. О Рим, Рим! О Италия! Чья рука вырвет меня отсюда! <...> Что за небо! что за дни! Лето не лето, весна не весна, но лучше и весны и лета, какие бывают в других углах мира. Что за воздух! Пью не напьюсь, гляжу не нагляжусь. В душе небо и рай. У меня теперь в Риме мало знаком<ых> или, лучше, почти никого (Репнины во Флоренции). Но никогда я не был так весел, так доволен [оставшейся мне] жизнью.

О Симоновском[3] я решительно не имею никаких вестей. <...> Жаль мне очень, что ты не нашел Лукашевича, – еще более, что не нашел Ноэля[4]. Благодарю душевно Гризи, что хоть она тебя развлекает. О деньгах не хлопочи. Ты можешь их прислать мне после. Я думаю, в них не буду иметь нужды в течение добрых полгода. <...> Теперь время карнавала: Рим гуляет напропало. Удивительное явление в Италии карнавал, а особенно в Риме, – всё, что ни есть, всё на улице, всё в масках. У которого же нет никакой возможности нарядиться, тот выворотит тулуп или вымажет рожу сажею. Целые деревья и цветники ездят по улицам, часто протащится телега вся в листьях и гирляндах, колеса убраны листьями и ветвями и, обращаясь, производят удивительный эффект, а в повозке сидит поезд совершенно во вкусе древних Цериных празднеств или той картины, которую написал Роберт[5]. На Корсо[6] совершенный снег от бросаемой муки. Я слышал о конфетти, никак не думал, чтобы это было так хорошо. Вообрази, что ты можешь высыпать в лицо самой хорошенькой целый мешок муки, хоть будь это Боргези[7], и она не рассердится, а отплатит тебе тем же. Франты и джентельмены издерживаются по нескольку сот скуд[8] на одну муку. Экипажи все решительно маскированы. Слуги, кучера – все в маскарадном платье. В других местах один только народ кутит и маскируется. Здесь всё мешается вместе. Вольность удивительная, от которой бы ты, верно, пришел в восторг. Можешь говорить и давать цветы решительно какой угодно. Даже можешь забраться в коляску и усесться между ними. Коляски все едут шагом. И оттого часто забиаки, забравшись на балкон, имеют возможность целые четверть часа валять горстями и ведрами мучные шарики на сидящих в колясках, большею частию на дам, которым и больно и смешно[9], и они только что закрывают очень мило рукою глаза и вытирают лицо. Для интриг время удивительно счастливое. При мне завязано множество историй самых романтических с некоторыми моими знакомыми и даже в том числе с некоторыми нашими художниками (разумеется, только не с Дурновым). Все красавицы Рима всплыли теперь наверх, их такое теперь множество, и откуда они взялись, один Бог знает. Я их никогда не встречал доселе; все незнакомые. Кстати, ты советовал Дурнову меньше волочиться. Нет, это неисправимое его зло. Академический коричневый сертук его, который, я думаю, тебе очень известен, переправлен; приделаны какие-то лацканы, или отвороты, в роде бархатных. Художников приехало несколько новых, все люди видные из себя, молодцы, щеголеватее старых, но талантливый один только Логановский[10], которого ты знаешь по стихам Пушкина, написанным на его Сваечника[11]. Из Петербурга я решительно не имею никакого известия. Ничего от Прокоповича, ни строчки, и решительно ни от кого, как будто все перемерли. И твои новости, то есть те, которые ты получил из Петербурга, страшно холодны и ничтожны: у Пащенко флюс; братья Крашенинниковы[12] восхищаются Талиони – фу ты, какая дрянь. Я получил только известия стороною, что в Петербурге доходило до 30 градусов мороза. Каково же! А я здесь купил недавно белую шляпу, потому что лучи солнца действуют так сильно, и ни один раз во всю зиму не топил в своей комнате, впрочем, говорят даже италианцы, что давно не бывало такой теплой зимы. Маминька пишет, что и у нас есть маски[13]... <...> Прощай. Не помни ничего того, как я надоедал тебе, и помни только, как я люблю тебя, тебя, моего спутника, шедшего о плечо мое во всю дорогу моей жизни, от тех пор, когда ты ел в первый раз клюкву в нашем доме[14]... <...> ...Адресуй <...> в мою квартиру (вся на солнце): Strada Felice, № 126. Ultimo piano».

Позднее, в конце апреля (н. ст.) 1838 г., Гоголь сообщал М. П. Балабиной: «В первые же дни карнавала – дни были совершенно италианские, те светлые, без малейшего облачка дни, которые вам так знакомы, когда на

голубом поле неба сверкают стены домов, все в солнце, и таким блеском, какого не вынесет северный глаз, — в народе вышел вдруг экспромт: "I dio vuol carnavale e non vuol cardinale"[15]. Это напоминает мне экспромт по случаю запрещения папою карнавала в прошлом году. Вы знаете, что нынешнего папу, по причине его большого носа[16], зовут пульчинеллой[17]; вот экспромт:

"Oh! questa si ch'e bella!
Proibisce il carnavale pulcinella!»[18]

28 апреля (н. ст.) 1838 г. Гоголь описал также римский карнавал в письме к сестрам[19]: «Я не знаю, писал ли я вам что-нибудь о карнавале, то, что называется у нас масленицею. Это очень замечательное явление. Вообразите, что в продолжение всей недели все ходят и ездят замаскированные по улицам во всех костюмах и масках. Иной одет адвокатом с носом, величиною через всю улицу, другой турком, третий лягушкой, паяцом и чем ни попало. Кучера даже на козлах одеты женщинами в чепчиках. Всякой старается одеться во что может, кому не во что, тот просто выпачкает себе рожу, а мальчишки выворотят свои куртки и изодранные плащи. У каждого в руках по целому мешку шариков, сделанных из муки. Этими шариками они бросают друг в друга и засыпают совершенно всего мукою. Все смеются и хохочут. Иногда, вместо муки, бросают конфекты. В последний вечер, который называется Moccolotti[20], гасят масленицу, т. е. везде, во всех окнах, показываются огни. Все, которые ни едут в колясках (а в колясках сидит человек по 12), все держат на длинных шестах огни, а другие бегут за ними тоже с шестами, на которых навязаны платки, и этими платками они стараются погасить свечи. Если им удастся это сделать, тогда они смеются от всей души. Во всё продолжение этого всё сливается в один гул; все до одного кричат: Senza moccolo[21], senza moccolo! Иные прибавляют: O che oscurita! то есть: какая темнота! Дамы между тем из балконов домов протягивают тоже длинные шесты с огнями и зажигают те, у которых погасли. Это продолжается до 11 часов ночи, и таким образом оканчивается карнавал...»[22]

На обороте письма к Данилевскому от 26 февраля (н. ст.) 1838 г., вне связи с содержанием послания, рукою Гоголя также написано:

«Песнь Невская

Стоит царский дворец на Неве реке.
Петербургский мужик притащил его.
А на ней стоит царь-гранитный столб.
Петербургский мужик притащил его».

Запись представляет собой первоначальную редакцию гоголевского списка стихотворения княгини З. А. Волконской «Песнь Невская». Начав переписывать стихи, Гоголь допустил ошибку (пропустил второй стих, вместо которого написал четвертый), после чего переписал «Песнь Невскую» заново, на отдельном листе[23]. Это произошло либо в конце января — первой половине февраля (н. ст.) 1838 г.[24] (после чего испорченный лист был использован для письма к Данилевскому), либо с 18–19 по 26 февраля (н. ст.) 1838 г. (когда письмо к Данилевскому было уже написано, а затем случайно попало Гоголю под руку при изготовлении списка стихотворения).

15 февраля (н. ст.) 1838 г. стихотворение Волконской стало известно И. Кайсевичу и П. Семененко, которые в этот день сообщали своему патрону Б. Яньскому: «Сегодня были мы у Волконской. Читала нам свои стихи на пожар Зимнего дворца, которые желает переслать и Мицкевичу[25]. (С Гоголем Кайсевич и Семененко познакомились позднее[26].) Заключительные строки стихотворения Волконской о северной «теплице» и о «силе южной, благодатной росе райской» отзываются в строках письма Гоголя к князю В. Ф. Одоевскому от 15 марта (н. ст.) 1838 г. (о памятных «именах, унесенных из России», которые живут в его сердце «не так, как цветы, пересаженные в теплицу», но «живее, чем живее, чем жили прежде»)[27], а также перекликаются с содержанием посвященного Гоголю И. Кайсевичем позднее, в апреле 1838 г., сонета (в котором поэт — «певец с Днепровской стороны» — сравнивается с выросшим в «прозрачной темнице» цветком, призванным утолить «долгую жажду» «небесной росой»)[28]. 23 октября (н. ст.) 1838 г. Гоголь читал стихотворение Волконской А. И. Тургеневу в Париже[29].

Стихотворение было написано Волконской на пожар Зимнего дворца в Петербурге, случившийся 17 декабря 1837 г.[30] Это событие, по-видимому, произвело на Гоголя еще большее впечатление, чем петербургский

пожар балагана И. А. Лемана в 1836 г.[31] С содержанием стихотворения Волконской «Песнь Невская» связан образ роскошного петербургского здания — «дома на Дворцовой набережной» — из вставной «Повести о капитане Копейкине» в десятой главе первого тома «Мертвых душ»: «Избенка, понимаете, мужичья: стеклушки в окнах <...> полуторасаженные зеркала <...> драгоценные марморы на стенах, металлические галантереи <...> словом: лаки на всем такие — в некотором роде, ума помрачение».

Судя по выражению, употребленному в этом отрывке применительно к роскошному зданию, — «избенка», в создании настоящего образа Гоголь воспользовался следующими строками стихотворения Волконской: «А причина всему изба ветхая: / Изба ветхая на Неве видна... Стены крыты все тканью шелковой; / Зеркала на стенах исполину в рост...» и т. д. Волконская видела в воспетой ею петербургской роскоши отрадное свидетельство успехов католического (и в целом западного) влияния в России — а потому посчитала нужным прочитать и разослать это стихотворение своим друзьям-католикам, И. Кайсевичу, П. Семененко, А. Мицкевичу. (Несомненно, в связи с этими устремлениями Волконской связан и ее «Проект эстетического Музея при Императорском Московском Университете», опубликованный в 1831 г. в № 11 журнала Н. И. Надеждина «Телескоп». Добавим, что княгиня Волконская училась живописи в Петербургской Академии художеств у профессора А. И. Иванова, отца известного художника, друга Гоголя А. А. Иванова. А. И. Иванов преподавал также живопись в петербургском иезуитском пансионе французского эмигранта аббата Ш. Д. Николя. «Отечеством искусств» называл Италию в своих письмах к отцу сам А. А. Иванов[32].)

Стихотворение Волконской «Песнь Невская» начинается многозначительным напоминанием об эпохе царствования Александра I, — отличавшейся весьма далеко простиравшейся «веротерпимостью». В первых строках стихотворения Волконская говорит о воздвигнутой в 1834 г.[33] в Петербурге Александровской колонне: «Стоит Царской дворец на Неве реке, / Перед ним лежит площадь белая, / А на ней стоит Царь — гранитный столб». Известно, что на загородной вилле Волконской в Риме существовал своего рода «культ» Александра I. Как сообщал, в частности, в 1845 г. в письме из Рима один из гостей княгини, М. С. Волков, на ее вилле находился «бюст Александра с надписью: “Незабвенному”. Пьедестал сделан из обломка Александровской колонны, что в Петербурге»[34]. Однако, в отличие от Волконской, образ роскошной «избенки» в «Мертвых душах» Гоголь представил как средоточие губительных петербургских соблазнов, которым подвергается его герой. (В гоголевском сборнике «Сочинения Ломоносова и Державина»[35] с «Повестью о капитане Копейкине» прямо перекликается содержание выписки из стихотворения Г. Р. Державина «Вельможа» (1794): «А ты, вторый Сарданапал! / К чему стремишь всех мыслей беги? / На то ль, чтоб век твой протекал / Средь игр, средь праздности и неги? / Чтоб пурпур, злато всюду взор / В твоих чертогах восхищали, / Картины в зеркалах дышали, / Мусия, мрамор и фарфор?.. / А там израненный герой, / Как лунь во бранях поседевший... / В переднюю к тебе пришедший...».) Речь в гоголевской поэме идет именно об эпохе царствования Александра I — «после кампании двенадцатого года», когда, одержав блестящую победу над врагом видимым, Россия, как подчеркивает Гоголь, потерпела неожиданное поражение в другой, «невидимой брани». «Рукою победя, мы рабствуем умами», — писал современник этой победы — и этого поражения — С. Т. Аксаков в стихотворном послании «А. И. Казначееву» (1814). Наполеон, шедший в Россию обольстить ее какими-то мнимыми «благодеяниями», с бесчестьем изгнан, а обольщение, которое он нес с собой, проникло тем не менее в Россию — через знакомство победителей с «бытом и домашнею жизнию» Европы[36] и вследствие Высочайше одобренного распространения инославных учений[37] — и «чужеземные враги вторгнулись в бесчисленном множестве, рассыпались по домам и наложили тяжелое ярмо на каждого человека...» (статья Гоголя «Нужно любить Россию», 1844). «Важная новость, — сообщал, в частности, А. С. Пушкин в письме к жене от 27 августа 1833 г. из Москвы, — французские вывески, уничтоженные Разтопчиным <Ростопчиным> в год, когда ты родилась <в 1812-м>, появились опять на Кузнецком мосту». (Возможно, в еще одном художественном произведении Гоголя нашли отражение и своеобразные похвалы Волконской Императрице Александре Феодоровне: «Из Порусии там явилася / Королева краса чужеземная... / Она много терпела за край родной; / Она много любила Отечество, / И в день черный ему всем пожертвовала, / Ему все дала: камни, золото, / И одни жемчуги сохранила себе... / В Жемчугах и в слезах она помнится нам». С этими строками перекликается реплика торговца Янкеля в «Тарасе Бульбе» о жителях осажденного Дубно: «...в городе есть красавицы и дворянки; а коли есть красавицы и дворянки, <...> то им хоть и есть нечего, а жемчуг все-таки купят».)

Позднее, в 1847 г., в неотправленном письме к западнику В. Г. Белинскому, Гоголь, как бы прямо подразумевая образ роскошной «избенки» в своей поэме — и в целом «цивилизованного» Петербурга в своих произведениях — писал: «С Государя у нас все берут пример. Стоит только ему, не коверкая ничего, <править> хорошо, так и все пойдет само собою. Почему знать, может быть придет ему мысль жить в остальное время от дел скромно, в уединении, <в>дали от развращающего двора, <от> всего этого накопленья. И все обернется само собою просто. Сумасшедш<ую жизнь захотят> бросить. Владельцы разъедутся по поместьям, станут заниматься делом. Чиновники увидят, что не нужно жить богато, перестанут красть». Такое отношение к монарху, очевидно, вытекало у Гоголя из современного прочтения им ветхозаветных пророчеств: «И отдам их на озлобление всем царствам земным, за Манассию... царя Иудейского, за то, что он сделал в Иерусалиме» (Иер., 15, 4). В 1846 г. в статье *X. О лиризме наших поэтов* Гоголь замечал: «Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх

высшее значение свое — быть образом Того на земле, Который Сам есть любовь»; «Власть государя есть явление бессмысленное, если он не почувствует, что должен быть образом Божиим на земле».

Имея в виду отмеченные черты княгини Волконской как ревностной католички и поклонницы европейской роскоши, нетрудно догадаться, о ком прежде всего размышлял Гоголь, когда в 1841 г. писал в третьей главе первого тома «Мертвых душ» о занятой «модным католицизмом» скучающей великосветской даме — сравнивая ее здесь с Коробочкой: «...Да полно, точно ли Коробочка стоит так низко на бесконечной лестнице человеческого совершенствования? Точно ли так велика пропасть, отделяющая ее от сестры ее, недосягаемо огражденной стенами аристократического дома с благовонными чугунными лестницами, сияющей медью, красным деревом и коврами, зевающей за недочитанной книгой в ожидании остроумно-светского визита, где ей предстанет поле блеснуть умом и высказать вытверженные мысли... о том, какой политический переворот готовится во Франции, какое направление принял модный католицизм». Усилия Волконской по «обращению» Гоголя в католичество лишь послужили писателю материалом для создания еще одного образа в его галерее «мертвых душ».

[1] См. ***1837. Декабря начало <ноября вторая половина>. Рим.***

[2] Телячья грудинка (*ит.*).

[3] См. ***1837. Марта около 20–24 <марта около 8–12>. Ливорно.***

[4] Француз, обучавший в Париже Гоголя и Данилевского разговорному итальянскому языку.

[5] Луи Леопольд Роберт (Робер) (1794–1835), французский художник. Гоголь, по-видимому, имеет в виду его картину «Карнавал в Венеции».

[6] Корсо (corso; *ит.*) — проспект, улица. Здесь: центральная улица Рима.

[7] Боргези (Боргезе) — знатная римская фамилия, владевшая в Риме знаменитой виллой.

[8] Скудо — старинная итальянская серебряная монета.

[9] Вольная цитата из «Евгения Онегина» (глава V, строфа 2).

[10] См. ***1837. Ноября начало <октября вторая половина>. Рим.***

[11] Имеется в виду стихотворение Пушкина «На статую играющего в свайку» (впервые напечатано Н. В. Кукольником: Художественная Газета. 1836. Декабрь. № 9–10. С. 141).

[12] В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., замечал: «...Крашенинниковы, упоминаемые в письме ("братья Крашенинниковы восхищаются Талиони"), были знакомые Гоголя в Академии Художеств. Их было трое. Они бывали в Петербурге у родственника А. С. Данилевского, Григорова (собственно родственника его отчима, Василия Ивановича Черныша) и у Мартоса (архитектора); тут бывал и барон Клодт» (Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 519).

[13] См. ***1838. Февраля 5 <января 24>. Понедельник. Рим.***

[14] См. ***1816. Декабря около 25 (не позднее 31). Васильевка.***

[15] Богу угоден карнавал, но не угоден кардинал (*ит.*).

[16] Д. А. Милютин, прибывший в Рим 5 февраля (н. ст.) 1841 г., вспоминал: «В первое же утро нашего пребывания в Риме начали мы свои экскурсии с храма Св. Петра и случайно попали на торжество: в этот день праздновалась годовщина вступления на престол Папы Григория XVI, который сам служил в Сикстинской капелле. <...> Нам, простым туристам, конечно, не было доступа в самую капеллу; став в толпе, под колоннадою базилики, мы имели возможность наблюдать всю пышную обстановку Римского Двора, пестрые средневековые костюмы придворных и войска. Мы видели в самой близи проходивших мимо нас высоких лиц, в числе которых бывшую Королеву Испанскую Марию Христину и бывшего Короля Португальского Дона Мигуэля: и Королева и Король, лишившись своих престолов, поселились под крылом Святейшего отца. <...> Папа Григорий XVI был еще бодрый старик; но лицом весьма невзрачный, с уродливым красным носом» (Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / Под ред. заслуженного ординарного профессора Военной Академии, Генерального Штаба генерал-лейтенанта Г. Г. Христиани. Издание Военной Академии. Томск, 1919. Т. 1. Кн. 1–3. С. 342; см. также: Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / Под. ред. д-ра ист. наук, проф. Л. Г. Захаровой. М., 1997. С. 357).

[17] Пульчинелла — традиционный персонаж итальянской народной комедии.

[18] Вот так здорово! / Пульчинелла запрещает карнавал! (ит.).

[19] См. ***1838. Апреля 28 <16>. Суббота. Рим.***

[20] Moccolotti — маленькая свечка, огарок (*ит.*). Д. А. Милютин вспоминал: «Не перечисляя всех виденных мною замечательных предметов и живописных видов, упомяну <...> об уличных увеселениях карнавала, происходивших с 1-го по 11-е февраля ежедневно, кроме воскресных дней и пятницы... <...> В первый день карнавала я полюбопытствовал осмотреть на странную церемонию открытия карнавальных увеселений. Церемония эта установлена с того времени (XV столетия), когда еврейское население Рима было освобождено за известную ежегодную плату от лежавшей на нем прежде позорной обязанности потешать римлян в карнавал бегом взапуски по Corso; с того времени и введено взамен двуногих бегунов пускать по Corso четвероногих <см. также

1839. Февраля 12 <января 31>. Вторник. Рим>. Вот в память этой-то милости, оказанной евреям Римским сенатом, и происходит ежегодно в день открытия карнавальных потех торжественный прием Сенатом в здании Капитолия, в виду толпы народа, еврейской депутации, подносящей благодарственный адрес и определенную денежную сумму выкупа. Не знаю, продолжает ли и доныне исполняться этот дикий обряд. Не менее странен и конец карнавальных увеселений, так называемое "погребение" карнавала. В последний день беснования на Corso продолжаются долее обычного часа, до вечерней темноты, когда в толпе на улице, также как и на балконах и в окнах домов, появляются бесчисленные огоньки – moccoletti; тогда начинается смешная забава взаимного друг у друга гашения свечей; каждый употребляет всякие ухищрения для защиты своего огонька и для тушения соседнего. Проделки эти, разумеется, сопровождаются смехом, криками, фарсами разного рода, столь заразительными, что не одни итальянцы, но и самые флегматические иностранцы предаются с увлечением этой наивной забаве. После всей уличной суматохи окончательным заключением карнавала служит festino, т. е. маскарад в театре. Зато какая противоположность последнему бешеному дню карнавала следующий первый день великого поста. Улицы, кипевшие вчера жизнью, теперь пусты; везде тишина; в церквах идет служба» (Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Томск, 1919. Т. 1. Кн. 1–3. С. 348; см. также: Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. М., 1997. С. 361).

[21] Долой свечи! (*ит.*).

[22] Ср. оценку венецианского карнавала первым биографом Гоголя П. А. Кулишом в письме к И. Ф. Хильчевскому от 1/13 февраля 1869 г. из Флоренции: «Дывувавсь я, що Италия не знае ничого кращого над московськи балаганы з их мекеканнями, пыском, верещаннями, свыстом, дыким гиком, реготом, погаными завыванями и всякою огидою <отвращением; *укр.*> для уха и ока. Тепер бачу, що москали перейнялы свій ледачий гармидер <беспутный беспорядок; *укр.*> балаганный, свое безумне галасування и передражнювання чортяк на масныци у сіеи ладачои черни, зопсованои Римлянами, Гуннами, Оварами и т. д. и т. д.» (Письма Кулиша к И. Ф. Хильчевскому. 1858–1875 // Киевская Старина. 1898. № 1. С. 93).

[23] Стихотворение впервые опубликовано: <*Бартенев П. И.*> *П. Б.* Песнь Невская. 1837. (Неизданное стихотворение княгини З. А. Волконской) // Русский Архив. 1872. № 10. Стб. 1979–1982. Гоголевский список стихотворения см. в изд.: *Гоголь 2001.* С. 538; *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 633.

[24] См. ***1838. Февраля 3 <января 22>. Суббота. Рим.***

[25] *Кочубинский Ал.* Будущим биографам Гоголя // Вестник Европы. 1902. № 2. С. 665.

[26] См. ***1838. Марта 17 <5>. Суббота. Рим.***

[27] См. ***1838. Марта 15 <3>. Четверг. Рим.***

[28] См. ***1838. Апреля 3 <марта 22>. Вторник. Рим.***

[29] См. ***1838. Октября 23 <11>. Вторник. Париж***; ***1838. Октября 28 <16>. Воскресенье. Лион.***

[30] См. ***1837. Декабря 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[31] См. ***1838. Февраля 2. Воскресенье. Неделя Масленая. Праздник Сретения Господня. Санкт-Петербург.***

[32] См.: Письма *А. И. Иванова* к сыну // Русский Художественный Архив. 1892/1893. С. 103; Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал *Михаил Боткин.* СПб., 1880. С. 26, 121.

[33] См. ***1834. Августа 30. Четверг. Санкт-Петербург.***

[34] Отрывки из заграничных писем (1844–1848) Матвея Волкова. СПб., 1857. С. 113. – См. также: ***1839. Марта 12 <февраля 28>. Вторник. Рим***; *Буслаев Ф. И.* Римская вилла кн. З. А. Волконской. Из моих воспоминаний // Вестник Европы. 1896. № 1. С. 29.

[35] См. ***1841 октября 17 – 1842 мая 23. Москва.***

[36] По выражению В. Г. Белинского в статье «Очерки Бородинского сражения... Ф. Глинки» (1839) (см.: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1977. Т. 2. С. 138).

[37] См., в частности: ***1824. Январь. Нежин*** (примечания); ***1827. Октября 31. Понедельник. Нежин***; ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург.*** – По словам архимандрита Фотия (Спасского), «царь был малосведущ в истине веры православных» (Повествование священно-архимандрита отца *Фотия* // Русская Старина. 1894. № 9. С. 220). В свое время Император беседовал даже с И. Г. Юнгом-Штиллингом о том, «какая из христианских церквей всех более согласуется с истинным, чистым учением Христа» (*Н<еведомский> В.* Баронесса Крюднер и ее переписка с князем А. Н. Голицыным // Русский Архив. 1883. № 3. С. 318).

ФЕВРАЛЯ 14 <26>. ПОНЕДЕЛЬНИК

В. Г. Анастасевич пишет И. И. Срезневскому:

«Жаль, что добрый Гоголь пустился над Сеною собирать материалы для обещанной Истории Малороссии».

Свод. Т. 2. С. 137.

МАРТА 15 <3>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Гоголь пишет письма в Петербург В. О. Балабиной (не сохранилось), ее дочери М. П. Балабиной, князю В. Ф. Одоевскому (отправляет письма через П. И. Кривцова)[1].

В шутливом письме к М. П. Балабиной на итальянском языке приглашает ее в Рим: «Представьте себе, мне часто мнится, что вижу вас идущей по римским улицам держа Нибби[2] в одной руке, а в другой какую-нибудь священнейшую древность, найденную по дороге, черную и грязную, как уголь, для переноски которой требуется сила по крайней мере Геркулеса. Быть может, вам так же точно представляется мой длинный, похожий на птичий, нос (о сладостная надежда!). <...> ...Не нахожу чего-либо нового, чтобы вам описать; как вам самой известно, новизна не свойственна Риму, здесь всё древнее: Рим, папа, церкви, картины. Мне кажется, новизна изобретена теми, кто скучает, но вы же знаете сами, что никто не может соскучиться в Риме, кроме тех, у кого душа холодна, как у жителей Петербурга, в особенности у его чиновников, бесчисленных, как песок морской. <...> Козы и скульпторы прогуливаются, синьора, по улице Феличе, где моя комната (№ 126, верхний этаж); кстати о козах: синьор <К.> Мейер теперь в счет не идет, влюблен, как кот и мяукает потихоньку, чтоб его не услышали. В остальном всё как обычно: все в гневе, что вы ничего не пишете. Колисей очень настроен против вашей милости. Из-за этого я к нему не иду, так как он всегда спрашивает: “Скажите-ка мне, дорогой человечище (он всегда зовет меня так), что делает сейчас моя дама синьора Мария? Она поклялась на алтаре любить меня вечно, а между тем молчит и не хочет меня знать, скажите, что же это?” — и я отвечаю “не знаю”, а он говорит: “Скажите, почему она больше меня не любит?” — и я отвечаю: “Вы слишком стары, синьор Колисей”. А он, услышав эти слова, хмурит брови, его лоб делается гневным и суровым, а его трещины — эти морщины старости — кажутся мне тогда мрачными и угрожающими, так что я испытываю страх и ухожу испуганный».

В. П. Гаевский в 1852 г. сообщал: «...Во время неоднократного и продолжительного пребывания своего в Риме, он <Гоголь> выучился итальянскому языку, так что мог довольно свободно объясняться, даже писал иногда из Рима в Петербург по-итальянски, что свидетельствуют сохранившиеся у некоторых из его приятелей писанные им итальянские письма[3]. Раз даже, в остерии, в обществе художников, он произнес речь на итальянском языке, без приготовления»[4].

Вероятно, в изучении итальянского языка Гоголю помогал местный учитель Грифи, с которым весной 1837 г. Гоголь познакомил А. С. Данилевского[5], а весной 1839 г. — М. П. и Е. В. Погодиных[6].

Возможно, к весне 1838 г.[7] относится начало работы Гоголя над романом «Мадонна дей Фьори» («Madonna degli fiori»)[8] (другое название — «Аннунциата»; отрывок из этого романа, с заглавием «Рим», был опубликован в 1842 г.).

В письме к Одоевскому Гоголь приводит образы стихотворения княгини З. А. Волконской «Песнь Невская»[9] и сетует на «торговое направление» в литературе: «Любит ли меня князь Одоевский... <...> Я его люблю и вспоминаю. Воспоминание о нем заключено в талисман, который ношу на груди своей; талисман составлен из немногих сладких для сердца имен — имен, унесенных из Родины; но, переселенцы, они дышат там не так, как цветы, пересаженные [на солнце] в теплицу[10], нет, они там живут живее, чем жили прежде. <...> Помнят ли меня мои родные, соединенные со мною святым союзом муз? Никто ко мне не пишет. Я не знаю, что они делают, над чем трудятся? Но мое сердце всё еще болит доныне, когда занесется сюда газетный листок, и напрасно силюсь отыскать в нем знакомое душе имя или что-нибудь, на чем бы можно остановить... всё рынок да рынок, презренный холод торговли да ничтожества! Доселе всё жила надежда, что снидет Иисус гневный и неумолимый и беспощадным бичом изгонит и очистит святой храм от торга и продажи, да свободнее возлетит святая молитва. Теперь... Пишите, скажите <Анд. Н.> Карамзину, чтобы

он прислал мне то, что обещал. Я к нему писал[11], но никакого ответа. Теперь же есть оказия: чрез Кривцова можно переслать всё. Обнимите за меня Жуковского и Плетнева. Если увидите кн<язя> Вяземского, передайте ему мой поклон.

<Адрес:>

Много-многолюбимому мною князю Одоевскому. На дворцовой набережной в доме Ланской[12] на углу Мошкова переулка».

[1] См. ***1838. Апреля конец <апреля средина>. Рим.***

[2] Путеводитель по Риму, составленный А. Нибби (Небби).

[3] Письма до нас не дошли.

[4] *Гаевский В. П.* Заметки для биографии Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 328.

[5] См. ***1837. Май <апреля вторая половина – мая первая половина>. Рим.***

[6] См. ***1839. Апреля 5 <марта 24>. Страстная пятница. Рим.***

[7] См. ***1838. Февраля 26 <14>. Понедельник. Рим***; ***1838. Апреля 15 <3>. Суббота. Рим***; ***1838. Апреля 23 <11>. Понедельник. Рим***; ***1838. Апреля 28 <16>. Суббота. Рим***; ***1838. Июня 14 <2>. Четверг. Католический праздник Тела Господня. Дженцано, Рим***; ***1838. Июня 30 <18>. Суббота. Рим***; ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим***; ***1838. Ноября 19 <7>. Понедельник. Рим.*** – См. также ***1837. Января 25 <13>. Среда. Париж***; ***1837. Марта средина <марта начало>. Бра***; ***1837. Июня 3 <мая 22>. Суббота. Рим.***

[8] См. ***1837. Марта средина <марта начало>. Бра***; ***1839. Марта 10 <февраля 26>. Воскресенье.***

[9] См. ***1838. Февраля 26 <14>. Понедельник. Рим.***

[10] Ср. в стихотворении Волконской: «А ведь живопись к нам привозный цвет... <...> Ах, рости южный цвет ты на Севере! / Ты в теплице цвети, как на солнышке!»

[11] Письмо не сохранилось.

[12] См. ***1831. Мая 2. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1832. Ноября 5 или 12 или 19 или 26. Суббота. Санкт-Петербург.***

МАРТА 17 <5>. СУББОТА. РИМ

Гоголь через княгиню З. А. Волконскую, известную своим отступничеством от Православия[1], знакомится с новыми представителями польской эмиграции, участниками польского восстания 1830–1831 гг.[2], Иеронимом Кайсевичем и Петром Семененко, которые расчитывали «обратить» Гоголя в католичество.

Иероним Кайсевич, выходец из униатов, польский эмигрант, бывший уланский офицер, участник польского восстания 1830–1831 гг., впоследствии ксендз. Петр Семененко, украинец, обращен в католичество в детстве, артиллерист, участвовал в польском восстании 1830–1831 гг., эмигрант, впоследствии ксендз. Осенью 1837 г. Кайсевич и Семененко с подложными паспортами нелегально прибыли в Рим, чтобы учиться и вербовать приверженцев в новый католический орден «Общество Воскресения Господня», основанный в Париже их учителем, другом А. Мицкевича, Богданом Яньским[3].

В 1933 г. В. В. Вересаев высказал мнение, что Гоголь просто «водил за нос охотившихся за ним польских монахов» и что «единственная его цель была – угодить богатой и знатной княгине Волконской...»[4] Действительно, весьма вероятно, что своим сближением с Гоголем Кайсевич и Семененко были обязаны главным образом Волконской, которая, по словам В. А. Лугаковского, использовала их как «орудие ее внушений»[5]. Однако, согласно свидетельству Семененко в письме к Яньскому от 17 марта (н. ст.) 1838 г. (см. ниже), инициатива знакомства исходила и от самого Гоголя («...Гоголь, слышавши об нас, очень хотел этого...»), а потому можно предположить, что на сближение писатель шел главным образом для изучения новых знакомых, – тем более, что проповедуемые ими идеи возрождения Польши отчасти напоминали собственные устремления Гоголя к духовному преображению России[6]. С отъездом Гоголя из Рима в июне 1839 г.[7] всякая связь его с Кайсевичем и Семененко порывается[8].

В день знакомства Семененко сообщал своему патрону, основателю ордена Б. Яньскому: «17 марта 1838 г. Возвращаемся с обеда у кн<ягини> Волконской и с прогулки на ее виллу в сообществе ее, а также одного из наилучших современных писателей и поэтов русских, Гоголя, который здесь поселился. Об его даровании говорим со слов кн<ягини> Волконской. В разговоре он нам очень понравился. У него благородное сердце, притом он молод; если со временем глубже на него повлиять, то, может быть, он не окажется глух к истине и всею душою обратится к ней. Княгиня питает эту надежду, в которой и мы сегодня несколько утвердились. Понятно, беседовали мы о Славянских делах. Гоголь оказался совершенно без предрассудков, и даже, может быть, там в глубине очень чистая таится душа. Умеет по-польски, т. е. читает. Долго говорили о *Небожественной Комедии*[9], о *Тадеуше*[10] и пр. Забыл сказать, что кн<ягиня> Волконская нарочно пригласила нас на обед, чтобы устроить это знакомство, так как Гоголь, слышавши об нас, очень хотел этого; да и сама княгиня рада была удовлетворить его желание, ожидая от этого пользы для религии. Из этого, однако, очевидно, что было бы крайне полезно, если бы у нас имелся и Мицкевич, и *Небожественная Комедия* с *Иридионом*[11], и Мохнацкий[12]. Почему этот последний? Гоголь сказал нам, что читает Мерославского[13] и что он ему нравится, если отбросить его страстность и склонность к преувеличениям. Сего ради мы ему — о Вротновском и Мохнацком. Последнего особенно ради языка и стиля. Это особенно увлекло Гоголя, ибо он хотел бы проникнуться силою польского языка. Как вам это нравится; мы сообщаем, каким Гоголь нам показался. Вротновского мы оставили у Замойского во Флоренции и оттого не имели. Что касается *Тадеуша* и, вообще, Адама <Мицкевича>, равно *Иридиона* с *Комедией*, то хотели бы иметь их под рукой не ради одного Гоголя! Сама Волконская о том просит. А затем и вообще могут понадобиться для разных случаев. Те отношения, в которых мы теперь находимся, по-видимому, ничем не могут нам повредить, а затем — трудно переменить. Надо довольствоваться существующим положением вещей и надеяться на Бога. <...>

О кн<ягине> Волконской и все, что касается Адама <Мицкевича>, узнаешь из письма Иеронима. Будут у нас несколько церковнославянских книг, понадобившихся для истории, от священника посольства[14]. Гоголь их возьмет для себя, ему известно наше положение, и он, как мы говорили, человек благородный. Думаем также некоторые выписать из России»[15].

Вероятно, в тот же день Кайсевич записал в своем дневнике: «Познакомились с Гоголем, малороссом, даровитым великорусским писателем, который сразу выказал большую склонность к католицизму и к Польше, совершил даже благополучное путешествие в Париж, чтобы познакомиться с Мицкевичем и Богданом Залесским[16]. Но склоненный правительством, вступил в члены существующего в Петербурге "Общества распространения Православия"[17] (wszedl do Towarzystwa propagandy schizmatyckiej, zalozenego w Peterburgu)»[18].

[1] Княгиня Зинаида Александровна Волконская (Волхонская, рожд. княжна Белосельская-Белозерская, 1789–1862), певица и писательница, хозяйка литературно-музыкального салона, с 1829 г. жила в Италии; еще в России тайно оставила Православие. В 1841 г. заслужила следующую характеристику И. Кайсевича: «Княгиня Волконская становится все почтеннее и почтеннее, скажу прямо — она уничтожила в себе без следа все национальные предрассудки и недостатки, и католическую церковь любит и ставит превыше всего. Дай Бог и нам так очиститься» (письмо к А. Мицкевичу от 4 января (н. ст.) 1841 г.; Гоголь в письмах и дневниковых записях И. Кайсевича и П. Семененко // *Свод*. Т. 2. С. 24).

[2] См. также ***1836 ноября начало <октября вторая половина> — 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж.***

[3] 9 февраля (н. ст.) 1841 г. И. Кайсевич, в частности, писал Я. Козьмяну: «...Коснувшись раз римских новинок, подтверждаю вам то, что вы наверное уже прочли в газетах — переход в католицизм гр<афа> Штакельберга и кн<язя> Ф. Голицына. Властен Господь Бог из камней сотворить сынов Авраамовых. Конечное обращение это совершилось в декабре <1840 г.>; но тайна едва продержалась один месяц. Велика эта потеря для России, но для нас — великое утешение. Посольство перешло; один посланник еще избежал выговора, хотя жена его — католичка. Кто знает, не сделает ли, в конце концов, того же шага и сам Потемкин, раз он впал в немилость!» (Гоголь в письмах и дневниковых записях И. Кайсевича и П. Семененко // *Свод*. Т. 2. С. 24). Речь в данном письме идет о секретарях русского посольства в Риме графе Г. О. Штакельберге (бывшем протестанте) и князе Ф. А. Голицине (бывшем православном), служивших под началом главы посольства И. А. Потемкина, который, по выходе в отставку, также принял католичество.

[4] *Вересаев В.* Гоголь в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников. М.; Л., 1933. С. 190.

[5] *Лугаковский В. А.* Русские писатели в польской литературе. Вып. 1. Гоголь. СПб., 1903. С. 19–20.

[6] См. ***1836 ноября начало <октября вторая половина> – 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж.***

[7] См. ***1839. Июня после 5 – июля начало <мая после 24 – июня конец>. Рим, Чивитавеккья, Марсель.***

[8] 21 марта (н. ст.) 1841 г. И. Кайсевич сообщал А. Мицкевичу из Рима: «Волконская в Петербурге, здорова и воротится не раньше осени. Где Гоголь – не знаем; верно, в Чехии, как предполагал» (Гоголь в письмах и дневниковых записях И. Кайсевича и П. Семененко // *Свод.* Т. 2. С. 24).

[9] «Небожественная комедия» – романтическая драма польского поэта Сигизмунда (Зыгмунта) Красинского (1812–1859), напечатанная в 1835 г. во Франкфурте-на-Майне.

[10] «Пан Тадеуш» (1834) – поэма А. Мицкевича. О поэме Гоголь, очевидно, узнал от Кайсевича и Семененко (см. ***1838. Апреля 23 <11>. Понедельник. Рим***).

[11] «Иридион» – драматическая поэма С. Красинского, напечатанная в Париже в 1836 г.

[12] Маврикий Мохнацкий (1803–1835), польский публицист и эстетик.

[13] Людовик Мерославский (1814–1878), польский революционер, автор «Истории революции в Польше», напечатанной в Париже в 1836–1838 гг.

[14] Имеется в виду настоятель православной русской церкви Святителя Николая Чудотворца в Риме (с 1836 г.) иеромонах (с 1844 г. архимандрит) Герасим (см.: *Талалай М.* Православная русская церковь Святителя Николая Чудотворца в Риме. Рим, 1994. С. 4). С отцом Герасимом (ум. в Риме 22 августа 1849 г.) Гоголь познакомился, по-видимому, еще во время первого пребывания в Риме весной 1837 г. К архимандриту Герасиму обращался позднее за духовным советом друг Гоголя художник А. А. Иванов. Ф. В. Чижов 6–12 октября 1845 г. писал Иванову: «...Вышло превосходное сочинение одного какого-то архиерея об иконописании <книга преосвященного Анатолия (Мартыновского) «О иконописании». М., 1845>. Оно написано с большим умом, с любовью и знанием дела... <...> Между прочим замечательно то, что автор советует обращаться к людям духовного звания; я тотчас и вспомнил ваше обращение к отцу Герасиму» (цит. по: *Виноградов 2001.* С. 363–364).

Среди бумаг, оставшихся после кончины архимандрита Герасима в Риме 22 августа 1849 г., сохранился его обширный неозаглавленный труд, посвященный истории Православной Церкви, а именно, «отношению Римских Епископов к Церкви Вселенской» – от I века до Флорентийской унии 1439 г.; здесь же приложен перевод этого труда на французский язык и краткое извлечение из этого сочинения, составленное архимандритом Герасимом по поводу послания папы римского Пия IX от ноября 1847 г. с предложением унии. Это извлечение было отправлено архимандритом Герасимом 4 мая 1848 г. русскому посланнику в Риме А. П. Бутеневу «во ограждение от человеческого властолюбия Церкви Христовой, невредимо сохраняющейся доныне на Востоке» (*АВПРИ.* Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 568. Л. 85–816).

Упомянутое послание папы Пия IX вызвало ответное Окружное послание восточных Патриархов, напечатанное на греческом языке в Турции в мае 1848 г. (русский перевод в изд.: Христианское Чтение. 1849. Т. 2; отд. изд. – СПб., 1850). (См. также: *Стурдза А.* Новейшие церковные события в Константинополе // Москвитянин. 1849. Ч. I. (№ 1–4). Отд. V. С. 79–83 (с подписью: «Одесса. Ноября 15-го дня. 1848»); *Стурдза А.* Духовная жизнь и духовная словесность на Востоке. (Современные очерки) // Москвитянин. 1850. № 4 (ценз. разр. 14 февр.). Отд. I. С. 267–280; с подписью: «Одесса. 8-го декабря 1849».) – См. также ***1845. Мая 6 <апреля 24>. Вторник. Радоница. Париж*** (примечания).

[15] Historya Zgromadzenia Zmartwychwstania Panskiego <История Общества Воскресения Господня>. Podlug zrodel rekopismennuch napisal K<siądz> Pawel Smolikowski C. R. W Krakowie, 1893. T. 2. S. 89–91 (на польск. яз.); см. также: Гоголь в письмах и дневниковых записях И. Кайсевича и П. Семененко // *Свод.* Т. 2. С. 21.

[16] См. ***1836 ноября начало <октября вторая половина> – 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж.***

[17] Вероятно, подразумевается активное сотрудничество Гоголя с министром народного просвещения С. С. Уваровым, относящееся к периоду до отъезда Гоголя за границу (к 1834 г.).

[18] Historya Zgromadzenia Zmartwychwstania Panskiego <История Общества Воскресения Господня>. Podlug zrodel rekopismennuch napisal K<siądz> Pawel Smolikowski C. R. W Krakowie, 1893. T. 2. S. 90 (на польск. яз.); см. также: Гоголь в письмах и дневниковых записях И. Кайсевича и П. Семененко // *Свод.* Т. 2. С. 22.

МАРТА МЕЖДУ 17 И 25 <МЕЖДУ 5 И 13>. РИМ

Гоголь навещает новых знакомых[1] И. Кайсевича и П. Семененко[2], которые на следующий день наносят ответный визит Гоголю.

Спустя несколько дней, 7 апреля (н. ст.) Семененко сообщал своему патрону Б. Яньскому: «Гоголь недавно посетил нас, назавтра мы его. Мы беседовали у него на славянские темы. Что за чистая душа! Можно про него сказать, с Господом: "Недалек ты от Царствия Божия!" Много говорили об общей литературе. Мы обстоятельнее высказались о том, о чем в той прогулке на виллу говорили друг с другом только намеками. Удивительное он нам сделал признание. В простоте сердца он признался, что польский язык ему кажется гораздо звучнее, чем русский. "Долго, – сказал он, – я в этом удостоверялся, старался быть совершенно беспристрастным – и в конце концов пришел к такому выводу". И прибавил: "Знаю, что повсюду смотрят иначе, особенно в России, тем не менее мне представляется правдою то, что я говорю". О Мицкевиче – с величайшим уважением. Сам Гоголь – дитя Пушкина, и в последнее время Пушкин возлагал на него большие надежды. По нашей просьбе дал прочесть свое сочинение: повести из малороссийского быта. Прочел одну: *Старосветские помещики*[3]. Очень мне понравилась. Из этого всего видите, как полезно прислать последние произведения нашей литературы, о которых мы просили; сперва Адама, потом автора *Небожественной Комедии*, затем Вротновского и Мохнацкого; также Гаршинского и Словацкого и хотя бы Чайковского, так как и он может быть весьма кстати»[4].

[1] См. ***1838. Марта 17 <5>. Суббота. Рим.***

[2] «...Коморка их была убогая, в сиротском доме» (*Кочубинский А.* Будущим биографам Н. В. Гоголя // Вестник Европы. 1902. № 2. С. 668).

[3] По-видимому, Гоголь, давая своим новым знакомым на прочтение сборник повестей «Миргород», рассчитывал, что после «Старосветских помещиков» будет прочитана и следующая повесть – «Тарас Бульба» (весьма близкая по теме к содержанию его разговоров с Кайсевичем и Семененко) – и этим обращением к истории Малороссии намеревался дать новое направление беседам с бывшим униатом и с своим земляком-украинцем. Какую-то надежду найти с ними общий язык (помимо темы духовного возрождения нации), возможно, давало Гоголю и то, что их общий приятель поляк Б. Залесский, с которым Гоголь встречался ранее в Париже, способен был проявить некоторую объективность в оценке казацких восстаний против польского гнета и даже воздать должное личности Богдана Хмельницкого (например, в «Думе Мазепы», 1825) (см. ***1836 ноября начало <октября вторая половина> – 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж***).

[4] Historya Zgromadzenia Zmartwychwstania Panskiego <История Общества Воскресения Господня>. Podlug zrodel rekopismennuch napisal K<siądz> Pawel Smolikowski C. R. W Krakowie, 1893. T. 2. S. 104 (на польск. яз.); см. также: Гоголь в письмах и дневниковых записях И. Кайсевича и П. Семененко // *Свод.* Т. 2. С. 22.

МАРТА 24 <12>. СУББОТА. ПРАГА

О. М. Бодянский сообщает М. П. Погодину в Москву:

«Шафарик просит вас послать для его жены[1] сочинения Гоголя...»[2]

18 июня (н. ст.) 1838 г. Бодянский снова просил Погодина: «Некоторые из повестей Гоголя и Ваших переводятся на чешский язык. Потрудитесь, вместе с прочими книгами, послать Шафарику для его жены, если можно достать еще Ревизора, Арабески и Вечера на Хуторе...»[3] 5 января (н. ст.) 1841 г. сам П. И. Шафарик извещал Погодина: «Моя Юлия, покончившая теперь с Гоголем, переводит ваш "Сокольницкий сад"»[4] (судьба переводов гоголевских повестей Ю. А. Шафарик неизвестна).

[1] Ю. А. Шафарик.

[2] Письма к М. П. Погодину из славянских земель. (1835–1861). М., 1879. Вып. 1. С. 36.

[3] Там же. Вып. 1. С. 62.

[4] Там же. Вып. 2. С. 282.

МАРТА 25 <13>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Польский эмигрант И. Кайсевич пишет сонет, посвященный Гоголю[1].

Содержание сонета перекликается с заключительными строками стихотворения княгини З. А. Волконской «Песнь Невская» и содержанием письма Гоголя к князю В. Ф. Одоевскому от 15 марта (н. ст.) 1838 г.[2]

[1] См. ***1838. Апреля 3 <марта 22> Вторник. Рим.*** – См. также ***1838. Апреля 22 <10>. Воскресенье. Рим.***
[2] См. ***1838. Февраля 26 <14>. Понедельник. Рим*** – примечания.

МАРТА 31 <19>. СУББОТА. РИМ

Гоголю исполняется 29 лет.

АПРЕЛЯ 3 <МАРТА 22>. ВТОРНИК. РИМ

Украинский католик-эмигрант П. Семененко сообщает своему патрону Б. Яньскому:

«Иероним, когда болезнь его глаз мешает ему заниматься, а случается — целыми днями, пишет свои сонеты. Вот несколько их: первый можно было бы напечатать. Пусть Адам <Мицкевич> скажет о них свое слово[1]. <...>

IV. Н. Гоголю

Видел я цветок прекрасный, пересаженный с поля,
Водой ключевой заботливо поливаемый,
И солнцем освещенный, и за стеклом согретый,
Но все-таки теряющий красу и печально поникший.
Видел я певца с Днепровской стороны,
Хоть сердцем и умом щедро наделенного,
И возросшего в райской земле, засеянной вдохновением,
Но все же осененного неясной болью.
Пришла весна, открыли прозрачную темницу:
Цветок, душистым фиалом приветствуя обнаженный луч,
Теплой росой утоляет долгую жажду.
И ты, вестник, будешь избавлен от мертвящей суши,
И песнь горняя сильней затронет грудь братьев,
Только росе небесной не закрывай души[2].

25 марта 1838 г.»

Historya Zgromadzenia Zmartwychwstania Panskiego <История Общества Воскресения Господня>. Podlug zrodel rekopismennuch napisal K<siądz> Pawel Smolikowski C. R. W Krakowie, 1893. T. 2. S. 101–103 (на польск. яз.); см. также: Гоголь в письмах и дневниковых записях И. Кайсевича и П. Семененко // *Свод.* Т. 2. С. 21–22.

[1] «Приводятся сонеты, – числом четыре. Первый – посвященный Адаму Целинскому <“Adam Celinski”, от 20 марта 1838 г.>, витиеватый и приятельского содержания. Во втором – “Мадонна” <“La Madonna”, от 22 марта 1838 г.> – воспевается образ Богоматери. Третий – в честь Волконской <“Na wille ks. Wolkonskiej”, от 19 марта 1838 г.>. Певец вспоминает “страннолриимный привет”, оказанный Волконскою, “блиставшей в высшем свете, нашему вдохновенному певцу”, т. е. Мицкевичу. Заключается аккордом “благочестивой теперь вдове, верующей в великий мир будущего, когда крестом истинной религии”, подразумевается католической, “осенится полночная страна и соединятся в исповедании одной религии славянские народы, и гроб воплотившегося Сына Божьего отнимется у неверных”. Четвертый <“Do M. Gogola”> – посвящен Гоголю. <...> (Заметим: ранние “Sonety” Kajsiewicz'a изданы в Париже в 1833 году)» (*Лугаковский В. А.* Гоголь в польской литературе // Лит. Вестник. 1902. № 1. С. 26; см. также: *Кочубинский А.* Будущим биографам Н. В. Гоголя // Вестник Европы. 1902. № 2. С. 668).

[2] Перевод Е. Ю. Марченко.

МАРТА 26 <АПРЕЛЯ 7>. ЛАЗАРЕВА СУББОТА. С. СЕМЕРЕНЬКИ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Кончина матери А. С. Данилевского Татьяны Ивановны Черныш (в первом браке Данилевской).

См. ***1838. Мая 16 <4>. Среда. Рим***; ***1838. Июня 16 <4>. Суббота. Париж.***

АПРЕЛЯ ОКОЛО 8 <МАРТА ОКОЛО 26>. РИМ

Из Парижа в Рим прибыл И. Ф. Золотарев – передав Гоголю привет от А. С. Данилевского из Парижа[1].

В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., сообщал: «...Мы знаем, что Данилевский однажды рекомендовал вниманию Гоголя известного нам Золотарева, юношу, года за два перед тем кончившаго курс в Дерптском университете и познакомившегося с ними во время поездки на пароходе в Любек[2] и Гамбург»[3].

В 1893 г. К. П. Ободовский, со слов Золотарева (ум. в 1881), сообщал: «И. Ф. Золотарев жил с Гоголем в 1837[4] и 1838 гг. в Риме. Жили они на одной квартире и виделись постоянно в течение почти двух лет пребывания И<вана> Ф<едоровича> в Италии. Это была лучшая пора жизни писателя. В то время, по словам И<вана> Ф<едоровича>, Гоголь был совсем не тем мрачным мистиком, почти анахоретом, каким он является в последний период своей жизни. Напротив, в описываемую эпоху писатель был полон жизни: веселый, разговорчивый, он был весь, так сказать, охвачен красотою римской природы и подавлен массою памятников искусства, которыми был окружен. До какой степени он был увлечен окружавшей его обстановкою вечного города, указывает эпизод, происшедший при самом приезде И. Ф. Золотарева в Рим.

"Первое время, от новости ли впечатлений, от переутомления ли дорогой, или от чего другого, – рассказывал И<ван> Ф<едорович>, – я совершенно лишился сна.

– Совсем спать не могу, просто в отчаянье прихожу, – пожаловался я раз как-то Гоголю.

Велико же было мое удивление, когда, вместо сочувствия к моему тяжелому положению, Н<иколай> В<асильевич> пришел в восторг.

– Как ты счастлив, Иван, – воскликнул он, – что не можешь спать!..

– Да какое же тут счастье, помилуй, – возразил я, – что может быть тяжелее, мучительнее бессонницы!

– Как тебе не стыдно это говорить, – закричал Гоголь, – не горевать ты должен, а радоваться!

– Да почему же? – спросил я уже в совершенном изумлении.

– А потому, что твоя бессонница указывает на то, что у тебя артистическая натура, так как ты приехал в Рим, и он так поразил тебя, что ты не можешь спать от охвативших тебя впечатлений природы и искусства[5]. И после этого ты еще не будешь себя считать счастливым!

Убеждать в действительной причине моей бессонницы великого энтузиаста, целые дни без отдыха проводившего в созерцании римской природы и памятников вечного города, я счел бесполезным".

В описываемую эпоху, как сказано выше, Гоголь вовсе не походил на того мрачного мистика, которым он сделался впоследствии, но уже в 1837–1838 гг. <в 1838 г.> намечалось кое-что из тех черт, которые сделались господствующими в последний период его жизни.

Во-первых, он был крайне религиозен, часто посещал церкви и любил видеть проявление религиозности в других.

Во-вторых, на него находил иногда род столбняка какого-то: вдруг среди веселого, оживленного разговора замолчит, и слова от него не добьешься. Являлось у него это, по-видимому, беспричинно.

Затем в нем иногда проявлялась странная застенчивость. Бывало, разговорится, и говорит весело, живо, остроумно. Вдруг входит какое-нибудь новое лицо. Гоголь сразу смолкает и, как улитка, прячется в свою раковину. <...>

Аппетитом Гоголь обладал чрезвычайным. Он любил и много, и хорошо покушать.

"Бывало, зайдем мы, – рассказывал И<ван> Ф<едорович>, – в какую-нибудь трат<т>орию пообедать; Гоголь покушает плотно, обед уже кончен. Вдруг входит новый посетитель и заказывает себе какое-нибудь кушанье. Аппетит Гоголя вновь разгорается, и он, несмотря на то, что только что пообедал, заказывает себе или то кушанье, которое потребовал вновь пришедший посетитель, или что-нибудь другое".

Из наиболее любимых Гоголем кушаний было козье молоко, которое он варил сам особым способом, прибавляя туда рому (последний он возил с собой во флаконе). Эту стряпню он называл гоголь-моголем и часто, смеясь, говорил: "Гоголь любит гоголь-моголь".

Когда Н<иколай> В<асильевич> начинал писать, то предварительно делался задумчив и крайне молчалив. Подолгу, молча, ходил он по комнате, и когда с ним заговаривали, то просил замолчать и не мешать ему. Затем он залезал в свою дырку: так называл он одну из трех комнат квартиры, в которой жил с И. Ф. Золотаревым, отличавшуюся весьма скромными размерами, где и проводил в работе почти безвыходно несколько дней.

По убеждениям своим Гоголь был чисто русский человек, а не малоросс, каким его желают представить. Согласно убеждению, вынесенному И. Ф. Золотаревым из совместной жизни с Гоголем в Риме, писатель горячо любил именно Россию, а не Малороссию только. Любимою литературою его была литература русская, причем наиболее излюбленными Гоголем писателями был Жуковский и Пушкин. <...>

И. Ф. Золотарев расстался с Гоголем в 1838 г., чтобы уж больше никогда с ним не встречаться. В течение года после того, как они расстались, они были в переписке, но через год переписка прекратилась, и затем уже И<ван> Ф<едорович> не имел никаких непосредственных сношений с творцом "Мертвых Душ"»[6].

В 1893 г. П. А. Матвеев также сообщал: «"Чистая, истинная красота, – говорил Гоголь, беседуя с художниками в Риме, – хвала Богу на земле". – Такой отзыв Гоголя о красоте мы слышали от нескольких лиц и между прочим от покойного И. Ф. Золотарева. Последний, встретивши случайно, зимой 1874–75 года в Риме одного старого художника-неудачника, знавшего Гоголя, в разговоре с ним о взглядах Гоголя на искусство, припомнил эти слова Гоголя»[7].

[1] См. ***1838. Апреля 12 <марта 31>. Великий Четверг. Вечер. Рим***; ***1838. Апреля 19 <7>. Четверг Светлой седмицы. Рим.***

[2] См. ***1836. Июня 6. Суббота. Кронштадт***.

[3] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 518–519.

[4] Указание на 1837 г. ошибочно (см. ***1838. Апреля 12 <марта 31>. Великий Четверг. Вечер. Рим***).

[5] Ср. строки «Размышлений о Божественной Литургии» Гоголя: «...Человек не в силах глядеть неотлучно и беспрерывно в глаза пленившей его красоте: и пища, и питие, и презренные заботы жизни его отвлекают от <нее>, и плачет он горько на свое бессилие, на то, что не может весь предаться красоте. Небесные же Силы глядят неотлучно и беспрерывно в глаза пленившей их Красоте: и пищу, и питие, и все заботы существа своего черплют они из ней же, – из той же красоты, и в высокой полноте блаженства воспевают: "Свят, Свят, Свят Господь Саваоф", ощущая и в самом наслаждении песнословить возрастающую полноту блаженства».

[6] *Ободовский К. П.* Рассказы о Гоголе // *Свод*. Т. 3. С. 120–121.

[7] *Матвеев П. А.* Н. В. Гоголь и его переписка с друзьями // *Свод*. Т. 3. С. 122.

МАРТА 28 <АПРЕЛЯ 9>. ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензор А. В. Никитенко ставит свою помету на подготовленном к печати письме Гоголя к П. А. Плетневу из Рима[1] (с выражением благодарности Государю за оказанную помощь).

Как указал в 1901 г. В. И. Шенрок, на письме Гоголя «внизу страницы пометка: “28 марта 1838 г. Цензор А. Никитенко”»[2]. (Из сообщения неясно, относится ли эта помета ко времени поступления письма в цензуру или отражает дату его цензурного разрешения или запрещения.)

Ранее, в 1854 г., П. А. Кулиш также сообщал: «Гоголь тщательно переписал это письмо для печатания, и оно было уже подписано ценсором; но, по некоторым особенным обстоятельствам, печатание его было отменено автором»[3].

[1] См. ***1837. Ноября 2 <октября 21>. Четверг. Женева***; ***1837. Ноября 30 <18>. Четверг. Рим.***

[2] Письма *Н. В. Гоголя*. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 462; см. также: *Свод*. Т. 2. С. 17.

[3] *Кулиш П. А.* <Примечание к письму из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу от 2–30 ноября (н. ст.) 1837 г.> // *Свод*. Т. 2. С. 17.

МАРТА КОНЕЦ <АПРЕЛЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Князь П. А. Вяземский берется доставить Гоголю в Рим экземпляр первого номера журнала «Современник» за 1838 г.

4 ноября 1833 г. П. А. Плетнев сообщал А. И. Тургеневу из Петербурга: «В то же время как отпечатана была первая моя книжка Современника (в конце марта 1838), здесь находился Кн<язь> П. А. Вяземский. По своей благосклонности вызвался он переслать за границу экземпляры, назначенные мною: 1) Вам, 2) Ф.Тютчеву (в Турин) и 3) Гоголю (в Рим), что и было тогда же сделано[1]. <...> Экземпляры второй и третьей книжек, уже отпечатанные, оказались у меня до сих пор без отсылки за границу».

Свод. Т. 1. С. 659.

[1] Посланный Плетневым экземпляр первого номера «Современника» за 1838 г. Гоголь тогда не получил, так как Вяземский утратил весь свой багаж во время пожара, случившегося на пароходе «Николай I» в ночь с 18 на 19 мая 1838 г. (см.: *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 442).

АПРЕЛЯ 12 <МАРТА 31>. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ[1]. РИМ

Папа Григорий XVI совершает обряды омовения ног и благословения «Городу и миру».

Позднее, в письме от 13 мая (н. ст.) 1838 г. Гоголь сообщал А. С. Данилевскому: «Золотарев пробыл только полторы недели в Риме и, осмотревши, как папа моет ноги и благословляет народ[2], отправился в Неаполь[3] осмотреть наскоро всё, что можно осмотреть. В две недели он хотел совершить всё это и возвратиться в Рим, досмотреть всё прочее, что ускользнуло от его неутомимых глаз; но вот уже больше двух недель, а его всё еще нет».

Речь в письме, очевидно, идет о первом приезде И. Ф. Золотарева в Рим, с достопримечательностями которого он только начинает знакомиться. Об этом же свидетельствует письмо самого Золотарева из Рима от 19 апреля (н. ст.) 1838 г. к Данилевскому[4]. На этом основании сообщение В. И. Шенрока о том, что Золотарев приехал в Рим вместе с Гоголем за год перед тем, 26 марта (н. ст.) 1837 г., в утро католической Пасхи[5] – в день, когда папа также совершал обряд благословения (который уже тогда мог бы видеть Золотарев), следует признать ошибочным.

[1] В 1838 г. общий для православных и католиков.

[2] В Великий Четверг и на Пасху (см. ***1838. Апреля 15 <3>. Воскресенье. Православная и католическая Пасха. Рим***).

[3] См. ***1838. Апреля 19 <7>. Четверг Светлой седмицы. Рим.***

[4] См. ***1838. Апреля 19 <7>. Четверг Светлой седмицы. Рим.***

[5] См. ***1837. Марта 26 <14>. Воскресенье. Католическая Пасха. Утро. Рим.***

АПРЕЛЯ 15 <3>. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАВОСЛАВНЫЙ И КАТОЛИЧЕСКИЙ ПРАЗДНИКИ ПАСХИ. РИМ

В 1838 г. дни празднования православной и католической Пасхи совпадали.

АПРЕЛЯ 19 <7>. ЧЕТВЕРГ СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. РИМ

И. Ф. Золотарев пишет А. С. Данилевскому в Париж:

«Гоголь и я ждем тебя и не дождемся[1]; так я и уезжаю в Неаполь[2], но хотел бы по возврате в Рим найти тебя подле меня и Гоголя нашим общим соседом. Он в *Strada Felice*[3], а я в *Via St. Isidore* (№ 17), где некогда жил наш Кипренский[4], а потом наш Гоголь[5], — ты мог опять поселиться в Purificazione[6], теперь, конечно, для тебе печальной и осиротевшей. Приезжай помянуть былое[7], отыскать — тот крест смиренный, под коим улегся прах ее[8], и склониться перед ним печальной головой, и разнежиться умиленною мечтою, — не так ли? <...> Во всяком случае ты много бы обрадовал и Гоголя и меня твоим приездом, и украсил бы, оживил бы нашу жизнь в Риме, и наши имеющие быть прогулки в Альбано, Фраскати, Тиволи и Дженсано[9], — и в Компанию также. В Рим — как в роман[10], или в огромную повесть все вчитываешься далее и более, и более и более находишь красоты... Что за природа, и что за история. Что за кипарисы — и что за развалины... А виллы-то — и окрестности Рима... Все это хорошо бы было обойти нам вместе с тобою!

Я все-таки думаю, что, воротясь сюда из Неаполя, найду тебя. Бросай же Париж и садись на Лионский дилижанс... Что тебе теперь в Париже, *Гризи* уехала, и *Рубини* с нею; приближается время духоты, жару, пыли и зловонных испарений. А здесь-то... много света, теплоты и отрады, — и даже найдешь сестер, родных сестер *Гризи.*

Итак, в Рим, во что бы то ни стало!.. Спешу к Гоголю. Уже 10-й час. С ним вместе сегодня завтракаем и отправляемся в Ватикан. Обнимаю тебя от души, — до свидания в Риме[11]. <...> Пишите ко мне, адрес письма на имя Гоголя. Strada Felice, 126»[12].

В тот же день, после посещения с Золотаревым Ватикана, Гоголь на обеде у княгини З. А. Волконской вновь встречается[13] с И. Кайсевичем и П. Семененко[14].

[1] Спустя три дня, 10/22 апреля 1838 г., И. Ф. Золотарев получил от А. С. Данилевского письмо к Гоголю из Парижа, которое в тот же день передал адресату (см. письмо Гоголя к Данилевскому от 23 апреля (н. ст.) 1838 г.).

[2] См. ***1838. Апреля 12 <марта 31>. Великий Четверг. Вечер. Рим*** (примечание).

[3] На Strada Felice (в настоящее время — Via Sistina), дом № 126, Гоголь жил во время четырех периодов своего пребывания в Риме в 1837–1843 гг. (см. ***1837 ноября не позднее 30 <не позднее 18> — 1838 июля начало <июня вторая половина>. Рим***).

[4] О проживании О. А. Кипренского в Риме по указанному адресу см. также ***1837. Марта между 26 и 28 <между 14 и 16>. Рим.***

[5] На улице Sant Isidore, дом № 17, Гоголь жил с конца марта по первую половину июня (н. ст.) 1837 г.

[6] См. также ***1837. Июня вторая половина, не позднее 25 <июня первая половина, не позднее 13>. Рим.***

[7] О пребывании Данилевского в Риме в мае-июне (н. ст.) 1837 г. см.: ***1837. Май <апреля вторая половина — мая первая половина>. Рим.***

В конце июня (н. ст.) 1837 г. Гоголь выехал из Рима, — возможно, вместе с Данилевским — и доехал с ним до Турина (см. ***1837. Июня 27 <15>. Вторник. Турин***), затем один отправился в Испанию и Португалию (см.

1837. Июня 28 – июля не позднее 15 <июня 16 – июля не позднее 3>. Турин, Марсель, Барселона, Мадрид, Лиссабон, Турин, Баден-Баден); осенью 1837 г. вновь встретился с Данилевским в Женеве (см. ***1837. Сентября около 5 – ноября средина <августа около 24 – ноября начало>. Женева***); позднее, 24 ноября (н. ст.) 1837 г., сообщал матери из Милана: «Я пробыл в Женеве больше, нежели думал (ожидая из Петербурга нужных для меня писем). (Речь, очевидно, идет о получении Гоголем в Женеве 2 ноября (н. ст.) 1837 г. материальной помощи от Государя; см. ***1837. Ноября 2 <октября 21>. Четверг. Женева***. – *И. В.*) <...> Я с большою радостью оставил наконец Женеву, где, впрочем, мне не было скучно, тем более, что я там имел счастливую встречу с Данилевским, и таким образом мы провели осень довольно приятно...» Во второй половине ноября (н. ст.) 1837 г. Данилевский отправился обратно в Париж, Гоголь – в Рим. Вероятно, Данилевский провожал тогда Гоголя до города Домодоссола (Domodossola), на границе Швейцарии и Италии, где и произошло их расставание (см. ***1837. Ноября вторая половина, не позднее 24 <ноября не позднее 12>. Озеро Лаго-Маджоре, Домодоссола***). В Рим Гоголь прибыл около 30 ноября (н. ст.) 1837 г. (см. ***1837 ноября не позднее 30 <не позднее 18> – 1838 июля начало <июня вторая половина>. Рим***).

[8] 26 февраля (н. ст.) 1838 г. Гоголь сообщал А. С. Данилевскому из Рима: «...Бедная хозяйка твоя, Роза, умерла».

[9] См. ***Июня 14 <2>. Четверг. Католический праздник Тела Господня. Дженцано***. См. также ***1837. Мая 31 – июня 1 <мая 19–20>. Среда-четверг. Рим, Фраскати, Рим.***

[10] Сравнение Рима с романом восходит к суждениям князя П. А. Вяземского, которые Гоголь повторяет также в письме к князю от 25 июня (н. ст.) 1838 г. из Рима и, ранее, в <Письме из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу> (от 2–30 ноября (н. ст.) 1837 г.). Это сравнение Гоголь мог прочесть в письме Вяземского к А. О. Смирновой от 21 августа 1835 г. (см. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт***) и слышать от самого Вяземского – либо в Кронштадте 6 июня 1836 г., либо на праздновании дня рождения сына Вяземского Павла 2 июня 1836 г. (см. ***1836. Июня 2. Вторник. Санкт-Петербург***).

[11] В Рим Данилевский больше не приезжал.

[12] Свидетельства о Гоголе И. Ф. Золотарева // *Свод.* Т. 3. С. 118.

[13] См. ***1838. Марта между 17 и 25 <между 5 и 13>. Рим.***

[14] См. ***1838. Апреля 22 <10>. Воскресенье. Рим.***

АПРЕЛЯ 20 <8>. ПЯТНИЦА. РИМ

И. Кайсевич и П. Семененко навещают Гоголя.

См. ***1838. Апреля 22 <10>. Воскресенье. Рим.***

АПРЕЛЯ 21 <9>. СУББОТА. РИМ

Вероятно, в этот день Гоголь присутстовал на торжественном собрании в Институте археологической корреспонденции в честь дня основания Рима[1].

В конце апреля (н. ст.) 1838 г. Гоголь писал М. П. Балабиной: «Рим, м<еся>ц апрель, год 2588-й от основания города. <...> Я вам расскажу теперь об этом празднике, который не знаю, знаете ли вы или нет. Это – торжество по случаю построения Рима, юбилей рождения, или именины этого чудного старца, видевшего в стенах своих Ромула. Этот праздник, или, лучше сказать, собрание академическое было очень просто, в нем не было ничего особенного; но самый предмет был так велик и душа так была настроена к могучим впечатлениям, что всё казалось в нем священным, и стихи, которые читались на нем небольшим числом римских писателей, больше вашими друзьями аббатами, все без изъятия казались прекрасными и величественными и, как будто по звуку трубы, воздвигали в памяти моей древние стены, храмы, колонны и возносили всё это под самую вершину небес. Прекрасно, прекрасно всё это было, но так ли оно прекрасно, как теперь? Мне кажется, теперь... по крайней мере, если бы мне предложили – натурально не какой-нибудь государь-император или король, а кто-нибудь посильнее их – что бы я предпочел видеть перед собою – древний Рим в грозном и блестящем величии или Рим нынешний в его теперешних развалинах, я бы предпочел Рим нынешний. Нет, он никогда не был так прекрасен. Он прекрасен уже тем, что ему 2588-й

год[2], что на одной половине его дышит век языческий, на другой христианский, и тот и другой — огромнейшие две мысли в мире».

В тот же день, 21 апреля (н. ст.) 1838 г., Гоголь на обеде у княгини З. А. Волконской встречался с И. Кайсевичем и П. Семененко, где Кайсевич читал свои сонеты[3], посвященные Волконской и Гоголю[4].

[1] См. ***1838. Апреля 27–28 <15–16>. Пятница-суббота. Рим.*** – Ср. ***1837. Апреля 21 <9>. Пятница. Рим.***
[2] Очевидно, Гоголь считал 750 лет до Р. Х., а не 753.
[3] См. ***1838. Апреля 3 <марта 22>. Вторник. Рим.***
[4] См. ***1838. Апреля 22 <10>. Воскресенье. Рим.***

АПРЕЛЯ 22 <10>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Гоголь через И. Ф. Золотарева получает письмо от А. С. Данилевского[1].

В этот же день украинский католик-эмигрант П. Семененко сообщал своему патрону Б. Яньскому:

«Четыре последних дня пасхальных каникул <18–21 апреля (н. ст.) 1838 г.>, которые сегодня заканчиваются, <...> мы могли <...> посвятить посещению разных лиц. Сначала <в среду 18 апреля> мы пошли к Пропаганде поздравить с праздником ректора... <...> Затем пошли мы к княгине Волконской. <...> Вскоре начали мы <говорить> и о Гоголе; сказали несколько слов о посещениях, которые мы ему сделали и о которых мы в последнем письме[2] написали вам более пространно. Иероним вспомнил о сонете, который к нему написал[3]. Княгиня пригласила нас к себе назавтра обедать, чтоб нам опять с ним <Гоголем> встретиться. Тогда же сообщила нам, как открыла ему свои намерения относительно сына[4], и как он <Гоголь> сердечно это принял и добродушно подбодрял ее, чтоб она имела надежду, то есть что ее сын обратится. <...>

На другой день <...>, то есть в четверг <19 апреля>... <...> обед у Волконской прошел, как мы желали; особенно благодарим Господа Бога, что не оставляет нас в эти трудные минуты и не дозволяет нам полюбить мір, ниже отдать ему нашу мысль. Я сидел рядом с Гоголем и разговаривал с ним по-русски, так как иначе он не говорит; по-итальянски и по-французски он лучше читает, чем говорит, хотя всегда говорит хорошо; но, как он нам объяснил, он не имеет дара к языкам. Сдается мне, что с пару хороших мыслей я ему внушил. Вообще, течение разговора целого общества было намеренно направляемо. Сильно Гоголь *задумался*, говоря его языком. "Это меня радует, — говорила нам позднее княгиня Волконская. — Заметили ли вы, как он внутренне работает?" Под конец Волконская выразила желание, чтобы мы приходили к ней каждый день; но в пятницу не могли быть и отложили обед на субботу <21 апреля>. <...>

В пятницу <20 апреля> с утра <...> к генералу Иезуитов... <...> Потом к Гоголю в его собственной квартире; тут больше говорили о Славянстве (как и в первый раз), поэтому мы условились по-прежнему ходить поодиночке, так как одиночные встречи более располагают к взаимному обнаружению себя. Но мы видим, что и за эти посещения в его душе утвердились хорошие впечатления. <...>

На следующий день в субботу <21 апреля> <...> после обеда у Волконской Иероним читал оба свои сонета[5]. Сонет к Гоголю не прошел мимо цели и произвел большое впечатление на чувствительную душу певца. Они были переведены по-французски, но Гоголь и по-польски немало понимает. Тот раз мы провели в их обществе более трех часов. <...> В предпоследний раз мы одолжили также у Волконской журнал *Московский наблюдатель*, где была статья: *Новейшая поэзия у Поляков*, где <Э.> Словацкого очень хвалят, но статья вполне умеренная, как и вообще весь журнал...»[6]

[1] См. ***1838. Апреля 23 <11>. Понедельник. Рим.***
[2] От 7 апреля (н. ст.) 1838 г. (см. ***1838. Марта между 17 и 25 <между 5 и 13>. Рим***).
[3] См. ***1838. Марта 25 <13> Воскресенье. Рим.***

[4] Князь Александр Никитич Волконский (1811–1878), сын княгини З. А. Волконской, дипломат.

[5] К княгине З. А. Волконской и к Гоголю (см. ***1838. Марта 25 <13> Воскресенье. Рим***).

[6] Historya Zgromadzenia Zmartwychwstania Panskiego <История Общества Воскресения Господня>. Podlug zrodel rekopismennuch napisal K<siądz> Pawel Smolikowski C. R. W Krakowie, 1893. T. 2. S. 111–112, 114–116 (на польск. яз.); см. также: Гоголь в письмах и дневниковых записях И. Кайсевича и П. Семененко // *Свод*. Т. 2. С. 22–23.

АПРЕЛЯ 23 <11>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь пишет А. С. Данилевскому в Париж:

«Уже хотел я грянуть на тебя третьим и последним письмом, исполненным тех громов, которыми некогда разил Ватикан корононосных ослушников, уже рука моя начертала даже несколько тех приветствий, после которых делается неварение в желудке и прочие разные accidente, как вдруг предстал перед меня Золотарев с веселым лицом и письмом в руке. Это появление его и это письмо в руке в одну минуту ослабило мои перуны. Я получил твое письмо вчера, т. е. 10 апреля, и пишу к тебе сегодня, 11-го. <...> ...Подозрения твои непростительны. Ты уж, слава Богу, велик, вырос на красоту[1] и на зависть мне, приземистому и невзрачному, тебе пора знать, что подобные фокусы, как-то выставление писем задним числом, просрочки, ложь и прочее прочее, употребляются только с людьми почтенными, которых мы обязаны любить и почитать, и с рождеством их поздравлять, чтоб в остальное время года о нас не думали они[2]. <...> Я к тебе писал, приехавши ту же минуту в Рим[3]... <...> Второе же письмо[4] я, точно, отдал на почту позже, нежели написал... <...> Ты спрашиваешь меня, куда я летом. Никуда, никуда, кроме Рима. <...> Я теперь сижу дома. Никаких мучительных желаний, влекущих вдаль, нет, разве проездиться в Семереньки, то есть в Неаполь[5], и в Толстое[6], то есть во Фраскати или в Альбани. Я бы советовал тебе отложить всякую идею о Немеции, где ты, Боже Святой, как соскучишься и об этих мерзких водах... <...> Досадую на тебя очень — не догадался списать для меня ни Египетских ночей, ни Галуба[7], ни того, ни другого здесь нет. Современник в Риме не получается и даже ничего современного. Если Современник находится у <А. И.> Ту<р>генева, то попроси у него моим именем, если можно, привези весь; а не то перепиши стихи. Еще: пожалуйста, купи для <меня> новую поэму Мицкевича, удивительнейшую вещь, Пан Тадеуш[8]. <...> Еще — не отыщешь ли ты где-нибудь первого тома Шекспира[9], того издания, которое в двух столбцах и в двух томах, я думаю, и в этих лавочках, что в Палерояле, весьма легко можно отыскать его. Если бы был Ноэль, он славно исполнил бы эту комиссию. За него можно дать до 10 франков, ибо я за оба тома дал 13 фран<ков>. Кстати о том, что в Париже лезут деньги. Я, наконец, совершенно начинаю постигать науку экономии. Прошедший месяц был для меня верх торжества: я успел возвести издержки во все продолжение его до 160 рублей нашими деньгами, включая в это число плату за квартиру, жалованье учителю, Bon gout[10], кафе Grec[11] и даже книги, купленные на аукционе. Дни чудные! на небе лучших нет. Садись скорее в дилижанс и правь путь к Средиземному морю. Да не смущают зрения твоего ни Рейн с Кобленцами, Биберихами и Крейценахами, ни да поражает ушей твоих язык, на котором изъясняются враги христианского рода. <...> Золотарев просит тебя сходить на квартиру Козлова[12] (хотя бы он даже и уехал уже) и взять там письмо, которое он, Золотарев, завтра к нему напишет и прочитать его вместо Козлова».

[1] По свидетельству сестры Гоголя Анны, Данилевский был «милый, красивый господин» («...а как красив был Данилевский в молодости...») (см. ***1816. Декабря около 25 (не позднее 31). Васильевка***).

[2] Неточная цитата из «Евгения Онегина» (глава IV, строфа XX).

[3] См. ***1837. Декабря начало <ноября вторая половина>. Рим.***

[4] См. ***1838. Февраля 26 <14>. Понедельник. Рим.***

[5] См. ***1838. Июля 5–6 <июня 23–24>. Четверг-пятница. Рим.***

[6] Семереньки и Толстое — имения Данилевских близ гоголевской Васильевки.

[7] «Египетские ночи» А. С. Пушкина и «Галуб» М. Ю. Лермонтова были помещены, соответственно, в № 4 и 3 «Современника» за 1837 г.

[8] Впервые опубликована, на польском языке, в Париже в 1834 г. Гоголь узнал о поэме А. Мицкевича от И. Кайсевича и П. Семененко (см. ***1838. Марта 17 <5>. Суббота. Рим***).

[9] См. также ***1840. Июля 7 <июня 25>. Вторник. Вена***.

[10] Трактир в Риме.

[11] Кафе Греко в Риме.

[12] В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., замечал: «Козлов, Аполлон Иларионович, был одновременно с Гоголем в Риме; это был брат Николая Иларионовича, впоследствии инспектора Медико-Хирургической или Военно-Медицинской Академии в Петербурге» (Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 519). – См. также ***1838. Октября 28 <16>. Воскресенье. Лион***.

АПРЕЛЯ 13 <25>. СРЕДА. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]. «Гастроль Петерб<ургского> артиста И. И. Сосницкого в роли Городничего»[2].

В. Г. Белинский в заметке «Г-н Сосницкий на Московской сцене в роли Городничего», напечатанной в «Московском Наблюдателе» (1838. Ч. XVI. Март. Кн. 1; выход в свет 4 мая), замечал: «Гете сказал, что <...> он вменял себе в обязанность смотреть на посредственных и дурных актеров, чтобы тем лучше ценить хороших. <...> ...Только 13 апреля постигли мы талант Щепкина во всей его бесконечной силе[3]. <...> ...Г. Самарин[4] дебютировал в роли Хлестакова. <...> Но <...> лицо, манеры и тон г. Самарина слишком умны и благородны для роли Хлестакова... <...> Впрочем <...> публика в положительном выигрыше от того, что г. Самарин сменил г. Ленского... <...> Не говорим о г. Степанове, игравшем роль судьи: его игра чудесна; но скажем, что г. Орлов, в роли Осипа, превзошел самого себя... <...> Вообще “Ревизор” у нас идет хоть куда: есть общность в ходе целой пьесы, а это не шутка. <...> ...Кроме городничего, все играли более или менее хорошо...»

[1] *Гриц.* С. 246; *Ельницкая 1978.* С. 305.

[2] *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1897 гг.> // *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1852.

[3] Ср. ***1838. Апреля 17 <29>. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1838. Апреля 22 <мая 4>. Пятница. Санкт-Петербург***.

[4] Иван Васильевич Самарин (1817–1855), артист Малого театра, исполнитель роли Хлестакова.

АПРЕЛЯ 27–28 <15–16>. ПЯТНИЦА-СУББОТА. РИМ

Гоголь пишет ответное письмо Н. Я. Прокоповичу в Петербург (письмо было отправлено из Рима 1 мая (н. ст.) 1838 г.; об этом свидетельствует почтовый штемпель: «Roma. 1 Mag[1] 1838»[2]):

«Вообрази, что я теперь только получил письмо твое с векселями, говорю – с векселями, потому что в это же самое время получил и от Симона Мейера твой вексель, ибо ему деньги уже давно мною уплачены. <...> ...Письма, вместе с векселями, были присланы к здешнему банкиру Валентини, который теперь только меня известил об этом, хотя, я думаю, они у него лежали очень долго. <...> Извещение твое, что ты должен был прибегнуть к займу для того, чтобы доставить мне эту сумму, меня смутило. <...> ...Теперь <...> пересылаю тебе через Штиглица – 1660 франков... <...> Получил ли ты мою маленькую записочку[3], которую я вложил в письмо к Плетневу... <...> ...Прилагаемое письмо отнеси, пожалуйста, сестрам[4] в институт и возьми от них ответ, который перешли ко мне. Некоторые слова в письме твоем меня смутили. Ты пишешь, что ты так занят своей должностью и такое нашел в ней забвение всего, что даже мысль ни о чем другом не тревожит. Нет, из жалости не бросай так равнодушно этих лет. Они не возвратятся и никогда не возвратится с ними та деятельность воображения, которую подымают свежие силы молодости. <...> Зима была

здесь чудная. Я ни один раз не топил в комнате, да и печи нет. Солнце, и дни без облака; но весна принесла и холод и дожди; а Рим без солнца – ослепшая красавица. Был я на днях на академическом собрании по случаю построения города Рима Ромулом[5]... В этом есть что-то чудное. Когда я услышал произнесенный 2581-й год, душа во мне невольно всшелохнулась. Недавно получил письмо от Данилевского из Парижа[6]. <...> Обними всех наших, Пащенка особенно, хотя он на меня и сердится, кажется. Кстати о Пащенке. Только пожалуйста, не говори этого ему. Он в большой чести в Италии. Не говоря уже том, что он лежит здесь на всякой улице и что играет роль во многих повестях, даже в самом Ариосте, но есть, напечатана целая поэма под названием: Г...о. Но ни слова об этом, сделай милость. Поклонись от меня Белоусову[7], ежели увидишь его, скажи ему, что мне очень жаль, что не удалось с ним увидаться в Петербурге. Что делает Жюль[8]? <...> Поклон Марье Никифоровне[9] и поцелуй сына Яна в самый разумный лоб его за то, что произносит мое имя».

Позднее, 13 мая (н. ст.) 1838 г., Гоголь сообщал также А. С. Данилевскому в Париж: «Вообрази, что я получил недавно (месяц назад, нет, три недели) письмо от Проко<по>вича с деньгами, которые я просил у него в Женеве[10]. Письмо это отправилось в Женеву, там пролежало месяца два и оттуда, каким образом, уж, право, не могу дознаться, отправлено было к Валентини, у Валентини оно пролежало тоже месяца два, пока, наконец, известили об этом меня. Прокопович пишет, что он моей библиотеки не продал, потому что никто не хотел купить, но что он занял для меня деньги–1500 руб<лей>, и просит их возвратить ему по возможности скорее. Я этих денег не отсылал, ожидая тебя и думая, не понадобятся ли они тебе, но, наконец, видя, что не едешь и, рассудивши, что Прокопович наш, может быть, и в самом деле стеснен немного, я отправил их к нему чрез Валентини. Это мне стало всё около 20 скуд почти издержки <...> Прокоповича письмо очень, очень коротенькое. Говорит, что он совершенно сжился с своею незаметною и скромною жизнью, что педагогические холодные заботы ему даже как-то нравятся, что даже ему скучно, когда придут праздники, и что он теперь постигнул всё значение слов: Привычка свыше нам дана, замена счастия она[11]. Говорит, что на вопрос твой о том, что делает круг наш, или его, может отвечать только, что он сок умной молодежи, и больше ничего, что новостей совершенно нет никаких, кроме того, что обломался какой-то мост, начали ходить паровозы в Царское Село[12] и Кукольник пьет мертвую. Отчего произошло последнее, я никак не могу догадаться. Я с своей стороны могу допустить только разве то, что Брюлов[13] известный пьяница, а Кукольник, вероятно, желая тверже упрочить свой союз с ним, ему начал подтягивать, и так как он натуры несколько слабой, то, может быть, и чересчур перелил».

[1] Maggio – май (*ит.*) (см. ***1838. Мая 1 <апреля 19>. Вторник. Рим***). Сам Гоголь датировал письмо 15 апреля.

[2] *Шубинский*. С. 39.

[3] См. ***1837. Ноября 30 <18>. Четверг. Рим.***

[4] См. ***1838. Апреля 28 <16>. Суббота. Рим.***

[5] См. ***1838. Апреля 21 <9>. Суббота. Рим.***

[6] См. ***1838. Апреля 22 <10>. Воскресенье. Рим.***

[7] Николай Григорьевич.

[8] Прозвище П. В. Анненкова.

[9] Жена Прокоповича.

[10] См. ***1837. Сентября 19 <7>. Вторник. Женева.***

[11] Неточная цитата из «Евгения Онегина» (глава II, строфа XXXI).

[12] 17 апреля 1838 г. был пущен первый паровоз по царскосельской дороге, открытой для движения с конной тягой в сентябре 1837 г.

[13] К. П. Брюллов.

АПРЕЛЯ 28 <16>. СУББОТА. РИМ

Гоголь пишет ответное письмо сестрам Анне и Елисавете в Петербург (письмо было отправлено из Рима 1 мая (н. ст.) 1838 г.[1]):

«Наконец я получил от вас письмо, мои милые сестрицы. <...> Ответ на это письмо вы дадите Прокоповичу, а следующие письма вы будете отдавать вот каким образом. <...> Первая, которая к вам приедет, будет графиня Комаровская[2]. Она такая добрая и такая хорошенькая собою, с ней вы можете говорить всё, что вам ни вздумается, всё равно, как со мною. Потом будет у вас Аку-

лова[3], тоже очень добрая. Еще будет у вас Корсини[4], такая премиленькая, она вас очень полюбит. Она воспит<ывалась> в Екатеринин<ском> институте[5]. <...> Лиза пишет мне, что она ни разу не говорила с г. Тимченком[6], который приходил на выпуск[7]. Я этого вовсе не хотел. Я писал только, что нехорошо брать гостинцы от незнаком<ого> мужчины, но говорить вы должны, потому что не отвечать и молчать невежливо ни в каком случае. Но с дамами вы должны не только говорить, но расспрашивать, шутить, смеяться и делать всё, что вам ни приходит на ум... <...> Вы их спросите, когда они будут писать в Италию, и, узнавши когда, вы к тому времени приготовьте ваши письма, а они мне их перешлют вместе с своими. Да, кстати, не забудьте поклониться от меня г-м Коростович — ему и ей. Скажите им, что я очень, очень благодарен им за то, что они вас иногда навещают... <...> Мое здоровье немного лучше. Мне помогло хорошее время, которое стояло всю зиму. Вообразите, что здесь зима гораздо и теплее и лучше весны. Здесь никто не топит комнат. Дни были такие солнечные, такие светлые. Ни одного облачка, а свод неба весь синий, синий, как никогда не бывает у нас. Но вы, верно, еще не знаете, что такое Рим, и вы очень ошибаетесь, если подумаете, что он похож сколько-нибудь на Петербург. Это город совсем в другом роде. Петербург самый новый из всех городов, а Рим самый старый. В Петербурге всё убрано, всё чистенько, стены выбелены; а здесь всё напротив, стены домов совсем темные, похожие на Зимний, или на наш Мраморный дворец, а иногда возле нового дома стоит такой, которому тысяча лет. Иногда в стену дома вделана какая-нибудь колонна, которая еще была сделана при Римском императоре Августе, вся почерневшая от времени. Иногда целая площадь вся покрыта развалинами, и все развалины эти покрыты плющом, и на них растут дикие цветы, и всё это делает прекраснейший вид, какой только можете себе вообразить. По всему городу бьют фонтаны, и все они так хороши. Один из них представляет Нептуна, выезжающего на колеснице, и все лошади его мечут на воздух фонтаны, в другом месте тритоны, поднявши вверх раковину, бьют высоко вверх воду[8]. Может, вы не знаете, что ни в каком городе в мире нет столько церквей, как в Риме, и внутри они так украшены, как не бывает ни <в> одном дворце. Колонны из мрамора, из порфира, из редкого голубого камня, которого называют лаписом, слоновая кость, статуи, словом, все великолепно. А что еще больше украшает их, так это картины. Вы, я думаю, слышали имена знаменитых живописцев Рафаэля, Микель-Анджело, Корреджия[9], Тициана и проч. и проч., которых картины теперь стоят миллионы и которых даже нельзя купить. Вообразите, что здесь все эти картины. Кроме церквей, в здешних дворцах, которых тут много и которые принадлежат лучшим римским фамилиям, есть целые картинные галереи, наполненные произведеньями лучших мастеров, так что, хотя несколько лет оставайся в Риме, всегда останется что-нибудь смотреть. Ватикан (где живут папы) есть большой дворец, и в нем бездна комнат и галерей, и все эти галереи наполнены статуями, теми статуями, которые сделаны еще во времена древних греков и римлян знаменитыми скульпторами, которых имена вы, я думаю, читали в истории. Словом, всё то, что вы читаете в книгах, вы видите здесь перед собою. Я не знаю, писал ли я вам что-нибудь о карнавале[10]... <...> Хотя в Италии обыкновенно все иностранцы проводят зиму, но мне лучше нравится в Италии лето. Это правда, что очень жарко, но зато природа в Италии в это время во всем блеске, два-три месяца иногда продолжается, что небо ясное во весь день, и вы проснетесь и видите перед собою небесный свод, чистый, чистый, хоть бы лоскуточек облачка, так что вы позабудете, есть ли на свете облака. В это время города и деревни около Рима чудо как хороши! А если бы вы увидели, как здесь одеваются крестьянки, обитательницы больших деревень и городов! — Чудо, чудо! Иные из них есть совершенные красавицы. <...> Пришлите мне что-нибудь из вашего сочинения. Я не покажу никому. Если не написали, то напишите, у Лизы верно что-нибудь есть».

[1] См. ***1838. Апреля 27–28 <15–16>. Пятница-суббота. Рим***; ***1838. Мая 1 <апреля 19>. Вторник. Рим.***

[2] Вероятно, графиня Мария Павловна Комаровская (рожд. Галаган; 1822–1876), сестра Г. П. Галагана (см. ***1836. Марта 12. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1842. Августа средина <августа начало>. Рим***).

[3] Возможно, Анна Алексеевна Окулова (1794–1861), фрейлина (см. ***1845. Августа 11 <23>. Суббота. Павлино***; ***1849. Мая 18. Среда. Царское Село***).

[4] Мария Антоновна Корсини (рожд. Быстроглазова; 1814–1859), жена академика архитектуры (с 1849 г.) И. Д. Корсини, писательница (литературный дебют состоялся в 1845 г.).

[5] В 1826–1832 гг.

[6] Сосед Гоголей по имению.

[7] Вероятно, имеется в виду выпуск воспитанниц Патриотического института, состоявшийся 4 февраля 1838 г. (*Бардовский А. Ф.* Патриотический Институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813–1913 г. СПб., 1913. С. 67–68)

[8] Гоголь описывает фонтан Треви, работы Н. Сальви, и фонтан Тритона, работы Дж. Л. Бернини, на площади Барберини, возле которой жил Гоголь.

[9] Антонио да Корреджо (около 1489 – 1534), итальянский художник.

[10] См. ***1838. Февраля 26 <14>. Понедельник. Рим.***

АПРЕЛЯ 17 <29>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре[1].

А. И. Храповицкий в этот день записал в дневнике: «Щепкин играл хорошо, но несравненно хуже Сосницкого»[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.

[2] *Гриц.* С. 247. – Ср. ***1838. Апреля 13 <25>. Среда. Москва***; ***1838. Апреля 22 <мая 4>. Пятница. Санкт-Петербург.***

МАРТ – АПРЕЛЯ КОНЕЦ <ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА – АПРЕЛЯ СРЕДИНА>. РИМ

Гоголь через княгиню З. А. Волконскую знакомится с итальянским поэтом Дж. Белли.

См. ***1838. Апреля конец <апреля средина>. Рим.*** – Джузеппе Джоакино Белли (1791–1863), итальянский поэт, известный своими многочисленными сонетами, написанными на римском наречии.

АПРЕЛЯ КОНЕЦ <АПРЕЛЯ СРЕДИНА>. РИМ

Гоголь пишет ответное письмо М. П. Балабиной в Петербург:

«Рим, м<еся>ц апрель, год 2588-й от основания города[1].

Я получил сегодня ваше милое письмо[2], писанное вами от 29 генваря по медвежьему стилю, от 10 февраля по здешнему счету. Оно так искренно, так показалось мне полно чувства, и в нем так отразилась душа ваша, что я решился идти сегодня в одну из церквей римских, тех прекрасных церквей, которые вы знаете, где дышит священный сумрак и где солнце, с вышины овального купола, как святой дух, как вдохновение, посещает середину их, где две-три молящиеся на коленях фигуры не только не отвлекают, но, кажется, дают еще крылья молитве и размышлению. Я решился там помолиться за вас (ибо в одном только Риме молятся, в других местах показывают только вид, что молятся), я решился помолиться там за вас. <...> Всю зиму <...> я, к величайшему счастию, не видал форестьеров; но теперь их наехала вдруг куча к Пасхе[3], и между ними целая ватага русских. Что за несносный народ! Приехал и сердится, что в Риме нечистые улицы, нет никаких совершенно развлечений, много монахов, и повторяет вытверженные еще в прошлом столетии из календарей и старых альманахов фразы, что италианцы подлецы, обманщики и проч. и проч., а как несет от них казармами, – так просто мочи нет[4]. Впрочем, они наказаны за глупость своей души уже тем, что не в силах наслаждаться, влюбляться чувствами и мыслию в прекрасное и высокое, не в силах узнать Италию. Есть еще класс людей, которые за фразами не лезут в карман и говорят: как это величаво, как хорошо! Словом, [притворяю<тся>] превращаются очень легко в восклицательный знак! и выдают себя за людей с душою. Их не терпит тоже моя душа, и я скорее готов простить, кто надевает

на себя маску набожности, лицемерия, услужливости для достижения какой-нибудь своей цели, нежели кто надевает на себя маску вдохновения и поддельных поэтических чувств. Знаете, что я вам скажу теперь о римском народе? Я теперь занят желанием узнать его во глубине, весь его характер, слежу его во всем, читаю все народные произведения, где только он отразился, и скажу, что, может быть, это первый народ в мире, который одарен до такой степени эстетическим чувством, невольным чувством понимать то, что понимается только пылкою природою, на которую холодный, расчетливый, меркантильный европейский ум не набросил своей узды. Как показались мне гадки немцы после италианцев, немцы, со всею их мелкою честностью и эгоизмом! Но об этом я вам, кажется, уже писал. Я думаю, уже вы сами слышали очень многие черты остроумия римского народа, того остроумия, которым иногда славились древние римляне, а еще более — аттический вкус греков. Ни одного происшествия здесь не случится без того, чтоб не вышла какая-нибудь острота и эпиграмма в народе. Во время торжества и праздника по случаю избрания кардиналов, когда город был иллюминован три дни, да, кстати здесь сказать, что наш приятель Меццофанти[5] сделан тоже кардиналом и ходит в красных чулочках, во время этого праздника было почти всё дурное время. <...> Знакомы ли были вы с транстеверянами, то есть жителями по ту сторону Тибра, которые так горды своим чистым римским происхождением. Они одни себя считают настоящими римлянами. Никогда еще транстеверянин не женился на иностранке (а иностранкой называется всякая, кто только не в городе их), и никогда транстеверянка не выходила замуж за иностранца[6]. Случалось ли вам слышать язык их и читали ли вы знаменитую их поэму Il meo Patacca[7], для которой рисунки делал Pinelli[8]? Но вам, верно, не случалось читать сонетов нынешнего римского поэта Belli[9], которые, впрочем, нужно слышать, когда он сам читает. В них, в этих сонетах, столько соли и столько остроты, совершенно неожиданной, и так верно отражается в них жизнь нынешних транстеверян, что вы будете смеяться... <...> Они писаны in Lingua romanesca[10], они не напечатаны, но я вам их после пришлю. Кстати, мы начали говорить о литературе. Нам известна только одна эпическая литература италианцев, т. е. литература умершего времени, литература XV, XVI веков. Но нужно знать, что в прошедшем XVIII и даже в конце семнадцат<ого> века у италианцев обнаружилась сильная наклонность к сатире, веселости. И если хотите изучить дух нынешних италианцев, то нужно их изучать в их поэмах герои-комических. Вообразите, что собрание Autori burleschi italiani[11] состоит из 40 толстых томов. Во многих из них блещет такой юмор, такой оригинальный юмор, что дивишься, почему никто не говорит о них. Впрочем, нужно сказать и то, что одни италианские типографии могут печатать их. Во многих из них есть несколько нескромных выражений, которые не всякому можно позволить читать. <...> Но вы знаете, почему он прекрасен. Где вы встретите эту божественную, эту райскую пустыню посреди города? Какая весна! Боже, какая весна! Но вы знаете, что такое молодая, свежая весна среди дряхлых развалин, зацветших плющом и дикими цветами. Как хороши теперь синие клочки неба промеж дерев, едва покрывшихся свежей, почти желтой зеленью, и даже темные, как воронье крыло, кипарисы, а еще далее — голубые, матовые, как бирюза, горы Фраскати и Албанские, и Тиволи. Что за воздух! Кажется, как потянешь носом, то по крайней мере 700 ангелов влетают в носовые ноздри. Удивительная весна! Гляжу, не нагляжусь. Розы усыпали теперь весь Рим; но обонянию моему еще слаще от цветов, которые теперь зацвели и которых имя я, право, в эту минуту позабыл. Их нет у нас. Верите, что часто приходит неистовое желание превратиться в один нос, чтобы не было ничего больше — ни глаз, ни рук, ни ног, кроме одного только большущего носа, у которого бы ноздри были величиною в добрые ведра, чтобы можно было втянуть в себя как можно побольше благовония и весны. Но я чуть было не позабыл, что пора уже мне отвечать на сделанные вами вопросы и поручения. Первый — поклониться первому аббату, которого я встречу на улице, — я исполнил, и вообразите, какая история! Но вам нужно ее рассказать. Выхожу я из дому (Strada Felice, № 126); иду я дорогою к Monte Pincio я у церкви Trinita[12] готов спуститься лестницею вниз — вижу, поднимается на лестницу аббат. Я, припомнивши ваше поручение, снял шляпу и сделал ему очень вежливый поклон. Аббат, как казалось, был тронут моею вежливостью и поклонился еще вежливее. Его черты мне показались приятными и исполненны<ми> чего-то благородного, так что я невольно остановился и посмотрел на него. Смотрю — аббат подходит ко мне и спрашивает меня очень учтиво, не имеет ли он меня чести знать и что он имеет несчастную память позабывать. Тут я не утерпел, чтоб не засмеяться, и расска-

зал ему, что одна особа, проведшая лучшие дни своей жизни в Риме, так привержена к нему в мыслях, что просила меня поклониться всему тому, что более всего говорит о Риме, и, между прочим, первому аббату, который мне попадется, не разбирая, каков бы он ни был, лишь бы только был в чулочках, очень хорошо натянутых на ноги, и что я рад, что этот поклон достался ему. Мы оба посмеялись и сказали в одно время, что наше знакомство началось так странно, что стоит его продолжать. Я спросил его имя, и — вообразите — он поэт, пишет очень недурные стихи, очень умен, и мы с ним теперь подружили. Итак, позвольте мне поблагодарить вас за это приятное знакомство. С аббатом Lanci[13] я не имел чести встретиться, а то бы, верно, и ему отдал поклон. На вопрос ваш: здорова ли Мейерова блуза пыльного цвета? — имею честь ответствовать, что здорова. Я ее еще недавно видел верхом на своем господине, а господин был верхом на лошади, и таким образом пронеслись все трое вихрем по Monte Pincio. Соломенная шляпа, вероятно, тоже здорова. На вопрос же ваш: боготворит ли он статуи? — имею честь доложить, что он, кажется, предпочитает им живые творения; по крайней мере он побольше попадается с дам<ам>и в шляпках и лентах, нежели с статуями, у которых нет ни шляпок, ни лент, а одна только запыленная драпировка, накинутая как ни попало. Впрочем, Мейер теперь в моде, и княжна Варв<ара> Николаевна[14], которая подтрунивала над ним, первая говорит теперь, что Мейер совершенно не тот, как узнать его покороче, что в нем очень много хорошего. Кустод[15] Колисея тоже здоров и англичан целыми вязанками тащит на лестницы Колисея. Каждую ночь почти иллюминация. О свинках вам ничего не могу сказать, потому что до сих пор еще не видал ни одной, но козлов множество. Кажется, все римские деревни решились просветить их и отправили страшные толпы. Народ очень умный, но лежат совершенно без всякого дела, и сомневаюсь, чтобы они могли что-нибудь рассказать, пришедши домой, о римских памятниках, а тем более о живописи. Вы спрашиваете еще, правда ли, что Каневский едет в Петербург. Это очень может случиться, и нет ничего удивительного; страннее, если бы он остался в Италии: для этого нужно иметь душу художника. Каневский может нарисовать хорошо портрет Кривцова[16], но до художника ему далеко, как до небесной звезды. У аглицких скульпторов побываю непременно, и очень вам благодарен за это поручение: без вас бы мне это не пришло в голову. Трагедию Николини: "Антонио Фоскарини"[17] купил и завтра принимаюсь читать. Что касается до madamigelle[18] Conti[19], о которой вы интересуетесь, то она не ходит в церковь Петра, ибо madama Conte, узнавши, что она много глядит на форестьеров, схватила ее в охапку и увезла в деревню Сабины, в 12 или около милях от Рима. Вот вам и всё. Кажется, ничего не пропустил. Жаль мне, и я зол до нельзя на головную боль, которая продолжает вас мучить. Нет, вам нужно подальше из Петербурга. Этот климат живет заодно с этой болезнию; оба они мошенничают вместе. Пишите ко мне обо всем, что у вас ни есть на душе и на мыслях. Помните, что я ваш старый друг и что я молюсь за вас здесь, где молитва на своем месте, то есть в храме. Молитва же в Париже, Лондоне и Петербурге всё равно, что молитва на рынке. <...> Очень жалею, что я не получил ваших писем, писанных вами в Веве. Получили ли вы два письма мои, одно к вашей маминьке[20], другое к вам[21], которые я послал чрез Кривцова? Кланяйтесь всем: Петру Ивановичу, Варв<аре> Осип<овне>, братцам»[22].

[1] Ср. ***1838. Апреля 21 <9>. Суббота. Рим***; ***1838. Апреля 27–28 <15–16>. Пятница-суббота. Рим***; ***1838. Мая 13 <1>. Воскресенье. Рим. Вилла княгини З. А. Волконской.***

[2] См. ***1838. Февраля 10 <января 29>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1838. Апреля 15 <3>. Светлое Христово Воскресение. Православный и католический праздники Пасхи. Рим.***

[4] При первой публикации письма строки: «...и между ними целая ватага русских... <...> а как несет от них казармами, — так просто мочи нет», — были исключены П. А. Кулишом, видимо, по цензурным соображениям (*Кулиш 1856*. Т. 1. С. 200). Вероятно, сделав эти купюры, Кулиш предполагал в них некий «оппозиционный», политический смысл. Между тем именно сделанными купюрами Кулиш и спровоцировал подобное прочтение, ибо само содержание письма не дает оснований для подобных выводов. Характерно, что даже западник П. В. Анненков — знакомый К. Маркса и приятель В. Г. Белинского («нравственный участник», по его собственному признанию, создания зальцбруннского письма к Гоголю 1847 г.; см. ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим*** – примечания) — ничего «политического» в гоголевском возмущении скукой, которую испытывали в Риме «заезжие наши туристы, офицеры, советники», не усматривал. «...Всякий заехавший в Рим, — писал мемуарист в 1841 г. (во время пребывания в Риме с Гоголем), — совершенно отделяется от современности, забывает газеты, Европу, открытия и предается воспоминаниям истории и искусства: другого нет

разговора, как статуя, картина, новая находка в этой земле, до сих пор еще наполненная шедеврами древних... Но как же тихо бывает здесь заезжим нашим туристам, офицерам, советникам, поехавшим прогуляться немного, и проч.! После великого восхождения на купол Петра да осмотра Ватиканских зал, бесконечных, как мне удалось слышать, да посещения ночью, с двумя факелами, Колизея, — хоть удавиться от скуки... А я между тем жил рядом, стена об стену с Гоголем и сообществе трех или четырех русских художников...» (см. ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим*** — примечания). «Нельзя теперь почти и представить себе, — добавлял тот же Анненков много лет спустя, — ту степень тишины и немоты, которые знаменитый канцлер Австрии <князь К. В. Меттерних> успел водворить <...> на всем пространстве от Богемских вод до Байского залива и далее. <...> Гоголь, Иванов, Иордан и много других жили полно и хорошо в этой обстановке, осуществляя собою, еще задолго до Карлейля, некоторые черты из его идеала мудрого человека, благоговейно поклоняясь гениям искусства и литературы, сберегая про себя святыню души, отдаваясь всем своим существом избранному делу и не болтая зря со всеми и обо всем, по последнему журналу. <...> ...Рим <...> превратился в город археологов, нумизматов, историков от мала до велика. <...> Я видел наших отдыхающих откупщиков, старинных степенных помещиков, офицеров от Дюссо <содержатель ресторана в Петербурге>, зараженных археологией, толкующих о памятниках, камеях, Рафаэлях, перемешивающих свои вздохи возгласами об удивительно глубоком небе Италии и о скуке, которая под ним безгранично царствует, что много заставляло смеяться Гоголя и Иванова: по вечерам они часто рассказывали курьезные анекдоты из своей многолетней практики с русскими туристами» (*Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 509–510). Таким образом, даже Анненкову ничего «революционного» в насмешках Гоголя и Иванова над римской скукой мнимых «археологов» и «нумизматов» не увиделось. Напротив, упомянутые «туристы», в поисках развлечений, выглядели по отношению к консервативной — вполне устраивавшей Гоголя и Иванова — атмосфере Рима некими «революционерами». — Несомненно, скучно было, вместе с «офицерами от Дюссо», и либералу Анненкову — и только благодаря Гоголю и Иванову ему удавалось побороть свою скуку. «Бывало, едешь по этому великолепно обставленному пустырю, как по улице гробниц в Помпее...» — признавался мемуарист (Там же. С. 509).

Гоголевское противопоставление Рима как средоточия консервативной, религиозной Европы торгово-промышленному европейскому северу (средоточию секуляризованной цивилизации и «прогресса») разделяли далеко не все современники Гоголя. Порой неприятие взглядов писателя приобретало даже комические черты. Один из недоброжелателей Гоголя, писатель по военным вопросам генерал-майор Н. Б. Герсеванов, побывавший в 1846 г. в Риме (вероятно, подобных ему «туристов» и имели в виду Гоголь и Анненков, говоря о скучающих в Риме русских офицерах), писал о своих римских впечатлениях: «Нельзя не согласиться, что вечный город представляет необыкновенную прелесть для некоторого класса людей; зато он не нравится всем другим. Любителю старины, артисту, здесь обширное поле для действий; антикварий, архитектор, живописец могут прожить здесь несколько лет, изучая любимый предмет, и остаться даже на всю жизнь; ипохондрику, охотнику до развалин есть где бродить и мечтать. Но всякому другому здесь жить неприятно; рассматривание бессмертных произведений искусства не вознаградит его за неудобства всякого рода, встречаемые на каждом шагу, и, осмотрев все замечательное, путешественник с нетерпением считает дни и часы, чтоб скорее выехать из Рима» (*Герсеванов Н. Б.* Рим. (Из путевых впечатлений туриста) // Отечественные Записки. 1846. № 4. Отд. 8. С. 98). Позднее, в 1861 г., Герсеванов писал о пребывании Гоголя за границей: «Почему же, спросят читатели, не поселился он в Германии?.. Гоголю, по его грязной натуре, опрятная, честная Германия не могла нравиться, и в письмах своих он постоянно говорит о ней с отвращением... Зато грязный, наполненный нищими и развалинами Рим встретил его полное сочувствие» (*Герсеванев Н.* Гоголь пред судом обличительной литературы. Одесса, 1861. С. 82). Ср. также суждение художника Ф. И. Иордана: «По приезде в Рим, несмотря на его грязь и стертые стены домов, вы немедленно с ним дружитесь. Все в нем грязно, но великолепно!» (Записки ректора и профессора Академии Художеств *Федора Ивановича Иордан<а>*. М., 1918. С. 149). (Об отношении Гоголя к Риму см.: *Виноградов И. А.* Москва и Рим в творчестве Гоголя // Москва в русской и мировой литературе. М., 2000. С. 117–155.)

Добавим, что искажения и купюры, сделанные Кулишом в тексте гоголевских писем из цензурных соображений, спровоцировали — при публикации еще одного письма Гоголя (от 28 октября (н. ст.) 1838 г. к А. С. Данилевскому) — другое серьезное (но столь же безосновательное) подозрение Гоголя в «вольнодумстве» — на этот раз в «вольнодумстве» религиозном (см. ***1838. Октября 28 <16>. Воскресенье. Лион*** — примечания).

[5] Джузеппе Меццофанти (1774–1849), кардинал, полиглот, профессор Болонского университета. — См. также ***1841. Апреля 28 <16>. Среда. Рим.***

[6] В повести «Рим» Гоголь также писал: «Князь принимался <...> расспрашивать <...>, кто была такая чудная красавица и откуда. Но везде получал в ответ <...> слова: "Не знаю, должно быть, иностранка". — Римляне всех, кто не живет в Риме, называют иностранцами (forestieri), хотя бы они обитали только в десяти милях от города». Предположение о том, что встреченная юным князем незнакомка является «иностранкой», явно тревожит героя — принадлежащего, как замечает автор, к одной из древнейших римских фамилий и вполне разделяющего ту «гордость римским именем, вследствие которой часть города, считая себя потомками древних квиритов, никогда не вступала в брачные союзы с другими». Князь про себя повторяет: «Она римлянка. Такая

женщина могла только родиться в Риме». С замыслом «Рима» перекликается содержание жанровой акварели А. А. Иванова «Жених, выбирающий кольцо для невесты» (конец 1838 г.). (Авторское повторение этой акварели принадлежало Гоголю и было подарено им в 1844 г. А. О. Смирновой; см. ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***) На акварели изображен трастеверянин, его невеста-альбанка (из Альбано – города в 30 км от Рима) и ее матушка. Очевидно, что женитьба трастеверянина на альбанке – живущей еще далее «десяти миль от города» – представляет собой его грехопадение. Завершение этого сюжета можно увидеть у того же Иванова в созданных им одновременно с «Женихом...» жанровых рисунках «Пристань на Ripetta с угловой Мадонной и поющей перед нею Ave Maria толпой» – с образами кающегося мужчины на коленях и женщины с младенцем. Здесь вновь обнаруживаются переклички с гоголевским «Римом». Молодой римский князь у Гоголя дважды встречает здесь свою красавицу-альбанку: первый раз на карнавале – во время «удивительно счастливое» для любовных «интриг» (по замечанию Гоголя в письме к А. С. Данилевскому от 2 февраля (н. ст.) 1838 г.); второй раз – по завершении карнавала, за «полтора часа <...> до Ave Maria», то есть до начала богослужения, до начала покаяния. – Время совпадающего с русской масленицей карнавала – разгар всеобщего «танца» – это, в свою очередь, не праздник, а неделя, являющаяся, согласно установлениям Церкви, преддверием Великого Поста, началом подвигов воздержания. «Наступающие дни масленицы, – пишет преподобный Феодор Студит (759–826), – обыкновенно считаются у людей какими-то праздничными, по причине бывающих тут пиров и гуляний, не разумея, что дни сии чрез воздержание от мясоястия возвещают об общем воздержании, а не о пресыщении и пьянстве» (Добротолюбие. М., 1901. Т. 4. С. 505). Именно в это время римский князь встречает свою красавицу, – причем, по замыслу Гоголя, это не является для него случайностью, поскольку герой, подобно многим другим веселящимся обитателям Рима, не следует установлениям Церкви (в письме к М. П. Балабиной от апреля 1838 г. Гоголь даже упоминает о прямом запрещении папой Григорием XVI карнавала в Риме в 1837 г.; см. ***1838. Февраля 26 <14>. Понедельник. Рим*** – примечания). Герой, напротив, «наслаждается» лицезрением римских «соблазнительных граций» «во время церемоний и празднеств» – т. е. во время религиозных праздников и богослужений.

Развитая Гоголем (в «Риме») и Ивановым (в цикле жанровых акварелей) тема имела для них особый смысл. Отношения и браки с итальянками заключали в Риме многие из их русских друзей-художников (в частности, скульптор Н. С. Пименов; см. ***1843. Февраля 3 <января 22>. Пятница. Рим*** – примечания; ***1845. Февраля 12 <января 31>. Среда. Рим***; ***1845. Мая 1 <апреля 19>. Четверг Светлой седмицы. Рим***). Примечательна судьба уважаемого Ивановым О. А. Кипренского, незадолго до смерти перешедшего в католичество, чтобы жениться на своей натурщице Мариучче Фалькуччи. Прославленной красавицей из Альбано Витторией Кальдони (ставшей прототипом гоголевской красавицы-«пантеры» Аннунциаты) увлекался сам Иванов. На Виттории женился друг Иванова, художник Г. И. Лапченко. Сам же Иванов советовал в конце 1830-х гг. Лапченко отказаться от мысли о женитьбе и «не жертвовать собой». «Ее оставление Италии и дома родительского, невежественное насильство матери, которую непременно ты должен будешь принять в сердце твое вместе с супругой, может быть, и другие недостатки, коих влюбленный глаз не видит, суть также весьма не благоприятны твоему счастию» (*Виноградов 2001.* С. 87). Более драматическими были отношения между художником Ф. А. фон Моллером, общим приятелем Гоголя и Иванова, и его возлюбленной Амалией Лаваньини (см. ***1842. Апреля конец <апреля средина>. Рим***). См. также письмо к В. А. Панову лета 1841 г. (об «итальянской любовнице» последнего, Джулии; см. ***1841. Июня средина <июня начало>. Рим***). Все это в целом отзывается в сюжете гоголевской «Женитьбы», законченной в 1842 г., – само действие которой (сватовство) разворачивается... в пост. «Вот опять пропустил мясоед», – замечает герой в начале пьесы.

[7] Меа Патакка, одна из масок XVIII–XIX вв. (*ит.*).

[8] Бартоломео Пинелли (1781–1835), итальянский художник и скульптор.

[9] См. ***1838. Март – апреля конец <февраля средина – апреля средина>. Рим.***

[10] На римском наречии (*ит.*).

[11] Итальянские авторы, писавшие в жанре бурлеск (*ит.*).

[12] Троица (*ит.*).

[13] См. ***1837. Марта 26 <14> – июня вторая половина, не позднее 25 <июня первая половина, не позднее 13>. Рим.***

[14] Репнина-Волконская.

[15] Кустод (custode; *ит.*) – сторож.

[16] П. И. Кривцов.

[17] Пьеса Дж. Никколини (1782–1861) «Antonio Foscarini» (1827; русский перевод – 1882).

[18] Барышня (*ит.*)

[19] Семейство Конти жило в палаццо Поли у фонтана Треви, где зимой арендовала себе жилье княгиня З. А. Волконская. Здесь же жил итальянский поэт Дж. Белли, женатый на одной из сестер Конти (вдове графа Пикки), с которым Гоголь познакомился через княгиню Волконскую (см.: *Бочаров И., Глушакова Ю.* Там, где родился образ птицы-тройки // Встречи с историей. М., 1987. С. 90–91). – См. также ***1838. Ноября 19 <7>. Понедельник. Рим.***

[20] Письмо не сохранилось.
[21] См. ***1838. Марта 15 <3>. Четверг. Рим.***
[22] Родителям Балабиной и ее братьям Ивану, Виктору и Евгению Петровичам.

МАЯ 1 <АПРЕЛЯ 19>. ВТОРНИК. РИМ

Гоголь отправляет письма в Петербург к Н. Я. Прокоповичу[1], к сестрам Анне и Елисавете[2] и, вероятно, к М. П. Балабиной[3].

[1] См. ***1838. Апреля 27–28 <15–16>. Пятница-суббота. Рим.***
[2] См. ***1838. Апреля 28 <16>. Суббота. Рим.***
[3] См. ***1838. Апреля конец <апреля средина>. Рим***; ***1838. Июня начало <июня средина>. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 22 <МАЯ 4>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре[1].
В тот же день Г. С. Аксаков сообщал родным в Москву:

«Нынче <...> давали “Ревизора”, и городничего играл Щепкин[2]. “Ревизора” я ни разу прежде этого не видал на сцене, и мне очень приятно было его видеть; и странно было вдруг увидать Щепкина между петербургскими актерами. Щепкин играл превосходно; многие говорят, что лучше Сосницкого[3]. Петербург его славно принимает. В “Ревизоре” вызвали два раза. Я хлопал и кричал как нельзя больше»[4].

[1] *Гриц.* С. 248; *Ельницкая 1978.* С. 305.
[2] Гастроли М. С. Щепкина в Петербурге проходили в апреле-мае 1838 г.
[3] Ср. ***1838. Апреля 13 <25>. Среда. Москва***; ***1838. Апреля 17 <29>. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1839. Ноября 26. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1840. Апреля 23. Вторник. Радоница. 7 часов вечера. Москва.***
[4] Гоголь в письмах Г. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 903.

МАЯ 6 <АПРЕЛЯ 24>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Гоголь собирался в Тиволи, однако поездка не состоялась.

См. ***1838. Мая 13 <1>. Воскресенье. Рим. Вилла княгини З. А. Волконской.***

МАЯ 12 <АПРЕЛЯ 30>. СУББОТА. РИМ

Гоголь получил письмо от А. С. Данилевского из Парижа[1].
В тот же день И. Кайсевич и П. Семененко сообщали Б. Яньскому:

«С Божьего соизволения, мы с Гоголем очень хорошо столковались. Удивительно: он признал, что Россия (Moskwa) – это розга, которою отец наказывает ребенка, чтоб потом ее сломать. И много-много других очень утешительных речей. Благодарите и молитесь; и княгиня Волконская начинает видеть иначе»[2].

[1] См. ***1838. Мая 13 <1>. Воскресенье. Рим. Вилла княгини З. А. Волконской.***

[2] Historya Zgromadzenia Zmartwychwstania Panskiego <История Общества Воскресения Господня>. Podlug zrodel rekopismennuch napisal K<siądz> Pawel Smolikowski C. R. W Krakowie, 1893. T. 2. S. 127 (на польск. яз.); см. также: Гоголь в письмах и дневниковых записях И. Кайсевича и П. Семененко // *Свод.* Т. 2. С. 23.

МАЯ 12 <АПРЕЛЯ 30>. СУББОТА. ПРАГА

О. М. Бодянский сообщает М. П. Погодину в Москву:

«Грановский говорит, что, будучи в Берлине, он слыхал от кого-то, что Гоголь живет теперь в Риме, бросил лечиться от уверенности, что он непременно должен умереть в конце нынешнего года. Он растолстел, ничем решительно не занимается, проводя все время в обществе наших художников и играя с ними не то в карты, не то в биллиард. Ведь он был в Испании[1]? Что за ужасная судьба преследует лучшие наши головы!»

Из писем О. М. Бодянского к М. П. Погодину // *Свод.* Т. 3. С. 221.

[1] См. ***1837. Июня 28 — июля не позднее 15 <июня 16 — июля не позднее 3>. Турин, Марсель, Барселона, Мадрид, Лиссабон, Турин, Баден-Баден.***

МАЯ 13 <1>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ. ВИЛЛА КНЯГИНИ З. А. ВОЛКОНСКОЙ

Гоголь пишет ответное письмо А. С. Данилевскому в Париж:

«Рим. 2588-й год от основания города, 13 мая.

Я получил письмо твое вчера. <...> Мысль твоя об жене и свекловичном сахаре меня поразила. <...> ...Но с другой стороны я никак не мог согласить встречу твою с гризеткою и приглашение ее на ночь того же самого дня. <...> Ну что, если она тебе подсунет <...>! Тогда и женитьба и сахарный завод очень пострадают. <...> Я пишу к тебе письмо, сидя в гроте на вилле у кн<ягини> З. Волконской... <...> Белая шляпа уже давно носится на голове моей... <...> Прошлое воскресение[1] ей хотелось очень немного порисоваться на моих <...> плечах, по случаю предположенной было поездки в Тиволи; но эта поездка не состоялась. Завтра же, если погода (а она теперь уже постоянно прекрасна), то блуза в дело, ибо питтория вся отправляется, и ослы уже издали весело помавают мне. <...> Отправляюсь помолиться за тебя в одну из этих темных, дышащих свежестью и молитвою церквей. <...> Золотареву я заплатил не двести франков, как ты писал, а только 150, потому что он сказал мне, что вы как-то с ним сделались в остальной сумме. Ты, пожалуйста, теперь не затрудняйся высылать мне твоего долга, потому что тебе деньги, я знаю, будут нужны слишком на путь твой, но в конце года или даже в начале будущего, когда ты приедешь в Петербург. <...> На днях я получил письмо от Смирнова[2]. Он упоминает, между прочим, об обеде[3], данном Крылову по случаю его пятидесятилетней литературной жизни[4]. <...> По случаю этого празднества были написаны и читаны на нем же стихи, — одни, Бенедиктова[5], незамечательны, другие, кн<язя> Вяземского, очень милы и очень умны и остроумны. Они были петы. Музыку написал Вельегурский[6]. <...>

Ну, что еще тебе сказать? Только и хочется говорить о небе да о Риме. <...> Что делают русские питторы[7], ты знаешь сам. К 12 и 2 часам к Лепре, потом кафе Грек, потом на Монте Пинчио, потом к Bon gout, потом опять к Лепре, потом на биллиард. Зимою заводились было русские чаи и карты, но, к счастию, то и другое прекратилось. Здесь чай — что-то страшное, что-то похожее на привидение, приходящее пугать нас. И притом мне было грустно это подобие вечеров, потому что оно напоминало наши вечера и других людей, и другие разговоры. Иногда бывает дико и странно, когда очнешься и вглядишься, кто тебя окружает. Художники наши, особливо приезжающие вновь, что-то такое... Какое несносное теперь у нас воспитание! Дерзать и судить обо всем, это сделалось девизом всех средственно воспитанных у нас теперь людей, а таких людей теперь множество. А судить и рядить о литературе считается чем-то необходимым и патентом на образованного человека. Ты можешь судить, каковы суждения литературных людей, окончивших свое воспитание в Академии

художеств и слушавших Плаксина[8]. – Дурнов мне надоел страшным образом тем, что ругает совершенно наповал всё, что ни находится в Риме. Но довольно взглянуть на небо и на Рим, чтобы позабыть всё это. Но что ты пишешь мне мало о Париже? Хоть напиши по крайней мере, какие халаты теперь выставлены в Passage Colbert[9] или в Орлеанской галерее, и здоров ли тот dindeaux[10] в 400 <*нрзб*>, который некогда нас совершенно оболванил в Rue Vivienne. Если, на случай, кто из русских или не-русских будет ехать в Рим, перешли мне вместе с Тадеушем Мицкевича[11] коробочку с pilules stomachiques[12], которую возьми в аптеке Кольберта, и вместе с нею возьми еще другую, под названием pilules indien-nes»[13].

Едва отправив письмо другу, Гоголь в тот же день, на почте, получает письмо от своей матери из Васильевки с известием о смерти матери Данилевского Т. И. Черныш.

Спустя два дня, 16 мая (н. ст.) 1836 г.[14], он сообщал Данилевскому: «...Не успел я бросить в окошко письмо, которое долженствовало лететь к тебе в Париж, как из другого окошка, в Poste restante подали мне другое из дому. Печальная новость была заключена в первых строках. Итак, добрая мать твоя не существует!»

[1] См. ***1838. Мая 6 <апреля 24>. Воскресенье. Рим.***

[2] Н. М. Смирнов.

[3] Происходил 2 февраля 1838 г.

[4] См. также ***1843. Июня 21 <9>. Среда. Эмс.***

[5] «На пятидесятилетний юбилей Крылова» В. Г. Бенедиктова.

[6] Граф Мих. Ю. Виельгорский. – Далее в письме следуют стихи Вяземского «На радость полувековую...»

[7] Художники.

[8] Василий Тимофеевич Плаксин (1796–1869), преподаватель русской словесности в петербургских учебных заведениях. Был начальником Н. Я. Прокоповича в 1-м кадетском корпусе (см. ***1836. Сентября 27 <15>. Вторник. Ферней, Женева*** – примечания). В 1844 г. Плаксин, представлял своим слушателям Гоголя (по воспоминаниям художника К. А. Трутовского) «как полную бездарность» и называл его произведения «бессмысленно-грубыми и грязными» (см. ***1844. Осень. Санкт-Петербург***). – См. также ***1842. Октября 21 <ноября 2>. Среда. Санкт-Петербург.*** – В то же время Плаксин высоко оценивал «Тараса Бульбу», в связи с характеристикой творчества Гоголя в целом: «...Красоты его произведений принадлежат не искусству, а природе, и характер их совершенно зависит от тех предметов, которые он изображает... <...> Потому-то в *Тарасе Бульбе* он изумительно высок... <...> в *Чичикове, Собакевиче, Плюшкине, Ноздреве* и других подобных, оскорбительно верен *кличкам* этих *героев*» (*Плаксин В.* Руководство к изучению истории русской литературы. 2-е изд. СПб., 1846. С. 421). В рецензии на книгу Плаксина В. Н. Майков назвал эту характеристику гоголевского творчества «неумышленным панегириком» (Отечественные Записки. 1846. Т. 46. № 6. <Отд. 3>. С. 67). Спустя двенадцать лет сам Плаксин отчасти пересмотрел свои взгляды на творчество Гоголя; высокая оценка «Тараса Бульбы» осталась при этом неизменной (см.: *Плаксин В. Т.* Голос за прошедшее // Сборник литературных статей, посвященный русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя А. Ф. Смирдина. СПб., 1858. Т. 1. С. 301-303).

[9] Пассаж в Париже.

[10] Dindeaux (dindon) – индюк (*фр.*).

[11] См. также ***1838. Марта 17 <5>. Суббота. Рим; 1838. Апреля 23 <11>. Понедельник. Рим.***

[12] Pilules stomachiques (stomatiques) – желудочные пилюли (*фр.*).

[13] Pilules indiennes – индейские пилюли (*фр.*).

[14] См. ***1838. Мая 16 <4>. Среда. Рим.***

МАЯ 16 <4>. СРЕДА. РИМ

Гоголь в письме к матери в Васильевку сообщает, что после недавно полученного от нее письма, он только что[1] получил ее извещение (отправленное ею на следующий день после отправления первого письма[2]) о смерти матери

А. С. Данилевского Т. И. Черныш[3]: «...Жаль, что мой добрый Данилевский не со мною...» Пишет о христианском отношении к кончине близких. Просит подробнее описать болезнь сестры Ольги, чтобы посоветоваться «с лучшими здешними докторами». Сообщает о недавнем получении письма сестер Анны и Елисаветы из Петербурга:

«Они уже не надоедают, как дети, просьбами о приезде к их именинам и проч. <...> Я писал нарочно к некоторым моим знакомым образованным и милым дамам посещать их в институте».

В заключение говорит о том, что княгиня З. А. Волконская, к которой он «всегда питал дружбу и уважение и которая услаждала» время его пребывания в Риме, уехала, и теперь у него в городе «немного таких знакомых, с которыми любила беседовать» его душа. По поводу вопроса матери о Репниных-Волконских отвечает, что «они всегда почти живут или в Неаполе, или во Флоренции, а не в Риме». Избегая летней жары (и обычной для римского лета холеры), собирается «на месяц уехать в одну из прелестных деревень около Рима».

В тот же день, 16 мая (н. ст.) 1838 г., Гоголь отправляет письмо А. С. Данилевскому в Париж с выражением соболезнования к его горю:

«Ты для меня роднее родного брата, это ты знаешь сам. <...> Татьяна Ивановна умерла в Семереньках, и вот почему нет никаких подробностей об этом у нас. Итак, тебе нужно поскорее осведомиться о ее распоряжениях последних...»

Сообщает Данилевскому, что посылает письмо с «своим добрым приятелем», воспитанником княгини Волконской Владимиром Паве[4], с которым просит передать заказанные ранее Данилевскому в Париже вещи[5]: «...Он мне их привезет в самый Рим». К необходимым вещам Гоголь добавляет парик, так как, для лучших «испарений» головы, собирается сбрить волосы:

«Тупеет мое вдохновение, голова часто покрыта тяжелым облаком, который я должен беспрестан<но> стараться рассеивать, а между тем мне так много еще нужно сделать».

[1] См. ***1838. Мая 13 <1>. Рим.***

[2] 30 июня (н. ст.) 1838 г. Гоголь извещал Данилевского: «Маминька, вслед за письмом своим ко мне, отправила на другой день другое, содержавшее эту весть».

[3] См. **1838.** ***Марта 26 <апреля 7>. С. Семереньки Полтавской губернии.***

[4] Позднее, в письме от 14 августа (н. ст.) 1838 г. из Кастелламаре, Гоголь сообщал Данилевскому: «Письмо мое через Паве ты не получил через собственные руки потому, что он изменил вдруг свой маршрут и вместо Парижа поехал в Петербург».

[5] См. ***1838. Апреля 23 <11>. Понедельник. Рим.***

МАЯ 25 <13>. ПЯТНИЦА. РИМ

П. Семененко сообщает Б. Яньскому:

«...Кн<ягиня> Зинаида Волконская неделю назад выехала в Париж. Отъезд был внезапный, с нами не виделась. Догадываемся почему: хотела уклониться от объяснений. Впрочем, она увидит Адама <Мицкевича> и может не писать об Иерониме. Гоголь – как нельзя лучше. Мы столковались с ним далеко и широко. На это мы уже намекнули парою слов в последнем письме[1]. Он подробнейшим образом рассказывал нам о перемене, которая произошла в мыслях русских (moskiewskich) за последние два года. Находящиеся здесь офицеры лейб-гвардии, два года назад русские энтузиасты, теперь обвиняют царя в невероятнейших вещах (niepodobne rzeczy na cara wymyslaia), и это те, которые осыпаны почестями, привилегиями, благодеяниями. И удивительна та откровенность, которая господствует между русскими (Moskalami): демагоги в Париже осторожнее, чем эти недовольные. Занимается Гоголь русской историей. В этой области у него очень светлые мысли. Он хорошо видит, что нет элемента (pierwiastku), который бы связывал эту безобразную громадину. Сверху давит сила, но нет внутри духа. И каждый раз восклицает: "У вас, у вас что за жизнь! После потери стольких сил! Удар, который должен был вас уничтожить, вознес вас и оживил. Что за люди, что за литература, что за надежды! Это вещь нигде не слыханная!"»[2]

Приводимые Семененко слова Гоголя: «Удар, который должен был вас уничтожить, вознес вас и оживил», – по-видимому, представляют собой реминисценцию следующих строк пушкинской «Полтавы» (1829):

Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Об этих строках Гоголь вспоминал позднее в статье «Близорукому приятелю» (1844): «Россия не Франция <...> Тот же самый молот, когда упадает на стекло, раздробляет его вдребезги, а когда упадет на железо, кует его».

«Диалог» Гоголя с польской стороной, очевидно, вовсе не означал забвения им того, что религиозно и политически отделяло Польшу от России и изображению чего он посвятил в 1835 г. «Тараса Бульбу». Перекликающиеся с пушкинской «Полтавой» размышления Гоголя об «ударе», который «вознес» и «оживил» дух польской нации, восходят, с одной стороны, к наблюдениям самого писателя над историей средневековой Испании (до разделения Церквей): «Христианство, окруженное язычниками и жидами, отличалось стремительною ревностию», а с другой – непосредственно к «Тарасу Бульбе», где образование казачества поставлено в тесную связь с испытаниями, выпавшими на долю народа – вторжением татар, турок и поляков.

«...Являясь для южной России более бесчеловечным врагом, чем монгол, – писал К. С. Хоцянов, – Польша вместе с тем больше последнего и будит и воспламеняет спящие исполинские силы народа»[3]. «Казачество не могло бы сложиться в определенную общественную силу, – замечала А. Я. Ефименко, – если б не было вблизи могучего и вечно настороженного врага»[4]. В основе этих размышлений Гоголя лежали также раздумья о религиозном национально-освободительном движении греков, – и в частности, о значении мученической кончины Константинопольского патриарха Григория V, о которой рассказывал Гоголю его однокашник К. М. Базили. Казнь патриарха оказала огромное влияние на весь ход дальнейшей борьбы греков за свое освобождение: она освятила и вдохновила эту борьбу: «Сами турки впоследствии были крайне изумлены, когда увидели, что кончина мученика, вместо того, чтобы прекратить и подавить восстание, расширила и утвердила его»[5]. Примечательно и обращение Гоголя в 1835 г., сразу вслед за изданием первой редакции «Тараса Бульбы», к созданию драмы из английской истории, главным героем которой должен был стать английский король Альфред Великий (849–899), причисленный на Западе (в Англиканской церкви) к лику святых за свои исключительные заслуги в религиозно-политическом объединении Англии перед угрозой норманнского завоевания.

Размышления, с которыми связаны были слова Гоголя об «ударе», «оживившем» Польшу, были, конечно же, мало понятны его собеседникам. Прежде всего в них услышали созвучные собственным настроениям «антимоскальские», антирусские ноты. Между тем сказанные Гоголем в беседе с Семененко и Кайсевичем слова о находящихся в Риме русских либералах, обвиняющих царя «в невероятнейших вещах», содержали в себе определенный укор самим эмигрантам-полякам. Высказывание Гоголя о недовольных Государем офицерах русской лейб-гвардии – офицерах привилегированных, отборных войск, находившихся при особе Императора, осыпанных «почестями, привилегиями, благодеяниями», едва ли не с тем же основанием можно было отнести и к другим, столь же неблагодарным подданным русского Государя – мятежным полякам (13/25 января 1831 г. собранный во время восстания польский сейм объявил «династию Романовых лишенной престола»). Несомненно, говоря с польскими «революционерами»-эмигрантами – бывшими подданными Российской державы – о «революционно» настроенных офицерах русской лейб-гвардии, Гоголь хорошо сознавал, с кем *и зачем* он это говорит.

Еще в 1834 г., спустя три года после польского восстания, в отрывке из «Истории Малороссии» Гоголь замечал о мятежной Польше: «Безрассудные магнаты <...> были избалованные деспоты в отношении к народу и непокорные демокра<ты> к государю». С размышлениями о современности — отмеченной польским восстанием 1830–1831 гг. — связана и характеристика Гоголем в одном из набросков его лекций по истории нового времени политики польских магнатов: «...<Поль>ша снова наполнилась интригами и раздорами <между шляхетством>, присвоившим себе всю власть и угнетавшим бед<ный народ>» («Происшествия на Севере»). В прямом соответствии с этими размышлениями Гоголь в первой редакции «Тараса Бульбы», говоря о пытках, которым был подвергнут в Варшаве поляками Остап, замечал: «...Король всегда почти являлся первым противником этих ужасных мер. <...> Но король не мог сделать ничего против дерзкой воли государственных магнатов, которые непостижимою недальновидностью, детским самолюбием, гордостью и неосновательностью превратили сейм в сатиру на правление». (Понятна в этом свете и гоголевская оценка в «Переписке с друзьями» царя Иоанна Грозного, который, по словам Гоголя, «притеснял и казнил» только бояр, а «самый народ <...> почти ничего не потерпел от него».) Борьба монарха, английского короля Альфреда Великого, с своевольными «танами» — угнетающими народ «магнатами государства» («глядящими лесным зверем»), должна была развернуться, судя по сохранившимся наброскам, и в незавершенной трагедии Гоголя «Альфред».

Примечательно, что суждение, подобное тому, какое Гоголь высказывал в 1838 г. по отношению к недовольным русским Императором офицерам лейб-гвардии, он повторил позднее применительно к декабристам, — решившимся, как известно, на прямое цареубийство. Декабристы в свою очередь принадлежали не к бедным и захудалым родам, но были выходцами из наиболее известных и влиятельных фамилий. Примечателен вдохновенный монолог одного из героев Гоголя из первоначальной редакции драматического «Отрывка» (1842), где о декабристах говорится как о «пятидесяти русских пустых головах, воспитанных на французскую ногу», увлеченных, по словам героя, «оторванной от всего мыслью, созданной наскоро в легкой голове француза». Возмущенный комическим упреком матери в следовании «масонским правилам», герой, размышляя о самопожертвовании русского человека, восклицает: «И этот русский должен нести иногда бессмысленное имя либерала, придаваемое первому встречному сорванцу». В статье «Занимающему важное место» Гоголь говорит о декабристах почти в тех же выражениях: «В последнее время <...> всякого рода недоброжелатели России писали статьи <...> чтобы <...> показать Государю России партию каких-то фантастических бояр, оспоривающих <...> власть <...> Но, слава Богу, уже прошли те времена, чтобы несколько сорванцов могли возмутить целое государство». Искусственность и прямую враждебность традиционной культуре России «боярско»-«демократического» начала, объясняющуюся западным влиянием, Гоголь отмечал и в 1851 г. в сходном «республиканском» движении украинских сепаратистов: «Они все еще дожевывают европейские, давно выкинутые жваки»[6].

Эти многочисленные параллели и переклички в отношении Гоголя к различным политическим движениям объясняются не только единством взглядов писателя. Историческое объяснение этих соответствий заключается в том, что и декабризм, и тесно связанный с ним украинский сепаратизм своим происхождением одинаково были во многом обязаны деятельности польских националистических кругов. По замечанию Н. И. Ульянова, «декабристский заговор в значительной мере, и может быть в большей, чем мы предполагаем, был заговором украинско-польским». Именно в декабристской среде под влиянием польских националистов, издавна притязавших на южнорусские земли, был усвоен взгляд на Малороссию как на жертву царской тирании[7].

Нужно добавить, что размышлениям Гоголя о польских магнатах — угнетателях, «тиранах» народа и своевольных «непокорных демократах» по отношению к Государю — вполне соответствуют и исторические наблюдения писателя над своеобразным «демократизмом» католицизма — часто опиравшегося в борьбе за мировое господство на народные низы, подрывая этим власть европейских монархов. Так, в конспекте 1834 г. книги английского историка Г. Галлама «Европа в средние века» Гоголь замечал: «Несмотря на дарственные свои земли от Конст<антина>, Пипина, Карломана и Людовика, папы боролись в самом Риме с префектами, офицерами, присягавшими императорам <...> Чтобы сохранить свои быстрые приобретения <...> нужно было унизить в Италии власть императора и поднять демократизм городов» (раздел «Италия»). Ср. также в учебнике по всеобщей истории Е. Ф. Зябловского, которым также пользовался Гоголь при составлении своих лекций: «...Примеры тех ссор, которые заводили Папы между венчанными главами и их подданными, дабы тем удобнее вмешаться в политические дела и увеличить свои выгоды, весьма многочисленны»[8]. «Главным» результатом этой папской политики явилось именно возникновение вельможного «магнатства» — «учреждение мелких тираний на развалинах прав респуб<ликанских>», — так что «все города, так упорно отказывавшиеся от легких знаков покорности императору, потеряли даже память о независимости и были разделены как вотчины их новых повелителей». «При начале республик ломбардских, — писал Гоголь, — их ссоры <...> были ограничиваемы посредничеством императора, и потеря этого влияния, может, была одна из причин, доведших Италию до такого состояния...» Этим традиционным «демократизмом» католического духовенства и определяется, согласно размышлениям Гоголя, отношение польского «тираноборчества», с одной стороны, к Малороссии и, с другой — к русской государственности в целом.

Вполне очевидна вытекающая из этих высказываний Гоголя его основная мысль: подлинные свободы (свободы и «демократии», и «республики») достижимы лишь при полном, неограниченном православном самодер-

жавии. – Уже в «Страшной мести» он высказал эту мысль устами пана Данила: «...Было золотое время!.. <...> Старый гетьман сидел на вороном коне, блестела в руке булава <...> Стал говорить гетьман – и все стало как вкопанное. <...> Порядку нет в Украйне: полковники и есаулы грызутся, как собаки, между собою. Нет старшей головы над всеми. Шляхетство наше все переменило на польский обычай, переняло лукавство... продало душу, принявши унию. Жидовство угнетает бедный народ». Эти размышления и являются основополагающими для замысла «Тараса Бульбы».

[1] См. ***1838. Мая 12 <апреля 30>. Суббота. Рим.***

[2] Historya Zgromadzenia Zmartwychwstania Panskiego <История Общества Воскресения Господня>. Podlug zrodel rekopismennuch napisal K<siądz> Pawel Smolikowski C. R. W Krakowie, 1893. T. 2. S. 134 (на польск. яз.); см. также: Гоголь в письмах и дневниковых записях И. Кайсевича и П. Семененко // *Свод.* Т. 2. С. 23–24.

[3] *Хоцянов К. С.* Опыт разбора повести Гоголя «Тарас Бульба». СПб., 1883. С. 4.

[4] *Ефименко А.* Малороссийское казачество по Гоголю // Журнал для всех. 1902. № 2. С. 210.

[5] *Соколов И. И.* Константинопольская Церковь в XIX веке. СПб., 1904. Т. 1. С. 193–194; см. также: *Стурдза А. С.* Память Григория V, Патриарха Константинопольского // Москвитянин. 1842. № 6 (цензурное разрешение 11 июня). С. 380–384.

[6] См. ***1851. Октября конец, до 30. Москва.***

[7] *Ульянов Н. И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. (Репринтное воспроизведение изд. 1966 г.; Нью-Йорк; Мадрид.) С. 149–150.

[8] Курс Всеобщей Истории, читанный на публичных лекциях, учрежденных при Санкт-Петербургском Педагогическом Институте для чиновников, обязанных Гражданскою службою, оного Института Профессором, *Евдокимом Зябловским.* Часть третья, содержащая Новую Историю. С. 4.

МАЯ 17 <29>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.

[2] *Гриц.* С. 250.

ИЮНЯ 3 <МАЯ 22>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАВОСЛАВНЫЙ ДЕНЬ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ

ИЮНЯ 10 <МАЯ 29>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. КАТОЛИЧЕСКИЙ ДЕНЬ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ

ИЮНЯ 14 <2>. ЧЕТВЕРГ. КАТОЛИЧЕСКИЙ ПРАЗДНИК ТЕЛА ГОСПОДНЯ. ДЖЕНЦАНО, РИМ

Гоголь в Дженцано (Дженсано) наблюдает красочную «инфьорату»[1] в честь праздника Тела Господня.

Позднее, 30 июня (н. ст.) 1838 г.[2], Гоголь писал сестрам: «Ах, я вам расскажу кое-что о празднике, который был на днях[3] в 30-ти верстах от Рима в деревне Дженсано[4]; праздник этот называется fiorata, то есть цветочный. Вообразите, что все улицы в городе были устланы и вымощены цветами. Но не подумайте, чтобы цветы были набросаны просто. Совсем нет. Вы не узнаете, что это цветы; вы подумаете, что это ковры разостланы по улице и на этих коврах множество разных изображений, и всё это выложено из цветов: гербы, вазы, множество разных узоров и даже, наконец, портрет папы. Вид удивительный. Все улицы, окна, двери – всё это было полно народом. По всем этим цветам должна была пройти процессия, начиная от двух церквей, и обойти весь город. Впереди прочих

и тотчас вслед за монахами шли три девочки лет пяти, прехорошенькие собой, одетые ангелами с крыльями и все в ожерельях».

Возможно, вечером того же дня, 14 июня (н. ст.) 1838 г., Гоголь, вернувшись в Рим, пишет оттуда княжне В. Н. Репниной-Волконской шутливое письмо по поводу несостоявшегося отъезда Репниных из Рима в Неаполь.

«Итак, вы уже в Неаполе. Как я завидую вам! глядите на море, купаетесь мыслью в яхонтовом небе, пьете, как мадеру, упоительный воздух. Перед вами лежат живописные лазарони[5]; лазарони едят макароны; макароны длиною с дорогу от Рима до Неаполя, которую вы так быстро пролетели. <...> ...Как вы нарисовали вид Неаполя: карандашом или акварелью? <...> Я думаю, кн<язь> Григорий Петрович[6] в больших теперь хлопотах: распределяет комнаты, повелевает одной сделаться детскою, другой быть столовою, третьей гостиною, в которой, увы! вряд ли достанется сидеть пишущему сии строки. Прошу извинить меня великодушно, что так нахально втиснул я сюда свою особу. Издавна уже так устроено людское самолюбие: всюду хочется всунуть свою рожу, хоть эта рожа ни на что не похожа. <...> Извините, что ничего не пишу о новостях римских: со времен вашего отъезда решительно ничего здесь не случилось нового. Массоти[7] вам кланяется. Жена того мужа, который, при возвещении о приходе к вам, назван был маленьким человеком[8], слава Богу, здорова. <...> P. S. А ведь Емельяни уж уехал!»[9]

В. И. Шенрок, со слов княжны В. Н. Репниной-Волконской, сообщал: «Гоголь дружески подшутил однажды по поводу несостоявшегося отъезда из Рима в Неаполь <...> Репниных. Сборы были продолжительные, но кончились ничем. Тогда Гоголь написал, будучи в Риме, письмо к Варваре Николаевне, также еще не выехавшей из Рима...»[10];

«Это была шутка, требующая разъяснения. Репнины каждый день собирались в Неаполь, наконец решили, что в назначенный день уедут непременно, но снова остались»[11].

[1] Infiorata – украшение цветами (*ит.*).

[2] См. ***1838. Июня 30 <18>. Суббота. Рим.***

[3] «Инфьората» в Дженцано всегда совершается в ближайший четверг после католического празднования дня Пресвятой Троицы. В 1838 г. этот «цветочный» праздник приходился на 14 июня (н. ст.) (см. ***1838. Июня 10 <мая 29>. Воскресенье. Католический день Святой Троицы***).

[4] Описание этого праздника Гоголь, вероятно, поместил в начатый им тогда роман «Madonna degli fiori» (*ит.*; Богоматерь Цветов) (см. ***1837. Марта средина <марта начало>. Бра***; ***1838. Июня 30 <18>. Суббота. Рим***), «отрывок» из которого, под названием «Рим», он опубликовал в 1842 г.

[5] Лазарони (lazzaroni; *ит.*) – бездельники.

[6] Князь Г. П. Волконский (1808–1882), сын министра двора, светлейшего князя П. М. Волконского, родственник княжны В. Н. Репниной-Волконской (см. ***1842. Мая 7. Четверг. Санкт-Петербург***); в 1831–1839 гг. – начальник пансионеров петербургской Академии художеств в Риме; в 1839–1842 гг. – помощник попечителя Петербургского учебного округа; в 1842–1845 гг. – попечитель округа.

[7] «...Mazzotti, жандарм, командовавший отрядом, – по словам Репниной, весьма дрянной человек» (Воспоминания княжны В. Н. Репниной-Волконской в записи В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 3. С. 110).

[8] «По объяснению княжны Репниной, речь идет здесь о живописце <И. И.> Габерцеттеле, жена которого наивно рассказывала однажды о его картинах: "Мой муж так старательно рисует, что тотчас же соскабливает все нарисованное". Габерцеттель был замечательно мал ростом» (Воспоминания княжны В. Н. Репниной-Волконской в записи В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 3. С. 109–110).

[9] «...Больше всего любил Гоголь подтрунить над Магдалиной Александровной Власовой <рожд. княжной Белосельской-Белозерской>, родной сестрой княгини Зинаиды Александровны Волконской. В противоположность последней, она была весьма ограниченная женщина, но чрезвычайно добрая и сердечная. Она имела серьезное лицо, на котором иногда совершенно неожиданно и некстати появлялась улыбка, которая обыкновенно сопровождалась неизменным восклицанием: "а ведь Емельяни уж уехал!" Эти слова она повторяла всем и каждому, нисколько не заботясь о том, знали ли ее собеседники Емельяни. Гоголь добродушно подсмеивался над этой странностью и, как юморист, любил копировать старушку... <...> Странная привычка г-жи Власовой объясняется ее неудавшимся страстным желанием устроить судьбу одной знакомой девушки, в которую влюбился Емельяни, но почему-то раздумал потом жениться и скрылся. Власова, по доброте своей, когда узнала

об этом, долго ни за что не хотела поверить этому и расстаться с надеждой на возвращение Емельяни, и все повторяла, что он уехал» (Воспоминания княжны В. Н. Репниной-Волконской в записи В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 3. С. 109).

[10] Воспоминания княжны В. Н. Репниной-Волконской в записи В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 3. С. 109.

[11] Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 527.

ИЮНЯ НАЧАЛО <ИЮНЯ СРЕДИНА>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

М. П. Балабина пишет ответное[1] письмо Гоголю в Рим[2].

[1] См. ***1838. Мая 1 <апреля 19>. Вторник. Рим.***

[2] См. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг — 1839 июня средина <июня начало>. Рим***; ***1839. Мая 30 <18>. Четверг. Рим*** (примечания).

ИЮНЯ 16 <4>. СУББОТА. ПАРИЖ

А. С. Данилевский, спустя около месяца после получения известия о кончине своей матери[1], пишет Гоголю в Рим:

«На третий, кажется, день после получения письма твоего[2] пришло ко мне письмо... первое письмо с тех пор, как мы расстались с ним, — от брата Вани, с известием о смерти маменьки моей! о смерти маменьки моей! <...> Не стану и не могу описывать тоски, отчаяния, в которое повергла меня эта невозвратимая потеря... Я плачу... И тот самый день, когда получил братнино письмо (я получил его вечером), утром я писал к тебе, не зная моего несчастия, когда оно было уже в Париже, когда оно стояло уже у меня за спиною. <...> Посылаю тебе клочок из этого письма, которое хотел было отослать на другой день, но уничтожил.

Брат мой пишет несколько слов только. Кончина маменьки последовала 26-го марта[3].

Он едет в Малороссию с Пащенком. Я на днях тоже еду в Петербург или, лучше, в Гамбург, ибо денег у меня так мало остается, что едва ли станет до Гамбурга. Там буду дожидаться, покамест получу деньги. Я писал об этом Николаю Прокоповичу. Надеюсь, что он не откажжет. Ты можешь представить себе, каково будет мое пребывание в Гамбурге.

Милый Николай! Ты знаешь, что с потерей маменьки потеряны для меня средства на беззаботную жизнь. Я должен трудиться и трудами добывать нужное. Напиши, ради Бога, несколько или хоть одно письмо к кому-нибудь из твоих приятелей, могущих сделать для меня что-нибудь, т. е. доставить мне какое-нибудь место. Сделай это, как хочешь: я полагаюсь на тебя[4].

Теперь, приехавши в Петербург, я останусь там только несколько дней; уеду в Малороссию обнять хоть могилу существа, любившего меня и любимого мною столько! Впрочем, если ты напишешь ко мне сейчас по получении этого письма, письмо твое может найти меня еще в Петербурге. Если найду возможность увидеть твоих сестер, пойду к ним: ты, помнится, просил меня об этом. Из Петербурга буду писать к тебе.

Прощай, мой милый друг! не забывай меня! Я люблю тебя всею душою и больше, нежели когда-либо, чувствую необходимость твоей дружбы».

В. И. Шенрок писал: «В мае 1838 года над Данилевским грозным, громовым ударом разразилось совершенно неожиданное несчастье: он потерял горячо любившую его мать, Татьяну Ивановну, а с ее смертью для него кончились счастливые дни наслаждения и беспечной юности»[5].

[1] См. ***1838. Марта 26 <апреля 7>. Лазарева суббота. С. Семереньки Полтавской губернии***; ***1838. Мая 16 <4>. Среда. Рим.***

[2] Имеется в виду письмо от 13 мая (н. ст.) 1836 г. (см. ***1838. Мая 13 <1>. Воскресенье. Рим. Вилла княгини З. А. Волконской***).

[3] См. ***1838. Марта 26 <апреля 7>. Лазарева суббота. С. Семереньки Полтавской губернии.***

[4] См. ***1838. Июня 25 <13>. Понедельник. Рим.***

[5] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 519.

ИЮНЯ 4 <16>. СУББОТА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь отправляет письмо А. А. Трощинскому.

«...Сын мой все еще в Италии; избегая жаров, выезжает из Рима в прекрасные окрестности его. Я недавно получили от него письмо[1], в котором он пишет, что там проживала княгиня Волконская, с которой душа его любила беседовать, но по выезде ее, природа заменяет ему все. Я писала ему, почему не пишет о монарших ему милостях, и я слышу только от других? Не знаю, что он мне напишет в ответ. Недавно я слышала, что он писал к г. Жуковскому, занять ему денег 3 тысячи рублей, что он ему скоро возвратит, – и в таком смешном виде написал, что тот показывал многим из придворных и наконец дошло до государя! Он изволил потребовать письмо, много смеялся читая его и велел послать ему 4 тысячи рублей! – и притом сказал: "пусть еще напишет такое письмо, и я еще ему пошлю денег"[2]. Не знаю, правда ли это; потому что от него я ничего о сем не имею...»

Свод. Т. 1. С. 85–86.

[1] См. ***1838. Мая 16 <4>. Среда. Рим.***

[2] См. также ***1838. Июня вторая половина, не позднее субботы 25 <июня конец – июля не позднее 7>. Москва***; ***1838. Июль <июля средина – августа средина>. Васильевка.***

ИЮНЯ 25 <13>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь, получив письмо А. С. Данилевского из Парижа[1], по его просьбе составляет рекомендательные письма в Петербург[2] к князю П. А. Вяземскому, В. А. Жуковскому (письмо к Жуковскому не было отправлено) и князю В. Ф. Одоевскому (последнее письмо не сохранилось).

В письме к Вяземскому напоминает об их прощании в 1836 г. на кронштадтском причале – и о словах князя о Риме и Неаполе[3]; сообщает о своих недавних посещениях – с княгиней З. А. Волконской и, затем, с «одним москвичом» – могилы в Риме дочери Вяземского, княжны Прасковьи Петровны. Пишет, что давно ждет выхода в свет полного собрания сочинений Вяземского, что даже искал известий об этом в «Северной Пчеле». Рекомендует своего «брата» А. С. Данилевского – «единственного друга от колыбели» – как «одного из достойнейших молодых людей» и просит помочь ему устроиться на службу. В заключение жалуется на здоровье:

«Всякое занятие, самое легкое, отяжелевает мою голову. Италия, прекрасная, моя ненаглядная Италия продлила мою жизнь, но искоренить совершенно болезнь, деспотически вшедшую в состав мой и обратившуюся в натуру, она не властна. Что если я не окончу труда моего[4]?.. О, прочь эта ужасная мысль! Она вмещает в себе целый ад мук, которых не доведи Бог вкушать смертному».

В. И. Шенрок, общавшийся с А. С. Данилевским в 1887 г., сообщал: «Еще с детства Гоголь усвоил себе привычку давать в шутку родственные имена тем людям, к которым был особенно расположен. Так, ребенком, вздумалось ему однажды прозвать "сестрицей" одну из знакомых соседок (А. Ф. Тимченко), долго жившую в доме его матери. Данилевского он также с ранних лет еще имел обыкновение называть то братом, то почему-то

даже племянником, а впоследствии он прямо выдавал его за самого близкого родственника своим московским друзьям»[5].

[1] См. ***1838. Июня 16 <4>. Суббота. Париж.***
[2] См. ***1838. Июня 30 <18>. Суббота. Рим.***
[3] См. ***1836. Июня 6. Суббота. Кронштадт.***
[4] «Мертвые души».
[5] Воспоминания А. С. Данилевского о последних днях жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 527.

ИЮНЯ 30 <18>. СУББОТА. РИМ

Гоголь отвечает на письмо А. С. Данилевского из Парижа[1], тяжело переживающего кончину матери. В тот же день пишет в Петербург письма сестрам Анне и Елисавете, их классной даме М. А. Мелентьевой и М. П. Балабиной (последние два письма не сохранились). Вкладывает эти письма в послание к Данилевскому, предполагая, что тот вскоре будет в Петербурге. Добавляет к ним составленные ранее для Данилевского рекомендательные письма в Петербург к князю П. А. Вяземскому и к князю В. Ф. Одоевскому[2].

Предположение Гоголя не оправдалось. Вследствие денежных затруднений[3] вызванный смертью матери[4] отъезд Данилевского в Россию задержался. Гоголь приезжал к нему в Париж в сентябре 1838 г.[5] Письмо к сестрам Гоголя Данилевский смог передать по назначению, вероятно, лишь в июле-августе 1839 г.[6]

Из послания к Данилевскому: «Может быть, это тот страшный перелом, который высшие силы почли для тебя нужным, и эти исполненные сильной горести слезы были для оживления твоей души. Во всяком случае, твой старый, верный, неразлучный с тобою от времен первой молодости друг, с которым, может быть, ты не увидишься более, заклинает тебя так думать и поступать согласно с этой мыслью. Эти слова мои должны быть для тебя священны и иметь силу завещания. <...> Может быть, настало время проснуться в тебе способностям, о которых ты прежде думал мало. <...> Только, пожалуйста, не вздумай еще испытать себя на педагогическом поприще... <...> Я много себе повредил во всем, вступивши на него».

Сообщает, что написал для Данилевского три рекомендательных письма в Петербург: В. А. Жуковскому[7], князю П. А. Вяземскому и князю В. Ф. Одоевскому: «С Плетневым ты сам будешь знать <как> объясниться». Просит передать в Петербурге письма в Патриотический институт сестрам Анне и Елисавете и их классной даме М. А. Мелентьевой, а также к М. П. Балабиной: «Мне бы хотелось, чтобы ты познакомился с этим домом. Пользы прозаической ты не извлечешь там никакой, но ты найдешь ту простоту, ту непринужденность, ту прелесть и приятность во всем... Я много провел там светлых минут; мне бы хотелось, чтобы и ты наследовал их также. <...> Что касается до меня — здоровье мое плохо. Мне бы нужно было оставить Рим месяца три тому назад. Дорога мне необходима: она одна развлекала и доставляла пользу моему бренному организму. <...> Но Рим <...> увлек и околдовал меня. <...> Другая причина есть существенная невозможность. Как бы мне хотелось, чтобы меня какой-нибудь <дух> пронес через подлую Германию, Швейцарию, горы, степи и потом, через три-четыре месяца, возвратил опять в Рим! Доныне вспоминаю мое возвращение в Рим. Как оно было прекрасно, как чудесна была Италия после Сенплона, как прекрасен был итальянский город Domo d'Ossola[8]! <...> Как мне теперь прекрасно представляется пребывание наше в Женеве[9]! <...> Теперь еду в Неаполь; там пробуду два месяца, т. е. до последних чисел августа, после чего возвращаюсь в Рим».

В письме к сестрам Анне и Елисавете Гоголь сообщает, что письмо вручит им Данилевский: «Вы уже, верно, знаете о его несчастии. Он лишился своей матери. Добрая Татьяна Ивановна, у

которой вы проводили иногда так приятно время с Верочкой и сестрой ее, уже умерла. <...> Ах, я вам расскажу кое-что о празднике, который был на днях[10] в 30-ти верстах от Рима в деревне Дженсано[11]... <...> Я думаю, вы знаете, что в религии католической очень много процессий. Летом они всегда происходят на улицах, которые в это время битком набиты народом. Народ в своих ярких пестрых костюмах под италианским ярким небом делает удивительное зрелище. Окна, из которых высовывается множество лиц, эти окна убираются пунцовыми, малиновыми и голубыми шелковыми материями. Италианцы очень любят глядеть из окошек. Особливо италианки. Это для них такое наслаждение, как сходить в театр; они смотрят, хоть даже по улице пройдет один только козел или осел. Я думаю, вы знаете, что италианцы все музыканты, все поют. Опера в Риме теперь прекрасная. Вы никогда не слышали ничего подобного. Вообразите, что в Италии нет почти ни одного самого маленького городка, в котором бы не было театра, а в театре оперы. Вообразите, что здесь иногда можно провести целую ночь, сидя под окном и слушая песни гуляющих. Всё, что ни возвращается поздно ночью из театра, всё это поет на улицах и повторяет до последней все слышанные ими арии, дуэты, квартеты и хоры. Через неделю[12] я еду в Неаполь, где пробуду, может быть, около двух месяцев и где чудесная природа; я вам о нем напишу. Письма ваши отдайте на этот раз Прокоповичу, он за ними приедет и отправит их мне...»

[1] См. ***1838. Июня 4 <16>. Париж.***

[2] См. ***1838. Июня 25 <13>. Понедельник. Рим.***

[3] См. ***1838. Июля начало <июня конец>. Париж***; ***1838.*** **Августа 14 <2>. Вторник. Кастелламаре** — примечания.

[4] См. ***1838. Марта 26 <апреля 7>. Лазарева суббота. С. Семереньки Полтавской губернии***; ***1838. Мая 16 <4>. Среда. Рим***; ***1838. Июня 16 <4>. Суббота. Париж.***

[5] См. ***1838. Сентября средина — октября 25 <сентября начало — октября 13>. Париж.***

[6] См. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг — 1839 июня средина <июня начало>. Рим***; ***1839. Июня 5 <мая 24>. Среда. Рим***; ***1839. Сентября 26. Вторник. Москва.***

[7] В конце своего письма к Данилевскому Гоголь добавлял: «Я узнал, что Жуковский уехал уже за границу, и потому не посылаю к тебе письма. Может быть, мне удастся увидеться с ним лично, и я поговорю с ним...»

[8] См. ***1837. Ноября вторая половина, не позднее 24 <ноября не позднее 12>. Озеро Лаго-Маджоре, Домодоссола.***

[9] См. ***1837. Сентября около 5 — ноября средина <августа около 24 — ноября начало>. Женева.***

[10] «Инфьората» в Дженцано всегда совершается в ближайший четверг после католического празднования дня Пресвятой Троицы. В 1838 г. этот «цветочный» праздник приходился на 14 июня (н. ст.) (см. ***1838. Июня 10 <мая 29>. Воскресенье. Католический день Святой Троицы***; ***1838. Июня 14 <2>. Четверг. Католический праздник Тела Господня. Дженцано***).

[11] См. ***1838. Июня 14 <2>. Четверг. Католический праздник Тела Господня. Дженцано, Рим.***

[12] См. ***1838. Июля 5–6 <июня 23–24>. Четверг-пятница. Рим.***

ИЮЛЯ 2 <ИЮНЯ 20>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь пишет письма в Петербург к А. С. Данилевскому (не сохранилось) и к Н. Я. Прокоповичу. (Данилевский, однако, находился в то время еще в Париже[1].)

В письме к Прокоповичу Гоголь замечал: «Ты мне не написал даже ответа на письмо мое[2], пущенное к тебе вместе с деньгами, которые я возвратил тебе посредством здешнего банкира Валентини к вашему Штиглицу. <...> Отправил ли ты книги и рукописи <...>, как я к тебе писал[3]? <...> Теперь ты рад: Данилевский с тобою. <...> ...Всем по поклону, — Жюлю[4], Пащенку и прочим. <...> Да<нилевский>, верно, ожидает моего письма, которое ему нужно и которое ты ему вручишь. Через три или четыре дня[5] еду в Неаполь, где пробуду 1 ½ месяца, и потому до половины августа пиши ко мне в Неаполь. По истечении же этого срока — в Рим, в poste restante».

[1] См. ***1838. Июня 30 <18>. Суббота. Рим.***

[2] См. ***1838. Апреля 27–28 <15–16>. Пятница-суббота. Рим***; ***1838. Мая 1 <апреля 19>. Вторник. Рим.***

[3] См. ***1837. Ноября 30 <18>. Четверг. Рим; 1838. Апреля 27–28 <15–16>. Пятница-суббота. Рим; 1838 конец года – 1839 начало года. Рим.***

[4] Прозвище П. В. Анненкова.

[5] См. ***1838. Июля 5–6 <июня 23–24>. Четверг-пятница. Рим.***

ИЮНЯ ОКОЛО 14[1] – ИЮЛЯ НАЧАЛО <ИЮНЯ ОКОЛО 2 – ИЮНЯ СРЕДИНА>. ОКРЕСТНОСТИ РИМА. МЕСТЕЧКО БЛИЗ МАНЧИАНИ (MANZIANA) ИЛИ МЕЖДУ ДЖЕНЦАНО (ДЖЕНСАНО) И АЛЬБАНО

По свидетельству Г. П. Данилевского (возможно, со слов Н. В. Берга), лирическое отступление в начале седьмой главы первого тома «Мертвых душ» Гоголь написал в жаркий летний день в трактире одного из местечек в окрестностях Рима:

«...Знают ли читатели, где он писал все лучшие лирические места в своей поэме (“Счастлив путник, когда после далекой дороги...” и др.)? Он их писал, полный тоски по родине, близ местечка Манчиани, в одной таверне на большой дороге в Рим, в нижнем этаже, почти под землею, приютившись у треножного столика, под шум и говор игроков, игравших на бильярде, в верхней комнате таверны, под свинцовою крышею, раскаленною зноем полуденного солнца! Его спасало то, что он тогда не знал еще по-итальянски[2] и потому не понимал говора толпы, беспрестанно входившей и выходившей из таверны»[3].

Н. В. Берг[4] также вспоминал: «Однажды, кажется у Шевырева[5], кто-то из гостей, несмотря на принятую всеми знавшими Гоголя систему не спрашивать его ни о чем, особенно о литературных работах и предприятиях, – не удержался и заметил ему, “что это он смолк: ни строчки вот уже сколько месяцев сряду!” Ожидали простого молчания, каким отделывался Гоголь от подобных вопросов, или ничего не значащего ответа. Гоголь грустно улыбнулся и сказал: “Да! как странно устроен человек: дай ему все, чего он хочет, для полного удобства жизни и занятий, тут-то он и не станет ничего делать; тут-то и не пойдет работа!” Потом, помолчавши немного, он сообщил следующее: “Со мною был такой случай: ехал я раз между городками Дженсано и Альбано (в Папской области. – *Примеч. Н. В. Берга. – И. В.*), в июле месяце. Середи дороги, на бугре, стоит жалкий трактир, с билльярдом в главной комнате, где вечно гремят шары и слышится разговор на разных языках. Все проезжающие мимо непременно тут останавливаются, особенно в жар. Остановился и я. В то время я писал первый том “Мертвых душ” и эта тетрадь со мною не расставалась. Не знаю почему, именно в ту минуту, когда я вошел в этот трактир, захотелось мне писать. Я велел дать столик, уселся в угол, достал портфель и под гром катаемых шаров, при невероятном шуме, беготне прислуги, в дыму, в душной атмосфере, забылся удивительным сном и написал целую главу, не сходя с места. Я считаю эти строки одними из самых вдохновенных. Я редко писал с таким одушевлением. А вот теперь никто кругом меня не стучит, и не жарко, и не дымно...”»[6]

21 марта 1851 г. одесская знакомая Гоголя Е. А. Хитрово, в свою очередь, записала в своем дневнике: «После обеда говорили о Кологривом, который здесь живет странником (т. е. отшельником. – *Примеч. В. И. Шенрока. – И. В.*) с воротами на запор. Гог<оль>: “Думают, что уединение что-нибудь сделает для настроения духа[7]. Вот мне так никогда так много не случалось работать, как тогда, когда у меня был кабинет в бильярдной. Я работаю, а подле меня стукотня шарами. Избаловать себя немудрено”»[8].

[1] См. ***1838. Июня 14 <2>. Четверг. Католический праздник Тела Господня. Дженцано, Рим.***

[2] Ср. ***1837. Декабря 5 <ноября 23>. Понедельник. Париж; 1838. Марта 15 <3>. Четверг. Рим.***

[3] *Данилевский.* Петербургская жизнь // *Свод.* Т. 1. С. 282.

[4] Николай Васильевич Берг (1823–1884), поэт-переводчик, журналист, историк.

[5] См. также ***1851. Октября 18. Четверг. Москва.***
[6] *Берг Н. В.* Воспоминания о Н. В. Гоголе. 1848–1852 // *Свод.* Т. 3. С. 649–650.
[7] См. такаже ***1839. Сентября 10 <августа 29>. Вторник. Вена.***
[8] См. ***1851. Марта 20. Вторник. Одесса.***

ИЮЛЯ НАЧАЛО <ИЮНЯ КОНЕЦ>. ПАРИЖ

А. С. Данилевский отправляет в Рим письмо к Гоголю, где рассказывает о краже у него денег (мошенничество с векселем) и обращается к другу с просьбой: «Приезжай в Париж»[1].

В. И. Шенрок, со слов А. С. Данилевского в 1887 г., сообщал: «..Данилевский в тяжкую минуту, не помня себя сам, ни о чем не думая, кроме своего желания поскорее увидеться с Гоголем, написал ему: "приезжай в Париж". Потом он сам сознавался, что хотел зачеркнуть эти три слова, и во всяком случае не надеялся, что они могли к чему-нибудь повести, и написал их почти машинально»[2].

[1] См. ***1838. Августа 14 <2>. Вторник. Кастелламаре.***
[2] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 522.

ИЮЛЯ 5–6 <ИЮНЯ 23–24>. ЧЕТВЕРГ-ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь отправляется из Рима в Неаполь.

См. ***1838. Июня 30 <18>. Суббота. Рим; 1838. Июля 2 <июня 20>. Понедельник. Рим.***

ИЮНЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА, НЕ ПОЗДНЕЕ СУББОТЫ 25 <ИЮНЯ КОНЕЦ – ИЮЛЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 7>. МОСКВА

С. Т. Аксаков отправляет записку М. П. Погодину:

«Иван Ермолаевич Великопольский[1] сказал мне, что видел у вас Кони[2], который подтвердил неприятное известие о Гоголе и предложил мне составить для него подписку[3]. Великопольский дает тысячу рублей. Мысль святая! Ведь это позор всем нам, если Гоголя засадят в тюрьму. Вы всех лучше можете устроить это дело, а потому приезжайте, пожалуйста, в субботу[4] в клуб обедать: там мы обо всем переговорим и дело уладим»[5].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «В начале 1838-го года[6] распространились по Москве слухи, что Гоголь отчаянно болен в Италии и даже посажен за долги в тюрьму. Разумеется, последнее было совершенная ложь»[7].

По-видимому, слухи были связаны с письменным обращением Гоголя 18 апреля (н. ст.) 1837 г. из Рима к Государю с просьбой о материальной помощи[8]. О нелепых слухах, появившихся вследствие этого обращения летом 1838 г., дважды сообщала мать Гоголя: в письме к А. А. Трощинскому от 4 июня этого года[9] и в письме к самому Гоголю от июля того же года[10].

Позднее, 5 июля 1857 г., С. Т. Аксаков обращался к М. И. Гоголь: «Вполне уверенный, что Вы одобрите мой поступок, я позволил себе распорядиться небольшою суммою из тех денег, которые поступают теперь к Пантелеймону Александровичу Кулишу за распроданные экземпляры сочинений Николая Васильевича. Вот в чем дело: Когда покойный сын Ваш был за границей в 1841 году, и когда дружба наша только что начиналась, — распространился в Москве слух, что Гоголь находится в крайнем положении по неимению денег. Один из моих

приятелей, вовсе незнакомый с Вашим сыном, дал мне 1000 рублей ассигн<ациями>, которая вместе с другими деньгами была доставлена немедленно Николаю Васильевичу через Погодина. Имена людей, оказавших эту помощь, остались неизвестными. Когда впоследствии произведена была уплата долгов Вашего сына по собственноручной его записке[11], именно этой тысячи рублей в записке не оказалось[12]; но тогда человек, ее давший, был богат и не думал о возвращении этих денег; теперь он сделался нищий и находится в крайности[13], и я счел справедливым долгом возвратить ему эту сумму: ибо мне и Погодину совершенно известно, кто ее дал. Не сомневаясь в Вашем согласии, и на этой же почте пишу к Кулишу об уплате 300 руб<лей> сер<ебром> Ивану Ермолаевичу Великопольскому»[14].

17 июля 1857 г. Великопольский писал Аксакову: «По Вашей записке я был у П. А. Кулиша и получил триста рублей серебром. Благодарю Вас <...> Г-н Кулиш, вероятно, уже уведомил Вас, что я взял эти деньги заимообразно. Я не давал Гоголю в заем и, понимаете, не делал ему пособия, характер которого мог бы быть чем-либо неприятен ему. Я был счастлив, что случай дал мне тогда возможность быть ему полезным, и, отдав деньги из рук в руки Погодину, никогда никому о том не говорил, кроме Вас, от которого я тогда, помнится, первого узнал о нужде, в которой Гоголь находился в Италии, и кроме Баратынского, присоединившего, по моему убеждению, к моим деньгам своих пятьсот рублей. Вы знаете, в какой я неоднократно находился крайности, но говорил ли я хоть однажды Вам об этих деньгах, хоть и знал участие, принимаемое Вами в распоряжениях об уплате долгов покойного Николая Васильевича. Я уверен, что его мать немедленно возвратила бы мне эту небольшую сумму, но я не хотел и не хочу лишать себя наслаждения признавать себя одним из самых искренних почитателей его таланта, чему мне удалось, без ведома его, дать доказательство. Тогда я просил Погодина, чтобы Гоголь ничего не знал, от кого он получил деньги, и, сколько мне известно, он во всю свою жизнь ничего о том и не знал. Таким же образом теперь не должна знать о том и его мать, иначе она не захочет остаться у меня в долгу; если же Вы к ней о том уже написали, то прошу Вас это как-нибудь исправить сообразно с моим желанием»[15].

[1] И. Е. Великопольский (1793–1868), писатель.

[2] Федор Алексеевич Кони (1809–1879), писатель, с 1836 г. жил в Петербурге.

[3] См. ***1838. Сентября 1 <13>. Четверг. Москва.***

[4] Вероятно, в субботу 25 июня 1838 г. Ср. ***1838. Июля 1 <13>. Пятница. Москва.***

[5] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 575.

[6] Вероятно, в июне 1838 г.

[7] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 670.

[8] См. ***1837. Апреля 18 <6>. Вторник. Рим***; *Виноградов И. А.* «Спасен я был Государем». Неизвестное письмо Н. В. Гоголя к Императору Николаю Павловичу и его отношение к монархии // Литература в школе. 1998. № 7. С. 5–22; *Гоголь 2009–2010.* Т. 11. С. 106–107, 396–402.

[9] См. ***1838. Июня 4 <16>. Суббота. Васильевка.***

[10] ***1838. Июль <июля средина – августа средина>. Васильевка*** (см. письмо Гоголя к А. С. Данилевскому от 25 марта (н. ст.) 1839 г.: ***1839. Марта 25 <13>. Понедельник. Рим***).

[11] См. ***1842. Мая около 17. Москва.***

[12] См. ***1842. Мая около 17. Москва*** (примечания).

[13] 3 июля 1857 г. С. Т. Аксаков писал И. Е. Великопольскому: «Я получил Ваше письмо от 29-го из Москвы, но от Погодина не имею ни строчки, а потому спешу Вас о том уведомить. Я не понимаю, какое средство может он указать мне? Я догадываюсь, что он думает о возвращении Вам денег, некогда данных Вами Гоголю, то есть о 1000 р<ублей> асс<игнациями>; но писать об этом к матери Гоголя должен сам Погодин или Шевырев, который выплачивал долги Гоголя по собственноручной его записке. Впрочем, пожалуй, я напишу, только это длинная история. Поверьте, что я с душевным прискорбием отказываю помочь Вам; даже занять не у кого».

На следующий день, 4 июля 1857 г., Аксаков добавлял: «Я получил письмо от Погодина. Я ожидал: он указывает на деньги, некогда данные Вами Гоголю. Я решился, не спрашиваясь матери Гоголя, которая, без сомнения, одобрит мой поступок, вытребовать Вам 300 р<ублей> сер<ебром> у Кулиша, издателя сочинений Гоголя» (Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 621).

[14] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 621.

[15] Гоголь в письмах И. Е. Великопольского // *Свод.* Т. 2. С. 965.

ИЮЛЯ ПОСЛЕ 5–6[1] – СЕНТЯБРЯ 5[2] <ИЮНЯ ПОСЛЕ 23–24 – АВГУСТА 24>. НЕАПОЛЬ, ОСТРОВ КАПРИ[3], КАСТЕЛЛАМАРЕ, НЕАПОЛЬ

Гоголь живет в Неаполе и Кастелламаре. Общается с А. А. Ивановым, Репниными-Волконскими[4], Г. И. Дуниной-Борковской, П. И. и Е. Н. Кривцовыми, Д. Е. Ефимовым[5]. Работает над «Мертвыми душами»[6].

В указанный период Гоголь, вероятно, посетил также Помпеи[7] – по пути из Неаполя в Кастелламаре (минуя Везувий). Возможно, эту поездку он совершил вместе с А. А. Ивановым[8]. Позднее, 30 марта 1849 г., в письме к графине Анне М. Виельгорской он писал: «В последнее время стали отыскиваться беспрестанно из пыли и хлама старины документы и рукописи вроде Сильвестрова *Домостроя*, где, как по развалинам Помпеи древний мир, обнаруживается с подробнейшей подробностью вся древняя жизнь России».

В 1846 г. Гоголь, вспоминая о своем первом пребывании в Неаполе (в июле – начале сентября (н. ст.) 1838 г.), писал В. А. Жуковскому: «Неаполь прекрасен, но чувствую, что он никогда не показался бы мне так прекрасен, если бы не приготовил Бог душу мою к принятью впечатлений красоты его. Я был назад тому десять лет в нем и любовался им холодно. Во всё время прежнего пребыванья моего в Риме никогда не тянуло меня в Неаполь...»[9]

[1] См. ***1838. Июля 5–6 <июня 23–24>. Четверг-пятница. Рим.***

[2] См. ***1838. Сентября 5 и 6 <августа 24 и 25>. Среда и четверг. Неаполь, Кастелламаре, Неаполь.***

[3] См. ***1838. Июля вторая половина <июля первая половина>. Остров Капри.***

[4] См. ***1838. Июль – августа до 14 <июня конец – августа до 2>. Кастелламаре.***

[5] См. ***1836. Июля конец – августа средина <июля средина – августа начало>. Баден-Баден*** (примечания); ***1838. Июль – августа до 14 <июня конец – августа до 2>. Кастелламаре.***

[6] См. ***1838. Июль – августа до 14 <июня конец – августа до 2>. Кастелламаре***; ***1838. Августа 14 <2>. Вторник. Кастелламаре.***

[7] См. также ***1834. Август. Санкт-Петербург***; ***1845. Января 14 – марта 1 <января 2 – февраля 17>. Париж.***

[8] См. ***1838. Июль – августа до 14 <июня конец – августа до 2>. Кастелламаре*** (примечания).

[9] См. ***1846. Ноября 24 <12>. Вторник. Неаполь.***

ИЮНЯ 29 <ИЮЛЯ 11>. СРЕДА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ИЮЛЯ 1 <13>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

С. Т. Аксаков сообщает К. С. Аксакову:

«На сих днях подтвердилось известие о дурном положении Гоголя[1]. Великопольский предложил собрать тысяч десять и первый дал тысячу. Завтра это дело устроится, но Погодин говорит, что гордость Гоголя ужасна. – Во-первых, по-моему, тут не оскорбляется гордость; во-вторых, можно так сделать, чрез посольство, что он и знать не будет, кто платит за него долги. Ведь это позор всем нам, если Гоголя за несколько тысяч посадят в тюрьму».

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 576.

[1] См. ***1838. Июня вторая половина (до субботы 25 июня <7 июля>). Москва.***

ИЮЛЯ 8 <20>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Ревизора» в театре Петровского парка; в роли Городничего – М. С. Щепкин.

Гриц. С. 250; *Ельницкая 1978.* С. 305.

ИЮЛЯ 12 <24>. ВТОРНИК. МОСКВА

С. Т. Аксаков пишет сыну Константину за границу:

«Кажется, я писал тебе о намерении нашем с Великопольским (первая мысль его) помочь расстроенному положению финансов нашего Гоголя: исполнение не отвечало моему ожиданию. Иван Ермолаевич[1] дал 1 тысячу, я – 500 р<ублей>, Погодин тоже, Баратынский 250 р<ублей>, Николай Филиппович Павлов обещал столько же, а Хомяков и Мельгунов отказались под предлогом, что “это может быть неправда”. Хомяков, который имеет 200 тысяч доходу! Тут только я узнал, что он не дал для Шафарика 50 руб<лей>, которых Погодин тщетно просил у него 4-мя письмами... Это невыносимо. Впрочем, всё, что я пишу об этом предмете, должно остаться совершенною тайною! Бог с ними! Я и сам не верю всему, что говорят о крайнем положении Гоголя... это, вероятно, увеличено его врагами. Может быть и выдумано, но что за беда? Деньги пошлет ему Михаил Петрович[2] от себя, взаймы,– тут никак нельзя обидеться»[3].

Позднее С. Т. Аксаков в адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» (1854) замечал: «С мая 1836-го года по 27-е сентября 1839-го года Гоголь жил в Италии, большею частию в Риме. Известно, какое действие произвела на него смерть Пушкина[4]. Он сделался болен и находился в весьма затруднительных обстоятельствах по недостатку в деньгах. Вероятно, помощь некоторых друзей вывела его из этого положения»[5].

[1] Великопольский.
[2] Погодин.
[3] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 576.
[4] См. ***1837. Марта 1–2 <февраля 17–18>. Среда-четверг. Париж.***
[5] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 636.

ИЮЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА <ИЮЛЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА>. ОСТРОВ КАПРИ

Гоголь совершает морем поездку на Капри.

30 июля (н. ст.) 1838 г. Гоголь сообщал матери: «На днях я сделал маленькую поездку по морю, на большой лодке, к некоторым островам, и между прочим посетил знаменитый голубой грот на острове Капри. Мы въехали в дыру, прорытую в скале, никак не шире узенькой лодки. Въехали мы туда на лодочках, нагнувши свои головы, и очутились вдруг под огромным и широким сводом. Всё пространство под этим сводом было покрыто лодками. Темнота порядочная, но воды ярко, ярко голубые и казались освещенными снизу каким-то голубым огнем. Эффект был удивительный. Несколько плавающих и кричащих моряков и лазарони (так называются обитатели Неаполя, народ, который лежит нагишом весь день на улице и, лежа, глотает макароны длины непомерной) оживляли эту картину».

ИЮЛЯ 30 <18>. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет матери в Васильевку:

«Я давно уже не получал от вас письма. Может быть, оно уже давно лежит на почте в Риме и дожидается меня... <...> В Риме же я буду не ранее месяца. В Неаполь боюсь вам назначить адресовать письма, они, без сомнения, не застанут меня здесь... <...> Климат Неаполя не сделал на меня никакой перемены. Я ожидал, что жары здешние будут для меня невыносимы, но вышло напротив — я едва их слышу, даже не потею и не устаю, впрочем, может быть, оттого, что не делаю слишком большого движения. Вид Неаполя, как вы, я думаю, знаете из описаний и рассказов, удивительный. Передо мною море, голубое как небо, лиловые и розовые горы с городами вокруг его. Предо мною Везувий. Он теперь выбрасывает пламя и дым. Спектакль удивительный! Вообразите себе огромнейший фейерверк, который не перестает ни на минуту. Давно уже он не выбрасывал столько огня и дыма. Ожидают извержения. Громы, выстрелы и летящие из глубины его раскаленные красные камни, всё это — прелесть! Еще четыре дня назад можно было подыматься на самую его вершину и смотреть в его ужасное отверстие. Теперь нельзя. Доходят только до половины; далее чувствуется слишком большой жар и опасно от летящих камней.

Место, где я живу, в сорока верстах от него в расстоянии. Но он совершенно кажется близок, и, кажется, к нему нет и двух верст. Это происходит от воздуха, который так здесь чист и тонок, что всё совершенно видно вдали. Небо здесь ясно и светлоголубого цвета, но такого яркого, что нельзя найти краски, чтобы нарисовать его. Всё светло. Свет от солнца необыкновенный. Кажется, здесь совсем нет теней. Весь Неаполь и все города, которые попадаются в этой стороне Италии, без крыш. Домы вам покажутся или недостроенными, или погоревшими. Вместо крыши гладкая платформа, на которой по вечерам здесь имеют обыкновение сидеть, наслаждаясь видом залива, Везувия, неба и удивительных окрестностей. <...> Скалы и утесы здесь картинны. Их такое множество. Но мне жизнь в Риме нравится лучше, чем в Неаполе, несмотря на то, что здесь гораздо шумнее. Жаль, что нельзя никаким образом ничего переслать отсюда, я бы вам мог прислать кое-что из здешних вещей, которые работаются из лавы Везувия. Они очень милы и отличаются искусством работы».

ИЮЛЯ 18 <30>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

С. Т. Аксаков отправляет сыну Константину за границу письмо, в котором советует ему съездить в Рим к Гоголю.

Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 560. – См. также ***1838. Сентября конец – октября первая половина <сентября вторая половина>. Швейцария или Германия***; ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим.***

ИЮЛЬ <ИЮЛЯ СРЕДИНА – АВГУСТА СРЕДИНА>. ВАСИЛЬЕВКА

Мать Гоголя в письме из Васильевки сообщает сыну слухи о нем, которые она почерпнула из письма к ней двоюродной сестры В. П. Березиной (рожд. Косяровской).

См. ***1839. Марта 25 <13>. Понедельник. Рим.*** – См. также ***1838. Июня вторая половина, не позднее субботы 25 <июня конец – июля не позднее 7>. Москва.***

ИЮЛЯ 31 <АВГУСТА 12>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ИЮЛЬ – АВГУСТА ДО 14 <ИЮНЯ КОНЕЦ – АВГУСТА ДО 2>. КАСТЕЛЛАМАРЕ

Гоголь отправляет, с сиделкой, на соседнюю дачу, шутливую записку к княжне В. Н. Репниной-Волконской:

«Осужденный доктором на лежание в постели почти весь сегодняшний день, я совершенно не могу взяться за ум, как нужно себя вести в этом для меня конфузном и совершенно новом состоянии, и потому прибегаю к вам за советом. Вам совершенно знакомо это состояние. Сделайте милость, научите, нужно ли почти ничего не делать или совершенно ничего не делать. За этим единственно и отправляется сия посланница, летящая быстрее ветра посредством своих крепких, хотя несколько грязных, ног. Если вы находите, что хорошо следовать первому из этих правил, то очень обяжете меня, когда одолжите который-нибудь из волюмов[1] Гофмана[2]. Кажется, что в теперешнее время мне будут в пору фантастические сказки. <...> Я нашел у себя на столе письмо госпожи Яковлевой, которое дышит необыкновенным достоинством. Запрос обо мне обличает всю тонкость ума этой необыкновенной дамы. Позвольте узнать, будет ли куда-нибудь услан ваш управляющий ослиными делами signer Dominico[3]. Я хотел бы послать его к Ливену на квартиру[4] за моим несчастным паспортом, о котором я совершенно не имею никаких слухов».

Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной-Волконской 1890 г.: «В Кастелламаре[5] у нас было две дачи, потому что нас было большое общество: родители мои[6], Глафира Ивановна[7] и я, брат мой <Василий> с семейством[8] и Павел Иванович Кривцов с своею женою (моей меньшой сестрой <Елизаветой>). Когда брат мой уехал, Гоголь оставался на его даче, где находилась одна из наших горничных, очень больная, для которой мать моя наняла сиделку; она же служила и Гоголю. Обедал он на нашей даче; обе принадлежали одному хозяину и разделялись дорогою. Гоголь часто сидел в моей комнате, где мы жили с Глафирой Ивановной. Туда приходил также молодой архитектор Дмитрий Егорович Ефимов[9], с которым Гоголь постоянно спорил. <...> В Кастелламаре он читал нам первые две главы второго[10] тома "Мертвых Душ" и тогда, или позже[11] немного, говорил, что первый том — грязный двор, ведущий к изящному строению»[12].

[1] Волюм — том (*фр.*).

[2] См. также ***1838. Ноября 19 <7>. Понедельник. Рим.***

[3] Signor Dominico — синьор Доминико (*ит.*).

[4] Вероятно, в Неаполь.

[5] Речь идет о периоде между июлем и началом сентября (н. ст.) 1838 г. К этому времени предположительно относится акварельный портрет Гоголя работы А. А. Иванова, хранящийся в Государственном Русском Музее. «...В 1838 г. <...> и Гоголь, и Иванов провели июль и август в окрестностях Неаполя. Гоголь обосновался в Кастелламаре. Где тогда пребывал Иванов не установлено, но так как его пейзажи 1838 г. связаны с Помпеей и Кастелламаре, и именно там обосновались многие русские из римской "колонии", в том числе и "меценатствующие", предположение, что художник остановился неподалеку от писателя, весьма правдоподобно. <...> Приведенные данные позволяют считать 1838 г. наиболее ранней возможной датой создания <Ивановым> акварельного портрета <Гоголя>» (*Уварова Н. И.* Неизвестный портрет Н. В. Гоголя работы А. А. Иванова // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1994. М., 1996. С. 306–307).

[6] Князь Н. Г. Репнин-Волконский и княгиня В. А. Репнина-Волконская (рожд. графиня Разумовская).

[7] Г. И. Дунина-Борковская (рожд. Псиол). «О ней см. в "Русском Архиве", 1889, III, 575. – *П. Б.*» (примеч. П. И. Бартенева). Сохранился карандашный набросок портрета Гоголя Г. И. Дуниной-Барковской, относящийся, по-видимому, к этому периоду (см.: Портреты Н. В. Гоголя. Собраны и изданы под наблюдением Общества Любителей Российской Словесности при Императорском Московском Университете. Исполнено и издано худож. фототипией К. А. Фишер<а>. <Вступит. ст. М. Н. Сперанского>. М., 1909. С. 45; № 8; *Машковцев*. С. 148).

[8] С женой — княгиней Е. П. Репниной-Волконской (рожд. Балабиной) — и сыновьями — Петром и Николаем.

[9] Д. Е. Ефимов (1811–1864), архитектор. В. И. Шенрок, комментируя строки письма Гоголя к М. П. Погодину от 5 мая (н. ст.) 1839 г.: «И я похож теперь на Ефимова, который показывал тебе египетские древности...» (см. ***1839. Мая 5 <апреля 23>. Воскресенье. Рим***), — отмечал: «...Речь идет об архитекторе Дмитрии Егоровиче Ефимове, с которым Гоголь всегда спорил, как сообщала нам княжна В. Н. Репнина. Он отличался самоуверенностью и самодовольством при ограниченных познаниях. Следует, впрочем, заметить, что Погодин далеко не так презрительно относился к Ефимову и многое в показанных ему портфелях признавал вовсе не лишенным интереса» (Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 595–596).

[10] Первые свидетельства Гоголя о работе над вторым томом «Мертвых душ» относятся к концу 1840 г. (см. его письма к С. Т. Аксакову и к М. П. Погодину от 28 декабря (н. ст.) 1840 г.: ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим***). Возможно, подготовительная работа была начата еще в 1839 г. (см. ***1839. Июля 12 <июня 30>. Пятница. Ганау***; ***1839. Июля 13 <1>. Суббота — августа около пятницы 23 <около пятницы 11>. Мариенбад***). — См. также ***1841. Май — августа средина <апреля вторая половина — августа начало>. Рим***; ***1841. Августа 7 <июля 26>. Суббота. Рим***. — В 1846 г. в одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» Гоголь, имея в виду второй том поэмы, также замечал: «Не легко было сжечь пятилетний труд... <...> ...то, над чем провел пять болезненных лет». Вероятно, сообщение княжны В. Н. Репниной-Волконской о чтении Гоголем «первых двух глав» второго тома «Мертвых Душ» относится не к периоду пребывания писателя в Кастелламаре в июле — первой половине августа (н. ст.) 1838 г., но ко времени его проживания в Одессе с 24 октября 1850 по 28 марта 1851 г. (см. ***1851. Март. Одесса***).

[11] Ср. три письма Гоголя 1842 г.: к П. А. Плетневу от 17 марта, к А. С. Данилевскому от 9 мая, к В. А. Жуковскому от 26 июня (н. ст.).

[12] *Бартенев П. И.* Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной о Гоголе <1890> // *Свод.* Т. 3. С. 100.

АВГУСТА 14 <2>. ВТОРНИК. КАСТЕЛЛАМАРЕ

Гоголь пишет письма А. С. Данилевскому в Париж и М. П. Погодину в Москву.

Получив из Рима, с опозданием более чем в месяц, парижское письмо Данилевского (с рассказом о краже денег и просьбой приехать к нему на помощь в Париж)[1], Гоголь в ответном письме сожалеет, что не получил этого письма ранее, перед отъездом из Рима в начале июля (н. ст.) 1838 г.: «Я не знаю, что мне делать. Читаю в конце твоего письма: Приезжай в Париж. Я б приехал, я бы где-нибудь достал денег и непременно бы приехал... <...> Но <...> если я тебя уже не застану? <...> Может быть <...> эта история с векселем <...> приключилась нарочно, чтобы тебе помешать этот год ехать. Мое здоровье тоже плохо, но если бы мы были вместе, мы бы доставили друг другу бальзам утешения. Я уже было простился с тобою, уже отправил я к тебе письмо в Петербург[2]... <...> Если ты в Париже, помедли одну, полторы недели; напиши мне тотчас письмо в Марсель, в poste restante на всякий случай. <...>

P. S. Мне пришла мысль, которая может пролить некоторый свет на твой процесс с мошенником. Ты, верно, говорил кому-нибудь или хозяевам твоей квартиры, или portier, что ты ожидаешь векселя; верно, об этом узнал кто-нибудь из знакомых консиержу, или portier, или хозяину и караулил издавна почталиона: потому, не бывши предуведомлену, нельзя вдруг напасть и распечатать чужое письмо. Может быть, не заметил ли почталион лицо принявшего письмо и не зажил ли кто-нибудь роскошно, кто-нибудь из знакомых portier или хозяина. Но твой адвокат уже, может быть, без меня наталкивался на все эти подозрения. Какой неожиданный случай! Признаюсь, мне всегда он приходил на ум, когда я получал в письме вексель. И как глупо делают банкиры, которые принимают вексель, не спросивши пашпорта.

Напиши два ответа на это письмо: одно в Марсель, другое в Неаполь. Если каким-нибудь случаем я не отправлюсь еще, то — чтобы я знал, что мне делать».

Делится также впечатлениями от Неаполя и Кастелламаре: «Неаполь не тот, каким я думал найти его. Нет, Рим лучше. Здесь душно, пыльно, нечисто. Рим кажется Париж<ем> против Неаполя, кажется щеголем. Кафе римские, магазины и парикмахеры великолепны против неаполитанских. Италианцев здесь нельзя узнать; нужно прибегать к палке, — хуже, чем у нас на Руси. <...>

Я живу в Кастелла-Маре, в двух часах от Неаполя, я здесь начал было пить воды, но оставил воды. Вод здесь страшное множество: один остров Искио весь обпарен минеральными ключами. Говорят, их здесь больше, чем в Германии. Скалы прелестны. Они и плоские крыши домов напоминают, что живешь на юге».

Размышляя о том, как помочь Данилевскому, и не зная, находится ли еще он в Париже, Гоголь в тот же день обратился к Погодину[3] с просьбой: «Если ты богат, пришли вексель на 2000. Я тебе через год, много через полтора их возвращу. <...> Если будешь посылать вексель, пожалуйста вели банкиру своему послать прямо к римскому банкиру Валентини...»[4]

В том же письме сообщает Погодину: «Я получил твое письмо в письме Бодянского из Карлсбада[5]. <...> У меня забилось сердце, когда я прочитал твою записку, где ты говоришь, что будущею весною будешь в Италии[6]. <...> Увы! здоровье мое плохо! И гордые мои замыслы... О друг! если бы мне на четыре, пять лет еще здоровья! И неужели не суждено осуществиться тому... много думал я совершить... <...> Сижу над трудом, о котором ты уже знаешь[7], я писал к тебе о нем[8], но работа моя вяла, нет той живости. Недуг, для которого я уехал и который было, казалось, облегчился, теперь усилился вновь. Моя гемороидальная болезнь вся обратилась на желудок. Это несносная болезнь. Она меня сушит <...> и мешает мне заниматься. Но я веду свою работу, и она будет кончена, но другие, другие... О, друг! какие существуют великие сюжеты. Пожалей о мне! <...> Сочинение мое велико, у нас же товар продается по величине, и потому я думаю за него получить столько, что в состоянии буду заплатить этот <долг> в конце будущего года[9]. <...> Через полтора месяца я уже буду в Риме».

Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной-Волконской в пересказе А. В. Марковича (1856–1859): «В Неаполе Гоголь был очень болен, жил у них и, казалось, чрезвычайно был погружен в свою болезнь. Тут увидела она великодушное сердце Гоголя. Получив известие, что один из его приятелей <А. С. Данилевский> в Париже без денег, в горести и больной, Гоголь забыл о своей болезни, занял у двух особ денег и поспешно уехал в Париж. Из Парижа он возвратился уже в Рим[10], и уплатил долг»[11].

Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной-Волконской 1890 г.: «Гоголь тогда страдал желудком, и мы постоянно слышали, как он описывал свои недуги; мы жили в его желудке. Но когда он получил письмо от своего друга Александра Семеновича Данилевского о том, что он в Париже болен, без денег и не может поэтому вернуться в Россию, то Гоголь бросил все свое лечение, занял у моего зятя Кривцова[12] и у меня денег (которые он нам возвратил, приехавши из Франции) и поспешил выручить из беды Данилевского»[13].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Во всей Москве переписывался с ним один Погодин; он получил, наконец, письмо от Гоголя, уведомлявшее об его болезни и трудных денежных обстоятельствах. Это письмо было писано из Неаполя от 20-го <14-го> августа. Между прочим Гоголь писал в нем: "Мне не хотелось пользоваться твоею добротою. Теперь я доведен до того. Если ты богат, пришли вексель на 2000. Я тебе через год, много через полтора их возвращу"»[14].

В. И. Шенрок писал: «...Денежные дела Гоголя снова пришли в расстройство, вследствие неожиданнаго займа, сделанного для Данилевского, которого он поспешил выручить из затруднительного положения, когда последний, лишившись матери, вместе с тем потерял возможность вести прежний беспечный образ жизни. К тому же Данилевский вскоре[15] был обманут каким-то негодяем в Париже. <...>

Гоголю пришлось в это время выручить Данилевского из беды, в которую тот попал, благодаря мошенническому похищению каким-то евреем присланных ему из дому денег. Хуже всего было то, что трудно было напасть на следы виновника похищения. Узнав об этом приключении, Гоголь немедленно написал Погодину письмо <от 14 августа (н. ст.) 1838 г.>, в котором убедительно просил его, как одного из ближайших друзей, прислать ему вексель в две тысячи рублей к римскому банкиру Валентини. <...> Особенно достойна внимания в этом отношении истинная деликатность Гоголя: выпросив деньги у Погодина, он объяснил дело в письме к Данилевскому случайностью. <...> ...<31 декабря (н. ст.) 1838 г. из Рима> он отправил Данилевскому сохранявшийся у него билет в 100 франков, говоря: "Я не трогал его никогда, как будто знал его приятное для меня назначение. <...> Я, приехав в Рим, нашел здесь для меня 2000 фр<анков> от добраго моего Погодина, который, не знаю как, пронюхал, что я в нужде, и прислал мне их. Они мне были очень кстати, — тем более, что дали возможность уплатить долг Валентини, который лежал у меня на душе, и переслать эту безделицу к тебе"»[16].

Еще ранее, в июне 1838 г., в Москве распространились слухи, будто Гоголь в Риме «посажен за долги в тюрьму»[17]. Вследствие этого друзьями Гоголя было решено собрать ему деньги. Получив письмо Гоголя от 14 августа (н. ст.) 1838 г. (вызванное стремлением помочь Данилевскому), Погодин 1 сентября 1838 г. выслал ему 2000 рублей ассигнациями (которые были собраны не только Погодиным, но также С. Т. Аксаковым, Е. А. Боратынским, Н. Ф. Павловым и И. Е. Великопольским[18]). Однако в первых числах сентября (н. ст.) 1838 г. Гоголь получает от Данилевского новое письмо, от 27 августа (н. ст.) 1838 г., в котором тот сообщает, что находится по-прежнему в Париже, и повторяет свою просьбу приехать к нему на помощь[19]. Получив письмо Данилевского, Гоголь 5 сентября (н. ст.) 1838 г, будучи в Неаполе, отправил княжне В. Н. Репниной-Волконской в Кастелламаре письмо, в котором просил ее обратиться к П. И. Кривцову, чтобы тот ходатайствовал у римского банкира Д. Валентини о выдаче Гоголю в Париже 1500 франков: «Чтобы Валентини написал к тому банкиру, которого он более знает и с кем в сношении он в Париже, выдать мне означенную сумму... <...> В ноябре месяце я сам вручу эти деньги Валентини, тем более, что ожидаемые мною в этом месяце деньги и без того придут к нему в руки... <...> Об успехе этого дела напишите мне маленькую записочку в Париж...»[20] (Очевидно, Гоголь предполагал вернуть долг деньгами, которые запросил ранее у Погодина.) Репнина жила совсем неподалеку («в Кастелла-Маре, в двух часах от Неаполя» — см. письмо Гоголя к А. С. Данилевскому от 15 августа (н. ст.) 1838 г.), поэтому Гоголь, — возможно, в тот же день или на следующий, 6 сентября (н. ст.) 1838 г., заехал к ней в Кастелламаре — и уже оттуда, опять через Неаполь, отправился в дорогу[21]. 9 сентября (н. ст.) 1838 г. Гоголь был уже в Ливорно, на пути в Париж[22]. В Париж он прибыл в средине сентября (н. ст.) 1838 г.[23] и пробыл здесь более месяца, до 25 октября (н. ст.)[24]. Благодаря поручительству римского банкира Д. фон Велентини деньги в Париже были Гоголем получены. 20 сентября (н. ст.) 1838 г., — очевидно, на первой неделе пребывания в Риме, сразу после получения денег, — Гоголь благодарил Репнину за помощь в поручительстве, точнее, за то, что смог оказать полученными деньгами помощь Данилевскому: «...Нет полнее и выше наслаждения для сердца, как доставить услугу тому, который близок к нашему сердцу, а я доставил более, нежели обыкновенную услугу; я принес облегчение в горе, почти благодеяние, и за это я должен благодарить вас...»[25] В свою очередь, за получение 2000 рублей от Погодина Гоголь благодарил друга по возвращении в Рим, в письме от 1 декабря (н. ст.) 1838 г.[26] Частью из полученных от Погодина денег Гоголь вновь оказал помощь Данилевскому, послав ему дополнительно 100 франков. В письме к Данилевскому от 31 декабря (н. ст.) 1838 г. Гоголь сообщал: «Видит Бог, с какой готовностью и радостью помог бы тебе, и радость эта была бы мое большое счастие, но, увы!.. что делать? Делюсь по крайней мере тем, что есть; посылаю тебе билет в 100 франков, который у меня долго хранился. Я не трогал его никогда, как будто знал его приятное для меня назначение. На днях я перешлю тебе через Валентини франков, может быть, 200. Ты, по получении этого письма, наведайся к банкиру Ружемонту; от него их получишь. Я, приехавши в Рим, нашел здесь для меня 2000 франков от доброго моего Погодина, который, не знаю, каким образом, пронюхал, что я в нужде...»[27] Именно по поводу этого гоголевского письма Шенрок замечал: «Особенно достойна внимания в этом отношении истинная деликатность Гоголя: выпросив деньги у Погодина, он объяснил дело в письме к Данилевскому случайностью». (Позднее свой долг Гоголю Данилевский вернул[28].)

Шенрок также сообщал: «Вот небольшой отрывок из его <Данилевского> автобиографическаго очерка, помещеннаго им в одном из писем: "Ни зависть, ни стяжание не входят в элементы моего характера. Страсть к наживе никогда не овладевала мною. Я скромен и скорее робок по моей натуре. В молодости, как все мы, я любил удовольствия, но никогда не предавался им, очертя голову. Никогда не делал долгов: боялся их пуще всего на свете. И теперь какой-нибудь незначительный долг в аптеку уже заставляет меня беспокоиться. Я не могу себе представить, как иные (в подлиннике стоит фамилия одного лица. — *Примеч. В. И. Шенрока. — И. В.*), имея столько долгов на шее, могут спать спокойно.

Я безпечен и доверчив, но полагаю, что умею различать и ценить людей. Несмотря на то, что моя оценка грешит скорее снисхождением (может быть, потому, что и сам нуждаюсь в снисхождении), нежели строгостью, не помню, чтобы когда-нибудь сильно обманулся в ней. С удовольствием могу сказать, что, не обладая никакими особенно выдающимися талантами, нередко возбуждающими зависть при среднем уровне характера, я никогда не имел врагов в серьезном смысле этого слова и недостатка в людях, искренно расположенных ко мне. Бывши школьником, я был любим моими товарищами и всю жизнь пользовался дружбою некоторых из них. Я не лицемер, и своих симпатий, так же, как и антипатий, скрывать не умею. Лесть и мелкое угодничество, играющее такую полезную роль в практической жизни, были чужды моей натуре и никогда не уживались с ней. Я не лишен в известной дозе ни самолюбия, ни эгоизма. Я вспыльчив и щекотлив. Я живо чувствую оскорбления и долго не забываю их, особенно когда они касаются той святыни, именуемой честью, которую я глубоко храню в моей душе и ревниво оберегаю. В этом, и только в этом я злопамятен..."»[29]

[1] См. ***1838. Июля начало <июня конец>. Париж.***

[2] См. ***1838. Июля 2 <июня 20>. Рим.***

[3] «М. П. Погодин получил это письмо 18 августа ст. ст.» (*Гоголь 1937–1952.* Т. 11. С. 401).

[4] Оба письма – к Данилевскому и к Погодину – датированы Гоголем 20 августа, однако сохранившийся почтовый штемпель на письме к Погодину указывает, что оно было отправлено из Неаполя 14 августа (н. ст.). Очевидно, что письмо к Данилевскому также датировано ошибочно и относится к тому же дню, т. е. к 14 августа.

[5] Письма не сохранились.

[6] См. ***1839. Марта 8 <февраля 24>. Рим.***

[7] Имеются в виду «Мертвые души».

[8] См. ***1837. Марта 30 <18>. Четверг. Рим.***

[9] См. также ***1836. Мая 12. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1837. Июля 20 <8>. Четверг. Баден-Баден.***

[10] См. ***1838. 1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим.***

[11] Записка, составленная А<фанасием> В<асильевичем> М<аркович>ем из письма к нему Кн<яжны> В. Н. Р<епни>ной о Гоголе. <Письмо к П. А. Кулишу от 31 декабря 1856–1859 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 96.

[12] П. И. Кривцов был женат на Елизавете Николаевне (рожд. княжна Репнина-Волконская), родной сестре княжны В. Н. Репниной-Волконской.

[13] *Бартенев П. И.* Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 100.

[14] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 670.

[15] В конце июня – начале июля (н. ст.) 1838 г. (см. ***1838. Июля начало <июня конец>. Париж***).

[16] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 519–520.

[17] См. ***1838. Июня вторая половина, не позднее субботы 25 <июня конец – июля не позднее 7>. Москва; 1838. Июля 1 <13>. Пятница. Москва; 1838. Июля 12 <24>. Вторник. Москва.***

[18] См. ***1838. Сентября 1 <13>. Четверг. Москва.***

[19] См. ***1838. Августа 27 <15>. Понедельник. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Париж.***

[20] См. ***1838. Сентября 5 и 6 <августа 24 и 25>. Среда и четверг. Неаполь, Кастелламаре, Неаполь.***

[21] См. ***1838. Сентября 5 и 6 <августа 24 и 25>. Среда и четверг. Неаполь, Кастелламаре, Неаполь.***

[22] См. ***1838. Сентября 9 <августа 28>. Воскресенье. Ливорно.***

[23] См. ***1838. Сентября средина – октября 25 <сентября начало – октября 13>. Париж.***

[24] См. ***1838. Октября 25 <13>. Четверг. Париж.***

[25] См. ***1838. Сентября 20 <8>. Четверг. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Париж.***

[26] См. ***1838. Декабря 1 <ноября 19>. Суббота. Рим.***

[27] См. ***1838. Декабря 31 <19>. Понедельник. Рим.***

[28] См. ***1843. Февраля 26 <14>. Воскресенье. Рим.***

[29] Воспоминания А. С. Данилевского о последних годах жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 531.

АВГУСТА 10 <22>. СРЕДА

В. Г. Белинский пишет И. И. Панаеву:

«Нет ли слухов о Гоголе? Как я смеялся, прочтя в “Прибавлениях”, что Гоголь, *скрепя сердце,* рисует своих оригиналов[1]. *Во время оно* я и сам так же врал...»[2]

Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 244.

[1] Имеются в виду следующие строки анонимного разбора повестей М. С. Жуковой, В. А. Владиславлева, П. П. Каменского и М. А. Маркова в «Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду»: «...Гоголь схватывает только *резкие* черты характеров и, обрисовывая их своею волшебною кистию, сам, скрепя сердце, смеется над ними и заставляет других смеяться» (Критика и библиография // Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду. 1838. 21 мая. № 21. С. 410). Позднее, в статье «Горе от ума... Сочинение А. С. Грибоедова» (1840), Белинский писал: «Изображая отрицательные явления жизни, поэт нисколько не думает писать сатиры, потому что сатира не принадлежит к области искусства и никогда не может быть художественным произведением. Рисуя нравственных уродов, поэт делает это совсем не скрепя сердце, как думают многие: нельзя сердиться и творить в одно и то же время; досада портит желчь и отравляет наслаждение, а минута творчества есть минута высочайшего наслаждения. Поэт не может ненавидеть свои изображения, каковы бы они ни были; напротив, скорее он их любит, потому что они представляются ему уже просветленными идеею» (*Белинский В. Г.* Горе от ума... Сочинение А. С. Грибоедова // Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 202; см. также ***1840. Января 2. Вторник. Москва*** – примечания). В статье «Похождения Чичикова, или Мертвые души», опубликованной в 1842 г. в июльском номере «Отечественных Записок», Белинский также замечал: «Нельзя

ошибочнее смотреть на “Мертвые души” и грубее понимать их, как видя в них сатиру» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. С. 53–54).

Высказывание критика о том, что «рисуя нравственных уродов, поэт делает это совсем не скрепя сердце», расходятся с представлением самого Гоголя о своем смехе, как «смехе сквозь слезы», — представлением, в котором нашли отражение слова св. апостола Павла во Втором послании к Коринфянам, где тот объясняет причины суровости, с какой он обличал коринфян за их прегрешения в предыдущем, Первом послании: «От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам» (гл. 2, ст. 4). – См. также ***1842. Октября конец <ноября первая половина>. Москва.***

[2] Имеется в виду оценка произведений Гоголя в статье Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя (“Арабески” и “Миргород”)» (1835).

АВГУСТА 27 <15>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ПАРИЖ. А. С. Данилевский пишет ответное[1] письмо Гоголю в Неаполь:

«Меня разбудили, чтобы подать письмо твое. <...> Ты сомневаешься, застанешь ли меня в Париже, а я сомневаюсь, уеду ли я когда-нибудь из Парижа. <...> Из Петербурга ни слова ни от кого, а писал ко всем — раз восемь, может быть. <...> При одной мысли видеть тебя жизнь моя обновляется! Признаюсь, написав к тебе это: “приезжай в Париж”[2], я хотел было зачеркнуть его, но оставил, не знаю почему, — может быть, не находя в нем смыслу. <...> Ты проводишь меня, может быть, до Лондона, а из Лондона теперь есть пароход прямо в Петербург, а в Лондон едут за 28 франков. Ты, помнится, хотел ехать в Лондон[3] еще прошедший год. Услышишь “Don Giovanni”[4], “Отелло”[5], “Гугенотов”[6]; увидишь Фанни Эльслер[7]; ты, верно, не видал ничего грациознее в мире! Увидишь баядерок, на днях приехавших из Индии! <...> На помощь из Петербурга я надеюсь тем не менее еще, что, по причине открытых заговоров в Польше, письма мои были перехвачены и не дошли по адресу».

[1] См. ***1838. Августа 14 <2>. Вторник. Кастелламаре.***

[2] См. ***1838. Июля начало <июня конец>. Париж.***

[3] В Лондоне Гоголь так и не побывал.

[4] «Дон-Жуан» (1787) – опера Моцарта.

[5] «Отелло» (1816) – опера Россини.

[6] «Гугеноты» (1836) – опера Дж. Мейербера.

[7] Австрийская балерина.

АВГУСТА 16 <28>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Большом театре; в роли Городничего — М. С. Щепкин.

Гриц. С. 250; *Ельницкая 1978.* С. 305.

АВГУСТА 18 <30>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

М. П. Погодин получил[1] письмо Гоголя из Кастелламаре[2].

[1] См.: *Городецкий.* С. 458.

[2] См. ***1838. Августа 14 <2>. Вторник. Кастелламаре.*** – Ответ Погодина см.: ***1838. Сентября 1 <13>. Четверг. Москва.***

СЕНТЯБРЯ 5 И 6 <АВГУСТА 24 И 25>. СРЕДА И ЧЕТВЕРГ. НЕАПОЛЬ, КАСТЕЛЛАМАРЕ, НЕАПОЛЬ

5 сентября 1838 г. Гоголь, получив незадолго перед тем из Парижа письмо А. С. Данилевского от 27 августа (н. ст.) 1838 г.[1], отправляет в Кастелламаре письмо к княжне В. Н. Репниной-Волконской, в котором выражает соболезнование по поводу нездоровья ее матери, княгини В. А. Репниной-Волконской (рожд. графини Разумовской), а также просит княжну написать в Рим П. И. Кривцову (мужу ее сестры) о поручительстве за него перед римским банкиром Валентини для выдачи ему в Париже 1500 франков («Чтобы Валентини написал к тому банкиру, <...> с кем в сношении он в Париже, выдать мне означенную сумму, а адрес его прислал бы мне в письме на имя известной вам Жозефины Турингер»[2].) Прилагает записку к П. И. Кривцову (не сохранилась). Об успехе этого дела просит отвечать ему в Париж.

Вероятно, в тот же день или на следующий, 6 сентября (н. ст.) 1839 г., Гоголь, получив записку от Репниной-Волконской, побывал у нее в Кастелламаре, откуда вернулся в Неаполь и выехал в Париж к Данилевскому. Спеша на помощь к другу, Гоголь из Неаполя в Ливорно отправился, очевидно, морем, не заезжая в Рим (где мог бы переговорить сам с банкиром Валентини о поручительстве и, в частности, проверить на почте наличие писем от матери[3]).

Позднее, в июньском письме 1839 г.[4], Гоголь напоминал Репниной-Волконской: «Помните, когда я ехал из Кастелламаре, и вы мне желали счастливого пути? Он был счастлив. Я исполнил тогда все, что должен был исполнить, обделал дела хорошо, безупречная совесть весело провожала возвратный[5] путь мой в Италию».

[1] См. ***1838. Августа 27 <15>. Понедельник. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Париж.***

[2] Подробнее см. ***1838. Августа 14 <2>. Вторник. Кастелламаре*** – примечания.

[3] См. ***1838. Сентября 9 <августа 28>. Воскресенье. Ливорно.***

[4] См. ***1839. Июня после 5 – июля начало <мая после 24 – июня конец>. Рим, Чивитавеккья, Марсель.***

[5] См. ***1838. Октября 25 <13>. Четверг. Париж.***

СЕНТЯБРЯ 9 <АВГУСТА 28>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ЛИВОРНО

Гоголь прибыл морем из Неаполя в Ливорно[1]. Пишет в Васильевку письмо матери:

«Давно я не получал от вас писем... <...> Я еще до сих пор не в Риме и потому, что они и лежат там на почте, то я долго их не буду еще читать, по крайней мере целый месяц. <...> Я тоже очень давно не получал писем от сестер <Анны и Елисаветы> из Петербурга».

В преддверии встречи в Париже с А. С. Данилевским спрашивает мать об его отчиме и братьях:

«Уведомьте, между прочим, о соседе нашем Васил<ии> Иванович<е> Черныше, который, без сомнения, очень чувствует свою потерю[2] еще и не успел утешиться, уведомьте, как он живет теперь и каковы были распоряжения покойницы Татьяны Ивановны насчет ее детей, а также и его, и где теперь находятся Данилевские Иван и Елисей».

Спрашивает о сестре Марии, о соседях; просит поблагодарить А. А. Трощинского о прощении долга — денег, взятых у него М. И. Гоголь в сентябре 1831 г.[3]:

«...Кто из них приезжал к нам в церковь в воскресный день и потом, разумеется, обедал у нас, и в чем был одет, или одета, и — что говорил или говорила. <...> Если будете писать к Андрею Андреевичу, поклонитесь ему от меня и скажите, что я всегда помню о нем. Он, точно, всегда был добр, и теперешний его поступок в отношении к вам насчет долга вполне доказывает доброту его души!»

[1] См. ***1838. Сентября 5 и 6 <августа 24 и 25>. Среда и четверг. Неаполь.***

[2] Смерть жены.

[3] См. ***1831. Октября 9. Пятница. Васильевка.*** — См. также ***1838. Декабря 10 или 11 <ноября 28 или 29>. Понедельник или вторник. Рим.***

СЕНТЯБРЯ 1 <13>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

М. П. Погодин посылает Гоголю в Рим 2000 рублей.

В этот день Погодин, отвечая Гоголю на письмо от 2/14 августа 1838 г.[1], сообщал: «Видя, что ты находишься в нужде, на чужой стороне, я, имея свободные деньги, посылаю тебе 2000 р<ублей> ассигнациями. Ты отдашь их мне тогда, когда разбогатеешь, что, без сомнения, будет».

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «[Мы] Несколько человек решились помочь Гоголю, но под большим секретом: я, Погодин, Баратынский[2] и Павлов[3] сложились по 250 р<ублей>, и 1000 р<ублей> предложил сам по сердцу весьма добрый человек И. Е. Великопольский, которому я только намекнул о положении Гоголя и о нашем намерении. Секрет [наш] его знакомыми был вполне сохранен. Погодин должен был написать к Гоголю письмо следующего содержания: "Видя, что ты находишься в нужде, на чужой стороне, я, имея свободные деньги, посылаю тебе 2000 р<ублей> ассигнациями. Ты отдашь их мне тогда, когда разбогатеешь, что без сомнения будет". Деньги были отосланы немедленно. С этими деньгами случилась странная история. Я удостоверен, что они были получены Гоголем[4], потому что в одном своем письме Погодин очень неделикатно напоминает об них Гоголю[5], тогда как он дал честное слово нам, что Гоголь никогда не узнает о нашей складчине; но вот что непостижимо: когда финансовые дела Гоголя поправились, когда он напечатал свои сочинения в 4-х томах, тогда он поручил все расплаты Шевыреву и дал ему собственноручный регистр[6], в котором даже все мелкие долги были записаны с точностью; об этих же 2000-х не упомянуто[7]; этот регистр и теперь находится у Шевырева»[8].

В тот же день, 1 сентября 1838 г., М. П. Погодин записал в дневнике:

«*Сентябрь 1838. 1.* <...> Получ<ил>[9] письмо от Гоголя и обрадовался ему без памяти. Как кстати ему посланы деньги; он также просит об них»[10].

[1] См. ***1838. Августа 14 <2>. Вторник. Кастелламаре.***

[2] Е. А. Боратынский.

[3] Н. Ф. Павлов.

[4] Письмо и деньги были получены Гоголем по прибытии в Рим 15 ноября (н. ст.) 1838 г. (см. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг — 1839 июня средина <июня начало>. Рим***). Ответ Гоголь написал 1 декабря (н. ст.) 1838 г. (см. ***1838. Декабря 1 <ноября 19>. Суббота. Рим***).

[5] Возможно, имеются в виду слова Погодина в письме к Гоголю от 14/27 июля 1847 г.: «Шесть лет я делил с тобою последние свои крохи, не думая, не зная о возвращении (потому что ты в 1839 г. в Мариенбаде уверял меня, что "Мертвые души" при жизни не будешь печатать <см. ***1839. Июля 13 <1>. Суббота — августа около пятницы 23 <около пятницы 11>. Мариенбад*** >), и вдруг, начав печатать, ты отшатнулся от меня, обратился за деньгами для напечатания к другим... <...> Двенадцать лет ты меня знал, двенадцать лет не видал ничего, кроме добра, и вдруг одно слово или, лучше, смысл, который ты сам дал слову, выводит тебя из границ, производит презрение, ненависть!»

[6] Черновой набросок упомянутого «регистра» долгов Гоголя сохранился в его записной книжке 1842–1852 гг. (см. ***1842. Мая около 17. Москва***).

[7] См. ***1842. Мая около 17. Москва*** (примечания).

[8] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод*. Т. 2. С. 670.

[9] См. ***1838. Августа 18 <30>. Четверг. Москва.***

[10] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1836–1838 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 419.

СЕНТЯБРЯ 4 <16>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

М. П. Погодин говорил с М. С. Щепкиным «об его жизни, драм<атическом> искусстве, Гоголе».

Гриц. С. 252.

СЕНТЯБРЯ 10 <22>. СУББОТА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает в Рим письмо сыну.

См. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим.***

СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА – ОКТЯБРЯ 25 <СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО – ОКТЯБРЯ 13>. ПАРИЖ

Гоголь в Париже у А. С. Данилевского[1]. По приезде получает у одного из парижских банкиров (вероятно, Ружемона[2]) – по поручительству римского банкира Д. Валентини[3] – деньги, назначенные для помощи Данилевскому[4]. Во время пребывания в Париже встречается с К. А. Квиткой, Н. И. Козловым[5], А. И. Тургеневым; пользуется книгами последнего[6].

[1] Согласно письму Гоголя к Данилевскому из Лиона от 28 октября (н. ст.) 1838 г., Данилевский проживал в Париже по адресу: «Rue de Marivaux, № 11, pres du boulevard des Italiens».

[2] См. ***1838. Декабря 31 <19>. Понедельник. Рим.***

[3] Подробнее см.: ***1838. Августа 14 <2>. Вторник. Кастелламаре.***

[4] Ср. ***1838. Сентября 9 <августа 28>. Воскресенье. Ливорно***; ***1838. Сентября 20 <8>. Четверг. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Париж.***

[5] См. ***1838. Октября 25 <13>. Четверг. Париж***; ***1838. Октября 28 <16>. Воскресенье. Лион.***

[6] См. **1838. Октября 23 <11>. Вторник. Париж**; ***1838. Октября 24 <12>. Среда. Париж***; ***1838. Октября 25 <13>. Четверг. Париж.***

СЕНТЯБРЯ 20 <8>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ПАРИЖ

Гоголь в письме к княжне В. Н. Репниной-Волконской в Кастелламаре благодарит ее за помощь в получении денег для А. С. Данилевского (в оказании поручительства римского банкира Валентини перед банкиром в Париже)[1]:

«Я вкусил большое наслаждение, ибо нет полнее и выше наслаждения для сердца, как доставить услугу тому, который близок к нашему сердцу, а я доставил более, нежели обыкновенную

услугу; я принес облегчение в горе, почти благодеяние, и за это я должен благодарить вас... но прочь слова! Никогда речь и письмо не в силах были выразить чувств моих. И я всегда почти сердился, когда мне говорили, что в некоторых творениях моих выражены верно некоторые чувства. Как бледна мне казалась эта верность и истина в сравнении с тем, что бы хотела выразить душа моя. <...> ...Вы сделались мне теперь как будто ближе, чем прежде, и <...> мысль моя стремится теперь к вам не робко, но свободно и радостно, как будто домой, как будто в Рим, что всё равно для меня, что домой. <...> Более недели я не остаюсь в Париже»[2].

Передает поклоны родителям княжны – князю Н. Г. Репнину-Волконскому и княгине В. А. Репниной-Волконской (рожд. графине Разумовской), а также своей «кузине» – вероятно, Г. И. Дуниной-Барковской[3].

[1] Подробнее см.: ***1838. Августа 14 <2>. Вторник. Кастелламаре***.
[2] Гоголь прожил в Париже еще более месяца – до 25 октября (н. ст.) 1838 г. (см. ***1838. Октября 25 <13>. Четверг. Париж***).
[3] См. ***1838. Июль – августа до 14 <июня конец – августа до 2>. Кастелламаре***.

СЕНТЯБРЯ 11 <23>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Большом театре; в роли Городничего – М. С. Щепкин[1]. «Гастроль Петерб<ургского> артиста А. А. Мартынова, в роли Бобчинского»[2].

[1] *Гриц*. С. 252; *Ельницкая 1978*. С. 305.
[2] *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1897 гг.> // *ГЦТМ*. Ф. 299. Ед. хр. 1852.

СЕНТЯБРЬ <АВГУСТА СРЕДИНА – СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА>. РИМ

В Рим прибыл Ф. А. фон Моллер.

«Моллер добрался до Рима, по-видимому, только ранней осенью 1838 года. <...> К весне 1838 года Федор Антонович прошел полный курс обучения в Академии художеств. <...> Получение золотой медали гарантировало ему пенсионерскую поездку за границу "за казенный счет", однако будучи сыном министра[1] и состоятельным человеком, Моллер отправился туда на собственные средства»[2].

Из воспоминаний Иордана (опубл. в 1891 г.): «В это <...> время приехал в Рим Ф. А. Моллер, пенсионер академии художеств, красивый, молодой дворянин и художник с блестящим талантом и хорошими средствами, всегда веселый и крайне старательный»[3].

[1] Адмирал Антон Васильевич фон Моллер (1764–1848) был морским министром в 1828–1836 гг.
[2] *Маркина Л. А.* Живописец Федор Моллер. М., 2002. С. 28, 25, 210.
[3] Записки профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана // *Свод*. Т. 3. С. 376.

ОКТЯБРЯ 6 <СЕНТЯБРЯ 24>. СУББОТА. РИМ

М. А. Власова сообщает С. П. Шевыреву в Москву:

«Вы, конечно, обрадуетесь, милый мой Шевырев, когда узнаете, что будут скоро здесь достопочтеннейший Ник<олай> Вас<ильевич> Гоголь и ваш друг Бруни...»

Мусатова Т. Л. Н. Гоголь, З. Волконская и «социальное христианство» // Творчество Гоголя в диалоге культур. Четырнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 29 марта – 1 апреля 2014 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2015. С. 224.

СЕНТЯБРЯ 28 <ОКТЯБРЯ 10>. СРЕДА. ВОРОНЕЖ

А. В. Кольцов пишет В. Г. Белинскому в Москву:

«В Петербург вы едете – не только это хорошо; но вам нужно там быть. Пусть он на первый раз вас не очень ласково примет... <...> Но Эрмитаж, но Брюл<л>ов, но весь Петербург снаружи даже, Нева, море стоют гораздо больше; и, может быть, года через два за границу, к Гоголю, в Италию. Надо быть в Италии и Германии, непременно надо; без того вам умереть нельзя».

Гоголь в письмах А. В. Кольцова // *Свод.* Т. 1. С. 807.

СЕНТЯБРЯ КОНЕЦ – ОКТЯБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА <СЕНТЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. ШВЕЙЦАРИЯ ИЛИ ГЕРМАНИЯ

К. С. Аксаков отправляет Гоголю письмо в Рим, в котором приглашает его в средине октября (н. ст.) 1838 г. встретиться в Кельне, чтобы вместе ехать в Россию.

См. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим.*** – См. также ***1838. Июля 18 <30>. Понедельник. Москва.***

ОКТЯБРЯ 1 <13>. СУББОТА. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ВАСИЛЬЕВКА

День рожденья и именин М. И. Гоголь, которая в этот день пишет письмо сыну.

См. ***1838. Декабря 10 или 11 <ноября 28 или 29>. Понедельник или вторник. Рим.***

ОКТЯБРЯ 6 <18>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

А. О. Смирнова пишет графине Е. П. Ростопчиной в с. Вороново[1] Московской губернии:

«Все это время я ездила по горам и по долам, сначала в Воронеж, где так устала духом и телом, что и помыслить не могла о поездке к тебе, в ваши коннозаводческие владения[2], которые гремят на весь уезд. Потом я ездила к дяде[3] моего мужа в Можайск, и эта поездка меня так же утомила, как Воронежская. Вернувшись в Москву, я отправилась из любопытства на богомолье к Троице по гнусной дороге; там грязно и очень неизящно. Наконец, я снова в Москве на пути в Петербург. Погода ужасная... <...> Наследник[4] проводит зиму в Италии, и я буду тосковать по Жуковском и также по Вяземском: он проводил этот год за границей ради своего глаза, которому грозит катаракт.

Михаил Виельгорский также уехал к сыну Иосифу, опасно, говорят, заболевшему[5]. <...> Завтра уезжаю из Москвы и прошу тебя писать мне на Мойку в дом Волконского»[6].

О своей поездке «из любопытства на богомолье» в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру Смирнова позднее, в 1854 г., вспоминала: «Мы поехали в четвероместной карете к Троице[7]. <...> Утром пошли к обедне. <Наместник архимандрит> Антоний сам служил и позировал страшно; по выходе все подходили за благословением. Когда я подошла в розовой шляпке, он принял вид благоговения, а мужикам давал руку почти с презрением. "Э, да ты штукарь", подумала я и вскоре убедилась, что он точно был штукарь и обманщик»[8].

Воспоминания Смирновой в данном случае крайне субъективны. Сама она, побывав в Лавре во второй раз, в 1847 г., писала оттуда Гоголю: «Господь Бог милосердный привел меня сюда после возобновления сильных припадков моей болезни. Страдала и страдаю, любезный друг Николай Васильевич. Я здесь была тому назад 8 лет, *совсем с другими чувствами* (курсив наш. – *И. В.*), теперь чувствую большое услаждение у гроба Преподобного[9]. Наместник <о. Антоний> меня принял очень милостиво, он духовен и любовен, исполнен жалости помочь каждому. Душа радуется при встрече с такими людьми, как будто не так одиночно в этом мире»[10].

И в воспоминаниях Смирновой (о 1838 г.), и в ее письме к Гоголю (1847 г.) речь идет об одном и том же лице. Это преподобный Антоний (Андрей Гаврилович Медведев, 1792–1877), архимандрит (с 1831 г.) Свято-Троицкой Сергиевой Лавры[11] (причислен к лику святых в 1996 г.[12]), побочный сын князя Георгия Александровича Грузинского (родился в имении князя с. Лысково Нижегородской губернии). Преподобный Антоний был учеником преподобного Серафима Саровского и стал наместником Лавры по предсказанию старца[13]. Сам Серафим Саровский завещал похоронить его с тем образом преподобного Сергия Радонежского, который прислал ему из Лавры его ученик отец Антоний.

Кроме благодарных слов об отце Антонии («духовен», «любовен», «исполнен жалости помочь каждому»), Смирнова в 1847 г. сообщала Гоголю из Лавры, что наместник «очень многим доволен» в его книге «Выбранные места из переписки с друзьями», «радуется духу» Гоголя и желает ему «не бояться говорить громко в этом мире» о христианских истинах[14]. В 1849 г., во время посещения Лавры самим Гоголем, архимандрит Антоний благословил его образом[15].

Кроме упоминания о посещении Лавры в 1838 г., Смирнова сообщила в своих мемуарах ряд подробностей из жизни преподобного Антония, до его пострижения. (Уже в 1839 г. она могла поделиться своим рассказом с Гоголем[16]; к тому времени писатель уже был знаком с графом А. П. Толстым[17], имеющим отношение к этой истории.)

Из воспоминаний Смирновой: «<Архимандрит> Антоний был побочный сын царевича грузинского[18] и родился в его доме в Нижнем, красивой наружности и очень самолюбивый; отец сделал из него аптекаря и лекаря. Единственная дочь царевича Анна Егоровна[19] влюбилась в красивого юношу. Царевич уговаривал сына посвятить себя Богу и церкви и отослал его к игуменье в Саратовскую пустынь. (Ошибка мемуаристки. Следует читать: к игумену в Саровскую пустынь[20]. – *И. В.*) Эта женщина <следует читать: этот игумен> имела <имел> хорошее влияние на него и послала <и послал> его в какой-то монастырь, где его постригли. Он любил рисоваться в рассказах своих искушений. Первое явилось в рыжей шубе, покрытой камлотом, второе – в пении соловья в часы полуночи, когда он читал молитвы. Все это победил силою креста и воли, бросаясь на колени и орошая пол слезами. Графиня не хотела выходить замуж, что очень огорчало старика-отца, и просилась в монастырь. Он ее отпустил, и она отправилась в Костромскую губернию, в Белбажскую обитель. Игуменья была умная, образованная женщина, с большой experience[21], казначея была Ханыкова; они заметили, что душа Анны Егоровны была взволнована, и притом она не хотела подчиняться монастырским правилам; письменно они известили царевича, что не знают, что с ней делать, и считают ее вовсе не созданной к монастырской жизни. Царевич послал Антония вывезти ее оттуда. Перед отъездом она изъявила желание взять совет от Серафима. Поехали вечером, и с ними какая-то дама; семь верст тащились по песчаной дороге, княжна все время спала. Домик пустынника состоял из конурки и большой комнаты, где валялась всякая дрянь, бочки, кадки и пр. Долго стучали; наконец, он спросил: "Кто там?" – "Я, Антоний, ваш знакомый". Он выглянул и спросил: "Кто эти дамы?" Первая пошла ее приятельница, а наша княжна крепко уснула на бочке, и отец и она страдали спячкой. Когда она вышла, Серафим сказал: "Тем лучше, значит я ей не нужен". Проснувшись,

она стучала, но ответа не было; они вернулись в монастырь и оттуда отправились в Нижний. 35 лет <в 1833 г.> княжна вышла замуж за графа Александра Пет<ровича> Толстого, святого человека. Он подчинился своей чудовине и жил с нею как брат»[22].

Александр Петрович Толстой (1801–1873), граф, генерал-лейтенант, губернатор тверской (в 1834–1837 гг.) и одесский (в 1837–1840 гг.), впоследствии, в 1856–1862 гг., обер-прокурор Синода и член Государственного совета.

Гоголь познакомился с Толстым, вероятно, еще в 1830-х гг. Е. С. Некрасова в 1891 г. сообщала: «В 1839 году Гоголь уже переписывался с гр<афом> Александром Петровичем. От этого времени сохранилось одно письмо. Его тон гораздо проще, и содержание касается исключительно новостей дня, придворных и чиновничьих повышений»[23]. Сближение Толстого с Гоголем произошло позднее, в конце 1843 – начале 1844 г.[24]; граф стал постоянным собеседником писателя по конфессиональным вопросам.

Т. И. Филиппов, познакомившийся с Толстым в 1852 г.[25], в 1874 г. писал: «Граф Александр Петрович родился 28 января 1801 г.; воспитание получил домашнее и, очевидно, незаконченное, судя по тому, что на 18-м году он поступил уже в службу юнкером (в гвардейскую артиллерийскую бригаду). Затем, через два года, он был произведен в офицеры, а еще через два года переведен в кавалергардский полк и назначен адъютантом к Дибичу. В 1824 г. был отправлен в экспедицию для обозрения берегов Каспийского и Аральского морей и для истребления морских разбойников, которая была снаряжена под начальством полковника Берга (недавно скончавшегося графа наместника Царства Польского) и в которой он пробыл 1825-й и часть 1826-го года, принимая участие в зимних походах отряда и во всех его военных действиях. По возвращении оттуда, он оставил военную службу и в конце 1826 г. был определен в ведомство иностранных дел и причислен к нашему посольству в Париже, во главе которого стоял в то время знаменитый Поццо-ди-Борго. В следующем году он отправлен с важным дипломатическим поручением в Константинополь, откуда ездил, как сказано в послужном списке, «в окрестные страны для военно-топографических описаний и с секретными поручениями»; из Константинополя возвращался в Париж – чрез Сербию и австрийские владения, – с поручением составить на пути записки об этих странах в политическом, статистическом и военном отношениях.

Затем, по объявлении в 1828 г. Турции войны, он вновь вступил в военную службу и в 1829 г. назначен флигель-адъютантом; до окончания кампании 1828 г. и во все продолжение кампании 1829 г. был во всех делах, в коих находился гр<аф> Дибич, и сверх того при отрядах, которые овладели Айдасом, Бургасом и пр. По окончании войны он думал вновь продолжать службу по министерству иностранных дел, куда и поступил в 1830 г.; но назначение его секретарем нашей миссии в Греции, которое так соответствовало бы впоследствии сложившимся его стремлениям и вкусам, в 1830 г. возбудило в нем (как я слышал от одного из товарищей его юности) сильное неудовольствие, побудившее его переменить ведомство и вступить в министерство внутренних дел, коим управлял в ту пору гр<аф> Закревский и в котором ему было предоставлено управление хозяйственным департаментом. (Причиною этого неудовольствия и отказа могла быть незначительность предложенной ему должности, которую он мог принять за знак недостаточного расположения гр<афа> Нессельроде иметь его в своем ведомстве.) В 1834 г., по собственному его желанию, он был назначен губернатором в Тверь, где испытывал замечательную встречу <с священником Матфеем Константиновским>[26], которая <оказала> решительное влияние на его внутреннее настроение за весь последующий период его жизни и о которой речь будет ниже[27]. В 1837 г. переведен военным губернатором в Одессу, где и оставался до 23 февраля 1840 г. и где заключился первый период его служебной деятельности.

С тех пор до 1855 г. гр<аф> Александр Петрович оставался в стороне от всякой общественной деятельности; в мае же 1855 г. был назначен начальником нижегородского ополчения, с которым был в походе, не далее, впрочем, Киева.

20-го сентября 1856 г. последовал Высочайший указ о назначении его обер-прокурором Св. Синода; в этом звании он пробыл около 5 ½ лет (до 28-го февраля 1862 г.) и затем был назначен членом Государственного Совета, но обязанностей, с этим званием сопряженных, почти вовсе не исполнял: ибо, по расстроенному здоровью, числился постоянно в продолжительном отпуске и приезжал в Петербург лишь изредка, по особенно важным случаям»[28].

По свидетельству Гоголя, Толстой «одно время носил даже тайно вериги»[29].

Из воспоминаний Ф. Ф. Вигеля (ум. 1856): «Я представил веселую <...> сторону тогдашнего нижегородского житья, а затем вот и ужасная. Всеповелительным деспотом с давних пор проживал в сей губернии сын одного грузинского царевича[30], князь Егор Александрович. <...> Царского происхождения, с полуденною кровью, с пылкими страстями, с крутым нравом, князь Грузинский точно княжил в богатом и обширном селении своем Лыскове, на берегу Волги, насупротив маленького города Макарьева. <...> ...Единственная, прелестная тогда дочь его убегала общества и, вопреки

обычаям других красавиц, столь же тщательно скрывала красоту свою, как те ее любят показывать. Впоследствии она была замужем за одним весьма мне знакомым графом Толстым. (Ее набожность, ее уединенная жизнь до высочайшей степени возбуждали любопытство праздных провинциалов; оттого множество догадок, выдумок. Пострижение в монахи одного юноши, воспитанного в доме отца ее, подало мысль о целом романе. Утверждали, что когда влюбленные признались князю во взаимной страсти, он объявил им, что брак их дело невозможное, ибо молодой человек его побочный сын и на сестре жениться не может; тогда оба дали обет посвятить себя монашеству. Одна путешественница, английская леди, бывшая в Москве, посетила и Троицкую лавру, где отец Антоний, мнимый любовник, был тогда наместником. Ей рассказали о поэтическом начале его жизни, она составила из этого трогательную повесть и напечатала ее в одном великолепном кипсеке. А я полагаю, что, наследуя упрямство отца, девица просто отказывалась от света, потому что он желал ее видеть в нем и того требовал.)»[31]

В. А. Нащокина в 1898 г. также вспоминала: «Павел Войнович <Нащокин> познакомил Гоголя с графиней Анной Георгиевной Толстой (урожденной кн<яжной> Грузинской)[32]. <...> Единственная дочь богатого, знатного князя[33], обворожительная, красавица собой, она росла в родительском доме вместе с одним мальчиком, воспитанником ее отца. Годы проходили. Из мальчика вышел красивый, умный, прекрасно образованный молодой человек; из девочки сформировалась чудная девушка. Естественно, что молодые люди, живя вместе, полюбили друг друга и в конце концов решили обвенчаться, но когда узнал об этом князь, отец девушки, то энергично воспротивился соединению влюбленных. Он долго отговаривал дочь, напоминал ей о темном происхождении ее избранника, сулил ей самую блестящую партию, но девушка и слышать ничего не хотела. Тогда, наконец, князь вынужден был открыть ей тайну происхождения ее избранника: он оказался побочным сыном князя, следовательно, единокровным братом княжны.

Молодой человек удалился после этого в монастырь и впоследствии был наместником Троице-Сергиевой лавры под именем архимандрита Антония.

Княжна тоже хотела последовать примеру своего брата, и только мольбы и просьбы одинокого гордого князя заставили ее бросить мысль о черной мантии. Уступая его же просьбам, она вышла за графа Толстого»[34].

О семействе Толстых, на квартире которых Гоголь жил во второй половине января — феврале (н. ст.) 1845 г. в Париже[35] и в доме которых поселился в Москве в 1848 г.[36], Смирнова рассказывала: «Вся ее <графини А. Г. Толстой> забота состояла в том, чтоб графу устроить комнаты, вентиляцию и обед по его вкусу. Она видела только тех людей, которых ее муж любил; брезгливая, она сама стояла в буфете, когда люди мыли стекло и фарфор; полотенцам не было конца, переменяли их несколько раз. “Вы были в Англии и знаете, как там содержится буфет; вот посмотрите, какая вода в бутыли; она накрыта новой чистой дощечкой”. В коридоре жили семинаристы; у каждого был свой номер; они были совершенно свободны после обедни, где они составляли препорядочный хор и пели простым напевом. Граф вывез дьяка из Иерусалима; это был такой чтец, что мог только сравниться с дьяком им<ператора> Павла Пет<ровича>; слова выкатывались как жемчуг. После обедни пили чай в длинной гостиной; его разливала Софья Пет<ровна> Апраксина, которую граф звал Фафка, а она его Зашу. Графиня засыпала; подавался чай, кофий, шоколад, крендели и сухари всякого рода из Немецкой булочной на Кузнецком мосту. В гостиной стоял рояль и развернуты ноты, музыка все духовного содержания. Графиня была большая музыкантша; по левую руку этой гостиной была ее спальня, <кровать> посреди комнаты, с чисто подобранными одеялами и простынями, чтобы не касаться ничего пыльного. За этим была комната Кальяны, наперсницы ее причуд, и стоял некоторый мебель, который играл большую роль в доме: его мыли в трех водах и выставляли на чистый воздух, а горшок или выпаривали, или покупали новый. Графа называли Еремой, потому что он огорчался безнравственностью и пьянством народа и развратом модной молодежи; он нарочно ездил к Оверу, который ему сказал, что Диоген, встретив идиота, сказал ему: “Несчастное дитя, отец твой был пьян, когда мать зачала тебя”. Граф тогда возился с монахами Греческого подворья, бегло читал и говорил по-гречески; акафисты и каноны приводили его в восторг; они

писаны стихами, и эта поэзия ни с чем не может сравниться. В псалмах были темные места в славянском, как и в греческом переводе; они и теперь не исправлены. Только один английский перевод ясен; но я полагаю, что Тиндаль или был хорошо знаком с еврейским языком, или вложил в уста царя Давида свою собственную мысль.

Графиня принимала по вечерам с семи часов. Серафима Голицына им читала вслух какую-нибудь духовную книжку, а через день приходил греческий монах и читал также. Графиня засыпала и на русский день. “Как я люблю греческий звук, потому что граф это любит; и вас я люблю, потому что он вас любит. Мы благодарны Гоголю за ваше знакомство”. Все эти Толстые оригиналы, а более всех Сергей Петрович, неразлучный со своим камердинером Иваном. За границей они меня тешили. Раз в Люцерне погода стояла премерзейшая. Mont Pilate утопал в густом сером тумане, дождь лил ливмя. Пурталес приходит и говорит мне: “Александра Осип<овна>, знаете ли, кто здесь?” – “Нет”. – “Граф Толстой с Иваном; они обедают в table d'hote”. Толстой прибежал на минуту и сказал, что спешит показать Ивану ce lion[37] de Lucerne. Иван остался недоволен; дураки не хотят признаться, что Бог их спас, а не их львиная храбрость. “Меня, – говорил Толстой, – жена послала сюда, потому что я не был на Пилате, где Суворов отличился. А что вы скажете о новом догме?[38]” – “Паганство”[39], – отвечала я. – “А я говорю, что Божию Матерь за заслугу произвели в следующий чин”. В Москве славянофилы рассуждали о браке и чистоте, которой требовал этот юнец. Да, надобно быть девственником, чтобы удостоиться быть хорошим супругом; где тут девственник, нет ни одного. “Я”, – отвечал Константин Сер<геевич> Аксаков. “Ну, позвольте же мне стать перед вами на колени”, – и точно стал на колени, низко поклонился, перекрестился, а потом сказал: “А теперь позвольте вас поцеловать”. Брат Лев Арнольди рассказывал все его проказы, которые он делал, бывши губернатором. Раз он поехал в уездный город и пошел в уездный суд, вошед туда, помолился пред образом и сказал испуганным чиновникам, что у них страшный беспорядок. “Снимите-ка мне ваш образ! О, да он весь загажен мухами! Подайте мел, я вам покажу, как чистят ризу”. Он вычистил его, перекрестился и поставил его в углу. “Я вам изменю киоту, за стеклом мухи не заберутся, и вы молитесь; все у вас будет в порядке”. Ничего не смотрел, к великой радости оторопелых чиновников; и с чем приехал, с тем уехал и, возвратившись, рассказал жене, что все там в порядке. Я думаю, что такие губернаторы лучше тех, которые все принимают en serieux[40] и всякое лыко в строку»[41].

[1] Подмосковная усадьба Ростопчиных.

[2] «Свекор графини Ростопчиной <граф Ф. В. Ростопчин> оставил ее супругу <графу А. Ф. Ростопчину> знаменитый конский завод <в Вороново>. П. Б.» (примеч. П. И. Бартенева).

[3] Петр Петрович Смирнов (1772–1854), дядя Н. М. Смирнова, тайный советник..

[4] Александр Николаевич.

[5] См. ***1838. Ноября 14 <2>. Среда. Рим***; ***1839. Июня 2 <мая 21>. Воскресенье. Рим.***

[6] *Сорен Н. Н.* Письма А. О. Смирновой к графине Е. П. Ростопчиной // Русский Архив. 1905. Кн. 3. № 10. С. 214–215.

[7] В 1893 г. дочь А. О. Смирновой Ольга Николаевна свидетельствовала, что мать ее однажды записала: «Тетка моя <княжна Е. Д. Цицианова> свезла меня к Троице, и я познакомилась с о<тцом> Антонием, грузином по рождению» (*Смирнова О. Н.* Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод.* Т. 2. С. 344).

[8] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод.* Т. 2. С. 232.

[9] Преподобного Сергия Радонежского.

[10] См. ***1847. Октября 2 <14>. Четверг. Свято-Троицкая Сергиева Лавра.***

[11] См. также ***1847. Октября 2 <14>. Четверг. Свято-Троицкая Сергиева Лавра***; ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье.***

[12] См.: Житие преподобного Антония (Медведева), наместника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. 64 с.

[13] См.: *Виноградов И. А.* Преподобный Серафим Саровский и Гоголь: О почитании Старца в ближайшем окружении писателя // Творчество Гоголя в диалоге культур. Четырнадцатые Гоголевские чтения. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2015. С. 80–86; *Виноградов И. А.* Почитание преподобного Серафима Саровского в ближайшем окружении Гоголя: Москва и Оптина Пустынь // Оптинский альманах. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустынь, 2016. Вып. 5. «Добродетель ангелов». С. 86–93.

[14] См. ***1847. Октября 2 <14>. Четверг. Свято-Троицкая Сергиева Лавра.***

[15] См. ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье.***

[16] См. ***1839. Октября 30 – декабря 17. Санкт-Петербург.***

[17] См. ниже.

[18] Имеется в виду грузинский царевич, князь Георгий Александрович Грузинский (из рода Вахтанга VI Законодателя, царя Грузии, которому приходился правнуком; 1762–1852). Привез из Грузии в с. Лысково почитаемую Оконскую икону Божией Матери.

[19] Графиня Анна Георгиевна (Егоровна) Толстая (рожд. княжна Грузинская, 1798–1889), жена графа А. П. Толстого.

[20] Очевидно, имеется в виду не некая «игуменья», а сам игумен Саровской пустыни в 1807–1842 гг. о. Нифонт (Черницын, 1761–1842). В Саровскую обитель А. Г. Медведев поступил в 1818 г.; спустя четыре года постригся в монахи в Высокогорском монастыре, с именем Антоний — в честь преподобного Антония Печерского.

[21] Опытность (*фр.*).

[22] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод.* Т. 2. С. 232.

[23] *Некрасова Е. С.* Н. В. Гоголь. Его отношения к графу А. П. Толстому. Письма Н. В. Гоголя к графу А. П. Толстому // В память С. А. Юрьева. Сборник, изданный друзьями покойного. М., 1891. С. 239.

[24] См. ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота – августа 27 <15>. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Баден-Баден, Карлсруэ, Баден-Баден; 1843. Августа 22 <10>. Вторник. Баден-Баден; 1843. Сентября 18 <6>. Понедельник. Баден-Баден; 1844. Марта 29 <17>. Пятница. Париж; 1844. Мая 23 <11>. Четверг. Баден-Баден.***

[25] См. ***1852. Февраля не позднее 5. Москва.***

[26] См. ***1844. Мая 23 <11>. Четверг. Баден-Баден; 1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь.***

[27] См. ***1847. Февраль <средина января – средина февраля>. Неаполь.***

[28] *Филиппов Т.* Воспоминание о графе Александре Петровиче Толстом // *Свод.* Т. 3. С. 885–886.

[29] См. ***1844. Мая 23 <11>. Четверг. Баден-Баден*** (примечания).

[30] Имеется в виду грузинский царевич Александр Бакарович (1726–1791).

[31] Записки Филиппа Филипповича Вигеля. М., 1892. Ч. 2. С. 186; *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1928. Т. 2. С. 143–145. — В первой публикации записок фамилия «Толстым» и всё примечание Вигеля, в скобках, были опущены (см.: Воспоминания Ф. Ф. Вигеля // Русский Вестник. 1865. № 4. С. 567–568).

[32] Когда и каким образом Нащокин мог познакомить Гоголя с графиней Толстой, неизвестно. Знакомство Гоголя с Толстым относится к 1830-м гг.; сближение — к концу 1843 — началу 1844 г. (см. примеч. выше).

[33] Имеется в виду князь Г. А. Грузинский.

[34] *Родионов И.* Воспоминания В. А. Нащокиной о Пушкине и Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 552–553.

[35] См. ***1845. Января 14 – марта 1 <января 2 – февраля 17>. Париж.***

[36] См. ***1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва.***

[37] этого льва (*фр.*)

[38] Имеется в виду догмат о непорочном зачатии Девы Марии, Пресвятой Богородицы, принятый католиками 8 декабря 1854 г. Следовательно, беседа состоялась около трех лет спустя после кончины Гоголя.

[39] Паганство — от «поганый» (церк.-сл.) — языческий (лат. paganus; фр. pagane — язычник).

[40] Всерьез (*фр.*).

[41] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод.* Т. 2. С. 232–233. — Возможно, граф А. П. Толстой послужил Гоголю одним из прототипов губернатора, «каких не бывает», во втором томе «Мертвых душ» (см. ***1852. Января конец – февраля начало. Москва***). — См. также ***1844. Мая 23 <11>. Четверг. Баден-Баден*** (примечания).

ОКТЯБРЯ 10 <22>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. В. Путята называет Гоголя[1] в числе восемнадцати лиц (в том числе В. П. Андросов, В. И. Даль, А. А. Краевский, Н. И. Надеждин, князь В. Ф. Одоевский, М. П. Погодин, П. А. Плетнев, С. П. Шевырев), которые, «сколько известно, уже отказались от участия в Энциклопедическом Лексиконе»[2].

Словарь выходил с 1835 по 1841 г.; издание было прекращено; вышло 17 томов из 29-ти задуманных[3].

[1] См. также ***1835. Июня 14. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] Свидетельства о Гоголе Н. В. Путяты // *Свод.* Т. 2. С. 4.
[3] См. также ***1839. Апреля не позднее 14 <не позднее 2>. Рим.***

ОКТЯБРЯ 23 <11>. ВТОРНИК. ПАРИЖ

А. И. Тургенев записывает в дневнике:

«Поутру был у *Гогеля* – пишет Рус<скую> Ист<орию> в политическом отношении, объяснял происхождение русских городов и пр. Продолжает писать – свои *фантазии.* Завтра придет что-то читать мне. Полюбил Италию и хочет умереть там. Читал несколько стихов Кн<ягини> Зен<аиды> Волхон<ской>[1] на пожар дворца»[2].

[1] См. ***1838. Февраля 26 <14>. Понедельник. Рим***; ***1838. Октября 28 <16>. Воскресенье. Лион.***
[2] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 76.

ОКТЯБРЯ 11 <23>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ОКТЯБРЯ 11 <23>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Большом театре; в роли Городничего – М. С. Щепкин.

Гриц. С. 253; *Ельницкая 1978.* С. 305.

ОКТЯБРЯ 24 <12>. СРЕДА. ПАРИЖ

А. И. Тургенев отмечает в дневнике:

«*Гоголь* был у меня и читал отрывки из романа своего “*Мертвые души*”[1]. Верная, живая картина России, нашего чиновного, дворянского быта, нашей госуд<арственной> и частной, помещичьей нравственности. Покупает – мертвых – для обмана ими Правительства, за залога несуществующих крестьян в Ломбард, и потом земли, правитель<ство>м для населения продаваемые, – характеры, язык, *вся* жизнь помещиков, чиновников: все тут; и смешно и больно![2] К<нязь> Голиц<ын>[3], познакомил их. Дал Гоголю Соврем<енник>. К Гол<ицыну>. – Гогеля комедия и Гизо! <...> ... Вечер у Свечиной[4] – там одни русские: Голиц<ын>, два Гагар<ина>[5], Полуект<ова>, дочь ее. – Много о романе Гоголя, об Англии и Франции».

Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 76.

[1] Из первых трех глав первого тома (см. ***1839. Декабря 11. Понедельник. Санкт-Петербург***).
[2] Отзыв Тургенева об этом чтении см. также: ***1843. Февраля 24 <марта 8>. Среда. Москва.***
[3] Вероятно, князь Ф. Ф. Голицын, принявший в 1840 г. католичество.
[4] Имеется в виду С. П. Свечина (с 1815 г. католического вероисповедания). Ее салон в Париже отличался религиозным направлением.
[5] Один из Гагариных – несомненно, князь Иван Сергеевич Гагарин (1814–1882), перешедший весной 1842 г. в католичество. Дядя князя И. С. Гагарина, князь Григорий Иванович Гагарин (1782 – 12 февраля 1837),

русский посланник в Риме и Мюнхене, был женат на родной сестре С. П. Свечиной, Е. П. Соймоновой, которая под влиянием сестры также перешла в католичество. Второй из упоминаемых А. И. Тургеневым Гагариных – вероятно, отец И. С. Гагарина, князь Сергей Иванович Гагарин (1777–1862). – См. также ***1844. Сентября 29 <17>. Воскресенье.***

ОКТЯБРЯ 25 <13>. ЧЕТВЕРГ. ПАРИЖ

Гоголь в шесть часов вечера, простившись с А. С. Данилевским[1] и Н. И. Козловым, выехал из Парижа в Рим (через Лион, Марсель[2] и Геную[3]).

А. И. Тургенев в этот день записал в дневнике: «...Вложил письмо к Аржев<итинов>у[4] о прошедших днях и панораму Коронации, описал роман Гоголя. <...> К Гоголю, в 6 час<ов> уехал, оставил, вероятно, книги мои Данилевск<ому>»[5].

Возможно, часть упомянутых книг Данилевский, уезжая летом (предположительно, в июле) 1839 г. в Петербург[6], взял с собой, а затем[7] отвез на родину. В. И. Шенрок в 1890 г. сообщал: «Как память Гоголя, в семействе дочери А. С. Данилевского (г-жи Баных) хранятся многие книги Гоголя на французском и итальянском языках, преимущественно исторического содержания (перечень их см. в VI т. десятого изд. соч. Гоголя[8], стр. 689)»[9].

31 декабря (н. ст.) 1838 г. Гоголь, отвечая на письмо Данилевского, замечал: «Кланяйся Козлову и скажи, однако ж, что это неблагородно с его стороны: я его просил, садясь в дилижанс, так убедительно, так сильно, и он мне дал слово провесть ту ночь в моей комнате и не оставлять тебя во весь тот вечер, а он... мелкая душонка, отправился к себе, из мужицкого чувства – быть более a son aise[10]. Как в одной черте может отразиться ничтожность характера и недостаток чувств, сколько-нибудь глубоких!»

7 марта (н. ст.) 1839 г. Гоголь писал также Данилевскому: «Я просил тебя в одном письме о присылании мне красок[11] и теперь вспомнил, что ты к краскам можешь еще присовокупить одну очень приятную для меня вещь: это твою палку, которую ты мне подарил и которую я, не знаю почему, я не взял с собою. Я был так обестолкован пред моим выездом из Парижа. Я не понимаю, что бы я был без этой счастливой отсрочки моего отъезда, которая доставила мне радость поцеловаться с тобой и вновь сказать: здравствуй».

[1] См. ***1838. Октября 28 <16>. Воскресенье. Лион.***

[2] См. ***1838. Октября 28 <16>. Воскресенье. Лион.***

[3] См. ***1838. Ноября 13 <1>. Вторник. Генуя.***

[4] Иван Семенович Аржевитинов (1792–1848), двоюродный брат А. И. Тургенева, помещик, основатель (в 1818 г.) симбирской масонской ложи Ключа к добродетели.

[5] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 76.

[6] См. ***1839. Июня 5 <мая 24>. Среда. Рим.***

[7] См. ***1839. Сентября 26. Вторник. Москва.***

[8] *Гоголь 1889–1896.* Т. 6. С. 689. – Упомянутый В. И. Шенроком перечень книг перепечатан: *Гоголь 1994.* Т. 8. С. 806–807; *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 886–887. В списке значатся:

– «Курс французской литературы» А. Ф. Вильмена. 1834. 5 томов (*фр.*);

– «Прогулки по Риму» Стендаля. 1830. 2 тома (*фр.*);

– «Собрание философских, исторических и литературных сочинений» А. Ф. Вильмена. 1829. 2 тома (фр.);

– «Введение во всемирную историю (вступительная лекция, прочитанная на филологическом факультете 9 января 1834 г. Жюлем Мишле)». 1832. 1 том (*фр.*);

– «Идеи к философии истории человечества» И. Г. Гердера, перевод с немецкого, с предисловием Эдгара Кине. 1827. 3 тома (*фр.*);

– «Живописные виды Индии, Китая и побережья Красного моря по оригинальным эскизам офицера королевского флота Роберта Эллиота». 2 тома (*фр.*);

– «Галерея портретов, изданных под наблюдением общества с целью распространения насекомых» (?). 1332, 1833, 1834, 1835 (*анг.*);

– «Пейзажные иллюстрации Библии Финдена» свящ. Томаса Хартвела Харне. 1834–1838 (*анг.*);

– «История упадка и разрушения Римской империи Э. Гиббона с предисловием о жизни и характере Гиббона» Ф. Гизо. 1828. 13 томов (*фр.*).

— «История Кромвеля по воспоминаниям его времени и парламентским отчетам» А. Ф. Вильмена. 1829. 2 тома (*фр.*);

— «Всемирная история, посмертное сочинение Иоганна Мюллера», переведенное с немецкого И. Г. Гессом, с приложением, от 1815 г. до наших дней». 1837. 4 тома (*фр.*);

— «Пармская обитель» Стендаля, автора романа «Красное и черное» и др. 1839, 2 тома (*фр.*);

— «Исторические исследования за десять лет» Огюста Тьерри. 1835. 1 том (*фр.*);

— «Ласкарис, или Греки в XV веке (по материалам исторического очерка о греческом государстве со времени мусульманского завоевания до наших дней» А. Ф. Вильмена. 1829. 1 том (*фр.*);

— «История завоевания Англии норманнами, его причины и последствия до настоящего времени в Англии, Шотландии, Ирландии и на континенте» Огюста Тьерри; Французский королевский институт, 3-е издание. 1830. 4 тома (*фр.*).

— «Полное собрание сочинений Шекспира, переведенных Ле Фурнером, просмотренное и исправленное Ф. Гизо и А. К., переводчиком лорда Байрона, со вступительным словом о жизни и творчестве Шекспира Ф. Гизо. Изд. 1821 г. 13 томов (*фр.*).

[9] Воспоминания А. С. Данилевского о последних годах жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 531. — См. также ***1845. Апреля 8 <марта 27>. Вторник. Париж.***

[10] Иметь большие удобства (*фр.*).

[11] См. ***1839. Февраля 12 <января 31>. Вторник. Рим.***

ОКТЯБРЯ 28 <16>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ЛИОН

Гоголь в Лионе проездом в Рим. Пишет в Париж А. С. Данилевскому:

«Хотя бы вовсе не следовало писать из Лиона, этого не известно почему неприличного места, но, покорный произнесенному слову в минуту расставания нашего, о мой добрый брат и племянник, пишу, хотя совсем нечего писать, но да будет это между нами обычаем — извещать друг друга даже о том, что не имеется материи для письма. Я много, много крат досадов<ал> на то, что взял эту подлую дорогу на Марсель[1]. Ничего родного до самого Рима. Это, право, тоска. Там хоть Женева[2]... <...> А здесь вместо всего этого день бесцветный, тоскливый, в этом безличном Лионе. Как я завидовал тебе всю дорогу, тебе, седоку в этом солнце великолепия, в Париже. Вообрази, что по всей дороге, по всем городам храмы бедные, богослужение тоже, жрецы невежи и неопрятно; благородная форма чашки в виде круглого колодца совершенно исчезла и место ее заме<ни>ла подлейшая форма суповой чашки, которая к тому же показывает довольно скоро неопрятное дно свое, а о вкусе и благоухании жертв нечего и говорить, на дубовые желуди похож и делается из чистой цикории.

Так что, признаюсь, поневоле находят вольнодумные и богоотступны<е> мысли, и чувствую, что ежеминутно слабеют мои религиозные правила и вера в истинную религию, так что, если бы только нашлась другая с искусными жрецами и особенно жертвами, например, чай или шоколад, то прощай последняя набожность. Счастливы монмартрские богомольцы. Много еще мне предстоит пути. Ни Лафит, <н>и Notre Dame не имеют тут своих дилижансов, и меня сдали так же, как назад тому было два года, какой-то преподлой компании. Ничего не случилось в дороге, кроме того только, что сегодня поутру <...> на дороге и от радости позабыл на том самом месте, где <...>, моего италианского Курганова[3], которого купил случаем в Париже и который мне до сих пор служил в дороге утешением, и спохватился скоро, но безжалостный кондуктор, который, впрочем, очень похож был лицом на Сосницкого[4], никак не хотел подождать двух минут. Мне кажется, я позабыл мелки<е> стихи Касти[5] — маленькая книжка, ежели ее отыщешь, то перешли с тем, кто поедет в Италию прежде, — с Квиткой[6] или с кем другим. Если увидишь Тургенева[7], то скажи ему, что я никак не успел перед выездом отвечать на его записку, но что из Рима, тотчас по приезде, пишу к нему и пришлю требуемые им стихи на пожар Зимнего дворца[8]. <...> Кланяйся Квитке и Козлову»[9].

Впоследствии следующие строки настоящего письма Гоголя к Данилевскому: «...по всем городам храмы бедные, богослужение тоже... <...> поневоле находят вольнодумные и богоотступны<е> мысли, и чувствую, что ежеминутно слабеют мои религиозные правила и вера в истинную религию, так что, если бы только на-

шлась другая с искусными жрецами и особенно жертвами, например, чай или шоколад, то прощай последняя набожность», — были, при первой публикации письма П. А. Кулишом, приведены с искажениями, внесенными из опасений цензуры: «...по всем городам (caffes) бедные, (...) служение то же... <...> по неволе находят вольнодумные — — мысли, и чувствую, что ежеминутно слабеют мои — — правила — — так что, если б только нашлась другая с искусными жрецами, а особенно жертвами, как напр. чай, или шеколад, то прощай и последняя (ревность)!»[10] Впоследствии В. И. Шенрок, освободивший текст письма Гоголя от искажений, внесенных в него Кулишом, отметил, что содержание гоголевского послания не дает оснований к подозрению писателя в «религиозном вольнодумстве» и что этими-то искажениями и были спровоцированы в свое время заблуждения на этот счет Н. С. Тихонравова[11]. За разъяснением по поводу настоящего письма Гоголя Шенрок обратился к его адресату, Данилевскому, с которым Гоголь провел в Париже зиму 1836/37 г. и по просьбе которого приезжал в Париж в сентябре 1838-го. По словам Данилевского, они «вместе ходили <...> обедать в разные кафе, которые называли обыкновенно в шутку "храмами"», обед при этом «получил у Гоголя название жертвоприношения, а содержатели ресторанов величались жрецами». Несомненно, говорить о «религиозном вольнодумстве» Гоголя, исходя из этого письма, не следует[12].

[1] См. ***1838. Ноября начало <октября конец>. Марсель.***

[2] См. ***1838. Сентября около 5 — ноября средина <августа около 24 — ноября начало>. Женева.***

[3] Шуточное сравнение какого-то справочного издания на итальянском языке с известным изданием Н. Г. Курганова «Книга-письмовник, содержащий в себе науку российского языка, со многим присовокуплением разного учебного и полезно-забавного вещесловия» (СПб., 1777; книга выдержала еще десять изданий с 1778 по 1837 г.).

[4] И. И. Сосницкий.

[5] Джамбаттиста Касти (1721–1803), итальянский поэт.

[6] Константин Андреевич Квитка (1810 — не позднее 1865), вольноприходящий ученик Гимназии высших наук в Нежине с января 1825 г.; окончил гимназию в 1831 г. (*Супронюк. Словарь.* С. 84). В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., замечал: «Квитка, Константин Андреевич, был товарищ Гоголя и Данилевского по Нежинской гимназии» (Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 519). «По словам А. С. Данилевского, это был племянник <Г. Ф.> Квитки Основьяненко. Отец его <Андрей Иванович> был в Харькове лет тридцать губернским предводителем, а сам он служил в гвардейцах. Потом он вышел в отставку, и был в отставке, когда познакомился с Гоголем» (Письма *Н. В. Гоголя.* Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 536).

[7] А. И. Тургенев.

[8] Стихотворение княгини З. А. Волконской «Песнь Невская» (см. ***1838. Февраля 26 <14>. Понедельник. Рим***; ***1838. Октября 23 <11>. Вторник. Париж***).

[9] Николай Илларионович Козлов (см. также ***1838. Апреля 23 <11>. Понедельник. Рим***).

[10] *Кулиш 1856.* Т. 1. С. 234.

[11] См.: *Тихонравов Н. С.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь 1889–1896.* Т. 1. С. 665; *Шенрок В. И.* Н. С. Тихонравов как издатель сочинений Гоголя // Памяти Н. С. Тихонравова. М., 1894. С. 121; *Шенрок.* Т. 3. С. 150–151; Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 535.

[12] Подробнее см. ***1836 ноября начало <октября вторая половина> — 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж.***

ОКТЯБРЯ 22 <НОЯБРЯ 3>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в числе более ста двадцати литераторов назван в качестве участника журнала в «Объявлении об издании "Отечественных Записок" в 1839 году»[1], напечатанном в «Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду»[2].

[1] Подробнее см. ***1836. Июня не позднее 6 <18>. Санкт-Петербург.***

[2] Объявление об издании «Отечественных Записок» в 1839 году // *Свод.* Т. 2. С. 34.

НОЯБРЯ НАЧАЛО <ОКТЯБРЯ КОНЕЦ>. МАРСЕЛЬ

Гоголь проездом в Марселе. Отправляет новое[1] письмо А. С. Данилевскому в Париж (не сохранилось)[2].

[1] Ср. ***1838. Октября 28 <16>. Воскресенье. Лион.***
[2] См. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим*** (письмо к Данилевскому).

НОЯБРЯ 13 <1>. ВТОРНИК. ГЕНУЯ

Гоголь проездом в Генуе. Пишет матери в Васильевку:

«Мне, право, очень скучно ничего не слышать об вас более двух месяцев. Впрочем, может, я виноват, находясь до сих пор в отлучке от Рима. Я льщу себя надеждою, что найду на почте по крайней мере два ваших письма. Но позвольте мне прежде всего исполнить самый приятнейший долг, то есть поздравить вас с днем вашего ангела[1]. <...> Я пишу к вам на дороге, возвращаясь в Рим, куда надеюсь быть через четыре дня[2] и откуда напишу к вам подлиннее письмо. <...> На зиму туда едут, а может быть, уже и приехали множество моих знакомых из России. Я думаю, вы уже знаете, что наследник <Александр Николаевич> расположен тоже жить зиму в Риме[3]. Здесь носятся слухи о войне, которая нам предстоит, или по крайней мере о приготовлениях к войне. Известите меня о том, как говорят у нас насчет этого. Я опасаюсь, чтобы это вас не вовлекло в разные издержки и расходы, рекрутские наборы и прочие повинности, я знаю, что это не легко исполнять в теперешние тяжелые времена. Давно ли получали письма от сестер <Анны и Елисаветы>? <...> Да попеняйте сестрице моей Марии за то, что она ленива страх — вовсе не хочет писать».

[1] 1/13 октября. Сам Гоголь ошибочно датировал свое письмо к матери этим числом: «Генуя. Октября 13/1. 1838». Ошибка с обозначением месяца периодически появляется в заграничных письмах Гоголя вследствие часто возникавшей перед ним необходимости перевода стилей — с русского на европейский и обратно. Живя «в двух измерениях», Гоголь число «нового» стиля порой сопровождает тем месяцем, который соответствует русскому календарю. При этом то и дело возникает путаница, поскольку в некоторых случаях (как, к примеру, в настоящем письме) Гоголь, помимо числа по западному летоисчислению, «уточняя», указывает еще и число русского стиля.
[2] См. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим.***
[3] См. ***1838. Декабря 16 <4>. Воскресенье. Рим.***

НОЯБРЯ 14 <2>. СРЕДА. РИМ

В Рим прибыл граф Мих. Ю. Виельгорский с больным сыном Иосифом.

Лямина Е. Э., Самовер Н. В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. М., 1999. С. 380.

1838 НОЯБРЯ 15 <3>. ЧЕТВЕРГ – 1839 ИЮНЯ СРЕДИНА <ИЮНЯ НАЧАЛО>. РИМ

Гоголь в Риме. Посещает Репниных-Волконских, П. И. Кривцова, отца и сына Виельгорских, встречается с А. А. Ивановым, Ф. А. Бруни, Ф. Ф. Рихтером[1], Ф. А. фон Моллером, П. Тенерани, Ф. Овербеком[2], княгиней З. А. Волконской, В. Паве, В. А. Жуковским, великим князем Александром Николаевичем, бароном Е. Ф. Розеном, Шевыревыми, Погодиными, Чертковыми[3], Н. П. Боткиным, графом М. Риччи и др. В это время в Риме находится также графиня А. А. Толстая (рожд. Перовская) с сыном А. К. Толстым, который, вероятно, беседовал тогда с Гоголем.

В. И. Шенрок в 1895 г. замечал: «Печально вступил Гоголь в следующий, 1839 год, но зато в первой половине своей это был один из самых счастливейших годов его жизни. В это время в

Рим приехали один за другим молодой граф Иосиф Виельгорский, Жуковский, супруги Шевыревы, Чертковы, Погодины и проч. (С другой стороны, почти в то же время Рим оставили Репнины, избегая встречи со свитой наследника Александра Николаевича[4], так как Николай Григорьевич Репнин-<Волконский> был в опале[5]...)»[6].

Впоследствии граф А. К. Толстой поделился с П. А. Кулишом своими воспоминаниями о Гоголе, о чем Кулиш сделал следующую запись: «А. К. Толстой о Гоголе: Во всяком царстве природы есть своя свинья. В растительном царстве гриб — свинья.

Когда умерла невеста Дория, транстеверяне отправили посольство к родственникам — сожаление — ко дворцу — ругательствами — швыряли в окна. (Рас<с>просить вновь.)»[7].

Роман Дориа, который относится 1838 г., нашел отражение в повести «Рим» (1842), где Гоголь упоминает об обычаях римлян выражать чувства одобрения или негодования даже во время похоронных процессий: «...<Ничто> не искоренило высокого чувства справедливости в народе. Он <...> освистывает гроб покойника и впрягается великодушно в колесницу, везущую тело, любезное народу».

19 ноября (н. ст.) 1838 г. Гоголь сообщал М. П. Балабиной: «Другой роман. Один из фамилии Дориев влюбился до безумия в одну девушку сироту хорошей, впрочем, фамилии, а главное — прекрасную собою. Все дело было между ними улажено, и через неделю свадьба, как вдруг Дорий получает известия, заставляющие его ехать в Геную. Он просит свою невесту переехать на время в монастырь, потому что он не желал бы ее видеть до тех пор в свете. Уезжает в Геную; оттуда пишет письмо, довольно страстное; жалуется на обстоятельства, которые заставляют его пробыть немного долее; описывает ей великолепие своего генуэзского дворца и приуготовления, которые он делает к принятию ее. Из Генуи Дорий поехал в Париж и оттуда написал письмо, менее страстное, и наконец уведомил ее, что свадьба не может между ними состояться, что она должна позабыть его, что дядя его не соглашается на этот союз. Бедная невеста не сказала ни слова на это, никаких укоризн, но через пять дней умерла. Тело ее было выставлено в одной из римских церквей. Она и мертвая была прекрасна».

Позднее П. В. Анненков, со слов Гоголя, писал: «Буйные порывы римской черни, случающиеся очень часто и напоминающие времена итальянских республик средних веков, значительны еще тем, что это обыкновенно осуждение какого-нибудь преступления, не подлежащего законам. Так, когда принчипе Дориа обольстил девушку обещанием жениться на ней и привел ее к смерти обманом и изменой, народ своротил погребальную процессию жертвы с настоящей дороги и заставил ее пройти мимо дворца принчипе, который после этого и уехал из Рима. Да и сам я был свидетелем, как жестоко был освистан гроб другого принчипе, Пиомбино[8], не любимого за скупость и который запер свою великолепную виллу Людовизи[9] и не пускал никого смотреть знаменитые статуи и фрески. Освистали мертвого[10], освистали совершенно, хоть и полиция наверное знала, что Пиомбино будет освистан»[11].

В день приезда в Рим, 15 ноября (н. ст.) 1838 г., Гоголь «чрез кн<ягиню> <З. А.> Волконскую» получает письмо от сестер Анны и Елисаветы из Петербурга и, вероятно, в тот же день, через В. Паве (воспитанника Волконской), письмо из Петербурга от М. П. Балабиной[12] (от начала июня 1838 г.)[13]. В ответном письме к сестрам Гоголь обещает приехать к их выпуску из Патриотического института[14]; спрашивает:

«...Получили ли вы мое письмо, которое я писал к вам чрез Данилевского Александра Семенов<ича>[15], вашего кузена, которому уже теперь пора быть в Петербурге, и навещали ли вас некоторые мои знакомые[16], которых я просил навещать вас, и кто именно. <...> Я теперь представляю вам случай познакомиться и знаю, что вы очень рады будете знакомству с Балабиной Марией Петровной, молоденькой, почти одних лет с вами, такой милой, такой доброй. Вам она очень, очень понравится. Я это знаю наперед. Мне сказывала княгиня Волконская, что она вас рекомендовала одной приятельнице своей. Была ли она у вас или нет? напишите. Да вы мне ничего не рассказываете о том, что у вас делается. Ведь у вас много перемен — не правда ли? Я думаю, новые учителя. Да расскажите мне что-то-нибудь о Плетневе. Так же ли он бывает у вас часто и попрежнему ли любим всеми? Мне вам уже, верно, нечего рассказ<ыв>ать о Риме. Вы всё, я думаю, о нем узнали от Пос<т>никова[17]. Ведь вы, я думаю, прошли, давно уже Италию. Вы, я думаю, уже знаете, что

Рим — самый старинный город в Европе, что построен он на семи холмах, что домы самые неровные между собою.

Великолепные дворцы и рядом с ними почерневшие, запачканные домы. О, Петербург вам покажется щеголем после Рима, покажется гладеньким, чистым, опрятным, вымытым, вытертым! Зато в Петербурге нет таких развалин, покрытых плющом и цветами, — самых живописных, какие только случалось видеть на картинках; зато в Петербурге нет кипарисов; зато в Петербурге небо серое и туманное, а здесь оно ясное и синее, и солнце обливает всё своим сиянием так приятно! зато в Петербурге вы уже мерзнете и топите печи, а здесь не закрывают никогда окна и в этот самый день, в который я пишу к вам, тепло, как летом. Случалось ли вам когда-нибудь глядеть на улицу? Кого вы встречали больше всего на улице? Не правда ли — военных и иногда чиновников? Сколько в Петербурге попадается на улице офицеров военных, столько в Риме аббатов, попов и монахов. Видели вы, как одевается католическое духовенство? Священники и аббаты в треугольных шляпах, во фраках, в черных чулках и башмаках. Или монахи? Но монахов здесь множество разных орденов. Одни доминиканцы, совершенно одеваются, как женщины, особливо старушки: в темных и черных капотах, из-под которых видно исподнее белое платье, тоже женское. Иные носят совершенные ваши пелеринки. Сам папа очень похож на старуху. Если вы увидите его лицо на портрете, то подумаете, что это портрет женщины. Я не знаю, писал ли я вам про церкви в Риме. Они очень богаты. Таких у нас нет совсем церквей. Внутри всё мрамор разных цветов; целые колонны из порфира, из <голубо>го, из желтого камня. Живопись, архитектура — всё это удивительно. Но вы еще ничего не знаете этого. Вы не знаете, что такое живопись. Вы думаете, что это просто рисование и больше ничего. Вы еще не можете отличить, что хорошо, что дурно. Вы не знаете, что такое картина Рафаэля или Тициана, или Корреджия. О, как много есть того, что вы еще не видали! Впрочем, нельзя никак всё видеть и знать: для этого не достанет нашей жизни. <...> Письма вы можете отправлять для отправки мне с Балабиными. Они живут в собственном доме на Аглицкой набережной, недалеко от вас».

По приезде в Рим Гоголь получил также через банкира Д. Валентини записку М. П. Погодина и 2000 рублей из Москвы[18]; нашел на почте письмо от матери из Васильевки (от 10 сентября 1838 г.), заграничное письмо К. С. Аксакова (от первой половины октября (н. ст.) 1838 г.)[19] и (возможно, тогда же) «предлинное письмо» от будущего редактора «Отечественных Записок» А. А. Краевского (с призывом к «крестовому походу» против «Библиотеки для Чтения»)[20]. Ожидал также обнаружить на почте письма от А. С. Данилевского из Парижа и от Н. Я. Прокоповича из Петербурга, однако таких писем на почте не оказалось. Из полученных денег выплатил долг П. И. Кривцову и княжне В. Н. Репниной-Волконской[21].

В ответном письме к матери (написанном вскоре, после 15 числа (н. ст.) 1838 г.) Гоголь замечал: «Письмо ваше, писанное вами от сентября 10[22], я получил. Оно было одно только, которое лежало для меня на почте. <...> ...Меня печалит, что вы так несчастливы в управлении вашим имением... <...> Когда вы закладывали во второй раз имение[23] и говорили мне, что теперь будет гораздо легче уплачивать ваши подати и проценты, увы! я предчувствовал противное. Но малодушно отчаиваться! Будем надеяться на Бога. Вы спрашиваете о сестрах <Анне и Елисавете>. Выпуск их еще не так близко, еще год. К этому времени, во всяком случае, я надеюсь быть, и мы об этом потолкуем. Насчет вашего мнения, что они могут найти себе хорошую партию, живя в Василевке, я не согласен. <...> Насчет же того, что вы пишете об Васильчиковой[24], то это была только мысль и вовсе не намерение. Притом этому было лет 8, а может быть, более, когда я вам сказал это, и то вовсе не жить, а погостить. Будьте уверены, что во всяком случае мне более было бы желательно, чтобы они были с вами. Но нужно так распорядиться, чтобы они не были заброшены в глушь, чтобы вместе с этим они были в состоянии составить партию, нужную для их счастия. Но до этого, как

я сказал, еще далеко. Я писал кое-каким добрым знакомым своим, людям умным, не ослепленным и не отуманенным воображением и мечтаньями, но знающим хорошо свет и положение вещей в свете, чтобы они иногда навещали их и мало-помалу приучали их науке жизни. Рим так же хорош, стар и величествен, как был прежде. Погода так же прекрасна. Никто не ходит в шинелях и плащах. Дни теплые, небо светлое и солнечное. Здесь теперь очень много русских и между ними несколько из моих знакомых. Они все приехали провесть здесь зиму, одни для здоровья, другие так».

В письме к Данилевскому в Париж (написанном также в ноябре 1838 г., после 15 числа н. ст.) Гоголь писал: «Я думал, приехавши в Рим, застать от тебя письмо. Ведь мы дали обещание писать непременно, писать часто друг к другу. Где это обещание. Я писал к тебе из Лиона[25], из Марселя[26]. <...> Ты знаешь, что меня должно интересовать всё, что ни делается теперь с тобою. <...> Стало быть, и обед, и завтрак, и несварение желудка, и понос, и запор, и италианская опера, и Монмартр, и Филипп[27], не тот Филипп[28], что поймал за усы la liberte[29] французской нации, но тот Филипп, который является с большим серебряным кофейником, без сомнения, piu dimandato da noi che le belle putte[30], всё это может войти в состав письма... <...> Это бы мне напоминало, что ты еще существуешь, что ты еще под боком у меня, что идешь рука в руку со мною, хотя невидимо. Пожалуйста, прошу, молю, умоляю, заклинаю. В ту ж минуту, в том же великолепном храме, где ты приносишь двойную жертву божеству[31], тотчас же после кофию или, по крайней мере, после Corier Francais[32], но прежде чем возьмешься за кий, берись за перо или за карандаш и наскоро — записку и потом, после трех или четырех партий, иди и брось в boite[33]. Уверяю тебя, ты будешь сам доволен и весел после того целый день. Желудок твой сварит исправно. Рубини будет лучше петь. Гризи будет в пятьсот раз привлекательнее. <...> Я до сих пор еще как-то не очнулся в Риме. Как будто какая-то плева на глазах моих, которая препятствует мне видеть его в том чудном великолепии, в каком он мне представился, когда я въехал в него во второй раз[34]. Может быть, оттого, что я еще до сих пор не приладил себя к римской жизни. Париж с своими великолепными храмами[35] меня много расстроил. Куды ни иду, всё чудятся храмы. Мысль моя еще не вся оторвалась от Монмартра и булевара des Italiens[36]. Здесь встретил некоторых знакомых, которые мне не дали еще вступить в мою прежнюю колею, в которой я плелся было мерно или — лучше — кое-как. Хотел было кинуться с жаром новичка на искусства и бежать деятельно осматривать вновь все чудеса римские, но в желудке сидит какой-то чорт, который мешает всё видеть в таком виде, как бы хотел видеть, и напоминает то об обеде, то об завтраке, словом — всё греховные побуждения, несмотря на святость мест, на чудное солнце, на чудные дни. Но оно еще поразило меня, это синее небо и этот далеко обнимающий его солнечный свет. Когда я из Неаполя въехал во Францию, я не заметил совсем перемены в небе и в солнце, и, приехавши даже в Париж, мне казалось всё передо мною то же небо, но когда я подвигался к Италии, даже в Марселе... У! какая разница! Поток света. Ей, ей, полнеба тонет в свету. <...> Да что меня больше всего поразило, так это Петр. Он страшно вырос, купол необыкновенно сделался огромнее. <...> Я думал застать в Риме много писем и ничего почти не застал. От Прокоповича никаких вестей...»

1 декабря (н. ст.) 1838 г. Гоголь сообщал М. П. Погодину: «Я получил письмо, которое лежало, дожидаясь моего приезда, 3 месяца. Письмо это было молодого Аксакова[37]. Пожалуйста, обними его за меня, если увидишь, и скажи ему, что я очень благодарен ему за письмо и его доброе расположение ко мне и жалею весьма, что не получил его во время и чрез то, может быть, заставил его просидеть лишний день в Цюрихе в ожидании моего ответа. Передай также поклон доброму отцу его».

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «В 1838-м году, кажется 8-го июня, уехал Константин за границу, намереваясь долго прожить в чужих краях (он не мог прожить долее пяти месяцев). Перед возвращением своим в Россию он написал к Гоголю в Рим самое горячее письмо, убеждая его воротиться в Москву (Гоголь жил в Риме уже более двух лет) и назначая ему место съезда в Кельне <в средине октября (н. ст.) 1838 г.>[38], где Константин будет ждать его, чтоб ехать в обратный путь вместе. Гоголь еще не думал возвращаться, да и письмо полу-

чил двумя месяцами позднее, потому что куда-то уезжал из Рима. Письмо это, вероятно дышавшее горячей любовью, произвело, однако, глубокое впечатление на Гоголя, и хотя он не отвечал на него, но, по возвращении в Россию, через год[39], говорил о нем с искренним чувством»[40].

Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной-Волконской, в пересказе А. В. Марковича (1856–1859): «Все это время он <Гоголь> был очень любезен, — часто проводил у них вечера, которые, по словам К<няжны>, благодаря ему, были очень приятны»[41].

Из воспоминаний княжны Репниной-Волконской 1890 г.: «В Риме Гоголь часто к нам ходил и был очень забавен; я тогда была смешлива и от его рассказов хохотала во все горло. Между прочим он рассказывал, что в Нежинском Лицее[42] был у них профессор греческого языка, грек[43]. Он читал студентам Гомера, которого никто из них не понимал. Прочитав несколько строк, он подносил два пальца ко рту, щелкнет и, отводя пальцы, говорит: “чудесно”, с сильным греческим выговором. Потом, прочитав о каком-то сражении, он перевел греческий текст словами: “и они положили животики свои на ножики”, и весь класс разразился громким смехом. Тогда профессор сказал: “По-русски это смешно, а по-гречески очень жалко”»[44].

В 2001 г. В. Н. Гасперович указывала: «Изучая приходскую книгу за следующий, 1839 год[45], находим <...>, <что> фамилии Гоголя ни сами хозяева, ни соседи не знают или не запомнили, зато они внимательно наблюдают за тем, с кем он встречается... <...> Обо всем, что было ими замечено в течение последних месяцев, итальянские “друзья” докладывают приходскому священнику. Итак, заглянем в книгу снова. В приходскую книгу за 1839 год священник внес имена следующих жителей дома № 126 по улице Феличе:

«Нижний <1-й> этаж[46]:	Джаннокези Франческо, римлянин, 23 года, сапожник; Беларди Антония, римлянка, 28 лет; Анжелика, дочь, 1 год.
1-й <2-й> этаж:	Князь Делла Паче, жена, испанцы с двумя служителями.
2-й <3-й> этаж:	Джильи Доменико, 50 лет, из Сецце, владелец недвижимости; Троис Джудитта, 42 года – римлянка, жена; Оттавио, 20 лет, сын; Розелли Франческа, 75 лет, из Сецце, вдова Джильи; Тереза, 35 лет — Аматриче — прислуга; Марчелли Вероника, 14 лет, прислуга; Де Лука Франческа, 30 лет, прислуга.
3-й <4-й> этаж:	Ринальди Аннамария, 68 лет, из Мессины; вдова Челли Сальваторе, 42 года; сын Урбини Анна, 31 год, из Асколи; прислуга Мария, 40 лет; прислуга с двумя иностранцами, с подозрением, католики ли они; один поляк Го...»[47] <...>

В марте 1839 г. в Рим приезжал М. Погодин[48] (не исключено, что именно его приходский священник посчитал “вторым католиком”!), которому Гоголь показывает Вечный Город»[49].

[1] Федор Федорович Рихтер (1808–1868), архитектор.

[2] Иоганн Фридрих Овербек (1789–1869), немецкий художник, глава назарейской школы живописи.

[3] Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858), историк, московский уездный предводитель дворянства, и его жена Елизавета Григорьевна Черткова (рожд. графиня Чернышева; 1805–1858).

[4] См. ***1838. Декабря 16 <4>. Воскресенье, Рим.***

[5] См. ***1836. Июля конец – августа средина <июля средина – августа начало>. Баден-Баден.***

[6] Воспоминания княжны В. Н. Репниной-Волконской в записи В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 3. С. 110.

[7] <Воспоминания графа А. К. Толстого, А. М. Жемчужникова и графа А. П. Толстого, записанные П. А. Кулишом> // *Свод.* Т. 2. С. 399.

[8] Пиомбино (Piombino) — итальянский княжеский род. См. также ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим.***

[9] Людовизи (Лудовизи, Ludovisi) — вилла в северной части Рима, построенная в XVII в. на месте садов Саллюстия кардиналом Л. Людовизи. См. также ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим.***

[10] Ср. строки Гоголя об итальянском народе в повести «Рим»: «Он порицает неправедного притязателя, освистывает гроб покойника и впрягается великодушно в колесницу, везущую тело, любезное народу».

[11] *Анненков П. В.* Письма из-за границы <В. Г. Белинскому. 1841–1842 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 408.

[12] См. ***1838. Ноября 19 <7>. Понедельник. Рим.***

[13] См. ***1838. Июня начало <июня средина>. Санкт-Петербург.***

[14] См. ***1839. Октября 31. Вторник. Санкт-Петербург.***

[15] См. ***1838. Июня 30 <18>. Суббота. Рим.***

[16] См. ***1838. Апреля 28 <16>. Суббота. Рим.***

[17] И. Ф. Постников, преподаватель истории, географии и арифметики в Патриотическом институте (см. ***1831. Августа 15. Суббота. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург***).

[18] См. ***1838. Сентября 1 <13>. Четверг. Москва***; ***1838. Декабря 1 <ноября 19>. Суббота. Рим.***

[19] См. ***1838. Сентября конец — октября первая половина <сентября вторая половина>. Швейцария или Германия.***

[20] См. ***1838. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Рим.***

[21] См. ***1838. Августа 14 <2>. Вторник. Кастелламаре.***

[22] См. ***1838. Сентября 10 <22>. Суббота. Васильевка.***

[23] См. ***1836. Января 31. Пятница. Полтава.***

[24] По-видимому, М. И. Гоголь напоминала сыну о его старом плане — поместить сестер Анну и Елисавету в семье А. И. Васильчиковой.

[25] См. ***1838. Октября 28 <16>. Воскресенье. Лион.***

[26] См. ***1838. Ноября начало <октября конец>. Марсель.***

[27] Лакей в кафе (см. также ***1838. Декабря 31 <19>. Понедельник. Рим***).

[28] Имеется в виду французский король Луи-Филипп (1830–1848).

[29] Свобода (*фр.*).

[30] Более желанным для нас, чем красотки (*ит.*).

[31] См. ***1836 ноября начало <октября вторая половина> — 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж*** (примечания); ***1838. Октября 28 <16>. Воскресенье. Лион*** (примечания).

[32] «Le Courrier Français» (1819–1868), одна из популярных французских газет.

[33] Ящик (*фр.*).

[34] См. ***1837 ноября не позднее 30 <не позднее 18> — 1838 июля начало <июня вторая половина>. Рим.***

[35] Имеются в виду парижские кафе (см. ***1836 ноября начало <октября вторая половина> — 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж*** — примечания; ***1838. Октября 28 <16>. Воскресенье. Лион*** — примечания).

[36] Итальянский (бульвар в Париже) (*фр.*).

[37] Письмо К. С. Аксакова не сохранилось. — См. также ***1838. Июля 18 <30>. Понедельник. Москва.***

[38] См. ***1838. Сентября конец — октября первая половина <сентября вторая половина>. Швейцария или Германия.***

[39] См. ***1839. Сентября 28. Четверг. Москва, д. Аксиньино, Москва.***

[40] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 670.

[41] Записка, составленная А<фанасием> В<асильевичем> М<аркович>ем из письма к нему Кн<яжны> В. Н. Р<епни>ной о Гоголе. <Письмо к П. А. Кулишу от 31 декабря 1856–1859 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 96.

[42] Княжна В. Н. Репнина-Волконская была родственницей почетного попечителя Гимназии высших наук в Нежине графа А. Г. Кушелева-Безбородко. Замужем за ним была ее сестра Александра (ум. в 1836–1837).

[43] Профессор греческого языка и словесности Х. Н. Иеропес.

[44] *Бартенев П. И.* Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 100.

[45] Имеется в виду одна из «церковных приходских книг (Stato delle Anime), содержащих записи о ежегодной переписи населения, проводимой приходскими священниками перед Пасхой». Дом, в котором остановился Гоголь, принадлежал к «приходу церкви Св. Викентия и Анастасия (SS. Vicenzo e Anastasio) у фонтана Треви, в районе, считавшемся в XIX веке центром культурной жизни Вечного Города» (*Гасперович В.* Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 128).

[46] «...У итальянцев принято считать этажи с нулевого, «земляного», этажа (piano terra), а не с первого, посему 1-й этаж в Италии соответствует 2-му в России и т. д. <...> ...Мы будем придерживаться итальянской

традиции, то есть следовать нумерации, обозначенной в приходской книге» (*Гасперович В.* Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 129).

[47] «Запись священника переведена нами дословно: "Con due forestieri col sospetto se sono cattolici", и ниже: "un Polacco G [?] o". Вся запись — более мелкими буквами, а последняя строчка — вообще другим почерком. Последнее слово неразборчиво, ясна только первая буква "G"» (примеч. В. Н. Гасперович). Возможно, непрочитанное слово, начинающееся с литеры «Г» («G»), означает имя Гоголя.

[48] М. П. Погодин приехал в Рим с женой; Гоголь в то время по-прежнему, как и в 1837–1838 гг. (см. ***1837 ноября не позднее 30 <не позднее 18> — 1838 июля начало <июня вторая половина>. Рим***), жил на четвертом (по счету Погодина) этаже и «назначил» ему с женой помещение «подле своей комнаты, через темную залу», т. е. тоже на четвертом этаже (см. ***1839. Марта 8 <февраля 24>. Пятница. Рим***).

[49] *Гасперович В.* Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 129–130.

НОЯБРЯ 16 <4>. ПЯТНИЦА. ВЕНЕЦИЯ

В. А. Жуковский сообщает П. А. Плетневу в Петербург:

«В Риме надеюсь увидеть Шевырева и Гоголька».

Грот К. Я. Несколько дополнений к рукописям В. А. Жуковского // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1901. Т. 6. Кн. 2. С. 20.

НОЯБРЯ 19 <7>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь пишет в Петербург ответное письмо М. П. Балабиной (прилагает к этому посланию письмо к сестрам, написанное 15 ноября (н. ст.) 1838 г.[1]):

«Ваше письмо, Марья Петровна, получено мною[2] очень исправно чрез М-г Паве. Я вам за него очень много благодарен. Вы мне живо напомнили всё: и ваш Петербург, и мой Рим[3]... <...> Опять мои чувства живы. <...> Я люблю очень читать ваши письма. Хотя в них падежи бывают иногда большие либералы и иногда не слушаются вашей законной власти, но ваша мысль всегда ясна и иногда так выражена счастливо, что я завидую вам. Уже два места, два целых периода я украл из них, — какие именно, я вам не скажу, потому что намерен совершенно завладеть ими... Потому еще люблю ваши письма, что в них мало того, что бывает обыкновенно в петербургских письмах. Но обратимся к первому пункту вашего письма. Вы мне показались теперь очень привязанными к Германии[4]. <...> Не кажется ли она нам такою только в сказках Гофмана[5]? <...> Ах, Марья Петровна! что это вы делаете? Я не узнаю вас. Не вы ли еще так недавно отвергали всё то, что иногда неугомонно бродит в нашем воображении и увлекает его далеко, далеко? Не вы ли готовились доказать — и доказать формально, на бумаге, ясно — что первое занятие человека на земле есть свинки? Или эти свинки не так толсты, огромны и жирны в Петербурге, как вы думали? Но мне кажется, этих животных в Петербурге весьма (увы!) достаточно. Там же есть чухонцы, которые особенно славятся смотрением за ними. Но я чувствую, я знаю, это сильная и верная истина. Трудно, трудно удержать середину, трудно изгнать воображение и любимую прекрасную мечту, когда они существуют в голове нашей; трудно вдруг и совершенно обратиться к настоящей прозе; но труднее всего согласить эти два разнородные предмета вместе — жить вдруг и в том и другом мире. Знаете ли, сказать ли вам откровенно: я ваш старый друг, я об вас забочусь, мысли мои поминутно ворочаются около вас. Вы мне други по всему; наша дружба очень, очень древняя. Мне стало очень грустно, когда я читал письмо ваше. Я мыслил: будет ли счастлива моя приятельница Марья Петровна? и когда я представил себе этот холодный, прозаический, мелкий чувствами и характерами мир, который окружает Марью Петровну, облако сомнения отуманило мне очи. Клянусь, мне было грустно. Но я вспомнил, что у Марьи Петровны есть черты римского характера, есть что-то твердое и сильное, есть наша воля и решительность на великие вещи. И во мне вдруг поселилась уверенность... насчет вас я стал покойнее. Я рад очень, что Петербург для вас становится сносен; по крайней мере, вы нахо-

дите теперь развлечения, которые вас занимают. Ваше описание железной дороги и поездки по ней очень живо; стало быть, вам было весело; стало быть, вы были довольны, и, признаюсь, сказать вам нужно втайне и по секрету, я крепко завидовал вам. Всё-таки сердце у меня русское. Хотя при виде, то есть при мысли о Петербурге, мороз проходит по моей коже, и кожа моя проникается насквозь страшною сыростью и туманною атмосферою, но хотелось бы мне сильно прокатиться по железной дороге и услышать это смешение слов и речей нашего вавилонского[6] народонаселения в вагонах. Здесь много можно узнать того, чего не узнаешь обыкновенным порядком. Здесь бы, может быть, я бы рассердился вновь — и очень сильно — на мою любезную Россию, к которой гневное расположение мое начинает уже ослабевать, а без гнева — вы знаете — немного можно сказать: только рассердившись, говорится правда. Когда я был в школе и был юношей, я был очень самолюбив (не в том смысле самолюбив); мне хотелось смертельно знать, что обо мне говорят и думают другие. Мне казалось, что всё то, что мне говорили, было не то, что обо мне думали. Я нарочно старался завести ссору с моим товарищем, и тот, натурально, в сердцах высказывал мне всё то, что во мне было дурного. Мне этого было только и нужно; я уже бывал совершенно доволен, узнавши всё о себе. Но в сторону всё прочее; поговорим о нашем любезном Риме. Вы его не позабыли; вы интересуетесь о нем до сих пор. Вы читаете теперь историю Мишле. Это страшный вздор; это совершенно русский Полевой[7]. Но, к счастию, вы не читали Полевого. Мишле, как попугай, повторяет Нибура; обокрал оттуда и оттуда, у того и у другого, умничает не кстати, рассуждает Бог знает как и модный педант, как все французы.

Вы спрашиваете насчет новооткрытых мозаик в катакомбах, чудесных, как говорят газеты, однако же, вовсе нет. Отыскали мозаик и очень много, но все очень повреждены; даже не знают до сих пор, к какому времени отнести. Антикварии разделились на две партии; одни относят ко временам христианства, другие — к языческим. Но найдена у Porta Maggiore[8] гробница булочника, которую (как объявляет сам булочник в надписи, им же сделанной) он воздвиг себе и своей жене. Монумент очень велик (булочник был очень тщеславен). На нем барельеф; на барельефе изображено печение хлеба, где супруга его месит тесто. Прошлый год... но, может быть, вы слышали об этом?.. нашелся один спекулятор[9], который взялся рыть, с тем чтобы найденными вещами делиться пополам с правительством, а остальные ему продавать. Он вырыл несколько гробниц, множество золотых и бронзовых вещей; в числе их статуи четыре, скульптуры первого [разряда] и лучшего вкуса. Они разделились. Нашедший взял на свою долю мало, но самых отличных. Правительство взяло много, но достоинством хуже. Остальные правительство оценило и готовилось заплатить 5000 скуди; но когда пришло дело до платежа, сколько ни рылось оно по своим старым карманам, ничего не могло найти, кроме нескольких меццопаолов[10], говорят, очень истертых, и нашедший продал почти всё в Англию, а лучшую из статуй купил король баварский[11] за несколько сот тысяч и перевез в Мюнхен.

Но довольно о старине. В Риме завелось очень много новостей. Здесь происходят совершенные романы и совершенно во вкусе средних веков Италии. Первый роман... но героини его вам известны. Это ваши приятельницы, девицы Конти[12], которые, как вам известно, очень плотны и толсты и потому не любят ходить совершенно alla moda[13], и которые всегда жаловались на самодержавие своей матушки, не пускавшей их всякий день в церковь св. Петра, когда очень много форестьеров. Итак, девицы Конти влюбились страшным образом в двух жандармов; но так как, по причине того же самого самодержавного правления своей матушки, они не могли видеть часто своих любовников, то (средство, как вы увидите, очень оригинальное) они решились задавать матушке каждый день в известное время добрый прием опиума и в продолжение того времени, как матушка спала, впускали к себе своих жандармов. Один раз матушка еще не успела совершенно вздремнуть, одна из этих героинь — которая именно, не помню, — сгорая нетерпением видеть своего жандарма, полезла к ней под подушку доставать ключи. Мать проснулась и с этих пор усилила присмотр, а дочки решились усилить прием опиума. Старуха никак не могла понять, отчего у ней кружится голова. Приемы опиума, видно, были довольно велики. Она давно уже подозревала, что дочери что-то с ней делают, и решилась один раз прикинуться спящею. Дочери вели преспокойно в своей комнате беседу с своими любовниками, как вдруг стучат в дверь, и голос матери приказывает им отворить. Дочери спрятали их как могли, но, по расстроенному и испуганному их виду, мать догадалась, что в комнате что-нибудь есть, начала искать, искать и вытащила из шкапа обоих жандармов. Выгнавши

жандармов, мать заперла дочерей. Но дочери скоро нашли случай уйти и убежали в монастырь. Оттуда они написали письмо к одному монсиньору[14], их опекуну, жалуясь на деспотизм своей матери и требуя, чтоб их выдали замуж за жандармов. Монсиньор изъявил свое разрешение, и теперь обе Конти — супруги; живут и питаются решительно одною любовью, потому что у жандармов нет ни копейки, а мать, с своей стороны, не хочет дать ни меццобайока[15]. Другой роман. Один из фамилии Дориев влюбился до безумия в одну девушку сироту[16]... <...> Третий роман тоже с Дорием, другим. Но не хочу более сплетничать. Вы знаете о нем, без сомнения, из газет, потому что он был публикован. В Риме шумно более, нежели сколько бы желалось. Форестьеров гибель. Русских, энглишей, французов — хоть метлой мети. Это скучно. Вы знаете сами, что это скучно. Рим мне кажется теперь похожим на дом, в котором мы провели когда-то лучшее время нашей жизни и в который теперь приезжаем и находим, что дом продан; из окон выглядывают какие-то глупые лица новых хозяев... словом, грустно. Пишите ко мне, не забывайте вашего обещания. Пишите ко мне <...>, когда вы почувствуете потребность передать именно кому-нибудь мысли. Будь они самые сокровенные, пишите их смело: я их сохраню, как секрет. Еще одна просьба к вам, и я вас попрошу, чтобы <вы> попросили от меня тоже вашу маминьку: будьте так добры, навестите когда-нибудь моих сестер в Патриотическом институте[17]. <...> Если ж вам не будет времени и вы будете заняты, то отправьте им это письмо, которое я при сем прилагаю».

[1] См. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг — 1839 июня средина <июня начало>. Рим.***

[2] 15 ноября (н. ст.) 1838 г. (см. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг — 1839 июня средина <июня начало>. Рим***).

[3] См. ***1837. Марта 26 <14> — июня вторая половина, не позднее 25 <июня первая половина, не позднее 13>. Рим.***

[4] См. ***1836. Июня 28 <16>. Вторник. Гамбург.***

[5] См. также ***1838. Июль — августа до 14 <июня конец — августа до 2>. Кастелламаре.***

[6] Ср. коммент. к слову — *Семирамида* — в «Повести о капитане Копейкине» в десятой главе первого тома «Мертвых душ» в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 5.

[7] Гоголь сравнивает «Историю Франции» Ж. Мишле с «Историей русского народа» Н. А. Полевого.

[8] Порта Маджоре (*ит.*) — ворота Св. Марии Великой в Риме.

[9] *Спекулятор* — здесь: торговец.

[10] Полпаоло. Паоло — старинная итальянская серебряная монета.

[11] Людвиг I.

[12] См. ***1838. Апреля конец <апреля средина>. Рим.***

[13] По моде (*ит.*).

[14] Монсиньор — здесь: католический епископ.

[15] Меццобайок (меццобайокко) — пол-байокко.

[16] См. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг — 1839 июня средина <июня начало>. Рим.***

[17] См. там же.

НОЯБРЯ 20 <8>. ВТОРНИК. РИМ

Граф Мих. Ю. Виельгорский сообщает В. А. Жуковскому в Венецию:

«Видел я Гоголя, которого можно назвать *Римским Гоголем.* Он помолодел, об тебе много спрашивал и с нетерпением ожидает».

Лямина Е. Э., Самовер Н. В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. М., 1999. С. 382; см. также: Из писем графа Мих. Ю. Виельгорского // *Свод.* Т. 2. С. 72.

НОЯБРЯ МЕЖДУ 20 И 30 <МЕЖДУ 8 И 18>. РИМ

Гоголь читал у графов Мих. Ю. и И. М. Виельгорских «начало» «Мертвых душ».

См. ***1838. Ноября 20 <8>. Вторник. Рим***; ***1838. Ноября 30 <18>. Пятница. Рим.***

НОЯБРЯ 30 <18>. ПЯТНИЦА. РИМ

Граф Мих. Ю. Виельгорский сообщает В. А. Жуковскому:

«Вручитель сего письма некто m-r Brown[1], секретарь археологического общеста римского, <...> даст тебе верные известия о здоровьи моего Жозефа. Ему с некоторых пор гораздо лучше, хотя по приезде в Рим[2] он меня очень беспокоил. <...> Гоголь бывает у меня и читал начало “Мертвых душ”. С нетерпением ожидаю вашу милость».

Лямина Е. Э., Самовер Н. В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. М., 1999. С. 387.

[1] Август Эмиль Браун (Броун, 1809–1856), археолог, врач-гомеопат. – См. также ***1839. Мая 11 <апреля 29>. Суббота. Рим.***

[2] См. ***1838. Ноября 14 <2>. Среда. Рим.***

ДЕКАБРЯ 1 <НОЯБРЯ 19>. СУББОТА. РИМ

Гоголь пишет ответное письмо М. П. Погодину в Москву:

«Я получил твое письмо[1], милый мой, писанное тобою от сентября на имя Валентини, вместе с секундами векселей[2]. Я не отвечал на него тотчас, потому что ожидал первого твоего письма[3], которое искало меня по всему Неаполю и Риму и, как водится, вовсе не там, где меня нужно было искать. Наконец я получил его и пишу к тебе. Благодарю тебя, добрый мой, верный мой! <...> За что это меня так любит Бог? <...> Боже! я недостоин такой прекрасной любви. Ничего не сделал я! как беден мой талант. Зачем мне не дано здоровье? Громоздилось кое-что в этой голове и душе и неужели мне не дове<де>тся обнаружить и высказать хотя половину его. Признаюсь: я плохо надеюсь на свое здоровье. Но в сторону об этом. Мне было очень грустно узнать из письма твоего, что ты живешь не без неприятностей и огорчений. Литературные разные пакости и особливо теперь, когда нет тех, на коих почиет надежда, в состоянии навести большую грусть, даже, может быть, отравить торжественные и вдохновенные минуты души. Ничего не могу сказать тебе в утешение. Битву, как ты сам знаешь, нельзя вести тому, кто благородно вооружен одною только шпагой, защитницей чести, против тех, которые вооружены дубинами, дрекольями. Поле до<лжно> <ост>аться в руках буянов. Но мы можем, как п<ервые> <хрис>тиане в катакомбах и затворах совершать наши творения[4]. Поверь, они будут чище, прекраснее, выше. Меня ты очень разжалобил Щепкиным. Мне самому очень жалко его. Я о нем часто думаю. Я даже, признаюсь, намерен собрать черновые, какие у меня есть [списки] лоскутки истребленной мною комедии[5] и хочу что-нибудь из них для него сшить.

Кстати о Ревизоре. Ты хочешь по твоей редкой доброте и любви ко мне печатать Ревизора. Мне, признаюсь, хотелось бы немного обождать... Я начал переделывать и поправлять некоторые сцены, которые были написаны довольно небрежно и неосмотрительно. Я хотел бы издать его теперь исправленного и совершенного. Но если ты находишь, что второе издание необходимо нужно и без отлагательства, то располагай по своему усмотрению. Я не думаю, чтобы он доставил теперь большие деньги. Но если наберется около двух или с лишком тысяч, то я буду очень рад, потому что, признаюсь, мне присланные тобою деньги несколько тяжелы. Мне всё кажется, что ты отказал себе и что нуждаешься. Если за Ревизора дадут вдруг деньги, то ты, пожалуйста, пополни ими нанесенную мною пустоту твоему кошельку или отдай их тому, у кого ты занял для меня. – Меня было очень обрадовали слухи о твоем намерении приехать на зиму в Рим, но твое письмо разрушило мою надежду. О твоем приезде мне писал Бодянский, к которому я не мог отвечать, потому что он мне не дал своего адреса. Я надеялся с ним увидеться в Риме».

[1] См. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим.***

[2] С дубликатами векселей (от лат. secundus – следующий, второй).

[3] Письмо не сохранилось.

[4] Ср. в статье Гоголя «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве» (1846): «Я очень знаю, что в глубине монастырей и в тишине келий готовятся неопровержимые сочинения в защиту Церкви нашей».

[5] «Владимир 3-ей степени». – См. также ***1835. Марта 11. Понедельник. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 3 ИЛИ 4 <НОЯБРЯ 21 ИЛИ 22>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ – ВТОРНИК. РИМ

Гоголь получил письмо от матери из Васильевки от 1 октября 1838 г.

См. ***1838. Декабря 10 или 11 <ноября 28 или 29>. Понедельник или вторник. Рим.***

ДЕКАБРЯ 10 ИЛИ 11 <НОЯБРЯ 28 ИЛИ 29>. ПОНЕДЕЛЬНИК ИЛИ ВТОРНИК. РИМ

Гоголь пишет в Васильевку ответное письмо матери:

«Письмо ваше, почтеннейшая маминька, писанное вами от 1 октября[1], я получил неделю тому назад, стало быть, 3 и<ли> 4 декабря[2] по здешнему стилю. Благодарю вас за приятное для меня известие о вашем препровождении времени во время бытности вашей в Полтаве. Мне было точно приятно читать, что вы встретили там своих старых знакомых и, как кажется, провели время нескучно. Мне даже было смешно несколько, когда я добрался до того места вашего письма, где поспорили за меня с некоторыми вашими приятелями. Пожалуйста, вы обо мне не очень часто говорите с ними и особенно не заводите из-за меня никаких споров. Гораздо лучше будет и для вас и для меня, если вы на замечания и толки о моих литературных трудах будете отвечать: Я не могу быть судьею его сочинений, мои суждения всегда будут пристрастны, потому что я его мать, но я могу сказать только, что он добрый, меня любящий сын, и с меня этого довольно. И будьте уверены, что почтение других усугубится к вам вдвое, а вместе с тем и ко мне, потому что такой отзыв матери есть лучшая репутация человеку, какую только он может иметь. Родители же, которые хвастаются сочинениями своих сыновей, это <...>[3] чрезвычайно наивное и смешное в своей наивности. Я знал некоторых, которые мне были очень смешны. Я об этом потому заикнулся, что в моих сочинениях очень, очень много грехов, и те, которые с вами спорят, иногда бывают очень, очень справедливы. Я вам советую иногда прочесть разборы в Библиот<еке> для Чтения и Северн<ой> Пчеле о моих сочинениях, и вы увидите, что их вовсе не так хвалят, как вы об них думаете. И почти всегда эти замечания справедливы. Но когда-нибудь в другое время поговорим об этой статье. Бедный Андрей Андреевич[4] как видно очень плох в своих хозяйственных обстоятельствах. Нужно же ему было заводить тяжбу, которая его без всякого сомнения разорит. Мне очень жаль его. Он был к нам добр и простить нам долг[5], который был довольно значителен – это с его стороны очень много показывает доброты. Мне, признаюсь, очень прискорбно, что у нас мнение составилось весьма несправедливое о человеке, о котором я у вас спрашивал. Он был всегда мне хорошим приятелем и в первое время моего приезда в Петербург был для меня очень полезен, а что касается до толков о его уме, то мне было это смешно, потому что у него его по крайней мере более гораздо нежели у тех, которые о нем составили такое мнение. – Уведомьте меня пожалуйста, где находится Иван Данилевский, дома или Петербурге и чем занят. Напишите мне слова два о моем Екиме[6], что он поделывает, не избаловался ли и помнит ли обо мне. Скажите ему, если будет себя хорошо вести, то я ему привезу гостинец. А самое главное вы мне не написали ни слова об Олиньке и почему она ко мне ни разу не напишет».

Позднее, 31 декабря (н. ст.) 1838 г., Гоголь сообщал А. С. Данилевскому: «Я получил письмо от маминьки. Она пишет, что в Полтаве дожидалась очень долго, с тем, чтобы дождаться, как будут давать "Ревизора" на каком-то тамошнем театре и что крепостной олух, посланный об этом осведомиться, переврал и перепутал и ничего не добился, и что они, вместо этого, попали на Шекспирова "Гамлета", которого выслушали всего и на другой день, к несказанному удовольствию их, т. е. маминьки и сестры, узнали, что будут играть "Ревизора", и отправились тот же вечер. Воображаю, что "Ревизор" должен быть во всех отношениях игран злодейским образом, потому что даже сама маминька, женщина, как тебе известно, очень снисходительная, говорит, что слугу играли изрядно, а прочие, по способностям, как могли, чем богаты, тем были и рады. По нескольк<им> нечаянно сказанным словам в письме маминьки я мог также заметить, что мои соотечественники, т. е. Полтавской губернии, терпеть меня не могут».

В. И. Шенрок, рассказывая о своих беседах с Данилевским в 1887 г., писал: «...Обычные взаимные отношения его <Гоголя> и Марьи Ивановны во время их личных свиданий были всегда совершенно дружеские, теплые и сердечные, – так по крайней мере представили их нам, на основании многолетнего весьма близкаго знакомства с семьей нашего писателя, А. С. Данилевский и А. И. Псиол[7]. <...> Марья Ивановна относилась к сыну как к авторитетному лицу во всех отношениях; она во всем с ним советовалась и дорожила каждым его мнением, особенно же старалась угодить ему, чем только могла. Гоголь относился к ее суетливому усердию с легким оттенком добродушного юмора, но всегда сердечно и дружески»[8];

«Однажды, по поводу моего вопроса о письме, в котором Гоголь без стеснения выражает досаду на мать за споры с соседями о его литературном значении[9], А. С. Данилевский между прочим заметил: "Да ведь надо знать, как она всегда говорила о сыне. Она говорила о нем с гордостью любящей и счастливой матери, с восторгом, со страстью, и, при всей беспредельной доброте, готова была за малейшее слово о нем поссориться с каждым". В обожании сына Марья Ивановна положительно доходила до Геркулесовских столпов, приписывая ему все новейшие изобретения (пароходы, железные дороги) и, к величайшей досаде сына, рассказывая об этом всем при каждом удобном случае. Разубедить ее не могли бы никакие силы. <...> ...Симпатичнейшая мать Гоголя была невозможной мечтательницей, что могло его также выводить из терпения, особенно, когда дело касалось его лично. Обожаемому сыну она готова была приписывать все новейшие изобретения...»[10]

В 1854 г. П. А. Кулиш сообщал о матери Гоголя: «Не зная точных пределов деятельности своего сына, она в увлечении материнской любви переходила далеко за них и приписывала его влиянию, его советам, его проектам все улучшения и полезные нововведения, появившиеся в последнее время в России. Старшая дочь[11] останавливала, сколько могла, ее мечтательность, но это было напрасно: бедная мать решительно не знала, где в ее уме кончаются несомненные факты и где начинаются мечты и догадки, доведенные сердцем до непоколебимых убеждений. Таинственность, с которою Гоголь обделывал свои дела, помогла сладкому обману материнской любви, и теперь сын представляется ей центром вселенной, из которого на все кругом проливается свет и благодать»[12].

Л. М. Жемчужников, побывавший в Васильевке в 1854 г. вместе с Кулишом, в свою очередь, записал: «Мать Гоголя, весьма милая и почтенная старушка, говорила, что все, что делается теперь хорошего в России, делается по инициативе Николая Васильевича. Проведение теперь железных дорог она приписывает его влиянию»[13].

[1] См. ***1838. Октября 1 <13>. Суббота. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Васильевка.***

[2] См. ***1838. Декабря 3 или 4 <ноября 21 или 22>. Понедельник. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы – вторник. Рим.***

[3] Оборвано.

[4] Трощинский.

[5] См. также ***1838. Сентября 9 <августа 28>. Воскресенье. Ливорно.***

[6] Нимченко.

[7] Александра (Александрина) Ивановна Псиол была «близка с детства к семейству М. И. Гоголь»; жила в Москве «вместе с княжной Варварой Николаевной Репниной», скончалась «в конце восьмидесятых годов» (*Шенрок.* Т. 2. С. 45; *Свод.* Т. 1. С. 532); возможно, сестра художницы Глафиры Ивановны Псиол (в замужестве Дунина-Борковская; 1823–1886), близкой подруги княжны В. Н. Репниной-Волконской.

[8] Воспоминания А. С. Данилевского о последних годах жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 528–529.

[9] Письмо от 10–11 декабря (н. ст.) 1838 г. из Рима.

[10] А. С. Данилевский об отношениях к Гоголю его матери. Фрагменты из «Материалов для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 496; *Шенрок В. И.* Разбор мнений г-жи Белозерской и г-жи Черницкой об отношениях Гоголя к матери // *Свод.* Т. 1. С. 397.

[11] Имеется в виду Анна Васильевна. Мария Васильевна умерла в 1844 г. (см. ***1844. Марта 24 <апреля 5>. Страстная пятница. Васильевка***).

[12] Семейство Гоголя. (Из письма П. А. Кулиша к П. А. Плетневу. Сентября, 1854) // *Свод*. Т. 1. С. 390.

[13] *Жемчужников Л. М.* Отрывки из моих воспоминаний о пятидесятых годах // *Свод*. Т. 1. С. 393.

НОЯБРЯ 29 <ДЕКАБРЯ 11>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет В. А. Жуковскому:

«При свидании с Гоголем скажите ему, чтобы он не сердился на меня. Я ни разу не писал к нему, потому что он постоянно нигде не живет, а напрасно писать не хочется. Не пришлет ли он что-нибудь мне для “Современника”»[1].

На просьбу Плетнева, как и на последующие аналогичные его просьбы[2], Гоголь не откликнулся. По-видимому, по этой причине Плетнев стал испытывать раздражение против Гоголя[3] (к примеру, в конце 1838 г. он заявлял, что Г. Ф. Квитка-Основьяненко «перешагнул уже через Гоголя»[4]), что, в конце концов, привело к трагическому для писателя финалу цензурной истории «Выбранных мест из переписки с друзьями». В 1846 г. Плетнев присланные ему для отдельной (***не журнальной***) публикации начальные главы этой книги отдал, ***не читая***, в цензуру[5], а потому позднее на резкие выпады против «Выбранных мест...» цензора А. В. Никитенко возражать по существу не смог.

[1] *Свод*. Т. 1. С. 660.

[2] См. ***1838 декабря 30 <1839 января 11>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[3] См., в частности: ***1845. Ноября 20 <декабря 2>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1846. Июля 19 <7>. Воскресенье. Швальбах***.

[4] См. ***1838 декабря 28 <1839 января 9>. Среда. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1846. Июля 31 <августа 12>. Среда. Спасская мыза.***

ДЕКАБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА <НОЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. РИМ

Гоголь в письме к А. С. Данилевскому в Париж вновь[1] укоряет приятеля за то, что он ему не пишет:

«Ни слова, ни полслова, и никакого словечка! Но, может быть, тебе тяжело писать. Если даст Бог и мои силы, труд и здоровье позволят, то, может быть, будущую зиму мы увидимся в России».

Очевидно, планы Гоголя завершить «Мертвые души» «в конце будущего <1839> года» с лета 1838 г. не переменились[2].

[1] См. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим.***

[2] См. ***1838. Августа 14 <2>. Вторник. Кастелламаре.*** – См. также ***1836. Мая 12. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1837. Июля 20 <8>. Четверг. Баден-Баден.***

СЕНТЯБРЬ-НОЯБРЬ <СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА – ДЕКАБРЯ СРЕДИНА>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

После отъезда Ф. А. Бруни в сентябре 1838 г.[1] в Рим Император Николай I, осматривая написанные художником картины четырех Евангелистов (для возобновлявшейся после пожара 17 декабря 1837 г.[2] церкви Зимнего дворца), увидел на одном из ликов демоническое выражение.

Об этом случае вспоминал позднее ученик К. П. Брюллова художник М. И. Железнов: «...Ф. А. Бруни написал на холсте четыре колоссальные фигуры Евангелистов для возобновлявшейся после пожара большой церкви Зимнего дворца и, по окончании их, уехал в Рим. После его отъезда Государь посетил Академию и пошел по мастерским. <...> Взглянув на голову фигуры Евангелиста Иоанна Богослова, <он> громко воскликнул: "Ну, этой головы оставить нельзя. Это ч<...>, а не Евангелист!"»[3]

Об этом эпизоде вспоминал и другой современник, Н. И. Сазонов: «...Бруни, находившийся в Риме, послал в Академию художеств ряд картин, и императора пригласили их посмотреть. Николай отправился в Академию и после осмотра одной из картин <...> сказал: "...Бруни развращается в Италии; у его ангелов нет святости во взоре..."»[4]

Описанный случай, вероятно, нашел отражение во второй редакции гоголевского «Портрета» (1842): «Картины были представлены... <...> Как вдруг один из присутствовавших членов, если не ошибаюсь, духовная особа, сделал замечание, поразившее всех. "В картине художника, точно, есть много таланта, — сказал он, — но нет святости в лицах; есть даже, напротив того, что-то демонское в глазах..."»

К характеристике художника Черткова (Чарткова): «Кисть его и воображение слишком уже заключились в одну мерку, и бессильный порыв преступить границы и оковы, им самим на себя наброшенные, уже отзывался неправильностью и ошибкою» («Кисть его хладела и тупела, и он нечувствительно заключился в однообразные, определенные, давно изношенные формы»), — возможно, имеет отношение пример сходного оскудения дарования, о котором писал 4 августа 1835 г. в Рим сыну Александру Иванову профессор живописи Петербургской Академии художеств Андрей Иванович Иванов. Случай, описанный А. И. Ивановым, относится именно к тем художникам (А. Е. Егорову и В. К. Шебуеву), под непосредственным руководством которых в 1830–1833 гг. обучался живописи в Петербургской Академии художеств сам Гоголь[5]. «Я писал тебе, — сообщал Андрей Иванов сыну, — <...> о занятиях художников г. Шебуева, г. Егорова, г. Сазонова, меня и моего зятя, А. Е. Сухих, для Троицкой церкви Измайловской гвардии <...> Самая слава, гремевшая кстати и некстати, их до того избаловала, что уже им показалось, что все, что они не сделают, должно быть принято беспрекословно за хорошее <...> Но на сей раз вышло противное. Скоро по освящении церкви приглашает президент Академии <А. Н. Оленин> работавших художников к себе на квартиру <...> Бумага <...> была следующего содержания: "Государь недоволен образами, написанными в Троицкую церковь г. Шебуевым, г. Егоровым <...> почему и приказал возвратить образа художникам, их написавшим, истребовав от них полученные задатки <...> образа же отдать написать другим художникам". <...> ...Надобно после оного продолжать взятые ими на себя работы для академической церкви и показать себя достойными носимого ими звания — это тяжелая обязанность, после столь долголетних занятий по живописи, когда укоренился уже навык писать фальшиво предметы, и манера столь же фальшивая, чтобы угодить кому-либо мягкостью, круглостью, мягкостью красок, словом, не делать так, как представляется предмет, а все по навыку...»[6]

[1] См.: *Верещагина А. Г.* Федор Антонович Бруни. Л., 1985. С. 122; ***1838. Октября 6 <сентября 24>. Суббота. Рим.***

[2] См. ***1837. Декабря 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[3] Заметка о К. П. Брюллове (из воспоминаний *М. И. Железнова*) // Живописное Обозрение. 1898. № 30. С. 603–604.

[4] *Сазонов Н. И.* Правда об Императоре Николае (1854). Пер. с фр. под ред. П. П. Щеголева. Козьмин Б. Из литературного наследства Н. И. Сазонова // Лит. наследство. М., 1941. Т. 41–42. С. 216–217. См. также: Заметки и воспоминания художника-живописца *М. Меликова* // Русская Старина. 1896. № 6.

[5] См. ***1830–1833. Санкт-Петербург***; ***1834. Августа конец — сентябрь. Санкт-Петербург.***

[6] Русский Художественный Архив. 1892/1893. С. 168–171; Мастера искусства об искусстве. М., 1969. Т. 6. С. 164.

ДЕКАБРЯ 16 <4>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Вечером в Рим в свите Наследника Александра Николаевича прибыл В. А. Жуковский[1].

Наследник, будущий Император Александр II, пробыл в Риме с 4/16 декабря 1838 г. до 1/13 февраля 1839 г.

До этого Жуковский уже бывал в Риме; 5 мая 1833 г. он познакомился здесь с К. П. Брюлловым и осматривал его картину «Гибель Помпеи»[2].

[1] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 38.
[2] См. ***1834. Август. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 17 <5>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь получил записку от В. А. Жуковского, на которую отвечает:

«Да будет благословен и тот кучер, который принес мне вашу записку, <...> и эта половина десятого часа, в которую ваша записка попала мне в руки. <...> ...Бегу обнять вас, но только я не дождусь до половины третьего часу»[1].

Время, остававшееся до встречи, Жуковский провел в нескольких местах, о чем свидетельствуют его дневниковые записи: «*5 (17) декабря, понедельник.* Представление. Поездка к Папе. <...> Домой. Скинув мундир, на высоту Капитолия с Лауницем. Конь Марка Аврелия. *Беги.* К Сестиевой пирамиде. В церковь св. Павла за стенами»[2].

Позднее, 31 декабря (н. ст.) 1838 г., Гоголь писал А. С. Данилевскому о своей встрече с Жуковским: «Свиданье наше было трогательно: он весь полон Пушкиным».

18 января (н. ст.) 1839 г. Гоголь сообщал также княжне В. Н. Репниной-Волконской: «Свидание наше было очень трогательно. Первое имя, произнесенное нами, было: Пушкин. Поныне чело его облекается грустью при мысли об этой утрате».

В 1890 г. П. И. Бартенев замечал: «В 1839 году <в конце 1838 г.> Жуковский приехал в Рим, где жил Гоголь. Когда они увиделись (это было в первый раз с 1836 года), то оба внезапно воскликнули: Пушкин!»[3]

[1] По-видимому, назначенное В. А. Жуковским время встречи.
[2] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 38.
[3] История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. М., 1890. С. 13.

ДЕКАБРЯ 18 <6>. ВТОРНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. РИМ

Гоголь присутствовал на обеде, данном Наследником Александром Николаевичем по случаю приезда в Рим. Вероятно, встретился здесь с бароном Е. Ф. Розеном, который, будучи секретарем Наследника, прибыл в Рим, как и В. А. Жуковский, в свите великого князя.

В. А. Жуковский записал в своем дневнике: «*6 (18) декабря, вторник.* <...> Обедня. Русские жители и русские художники. <...> Обед у в<еликого> князя»[1].

Позднее, 31 декабря (н. ст.) 1839 г., Гоголь сообщал А. С. Данилевскому: «Наследник, как известно тебе, имеет добрую душу. Все русские были приглашены к его столу на второй день его приезда».

В 1847 г. барон Розен вспоминал: «Прошло около двух <трех> лет[2], когда я застал его <Гоголя> в Риме. Там я его не искал, полагая, что ему передали мой неблагоприятный отзыв о комедии его... <...> Нечаянно я с ним сошелся[3]. Он встретил меня с отменным радушием; тотчас ввел между нами дружеское *ты* (чего дотоле не было); осведомился с большим участием о том, что я написал

в его отсутствие, и так далее; еще более оживлялся моими уклонениями от этой материи, точно будто бы он получил в наследство от Пушкина особенное благоволение ко мне, как литератору, — одним словом, был чрезвычайно мил и любезен, и, в довершение этого обворожительного ко мне внимания, даже не заикнулся о своем "Ревизоре", о моем бывшем мучителе. Автор "Ревизора" дал нашей беседе такую гениальную форму и такое глубокое содержание, из которых посторонний наблюдатель мог бы вывести заключение, что, после Пушкина, из писателей нового поколения, остались в России только двое выспренних гениев, по своему объему едва ли могущих поместиться в обширной России — *Гоголь* и *я!*»[4]

[1] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 38.

[2] См. ***1836. Января 18. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] Вероятно, сближение произошло через больного графа И. М. Виельгорского (см. ***1838. Декабря 20 <8>. Четверг. Рим***), за которым Розен ухаживал незадолго перед тем, летом 1838 г., в Карлсбаде и Эмсе (см.: *Ямина Е. Э., Самовер Н. В.* «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. М., 1999. С. 346–367).

[4] *Розен Е. Ф., барон.* Ссылка на мертвых // *Свод.* Т. 1. С. 812.

ДЕКАБРЯ 19 <7>. СРЕДА. РИМ

Гоголь посещает вместе с В. А. Жуковским мастерские проживающих в Риме художников и скульпторов: П. Тенерани, Ф. Овербека, Ф. А. Бруни и др. Вечер проводят, вместе С. П. Шевыревым, на вилле княгини З. А. Волконской.

В. А. Жуковский записал в дневнике: «*7 (19) декабря, середа.* У Тенерани[1]: le buste du pape; две Психеи; Флора; Положение во гроб для Торлониа[2], Вулкан и Веста для Торси; гений охоты и гений рыбной ловли; Венера с занозою в ноге. Барельефы: Христос, благословляющий младенцев; Св. Иоанн; барельеф мученика; монумент Северина; монумент англичанки. Орлов голый с эмблемами[3]. Благотворительность общественная. Фигуры для Лейхтенбергского монумента; бюсты Тасса и Ариоста. Фавн.

К Овербеку: большая картина: Катехизисы искусства, умирающие в лоне Бога. Рисунки для молитвенника.

На Монте Пинчио. Рафаелева вилла. Вилла Боргезе.

К Пилати. Кабан прекрасный в дурных ландшафтах. Картины проданные: Коре<д>жиева Магдалина, Гвидо Софонеба[4]; пейзаж Клод Лорреня. Св. Семейство Андреа д<ель> Сарто и еще Рафаелев Кальвин.

У Бруни. — Все сии осмотры с Гоголем. <...>

Ввечеру у княгини Волхонской вместе с Гоголем и Шевыревым. Шевырев вечно на кафедре и все готовые, округленные, школьные мысли; Гоголь весь минута. Он живет Италиею и в то же время, кажется, видит, что ему недолго жить; всегда живописец, и часто забавный. Живет близ Piazza Barberini, где, как говорит, прогуливаются только козлы и живописцы».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 38.

[1] Пьетро Тенерани (1789–1869), итальянский скульптор.

[2] Алессандро Торлони (Торлония, Torloni), герцог (1800–1886), итальянский банкир, глава банкирского дома в Риме.

[3] Вероятно, скульптура, напоминающая графа А. Ф. Орлова.

[4] Софонеба (Софониба), дочь Асдрубала (Газдурбала), жена нумидийского царя Массиниссы.

ДЕКАБРЯ 20 <8>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Гоголь навещает графа И. М. Виельгорского, который в этот день записал в дневнике:

«20 декабря (н. ст.) 1838 г. <Рим>. <...> Гоголь. Открытие нового Кор<р>еджио[1]. Процесс. Мертвые Души»[2].

«...Имя Гоголя в записке подчеркнуто; любопытно далее упоминание о новом Корреджио, под которым, без сомнения, разумеется <...> А. А. Иванов <...> ...Оценив высокое дарование Иванова и стараясь указать и разъяснить его другим, Гоголь не мог не заинтересовать им юношу Виельгорского, питавшего наследственную симпатию к представителям науки и искусства»[3].

Дружба 22-летнего Иосифа Виельгорского и 30-летнего Гоголя была во многом дружбой наставника и ученика. Об этом можно судить отчасти по эскизам Иванова к картине «Явление Мессии» — к фигурам так называемых «дрожащих» — отца и сына — на переднем плане картины. Профиль Гоголя легко узнается в профиле отца; на эскизе сына изображен Иосиф Виельгорский[4].

Из воспоминаний Ф. И. Иордана 1879 г.: «В Риме у нас образовался свой особый кружок, совершенно отдельный от прочих русских художников. К этому кружку принадлежали: Иванов, Моллер и я; центром же и душой всего был Гоголь, которого мы все уважали и любили. Иванов же к Гоголю относился не только с еще большим почтением, чем мы все, но даже (особенно в 30-х и в начале 40-х годов) с каким-то подобострастием. Мы все собирались всякий вечер на квартире у Гоголя, по итальянскому выражению "alle ventitre"[5] (в 23-м часу, т. е. около 7 $^1/_2$ часов вечера), обыкновенно пили русский хороший чай, и оставались тут часов до 9, или до 9 $^1/_2$ — не дольше, потому что для своей работы мы все вставали рано, значит ложились не поздно. В первые годы Гоголь всех оживлял и занимал...»[6]

В декабре 1847 г. А. А. Иванов, в частности, писал Гоголю: «Целую и обнимаю вас в знак совершенного с вами замирения, и возвращаюсь опять в то положение, когда, смотря на вас с глубочайшим уважением, верил и покорствовал вам во всем»[7].

[1] Антонио Корреджо (около 1489 – 1534), итальянский живописец. Ср. обращение Ф. А. фон Моллера в письме к А. А. Иванову от 4 июня (н. ст.) 1843 г.: «Correggio, не унывайте» (см. ***1843. Июня 1–3 <мая 20–22>. Четверг. Праздник Вознесения Господня – суббота. Мюнхен***).

[2] Гоголь в дневнике графа И. М. Виельгорского // *Свод.* Т. 2. С. 74.

[3] *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и Виельгорские в их переписке // Вестник Европы. 1889. № 10. С. 449.

[4] *Машковцев Н. Г.* История портрета Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 418–419; Пермская государственная художественная галерея. Русская живопись, скульптура. XVIII — начало XX века. Каталог. Пермь, 1994. С. 39. — Возможно, по этому эскизу в конце 1845 г. в Риме скульптор П. А. Ставассер сделал бюст Иосифа Виельгорского (см.: *Рамазанов Н.* Петр Андреевич Ставассер // Русский Вестник. 1863. № 1. С. 237).

[5] Двадцать третий час дня по старому римскому исчислению.

[6] Воспоминания Ф. И. Иордана (1879 г.) // *Свод.* Т. 3. С. 374.

[7] См. ***1847. Декабря между 15 и 27 <между 3 и 15>. Рим.***

ДЕКАБРЯ 21 <9>. ПЯТНИЦА. РИМ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«9 (21) декабря, пятница. Утром у меня наши русские живописцы: <А-р Анд.> Иванов, Живаго[1] и декоратор <А. С.> Никитин. Потом Шевырев. К Кривцову, у которого завтракал; от него <...> к княгине Голицыной[2] и к княгине Волхонской. К Гоголю, замазанная служанка[3]. В рабочую Торвальдсена: новый барельеф Аполлон пастух, pendant Иоанна; начатый барельеф Аполлон, грации, музы и поэты; Молодая плясунья. Гомер, поющий перед толпою. Суд Соломонов, проект барельефа».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 38.

[1] Семен Афанасьевич Живаго (1807–1863), исторический живописец.

[2] Княгиня Евдокия (Авдотья) Ивановна Голицына (рожд. Измайлова, 1780–1850), жена князя С. М. Голицына, с которым с 1801 г., после двух лет совместной жизни, была в разъезде. Имела прозвище «Princesse Nocturne» («Ночная княгиня»), так как верила предсказанию гадалки М. А. Ленорман, что умрет ночью, вследствие чего завела обычай бодрствовать и принимать только ночью (с 12 часов), а спать днем.

[3] Вероятно, Аннунциата (Ханна) Костантини, жена табачника Джузеппе Спатти (см. ***1837 ноября не позднее 30 <не позднее 18> – 1838 июля начало <июня вторая половина>. Рим***; ***1839. Марта 8 <февраля 24>. Пятница. Рим***).

ДЕКАБРЯ 22 <10>. СУББОТА. РИМ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«*10 (22) декабря, суббота.* К Гоголю и с ним к <А-ру Анд.> Иванову[1]. *Иоанн Креститель.*

К Габерцеттелю (не застал).

К Живаго: прекрасная копия Гвидовой Pietà и весьма дурные картины собственного сочинения: *Фома и Спаситель, Спящая Богоматерь с Младенцем.*

У Шамшина[2]: не застал.

У Маркова[3]. Негодный список *Пожара в Борго. Сироты на гробе,* италианизированные русские крестьяне, без всякого искусства и дара. Проспект *Воскресения.*

Иордан. Начало *Преображения.* Рисунок весьма хорош. История с Каневским и портрет Михаила Павловича.

Пименов[4]. Проект русского богатыря и мальчика, играющего на варгане. Голова разбойника. Натурщица.

У Логановского. *Киевлянин, бегущий от печенегов. Мальчик, играющий в мяч.*

Ефимов. Ресторация villa Adriana, виды греческие и египетские. Рисунки, принадлежащие вдове Кипренского».

Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 14 / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М., 2004. Т. 14. С. 141–142; см. также: Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 38.

[1] См. также запись в дневнике Жуковского от 24 декабря (н. ст.) 1838 г.: «*12 (24) декабря, понедельник.* Поутру с В<еликим> Князем по русским артистам. У Бруни. У Живаго. У Габерцет<т>еля. *Иоанн Креститель.* У Иванова. У Маркова» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 14 / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М., 2004. Т. 14. С. 142). В то время Жуковский по просьбе Иванова (вероятно, поддержанной Гоголем) ходатайствовал у Наследника Александра Николаевича о предоставлении художнику трехгодового пансиона – который был назначен ему в конце января 1839 г. (см.: *Виноградов 2001.* С. 198–201). – См. также ***1841. Сентября 20 <8>. Понедельник. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Ганау***; ***1841. Декабря средина <декабря начало>. Рим.***

[2] Петр Михайлович Шамшин (1811–1895), исторический живописец.

[3] Алексей Тарасович Марков (1802–1878), исторический живописец (см. также ***1841. Март-апрель <февраля средина – апреля средина>. Рим***).

[4] Николай Степанович Пименов (1819–1864), скульптор.

ДЕКАБРЯ 23 <11>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. 23. РИМ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«*11 (23) декабря, воскресенье.* Обедня в мундирах. <...> Обедал у княгини Волхонской на даче вместе с Гоголем, Шевыревым, к<нязем А. Н.> Волконским и Бруни. Прекрасный вид с эспланады, весь Лациум. – Вечер дома. Заезжал в S. Jean de Latran»[1].

В бумагах Жуковского сохранился недатированный рисунок с изображением фигуры Гоголя: «Вид с балкона S<an> G<iovanni> di Laterano»[2].

[1] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 14 / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М., 2004. Т. 14. С. 142; см. также: Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 38.

[2] *Янушкевич.* С. 82. – См. также ***1839. Января 13 <1>. Воскресенье. Праздник Обрезания Господня. Рим.***

ДЕКАБРЯ 13 <25>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ДЕКАБРЯ 28 <16>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь в письме к А. С. Данилевскому в Париж (переданное с П. А. Межаковым[1]) в третий раз[2] укоряет приятеля за молчание:

«Трудно тебе разве было сделать, одну строчку, только строчку, что я бы знал по крайней мере, что ты жив. Я никак не ожидал от тебя этого. Три[3] письма и ни на одно нет ответа. Но Бог с тобою, я прощаю тебе и этот раз. <...> Может быть, ты уже не в Париже, а где-нибудь или в Брюсселе, или в ином городе Европы. <...> Если ты в Париже, то рекомендую тебе моих добрых приятелей Межаковых, отца и сына. <...> Пожалуйста, облегчи им и помоги сделать скорее первое знакомство с Парижем».

В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., замечал: «Межаковы – знакомые Гоголя. Они были вологодские помещики, старший был предводителем дворянства в Вологде, а младший был еще юноша»[4].

Павел Александрович Межаков в 1809–1815 гг. служил в Петербурге в Секретной экспедиции Коллегии иностранных дел; в 1822–1826 гг. – в Комиссариатском департаменте Главного Штаба; кроме того, с 1820 по 1826 г. состоял членом петербургского Общества любителей словесности, наук и художеств; губернским предводителем дворянства в Вологде стал в 1851 г.

В тот же день Гоголь вместе с В. А. Жуковским осматривал римские достопримечательности.

Из дневника Жуковского: «*16 (28) декабря, пятница.* С Гоголем в S. Maria in Cosmedin[5]. Кафедра и стул Августина. Витые мраморные канделабры с мозаикою. Пол из древней мозаики. Подземная церковь с гробницами мучеников.

Cecilia in Trastevere. Статуя лежащей святой Мадерна.

S. Maria in Trastevere. Полы мозаичные. Витые колонны. Хор, мозаика и фрески Цук<к>ари. Богатый плафон, в коем фрески Доминикина.

Фарнезиана[6]. Фрески Рафаеля.

Palazzo Corsini. В галерее особенно замечательны три головы Спасителя: Гвершина – страждущий, Гвида – терпящий, К<арло> Дольче – исходящий кровью. Портрет возмужалого Филиппа II и портрет его же с братом, Тициана.

Trinita di Pellegrini. Троица Гвида.

Farnese. Фрески Кар<р>ачиев; гармония в пестроте; недостаток общей мысли.

К Меццофанти.

Palazzo Doria. Целая горница Пуссеней, Николая и Гаспара. Четыре Клод Лорреня. Несколько ландшафтов Аннибала Караччи. Портрет Жанны Неаполитанской Леонардо да Винчи. Магдалина Тицианова.

S. Ingazio[7]. Великолепная церковь, которая заставила много думать о том, что должна быть наша греческая. Великолепный плафон с фреском. Памятники в темных приделах.

S. Maria sopra Minerva[8]. Прелестная Мадонна Fiesole[9]. Благовещение и другая с ангелом и с святым N., его же. Христос Микель Анжа, слишком грубо.

S. Maria della Pace. Великолепные Сивиллы Рафаэля. Две слушают; одна читает; одна пишет. Барельефы.

S. Agostino. Madonna и колонны со множеством привесок. Св. Исаия Рафаэля, нам его не показали»[10].

[1] См. ***1838. Декабря 31 <19>. Понедельник. Рим.***

[2] См. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим***; ***1838. Декабря первая половина <ноября вторая половина>. Рим.***

[3] К тому времени Данилевский не ответил уже на четыре, а не на три письма Гоголя (см. ***1838. Октября 28 <16>. Воскресенье. Лион***; ***1838. Ноября начало <октября конец>. Марсель***; ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим***; ***1838. Декабря первая половина <ноября вторая половина>. Рим***).

[4] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 519.

[5] S. Maria in Cosmedin – церковь Св. Марии в Космедина (XIII в.).

[6] Фарнезина, вилла, выстроенная ок. 1510 г., как предполагается, Рафаэлем и с 1582 г. принадлежавшая кардиналу Алессандро Фарнезе. В лоджии виллы – фрески «Амур и Психея», написанные по картонам Рафаэля его учениками.

[7] Собор Св. Игнатия Лойолы.

[8] Готическая церковь Св. Марии, построенная на развалинах храма Минервы.

[9] Фьезоле Фра Джованни, да (Беато Фра Джованни, Беато Анджелико) (1387–1455), итальянский художник, святой католической Церкви.

[10] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 38–39.

ДЕКАБРЯ 29 <17>. СУББОТА. РИМ

Гоголь и В. А. Жуковский продолжают осмотр римских достопримечательностей. На вечере у великого князя Александра Николаевича Гоголь читает комедию «Женитьба».

Из дневника Жуковского: «*17 (29) декабря, суббота.* С Гоголем S. Giovanni in Fiorentin<i>[1]. Белая церковь. Salvator Rosa Козма и Дамиан. Барельефы, коих никто не видит. Алтарь с освещенным барельефом Иоанна Крестителя.

Галерея Феша[2]. Множество не поставленных картин.

I. Несколько прекрасных Гвидов: Магдалина (Смирнов!!!). Вознесение Богоматери. Ангелы у гроба Господня Альбано. Ангел и Товия Гвидо. Страшный Суд Фьезоле.

II. La Pieta[3] Микель Анжело. Четыре головы А<ндреа> Мантеньи.

III. S. Carlo Доминикина. Прекрасные портреты Спаньолета, Тициана, Бордоне. Страшный Суд Тин<т>оретта. Два пейзажа Тициана.

IV. Богоматерь и 4 отца Церкви Тициана. Жан Беллино. Спаситель учащий. Рождество Хр<истово> Жиорджоне.

V. Христос на кресте Рафаэля. Мазаньелло Бронзино. С. Себастиан Карло Дольче.

S. Andre della Valle. Фрески Доменикина на куполе. Его Четыре Евангелиста. Вера, Надежда, Любовь, и пр. Еще фрески Calabrese[4] и Цук<к>арии.

S. Agnese. Великолепная, октогон, барельефы, мрамор, позолота.

S. Maria delle Pulinari. Богатство мрамора.

San Luigi di Francese. Мрамор и позолота. Длинная nef. Фрески Доминикина из жизни св. Сесилии превосходны. Два образа Караважио.

San Cario sur Corso. Великолепная церковь архитектурою, а не материалом. Расписана, как ей быть после.

В галерею Боргезе. Дверь. Колоссальные древние статуи. Галерея.

I. Рафаэлев эскиз. Богоматерь С<ас>со-Феррато. Св. Екатерина.

II. Сня<тие> со креста Гарофало[5]. Богом<атерь> Фр<анческо> Франчии. Диана и нимфы Доминикина. Спаситель у семейства Зеведеев Бонифачио. Пейзаж Поттера.

III. Июлий II Джулио Романа. <Св.> Семейство Порденоне. Портрет Рафаэля, им самим (?)[6] [писанный]. Грации Тициана. Лукреция Аллори. Богоматерь Жан Беллино.

IV. Апостолы М<икель> Анжа. Снятие со креста – Рафаэля[7]. Выражение лица Спасителя, отражается на несущих Его[8]. Те, кои подалее, печальнее; Магдалина в горести; Богоматерь без чувств, и молодые около нее плачут; одна из них смотрит на Спасителя.

V. Копия Мадонны d'Albi. Les 4 saisons[9] d'Albane. Одевающаяся Венера Padoviano. Les 4 ages de Sasso Ferrato, копия с Тициана. Иоанн Креститель, копия Ю<лия> Романа.

VI. Форнарина и Венера Ю<лия> Романа.

VII. Копия Мадонны Коррежио. Голова Каравbooжжио. L'amour profane et divin[10] Тициана. Портрет Ц<езаря> Боржиа Рафаэля.

VIII. Козимо Медичи Аллори. Самсон Тициана. Богоматерь au serpent Коравbooжжио. Дант Коррежио.

IX. Св. Семейство Гаетано (портрет Саши)[11]. Св. Семейство Ж<ан> Беллини, где особенно зам<ечательная> голова Иосифа. Лукреция Элизы Сирани.

Богоматерь Ф<ранческо> Франции и К<арло> Дольче. Богоматерь Перуджина (Юлия Романа, Гарофало). <...>

Вечер у великого князя; неудачное чтение Гоголя»[12].

Наследник Александр Николаевич писал тогда же отцу, Императору Николаю I: «...Вечером Гогель <так>, сочинитель "*Ревизора*", читал нам другую свою комедию "*Женитьба*", преуморительную»[13].

Граф В. Ф. Адлерберг записал тогда же в журнале путешествия Наследника: «Вечером 17 декабря господин Гоголь, приобретший уже некоторую репутацию в русской словесности комедией *Ревизор*, имел честь читать драматическое произведение под названием *Женитьба*»[14].

Наследник оказал тогда Гоголю материальную помощь[15].

[1] Т. е. S. Giovanni de' Fiorentini.

[2] Иосиф (Жозеф) Феш (1763 – 13 мая 1839), французский кардинал. См.: Кардинал Феш и его галлерея // Художественная Газета. 1840. 1 янв. № 1 (цензурное разрешение 20 декабря 1839 г.). С. 39–40.

[3] Pieta (жалость; *um.*) – здесь: изображение снятого с креста Спасителя на коленях у Богоматери.

[4] Калабриец (*um.*).

[5] Гарофало (1481–1559), художник, друг Рафаэля.

[6] Знак вопроса В. А. Жуковского.

[7] Имеется в виду «Положение во гроб» С. Рафаэля (1507). В 1841 г. Гоголь заказывал художнику И. С. Шаповаленко через А. А. Иванова копию головы Спасителя с этой картины (см. ***1841 декабря 25 <1842 января 6>. Четверг. Праздник Рождества Христова. Москва***). Эту же картину Гоголь показывал в Риме М. П. Погодину (см. ***1839. Марта 13 <1>. Среда. Рим***) и А. О. Смирновой (см. ***1843. Февраля 3 <января 22>. Пятница. Рим***).

[8] См. также ***1843. Февраля 3 <января 22>. Пятница. Рим*** (примечания).

[9] Сезон (*фр.*).

[10] Любовь земная и небесная (*фр.*).

[11] Подразумевается сходство с покойной племянницей В. А. Жуковского Александрой Андреевной Воейковой.

[12] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 39.

[13] Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. Сост. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюник. М., 1999. С. 211; см. также: *Свод*. Т. 2. С. 9.

[14] *Маркина Л. А.* Живописец Федор Моллер. М., 2002. С. 34; см. также: *Адлерберг В. Ф., граф*. Журнал путешествия <Наследника Цесаревича Александра Николаевича> за границу 1838 года // *Свод*. Т. 2. С. 37.

[15] Об этом позволяет судить позднейшее свидетельство В. А. Жуковского в письме к Наследнику от 13–14 января 1840 г. (см. ***1840. Января 13–14. Суббота-воскресенье. Санкт-Петербург*** – примечания).

ДЕКАБРЯ 30 <18>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«*18 (30) декабря, воскресенье.* У меня поутру Гоголь и Нибби[1]. К обедне».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 39.

[1] Антонио Нибби (Ниббий, Нибий, 1792–1839), итальянский историк и археолог, автор путеводителей по Риму.

ДЕКАБРЯ 31 <19>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь пишет ответное письмо А. С. Данилевскому в Париж:

«Наконец, слава Богу, я получил твое письмо. <...> Трогает меня сильно твое положение. <...> Делюсь по крайней мере тем, что есть; посылаю тебе билет в 100 франков, который у меня долго хранился. Я не трогал его никогда, как будто знал его приятное для меня назначение. На днях я перешлю тебе через Валентини франков, может быть, 200. Ты, по получении этого письма, наведайся к банкиру Ружемонту; от него их получишь. Я, приехавши в Рим, нашел здесь для меня 2000 франков от доброго моего Погодина[1], который, не знаю, каким образом, пронюхал, что я в нужде, и прислал мне их[2]. Они мне были очень кстати, тем более, что дали мне возможность уплатить долг Валентини, который лежал у меня на душе, и переслать эту безделицу к тебе.

Что тебе сказать о Риме? Он так же прекрасен, обширен, такое же роскошное обилие предметов для жизни духовной и всякой. Но, увы, притупляются мои чувства, не так живы мои... Здесь теперь гибель, толпа страшная иностранцев, и между ними не мало русских. Из моих знакомых здесь Шевырев, Чертков; прочие незначительные, то есть для меня. На днях[3] приехал наследник, а с ним вместе Жуковский. Он всё так же добр, так же любит меня. Свиданье наше[4] было трогательно: он весь полон Пушкиным. Наследник, как известно тебе, имеет добрую душу[5]. Все русские были приглашены к его столу на второй день его приезда[6].

Ты спрашиваешь о моем здоровье... <...> Болезненное мое расположение решительно мешает мне заниматься. Я ничего не делаю и часто не знаю, что делать с временем. Я бы мог проводить теперь время весело, но я отстал от всего, и самим моим знакомым скучно со мной, и мне тоже часто не о чем говорить с ними. В брюхе, кажется, сидит какой-то дьявол, который решительно мешает всему, то рисуя какую-нибудь соблазнительную картину неудобосварительного обеда, то... Ты спрашиваешь, что я такое завтракаю. Вообрази, что ничего. Никакого не имею аппетита по утрам и только тогда, когда обедаю, в 5 часов, пью чай, сделанный у себя дома, совершенно на манер того, какой мы пивали в кафе Anglais[7], с маслом и прочими атрибутами. Обедаю же я не в Лепре, где не всегда бывает самый отличный материал, но у Фалькона, — знаешь, что у Пантеона? где жареные бараны поспорят, без сомнения, с кавказскими, телятина более сыта, а какая-то crostata[8] с вишнями способна произвесть на три дня слюнотечение у самого отъявленного объедала. Но увы! не с кем делить подобного обеда. Боже мой, если бы я был богат, я бы желал... чего бы я желал? чтоб остальные дни мои я провел с тобою вместе, чтобы приносить в одном храме[9] жертвы, чтобы сразиться иногда в биллиард после чаю, как — помнишь — мы игрывали не так давно[10]... и какое между нами вдруг расстояние. Я играл потом в биллиард здесь[11], но как-то не клеится, и я бросил. Ни с кем не хочется, как только с тобой. <...>

Филипп[12], брошенный тобою невзначай в твоем письме, выглядывает оттуда очень приятно. Но adieu[13] великолепнейший кофе в необъятных чашках! К madame Hochard я рекомендовал многим русским. Один из них, Межаков, я думаю, уже вручил тебе мое письмо[14], исполненное самых сильных укоризн, которых, впрочем, ты стоил, как и сам сознался. <...> Пожалуйста, не забывай писать почаще. Кланяйся Козлову[15]...»

[1] См. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим.***
[2] Подробнее см. ***1838. Августа 14 <2>. Вторник. Кастелламаре*** (примечания).
[3] См. ***1838. Декабря 16 <4>. Воскресенье. Рим.***
[4] См. ***1838. Декабря 17 <5>. Понедельник. Рим.***
[5] См. также ***1838. Декабря 29 <17>. Суббота. Рим.***
[6] См. ***1838. Декабря 18 <6>. Вторник. День памяти св. Николая Мирликийского. Рим.***
[7] Английское (*фр.*).
[8] Пресный хрустящий песочный пирог, торт с джемом или фруктами (*ит.*).
[9] Имеются в виду кафе (см. ***1836 ноября начало <октября вторая половина> – 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж*** – примечания; ***1838. Октября 28 <16>. Воскресенье. Лион*** – примечания).
[10] См. ***1836 ноября начало <октября вторая половина> – 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж.***
[11] См. ***1838. Мая 12 <апреля 30>. Суббота. Прага***; ***1838. Мая 13 <1>. Воскресенье. Рим. Вилла княгини З. А. Волконской.*** – См. также ***1835. В течение года***; ***1841 декабря 25 <1842 января 6>. Четверг. Праздник Рождества Христова. Москва***; ***1841 конец – 1842 начало. Москва***; ***1842 октября 4 <сентября 22> – 1843 мая 2 <апреля 20>. Рим.***
[12] Лакей в кафе (см. также ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим***).
[13] Прощай (*фр.*).
[14] См. ***1838. Декабря 28 <16>. Пятница. Рим.***
[15] См. ***1838. Октября 25 <13>. Четверг. Париж.***

ДЕКАБРЯ 19 <31>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Большом театре; в роли Городничего – М. С. Щепкин.

Гриц. С. 254; *Ельницкая 1978.* С. 305.

1839 ЯНВАРЯ 3 <1838 ДЕКАБРЯ 22>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«*22 декабря <1838> (3 генваря <1839>), четверг.* С Гоголем.
I) в S. Maria del Popolo. Фрески Пинтуриккия[1]:
1) Богоматерь пред Младенцем;
2) Жизнь Богоматери: Рождество, Введение, Благовещение, брак, Сретение, Богоматерь на троне, Успение, Христос в гробе между двух ангелов;
3) фрески на своде алтаря: 4 евангелиста, 4 отца Церкви, 4 сивиллы. Апотеос Богоматери;
4) Мозаика по рисунку Рафаеля. Две картины Каравашшиа.
II) В Сан Карло. Расписан под мрамор. Величественная архитектура.
III) В Gesù Maria. Большое богатство мраморов. Неогромная церковь.
IV) В галерею Sciar<r>a:
1) Копия Рафаэл<ева> Преображения Ж<улио> Романа. Жертвоприношение Авраама – Гер<арда> de la Notti, противная картина: Исаак ревет, Авраам палач.
2) Хорошие ландшафты Клод Лорреня, N<icolas> Poussin, Бота, Локателли, Оризонта.
3) Аллегорическая картина Гауденци<о> Феррари. Богоматерь и Спаситель на троне, ангелы, лица библейские, лестница от земли на небо. Моисей 1-ой манеры Гвидо. Форнарина, копия Юлио Романо.
4) Игрок на скрипке Рафаэля. Усекновение главы Предтечи – Жиоржионе. Суетность и Скромность Леонардо да Винчи. Две Магдалины, повторение одного и того же Гвидо (Смирнов). Семейство Тициана, им самим. Св. Себастиан Перуджино. Портрет Виоланты Тициана. Богоматерь Fra Bartolomeo».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 39–40.

[1] Пинтуриккио (Бернардино Бетти, 1454–1513), итальянский художник.

1839 ЯНВАРЯ 6 <1838 ДЕКАБРЯ 25>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА. РИМ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«*25 декабря <1838> (6 генваря <1839>).* С Гоголем в Trinità del Monte. Прелестная картина Положение во гроб Д<аниеля> д<а> Волтер<р>а и Мадонна Фейта. Пение монахинь».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 40.

1839 ЯНВАРЯ 8 <1838 ДЕКАБРЯ 27>. ВТОРНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. АПОСТОЛА ПЕРВОМУЧЕНИКА И АРХИДИАКОНА СТЕФАНА. РИМ.

Княгиня З. А. Волконская устраивает на вилле Гонзага празднование именин С. П. Шевырева.

См. ***1839. Марта 27 <15>. Среда. Рим.***

1838 ДЕКАБРЯ 28 <1839 ЯНВАРЯ 9>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет князю П. А. Вяземскому за границу:

«Ни от кого я не вижу ни малейшего движения. Все закрылось и заснуло. Даже А. И. Тургенев не прислал ни строчки в Современник. Нечего делать: кое-как один тяну лямку. <...> ...О Гоголе не знаю, где он обитает. <...> Я думаю, вы разделите мое удивление таланту Квитки... <...> Как малороссиянин он перешагнул уже через Гоголя, может быть, оттого, что стар».

Свод. Т. 1. С. 660.

1839 ЯНВАРЯ 11 <1838 ДЕКАБРЯ 30>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь читает В. А. Жуковскому первую главу «Мертвых душ».

Из дневника Жуковского: «*30 декабря <1838> (11 генваря <1839>), пятница.* <...> Вечер дома; чтение Гоголево»[1].

Поскольку 29 января (н. ст.) 1839 г. Гоголь читал Жуковскому третью главу «Мертвых душ»[2], 18 января (н. ст.) 1839 г. – вероятно, вторую главу[3], то 11 января, по-видимому, состоялось чтение первой главы поэмы.

[1] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 40.
[2] См. ***1839. Января 29 <17>. Вторник. Рим.***
[3] См. ***1839. Января 18 <6>. Пятница. Праздник Крещения Господня. Рим.***

1838 ДЕКАБРЯ 30 <1839 ЯНВАРЯ 11>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет В. А. Жуковскому в Рим:

«...У вас теперь под рукой Гоголек[1]. Заставьте его за себя написать что-нибудь ко мне. Что он там делает? Думает ли возвратиться сюда? Уже ли он забыл, что в конце нынешнего <учебного> года его сестры выйдут из Института?»

Свод. Т. 1. С. 661.

[1] См. ***1837. Ноября 16 <4>. Пятница. Венеция.***

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. МИРГОРОД

М. И. Гоголь уплатила в Миргородское казначейство следуемые «за крестьян ее с. Васильевки 198 душ» пеню и недоимки.

«Эта цифра относится к крестьянам только М. И. Гоголь и только по Васильевке, ибо одновременно, по той же квитанции, внесены были деньги с "19 душ м<естеч>ка Яресок", записанных за покойным уже Вас. Аф. Гоголем, и с "майорши Татьяны Гоголь-Яновской дер. Васильевки 99 душ" (там же)».

Назаревский. С. 334. – См. также ***1835. Апреля 26. Миргород***.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. НИЖНИЙ НОВГОРОД

«Ревизор» поставлен в Нижнем Новгороде.

Клинчин. С. 153.

1837–1838. НЕЖИН

Восемнадцати-девятнадцатилетний П. А. Кулиш – вольный слушатель Императорского университета Св. Владимира в Киеве, будущий биограф Гоголя[1] – служит канцелярским чиновником в правлении Лицея князя Безбородко в Нежине[2] (впоследствии это дало биографу представление об обстановке школьных лет Гоголя).

Цитируя в 1852 г. в первой статье о Гоголе эпизод с «гусаром» в девятой главе первого тома «Мертвых душ», Кулиш замечал: «Эти "блестящие загогулины между тонких тростников" живо напоминают тому, кто знает местность Нежинского Лицея, протекающую мимо него тихую, поросшую камышами речку, а "проснувшийся лес, звучащий тысячами птичьих голосов", есть не что иное, как тенистый обширный сад лицея, похожий на лес»[3].

Почетным попечителем Лицея продолжал оставаться в то время граф А. Г. Кушелев-Безбородко. Кроме того, по состоянию чинов на 1 декабря 1837 г.[4], в Лицее еще служили два преподавателя, у которых учился Гоголь, – профессор российской словесности, истории и статистики

К. А. Моисеев и учитель рисования, воспитанник петербургской Академии художеств, «свободный художник» и, по совместительству, бывший надзиратель гимназического пансиона К. С. Павлов. С последним Кулиш определенно свел близкое знакомство и беседовал с ним о Гоголе. Отдельные сведения о писателе, со слов Павлова, появились впоследствии в биографических работах Кулиша о Гоголе. В 1852 г. Кулиш сообщал, что от Павлова он «многое узнал о Гоголе»[5].

[1] См. ***1847. Апреля 14 <2>. Среда. Варшава*** (примечания); ***1852. Ноября 4. Вторник. Москва*** (примечания); ***1852. Ноября 6 – декабря 11. Москва, Санкт-Петербург.*** – Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Первый биограф Гоголя // Н. В. Гоголь и мировая культура: Вторые Гоголевские чтения: Сб. докл. / Правительство Москвы; Комитет по культуре г. Москвы; Гор. б-ка № 2 им. Н. В. Гоголя; Под общ. ред. В. П. Викуловой. М.: Книжный дом «Университет», 2003. С. 42–51; *Виноградов И. А.* Первый биограф Гоголя // *Кулиш П. А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: В двух томах / Вступ. статья и коммент. И. А. Виноградова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 3–81.

[2] «В архивных бумагах б<ывшего> лицея кн<язя> Безбородка остались следы пребывания Кулиша, в качестве канцелярского чиновника, в лицейском правлении около 183⁷⁄₈ года, при директоре <Х. А.> Экебладе» (*Чалый М.* Юные годы П. А. Кулиша // Киевская Старина. 1897. № 5. С. 295). «Около 1837–1838 г. Кулиш, по словам его друга, В. М. Белозерского, служил канцелярским чиновником в правлении лицея кн<язя> Безбородко» (*Шенрок В. И.* П. А. Кулиш. Биографический очерк // Киевская Старина. 1901. № 2. С. 172; см. также: *Шенрок В. И.* П. А. Кулиш. Биографический очерк. Киев, 1901. С. 19).

[3] *Кулиш 1852.* С. 194.

[4] См.: Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1838. СПб., <1838>. Ч. 1. С. 638, 642.

[5] См. ***1828. Июня 27. Среда. Нежин.*** – Ср. *Кулиш 1852.* С. 195. – См. также: ***1821. Апреля между 25 и 30. Между понедельником и субботой. Нежин.***

1838–39

1838 КОНЕЦ ГОДА – 1839 НАЧАЛО ГОДА. РИМ

Гоголь, вероятно, получил из Петербурга посылку от Н. Я. Прокоповича со своими рукописными книгами – материалами по истории[1] и сборниками народных песен[2].

[1] См. ***1839. Мая 5 <апреля 23>. Воскресенье Рим.*** (примечания).

[2] См. ***1838. Июля 2 <июня 20>. Понедельник. Рим***; ***1839. Августа 15 <3>. Четверг. Мариенбад.***

1839

ЯНВАРЯ 13 <1>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ. РИМ

Гоголь совершает с В. А. Жуковским прогулку в окрестностях Рима. Жуковский изображает гоголевскую фигуру[1] на рисунке «Vue des montagnes Latines vers Frascati. 1/13 Janvier 1839» (Вид на Фраскати с Латинских гор)[2].

«Рефреном в дневниковых записях Жуковского становится слово “рисовал”. Целая папка замечательных римских рисунков, хранящихся и сегодня в архиве поэта (собрание Российской национальной библиотеки), плюс их эскизы в записных книжках конкретизируют эту страсть поэта. <...> ...Композиционным центром многих из них (13 <12> по нашей атрибуции[3]) оказывается образ-фигура Гоголя»[4].

[1] См. также ***1839. Февраля 5 <января 24>. Рим. Вторник.***

[2] *Янушкевич.* С. 83.

[3] «Вид с балкона S<an> G<iovanni> di Laterano» (см. ***1838. Декабря 23 <11>. Воскресенье. 23. Рим***); «Vue des montagnes Latines vers Frascati» (Вид на Фраскати с Латинских гор); «Вилла Мильс»; «Villa Mills. Ruines du Palais des Cesars, Circus Maximus» (Вилла Милльс. Руины дворца Цезарей, Циркус Максимус); «Forum Romanum» (Римский Форум) (см. ***1839. Января 24 <12>. Четверг. Рим***); «Вид от S. Bibiana на разв<алины>

Б<ань> Каракаллы» (см. ***1839. Января 25 <13>. Пятница. Рим***); «La Ripetta» (Рипетта) (см. ***1838. Января 29 <17>. Вторник. День памяти св. Антония Великого. Рим***); «Vue prise de la Villa Volchonsky» (Вид с виллы Волконской); «Vue prise du haut du Colysee» (Вид с высоты Колизея) (см. ***1838. Февраля 3 <января 22>. Воскресенье. Рим***); «Дуб Тассов» (см. ***1838. Февраля 4 <января 23>. Понедельник. Рим***); «Villa Wolchonsky» (Вилла Волконской) (см. ***1838. Февраля 9 <января 28>. Суббота. Рим***); «Aqua Paulina» (Аква Паулина) (см. ***1838. Февраля 10 <января 29>. Воскресенье. Рим***).

[4] *Янушкевич.* С. 72–73. – См. также ***1839. Сентября 28 <16>. Суббота. Варшава.***

ЯНВАРЯ 18 <6>. ПЯТНИЦА. ПРАЗДНИК КРЕЩЕНИЯ ГОСПОДНЯ. РИМ

Гоголь читает В. А. Жуковскому вторую главу «Мертвых душ».

Из дневника Жуковского: *«6 (18) генваря <1839>, пятница.* Отъезд в<еликого> князя в Неаполь. <...> Ввечеру Гоголь читал главу из “Мертвых душ”. Забавно и больно»[1].

Поскольку 29 января (н. ст.) 1839 г. Гоголь читал Жуковскому третью главу «Мертвых душ»[2], то 18 января, вероятно, состоялось чтение второй, «маниловской» главы поэмы. (Ранее, при создании образа Манилова, Гоголь воспользовался отдельными чертами самого Жуковского[3].)

В тот же день, 18 января (н. ст.) 1839 г., Гоголь отправляет ответное письмо княжне В. Н. Репниной-Волконской в Пизу:

«...Не знаю, как благодарить вас, княжна, за ваше милое письмо и за то, что вы меня потрудились увидеть во сне. Я с таким любопытством читал ваш сон, что мне казалось, будто бы я сам спал в это время, или лучше сказать – я не могу ясно отличить его от действительности, и мне кажется, что я действительно пил аликанто. Не вы, княжна, начали писать ко мне первые, я бы не простил себе такого неучтивства. Письмо мое[4] из Рима я послал за вами в погоню в Пизу, пятью или шестью днями после вашего отъезда. Но ему, как вижу, досталась несчастная участь – не попасться в ваши руки. Какой-нибудь impiegato[5] на почте, которому, верно, дурно платят, понуждаемый голодом, проглотил его вместо шеколада, да не варит его желудок за это ничего более, кроме фиников! и да будет он за это в 40 лет плешив, как Чекини, музыкальный учитель, то есть В—вой! Сюда дошли слухи, что вы довольны Пизой, что здоровье князя[6] значительно улучшилось... <...> ...Пиза теперь, говорят, потоплена и запружена несчетным множеством разных мисс, Джон-пудингов, бульдогов и прочих аглицких джентльменов в разных переплетах и сертуках. Боюсь, чтобы это шипение и визг заржавленных железных побрякушек, которое в простонародии называется аглицким языком, не произвело какого-нибудь неприятного влияния на ваши нервы. <...> Сколько у вас в Пизе англичан, столько у нас в Риме русских. Все они, по обыкновению, очень бранят Рим за то, что в нем нет отелей и магазинов, таких как в Париже, и кардиналы не дают балов. Один наш земляк, без сомнения, знакомый вам, Б—ский (тот, который потолще) за игрою в вист спросил: А где находится Ватикан? Когда игравшие с ним изумились такому неожиданному вопросу, он, нимало не смутившись, сказал, что это ничуть не удивительно, ибо он нет и двух недель, как в Риме, и потому очень мудрено в такое короткое время всё знать. Впрочем, это небольшое невежество он очень скоро поправил и изумил сведениями, которых никто в нем не предполагал. Когда повел его чичероне в церковь Петра, он немедленно спросил где же Павел? Ведь тут и Павел должен быть, – и когда кустод начал ему объяснять, что Павел дело совершенно другое и находится в другой стороне города, то наш соотечественник так начал ему говорить сильно и убедительно, что сам чичероне наконец убедился, что, точно, и Павел должен быть тут. – Много было и других разных анекдотов, *но на одном гвозде всего не повесишь*, говорит русская пословица. Сегодня отвал русских в Неаполь. Великий князь едет сегодня и потому всё плетется вслед. Вы заботитесь и спрашиваете о моем здоровьи... <...> О здоровьи моем я теперь не думаю вовсе, право, наскучило. – Я же так

теперь счастлив приездом Жуковского[7], что это одно наполняет меня всего. <...> Мы почти весь день вместе обсматривали Рим с утра до ночи, исключая тех дней, в которые он обязан делать этот курс с наследником. Он весь упоен Римом и только жалеет на короткость времени. Появление его здесь для меня точно сновидение. Наслаждаюсь своим сном и боюсь и подумать о пробуждении. Получаете ли вы известия от Балабиных? <...> Я уверен совершенно, что письмо мое, которое я вручил княгине[8], дошло до них исправно, но ответа я не получаю вовсе никакого. Напишите мне подробно обо всем... <...> Я о вас думаю часто, очень часто и молюсь за вас, не знаю, доходят ли только мои грешные молитвы. <...> Прошу вас убедительно не позабыть засвидетельствовать мое глубокое почтение князю и княгине»[9].

Автограф настоящего гоголевского письма (впервые опубликованного в 1856 г.[10]) не сохранился. В 1894–1895 гг. В. И. Шенрок на основании воспоминаний княжны В. Н. Репниной-Волконской (ум. в 1891), в примечании к инициалу «Б--ский» в этом письме замечал: «Гоголь смеялся также над приехавшим в Рим из Петербурга земляком <И. А.> Базилевским[11]. (По словам княжны В. Н. Репниной, Базилевский был большой оригинал, но еще страннее была его мать <А. М. Базилевская>[12]>, отличавшаяся баснословной скупостью. У нее при Александре I был целый сундук с ассигнациями, который она тщательно хранила. Когда потом счет на ассигнации был заменен счетом на серебро, то их надо было разменять, и все они оказались сгнившими. Когда княжна Репнина гостила у нее с матерью, то она из какого-то нелепого опасения даже спала на своем заветном сундуке. У нее было два[13] сына: старший <Иван Андреевич> был полковник и жестоко обращался с солдатами, другой <Петр Андреевич>, женатый на <Е. А.> Грессер, племяннице министра двора Петра Михайловича Волконского, был необыкновенно ревнив. У него, хотя он был еще молод, были вставные зубы и парик, и, ложась спать, он весь, так сказать, разбирался на кусочки. Это семейство часто возбуждало насмешки Гоголя и Репниных)»[14].

[1] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 40.
[2] См. ***1839. Января 29 <17>. Вторник. Рим.***
[3] См.: *Виноградов И. А.* «Дело, взятое из души» // *Гоголь 2009–2010.* Т. 5. С. 531–572.
[4] Не сохранилось.
[5] Чиновник (*ит.*).
[6] Имеется в виду князь Н. Г. Репнин-Волконский.
[7] См. ***1838. Декабря 17 <5>. Понедельник. Рим.***
[8] Княгиня В. А. Репнина-Волконская (рожд. графиня Разумовская).
[9] Родители княжны, князь Николай Григорьевич и княгиня Варвара Алексеевана.
[10] См.: Ненапечатанное письмо Гоголя // Сын Отечества. 1856. 2 дек. № 35. С. 186.
[11] См. также ***1832. Марта 10. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).
[12] См. ***1822. Мая 2. Вторник.***
[13] У А. Ф. и А. М. Базилевских было три сына: Иван (род. в 1789), Петр (род. в 1795) и Михаил (род. в 1803).
[14] Воспоминания княжны В. Н. Репниной-Волконской в записи В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 3. С. 109.

ЯНВАРЯ 19 <7>. СУББОТА. РИМ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«*7 (19) генваря, суббота.* <...> Поездка с Гоголем. В Villa Albani, оттуда в Capucin<s>. Монашеский быт. Гранетова сакристия. Кладбище. В Palazzo Барберини».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 40.

ЯНВАРЯ 20 <8>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«*8 (20) генваря, воскресенье.* С Гоголем в S. Agostino. Бездна вотивов[1]. В S. Antonio. Мраморы. В Ватикан. Сикстина. Monsigneur Laureani. Библиотека. Зала Сикста V и Фонтаны. Горницы

Боржиа и фрески Пинтуриккия. Манускрипты Данте (Клавио)[2] и Бокаччио, Виргилия, Теренция, писем Георга <Генриха> VIII к Анне Болейн. — В Villa Panfili».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 40.

[1] У мраморной статуи Божией Матери. Вотив (votif; *фр.*) — дар, приношение по обету.
[2] Сочинения Данте, с миниатюрами Джулио Кловио.

ЯНВАРЯ 21 <9>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«*9 (21) генваря, понедельник.* С Гоголем на выставку. К князю Голицыну[1]. Распятие Перуджина. Прекрасная картина С<вятой> Себастиан и Магдалина. La Pieta Мантеньи. Психея Bienaimée. Дискобол Кессельса. Портрет Кипренского[2]. <...> С Гоголем росписание <следующего>[3] дня».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 40.

[1] Князь Василий Петрович Голицын (1800–1863), чиновник министерства финансов, музыкант-любитель, певец.
[2] Орест Адамович Кипренский (1783 — 5 октября 1836), художник.
[3] См. ***1839. Января 22 <10>. Вторник. Рим.***

ЯНВАРЯ 22 <10>. ВТОРНИК. РИМ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«*10 (22) <января>, вторник.* Поутру у меня Чертков. С Гоголем в Palazzo Colonna. К Минарди[1]. Встретил Тенерани. К Дурнову, у коего видел ресторацию бань Каракаллы. В галерею Боргезе. Опять увидел своих любимцев: Madonna J. Belino, Диана с нимфами Доминикина, Положение во гроб Рафаэля, Жизнь человека Сассо Феррато, Цезарь Борджиа Рафаэля, Мадонна Перуджина. Весьма много других замечательных. Потом в Ватикан. Взгляд на капеллу Фьезоле и на Станцы. В галлерею. Это алмаз. <...> К Нититину. Восстановление Forum Romanum. К Иордану, не застал. К Моллеру. Будет искусный, чувственный живописец, без высоких мыслей и чувств[2]. К Фабри[3]. Домой и вечер дома».

Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 460; см. также: Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 40.

[1] Томаззо Минарди (1787–1871), итальянский художник-пурист. По-видимому, далее Жуковский осматривал римские достопримечательности и мастерские художников без Гоголя, но согласно составленному вместе с ним накануне «росписанию» (см. ***1839. Января 21 <9>. Понедельник. Рим***).
[2] Ср. ***1839. Марта 18 <6>. Понедельник. Рим.***
[3] Джузеппе Фабри (1790–1860), итальянский скульптор, директор папских музеев в Риме.

ЯНВАРЯ 24 <12>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«*12 (24) генваря, четверг.* С Гоголем и Викулиным[1] у Минарди. В Villa Mills. Рисованье. Встреча с Нибби и семейством Кохрена. В Forum. В Музей Капитолийский. Бюсты императоров. Обедал дома»[2].

В этот день Жуковский сделал три рисунка с фигурой Гоголя: «Вилла Мильс. 12/24 Генв<а>р<я> 1839»; «Villa Mills. Ruines du Palais des Cesars, Circus Maximus. 12/24 J<anvier>» (Вилла Милльс. Руины дворца Цезарей, Циркус Максимус); «Forum Romanum. 12/24 Janv<ier>« (Римский Форум)[3].

[1] Сергей Алексеевич Викулин (1800–1848), гвардейский офицер, литератор.
[2] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 14 / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М., 2004. Т. 14. С. 152; см. также: Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 40.
[3] См.: *Янушкевич.* С. 90, 91, 92.

ЯНВАРЯ 25 <13>. ПЯТНИЦА. РИМ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«*13 (25) января, пятница.* В S. Bibiana; к C. Mettella, в villa Mattei[1]. Обедал у Вьельгорского»[2].

В этот день Жуковский сделал рисунок с фигурой Гоголя: «Вид от S. Bibiana на разв<алины> Б<ань> Каракаллы. 13/25 Генв<аря>»[3].

[1] Вилла, построенная Г. Маттеи (1582).
[2] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 14 / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М., 2004. Т. 14. С. 152.
[3] *Янушкевич.* С. 93.

ЯНВАРЯ 29 <17>. ВТОРНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. АНТОНИЯ ВЕЛИКОГО[1]. РИМ

После совместного посещения с В. А. Жуковским галереи В. Камуччини и других римских достопримечательностей Гоголь вечером читает Жуковскому третью главу «Мертвых душ».

Из дневника Жуковского: «*17 (29) генваря, вторник.* У меня Минарди и Нибби. С Гоголем к Камучини. Прекрасная галерея. Пристань морская Клод Лорреня. Рафаэля Мадонна и св. Екатерина с св. Варварой. Эскиз Магдалины Корречия. Жиотто. Замеч<ательная> картина Жан Беллино Боги на земле в пьянстве (Плутон и Прозерпина, Бахус и Венера, Юпитер и Геба, Аполлон, Геркулес, фавны. Ландшафт к ней Тицианов). Христос и беснующийся Гарофало. Есфирь Гверчино. Ферарская красавица в виде Юдифи Гарофало. Pra<e>sepio de Garofalo. Распятие – Гвида. Портрет Павла III – Тициана.

В Maria sopra Minerva повидаться с несравненною Мадонною Фьезоле. Замечательная библиотека.

В Palazzo Braschi, дивная лестница, гранитные колонны, пилястры из др<агоценного> мрамора, пол мозаика, балюст<рада> белого мрамора; в Palazzo Mattei, замечательный двор. На Рипетту рисовать.

У Вьельгорского. Дома. Ввечеру у умирающего Агафонова[2]. Потом чтение Гоголево. "Коробочка"»[3].

В этот день Жуковский сделал рисунок с фигурой Гоголя: «La Ripetta. 17/29»[4].

«...На рисунке "La Ripetta" (Рипетта) <...> Гоголь едва ли не единственный раз изображен среди простолюдинов-рыбаков, он, устремив взор вдаль, демонстративно ставит на парапет ногу в заплатанных панталонах»[5].

[1] См. ***1839. Января 30 <18>. Среда. Рим.***

[2] Михаил Афанасьевич Агафонов (ум. 29–30 января 1839 г.), старый камердинер императора Николая I и великого князя Александра Николаевича.

[3] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 14 / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М., 2004. Т. 14. С. 151; см. также: Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 40.

[4] *Янушкевич.* С. 95.

[5] Там же. С. 76.

ЯНВАРЯ 30 <18>. СРЕДА. РИМ

Гоголь с В. А. Жуковским, графом М. Ю. Виельгорским и С. П. Шевыревым в ресторане гостиницы Фалькони отмечает свой мнимый день рождения «на Антона»[1]. Шевырев посвящает Гоголю написанное накануне стихотворение: «Что ж дремлешь ты? — Смотри, перед тобой..»

Из дневника Жуковского: «*18 (30) января, середа.* Рождение Гоголя. День дождливый. <...> С Гоголем обедал в Falcone. После обеда в Buratini[2]»[3].

На самом деле Гоголь родился 19/31 марта 1809 г.[4] В 1839 г. на этот день приходилось Вербное воскресенье (Вход Господень в Иерусалим)[5]. Позднее, 10 сентября (н. ст.) 1839 г., Гоголь писал С. П. Шевыреву из Вены: «...Ты владеешь стихом и <...> стих твой силен <...> это я заключаю из тех памятных мне стихов в день моего рождения, которые ты написал в Риме. Доныне я их читаю, и мне кажется, что я слышу Пушкина».

Стихотворение, посвященное Гоголю, было поднесено ему Шевыревым в Риме 18/30 января 1839 г. Впервые оно было напечатано М. П. Погодиным в № 1 журнала «Москвитянин» за 1842 г., с заглавием: «К Г<оголю>. При поднесении ему от друзей нарисованной сценической маски в Риме, в день его рожденья» (с подписью: «*С. Ш.* Января $^{30}/_{18}$ 1839. Рим») (С. 16–17). Позднее Погодин датировал стихи Шевырева, посвященные Гоголю, 27 декабря 1838 / 9 января (н. ст.) 1839 г. — днем именин Шевырева[6].

Сам Шевырев 12 марта 1852 г. писал Погодину: «Я не знаю, когда день рождения Гоголя. Аксаковы говорят: 19-го марта, в день взятия Парижа. Мне помнится другой день. У меня взял студент 1-й № "Москвитянина" 1840 г. Там, кажется, напечатаны стихи мои, написанные ему в день его рождения. Это было в Риме. Он угощал тогда Жуковского, Вьельгорского и меня в своей любимой гостинице, что близ Пантеона: Al Falcone. На этих стихах обозначен день его рождения верно: мне помнится, января 15»[7].

По-видимому, мистификация Гоголя была связана с известной репликой купцов в «Ревизоре», относящейся к городничему: «Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь <...>; нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины». Память преподобного Антония Великого совершается 17 января (ст. ст.). С. П. Шевырев в письме к М. Н. Синельниковой от 2 апреля 1852 г. сообщал о Гоголе: «День его рождения 17-го генваря. Я узнал это в Риме»[8].

По всей вероятности, отпраздновать в присутствии В. А. Жуковского в Риме свой мнимый день рождения «на Антона», 17/29 января 1839 г., Гоголю не удалось, так как, согласно дневниковым записям поэта, этот день был полностью посвящен их совместному осмотру римских достопримечательностей, а также чтению — к вечеру — третьей главы «Мертвых душ»[9]. Очевидно, однако, что Шевырев был извещен о намеченном Гоголем праздновании заранее, так как к утру 18/30 января 1839 г. у него уже было готово посвященное Гоголю стихотворение (и приобретена упоминаемая в этом стихотворении «сценическая маска»).

Позднее Погодин в статье «Обед в честь Айвазовского и Иордана» сообщал: «19 марта <1851>, в Художественной классе, друзьями искусства дан был обед в честь <...> Айвазовского и <...> Иордана[10]. <...> Хомяков вспомнил, что ныне день рождения Гоголя, и предложил выпить за его здоровье. <...> Но Шевырев относил день рождения Гоголева к другому времени. Чтоб кончить спор, предложено выпить за Гоголя на Антония, а потом еще на Онуфрия»[11].

Напоминанием о «Ревизоре», призывом возобновить начатое им обличение пороков, главным образом и является стихотворение Шевырева, посвященное в 1839 г. Гоголю: «Что ж дремлешь ты? — Смотри, перед тобой / Лежит и ждет сценическая маска. / Ее покинул славный твой собрат, / <...> ... ее носил Гольдони. <...> Он смело выражал черты народа / Смешные, всюду подбирая их... <...> И через чистый смех, в сердца граждан / Вливалось истины добро святое! / Ты на Руси уж начал тот же подвиг! <...> Не раздается ли в душе твоей / Далекий, резвый, сильный, добрый хохот / С брегов Невы, с брегов Москвы родной? / То хохот твой — веселья чудный пир, / Которым ты Россию угощаешь, / Добро великое посеяв в ней... <...> Надень ее — и долго не снимай, / И новый пир, пир Талии задай, / Чтобы на нем весь мир захохотал, / Чтобы порок от маски задрожал...»[12]

[1] См. ***1839. Января 29 <17>. Вторник. День памяти св. Антония Великого. Рим.***

[2] Имеется в виду кукольный театр на площади Фиано в Риме. Описание представлений этого театра см.: *Бибиков М.* Выдержки из записной книжки туриста по Италии. I. Пифферари. II. Откуда происходит слово *пасквиль*. III. Театр Фиано. IV. Театр Делла-Паче. V. Об итальянских аскетических живописцах // Москвитянин. 1853. № 7 (цензурное разрешение 2 апр.). Отд. VIII. С. 117–119. – См. также ***1839. Апреля 6 <марта 25>. Великая суббота. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы.***

[3] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 14 / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М., 2004. С. 151; см. также: Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 40.

[4] См. ***1809. Марта 19. Пятница накануне Лазаревой субботы. 9 часов вечера. Великие Сорочинцы.***

[5] См. ***1839. Марта 19 <31>. Вербное воскресенье. Рим.***

[6] В своих мемуарах «Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году» (1865) Погодин писал: «Заключу мой отрывок стихами Шевырева, который поднес их Гоголю в день своего рождения, 27 декабря, в 1838 году, в Риме, на вилле княгини Волконской, отдавая ему от имени друзей нарисованную сценическую маску. Эти стихи, очень удавшиеся Шевыреву, показывают, как рано и как высоко ценим был гений Гоголев от всех людей к нему близких, вопреки толкам “Отечественных Записок”. – Что ж дремлешь ты? – Смотри, перед тобой...» (*Погодин М. П.* Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году // *Свод.* Т. 2. С. 468–469). В «Воспоминании о С. П. Шевыреве» (1869) Погодин повторял: «В Риме был тогда и Гоголь. В день его рождения, 27-го декабря 1838 года, празднуя его со многими русскими на вилле княгини Волконской, Шевырев прочел ему <...> стихи, при поднесении от друзей нарисованной сценической маски... Привожу эти стихи в доказательство того, как рано Гоголь был оценен в нашем кругу; а невежи наши думают и провозглашают, что оценил Гоголя прежде всех Белинский, между тем как он не сказал ничего нового» (*Погодин М. П.* Воспоминание о С. П. Шевыреве // *Свод.* Т. 2. С. 471).

[7] Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 755; *Свод.* Т. 2. С. 106.

[8] См. ***1852. Апреля 2. Среда Светлой седмицы. Москва.***

[9] ***1839. Января 29 <17>. Вторник. День памяти преподобного Антония Великого. Рим.***

[10] См. ***1851. Марта 19. Понедельник. Москва.***

[11] *Погодин М. П.* Современные известия: Московские <...> Обед в честь Айвазовского и Иордана // Москвитянин. 1851. № 7. Апрель. Кн. 1 (цензурное разрешение 1 апр.). С. 199, 208; *Свод.* Т. 2. С. 503.

[12] *Погодин М. П.* Отрывок из записок. Стб. 893–894. – См. также призыв Шевырева в позднейшем письме к Гоголю «обратить <...> высокую комедию, всю силу смеха, <...> на самого дьявола» (см. ***1847. Марта 22 <апреля 3>. Великая Суббота. Москва***).

ФЕВРАЛЯ 1 <ЯНВАРЯ 20>. ПЯТНИЦА. РИМ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«*20 генваря (1 февраля), пятница.* Обедал у Вьельгорского. Поутру с Гоголем».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 40.

ФЕВРАЛЯ 3 <ЯНВАРЯ 22>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Утром В. А. Жуковский делает два рисунка с фигурой Гоголя: «Vue prise de la Villa Volchonsky. 3 Février / 22 Janvier» (Вид с виллы Волконской); «Vue prise du haut du Colysee. 3 Févr<ier> / 22 Janv<ier>» (Вид с высоты Колизея)[1]. Вечером записывает в дневнике:

«*22 генваря (3 февраля).* Утром рано в ясный, но весьма холодный день в Villa Volchonsky для рисованья. Потом в Колоссей. Проповедь под самым прекрасным недом. Возвращение великого князя <Александра Николаевича>. Вечер дома»[2].

[1] Лит. наследство. Т. 4–6. М., 1932. С. 485; Рукописи Н. В. Гоголя. Описание. (Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Труды Отдела рукописей) / Сост. Р. Б. Заборова. Л., 1952. С. 49; *Янушкевич.* С. 96, 97.

[2] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 14 / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М., 2004. Т. 14. С. 151; см. также: Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 40.

ФЕВРАЛЯ 4 <ЯНВАРЯ 23>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Начало римского карнавала.

Из дневника В. А. Жуковского: «*23 января (4 февраля), понедельник.* Начало карнавала. Утром у великого князя кончал все дела. В Сент Онофрио, где слышал колокол[1] и сбор войска для карнавала. Приготовления. Вывешенные платья и маски. Первая обноска маски. Полишинель, за которым толпа мальчишек. Ковры в окнах. Блузы, маски. Омнибус. Мешки с confetti. Езда в омнибусе. Сражение с французами. Победа над Полторацким[2]. Маски интересны. Адвокаты. Пузыри. Карты. Стрельба в знакомых. Букеты красавицам, особенно двум. Поворот по Piazza del Popolo. Возвращение. Липман[3]. Le bonheue conjugal. Les bailleurs. Les fumeurs. Les lunettes <Супружеское счастье. Арендодатели. Курильщики. Зрительные трубы; *фр.*>. Мальчишки. Приготовление к скачке. Пуццолана. Проезд гвардии. Процессия сенатора. Раздвигающаяся и сливающаяся толпа. Часовня. Скачка. Пушки. Исчезание карет. Быстрая тишина и пустота. – Обед у великого князя. Бал у Лютцова»[4].

В этот день Жуковский сделал рисунок «Дуб Тассов. 23 Г<енваря / 4 Ф<евраля>», с фигурой Гоголя[5].

[1] См. ***1839. Февраля 9 <января 28>. Суббота. Рим.***

[2] Сергей Дмитриевич Полторацкий (1803–1884), прапорщик Квартирмейской части, библиофил и библиограф.

[3] Федор Иванович (Фридрих Леберехт) Липман (1784–1854), преподавал историю наследнику Александру Николаевичу.

[4] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 14 / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М., 2004. С. 151–152. – Граф Рудольф Лютцов (1780–1858), австрийский посланник при папском дворе в 1825–1848 гг.

[5] *Янушкевич.* С. 98.

ФЕВРАЛЯ 5 <ЯНВАРЯ 24>. РИМ. ВТОРНИК

Гоголь пишет ответное письмо А. С. Данилевскому в Париж:

«Твое письмо начинается так: Четыре или пять дней, как я получил письмо твое и деньги[1] и проч. Я не так делаю: я положил навсегда для себя правилом писать к тебе того же дня по получении твоего письма... <...> ...В первую минуту, покамест горячо, всегда больше и лучше и нужнее напишешь. Мы приближаемся с тобою (высшие силы! какая это тоска!) к тем летам, когда уходят на дно глубже наши живые впечатления и когда наши ослабевающие, деревянеющие силы, увы, часто не в силах вызвать их в наружу так же легко, как они прежде всплывали сами, почти без зазыву. Мы ежеминутно должны бояться, чтобы кора, нас облекающая, не окрепла и не обратилась, наконец, в такую толщу, сквозь которую им в самом деле никак нельзя будет пробиться. Употребим же, по крайней мере, всё, <чтобы> спасти их хотя бедный остаток. Пусть мы будем иметь хотя несколько минут, в которые будем свежи и молоды. Пусть же мы встретим нашу юность[2], наши живые, молодые лета, наши прежние чувства, нашу прежнюю жизнь, пусть же всё это мы встретим в наших письмах. Пусть хотя там мы предадимся лирическому сердечному излиянию, которого бедного гонят, которому заклятые враги – пошлость глупейшего препровождения времени, презренная идея обеда, рисующаяся со времени поднятия с постели, роковые 30 лет, гнусный желудок и все гадости потухающего черствого рассудка. <...> Я рад, очень рад, что тебе присланная мною небольшая

помощь пришлась впору. Я точно в рассуждении этого всегда бывал счастлив. Ко мне Бог бывал всегда особенно милостив и давал мне чувствовать большие наслаждения. Сколько припомню, всё посылаемое мною бывало как-то тебе кстати. Я рад еще больше, что процесс, наконец, выигран[3] и что мерзавец жид наконец-таки наказан достойным образом, и таким образом всё-таки вышло на старый манер, что порок попран, а добродетель восторжествовала. Но дурно, что ты не пишешь, что теперь предпринимаешь делать, когда и в какое время собираешься ехать, без сомнения, не иначе, как весною. <...> Я думаю ехать на воды в Мариенбад. Еще один раз хочу попытаться. Желудок мой наконец меня совершенно вывел из терпения... <...> Даже досадно, право: для Рима, для этого прекрасного Рима — и вдруг приехать с таким гнусным желудком. Слышишь, видишь, как вызывает всё на жизнь, на чудное наслаждение, а между тем у тебя в брюхе сидит дьявол. <...> Я начинаю теперь вновь чтение Рима, и, Боже, сколько нового для меня, который уже в четвертый раз читает его. Это чтение теперь имеет двойное наслаждение оттого, что у меня теперь прекрасный товарищ. Мы ездим каждый день с Жуковским, который весь влюбился в него и который, увы, через два дни[4] должен уже оставить его. Пусто мне сделается без него. Это был какой-то небесный посланник ко мне, как тот мотылек, им описанный, влетевший к узнику[5]. Хотя Рим ни в какую минуту горя нельзя назвать темницею, хотя бы бедствовать в нем в том состоянии, как ты бедствовал в Париже, не иметь байока в кармане и иметь процесс за перехваченные деньги с жидом. До сих пор я больше держал в руке кисть, чем перо. Мы с Жуковским рисовали на лету лучшие виды Рима. Он в одну минуту рисует их по десяткам и чрезвычайно верно и хорошо.

Я живу, как ты, верно, знаешь, в том же доме и той же улице, via Felice[6], № 126. Те же самые знакомые лица вокруг меня, те же немецкие художники с узеньки<ми> рыженькими бородками и те же козлы, тоже с узенькими бородками; те же разговоры и о том <же> говорят, высунувшись из окон, мои соседки. Так же раздаются крики и лепетания Анунциат, Роз, Дынд, Нанн и других в шерстяных капотах и притоптанных башмаках, несмотря на холодное время. Зима в Риме холодна, как никогда; по утрам морозы, но днем солнце, и мороз бежит прочь, как бежит от света тьма. Я, однако ж, теперь совершенно привык к холоду и даже в комнате не ставлю скальдины[7]. Одно солнце ее нагревает. Теперь начался карнавал[8]. Шумно, весело. Наш его высочество[9] доволен чрезвычайно и, разъезжая в блузах вместе с свитою, бросает муку в народ корзинами и мешками и во что ни попало. <...>

Поклонись от меня Квитке[10], Мантейфелю[11] и Дмитр<ию> Толстому, также обоим Межаковым и скажи отцу, что я очень интересен знать, как он проводит время в Париже, и чтобы по обещанию об этом меня известил, хотя через тебя. Ничего и никаких совершенно писем не получаю из Петербурга. Что сделалось с Прокоповичем, не могу понять. Как целых полтора года ни одной <строки>, тогда как ответ его был мне нужен».

В тот же день В. А. Жуковский записал в дневнике:

«*24 генваря (5 февраля), вторник.* <...> С Гоголем к Кудинову[12], который по обыкновению наших архитекторов восстановляет римские развалины»[13].

[1] См. ***1838. Декабря 31 <19>. Понедельник. Рим.***

[2] Начало письма к Данилевскому перекликается с содержанием шестой («плюшкинской») главы «Мертвых душ» (лирические отступления: «О моя юность! о моя свежесть!»; «И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек!»).

[3] Подробнее см. ***1838. Августа 14 <2>. Вторник. Кастелламаре.***

[4] См. ***1839. Февраля 13 <1>. Среда. Рим.***

[5] Имеется в виду стихотворение В. А. Жуковского «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу» (1813).

[6] Улица в Риме.

[7] Скальдина (*ит.* scaldino) — грелка; сосуд, употребляемый в Италии для обогревания комнаты.

[8] См. ***1839. Февраля 4 <января 23>. Понедельник. Рим.***

[9] Наследник Александр Николаевич.

[10] См. ***1838. Октября 28 <16>. Воскресенье. Лион.***

[11] Граф Григорий (Готгард Иоахим) Андреевич Мантейфель (род. в 1795). В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., замечал: «Мантейфель жил некоторое время в Италии. Он был флигель-адъютант,

человек светский, с положением, но во многих отношениях забавный» (Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 519).

[12] Александр Семенович Кудинов (1810–1870-е), академик архитектуры (с 1855 г.).

[13] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 40.

ФЕВРАЛЯ 7 <ЯНВАРЯ 26>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«*26 генваря (7 февраля), четверг.* <...> В церковь св. Петра. Позавтракав с Гоголем, на Monte Pincio. – Чудный, ревучий день карнавала. Мы в масках на омнибус. Потом пальба с балкона бл<из> Palazzo Ruspoli и церкви S. Carlo. Иллюминация Петра. Золотое кружево лежало в фонарях. Быстрая перемена в час ночи. Вид издали. Разъезд. Les nuées[1]. Толпы на площади. Ввечеру бал посланника[2]: Баварский кронпринц[3]. Ночью пожар у Люцова».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 40–41.

[1] Тучи, множества (*фр.*).

[2] Пост русского посланника при дворах Римском и Тосканском занимал с 1838 по 1844 г. тайный советник Иван Алексеевич Потемкин (1780–1849).

[3] Сын баварского короля Людвига I Иосиф (1811–1864), с 1848 г. король баварский Максимилиан II.

ФЕВРАЛЯ 9 <ЯНВАРЯ 28>. СУББОТА. РИМ

В. А. Жуковский изображает фигуру Гоголя на рисунке «Villa Wolchonsky. 28 Г<енваря> / 9 Ф<евраля>» (Вилла Волконской)[1]; записывает в дневнике:

«*28 генваря (9 февраля), суббота.* <...> С Гоголем в S. Croce. Фрески Пинтурриккия: Обретение Честного Креста, поправленные или испорченные капуцинами. К княгине Волхонской. Завтрак на вилле. Ее прекрасные стихи мне[2]. На Corso, по которому ходил пешком в толпе вместе с Гоголем и Бруни. – История карнавала. Начало в понедельник. Колокол в 1 час пополудни (колокол Капитолия, или возвещающий начало карнавала, или конец папы). Проезд сенатора с свитою. *Признаки карнавала:* Явление портных. Мука в великом волнении. Маски развешиваются в лавках. Некоторые магазины обращаются в окна и в ложи[3]. Строение балконов и балюстрад. Укрепление Piazza del Popolo, Piazza Colonna, Piazza de S. Carlo, Piazza do Venezia. Лошади, приучающиеся к Корзо: L'illusion ce la gloire, qui n'est autre chose que la farine <Призрак славя, которое не иное что, как мука; *фр.*>. Лошади скачут за венком и за овсом. Торжество муки и известки. Маски железные и обыкновенные, блузы и белые куртки. Начало. Колокол. Сенатор со свитою. Церемония жидов в Капитолии. Прежняя скачка: жиды в мешках от Piazza del Popolo до Piazza di Venezia. Нынче только явление в Капитолий с платою 5000 пиастров за годовую dispensio <льгота от налогов; *фр.*>. Проезд сенатора по Корзо. Первые маски, преследуемые мальчишками (женщина с собакою, адвокат с ужасными воротниками).

1. Кареты в два ряда, маски и народ по бокам и в середке; по тротуарам стулья; в окнах ковры; балконы украшены; все дома унизаны людьми. Самые живые сцены около S. Carlo, Palazzo Ruspoli, Piazza Colonna и Sciarra. Баталия экипажей с экипажами, экипажей с балконами и экипажей с пешеходами. Мелкие монфетти и крупные и букеты. Одни просто для боя, другие как знак внимания.

2. Выстрел, возвещающий удаление экипажей. Большая свобода для пешеходов и большая возня. Ранее движения войска: первый пешеход пешком; конница шагом. Конница рысью. Раздвоение и слияние толпы. Расстановка часовых; улица, пушечный выстрел, бег; триумфальные крики для первых и свисты для последних. Остановка у Piazza di Venezia. Покрывало, шест, удвоенные силы, падение. Награды состоят в знаменах. Выигрыш (?).

3. После скачки. Разъезд во все стороны экипажей; маски по тротуарам; окончательные сцены в кафе и на боковых улицах до 12 часов; festin <пиршество; *фр.*>, или публичный маскерад, продолжается в обыкновенные дни до 12, а в другие от 12 до утра.

Замечательные маски и сцены. Первая открывает женщина с собакою. Фантастическая маска, за нею мальчишки, и смех Антония[4]. (Колокол, слышанный с высоты Онофрио[5]. Лихорадка.) Адвокаты с огромными бумашными воротниками и разноцветными носами. Поэт с свистками. Аптекари с огромными трубками. Кучера женщинами. Арлекины и пуличинелли. Кормилица с кошкою. Всадник. Две маски на ходулях. Сцена клистирной трубки и носа. Сцена уральника и ложки. Концерт, производимый жопою. Мужчина женщиною с огромными плечами. Мертвец. Чучела. Пароход. Поезд зеленых карет. Омнибус. Деревянные щипцы, на коих достают до третьего этажа. Места, на коих садятся красавицы: три фраскатянски на Piazza Sciara. Две миленькие на возвышении. Чижик, подаренный великому князю, и аплодирование народа»[6].

[1] Лит. наследство. Т. 4–6. М., 1932. С. 483; Рукописи Н. В. Гоголя. Описание. (Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Труды Отдела рукописей) / Сост. Р. Б. Заборова. Л., 1952. С. 49; *Янушкевич*. С. 99.

[2] На день рождения В. А. Жуковского.

[3] См. ***1839. Марта 29 <17>. Пятница. Рим*** (примечания).

[4] Наемный слуга Жуковского в Риме. — См. также ***1839. Февраля около 20 <около 8>. Рим.***

[5] См. ***1839. Февраля 4 <января 23>. Понедельник. Рим.***

[6] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 14 / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М., 2004. С. 152–153; см. также: Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 41.

ФЕВРАЛЯ 10 <ЯНВАРЯ 29>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Гоголь встретился с парижским приятелем А. С. Данилевского Лейнгольдом и получил от него письмо Данилевского из Парижа[1].

В. А. Жуковский записал в дневнике:

«*29 января (10 февраля), воскресенье.* У обедни. Рисовал. В S. Pietro in Montorio. Обедал у великого князя»[2].

В тот же день Жуковский изобразил фигуру Гоголя на рисунке «Aqua Paulina. 29 Г<енваря / 10 Ф<евраля>» (Аква Паулина)[3].

«...На рисунке под названием “Aqua Paulina” <...> писатель изображен погруженным в созерцание панорамы Рима на фоне химеры фонтана, венчающего вершину Яникульского холма. <...> Особенного внимания заслуживает <...> заключительный эпизод повести <Гоголя “Рим”> <...>, в котором римский князь погружается в созерцание панорамы Рима, открывшейся ему — в повести Гоголя — с площадки перед церковью S. Pietro in Montorio: “<...> там плоский купол Пантеона; там убранная верхушка Антониновской[4] колонны с капителью и статуей апостола Павла; еще правее возносили верхи капитолийские здания с конями, статуями; еще правее, над блещущей толпой домов и крыш величественно и строго поднималась темная ширина Колизейской громады...”; <...> ...Описание Г оголя не соответствует тому, что в реальности можно увидеть с этого обзорного пункта, даже учитывая то обстоятельство, что 160 лет назад общая композиция римского пространства, при неизменности перечисленных Гоголем опорных пунктов, могла измениться за счет разросшихся деревьев и новых сравнительно высоких зданий, заслонивших отдельные секторы панорамы. От San Pietro in Montorio невозможно одновременно увидеть Пантеон, Капитолий и Колизей, поэтому считается, что панорама Рима, описанная Гоголем в отрывке, или создана им по памяти, или имеет идеальный характер, соединяя в себе знаковые точки римского урбанистического ландшафта. Однако же здесь-то и уместно вспомнить рисунок Жуковского, изображающий Гоголя рядом с химерой, венчающей высокое здание фонтана “Aqua Paolina”. Мало того, что

фонтан расположен на одной из самых высоких площадок Яникульского холма – он и сам по себе очень высок (не менее 8 метров), и карнизы с химерами высоко подняты даже над шпилем церкви S. Pietro in Montorio, что хорошо видно на рисунке Жуковского. В целом над уровнем обзорной площадки у церкви химеры возвышаются метров на 15–20, что существенно расширяет горизонт обзора, сглаживая выступающий изгиб Яникула, на котором расположена церковь и который не позволяет охватить всю панораму города одним взглядом, как это происходит в повести Гоголя с ее героем; однако вполне возможно, что всеохватная панорама Рима, описанная в отрывке, была увидена Гоголем именно с этой, высочайшей на Яникуле, обзорной точки. <...> Таким образом, рисунок Жуковского становится своего рода невербальным комментарием к отрывку "Рим", удостоверяя топографическую точность и объективность гоголевского видения "вечного города"»[5].

[1] См. ***1839. Февраля 12 <января 31>. Вторник. Рим.***

[2] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 14 / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М., 2004. С. 153.

[3] *Янушкевич.* С. 100.

[4] Триумфальная колонна римского императора Марка Аврелия Антонина.

[5] *Янушкевич.* С. 76, 78–80.

ФЕВРАЛЯ 12 <ЯНВАРЯ 31>. ВТОРНИК. РИМ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«*31 генваря (12 февраля), вторник.* Последний день в Риме. Поутру вместе с Гоголем к Кестнеру, к Потемкину, к Шпауру[1], к Мену, к в<еликому> князю. У Вьельгорского, которого срисовал и у которого обедал вместе с Гоголем и <Е. Г.> Чертковою. На Корзо. Скачка лошадей[2]. Не было масок замечательных. Лава народу. Быстрота на страде. Всякий невольно увлекается. Идущий тихо становится бегущим бешено, как скоро их увлекает струя. Начало моколети[3]. Трубки, трости, телеги. Нападения на едущих... Бой сверху вниз и по бокам. Senza moc<c>oli. На кровлях, в окнах, в корзинах, на длинных жердях. Посещение домов. Как бы хоть раз прокричать, промычать, прореветь. Непрерывный гул. Звезды. Лошади и их смирение. Оратор, увенчанный и забросанный. Наш балкон цель нападения и самое опасное место для сидящих внизу»[4].

Вечером того же дня, 12 февраля (н. ст.) 1839 г., после прощания с Жуковским (уезжавшим из Рима на следующий день[5]), Гоголь в ответном письме А. С. Данилевскому в Париж сообщал:

«Получил твое письмо 3-го дня[6] через Лейнголь<да>. Оно было для меня очень интересно по небольшим известиям о тебе, а также о Ваське[7], Базиле[8] и Афанасие[9]. Ну, теперь чего тебе еще хочется? Протекция[10] и всё тебе готово, <...> но годишься ли ты теперь для Петербурга? Много переродили три года! Благодарю также за парижские новости. Очень радуюсь, что Филипп подхватил какую-то, которую я не разобрал. Клотильде за поклон тоже благодарен. Кстати, я думаю, уже ты обрабатываешь ее, тем более, что оно очень близко, кажется, только через кухню, Квитка же, как кажется, не может тебе мешать. Я слышал, что у него какая-то есть постоянная, у которой он и ночует. M-me Hochard в ответ на ее тысячу любезностей посылаю ей другую тысячу таких же. Догадки твои, что я счастливец и наслаждаюсь каждый день воздухом и полднем Монте Пинчия, не совсем справедливы. На Монте-Pincio я не захожу вовсе. Я не люблю его, когда он набит англичанами и иностранцами. Мои прогулки простираются гораздо далее, глубже в поле. Чаще посещаю я термы Каракаллы, Roma Vecchia[11], с ее храмами и гробницами и открытыми полями, Villa Mat<t>ei, Villa Milz[12] и проч. и проч. ... Дни настали чудные, погода удивительная. Приятели твои, которым ты рекомендуешь показывать древности, люди, как я заметил [по глазам] по полету, не такого десятка, чтобы углубляться в древности, а напротив, кажется, более охотники до новостей, и потому я им

рекомендовал ехать в Неаполь, где они без сомнения найдут себе более пищи и проведут время гораздо лучше, чем постом в Риме. Я, как уже тебе известно[13], проводил всё время с Римом, то есть с его развалинами, природою и с Жуковским, который теперь только уехал и оставил меня сиротою, и мне сделалось в первый раз грустно в Риме. Здоровье мое... не стоит говорить о нем. К тебе просьба убедительная: пожалуйста, пришли мне с кем-нибудь из русских, которые будут отправляться в Италию, несколько красок[14] фабрики Panio на меду, кружками, какие, помнишь, я покупал в бытность мою в Париже. Они продаются в красоч<ном> магазине, в Rue de Petits Champs близко Rue de la Paix[15]. <...> Цвета следующие: берлинская лазурь, охра простая, охра жженая (brulee), индиго, кобольд, гумегут, бакан (lac[16]), teinte neutre[17], ultra marine[18], черную и самую темную кофейную — всякой по два кружка... <...> Еще одно. Нельзя ли тебе сходить к m-lle Josefine Turinger? Но не хочу давать этой комиссии, боюсь тебя обременить, и ты тогда, без сомнения, ни одной не исполнишь. — Теперь о самом важном деле. У каждого жреца ты завтракаешь?.. <...> ...Проклятые храмы[19], между прочим, доканали мой ж<елудок>. <...> Пора бы тебе жизнь чувстве<нную> <...> переменить на духовную <...>, на же<нщин>[20] <...> и на храм[21], mangiare poco e respirar<e> и... <...> dolcissima aria e cosi vivere[22]. Пора, пора, <...> <выгнать> вон чорта, который сидит в брюхе и подстре<кает> на злые похоти. В одном завиду<ю> <...> тебе — ты слушаешь оперу. <...> Здесь давали оперу новую. Автор Фридрих[23] <...> Заглавие — Эдинбургская темница, музыка[24] прелестная. После Россини я ничего не слышал лучше. У вас в Париже ее чудно исполнят. А здесь этот год труппа не то, что была назад тому год, о которой ты уже знаешь из моих рассказов и похвал. <...> Ты меня спрашиваешь, где я живу? Неужели ты не знаешь, что моя квартира вечно та же: Via Felice, 126, terzo piano»[25].

В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., замечал: «Всего поразительнее в письмах к Данилевскому еще с 1839 года какая-то холодная сдержанность... <...> “Сильно поражали меня эти письма, — передавал А. С. Данилевский, — но только гораздо позднее стало для меня более или менее ясно значение этой перемены; сначала они просто приводили в недоумение”. <...> Впоследствии, например, А. С. Данилевскому не раз приходилось слышать даже, что Гоголь не в своем уме и проч. Напрасно он, знавший Гоголя близко до последних дней его жизни, разуверял своих собеседников; большею частью ничто не действовало. <...> Кстати заметим, что, по словам А. С. Данилевского, в <...> переписку[26] не вошло *ни одно* из писем к нему Гоголя»[27];

«Данилевский <...> ничего не ведал об издании писем вплоть до получения подаренного ему экземпляра, как я от него лично слышал... <...> ...Самые близкие к Гоголю лица, начиная с недавно скончавшейся сестры его Анны Васильевны и покойных А. С. Данилевского и О. Н. Смирновой, решительно не в состоянии были раскрыть фамилии корреспондентов Гоголя в “Переписке” по обозначенным в ней инициалам»[28].

[1] Карл Шпаур (1794–1854), баварский посланник в Риме.

[2] См. ***1838. Февраля 26 <14>. Понедельник. Рим*** (примечания).

[3] См. там же.

[4] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 41.

[5] См. ***1839. Февраля 13 <1>. Среда. Рим.***

[6] См. ***1839. Февраля 10 <января 29>. Воскресенье. Рим.***

[7] Василий Яковлевич Прокопович.

[8] К. М. Базили (см. также ***1839. Апреля не позднее 14 <не позднее 2>. Рим***).

[9] Возможно, слуга Данилевского.

[10] Вероятно, имеются составленные Гоголем для Данилевского рекомендательные письма к князю П. А. Вяземскому и князю В. Ф. Одоевскому (см. ***1838. Июня 30 <18>. Суббота. Рим***).

[11] Старый Рим (*ит.*).

[12] Виллы в Риме.

[13] См. ***1839. Февраля 5 <января 24>. Рим. Вторник.***

[14] Краски Гоголь просил для себя (см. ***1839. Марта 25 <13>. Понедельник. Рим***). — См. также ***1838. Октября 25 <13>. Четверг. Париж*** (примечания).

[15] Улицы в Париже.

[16] Lac (laque) — лак (*фр.*).

[17] Нейтральный тон (*фр.*).

[18] Ультрамарин (*фр.*).

[19] Имеются в виду кафе (см. (см. ***1836 ноября начало <октября вторая половина> — 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж*** — примечания; ***1838. Октября 28 <16>. Воскресенье. Лион*** — примечания).

[20] В публикации 1890 г. вместо: «<...>, на же<нщин>» – напечатано: «наплевать на желудок» (*Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский // Вестник Европы. 1890. № 2. С. 572).

[21] Кафе (см. примеч. выше).

[22] Есть мало и вдыхать... нежнейший воздух и так жить (*ит.*).

[23] Вероятно, имеется в виду автор либретто, французский драматург Франсуа Антуан Эжен де Планар (1783–1855).

[24] Композитор Микеле Энрико Карафа ди Колобрано (1787–1872).

[25] Улица Феличе... третий этаж (*ит.*).

[26] «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847).

[27] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 520. – См. также ***1847. Марта 18 <6>. Четверг. Неаполь.***

[28] Воспоминания А. С. Данилевского о последних днях жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 525.

ФЕВРАЛЯ 13 <1>. СРЕДА. РИМ

В. А. Жуковский в свите Наследника Александра Николаевича покидает Рим.

Из дневника Жуковского: «*1 (13) февраля, середа.* Выезд из Рима. Я по обыкновению опоздал»[1].

Возможно, в этот день Гоголь еще раз[2] простился с Жуковским. Около 20 февраля (н. ст.) 1839 г. он писал поэту: «...Я всё еще нахожусь в таком состоянии, как будто бы вы уехали только сегодня поутру: то есть разинув рот, глупо глядя вслед уезжающей вашей карете и не зная потом куда направить шаги свои. Два первые дни я решительно не знал, за что приняться. Если бы хотя была в это время гадкая, дождливая погода, но как на беду дни были чудные, каких при вас еще не было, теплые, потопленные в солнце. Я отправился в Колисей, на Форум Roma<num>[3] и так странно глядел на всё это, как еще никогда не глядел. Я возвратился в город смутно, а к вечеру мне сделалось просто скучно. Подлец Лауниц[4] не прислал мне вашего бюста, который он просил удержать на две минуты и которого я до сих пор не могу у него добиться...»

[1] *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. М., 2004. С. 154; см. также: Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 41.

[2] См. ***1839. Февраля 12 <января 31>. Вторник. Рим.***

[3] Римский (*ит.*).

[4] Николай Карл Эдуард фон Лауниц (1797–1869), немецкий скульптор.

ФЕВРАЛЯ 2 <14>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК СРЕТЕНИЯ ГОСПОДНЯ. УТРО. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1].

В. С. Межевич писал: «15 января – *Горе от ума,* и 2 февраля – *Ревизор.* И та и другая комедии принадлежат в Москве к такого рода явлениям, которые возбуждают много и много дум во всяком мыслящем любителе театра. Странное дело! Там, где не всегда удается видеть хорошо слаженный в целом легонький водевиль, там две эти комедии, лучшие и, можно сказать, единственные художественные произведения русской Талии, разыгрываются почти с совершенством всеми действующими лицами, от первого до последнего; те самые актеры, которых прежде вы не замечали или даже заметить не могли, здесь являются превосходными артистами, художнически создавшими роли свои. Перед вами живая картина, ряд верных портретов, или, лучше сказать, не портретов, не копий, а лиц, творчески созданных. Всякой артист имеет здесь свое значение, свой смысл, всякой

на своем месте. Отчего это? оттого, во-первых, что эти комедии суть творческие произведения, что эти лица суть действительно живые лица; оттого, во-вторых, что действие взято из мира близкого, знакомого, повседневного, так сказать. Это последнее обстоятельство служит лучшим ответом на возражение тех, которые говорят, что комедия Гоголя есть будто бы фарс высокого комического таланта, но не живое, реальное создание, что таких людей в наше время нет: всякая карикатура на сцене выкажется еще более, нежели в чтении; из карикатурного лица актер ничего не может сделать без фарсов, а комедия Гоголя, напротив, при фарсах становится скучна, что мы изведали на опыте — в другое время и в другом месте... Сообразив все это, нельзя не согласиться, что — первое, талант сценический может развиваться только через изучение творческих драматических произведений, и что — второе, там, где творческие произведения, подобные *Горю от ума* и *Ревизору*, разыгрываются без успеха или с весьма слабым успехом, там нет сценических талантов, или эти таланты очень незначительны.

Заметим здесь кстати, что роль Щепкина в Ревизоре, за отсутствием его, занимал один раз г. Рославский, а другой — г. Потанчиков. Со Щепкиным сравнивать мы их не станем, потому что в этих ролях он превосходен без сравнения, но между тем и г. Рославский и г. Потанчиков, особенно последний, выполнили роль эту весьма успешно... <...> *Горе от ума* повторялось еще 30 июля, а *Ревизор* 11-го апреля[2] и 2-го июня[3].

От комедии до драмы и трагедии, как от великого до смешного, только один шаг... <...> ...Разве комедия не выжимала у вас слез, — хотя бы "Горе от ума", например, или "Свадьба Фигаро"; — не исторгала из души вашей глубокого вздоха, отзывающегося грустию — хоть бы "Ревизор"? А как пораздумаешься в иной раз, право не шутя спрашиваешь и самого себя и готов спросить других: "да почему ж «Ревизор» — комедия[4]? Почему это не драма, ко крайней мере?"»[5]

[1] *Ельницкая 1978*. С. 305.
[2] См. ***1839. Апреля 11 <23>. Вторник. Москва.***
[3] См. ***1839. Июня 2 <14>. Пятница. Москва.***
[4] См. также ***1843. Февраля 5 <17>. Пятница. 7 часов вечера. Москва*** (примечания).
[5] <*Межевич В. С.* > *Л. Л.* Отчет о Московском театре за первое полугодие (от 1-го января до 1-го июля). (Окончание) // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песоцким, на 1839 год. СПб., 1839. Т. 2. <Отдельная пагинация>. С. 17–18.

ФЕВРАЛЯ 5 <17>. ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

ФЕВРАЛЯ ОКОЛО 20 <ОКОЛО 8>. РИМ

Гоголь пишет В. А. Жуковскому в Вену (почтовый штемпель на письме: «4 Mar», — указывает, вероятно, на время поступления послания в Вену):

«Вот уже неделя, как вас нет в Риме[1]... <...> Я бы был счастлив совершенно, если бы в мое наслаждение не вмешалось несколько из того томительного чувства, какое чувствует школьник, когда учитель его отправится гулять за город с его товарищами, а его оставит за леность одного в маленьком школьном садике, и он видит пропадающий вечер и видит сквозь него, глазами воображения вдали луг, на нем свет солнца, кучу товарищей, летящий вверх мяч, веселые крики. Всё видит он и не хочет оторваться от своего зрелища, натирая кулаком и рукавом свою упрямо-кислую рожу и не спуская глаз с опускающегося ежеминутно ниже солнца. Моя портфель с красками готова, с сегодняшнего дня отправляюсь рисовать на весь день, я думаю, в Колисей. Обед возьму в карман. Дни значительно прибавились. Я вчера пробовал рисовать. Краски ложатся сами собою, так что потом дивишься, как удалось подметить и составить такой-то колорит и оттенок. Если бы вы остались здесь еще неделю, вы бы уже не принялись за карандаш. Колорит потеплел необыкновенно, всякая развалина, колонна, куст, ободранный мальчишка, кажется, воют к вам и просят красок. Как чудно! в других местах весна действует только на природу: вы видите, оживает трава, дерево, ручей. Здесь же она действует на всё: оживает развалина, оживает плис на куртке бирба-

чена[2], оживает высеребренная солнцем стена простого дома, оживают лохмотья нищего, оживает ряса капуцина с висящими назади капучио, даже этот продукт, которого мы находили целые плантации, разведенные трудолюбивыми римлянами под всеми почти стенами и оградами, принял какой-то весьма приятный для глаз коричневый цвет. А сами производители его теперь попадаются несравненно чаще и совершенно как дома: скидают и галстук и подтяжки и в таком количестве что рады или не рады, а к вам который-нибудь непременно попадет в первый план. — Было, помните, мы гонялись за натурою, то есть движущеюся, а теперь она сама лезет в глаза: то осел, то албанка, то аббат, то, наконец, такого странного рода существа, которых определить трудно. Вчера например, когда я рисовал, стал прямо против меня мальчишка, у которого были такого рода странные штаны, каких без сомнения ни один портной не шил. Я потом уже догадался, что они переделаны из отцовской разодранной куртки, но только дело в том, что они не перешиты, а просто ноги вдеты в рукава и на брюхе подвязано веревкой, вход к <...> совершенно свободен, так что он может копаться в ней руками сколько душе угодно и, не скидая этих штанов, может по примеру отцовскому разводить коричневые плантации под стенами развалин. В Колизее явились проповеди, толпы народа и монахи с белыми бородами и одетые все снизу доверху в белое, как древние жрецы. Драпировка чрезвычайно счастлива для нашего брата Mezzo-художника. Один взмах кисти — и монах готов. Вчера солнце осветило мне одного из них, тогда как все прочие были обняты тенью. Это было прелесть как эффектно и как легко рисовать. Вчерашний день кончились празднества по случаю избрания двух кардиналов, большим фейерверком на Монте Citorio, где пушки между прочим, составили какой-то музыкальный концерт. Все три дни Рим был иллюминован так, как теперь не иллюминуют в других городах. Целые пылающие стены домов! Смоляные бочки по всем улицам. Я заглянул в Монте Pincio — прелесть! Вообразите: смоляных бочек не видно, а только стены в огне. Так что кажется весь город греется у очага. Вот вам новость старых времен: на два дни езды из Рима вырыт на прошлой неделе новый амфитеатр, почти равный величиной с Teatro Marcello, весь первый этаж цел, много обломков от колонн и статуи; думают на дне найти целые. Первым временем установившейся весны воспользуюсь и поеду поглядеть. Теперь жаль на минуту оставлять Рима — так он хорош и такая бездна предметов для рисования. Доживу ли я <до> того времени, когда вновь сядем вместе оба с кистями? Верите ли, что иногда, рисуя, я, позабывшись, вдруг оборачиваюсь, чтобы сказать слово вам и, оборотившись, вижу и как будто слышу пустоту по крайней мере на несколько минут, в земле, где всякое место наполнено и где нет пустоты. Даже болвана Антония не встретили мои глаза, по крайней мере я бы тогда обрадовал<ся> его присутствию. Как странно, когда встретишь вдруг среди улицы слугу, которого мы знали в услужении близким и дорогим нашему сердцу, который теперь служит другим. С первого разу вдруг подойдешь к нему с живостью, мысль о господах его не отрешилась еще от него в глазах наших. Даже спросишь как, что твои господа? И потом вдруг остановишься, вспомнивши, что теперь господа его чужие. Вот настоящая мефистофелевская насмешка над человеком. — Здесь только в первый раз видишь поэзию крепостного человека».

[1] См. ***1839. Февраля 13 <1>. Среда. Рим.***
[2] Бирбачен (birbaccione; *ит.*) — уличный оборванец.

ФЕВРАЛЯ 9 <21>. ЧЕТВЕРГ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь пишет в Рим письмо сыну.

См. ***1839. Марта 12 <февраля 28>. Вторник. Рим.***

ФЕВРАЛЯ 22 <10>. ПЯТНИЦА. ПАРИЖ

А. С. Данилевский посылает в Рим письмо Гоголю.

См. ***1839. Марта 7 <февраля 23>. Четверг. Рим.***

ФЕВРАЛЯ 23 <11>. СУББОТА. РИМ

Княгиня З. А. Волконская сообщает В. А. Жуковскому в Вену (a Vienne) (письмо без указания года):

«Гоголь *плачет* об вас...»[1]

Письмо относится, к 1839 г., т. к. Жуковский, выехавший из Рима 1/13 февраля 1839 г., находился в Вене около 19–28 февраля / около 3–12 марта 1839 г.[2] Послание к Жуковскому, написанное около 20 февраля (н. ст.) 1839 г., Гоголь также отправил в Вену: «Vienne (en Autriche)»[3].

Ответом Жуковского стало его письмо к П. И. Кривцову от 1/13 числа (без указания года и месяца), отправленное из Вены в Рим: «Мы сегодня едем из Вены, прожив здесь 12 тревожных дней. Гоголя сердечно обнимаю и благодарю за письмо. Жуковский. 1/13 <марта 1839 г.>»[4].

[1] Гоголь в письмах княгини З. А. Волконской // *Свод.* Т. 3. С. 115.

[2] См.: Даты жизни и творчества В. А. Жуковского // *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 гг. / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. С. 390.

[3] См. ***1839. Февраля около 20 <около 8>. Рим.***

[4] Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 49.

МАРТА 2 <ФЕВРАЛЯ 18>. СУББОТА. ВЕНЕЦИЯ

М. П. Погодин записывает в дневнике:

«*Венеция.* <...> *2 <марта (н. ст.)>.* <...> Счет Г<оголя>, кажется, с грешком, хотя и не с большим. Пребывание в Венеции обошлось рублей в 7 в день на человека, благодаря адресу любезного Л<укашевича>. – А можно б дешевле еще, если б ходить и осматривать целым обществом».

Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 1) // *Свод.* Т. 2. С. 421.

МАРТА 6 <ФЕВРАЛЯ 22>. СРЕДА. РИМ

Гоголь получил письмо от А. С. Данилевского из Парижа.

См. ***1839. Марта 7 <февраля 23>. Четверг. Рим.***

МАРТА 7 <ФЕВРАЛЯ 23>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Гоголь получает из Васильевки письмо от матери[1]. Пишет ответное письмо А. С. Данилевскому в Париж:

«Вчера[2] получил твое письмо от 22-го февраля[3]. Взоры мои были поражены ужасным множеством новооткрывшихся кафе, которых имена увидели они начертанными твое<й> рукою. <...> Твоя Estelle[4], которая присутствовала у тебя во время антракта между писанием письма, года два-три назад, вероятно, вызвала бы из памяти и воображенья, еще полного утраченной юности, множество нескромных воспоминаний[5]. Но теперь, Бог с ней, да здравствует, впрочем, она и наделяет тебя мгновеньями младости и благ, которые ты еще, счастливец, чувствуешь. В письме твоем мне приятно было более увидеть выглянувшее имя Ноэля[6]. <...> Я получил, наконец, из дому два письма. Грустно мне было читать их. Они были совершенная вывеска несчастного положения домашних.

Наконец маминька, кажется, дохозяйничалась наконец до того, что теперь решительно, кажется, не знает, что делать. Дела наши по деревне, кажется, так расстроены[7], как только возможно, и я никаких не имею средств помочь. Как нарочно к этому времени приближается и срок, или выпуск моим сестрам <Анне и Елисавете>. Грустно, мой милый, ужасно грустно иметь семейство. <...> Грустно! Мысль моя теряется. Я ничего не нахожусь сделать и надумать[8]. А, кстати! в первом письме маминьки между прочим известие, касающееся по тебе. Она была у Василия Ивановича[9] на свадьбе его дочери, а твоей сестры[10], которая теперь шасть за Казань. Василий Иванович за столом вспомнил о том, что теперь он должен один благословить свою дочь; что Татьяны Иван<овны>[11] уже нет на свете, и заплакал. Гости были тоже тронуты. В другом письме маминька говорит, что виделась не так давно с Васил<и>ем Иванов<ичем> и что он спрашивал у нее, не пишу ли я тебе и не знаю ли я, где ты. Что он совершенно не имеет о тебе никаких слухов и не получает от тебя никаких писем и что он просит меня узнать, где ты. Маминька упомянула тоже мимоходом о твоих братьях[12], что они оба живут в Семереньках, очень плохи здоровьем, часто болеют и не были уж очень давно у нее по причине болезни. <...> ...Ты меня спрашиваешь, какой я дам ответ насчет предложения Василья Прокоповича[13]. Я уже отвечал ему[14], что не могу им воспользов<аться>, потому что подобное предложение было сделано мне раньше Погодиным, а так как я ему должен две тысячи[15] слишком, то я представил ему в совершенное распоряж<ение> все полученные от этого доходы. Чуть было не позабыл одно для тебя очень важное открытие. Удивительное производят действие на желудок хорошие сушеные фиги. <...> Мне посоветовал италианец, за что его нужно вызолотить».

[1] См. ***1839. Марта 12 <февраля 28>. Вторник. Рим.***

[2] См. ***1839. Марта 6 <февраля 22>. Среда. Рим.***

[3] См. ***1839. Февраля 22 <10>. Пятница. Париж.***

[4] См. также ***1839. Марта 25 <13>. Понедельник. Рим.***

[5] См. ***1829. Июля 24. Среда. Санкт-Петербург***; ***1832. Марта 10. Четверг. Санкт-Петербург.*** – См. также ***1832. Декабря 20. Вторник. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1836 ноября начало <октября вторая половина> – 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж.***

[7] В 1840 г. Данилевский, посетив мать Гоголя, 27 января сообщал М. П. Погодину: «Экономические дела Гоголевой матери не так плохи, как он себе воображает» (см. ***1840. Января 27. Суббота. Семереньки***).

[8] В. И. Шенрок, комментируя эти строки, замечал: «По сведениям, собранным мною, Гоголь в это время был страшно расстроен и озабочен дурным ходом домашних дел» (Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 520).

[9] В. И. Черныш, отчим Данилевского.

[10] Анна или Варвара Семеновна Данилевская.

[11] Мать Данилевского умерла 26 марта 1838 г. (см. ***1838. Марта 26 <апреля 7>. Лазарева суббота. С. Семереньки Полтавской губернии***).

[12] Иван и Елисей.

[13] По всей вероятности, предложение взять на себя второе издание «Ревизора».

[14] Письмо не сохранилось.

[15] См. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим.***

МАРТА 8 <ФЕВРАЛЯ 24>. ПЯТНИЦА. РИМ

Рано утром в Рим приехал М. П. Погодин с женой. Снял с помощью С. П. Шевырева квартиру на четыре дня, получил записку от Гоголя, посетил его и совершил с ним первую прогулку по Риму.

В своей записке Гоголь писал: «Посылаю тебе подателя сей записки для принятия твоего чемодана и ожидаю вас для распития русского чаю».

Погодин в дневнике отметил: «*8 <марта (н. ст.) 1839 г.>*. Прекрасное утро. Чувство приближения к Риму. Опасности, кажется, миновались. Слава Богу. Соверш<енная> пустыня, по большей

части бесплодная, похоже на Моск<овскую> дорогу в Петерб<ург>. – Даже для станций по дому одному. Конд<уктор> показал издали купол Св. Петра. – Поклонился. – В таможню. – 2 паола. – С вещами искать квартиру. В пос<ольство>, узнал, где Шев<ырев>, и к нему. Обрадов<ался>. Нашли прехорошеньку<ю>, и наняли пока на 4 дня[1]. К Гоголю. Новая радость. Он здоров и свеж. В Хр<ам> Св. Петра, произвел, как обыкновенно, впечатление сна<чала> несильное. – Величина его более познается <?> расчетом, нежели непосредственным чувством. Но чудо. Прошли мимо Тибра и креп<ости> Св. Ангела. Какие имена. Не верится, что в Риме. Пообед<али>. Ввечеру к Шев<ыреву>. Об унив<ерситете>. План обозре<ния> Рима»[2].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин сообщал также о своем прибытии в Рим в 1839 г.: «Дилижанс едет. Рассветает. <...> Я упросил кондуктора взять меня к себе, на перед, чтоб смотреть удобнее вокруг, и поймать первую точку вечного города, как она мелькнет на горизонте. Места пустые, совершенно бесплодные, начались верст за сорок до Рима. Не видать ни одного дерева. Кое-где торчит скудный кустишко. Зелени нет. Вся земля как будто выжжена. Никакого жилья. На станциях только по дому для почтальонов и конюшни. Здесь господствует Malaria, зловредный воздух. Рим стоит, как оазис, окруженный им со всех сторон. <...> ...Вот подъезжаем к воротам, porta del Popolo. В Риме мы, в Риме! За воротами открылась прекрасная площадь – обелиск, львы, фонтаны; налево виден какой-то всход – на Monte Pincio (первое гулянье города, устроенное Наполеоном), большими уступами, с великолепными лестницами, колоннадами и статуями. Кругом кипарисы.

Едем по длинной улице, не очень узкой, между двумя линиями высоких домов, не пахнущих однако древностию. Что это за улица? Corso, первая в городе, т. е. в новом городе, а старой[3] в другой стороне. <...> Поворачиваем направо, – площадь с огромною колонною. Какая колонна? *Colonna Antonina,* Антонинова, т. е. Марка Аврелия Антонина, а на вершине ее стоит Св. Апостол Павел.

Здесь почта, и дилижанс останавливается, но надо ехать еще в таможню.

Одиннадцать высочайших древних колонн с архитравом и фризом подставились нашим взорам: они вставлены в новое здание, или, вернее, здание поставлено между колоннами. На дворе кое-где в стенах видишь огромные каменные брусья, или, лучше сказать, глыбы, которые поступили из древней клади в новую. Здесь был храм благочестивого Антонина. Ах, какое нетерпение брало меня, пока разбирали вещи. Наконец кое-как мы разделались, истратив рубля с два.

Отыскал Ш<евырева> и Г<оголя>. Нашли прехорошенькую квартирку, на четыре дня. <...> Квартиры здесь теперь дороги, потому что иностранцы наезжают отовсюду к Святой и Страстной неделе. –

Г<оголь> потащил меня тотчас в *Храм Св. Петра.* Вот мост Св. Ангела, вот Тибр, (Тибр!), вот мавзолей Адрианов, вот и площадь Св. Петра с Сикстовым обелиском.

Вхожу в церковь, и хожу как сумасшедший. Где я, где я? Г<оголь> поставил меня у одного простенка и спросил:

– Видишь ли, напротив, этих мраморных ангельчиков над чашею?

– Вижу – ну, что же?

– Велики они?

– Что за велики – маленькие.

– Обернись-ка.

Я обернулся, и увидел перед собою, под пару к тем, маленьким, двух почти колоссальных. Вот какова церковь!

Потом повел он меня по линии всей окружности. Шел, шел, несколько раз останавливался отдыхать, насилу обошел! Что за пространство!

В средине сход вниз, огороженный перилами, в подземную часовню с мощами Св. Апостола Петра, пред коею горят неугасимые лампады, в два ряда, кажется до ста. Не докинешь взгляда оттуда до вершины купола. По нижнему обручу купола, колоссальными буквами написан текст Евангелия: *ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь, и врата адова не оделают и.* Как счастливо прибран этот текст, сказанный именно как будто для этого храма.

Я не смотрел по сторонам, а только ходил в недоумении по этому первому храму Христианства.

Домой потащился уже совершенно изнеможенный. Вечером сходил к Ш<евыреву>. <...> Наметили исчисление предметов, кои надо осмотреть здесь.

Решили расположить осмотры по погоде: хорошие дни надо употреблять на пешеходные путешествия, для развалин; ненастные дождливые — для картинных галлерей и церквей. Окрестности и виллы оставить до последних дней, т. е. весенних, когда они явятся в полном своем блеске и убранстве»[4].

В 1855 г., в наброске воспоминаний о Гоголе, Погодин замечал: «1839 г. в Риме вместе жили[5]. Первые впечатления отрицат<ельные>»[6].

В том же году Погодин сообщал о себе в третьем лице: «В Риме прожил месяц на квартире у Гоголя, который, вместе с Шевыревым, и показал Погодину все его достопамятности. Ни один город не производил на него никогда такого впечатления, как Рим»[7].

В своих мемуарах «Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году» (1865) Погодин также сообщал: «В марте приехал я в Рим. Там жил уже два года Шевырев, получивший отпуск для восстановления здоровья, которое расстроилось пятилетними неусыпными трудами в университете. Там водворился и Гоголь, бежавший из Петербурга после разных неудовольствий и досад при представлении и напечатании “Ревизора”. Я тотчас отправился отыскивать его.

Он жил в Via Felice, <№ 126>, нашего centum venti sie, в четвертом этаже. Взобравшись к нему по широкой лестнице, отворяю дверь и в эту самую минуту — вижу — он из окна выплескивает что-то на улицу из огромного сосуда, целым потоком[8]. Я так и обмер. “Помилуй, что ты делаешь?” — “На счастливого”, — отвечает он пресерьезно, бросаясь меня обнимать. Разумеется, увидя [такую патриархальность] [такую бесцеремонность] такую простоту нравов, я никогда уж не ходил в Риме около домов, чтобы не быть окачену или осчастливлену подобным счастьем, а выбирал всегда дорогу по средине улицы.

Гоголь управлял совершенно домом, где жил, известный под именем Signore Nicolo: назначил тотчас помещение мне с женою подле своей комнаты, через темную залу, и предписал хозяину условия, против которых тот не осмеливался произнести ни одного слова, приговаривая только вполголоса, с низкими поклонами: “Si, signore, si, signore!”

Первою заботою Гоголь почел устроить утреннее чаепитие. Запас отличного чаю у него никогда не переводился, но главным делом для него было набирать различные печенья к чаю. И где он отыскивал всякие крендельки, булочки, сухарики, — это уже только знал он, и никто более. Всякий день являлось что-нибудь новое, которое он давал сперва всем отведывать, и очень был рад, если кто находил по вкусу и одобрял выбор какою-нибудь особенною фразою. Ничем более нельзя было сделать ему удовольствия.

У самого папы и кардинала Ламбрускини, который управлял тогда его двором, не бывало, думаю, такого богатого и вкусного завтрака, как у нас. Действие начиналось так. Приносился черномазою, косматою Нанною[9], — в роде описанных в его превосходном отрывке “Рим”, — ужасной величины медный чайник с кипяченою водою. Гоголь обыкновенно начинал ругать Нанну за то и за другое, почему приносит она поздно, почему не вычистила ручки, не отерла дна и проч., и проч.; та с криком оправдывалась, а он доказывал, с разными характеристическими пантомимами с обеих сторон. Целая драма[10]! “Да полно! — заключал я обыкновенно. — Вода простынет!” Гоголь опомнивается, и начинаются наливанья, разливанья, смакованья, подчиванья и облизыванья. Ближе часа никогда нельзя было управиться с чаем. “Довольно, довольно, пора идти!” — “Погодите, погодите, успеем. Еще по чашечке, а вот эти дьяволенки, — отведайте, — какие вкусные! Просто — икра зернистая, конфекты!”

Всякой день выход был решаем уже после многих толков и споров. План осмотров написал для меня Шевырев. Он помог и Гоголю на первых порах познакомиться с Римом, который известен был Шевыреву как свои пять пальцев, как нам, москвичам, известен Кремль или петербуржцам Невский проспект. Шевырев перечел все исследования, проверил, изучил все мнения и споры, по источникам и по натуре, еще в первое свое там пребывание и, приехав в другой раз, только что

дополнил и освежил их, и сделался отличным cicerone[11], не уступая никакому Нибби. Но Гоголю непременно хотелось делать всегда что-нибудь по-своему. Шевырев дорожил более всего точностию, порядком, полнотою, а Гоголь хотел удивлять сюрпризами, чтоб никто не знал заранее ничего. Шевыреву принадлежала наука и знания, Гоголю – воображение и оригинальность, которая не оставляла его ни в чем, в важных делах, как и <в> мелочах. Он выбирал время, час, погоду, – светит ли солнце, или пасмурно на дворе, и множество других обстоятельств, чтоб показать нынче то, а не это, а завтра – наоборот. Привел, например, он нас в первый раз в храм св. Петра, и вот как вздумал дать понятие об огромности здания. "Зажмурь глаза!" – сказал он мне в дверях и повел меня за руку. Остановились спиною к простенку. "Открой глаза! Ну, видишь, напротив, мраморных ангельчиков под чашею?" – "Вижу". – "Каковы, – велики? Ну, так оборотись". Я оборотился к простенку, у которого стоял, и увидел перед собою, под пару к ним, двух, почти колоссальных. Так велико между ними расстояние в промежутке: огромные фигуры издали кажутся только посредственными. Читатели могут быть уверены, что я помню Крыловского путешественника и рассказ его[12] о Римских огурцах»[13].

В «Воспоминании о С. П. Шевыреве» (1869) Погодин также замечал: «В Риме я нашел Шевырева в 1839 году за книгами, рисунками и тетрадями, и провел целый месяц вместе с ним, Гоголем и Ивановым. Они познакомили меня с Римом и окрестностями»[14].

[1] См. ***1839. Марта 12 <февраля 28>. Вторник.***

[2] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф.* // *Свод.* Т. 2. С. 424.

[3] Т. е. старый город.

[4] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 429–431.

[5] Погодин пробыл в Риме вместе с Гоголем с 8 марта по 9 апреля (н. ст.) 1839 г.

[6] *Погодин М. П.* <Набросок воспоминаний о Гоголе> // *Свод.* Т. 2. С. 520.

[7] <*Погодин М. П.*> Погодин, Михаил Петрович... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855. Ч. 2. С. 259.

[8] См. также ***1839. Марта 13 <1>. Среда. Рим.***

[9] Вероятно, имеется в виду Аннунциата Костантини, римлянка 39 лет, жена табачника Джузеппе Спатти из Феррары, 43 лет; с двумя детьми они проживали на пятом этаже того же дома, где снимал квартиру Гоголь (см. ***1837 ноября не позднее 30 <не позднее 18> – 1838 июля начало <июня вторая половина>. Рим***). – См. также ***1841. Мая 9 <апреля 27>. Воскресенье. Рим.***

[10] Описание М. П. Погодина отчасти напоминает известную лишь в пересказе повесть «Прачка», приписываемую Гоголю (см. ***1833. Первая половина года. Санкт-Петербург***).

[11] Проводник, гид (*ит.*).

[12] Имеются в виду строки басни И. А. Крылова «Лжец» (1812): «Вот в Риме, например, я видел огурец: / Ах, мой Творец / И по сию не вспомнюсь пору! / Поверишь ли? Ну, право, был он с гору!»

[13] *Погодин М. П.* Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году // *Свод.* Т. 2. С. 466–467.

[14] *Погодин М. П.* Воспоминание о С. П. Шевыреве // *Свод.* Т. 2. С. 471.

МАРТА 9 <ФЕВРАЛЯ 25>. СУББОТА. РИМ

М. П. Погодин записал в дневнике:

«*9 <марта (н. ст.) 1839 г.>*. Капитолий, древние Фивы, в земле. Колонны. Арка Септ<имия> Севера. Остатки храмов. Форум. Храм Антон<ина> и Фавсти<ны>. Сады Цезаря. Крестильница Конста<нтинова>. Колизей. Очаровательно, упоительно. Как все хорошо, все к лицу, и птички поющие, и часовенка с изображением Страстей Христовых, и простой крест посредине, к которому приложился при мне один проходящий (а другой молился пред ветхою часовней), и плющ, и цветы. Не знаешь, что он лучше – выстроен или разрушен. Когда я смотрел на Форум, все казалось мне каким-то накладным, призрач<ным>, под которым явится древнее. Оно ничуть не мешало. Напротив, еще была пища воображ<ению>, сильнее впечатление. Рим был велик, и что же стало? Урок. Не здесь видно величие. Урок подобный Наполеону. <...> Но Гоголь пусть живет здесь, пока ему живется сладко, пусть набирается хоть впечатлений, которые рано или поздно дадут плод. На

месте Форума свозили сор, выросли сады, и откопан недавно. Но что бы Евр<опейским> Государям скинуться на конгрессе по миллиону, чтоб восстановить хоть Форум Рима. Стена какая-то из времени республики. Квиринальская гора. Прогулялись по Монте Пинчио. Вид на Рим. Чудно должно быть летом. Домик Рафаэлев, расположенный им самим с его фресками. – Обед у...[1] Итал<ьянский> аббат лет 50. Французск<ий> мальчик лет 13, пришел, спросил бифстекс, расположился как большой и рассказы<вал> о Наполеоне. Что он говорил о Понятов<ском>, как Мармон изменил при Ватерло, зола вместо пороху, уморительно. Нап<олеон> пошел на Москву, но Русс<кие> изменили, сожгли, и ему стало нельзя и проч. А те все слушали, разиня рот. Ну что будет из него чрез 5 лет. И теперь он говорит уже с каким самодовольствием! – Устроили, кажется, дешевенькую квартирку. На почту за письмами, к банкиру. А в Риме, уже видно, что почти можно решительно уехать тотчас, если нельзя остаться год. <...> Покупать книги и естампы можно. – Гоголь смешон, удивителен и любезен»[2].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: «*9 <марта (н. ст.) 1839>*. Напились кофию в Cafe nuovo. Огромные залы, уставленные маленькими столиками, по большей части мраморными, за коими сидит множество народу в шляпах, и между коими бегает без памяти, шныряет, человек десять камерьеров или прислужников, по беспрерывным вызовам: una tazza di cafe, una tazza d'aurore, del pane[3]. Я никак не могу привыкнуть к западному обычаю, и входя всегда снимаю шляпу, на что все присутствующие тотчас обращают внимание.

Кофей, разносимый в особых крошечных кофейниках, очень дурен. Молоко козье еще хуже. – Г<оголь> повел меня смотреть Рим. Я боюсь как-то приступить к осмотрам, не могу собраться с духом, не смею.

– Что же ты покажешь мне нынче? – спросил я своего любезного чичероне.

– Подожди, узнаешь – пойдем.

Пошли молча по Корсо. Потом поворотили в переулок. Беспрестанно встречаются духовные в разных одеяниях: Капуцины в песочных, верблюжьих мантиях, подпоясанные ремнем, без шляп, остриженные; Прелаты в лиловых чулках; молодые монахи, в круглых черных шляпах и длинных домино. Всего смешнее маленькие мальчики, которые расхаживают в таких же костюмах, как и большие – в круглых шляпах, в черных однобортных кафтанах, чулках и башмаках, с книгами под мышкою. Это дети, предназначенные в духовное звание. Они заранее уже надевают монашеское платье, но шалят и резвятся на улицах, разумеется, как и прочие дети. Кардиналы ездят в каретах с лакеями в красных ливреях. Сделали несколько оборотов. Перед нами открылась вдали широкая каменная лестница, наверху, по бокам ее, два огромные коня, которых под уздцы держали всадники. За нею на площади конная статуя. В глуби какое-то обширное здание, с высокою каланчою.

– Ну, видишь молодцов? – спросил мой чудак.

– Вижу, да что же это такое?

– Хороши?

Между тем мы приблизились.

– Это древние статуи Диоскуров из театра Помпеева. А это Марк Аврелий на коне. А это Капитолий!

Капитолий! Можно ошеломиться от такого громового слова. «Капитолий!» – повторял я, смотря во все глаза[4].

– Ну полно, – сказал Г<оголь>, – пойдем дальше, древность увидишь ты с той стороны, – здание налево Museo Capitolino, где хранятся сокровища искусства, тут древние бюсты великих мужей Греции и Рима, бюсты Императоров, умирающий Гладиатор, и мало ли что! Направо картинная галлерея, очень богатая, и памятники новым великим людям Италии. Все эти здания воздвигнуты Микель-Анджелом в правление Павла III. За ними полагают скалу Тарпейскую.

Мы обогнули здание с левой стороны. В основании его, с боку, лежат остатки древнего Капитолия: огромные глыбы дикого камня, из коих складывались Римские здания. Страх посмотреть! Вот комментарий на устройство Латинского периода, и Римской Истории. Вот твердость, важность, величие!

Но что представилось глазам моим, как мы вышли на другую сторону Капитолия: древние колонны, ворота, храмы, притворы, сени, в священных развалинах: это арка Септимия Севера, это

храм Антонина и Фавстины, Курия Гостилия, это Кастор и Полукс, там дворец Августов, Калигулин, Неронов. Здесь forum Romanum maximum. Далее развалины базилики Константиновой, – а там вдали, вдали Колизей. Я совершенно обезумел. Глаза перебегали от одного предмета к другому. Долго не хотелось сдвинуться с места.

Перед Капитолием пространство, на котором, со времени Французов, производятся поиски, окружено со всех сторон перилами. Оно выкопано вглубь сажени на три. Долго, долго стоял я на этой знаменитой *Площади (forum Romanum maximum)*, где столько веков решались дела Рима, дела царств, народов, всей вселенной, orbis terrarum, по выражению Цицерона. Пусто и тихо. Оно называется теперь коровьим полем, campo vaccino, потому что сюда в Средние века пригоняли коров для продажи. Лет сот пять свозили сюда сор со всего нового города, и засыпали им все храмы Минерве, Аполлону и самому Юпитеру. Такие горы были этой дряни, одна на другую навоженные, что все древнее погреблося, и теперь с великим трудом мало-помалу откапывается и открывается!

Боже мой! что же значит эта человеческая твердость, что значит эта человеческая слава, которою так надмеваются люди? Эти каменные глыбы домов, и слов, и действий – которым я сейчас удивлялся, пыль и прах! Поднялся вихорь, и разметал все, и ничего не осталось. –

Здесь, здесь именно, да разве еще на острове Св. Елены, можно из глубины сердца воскликнуть с Соломоном: суета сует, и всяческая суета! Что сказал бы Цицерон, Помпей, Цезарь, если б предрекли им эту судьбу Рима! Люди, люди, приходите сюда удостоверяться в бренности вашего естества, тщете всех ваших предприятий и замыслов. Если Рим так упал, кто же из вас может надеяться на свою силу, крепость и твердость? И на какую силу можно надеяться? Упал – этого мало, утонул в тине, в грязи; подвергся, гордый, такому уничижению, такому позору всесветному! Не знаешь, была ль выше его слава, или глубже падение? О какой урок, какой урок, если кто умеет им воспользоваться! Величие, видно, не на земле.

Народ шатался между развалинами, с мелкими своими нуждами, с заботою о насущном хлебе, об ежедневных делах, не думая нисколько о Риме, ни о міре. Впрочем я свободно мог, когда хотел, отделять их накладные фигуры, сдувать их мимоходящие призраки, и видеть пред собою одну древнюю основу; они не мешали моим размышлениям, напротив – они дополняли картину, представляя мне вживе нашу пустую суетность, и тщету ее.

Г<оголь> потащил меня дальше, мимо развалин храмов с одной стороны, и огородов, пустырей с другой, взгроможденных на развалинах чертогов Цезарей. Открывается *Колизей.*

Что это за здание – целое Царство! Около 200 сажень в окружности, в четыре яруса, с окнами одно над другим. Толстота стен необъятная! Какие обширные коридоры, просторные прилавки. Здесь помещалось 110 тысяч зрителей, из коих 90 тыс<яч> сидело. Основание открыто из-под земли, аршин на шесть, и теперь окопано вокруг.

Как хорошо разрушился Колизей! Где обвалилась стена, где упал свод над окнами, где отстали карнизы. Даже нельзя жалеть, что он не сохранился в целости. Неужели целый он был лучше![5]

Мы вошли во внутренность. Посредине, на небольшом дерновом возвышении, стоит простой деревянный крест с изображением распятого Господа. Мы прилегли у подножия. День был прекрасный. Солнце сияло во всем своем блеске, разливая какую-то сладостную животворящую теплоту в воздухе. Тишина восхитительная, упоительная. Только птички перепархивали в сквозных окошках и пели так приятно, так беззаботно, так весело! А как расстилается плющ по этим развалинам, какими живописными узорами изукрашает он обвалившиеся стены, раскрытые переходы, полуразрушенные лестницы, и что за разнообразие! Здесь лежит он густыми кучами, там висит длинными гирляндами, а какая зелень свежая, яркая, кое-где мелькают весенние цветочки.

Во внутренней окружности расположено двенадцать смиренных часовенек с образами Страстей Христовых. Прохожий какой-то старик прикладывается к ним. Другой подошел к нашему кресту и молится. Давно не чувствовал я такого наслаждения. Что за спокойствие было на сердце, оно как будто почивало на небе. Как все хорошо это – и небо, и воздух, и этот плющ, и птички, и прохожие, и часовни, и этот смиренный крест, под который прилегло нас двое пришельцев с холодного, дальнего Севера, в глубоком размышлении. Как разителен он здесь, посредине сего здания, на месте боев гладиаторских со львами и тиграми, где лилась потешная кровь, и сто тысяч зрителей рукоплескали победителям.

Не вышел бы отсюда! Ах, если б приехать сюда и пожить подолее! “Оставайся, брат, здесь, – сказал я Г<оголю>, – пока тебе сладко. Не имею духа звать тебя отсюда, и понимаю, что ты мог зажиться. Твои теперешние впечатления принесут отечеству плод сторицею”.

Ночью, при свете месяца, Колизей представляет новое очарование.

Прошлись опять по Форуму. Ну, что бы на каком-нибудь конгрессе скинуться Европейским Государям по миллиону, дабы окопать весь Форум, и восстановить его сколько можно.

Воротились домой чрез Квиринальскую гору, на которой стоят колоссальные *Диоскуры*, мнимой работы Фидия и Праксителя, а между ними обелиск.

Обедали на Piazza di Spagna, где притон всех иностранцев, в небольшой гостиннице. За столом сидел Италианский Аббат лет 50, кажется, весельчак, который радовался всякому случаю посмеяться от души. Пришел молоденький Француз, лет 14-ти, и сел подле него, спросил смело бифстексу, расположился как большой, и начал рассказывать о Наполеоне: как Русские изменили ему, сожгли Москву, и он должен был оставить ее, как Мармон предал его при Ватерло (где и не был), раздав солдатам золы вместо пороха, как Понятовский женился после Лейпцига, и проч. и проч. Аббат и прочие Италианцы слушали его с подобострастием, а я едва удерживался от смеха: откуда он взял такие нелепицы? Что за депутат будет из него лет чрез пять или десять, если он теперь решает все так храбро!

После обеда по аллее вечнозеленых дубов мимо виллы Медичи, которую занимает теперь Французская Академия Художеств, на *Монте Пинчио*: здесь первая прогулка Римская.

Скажу два слова о *вилле Медичи*. Местоположение ее удивительное. Весь Рим перед глазами. Французы приобрели этот лучший дом в Риме для своих художников в эпоху своего владычества здесь в 90 годах. С *Монте Пинчио* вид также прекрасный. Что за прелесть должна быть в полном цвете весны! А теперь деревья все еще не распустились, кроме немногих.

Англичане рисуются верхами и в великолепных колясках. Италианцев не видать».

Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 431–433.

[1] Оставлен пробел для одного слова.

[2] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф.* // *Свод.* Т. 2. С. 424.

[3] Чашку кофе... хлеба (*ит.*).

[4] В своих мемуарах «Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году» (1865) Погодин также сообщал: «В другой раз повел он нас молча, Бог знает, по каким переулкам и, кажется, нарочно выбирал самые дурные и кривые, чтоб пройти как можно дальше и неудобнее. Конца, кажется, не было этому лабиринту. “Да куда же ты ведешь нас?” – спросил я его с нетерпением. – “Молчи, – отвечал он с досадою, погруженный как будто в размышление, – узнаешь после”. Наконец, мы выходим на площадь. Перед нами открылась вдали широкая каменная лестница, наверху по бокам ее два огромные коня, которых под уздцы держали всадники. За нею на площади конная статуя. В глуби обширное здание с высокою каланчою. – “Ну, видишь молодцов?” – спросил мой чудак. – “Вижу. Да что же это такое?” – “Хороши”. – Между тем мы приблизились. – “Это древние статуи Диоскуров, из театра Помпеева. А это Марк Аврелий на коне. А это Капитолий!” Капитолий, – можно себе представить, какое впечатление производило такое полновесное слово» (*Погодин М. П.* Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году // *Свод.* Т. 2. С. 467).

[5] Ср. описание сада Плюшкина в шестой главе первого тома «Мертвых душ»: «...все было хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда они соединятся вместе, когда по нагроможденному, часто без толку, труду человека пройдет окончательным резцом своим природа, облегчит тяжелые массы, уничтожит грубо-ощутительную правильность и нищенские прорехи, сквозь которые проглядывает нескрытый, нагой план, и даст чудную теплоту всему, что создалось в хладе размеренной чистоты и опрятности».

МАРТА 10 <ФЕВРАЛЯ 26>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

М. П. Погодин записал в дневнике:

«*10 <марта (н. ст.) 1839 г.>*. Чай у Гоголя. Бруни и Рихтер. Зачем сказались, что в грех. Мария Маджиоре. Огромна. – Прекрасна дорога к Латер<анской церкви>. – Прелестный вид – водо-

проводы, годы, плющи, лужайки и церковь. – Тишина упоительная. – Можно прекрасно представить 12 Апостолов, огромные статуи. Ужасные орудия смерти. Сверху – минута призвания. Остатки дворца Констант<инова> с тоненьк<ими> резными[1] колоннами, рассыпаны остатки древности. Крестильница Константина от Сильвестра. Мраморы. <...> На Форум. <...> Место, где решали<сь> дела вселенной – туда свозилась всякая гадость. Неужели здесь нет великого урока? Ни один город не производит таких впечатлений – здесь все особенное. – На форум Троянов. – Церковь Апостолов <с> памятниками Кановы. – Маленькая нищая. – В Лутере, видно, не было ни на грош чувство образовано, <*1 нрзб.*>. – Он не вида<л> в Риме ничего, кроме разврат<ных> попов, и пошел против него. – Обед, и с Соб<олевским>[2] о 1 руб. – С Лизой. – Отделались от учит<еля>, хоть и совестно. – Гог<оль> читал Мадон<н>а degli fiori[3]. – Ввечеру Ш<е>в<ырев>, кот<орый> рассказал мне историч<еские> подроб<ности> о Колизее. Жаль, что он болен. О живописи, о Жук<овском>, об универс<итете> и образованной неволе. Письмо Демидова к Гоголю»[4].

В тот же день, 10 марта (н. ст.) 1839 г., Гоголь отвечал П. Н. Демидову (письмо Демидова к Гоголю не сохранилось):

«Милостивый государь, Павел Николаевич! Мое сожаление на мои неудачи вас видеть так велико, что я решил писать к вам. Нет, во что бы то ни стало, но я должен вас видеть. Впечатление, оставленное вами в моем сердце, слишком приятно и сильно, чтоб от этого отказаться. <...> Я терпел в жизни строгую нужду, не был богат и не имел никаких связей, но умел гордо презирать одно и не искать другого. Не зная еще ваших достоинств личных, я вас почитал по имени, которое слилось с народностию и Россиею и осталось с ними нераздельным с вашим подвигом для просвещения; но никогда бы я не приблизился к вам. Ваше богатство стояло передо мною рубежом, как вдруг ваш раздавшийся голос и ваше полное великодушия предстательство о мне[5], вам неизвестном, внимание к малой крупице моего таланта – всё это меня тронуло сильно. Это уже вам известно. Это было одним из приятнейших моих воспоминаний, какие только вывез с собою из России. Но, признаюсь, я убегал старательно встречи с вами. Мне не хотелось, чтобы вы переменили обо мне ваше доброе мнение. Мы обыкновенно воображаем видеть писателя чем-то более обыкновенного человека, стало быть, чем-то более, чем он есть, и увидевши пошлую, даже слишком обыкновенную его фигуру, мы никак не можем соединить с ней то лицо, которое нам представлялось в мыслях. Вот почему мне не хотелось, чтобы вы меня когда-либо увидали, хотя очень хотел вас увидеть. Но теперь, когда мне удалось услышать лично из уст ваших просвещенный образ ваших суждений и глубокое знание России, редкое в государственном человеке, и ваш твердый, верный взгляд на вещи и ваши мнения, когда всё это удалось, говорю, услышать, неужели я буду так глуп, что не постараюсь ими воспользоваться? Нет, вы для меня клад, – я теперь привязан к вам собственным своим интересом. Я вас увижу; этого мало: я, по старой авторской наглости, поймаю пальцем петлю вашего кафтана и заставлю вас выслушать четыре, пять огромных листов и добьюсь вашего суждения, которое для меня дорого, и это неизбежно, как судьба. Вам только остается заранее и добровольно согласиться и назначить час, когда я, не помешав вам в занятиях, могу иметь это счастие»[6].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал:

«10 <марта (н. ст.) 1839>. Г<оголь> повел нас к Марии Maggiore и Иоанну Латеранскому.

Мария Маджиоре, это одна из главных церквей в Риме, или лучше базилик, гробницею знаменитейшего Папы, Сикста V, который более всех сделал добра Риму. Первоначально она основана в 352–384 г. Потолок, вызолоченный первым золотом, полученным из Америки[7]. Карл прислал его в дар Александру V <VI>. О мраморе, ясписе, бронзе я говорить не буду.

Дорога тянется отсюда прямою линией, и усажена деревьями, которые розовыми своими цветочками разливают благоухание. Что будет, как они распустятся совершенно, и осыплются еще синими цветочками вместе с розовыми. Приятнейшая прогулка!

Иоанн Латеранский. Это первая Христианская церковь, по своей древности, Mater et Caput ecclesiarum, после Св. Петра самая великолепная, принадлежит преимущественно Папе, который, немедленно по своем избрании, с торжеством принимает ее во владение. Впрочем, она горела и разрушалась несколько раз. Древнего осталось одно место. До 14 столетия здесь погребались Папы.

Войдете, и видите перед собою во всю длину церкви, по нишам, в значительном между собою расстоянии, колоссальные статуи двенадцати Апостолов из чистейшего мрамора. Каждый Апостол несет в руках орудие своей смерти. Вверху над ними изображение минуты его призвания. Вдали пред олтарем Сам Иисус Христос, к Которому они как будто сходятся, верные Его Слову. Действие разительное! Основатель Христианской Религии с Своими Учениками. Статуи не отличаются простотою, но прежде чем рассмотреть их порознь, они произвели уже впечатление.

Об изображении Христа говорят, что оно первое показанное Римскому народу Папою Сильвестром Сакристи с дверями 1194 года.

К Собору примыкают остатки *дворца Константинова,* – с его тоненькими витыми колоннами, и разными обломками, кои теперь бережно собираются и располагаются по приличию. Над крестильницею, где Константин, как говорит предание, принял Св. Крещение от Папы Сильвестра, ныне устроена особая церковь, осьмиугольная, уже совершенно в новом вкусе. Здесь Папы крестили прежде в Страстную Субботу, а ныне крестят Жидов и проч.

Так и пашет отовсюду древностию, а сколько ее еще подновлено. Какие имена раздаются беспрестанно в ушах! Оставя дворец, мы перешли дорогу, и сели на паперти у соседней церкви. Вид очаровательный. Между Собором и церковью простирается луговина, покрытая травою, точно как будто в какой-нибудь деревне. Следу не видать на траве, кроме проезжей дороги. Вдали тянется бесконечная колоннада *водопроводов,* которым конца, кажется, нет. А на краю горизонта белеют *Сабинские горы.* Тишина и уединение совершенное. Мы пробыли здесь с час в безмолвном созерцании, и в продолжении этого часа проехала одна какая-то тележонка.

Повел жену к Колизею – в профиль новая прекрасная картина. <...>

Обедал в Scalinata и встретили московского знакомца, художника С<оболевского>, который приехал сюда на год и живет тринадцатый, не видав, как пролетело время.

Ввечеру были у больного Ш<евырева>, который рассказал нам любопытные подробности об Истории Колизея в продолжение Средних веков, как он переходил из рук в руки между дворянскими фамилиями, и был то лазаретом, то гостинницей, театром для мистерий, крепостью, магазином, общею помойной ямой Рима»[8].

[1] В автографе: «разными».

[2] Андрей Петрович Соболевский (1789–1867), акварельный живописец.

[3] Первоначальное название незавершенного романа Гоголя «Аннунциата» (впоследствии – повесть «Рим. Отрывок»). – См. ***1837. Марта средина <марта начало>. Бра.***

[4] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. Черновой автограф // *Свод.* Т. 2. С. 425.

[5] См. ***1836. Мая между 18 и 21–22. Санкт-Петербург.***

[6] Личное знакомство Гоголя с П. Н. Демидовым состоялось в конце апреля – начале мая (н. ст.) 1839 г. (см. ***1839. Между апреля 20 и мая 3 <апреля между 8 и 21>. Рим***).

[7] Об историко-культурной концепции Гоголя, в которой важное место занимают размышления о роли американского золота в возникновении новейшей европейской цивилизации см.: *Виноградов И. А.* От «Невского проспекта» до «Рима» // *Гоголь 2009–2010.* Т. 3–4. С. 505–570; *Виноградов И. А.* Гоголь – историк и наблюдатель быта. (К истории и психологии «общества потребления») // Н. В. Гоголь и его творческое наследие. Десятые Гоголевские чтения. М., 2010 <2011>. С. 120–127. – Согласно размышлениям Гоголя, началом европейской промышленности послужило золото, вывезенное Испанией из Америки. Английский философ начала XVIII в. Б. Мандевиль, известный своими выводами о необходимости пороков и роскоши для развития ремесел, писал, в частности, что весь мир тогда «стремился работать на Испанию». В результате «золото и серебро <...> сделали все вещи дорогими, а большинство стран Европы – промышленными...» (*Мандевиль Б.* Басня о пчелах. М., 1974. С. 185–186). В конспекте лекций 1835 г. «Древняя Всеобщая История» Гоголь писал: «Золото Перу и Хили <Чили> было основанием новой политики; оно дало новую деятельность, новую жизнь народам и Государствам, возбудив в них страсти, неведомые народам средних веков. – Золото Америки возвысило Испанию, оно же и погубило ее, передав всю промышленность Голландцам и возбудив деятельность Англичан. <...> Такие эпохи если не громом, то по крайне<й> мере следствиями могут сравниться с падением Рима, и тем более, что следствия падения Рима уже исчислены, известны, тогда как следствия вышесказанных происшествий

не кончились даже и до этих пор». М. П. Погодин, в свою очередь, замечал, что «войны Филиппа с Нидерландами и прочие его предприятия против Англии, Франции и Германии, суть каналы для разлития американского золота и серебра по Европе» (Исторические афоризмы *Михаила Погодина*. М., 1836. С. 105). Именно в освещении этого периода европейской истории увидел Гоголь достоинство трудов Погодина: «У него Шварц, Колумб, Лютер, кажется, вонзают взор, шагнувши чрез несколько веков, в нас самих и в события нашего века» (рецензия «Исторические афоризмы Михаила Погодина», 1836). В переведенной под руководством Погодина московскими студентами «Всеобщей истории» К. А. Беттигера (которой пользовался Гоголь при составленнии своих лекций; см. ***1833. Февраля 1. Среда. Санкт-Петербург***; ***1835. Января конец – июля первая половина. Санкт-Петербург; Васильевка***) также говорится: «Огромные суммы денег ежегодно, в особенности после открытия золотых и серебряных рудников Американских, перевозимы были в Европу, так что с 1492–1803 г. не менее 25.000 миллионов рублей Европа получила через море. Как после этого не усилиться промышленности и вместе как не возвыситься было ценам вещей? Образ жизни Европейцев, которые теперь с гордостию считали себя обладателями Нового Света, совершенно изменился; произведения, частию еще неизвестные: чай, фарфор, хина, камфора, красильные растения, табак, шоколад и сотни других вещей сделались потребностию» (Всеобщая История. Гимназический курс. Соч. Эрлангенского Профессора *Беттигера*. М., 1832. С. 235). – См. также ***1841. Июня 10 <мая 29>. Четверг. Рим*** (примечания).

Проблему цивилизации Гоголь осмысляет также как назревающую внутреннюю проблему России. Свидетельством этому (кроме так называемых «петербургских» повестей Гоголя), может, в частности, служить его заметка в записной книжке 1841–1846 гг. «О Пермской губернии»: «Хлеба для губернии недостает. Подвоз его из губерний Вятской, Оренбургской, Тобольской и частию Казанской <...> Горнозаводское дело. Поглощает все другие промышленные занятия <...> Золотинские печки уже в 1823 году дали более 100 пудов золота, а потом до 250 и 300 пуд <...> Все предметы большею частью ввозятся. Оборот капиталов на ввозимые в губернию товары 11 000 000 руб., а вывозится только на 200 000 с небольшим (само собою, не считая металлов). Движение внутренней торговли почти все производится потребностями заводов, которых снабжение обеспечивает (которые снабжает. – *И. В.*) весь юг губернии. Так велико количество рабочих на заводах». Соответствующую запись находим в записной книжке Гоголя 1846–1850 гг. – о содержании предполагаемых бесед: «С Далем о сословиях нынешних обществ и о пролетариях в наших городах. С Бенардаки – как велики средства России и возможность продовольствовать нынешних поедателей всех сортов».

[8] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод*. Т. 2. С. 433–434.

МАРТА 11 <ФЕВРАЛЯ 27>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

М. П. Погодин записал в дневнике:

«*11 <марта (н. ст.) 1839 г.>*. К Шев<ыреву>, к Гог<олю> *<1 нрзб.>*, *<1 нрзб.>*, князю[1], об единстве, которое теперь у всех на *<1 нрзб.>*, об католи<ческих> обрядах, о папск<ой> горд<ости>. – Папа хоть и Христ<ианин>, а все-таки Римлянин гордой. Ему подносят причастие и проч. К Крив<цову> – молодой еще человек. – Домой и к Петру, обошли кругом... <...> На place di Populo. В цер<ковь> с Пентурик<кио>, которому удив<ляется> Гоголь... <...> Домик Рафаэля. Но зачем не соединить с Пинчио. Устали, а до 6 часов трактиры заперты, еще поголодали полчаса»[2].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: «*11 <марта (н. ст.) 1839>*. Как благодарный обыватель, явился к Московскому Градоначальнику, Князю Д. В. Голицыну – говорили о Риме, о духовном единстве, о политических единствах, о гордости Папы, который хотя и Христианин, а все-таки древний Римлянин.

Домой, и отправились вместе с женою к Св. Петру. <...> Церковь Св. Петра убирается теперь разноцветными, алыми и белыми тканями, коими увешаны все стены и столы, так что ничего из-за них не видно: делаются приготовления для торжественного причтения к лику Святых пяти каких-то лиц, прославившихся своими добродетелями. Дело их производится еще по Священным Коллегиям. Говорят, что это убранство вредит много действию целого. – Мне пришло в голову по этому случаю сравнение храма Св. Петра с Россиею. Легко может случиться, что в том или другом углу храма поставится памятник не красивый, не приличный, тот или другой столп загородится, или стена там или здесь попортится, но все эти мелочи пропадают при взгляде на целое, и нисколько не мешают общему эффекту: этого величия нельзя уже ничем унизить: этого изящества нельзя никак обезобразить! Так и у нас[3]. <...>

Взяли фиакр и отправились на *виллу Боргезе*. Прелести другого рода, прелести природы — какая зелень, что за благовоние! рощи, аллеи, какие огромные сенолиственные деревья! Здесь богатейшее собрание древностей, но мы опоздали, дверь пред нами заперлась. Англичане толпами валили с лестницы. Между виллою Боргезе и Монте Пинчио *домик Рафаэля*, расположенный им самим, с его фресками, где он жил и умер. Какие имена, какие воспоминания встречаете вы на всяком шагу! Жаль, что Виллу Боргезе не соединят с Монте Пинчио. Они рядом, а между тем теперь надо делать большой обход, чтоб попасть из одной на другую. И как бы приблизилась к городу эта прекрасная вилла! какая дорога вела бы к ней!

Зашли в церковь S-ta Maria del Popolo. Г<оголь> показывал нам здесь фрески Пентуриккио, ученика Перуджино, которым он вместе с Ж<уковским> удивляется; но я, признаюсь в невежестве, не вижу в них никакого особенного достоинства.

Устали, и проголодались без памяти, а гостинницы все заперты. Надо ждать до шести часов, когда пропоется ave Maria[4]. Обошли лавки с камеями, мозаиками и бусами, которые здесь дешевы до невероятности, — чуть ли не единственное произведение Римской промышленности.

Наконец служба кончилась, и народ толпами бросился в гостинницы, чуть растворились двери. Нынче мы обедали у Лепри. Народа, небогатого, множество: насилу нашли место, хотя пропустили не более пяти минут по отворении дверей. Камерьер италианский — существо особого рода. В белом переднике, а здесь и в белом колпаке, бегает он по комнатам, схватывает на лету заказы, кому maceroni aux gratin[5], кому cervelli frutti[6], кому cefalo con patate[7], кому zuppa inglese[8], кому crostata[9], передает их на кухню, и чрез две-три минуты возвращается, навьюченный блюдами, в руках, под мышками, чуть ли не на ногах, раздает всем, кто что требовал, без ошибки, и немедленно отправляется опять в новое путешествие. Вы кончили обед, подзываете его, и он, с десятками новых заказов в голове, напомнит вам в случае нужды, что вы забыли при исчислении вашего обеда, сочтет вам, не останавливаясь, как пономарь: pasta al brode[10] 4, testa[11] di Mongana 8, Agro dolce[12] di cignale 7, pollastro[13] mezzo 15, crema[14], summa 4 paoli; и получит от вас деньги, даст вам сдачу, положит себе на водку в особый карман, примолвив соразмерно с вашей щедростью: grazie, mille grazie, и проскачет в свою кухню. Память, или навык, проворство — удивительные!»

Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод*. Т. 2. С. 434–435.

[1] Имеется в виду князь Д. В. Голицын.

[2] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф* // *Свод*. Т. 2. С. 425.

[3] Ср. размышление Гоголя о различии «европейских и славянских» воззрений на Россию в статье «Споры»: «Один подошел слишком близко к строению, так что видит одну часть его; другой отошел от него слишком далеко, так что видит весь фасад, но по частям не видит. Разумеется, правды больше на стороне славянистов и восточников, потому что они все-таки видят весь фасад и, стало быть, все-таки говорят о главном, а не о частях. Но и на стороне европистов и западников тоже есть правда, потому что они говорят довольно подробно и отчетливо о той стене, которая стоит перед их глазами; вина их в том только, что из-за карниза, венчающего эту стену, не видится им верхушка всего строения, то есть главы, купола и все, что ни есть в вышине».

[4] Аве Мария — «Богородице Дево, радуйся», христианская молитва.

[5] Макароны в запеканке (*фр.*).

[6] Мозги (*ит.*).

[7] Кефаль с картофелем (*ит.*).

[8] Английский суп (*ит.*).

[9] Фруктовый пирог (*ит.*).

[10] Тесто в отваре (*ит.*).

[11] Голова (*ит.*).

[12] Кисло-сладкий (*ит.*).

[13] Цыпленок (*ит.*).

[14] Крем (*ит.*).

МАРТА 12 <ФЕВРАЛЯ 28>. ВТОРНИК. РИМ

Гоголь пишет ответное письмо матери в Васильевку:

«Ваше письмо от 9 февраля[1] получено мною четыре дни назад[2]. Благодарю вас много за него и за ту любовь, которая дышит в нем. Но вместе <с тем> меня несколько опечалило ваше замечание, что будто я сделал вам упрек насчет некоторых пунктов и в том числе насчет замужества моей старшей сестры <Марии>[3] и проч. и проч. Никогда я не имел никакого права, ни причины упрекать вас. Вы невинны. Вы делали, вы, по крайней мере, желали делать всё для нашего счастия, вы жили, вы существовали для нас. Какой жестокий сын осмелится после этого сделать вам какой-либо упрек? Вы невинны. Виноваты <...> эти заботы, которые лишили нас прежнего <мил>ого, веселого характера... <...> И, вот, между прочим, моя добрая и почтенная маминька, одна из причин, по которой я бы не хотел, чтобы сестры мои другие оставались у нас в деревне. Теперь, увы! вы можете быть несравненно скорее обмануты, чем прежде, хотя вы вовсе этого не думаете. В ваших предположениях насчет будущей участи сестер моих дышит столько материнской нежной любви к ним, какой отыскать редко в ком-либо другом, а доказательство этой любви уже то, что вы даже соглашаетесь на временное отдаление их и разлуку с ними. Да, моя добрая и почтенная маминька, это истина: они в Васильевке не только не сыщут себе партии, но даже могут потерять всё то, что приобрели они воспитанием, могут испортиться, измениться характером, могут... Я трепещу за их участь. Обратите только на то внимание и рассмотрите, где у нас и какое будет общество? что у них и какая будет компания? Притом уже само по себе разумеется, что где четыре сестры и притом еще таких разных характеров, из которых две <Анна и Елисавета> ссорятся между собою и теперь, будучи еще в институте, и вообразите, когда они соберутся и будут жить вместе. Помните, между прочим, что старшая сестра хочет тоже замуж и сколько уже по одному этому поводу между ними могут явиться разных неприятных отношений. Словом, они могут создать у вас в дому такой сумбур, что вам покоя и места не будет. — А о партии для них я вовсе не составил таких идей и больших мечтаний, какие даже, как видно из письма вашего, иногда занимают вас. Нет, моя добрая маминька, довольно если выйдут они за истинно достойных людей с состоянием таким, которое было бы достаточно для спокойной, безбедной жизни. Вы говорите, что знаете недалеко от вас проживающего обыкновенно в Одессе какого-то молодого человека с 260 000 годового дохода, который мог бы быть женихом для Анеты. Это мечта. Об этом нечего и думать. Я тоже знаю многих молодых людей, у которых есть и побольше годового дохода, но из этого никак не следует, чтобы они были женихи для Анет. Будьте уверены, что если бы вы и имели экипаж и, как говорите, удобность прилично одеться и прилично выехать, то это бы ничуть не помогло. Партии составляются между равными, и нужно быть для этого порядочным дураком или слишком оригинальным человеком, чтобы вдруг идти наперекор своим родным, своим выгодам и отношениям в свете и избрать небогатую, неизвестную девушку; или нужно, чтобы для этого девушка была решительно собрание всех совершенств, прелестей и ума, чего натурально не может представить наша Аничка, впрочем добрая девушка, могущая быть хорошею женою. Итак нам нужно, отбросивши всё мечтательное, обратить внимание на действительное. Я не решил еще, где им лучше жить. Лучше, я покамест полагаю, в Москве, — там у меня есть многие приятели и друзья, которые доказали мне на деле истинную приязнь и дружбу; люди с большим умом и образованием, которые могут быть им полезны и советами, и помощью, то есть: докончить их образование не в школе, не в пансионе, но в свете. И вот почему я не хотел, чтобы они провели первый год после своего выпуска в деревне. Пусть они прежде укрепятся совершенно в характере, дадут ему твердость и такт, без которого они не будут счастливы в свете и будут похожи на те былинки, которые колеблются в ту сторону, куда повеет ветром».

Вероятно, в тот же день М. П. Погодин с женой переехал на квартиру Гоголя, заняв соседнюю комнату[4].

После отъезда Погодиных из Рима[5] Гоголь в письме к Погодину от 5 мая (н. ст.) 1839 г. замечал: «Мне до сих пор скучно по тебе. Комната твоя до сих пор еще страшит меня своею пустотою».

В своем дневнике Погодин записал:

«*12 <марта (н. ст.) 1839>*. К Кап<уцинам>, Михаил Гвида Рени. Умир<ающий> Франциск, фреск Домин<икино>. Кладбище из костей. Гал<лерея> Барбери<ни>, Ченчи Гвида и Форнар<ина> Рафа<эля>. Больной сатир Мик<ель>-Андж<ела> и статуя Брута и множ<ество> других. В<олконская> княгиня. К мон<астырю> Св. Григория. Его кресла (древность 1200 лет). Стол. Фрески Гвидо. Андрей Первоз<ванный> рад кресту. Вид чудной. Мимо Климента, где Кирилл.

Вилла кня<гини> прелестна. Аллея воспом<инаний>. <*1 нрзб.*> Венев<итинов> и Рожалин[6], и Пушк<ин>, и Карамзи<н>, и прислужник ее отца. Премилая женщина, но <*1 нрзб.*> противен <*1 нрзб.*>. <...> Обед у н<ее> с Виельг<орским>[7], о Ганем<ане>[8] и проч. Заним<ается> по Итал<ии>»[9].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: «*12 <марта (н. ст.) 1839>*. В *монастырь Капуцинов* смотреть знаменитого *Архангела Михаила* любезного моего Гвида Рени. Что за небесное лицо у Архангела! Там же не менее знаменитый фреск Доминикина – *умирающий Св. Франциск*, у которого в эту минуту только, кажется, вылетел последний вздох. Подземелье, где погребается умирающая братия, состоит из нескольких комнат, убранных их костями. Последний скончавшийся сидит в креслах, до тех пор, как принесется ему на смену новый покойник; тогда он разбирается по костям, кои и поступают на начатые украшения. Что за узоры составляются досужими отшельниками – звезды, цепи, городки, круги, кресты, в самых разнообразных соединениях! Нигде, разумеется, кости человеческие не составляют таких картин, как в этом подземелье Капуцинов[10].

Осматривали галлерею *Барберини*. Какая грация, прелесть, милость, невинность изображаются на лице этой *Цецилии*[11] *Ченчи*, Гвида Рени, в белом одеянии, с белою повязкою на голове. Не отошел бы от этого Ангельского лица. Вот и знаменитая *Форнарина* Рафаэлева, лицо живое, глаза пламенные, но она далека от красоты. Это две главные картины. – Не говорю о прочих. У Барберини же находятся во владении славный больной сатир, Микель-Анджела, статуя Брута, и проч.

Княгиня В<олконская> пригласила есть с нею *в монастырь Св. Григория*, и оттуда к ней на виллу. С благоговением прикоснулся к его столу и седалищу, простому, каменному, которому с лишком 1200 лет. Какая глубокая, достопочтенная древность! Стены в одном из приделов расписаны Гвидом Рени и Доминикино и представляют подвиги Св. Апостола Андрея Первозванного. С какою радостию простирает он свои руки к вожделенному Кресту. Каким святым желанием горит его душа приять муки в угождение своему Великому Учителю и Господу. Жаль, что недостаток времени: перед такою картиною, чтоб рассмотреть ее сочинение, расположение групп, надо простоять часа по два по нескольку раз, а мы едва окинем взглядом в одну минуту.

Вид на Рим с верхней лестницы великолепный: перед глазами в основании картины все развалины, в средине новый город с возвышающимися верхами церквей, и вдали Св. Петр! Разнообразием видов только Москва из всех Европейских городов может состязаться с Римом.

Дорога на виллу шла мимо *церкви Св. Климента*, где почивают мощи бессмертного изобретателя Славянской грамоты, Святого Кирилла.

Вилла Княгини <Волконской> за Иоанном Латеранским прелестна – домик с башенкою, впрочем довольно обширною, по комнате в ярусе, выстроен среди Римской стены и окружен с обеих сторон виноградниками, цветниками и прекрасно устроенными дорожками. Вдали виднеются арки бесконечных водопроводов, поля и горы, а с другой Римская населенная часть города, и Колизей, и Петр. Всего более умилил меня ее садик, посвященный Воспоминаниям. Там под сению кипариса стоит урна в память о нашем незабвенном Димитрие Веневитинове; близь него камень с именем Николая Рожалина, который прожил в Риме три года в доме Княгини, занимаясь классическими языками и Древностями, в дополнение к Теории, изученной им в Минхене, и возвратился наконец в отечество с целью искать места Профессора, но умер на другой день после своего прибытия на пароходе. Жалкая участь! Все бумаги его, между коими были некоторые отдельные сочинения, присланы были в Москву, и сгорели в конторе дилижансов, так что от него не осталось ничего, как будто б и не существовал он на свете.

В особой куще белеется мраморный бюст покойного Императора Александра[12]. Есть древний обломок, посвященный Карамзину, другой Пушкину. Вот два камня в память о старой няне Княгини и служителе ее отца. <...>

Как много чувства, как много ума у нее! Всякой уголок в саду, всякой поворот занят, и как кстати. Где видите вы образ Божией Матери, где древнюю урну, камень, обломок с надписью.

Познакомился с молодым Графом Виел<ь>горским, который занимается у нее в гроте, по предписанию врача пользоваться как можно более свежим воздухом. Рад был удостовериться, что он искренно любит Русскую Историю и обещает полезного делателя. Его простота, естественность меня поразили. Не встречал я человека, до такой степени безыскусственного, и очень удивился, найдя такого в высшем кругу, между воспитанниками Двора»[13].

[1] См. ***1839. Февраля 9 <21>. Четверг. Васильевка.***

[2] См. ***1839. Марта 7 <февраля 23>. Четверг. Рим.***

[3] См. ***1838. Февраля 5 <января 24>. Понедельник. Рим.***

[4] См. ***1839. Марта 8 <февраля 24>. Пятница. Рим; 1839. Марта 25 <13>. Понедельник. Рим.***

[5] См. ***1839. Апреля 9 <марта 28>. Вторник Светлой седмицы. Рим.***

[6] Николай Матвеевич Рожалин (1805–1834), член Общества любомудрия, друг Д. В. Веневитинова. «В июне 1831 г. Р<ожалин>, у которого начался туберкулезный процесс, поехал из Мюнхена в Рим, где он сменил Шевырева в качестве воспитателя сына кн<ягини> З. А. Волконской. Здесь он пробыл три года и первое время поправился» (*Стратен В. В.* Н. М. Рожалин, идеалист 20-х годов XIX в. // Ученые записки высшей школы г. Одессы. 1922. Т. 2. С. 107). Рожалин оказал большое влияние на художника А. А. Иванова, впервые столкнувшегося в его лице с немецкой философией. В письме к председателю Общества поощрения художников П. А. Кикину Иванов рекомендовал Рожалина как «лучшего ученика Тирша и Шеллинга» (*Алпатов М. В.* Александр Андреевич Иванов. Жизнь и творчество: В 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 398). Позднее Иванов, которому было свойственно прислушиваться к мнению «знающих» людей, испытал значительное позитивное влияние Гоголя (подробнее см.: *Виноградов И. А.* Явление картины – Гоголь и Александр Иванов // Наше наследие. 2000. № 54. С. 110–125; *Виноградов И. А.* Н. В. Гоголь и А. А. Иванов. К истории создания картины «Явление Мессии» // *Виноградов 2001.* С. 670–708), но во второй половине 1831 – первой половине 1833 гг., в начальный период работы над картиной «Явление Мессии», в размышлениях художника было чрезвычайно много невразумительного, подчас еретического, что прямо объясняется его общением с «любомудром» Рожалиным, приехавшим в Рим из Мюнхена после слушания лекций немецких профессоров. Осенью 1833 г. Рожалин отправился из Рима в Россию, где вскоре умер.

[7] Имеется в виду больной граф И. М. Виельгорский.

[8] Самуэль Ганеман (1755–1843), немецкий врач, основатель гомеопатии.

[9] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф // Свод.* Т. 2. С. 425.

[10] См.: *Джулиани Р.* О жанре и источниках обложки «Мертвых душ» // Н. В. Гоголь и его творческое наследие. Десятые Гоголевские чтения. М., 2010 <2011>. С. 75–85.

[11] Так в источнике. Следует: «Beatrice».

[12] См. также ***1838. Февраля 26 <14>. Понедельник. Рим*** (примечания).

[13] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 435–436.

МАРТА 13 <1>. СРЕДА. РИМ

Гоголь продолжает знакомить М. П. Погодина с Римом.

Из дневника Погодина: «*13 <марта (н. ст.) 1839 г.>.* <...> Пошли чрез Жид<овское> жиль<е>, рыбный рынок, самый гадкий из всех гадких частей Рима. Грязные лавки, вдруг колонны. Что такое? Портик Октавии к храму Юпитера и Юноны. Люди! Приходите сюда учиться познавать, как бренны все ваши <*1 нрзб.*> дела. <...> Заключили Тассо<м>, дубом, под которым он отдыхал. Вид на Рим и сады, фонтаны. – Могила и портрет. <...> После Рима все покажется мелким, мелочным»[1].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: «*13 <марта (н. ст.) 1839>*. Ныне предстоит нам *Пантеон*, знаменитый храм, воздвигнутый Марком Агрипою в честь всех богов, лет за 25 пред воплощением Бога истинного. О Пантеоне и его изящной Греческой архитектуре столько писано, что я считаю за лишнее говорить о нем здесь. Жаль только, что к нему приделаны две колоколенки, которые совершенно ослабляют действие целого. Еще более жаль, что с трех сторон он застроен, облеплен домами, из-за которых его вовсе не видать. Нечистота такая вокруг, что пройти почти нельзя. В двух местах видишь immondezzajo![2] Как будто в знамение побе-

ды над богами языческими. Открыта только передняя часть. Пантеон обращен в церковь Божией Матери и всех мучеников. Во всей ее внутренней окружности, на месте прежних языческих статуй, вы видите олтари с изображением Христианства, Распятого Спасителя и Св. Девы, пред коими беспрестанно преклоняет колена народ. Как это разительно! Наверху ниши, лишенные своих древних обитателей. Верхнее отверстие открыто, и часто случается, что весь Пантеон наполняется водою. Недавно[3] под образом Божией Матери найдена *могила великого Рафаэля*, который один на свете из всех живописцев постиг воображением ее пресвятый лик, и оставил его в своих гениальных произведениях, на поклонение верующих. Он завещал, чтоб тело его было положено именно здесь. Август, Рим, Пантеон, immondezzajo, Христианские олтари, Рафаэль! – что за понятия, что за впечатления, что за воспоминания. Год, год надо прожить в Риме.

Мимоходом посмотрели еще на *колонны храма Антониева*, поступившие в фасад таможни, о которых говорили прежде. Для перемены впечатлений от древности обратились мы к новому искусству, и пошли осмотреть славную *Галлерею Боргезе*, которая принадлежит к первым в Риме, столько богатом произведениями живописи. Здесь Снятие со Креста, Рафаэля[4], которое, однако же, признаюсь, не произвело на меня особенного действия. Лицо Спасителя и Иоанна Богослова превосходны; но эта фигура выдающаяся человека, который поддерживает Христа, коей так удивляются знатоки, мне вовсе не нравится. Такова и фигура сестры бесноватого отрока в Преображении, которая как будто нарушает гармонию целого. Она встречается и в других картинах. Портреты Рафаэля, двух Юрисконсультов – чудо, живые, страстные. Даная Корреджио, купанье Дианы с Нимфами, Доминикина – особенно замечательны. Описывать картины считаю делом совершенно бесполезным и неблагодарным. – Можно ли передать впечатление? Разве писать оду на картину, как то сделал Жуковский при Дрезденской Мадонне[5] – но здесь их слишком много! Скажу кстати: вкус в живописи, как в архитектуре, как в драматическом искусстве, вообще в поэзии, имеет нужду в изощрении – надо много смотреть на картины и всматриваться, точно как и вчитываться, наблюдать, изучать и сравнивать, чтобы наконец осмелиться на суждение. Всякое дело мастера боится. У нас этого еще не понимают, и всякой берется судить о спектакле, о картине, об увертюре. Procul profani[6]. Но всякий вправе, следуя своему естественному, врожденного чувству, сказать про себе, а другим разве на ухо: это мне нравится, это мне не нравится: de gustibus non est disputandum[7]. Беда только, если *всякий* начнет умничать, доказывать, и учить, не учась, *почему* ему нравится одно и не нравится другое; беда, если он еще вздумает спорить, настаивать на своем мнении[8]. Есть достоинства и недостатки тонкие, доступные только для опытного ученого глаза; только образованный вкус понимает законы красоты, или прикладывает теорию к практике – критика.

Зашли в церковь Maria della Pace: четыре Сивиллы Рафаэля. Прекрасные женщины: живописное положение, но я напрасно искал на их лицах удивления, изумления, ожидания, которые должны бы, кажется, выражать они в Христианском храме, предчувствуя и прозревая, хотя темно, явление Спасителя.

Идем по грязной улице. Я не заметил еще читателям, что нет города в Европе столько нечистого, как Рим, кроме разве небольших городов его области. Здесь все дела делаются на улице. – Г<оголь>, как я в первый раз пришел к нему[9], выплеснул воду из какой-то огромной чаши за окошко. "Помилуй, что ты делаешь это?" "Ничего, – отвечал он, – на счастливого!" Я, впрочем, старался ходить всегда по средине улицы, чтоб не ороситься таким счастьем. На всех самых лучших площадях, на видных местах, вы читаете большими буквами надпись: immondezajo, т. е. приглашение или позволение делать тут что вам угодно. – Г<оголь>, который слишком хорошо знаком с Римской жизнью, замечает, впрочем, что эти привилегированные места бывают самые чистые, несмотря на позволение Полиции. Около дворцов, церквей, даже в великолепной колоннаде, ведущей к Св. Петру, в его притворе, вы можете увидеть всякие нечистоты. В лучших гостинницах нельзя пройти по лестнице, особенно на площадках при поворотах, не зажимая носа, не поднимая ног, чтоб выбрать тропинку посуше. На многих каменных стенах и заборах вы видите изображение огромных змеев, как то было в древности; доказательство, что эта привычка имеет древнее начало, и верно какую-нибудь физиологическую причину в организме южных италианцев.

Но возвратимся к прежнему. Я сказал, что мы шли по грязной улице – вдруг древняя, прекрасная, высокая стена в два яруса полукружием или, лучше, дугою, с Ионийскими и Дорийскими

колоннами. Стена уходит, так сказать, скрывается на обеих сторонах в толпе новых домов, гадких, пошлых, принадлежащих, видно, самым бедным обывателям города. Что это такое?

Это *Театр Марцеллов*, тот театр, который выстроен был Августом для племянника его Марцелла, в котором помещалось тридцать тысяч зрителей; он почти весь разломан; чрез него прорезано несколько улиц и переулков; нижний ярус занят самыми черными кузницами; на двух древних ярусах надстроено два новых безобразных; стены вошли в состав всех здешних домов, в коих четвертая сторона везде Марцеллова. Теснота около него и в нем ужасная — жилья, как вылепленные ячейки, только самые нечистые.

Идем далее. Нечистота увеличивается до невероятности. Утренний дождик, пока мы были в Галлерее Боргезе, произвел грязь истинно непроходимую. Это Жидовский квартал — нечистота к нечистоте. Рыбий рынок, лавки со всякою дрянью для бедных жителей, frutti di mare[10], — самая гадкая часть из всех гадких частей Рима. Что за лавки — просто ужас! Какой народ тут ходит, оборванный, в лохмотьях — и вдруг величавые колонны, лучшего стиля, высокие, благородные: *Портик Октавии к храму Юпитера и Юноны!* Нельзя описать впечатлений, производимых этими знаменитыми остатками древности в тине, в гнили, в грязи настоящего. Мысли о бренности величия человеческого так и взраиваются в душе. Вообразите, что это был великолепнейший портик, построенный также Августом. Довольно сказать, что здесь стояла статуя Венеры Медицейской!

Насилу выбрались мы на простор.

Храм Весты, хорошо сохранившийся, кроме крышки, круглый, колоннами, где теперь помещается церковь S. Maria del Sole.

По мосту (Ponte Fabricio), через остров Св. Варфоломея, и по другому мосту (Ponte graziano) перешли мы чрез Тибр, в Трастевере к Трастеверинцам, которые считают себя истинными потомками Римлян, и в самом деле отличаются особенною физиогномией, более марциальною, особенными телодвижениями, и ударениями голоса. С моста этого видны остатки Ponte Palasino, теперь rotto (разрушенного), восходящего к первым временам Республики!

Церковь Св. Цецилии, на месте дома Святой; показывают место, где она была замучена, в 3 веке. В третьем веке — шутка это? Вот ее баня, и свинцовый сток воды. Сердце трепещет, глядя на остатки и следы такой глубокой древности. В церкви много древней мозаики, 40 колонн из древнего храма, кои с первого взгляда так и мечутся в глаза.

Фарнезина. Дворец, принадлежавший Королю Неаполитанскому[11], знаменитый фресками Рафаэлевыми — история Психеи, в 12 картинах. Удивительные фигуры! какие летящие амуры, что за грация, что за прелесть! Несколько живописцев, на высоких подмостках, списывают их с разных сторон. В углу колоссальная *голова*, нарисованная Микель Анджелом, который не застал Рафаэля дома, и оставил по себе эту визитную карточку.

Заключили день под ветвистым *дубом Тасса*, где он любил отдыхать, живя в монастыре Св. Онуфрия, и смотрели долго на Рим, расстилавшийся перед нашими глазами до конца горизонта, озаренный лучами заходящего солнца. Много мыслей, много чувств перешло в голове славного страдальца, который приходил сюда отдыхать. Зашли в церковь поклониться праху Тасса и взглянуть на его портрет, но уже было так темно, что ничего разглядеть не могли. Самый портик расписан *Доминикином!* Монастырь окружен огородом с виноградом и броколями. Гора очень высока, на которой расположен монастырь и растет этот знаменитый дуб»[12].

[1] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф // Свод.* Т. 2. С. 425.

[2] Помойка, свалка, мусорная куча (*ит.*).

[3] См. ***1833. Сентября 14 <2>. Суббота. Рим.***

[4] Имеется в виду «Положение во гроб» С. Рафаэля (1507). О восприятии Гоголя этой картины см. ***1838. Декабря 29 <17>. Суббота. Рим***; ***1843. Февраля 3 <января 22>. Пятница. Рим.***

[5] Имеется в виду письмо В. А. Жуковского 1821 г. к великой княгине Александре Феодоровне, жене великого князя Николая Павловича (с 1825 г. императора), напечатанное под заглавием «Рафаэлева Мадонна. (Из письма о Дрезденской галлерее)» в альманахе «Полярная Звезда, изд. А. Бестужевым и К. Рылеевым» (СПб., 1824).

[6] Прочь, невежды! (*лат.*)

[7] О вкусах не спорят (*лат.*).

[8] Реминисценция басни И. А. Крылова «Голик» (1825): «Бывает столько же вреда, / Когда / Невежа не в свои дела вплетется, / И поправлять труды ученого возьмется» (см. ***1839. Апреля 1 <марта 20>. Великий по-***

недельник. Рим – примечания). Содержание этой басни Крылова отзывается в образе Собакевича в «Мертвых душах». – См. также ***1837. Января 25 <13>. Среда. Париж*** (примечания).

[9] См. ***1839. Марта 8 <февраля 24>. Пятница. Рим.***

[10] Frutti di mare (*ит.)* – плоды (дары) моря; морепродукты (съедобные моллюски, устрицы).

[11] Фердинанд II (1810–1859), король Обеих Сицилий в 1830–1859 гг.

[12] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 436–438.

МАРТА 13 <1>. СРЕДА. ВЕНА

В. А. Жуковский перед отъездом из Вены в письме к П. И. Кривцову благодарит Гоголя за письмо.

См. ***1839. Февраля 23 <11>. Суббота. Рим.***

МАРТА 14 <2>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Коляску за город. <...> К Шев<ыреву> и написали план для завтр<ашнего> дня. Обеда<ли> одни. К Сев<астиану> не заходили, ибо вр<о>д<е> Печер<ской> катакомбы[1]. <...>

Государь нас<ледник> сделал обратное Петрово путешествие – по России»[2].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: «*14 <марта (н. ст.) 1839>*. Решили для отдохновения посвятить нынешний день на обозрение развалин загородных, отдаленных, и наняли коляску на piaza Antonina, где только они и сбираются (да еще на Испанской площади), за пять рубл<лей> на день.

Мимо Капитолия, Форума и Колизея, в ворота Друзовы, выехали мы на дорогу, на какую дорогу? Аппиеву, знаменитую первую дорогу древнего Рима, построенную в 442 г. от основания Рима Цензором Аппием Клавдием, и ведшею от Брундузий, гавань, из коей Римляне отправлялись на Восток. Во многих местах целые древние камни, даже вся часть настилки, по которой катался и Цезарь, и Цицерон, и Катон, и Помпей в свои виллы или приморские города. Скажите, можно ли равнодушно проехать по такой дороге?

А вот и Христианское воспоминание: здесь явился, говорят, Иисус Христос Апостолу Петру, оставившему Римскую темницу, Который спросил его: Domine, quo vadis? Так и называется маленькая церковь, а камень, на котором стоял, как говорит предание, Спаситель, хранится в ближней церкви Св. Севастиана.

По обеим сторонам дороги лежат развалины надгробных памятников, от времени незапамятного, над покойниками неизвестными. Здесь видите вы столб, склонившийся на сторону, там что-то круглое, от которого отвалился один бок, в другом месте груду камней, отрывок стены. Но как все эти развалины убраны, наряжены другом своим – плющом, который вьется везде, вдоль, поперег, вверх, вниз, пробивается чрез все отверстия, обвивается около всякой линии, и раскидывается в самых разнообразных очертаниях. Восхитительно!

Осмотрели одно подземелье, недавно открытое, где найден саркофаг какого-то Сципиона, как думают, брадатого (barbatus), перенесенный в Музей Ватиканский; близ него находится частное кладбище, Colombarium, в роде погреба, куда сошли мы по узенькой лестнице. Оно принадлежало, видно, одному семейству, и прах всех членов его, чад и домочадцев, полагался в маленьких урнах, расположенных по стене рядами, наподобие ячеек, или, лучше сказать, печурок: число их простирается до ста. Углубления, или ямки для костей закрываются вьюшками. Для супругов особые отделения, по две печурки вместе. <...> Вновь находимые обломки можно покупать у сторожа или откупщика по полтине за кусок. Это цена средняя, а есть куски и в 5 рублей.

Осмотрев этот примечательный склеп, мы сели опять в коляску, и пустились по Аппиевой дороге к знаменитому памятнику Цецилии Метеллы (супруги Красса), огромному круглому зданию,

среди которого находился саркофаг. В Средние времена этот памятник, увеличенный пристройками, составлял крепость и принадлежал Римской фамилии Гаэтанов, которые принимали живое участие в междоусобных войнах. Внизу находится катакомбы, которые идут туннелем под Тибр. Говорят, что известный исследователь Древностей Средних веков, Дажинкур, заблудился было в них, и спасся по особенному случаю.

Осмотря развалины, мы пошли пешком по полю и приказали коляске ехать и ожидаться нас у церкви Св. Урбана, близ Священного леса. Местоположение очаровательное – поле, усеянное развалинами и воспоминаниями, на одной стороне Рим, на другой – Фраскати, Тиволи с их горами.

Обошли кругом огромный *Цирк Каракаллы*, который приписывают теперь Максенцио для его сына Ромула. <...> Вот загородка в Цирке Каракаллы, из-за которой выпускались кони и колесницы на ристалище; вот древняя мета, до которой они должны были достигнуть; вот место поворота! Как все это живо здесь, и следовательно, разительно!

По всему огромному пространству рассыпано было множество путешественников. Где группами, где поодиначке. Со всех сторон слышались разные звуки, французские, немецкие, английские, а мы нарочно заговорили как можно громче по-русски.

Отсюда чрез бедные огороды пошли мы к *Священному лесу*, Bosco sacro, куда приходил отдыхать Нума, Нума за 700 лет до Рождества Христова, где прогуливались жрецы храма Бахусова. Вот и *грот Нимфы Эгерии*, с которою Нума советовался о законах религиозных для нового Рима! <...> Грот очень дурно устроен и содержится в пренебрежении. Вблизи стоит, в совершенном уединении, церковь Св. Урбана, в которую обращен храм Бахуса. Все стены и колонны при входе древние, целиком оставленные.

Извощик, не поняв нас, стал не на то место, которое нами назначено, и мы должны были, с великою досадою, пройти верст пять, чтоб его наконец найти. Погода ясная, но с холодком.

Не имели уже силы заехать в катакомбы под церковию Св. Севастиана – Г<оголь> сказал, что они вроде наших Киевских.

Возвратились мы в город усталые, ослабелые и голодные, а ave Maria еще не пропета, и трактиры заперты; насилу дождались. После обеда зашли к Ш<евыреву> и написали план для завтрашнего, ибо все еще кажется мне, что у нас пропадает часа по два, по три в день в напрасных переходах»[3].

[1] Ср.: «Севастьяновские катакомбы, у дороги Аппианской, показались мне похожими на Киевские пещеры...» (Епископ *Порфирий (Успенский)*. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки. СПб., 1900. Т. 6. Часть 1854 г. С. 95). Имеются в виду пещеры (древнерус. – печеры), в которых первоначально располагалась Киево-Печерская Лавра – знаменитый мужской монастырь, основанный в 1051 г. Киевские пещеры упоминаются Гоголем в «Тарасе Бульбе».

[2] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф // Свод.* Т. 2. С. 425.

[3] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 438–439.

МАРТА 15 <3>. ПЯТНИЦА. РИМ

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Обед у Виельгорс<кого>. Урок с любопытн<ыми> подробнос<тями>»[1].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: «*15 <марта (н. ст.) 1839>*. Нынешний день посвящается Императорам и горе Палатинской, месту древнего Рима, откуда оттеснил жителей в особенности Нерон.

В *сады Фарнезе*, от которых осталось только блистательное имя. Это уже развалины на развалинах. Развалины Средних веков на развалинах Древности. Папа Павел III развел славные свои сады на месте *дворца Калигулы*, для своей племянницы, и давал здесь великолепные празднества, о которых гремела слава во всей Италии. Теперь здесь пустырь и огород, живет один бедный садовник с мальчиком для показов. Наружная поддерживающая стена и лестница, единственные

Остатки роскоши полмертвой[2].

Этот пустырь переходил по наследству, и принадлежит Королю Неаполитанскому, который очень рад продать его хоть за что-нибудь. Что за местоположение – пред Капитолием и всеми его монументами, на самом Форуме, который есть теперь его улица, в виду ворот Северных и Колизея, а с другой стороны Circus Maximus, за которым гора Авентинская. Виден и Тибр, и храм Весты, и часть Трастеверинская. Стены Калигулины местами обвалились, но местами стоят высоко, повитые плющом, и удивляют еще своей огромностию. Спускались под землю со светочами, чрез прорытые входы – целы многие комнаты с своими стенами, потолками, полами, штукатуркою, живописью и даже позолотою. Проводник привязывал свой светоч к длинному шесту, и поднимал его кверху, подставлял его к изображениям, лучше сохранившимся. Опять новое ощущение – ходить по тем комнатам, по которым ходили Римские Императоры. <...>

Рядом с развалинами чертогов Калигулы дача англичанина Мильса, также на развалинах, и на каких еще! *дворца Августова!* Что за дача – прелесть, прелесть, очарование! Надо отдать справедливость Англичанам – умеют украсить себе жилище. Целые стены из душистых розанов, померанцев, лимонов, которые красуются на весеннем солнце. Какие цветы! что за чистота! а древние стены, с неразлучным плющом. Мы сели в беседку, над самым цирком (circus maximus), под тению дерев, навевавших на нас прохладу, нежились, наслаждались, пили благовонный воздух... взор покоился на росписных цветах, на раззолоченных плодах, на зеленом ярком плюще, – и потом обращался невольно к развалинам человеческого величия, и воображение раскидывало перед другими глазами другие картины и другие лица... <...>

Первый этаж дворца Августова отчасти отрыт, и его смотреть очень удобно, спустившись по лестнице. Здешние комнаты сохранились гораздо лучше, чем Калигулины. Какая свежая краска во фресках! – Очищены целые корридоры. Вот бани Ливии. Картины по черному полю очень эффектны. Если взрыть виллу, то весь этаж откроется. Но жаль и ее. Англичанин живет здесь только весною, а летом над этими прелестями и красотами природы господствует зловредный воздух, который выгоняет обитателей. Домик у Мильса очень хорош, и в нем есть еще сокровище: стена, расписанная Рафаэлем; но мы не могли взглянуть на нее.

На месте *Неронова дворца*, от которого осталось менее развалин, находится теперь монастырь строгих братий, искупляющих неистовые оргии гнусного тирана.

Обошли Неронов дворец, занимавший пространство неизмеримое!

В *бани Каракаллы*, которые отстоят, однако ж, довольно далеко за городом. Я не знаю никакого здания, которое можно бы сравнить с этими банями, чтоб подать вам какое-нибудь понятие. Наши трехэтажные и четырехэтажные дома кажутся какими-то избенками, а капитальные стены какими-то заборишками подле этих исполинских стен, простирающихся в длину на 690 ф<утов>, в ширину на 450, и на 2230 ф<утов> в окружности. Только и осталось что они, наружные и внутренние, поперечные. <...>

Долго ходили мы по пустынным залам, заросшим травою, без протоптанных тропинок, где неистовствовало Римское сластолюбие. Бани у древних заменяли наши кофейные и ресторации. Там любили они гулять, пировать, или только нежиться, роскошествовать, читать. О великолепии бань Каракаллиных не наговорятся древние. Здесь было 1600 мест из полированного мрамора. О великолепии и важности украшений можете судить, если я вам скажу, что после всех опустошений, здесь найден Геркулес Фарнезский, Торс Бельведерский, ненаглядное сокровище Микель-Анджело, Флора, Фарнезский бык и проч. Поиски здесь продолжаются; мелкие куски и обломки собраны в одном сарае, устроенном между стенами, и продаются желающим очень дешево.

Как мы выходили, приехало в бани большое общество, и кажется, русское, потому что в массе французского и английского говора послышалось несколько беглых русских звуков. Я заговорил нарочно с своими, чтоб показать, что и мы русские, но не произвел ни малейшего действия. Прошли как чужие. Я не постигаю, как грубеет настоящее национальное и даже человеческое чувство в этих господах, хотя, может быть, и очень утончевается космополитическое! Мне грустно было смотреть на них. <...>

Это впечатление изглажено было, однако ж, нынче за обедом у Графа Виельгорского, который... ну да, может быть, он прочтет эти строки, так я не стану говорить об нем. (Нет, он не прочтет их! Достойный юноша скончался вскоре после нашего отъезда из Рима. – *Примеч. М. П. Погодина. – И. В.*) Познакомился с Г. Липманом, который преподавал Всеобщую Историю Государю Цесаревичу. Молодой Гр<аф> В<иельгорский> показывал мне свои материалы для Литературы Русской Истории. Прекрасный труд, – но приведет ли Бог кончить. Румянец на щеках его не предвещает добра. Он работает, однако же, беспрестанно»[3].

[1] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф* // *Свод.* Т. 2. С. 425.
[2] Стих из «Оды на разрушение Вавилона» (1801) А. Ф. Мерзлякова.
[3] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 439–441.

МАРТА 16 <4>. СУББОТА. РИМ

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» М. П. Погодин сообщал об этом дне:

«*16 <марта (н. ст.) 1839>*. Погода предурная. Нынешний день посвящается церквам и какой-нибудь галлерее[1].

Андрея делла Валле с четырьмя Евангелистами Доминикина и плафоном.

Maria della Minerva, переделанная из древнего храма, со статуею Микель-Анжела Иисуса Христа.

С. Августина с картинами Гверчино, Караваджио, Пророком Исаией Рафаэля <...> и статуей Божией Матери... <...>

Богатейшая Церковь *Gesu* с колоннами из лаписа.

Обошед церкви, отправились в *Галлерию Дориа*: это один из великолепнейших дворцов в Риме, с знаменитою картинною галлереей. <...> Здесь знаменитый портрет Иоанны II Неаполитанской Леонардо да Винчи[2], Авраам Тицианов, портрет его в старости, Иоанн Креститель Гверчина, Каин и Авель Сальватора Розы, одна из лучших Мадонн Сассоферато. Как досадно, что пропустил знаменитую Клод де Лорреневу мельницу. Великолепные чертоги, лестницы, горницы, галлереи».

Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 441.

[1] Возможно, дальнейшие обзоры совершались уже без Гоголя. В записи от 21 марта (н. ст.) Погодин в качестве своего спутника упоминает С. П. Шевырева, который к тому времени, вероятно, выздоровел (см. ***1839. Марта 21 <9>. Четверг. Рим***).
[2] См. также ***1843. Февраля 4 <января 23>. Суббота. Рим.***

МАРТА 17 <5>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

М. П. Погодин записал в дневнике:

«В Рус<ской> церк<ви>. Сладко и в Риме поклониться Рус<скому> Богу. Хорош<ие> картины. – <1 нрзб.> проповедь»[1].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: «*17 <марта (н. ст.) 1839>*. Дождь льет ливмя. <...> Эти два дня очень бедны. Мы не увидали много нового, по крайней мере пользуясь дурною погодою, отдохнем для будущих путешествий.

Погода лучше, и мы можем выйти на Божий свет»[2].

[1] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф* // *Свод.* Т. 2. С. 426.
[2] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 441.

МАРТА 18 <6>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Вот досада, целой день потеряли и устали. <...> К Виельг<орскому>, о Рус<ской> Истории. По Итал<ии>»[1].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: *«18 <марта (н. ст.) 1839>.* Были у *Св. Лоренца*, где находится знаменитое “Распятие” Гвида Рени.

В *Ватикане*, надеясь попасть в Музеи. <...> ...Заперт: ныне праздник какого-то Святого! <...> Весь день потерян»[2].

В тот же день, 18 марта (н. ст.) 1839 г., Гоголь сделал для художника Ф. А. фон Моллера[3] список стихотворения А. С. Пушкина «Русалка»[4] и подписал:

«Переписана на память и на чудное дело Н. Гоголем»[5].

[1] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф // Свод.* Т. 2. С. 426.
[2] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 441.
[3] Ср. оценку Моллера В. А. Жуковским (***1839. Января 22 <10>. Вторник. Рим***).
[4] См. также ***1836. Январь-май. Санкт-Петербург***; ***1840. Июля начало <июня вторая половина>. Рим***; ***1841. Марта средина <марта начало>. Рим*** (примечания).
[5] *Гоголь 2001.* С. 360–362; *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 636–637.

МАРТА 19 <7>. ВТОРНИК. РИМ

Позднее, в 1842 г., М. П. Погодин в статье «Месяц в Риме» сообщал об этом дне:

«19 <марта (н. ст.) 1839>. В Галлерею *Роспильёзи.* <...>

К Св. Петру in Vincoli (у нас в Москве есть церковь Вериг Св. Петра). Здесь статуя *Моисея Микель-Анджела*, сидящая. <...>

Остановился у *храма Палладия*, близ Форума, около которого до сих пор проходили мимо. <...>

Обошли *бани Титовы*, примыкавшие к дворцу Неронову. <...>

Время прекрасное, и мы решились идти в *виллу Албини.* <...>

На возвратном пути зашли в *Диоклетиановы бани*, в которых устроен монастырь Капуцинов. <...>

Взглянули чрез забор на *сады Саллюстия*[1], в которых разведен теперь огород, и вдали виднеется древняя стена — это, говорят, храм Венеры, обращенный с одной стороны в кузницу, только не Вулканом».

Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 441.

[1] См. также ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим.***

МАРТА 20 <8>. СРЕДА. РИМ

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Вилла Памфили. Дубы, сосны, фонтаны <...> Дух прозелитизма. Двадцать челове<к> как слушало одного. Приметно сзади. – И в своем деле один в бороду, а прочие <*1 нрзб.*>. Этого духа у нас нет. Как ходит гувер<нер> с детьми. <...> Обед у Кривц<ова>»[1].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: «*20 <марта (н. ст.) 1839>*. Поспешили на piazza Navona, которая по средам бывает нашим толкучим рынком. Все харчевни убраны ныне лавровыми и миртовыми деревьями, с блистающими лимонами в ветвях, точно как у нас лавки украшаются березками в Троицын день. Ныне день Св. Иосифа, покровителя плотников. По всем углам в улицах поставлены на четырех столбиках, обвитых зеленью, под нарядным навесом, походные кухни; здесь на пылающих углях в оливковом масле жарятся fritti, вроде наших пряженцев, в честь Святого Иосифа. <...>

Ныне a l'ordre du jour[2] Галлерея Корсини. <...>

Наняли коляску и отправились на виллу Памфили. <...>

Долго гуляли мы по рощам и смотрели издали на Рим. Жаль, что еще не все расцвело. Это одна из приятнейших прогулок»[3].

[1] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф* // *Свод.* Т. 2. С. 426.
[2] Повестка дня (*фр.*).
[3] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 441–442.

МАРТА 21 <9>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» М. П. Погодин сообщал об этом дне:

«*21 <марта (н. ст.) 1839>*. Наконец ныне отверзаются двери Ватикана. <...> ...Отправились к статуям. Начали с отделения, которое называется Braccio nuovo: в прекрасной галлерее, в коей свет падет сверху, по обеим сторонам стоят мраморные статуи, в рост человеческий – вот Император Траян, Тит, Адриан, Марк Аврелий, вот пленные Даки, на которых указал мне Ш<евырев>, – чистые Славяне, Русские мужики[1]. <...> Ш<евырев> пробудил меня восклицанием: приготовься, ты увидишь сейчас *Аполлона Бельведерского*. <...> Не знаю, сколько времени остались бы мы перед этим чудом древности, если б Ш<евырев> не вызвал нас из этого сладкого самозабвения, сказав, что чрез пять минут запрется Ватикан»[2].

В этот день Погодин, а также С. П. Шевырев и Гоголь написали письмо М. А. Максимовичу. Погодин сообщал:

«Я ждал вас в Вене до 22-го числа и уехал, не получив известия и предполагая, что вы отправились далее. Если б ваше письмо пришло заблаговременно, то я, может быть, мог бы переменить свою дорогу и приехал бы в Пильзен навестить больного. Когда же мы увидимся? Вот вам мой маршрут: 8-го в Неаполь, 13-го во Флоренцию, и 17-го в Милан или в Марсель. Около 1-го Мая в Париж и в Вандею, поискать там Славянских следов. Июль в Мариенбаде. Август в Вену и Венгрию. Сентябрь домой. Принаравливайтесь или к Мариенбаду, куда поедет и Гоголь, или к Вене. Я здоров кроме груди, которая иногда зanывает. Надеюсь на Мариенбад. Лиза[3] здорова. Путешествие идет благополучно и полезно. Рим – чудный город, музей Европы. <...>

Киевский университет заперт на год, как я услышал вчера. Сперанский умер[4]. Дашков на его место[5]. Блудов – министр юстиции. Граф Александр Строганов – министр внутренних дел.

Пишите ко мне в Париж poste restante, а после в Мариенбад также. Старайтесь накупать мне старопечатных книг. Чертков уехал в Неаполь. Я не видал еще его»[6].

К этому письму Шевырев приписал:

«...Я вас все поджидал в вечном городе и думал быть вашим чичероне в Ватикане и вместе с вами поработать в библиотеке. Здесь познакомился я с Палацким[7], который дал мне первое известие о вашей болезни... <...> Авось до свидания в Праге».

К письму Погодина Гоголь также сделал приписку:

«Вы не дали мне своего адреса, и потому я к вам не писал; притом же вы писали, что будете скоро в Рим. Очень благодарю вас за ваше письмо. Надеюсь увидаться с вами в Праге или лучше в Мариенбаде и поговорить о многом интересном для нас обоих».

[1] В 1846 г. С. П. Шевырев также указывал: «К числу Словенских типов, завещанных нам древними, должно <...> отнести Точильщика в трибуне Флорентийской, голову Дака в Ватикане (Braccio nuovo), которой невольно кланяешься, как будто голове своего земляка, когда ее видишь, и фигуры Даков пленных на барельефах Траяновой колонны. <...> Умирающий Гладиатор, статуя в Музее Капитолийском, прославленная стихами Байрона, представляет тип Словенский. Мицкевич первый осмелился это высказать. Важнейшее доказательство, разумеется, самое лицо, носящее на себе явные признаки Словенского, скажу Русского образа. Кроме того, должно еще обратить внимание на витую жгутом или веревочкой повязку около шеи. Винкельман и Феа объясняли это различным образом: всего более остановились на том мнении, что этой веревкою обвязывали себе шею глашатаи, чтобы предохранить жилы шеи во время крика, который должны были издавать они. Объяснение натянутое! Не есть ли это наша гривна? Образцы гривен, находимых у нас, также виты веревкой; гривна также плотно прилегала к шее: доказательством тому служит гривна Георгия, отрока Борисова. Убийцы, чтобы снять ее, должны были разрубить ему шею» (История русской словесности, преимущественно древней. XXXIII публичные лекции *Степана Шевырева*, О<рдинарного> Профессора Московского Университета. М., 1846 (цензурное разрешение 19 марта). Т. I. Ч. 1. С. 105). В. В. Толбин в 1858 г. писал об изображении раба на картине А. А. Иванова «Явление Мессии»: «Вся фигура и вся поза раба сильно напоминают и похожи на фигуру и позу "Точильщика", статую, находящуюся во второй античной галерее академического музеума...» (имеется в виду копия древней статуи, находящейся во Флоренции, в галерее Уффици; именно об этой статуе, относящейся «к числу словенских типов», упоминал в 1846 г. С. П. Шевырев) (*Толбин В.*<В.> О картине г. Иванова // Сын Отечества. 1858. 22 июня. № 25. С. 711).

[2] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод*. Т. 2. С. 442.

[3] Елизавета Васильевна, жена Погодина.

[4] 11 февраля 1839 г.

[5] 14 февраля 1839 г. Дмитрий Васильевич Дашков был произведен в чин действительного тайного советника, назначен членом Государственного совета, председателем Департамента законов и начальником Второго Отделения Собственной Его Величества канцелярии.

[6] Из писем М. П. Погодина // *Свод*. Т. 2. С. 410.

[7] Франц Палацкий (1798–1876), чешский ученый и политический деятель.

МАРТА 9 <21>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь по рекомендации Н. М. Смирнова принят в члены-корреспонденты петербургского Общества поощрения художников.

См. ***1839. Июля 5 <17>. Среда. Санкт-Петербург.***

МАРТА 22 <10>. ПЯТНИЦА. РИМ

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Обед у Виель<горского>[1]. Он прочел своих Цыган. То дурно, что будет слишком много хорошего»[2].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: «*22 <марта (н. ст.) 1839>*. Опять в Ватикан, которого вчера не успели и обежать. Начали с *Этрусского Музея*, только

что устроенного. <...> Из Этрусского музея перешли мы в *Египетский*. Здесь видите вы искусство Египтян, на всех степенях его развития... <...> Я звал Ш<евырева>, который читал нам лекции обо всех этих предметах, к Аполлону, к Лаокоону — освежиться, обрадоваться после этих мрачных, мертвенных произведений троглодитного племени. <...>

Обедал у Гр<афа> В<иельгорского>, который прочел свою новую оперу Цыган. В ней разве один недостаток, что слишком много хорошего»[3].

[1] Михаила Юрьевича, отца графа И. М. Виельгорского.

[2] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф* // *Свод*. Т. 2. С. 426.

[3] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод*. Т. 2. С. 442.

МАРТА 23 <11>. СУББОТА. РИМ

М. П. Погодин записал в дневнике:

«В Пропаганду. <...> Профессоры начали толковать о ближайшем родстве между церковью Римскою и Русскою. Владимир чистый Католик, которого мы почитаем Святым: он принял Христианскую веру, когда та еще была чиста. Греческая церковь дальше от Римской, чем Русская. <...> У Тайнера[1] есть письмо Иоанна к Поссевину. Он пишет сочинение о распространении Христ<ианской> веры на Севере, с приложением множества документов. Вы<й>дет через два года. 200 писем Стефана Батория. Густав Ваза за два года до обращения к Лютеранству обещал Папе обратить всю Россию в Католицизм и пр.

Проходили к нему по прекрасным корридорам, обширным, светлым, по стенам которых развешено множество ландкарт всех стран. Правду сказать, что Папы сделали много, в сторону их злоупотребления. Что было бы без них в Европе? — Дух обращения принадлежит Западным народам, это их достоинство. У нас нет его. У Италианцев пропаганда религиозная, у Французов политическая. У Католиков нет алтаря. По свойству народа, который любит иметь все беспрестанно пред глазами. Да. Народы веруют каждый по-своему. Италианцы чувством. Немцы не могут обойтись без ума. Все они должны оставлять друг друга в покое. Добру венец. Другое лицо горячилось. А это Грек. Как он говорит. По-Гречески. Нет, по-арабски. Здесь все языки. Единственное учреждение в Европе, с прекрасной идеей в основании — распространять веру Христианскую. — Как бы употребить два часа до обеда. Домой. E la mia spose? E sortito col[2] M. Nicola[3]. Вот тебе раз. Пошел было к Шевыреву, как беглянка воротилась. Сводил ее пообедать к Шевыреву»[4].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: «*23 <марта (н. ст.) 1839>*. Опять в Ватикан с Ш<евыревым>. <...> После обеда отправились с Ш<евыревым> к Иезуитам, в их коллегию. Все двери и ворота заперты. <...>

В *Пропаганду*, к *Тайнеру*, с которым познакомился Ш<евырев>. Привратник указал дорогу. Проходили по прекрасным, светлым обширным корридорам. <...> Наконец указали нам дверь к Г. Тайнеру. Принял он нас очень приветливо. Маленькая комнатка, в которой разбросаны все вещи, в ужасном беспорядке, которому я только могу не удивляться. Ш<евырев> представил меня как Профессора Русской Истории, и разговор тотчас начался об исторических отношениях Церкви Греческой и Римской, в коем приняло участие и четвертое лицо, встреченное нами в комнате. Эти господа начали напевать свои песни: Русская Церковь, говорили они, гораздо ближе к Римской, чем самая Греческая. Вы приняли Христианскую веру, как она была чиста еще в Византии, и сохранили до сих пор в первоначальной чистоте, а Греки увлеклись после вашего уже обращения, и с Патриарха Михаила Церуллярия начинается собственно разлучение. Владимир ваш был совершенной Католик, которого мы считаем Святым. Его устав есть чистый Католический. О древней местной разности в обрядах, существовавшей еще до разделения, говорить нечего.

Эге, братцы, подумал я, уж не хотите ли вы обращать нас! Но не на тех напали! Мне, впрочем, захотелось выведать у них побольше, чтоб узнать, каким образом эти господа поступают с нашими несчастными соотечественниками, которых они убеждают целовать Папские туфли. Я говорил

Тайнеру: да, конечно, разумеется. Другое лицо горячилось, — видно, что оно посвящено еще недавно. Это был грек, но говорил по-арабски.

Тайнер пишет сочинение о распространении Христианской Веры на Севере, с приложением многих документов. У него есть письмо Иоанна Грозного к Пассевину, доселе неизвестное, которое он обещал показать после. Густав Ваза за два года до своего соединения с Лютеранизмом, обещал Папе обратить всю Россию в Католическую веру. Он имеет до 200 писем Стефана Батория»[5].

[1] Августин Тейнер (1804–1874), немецкий католический священник. — См. также ***1847. Апреля конец — мая до 11 <апреля средина — апреля до 29>. Неаполь.***

[2] *Было:* con

[3] Где моя жена? Она вышла с монсиньором Николаем (*ит.*). — Имеется в виду Гоголь.

[4] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф // Свод.* Т. 2. С. 426.

[5] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 442.

МАРТА 24 <12>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Домой. — С Лизой к Петру. <...> Одни обедать к князю. Прекр<асный> обед. О Шафари<ке>, о Мицкевиче, которому он вызвался помочь, <*1 нрзб.*>, о Чартор<ыйском>. Я не слыхал прежде, что он побочный сын князя Репнина. <...> Зашел за Лизою, позабыв, что та еще не обедала. — Оттуда к Волх<онской>, куда хотел придти Гоголь, предложив читать, и не пришел. Ужасная скука среди молчаний. Потолковали с Бруни об арх<итектуре>, о храмах»[1].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: «*24 <марта (н. ст.) 1839>.* <...> Поспешил домой за женою, чтоб идти к Св. Петру, где празднуется ныне Вербное воскресенье, и начинаются церковные торжества, новые достопримечательности[2]. <...>

Множество народа толпилось по улицам; и в церкви множество, а не тесно. И никогда не бывает тесно, как сказал нам Ш<евырев>. <...> ...Пошли <...> осматривать *Галлерею Шиары* <...> Ш<евырев> говорит, что ему Перуджин нравится более всех. Я не скажу этого. <...>

Мы приглашены ныне обедать к Князю Д<митрию> В<ладимировичу>[3]... <...>

Вечер у Кн<ягини> В<олконской>, куда обещал прийти Г<оголь> и прочесть что-нибудь из новых своих сочинений. Мы прождали его понапрасну. Я толковал все с Бруни; он намеревается изобразить все важнейшие происшествия в Истории рода человеческого, по своим полезным следствиям, — изобретения, открытия, учения и тому под. Мысль прекрасная и достойная нашего века, который начинает отдавать справедливость пользе, а не славе, и отличать, хоть кое-где, кое-когда и кое-как, мишуру от золота»[4].

[1] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф // Свод.* Т. 2. С. 426.

[2] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 442. — На этом заканчивается первая часть воспоминаний Погодина «Месяц в Риме», опубликованная в № 2 «Москвитянина» за 1842 г. В № 3 Погодин поместил «Рим» Гоголя (*Гоголь.* Рим. Отрывок // Москвитянин. 1842. Ч. II. № 3 (цензурное разрешение 11 марта; цензор Н. Крылов). С. 22–67), а вторую часть своих воспоминаний «Месяц в Риме (окончание)» напечатал в № 4. Тем самым статья Погодина стала как бы «обрамлением» — предисловием и послесловием — к гоголевскому «Риму». «Месяц в Риме» Погодина часто содержит подробное описание тех «гоголевских» мест, о посещении которых Гоголем известно из других источников.

Погодин постоянно стремился к подобному «обрамлению» в журнале своих дневниковых записей 1839 г. теми или иными материалами, связанными с Гоголем. Так, сразу после своей статьи «Месяц в Париже. (Из дорожного дневника <2–17 мая> 1839)», напечатанной в № 1 «Москвитянина» за 1841 год (С. 76–130; цензурное разрешение 13 дек. 1840 г.), он поместил повесть А. Ф. Вельтмана «Приезжий из уезда, или Суматоха в столице» (С. 131–218), которая начиналась словами: «Всем уже известно и переизвестно из повести “Неистовый Роланд” <повесть А. Ф. Вельтмана с сюжетом, близким “Ревизору”; опубликована в 1835 г. в т. 10 “Библиотеки для Чтения”> и из комедии “Ревизор” и из иных повестей и комедий, о приезжих из столицы, сколько происходило суматох в уездных городах от приездов губернаторов, виц-губернаторов и ревизоров. Теперь следует по принадлежности описать, как в столицах происходила подобная же суматоха от приезжего из уезда, и как

принял был qui pro quo, или сей вместо этого» (*Вельтман Ал.* Приезжий из уезда, или Суматоха в столице // Москвитянин. 1841. № 1 (цензурное разрешение 13 дек. 1840 г.). С. 131). – См. также ***1840. Марта 30. Суббота. Санкт-Петербург*** (примечания).

С парижскими описаниями повести Гоголя «Рим» соотносимы еще две публикации Погодина, повествующие о его пребывании в Париже: *Погодин М.* Месяц в Париже. (Продолжение <19 мая – 2 июня 1839>) // Москвитянин. 1841. № 2 (цензурное разрешение 13 дек. 1840 г.). С. 430–459; *Погодин М.* Еще две недели в Париже <4–10 июня 1839> // Москвитянин. 1841. № 3 (цензурное разрешение 10 февр.). С. 50–77.

В четвертом номере «Москвитянина» за 1841 г. было напечатано: Прибавление к изящной словесности. *Гоголь.* Новые сцены к комедии Ревизор (см. ***1841. Марта 27 <апреля 8>. Великий четверг. Москва***).

В пятом номере «Москвитянина» за 1841 г. последовали еще две публикации: *Гоголь.* Сцена. Хлестаков и Растаковский... (см. ***1841. Апреля 7 <19>. Понедельник. Москва***); *Погодин.* Венеция. (Из дорожного дневника <27 февраля – 2 марта (н. ст.)> 1838) // Москвитянин. 1841. № 5. С. 41–60.

В седьмом номере журнала за тот же год были опубликованы дневниковые заметки Погодина о посещении Неаполя 12–17 апреля (н. ст.) 1839 г.: *Погодин.* Неаполь // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.). С. 6–21.

[3] Голицыну.

[4] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме (окончание)» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 445.

МАРТА ВТОРАЯ ПОЛОВИНА, НЕ ПОЗДНЕЕ 25 <НЕ ПОЗДНЕЕ 13>. РИМ

Гоголь находит на почте старое письмо от матери (от июля 1838 г.)[1] из Васильевки.

В этот же период встречается с приехавшим из Парижа Н. М. Трахимовским, который передает ему письмо от А. С. Данилевского[2].

[1] См. ***1839. Марта 25 <13>. Понедельник. Рим.***

[2] См. там же.

МАРТА 25 <13>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь водил М. П. Погодина и С. П. Шевырева в мастерскую А. А. Иванова.

В этот день Погодин записал в дневнике: «К Шев<ыреву> и назад за сюрт<уком>. – Опять и в Ват<икан>. <...> Студия Иванова. Новое явление для нас. – Художник один-одинехонек в своей блузе. Раскиданы все п<о сторонам>. – По стенам. Эскизы. Эстампы. Прекрасная мысль <изобразить> Христа идущего – и прочие указывают. Долго не мог отойти от картины. Совершен<но> новое положение! Богатое. – В Боргезе. Прекр<асный> сад. Музей»[1].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: *«25 <марта (н. ст.) 1839>.* В Ватиканскую библиотеку с Ш<евыревым>. <...> Г<оголь> повел нас в *студию* (рабочую) русского художника *Иванова.* Это новое для нас зрелище. Студия – огромная комната, или, лучше сказать, помещение, иногда часть какого-нибудь сарая, только с хорошим и выгодным светом, падающим сверху или с боков. Мы увидели в комнате Г. Иванова ужасный беспорядок, но такой беспорядок, который тотчас дает знать о принадлежности своей художнику. Стены исписаны разными фигурами, которая мелом, которая углем, – вот группа, вот целый эскиз. Там висит прекрасный дорогой эстамп, здесь приклеен или прилеплен какой-то очерк. В одном углу на полу валяется всякая рухлядь, в другом – исчерченные картоны. В средине господствует на огромных подставках картина, над которою трудится художник. Сам он в простой холстинной блузе, с долгими волосами, которых он не стриг, кажется, года два, не бритый недели две, с палитрою в одной руке, с кистью в другой, стоит один-одинёхонек перед нею, погруженный в размышления. Вокруг него по всем сторонам лежит несколько картонов, с его корректурами, т. е. с разными опытами представить то или другое лицо, разместить фигуры так или иначе. Повторяю – это явление было для нас совершенно ново и разительно.

Приходом своим мы пробудили художника.

Картина представляет проповедь в пустыне Св. Иоанна Крестителя, который указывает на Спасителя, вдали идущего. Прекрасное сочинение: Иисус Христос, чуть видный вдали, произвел на меня особенное действие и мгновенно навел задумчивость. Счастливая мысль, которой подобной я не видал никогда. Прекрасно положение и Крестителя, вещающего и указывающего на идущего Спасителя. – Один молодой человек только что вышел из вод Иордана, и надевает белую рубашку; другие слушают с сомнением, третьи с верою. Одним словом, задумано превосходно – есть где развернуться художнику, есть что представить. Дай Бог ему

Российской славы к совершенству[2].

Говорят, что Г. Иванов работает очень медленно, беспрестанно поправляет себя, недовольный. Жаль; с таким расположением души лучше б ему писать картины не столь сложные, как эта. Час, проведенный с особенным удовольствием!

Пешком в *виллу Боргезе* – богатейшее собрание статуй, бюстов и мозаиков древних, зал десять. Мы, разумеется, только что обежали; после Ватиканского собрания недостает и силы обратить должное внимание на все эти сокровища.

Прогулялись по прекрасному тенистому саду; какие высокие деревья! <...> К вечеру погода испортилась»[3].

В тот же день, 25 марта (н. ст.) 1839 г., Гоголь написал ответное[4] письмо к А. С. Данилевскому в Париж:

«Письмо твое и привезшего его Трохимовского я получил исправно. За знакомство с ним благодарю тебя. Он, точно, добрый малый и мне понравился, притом же мы с ним почти что родственники, или побратимы, кажется. Его отец был моим крестным отцом[5]. Только не благодарю тебя за то, что ты не прислал мне с ним красок[6]. <...> ...Просьба, чтобы они были круглые и плоские, чтобы могли поместиться в мой ящик, который тебе очень известен: он сделан палитрой, и на манер его ты увидишь много в известном тебе магазине».

В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., замечал: «Трахимовский Николай Михайлович, внук доктора Михаила Яковлевича, спасшаго М. И. Гоголь жизнь перед рождением нашего писателя[7]. Дед его, Михаил Яковлевич, был знаменитый доктор; к нему приезжали даже из Москвы, чтобы купаться в Псле и пользоваться его советами. Его сын, Михаил Михайлович, был сенатором[8]. <...> В марте <1839 г.> <...> Гоголя посетил в Риме его <...> земляк и хороший знакомый родителей, Николай Михайлович Трахимовский[9], внук известного доктора, ради совета с которым Марья Ивановна Гоголь, перед рождением своего знаменитого сына, приехала в Сорочинцы, где и увидел свет наш писатель. По словам А. С. Данилевского, он был гвардейским офицером, лейб-уланом (потом он был предводителем дворянства в Белостоке)»[10].

Далее в письме к Данилевскому Гоголь сообщал:

«Я тебе уже писал[11], что Жуковский уехал из Рима. Но я необыкновенно счастлив: на место его приехал ко мне Погодин. Мы теперь живем вместе[12]. Его комната с моею; завтракаем и говорим вместе. Через месяц я препровожу его к тебе в Париж[13], прямо к благодетельнице m-me Hochard. Он пробудет в Париже[14] месяц, да в Лондоне, может быть, недели две. Я поручил ему притащить тебя в Мариенбад, куда и я тоже думаю поплестся[15], где будет и он и где, мне кажется, тебе не мешает побывать; одна из главнейших болезней твоих, кажется, имеет аналогию с моею и относится прямо к желудку, а для этого Мариенбад, говорят, очень хорош. Погодин привез мне известие о Лукашевиче. Он встретил его в Праге. Этот приятель наш и чудак будет нынешнее лето в Мариенбаде. Кроме того, Погодин выписал к лету туда кучу разных славян, так что мы можем иметь хорошее общество, составить свой стол и ускользнуть таким образом от вредоносных табельдотов[16]...»

В 1857 г. П. А. Кулиш к гоголевскому упоминанию о П. А. Лукашевиче в этом письме сделал примечание: «Это – один из соучеников Гоголя, которого он очень любил, несмотря на то, что не уважал его мнимой учености. Но <Лукашевичу> мало было приязни Гоголя. Однажды, получив от него комическое и очень любезное письмо из-за границы, он тотчас бросил его в огонь; а письмо, по свидетельству другого товарища Гоголева, “стоило многих ученых книг даже и не таких писателей, как <Лукашевич>”»[17].

В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., замечал: «Лукашевич, Платон Акимович, – нежинский товарищ Гоголя и Данилевского. По словам последнего, он был большой чудак, но человек золотого сердца. Он издавал книги и воображал, что открыл ключ ко всем языкам»[18].

Будучи в феврале 1839 г. Праге, Погодин записал в своем путевом дневнике: «*Февраль.* <...> *15* <*(н. ст.). Прага*>. <...> С Лук<ашевичем>. – Он кажется помешанный, а сказ<ывает> славные вещи о происхожде<нии> казаков от детей Боярск<их> и от <*1 нрзб.*> и пр. Отнюдь не была слишком опустошена Юж<ная> Рос<сия>, но отчего же не осталось летописей? Он объяснил будто Нестор<овой> географией. – Заход<ил> к нему. Недоволен отнятием прав у малор<оссийских> каз<аков>. Действит<ельно>, если это есть сословие, собстве<нники> земли. Желал бы знать, отчего <*1 нрзб.*> Лук<ашевич> занимается слов<ами>, наречиями и путешествует четыре года. Идет наше просвещение. <...>

16 <*февраля (н. ст.)*> Лук<ашевич> рассказал множество прекрасных вещей о Малороссии[19]. Такая любовь – редкое явление ныне, и сошел почти с ума. Хорошо бы объехать с ним Волы<нь> и Малорос<сию> после»[20].

См. также: «*15* <*февраля (н. ст.)*>. <...> Лук<ашевич> товарищ Гоголю. Замечательно, что всякое из наших учебных заведений дало отечеству по поколению отличных или по крайней мере замечательных людей; Царскосельский лицей, например, подарил А. Пушкина, Корфа, Волховского[21], Дельвига, Матюшкина[22] и проч.; Нежинский – с Гоголем Кукольника, Прокоповича, Базили и этого Лукашевича. <...>

16 <*февраля (н. ст.)*>. Лук<ашевич> рассказал мне множество любопытных вещей о Малороссии, и дал черновое письмо, посланное им к Графу Б<лудову>, о Польских помещиках на Волыни и Подолии, кои владеют своими Русскими крестьянами по амфиатическому праву, со времени возвращения края к России, сроком на пятьдесят лет, истекших недавно. И при Польских Королях у них не было полного крепостного владения, а только временное поместное; крепостное также установилось обычаем, а не по праву, со времени их возвращения к России»[23].

Позднее Лукашевич написал для «Москвитянина» Погодина статью «Предысторический славянский мир»[24].

В том же письме Гоголь извещает Данилевского о слухах, которые ходят по поводу его обращения за материальной помощью к Государю 18 апреля (н. ст.) 1837 г.[25]:

«Я вытащил недавно на почте из подвалов, обреченных забвению, письмо от маминьки, писанное еще от июля месяца[26], где, между прочим, одна очень замечательная черта о том, каким образом распространяются слухи еще насчет известного тебе письма, писанного мною года за два перед этим государю. Маминька пишет между прочим, что получила письмо от Варвары Петровны, бывшей Косяровской, ныне Березиной, которая извещает, что знает наверное, что я писал письмо к Жуковскому, прося его занять где-нибудь для меня три тысячи, но что это письмо было так написано смешно, что Жуковский показал его Государю и что Государь схватился за бока, целые четверть часа катался со смеху и приказал выдать мне не три, а четыре тысячи и сказал: пусть он напишет ко мне еще такое письмо – я ему дам еще четыре тысячи. Маминька говорит, что в этом не сомневалась, хотя я ей ничего, дескать, никогда не говорил и не пишу о подобных вещах. Но что в одном только не соглашается, что гораздо справедливее полагать, – что государь дал мне 6000, а не четыре, потому что даже какой-то (фамилии его не помню) хороший и почтенный человек, который служил когда-то в Петербурге и очень начитан и сведущ в литературе, говорит, что шесть. <...> Ты спрашиваешь о художниках русских. Я, право, их почти не вижу. А Дурнова твоего, если где встречу, право, тошнит. Что за народ! Кузьмины[27], Никитины[28], Ефимовы[29] – ужас какая тоска, и всякий из них уверен от души, что имеет много таланту. Кланяйся всем нашим знакомым: Квитке, Межаковым, Мантейфелю и проч. и проч. и твоей Estelle[30], если она только тебе не наварила чего-нибудь в штаны».

[1] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф // Свод.* Т. 2. С. 426.

[2] Из стихотворения Г. Р. Державина «Мой истукан» (1794): «Я рад отечества блаженству: / Дай больше небо таковых, / Российской силы к совершенству, / Сынов ей верных и прямых». Стихотворение написано по поводу завершения скульптором Я. И. Рашетом бюста Державина.

[3] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме (окончание)» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 445–446.

[4] См. ***1839. Марта вторая половина, не позднее 25 <не позднее 13>. Рим.***

[5] См. ***1809. Марта 22. Великий понедельник. Сорочинцы.*** – См. также ***1809. Марта 19. Пятница накануне Лазаревой субботы. 9 часов вечера. Великие Сорочинцы;***

[6] См. также ***1839. Февраля 10 <января 29>. Воскресенье. Рим***; ***1839. Марта 25 <13>. Понедельник. Рим.***

[7] См. ***1809. Конец февраля – начало марта. Местечко Великие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии***; ***1809. Марта 19. Пятница накануне Лазаревой субботы. 9 часов вечера. Великие Сорочинцы.***

[8] «Все эти сведения передаем со слов покойного А. С. Данилевского» (примеч. В. И. Шенрока).

[9] «По словам А. С. Данилевского, он был сын крестного отца Гоголя, Михаила Михайловича Трахимовского, и внук доктора Михаила Яковлевича. О последнем Данилевской отзывался, как о своего рода знаменитости, говоря, что к нему приезжали даже из Москвы лечиться в реке Псле...» (примеч. В. И. Шенрока).

[10] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 519.

[11] См. ***1839. Февраля 12 <января 31>. Вторник. Рим.***

[12] См. ***1839. Марта 12 <февраля 28>. Вторник. Рим.***

[13] См. ***1839. Апреля 18 <6>. Четверг. Чивитавеккья.***

[14] См. ***1839. Мая 2 <апреля 20>. Четверг. Париж.***

[15] См. ***1839. Июля 13 <1>. Суббота – августа около пятницы 23 <около пятницы 11>. Мариенбад.***

[16] См. ***1836. Июня 28 <16>. Вторник. Гамбург*** (примечания); ***1836 ноября начало <октября вторая половина> – 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж*** (примечания); ***1838. Октября 28 <16>. Воскресенье. Лион*** (примечания).

[17] *Кулиш П. А.* <Примечание к письму А. С. Данилевскому от 25 марта (н. ст.) 1839 г.> // *Свод.* Т. 2. С. 17–18.

[18] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 519.

[19] См. также ***1843. Октября 13 <25>. Среда. Березань.***

[20] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф // Свод.* Т. 2. С. 419–420.

[21] Владимир Дмитриевич Вольховской (1798 – 7 марта 1841), капитан Главного Генерального штаба.

[22] Федор Федорович Матюшкин (1799–1872), адмирал.

[23] Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 1) // *Свод.* Т. 2. С. 420–421.

[24] См. ***1843. Октября 13 <25>. Среда. Березань.***

[25] См. также ***1838. Июня вторая половина, не позднее субботы 25 <июня конец – июля не позднее 7>. Москва.***

[26] См. ***1838. Июль <июля средина – августа средина>. Васильевка.*** – См. также ***1838. Июня 4 <16>. Суббота. Васильевка.***

[27] Р. И. Кузьмин.

[28] А. С. Никитин.

[29] Д. Ег. Ефимов и, возможно, Н. Еф. Ефимов.

[30] См. также ***1839. Марта 7 <февраля 23>. Четверг. Рим.***

МАРТА 26 <14>. ВТОРНИК. РИМ

Гоголь беседует с М. П. Погодиным об «освобождении» русской литературы «от ига двадесяти язык». (Вероятно, речь шла о будущем журнале[1], в котором Гоголь дал тогда согласие участвовать[2].)

Погодин записал в дневнике: «Погода дур<ная>, и Гоголь не в духе. Сделали записку, что смотреть еще. К Шев<ыреву>, чтоб осмотреть студии. – Обед. И мы обедать. <...> Дождь. С Гог<олем> о рус<ской> литературе»[3].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: «*26 <марта (н. ст.) 1839>*. Дождь льет ливмя. Нельзя никуда показать носу, однако я решился, кончив Италиянский урок,

хоть плыть да быть у Ш<евырева> и сделал записку, что еще осматривать нужно в Риме. После обеда немножко разгулялось время, но произошло несколько недоразумений, и мы пошли смотреть студии знаменитых художников уже поздно — *Торвальдсена, Тенерани, Джибсона*[4], *Выйята*[5]. Успели взглянуть только на Тенерани, который считается первым италианским ваятелем. <...> Дождь не перестает. Толковали с Г<оголем> о Русской литературе, за рюмками сладенького и легонького Дженсано, ей на здоровье, и на освобождение от ига двадесяти язык»[6].

[1] См. ***1839. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Рим.***
[2] См. ***1839. Августа 30 <18>. Пятница. Женева.***
[3] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф* // *Свод*. Т. 2. С. 426.
[4] Джон Гибсон (1790–1866), английский скульптор.
[5] Ричард Джеймс Уайт (Выйят, Виатт; 1795–1850), английский скульптор.
[6] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме (окончание)» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод*. Т. 2. С. 446.

МАРТА 27 <15>. СРЕДА. РИМ

М. П. Погодин в сопровождении С. П. Шевырева и, возможно, Гоголя посетил кладбище, где похоронена дочь князя П. А. Вяземского княжна Прасковья Петровна[1].

Погодин записал в дневнике: «Вилла Гонза<га>, где Волк<онская> давала праздник Шевы<реву>»[2].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: *«27 <марта (н. ст.) 1839>*. <...> Зашли с Ш<евыревым> на Форум. <...> С Форума поворотили направо. <...> Вышли ко храмине Весты, или Солнца, где ныне церковь Солнечной Божией Матери. <...> Ш<евырев> завел на *виллу Гонзаги*, на берегу Тибра, где Кн<ягиня> В<олконская> давала ему праздник в день именин его, декабря 27 / января 8[3], на открытом воздухе, под тению лимонов. Прекрасный уголок земли, покрытый цветами и плодами. Теперь все в полном цвете, а кругом за стенами ужасная гадость со всех сторон. <...> Позавтракав у подошвы горы Testaccio <...> пошли на *кладбище*, очень хорошо устроенное, для иностранцев: англичан, русских и жидов. Постояли на могиле Княжны В<яземской>, дочери нашего доброго Кн<язя> П<етра> А<ндреевича>. — Русская могила, вдали от отечества, наводит особое уныние на душу! <...> ...Теперь начинаются торжественные служения Страстной и Святой недели, для которых наезжает путешественников отовсюду. Осмотры наши прекращаются, ибо надо ходить всякой день к Св. Петру раза по два»[4].

[1] Восемнадцатилетняя дочь князя П. А. Вяземского княжна Прасковья Петровна скончалась в Риме в 1835 г. В письме из Рима к князю П. А. Вяземскому от 25 июня (н. ст.) 1838 г. Гоголь сообщал ему о посещении могилы княжны П. П. Вяземской: «Еще не так давно был я вместе с княгиней Зин<аидой> Волхонской на знакомой и близкой вашему сердцу могиле». — См. также ***1834. Августа 23. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1835. Мая 24. Пятница. Полтава***; ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт*** (примечания).
[2] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф* // *Свод*. Т. 2. С. 426.
[3] См. ***1839 января 8 <1838 декабря 27>. Вторник. День памяти св. апостола первомученика и архидиакона Стефана. Рим.***
[4] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме (окончание)» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод*. Т. 2. С. 446.

МАРТА 28 <16>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Позднее, в 1842 г., М. П. Погодин в статье «Месяц в Риме» сообщал:

«28 <марта (н. ст.) 1839>. К Св. Петру. Ныне умовение ног».

Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме (окончание)» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод*. Т. 2. С. 446.

МАРТА 28 <16>. ЧЕТВЕРГ

Н. А. Мельгунов, со слов проживавшего в Берлине Я. М. Неверова[1], в письме к С. П. Шевыреву в Рим сообщает:

«Скажи Гоголю, что его “Миргород” переводится в Берлине под надзором Фарнгагена[2]. Я этому очень рад»[3].

[1] См. ***1839. Апреля 10 <марта 29>. Среда.***
[2] Карл Август Фарнгаген фон Энзе (1785–1858), немецкий писатель и критик. Перевод неизвестен. Незадолго перед тем, 28 февраля 1839 г., Мельгунов писал также С. П. Шевыреву: «На днях я получил письмо от Фарнгагена <...> Он вздумал перевести несколько повестей Одоевского и моих; “Миргород” Гоголя переводится другим, знающим по-русски» (*Кирпичников А. И.* Между славянофилами и западниками. Н. А. Мельгунов. Историко-литературный очерк, по неизданным документам // Русская Старина. 1898. № 11. С. 329). О своем чтении «Тараса Бульбы» К. А. Фарнгаген фон Энзе извещал Я. М. Неверова в письме от 2 октября 1841 г. (вероятно, это было первое чтение) (см.: Zeitschrift für Slavistic. 1984. Bd. 29. № 6. S. 937).
[3] Гоголь в письмах Н. А. Мельгунова // *Свод.* Т. 1. С. 760.

МАРТА 29 <17>. ПЯТНИЦА. РИМ

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Лавки колбасни<ков> освеще<ны>; чудо. И золото, и серебро. Б<*нрзб.*> и статуи из сала»[1].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: *«29 <марта (н. ст.) 1839>.* В рабочую к *Торвальдсену.* <...> ...В 6 часов к Св. Петру.

Ныне Miserere[2] поется в капелле Сикстовой, у Микель-Анджело! <...> Теперь начнутся церемонии в храме Св. Петра. <...> Лавки изукрашены – прелесть: сало, сыр, ветчина, являются здесь в таких изящных формах, что загляденье. Плошек, стаканчиков разноцветных, видимо-невидимо. Масло оливное сияет в прозрачных сосудах. Блеск ослепительный! Золото, серебро, бриллианты, так и сверкают перед глазами. Окорока все в гирляндах, с лавровыми венками. Сало пирамидами, сыр колоннами и обелисками в цветах и зелени»[3].

Речь идет о так называемом «празднике колбас». В. В. Стасов 18/30 апреля – 2 мая 1852 г. писал своей тетке А. А. Сучковой о своем тогдашнем пребывании в Риме: «В Субботу вечером, накануне Пасхи, я был в кондитерской Nazzari <...> рассуждали о смерти Гоголя, стихах Некрасова[4] и письме <В. П.> Боткина[5], написанных по этому случаю, как вдруг прибежал к нам живописец Иванов <...> и рассказал, что сейчас же надобно ехать по всему Риму смотреть *праздник колбас.* Взяли коляску и поехали мы *впятером* по всем улицам римским, где только есть большие колбасные, – а в итальянских городах они на каждом шагу. Вы не вздумайте судить о них по Петербургским – и сравнения никакого нет с нашими. – Нет <...> итальянская колбасная лавка может быть сравнена только *разве* с мясной лавкой в Лондоне, а это почти что все равно, что Парижская кондитерская <...> В Италии нет таких окон, таких стекол, напротив колбасные лавки скорее *темные,* потому что загромождены до такой степени, но какая чистота, а главное – какая живописность! В Пятницу же и Субботу Страстной недели, в Риме, эти лавки в самом деле в настоящем своем празднике, точно театр в бенефис. У дверей и потом в лавке выставлены упирающиеся в высокий потолок толстые колонны из кругов сына, темно-зеленые (потому что наружная корка у пармезана этого цвета) и перевитые зеленью. Весь потолок представляется точно резной выпуклый (как во всех итальянских palazzi XIV, XV и XVI веков), потому что плотно и сжато навешаны целые сотни маленьких окороков и толстых болонских колбас. Свиное сало <...> стоит по стенам, точно квадратные большие белые полета, со звездочками и разными фигурами из цветной бумаги, налепленными на них. Над маслом точно настоящие скульпторы работали и вылепили, и вырезали из него сто разных групп, орнаментов, статуй и фигур маленьких: из него сделаны и агнец Пасхальный, и Иисус Христос, и апостолы, и фонтаны, из которых бьет вода, – обложено все зеленью, свежею и яркою, а сосиски висят везде в лавке и в дверях на улицу цепями, гирляндами. Бесчисленные маленькие восковые свечки горят везде между сырами, зеленью, белым блестящим салом и делают в этой лавке такой свет, какой бывает в бальной зале. Но, что всего лучше, в этой *бенефисной,* расцвеченной всеми красками и сияющей комнате, это перспектива яиц, прямо против самых

дверей. На аршина 1 ½ от полу, в четвероугольной пещерке, прорытой между салом и ветчинами, лежат в один ряд бесчисленные яйца, в глубине пещерки установлено зеркальцо, которого никогда не увидишь сам и не догадаешься, если не расскажут; делается от этого зеркала перспектива яиц точно в версту длиной, вся освещенная опять-таки огоньками; еще с улицы увидишь эту прелесть и остановишься поневоле с десятками мальчиков, девочек и чудесных самых римлянок стоять у дверей, рассматривать этот необыкновенный итальянский праздник колбас. В этот вечер я вылезал 50 раз, я думаю, из коляски — смотреть каждую лавочку, и еще больше те лица и те глаза, которые разглядывали эти лавочки»[6].

[1] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф // Свод.* Т. 2. С. 427.

[2] Многоголосное песнопение на текст пятидесятого псалма («Miserere mei, Deus, secundum magnam misericordiam tuam...» — «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей...»), исполняемое в Сикстинской капелле на Страстной неделе.

[3] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме (окончание)» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 446.

[4] Имеется в виду стихотворение Н. А. Некрасова «Блажен незлобивый поэт...» (см. ***1852. Февраля 25. Понедельник. Санкт-Петербург***), опубликованное в мартовском номере «Современника» за 1852 г.

[5] Вероятно, имеется в виду письмо В. П. Боткина к И. С. Тургеневу, написанное в день смерти Гоголя (см. ***1852. Февраля 21. Четверг второй недели Великого Поста. 7 часов 45 минут. Москва***).

[6] Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922. С. 267–268.

МАРТА 30 <18>. ЛАЗАРЕВА СУББОТА. РИМ

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Хотел в Капит<олий>, но Шев<ырев> привел к Фешу. К нему, а Гоголь с Лизо<й> не пришли. За ними. А их нет. На площадь. Нет. Насилу нашел случайно в переулке. Пожурил <?> Гоголя и Лизе выговор»[1].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: «*30 <марта (н. ст.) 1839>*. Ш<евырев> послал нам приглашение осматривать ныне *галлерею Кардинала Феша* с Княгинею Г<олициной>[2]. <...> От Феша отправились в Капитолий; по дороге застал нас дождик, и мы забежали в церковь Iesu. Учтивый Аббат встретился в дверях и предложил жене моей свой зонтик. <...>

Il museo Capitolino заключает в себе также множество сокровищ <...> в двух обширных залах помещается картинная галлерея: превосходная Сивилла *Доминикина*, другая Сивилла *Гверчина*, Андромеда *Гвида*, мальчик с Ангелами *Гвида*, Магдалина *Тициана*, повторение Венецианской. Душа, *Гвида*, Св. Севастиан, его же; Цыганка, *Караваджио*; огромная картина *Гверчина*, во всю стену, представляющая мучения Св. Петрониллы[3]. Рядом с нею оставлена копия нашего художника *Серебрякова*[4], копия, которая смело может стоять подле своего подлинника. Художник предлагает ее любителям. С горестию подумал, что у нас перевелись почти эти вельможи, которые посвящали бы свои избытки искусствам[5], собирали бы произведения, занимали бы своих художников. Истратить пять-десять тысяч на бал, двадцать тысяч на туалет, о, на это мы готовы, хоть в долг; но заплатить пятьдесят рублей за книгу, — заказать в тысячу рублей картину — слуги покорные! Да где продается книга? да что не делать с картиною? Вельможи прошедшего столетия покупали библиотеки, заводили галлереи, собрания редкостей, положим, без толку, по советам иностранцев, которые их обманывали и разоряли, — это была крайность. — Но куда же вышли из этой крайности их дети? К другой крайности — пренебрегать и книги, и картины, и редкости, и бросать свои деньги на удовольствия гораздо более ничтожные, пустые, ветротленные, чем удовольствия их отцов.

Я пристрастен, я увлекаюсь, — но сочтите мне, сколько есть вельмож в России, которые купят в год на двести рублей Русских книг!»[6]

[1] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф // Свод.* Т. 2. С. 427.

[2] Вероятно, имеется в виду жена князя Д. В. Голицина Татьяна Васильевна (рожд. Васильчикова; 1783–1841).

[3] Память св. Петрониллы (около 90 г.), дочери св. первоверховного апостола Петра, совершается 31 мая.

[4] Василий Алексеевич Серебряков (1810–1886), художник.

[5] Ср. рассуждение Гоголя о меценатах во второй редакции повести «Портрет»: «Множество карет, дрожек и колясок стояло перед подъездом дома, в котором производилась аукционная продажа вещей <см. ***1834. Марта вторая половина — август. Санкт-Петербург***> одного из тех богатых любителей искусств, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные в зефиры и амуры, которые невинно прослыли меценатами и простодушно издержали для этого миллионы, накопленные их основательными отцами, а часто даже собственными прежними трудами. Таких меценатов, как известно, теперь уже нет, и наш XIX век давно уже приобрел скучную физиономию банкира, наслаждающегося своими миллионами только в виде цифр, выставляемых на бумаге».

[6] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме (окончание)» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 446–447.

МАРТА 31 <19>. В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ – ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ, В КАТОЛИЧЕСКОЙ – ПАСХА. РИМ

День тридцатилетия Гоголя.

Погодин записал в дневнике: «Обед у Волк<онской>. Иллюминация»[1].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: «*31 <марта (н. ст.) 1839>*. День Светлого Воскресения, по римскому календарю. Отправились к Св. Петру. <...>

Нельзя было возвращаться домой с таким множеством экипажей, которые все толпились на одной улице. <...> Переждав разъезд, оправились к Ш<евыреву>, и с ним вместе обедать на виллу к Княгине В<олконской>. — Обедало несколько русских. После обеда дамы поехали в город в экипажах, а мужчины пешком.

Зашли в церковь Св. Климентина, где в подземном склепе почивают мощи Св. *Кирилла*, изобретателя Славянской грамоты. Хотелось было сходить в подземелье, но не было Патера, у которого хранятся ключи. Церковь древняя, но бедная, и имеет много колонн Римских. Постояли у Колизея и посмотрели на пляску национальную Saltarella, среди глазевшей толпы. <...> Из дома, лишь начинало смеркаться, повел я опять жену к Св. Петру смотреть знаменитую иллюминацию»[2].

[1] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф* // *Свод.* Т. 2. С. 427.

[2] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме (окончание)» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 447.

МАРТА КОНЕЦ <МАРТА СРЕДИНА>. РИМ

В Рим из Парижа приехали Н. П. Боткин и Исаев[1] с письмом, дорожной палкой[2] и красками[3] от А. С. Данилевского. Зайдя на квартиру Гоголя в первый раз, не застали его дома — и оставили ему палку. При втором визите передали ему письмо и краски[4].

[1] Возможно, один из сыновей купца третьей гильдии, владельца московской ткацко-бумажной фабрики Марка Агеевича Исаева (1787–1849) — Сергей (1809 — после 1857) или Логин (1818 — после 1857) (см.: Книга адресов столицы Москвы, составленная <...> фон Метелеркампом и К. Нистремом. М., 1839. Ч. 3. С. 91; Указатель Москвы. Составлен <...> М. Захаровым. М., 1852. Т. 2. С. 20; Материалы для истории московского купечества. М., 1888. Т. 7. С. 105; М., 1889. Т. 8. С. 119; М., 1889. Т. 9. С. 102.) Исаев приехал в Рим из Парижа вместе с Н. П. Боткиным.

[2] См. ***1838. Октября 25 <13>. Четверг. Париж.***

[3] См. ***1839. Февраля 10 <января 29>. Воскресенье. Рим***; ***1839. Марта 25 <13>. Понедельник. Рим.***

[4] См. ***1839. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Рим.***

АПРЕЛЯ 1 <МАРТА 20>. ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь с М. П. и Е. В. Погодиными посещают мастерские М. И. Скотти, Д. Е. Ефимова и др. Вечером Гоголь, Погодины и А. А. Иванов смотрят фейерверк в замке Святого Ангела.

Погодин в этот день записал в дневнике: «Жирандола»[1].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: «*Апреля 1 <(н. ст.) 1839>*. Принуждены были посвятить день отдыху и поберечь силы для вечера. По крайней мере обойдем рабочие Русских художников, кои все почти у нас в соседстве. Г. *Скотти*[2], сын того Скотти[3], который усеял Ангелами купол Шереметевой церкви в Москве, начал писать портрет с меня. Были у Г. *Ефимова*[4], архитектора, который путешествовал по Греции и Египту, и рассматривали полный портфель его. От него к *Бруни*, нет дома; к *Живаго*, нет дома, к *Маркову*, нет дома. Впрочем, немудрено, ибо ныне праздник. С досады пошли к чужим: к *Джибсону*, первому английскому ваятелю, — дома. Множество прекрасных грациозных произведений. Англичане вообще отличаются теперь в скульптуре, которая процветает преимущественно в наше время, ибо живописцев, кроме наших, нет отличных в Риме, ни даже в Европе. Кого поставят они рядом с Брюлловым, Бруни! Были у *Выйята*, также отличного ваятеля. Английские художники гораздо приветливее, любезнее своих соотечественников.

Зашли к одному французскому художнику, который гравирует Мадонну Бруни[5]. Мне показалась она слишком идеальною, почти фантастической. Потом итальянцу, который пишет зверей, и показал нам две славные картины Пуссеня.

Другая работа *Торвальдсена* так же полна, как первая. Воображение его неистощимо, но руки отказываются.

В сумерки отправились к крепости Св. Ангела, в коей ныне будет сожжен знаменитый *фейерверк*, сочиненный Микель-Анджелом. Та же история дорогою с экипажами. Вдалеке еще от Св. Ангела начали предлагать нам места в домах, откуда можно смотреть жирандолу. Мы отказывались, желая подойти ближе, но ближе все уже было занято, и мы не могли получить ни одного места. Надо было остаться на площади перед мостом. Теснота и давка страшная, а всего опаснее жандармы, которые без всяких объяснений готовы были, кажется, ездить по головам. С нами был Г<оголь> и художник И<ванов>. — Решились воротиться; по прежней дороге не было никакой возможности, ибо она вся запружена народом и экипажами. Продравшись кое-как чрез толпу, поворотили по глухим улицам и переулкам, в которых не видать и не слыхать было ни души. Темнота, хоть глаз уколи, ни из одного окна не светилось огонька. И странно и досадно, что теряем случай видеть знаменитейший в Европе фейерверк. А все виноват Г<оголь>, который отсоветовал хлопотать о местах заранее, уверяя, что их получить легко. Спутники наши, зная хорошо Рим, вывели нас наконец на нашу via del Condotti, в значительном расстоянии от площади, где экипажи уже перерывались. Начали толкаться наудачу в двери, и наконец в одном домишке придверник предложил нам четыре места; по скверной темной лестнице через заваленные комнаты провел он нас на свой балкончик, над Тибром, наискось, впрочем отдаленную, от мавзолея Адрианова. Людей натыкано было на этом бренном балкончике столько, что я побоялся, как бы он не обломился.

Мы стали одною ногою на балкон, а другою на пороге, чтоб на всякой случай иметь хоть какую-нибудь точку опоры. Разумеется, нам будет видно хуже через головы, зато безопаснее. В комнатке горел какой-то тусклый ночник. А что за фигуры стоят подле нас! Они тотчас начали ссору с хозяином, зачем напускал он лишних людей сверх договора; хозяин стал приводить им причины, оправдываться, но вот прошипела и сверкнула ракета, — внимание устремилось, и ссора затихла. Первая декорация понравилась особенно — густые облака дыму рассеялись, и крепость Св. Ангела представилась каким-то волшебным замком, вся в пламени; залились огненные фонтаны, загремели бураки из тысячи ракетов, которые рассыпались над Тибром, при залпах из пушек. Пушечные удары, коими как будто заключалась всякая часть фейерверка, наполняли громом всю окрестность, неслись по реке и отдавались вдали, производя особенное действие. Торжественно, величественно, высоко! Нас так и обсыпало искрами беспрестанно. Прилетали и завертки, головни. Стекла звенели, дома дрожали, — того и глядел я, что балкончик наш кувыркнется в Тибр, и, каюсь в трусости, я прижимался к стене.

Некоторые штуки не удались, и наши товарищи, которые видали жирандолу несколько раз, принимались ругать нового архитектора, вздумавшего будто поумничать и сделать перемену в сочинении Микель-Анджела. Мы услышали после, что народ на площади освистал его в наказание за дерзость[6].

Что до нас, мы были очень довольны и тем, что видели, ибо до сих пор не знали ничего лучше в этом роде. Пресмешно выбирались мы из нашего курятника — что за клетки, переходы, лестницы!

Воротились домой без дальних приключений и опасностей; как-то особенно посчастливилось: а экипажей было много, но они разъезжались с промежутками одни за другим, или сталкивались только на просторных площадках, и мы не натерпелись никакого страха. Мое опасение, — мне не хотелось идти на жирандолу, не запасясь местами предварительно, — оказалось несправедливым, и я был очень рад.

Скорее спать, чтоб завтра поднять пораньше: мы уговорились с Р<ихтером>и Г<оголем> ехать в пять часов утра в Тиволи, если будет хороша погода»[7].

[1] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф // Свод.* Т. 2. С. 427. — Жирандола (джирандола, girandola; *ит.*) — фейерверк. Традиционно в замке Св. Ангела, бывшем мавзолее императора Адриана (где находились урны с прахом римских императоров), устраивалась джирандола, сочиненная Микеланджело.

[2] Михаил Иванович Скотти (1814–1865), художник.

[3] Иван Петрович (Джио Батиста) Скотти, батальный и декоративный живописец.

[4] Д. Е. Ефимов.

[5] «При стремлении создать церковную живопись, которая была бы чисто "русской", "националистические тенденции, как это всегда бывает, вызвали к жизни многие странные обратные явления. Призванные художники, большинство которых прошло немецкую школу, либо обновленную римско-болонскую, должны были осуществить заветное желание правительства вернуть религиозному искусству его былое великолепие, мощь и значение" (А. Грищенко. Русская икона как искусство живописи // Вопросы Живописи. Москва 1917, стр. 11). В росписях столичных храмов (Исаакиевского собора в Петербурге (1818–1858) и храма Христа Спасителя в Москве (1839–1883)) участвует целый ряд художников-римокатоликов, профессоров и питомцев императорской Академии художеств: Брюллов, Семирадский, Бруни, фон Нефф. Им, наряду с другими, выпала судьба создать национальное русское искусство — "заменить Феофана Грека, Рублева, Дионисиев и многое множество безымянных мастеров древней иконы. При полном небрежении к драгоценным памятникам старорусского искусства, новым «высоким» иконописным стилем остались довольны не только в официальных сферах" (Грищенко А. Указ. соч., стр. 12). В качестве примера достигнутого результата Грищенко приводит оценку славянофила Шевырева <...>: "Бруни успел найти и новый образ для своей Мадонны, и новое положение, он изобразил ее чертами девы; в задумчивых томных глазах, в бледном колорите, в эфирном стане, в неразвитой моложавости, которую даже вменяли в порок художнику, — вы видите эти признаки Мадонны северной, скажу, Русской, которой мысль и образ могли родиться на берегу Невы" (Там же, стр. 12–13). И вот эта пошлость с примесью сублимированной эротики заменила икону. И "какая пропасть отделяет эту Мадонну с берегов Невы от великого образа Богоматери, родившегося на берегах Геллеспонта, — писал Н. Щекотов, — и как трудно, почти невозможно было людям 40-х годов перешагнуть эту пропасть и возвратиться к красоте древности" (Щекотов Н. Иконопись как искусство (по поводу собраний икон И. С. Остроухова и С. П. Рябушинского) // Сб. »Русская Икона», вып. 2-й. Спб., 1914, стр. 130)» (*Успенский Л. А.* Богословие иконы Православной Церкви. Издание Западно-Европейского Экзархата. Московский Патриархат, 1989. С. 371–372).

[6] Далее в издании дневника М. П. Погодина 1844 г. следует: «Бывает столько же вреда, / Когда / Невежа не в свои дела вплетется, / И поправлять труды ученого возьмется. / Сказал давно наш Крылов. Что до нас, мы были очень довольны...» (Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина. М., 1844. Ч. 2 (цензурное разрешение 19 июня). С. 120). — См. также ***1839. Марта 13 <1>. Среда. Рим*** (примечания).

[7] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме (окончание)» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 447–448.

АПРЕЛЯ 2 <МАРТА 21>. ВЕЛИКИЙ ВТОРНИК. РИМ, ТИВОЛИ, РИМ

Гоголь с М. П. и Е. В. Погодиными, А. А. Ивановым и Ф. Ф. Рихтером[1] ездил в Тиволи.

Погодин записал в дневнике: «В Тиволи»[2].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин сообщал: «*2 <апреля (н. ст.) 1839>*. Поднялись спозаранку и выехали из Рима воротами С. Лоренца близ монастыря того же имени, куда Римлянки, принадлежащие к числу сестер милосердия, по вторникам ночью, с факелами, приходят большой процессией молиться Богу. По плохому мосту переехали через Горациев Анио.

По дороге видишь кое-где гробницы, или, лучше сказать, груды камней. Что за мертвенная природа вокруг!

Синее озеро *Сольфатара*, разносящее далеко противный запах тухлых яиц. Здесь были бани Агриппы, куда езжал и Август.

Близ самого *Тиволи* начинаются масличные рощи: деревья, тонкие, искривленные и дупловатые, похожие наружностию на наши ивы; ничего красивого, живописного. Городишко самый бедный; кажется, не живет здесь ни одного порядочного человека, а построен за 500 лет почти до Рима, следовательно за 3000 лет до нашего времени! От ворот, с горы, прекрасный вид на Римское поле и город; но дождик помешал нам насладиться. Мы остановились в гостиннице подле храма Весты, на вершине скалы. Знаменитый водопад пред глазами. Аниене бросается стремглав в пропасть, сажень в десять глубиною. И падает она прекрасно, а упадает еще лучше. Бездна пены, брызгов, шуму,

Алмазна сыплется гора[3].

И вдруг солнечный луч проносит воду и радужные цветы засверкают...

Река, угрожавшая наводнением городу и особенно храму Весты, отведена в сторону, сквозь гору, по которой проложен красивый, новый мост. Водопад лишился несколько пиитической своей дикости, зато приобрел прозаическую безопасность: мы наняли четырех лошаков с двумя проводниками. Пресмешная процессия составилась из нас, как мы, в разнообразных своих костюмах, — плащах, солопах, блузах, сели на долгоухих чад осла и кобылицы, и потянулись гуськом под гору смотреть Cascatelli. И<ванов> хотел написать эту смешную картину. Виды прелестные на всяком шагу, коры, по коей мы ехали, чрез обширный овраг, на другую гору, высшую, с которой ниспадают эти великолепные потоки, белыми, серебристыми, радужными, переливными лентами, пуская от себя блестящую пыль. По оврагу, среди сельских огородов, между ветвистыми деревьями, стремится быстрая речка, получившая дань со всех сторон, и, кажется, слышишь стихи Горация, который поет в честь ее.

Me nec tam patiens Lacadaemon[4],
Nec tam Larissae[5] percussit campus opimae,
Quam domus Albuneae[6] resonantis
Et praeceps Anio[7], ae Tiburni lucus, et uda
Mobilibus pomaria rivis[8].

Какая простота, даже дикость, — вот сельская природа по преимуществу. Осел мой отстал, и я не умел с ним хорошенько справиться (да ведь и мудрено справиться с ослами, — то ли дело с лошадьми!). Пустил его на волю, не спуская глаз с прелестной картины, которая изменялась беспрестанно. Ни об нем я не думал, а думалось, и очень приятно, сладко.

Общество остановилось на несколько минут, и я поправился. Проводник болтал нам вздор о всех шалашах, которые попадались нам на глаза, и мы слушали его с удовольствием, потому что в рассказах его звучали имена Горация, Катулла, Мецената.

Мы оставили наших ослов в рощице, и пошли пешком чрез огороды к речке, следовали несколько времени за ее течением, в совершенной глуши. Погода разгулялась, и солнце обливало нас жаркими лучами своими. У склона гор мы сели на своих ослов, и начали подниматься в город, миновав виллу Меценатову, для которой у нас мало оставалось времени, притом мы насытились уже древностию, и предпочли ей *виллу д'Есте*, которая должна нам напомнить Италию средних веков. В грязном, пустом переулке, состоящем из одних заборов, постучались мы в каменные высокие вороты. Нет ответа. Шибче и шибче. Тоже безмолвие — лишь только наши собственные удары отзывались вдали. Мы начали наконец огромным кольцом стучать так, что все Тиволи должно бы сбежаться на сию турбацию. Нимало — мы стояли, казалось, пред оставленным заколдованным замком, в волшебной сказке. — Выбившись из сил, должны были, по совету проводника, объехать весь сад и соседние домы, и заехать с другой стороны к воротам дома в самом городе! Взобрались на гору, потом долго колесили по переулкам. Что за старух видели мы в разных углах, на улицах,

за пряжею, укрывавшихся от солнца, какие мужчины, что за ребятишки! как они одеты! Боже мой, Боже мой, — при такой природе, среди таких красот, такая бедность и дикость! Бедное человечество!

Устав порядком, добрались мы наконец до ворот. Проводник отыскал какую-то оборванную женщину, которая повела нас по комнатам, расписанным некогда Цуккари и другими знаменитыми художниками. Дворец необитаемый, ветер воет по обширным пустым залам, кои кажутся теперь казармами, зато вид такой с террасы. Сад расположен по скату горы. По одному уступу устроены были сотни фонтанчиков из урн, стоящих в прямой линии. Над гротом они еще не совсем испортились, и садовник, которому передала нас женщина, отвернув где-то кран, пустил из них воду, ударившую вверх тонкими струями.

Сад запущен, дорожки порастают травою, но какие деревья, какие цветы мелькают еще кое-где! Уныло бродили мы здесь одни-одинехонки. Хоть тяжело и далеко было спускаться вниз до тех ворот, которые мы проломали было, однако решились, чтоб полюбоваться снижу превосходным видом величественного дворца. Пошли, — потом опять надо было подниматься наверх!

Как проголодались мы! Бросив ослов, бегом почти побежали в нашу гостинницу, ко храму Весты, где заказан был у нас обед. Гостинница была полнехонька. Наехала толпа англичан. Обед еще не готов. Предосадно. В ожидании И<ванов> показал нам десяток голов, начерченный Брюлловым углем на стене. С гордостию посмотрели мы на эти причудливые черты нашего славного мастера. Наконец подали кушанье, и мы принялись за макароны так, что италиянцам стало любо. Гостинница, впрочем, из весьма посредственных. Удивительно, как в таких многопосещаемых местах не заведется до сих пор лучших, к пользе содержателей и удовольствию путешественников.

Пока закладывали нашу коляску, мы полюбовались еще водопадом от храма Весты; но поднялся такой ветер, что едва стоять было можно. Сходили вниз по очень спокойным дорожкам в гроты.

Вилла Адрианова принадлежит к числу самых интересных развалин в Риме, и по своей обширности, и по своим воспоминаниям, и по своему настоящему положению. Император Адриан, большой охотник до архитектуры, хотел соединить здесь все предметы, поражавшие его при путешествии, точно как покойная Императрица[9] в Вене собрала в Лаксенбурге воспоминания Рыцарства. Мимо пустынных огородов въехали мы на двор, где скучает одинокий дом, в роде нынешней английской фермы. Там стояло уже несколько экипажей; проводники все разошлись с путешественниками, и на нашу долю осталась оборванная двенадцатилетняя девчонка, босиком, с голыми руками, которая тотчас и повела нас, начав свое выученное наизусть описание: Вот Греческий театр, вот Пекиле (портик, украшенный картинами в Афинах), вот храм Стоиков, театр Морской, вот гвардейские казармы, Каноп (на память об Египетском, где был храм Сераписов), вот библиотека, Императорский дворец.

И если б вы видели, что за здания скрываются под такими пышными именами? Здесь груда камней, так упавшая стена, свод провалившийся, бугор, насыпь. Есть, однако ж, целые комнаты с живописью на стенах по черному полю. Сохранилась длинная стена, усеянная деревьями и кустарниками. Все развалины находятся вдали одна от другой, и доказывают обширные пределы виллы. Прогулка по этим романтическим памятникам от одного к другому очень приятна.

В вилле Адриановой найдено было множество статуй, украшающих теперь римские галлереи.

Поздно вечером воротились мы в Рим. А надо еще брать урок. Лишь только ударило 9, как я лег спать, а учитель[10] через пять минут постучался, и должен был идти назад, увидя, что его ученик уже на покое. Как быть — ученик везде ученик и всегда рад обмануть учителя»[11].

В тот же день, 2 апреля (н. ст.) 1839 г., Гоголь отвечал на два парижских письма А. С. Данилевского — одно, переданное ему приехавшими из Парижа Н. П. Боткиным и Исаевым[12]; другое — принесенное почтальоном в самое время сочинения письма:

«Я пишу и отвечаю на твое письмо немножко позже, чем думал, все оттого, что хотел писать к тебе с оказией через Чилищева, которого, без сомнения, ты встретишь в Париже в роде тех офи-

церов лихачей, которые водятся только у нас на Руси. Но так как Чилищев меня надул[13] и вместо назначенного дня уехал раньше, то я наконец должен писать по почте. Письмо твое привезли довольно исправно и скоро приятели твои Боткин и Исаев и потом ушли и куда делись, я никак не могу догадаться. В первый раз[14] они меня не застали дома. Я вхожу к себе и вижу на столе лежит знакомая мне палка, этот сюрприз меня очень обрадовал. Мне показалось, как будто бы я увидел часть тебя самого. Краски я тоже получил, хотя не все из тех самых колеров, которые я тебе назначил. <...> Я хотел было просить... В эту самую минуту высунулся ко мне в дверь почталион и подал мне от тебя письмо новое. Это обстоятельство и чтение его совершенно выбило из головы моей, о чем я хотел было просить тебя. Да. Письмо твое несколько грустновато. Мне самому даже будущность твоя не представляется в заманчивом виде. Я бы тебе даже не советовал ехать в Петербург. Чорт с ним! холодно и для тела и для души. Мне кажется, лучше было бы для тебя поселиться в Москве. Там жить дешевле, люди приветливее. Там живут мои приятели, которые любят меня непритворно, искренно. Они полюбят тоже тебя. Там тебе будет радушнее. Мы об этом поговорим с тобою в Мариенбаде, куда я надеюсь будешь и ты. Я думаю даже, что в Москве ты скорее можешь найти какую-нибудь службу или – пора тебе попробовать себя, не будь упрям, может быть, тебе Бог дал расположение и талант, которого ты еще не знаешь. Примись за что-нибудь – пиши! Хоть из любви ко мне, если не хочешь из любви к себе. <...> Пиши или переводи. Ты теперь язык французский знаешь хорошо, без сомнения и итальянский также или веди просто записки. Материалу у тебя для этого понабралось. Ты не мало уже видел и слышал – и хлопочущий Париж и карнавальная Италия. Право, много всего, и русской человек в середине[15]. Погодин и Шевырев примутся не шутя издавать настоящий дельный журнал[16], ты бы мог трудиться для него тоже. С первым днем 1840 года, кажется, должна выйти первая книга[17]. Кстати о журнале Отечественные Записки. Я получ<ил> тотчас по приезде моем в Рим[18] предлинное письмо от Краевского, на которое я никак не собрался отвечать, да признаюсь и не знаю как. К тому ж и самое письмо пошло на какие-то требы. Краевский просто воет и подымает решительно всех ополчиться на сатану; говорит, что здесь должны мы всеобщ<ими> силами двинуться, что это последний крестовый поход[19]... <...> Я себе представляю мысленно, как этот человечек хлопочет и почесывает очень солидно бакенбарды на своем миниатюрном лице. Погодин видел первую книжку и говорит, что вдвое больше Библиотеки для чтения, но что он не заглядывал в середину книги и не имел для этого времени. Еще он же сказывал, что ему говорил один, что Краевский очень благонамеренно действует и поощряет молодых литераторов, собирая их около, но что имен этих литераторов трудно упомнить, а литераторы хорошие и очень образованные. Я сам то же думаю. – Следующее письмо вручит тебе Погодин вместе с Шевыревым».

[1] См. ***1839. Апреля 1 <марта 20>. Великий понедельник. Рим.***

[2] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф* // *Свод*. Т. 2. С. 427.

[3] Начальная строка стихотворения Г. Р. Державина «Водопад» (1791–1794).

[4] Лакедемон, главный город Спарты (Лаконии).

[5] Ларисса, город в Фессалии.

[6] Альбунея, нимфа источника около Тибра.

[7] Анион, приток Тибра.

[8] Гораций. Оды. Кн. 1, VII, 10–14: «Мне же не так по душе терпеливый / Лакедемон и простор полей многоплодной Лариссы, / Как Албунеи чертог говорливой, / Быстрый Анио ток, и Тибурна рощи, и влажный / Берег зыбучий в садах плодовитых» (пер. Г. Ф. Церетели).

[9] Имеется в виду Мария Терезия (1717–1780), австрийская эрцгерцогиня с 1740, великая герцогиня Тосканская, королева Венгрии с 1740 и Чехии с 1743, императрица Священной Римской империи с 1745 г.

[10] Грифи, «отрекомендованный Гоголем Погодину учитель итальянского языка» (*Шенрок*. Т. 3. С. 277). – См. ***1837. Май <апреля вторая половина – мая первая половина>. Рим***; ***1838. Марта 15 <3>. Четверг. Рим*** (примечания).

[11] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме (окончание)» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод*. Т. 2. С. 448–450.

[12] См. ***1839. Марта конец <марта средина>. Рим.***

[13] Возможно, черты Чилищева, «офицера лихача, которые водятся только у нас на Руси», нашли отражение в образе Ноздрева в «Мертвых душах».

[14] См. ***1839. Марта конец <марта средина>. Рим.***

[15] Позднее, в 1847 г. К. Н. Бестужев-Рюмин (впоследствии известный историк) замечал по поводу лирических отступлений Гоголя в первом томе «Мертвых душ»: «Какая-то особенная восторженность при мысли об России, какое-то желание обхватить в одном создании весь ее безграничный простор слышался в отступлениях. Точно такой же восторженностью отзываются мечты князя, главного лица в пьесе *Рим*, о будущем римского народа. Мы, может быть, ошибаемся, но нам кажется, что здесь под римским народом разумеется другой народ, еще многочисленнейший и еще менее развитый, одним словом, народ русский. Любя свою Русь, автор и сам не заметил, как передал свои мечты другому лицу и перенес их в среду другого народа» (*К. Б. Р. <Бестужев-Рюмин К. Н.>* Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя. С. П. Б. 1847 // Нижегородские Губернские Ведомости. Редактор П. Мельников. 1847. 14 мая. № 30. Часть неоффициальная. С. 419). – См. также ***1837. Марта средина <марта начало>. Бра***; ***1839. Марта 10 <февраля 26>. Воскресенье. Рим***.

[16] Речь идет о «Москвитянине» (см. также ***1839. Марта 26 <14>. Вторник. Рим***).

[17] Первый номер журнала «Москвитянин» (цензурное разрешение 13 декабря 1840 г.) вышел в свет 1 января 1841 г. (см. ***1840. Декабря 13 <25>. Пятница. Москва***).

[18] См. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим***.

[19] Вероятно, против «Библиотеки для Чтения», «Северной Пчелы» и «Сына Отечества».

АПРЕЛЯ 3 <МАРТА 22>. ВЕЛИКАЯ СРЕДА. РИМ

Позднее, в 1842 г., М. П. Погодин в статье «Месяц в Риме» сообщал:

«*3 <апреля (н. ст.) 1839>*. Почитаю обязанностию обойти русских художников, показать свое участие, порадоваться их успехам, засвидетельствовать им свое почтение. Нынешний день им посвящается, тем более, что из знатных наших путешественников никто к ним почти не заглядывает, как будто они были не только чужие, но даже враждебные. Я не понимаю, как может до такой степени заглохнуть национальное чувство. <...>

К *Рихтеру*. Он восстановил форум Троянов... <...>

К *Ефимову*, который трудится над восстановлением виллы Адриановой. <...>

Томировский <Томаринский> показывал восстановление фресков Адриановских... <...>.

У *Скотти*, который кончил мой портрет, однако ж, не совсем удачно, что до сходства, потому что я не мог уделить ему достаточно времени, есть прекрасные головы. <...>

...Перейду теперь к художнику, в котором есть, кажется, много Русского духа, к *Пименову*, которого мальчик, играющий в бабки, так понравился. Он занимается и живописью. <...> У него много моделей, кои все удостоверяют в его горячей душе.

Каневского не застал дома – но слышал множество похвал его портретам.

Марков показал нам свою Русскую сцену – дети на могиле матери. Слишком нарядна, пестра и не пахнет Русским духом. Но он рассказал нам о задуманной картине – битва в Колизее: замысел обширный. Дай Бог, чтобы он нашел средства и успел привести его в исполнение.

Иордан трудится четвертый год над Преображением Рафаэля с неутомимым прилежанием, и обещает нам такую гравюру, какой, может быть не имеет еще Европа.

Заключили рабочею *Бруни*, товарища Брюл<л>ова, Бруни, которому без всякого сомнения принадлежит одно из первых мест между живописцами Европейскими. Огромная картина его, представляющая воздвижение медного змия в пустыне, вполовину почти окончена, укрепит за ним оное. <...> Бруни оставил теперь эту картину, занявшись Тайною вечерью для Измайловской церкви. – Есть прекрасные головы между Апостолами.

Как весело становится у меня (все еще) на сердце, как узнаю я нового русского человека, который кистью, или пером, или мечом, или словом, обещает возвысить достоинство отечества, проявляет новые силы его, придает красы...

Ш<евырев> объявил мне, что решается ехать в Париж вместе с нами, то есть побывав прежде в Неаполе. Мы очень обрадовались такому драгоценному чичероне для достопримечательностей Неаполя и Помпеи, где он был долго и знает коротко. Хоть добрый Грифи выучил нас немножко болтать по-италиански, но какая же разница ехать с Шев<ыревым>, который готов говорить хоть с Дантом и Петраркой. После обеда ходили в кондитерскую отведывать *Римское мороженое*, – но случилось не отличное».

Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме (окончание)» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 450–451.

АПРЕЛЯ 4 <МАРТА 23>. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ. РИМ

М. П. Погодин записал в дневнике:

«К Шев<ыреву> <...> ...Обедать к Чер<ткову>. Гоголь читал. Разговор в полночи. Решил ехать с Шев<ыревым>. Очень рад»[1].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: *«4 <апреля (н. ст.) 1839>.* Дождь. Отправились с Ш<евыревым> к *Кардиналу Меццофанти.* <...>

К *Овербеку*, немецкому живописцу, который давно поселился в Риме, оставил Лутера подобно многим своим соотечественникам, и сделался ревностным Католиком. Он ведет жизнь самую строгую и постную и напоминает мне очень живо Фра-Беато да Фиезоле[2], в своей мастерской, среди своих картин, коих предметы взяты из Священной Истории, между этими покойными, неподвижными, хоть просветленными лицами. Он начинает день свой молитвами и пением и потом принимается за кисть; не берет моделью никого кроме жены своей! Хорошо, похвально, – но нет жизни в его глубоко задуманных, прекрасно сочиненных картинах, – какая-то окамененность! Овербеку за пятьдесят лет. Физиогномия его очень примечательна: высокий, худощавый мужчина с волосами, зачесанными назад, как у наших дьячков, – впрочем, не нынешних, которые стригутся коротко. Он показывал нам картон своей новой картины. Овербек очень привязан к нашему Ж<уковскому>, с которым они сошлись во вкусе и понятиях о живописи, и соблазнили, вместе с Г<оголем>, и некоторых наших художников[3].

В Капитолий. <...> В нижнем ярусе, в той половине, которая обращена к Форуму, отыскивается из-под приделок, переделок и поправок многих столетий и восстановляется много древнего... <...> Мы ходили долго между кучами мусору, покрываемые пылью веков.

Потом по узкой лестнице поднялись на каланчу, надстроенную на здании: весь Рим как на блюдечке. Ш<евырев> описал все части города с окрестностями, над которыми я мучился столько, переводя во время студенчества древнюю географию Нича. <...> А читая Ливия, какой обширный театр представляешь себе для этих действий. Помилуйте, это почти ссора двух соседей за десятину земли в каком-нибудь Козельском уезде. Царь Этрусский владел усадьбой не шире Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича[4]. Сколько смешных и превратных вещей рассыпано по Истории. Приключения села Горохова[5] рассказываются как История всемирного царства. Они важны, спору нет, но не надо писывать село теми красками, кои принадлежат уже Империи. <...>

Зашли в церковь Св. Иосифа на Форуме, под которую под землею показывают так называемые *темницы Мамертинские*, куда надо спускаться из церкви на несколько футов в глубину. Здесь умер Югорта и сидели участники в заговоре Катилининном. Стены подземелья древней кладки, циклопической. Под этими темницами есть еще другие, глубже, где был заточен Святый Апостол Петр, окрестивший своих стражей водою, источенною из камня. Что за имена, что за предания! Первые темницы основаны Анком Марцием, и потом Сервием Туллием[6].

У Пропаганды встретились с Ч<ертковыми> и остановились. Пока мы говорили, вдали прошла старушка с девушкою, держа молитвенник, и поклонилась Ч<ертковым>.

– Кто это такая? – спросил я.

– Госпожа N.

– Куда же она идет?

– В церковь – она здесь поселилась и перешла к католицизму.

Вот объяснение переходов: в детстве не получают эти господа и госпожи никаких понятий о религии, разве только поверхностные. В молодости они грешат, увлекаясь потоком света; к старости, в чужих краях, приходят иногда в себя и начинают думать и бояться будущей жизни – в эту-то минуту появляется ловец, услужливый Аббат, красноречивый, снисходительный, – он утешает, объясняет, убеждает и овладевает умом и воображением бедного грешника, или грешницы, которые прежде не слыхали и не имели случая ничего слышать подобного о своей церкви, верят на

слово, что там и нет ничего кроме заблуждений, не имея силы состязаться оружием слишком неровным, — и упадают в сети. Вот что советовал бы я этим несчастным лицам, как соотечественник и Христианин: Выслушав Аббата, согласясь с его верованиями, побывайте, до перехода, у Русского священника или Архиерея, сообщите ему ваши вновь приобретенные мнения, испросите у него ответов, а потом сравните, рассудите и проч.

Хорошо было бы, если б места священников при итальянских миссиях занимаемы у нас были всегда людьми учеными, знающими, умными, способными защитить, изучить.

Ч<ертковы> пригласили нас обедать к себе нынче.

Отправились, вспоминали опять о Москве и рассказывали друг другу о путешествии»[7].

[1] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф* // *Свод*. Т. 2. С. 427.

[2] Ср. статью: *Чижов Ф. В.* Джованни Анджелико Фиезолийский, и об отношении его произведений к нашей иконописи // Русская Беседа. 1856. Т. 4 (цензурное разрешение 20 дек.). Отд. 5.

[3] А. А. Иванов познакомился с Овербеком (и Корнелиусом) еще в начале 1830-х гг. — задолго до встречи с Гоголем. Погодин, совершая свое путешествие по Италии, едва успел ознакомиться с римской жизнью и потому историю взаимоотношений русских художников с Овербеком изобразил не совсем так, как это обстояло на самом деле (см. ***1847. Июль-август <июня средина — августа средина>. Рим*** — примечания).

[4] Герои «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя.

[5] См. ***1837. Ноября средина. Санкт-Петербург.***

[6] В издании дневника М. П. Погодина 1844 г. далее следует: «Ч<ертко>вы приехали, и мы пошли к ним. Особенное чувство, особенное удовольствие — встретиться с своими на чужбине. Нет дома. Они у В<иельгор>ских. Туда. Ушли уже. Наконец встречаются у Пропаганды. Ну что в Москве? Как вы? Откуда, куда, надолго ли? и проч. Пока мы говорили, вдали прошла старушка с девушкою...» (Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина. М., 1844. Ч. 2 (цензурное разрешение 19 июня). С. 139).

[7] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме (окончание)» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод*. Т. 2. С. 451–452.

АПРЕЛЯ 5 <МАРТА 24>. СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь и М. П. и Е. В. Погодины, в сопровождении учителя Грифи[1], побывали в римской Кампанье, осмотрели Преторианские казармы.

Погодин записал в дневнике: «К Св. Агнессе. Св. Лаврентию. В кафе. К Шев<ыреву> домой. <...> ...К Вале<нтини> <...> ...Обед. И в 4 часа к Павлу. Дожидались полчаса, и поехали без Гог<оля>, кот<орому> теперь понадобилось обедать»[2].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: «*5 <апреля (н. ст.) 1839>*. В коляске за город, вместе с учителем нашим Гр<ифи> и Г<оголем> — осматривать церковь Св. Агнессы, древнейшую в Риме, построенную Константином по просьбе дочери его Констанции, над катакомбами в том месте, где найдено тело мученицы. Церковь находится на Via Nomentana, в миле от Porta Pia. Она замечательна особенно потому, что в ней сохранились все части древней базилики, или судебной палаты: пространство в средине, с отделениями по сторонам за колоннами и трибуной для заседания судей. Первые церкви все устроены из базилик: ничего выше, величественнее их не могла вначале придумать древность для постановления алтарей Господних. Шесть драгоценных колонн из Африканского мрамора украшают Святые врата. Множество древностей: надписи надгробные из катакомб, языческие надгробия с Амуром и Психеею. Коринфские колонны из Африканского мрамора.

От Св. Агнессы к *Св. Лаврентию*, стоящему очень уединенно близ заставы, основанному первоначально Константином над гробом Святого. Византийская стенная живопись. Пол из 12 столетия. Множество всяких колонн от древности. Дорога идет по большей части между каменными стенами заборов, прескучных и преутомительных.

Осматривали Римские стены, которые здесь по местам сохранились очень хорошо. Жаль, что нам не удается осмотреть их все. Они принадлежат к разным временам, Императорским.

Наш Археолог показал нам останки *Преторианских казарм*, памятник несчастнейшего периода в Римской Истории, военного деспотизма, когда престол Цезаря находился в распоряжении гру-

бой, жестокой, необразованной военной сволочи[3]. Здесь можно проклясть от души варварство и зверство – да будут же прокляты они во веки веков.

Между тем мы проголодались порядком, не завтраков до сих пор, а Гр<ифи> спешил на свои уроки. Воротились в город, разочлись с своим ветурином, которого очень смешно понукал археолог: cocchiere, perche non vai piu allegramente[4].

Cafe greco всегда битком набит. Выпили авроры с большим удовольствием.

Решено ехать на днях – и я должен был покончить дела с банкиром. У *Валентини* великолепный palazzo на Апостольской площади. На дворе и на лестнице увидел много обломков древних и даже колонн, верно, принадлежавших к форуму Траянову. Валентини принял нас очень радушно, и пока его кассир приготовлял деньги (я просил луидоров), показал нам славных Джиотто, Альбано.

И хозяин, и приказчик примечательны: оба сухощавые, только что не бедно одетые, один длинный, другой низкий ростом, будто с картины Миериса. Кассир в очках за решеткою, в комнате с голыми стенами и несколькими стульями, среди свертков с дукатами с скудиями, которые он отсчитывал костлявою своей рукою очень бережно и почтительно, были для меня изображением банкиров Средних веков.

Ныне по плану мы должны еще осмотреть церковь *Св. Павла*, за городом <...> Церковь отстроивается. <...> Неприятно было ходить одним без товарищей в новом и незнакомом месте. Показывают место, где Св. Апостолы Петр и Павел расстались. <...> Приехали в Рим, как уже смерклось.

Уговорились ехать завтра[5] в *Фраскати*, древний Тускул, любимое пребывание Цицерона...»[6]

[1] См. также ***1839. Мая 5 <апреля 23>. Воскресенье. Рим.***

[2] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф // Свод.* Т. 2. С. 427.

[3] См. также ***1836. Февраля 2. Воскресенье. Неделя Масленая. Праздник Сретения Господня. Санкт-Петербург*** (примечания).

[4] Кучер, почему ты не идешь радостнее (*ит.*).

[5] См. ***1839. Апреля 6 <марта 25>. Великая суббота. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Рим, Фраскати, Рим.***

[6] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме (окончание)» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 452–453.

АПРЕЛЯ 6 <МАРТА 25>. ВЕЛИКАЯ СУББОТА. ПРАЗДНИК БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. РИМ, ФРАСКАТИ, РИМ

Гоголь с М. П. и Е. В. Погодиными и Ф. Ф. Рихтером ездил во Фраскати.

Погодин записал в дневнике: «Во Фраскати. Дождь, и назад, хоть начало проясняться. Досадно. Рассказы Рихтера об Англичанах. Его работа над for Trajani. [Об] Уснули. Обед в Палаццо, Гоголь у Фалькона. В Театре кукольном[1]. – Уснул у Рих<тера>, и к Заутрене. Нехорошо»[2].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин сообщал: «*6 <апреля (н. ст.) 1839>*. Пустились ранехонько. Рихтер с нами. Начал накрапывать дождь. В дурную погоду Фраскати лишается всех своих прелестей: принимались несколько раз ласкать себя надеждою, при мгновенных из-за туч взглядах солнечных, но эта надежда исчезала вместе с ними очень скоро. Дождь полился, и мы приехали измоченные. Городишко дрянной. Гостинница пренеопрятная, а народу уже много. Что за кофий подали нам! Хлеба в рот не возьмешь. Г<оголь> непременно хотел ехать назад. Я сходил, однако ж, с Рихтером осмотреть ближние виллы, чтобы получить какое-нибудь представление хоть о местоположении, – по воде и под водою. Лавры, мирты, оливы, – но никто не живет; все пусто и необитаемо. Бегают только оборванные мальчишки и предлагают свои услуги. Не было сил плыть далее. О Цицероне и думать нечего: до него надо бы идти далеко.

Решились, с стесненным сердцем, возвратиться, не видав ничего. Впрочем, роптать грех: это почти первая неудача в нашем путешествии. Я хотел было, впрочем, оставаться и дожидаться. Г<оголь> настоял. – Лишь только мы отъехали версты три, как погода начала разгуливаться... Предосадно.

В нынешнюю полночь празднуется в нашей церкви Светлое Воскресение, неделею позднее <ранее>[3] Католиков. Мы дожидались двенадцати часов все у Р<ихтера>, и гурьбою отправились в

дом Посольства. Малая и тесная церковь вместе со смежною комнатою была полнехонька. Сладко было почувствовать себя между своими, сладко было молиться вместе Русскому Богу, петь Русские молитвы, и обняться, перецеловаться по обычаю предков. Иные назовут это квасным патриотизмом, пожалуй, но я почитаю себя счастливым, что юношеское чувство сохранилось во мне до сих пор всегда живое, горячее.

Художники наши разгавливаются все вместе, и пригласили меня к себе на празднество»[4].

[1] См. ***1839. Января 30 <18>. Среда. Рим.***

[2] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф* // *Свод*. Т. 2. С. 427.

[3] См. ***1839. Марта 31 <19>. В Православной Церкви — Вербное воскресенье, в католической — Пасха. Рим.***

[4] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме (окончание)» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод*. Т. 2. С. 453–454.

АПРЕЛЯ 7 <МАРТА 26>. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ. РИМ

Гоголь и М. П. и Е. В. Погодины пополуночи до самого рассвета празднуют вместе с римской колонией русских художников-пансионеров православную Пасху[1]. Во второй половине дня Гоголь с Погодиными, Н. П. Боткиным[2] и Исаевым[3] поднялись на Монте Марио, чтобы взглянуть оттуда на Рим и римскую Кампанью.

Погодин записал в дневнике: «Ночь с художн<иками>. — А чувство Русское живо. Досадно на себя, что не <*1 нрзб.*>. Н<*нрзб.*> с Л<изой> к к<нязю> Голицыну. У Черт<ковых>. <...> Обед у Черт<ковых>. — На Monte Mario»[4].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: «*7 <апреля (н. ст.) 1839>*. Нынешний день начался очень рано, т. е. с полночи, от 1 до 2-х продолжалась заутреня, в 2, распевая по улицам Римским, около форума Траянова, мимо фонтана Треви, Русское "Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав", пришли мы на квартиру Л<огановского>, Т<омаринского> и Е<фимова>, где назначено разговенье. Столы были накрыты и уставлены так, что и скатертей не видно. Откуда ни взялись куличи, пасхи и печеные красные яйца. Подождали несколько времени Священника[5], чтоб он благословил, но его задержал кто-то, и мы, перекрестясь, приступили одни к столу. Нас было человек 30. Тридцать человек, живущих на счет Правительства! Началось целование. Распорядитель, Л<огановский>, попросил сесть за стол, — что же! Начался ужин, или, лучше, особенная заутренняя трапеза. Потянулись холодные, жаркие, пирожные, похлебки, полилось бургонское, португальское и наконец шампанское. Подумаешь, богачи задают пир, — и ни от чего нельзя отказаться. Чего тут не было, а ни у кого за душой ни копейки, — Русский дух! Тосты, тосты! раздались восклицания со всех сторон.

— Назначьте вы первый тост, — закричал мне И<ордан>.

— Назначьте вы, — закричали за ним все прочие.

Я встал.

— Здоровье нашего славного Царя, Августейшего Покровителя Художеств, и да утверждается в Нем более и более мысль, что искусство есть венец гражданского образования, лучшее украшение жизни, слава Государства. Боже! Царя храни!

— Ура, ура! — и все множество запело лесными голосами (музыкантов не было, кроме Г<-на> Иордана) "Боже, Царя храни", но у всех певцов не достало уже памяти, и после первого куплета:

Боже Царя храни,
Славному долги дни
Дай на земли!

— все стали поглядывать друг на друга, ожидая продолжения... но никто не подсказывал... оборотились ко мне; я помнил не больше, и все затянули опять диким голосом "Боже, Царя храни", обрадуясь, как будто вспомнили все, и подхватили опять, только гораздо громче. Потом выпили за здоровье Наследника, Который во время пребывания Своего в Риме[6] так одобрил всех наших художников, заказал им работы и вообще оставил самое приятное воспоминание. Чье здоровье пили после, я ничего уже не помню, знаю только, что никто не был обижен, как никто не было обнесен чаркою. Какими громовыми рукоплесканиями покрылась святая Русь? В честь искусству! искусству! Все пело, пило, кричало, шумело, словом, — кто во что горазд, и бедные соседние италианцы верно восклицали со старушками Гоголя: ну, теперь гуляют парубки![7]

— За мужичков! — закричал Пименов, который так счастливо начал предметы для ваяния из их жизни.

— За Русских мужичков! — закричало двадцать голосов.

— А солдатики-то наши, — возразил кто-то.

— И за солдатиков!

Все оборотились к безрукому Полковнику З., который живет в Риме, при пособии Правительства, для излечения ран.

— За мужичков! За солдатиков! За художников! Бруни, Брюл<л>ова! за учителей!

Шампанское не истощалось, Иордан смешил своими острыми шутками, другой странными телодвижениями, третий бурными восклицаниями!

Между тем рассветало, голоса начали стихать, свечи и глаза гаснуть. Все мы устали, утомились, — перецеловались, и разошлись слишком веселые, чтоб не сказать, очень навеселе.

Выспавшись дома, я отправился с женою разгавливаться к нашему доброго Градоначальнику[8]... <...>.

Собрались с Г<оголем> и двумя молодыми Русскими купцами, Б<откиным>[9] и И<саевым>[10], с которыми встретились здесь, на *Монте Марио*, чтоб взглянуть оттуда на Рим. Дорога крутая, и лишь только начали мы подниматься, как показалась туча, становилась темнее и темнее, и мы затрепетали, что прольется дождь. Зато представился вид другого рода: Рим под нависшими тучами, кои прорезывала молния. К счастию, мы успели взобраться, и лишь только дошли до крыльца по длинным аллеям из густых деревьев, как и упал дождь. Переждали. Вид в хорошую погоду должен быть прелестный — в глазах обширная зеленая долина, с протекающей по ней рекою, далее Рим, а за Римом Campagna. Обедали у Ч<ертковых>. Вечер у Княгини В<олконской>»[11].

[1] См. также ***1839. Апреля 6 <марта 25>. Великая суббота. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы.***

[2] Позднее, 24 марта (н. ст.) 1858 г., А. А. Иванов незадолго до отъезда из Рима в Россию (в конце апреля (н. ст.) того же года) писал Н. П., П. П. и М. П. Боткиным: «Милостивый государь Михаил Петрович. Доктор Матюшенко мне подтвердил, что Николай Петрович <Боткин> меня встретит в Петербурге, это бы было величайшее утешение, ибо на поверку, если взять все знакомства, какие имею, то это верно будет самое теплое и живое, оставшееся мне как наследство от Гоголя» (Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 357).

[3] См. ***1839. Марта конец <марта средина>. Рим***; ***1839. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Рим.***

[4] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф* // *Свод*. Т. 2. С. 427.

[5] Имеется в виду иеромонах Герасим.

[6] Будущий Император Александр II; пробыл в Риме с 4/16 декабря 1838 г. по 1/13 февраля 1839 г.

[7] Строки из повести Гоголя «Майская ночь, или Утопленница».

[8] Князю Д. В. Голицину.

[9] Николай Петрович Боткин (1813–1869).

[10] 2 апреля (н. ст.) 1839 г. Гоголь писал А. С. Данилевскому: «Письмо твое привезли довольно исправно и скоро приятели твои Боткин и Исаев и потом ушли и куда делись, я никак не могу догадаться. В первый раз они меня не застали дома. Я вхожу к себе и вижу на столе лежит знакомая мне палка, этот сюрприз меня очень обрадовал. Мне показалось, как будто бы я увидел часть тебя самого. Краски я тоже получил, хотя не все из тех самых колеров, которые я тебе назначил. <...> Благодарю тебя очень за всё». В письме к А. С. Данилевскому от 14–18 апреля (н. ст.) 1839 г. Гоголь также сообщал: «Боткин твой добрый малый, но Исаев глуп страшно».

[11] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме (окончание)» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод*. Т. 2. С. 454–455.

АПРЕЛЯ 8 <МАРТА 27>. ПОНЕДЕЛЬНИК СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. РИМ

М. П. Погодин записал в дневнике:

«В Ват<икан>. Рассказы Черт<кова>, как обманывали Кн<язя> Голицына[1] курьеры. Толк<овали> о снимках. – Смотрели на библиотеку. Христи<анский> музей. Надо списать все Визант<ийские> образа, ибо они здесь не подновлены, и неиспорченные древние христ<ианские> вещи. Какое множество всего. Нет – спасибо Папам. Плафоны Гвида-Рени, Пентуриккио. Что за имена! К Вол<конской> за фресками. Вот тебе раз. А я надеялся было посмотреть и повторить еще раз. Укладываться и рассчитываться. Гоголь, кажется, огорчен. Покупки. Мой портрет[2]. Прощался с Гризи. Прощ<ался> с Волк<онской>»[3].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин также сообщал: «*8 <апреля (н. ст.) 1839>. В библиотеку Ватиканскую* с Ш<евыревым> и Ч<ертковым>, который хочет заказать снимки с рисунков Константина Манасия. Осматривали *Христианский музей.* Сколько драгоценностей собрано из первых веков Христианства. Византийские образа надо бы списать для нас: они здесь не подновленные, не испорченные. По ним мы могли бы узнать много и о нашей древней Корсунской живописи»[4].

В своих мемуарах «Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году» (1865) Погодин также сообщал: «Расскажу еще кстати один анекдот о Гоголе. После чаю он обыкновенно водил нас по Риму, и к двум часам приводил в гостиницу Лепри на Корсо или к Scalinata, близ Piazza di Spagna, обедать; но сам никогда ничего не ел, говоря, что не имеет аппетита и что только часам к шести может что-нибудь проглотить. Там он оставлял нас, и мы после обеда или шли к Шевыреву, или к учителю[5], который давал нам итальянские уроки. Так продолжалось недели две. Однажды вечером встретился я у княгини Волконской с Бруни и разговорился о Гоголе. – “Как жаль, – сказал я, – что здоровье его так медленно поправляется!” – “Да чем же он болен?” – спрашивает меня с удивлением Бруни. – “Как чем? – отвечаю я. – Разве вы ничего не знаете? У него желудок расстроен; он не может есть ничего”. “Как не может, что вы говорите? – воскликнул Бруни, захохотав изо всех сил. – Да мы ходим нарочно смотреть на него иногда за обедом, чтоб возбуждать в себе аппетит: он ест за четверых. Приходите, когда угодно, около 6 часов к Фалькони”.

Отправились мы гурьбой на другой день к Фалькони. Это была маленькая, тесненькая траттория, в захолустье, в роде наших харчевен, и, надо отдать справедливость, если и почище, то немного. Но не красна изба углами, а красна пирогами, говорит пословица. Г<-н> Фалькони славился отличною, свежею провизиею. Мы пришли и заперлись наглухо в одной каморке подле Гоголевой залы, сказав, что хотим попировать особо, и спросили себе бутылку Дженсано. К 6 часам, слышим, действительно, является Гоголь. Мы смотрим через перегородку. Проворные мальчуганы, camerieri[6], привыкшие к нему, смотрят в глаза и дожидаются его приказаний. Он садится за стол и приказывает: макарон, сыру, масла, уксусу, сахару, горчицы, равиоли, броккали... Мальчуганы начинают бегать и носить к нему то то, то другое. Гоголь, с сияющим лицом, принимает все из их рук за столом, в полном удовольствии, и распоряжается: раскладывает перед собой все припасы, – груды перед ним возвышаются всякой зелени, куча стклянок со светлыми жидкостями, все в цветах, лаврах и миртах. Вот приносятся макароны в чашке, открывается крышка, пар повалил оттуда клубом. Гоголь бросает масло, которое тотчас расплывается, посыпает сыром, становится в позу, как жрец, готовящийся совершать жертвоприношение, берет ножик и начинает разрезывать...

В эту минуту наша дверь с шумом растворяется. С хохотом мы все бежим к Гоголю. – “Так-то, брат, – восклицаю я, – аппетит у тебя нехорош, желудок расстроен? Для кого же ты это все наготовил?” Гоголь на минуту сконфузился, но потом тотчас нашелся и отвечал с досадою: “Ну, что вы кричите, разумеется, у меня аппетита настоящего нет. Это аппетит искусственный, я нарочно стараюсь возбудить его чем-нибудь, да черта с два, возбужу, как бы не так! Буду есть, да нехотя, и все как будто ничего не ел. Садитесь же лучше со мной; я вас угощу”. – “Ну, так угости – мы хоть

и пообедали, но твои искусственные приготовления такие аппетитные...” – “Чего же вы хотите? Эй, камерьере, принеси!” – и пошел, и пошел: agro-dolce, di cigno, pelustro, testa di suppa Inglese, moscatello, и пр., и пр. Началось пированье, очень веселое. Гоголь уписывал за четверых и все доказывал, что это так, что это все ничего не значит, и желудок у него расстроен»[7].

[1] Имеется в виду князь Василий Петрович Голицын (1800–1863), чиновник особых поручений по Министерству финансов, музыкант-любитель, певец, коллекционер картин иностранных мастеров. По-видимому, рассказ Черткова о курьерах, обманывавших князя Голицына, нашел отражение в первой главе первого тома «Мертвых душ»: «...на одной картине изображена была нимфа с такими огромными грудями, каких читатель, верно, никогда не видывал. Подобная игра природы, впрочем, случается на разных исторических картинах, неизвестно в какое время, откуда и кем привезенных к нам в Россию, иной раз даже нашими вельможами, любителями искусств, накупившими их в Италии по совету везших их курьеров».

[2] Работы М. И. Скотти (см. ***1839. Апреля 1 <марта 20>. Великий понедельник. Рим*** ; ***1839. Апреля 3 <марта 22>. Великая среда. Рим***).

[3] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф* // *Свод.* Т. 2. С. 427.

[4] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме (окончание)» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 455.

[5] Грифи.

[6] Официанты (*um.).*

[7] *Погодин М. П.* Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году // *Свод.* Т. 2. С. 468.

АПРЕЛЯ 9 <МАРТА 28>. ВТОРНИК СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. РИМ

М. П. Погодин с женой и С. П. Шевырев выехали из Рима в Неаполь – намереваясь в дальнейшем отправиться оттуда морем в Марсель (и далее – в Париж). Договорились с Гоголем и С. Б. Шевыревой свидеться еще раз, на обратном пути из Неаполя, в Чивитавеккье, когда пароход, следующий в Марсель, на несколько часов остановится в этом порту.

В этот день М. П. Погодин записал в дневнике: «В 5 часу проснулись и торопились, и, разумеется, я беспокоился. Простился с Гоголем до Чивиты-Веккии[1]. Отправились»[2].

Позднее, в 1842 г., в статье «Месяц в Риме» Погодин сообщал: «*9 <апреля (н. ст.) 1839>*. Проснулись в 5 часов и торопились, а я начал по обыкновению беспокоиться, как бы не опоздать. Пришли первые в контору дилижансов; осталось времени напиться кофию в соседней харчевне. <...> Простились с нашим любезным Г<оголем> до Чивиты-Веккии, куда обещал он выехать к нам навстречу, ибо пароход на пути из Неаполя[3] в Марсель остановится там на несколько часов. Итальянцы не славятся своею точностию, и мы вместо 6 отправились в 10»[4].

В «Воспоминании о С. П. Шевыреве» (1869) Погодин также замечал: «Из Рима отправились мы с Шевыревым в Неаполь[5]. Точность его, доведенная до крайности, была очень тяжела. Приехав в Неаполь, он хотел непременно прежде всего визировать паспорты у консулов тех владений, куда мы предполагали заглянуть с парохода по пути в Марсель, то есть римского, флорентийского, сардинского и французского, потом навести справки о пароходах и взять места, прежде нежели приступить к осмотрам. На это потребовалось около двух дней, в продолжение которых мы должны были сидеть, сложа руки, а всех дней было только пять или шесть. Мученье было с ними: Гоголь всегда опаздывал и не хотел соблюдать никаких формальностей[6], Шевырев хотел являться всегда чуть не накануне срока и сочинял формальности»[7].

[1] См. ***1839. Апреля 18 <6>. Четверг. Чивитавеккья.***

[2] Из дорожного дневника М. П. Погодина 1839 г. *Черновой автограф* // *Свод.* Т. 2. С. 427.

[3] Дневниковые записи, сделанные М. П. Погодиным в Неаполе, впервые опубликованы: *Погодин.* Неаполь // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.). С. 6–21. В заключение этой публикации было сделано примечание: «Все путешествие под заглавием: Год в чужих краях, 4 части, выйдет в сентябре месяце» (С. 21).

[4] Из статьи М. П. Погодина «Месяц в Риме (окончание)» («Год в чужих краях», ч. 2) // *Свод.* Т. 2. С. 455.
[5] См. также ***1839. Апреля 18 <6>. Четверг. Чивитавеккья.***
[6] См. также ***1839. Июля 7 <июня 25>. Воскресенье. Франкфурт.***
[7] *Погодин М. П.* Воспоминание о С. П. Шевыреве // *Свод.* Т. 2. С. 471.

АПРЕЛЯ 10 <МАРТА 29>. СРЕДА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ

Н. А. Мельгунов пишет К. А. Фарнгагену фон Энзе:

«Неверов пишет ко мне, что в Берлине переводится “Миргород” Гоголя[1]. Вот это другое дело».

Гоголь в письмах Н. А. Мельгунова // *Свод.* Т. 1. С. 760.

[1] См. ***1839. Марта 28 <16>. Четверг.***

АПРЕЛЯ 12 <МАРТА 31>. ПЯТНИЦА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. РИМ

Гоголь пишет ответное письмо сестрам Анне и Елизавете в Петербург:

«...Как любящий вас таким образом брат, я почел долгом написать вам такое письмо[1], которое заставило вас задуматься и плакать. Пилюля моя горька, но вы должны проглотить ее: она несет вам здоровье. Теперь поговорим о средствах, которые, по твоему мнению, милая моя Анет, могли бы найтись к поправлению обстоятельств. Ты готовишься помогать всеми силами маминьке. Мысль и желание прекрасное. Но чем? <...> Управление имением требует <...> сильного характером мужа, а не слабой женщины... <...> Ты предлагаешь еще <...> продать деревню и купить в Петербурге дом. Но <...> трудно продать деревню да еще и расстроенную; да притом вырученных денег не станет заплатить за четвертую часть дома. Ты думаешь, что есть еще одно средство: это просить государыню. Но какое право мы можем иметь на это? <...>

Я писал еще вам о совершенной невозможности жить у нас в деревне. Человек должен жить в обществе; общество только может образовать его, — не многолюдное, но небольшой круг истинных, добрых друзей, одаренных прекрасным характером и просвещенным умом. Но когда я вообразил себе общество, которое окружает нашу деревню — невежей-соседей, которых всего на всё два-три человека, да старых девиц и сплетниц-соседок, — сердце мое содрогнулось невольно. <...> Вот почему я всё это пишу к вам, чтоб вы возлагали надежду, во-первых, на Бога, а во-вторых, на себя; чтоб вы воспитывали заранее свой характер, сообщили ему твердость, мужество, чтобы вы были ласковы, умеренны, услужливы, никогда бы не ссорились с вашими приятельницами, но старались всеми силами поддерживать раз сделанное знакомство, а главное — чтобы имели власть над самими собою, и если заметите, что у вас кипит в душе и что-то похожее на злость или на неудовольствие, старайтесь тотчас дать ему остыть, займитесь чем-нибудь другим, чтобы в это время не думать и не помышлять о нем, и потом вы будете довольны сами собою. Еще любите друг друга. <...> Мне очень было грустно видеть, что вы часто между собою ссорились. <...> Когда вам захочется <...> поссориться, вообразите тотчас меня <...>, смотрящего на вас с невыразимым чувством грусти. Если вы вообразите только меня в таком виде <...> у вас вдруг пройдет всякое желание ссориться; иначе <...> вы не имеете ко мне любви ни на крошку[2]. <...> ...Не дожидайтесь оказии, пишите и приготовляйте ваши письма; потом вы можете вдруг три-четыре письма разом переслать. Пишите просто журнал всего, что вы сделали, что вы думали и что приходило вам на ум. Я очень рад, что вы теперь не одни, что вас теперь навещают, как вы пишете, Андрей Андр<еевич> и Оль<га> Дм<итриевна>[3]. Кланяйтесь им от меня и скажите, что я непременно буду писать к ним, и дайте мне их адрес, чтобы я знал, куда посылать им письма. <...> Да, чуть было не позабыл: пришлите мне в письме вашем две тоненькие ниточки, чтобы одна из этих ниточек была длиною в рост Лизин, а другая в Анет. Смотрите только не ошибитесь и положите их в письмо. Для чего мне это нужно, я вам скажу после».

[1] Письмо не сохранилось (см. ***1835. Мая вторая половина, после 17. Васильевка*** – примечания).
[2] См. также ***1836. Июля 17 <5>. Воскресенье. Ахен.***
[3] Трощинские.

АПРЕЛЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 14 <НЕ ПОЗДНЕЕ 2>. РИМ

Гоголь получает из Петербурга письмо от В. Я. Прокоповича и отправляет ему ответное послание (письма не сохранились).

В письме к А. С. Данилевскому, начатом в Риме 14 апреля (н. ст.) 1839 г.[1], Гоголь сообщал: «...Я получил письмецо от Васил<ия> Прокоповича в ответ на мое, ему писанное[2]. Я, признаюсь, имею плохую надежду на то, чтобы он выслал требуемую тобою сумму. Он мне пишет, что получил письмо твое, в котором ты опять требуешь от него денег, и что он совершенно не знает, что делать, что больше половины капитала он занял брату <Николаю> на покупку дома, а остальное ему самому нужно. Я ему тот же час отписал и усовещевал, сколько мог; что это долг, что имея истинно благородные чувства и помня узы товарищества, он должен это сделать и что ты продашь всё свое имение и ему заплотишь по приезде своем в Петербург. Но не знаю, способен ли он послушать этих слов. Если бы каким-нибудь образом ты мог написать заемное письмо сколько возможно по форме и как возможно обеспечительно, может быть, это имело бы больше над ним действия[3]. <...> Новости, объявляемые в письме Василия Прокоповича, отличаются какою-то нестройностию, что Плюшар обанкрутился и Енциклопедич<еский> лексикон лопнул[4], что Базиль[5], воротившись из Кавказа, обсчитал Афанасия[6] и уехал в Смирну консулом, что Мокрицкий усе пыше св. Себастияна так же хорошо, как и штанишки (всё это слова Васьки), что Кукольник издает альманах Новогодник и хотел издавать журнал: *Инострание* под покровительством Жукова (табачного фабриканта), что брат, т. е. Николай, показывает своим детям китайские тени и что он сам, т. е. Васька, косит на скрыпке и что дни таким образом будто бы текут незаметно».

[1] См. ***1839. Апреля 18 <6>. Четверг. Чивитавеккья.***
[2] Письмо не сохранилось.
[3] См. также ***1839. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Рим.***
[4] См. также ***1838. Октября 10 <22>. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[5] К. М. Базили (см. также ***1839. Февраля 12 <января 31>. Вторник. Рим***).
[6] Слуга А. С. Данилевского.

АПРЕЛЯ 14 <2>. ФОМИНО ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Гоголь начинает письмо к А. С. Данилевскому в Париж, которое намеревается передать с М. П. Погодиным при встрече в Чивитавеккье.

См. ***1839. Апреля 17 <5>. Среда. Чивитавеккья***; ***1839. Апреля 18 <6>. Четверг. Рим, Чивитавеккья.***

АПРЕЛЯ 17 <5>. СРЕДА. ЧИВИТАВЕККЬЯ

Гоголь вместе с С. Б. Шевыревой и ее сыном Борисом приезжают в Чивитавеккью, чтобы проститься с путешествующими на пароходе из Неаполя в Марсель (и далее – в Париж) М. П. и Е. В. Погодиными и С. П. Шевыревым[1]. Заканчивает письмо в Париж к А. С. Данилевскому, начатое в Риме 14 апреля (н. ст.) 1839 г.[2]

В послании к Данилевскому сообщает: «Письмо тебе это вручит Погодин[3]... <...> Право странно: кажется, не живешь, а только забываешься или стараешься забыться. Забыть страдание, забыть прошедшее, забыть свои лета и юность, забыть воспоминание, забыть свою пошлую текущую жизнь. Но если есть где на свете место, где страдания, горя, <ут>раты и собственное бессилие может позабыться, то это разве в одном только Риме. Здесь только тревоги не властны и не касаются души. Что бы было со мною в другом месте? Здесь только самая разлука с близкими и друзьями, которая так тяжела, менее тяжка.

К числу приятных забвений в Риме прибавилась опера, ровно с того дня, как у тебя в Париже она прекратилась. Первый персонаж ее – знаменитый Донизелли, которого, как кажется, ты знаешь только по наслышке, который был в группе италианцев в Париже и которого, впрочем, мы читали только биографию.

Игра и голос чудные: он до сих пор достойный соперник Рубини. Примадонна тоже очень недурна, напоминает фигурой и телесной крепостью Гризи. Несмотря на то, что порядочно поустарела (ей за 30), но черты лица прелесть. Я думаю, была чудная красавица. <...> ...Я бы советовал тебе попытаться написать еще раз домой. Хоть по крайней мере для того, чтобы разгадать и изъяснить себе лучше эту покамест непостижимую загадку. Точно ли всё это произошло от неполучения писем или это была маска. Для лучшего и более очевидного удостоверения я прошу тебя отправить письмо твое ко мне; а я его отправлю к маминьке с тем, чтобы маминька собственноручно вручила его кому следует, и тогда мы можем узнать настоящее дело. <...>

Письмо это я прекратил было писать, потому что еще рано отправлять его. Погодин только завтра должен приехать из Неаполя в Чивитавеккию, куда я прибыл для встречи его прямо из театра, из Отелло. Чудно как шла. Донизелли[4] удивителен. Рубини был выше его, когда хотел быть, особливо в знаменитой первой арии, но весьма часто был он ниже, как говорится, себя, иногда даже вовсе не хотел войти в себя. Донизелли с начала до конца ровен, от первого до последнего. Страшная сила голоса и игра удивительная!

Мы так усовершенствовали нашу переписку и аккуратность ее, чему много помогла установившаяся почта знакомых наших, едущих то из Рима в Париж, то из Парижа в Рим, что недели три антракта уже кажутся очень долгим временем. Так что мне кажется, я уже очень давно не получал от тебя писем. Может быть, это происходит еще от того, что последнее письмо мое очень важно и ответ на оное как решение твое насчет поездки в Мариенбад, еще важнее и дразнит мое нетерпение. Право, по-моему, тебе бы очень не лишняя была бы эта поездка. Но я, впрочем, надеюсь на Погодина. Он на тебя наляжет и уговорит. А между тем я слышу беспрестанно даже сюда в Италию пробирающиеся слухи о чудесах, производимых посредством лечения холодною водою в Грефенберге[5], очень недалеко от Мариенбада... <...> Я сам после мариенбадских вод намерен отправиться туда. Посылай скорее ответ на это письмо. Кланяйся всем – нашим знакомым: Квитке, Межаковым, Мантейфелю и прочим. Боткин твой добрый малый, но Исаев глуп страшно. Я слышал, между прочим, что у вас в Париже завелись шпионы. Это, признаюсь, должно было ожидать, принявши в соображение это большое количество русских, влекущихся в Париж мимо запрещений. Эти двусмысленные экспедиции разных Скромненок и Строевых[6] за какими-то мистическими славянскими рукописями, которых никогда не бывало... Будь осторожен. Я уверен, что имена почти всех русских вписаны в черной книге нашей тайной полиции. Я советую тебе перенести резиденцию из Морселя к другому ресторану. Теперь же у тебя общество будет. Вы можете обедать вместе, то есть с Погодиным и Шевыревым у какого-нибудь нового ресторана».

[1] См. ***1839. Апреля 9 <марта 28>. Вторник Светлой седмицы. Рим***; ***1839. Апреля 18 <6>. Четверг. Рим, Чивитавеккья.***

[2] См. ***1839. Апреля 14 <2>. Фомино воскресенье. Рим.***

[3] См. ***1839. Мая 3 <апреля 21>. Пятница. Париж.***

[4] Доменико Донцелли (Donzelli, 1790–1873), оперный певец.

[5] Подробнее см. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (примечания).

[6] Сергей Михайлович Строев (псевдоним – Скромненко, 1815–1846), историк, в 1837 г. был послан за границу с поручением обследовать и описать русские и славянские памятники в европейских архивах. «Описание памятников славяно-российской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции» С. М. Строева было издано в Москве в 1841 г.

АПРЕЛЯ 18 <6>. ЧЕТВЕРГ. ЧИВИТАВЕККЬЯ

Гоголь через Крюковских посылает сестрам в Петербург письмо и подарки; провожает, вместе с С. Б. Шевыревой и ее сыном Борисом, М. П. и Е. В. Погодиных и С. П. Шевырева в Париж[1]. (Вероятно, во время прощания переходит с Шевыревым на «ты»[2].) Передает с Погодиным письмо к А. С. Данилевскому в Париж[3]. Вернувшись, после прощания, в гостиницу, начинает письмо к С. П. Шевыреву (закончено в Риме 20 апреля (н. ст.) 1839 г.[4]).

В послании к сестрам Гоголь сообщал: «Пишу к вам, мои голубушки, мои много любимые мною сестрицы, чрез моих добрых знакомых Крюковских, которые мне обещались побывать у вас. Они вам расскажут что-нибудь обо мне. Мы с ними часто виделись в Риме. Посылаю вам безделушки: по кольцу и по булавке. <...> К ним прижалась, прицепилась и прилетела вместе с ними часть моих чувств и любви моей к вам»[5].

Погодин в своем дорожном дневнике (опубл. в 1844 г.) записал: «*Плавание <от Неаполя> до Марсели. <...> 18 <апреля (н. ст.) 1839>*. Солнце оживило нас своими лучами. Мелькнула черная точка вдали направо. Говорят, это купол Св. Петра. Около 12 часов взъехали мы в гавань *Чивиты-Веккии*, где ожидал нас Гоголь и семейство Ш<евырева>. Обошли городишко с немногими остатками древности, и, пока любезные наши хозяева занялись приготовлением обеда, мы повалились спать, утомленные беспокойством ночи...

Нечего говорить, как сладок показался покой, и вкусен потом обед. Но приближается час отплытия...

С Г<оголем> мы съедемся опять в Мариенбаде. <...>

Поплыли... Чрез несколько минут мы увидели на старой башне крепости белые развевающиеся платки... Это нам прощальные знаки. Мы вынули свои... Грустно!»[6]

В своих мемуарах «Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году» (1865) Погодин также сообщал: «В Риме мы расстались. Я с Шевыревым уехал в Неаполь, а и в Париж. Гоголь, выезжавший по дороге проводить нас в Чивита-Веккию, куда приставал наш пароход, — отправился после в Мариенбад, где должен был дожидаться меня»[7].

В «Воспоминании о С. П. Шевыреве» (1869) Погодин, в свою очередь, замечал: «В Чивиту-Веккию, на возвратном пути нашем из Неаполя, выезжал к нам на встречу Гоголь, проститься, с семейством Шевырева»[8].

В письме к Шевыреву Гоголь сообщал: «Сей же час пишу к вам подробное донесение. Знаю, оно вам нужно. Мы, помните? расстались: ваш пароход уходил — мы стояли на башне. Мы стояли долго, пока наконец ваши лица и фигуры не скрылись и пароход не обратился в один синеющий столб и струю дыма над ним. Я предложил Софье Борисовне возвратиться домой. Ей всё еще хотелось глядеть. "Хотя я не вижу его, по крайней мере вижу бег его; ведь он на нем, на том пароходе; он ведь там!" — она говорила. Наконец мои представления, что воздух посвежел, заставили ее неохотно оторвать глаза от милого ей в ту минуту моря. Мы сошли с башни. Она была печальна. Я не хотел утешать ее развлечением мыслей, потому что такого рода развлечения неуместны, особливо, когда они доставляются тому, кто чувствует много и глубоко. Мне казалось лучше дать свободное течение необходимой грусти. Пришедши домой, я старался говорить именно побольше об вас, потому что уже в этом была для нее большая сладость. Мы говорили долго, припоминали всё, все ваши качества, всё, что составляет вас. Софья Борисовна наконец сделалась веселее и улыбалась. Я вообще заметил в ней мнительность, чувство опасения, воображение, готовое представлять могущие произойти неприятные случаи. Это было трудно победить. Но мы, сообразивши вместе, как Бог милостив, оказав уже в этом попечение о вас, послав вам в сопутники Погодина именно в ту самую пору, которая так тяжка, в пору разлуки, вывели ясное заключение, что хранительная Его рука

простерта над вами и с вами ничего не может случиться кроме хорошего. Я даже прибавил, что вы очень задумались, когда я вам намекнул о возможности приехать в Рим раньше положенного срока, что вы даже сказали, что это может случиться и в самом деле. Софья Борисовна чуть не засмеялась. Она, однако ж, очень ослабела и чувствовала усталость. Я заметил, и она тоже согласна с этим, что к вечеру ее мнительность становится всегда почти сильнее и воображение тревожнее, и потому я был очень рад, что мы провели тот вечер таким образом, а не другим. Борис был совершенно весел: произвел мою левую ногу в каретную лошадь, привязал ее к стулу, тянул очень долго за поводья и был этим очень доволен. С тех пор он получил очень нежную привязанность к моей ноге и всё спрашивает: здорова ли лошадь?»

[1] См. также ***1839. Апреля 9 <марта 28>. Вторник Светлой седмицы. Рим.***

[2] См. ***1839. Августа 25 <13>. Воскресенье. Вена.***

[3] См. ***1839. Апреля 14 <2>. Фомино воскресенье. Рим***; ***1839. Апреля 18 <6>. Четверг. Чивитавеккья.***

[4] См. ***1839. Апреля 20 <8>. Суббота. Рим.***

[5] По сообщению В. И. Шенрока, письмо для публикации было предоставлено «В. И. Танеевым, получившим подлинное письмо от своей родственницы, учившейся вместе с сестрами Гоголя и сохранившей его на память об одной из них» (Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 592).

[6] Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 457.

[7] *Погодин М. П.* Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году // *Свод.* Т. 2. С. 469.

[8] *Погодин М. П.* Воспоминание о С. П. Шевыреве // *Свод.* Т. 2. С. 471.

АПРЕЛЯ 19 <7>. ПЯТНИЦА. ЧИВИТАВЕККЬЯ, РИМ

Гоголь вместе с С. Б. Шевыревой и ее сыном Борисом возвращаются из Чивитавеккьи в Рим.

В письме к С. П. Шевыреву, начатом 18 апреля (н. ст.) 1839 г. в Чивитавеккьи[1] и законченном 20 апреля (н. ст.) в Риме[2], Гоголь сообщал: «На другой день <19 апреля>, в 7 часов утра, мы были уже на ногах. Софья Борисовна была очень бодра. Мы отправились, покамест закладывали экипаж, глядеть виллу, которую княгиня[3] располагает нанять. Прогулка наша была по берегу моря, и хотя к ней было не совсем близко, хотя туда и назад мы ходили пешком, несмотря на то она не устала ни мало, что с ней, как она говорит, редко случалось. Ветер морской ее заметно освежил, и я даже почти уверен, что он над нею будет иметь благодетельное влияние, когда она проживет месяц или полтора в Чивитавеккии... Во всю дорогу она была свежа и очень себя чувствовала здоровой. Дорога наша была прекрасна; и море, и хорошее время, всё было у нас в виду. Мы доехали счастливо и благополучно в Рим».

[1] См. ***1839. Апреля 18 <6>. Четверг. Чивитавеккья.***

[2] См. ***1839. Апреля 20 <8>. Суббота. Рим.***

[3] Вероятно, княгиня З. А. Волконская.

АПРЕЛЯ 20 <8>. СУББОТА. РИМ

Гоголь заканчивает и отправляет письмо к С. П. Шевыреву в Париж, начатое 18 апреля (н. ст.) 1839 г. в Чивитавеккье[1]:

«Письмо это я начал в Чивитавеккии, а окончил в Риме...»

[1] См. ***1839. Апреля 18 <6>. Четверг. Чивитавеккья***; ***1839. Апреля 19 <7>. Пятница. Чивитавеккья, Рим.***

АПРЕЛЯ 9 <21>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

АПРЕЛЯ 11 <23>. ВТОРНИК. МОСКВА

«11 <апреля>. Бол<ьшой> т<еатр>. Ревизор, ком<едия> в 5 д<ействиях>».

Репертуар С.-Петербургских и Московских Русских театров, 1839 года, с 2 по 30 апреля. Для открытия российских спектаклей после Великого Поста // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песоцким, на 1839 год. СПб., 1839. Т. 1. <Отдельная пагинация>. С. 1. – См. также ***1839. Февраля 2. Четверг. Праздник Сретенья Господня. Утро. Москва.***

МАЯ 1 <АПРЕЛЯ 19>. СРЕДА. РИМ

Гоголь в качестве почетного гостя принимает участие в карнавале немецких художников в каменоломнях Черваро (в окрестностях Рима).

В 1929 г. Ф. Ноак[1] сообщал: «...Остроумно фантастические весенние праздники <...> праздновались обществом Понте-Моллистов[2] в пещерах Черваро[3]. <...> Самобытно озорное <...>, блещущее остроумием поведение этого союза <...> было <...> характерной составной частью римской жизни художника в эпоху романтизма. <...> Для римлян Carnevale dei Tedeschi[4], как они называли этот праздник, в течение долгих лет был предметом гордости, гроты также назывались в народной речи Grotte dei Tedeschi, – наименование, которое сохранилось даже на итальянских картах генерального штаба. <...> Участие чужих художников было <...> правилом, в то время как руководство лежало бесспорно в руках немцев. <...>

Президентство Георга Буссе[5] <...> открылось празднованием новогоднего вечера в Фиано[6] <...> продолжилось там же 6 февраля 1839 маскарадом и увенчалось 1 мая большим карнавалом в Черваро, подробное описание которого оставил "верховный ганимед" Франц фон Гауди[7]. 133 участника были разделены <...> на 6 когорт, всадниками на лошадях руководил Леопольд Поллак[8]; среди участвующих нехудожников мы встречаем, кроме Гауди, писателей Франсуа Сабатье[9] и Николая Гоголя. Флор[10] сделал литографически размноженный рисунок этого праздника. <...> В карнавале в Черваро 28 апреля 1842 <...> количество участников <...> составляло 168, в том числе Гвидо Геррес[11] и русский писатель Матфей Бибиков»[12].

Участие в немецком празднике 28 апреля (н. ст.) 1842 г. «писатель из Москвы» Матвей Павлович Бибиков (1812–1856) принимал с титулом «кулинарного исполнителя», 27 апреля (н. ст.) 1843 г. – с титулом и обязанностями «вождя колонны и адъютанта генералиссимуса». Кроме того, Бибиков присутствовал при церемонии Понте-Моллистов по прибытии новичка в Рим 3 мая 1842 г.[13]

Воспоминания Бибикова об этих праздниках были опубликованы в 1853 г. в «Москвитянине» М. П. Погодина. «Президент общества Понте-Молистов обязан <...> заботиться о празднике в Чербаро <...> Как женщины, так и итальянские артисты, не могут быть членами общества; но на этот раз для них делается исключение, и все желающие могут участвовать в празднике». Празднование начиналось рано: «Около шести часов <утра> весь поезд отправляется по дороге в Чербаро...» К полудню в одной из пещер устраивался обед, в другой – «представления в фантастико-юмористическом роде». «Это собрание костюмированных молодых людей, сидящих в красивых позах около циклопического стола, отряды фантастических карабинеров, занимающих входы в пещеру, в которых, на светлом, глубоком небе обрисовываются головы моделей, чучар <простолюдинок> и мальчишек, пришедших поглазеть на праздник – все это, освещенное белым полусветом, как бы продолжительным бенгальским огнем, – составляет картину, которая никогда не изглаживается из памяти... <...> Около трех часов, generalissimo дает знак рукой, трубы и барабаны возвещают окончание обеда, и все высыпают вон.

Тогда начинается увеселение другого рода: в соседней пещере, совершенно темной, готовы представления в фантастико-юмористическом роде. Тут являются привидения в разных видах, которые разговаривают с президентом; поют, и очень хорошо поют, но хористы невидимы. И из этого всего выходит что-то вроде мистерии, до смысла которой, после обеда, всегда бывает трудно добраться» (имеется в виду разговор президента Понте-Моллистов с оракулом, который «предсказывал» художникам выгодные заказы). Праздник заканчивался бегами и скачками на лошадях и ослах. «У всякой нации — свое знамя. У англичан, напр<имер>, на знамени изображена бутылка с портером и два боксера. У нас, русских, на одном из этих праздников, в котором и я участвовал, было знамя, которое, утвердительно можно сказать, заслужило пальму первенства: русский штоф и итальянская фиаска, переплетенные розами и лавром, с надписью: пьян, да умен — два угодья в нем, а с другой стороны перевод по-немецки: "Betrunken und klug dabey, / Sind Tugenden zwei"». «Торвальдсен каждый год участвовал в празднике и садился по правую руку президента»[14].

В книге Ф. Ноака имеются также сведения об участии в немецких праздниках в Риме 9 декабря (н. ст.) 1843 г. и 2 мая (н. ст.) 1844 г. «скульптора из России» Н. А. Рамазанова[15].

Кроме того, сообщается, что в карнавале немецких художников в пещерах Червары 28 апреля (н. ст.) 1842 г. принимал участие, с титулом «кравчего», или «виночерпия», «скульптор из Петербурга» Иванов[16] (скульптор Антон Андреевич Иванов, 1815–1848).

2 мая (н. ст.) 1844 г. одну из колонн художников на карнавале в Черваро, проходившем с «большим блеском», при участии 309 человек, вел «петербургский архитектор Ипполит Монигетти»[17].

В праздниках в Черваро принимали также участие: в 1838 г. — Ф. И. Иордан, в 1842, 1843 и 1844 г. — художник В. И. Штернберг (последний в 1842 г. начал писать картину «Римский художественный праздник в Черваро»); в 1843 г. — архитектор А. И. Резанов[18].

[1] Фридрих Ноак (1858–1930), немецкий историк, писатель, автор нескольких книг о жизни немецких художников в Риме.

[2] Общество Понте-Моллистов (Ponte-Molle-Gesellschaft) — община немецких художников в Риме; получила свое название от древнего римского моста Ponte Mollo, переход через который был последним шагом вступления новоприбывшего члена в Рим — так же, как обратный путь через Ponte Mollo означал окончание счастливого пребывания в «вечном городе». Переход по мосту означал для Понте-Моллистов допущение нового художника к немецко-римскому союзу, приобщение неофита к новой жизни. Этот многозначительный шаг сопровождался полусерьезным-полушутливым церемониалом.

[3] Обычай совершáть карнавальные весенние поездки Понте-Моллистского общества к огромным покинутым каменоломням Черваро (Червaро), в нескольких верстах от Рима, зародился весной 1812 г. Это был своеобразный праздник прощания художников, так как с наступлением лета многие из них покидали Рим для наблюдений в горах или других местах Италии.

[4] Немецкий карнавал (*ит.*). Tedesco (*ит.*) — немец. Слово «тедески» встречается, в частности, в стихотворном послании Н. М. Языкова «К К. К. Павловой», неоднократно читанном Гоголем в 1840 г. друзьям и затем переданном М. П. Погодину для публикации в «Москвитянине»: «...Италии народ певучий, удалой, / И деревянные тедески!» (см. ***1840. Мая средина. Москва***; ***1840. Мая 18. Суббота. Полдень. Москва, Перхушково***; ***1843. Февраля 16 <4>. Четверг. Рим***). Ср. также в наст. летописи дневниковую запись Погодина от 17 января 1841 г.: «Подлинно, это деревянные Тедески!» (см. ***1841. Января 17 <29>. Пятница. Москва***); и строки из статьи Ф. И. Тютчева «Россия и Революция» (1848) о немецких реформаторах: «Итальянцы <...> с неизменным упорством продолжают видеть в них <...> *Tedeschi* и *Barbari*...» (*Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М., 2003. Т. 3. С. 152; см. также: *Тютчев Ф. И.* Россия и Запад: Книга пророчеств. Статьи, стихи. М., 1999. С. 142); и из главы «Италия» (1849) незавершенного трактата Тютчева «Россия и Запад»: «Две вещи по обыкновению одинаково ненавидимы в Италии: *tedeschi* и *preti* <священники; *ит.*>» (*Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 3. С. 189; см. также: *Тютчев Ф. И.* Россия и Запад: Книга пророчеств. С. 73).

[5] Георг Генрих Буссе (1810–1868), немецкий художник, гравер. «Президентство» в развлекательном союзе Понте-Моллистов носило полусерьезный характер.

[6] Трактир в Риме. Речь идет о вечере 31 декабря (н. ст.) 1838 г.

[7] Барон Франц фон Гауди (1800 — 5 февраля 1840, Берлин), немецкий поэт и писатель.

[8] Леопольд Поллак (1809–1880), живописец.

[9] Франсуа Сабатье (1818–1891), французский критик, искусствовед, художник-любитель, меценат и переводчик.

[10] Фердинанд Флор (1793–1881), немецкий художник. На его картине «Римский художественный праздник в Червaре первого мая 1839 г.» изображения Гоголя нет (см.: *Джулиани Р.* Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: Материалы и исследования / Пер. с итальянского А. Ямпольской. М., 2009. С. 48–49; Илл. 7).

[11] Гвидо Геррес (1805–1852), немецкий писатель.

[12] *Ноак Ф.* Германская культура в Риме, с конца Средних веков // *Свод.* Т. 3. С. 125.

[13] См.: «*Bibikoff, Matth<ias>*, Dichter aus Moskau, ging über P<onte> M<olle> 3.5.1842; bei den Cervarofesten 28.4.42 als Küchenbesorger und 27.4.43 als Kohortenführer und Adjutant des Generalissimus (DKV <Akten, Chronik Protokolle u<nd> s<o> w<eiter> <...> des Deutschen Künstlervereins zu Rom>)» (*Noack F.* Das Deutschtum in Rom seit dem Ausgang des Mittelalters. Berlin; Leipzig, 1927. Bd. 2. S. 88, 49).

[14] *Бибиков М.* Праздник в Чербаро. Продолжение статьи: Понте-Моло. (Посвящается Н. А. Рамазанову) // Москвитянин. 1853. № 5 (цензурное разрешение 1 марта). Отд. VIII. С. 8–13.

[15] «*Ramasanoff, Nik<olaj>*, Bildh<auer> aus Rußland; in R<om> 1843/44; ging 9.12.43 über P<onte> M<olle>; beim Cervarofest 2.5.44 Satyr (PM <Akten, Chronik Protokolle u<nd> s<o> w<eiter> der Ponte-Molle-Gesellschaft und des Deutschen Künstlervereins zu Rom>)» (*Noack F.* Das Deutschtum in Rom seit dem Ausgang des Mittelalters. Berlin; Leipzig, 1927. Bd. 2. S. 468, 49).

[16] «*Iwanoff*, Bildh<auer> aus Petersburg; in R<om> 1837–42; beim Cervarofest 28.4.42 als Mundschenk (PM <Akten, Chronik Protokolle u<nd> s<o> w<eiter> der Ponte-Molle-Gesellschaft und des Deutschen Künstlervereins zu Rom>; BD <Akten der Bibliothek der Deutschen zu Rom>)» (*Noack F.* Das Deutschtum in Rom seit dem Ausgang des Mittelalters. Berlin; Leipzig, 1927. Bd. 2. S. 296, 49).

[17] *Noack F.* Das Deutschtum in Rom seit dem Ausgang des Mittelalters. Bd. 1. S. 522.

[18] *Джулиани Р.* Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: Материалы и исследования. М., 2009. С. 49.

МАЙ – ИЮНЯ 1 <АПРЕЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – МАЯ 20>. РИМ

Гоголь ухаживает за умирающим графом И. М. Виельгорским[1]. Виельгорский дарит ему Библию, с надписью: «Другу моему Николаю. Вилла Волконская»[2].

В написанном вскоре, после кончины Виельгорского[3], для его родных эссе «Ночи на вилле» Гоголь писал: «Они были сладки и томительны, эти бессонные ночи. Он сидел больной в креслах. Я при нем. <...> “Что ты приготовил для меня такой дурной май!” — сказал он мне, проснувшись...»

[1] См. ***1839. Мая 5 <апреля 23>. Воскресенье. Рим***; ***1839. Мая 11 <апреля 29>. Суббота. Рим***; ***1839. Мая 14 <2>. Вторник. Рим. Villa Celimontana***; ***1839. Мая с 16 по 19 <с 4 по 7>. С четверга (с праздника Вознесения Господня) по воскресенье. Рим***; ***1839. Июня 1 <мая 20>. Суббота. Рим.***

[2] См. ***1839. Июня первая половина (после 5 числа) <мая конец (после 24 числа)>. Фраскати, вилла Фальконьери.***

[3] См. ***1839. Июня после 5 – июля начало <мая после 24 – июня конец>. Рим, Чивитавеккья, Марсель.***

МЕЖДУ АПРЕЛЯ 20[1] И МАЯ 3 <АПРЕЛЯ МЕЖДУ 8 И 21>. РИМ

Гоголь встречался с П. Н. Демидовым[2]; безуспешно беседовал с ним о приглашении в Россию Я. Коллара[3].

[1] См. ***1839. Апреля 18 <6>. Четверг. Чивитавеккья***; ***1839. Апреля 20 <8>. Суббота. Рим.***

[2] См. ***1839. Марта 10 <февраля 26>. Воскресенье. Рим.***

[3] См. ***1839. Мая 5 <апреля 23>. Воскресенье. Рим.***

МАЯ 2 <АПРЕЛЯ 20>. ЧЕТВЕРГ. ПАРИЖ

М. П. и Е. В. Погодины и С. П. Шевырев прибыли в Париж.

Погодин записал в дневнике: «В Париж приехали 2 мая в 6 часов вечера».

Свод. Т. 2. С. 464.

АПРЕЛЯ КОНЕЦ – МАЯ 3 <АПРЕЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА, НЕ ПОЗДНЕЕ 21>. РИМ

Гоголь получил письмо и посылку с книгами от П. И. Шафарика (вероятно, из Праги).

См. ***1839. Мая 5 <апреля 23>. Воскресенье. Рим.***

МАЯ 3 <АПРЕЛЯ 21>. ПЯТНИЦА. ПАРИЖ

Запись в дорожном дневнике М. П. Погодина:

«Позавтракав, отправился с Гоголевым письмом[1] искать Д<анилевского>, чтоб посоветоваться с ним о квартире, ибо оставаться на нашем чердаке было бы несносно. <...> Отыскал Д<анилевского> и договорился с его хозяйкою[2]. <...> Ходил смотреть Палерояль. <...> Нижний этаж по всему квадрату занят лавками и магазинами, где все возможные вещи, начиная от первых требований нужды, до изящнейших и богатейших произведений роскоши и прихоти, блестят в глаза изумленному путешественнику. Здесь все есть. В полчаса Ивану Никифоровичу из натуры Гоголевой можно нарядится на бал, хоть в Тюльери. Лишь только бы деньги. Деньги, деньги — вот Альфа и Омега Палерояля»[3].

[1] Письмо Гоголя к Данилевскому, начатое 14 апреля (н. ст.) 1839 г. в Риме и переданное Гоголем Погодину 18 апреля (н. ст.) 1839 г. в Чивитавеккье (см. ***1839. Апреля 14 <2>. Фомино воскресенье. Рим***; ***1839. Апреля 17 <5>. Среда. Чивитавеккья***; ***1839. Апреля 18 <6>. Четверг. Чивитавеккья***). В письме Гоголь сообщал: «Письмо тебе это вручит Погодин, для которого ты будешь должен отвести прежде всего квартирку у нашей madame Hochard. Одной комнатки будет весьма достаточно для них обоих, а полуторная кровать, которая едва удовлетворяла своею шириною тебя одного, заменит им двойную. И муж и жена неприхотливого свойства и не любят даром издерживаться, стало быть, они могут платить как будто за одного человека. А другую комнатку, если она случится, приготовь для Шевырева, который тоже намерен пробыть м<еся>ц в Париже. Ну, теперь покамест ты должен благодарить меня за приятное общество, которое я тебе доставил и которым ты, без сомнения, будешь очень доволен. Будь им расторопным чичерони, води их по театрам, кафе, виноват, по храмам <см. ***1836 ноября начало <октября вторая половина> — 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж*** — примечания; ***1838. Октября 28 <16>. Воскресенье. Лион*** — примечания> и ресторанам, концертам. Обмундируй дешево и хорошо. Поведи Погодина к пассажным портным, где выбери прежде всего для него сертук, ибо он всё еще ходит в том, в котором ходил в Москве. О покрое не очень заботься. Друг мой не имеет нужды в фасоне и не ставит его в грош вместе с портными и всеми причудами мод, и потому ты должен наблюдать три вещи: чтобы было просторно, прилично его фигуре, насколько возможно дешево. Они тебе передадут верную и, к несчастию, много пошлую историю моей жизни».

[2] Гошар (Hochard) . — См. также в черновом автографе дорожного дневника М. П. Погодина: «3 <мая (н. ст.) 1839>. К Дан<илевскому>, и он дост<ал> нам квартиру в одном доме с ним. Прекрас<ная> комната за 60. Дан<илевский> показал Palvi Royel и Тюльери. — Вот это славности! Был в восхищении» (*Свод.* Т. 2. С. 464).

[3] Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 458.

АПРЕЛЯ 21 <МАЯ 3>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Кончина жены П. А. Плетнева, Степаниды Александровны (рожд. Раевская, род. 11 ноября 1795 г.).

См.: *Великий Князь Николай Михайлович, Саитов В. И.* Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 3. С. 429. — См. также ***1849. Декабря 23. Четверг. Санкт-Петербург.***

МАЯ 4 <АПРЕЛЯ 22>. СУББОТА. ПАРИЖ

А. С. Данилевский пишет ответное[1] письмо Гоголю в Рим[2].

[1] См. ***1839. Мая 3 <апреля 21>. Пятница. Париж.***
[2] См. ***1839. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Рим.***

МАЯ 5 <АПРЕЛЯ 23>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Гоголь пишет М. П. Погодину в Париж:

«Что ты поделываешь, <...> весело ли похаживаешь по Парижу? <...> Пора бы <...> иметь мне от тебя письмо. Кое-что иногда слышу [о вас] от Шевыревой, то есть что такого-то числа был ты в таком городе. И что с вами ехала в дилижансе собака, попугай и черепаха. <...> Я получил письмо на днях[1] от Шафарика, с книгами, которые он просит по прочтении возвратить, что будет исполнено с аккуратн<остью>. При этом прислал мне в презент свои Старожитности[2]. Я их читаю и дивлюсь ясности взгляда и глубокой дельности. Кое-где я встречал мои собственные мысли, которые хранил в себе и хвастался втайне, как открытиями, и которые, натурально, теперь не мои, потому что уже не только образовались, но даже напечатались прежде моего. И я похож теперь на <Д. Е.> Ефимова[3], который показывал тебе египетские древности, в уверенности, что это его собственные открытия, потому только, что он имеет благородное обыкновение, свойственное, впрочем, всем художникам, не заглядывать в книги.

Снегирев[4] мне полезен. Он, несмотря на охоту [иногда] завираться и беспрестанно глядеть по сторонам дороги, вместо того, чтобы идти по ней прямо, говорит много нужного при всем том. Иногда выкопает такую песню, за которую всегда спасибо. Есть в русской поэзии особенные, оригинально-замечательные черты, которые теперь я заметил более и которых, мне кажется, другие не замечали, по крайней мере те, с которыми я говорил об этом предмете когда-либо. Эти черты очень тонки, простому глазу незаметны, даже если бы указать их. Но, будучи употреблены, как источник, как золотые искры рудниковых глыб, обращенные в цветущую песнь языка и поэзии нынешней доступной, они поразят и зашевелят сильно. — Но об этом можно поговорить. Сахаров[5], несмотря на свое доброе намерение, глуп. Он должен быть молодой человек. На вещи, на которые нужно глядеть простыми глазами, он как <будто> глядит в чорт знает какие преогромные очки, а главное, теперь страшно важничает, приступая к какому-нибудь делу. Начал полным трактатом о славянской мифографии; а предмет этой мифографии Абевега славянских суеверий[6] да одна журнальная статейка на двух страницах. Наговорившись о них досыта, я думаю: "Ну, теперь, брат, подавай-ка нам собственные свои мысли" — а собственных-то он и позабыл, их-то и не сказал — вместо этого следует описание игры в горелки, где говорит, что она производится на зеленом лугу в приятном месте и что нет счастливее возраста юности и любви, и следуют о любви и о подобных <предметах> страницы. Меня остановила мысль, или лучше сказать, вздор этой мысли: что будто бы нам нужно отвергнуть всех богов, [и мифологию, которой нет] о которых не говорит Нестор, что они или составлены после, или были у других народ<ов>, к которым он причисляет и других славян. Но Нестор монах и летописец текущих событий. Ему нет нужды перечислять всех богов. Притом, как христианин и монах, он не мог углубляться в предмет презрительный и неприличный для христианина в то время[7]. Но об этом поговорим тоже. — Ничего я до сих пор не сделал для Кол<л>ара. Виделся наконец с Демидовым[8], но лучше если бы не делал этого. — Чудак страшный! Его останавливает что бы ты думал? Что скажет Государь? Что мы переманиваем Австрийского подданного. Из этого, де, могут произойти неприятности между двумя правительствами. Я толковал ему, что мы не переманиваем, но что это вспоможение, которое оказать никому не может быть воспрещено, но заметил, что мои убеждения были похожи на резинный мячик, которым сколько ни бей в стену, он от нее только что отскакивает. Словом, это меня рассердило, и я не пошел к нему на обед, на который он меня приглашал на другой день. А Вельегурский[9] хочет, и я с этим согласен: он хочет

написать об этом к Уварову и вздрочить его честолюбие. Но я теперь об этом ему не напоминаю, потому что он ходит как убитый. Иосиф, кажется, умирает решительно[10]. Бедный, кроткий, благородный Иосиф. Может быть, его не будет уже на свете, когда ты будешь читать это письмо. Не житье на Руси людям прекрасным. Одни только свиньи там живущи. Писем к тебе на почте больше нет. Я справлялся постоянно. Кланяется тебе Грифи[11]. Он сегодня мне объявил после многих "о, о, о, о", что занимается очень важными двумя сочинениями, которые печатает. Одно — сравнен<ия> русских с австрияками, в которых говорится, что австрияки смотрят только на одни запятые, а русские не смотрят. Другое сочинение о Рафаэле, о сибиллах кажется, их толкование мифическое. Una cosa, говорит, affata non scritta mai[12]. Я думаю, что эти два сочинения будут совершенно одинаких достоинств. — Здоровье мое так же неопределенно и глупо и странно, как и при тебе. Живу надеждою на Мариенбад, а с ним вместе и на приятность с тобою увидаться. Прощай! Обнимаю вас обоих. Обними также за меня Шевырева».

[1] См. ***1839. Апреля конец — мая 3 <апреля вторая половина, не позднее 21>. Рим.***

[2] Имеется в виду главный труд чешского слависта Павла Йозефа Шафарика (1795–1861): Slowanské starožitnosti. Sepsal Pavel Josef Šafárik. Oddjl dĕgepisný. Pomocj Českého museum. W Praze, 1837. Эта книга стала первой в литературе фундаментальной работой, посвященной изучению общности славян и их роли в мировой истории, — краеугольным камнем науки о древних славянах. Первые три части сочинения были переведены на русский язык О. М. Бодянским и изданы в 1837–1838 гг. М. П. Погодиным: Славянские древности. Сочинение П. И. Шафарика. Перевод с Чешского И. Бодянского. Издано М. Погодиным. Часть историческая. М., 1837. Т. 1. Кн. 1–2; 1838. Т. 1. Кн. 3. Второе издание перевода вышло в 1847–1848 гг.: Славянские древности. Сочинение П. И. Шафарика. Перевод с Чешского О. Бодянского. 2-е изд., испр. М., 1847. Т. 1. Кн. 1–2; Т. 2. Кн. 1–2; 1848. Т. 2. Кн. 3. — Судя по тому, что Гоголь читал присланную ему книгу, можно предположить, что Шафарик отправил ему ее русский перевод 1837–1838 г., а «Старожитностями» назвал свой труд в письме к Гоголю. О русском «переводе Славянской истории Шафарика» Гоголь спрашивал Н. Я. Прокоповича еще в ноябре 1837 г. (см. ***1837. Ноября 30 <18>. Четверг. Рим***).

[3] См. ***1838. Июль — августа до 14 <июня конец — августа до 2>. Кастелламаре.***

[4] Имеется в виду сочинение И. М. Снегирева: Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Издан<ие> И. Снегирева. М., 1837. Вып. 1 (цензурное разрешение 20 февр.); М., 1838. Вып. 2 (цензурное разрешение 19 янв.); М., 1838. Вып. 3 (цензурное разрешение 9 авг.); М., 1839. Вып. 4 (цензурное разрешение 16 февр.).

[5] Подразумевается изд.: Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И. Сахаровым. СПб., 1836. Ч. 1 (2-е изд. — СПб., 1837. Ч. 1); СПб., 1837. Ч. 2–3.

[6] Имеется в виду словарь М. Д. Чулкова: АБеВеГа русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч., сочиненная М. Ч. М., 1786.

[7] Сходная мысль встречается в одном из набросков незавершенного очерка Гоголя о славянах (1832 — начало 1834): «Нестор, как историк, как монах, как христианин, не имел никакого побуждения входить во все подробности славян<ской> мифологии». Вероятно, к тому времени Гоголь получил от Н. Я. Прокоповича свои рукописные материалы по истории (см. ***1838 конец года — 1839 начало года. Рим***).

[8] См. ***1839. Между апреля 20 и мая 3 <апреля между 8 и 21>. Рим.***

[9] Граф Михаил Юрьевич Виельгорский.

[10] См. ***1839. Май — июня 1 <апреля вторая половина — мая 20>. Рим***; ***1839. Июня 2 <мая 21>. Воскресенье. Рим.***

[11] Римский знакомый, дававший уроки итальянского языка (см. также ***1837. Май <апреля вторая половина — мая первая половина>. Рим***; ***1839. Апреля 5 <марта 24>. Страстная пятница. Рим***).

[12] Эта прекрасная вещь никогда не была описана (*ит.*).

МАЯ 5 <АПРЕЛЯ 23>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПАРИЖ

Запись в дорожном дневнике М. П. Погодина:

«Омнибус о пятнадцати местах отправляется в Версаль всякую четверть часа. <...> ...Мы отправились с Ш<евыревым> и Д<анилевским>».

Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 458.

МАЯ 8 <АПРЕЛЯ 26>. СРЕДА. РИМ

Гоголь пишет ответное письмо А. С. Данилевскому в Париж:

«Я получил, после небольшого антракта, наконец твое письмо, то есть то письмо, в котором ты жалуешься на негодность свою во всяком деле и особливо в журнальном[1], против чего, впрочем, не спорю, ибо признаю ее в последнем градусе сил во мне самом. Но я представил тебе подобное именно для того, чтобы поставить на вид, как средство, к которому, может быть, придется, наконец, прибегнуть. Новости твои из дому, как кажется, совершенно неутешительны. Этот Иван Семенович[2], который купил дрожки для разъездов по экономии, кажется, не выйдет большим хозяином, и не думаю, чтобы экономия получила существенные выгоды от этих дрожек. С другой стороны, я не вижу никакой возможности поправить эту часть, зане мы с тобой, как сам знаешь, тоже небольшие экономы. Приглашение твое в Ахен, увы, несмотря на всю приятность увидаться с тобою, никак не может меня подвигнуть. Золотуха теперь одна из самых сноснейших моих болезней и, кажется, теперь давно уже угасла, по крайней мере я не вижу никаких ее признаков. Главный дьявол у меня в желудке. Притом одна уже мысль об Ахене и о трактире Карломановом, и об несчастнейшем, покрытом пылью гулянье[3]... <...> ...ничто, ничто не может заманить туда во второй раз. И после этой представившейся мне картины Мариенбад мне показался не только сносным, но даже заманчивым. Хотя, признаться, грустно подумать – оставлять Италию. Там теперь хорошо! и май какой чудный, прекрасный май! ты знаешь, каков он в Риме. Альбано, Фраскати, ослы и эти чудные деревья и лазурные небеса. Чего не позабудешь в это время, и слишком нужно быть сильной болезни физической, чтобы не позабыть ее хотя в половину. Но расскажи мне, что делают теперь твои гости, мои добрые, мои истинно верные друзья[4], где ты их водишь и как проводите вы там время которое, верно, тебе кажется теперь сноснее в Париже, я думаю, теперь совершенно ограбленном Лондоном, отчасти отдаленными южными небесами, а более всего целительными водами и ключами. Кстати, писал ли я тебе о том, что если Мариенбад мне не поможет, поеду в Грефенберг[5] на лечение холодною водою...»

[1] См. ***1839. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Рим, Тиволи, Рим.***
[2] Брат Данилевского.
[3] См. ***1836. Июля 2 <июня 20>. Суббота. Мюнстер, Дюссельдорф, Ахен.***
[4] Имеются в виду М. П. и Е. В. Погодины и С. П. Шевырев.
[5] Подробнее см. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (примечания).

МАЯ 10 <АПРЕЛЯ 28>. ПЯТНИЦА. РИМ

Княгиня З. А. Волконская сообщает С. П. Шевыреву в Париж:

«Бедный Иосиф на моей вилле. Владимир <Паве> ухаживает за ним. Я навещаю каждый день, как и моя добрая подруга La Baronne[1]. Она предложила ему свои услуги, если только они ему не будут неприятны, на время отсутствия Лизы»[2].

Мусатова Т. Л. Н. Гоголь, З. Волконская и «социальное христианство» // Творчество Гоголя в диалоге культур. Четырнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 29 марта – 1 апреля 2014 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2015. С. 226.

[1] «Видимо, камеристка княгини из Палаццо Поли» (примеч. Т. Л. Мусатовой).
[2] Е. Г. Чертковой.

МАЯ 11 <АПРЕЛЯ 29>. СУББОТА. РИМ

Вероятно, в этот день Гоголь сделал прощальную запись в альбом Е. Г. Чертковой, возвращавшейся с мужем в Москву[1]:

«Наша дружба священна. Она началась на дне тавлинки[2]. Там встретились наши носы... <...> ...Ваш – красивый, щегольской <...>; а мой решительно птичий, остроконечный и длинный, как Браун[3], <...> только между городом Римом и городом Клином может существовать подобная разница. <...> Я носу своему очень благодарен. Он мне говорит немолчно об вашем русском табаке, от которого я чихал... <...> Табак говорит мне о патриотизме, от которого я также чихал довольно часто. Патриотизм говорит мне о Москве, до сих пор мною любимой, Москва о вас... <...> Во всяком случае над нами странно-прихотливая игра случая: ангела он посылает в тот...... климат, который был бы в пору чорта, а чорта усаживает в рай, где должен был бы обитать ангел. Но и в виду этих чистых римских небес, <...> тоскующий чорт будет помнить долго свой отдаленный ад и ангела, сияющего в небольшом уголке его сумрачного пространства».

Позднее П. И. Бартенев, со слов дочери А. Д. и Е. Г. Чертковых Софьи Александровны (в замужестве Ермоловой), сообщал: «Гоголь был носат, у красавицы Е. Г. Чертковой также был большой, но изящный нос. Сопоставление этих носов давало Гоголю повод к разным шуткам. <...> Мать С. А. Ермоловой познакомилась с Гоголем, вероятно, через свою приятельницу Луизу Карловну Вьельгорскую, детям которой Гоголь, кажется, давал уроки. <...> Дружба с Гоголем усилилась, когда Елисавета Григорьевна вместе с ним и другими ухаживала за умиравшим в Риме прекрасным юношей, графом Иосифом Михайловичем Вьельгорским ("Ночи на вилле"). Чертковы уехали в Москву, Гоголь остался в Риме и переписывался с Елисаветой Григорьевной; но как-то долго от него не было писем[4], и, в ответ на напоминание о том, Гоголь прислал большой лист бумаги, на котором было им написано лишь несколько строк в таком роде: а правда ли, что в новой вашей зале подоконники не ровные?»[5]

Жена С. П. Шевырева Софья Борисовна в тот же день записала в своем дневнике:

«*11 мая / 29 апреля 1839 г. Рим.* <...> Гоголь пришел в 11 часов, он остался с нами до того момента, когда мы все сели в экипаж, до 2 ½. – Прежде чем уехать, мы с Лизой[6] благословились, и я простилась с детьми. Теперь все те, кого я люблю, уехали. Господи! Благоволи всем нам снова встретиться. Лиза, ее муж[7] и Гоголь проводили меня домой и пошли à la vigne <в виноградник; *фр.*> к больному <графу И. М. Виельгорскому>[8]; у которого она останется до 5 часов утра, и там она сядет в экипаж, чтобы уехать[9] из Рима»[10].

[1] См. ***1839. Мая 12 <апреля 30>. Воскресенье. Рим.***
[2] Плоская берестяная табакерка.
[3] А. Э. Браун (см. ***1838. Ноября 30 <18>. Пятница. Рим***).
[4] См. также ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт.***
[5] *Бартенев П. И.* Воспоминания С. А. Ермоловой <рожденной Чертковой> о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 140.
[6] Е. Г. Чертковой.
[7] А. Д. Чертков.
[8] Графу И. М. Виельгорскому.
[9] См. ***1839. Мая 12 <апреля 30>. Воскресенье. Рим.***
[10] Гоголь в дневниковых записях С. Б. Шевыревой // *Свод.* Т. 2. С. 82. Пер. с фр. Е. В. Балдиной.

МАЯ 12 <АПРЕЛЯ 30>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Жена С. П. Шевырева Софья Борисовна записывает в дневнике:

«*12 мая.* <...> Monsieor Владимир <Паве> пришел к матери; он видел, как Lise[1] садилась в коляску в 8 ч<асов>; она была весьма грустна и выглядела нездоровой. Поговорили о ней и о больном[2], которому лучше».

Лямина Е. Э., Самовер Н. В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. М., 1999. С. 433.

[1] Е. Г. Черткова.
[2] Граф И. М. Виельгорский.

МАЯ 14 <2>. ВТОРНИК. РИМ. VILLA CELIMONTANA

Граф Мих. Ю. Виельгорский сообщает В. А. Жуковскому:

«Гоголь, который приходит бодрствовать ночью и целые дни проводит с нами, тебе кланяется сердечно. Он нас много утешает и забавляет оригинальной, умной своей болтовней».

Из писем графа Мих. Ю. Виельгорского // *Свод.* Т. 2. С. 72.

МАЯ 15 <3>. СРЕДА. РИМ

Гоголь получил письмо от А. С. Данилевского из Парижа.

См. ***1839. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Рим.***

МАЯ 16 <4>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ. РИМ

Гоголь, возможно, находясь у одра умирающего графа И. М. Виельгорского[1], пишет ответное письмо А. С. Данилевскому в Париж:

«Вчера[2] я получил твое письмо от 4-го мая[3]. Делай как хочешь и распоряжайся насчет вод. Во всяком случае я прошу от тебя одного: вылечись и будь здоров. Что касается до меня, я еду, может быть, для того, чтобы очистить совесть и не упрекать себя потом, что не попробовал еще одного средства. Признаюсь, я не столько надеюсь на самый Мариенбад, сколько на Грефенберг[4]... <...> Желал бы очень сильно, чтобы ты получил скорее подкрепление денежное. С какою бы радостью поделился с тобой я этим презренным металлом, если бы судьба меня наделила им. Писал ли ты после моего письма к Ваське[5] и так, как я тебе говорил[6]? Это человек, которого нужно гвоздить порядочно, а без того будет мало успеха».

[1] См. ***1839. Мая с 16 по 19 <с 4 по 7>. С четверга (с праздника Вознесения Господня) по воскресенье. Рим.***
[2] См. ***1839. Мая 15 <3>. Среда. Рим.***
[3] См. ***1839. Мая 4 <апреля 22>. Суббота. Париж.***
[4] Подробнее см. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (примечания).
[5] В. Я. Прокопович.
[6] См. ***1839. Апреля не позднее 14 <не позднее 2>. Рим.***

МАЯ 5 <17>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

К. С. Аксаков пишет:

«В настоящую минуту литература наша представляет самое пустынное поле. Пушкина нет. Гоголь давно молчит, только изредка доходят к нам из Рима утешительные слухи, что он уже пишет, что он написал уже что-то, но пока это только слухи, осуществления которых нам остается только с нетерпением ожидать. На литературном поприще виднеются толстые журналы. Книг появляется мало, почти все испачканные грязью, которою щедро перекидываются они друг в друга. “Север-н<ая> Пчела” и “Сын О<течества>” преимущественно виднеются в этом искусстве и не терпят недостатка в необходимом для этого оружии».

Аксаков К. С. О некоторых современных собственно литературных вопросах // *Свод.* Т. 2. С. 799–800.

МАЯ С 16 ПО 19 <С 4 ПО 7>. С ЧЕТВЕРГА (ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ) ПО ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Гоголь проводит четверо суток («дни и ночи вместе») у постели умирающего графа И. М. Виельгорского.

См. ***1839. Мая 20 <8>. Понедельник. Рим.***

МАЯ 19[1] <7>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Гоголь, вероятно, получил из Парижа ответное[2] письмо С. П. Шевырева, с припиской М. П. Погодина[3] (в ответ на письмо Гоголя к Погодину от 5 мая (н. ст.) 1839 г.[4]).

[1] См. ***1839. Мая 20 <8>. Понедельник. Рим.***
[2] См. ***1839. Апреля 20 <8>. Суббота. Рим.***
[3] См. ***1839. Мая 20 <8>. Понедельник. Рим.***
[4] См. ***1839. Мая 5 <апреля 23>. Воскресенье. Рим.***

МАЯ 20 <8>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Вероятно, в первой половине дня Гоголь начинает ответное[1] письмо С. П. Шевыреву в Париж. Вечером того же дня Гоголь навещает С. Б. Шевыреву. Вероятно, в тот же день, сразу после визита к Шевыревой, заканчивает письмо к ее мужу и пишет — тоже в Париж — письмо к М. П. Погодину.

Накануне визита к Шевыревой Гоголь писал Шевыреву: «Благодарю тебя мильон раз за твое милое письмо... <...> Я рад очень, что ты доволен своим помещением... <...> Между прочим, не позабудь проведать и найти Тургенева[2] (если только он в Париже). Он вам очень будет полезен. Данилевский должен знать адрес его. Если случится тебе встретиться с Мицкевичем, обними его за меня крепко. Новость твоя об Уварове[3] достигла и сюда. Лучше ее, конечно, не могло ничего быть. Это первая, сколько мне помнится, утешительная новость из России. Кажется, мстительная тень Пушкина [вступилась] вмешалась в это дело и, защищая за гробом любезные ей права литературы и просвещения, наконец, настигла преследуемого неизбежно ею хищника. Здесь говорят об этом розно, но никто не знает настоящего дела. Я тут вижу чудо и больше ничего. Уваров с его гибкостью, с его всеми условиями, требуемыми правительством, мог лишиться его милости! — это почти непостижимо. Я бы желал знать день и час, в который это случилось, со мной теперь происходят какие-то пророческие события. Не случилось ли это в тот самый день, в который я написал ему приговор после разговора нашего с Погодиным; об этом приговоре скажет тебе Погодин. Я хотел

было разослать его по знакомым в Россию, но теперь натурально оставлю его в портфеле, как памятник моих тогдашних движений. Лежачего не бьют. Прощай, мой милый и добрый».

Положив перо, Гоголь, вероятно, решает навестить Шевыреву, чтобы сообщить известия о ней ее мужу. О тогдашнем визите Гоголя Шевырева записала в дневнике: «*20 <мая (н. ст.)>*. Вечером, когда я <пере>одевалась, пришел Гоголь[4]. Его визит и страшный каприз Бориса[5], который закончился тем, что я его нашлепала, заставили меня спуститься позже, чем мне хотелось»[6].

Вероятно, после визита к Шевыревой Гоголь заканчивает письмо к Шевыреву: «Письмо твое я получил только вчера[7]. Четыре дня я не видал Софьи Борисовны, все эти дни и ночи[8] вместе я проводил у одра больного Иосифа, моего Виельгурского[9]. Бедненькой, он не может остаться минуты, чтобы я не был возле... И было бы бессовестно с моей стороны, если бы я не заплатил, увы! может быть, последнего долга дружбы. <...> София Борисовна, я нахожу, поправилась. Воздух здешней весны для нее, видно, очень хорош».

Завершив послание к Шевыреву, пишет письмо Погодину: «Получил и твою приписочку. <...> Очень рад, что вам помещение пришлось по душе. Елизавету Васильевну следовало бы, впрочем, пожурить немножко за то, что она захворала. <...> Я теперь очень и слишком занят моим больным Вельегорским: сижу над ним ночи без сна и ловлю все его мановения. Есть святые [условия] услуги дружбы, и я должен теперь их исполнить. Но удивительно: я не чувствую никакой усталости. Здоровье мое ничуть не сделалось хуже. Даже лицо мое не носит никаких знаков изнеможения, находят даже меня поправившимся. Сладки и грустны мои минуты нынешние[10]. Но я вечно благодарю Бога, что во мне случилась эта надобность и что именно случился в это время я, а не лицо чуждое, неродное, неприятное для больного».

[1] См. ***1839. Мая 19 <7>. Воскресенье. Рим***.

[2] Имеется в виду А. И. Тургенев.

[3] Возможно, недовольство Государя министром народного просвещения С. С. Уваровым, проявившееся в 1839 г., было вызвано тем, что секретный доклад Уварова Императору о распространении русского языка в Остзейских губерниях от 7 июня 1838 г. стал неожиданно известен широкой публике – этот доклад был опубликован 21 февраля 1839 г. в немецком переводе в № 52 «Приложений» к аугсбургской «Всеобщей Газете» («Allgemeine Zeitung»). Шевырев, сообщивший Гоголю «новость» об Уварове, в том же году выступил с анонимной статьей на немецком языке «Введение русского языка в немецких Остзейских провинциях. Слово оправдания одного Русского», в которой доказывал необходимость изучения русского языка для немцев Прибалтийского края. Эта статья Шевырева была напечатана в № 220 и 221 «Приложений» к той же «Allgemeine Zeitung» от 8 и 9 августа 1839 г. (*Петухов Е. В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет, за сто лет его существования. Юрьев, 1902. Т. 1. С. 429, 432–433).

[4] Возможно, Гоголь навестил Шевыреву с письмом от ее мужа из Парижа (см. ***1839. Мая 19 <7>. Воскресенье. Рим***).

[5] Сын С. П. и С. Б. Шевыревых Борис Степанович (1836–1888).

[6] Гоголь в дневниковых записях С. Б. Шевыревой // *Свод.* Т. 2. С. 82. Пер. с фр. Е. В. Балдиной.

[7] См. ***1839. Мая 19 <7>. Воскресенье. Рим***.

[8] См. ***1839. Мая с 16 по 19 <с 4 по 7>. С четверга (с праздника Вознесения Господня) по воскресенье. Рим***.

[9] См. ***1839. Июня 2 <мая 21>. Воскресенье. Рим***.

[10] Ср. начальные строки «Ночей на вилле»: «Они были сладки и томительны, эти бессонные ночи».

МАЯ 21 <9>. ВТОРНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. РИМ

Именины Гоголя.

МАЯ 16 <28>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Кончина актера Н. О. Дюра.

Энциклопедический лексикон... СПб.: В типографии А. Плюшара, 1841. Т. 17 (цензурное разрешение 30 мая). С. 413.

МАЯ 30 <18>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Гоголь пишет ответное письмо М. П. Балабиной в Петербург:

«Я получил ваше письмо и, распечатавши, долго не верил. <...> Как вы переменились! Уже год[1], как я не получал от вас писем, и вы в этот один год так выросли и образовались чувствами, мыслями и душой. Какая зрелость и быстрый ход! Даже почерк письма вашего изменился, даже русской язык и падежи вас слушаются. Я вижу теперь, это справедливо, что девушка на 18-м году в один год проходит тот курс, который нашему брату едва дается в несколько лет. Вы писали ваше письмо, как сами говорите, под влиянием записок Александрова, или Дуровой[2], которые вы в то время читали. Ваши суждения об этой книге и оригинальны и вместе тонки и верны. <...> Увы! я пишу к вам тоже под влиянием книги, которую теперь читаю, но другой и как противоположной вашей! Печальны и грустно-красноречивы ее страницы. Я провожу теперь бессонные ночи у одра больного, умирающего моего друга Иосифа Вьельгорского[3]. Вы, без сомнения, о нем слышали, может быть, даже видели его иногда; но вы, без сомнения, не знали ни прекрасной души его, ни прекрасных чувств его, ни его сильного, слишком твердого для молодых лет характера, ни необыкновенного основательностью ума его; и всё это — добыча неумолимой смерти; и не спасут его ни молодые лета, ни права на жизнь, без сомнения, прекрасную и полезную! Я живу теперь его умирающими днями, ловлю минуты его. Его улыбка или на мгновение развеселившийся вид уже для меня эпоха, уже происшествие в моем однообразно проходящем дне. <...> Бедный мой Иосиф! один единственно прекрасный и возвышенно благородный из ваших петербургских молодых людей, и тот!.. Клянусь, непостижимо странна судьба всего хорошего у нас в России! Едва только оно успеет показаться — и тот же час смерть! безжалостная, неумолимая смерть! Я ни во что теперь не верю, и если встречаю что прекрасное, тотчас же жмурю глаза и стараюсь не глядеть на него. От него несет мне запахом могилы. “Оно на короткий миг”, шепчет глухо внятный мне голос. “Оно дается для того, чтобы существовала по нем вечная тоска сожаления, чтобы глубоко и болезненно крушилась по нем душа”.

Кстати о прекрасном. <...> ...Я думал об вас <...>: “Кому-то вы достанетесь? Постигнет ли он вас и доставит ли вам счастие, которого вы так достойны?” Я перебирал всех молодых людей наших в Петербурге: тот просто глуп, другой получил как-то несчастную крупицу ума и зато уже хочет высказать ее всему свету; тот ни глуп, ни умен, но бездушен, как сам Петербург. Один был человек, на котором я остановил взгляд — и этот человек готовится не существовать более в мире... Вы извините, что я пустился быть вашей свахой, что называется иначе кума. Мое мысленное сватовство, как вы видите, неудачно... <...> Зачем вы ни слова не написали мне о вашем здоровьи?.. <...> Вы должны лечиться холодною водою в Грефенберге[4]. <...> Здоровье мое non vale un fico[5], как говорят итальянцы, — хуже нынешней русской литературы, о которой вы мне доставили в вашем письме известия. Летом еду в Мариенбад на один месяц[6]. <...> Опять я увижу эту подлую Германию[7]... <...> Вы меня очень заинтересовали новым романом, который вы читали и который вам понравился. Я верю, что он должен быть очень хорош, ибо все ваши суждения в этом вашем последнем письме так основательны, что я никак не смею им не верить (отсюда исключается слов несколько о немцах). Я говорю о романе Миклашевичевой[8], о котором вы пишете. <Он> точно редкость у нас на Руси. Порядочный роман... что-то очень... У меня на языке вертелось [ввернуть] вставить здесь одно слово, которое чрезвычайно просилось на язык, но лучше повоздержаться. Не всё то можно, что хочется, особливо в письме; ибо есть очень много таких почтенных людей, которые чрезвычайно любят (может быть, даже из любви к просвещению) читать чужие письма и доставлять таким

образом невинное утешение добродушной душе своей, а иногда выводить даже из этого невинные сплетни. В вашем письме, между прочим, еще теплятся следы восторга, чувствованного вами при представлении "Гамлета". Вы им полны. Впечатления ваши живы и сильны. Так они и должны быть. Вы его смотрели в первый раз, и актер, исполнявший роль его, должен был вам нравиться безусловно, совершенно. Таков закон, которому подвергается живая, исполненная чувства душа. Потом вы будете тоже восхищаться, но будете более находить больших промахов в актере. Каратыгин есть один из тех актеров, который вдруг и с первого раза влечет к себе, схватывает вас в охапку насильно и уносит с собой, так что вы не имеете даже времени очнуться и придти в себя. Есть роли совершенно в его роде. Но большая часть ролей, созданных Шекспиром, и в том числе Гамлет, требуют тех добродетелей, которых недостает в Каратыгине. Вы можете это увидать только после, по долгом соображении и долгом изучении характеров, созданных Шекспиром, и потому я не хочу говорить вам об этом. Лучше, если вы дойдете к этому сами.

Вы спрашиваете меня о новостях, что происходит нового среди вечных древностей? Всё прекрасно, чудесно, больше ничего не могу сказать. Цветут розы, темнеют кипарисы, ослепительно сияет синий небесный свод, убраны по-праздничному все развалины и ваш друг Колизей. Но вы всё это знаете и без моих слов. Картина Бруни[9], о которой вы интересуетесь знать, кажется, стоит на том же, на чем стояла. Век художника оканчивается, когда он оставляет раз Италию, и, дохнувши тлетворным дыханием севера, он, как цветок юга, никнет голову[10]. Бруни как будто бы прихватил петербургский мороз; по крайней мере кисть его скользит лениво и не работает. Об аббате Ланчи не имею никаких сведений.

Вы пишете и спрашиваете, когда я буду к вам[11]. Это задача для меня самого, которую, признаюсь, я не принимался даже еще разрешать[12]. <...> Напишите скорее ваш ответ и адресуйте его в Мариенбад, poste restante».

[1] Последнее письмо от Балабиной было получено Гоголем по приезде в Рим (после более чем четырехмесячного отсутствия) 15 ноября (н. ст.) 1838 г. (см. ***1838. Июля 5–6 <июня 23–24>. Четверг-пятница. Рим***; ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим***; ***1838. Ноября 19 <7>. Понедельник. Рим***). Вероятно, предшествующее письмо Балабиной Гоголю было отправлено из Петербурга в Рим в начале июня 1838 г. (см. ***1838. Июня начало <июня средина>. Санкт-Петербург***).

[2] Имеются в виду книги: *Александров (Дурова Н. А.).* Кавалерист-девица. Происшествие в России (СПб., 1836. Ч. 1–2); Записки *Александрова (Дуровой).* Добавление к Девице-кавалерист (М., 1839).

[3] См. ***1839. Июня 2 <мая 21>. Воскресенье. Рим.***

[4] Подробнее см. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (примечания).

[5] Ничего не стоит (*ит.*).

[6] См. ***1839. Июля 13 <1>. Суббота – августа около пятницы 23 <около пятницы 11>. Мариенбад.***

[7] См. ***1836. Июня 28 <16>. Вторник. Гамбург.***

[8] Имеется в виду нравоописательно-авантюрный роман Варвары Семеновны Миклашевич (Миклашевичевой; рожд. Смагиной; 1772–1846) «Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия» (1828–1836), известный тогда в рукописи (опубликован в 1864–1865 гг.).

[9] «Медный змий» (1827–1841).

[10] См. также ***1836. Июня 28 <16>. Вторник. Гамбург*** (примечания).

[11] См. ***1839. Октября 30 – декабря 17. Санкт-Петербург.***

[12] Ср. ***1837. Июля 20 <8>. Четверг. Баден-Баден***; ***1838. Августа 14 <2>. Вторник. Кастелламаре.***

ИЮНЯ 1 <МАЯ 20>. СУББОТА. РИМ

Княгиня З. А. Волконская сообщает в Париж С. П. Шевыреву о графе Мих. Ю. Виельгорском, находящемся у постели умирающего сына Иосифа:

«Отец жалок, а мать[1] как примет крест; Гоголь все там»[2].

Спустя почти полтора года, 29 октября (н. ст.) 1840 г., Гоголь, описывая в послании к М. П. Погодину свою болезнь в Вене в августе 1840 г.[3], сообщал: «О, это было ужасно, это была

та сама<я> тоска и то ужасное беспокойство, в каком я видел бедного Вельегорского в последние минуты жизни».

[1] Л. К. Виельгорская.
[2] *Мусатова Т. Л.* Н. Гоголь, З. Волконская и «социальное христианство» // Творчество Гоголя в диалоге культур. Четырнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 29 марта – 1 апреля 2014 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2015. С. 226.
[3] См. ***1840. Августа вторая половина – конец <августа начало – средина>. Вена.***

ИЮНЯ 2 <МАЯ 21>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Кончина графа И. М. Виельгорского.

Из дневника С. Б. Шевыревой: «*2 <июня (н. ст.)>, воскресенье, 11 часов вечера.* Граф Иосиф умер сегодня в 7 часов. Бедный отец! и мать, которая едет в Париж, предполагая встретиться с ними, – страшно подумать. Мы обедали à la vigne, где я видела Гоголя. Около 6 ч<асов> г<оспо>-жа Власова[1], Борис[2] и я отправились в палаццо Джустиниани, откуда должны были смотреть на процессию, идущую к церкви святого Иоанна Латеранского. <...> Княгиня[3] приехала на минутку и уже собиралась возвращаться, когда пришли с известием, что больной умирает. Аббат Жерве[4], тоже пришедший смотреть на процессию, вскоре вызвался сходить за пальто для Бориса, который жаловался, что ему холодно. Когда он вернулся на vigne, его как раз искали: надо было прочесть молитву на исход души. Послали за священником[5], его не оказалось дома, но больной причащался накануне. Пока все это происходило, мы были в палаццо Джустиниани. <...>

Когда <молитва> окончилась, мы вернулись à la vigne. Брат был последним, с кем говорил граф Иосиф, брат все время поддерживал его голову, и тот ему сказал: «Господин Pavey[6], надо решаться». Агония продолжалась лишь полчаса. Его отец, говорят, был так трогателен в его предсмертные минуты. Пока мы были здесь, он вышел в сад с Гоголем, который пришел только после смерти юного графа. Он подошел к нам, пожал руку князю[7] и госп<оже> Влас<овой>; я отступила назад, он меня увидел и протянул мне руку. Он не мог говорить. Княгиня осталась с ним до 10 ½. Князь Репнин[8] отвел нас под вечер. Брат вернулся в 9 часов; он поднялся ко мне, мы могли говорить только о покойном. Добрый брат, он посвятил ему все свое время после отъезда Лизы»[9].

В письме, начатом 3 июня (н. ст.) 1839 г. и отправленном 5 июня, Шевырева сообщала мужу, С. П. Шевыреву: «Все кончилось для графа Иосифа[10], душечка, он умер вчера <2 июня (н. ст.) 1839 г.> между 7 и 8 часами пополудни, кажется, без больших мучений. Княгиня, аббат Жерве и господин Pavey были вместе с отцом <графом Мих. Ю. Виельгорским> в его[11] предсмертные минуты. Господин Pavey был последним, с кем он <граф И. М. Виельгорский> говорил, он сказал ему: «Как трудно душе отойти от тела». Гоголь ушел часом раньше и пришел только после его смерти. Священник <иеромонах Герасим> тоже опоздал; мы не ожидали, что это кончится в тот день. Впрочем, он причащался накануне и еще две недели назад. Отец был так трогателен; он с ним <с сыном Иосифом> разговаривал, называл его самыми нежными именами, но тот не мог уже говорить; агония продолжалась около часа.

Княгиня пришла на одну минуту с аббатом; но когда она была уже в пути, возвращаясь à la Vigne, ей сообщили, что больной при смерти. Она пришла еще вовремя вместе с аббатом, который встал на колени и начал читать молитвы за него. После <панихиды> мы пришли в сад, отец с Гоголем прошел мимо нас, он остановился и каждому из нас пожал руку, будучи не в силах выговорить ни слова. Князь Репнин, который находился здесь, отвел нас домой; господин Pavey вернулся в 9 часов, он поднялся ко мне; мы могли говорить только об этом; он был очень взволнован; со времени отъезда Лизы он посвятил почившему все эти дни, он к этому привязался, несмотря на то, что такой образ жизни ему совсем не подходил; он все еще тяжело вздыхал. Спустившись в гостиную, мы провели вечер с <*нрзб.*>; княгиня вернулась de la vigne только к 11 часам»[12].

Княгиня З. А. Волконская в письме, начатом 3 июня (н. ст.) 1839 г. и отправленном 4 июня, также сообщала Шевыреву: «Иосифа нет. Он вчера <2 июня (н. ст.) 1839 г.> кончил свою жизнь, а Жерве обедал у меня. Ему было дурно, но никто не думал, что так скоро он умрет. Послали за мной, я с сестрой <графиней М. А. Власовой>, с Жерве и с Софьей <Шевыревой> и с Борисом <Шевыревым> были у Массими <князь, папский церемониймейстер>, где смотрели церемонию. Мне что-то сердцу сказало: пора домой. Встретила гр<афа> Риччи, он искал Гогела <так>, не нашли. Гр<афиня> М. Воронцова[13] была при нем, я прибежала вовремя, и мы окружили его постель; в большой моей комнате у стены угловой, и приняли, молясь, его чистую душу. Он ничего не отказывал, молился со мной, любил Богоматерь и правду, заслужил последнюю помощь, таинственный свет»[14].

Позднее племянница княгини З. А. Волконской, княжна В. Н. Репнина-Волконская, вспоминала о своей тетке: «Зинаида Александровна, урожденная княжна Белосельская-Белозерская, была жена родного моего (княжны Репниной) дяди, князя Никиты Григорьевича Волконского. Ее воспевали Веневитинов, Жуковский, Пушкин; Мицкевич в чудных стихах описал ее гостиную. Она жила сначала в Москве, где и встречалась с Веневитиновым и Мицкевичем. Позднее она приняла католичество (тайным образом, вероятно, еще когда жила в Москве). Потом переехала в Петербург. Когда известие о совращении ее в католицизм дошло до императора Николая Павловича, то он хотел ее вразумить и посылал ей с этой целью священника. Но с ней сделался нервный припадок, конвульсии. Государь позволил ей уехать из России, и она избрала местом жительства Италию, что, конечно, было в связи с переменой религии. В Риме ее скоро прозвали Beata <блаженная; *лат.*>; она сначала очень полюбила Гоголя, но потом возненавидела. Это случилось позднее, по следующей причине. Когда умирал Иосиф Виельгорский, то у него ежедневно бывали Елизавета Григорьевна Черткова, урожденная Чернышева, графиня Марья Артемьевна Воронцова и наконец Гоголь. Зинаида Александровна была уже тогда ярая католичка, и мне рассказывали, что Гоголь пошел прогуляться и вместе поискать священника для исповеди умирающего. Гоголь же потом сам читал для него отходную. Молодой Виельгорский причащался в саду, и мой отец поддерживал его и читал за него: "Верую, Господи, и исповедую". Но когда он умирал, то в его комнате уже был приглашенный княгиней Волконской аббат Жерве. Зинаида Александровна нагнулась над умирающим и тихонько шепнула аббату: "Вот теперь настала удобная минута обратить его в католичество". Но аббат оказался настолько благороден, что возразил ей: "Княгиня, в комнате умирающего должна быть безусловная тишина и молчание". Тем не менее моя тетка (т. е. княгиня З. А. Волконская) что-то еще пошептала над Виельгорским и потом проговорила: "Я видела, что душа вышла из него католическая". Виельгорский же был перед смертью так слаб, что Черткова вместе с Гоголем нежно ухаживали за ним и держали тарелку, когда он ел. Но Черткова собиралась уехать, как этого требовал ее муж. В знак глубокой признательности к ней за хлопоты и попечения о нем Виельгорский, умирая, снял с руки кольцо, чтобы передать его Чертковой. Увидя это, Волконская почему-то с несдерживаемым негодованием произнесла: "c'est immorale!"[15] Она находила, что когда Виельгорский умирал, то у него не должно было остаться никакого земного чувства»[16];

«...Перед самою кончиною молодого графа <И. М. Виельгорского>, он <Гоголь> обещал сидеть у него, но не пришел. Этим воспользовалась хозяйка виллы <княгиня З. А. Волконская> и призвала к умиравшему аббата <Ф. О. Жерве>. J'ai vu son ame sortir tout-a-fait catholique (т. е. я видела, как душа его уходила совсем католическая), говорила она потом»[17].

Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной-Волконской в пересказе А. В. Марковича (1856–1859): «Сюда (в Рим) привезен был больной чахоткою Виельгорский. Гоголь ухаживал за ним, как обыкновенно умеют ухаживать за больными одни только женщины, и когда он скончался, Гоголь не отходил от его отца»[18].

Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной-Волконской 1890 г.: «В Риме он ухаживал, как сердобольная сестра, за умирающим молодым графом Виельгорским...»[19]

В 1854 г. А. О. Смирнова вспоминала: «Наследник начал уже серьезно заниматься; к нему взяли в товарищи графчика Иосифа Виельгорского и Паткуля. Это товарищество было нужно, как

шпоры для ленивой лошади. Вечером первый подходил [к Государю] тот, у которого были лучшие баллы, обыкновенно бедный Иосиф, который краснел и бледнел; что касается до Паткуля, тот никогда не помышлял о такой чести. Наследник не любил Виельгорского, хотя не чувствовал никакой зависти: его прекрасная душа и нежное сердце были далеки от недостойных чувств. Просто между ними не было симпатии. Виельгорский был слишком серьезен, вечно рылся в книгах, жаждал науки, как будто спеша жить, готовил запас навеки. Придворная жизнь была для него тягостна. Весной этого <1838> года он занемог, его послали в Рим на зиму, и там, на руках Елизаветы Григорьевны Чертковой и Гоголя, увял этот прекрасный цветок и скончался тихо, не жалея этого мира»[20].

[1] Магдалина Александровна Власова (рожд. княжна Белосельская-Белозерская), сестра княгини З. А. Волконской.

[2] Шевырев.

[3] З. А. Волконская.

[4] Филипп Олимп Жерве (1798–1864), аббат, с 1854 г. – епископ Перпиньянский.

[5] Имеется в виду настоятель православной русской церкви Святителя Николая Чудотворца в Риме (с 1836 г.) иеромонах (с 1844 г. архимандрит) Герасим.

[6] В. Паве.

[7] Князь А. Н. Волконский.

[8] Князь В. Н. Репнин-Волконский.

[9] Гоголь в дневниковых записях С. Б. Шевыревой // *Свод*. Т. 2. С. 82. Пер. с фр. Е. В. Балдиной.

[10] Виельгорского.

[11] Графа И. М. Виельгорского.

[12] Свидетельства о Гоголе С. Б. Шевыревой (рожденной Зеленской) // *Свод*. Т. 2. С. 82. Пер. с фр. Е. В. Балдиной.

[13] Графиня Мария Артемьевна Воронцова, приятельница графини Л. К. Виельгорской (католички), а также княгини З. А. Волконской. Подобно Волконской, М. А. Воронцова приняла католичество еще в середине 1810-х гг. Историю ее «обращения» в католичество (по незнанию русского языка и православных таинств) см. в воспоминаниях княжны В. Н. Репниной-Волконской: *Репнина В.*, княжна. Из воспоминаний о прошлом // Русский Архив. 1870. № 7–9. Стб. 1725–1727. В числе других знакомых Гоголю великосветских дам, входила в состав первого Совета Женского Патриотического Общества, в ведении которого находился Патриотический институт благородных девиц, где с марта 1831 г. по апрель 1835 г. преподавал Гоголь (см.: *Бардовский А. Ф.* Патриотический Институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813–1913 г. СПб., 1913. С. 5).

«По воспоминаниям княжны В. Н. Репниной, когда Иосиф Виельгорский умирал, то отец его находился в Риме и был в полном отчаянии, а друг Луизы Карловны Виельгорской, Марья Артемьевна Воронцова, видя близость развязки, оставила все и поехала к ней навстречу; она получила известие от дочери Виельгорской, Апполинарии Михайловны, что мать ее не проливает ни одной слезы в немом ужасе и отчаянии. Тогда она оставила все и поехала к ней» (примеч. В. И. Шенрока; *Свод*. Т. 3. С. 108).

28 июля (н. ст.) 1839 г. граф Мих. Ю. Виельгорский сообщал Гоголю из Марселя: «Мы вообще ожидали Гр<афиню> Воронцову, которой приезд был бы для меня большой помощью. Она любит Графиню, которая и ее очень любит. Она была бы помощницей в моих беспрестанных разговорах с женой, у которой горесть все глубже и глубже укореняется. "Что я за мать, – говорит она часто, – я воображала только, что я его любила, и не умела умереть", – и подобные парадоксы материнской любви, которых и пересказать вам не могу, но которые понятны вашему сердцу. Мы еще не совсем отложили надежду видеть Графиню, послав ей даже <*1 нрзб.*> приехать – в таком случае проживем <здесь> еще до 20-го августа, и если решительно она откажется, то в первых числах поедем, вероятно, по Рейну в Ротердам и оттуда, вероятно, в Брайтон или останемся в Марселе для пользования морским купанием».

[14] Гоголь в письмах княгини З. А. Волконской // *Свод*. Т. 3. С. 117. Уточнено по изд.: *Мусатова Т. Л.* Н. Гоголь, З. Волконская и «социальное христианство» // Творчество Гоголя в диалоге культур. Четырнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 29 марта – 1 апреля 2014 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2015. С. 226.

[15] Это аморально (*фр.*).

[16] Воспоминания княжны В. Н. Репниной-Волконской в записи В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 3. С. 108.

[17] Отрывки из воспоминаний княжны В. Н. Репниной-Волконской в записи П. И. Бартенева // *Свод*. Т. 3. С. 114.

[18] Записка, составленная А<фанасием> В<асильевичем> М<аркович>ем из письма к нему Кн<яжны> В. Н. Р<епни>ной о Гоголе. <Письмо к П. А. Кулишу от 31 декабря 1856–1859 гг.> // *Свод*. Т. 3. С. 96.

[19] *Бартенев П. И.* Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной о Гоголе // *Свод*. Т. 3. С. 100.

[20] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод.* Т. 2. С. 231–232; см. также: <Воспоминания о Гоголе А. О. и О. Н. Смирновых в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока> // *Свод.* Т. 2. С. 358–359.

ИЮНЯ НОЧЬ СО 2 НА 3 <МАЯ НОЧЬ С 21 НА 22>. С ВОСКРЕСЕНЬЯ НА ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь и граф М. Риччи проводят ночь с отцом почившего графа И. М. Виельгорского графом Мих. Ю. Виельгорским.

Княгиня З. А. Волконская в письме, начатом 3 июня (н. ст.) 1839 г. и отправленном 4 июня, сообщала С. П. Шевыреву об отце покойного, графе Мих. Ю. Виельгорском: «Миньято <Риччи> с ним ночевал третьего дни, и все с ним. Гогел <так> тоже, но Миньято полезнее; вот как разрушается, что на песке воздвигнуто»[1].

Из дневника С. Б. Шевыревой: «*4 <июня>, полночь.* <...> Он <граф М. Риччи> провел ту ночь у отца, и сегодня днем он там...»[2]

[1] Гоголь в письмах княгини З. А. Волконской // *Свод.* Т. 3. С. 117.
[2] Гоголь в дневниковых записях С. Б. Шевыревой // *Свод.* Т. 2. С. 82. – Пер. с фр. Е. В. Балдиной.

ИЮНЯ 3 <МАЯ 22>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Панихида по усопшем графе И. М. Виельгорском.

Из дневника С. Б. Шевыревой: «*4 <июня>, полночь.* Вчера в 6 часов мы (князь <А-р Никитич Волконский>, княгиня <З. А. Волконская>, господин Влад<имир Паве> и я) пошли à la vigne на панихиду по почившему. Он лежал на столе, и на том самом месте, где мы обедали этой зимой; было еще несколько человек, которые присутствовали на панихиде. Бедный отец был там. После молитв открыли лицо графа И<осифа>, и я его увидела. Он казался уснувшим; его лицо, такое интересное, нисколько не изменилось, казалось даже, что на щеках был легкий румянец. Мой добрый граф Риччи[1], видя, что это меня взволновало, он подал мне руку, чтобы прогуляться по саду»[2].

В письме к мужу, начатом 3 июня (н. ст.) 1839 г. и отправленном 5 июня, Шевырева также сообщала: «В понедельник <3 июня (н. ст.) 1839 г.> после ужина мы были à la vigne, <чтобы> присутствовать на панихиде по почившему; его лицо было закрыто; но потом платок сняли, и я увидела его. Его черты совсем не исказились; он казался уснувшим»[3].

[1] Граф Миньято Риччи (1792–1860), певец-любитель, литератор; близкий друг княгини З. А. Волконской.
[2] Гоголь в дневниковых записях С. Б. Шевыревой // *Свод.* Т. 2. С. 82. Пер. с фр. Е. В. Балдиной.
[3] Свидетельства о Гоголе С. Б. Шевыревой (рожденной Зеленской) // *Свод.* Т. 2. С. 82. Пер. с фр. Е. В. Балдиной.

ИЮНЯ 4 <МАЯ 23>. ВТОРНИК. РИМ

Похороны графа И. М. Виельгорского.

Княгиня З. А. Волконская в письме, начатом 3 июня (н. ст.) 1839 г. и отправленном 4 июня, сообщала С. П. Шевыреву: «Сегодня <4 июня (н. ст.)> его <покойного Виельгорского> выносим. Отец <граф Мих. Ю. Виельгорский> жалок, но повинуется»[1].

Из дневника С. Б. Шевыревой: «*4 <июня>, полночь.* <...> ...Похороны <графа И. М. Виельгорского> были сегодня после обеда»[2].

В письме к мужу, начатом 3 июня (н. ст.) 1839 г. и отправленном 5 июня, Шевырева также писала: «Во вторник <4 июня (н. ст.) 1839 г.> состоялись похороны, на которых мы не были»[3].

[1] Гоголь в письмах княгини З. А. Волконской // *Свод.* Т. 3. С. 117.
[2] Гоголь в дневниковых записях С. Б. Шевыревой // *Свод.* Т. 2. С. 82. Пер. с фр. Е. В. Балдиной.
[3] Свидетельства о Гоголе С. Б. Шевыревой (рожденной Зеленской) // *Свод.* Т. 2. С. 82. Пер. с фр. Е. В. Балдиной.

ИЮНЯ 5 <МАЯ 24>. СРЕДА. РИМ

Гоголь пишет ответное письмо А. С. Данилевскому в Париж и, — вероятно, в тот же день — матери в Васильевку.

В письме к Данилевскому замечает: «Письмо твое пахнет унынием... <...> Неужели тебе уже решительно ничего не остается на свете, которое бы тебя привязывало. <...> Впрочем, я состояние твое совершенно понимаю. Одиночество в этом пустынно-многолюдном Париже и притом еще в это время года, время томительных жаров, которые везде томительны, кроме Италии. <...> Я недавно еще чувствовал одну сильную, почти незнакомую для меня в эти лета грусть, грусть живую, грусть прекрасных лет юношества, если не отрочества души. Я похоронил на днях[1] моего друга, которого мне дала судьба в то время, в ту эпоху жизни, когда друзья уже не даются. Я говорю об моем Иосифе Вельегорском. Мы давно были привязаны друг к другу, давно уважали друг друга, но сошлись тесно, неразрывно и решительно братски только, увы, во время его болезни. Ты не можешь себе представить, до какой степени была это благородно высокая, младенчески ясная душа. Выскочки ума и таланта мы видим иногда часто у людей, но ум и талант, и вкус, соединенные с такою строгою основательностью, с таким твердым, мужественным характером, это явление, редко повторяющееся между людьми. И всё было у него на 23 году возраста. И при твердости характера, при стремлении действовать полезно и великодушно, такая девственная чистота чувств. Это был бы муж, который бы украсил один будущее царствование Ал<ександра> Ник<олаевича>[2]. Все прочие его окружающие хоть бы крупицу таланта имели. И прекрасное должно было погибнуть, как гибнет всё прекрасное у нас на Руси. — Ты опять сидишь без известий о доме. — Я думаю, мне кажется, лучше всего покамест тебе обратиться к сестре[3]. Она так добра и так полна к тебе братской любви, что я не могу подумать, чтобы она тебя могла оставить в минуту, когда тебе так нужна помощь. <...> Напиши, представь ей хорошенько и живо твое положение. <...> ...Мне кажется, сначала бы написать в Лубны к Ивану Сем<еновичу>[4] твоему. Человек, которого <...> называют по имени и отчеству, а не фамилией, без всякого сомнения пребывает в возможности дать взаймы. <...> ...На тебя страшно действует нужда. Она тебя не подстрекает на изобретение, как обыкновенно бывает, а подавляет тебя всего собою. <...> Мне очень жаль, что ты мало сошелся и сблизился с своими гостями[5]. Впрочем и то сказать, что приехавший в Париж новичок худой товарищ обжившемуся парижанину. <...> Жаль! Они были бы для тебя полезны. <...> ...Напиши <...>, сколько тебе нужно, чтобы выехать из Парижа и переехать на воды, чтобы <ничто> тебя не задерживало. Я не потому спрашиваю тебя, чтоб имел возможность тебе сейчас помочь, но <...> ведать, как при случае нужно иногда действовать, чтобы иногда, хоть по крайней мере жестом помочь тебе или выражением рожи, как делает человек, когда видит, что другому больно».

В недатированном письме к матери Гоголь сообщал: «Я получил не так давно ваше письмо, почтеннейшая маминька, на которое не мог отвечать раньше сего дня. <...> ...Я постараюсь быть непременно к выпуску сестер в Петербурге, хотя заранее содрогаюсь от нашего жестокого климата, который решительно был признан гибельным докторами для моего здоровья. <...> ...Адресуйте ваше письмо в Мариенбад, в Богемию...»

[1] См. ***1839. Июня 2 <мая 21>. Воскресенье. Рим.***
[2] Будущего императора (с 1855 г.) Александра II.

[3] У Данилевского было три сестры: Марья Семеновна (в замужестве Лаппо-Данилевская), Анна Семеновна и Варвара Семеновна. Возможно, речь идет о старшей сестре.

[4] Брат А. С. Данилевского.

[5] М. П. и Е. В. Погодиными и С. П. Шевыревым.

1839 ИЮНЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА (ПОСЛЕ 5 ЧИСЛА) <МАЯ КОНЕЦ (ПОСЛЕ 24 ЧИСЛА)> ИЛИ 1841 АВГУСТА СРЕДИНА <АВГУСТА НАЧАЛО>. РИМ

Гоголь либо перед отправлением из Рима в Марсель в первой половине июня (н. ст.) 1839 г., либо позднее, незадолго до отъезда из Рима в Россию в средине августа (н. ст.) 1841 г.[1], делает в альмом М. А. Власовой (сестры княгини З. А. Волконской) следующую запись:

«Как ни глуп Индейский петух, как ни глуп Русский, выехавший за границу и жалеющий, что при нем нет крепостного человека[2], как ни глупы Фрак и Мундир, два глупейших произведения 19 века, — но вряд ли они все вместе глупее моей головы. Ничего решительно не могу Вам из нее выкопать, Марья Александровна. Чепуха и дичь в ней такая, как в Русском губернском городе; а бестолково, как в комнате хозяина на другой день после заданной им вечеринки, которою он сам был недоволен над которую потрунили вдоволь гости и после которой ему остались только: битая посуда, нечистота на полу и заспанные рожи его лакеев.

Вот что должен сказать вам, хотевший бы сказать что-нибудь хорошее и весьма благодарный вам за Ваше расположение

Гоголь».

Содержание записи перекликается с строками отдельного наброска к одной из недошедших до нас глав второго тома[3] «Мертвых душ» («...Со всех сторон к концу балу Чагравину...»)[4]: «[И] Когда разъехалось все это и в доме остались <...> следы би<т>вы <...> и <...> показались повсюду [заспавшие<ся>] лакеи <...>, наконец перебранки и споры слуг за разбитую посуду. Ему сделалось так же неприятно [как и всем] умным людям после балов. Колкие намеки и насмешки губернии предстали ему во всей живости».

Образы альбомной записи отзываются также в описании состояния хозяина дома после пира в десятой главе второй редакции «Тараса Бульбы»: «Слышал он только, что был пир, сильный, шумный пир; вся перебита вдребезги посуда; нигде не осталось вина ни капли, расхитили гости и слуги все дорогие кубки и сосуды, — и смутный стоит хозяин дома, думая: "Лучше б и не было того пира"».

(В новой редакции «Тараса Бульбы», начатой в сентябре (н. ст.) 1841 г.[5], Гоголь использовал художественный материал сожженной в августе (н. ст.) того же — 1841 — года[6] драмы из эпохи Богдана Хмельницкого. — Замысел драмы относится, предположительно, к 1836 г.[7] Работа над ней была начата летом 1839 г.[8])

«Особенно интересен <...> альбом, принадлежавший сестре З. А. Волконской — Марии Александровне Власовой. В нем много рисунков и стихов З. А. Волконской, стихов ее мужа Никиты Григорьевича и сына Александра Никитича, автографы С. П. Шевырева, И. П. Мятлева, А. Мицкевича, Ф. А. Буальдье <французский композитор, 1775–1834>, рисунки иностранных и неизвестных русских художников. Именно этот альбом украшает упоминавшийся выше автограф Н. В. Гоголя»[9].

Запись Гоголя в альбом Власовой впервые обнародована в 1938 г. в пересказе: «Над Магдалиной <Власовой>, женщиной ограниченного ума, но доброй и сердечной, любили подтрунить. Гоголь вписал в ее альбом несколько строк, в которых признается, что ни одного слова написать не умеет и что в этом он глупее и чванного индейского петуха и даже русского помещика, приезжающего за границу и недовольного отсутствием там русских порядков ("...как ни глуп индейский петух..."). <...> На другом листе — слегка шаржированный рисунок: Гоголь в кресле у окна с газетой в руках; сзади осторожно подходит девочка в кринолине»[10].

Высказано предположение, что «девочка в кринолине» на шаржированном рисунке — это маленькая внучка княгини З. А. Волконской: «У З. А. Волконской <...> хранился приписываемый Ф. Бруни рисунок-карикатура, изображающий Н. В. Гоголя с внучкой княгини на вилле близ Сан Джованни ин Латерано»[11]. Допустив, что рисунок был выполнен Ф. А. Бруни, исследователи позднее отказались от этого предположения, высказав новую (также не аргументированную) догадку, что автором шаржа был сам Гоголь. «Гоголь <...> сближается

<...> с <...> маленькой внучкой княгини, о чем свидетельствует сохранившийся в архиве <Гарвардского университета> рисунок, на котором в шаржированном виде писатель изображен вместе с этой девочкой. Возможно, что автором рисунка является сам Гоголь»[12].

[1] См. ***1841. Августа средина <августа начало>. Рим.***

[2] В конце марта (н. ст.) 1839 г. Гоголь не без иронии писал В. А. Жуковскому: «Как странно, когда встретишь вдруг среди улицы слугу, которого мы знали в услужении близким и дорогим нашему сердцу, который теперь служит другим. С первого разу вдруг подойдешь к нему с живостью, мысль о господах его не отрешилась еще от него в глазах наших. Даже спросишь: как, что твои господа? И потом вдруг остановишься, вспомнивши, что теперь господа его чужие. Вот настоящая мефистофелевская насмешка над человеком. — Здесь только в первый раз видишь поэзию крепостного человека».

[3] О начале работы Гоголя над вторым томом «Мертвых душ» в 1839–1840 гг. см.: ***1838. Июль — августа до 14 <июня конец — августа до 2>. Кастелламаре*** (примечания); ***1839. Июля 12 <июня 30>. Пятница. Ганау*** (примечания).

[4] См. также ***1836. Августа 23 <11>. Вторник. Женева***; ***1837. Июля около 15 — августа не позднее 27–28 <июля около 3 — августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден.***

[5] См. ***1841. Августа после 26 — сентября до 26 <августа после 14 — сентября до 14>. Ганау.***

[6] См. ***1841. Августа около 26 <около 14>. Дюссельдорф, Франкфурт.***

[7] См. ***1836. Мая 15. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1836. Ноября 12 <октября 31>. Суббота. Париж.***

[8] См. ***1839. Августа 15 <3>. Четверг. Мариенбад.***

[9] *Бочаров И. Н., Глушакова Ю. П.* Итальянская пушкиниана. М., 1991. С. 331; *Свод.* Т. 3. С. 116.

[10] *Полонский Я.* Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1938. Вып. 4. С. 179–180; см. также: Временник Общества друзей русской книги. М., 2007. 611–612.

[11] *Бочаров И., Глушакова Ю.* Гоголь в Риме // Советский музей. 1983. № 2 (74). С. 73; рисунок воспроизведен в качестве иллюстрации к статье: С. 71.

[12] *Бочаров И. Н., Глушакова Ю. П.* Итальянская пушкиниана. С. 240–241. — См. также подпись к рисунку в публикации 1987 г.: «Н. В. Гоголь с внучкой З. А. Волконской. Рисунок неизвестного художника. Библиотека Гарвардского университета США» (*Бочаров И., Глушакова Ю.* Там, где родился образ птицы-тройки // Встречи с прошлым. Научно-популярные очерки. М., 1987. С. 85).

ИЮНЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА (ПОСЛЕ 5 ЧИСЛА) <МАЯ КОНЕЦ (ПОСЛЕ 24 ЧИСЛА)>. ФРАСКАТИ, ВИЛЛА ФАЛЬКОНЬЕРИ

Гоголь перед отправлением из Рима в Марсель приезжает на виллу Фальконьери к княжне В. Н. Репниной-Волконской, которая дарит ему на прощанье шапочку[1].

Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной-Волконской в пересказе А. В. Марковича (1856–1859): «Раз <княжна> входит у комнату — это было в окрестностях Рима, в Фраскати — Гоголь сидит, держа в руках книгу. То была Библия, подаренная ему Виельгорским, в последние дни его жизни, на ней дрожащей рукою было написано: *другу моему Николаю.* Гоголь сказал с глубоким выражением: “Эта книга мне вдвое святее”. Тогда в первый раз заметила она религиозное чувство Гоголя»[2].

Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной-Волконской 1890 г.: «...Однажды после его <графа И. М. Виельгорского> смерти, на вилле Фальконьери, где мы жили, я застала Гоголя в моей комнате с книгою в руках и спросила его, что эта за книга; он мне ее передал. Это была Библия; на первом листке, дрожащей рукой покойного Виельгорского, написано было: “другу моему Николаю. Вилла Волконская”; числа я не помню. Гоголь сказал мне: “Эта книга вдвое мне святее”»[3].

[1] См. ***1839. Июня после 5 — июля начало <мая после 24 — июня конец>. Рим, Чивитавеккья, Марсель.***

[2] Записка, составленная А<фанасием> В<асильевичем> М<аркович>ем из письма к нему Кн<яжны> В. Н. Р<епни>ной о Гоголе. <Письмо к П. А. Кулишу от 31 декабря 1856–1859 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 96.

[3] *Бартенев П. И.* Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 100.

ИЮНЯ 12 <МАЯ 31>. СРЕДА. БУЛОНЬ

Запись в дорожном дневнике М. П. Погодина:

«За четыре станции до Булони начали нас бомбардировать адресами гостинниц; всякий прохожий почти совал по билетцу, – а как мы стали подъезжать, то явились и верховые, и друг перед другом зазывали к себе в гости. Vive l'industrie.

В Булони было совершенное нападение – целая куча.

Г<оголь> сказывал, что здесь когда-то появилась совершенно новая ветвь промышленности – карессёры. Карессёр подает вам руку, чтоб выйти из коляски, обтирает сапоги, обметает пыль с платья, потом начинает гладить вас по рукавам, как магнитизер, целует вас в плечо, и в заключение просит два-три су! За что? "Я вас ласкал!"»

Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 459.

ИЮНЯ 2 <14>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Ревизора» артистами Малого театра на сцене Театра Петровского парка[1].

«2 <июня>. Пар<ковый> т<еатр>. Ревизор, ком<едия> в 5 д<ействиях>»[2].

[1] *Гриц.* С. 261; *Ельницкая 1978.* С. 305. – См. также: *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1897 гг.> // *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1852.

[2] Репертуар С.-Петербургских и Московских Русских театров, 1839 года, с 1 по 30 июня // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песоцким, на 1839 год. СПб., 1839. Т. 2. <Отдельная пагинация>. С. 1. – См. также ***1839. Февраля 2. Четверг. Праздник Сретенья Господня. Утро. Москва.***

ИЮНЯ ПОСЛЕ 5 – ИЮЛЯ НАЧАЛО <МАЯ ПОСЛЕ 24 – ИЮНЯ КОНЕЦ>. РИМ, ЧИВИТАВЕККЬЯ, МАРСЕЛЬ

Гоголь вместе с графом Мих. Ю. Виельгорским совершил поездку из Рима до Чивитавеккьи и – далее морем – до Марселя для встречи графини Л. К. Виельгорской, матери умершего в Риме графа И. М. Виельгорского[1]. На пароходе знакомится с Ш. О. Сент-Бёвом[2] и, возможно, встречается с А. В. Сухово-Кобылиным[3]. В Марселе в течение некоторого времени (от «двух суток» до месяца) пытается утешить в горе Виельгорскую и, вероятно, пишет для нее и ее семьи эссе «Ночи на вилле».

Будучи проездом в Чивитавеккье, Гоголь около средины июня (н. ст.) 1839 г. отправил письмо княжне В. Н. Репниной-Волконской: «Благодарю вас за ваш "Счастливый путь!"[4] Он верно будет счастлив, я в этом уверен. <...> Притом же ваша шапочка хранит главу мою. Что вы будете счастливы, это говорит ваша прекрасная вилла Фальконьери. Как я жалею, что я вас не познакомил с моим большим приятелем, который теперь в Риме, Моллером. Не удалось никак: он был нездоров тогда. Но нет нужды, он к вам явится, если только не поедет в Неаполь. Он дал по крайней мере мне слово. Вы его очень полюбите. Какая прекрасная, скромно [благодарная] благородная душа и какой смелый сильный талант. Это решительно наш первый ныне художник, несмотря на то, что он не художник званием. Вы, я думаю, слышали его историю[5]. Он сын нашего морского министра[6], но бросил все служебные выгоды, Петербург, смотры, парады и балы и променял саблю на кисть, и

вы изумитесь его кисти. Он весь переселился в природу, и тайны ее, недоступные обыкновенному художнику, ему раскрываются и говорят внятно. Мне желалось бы очень, чтобы вы с ним познакомились и заставили его прожить у вас на вилле. Это было бы очень полезно для него и для вас. <...> ...Кланяюсь несколько раз от души княгине и князю[7]. Глафире Иван<овне>[8] также».

Спустя шесть с половиной лет, 1 декабря (н. ст.) 1845 г., Сент-Бёв напечатал заметку о Гоголе (на фр. языке)[9], в которой сообщал: «До перевода г. Виардо[10] едва ли какой-нибудь француз прочел оригинальное произведение г. Гоголя. В таком же положении был и я. Однако на моей стороне есть преимущество, на котором я настаиваю: я несколько времени тому назад, на пароходе, во время переезда из Рима в Марсель, я встретил автора. При этом случае разговор его, полный силы (доводов), отличающийся точностью и богатством наблюдений над нравами и фактами действительной жизни — дал мне возможность схватить на лету (saisir un avant — goût), предвкусить, так сказать, всю оригинальность и реализм его сочинений. Г. Гоголь, как видно, прежде всего заботился о верности в изображении нравов, о правдивости в воспроизведении жизни, о естественности — будь это в настоящем, или в историческом прошедшем; его интересует народный гений, и куда бы ни устремился его взор, он любит открывать присутствие этого гения и изучать его. Так, г. Гоголь сообщил мне, что он отыскал в Риме истинного поэта, поэта народного, по имени Белли[11], который пишет сонеты на транстеверинском наречии, но сонеты, связанные содержанием и составляющие поэмы. Г. Гоголь говорил, обнаруживая такое основательное знание предмета, что убедил меня в оригинальном и крупном даровании этого Белли, которого все путешественники совершенно игнорировали...»[12]

Позднее по поводу своей заметки о Гоголе сам Сент-Бёв писал князю Августину Петровичу Голицыну (1824–1875; католического вероисповедания): «Князь, вы мне говорите такие вещи, которое должны бесконечно льстить мне. При этом вы, к сожалению, вспомнили о нескольких страницах, которые я написал о Гоголе и сам давно забыл. Возвращаясь из Чивита-Векьи в Марсель в 1839 г., я очутился на пароходе в обществе Гоголя и в эти два дня мог оценить, несмотря на то, что он владел французским языком не без трудностей, его редкий такт, его оригинальность, его художественную силу. Год или два спустя, когда перевели из него кое-что, я отважился написал страницу-другую в моей "Литературной хронике" в "Revue des deux mondes". У меня нет этой статьи, и я не знаю ее даты; но если вы возьмете указатель к "Revue des deux mondes" <...> и посмотрите, начиная с 1839 года, какие статьи или маленькие литературные обзоры я мог там поместить, вы встретите этот, довольно поверхностный, обзор»[13].

Сестра покойного графа И. М. Виельгорского, графиня Ап. М. Виельгорская 22 июня (н. ст.) 1839 г. сообщала своему дяде графу Матв. Ю. Виельгорскому из виллы Риготьер, близ Марселя: «Гоголь обещался нам дать воспоминания и последние слова ангела нашего[14], выражения которого он никогда не забудет»[15].

Во время пребывания в Марселе Гоголем, по-видимому, и были написаны (во второй половине июня — начале июля (н. ст.) 1839 г.) посвященные последним дням жизни графа И. М. Виельгорского «Ночи на вилле», в которых Гоголь, как и сестра Иосифа, трижды называет своего умирающего друга «ангелом». Главное назначение этого произведения состояло, очевидно, в том, чтобы утешить родителей умершего — прежде всего мать, которая не присутствовала при кончине сына[16].

Из письма А. О. Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «St. Beuve встретил его на пароходе, когда после смерти Иосифа Виельгорского, они ехали в Марсель на встречу бедной матери»[17].

В 1854 г. Смирнова вспоминала: «Его <графа И. М. Виельгорского> мать была уже в Марсели с дочерьми и сыном Михаилом, когда Гоголь привез неутешного отца на пароходе. Графиня не хотела верить, когда наш консул[18] ей сообщил это известие; она его схватила за ворот и закричала: "Вы лжете, это невозможно!" Потом, не говоря ни слова, поехала в Петербург, уселась против

портрета сына, покрытая длинным креповым вуалем, не плакала, а сидела, как каменный столб. Александр Николаевич Голицын и Матвей Юрьевич постоянно были при ней. Государя она приняла как нельзя хуже и упрекала его за смерть Иосифа, говоря, что они его не поняли и огорчили его юное сердце»[19].

В. И. Шенрок сообщал: «По смерти Иосифа Михайловича <Виельгорского>, как припоминает О. Н. Смирнова, Гоголь выехал навстречу его матери, спешившей к сыну в Рим. В Марселе он объявил ей горестную весть. О. Н. Смирнова писала нам об этом следующее: "Старуха графиня (я привыкла ее так называть: она еще в детстве моем казалась мне старухой), была на вид очень холодная женщина, но она горячо любила мою мать и Гоголя. С ними она была очень ласкова и поверяла им все тайные горести, хотя была гораздо старше обоих. Она никогда не забывала, что Гоголь присутствовал при последних минутах ее сына и первый объявил ей о его кончине. Когда он сказал ей это, она села на пол, накрыла лицо шалью и просидела в неподвижном положении двое суток. Гоголь не отходил от нее; он все старался ее растрогать, чтобы она заплакала, и, наконец, это удалось ему, когда он сказал: «бедный Иосиф! он умирал без матери!» Тут она разразилась рыданиями". "Иногда, — прибавляет далее О. Н. Смирнова, — она вспоминала об этом мне и моей матери"[20]. <...>

...Гоголь поехал после смерти Иосифа Виельгорского в Марсель; в продолжении шести недель утешал Луизу Карловну, чем заслужил такое расположение ее, каким она в других случаях никогда не дарила людей, не принадлежавших к ее кругу»[21].

[1] См. ***1839. Июня 2 <мая 21>. Воскресенье. Рим.***

[2] Шарль Огюстен Сент-Бёв (Sainte-Beuve, 1804–1869), французский поэт и критик.

[3] См. ***1839. Январь — июля начало <январь — июня конец>.***

[4] См. ***1839. Июня первая половина (после 5 числа) <мая конец (после 24 числа)>. Фраскати, вилла Фальконьери.***

[5] См. ***1837. Апреля 18 <6>. Вторник. Рим*** (примечания).

[6] См. ***1838. Сентябрь <августа средина — сентября средина>. Рим*** (примечания).

[7] Родители княжны — князь Н. Г. Репнин-Волконский и княгиня В. А. Репнина-Волконская (рожд. графиня Разумовская).

[8] Г. И. Псиол (в замужестве Дунина-Борковская).

[9] Отзыв Ш. О. Сент-Бёва о Гоголе в «Revue des Deux Mondes» был перепечатан в переводе в «Отечественных Записках» (1846. № 1) в статье В. Г. Белинского «Отзывы французских журналов о Гоголе» (статья без подписи). Сент-Бёв в своей статье останавливается главным образом на «Тарасе Бульбе», отчасти на «Старосветских помещиках». «Тараса Бульбу» Сент-Бёв назвал «запорожской Илиадой» и отметил в повести глубокие «черты истинной природы <...> которым мы привыкли удивляться только в сценах Шекспира». Критик писал: «Из повестей, переведенных г. Виардо, замечательнее и интереснее всех первая: Тарас Бульба. Это имя одного запорожского казацкого вождя. В его диком, зверском, величественном и, по мгновениям, высоком характере, автор хотел представить изображение того, что были еще некоторые из независимых вождей приднепровских берегов в первой половине XVII века <...> Запорожцы, верные чистой греческой религии, являются поколением и республикой грубых и неукротимых рыцарей...» (<*Белинский В. Г.*> Отзывы французских журналов о Гоголе // Отечественные Записки. 1846. № 1. Отд. 8. С. 47).

Гоголь в письме к Н. М. Языкову от 8 января (н. ст.) 1846 г. отозвался о критике Сент-Бёва сдержанно: «Я уже читал кое-что на французском о повестях в "Revue des Deux Mondes" и в "Des Debats". Это еще ничего. Оно канет в Лету вместе с объявлениями газетными о пилюлях и о новоизобретенной помаде красить волоса, и больше не будет о том и речи». По воспоминаниям М. С. Щепкина, самим изданием его повестей во Франции Гоголь был доволен. При встрече с И. С. Тургеневым в 1851 г., «когда Тургенев сказал, что его повести, переведенные на французский язык и читанные Тургеневым в Париже, произвели сильное и прекрасное впечатление, Гоголь был заметно доволен и с своей стороны говорил любезности Тургеневу...» (см. ***1851. Октября между 26 и 31. Москва***).

27 декабря 1845 г. В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской: «Слышала ли ты, милая Машенька, об статье St. Beuve о Гоголе в "Revue des Deux Mondes"? Мы ее еще не читали, но Иван <Аксаков> читал ее. Он почти сравнивает Гоголя с Гомером... и... Шекспиром, словом сказать, напоминает брошюрку брата <отдельное издание статьи К. С. Аксакова "Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мертвые души" (М., 1842)>, против которой многие так восставали, а с St. Beuve, вероятно, те же самые согласятся. — Повести Гоголя произвели необыкновенный эффект во Франции» (см. ***1845 декабря 27 <1846 января 8>. Четверг. Радонежье (Абрамцево)***).

«А. О. Смирнова, ознакомившись с статьей С.-Бева, которую нашла недурной "для француза", немедля писала о ней П. А. Плетневу ("Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым", II, 931), а впоследствии вспоминала о ней в своих записках о Гоголе («Русский Архив», 1895, I, 543)» (*Лернер Н.* Сент-Бев о Гоголе // Звезда. М.; Л., 1930. № 1. С. 220). В январе 1846 г. Смирнова сообщала Плетневу: «Читали ли вы коротенькую critique de Ste-Beuve на Гоголя? Он славно разобрал Тараса для француза: полагает, что Гоголь напитан Шекспиром и Гомером, и что гениальность его – есть переимчивость. Он ошибается: Гоголь такой же гений, как и Шекспир. Шекспир же нигде не черпал своих вдохновений» (***1846. Январь <января средина – февраля средина>. Калуга***). Самому Гоголю Смирнова писала в Рим 14 января 1846 г.: «...Благодаря *Viardot,* вы сделались известны и не русским Русским петербургским. <...> Бульба <...> удачнее переведен местами <...> Что меня удивило и восхитило – это разбор St. Beuve. <...> Для француза его статья очень замечательна, так об ней писал мне Аркадий <А. О. Россет> и Самарин, так же показалась она и мне. Странно довольно, что он повстречался мыслью с Константином Аксаковым в сближении описаний сражений с гомеровскими описаниями. Теперь замолчит вся булгаринщина, краевщина и проч. <...> Ведь для этих ослов мнения Запада авторитет, и в глазах Петербурга вы уже замечательное лицо...» (см. ***1846. Января 14 <26>. Понедельник. Калуга***). – См. также ***1843. Февраля 4 <января 23>. Суббота. Рим***; ***1845. Января 17 <29>. Среда. Москва***; ***1845. Декабря 17 <29>. Понедельник. Москва***; ***1846. Февраля 25 <марта 9>. Понедельник. Москва***; ***1846. Марта 15 <27>. Пятница. Москва***; ***1852. Июля 31. Четверг. Петрозаводск***.

В 1846 г. Н. И. Греч в письме из Парижа, опубликованном в «Северной Пчеле», критически отзываясь о переводе повестей Гоголя, изданном Л. Виардо, замечал: «Мы охотно отдаем справедливость уму и таланту г. Гоголя <...> признаем в его *Тарасе Бульбе* большие достоинства и красоты <...> но не дерзаем ставить его не только наравне с Пушкиным и Лермонтовым, да и непосредственно после них» (*Гр<еч> Н.* Парижские письма. 26 февр. (10 марта) 1846 // Северная Пчела. 1846. 12 марта. № 57).

[10] Речь идет о переводе пяти повестей Гоголя на французский язык С. А. Гедеонова и И. С. Тургенева, впервые опубликованном в 1845 г. в Париже Л. Виардо: «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики», «Вий» (см. ***1845. Ноября первая половина <октября вторая половина>. Париж***).

[11] См. ***1838. Март – апреля конец <февраля средина – апреля средина>. Рим***.

[12] *Сент-Бёв Ш. О.* Русские повести Николая Гоголя, переведенные на французский язык Луи Виардо // *Свод.* Т. 3. С. 138. – Впервые опубликовано, на фр. языке: Revue des Deux Mondes <Обозрение двух миров>. 1845. 1. XII. С. 875–889; перепечатано в сборнике статей Ш. О. Сент-Бёва «Premiers Lundis» (Paris. 1878. T. III, 24, 1878, стр. 24). Без двух последних фраз напечатано в переводе, приложенном к статье В. Г. Белинского «Отзывы французских журналов о Гоголе» (статья без подписи): Русские Повести (Nouvelles Russes) Николая Гоголя, переведенные на французский язык Луи Виардо / <*Белинский В. Г.*> Отзывы французских журналов о Гоголе // Отечественные Записки. 1846. № 1 (цензурное разрешение 31 дек. 1845). Отд. 8. С. 46–47). Печатается в переводе князя А. И. Урусова: <*Урусов А. И.*, князь>. *Ал. Иванов.* Театр. Заметки и впечатления // Порядок. 1881. 5 февр. № 35. С. 1. Перепечатано: *Урусов А. И.*, князь. Театр. Заметки и впечатления // *Урусов А. И.*, князь. Статьи его, письма его, воспоминания о нем. М., 1907. Т. 1. С. 292–293; *Шенрок.* Т. 4. С. 413. Еще один перевод статьи Сент-Бева см. в изд.: *Гиппиус В. В.* Гоголь. М., 1931. С. 177.

[13] *Лернер Н.* Сент-Бев о Гоголе // Звезда. М.; Л., 1930. № 1. С. 219.

[14] Имеется в виду покойный граф И. М. Виельгорский.

[15] *Свод.* Т. 2. С. 75.

[16] Подробнее см.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 7. С. 763–777.

[17] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 250.

[18] Надворный советник Александр Карлович Эбелинг.

[19] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод.* Т. 2. С. 232; см. также: <Воспоминания о Гоголе А. О. и О. Н. Смирновых в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока> // *Свод.* Т. 2. С. 359.

[20] «В пояснение к только что рассказанному необходимо прибавить, что Луиза Карловна Виельгорская отличалась необыкновенной любовью к детям, что она была всегда с ними и не любила полагаться на гувернеров и гувернанток и что до отъезда за границу всегда даже спала с ними в одной комнате, а когда воспитатель наследника, Мердер, выпросил, чтобы ее сын сделался товарищем последнего, она приходила в совершенное отчаяние. Сведения эти мы заимствуем из семейных преданий родственников Виельгорских и из рукописных воспоминаний С. М. Соллогуб (урожденной Виельгорской)» (*Шенрок.* Т. 3. С. 264).

[21] <Воспоминания о Гоголе А. О. и О. Н. Смирновых в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока> // *Свод.* Т. 2. С. 358–359.

ЯНВАРЬ – ИЮЛЯ НАЧАЛО <ЯНВАРЬ – ИЮНЯ КОНЕЦ>

Гоголь встречается с А. В. Сухово-Кобылиным[1], который передал ему книги от М. А. Максимовича из Киева. (Еще раз Гоголь встретился с Сухово-Кобылиным во время путешествия на пароходе[2].)

«Александр Васильевич кончил Московский университет в двадцать один год[3]. Он составил для себя большую программу, включавшую изучение литературы и философии в двух университетах – Гейдельбергском и Берлинском в течение трех лет, а во время каникул – путешествия по Италии, Голландии, Австрии и Франции. <...> Накануне отъезда Александр Васильевич навестил в Киеве своего бывшего учителя Михаила Александровича Максимовича. <...> Запись в дневнике Сухово-Кобылина: "Визит у Максимовича – он посылает со мной книги Гоголю". <...> Это поручение доставило Сухово-Кобылину великую радость: Гоголь был его любимым писателем. <...>

Александр приехал в Рим[4] со своим родственником и ближайшим другом Николаем Дмитриевичем Шепелевым. Они поселились на высотах Альбано в Locanda Emiliana и зачитывались Гоголем, как вспоминал впоследствии Сухово-Кобылин»[5].

В 1889 г. Ю. Д. Беляев, беседовавший с Сухово-Кобылиным, сообщал: «Г<-н> Сухово-Кобылин прекрасно помнит Гоголя. Он рассказывал мне, что, отправляясь однажды за границу, отвозил Гоголю в Киев письмо от Максимовича, а затем встретился с ним на корабле, путешествуя по Средиземному морю.

– В этом человеке, – рассказывал он, – была неотразимая сила юмора. Помню, мы сидели однажды на палубе, Гоголь был с нами. Вдруг около мачты, тихонько крадучись, проскользнула кошка с красной ленточкой на шее. Гоголь приподнялся и, как-то уморительно вытянув шею и указывая на кошку, спросил: "Что это, никак ей Анну повесили на шею?" Особенно смешного в этих словах было очень мало, но сказано это было так, что вся наша компания покатилась от хохота. Да, великий это было комик. Равных ему я не встречал нигде, за исключением разве одного французского актера Буффе[6], которого я частенько видал в своей молодости в парижских театрах...»[7]

[1] Александр Васильевич Сухово-Кобылин (1817–1903), драматург, философ; брат графини Е. В. Салиас де Турнемир (рожденной Сухово-Кобылиной).

[2] См. ***1839. Июня после 5 – июля начало <мая после 24 – июня конец>. Рим, Чивитавеккья, Марсель.***

[3] В 1838 г.

[4] По-видимому, Сухово-Кобылин приехал в Италию из Германии в первой половине 1839 г. во время университетских каникул.

[5] *Бессараб М. Я.* Сухово-Кобылин // *Свод.* Т. 3. С. 134.

[6] Буффе (Marie Bouffé, 1800–1888), французский актер, на сцене с 1824 по 1864 г.

[7] *Беляев Ю. Д.* У А. В. Сухово-Кобылина // *Свод.* Т. 3. С. 134–135.

ИЮЛЯ 7 <ИЮНЯ 25>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ФРАНКФУРТ

Запись в дорожном дневнике М. П. Погодина:

«Во Франкфурте первое лицо Ротшильд, которого называют королем Франкфуртским. Есть прекрасные новые улицы, например, та, где первая гостинница в городе, Hotel de Russie, – видно, в честь Русских расточителей. Вопреки своему патриотизму, я не останавливался в ней ни разу, боясь и приступиться к величественному швейцару. <...>

За обедом вспомнил, что надо визировать паспорт. <...> История с паспортом и его визами принадлежит также к числу особенных неприятностей путешествия. – Г<оголь> уверял меня, что он нигде не визировал своего паспорта[1], и не выпускал его никогда из рук, уклоняясь различным образом от вопросов полицейских. Слава его изобретательности, но я плохо ему верю! Зато Ш<евырев> придумывает сам разные окказии для паспорта, визирует его там, где и не нужно. <...>

А всего досаднее было мне узнать после, что наш Языков был в то же время во Франкфурте, больной, и стоял почти в одном трактире со мною. Я думал, что он на водах!»

Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 459.

[1] В своих мемуарах «Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году» (1865) Погодин также сообщал: «...Было мне и много досады с Гоголем, точно как и с Шевыревым. Это две крайности. Гоголь никогда не мог поспеть никуда к назначенному сроку и всегда опаздывал, а Шевырев хотел явиться везде чуть ли не накануне. Гоголя нельзя было вытащить никуда иначе, как после нескольких жарких приступов, а Шевырев, напротив, сам приступал спозаранку, и ничего не давал делать за несколько часов до предположенного дела. По дорогам ехать с ними — новые хлопоты и досады. В Италии господствовала в то время система паспортов. "Gli passaporti" слышалось на всяком, кажется, перекрестке. Шевырев и не клал уже паспорта в карман, а показывал его всякому встречному и поперечному, хоть бы кто его и не спрашивал. Гоголь ни за что на свете не хотел никому показывать своего паспорта, и его надо было клещами вытаскивать из его кармана. Он уверял меня даже, что когда ездит один, то никогда не показывает паспорта никому по сей Европе под разными предлогами. Так и при нас, – не дает, да и только; начнет спорить, браниться и, смотря в глаза полицейскому чиновнику, примется по-русски ругать на чем свет стоит его, императора австрийского, его министерство, всех гонфалоньеров и подаст, но таким тоном, таким голосом, что полицейский думает слышать извинения и повторяет тихо: "Signore, passaporti!" Так он поступал, когда паспорт у него в кармане, и стоило только вынуть его, а это случалось очень редко; теперь — представьте себе, что паспорта у него нет, что он засунул его куда-нибудь в чемодан, в книгу, в карман. Он должен, наконец, искать его, потому что мы приступаем с просьбами: надо ехать, а не пускают. Он начнет беситься, рыться, не находя его нигде, бросать все, что попадется под руку, и наконец, найдя его там, где нельзя и предполагать никакой бумаги, начнет ругать самый паспорт, зачем он туда засунулся, и кричать полицейскому: "На тебе паспорт, ешь его!" — и проч., да и назад взять не хочет. Преуморительные были сцены. Кто помнит, как читал Гоголь свои комедии, тот может себе вообразить их, и никто более» (*Погодин М. П.* Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году // *Свод.* Т. 2. С. 467). — См. также ***1839. Апреля 9 <марта 28>. Вторник Светлой седмицы. Рим***; ***1839. Октября первая половина. Москва.***

ИЮЛЯ 8 <ИЮНЯ 26>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВЮРЦБУРГ

Запись в дорожном дневнике М. П. Погодина:

«Поутру приехали мы в *Вирцбург.* <...> Обошли кругом Университет, и наконец осмотрели знаменитую Julius-spital... <...> В самом деле прекрасное благотворительное учреждение! Господа Земленики не дурно бы сделали, если б взглянули на оное! Нет, кроме шуток! Наши благотворительные заведения – без всякого сомнения первые в Европе, и нигде не находите вы им подобных. Но вопрос, чего они стоят Правительству! Следовательно, иностранные (Вирцбургское, Амстердамское и проч.) полезно изучать для того, чтоб узнать, как с малыми средствами делается многое».

Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 460.

ИЮЛЯ 9 <ИЮНЯ 27>. ВТОРНИК. МЮНХЕН

С. П. Шевырев пишет М. П. Погодину в Мариенбад:

«Письмо это вручит тебе, милый друг, Г. Надворный Советник <Адольф> Мартини, служащий при нашем посольстве в Мюнхене, очень приятный и любезный человек, которому я обязан многими знакомствами здесь. <...> В Риме, слава Богу, все хорошо. Вам жена много кланяется – и все Римские. Гоголь уехал[1]. <...> Обними Гоголя, если он с вами».

Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 85.

[1] Гоголь уехал из Рима с графом Мих. Ю. Виельгорским в Марсель (см. 1839. Июня после 5 – июля начало <мая после 24 – июня конец>. Рим, Чивитавеккья, Марсель).

ИЮЛЯ 12 <ИЮНЯ 30>. ПЯТНИЦА. ГАНАУ

Гоголь в Ганау проездом в Мариенбад. Знакомится здесь с братьями Н. М. и П. М. Языковыми. Договаривается с больным поэтом Николаем Языковым встретиться зимой 1839/40 г. в Риме[1].

На следующий день, 13 июля (н. ст.) 1839 г., Н. М. Языков писал из Ганау сестре Пр. М. Бестужевой[2]: «Копп[3] назначил мне зимовать в Риме! С неделю пробудем мы здесь, потом — в Гаштейн, из Гаштейна в Веве — лечиться виноградом; в октябре переедем Альпы, увидим Милан, Геную и проч. <...> В Риме найдем мы Гоголя, который вчера был у нас проездом в Мариенбад — с ним весело, он мне очень понравился и знает Рим, как свои пять пальцев, потому что жил в нем три года. Он, вероятно, много написал в Риме. В Мариенбаде съедется он с Погодиным и Шевыревым, там же будет и Шафарик! Порядочная компания славян! <...>

У нас теперь довольно русских книг, даже по два экземпляра новейших — "Сто русских литераторов"; портреты хорошо гравированы, но, говорят, мало похожи — всех похожее, по словам Гоголя, Зотов[4] — а что он писал — никто не знает»[5].

Спустя еще несколько дней, 19 июля (н. ст.) 1839 г., Языков писал В. Д. Комовскому из Ганау: «Я недавно возвратился в Ганау — из Крайцнаха — и теперь пережидаю здесь жары и так называемое благодетельное действие воды на мое бренное тело. Через неделю надеюсь отправиться и спуститься в Гастейн — в место между горами, где, по словам Коп<п>а, течет из земли живая вода, меня исцелить долженствующая. Из Гастейна — в Веве или в Комо наслаждаться виноградным лечением, а потом в Рим на зимовку. А потом уже... В Риме найду Гоголя. — Это мне великая отрада: мне так горько и кисло в чужих краях, что я бежал бы отсюда, если бы ноги мои от рук не отбились»[6].

В день знакомства с Языковыми, 12 июля (н. ст.) 1839 г., Гоголь, возможно, получил от Петра Языкова запись народной песни о «воре» Копейкине[7] и прочел в рукописи «Элегию» Николая Языкова «Толпа ли девочек игривая, живая...»

Стихотворение было впервые опубликовано в 1842 г. в «Москвитянине» М. П. Погодина[8]. Для публикации в журнале «Элегию», вероятно, передал Погодину Гоголь, благодаря которому в «Москвитянине» в 1841–1843 гг. появился целый ряд произведений поэта[9]. Известен список «Элегии» Языкова, рукою Гоголя, с пометой Погодина. Этот список в числе восьмидесяти пяти автографов известных писателей и деятелей XVIII — первой половины XIX в. находился в альбоме А. Е. Шиповой (рожд. графини Комаровской, 1806–1872). Автограф Гоголя был описан в 1909 г. Б. Л. Модзалевским под 43-м номером: «43) "Элегия" (нач.: "Толпа ли девочек крикливая, живая...") с пометой рукой М. П. Погодина: "Стихотворение Языкова, переписанное Гоголем"... Наклеенный листок»[10].

С «Элегией» Языкова, которая представляет собой ряд картин, проходящих перед взором сидящего у окна поэта, связано содержание одного из незавершенных набросков Гоголя, называемого условно <Семен Семенович Батюшек>: «Это Семен Семенович Батюшек — помещик, дворянин, губернский секретарь. Он завел обыкновение глядеть из окна решительно на все, что ни есть на улице».

О таком «обыкновении» упоминает также один из героев «Тетрального разъезда после представления новой комедии» Гоголя[11]: «Вы сами знаете, что такое литератор: пустейший человек! <...> Захоти, я сей же час это напишу <...> и всякий напишет. <...> Это всякий день увидишь на улице. Садись только у окна да записывай все, что ни делается...»

Этот же мотив Гоголь развивает в первой главе второго тома «Мертвых душ»[12] в описании времяпровождения Тентетникова: «Два часа просиживал он за чаем; этого мало: он брал еще холодную чашку и с ней подвигался к окну, обращенному на двор»[13].

В. И. Шенрок отметил, что в наброске <Семен Семенович Батюшек> встречаются переклички с описанием приезда Коробочки в губернский город в конце восьмой главы первого тома «Мертвых душ». В наброске: «Едет ли проезжий какой-нибудь дворянин <...> в коляске покойной, глубокой, как арбуз, из которой смотрят хлеб, няньки, подушки...» В «Мертвых душах»: «...Экипаж <...> был <...> похож на <...> арбуз... <...> Арбуз

был наполнен ситцевыми подушками... <...> напичкан мешками с хлебами...»[14] При этом Шенрок датировал незавершенный отрывок предположительно 1835 г. Между тем сравнение экипажа Коробочки с арбузом отсутствовало в первоначальной редакции восьмой главы, датируемой 1840 г.[15] Оно появлеется здесь лишь весной 1841 г.[16] Исходя из этого можно предположить, что отрывок <Семен Семенович Батюшек>, послуживший материалом для новой редакции восьмой главы поэмы, был написан в промежуток между концом 1840 и началом 1841 г.[17] (написан он на бумаге иностранного производства: с изображением льва, с подписью внизу: Concorde, и водяным знаком FW). Набросок возник, судя по отмеченным реминисценциям, под влиянием «Элегии» Языкова, с которой Гоголь познакомился, по-видимому, уже при самой первой своей встрече с поэтом 30 июня (н. ст.) 1839 г.

Содержание одного из стихов «Элегии»: «Пора же мне домой... Россия далека!» — может служить свидетельством того, что стихотворение (датированное самим поэтом 1839 г.) написано еще до знакомства с Гоголем. На следующий день после знакомства Языков в письме к П. М. Бестужевой от 1 июля (н. ст.) 1839 г. сообщает о своих планах, в которых возвращение «домой» уже откладывается, и надолго: Языков собирается «зимовать» с Гоголем в Риме (см. выше).

Хотя позднее, до своего возвращения из-за границы в Москву осенью 1841 г., Гоголь встречался с Языковым еще раз[18], однако 21 февраля (н. ст.) 1842 г. последний в письме к брату из Ганау в Москву сообщал: «...Не знаю <...>, какие стихи мои привез Гоголь в “Москвитянин”»[19]. Вероятно, стихи оказались в распоряжении Гоголя еще в самом начале знакомства с поэтом (т. е. 30 июня 1839 г.).

Позднее, вероятно, прежде всего «Элегию» и ряд других стихотворений Языкова имел в виду Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями», говоря о «последнем» периоде творчества поэта, предшествовавшем созданию стихотворений «Землетрясение» и «К ненашим»: «В последних стихах его уже не было ничего, шевелившего русскую душу. В них раздались скучанья среди немецких городов, безучастные записки разъездов, перечень однообразно-страдальческого дня. Все это было мертво русскому духу. Не приметили даже необыкновенной отработки позднейших стихов его. Его язык, еще более окрепнувший, ему же послужил в улику: он был на тощих мыслях и бедном содержании, что панцирь богатыря на хилом теле карлика. Стали говорить даже, что у Языкова нет вовсе мыслей, а одни пустозвонкие стихи...» (статья «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»).

С этой характеристикой Языкова связана у Гоголя фамилия одного из героев второго тома «Мертвых душ», помещика Тентетникова, в основу которой было положено содержащееся в гоголевском словаре «Миргорода» украинское слово «тендитный — слабосильный, нежный»[20]. Слово «тендитный» встречается в «Миргороде» в «Старосветских помещиках» в реплике Пульхерии Ивановны: «...я знаю вашего кучера, он такой тендитный да маленький...», — причем в черновой редакции вместо выражения «тендитный да маленький» было употреблено слово «хилый» («...он такой хилый...»). Имя героя поэмы *Тентетников* — носившего также в более ранней редакции фамилию *Дерпенников* — прямо перекликается с гоголевской характеристикой Языкова в «Выбранных местах из переписки с друзьями» — в связи с цитируемым здесь же ранним стихотворением поэта *«Дерпт»* (1825): «Его язык <...> был на тощих мыслях и бедном содержании, как панцырь богатыря на *хилом* теле карлика». Следует иметь в виду, что стихотворение Языкова «Дерпт» представляет собой образец юношеского подражательного вольнодумства; оно было впервые опубликовано А. И. Герценом в «Полярной Звезде» в 1859 г. Эта черта Языкова также нашла отражение в образе героя «Мертвых душ». По словам генерал-губернатора в заключительной главе второго тома поэмы, сосланный в Сибирь Дерпенников (Тентетников) был осужден за «преступленье против коренных государственных законов, равное измене земле своей». Другой герой поэмы на это замечает, что юноша «по неопытности своей был обольщен и сманен другими»[21].

[1] В Риме с Н. М. Языковым Гоголь провел зиму 1842/43 г. (т .е. три года спустя). До этого, с конца августа (после 26-го числа н. ст.) по 26 сентября (н. ст.) 1841 г., он вновь жил в Ганау в обществе Языковых. 14 июля (н. ст.) 1842 г. Гоголь прибыл в Гастейн к Н. М. Языкову, откуда 17 сентября (н. ст.) 1842 г. они отправились вместе в Рим. В Риме Гоголь и Языков пробыли с 4 октября (н. ст.) 1842 г. по 2 мая (н. ст.) 1843 г. после чего вернулись вместе в Гастейн.

[2] Прасковья Михайловна Бестужева (рожденная Языкова, 1807–1862), жена Петра Александровича Бестужева, отставного штабс-ротмистра.

[3] И. Г. Копп.

[4] Портрет писателя Рафаила Михайловича Зотова (1795–1871) был помещен в первом томе изданного А. Ф. Смирдиным сборника «Сто русских литераторов» (1839).

В этом же томе была впервые напечатана трагедия А. С. Пушкина «Каменный гость». Позднее, в статье *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии в чем ее особенность* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846) Гоголь замечал о Пушкине: «Чтение поэтов всех народов и веков порождало в нем <...> отклик. Герой испанский Дон-Жуан, этот неистощимый предмет бесчисленного множества драматических поэм, дал ему вдруг идею сосредоточить все дело в небольшой собственной драматической картине <“Каменный гость”>,

где еще с большим познанием души выставлен неотразимый соблазн развратителя, еще ярче слабость женщины и еще слышней сама Испания».

К первой половине 1840-х гг. относится собственная гоголевская <Заметка о Мериме>, призванная представить русскому читателю перевод новеллы П. Мериме «Души в чистилище» (1834) (перевод до нас не дошел) (см. ***1837. Апреля 3 <15>. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1843. Августа 28 <16>. Понедельник – ноября 5 <октября 24>. Воскресенье. Дюссельдорф***). В своей новелле П. Мериме, в отличие от своих предшественников, использовавших эту легенду о Дон-Жуане – Тирсо де Молины, Мольера, К. Гольдони и Л. да Понте (автора сценария оперы Моцарта), а также Байрона, Мюссе и Жорж Санд, отдал предпочтение подлинной истории перед литературной традицией; его повествование ближе к гораздо менее известной истории реального лица, послужившего прообразом Дон-Жуана. Действительный конец его был иной – гранд-соблазнитель покаялся и ушел в монастырь, прослыв после смерти «своего рода святым». Мериме видел в Севилье место, где покоятся останки этого раскаявшегося грешника (см.: *Фрестье Ж.* Проспер Мериме. М., 1987. С. 65–66). Мотив покаяния был важен для Гоголя на протяжении всего его творчества – начиная от «Ганца Кюхельгартена» и «Страшной мести» и кончая замыслом обратить на путь истинный главного героя «Мертвых душ». Вероятно, желание познакомить русскую публику с менее известным ей «настоящим» Дон-Жуаном и привлекло Гоголя к работе над переводом. (Следы работы Гоголя над переводом новеллы П. Мериме встречаются в самом автографе <Заметки о Мериме>. Неожиданно ее перебивают строки: «Милостивый государь! Милостивый государь такой-то, сякой-то и прочее и прочее, за что вы должны всякий раз дать ему оплеуху по щеке» (далее снова следует текст: «Мериме обладает кроме того той способностью...»). Согласно указанию А. А. Елистратовой (в ее кн.: Гоголь и проблемы западноевропейского романа. М., 1972. С. 89–90), этот набросок связан с содержанием самой новеллы, когда ушедшему в монастырь Дон-Жуану за преступление, совершенное им уже в монашестве, аббат приказал с целью умерщвления остатков гордыни являться каждое утро к монастырскому повару для получения пощечины. (За словом «такой-то, сякой-то и прочее и прочее» следует, вероятно, подразумевать перечисление всех титулов бывшего гранда.) В записной книжке Гоголя 1841–1846 гг. есть также соответствующая запись: «Благодарность за оплеуху: – Давно бы, батюшка, так. Благодарю вас». В статье *XXVII. Близорукому приятелю* «Переписки с друзьями» Гоголь также замечал: «О, как нам бывает нужна публичная, данная в виду всех, оплеуха!»)

[5] *Афанасьев В. В.* Жизнь Николая Языкова по документам, воспоминаниям // *Языков Н. М.* Свободомыслящая лира. М., 1988. С. 250; Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 143. – Датировка письма уточнена.

[6] Письма Н. М. Языкова к В. Д. Комовскому за 1836–1846 гг. / Публикация Л. В. Ерастовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 98.

[7] См. ***1841. Сентября 26 <14>. Воскресенье. Праздник Воздвижения Креста Господня. Ганау*** (примечания).

[8] *Языков.* Элегия // Москвитянин. 1842. № 1; цензурное разрешение 6 января. <Отд. 2>. С. 13–14; без даты; позднее, в сборнике «Новые стихотворения Н. Языкова» (М., 1845), стихотворение было напечатано с подписью: «Ганау. Золотой Сарай. 1839 года».

[9] См.: *Виноградов И. А.* Примечания // *Гоголь 2001.* С. 546–559; *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 819–833; см. также ***1841. Ноября 17. Понедельник. Москва*** (примечания).

[10] *Модзалевский Б. Л.* Альбом Анны Евграфовны Шиповой, рожд. графини Комаровской // Пушкин и его современники. СПб., 1909. Вып. 11. С. 89.

[11] Начат в апреле-мае 1836 г., закончен к 22 октября (н. ст.) 1842 г.

[12] Работа над вторым томом была начата в 1839–1840 гг. (см. ***1838. Июль – августа до 14 <июня конец – августа до 2>. Кастелламаре*** – примечания).

[13] См. также ***1844. Июня конец <июня средина>. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[14] См.: *Шенрок В. И.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь 1889–1896.* Т. 6. С. 745.

[15] См.: *Гоголь 1937–1952.* Т. 6. С. 488; *Гоголь 2001–2012.* Т. 7. Кн. 1. С. 620.

[16] См.: *Гоголь 1937–1952.* Т. 6. С. 488; *Гоголь 2001–2012.* Т. 7. Кн. 2. С. 185.

[17] См. ***1840 конец – 1841 начало. Рим.***

[18] См. ***1841. Августа после 26 – сентября до 26 <августа после 14 – сентября до 14> Ганау.***

[19] См. ***1842. Февраля 21 <9>. Понедельник. Ганау.***

[20] См.: *Васильев Л.* Что значит фамилия «Тентетников» // Русский Филологический Вестник. 1909. № 2. С. 225. – Ср.: «...Полтавская губерния. <...> В Ромне <...> В уездном суде: <...> Заседатели: <...> Губ<ернский> С<е>к<ретарь> Иларион Никит<ич> Тиндетников» (Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1839 год. СПб., <1839>. Ч. 2. С. 351).

[21] См. также ***1851. Сентябрь-ноябрь. Москва*** (примечания).

ИЮЛЯ 13 <1>. СУББОТА – АВГУСТА ОКОЛО ПЯТНИЦЫ 23 <ОКОЛО ПЯТНИЦЫ 11>. МАРИЕНБАД

Гоголь на лечении в Мариенбаде (до 8 августа (н. ст.) 1839 г.[1] живет в одной комнате с М. П. Погодиным). Знакомится с П. Й. Шафариком, Д. Е. Бенардаки, встречается с Ф. И. Иноземцевым[2] и др.

Во время пребывания в Мариенбаде Гоголь, по-видимому, пишет отрывок «Девицы Чабловы, дочери бедных родителей, вышли вместе из института...» (набросок связан с приближавшимся выпуском сестер Гоголя, Анны и Елисаветы, из Патриотического института). В преддверии поездки в Петербург, Гоголь, сообщив незадолго перед тем матери, что постарается «непременно» быть «к выпуску сестер в Петербурге» – хотя «заранее содрогается от нашего жестокого климата»[3], начинает работу над «Повестью о чиновнике, крадущем шинели» (позднейшее название – «Шинель»; в повести нашли отражение петербургские впечатления Гоголя)[4]. Диктует повесть Погодину[5].

В Мариенбаде Гоголь написал также отрывок «Характер русского несравненно тонее и хитрее, чем жителей всей Европы»; предпринял переработку ранней статьи «Взгляд на составление Малороссии» (сохранилось вступление к статье и набросок к пятому разделу); возобновил работу над драмой из эпохи Богдана Хмельницкого[6] и продолжил работу над «Мертвыми душами»[7].

17 июля (н. ст.) 1839 г. М. П. Погодин писал С. П. Шевыреву: «В Мюнхене ли ты, дружище? А я давно в Мариенбаде, купаюсь и пью. Чувствую себя хорошо. Лиза[8] моя также. Гоголь приехал четвертого дня[9] и привез нам приятное известие, что Софья Борисовна[10] переносит разлуку бодро. <...> Русских здесь довольно. Шафарик приедет повидаться со мною только дня на два... <...> Я приеду или думаю приехать в Мюнхен около 8 августа. <...> Мы верно увидимся с тобою или в Мариенбаде или в Мюнхене. Если ты выедешь раньше 6-го августа, то из Егера приезжай в Мариенбад, из которого, когда хочешь, можешь отправиться чрез Карлсбад в Прагу. <...> Языков, говорят, то есть сказывал Гоголь, плох»[11].

В своем дорожном дневнике Погодин записал: «*Мариенбад. 8 июля – 8 августа <н. ст.>*. Мариенбад – местечко, выстроенное в долине среди гор... <...> Долина, рассеченная дорожками во всех направлениях, усеянная кустами и цветами, очень приятна для глаз. <...>

Около источника стоят четыре Гебы, девочки лет по 10 или по 12, в чистых чепчиках, с бадейками на длинных палках в руках, кои беспрестанно они то опускают с кружками в колодезь, чтоб почерпнуть воды, то вынимают оттуда, и возвращают хозяевам. Около них беспрестанно толпа народа, которая ежеминутно прибывает и убывает. Эти малютки-плутовки любят иногда подшутить над своими просителями, как и большие... Одна стоит, например, оборотившись в эту сторону. Вы подходите и подставляете ей свою кружку, дожидаетесь, пока удовлетворит она ваших предшественников – вот сейчас очередь доходит до вас, вы подвигаете ей кружку прямо к носу, – и что же? Плутовка, как Фортуна, вдруг оборачивается в другую сторону, начинает оделять ваших компетентов и лишает вас надолго надежды. Вы заходите с другой стороны, а она опять уже на прежней. Предосадно, а щелкнуть нельзя. Разумеется, цванцигер, данный в благоприятную минуту, на просторе, становится для нее магнитом, к которому после льется целебная вода при первой минуте вашего появления, даже издали. О взятки! сила ваша везде одинакова.

Над долиною к востоку возвышается гора, покрытая лесом. По средине ее проложены чистые и удобные дорожки для гуляющих. На самом видном месте водружен Крест с Распятием и вывешен образ Божией Матери всех скорбящих, пред которым сверху зажигается лампада. Этот крест и

лампада, освещаемые луною, среди всеобщего безмолвия, над обителью немощей человеческих, производил на меня всегда особенное действие.

Жизнь на водах очень однообразна: один день похож на другой; занятия все запрещены; пить и прогуливаться, пить и прогуливаться — вот и все. <...> Общество самое разнообразное, изо всех сословий, — большею частию Немцы, а из иностранцев только Русские. Англичане и Французы не страдают, видно, такими болезнями, от коих лечат воды, или, лучше сказать, не имеют Немецких Докторов, которые посылали бы их на Немецкие воды. Первое лицо был Принц Прусский (нынешний Король)... <...> Второе лицо — Герцог Саксен-Веймарский, супруг нашей Великой Княгини Марии Павловны, и дочь ее, Принцесса Мария Луиза, супруга принца Фридриха Прусского. Есть какое-то естественное влечение к своему Царскому Дому: эту Принцессу все мы видели в первый раз, а все как-то называли нашею... <...> На насколько дней приезжал Герцог Саксонский Иоанн, приобретший себе известность и в ученом мире разными сочинениями.

В день рождения Прусского Короля Прусаки давали бал, на который были мы все приглашены»[12].

Позднее, в 1855 г., в наброске воспоминаний о Гоголе, Погодин замечал: «В Мариенбаде ходил за ним и Иноз<емцевым>. — Хлопоты. Он чит<ал> отрывки из Мертв<ых> душ и уверял, что при жизни они не будут напечатаны»[13].

В том же году Погодин, от третьего лица, сообщал: «В Мариенбад приехал по предварительному соглашению и Гоголь. С ним, Бенардаки, Иноземцевым, провел П<огодин> приятнейший месяц»[14].

В своих мемуарах «Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году» (1865) Погодин также писал: «В Мариенбаде произошла новая история. Гоголь занемог в Марсели, но не хотел лечиться, а Иноземцев, который также был тогда в Мариенбаде, больной ипохондрией, не хотел лечить. Мне надо было их сводить и упрашивать, чтоб один решился лечиться, а другой — лечить[15]. Здесь скажу только, что в Мариенбаде был еще тогда известный предприимчивый Д. Е. Бенардаки[16]. Мы все гуляли вместе, Бенардаки, знающий Россию самым лучшим и коротким образом, бывший на всех концах ее, рассказывал нам множество разных вещей, которые и поступили в материалы "Мертвых душ", а характер Костанжогло во 2-й части писан в некоторых частях с него»[17].

Сам Гоголь в письме к П. В. Нащокину, отправленном из Гастейна 29 июля (н. ст.) 1842 г., замечал о Бенардаки: «Я с первых разговоров с ним уже увидел человека, владеющего верным пониманием вещей, истинной мудростью, которая дается умному человеку только раз<нос>торонним обращением с людьми различных характеров и сословий».

Позднее, в «Авторской исповеди» (1847), Гоголь вспоминал: «...На некоторое время занятием моим стал не русский человек и Россия, но человек и душа человека вообще[18]. <...> Как только кончилось во мне это состояние и жажда знать человека вообще удовлетворилась, во мне родилось желанье сильное знать Россию. Я стал знакомиться с людьми, от которых мог чему-нибудь поучиться и разузнать, что делается на Руси; старался наиболее знакомиться с такими опытными, практическими людьми всех сословий, которые обращены были лицом ко всяким проделкам внутри России. Мне хотелось сойтись с людьми всех сословий и от каждого что-нибудь узнать. Всякий должностной и чем-нибудь занятый человек стал в глазах моих интересен. Прежде всего я хотел определить себе всякую должность, всякое сословие, всякое место и всякое звание в государстве. Мне казалось это необходимым для писателя, который берет людей на разных поприщах. Не содержа в собственной голове своей весь долг и всю обязанность того человека, которого описываешь, не выставишь его как следует, верно, и притом так, чтобы он действительно был в урок и в поученье живущему. Из-за этого я старался завести переписку с такими людьми, которые могли мне что-нибудь сообщать. Прочих я просил набрасывать легкие портреты и характеры — первые, какие им попадутся. Все это было мне нужно не затем, чтобы в голове моей не было ни характеров, ни героев: их было у меня уже много; они выработались из познания природы человеческой гораздо полнейшего, чем какое было во мне прежде; но сведения эти мне просто нужны были, как нужны этюды с натуры художнику, который пишет большую картину своего собственного сочинения. Он не переводит этих рисунков к себе на картину, но развешивает их вокруг по стенам, затем, чтобы держать перед собою неотлучно, чтобы не погрешить ни в чем против действительности, противу времени или эпохи, какая им взята. Я никогда ничего не создавал в воображении и не имел этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных, мне известных. Угадывать человека я мог только тогда, когда мне представ-

лялись самые мельчайшие подробности его внешности. Я никогда не *писал* портрета, в смысле простой копии. Я *создавал* портрет, но создавал его вследствие соображенья, а не воображенья. Чем более вещей принимал я в соображенье, тем у меня верней выходило созданье. Мне нужно было знать гораздо больше сравнительно со всяким другим писателем, потому что стоило мне несколько подробностей пропустить, не принять в соображенье — и ложь у меня выступала ярче, нежели у кого другого. Этого я никак не мог объяснить никому, а потому и никогда почти не получал таких писем, каких я желал. Все только удивлялись тому, как я мог требовать таких мелочей и пустяков, тогда как имею такое воображение, которое может само творить и производить. Но воображенье мое до сих пор не подарило меня ни одним замечательным характером и не создало ни одной такой вещи, которую где-нибудь не подметил мой взгляд в натуре. <...> Во мне рождалось <...> уменье выспрашивать, и часто в один час разговора я узнавал то, чего не мог, живя в России, узнать в продолжение недели. Всякий знает, что за границей знакомства делаются гораздо легче, что на водах в Германии и на зимовьях в Италии сходятся люди, которые, может быть, не столкнулись бы никогда внутри земли своей и оставались бы век незнакомыми».

В письме к А. О. Смирновой от 9 января (н. ст.) 1845 г. Гоголь также сообщал: «В продолжение странствования моего и моего внутреннего душевного воспитания я сходился и встречался с другими людьми, и встречался с ними родственней и ближе, потому что уже душа слышала душу. А потому и знакомства, завязавшиеся в это время, были прочней тех, которые завязывались в прежние времена, не мудрено: я сам стал достойней знакомства прочного, а не минутного».

В дорожном дневнике Погодин продолжал: «Из Русских был здесь Б<енардаки>, лицо очень примечательное своим умом. Оставив по неприятности военную службу, он с капиталом в 30 или 40 т<ысяч> р<ублей> пустился в обороты и в короткое время хлебными операциями приобрел большие деньги. Чем более умножались его средства, тем шире распространял он круг своего действия, принял участие в откупах, продолжая хлебную торговлю, скупал земли, приобрел заводы и в течение пятнадцати лет нажил такое состояние, которое дает ему полумиллион дохода. Вот что значит сметливость, деятельность и честность, вот что значит уменье соединять свою пользу с общею. Я давно уже слышал о действиях Г-на Б<енардаки>, открытых и решительных, коими приобрел он неограниченную доверенность от всех лиц, имевших с ним дело. Щедрые награды людям, служившим усердно, доставили ему таких поверенных, которые приносили и приносят ему выгоды несчетные. Быв в сношении, в течение двадцати лет, с людьми всех состояний, от министров до какого-нибудь побродяги, приносящего в кабак последний грош, он был для меня Профессором, которого лекции о состоянии России, о характере, достоинствах и пороках тех и других действующих лиц, об отношениях их к просителям и делам, о состоянии судопроизводства, о начале мер, приведении их в исполнение, до последних результатов, о помещиках и их хозяйстве, о хозяйстве крестьянском, о положении городов и их местных выгодах, — лекции, оживленные множеством анекдотов, слушал я с жадностию. Всякий день после ванны ходили мы втроем, я, он и Г<оголь>, по горам и долам и рассуждали о любезном отечестве. — Г<оголь> выспрашивал его об разных исках и, верно, дополнил свою галлерею оригинальными портретами, которые когда-нибудь увидим мы на сцене. Книжные и кабинетные занятия ничего не значат или значат очень мало, в сравнении с опытом. Где он не был, чего он не знает, с кем не был он в сношении! Сибирь, Оренбург, Поволжье, Кавказ, Крым, Новороссия, Петербург, — у него все как на ладони. Очень любопытно было для меня слушать разговор его о голоде 1834 года и об искусственном возвышении цен, вследствие некоторых частных распоряжений.

Как человек книжный, я предлагал ему писать свои записки в поучение потомкам, просил его написать по крайней мере рассуждение о хлебе, хлебной торговле, установлении цен в пользу помещиков и крестьян против иностранцев, о мерах против голода. (Я как будто предчувствовал тогда новый голод в России, в следующем году.)»[19].

Во втором томе «Мертвых душ» Бенардаки стал прототипом не только помещика Костанжогло (на что указал Погодин), но и откупщика Муразова. В частности, подобно Бенардаки, Муразов заботится о голодающих. В заключительной главе он говорит генерал-губернатору: «...Стыдно в такое время думать о своей прибыли, когда умирают с голода. У меня есть в запасе готовый хлеб; я и теперь еще послал в Сибирь...» — Вопреки пожеланиям европейски-«просвещенных» героев второго тома — помещика Вишнепокромова и безымянного купца-«европейца» в лавке («Имеешь деньги, — ну, сообщай другим: угощай, давай балы, производи благодетельную роскошь, которая дает хлеб мастеровым, ремесленникам»; «Обед мне уж должен кондитер поставлять, а не то что кухарка...»), — Муразов обнаруживает в своей заботе о голодающих истинную просвещенность,

поступая прямо в соответствии со словами апостольского Послания: «Ныне ваш избыток в восполнение их недостатка; а после их избыток в восполнение вашего недостатка, чтобы была равномерность...» (2 Кор. 8, 14). Оставляя, таким образом, расхожее представление западноевропейской морали, будто любовь и общение между людьми осуществляется в торговле, купец Муразов начинает строить свою деятельность на ином основании. Так, по словам св. Иоанна Златоуста (в известных Гоголю «Беседах на Евангелие св. апостола Матфея»[20]), Бог «поставил всех во взаимной нужде» не для того, чтобы люди промышляли торговлей, но «чтобы любовь одного к другому сделать более пламенною» (беседа LXXVII). Св. апостол Павел во Втором послании к Тимофею пишет: «Богатых в настоящем веке увещевай <...>, чтобы они <...> были щедры и общительны, собирая себе <...> доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни» (гл. 6, ст. 17–19).

Однако работая над вторым томом «Мертвых душ», Гоголь ставил перед собой задачу изобразить «лучших», но отнюдь не «идеальных» героев — тех, которые, по его словам, «могут вредить не хуже худших, если не легло в основанье их характеров *главное*»[21]. Ибо «общительность» в милостыне — это, как мыслит Гоголь, только одно из качеств откупщика Муразова. Другая, «теневая» его сторона — именно занятие торговлей, забота о «своей прибыли». Примечательно, как сам он сообщает о некоем «обанкрутившемся» купце Иване Потапыче: «У него уж набралось бы опять, да он говорит: "Нет, Афанасий Иванович, служу я теперь уже не себе и <не> для себя..."» Костанжогло в свою очередь заявляет, защищая Муразова, что, дескать, в отличие от «тысяч», которые трудно скопить «без греха», «миллионы наживаются легко» и «миллионщику нечего прибегать к кривым путям»; но он же тут и замечает, что дело Муразова «началось из копейки». С другой стороны, и когда «приращенье» капиталов идет уже «с быстротой невероятной», это, по Гоголю, совершается также отнюдь не «без греха». По этому поводу в записной книжке 1841–1844 гг. он замечает: «Сила откупщика так велика, что его нельзя ограничить, потому что он лопнет, если скрутить его, и потому все, даже честные, берут от него взя<тки>» (заметка «Откупа», появившаяся в записной книжке Гоголя, вероятно, в результате бесед с графом А. П. Толстым в Бадене в мае 1844 г.[22]).

Двойственность образа Муразова явно проступает и в тех «резонах», которые приводит он помещику Хлобуеву: «Ведь обстоятельства ваши таковы, что вы в моих руках: ведь дело идет к тому, чтобы умирать с голоду. Тут уж *на все* нужно решаться» (курсив наш. – *И. В.*). (Согласно зачеркнутым строкам позднейшей редакции именно Муразов покупал имение Хлобуева: «Да ведь он именье у него купил», — замечал на этот счет Чичиков.) Здесь опять можно вспомнить св. Иоанна Златоуста: «...Когда диавол непоклоняющихся злату велит ввергнуть в пещь нищеты, то будь не в числе ввергающих, а ввергаемых...» (беседа IV). Двусмысленность еще более нагнетается Гоголем в дальнейших словах Муразова: «Вы здесь две службы сослужите: одну службу Богу, а другую — мне». Последняя фраза прямо перекликается со словами Спасителя, которые, как представляется, и «разрывают» образ «миллионщика» Муразова: «Никакой слуга не может служить двум господам... <...> Не можете служить Богу и мамоне» (Лк. 16, 13). Примечательно, что сообщает Муразов о характере этой «второй службы»: «...Узнаете, где действительно терпит человек <...>, а где от собственного неспокойного нрава, да и расскажете мне потом все это. <...> ...Генерал-губернатор особенно теперь нуждается в таких людях...» (ср. слова Гоголя в статье *XXVIII. Занимающему важное место* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «...Вы не будете употреблять шпионов»). (Примечательно, что в позднейшей редакции наиболее резкие черты двойственности в облике Муразова Гоголь снимает.)

Добавим, что М. А. Дмитриев, вспоминая о своем пребывании в Симбирске во второй половине 1837 — первой половине 1838 гг., писал: «...*Прекрасный человек* назывался здесь тот, который сам дает взятки и сверх того поит шампанским. Титул прекрасного человека имел здесь откупщик Бенардаки, который в самом деле, говорят, был человек честный, насколько откупщик может быть честным человеком. Впрочем, если он пользовался здесь уважением, то, конечно, не за честность, которая и ныне здесь никакой цены не имеет, а за богатство, которое он нажил единственно умением и дальновидностию в самое короткое время: в шесть лет из ничего он сделался миллионщиком. При расчетах с товарищами он доказал не только честность, но примерное бескорыстие; а именно, торговавши на откупные доходы хлебом без ведома прочих соучастников откупа, он, по окончании с ними расчета, принес им еще 500 тысяч рублей, приторгованных с суммы, пущенной им в этот оборот с их части капитала. Этой прибыли они не могли ни знать, ни ожидать, ни требовать, если бы даже знали о его торге хлебом. — Этот Бенардаки платил ежегодно губернатору <И. П. Хомутову> 10 тысяч рублей ассигнациями, вице-губернатору <П. Г. Воскресенскому> 20 тысяч рублей, прокурору <Е. Е.> Ренкевичу[23] 3 тысячи, советникам всем по 2 тысячи рублей каждому. — Прокурору давал он сравнительно с другими мало, как человеку слабому и безгласному. — Сверх того всем им отпускалось даром из питейной конторы мед, пиво, вино и ерофеич[24]. Он-то здесь был прекрасным человеком»[25].

В дневнике Погодин писал: «Г-н Б<енардаки> доставил мне и сладкую минуту. Разговорясь с ним о состоянии ученых и литераторов в разных Славянских странах, я как-то сказал ему нечаянно, что тысяч на двадцать рублей ежегодно, при моих теперешних связях и отношениях, можно бы сделать чудеса: оживотворить их литературы, дать им ход быстрейший, оказать такое действие

на просвещение целых племен, какого в другое время нельзя сделать и миллионами, посеять семена, которые дадут со временем плоды, великие, исторические, вселенские. Может быть, иные рассмеются таким чудесам ценою в 20 т<ысяч> рублей; но чего стоили те три корабля, с которыми Колумб открыл Америку. В наше время не те чудеса, коими чудесами были во время оно, и не тем они зачинаются, где зачинались прежде. Всему черед.

Но я заговорил о Г-не Б<енардаки> и о сладкой минуте, которую доставил он; вот она — выслушав меня, он сказал преспокойно: "Это такая безделица, о коей не стоит труда и говорить много. Я даю вам честное слово, что эту сумму вы будете получать ежегодно для такой цели. Мне стоит предложить это человекам трем-четырем из моих знакомых, и мы устроим это дело!"

Впрочем, оказались после препятствия.

С достопочтенным Сенатором нашим П<ейкером>[26] толковали мы о политических происшествиях, о положении России, а потом, услышав о смерти Махмуда, поразившей всех, о новых Европейских вопросах, о межеванье, о лаже. <...>

Много любовался Иноземцевым, которого слову верят здесь как оракулу. <...> Признаюсь, я заслушиваюсь Иноземцева, когда он анализирует какую-нибудь болезнь, изыскивает ее местопребывание и настигает ее в самом центре. <...>

Parties de plaisir[27] из Мариенбада были в Кенигсварт, замок Князя Мет<т>ерниха <...>, — в Карлсбад, где я был, чтобы возвратить визит Мацеевскому[28]. <...>

Полиции в Мариенбаде как будто нет. Впрочем, чему и случаться между мирными больными. <...> Случилось, однако, одно происшествие с Г-ном Б<енардаки>, которое показало, что Полиция не изменяет своей природы соответственно градусам долготы. Он нанял богатую квартиру по условию, заплатив деньги вперед, прожил несколько времени и увидел, что комнаты очень сыры, съехал, но никак не получил назад своих денег, хотя имел право по условию, и хотя Полиция утверждала его право и обещалась ему вытребовать должное. <...>

Говорят, что в Мариенбаде скучно. Что касается до меня, я провел этот месяц очень приятно. Не говорю уже об том, что я жил в одной комнате с Г<оголем> и получал на несколько времени посещения Шафарика[29] и Мацеевского, — и обыкновенное общество доставляло мне много удовольствия, приносило мне много пользы. <...> Очень не много неприятных минут имел я — и это письма из России...»[30]

7 июля (н. ст.) 1840 г. Гоголь, вспоминая о времени, проведенном летом 1839 г. в Мариенбаде, писал С. Т. Аксакову из Вены: «Здесь покойнее, чем на водах, куда съезжается слишком скучный для меня свет. Тут все ближе, под рукой, и свобода во всем. Нужно знать, что последняя давно убежала из деревень и маленьких городов Европы, где существуют воды и съезды. Парадно — мочи нет! К тому же у меня такая скверная натура, что при взгляде на эту толпу, приехавшую со всех сторон лечиться, — уже несколько тошнит, а на водах это нейдет: нужно, напротив, чтобы слабило. Как вспомню Мариенбад и лица, из которых каждое насильно и нахально влезло в память, попадаясь раз по сорока на день, и несносных Рус<с>ких с вечным и непреложным вопросом: "А который стакан вы пьете?", вопрос, от которого я улепетывал по проселочным дорожкам. Этот вопрос мне казался на ту пору родным братцем другого известного вопроса: "Чем вы подарите нас новиньким?"»

[1] См. ***1839. Августа 8 <июля 27>. Четверг. Мариенбад.***

[2] «С Высочайшего соизволения Государя Императора, в 26 день Апреля 1839 года состоявшегося, <Иноземцев> был отправлен за границу для узнания современных усовершенствований по части практической Хирургии, с сохранением жалованья» (Иноземцев, Федор Иванович... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855. Ч. 1. С. 356–357).

[3] См. ***1839. Июня 5 <мая 24>. Среда. Рим.***

[4] См. ***1829. Января 3. Четверг. Рождественские святки. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1839. Ноября 18. Суббота. Санкт-Петербург.***

[5] Сохранился список начала «Повести о чиновнике, крадущем шинели», рукою Погодина. — См. также ***1841. Января 31 <февраля 12>. Пятница. Москва.***

[6] См. ***1839. Августа 15 <3>. Четверг. Мариенбад.***

[7] Отрывки <Девицы Чабловы>, <Характер русского>, упомянутые наброски к статье «Взгляд на составление Малороссии» написаны на приобретенной Гоголем в Риме бумаге с фабричным клеймом и датой изго-

товления: «J. Whatman Turkey Mill 1838». На такой же бумаге Гоголем были написаны отдельный набросок девятой главы первого тома «Мертвых душ», письмо Гоголя к П. А. Плетневу от 27 сентября 1839 г. из Москвы, а также черновые наброски драмы из эпохи Богдана Хмельницкого и пятой и шестой глав второй редакции «Тараса Бульбы». Один из отрывков драмы — «Народ кипит и толчется на площади...» — располагается среди черновых набросков к «Шинели».

[8] Жена Погодина.

[9] 13 июля (н. ст.) 1839 г.

[10] Жена Шевырева.

[11] Письма М. П. Погодина к С. П. Шевыреву. С объяснениями Н. П. Барсукова // Русский Архив. 1883. № 1. С. 77; см. также: Из писем М. П. Погодина // *Свод.* Т. 2. С. 411. Датировка письма уточнена (см. ***1839. Июля 24 <12>. Среда. Мюнхен***).

[12] Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 460.

[13] *Погодин М. П.* <Набросок воспоминаний о Гоголе> // *Свод.* Т. 2. С. 520. – См. также ***1842. Мая около 17. Москва***.

[14] <*Погодин М. П.*> Погодин, Михаил Петрович... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855. Ч. 2. С. 259.

[15] См. также ***1848. Сентябрь-ноябрь. Москва.***

[16] Дмитрий Егорович Бенардаки (1799–1870), богатый петербургский откупщик.

[17] *Погодин М. П.* Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году // *Свод.* Т. 2. С. 469.

[18] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт*** (примечания).

[19] Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 460–461.

[20] См.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 721; ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца*** (примечания); ***1844. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Дармштадт***.

[21] Подробнее об этом см.: ***1849. Мая 16. Понедельник. Москва*** (примечания).

[22] См. ***1844. Мая 23 <11>. Четверг. Баден-Баден.***

[23] Ефим Ефимович Ренкевич (Рынкевич, 1772–1834).

[24] Водка, настоянная на травах.

[25] *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни / Подготовка текста и примеч. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой и Т. Ф. Нешумовой. М., 1998. С. 377.

[26] Речь идет об Иване Устиновиче Пейкере (1784–1844), командированном в 1835 г. в Москву с правами ревизующего сенатора для приведения в порядок дел Межевой канцелярии.

[27] Увеселительные прогулки (*фр.*).

[28] Вацлав Александр Мацеёвский (1793–1883), польский историк.

[29] О. М. Бодянский сообщал в письме к М. П. Погодину от 18 октября н. ст. 1839 г., что Гоголь взял у П. И. Шафарика «малороссийские и польские песни, изданные Вацлавом из Олеска» (см. ***1839. Августа 22–23 <10–11>. Четверг-пятница. Прага***; ***1839. Октября 18 <6>. Пятница. Вена***).

[30] Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 461–462.

ИЮЛЯ 2 <14>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«2 <июля>. Ал<ександринский> т<еатр>. Ревизор, ор<игинальная> ком<едия> в 5 д<ействиях>. Будьте здоровы! вод<евиль> в 1 д<ействии>».

Репертуар С.-Петербургских и Московских Русских театров, 1839 года, с 1 по 31 июля // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песоцким, на 1839 год. СПб., 1839. Т. 2. <Отдельная пагинация>. С. 1.

ИЮЛЯ 2 <14>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. АХТЫРКА

Торжества по случаю столетия со дня явления чудотворной иконы Божией Матери, именуемой Ахтырской.

См. ***1739. Июля 2. Понедельник. Ахтырка.*** – См. также ***1792. Июля 2 (?). Пятница. Ахтырка.***

ИЮЛЯ 5 <17>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Граф П. И. Кутайсов посылает Гоголю и Е. Р. Рейтерну[1] уведомления о принятии их в члены-корреспонденты петербургского Общества поощрения художников:

«Общество Поощрения Художников вследствие представления Г. Члена Николая Михайловича Смирнова в Общем собрании 9 Марта 1839 года единогласно приняло Вас в члены своих Членов-Корреспондентов, в полной уверенности, что Вы по просвещенной любви своей к изящному не оставите ревностию участвовать во всем, что к благу Общества и пользе Художников в нашем Отечестве относиться будет.

По званию Председателя Общества извещая Вас о сем и препровождая Экземпляр Высочайше утвержденного Устава и Отчет о действиях Комитета за протекший год, с 28 Апреля 1838 по 28е Апреля 1839 года, я вменяю себе в особенное удовольствие изъявить Вам, Милостивый Государь, сколь мне приятно иметь в Вас по Обществу сочлена, с толицем успехом проходящего прекрасное поприще изящного».

Гоголь получил данное уведомление лишь полтора года спустя, в конце декабря (н. ст.) 1840 — начале января (н. ст.) 1841 г. в Риме[2].

Упомянутый в уведомлении «Отчет о действиях Комитета за протекший год, с 28 Апреля 1838 по 28е Апреля 1839 года» был напечатан 1 января 1840 г. в «Художественной Газете» (цензурное разрешение 20 декабря 1839 г.). Отчет напечатан с примечанием: «Читан Членом-Секретарем В. И. Григоровичем в заседании Общества 15 мая 1839 года». Здесь, в частности, сообщалось: *«В истекшем году* <...> *выбраны в Члены Корреспонденты:* Григорий Григорьевич *Кишкин*, по просвещенной любви его к изящным художествам. Общество ожидает от него содействия преимущественно по части сообщения сведений о Российских древностях в Рязанской и других внутренних губерниях; Полковник *Рейтерн*, известный своими познаниями по художествам и практическими изучениями их; и Николай Васильевич *Гоголь-Яновский*. Оба они могут быть полезными Обществу, по сношениям касательно художеств за границею»[3].

[1] Барон Герхарт (Gerhard) Вильгельм (Евграф Романович) фон Рейтерн (1794–1865), художник, тесть В. А. Жуковского.

[2] См. ***1841 января 7 <1840 декабря 26>. Четверг. Рим.***

[3] Отчет Комитета Общества Поощрения Художников, с апреля 1838 по 28 апреля 1839 года // *Свод.* Т. 2. С. 150.

ИЮЛЯ 22 <10>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МЮНХЕН

С. П. Шевырев пишет М. П. Погодину в Мариенбад:

«Твое молчание наводит на меня большое беспокойство. Если только ты в Мариенбаде, то верно уже получил письмо мое, посланное к тебе с Г-ном Мартини, который хотел с тобою познакомиться. <...> Об Гоголе я имел известие от одного Русского Немца — Крона, который путешествовал вместе с ним и с Данилевским. <...> Целую ручку у Елизаветы Васильевны[1]. Обними Гоголя».

Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 85.

[1] Е. В. Погодина, жена М. П. Погодина.

ИЮЛЯ 24 <12>. СРЕДА. МЮНХЕН

С. П. Шевырев пишет М. П. Погодину в Мариенбад:

«Наконец получил от тебя весточку[1], любезный друг. Накануне этого отправил к тебе письмо по почте. Да что же сделалось с этим Надворным Советником Мартини, который взял от меня письмо к тебе в Мариенбад и не отдал. <...> Обнимаю тебя и Гоголя».

Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 86.

[1] От 17 июля (н. ст.) 1839 г. (см. ***1839. Июля 13 <1>. Суббота – августа около пятницы 23 <11>. Мариенбад*** – примечания).

ИЮЛЯ 28 <16>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МАРСЕЛЬ

Граф Мих. Ю. Виельгорский пишет Гоголю (вероятно, адресует письмо в Мариенбад):

«Мы все еще[1] здесь живем в уединении на прекрасной, прохладной даче, и, если бы не *горе*[2], вполне наслаждаться мог бы семейственной жизнью... <...> Недавно получил я собственноручное письмо от Государя Императора[3], писанное от сердца, как *он* умеет писать! Гораздо приятнее и сладкоумилительно для сердца было его изъявление насчет умершего, – именно, что от него он ожидал в будущности. Также получил и от Жуковского два письма, – в одном есть несколько строк для вас – но не мог их отыскать, а перешлю в Рим, при отъезде, когда разрою свои бумаги. <...> Портрет Жозефа отыскался у младшей дочери <Анны>. Я его послал в Рим Риччи. Не имею еще известий оттуда. <...> Теперь жалею, что не просил вас написать строк десяток для помещения в “Diario”[4] о смерти нашего незабвенного друга! Он завял, как одинокий неизвестный цветок!»

[1] См. ***1839. Июня после 5 – июля начало <мая после 24 – июня конец>. Рим, Чивитавеккья, Марсель.***
[2] Кончина сына Иосифа (Жозефа) (см. ***1839. Июня 2 <мая 21>. Воскресенье. Рим***).
[3] В письме к графу Мих. Ю. Виельгорскому от 20 июня 1839 г. Император Николай I писал: «С каким тяжелым чувством, с каким горем я получил несчастное ваше извещение, вы можете легко вообразить, Михайло Юрьевич! Привыкнув столь долгое время видеть бедного Иосифа наравне и почти неразлучно с сыном, почти не видел между ими никакой разницы, и милый нрав и отличные его достоинства еще более укрепляли во мне сии чувства. Я уверен был, что в нем сын мой будет иметь не только друга, но и совершенного и отличного во всем помощника... Но Провидение определило иначе! Смеем ли мы роптать? – Перенесем со смирением удар сей, и с умилением в сердце будем просить милосердого Бога, да упокоит чистую беспорочную душу, нами оплакиваемую» (*Веневитинов М. А.* Несколько слов о графе Иосифе Михайловиче Виельгорском // Русская Старина. 1898. № 1. С.100).
[4] Итальянский журнал «Diario di Roma» («Римский ежедневник»).

АВГУСТА 8 <ИЮЛЯ 27>. ЧЕТВЕРГ. МАРИЕНБАД

М. П. Погодин с женой уезжает, на коляске Д. Е. Бенардаки[1], из Мариенбада в Мюнхен[2] и – далее – в Швейцарию[3] и Италию, условившись встретиться с Гоголем осенью в Вене[4] (чтобы вместе вернуться в Россию).

17 июля (н. ст.) 1839 г. Погодин сообщал С. П. Шевыреву: «Мы выезжаем из Мариенбада в 8 ч<асов> в Регенсбург и будем 9-го в Мюнхене. <...> Гоголь пробудет здесь после меня недели три и приедет в Вену. Может быть, мы все вместе пустимся в Россию. Я познакомился здесь близко с Бенардаки: прекрасный человек, который может и вызывается сделать много на общую пользу»[5].

8 августа (н. ст.) 1839 г. в своем дорожном дневнике Погодин записал: «Прогулявшись с Г<оголем>, благословив его остаться долечиваться и приехать в Вену к нам навстречу, мы простились со всеми сожителями, с которыми свыклись, право, как родные, и отправились»[6].

Позднее, 25 августа (н. ст.) Гоголь сообщал Шевыреву из Вены: «Я хотел писать к тебе с Погодиным и совершенно обестолковел в день его выезда; даже позабыл, что он должен ехать через Мюнхен».

[1] См. ***1839. Августа 15 <3>. Четверг. Мариенбад.***
[2] См. ***1839. Августа 10 <июля 29>. Суббота. Мюнхен.***
[3] См. ***1839. Августа 28 <16>. Среда. Швейцария.***
[4] См. ***1839. Сентября 19 <7>. Четверг. Вечер. Вена.***
[5] Из писем М. П. Погодина // *Свод.* Т. 2. С. 411.
[6] Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 462.

АВГУСТА 10 <ИЮЛЯ 29>. СУББОТА. МЮНХЕН

Запись в дорожном дневнике М. П. Погодина:

«*Минхен.* <...> ...Ш<евырев> здесь, т. е. в городе <...> мы расцеловались».

Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 462.

ИЮЛЯ 30 <АВГУСТА 11>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«30 <июля>. Ал<ександринский> т<еатр>. Ревизор, ориг<инальная> ком<едия> в 5 д<ействиях>. Две женщины против одного мужчины, вод<евиль> в 1 д<ействии>: Сват Гаврилыч, карт<ина> в 1 д<ействии>».

Репертуар С.-Петербургских и Московских Русских театров, 1839 года, с 1 по 31 июля // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песоцким, на 1839 год. СПб., 1839. Т. 2. <Отдельная пагинация>. С. 2.

АВГУСТА 12 <ИЮЛЯ 31>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МЮНХЕН

Запись в дорожном дневнике М. П. Погодина:

«В Литейную, Erzgiesserey пешком... <...> Видел статуйки тех художников, которые стоят на галлереях. Желал бы приобресть их себе, но боюсь истратиться слишком. Заказал только Г<оголю> любезного его Пентуриккио, который надоел мне в Риме столько.

Уже поздно. Некогда познакомиться с Бадером[1], которому давал мне письмо Князь Александр Николаевич Голицын. Передал его Шевыреву».

Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 462.

[1] Франц Ксаверий Баадер (1765–1841), немецкий философ и теософ. О продолжавшихся тогда почти три месяца беседах Шевырева с Баадером — «всего более сочувствующего Восточной Церкви» — см.: *Шевырев С.* Христианская философия. Беседы Баадера // Москвитянин. 1841. № 6 (цензурное разрешение 31 мая). С. 378–437.

12/24–13/25 ноября 1839 г. С. П. Шевырев писал М. П. Погодину из Мюнхена: «Отвечаю о *Баадере.* — Я потому не уведомил тебя о нем прежде, что только теперь с ним познакомился. После тебя, я только два раза был в Мюнхене, во время приезда Строгонова, и еще раз. В тот раз мне было некогда, а в другой я был у него, но не застал дома. Теперь же, переселившись в Мюнхен, я был снова у него, но опять не застал: оставил письмо и карточку. На другой день добрый старик сам пришел ко мне. — Он сам хочет писать к Князю Голицыну, но

просил меня предварительно передать ему почтение его через тебя и рассказать ему о его теперешнем житье-бытье. Так как он в сочинениях своих ведет полемику с папизмом, то его здесь очень не любят – и он в ссоре с правительством, которое держится строго католич<еской> папистичес<кой> пропаганды. Особенно сочинение его: об эманципации католической Церкви от Римской диктатуры (в письме к Кн<язю> Элиму Мещерскому) – подняло его врагов. Хотя не смели запретить его брошюру, но всячески старались вредить ему. Попы запретили студентам Богословского фак<уль>тета посещать его лекции. Теперь он издал сочинение против Гегелевой Философии Религии, где восстал и на Штрауса. – Но несмотря на гонения, он не унимается – и готовит сочинение большое *против Папизма*, в котором исторически и спекулятивно его уничтожит. – Он намерен все эти сочинения свои доставить Князю Александру Николаевичу <Голицыну>, и если не найдет прежде случая, то пришлет со мною. <...> После рассказа его о себе, он приступил со мною прямо к своей системе – и обещал приходить ко мне всякое утро говорить со мною о книге, им теперь изданной. – На другой день пришел также – и пробыл у меня час, говоря безупречно и объясняя мне свою книгу. – В своем разговоре он гораздо яснее, нежели в книгах – и сам это чувствует. – Философия его проникнута мистицизмом. – Он изучал Бёма и Сен-Мартена. – Много глубоких мыслей сообщает он. Едва ли можно эти мысли привести в строгую систему – но система их душа его, в которой их единство. – Он хочет меня ввести в учение свое – и дать ключ к его книгам. Его беседа очень занимательна – и я благодарен тебе за знакомство, которое, может быть, опишу я в статье: Беседы с Баадером. – 25/13 н<оября>. Баадер был опять у меня сегодня. Глубоки его беседы. Он наполняет мне душу. Он намерен посвятить свое сочинение против Папизма кн<язю> Алекс<андру> Ник<олаевичу> Голицину. От России ждет он освобождения от Римской Диктатуры. Пруссия слаба, чтобы противустоять» (*Свод*. Т. 2. С. 464–465). В письме из Берлина от 24 февраля (н. ст.) 1840 г., Шевырев добавлял: «С Баадером продолжал беседы. Об нем напишу большую статью. Купил все его сочинения. Он один понимает истинное начало Христианской <фи>лософии. Мысли его я записывал. Знакомство с ним есть одно из приобретений в жизни. Он собирается издать книгу в защиту нашей Церкви против нападающих» (*Свод*. Т. 2. С. 465). – См. также ***1847. Апреля конец – мая до 11 <апреля средина – апреля до 29>. Неаполь***.

АВГУСТА 15 <3>. ЧЕТВЕРГ. МАРИЕНБАД

Гоголь отправляет в Женеву ответное письмо М. П. Погодину:

«Благодарю тебя много за твою записку из Егера. Слова ее утешительны. <...> Еще недели на полторы[1] остаюсь в Мариенбаде. <...> Малороссии<йские> песни со мною[2]. Запасаюсь и тщусь сколько возможно надышаться стариной[3]. Прощай, мой бесценный, и будь здоров! Равномерное желание посылаю и Елис<авете> Васильевне[4]. <...> Бенардаки еще не получал ни письма, ни коляски[5]. Он тебе кланяется».

Позднее, в письме к С. П. Шевыреву от 25 августа (н. ст.) 1839 г. из Вены, Гоголь также сообщал: «Что я в Мариенбаде, ты это знал. Лучше ли мне или хуже, Бог его знает. Это решит время. Говорят, следствия вод могут быть видимы только после. Но что главное и что, может быть, тебя заинтересует (ибо ты любишь меня, как и я люблю тебя), это – посещение, которое сделало мне вдохновение. Передо мною выясниваются и проходят поэтическим строем времена казачества[6], и если я ничего не сделаю из этого, то я буду большой дурак. Малороссийские ли песни, которые теперь у меня под рукою, навеяли их или на душу мою нашло само собою ясновидение прошедшего, только я чую много того, что ныне редко случается. Благослови!»

[1] См. ***1839. Августа 22 <10>. Четверг***.

[2] См. ***1838 конец года – 1839 начало года***.

[3] Гоголь возвращается в то время к замыслу драмы из эпохи Богдана Хмельницкого (см. ***1836. Ноября 12 <октября 31>. Суббота. Париж***; ***1837. Июня 3 <мая 22>. Суббота. Рим***; ***1839. Сентября 10 <августа 29>. Вторник. Вена***).

[4] Жена Погодина.

[5] См. ***1839. Августа 8 <июля 27>. Четверг. Мариенбад***.

[6] См. ***1839. Июля 13 <1>. Суббота – августа около пятницы 23 <около пятницы 11>. Мариенбад***.

АВГУСТА 22 <10>. ЧЕТВЕРГ. МАРИЕНБАД

Гоголь выехал из Мариенбада в Вену[1]. Перед выездом получил письмо от М. П. Погодина из Мюнхена[2].

[1] См. ***1839. Августа 15 <3>. Четверг. Мариенбад***; ***1839. Августа 24 <12>. Суббота. Вена***.
[2] См. ***1839. Августа 25 <13>. Воскресенье. Вена***.

АВГУСТА 22–23 <10–11>. ЧЕТВЕРГ-ПЯТНИЦА. ПРАГА

Гоголь в Праге (проездом из Мариенбада в Вену), где, вероятно, заночевал.

Возможно, еще в Мариенбаде, во время визита туда П. И. Шафарика[1], или позднее, проезжая Прагу, Гоголь взял у Шафарика книгу «Piesni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego. Z muzyka instrumentowana przez Karola Sipinskiego. Zebral i wydal Waclaw z Oleska» (We Lwowie. 1833)[2]. Гоголь обещал вернуть книгу, выслав ее обратно из Вены, однако, по-видимому, не выполнил этого обещания и увез ее с собой в Москву (26 сентября 1839 г. он вместе с М. П. Погодиным был уже в Москве; О. М. Бодянский 6/18 октября извещал Погодина, что Шафарик книги назад не получил[3]).

Книга, вероятно, была нужна Гоголю для работы над драмой из эпохи Богдана Хмельницкого[4], при создании которой, как ранее при работе над «Тарасом Бульбой»[5], Гоголь широко использовал народные песни[6].

[1] См. ***1839. Июля 13 <1>. Суббота – августа около пятницы 23 <11>. Мариенбад***.
[2] См. также ***1834. Января 7. Воскресенье. Санкт-Петербург***.
[3] См. ***1839. Октября 18 <6>. Пятница. Вена***.
[4] См. ***1839. Августа 15 <3>. Четверг. Мариенбад***.
[5] *Виноградов И. А.* Обретение жанра: Народная песня и «Тарас Бульба» Гоголя // Н. В. Гоголь и народная культура: Седьмые Гоголевские чтения: Материалы докладов и сообщений Международной конференции / Департамент культуры г. Москвы; Центр. гор. б-ка – мемор. центр «Дом Гоголя» / Под общ. ред. В. П. Викуловой. М., 2008. С. 62–80.
[6] *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009*. С. 421–428, 439–441; *Виноградов И. А.* Народная песня в творчестве Гоголя // *Гоголь 2009–2010*. Т. 17. С. 679–706.

АВГУСТА 24 <12>. СУББОТА. ВЕНА

Гоголь прибыл в Вену[1].

Позднее, в письме к Д. Е. Бенардаки от конца августа (н. ст.) 1839 г., Гоголь сообщал: «Я в два дни и две ночи сделал мое путешествие в Вену без всяких приключений».

[1] См. ***1839. Августа 25 <13>. Воскресенье. Вена***.

АВГУСТА 25 <13>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВЕНА

Гоголь пишет С. П. Шевыреву в Мюнхен:

«Я <...> вчера[1] приехал в Вену. Перед выездом моим из Мариенбада[2] получил письмо от Погодина из Мюнхена, в котором он говорит о тебе и пересылке какой-то статуйки Фиезоле[3], о которой я ничего не знаю и которую ты перешлешь. Мне бы следовало сходить на почту и узнать, не написал ли и ты чего-нибудь ко мне, но не хочется потерять утра и хочется хотя два-три слова написать

к тебе. <...> Я еще не видел тебя ни разу, после нашего *ты*[4]. Ты теперь мне гораздо дороже и ближе, чем прежде...»

Сообщает Шевыреву о возобновившейся в Мариенбаде работе над драмой из эпохи Богдана Хмельницкого[5]. Спрашивает:

«...Часто ли получаешь вести из Рима и что делает Софья Борисовна[6], каково ей понравилась жизнь во Фраскати... <...> Кроме Рима, нет Рима на свете, хотел было сказать — счастья и радости, да Рим больше, чем счастие и радость. <...> Я еще, думаю, проживу в Вене, чтобы получить более чем одно письмо твое. <...> На днях приедет к вам, если уже не приехал, Иноземцев, которому отдай, пожалуйста, это письмо»[7].

[1] См. ***1839. Августа 24 <12>. Суббота. Вена.***
[2] См. ***1839. Августа 22 <10>. Четверг. Мариенбад.***
[3] См. ***1839. Сентября средина <сентября начало>. Дахау.***
[4] См. ***1839. Апреля 18 <6>. Четверг. Чивитавеккья.***
[5] См. ***1839. Августа 15 <3>. Четверг. Мариенбад.***
[6] Жена Шевырева.
[7] Письмо не сохранилось.

АВГУСТА НАЧАЛО <АВГУСТА СРЕДИНА>. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает ответное письмо сыну в Мариенбад.

См. ***1839. Июня 5 <мая 24>. Среда. Рим***; ***1839. Августа 26 <14>. Понедельник. Вена.***

АВГУСТА 26 <14>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВЕНА

Гоголь пишет ответное письмо матери в Васильевку (ошибочно датируя письмо вместо августа сентябрем и намеренно указывая местом отправления письма Триест вместо Вены):

«Триест. 26 сентября.

Меня очень удивило ваше письмо, писанное от августа[1] и полученное мною через Богемию. Вы, верно, нехорошо прочитали мое письмо. Я вовсе не писал, что буду в Мариенбаде и тем более с намерением оттуда ехать в Россию. Через Богемию я потому просил вас адресовать письма[2], что они будут отправлены с курьером вдвое скорее и вернее, чем по почте. Насчет же моей поездки я еще ничего решительно не предпринял. Я живу в Триесте, где начал морские ванны, которые мне стали было делать пользу, но я должен их прекратить, потому что поздно начал, с будущей весной их продолжаю. Если я буду в России, то это будет никак не раньше ноября месяца и то если найду для этого удобный случай... <...> Если бы не обязанность моя быть при выпуске моих сестер и устроить по возможности лучше судьбу их, то я бы не сделал подобного дурачества и не рисковал бы так своим здоровьем... <...> Итак, я не хочу вас льстить напрасною надеждою. Может быть, увидимся нынешнюю зиму, может быть нет. Если ж увидимся, то не пеняйте, что на короткое время. Завтра отправлюсь в Вену[3], чтобы быть поближе к вам. Письма адресуйте так, как я вам сказал: в Москву... <...> Не примите опять этого адреса в том смысле, чтобы я был скоро в Москве... <...> Триест — кипящий торговый город, где половина италианцев, половина славян, которые говорят почти по-русски — языком очень близким к нашему малороссийскому. Прекрасное Адриатическое море передо мною[4], волны которого на меня повеяли здоровьем».

Подлинные дата и место отправления письма устанавливаются на основании следующих соображений. Гоголь в письме сообщает матери: «Завтра отправлюсь в Вену...» Согласно посланию Гоголя к С. П. Шевыреву от 25 августа (н. ст.) 1839 г., Гоголь прибыл в Вену 24 августа (н. ст.). До этого, а именно до 22 августа (н. ст.) 1839 г. Гоголь жил в Мариенбаде. (По его словам в письме к М. П. Погодину от 15 августа (н. ст.) 1839 г., намеревался остаться там «еще недели на полторы», т. е. примерно до 25 августа. 22 августа он уже выехал из Мариенбада[5].). Если опираться на слова Гоголя в настоящем письме к матери, что он «отправляется в Вену», то следует предположить, что вместо этого Гоголь поехал тогда в Триест, откуда и написал письмо, — что маловероятно (сомнения подтверждает поддельный почтовый штемпель — «тонко нарисованный», по наблюдению С. Н. Дурылина, вероятно, самим Гоголем[6]). Думается, письмо было написано уже по прибытии Гоголя из Мариенбада в Вену. Вместо августа Гоголь ошибочно написал сентябрь (так же, как позднее считал сентябрь 1839 г. *октябрем,* — чем даже, по-видимому, ввел в заблуждение М. П. Погодина, в свою очередь пометившего в дневнике сентябрьские события 1839 г. *октябрем*[7]). Следующее письмо Гоголя к матери, от 27 августа (н. ст.) 1839 г.[8], обозначено уже реальным местом отправления: «Вена». Новым письмом Гоголь как бы ставил мать в известность, что он уже находится там, куда недавно обещал отправиться. При этом Гоголь исправляет ошибку в обозначении месяца (датирует новое письмо августом) и прибавляет для убедительности один день (датировав письмо 28-м числом, вместо действительного 27-го, что явствует из почтового штемпеля) — для того, чтобы время его выдуманного переезда из Триеста в Вену выглядело более реальным, т. е. не казалось слишком скорым. Причины, по которым Гоголь прибегнул к этим ухищрениям, остаются не достаточно ясными. В. И. Шенрок, полагавший (ошибочно), что письмо было написано 26 сентября (ст. ст.) в Москве, высказал мнение, будто Гоголь опасался, чтобы его мать, «сильно жаждавшая повидаться с ним, не приехала слишком рано к Погодину, тогда как Гоголю и без того неловко было помещать на долгое время у него всю семью»[9]. Можно допустить, что эта мысль стала беспокоить Гоголя еще в Вене, где он в течение месяца ожидал встречи с Погодиным, чтобы вернуться с ним вместе в Россию. (Расставшись 8 августа (н. ст.) 1839 г. в Мариенбаде[10], Гоголь и Погодин условились встретиться в Вене; встреча произошла 19 сентября (н. ст.)[11].) В последующих письмах к матери — от 22–24 сентября (н. ст.)[12] и от 26 сентября (н. ст.) 1839 г.[13] — Гоголь также как бы «оттягивает» время своего возвращения в Россию — будучи уже в дороге, сообщает матери, что он еще только выезжает из Вены. Возможно, это в свою очередь связано с опасением Гоголя, чтобы мать не приехала в Москву раньше срока — до того, как он заберет сестер из Петербурга. «...Я не хочу вас льстить напрасною надеждою, — замечает Гоголь в письме к матери от 26 августа. — Может быть, увидимся нынешнюю зиму, может быть нет. Если ж увидимся, то не пеняйте, что на короткое время». Далее он добавляет: «...не примите опять этого адреса в том смысле, чтобы я был скоро в Москве...»

[1] См. ***1839. Августа начало <августа средина>. Васильевка.***

[2] См. ***1839. Июня 5 <мая 24>. Среда. Рим.***

[3] См. ***1839. Августа 27 <15>. Вторник. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Вена.***

[4] Высказывание Гоголя о наполненном славянами Триесте и об Адриатическом море прямо перекликается с словами его школьного наставника, директора Гимназии высших наук в Нежине И. С. Орлая 1825 г. о том, что «Россиянин с одним Славяно-Русским языком может пройти <...> даже до конца берегов Адриатического моря» (см. ***1835. Сентября 10. Вторник. Москва*** — примечания). Возвратившийся в 1839 г. вместе с Гоголем из-за границы М. П. Погодин (см. ***1839. Сентября 19 <7>. Четверг. Вечер. Вена***; ***1839. Сентября 26. Вторник. Москва***) в своем отчете о поездке по Западной Европе, представленном тогда С. С. Уварову (а через него — самому Императору), в свою очередь замечал: «В Австрийских владениях живет славян около 20 миллионов, почти вдвое больше, чем немцев, венгерцев, итальянцев вместе. <...> Австрия <...> боится более всего России, которой, без ее ведома, симпатизируют все славяне вплоть до Адриатического моря. Славяне смотрят на Россию, как волхвы смотрели на звезду с востока» (*Погодин М. П.* Письмо к Министру народного просвещения, по возвращении из путешествия по Европе в 1839 году // *Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки. М., 1874. С. 21–25). В отчете Погодина говорилось даже о возможности создания «славянского федеративного государства» — с «Россией во главе» (Там же. С. 24). Эти воззрения нашли непосредственное отражение во второй редакции «Тараса Бульбы». Предсмертные слова Тараса о русском царе: «...подымется из Русской земли свой царь...», — прямо перекликаются с рядом положений погодинского отчета (отмечено: *Гус М. С.* Гоголь и николаевская Россия. М., 1957. С. 224). — См. также ***1840. Августа вторая половина — конец <августа начало — средина>. Вена*** (примечания).

[5] См. ***1839. Августа 22 <10>. Четверг. Мариенбад.***

[6] См. коммент. в изд.: *Гоголь 1937–1952.* Т. 11. С. 420.

[7] См. ***1839. Сентября 19 <7>. Четверг. Вечер. Вена.*** Об аналогичном случае см. также ***1838. Ноября 13 <1>. Вторник. Генуя*** (примечания). В письме к С. П. Шевыреву от 10 сентября (н. ст.) 1839 г. из Вены Гоголь, напротив, вместо сентября пишет август: «Вена. 10 августа».

[8] См. ***1839. Августа 27 <15>. Вторник. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Вена.***

[9] Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 2. С. 10.

[10] См. ***1839. Августа 8 <июля 27>. Четверг. Мариенбад.***
[11] См. ***1839. Сентября 19 <7>. Четверг. Вечер. Вена.***
[12] См. ***1839. Сентября 22 <10>. Воскресенье. Вена***; ***1839. Сентября 24 <12>. Вторник. Ольмюц.***
[13] См. ***1839. Сентября 26 <14>. Четверг. Праздник Воздвижения Креста Господня. Краков.***

АВГУСТА 27 <15>. ВТОРНИК. ПРАЗДНИК УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ВЕНА

Согласно почтовому штемпелю («Wien 27 AUG.») Гоголь в этот день пишет письмо матери в Васильевку, которое намеренно датирует следующим днем: «Вена. 1839, августа 28». (Такая датировка была призвана «доказать» мнимый переезд Гоголя из Триеста в Вену[1].) В письме сообщает:

«Всё-таки я от вас не получаю писем. Я вам, кажется, адрес такой доставил, по которому нельзя и думать, чтобы письма могли меня не найти... <...> ...Лучше всего адресуйте в Москву на имя Погодина... <...> К октябрю или ноябрю, может быть, я сам буду в Москву. <...> Нужно ехать выкупать сестер из Института и устроить, сколько можно лучше, их судьбу».

[1] См. ***1839. Августа 26 <14>. Понедельник. Вена*** (примечания).

АВГУСТА 28 <16>. СРЕДА. ШВЕЙЦАРИЯ

М. П. Погодин с женой повторяют прогулку Гоголя 1836 г. на ледник Мер де Глас.

См. ***1836. Октября 6 <сентября 24>. Четверг. Женева.***

АВГУСТА 17 <29>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«17 <августа>. Ал<ександринский> т<еатр>. Ревизор, ком<едия> в 5 д<ействиях>. Горе от тещи, ком<едия> в 1 д<ействии>».

Репертуар С.-Петербургских и Московских Русских театров, 1839 года, с 15 по 31 августа // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песоцким, на 1839 год. СПб., 1839. Т. 2. <Отдельная пагинация>. С. 1.

АВГУСТА 17 <29>. ЧЕТВЕРГ. С. ЧУКАВИНО

И. Е. Великопольский пишет М. П. Погодину в Москву:

«Перед отъездом из Москвы я справлялся об Вас, милостивый государь Михайло Петрович, и узнал, что Вас ожидают каждый день. Мне очень было жаль, что я не мог Вас дождаться и видеть после Вашего путешествия, свидания с Гоголем и пр. <...> Вы надеялись привезти с собою и Н. В. Гоголя. Не приехал ли он?[1] Не могу ли я через Вас достать от него отрывка из его "Мертвых душ" или чего другого? — Сделайте мне одолжение, похлопочите об этом для меня и перепишитесь с ним, ежели он не в Москве. Хорошо, если бы еще к этому он позволил приложить к одному из альманахов[2] свой портрет (ежели уже Смирдин не приобрел от него этого права для книжки "Сто литераторов", которая выйдет в будущем году). В таком случае, если он в чужих краях, то я бы просил его снять там портрет и даже заказать выгравировать форматом моего альманаха. Я хочу взять форматы прежних: "Полярной звезды" или "Северных цветов". Разумеется, что я заплачу ему за

всё это деньги и вышлю по первому его уведомлению. Переписку о его портрете, ежели дело пойдет на лад, я прошу Вас оставить до времени между нами <...> Название моих альманахов будет: “Зима”, “Весна”, “Лето”, “Осень”, и каждый выйдет в свое время года».

Гоголь в письмах И. Е. Великопольского // *Свод.* Т. 2. С. 964.

[1] Гоголь приехал в Москву из-за границы вместе с М. П. Погодиным 26 сентября 1839 г. (см. ***1839. Сентября 26. Вторник. Москва***).

[2] В средине августа 1839 г. К. С. Аксаков писал отцу: «И<ван> Е<рмолаевич> <...> не в шутку хлопочет о своем альманахе; писал к Н<иколаю> Ф<илипповичу> <Павлову> с нарочным в деревню и получил очень милый ответ, в котором тот изъявляет согласие» (Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 56. М., 1850. С. 129; *Свод.* Т. 2. С. 964). Издание альманахов И. Е. Великопольского не состоялось.

АВГУСТА 30 <18>. ПЯТНИЦА. ЖЕНЕВА

М. П. Погодин сообщает С. П. Шевыреву в Мюнхен:

«...Издавать журнал я решился непременно с января месяца... <...> Вербуй сотрудников. Я вербую. Священник в Берне[1] дал мне статью и обещание работать без памяти; потом Сабинин[2], Мельгунов, Глинка, Дмитриев, Гоголь[3], Грановский, Бодянский, Иннокентий[4] и проч. и проч.»[5]

В дорожном дневнике Погодин в тот же день записал: «*30 <августа (н. ст.)>*. <...> ...Мне надо еще написать письмо к Б<енардаки>, который приедет сюда отдавать сына[6]. Не помню уже, как я написал, или, лучше, как разберет он»[7].

[1] Священником Швейцарской миссии был в то время Иоанн Иоаннович Грацианский.

[2] О протоиерее Степане Карповиче Сабинине см.: ***1845. Июня 29 <17>. Воскресенье. Веймар.*** – Два письма о. Стефана к М. П. Погодину из Веймара, от 20 июня и от 6/18 октября 1840 г., были опубликованы М. П. Погодиным в 1840 г.: Отрывки из писем Протоиерея Сабинина на имя Секретаря Общества Профессора Погодина // Русский Исторический Сборник, издаваемый Обществом Истории и Древностей Российских. М., 1840. Т. 4. Кн. 1. С. 137–150.

[3] См. ***1839. Марта 26 <14>. Вторник. Рим.***

[4] Святитель Иннокентий (в мире Борисов Иван Алексеевич; 1800–1857), епископ Харьковский (с 1841 г., с 1845 г. – архиепископ), архиепископ Херсонский и Таврический (с 1848 г.), духовный писатель и проповедник; причислен к лику местночтимых одесских святых в 1997 г.; память совершается 26 мая / 8 июня.

[5] Из писем М. П. Погодина // *Свод.* Т. 2. С. 412.

[6] Николай Дмитриевич Бенардаки (род. в 1830), библиограф. – См. письма Гоголя к Д. Е. Бенардаки и к П. В. Нащокину от 20–29 июля (н. ст.) 1842 г. из Гастейна: ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн.***

[7] Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 462.

АВГУСТА 18 <30>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Ревизора» артистами Малого театра на сцене Театра Петровского парка: «18 <августа>. <Театр> П<етровского> П<арка>. Ревизор, ком<едия> в 5 д<ействиях>».

Репертуар С.-Петербургских и Московских Русских театров, 1839 года, с 15 по 31 августа // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песоцким, на 1839 год. СПб., 1839. Т. 2. <Отдельная пагинация>. С. 1; см. также: *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1897 гг.> // *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1852; *Гриц.* С. 264.

АВГУСТА КОНЕЦ <АВГУСТА СРЕДИНА>. ВЕНА

Гоголь пишет в Мюнхен письмо Д. Е. Бенардаки:

«Я в два дни и две ночи сделал мое путешествие в Вену без всяких приключений. Дни прекрасные. Жарко. Даже не верится, что в Мариенбаде мы уже видели осень. Каковы ваши задние обстоятельства? О моих еще ничего не могу сказать. Особенно советую вам как можно больше смотреть в Мюнхене все, что достойно и недостойно. Это благодетельно действует. Я как походил по Вене с четыре часа, осматривая разный вздор, да притом еще заблудился, да как поискал часа с два своей квартиры, так после этого так вы<...>, как только можно гемороидальному человеку: с шапку наворотил, чего вам от всей души желаю и всякому доброму человеку; а злому человеку я бы не придумал другого наказания как не с<...> ему, мерзавцу, по целому месяцу. Если будет вам время, напишите из Женевы; мне бы очень желалось знать, как вам понравятся тамошние пенсионы и как вы и куда пристроите Леонида[1]. Прощайте же, обнимаю вас душевно. Дядюшку Альфераки[2] тоже».

В 1852 г., после смерти Гоголя, А. Н. Афанасьев, со слов М. С. Щепкина, записал: «Любопытно, что в доброе другое время Гоголь любил шутку, подчас не совсем опрятную[3]. Раз из Вены написал он Бенардаки письмо такого содержания: "только что сходил на двор и наворотил целую шапку, чего и тебе и всем благородным и добрым людям от души желаю. А неприятным и плутам другого зла не желаю, как того, чтоб они не срали целые три дни!" Щепкин наизусть выучил его письмо и передавал его несколько раз; но я не вполне запомнил Гоголевские выражения, но мысль та. О попах Гоголь не раз говаривал[4]: "сей час слышно, как пройдет *духовенство*, — *духами* так и пахнет!"»[5]

В 1864 г. А. Н. Афанасьев также писал: «Остроты Гоголя были своеобразны, неизысканны, но подчас не совсем опрятны. Старик Щепкин помнил наизусть одно письмо Гоголя, писанное из-за границы к Бенардаки, где шутливость поэта заявила себя с такою нецеремонною откровенностию, что это любопытное послание навсегда останется неудобным для печати»[6].

[1] Один из сыновей Д. Е. Бенардаки.

[2] Богатый откупщик, возможно, Дмитрий Ильич Алфераки.

[3] См. также ***1834. Августа 7. Вторник. Санкт-Петербург.***

[4] По-видимому, к некоторым свидетельствам М. С. Щепкина о Гоголе, касающимся церковной жизни, следует относиться с осторожностью. Несомненно, что Гоголь был более воцерковленным человеком, чем Щепкин, чтобы разделять все легкомысленные шутки последнего (см., в частности: *Афанасьев А. Н.* Отрывки из моей памяти и переписки // *Свод.* Т. 3. С. 26). В этом отношении близость Гоголя и Щепкина, находившегося в постоянных дружеских отношениях с представителями западнической партии — В. Г. Белинским, Т. Н. Грановским, А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, М. А. Бакуниным, И. С. Тургеневым, И. И. Панаевым и др., — не следует преувеличивать. (В частности, в 1847 г. в «Современнике», в том же томе журнала, где была напечатана статья Белинского с резко отрицательным отзывом о «Выбранных местах из переписки с друзьями» (Т. 1. № 2), среди произведений И. И. Панаева («Родственники»), И. С. Тургенева («Деревня»), Н. П. Огарева («Бываю часто я смущен внутри души...»), Н. А. Некрасова («Тройка»), был опубликован отрывок из мемуаров М. С. Щепкина: <*Щепкин М. С.*> *– – – ъ.* Из записок артиста *– – – на* // Современник. 1847. Т. 1. № 1 (цензурное разрешение 30 декабря 1846). С. 77–89.) Примечательно в этом свете, как резко разошлись в конце 1840-х — начале 1850-х гг. мнения Гоголя и Щепкина о пьесах Тургенева «Нахлебник» и «Провинциалка» (см. ***1848. Декабря 11. Воскресенье. Москва***; ***1852. Января 22. Вторник. Москва***).

А. О. Смирнова свидетельствовала, что когда однажды, 8 февраля 1852 г., Щепкин «начал кощунствовать», Гоголь «взял за ушко» и сказал: «Ты когда-нибудь будешь за эти слова раскаиваться, смотри, чтобы не было позд<н>о» (см. ***1852. Февраля 8. Пятница масленицы. Москва***). В. О. Шервуд об этом дне также сообщал, что «когда Н<иколай> Вас<ильевич> леж<ал> больной, приехал Мих<аил> Семен<ович> Щепкин и зв<ал> его на блины: б<ыла> масленица, и т<а>к рассказал ап<п>етитно о св<оих> блинах, что у Гоголя невольно загорелись глаза: "отойди ты от меня, сатана, ты меня искушаешь"» (см. ***1852. Февраля 8. Пятница масленицы. Москва***). Этим свидетельствам соответствуют строки заметки П. А. Кулиша «О последних днях Гоголя»: «В среду на перв<ой> нед<еле> поста <13 февраля 1852 г.> Щепкин приехал к Гоголю. Его не приняли. Когда потом втерся к нему кто-то в роде Погодина или Шевырева, он сказал: "Вас чорт так и посылает; давеча Щепкин приезжал; того не пустили; а тот бы заставил есть"» (см. ***1852. Февраля 13. Среда. Третий день Великого Поста. Москва***).

Близость М. С. Щепкина к западникам (см. также ***1840. Сентября начало – декабря начало <сентября средина – декабря средина>. Санкт-Петербург***) не могла не настораживать Гоголя – порой вызывая в нем подозрительность (см., в частности: ***1839. Сентября 29. Пятница – октября 1. Воскресенье. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. С. Вольнское***). 29 мая 1846 г. С. Т. Аксаков писал сыну Ивану по поводу посещения в Калуге А. О. Смирновой М. С. Щепкиным и В. Г. Белинским (с которым актер отправился в продолжительную поездку в Одессу и в Крым): «Как мне досадно, что я не предупредил Ал<ександру> Ос<иповну> насчет Белинского и даже Щепкина: жаль, что ты этого не сделал. Мне больно, что она допустила их, наравне с тобою, в свое короткое общество и удостоила Белинского спора, когда следовало только сказать, что она не хочет слушать его мнений об этом предмете. Щепкин тоже довольно гадок и еще больше смешон, проповедуя отчаянные западные идеи, как я слышал» (см. ***1846. Мая 29 <июня 10>. Среда. Москва***). 1 июня 1846 г. И. С. Аксаков отвечал отцу: «...Я сказал ей свое мнение о Белинском и о Щепкине (тенденцию сего последнего я давно знаю, но он при мне об этом ни слова)...» (см. ***1846. Июня 1 <13>. Суббота. Калуга***). В свою очередь С. П. Шевырев 14 июня 1847 г. сообщал Гоголю о Щепкине: «Он, как думаю, находится под разными влияниями издателей “Современника”, тебе не сочувствующих. В нем есть какая-то перемена не совсем в его выгоду как художника и как старика». Характерно, что и Белинский считал Щепкина «своим» – и потому мог писать ему, к примеру, следующее: «Скажу Вам несколько слов о приключениях в Питере рукописи Гоголя (речь идет о цензурном экземпляре первого тома “Мертвых душ”. – *И. В.*). <...> ...Одоевский передал рукопись графу Вельегорскому, который хотел отвезти ее к Уварову... <...> К счастию, рукопись не попала к сему министру погашения и помрачения просвещения в России. <...> Но и тут горе: рукопись отослана 7 марта, за № 109, на имя Погодина, а Гоголь ее не получал. Я думаю, что Погодин ее украл, чтоб <...> притаив ее до времени, выманить у (простодушно обманывающегося насчет сего мошенника) Гоголя еще что-нибудь для своего холопского журнала. <...> Что, не явились ли в Москве мощи Ф. Н. Глинки или он по-прежнему гниет заживо, а Петромихали (Погодин) с Шевыркою пропитывают свой пакостный журнал запахом его смердящего тела? (Петромихали – имя ростовщика в первой редакции повести Гоголя “Портрет”; под “Шевыркою” Белинский подразумевал С. П. Шевырева. – *И. В.*) <...> ...Заставьте <...> юношей <сыновей М. С. Щепкина> что-нибудь писнуть ко мне. Славные ведь они ребяты, хоть и носят прескверные имена: одно <Николай Михайлович Щепкин> напоминает мне Карамзина, а другое <Петр Михайлович Щепкин> – обглоданную вшами светлость <имеется в виду министр Императорского Двора князь П. М. Волконский>...» и т. д. и т. п. (письмо от 14 апреля 1842 г.; *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 509–510). Примечательно однако, что Щепкин, съездивший в 1853 г. в Лондон к А. И. Герцену – подобно тому, как это сделал позднее, в 1857 г., художник А. А. Иванов, – в свою очередь, не был удовлетворен встречей с издателем «Колокола», призывал его прекратить эту газету и уехать в Америку. (Тогда же он читал Герцену сохранившиеся главы второго тома «Мертвых душ».)

[5] *Афанасьев А. Н.* Отрывки из моей памяти и переписки // *Свод.* Т. 3. С. 25–26.

[6] *Афанасьев А. Н.* М. С. Щепкин и его записки // *Свод.* Т. 3. С. 23.

АВГУСТА 30 <18>. ВЕНА

Гоголь пишет письмо сестрам Анне и Елизавете в Петербург (письмо было отправлено позднее[1]):

«...Слушайте, ленивицы! прошу вас покорнейше писать ко мне, а если не напишете сейчас же по получении письма, то, право, не приеду к вашему выпуску. <...> Вы отправите ваше письмо прямо в Москву на имя Погодина, а он уже будет знать, как и куда переслать мне... <...> Теперь покаместь я живу в Вене, где пробуду никак не дольше двух недель[2]. Потом подберусь еще ближе к вам, а там, если Бог даст и если мое здоровье поможет, вы увидите меня в Петербурге[3], но не раньше, как за месяц до вашего выпуска»[4].

[1] См. ***1839. Сентября 5 <августа 24>. Четверг. Вена.***

[2] См. ***1839. Сентября 22 <10>. Воскресенье. Вена.***

[3] См. ***1839. Октября 31. Вторник. Санкт-Петербург.***

[4] Восьмой выпуск воспитанниц Патриотического института состоялся в январе 1840 г. О том, когда точно будет выпуск, Гоголь в то время еще не знал (см. ***1839. Октября первая половина. Москва***).

СЕНТЯБРЯ 5 <АВГУСТА 24>. ЧЕТВЕРГ. ВЕНА

Гоголь пишет ответное письмо М. П. Балабиной в Петербург. Размышляет о Германии и Италии, о поэзии на севере и на юге[1]. Обращается к Балабиной с просьбой:

«Будьте так добры и отправьте это письмо в институт моим сестрам[2]. Вы написали в конце вашего письма не знаю почему: до свидания. Может быть, в самом деле мне придется побывать в Петербурге (тягостная даже мысль), во всяком случае я пробуду не более недели там. О, тяжелая обязанность. И хотя меня утешает то, что я увижу вас[3] и четырех-пяти близких моему сердцу. Но... Бог видит, какую я великую жертву приношу. <...> Душевный поклон мой вашей маминьке[4] и всем вашим родным».

[1] См. ***1836. Июня 28 <16>. Вторник. Гамбург*** (примечания).
[2] См. ***1839. Августа 30 <18>. Вена.***
[3] См. ***1839. Октября 30 – декабря 17. Санкт-Петербург.***
[4] В. О. Балабина.

СЕНТЯБРЯ 7 <АВГУСТА 26>. СУББОТА. ВЕНА

Гоголь получил письмо от С. П. Шевырева из Мюнхена.

См. ***1839. Сентября 10 <августа 29>. Вторник. Вена.***

СЕНТЯБРЯ 10 <АВГУСТА 29>. ВТОРНИК. ВЕНА

Гоголь пишет ответное письмо С. П. Шевыреву в Мюнхен:

«Третьего дня[1] я получил письмо твое. <...> Ты за Дантом[2]!... <...> ...В твой перевод я верю, верю непреложно, решительно, бессомненно. Это мало, что ты владеешь стихом и что стих твой силен: таким был он и прежде: но что самое главное и чего меньше было у тебя прежде, это внутренняя, глубокая, текущая из сердца поэзия: нота, взятая с верностью удивительною и таким скрипачом, у которого в скрипке сидит душа. Все это я заключаю из тех памятных мне стихов в день моего рождения, которые ты написал в Риме[3]. Доныне я их читаю, и мне кажется, что я слышу Пушкина. Я не знаю, знаешь ли ты и чувствуешь ли, во сколько раз ты более в них стал поэтом против прежнего поэта. Вот почему я так обрадовался твоему огромному предприятию. И ты не прислал мне даже образчика! Хорошо ли это? Да знаешь ли ты, что это необходимо, и тебя, верно, мучит тайное желание прочитать свое начало и слышать суд. Без этого не мог существовать ни один художник. <...>

Что касается до меня, я... странное дело, я не могу и не в состоянии работать, когда я предан уединению[4], когда не с кем переговорить, когда нет у меня между тем других занятий и когда я владею всем пространством времени, неразграниченным и неразмеренным. Меня всегда дивил Пушкин, которому для того, чтобы писать, нужно было забраться в деревню, одному и запереться. Я, наоборот, в деревне никогда ничего не мог делать[5]... <...> В Вене я скучаю. Погодина до сих пор нет[6]. Ни с кем почти не знаком, да и не с кем, впрочем, знакомиться. Вся Вена веселится, и здешние немцы вечно веселятся. Но веселятся немцы, как известно, скучно, пьют пиво и сидят за деревянными столами, под каштанами, — вот и всё тут. Труд мой, который начал[7], не идет; а, чувствую, вещь может быть славная. Или для драматического творения нужно работать в виду театра, в омуте со всех сторон уставившихся на тебя лиц и глаз зрителей, как я работал во времена оны? Подожду, посмотрим. Я надеюсь много на дорогу. Дорогою у меня обыкновенно развивается и приходит на ум содержание; все сюжеты почти я обделывал в дороге. Неужели я еду в Россию? я этому почти не верю. Я боюсь за свое здоровье. Я же теперь совсем отвык от холодов... <...> Но как только обделаю два дела — одно относительно сестер, другое — драмы[8], если только будет на это воля всемогущего Бога, доселе помогавшего мне в этом, как только это улажу, то в феврале[9] уже полечу в Рим и, я думаю, тебя еще застану там».

[1] См. ***1839. Сентября 7 <августа 26>. Суббота. Вена.***
[2] См. ***1839. Сентября средина <сентября начало>. Дахау.***

[3] См. ***1839. Января 30 <18>. Среда. Рим.***

[4] См. также ***1838. Июня около 14 – июля начало <июня около 2 – июня средина>. Окрестности Рима. Местечко близ Манчиани (Manziana) или между Дженцано (Дженсано) и Альбано.***

[5] См. ***1832. Июль-сентябрь. Васильевка***; ***1835. Мая 24. Пятница. Полтава*** (примечания). –См. также ***1838. Июня около 14 – июля начало <июня около 2 – июня средина>. Окрестности Рима. Местечко близ Манчиани (Manziana) или между Дженцано (Дженсано) и Альбано.***

[6] См. ***1839. Сентября 19 <7>. Четверг. Вечер. Вена.***

[7] Имеется в виду драма из эпохи Богдана Хмельницкого (см. ***1839. Августа 15 <3>. Четверг. Мариенбад***).

[8] Драма из эпохи Богдана Хмельницкого (см. ***1839. Сентября 27. Среда. Москва***).

[9] См. ***1840. Мая 18. Суббота. Полдень. Москва, Перхушково.***

СЕНТЯБРЯ 15 <3>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВЕНА

Гоголь пишет ответное письмо сестрам Анне и Елизавете в Петербург:

«А! наконец я получил ваше письмо. <...> Знаете ли, что я за миллионы не согласился бы приехать в Петербург, если бы не вы? Итак вы можете из этого судить, меньше ли я вас люблю, чем вы меня. Завтра[1] я еду из Вены. Через полтора месяца, я думаю, буду в Петербурге[2]... <...> Вы видели ли Балабину и как ее здоровье – лучше ли? Она всё была больна. Напишите мне, кто у вас бывает чаще. Известите меня также, где теперь Андр<ей> Андр<еевич> и Ольга Дмит<риевна> Трощинские[3], в Петербурге или нет. <...> ...Передайте им <...>, что я непременно <...> принесу им лично мою благодарность за всё то, что они делали для вас и для всего нашего семейства[4]. Уведомьте меня также, какие <...> перемены у вас в институте и кто там остался из тех, которые меня еще помнят».

[1] Ср. ***1839. Сентября 19 <7>. Четверг. Вечер. Вена; 1839. Сентября 22 <10>. Воскресенье. Вена.***

[2] См. ***1839. Октября 30. Понедельник. Вечер. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1839. Ноября 18. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1839. Ноября конец – декабря начало. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1838. Сентября 9 <августа 28>. Воскресенье. Ливорно***; ***1838. Декабря 10 или 11 <ноября 28 или 29>. Понедельник или вторник. Рим.***

СЕНТЯБРЯ 3 <15>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

«3 сент<ября>. Бол<ьшой> т<еатр>. Ревизор, ком<едия> в 5 д<ействиях>. Диверти<смент>».

Репертуар С.-Петербургских и Московских Русских театров, 1839 года, с 1 по 30 сентября // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песоцким, на 1839 год. СПб., 1839. Т. 2. <Отдельная пагинация>. С. 1.

СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА <СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО>. ДАХАУ

С. П. Шевырев посылает Гоголю свой перевод «Ада» Данте (по-видимому, первую песнь), с сопроводительным письмом[1]:

«Ты меня так умаслил, что решился показать тебе свою тайну, но только тебе да Погодину, который уж об ней знает. <...> Посылаю. <...> Но, друг, условие: чтобы и ты работал. Ссылаюсь на твое выражение[2]: “Я буду большой дурак, если из этого ничего у меня не выйдет”. <...> Я тебе опять скажу на лень твою стихами из другой песни Данта, мною начатой:

Коль речь твою перевести на дело,–
Великого проговорила тень,–

Душа твоя от страха обомлела.
Им часто в душу проникает лень:
От подвига он гонит нас, пугая,
Как призрак зверя, как померкнет день[3].

Ну, помилуй, скажи, что ты делаешь с моим Briefsammler'ом[4]? Уж серебряная облатка[5] его удивила, и он сзывал соседей на зрелище, а ты как раз после этого отпустил ему золотую! Он просто с ума сошел, мой Briefsammler. Уж тут он и соседей не сзывал, а его просто нашли остолбеневшего перед письмом твоим и должны были вырвать письмо насильно из рук оцепеневшего брифзаммлера. Дело дошло и до ландрихтера[6], моего покорнейшего слуги, который меня просил написать тебе, чтоб ты в Дахау не присылал ни золотых, ни серебряных облаток. Я боюсь, что ты того и гляди брякнешь мне бриллиантовую: ну тогда уж я не ручаюсь и за моего ландрихтера. От такой облатки и он может помешаться. Беда, да и только.

В прошлом письме я совершенно забыл отвечать тебе на вопрос[7] о статуйке Фра-Беато[8]. Погодин просил меня узнать о том, есть ли в маленьких статуйках всех знаменитых художников, сделанных Шванenталером, статуйка Пинтуриккио, а не Фра-Беато,— и для тебя купить ее. Но после он смешал Фра-Беато с Пинтуриккио. <...>

Как я рад буду, если мы в феврале[9] с тобою увидимся».

[1] Письмо является ответом на письмо Гоголя от 10 сентября (н. ст.) 1839 г., из Вены (см. ***1839. Сентября 10 <августа 29>. Вторник. Вена***). Ответ Гоголя Шевыреву см. ***1839. Сентября 21 <9>. Суббота. Вена***.

[2] См. ***1839. Августа 15 <3>. Четверг. Мариенбад***.

[3] Данте. Ад, песнь вторая, стихи 43–48. В «Москвитянине» последний стих читается иначе: «Как в поле пса смеркающийся день» (*Шевырев С.* Две песни из Дантова Ада. (Переведены размером подлинника). Песнь вторая. Песнь четвертая // Москвитянин. 1843. Ч. 1. № 1 (цензурное разрешение 10 янв.); с пометой: «Рим. 1839». С. 3).

[4] Почтальон (*нем.*)

[5] Облатка — здесь: бумажный кружок для запечатывания писем. — См. также ***1839. Октября 20 <8>. Воскресенье. Дахау***.

[6] Ландрихтер (от *нем.* Landrichter) — судья в земельном суде Германии.

[7] См. ***1839. Августа 25 <13>. Воскресенье. Вена***.

[8] Джиованни да Фьезоле.

[9] Подразумевалась встреча в Риме (см. ***1839. Сентября 10 <августа 29>. Вторник. Вена***; ***1839. Октября 20 <8>. Воскресенье. Дахау***; ***1840. Мая 1 <апреля 19>. Пятница Светлой седмицы. Рим***).

МЕЖДУ АВГУСТА 24 <12> И СЕНТЯБРЯ 19 <7>. ВЕНА

Гоголь оставляет на венской почте записку для М. П. Погодину, где сообщает адрес своей гостиницы в Вене.

См. ***1839. Сентября 22 <10>. Воскресенье. Вена*** (примечания).

СЕНТЯБРЯ 19 <7>. ЧЕТВЕРГ. ВЕЧЕР. ВЕНА

Условленная в августе 1839 г. — при расставании в Мариенбаде[1] — встреча Гоголя с М. П. и Е. В. Погодиными.

В дорожном дневнике Погодин записал: «*Возвратный путь.* <...> *Октябрь*[2] *<сентябрь> 12/24 — ноябрь 20*[3] *<сентябрь 26> с<тарого> с<тиля>*. <...> Перед светом (19 <сентября (н. ст.)>) приехали мы в *Линц*... <...> В 8 часов отправился пароход и перед вечером привез нас благополучно в *Вену*. Много мест на Дунае прекрасных. Счастливый случай привел нас именно в ту гостиницу, где ожидал уже нас Г<оголь>»[4].

В 1855 г. Погодин, от третьего лица, также сообщал: «Из Флоренции чрез Мантую, Верону,

Тироль, Вену, где ожидал его <Погодина> Гоголь, с ним вместе, на Краков, Вильну и Смоленск, возвратился в Москву»[5].

[1] См. ***1839. Августа 8 <июля 27>. Четверг. Мариенбад.***
[2] Ошибка в названии месяца.
[3] Ошибка в указании месяца и числа. Гоголь и Погодин прибыли в Москву 26 сентября (ст. ст.) 1839 г.
[4] Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 462.
[5] <*Погодин М. П.*> Погодин, Михаил Петрович... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855. Ч. 2. С. 259.

СЕНТЯБРЯ 20 <8>. ПЯТНИЦА. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ВЕНА

Гоголь пишет в Рим письма А. А. Иванову и Ф. А. фон Моллеру (последнее письмо не сохранилось).

В письме к Иванову Гоголь замечал: «...Полагаю вас уже в Риме, возвратившимся из Венеции без сомнения с большою пользою и оконченной schizzo[1] вашей большой картины[2] под мышкой, в чем помогай вам Бог! Я, между прочим, исполнил вашу комиссию, купил для вас в Женеве часы. <...> Вы их получите скоро после этого письма вместе с моею палкою, которая служила мне в Риме и которую прошу поставить в углу вашей комнаты до моего приезду. Вы получите также три дюжины венск<их> карандашей, которые я нахожу очень хорошими. Одну дюжину из них возьмите себе, другую отдайте Моллеру, а третью оставьте для меня. В этой же посылке четыре серебрян<ых> стакана, которые пусть <остаются> у вас до моего приезда. Вы явитесь к Кривцову и спросите только следуемую на ваше имя посылку. Я, к сожалению, не буду в Риме раньше февраля[3]. Никак не могу отклониться от неотразимой для меня поездки в П<етер>бург. Но в феврале непременно намерен очутиться на Via Felici и на моей старой квартире[4], и мы вновь примемся с вами за capretto a̍rrosto[5] и Asciuto[6]. <...> Я думаю, Рихтер уже давно оставил Рим. Эту маленькую записочку отдайте Моллеру».

[1] Эскиз (*ит.*).
[2] «Явление Мессии» (см. ***1837. Апреля 18 <6>. Вторник. Рим***).
[3] См. также ***1839. Сентября 10 <августа 29>. Вторник. Вена.***
[4] Гоголь вернулся в Рим только через год, 25 сентября (н. ст.) 1840 г. (см. ***1840. Сентября 25 <13>. Пятница. Рим***).
[5] Жареный козленок (*ит.*).
[6] Asciuto (asciutto) – сорт местного сухого вина (*ит.*). – См. также ***1840. Июня 25 <13>. Четверг. Вена.***

СЕНТЯБРЯ 21 <9>. СУББОТА. ВЕНА

Гоголь пишет ответное[1] письмо С. П. Шевыреву в Дахау:

«Пишу к тебе на самом выезде[2]. Благодарю за письмо, а за стихи вдвое. Прекрасно, полно, сильно! Перевод, каков должен быть на русском языке Данта. Это же еще первые твои песни, еще не совершенно расписался ты, а что будет дальше! Люби тебя Бог за это, и тысячи тебе благословений за этот труд»[3].

[1] См. ***1839. Сентября средина <сентября начало>. Дахау.***
[2] См. ***1839. Сентября 22 <10>. Воскресенье. Вена.***
[3] Ответ Шевырева см.: ***1839. Октября 20 <8>. Воскресенье. Дахау.***

СЕНТЯБРЯ 22 <10>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВЕНА

Гоголь начинает письмо к матери в Полтаву о своем возвращении в Россию: «Я сегодня выезжаю»[1]. В тот же день вместе с М. П. и Е. В. Погодиными и С. Б. Шевыревой Гоголь отправился из Вены в Россию.

В дорожном дневнике Погодин записал: «В Вене пробыли мы трое суток (20–22 <сентября (н. ст.)>). Я повидался с Копитаром и рассмотрел его библиотеку, которую б должно приобресть России. <...>

Разругав трактирщика, zum Römischen Kaiser[2], которого хуже нам нигде не встречалось, в ночь отправились в дальнейший путь, не в дилижансе с экстра-почтою, а уже в своих экипажах, в одном я с Г<оголем>, а в другом жена моя с Г-жою Ш<евыревой>, которая тоже дожидалась нас в Вене»[3].

Позднее, 29 октября (н. ст.) 1840 г., Гоголь сообщал Погодину из Рима: «Часто в теперешнем моем положении мне приходит вопрос: зачем я ездил в Россию, по крайней мере меньше лежало бы на моей совести. Но как только я вспомню о моих сестрах. — Нет, мой приезд не бесполезен был. Клянусь, я сделал много для моих сестер. Они после увидят это. Безумный, я думал, ехавши в Россию: Ну хорошо, что я еду в Россию, у меня уже начинает простывать маленькая злость, так необходимая автору, против того-сего, всякого рода разных плевел[4], теперь я обновлю, и все это живее предстанет моим глазам, и вместо этого что я вывез? Всё дурное изгладилось из моей памяти, даже прежнее, и вместо этого одно только прекрасное и чистое со мною, всё, что удалось мне еще более узнать в друзьях моих, и я в моем болезненном состоянии поминутно делаю упрек себе: и зачем я ездил в Россию».

В письме к С. Т. Аксакову от 28 декабря (н. ст.) 1840 г. Гоголь также говорил о «сильном» чувстве «любви к России» и о том, что «многое» казавшееся ему «неприятным и невыносимым» теперь кажется ему «опустившимся в свою ничтожность и незначительность» — сравнительно с дружбой с Аксаковыми (в частности, с Константином Аксаковым)[5].

[1] См. ***1839. Сентября 24 <12>. Вторник. Ольмюц.***

[2] Между 24 августа и 19 сентября (н. ст.) 1839 г. Гоголь, будучи в Вене, писал Погодину: «На всякий случай, если нескоро меня отыщешь, оставляю записочку в poste restante. Живу zum Romischen Kaiser Freiung, комната 27».

[3] Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 462.

[4] В конце 1840-х гг. Гоголь в записной книжке 1846–1850 гг. записал: «Зачем я оказался учителем? <...> Мне показалось, что гибнет лучшее, что <...> беспощадное жало сатиры коснулось, вместе с искоренением злоупотреблений, и того, что должно составлять святыню...» Ср. в статье Гоголя о театре «Переписки с друзьями» строки о «драматических писателях»: «У них, если и попадаются насмешки, то <...> никогда над тем, что составляет корень человеческих доблестей...» Ср. также высказанное Гоголем в «Авторской исповеди» (1847) предупреждение, «чтобы <...> не поразить смехом вместе с недостатками нашими и того, что есть в нас достоинство»; и его признание в неотправленном письме к В. Г. Белинскому 1847 г.: «Нигде не было у меня насмешки над тем, что составляет основанье русского характера...» (см. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн*** – примечания). В 1836 г. Погодин в книге, на которую Гоголь сразу по ее выходе написал рецензию, замечал: «От крайностей всего труднее избежать человеку: Лютер пошел против злоупотреблений и нанес удар добрым началам. Следующий текст можно поставить эпиграфом ко всей Истории Реформации: “Оставьте расти обое до жатвы. Да не когда восторгающе плевелы, восторгнете купно с ними и пшеницу”» (Исторические афоризмы Михаила Погодина. М., 1836. С. 57).

[5] См. ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим.***

СЕНТЯБРЯ 23 <11>. ПОНЕДЕЛЬНИК. НИКОЛЬСБУРГ, БРНО

Гоголь с М. П. и Е. В. Погодиными и С. Б. Шевыревой проезжает Никольсбург и Брно.

В дорожном дневнике Погодин записал: «23 <сентября (н. ст.)> пили чай в *Никольсбурге*, а обедать приехали в *Брн*, столицу Моравии, не остановясь даже в Райграде... <...>. Взглянули издали на знаменитый Шпильберг и помянули Сильвио Пеллико»[1].

Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 462.

[1] В крепости Шпильберг итальянский поэт и публицист С. Пеллико (1789–1854) провел многие годы и по выходе из заточения опубликовал книгу «Мои темницы» (1832). В 1836 г. А. С. Пушкин в третьем томе «Современника» напечатал заметку «Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико». – См. также ***1845. Октября 25 <13>. Суббота. Рим.***

СЕНТЯБРЯ 24 <12>. ВТОРНИК. ОЛЬМЮЦ

Гоголь с М. П. и Е. В. Погодиными и С. Б. Шевыревой проездом в Ольмюце.

В дорожном дневнике Погодин записал: «24 <сентября (н. ст.) 1839 г.> до света мы были в *Ольмюце*...»[1]

В этот день Гоголь закончил письмо к матери в Полтаву, начатое в Вене в воскресенье 22 сентября (н. ст.) 1839 г.:

«Решено, я еду в Россию на малое время... <...> Но во всяком случае я постараюсь с вами увидеться, и если мое путешествие меня слишком утомит и я не в состоянии буду приехать к вам[2] по первой зимней дороге, то я вас попрошу к себе. Место свидания нашего будет, я думаю, Москва. Туда я думаю привезть и сестер[3]. Я думаю их взять прежде экзамена. Я не хочу, чтобы они дожидались этой кукольной комедии. В них же притом немного есть, чем бы щегольнуть при публике. Оно и лучше. То, что хорошо для мальчиков, то нейдет девушкам. <...> Вы очень заботитесь о том, как ей будет в чужом доме. Об этом не заботьтесь: дом, в котором я бы хотел поместить их, вовсе не чужой, и они должны быть приняты там с таким радушием, как собственные дочери, иначе я бы не поместил их туда. Притом они пробудут, по крайней мере я так думаю, один год или много <два>, чтобы осмотреться хорошенько, видеть и узнать сколько-нибудь людей, чтобы потом не броситься на шею первому встречному и не выйти замуж за кого попало. Почему знать, может быть, Бог будет так милостив, что они найдут себе в Москве выгодную партию. Там же так много людей достойных, и они более независимы и менее заняты службою, отбивающею ото всего охоту. <...> ...Сестре Марии скажите, что если она хочет, чтобы племянник мой[4] был определен в какой-нибудь институт, то пусть заблаговременно запасется всеми нужными свидетельствами: свидетельством о дворянстве ее мужа, свидетельством о его службе, свидетельством о рождении, крещении, оспе и проч. и проч., что водится вообще при определениях в лицей и корпуса».

[1] Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 462.
[2] В Васильевку.
[3] Анну и Елисавету, оканчивавших Патриотический институт в Петербурге.
[4] Н. П. Трушковский.

СЕНТЯБРЯ 25 <13>. СРЕДА. ВЕЧЕР. КРАКОВ

Гоголь с М. П. и Е. В. Погодиными и С. Б. Шевыревой прибыли в Краков.

В дорожном дневнике Погодин записал: «...25 <сентября (н. ст.) 1839 г.> поздно вечером приехали в *Краков*. Мы остановились в огромной, но как будто запустелой, лет 100 не обитаемой гостиннице...»

Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 462.

СЕНТЯБРЯ 26 <14>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВОЗДВИЖЕНИЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ. КРАКОВ

Гоголь, находясь в Кракове по пути в Россию, в письме к матери в Васильевку, помеченном: «Вена. Октября 26»[1], — сообщает, что только еще выезжает из Вены:

«Итак, я выезжаю сегодня в Россию; чрез месяца полтора или два буду в Петербурге, а недели через две после этого — в Москве и там, как только сколько-нибудь устроюсь и буду иметь какой-нибудь приют, напишу вам вместе с приглашением приехать ко мне... <...> Я думаю, в последних числах генваря или феврале я буду иметь удовольствие увидеть вас[2]. <...> ...Не дурно бы было, если бы вы прислали по почте рубашки и белье моим сестрам. Чем скорее, тем лучше. Адресуйте посылку на имя *Погодина в Москву*. На всякий случай приложите и мне рубашки, которые у вас сделаны. Если они не будут так годиться, то я буду их надевать по ночам, что мне необходимо. <...> ...Сестре <Марии> повторите[3], чтобы она похлопотала заблаговременно и хорошенько о бумагах и свидетельствах о службе и о дворянстве своего мужа, если хочет, чтобы сын ее <был> куда-нибудь определен».

В тот же день М. П. Погодин в дорожном дневнике записал:

«...26 <сентября (н. ст.) 1839 г.>... <...> Сходили в крепость, на горе, по берегу Вислы, в роде нашего Кремля, от которого осталось слишком мало следов. Посредине стоит гробница св. Станислава; под собором покоятся останки Костюшки, перевезенные сюда из Золотурна, где он скончался, и Понятовского. Могильный курган первого насыпан недалеко от города, а на другой стороне предание показывает курган баснословной Ванды. <...> На улицах грязь и нечистота. Жиды положили на Кракове печать свою. К ночи оставили Краков...»[4]

[1] Объяснение датировки см. ***1839. Августа 26 <14>. Понедельник. Вена.***
[2] См. ***1840. Апреля начало, не позднее 7 – апреля 27. Суббота. Москва.***
[3] См. ***1839. Сентября 24 <12>. Вторник. Ольмюц.***
[4] Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 462–463.

СЕНТЯБРЯ 28 <16>. СУББОТА. ВАРШАВА

Гоголь с М. П. и Е. В. Погодиными и С. Б. Шевыревой прибыл в Варшаву. В письме к В. А. Жуковскому (в «Зимний дворец») сообщает:

«Я два раза получил письмо от Вьельгорского[1], всякой раз он меня уведомлял, что от вас получал письма и ко мне маленькую приписочку, но что он мне пришлет ее после и что по рассеянности он не помнит куда ее положил. <...> Мои прожекты и старания уладить мой неотъезд в Петербург не удались. Выпуск моих сестер требует непременного и личного моего присутствия. <...> Мне нужно на их окупировку[2], на заплату за музыку учителям во всё время их пребывания там и проч. и пр<оч>. около 5000 рублей и признаюсь, это на меня навело совершенный столбняк. <...> Может быть, каким-нибудь образом государыня, на счет которой они воспитывались, что-нибудь стряхнет на них от благодетельной руки своей[3]. <...> Об участи своей я не забочусь. Мне нужен воздух, да небо, да Рим. <...> ...Если б мне предлагали миллионы и эти миллионы помножили еще на миллионы и потом удесятерили эти миллионы, я бы не взял их, если б это было с условием оставить Рим хотя на полгода. — Но вы меня понимаете, вы знаете его, этот прекрасный рай, вознесшийся на семи холмах, со всеми его чудесами, исполинами-развалинами и теми соснами куполообразными,

теми кипарисами, которые мы рисовали[4] на этом божественном воздухе... О! Я еду за вами и вашим данным вами словом, как вельзевул, которому дана рукописная и рукокровная клятва. Я слежу вас и не выпущу. — Есть одно, которое из Петербурга для меня делает Рим на несколько дней. <...> Это восторг обнять вас. <...> Адресуйте ваше письмо в Москву <...> Погодину... <...> Я проживу у него месяц, затворясь от всех и от всего. Мне нужно окончить мою некоторую работу»[5].

Из дорожного дневника Погодина: «...28 <сентября (н. ст.) 1839 г.> до света приехали в *Варшаву*, где мне нечего было делать[6], как увидеться и переговорить с своими знакомыми, особенно с г. Мацеевским и Линде[7]... <...> Линде дал мне две буквы — два огромные тома своего Сравнительного Словаря в полное распоряжение. Управившись, мы выехали, опять на ночь...»[8]

[1] Граф Мих. Ю. Виельгорский. Письма не сохранились.

[2] Экипировка.

[3] Жуковский в ответном письме к Гоголю в Москву (см. также ***1839. Октября 6. Пятница. 11 часов вечера. Москва***), уверил его, что Императрица пожалует его сестрам при выходе из института по крайней мере по тысяче рублей (подробнее см. ***1839. Ноября 4. Суббота. Санкт-Петербург*** — примечания).

[4] См. ***1839. Января 13 <1>. Воскресенье. Праздник Обрезания Господня. Рим*** (примечания).

[5] Речь идет о драме из эпохи Богдана Хмельницкого (см. ***1839. Сентября 10 <августа 29>. Вторник. Вена***; ***1839. Сентября 27. Среда. Москва***).

[6] Погодин осматривал Варшаву по пути за границу 15–22 января 1839 г. Гоголь осмотрел достопримечательности Варшавы позднее, 7–13 июня (н. ст.) 1840 г. (см. ***1840. Июня 7–13 <мая 26 — июня 1>. Воскресенье-суббота. Варшава***).

[7] Самуил Богумил Линде (1771–1847), польский лексикограф.

[8] Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 462–463.

СЕНТЯБРЯ 17 <29>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВЕЧЕР. БЕЛОСТОК

Гоголь с М. П. и Е. В. Погодиными и С. Б. Шевыревой остановились на ночь в Белостоке.

В дорожном дневнике Погодин записал: «...К вечеру 29 <сентября (н. ст.) 1839 г.> приехали наконец на Русскую границу. — Слава Богу! С какою радостию услышали мы знакомый оклик! Однако ж, несмотря на патриотизм наш, насилу нас пропустили, потому что урочный час приближался. Строгий осмотр продолжался слишком час. Мне было жаль больше всего растревоженных моих Славянских книг! Кое-как мы отделались и приехали ночевать в *Белосток*, где ожидал нас служитель, высланный навстречу из Москвы, без которого ехать по Русским дорогам невозможно».

Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 463.

СЕНТЯБРЯ 18. ПОНЕДЕЛЬНИК. БЕЛОСТОК

Гоголь с М. П. и Е. В. Погодиными и С. Б. Шевыревой проводят день в Белостоке[1].

Из дорожного дневника Погодина: «...30 <18 сентября 1839 г.> на почте я нашел себе казенную подорожную вместе с поручением г. Министра народного просвещения <С. С. Уварова>, и таким образом успокоился насчет окончания своего путешествия»[2].

[1] См. ***1839. Сентября 17 <29>. Воскресенье. Вечер. Белосток.***

[2] Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 463.

СЕНТЯБРЯ 19. ВТОРНИК. ГРОДНО

Гоголь с М. П. и Е. В. Погодиными и С. Б. Шевыревой проездом в Гродно.

В дорожном дневнике Погодин записал: «...1 ноября[1] <октября (н. ст.) 1839 г.>, или по нашему 19 числа октября[2] <сентября>, мы добрались до Гродно, где я свиделся с Московским товарищем, директором гимназии, доктором Ястребцовым[3], и среди постоялого двора, в толпе жидов и ямщиков, потолковал о состоянии Русской Литтературы...»

Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 463.

[1] Ошибка в названии месяца.
[2] В названии месяца ошибка.
[3] Иван Максимович Ястребцов (1797–1869/1870), доктор медицины, философ и педагог.

СЕНТЯБРЯ 21. ЧЕТВЕРГ. ВИЛЬНО

Гоголь с М. П. и Е. В. Погодиными и С. Б. Шевыревой проводят день в Вильно[1].

Из дорожного дневника Погодина: «...21 <сентября 1839 г.> поутру приехали в *Вильну*»[2].
В 1855 г. Погодин сообщал: «...Вильну обозрел при помощи Професс<ора> Лобойки[3]...»[4]

[1] См. также ***1839. Сентября 23. Суббота. Смоленск.***
[2] Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 463.
[3] Иван Николаевич Лобойко (1786–1861), писатель, историк, педагог; в ту пору профессор Виленской медико-хирургической и римско-католической Духовной академий.
[4] <*Погодин М. П.*> Погодин, Михаил Петрович... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855. Ч. 2. С. 261.

СЕНТЯБРЯ 23. СУББОТА. СМОЛЕНСК

Гоголь с М. П. и Е. В. Погодиными и С. Б. Шевыревой рано утром приехали в Смоленск.

В дорожном дневнике Погодин записал: «Поздно вечером <21 сентября 1839 г.>[1] выехали мы из Вильны и без всяких приключений (только карета наша на первой станции была опрокинута в канаву, впрочем благополучно) чрез Оршу, Молодечно <...>, Борисов, пред которым осматривал знаменитую переправу великой армии чрез Березину[2], Минск, 23 <сентября> приехали в Смоленск рано поутру»[3].
В 1855 г. Погодин сообщал: «...Обозрел <...> Смоленск с Г. Коссовичем[4]...»[5]

[1] См. ***1839. Сентября 21. Четверг. Вильно.***
[2] В том же году торжества, с большими маневрами, состоялись на Бородинском поле. На открытии памятника в честь знаменитого сражения 26 августа (7 сентября н. ст.) 1839 г. присутствовал Император Николай I.
[3] Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 463.
[4] Каэтан Андреевич Коссович (1814–1883), востоковед.
[5] <*Погодин М. П.*> Погодин, Михаил Петрович... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855. Ч. 2. С. 261.

СЕНТЯБРЯ НОЧЬ С 23 НА 24. С СУББОТЫ НА ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДОРОГОБУЖ

Гоголь с М. П. и Е. В. Погодиными и С. Б. Шевыревой проехали Дорогобуж.

Из дорожного дневника Погодина: «*Вяз*<ь>*му* проехали мы рано поутру[1], *Дорогобуж*, как и *Гжатск*[2], ночью. В Дорогобуже насмешил меня старик, станционный смотритель, которого мы разбудили, за что он очень рассердился на нас. "Нет лошадей". "Скоро ли будут?" "Скоро". Мы расположились дожидаться, как вдруг служитель наш приходит нам сказать, что лошади есть на дворе. Мы напираем на смотрителя, требуем, чтоб он скорее отпустил нас, и грозим жалобою. "Хоть к самому Суворову ступайте жаловаться — нет лошадей"».

Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 463.

[1] См. ***1839. Сентября 24. Воскресенье. Вязьма.***
[2] См. ***1839. Сентября ночь с 24 на 25. С воскресенья на понедельник. Гжатск.***

СЕНТЯБРЯ 24. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВЯЗЬМА

Гоголь с М. П. и Е. В. Погодиными и С. Б. Шевыревой рано утром проехали Вязьму.

См. ***1839. Сентября ночь с 23 на 24. С субботы на воскресенье. Дорогобуж.***

СЕНТЯБРЯ НОЧЬ С 24 НА 25. С ВОСКРЕСЕНЬЯ НА ПОНЕДЕЛЬНИК. ГЖАТСК

Гоголь с М. П. и Е. В. Погодиными и С. Б. Шевыревой проехали Гжатск.

См. ***1839. Сентября ночь с 23 на 24. С субботы на воскресенье. Дорогобуж.***

СЕНТЯБРЯ 25. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОЖАЙСК

Гоголь с М. П. и Е. В. Погодиными и С. Б. Шевыревой проездом в Можайске.

В дорожном дневнике Погодин записал: «...Самая неприятная история была в Можайске, где холерная моя слава оказала мне услугу и доставила приказание Г. Почтмейстера[1] станционному смотрителю дать нам лошадей немедленно, что плут старался отклонить со всеми уловками Русского ума и досады.

Между тем взглянули мы на новый Собор, и пожалели о старом, назначенном уже к сломке, хоть он и оставался последним памятником древнего Можайского княжения...»

Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 463.

[1] Коллежский асессор Петр Григорьевич Герасимов.

ОКТЯБРЯ 7 <СЕНТЯБРЯ 25>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ГАНАУ

Н. А. Мельгунов отправляет Н. М. Языкову письмо с просьбой уговорить Гоголя к сотрудничеству в журнале «Отечественные Записки»[1]:

«Если увидите Гоголя, скажите ему, что Одоевский и Краевский просят его также прислать статейку для журнала[2]. Что бы, говорят они, прислать ему "Невесту"[3] или отрывок из "Мертвых душ"? Журнал надо бы поддержать, потому что он один борется против смирдинских четырех разбойников[4]. Я пишу о том же и Шевыреву[5], который проводит зиму в Мюнхене и весною едет в Рим за женой»[6].

[1] См. также ***1839. Октября 10. Вторник. Москва.***

[2] Речь идет о журнале «Отечественные Записки», возобновленном А. А. Краевским в 1839 г. Свою литературную карьеру Краевский начинал как сотрудник министра народного просвещения С. С. Уварова и помогал ему в деле осуществления программы образования в духе Православия, Самодержавия, Народности. В то время Краевский был помощником редактора основанного Уваровым «Журнала Министерства Народного Просвещения». В конце 1830-х – начале 1840-х гг. Краевский занял прозападническую позицию. В. А. Жуковский в письме к Гоголю от 1 августа (н. ст.) 1844 г. назвал редактируемые Краевским «Отечественные Записки» «бесовским чтением».

[3] Первоначальный вариант комедии «Женитьба» (другие названия – «Женихи», «Жених», «Провинциальный жених»). О предложении Гоголю редакции «Отечественных Записок» напечатать «новую комедию» упоминал также С. Т. Аксаков в письме к жене и дочери от 5 января 1840 г. и в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (см. ***1840. Января 4. Четверг. Москва***).

[4] Имеются в виду Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин, О. И. Сенковский и Н. А. Полевой, редактировавшие различные издания книгопродавца А. Ф. Смирдина.

[5] Письмо не сохранилось.

[6] Гоголь в письмах Н. А. Мельгунова // *Свод.* Т. 1. С. 760.

СЕНТЯБРЯ 25. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО. ДЕРЕВНЯ АКСИНЬИНО

М. С. Щепкин в Аксиньино на именинах С. Т. Аксакова. Разговаривают о Гоголе.

См. ***1839. Сентября 28. Четверг. Москва, д. Аксиньино, Москва.***

СЕНТЯБРЯ 26. ВТОРНИК. МОСКВА

Гоголь с М. П. и Е. В. Погодиными и С. Б. Шевыревой приехал в Москву и остановился у Погодина.

Из дорожного дневника Погодина: «26 <сентября 1839 г.> поутру остановились мы на Поклонной горе, увидели Ивана Великого, златоглавые церкви, и сердце отдохнуло... Вот направо от леса показался Девичий монастырь, вот и Дорогомиловская Застава... приехали... *Здравствуй, наша матушка Москва!*»[1]

10 октября 1839 г., Погодин сообщал также С. П. Шевыреву: «Мы приехали благополучно в Москву 27 <26> сентября ст. ст., выехав из Флоренции 1-го. Дорогою все шло прекрасно, кроме небольших задержек в любезном Отечестве. Пробыли три дня в Вене, где ожидал нас Гоголь, потом по дню в Кракове, Варшаве, Вильно, Белостоке и Смоленске»[2].

Вероятно, в тот же день, 26 сентября 1839 г., или на следующий день, 27 сентября, А. С. Данилевский, не зная о приезде Гоголя, отправился из Москвы на родину. Спустя четыре месяца, 27 января 1840 г., Данилевский писал Погодину из своего имения Семереньки: «Можете представить себе, как я досадовал на мой отъезд из Москвы именно в тот день, в который Вы туда приехали. И Гоголь с Вами! Сожалению моему нет конца!»[3]

Позднее, в «Авторской исповеди» (1847), Гоголь вспоминал: «Два раза я возвращался потом в Россию[4], один раз[5] даже с тем, чтобы в ней остаться навсегда[6]. Я думал, что теперь особенно, получивши такую страсть узнавать все, я в силах буду узнать многое. Но, странное дело, среди России я почти не увидал России. Все

люди, с которыми я встречался, большею частию любили поговорить о том, что делается в Европе, а не в России. Я узнавал только то, что делается в аглицком клубе, да кое-что из того, что я и сам уже знал. Известно, что всякий из нас окружен своим кругом близких знакомых, из-за которого трудно ему увидать людей посторонних. Во-первых, уже потому, что с близкими обязан быть чаще, а во-вторых, потому, что круг друзей так уже сам по себе приятен, что нужно иметь слишком много самоотверженья, чтобы из него вырваться. Все, с которыми мне случилось познакомиться, наделяли меня уже готовыми выводами, заключениями, а не просто фактами, которых я искал. Я заметил вообще некоторую перемену в мыслях и умах. Всяк глядел на вещи взглядом более философическим, чем когда-либо прежде, во всякой вещи хотел увидать ее глубокий смысл и сильнейшее значение, – движенье, вообще показывающее большой шаг общества вперед. Но, с другой стороны, от этого произошла торопливость делать выводы и заключенья из двух-трех фактов о всем целом и беспрестанная позабывчивость того, что не все вещи и не все стороны соображены и взвешены. Я заметил, что почти у всякого образовывалась в голове своя собственная Россия, и оттого бесконечные споры. Мне нужно было не того, мне нужно было просто таких бесед, как бывали в старину, когда всяк рассказывал только то, что видел, слышал на своем веку, и разговор казался собраньем анекдотов, а не рассужденьем. Это мне нужно было уже и потому, что я и сам начинал невольно заражаться этой торопливостью заключать и выводить, всеобщим поветрием нынешнего времени.

Провинции наши меня еще более изумили. Там даже имя Россия не раздается на устах. Раздавалось, как мне показалось, на устах только то, что было прочитано в новейших романах, переведенных с французского».

[1] Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 463.
[2] Из писем М. П. Погодина // *Свод.* Т. 2. С. 412.
[3] *Свод.* Т. 1. С. 493.
[4] После отъезда за границу в 1836 г. (см. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт***).
[5] См. ***1841. Октября 7 <19>. Вторник. Санкт-Петербург.***
[6] См. ***1841. Марта 17 <5>. Среда. Рим.***

СЕНТЯБРЯ 26[1] – ОКТЯБРЯ 26[2]. МОСКВА

Гоголь живет в Москве в доме М. П. Погодина. Совершает поездку на дачу М. С. Щепкина в с. Волынское[3].

[1] См. ***1839. Сентября 26. Вторник. Москва.***
[2] См. ***1839. Октября 26. Четверг. Москва.***
[3] См. ***1839. Сентября 29. Пятница – октября 1. Воскресенье. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. С. Волынское.***

СЕНТЯБРЯ 27. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь пишет П. А. Плетневу в Петербург:

«Я в Москве[1]. Покамест не сказывайте об этом никому. <...> Я на самое малое время, и <...> чрез полтора или два месяца я на дороге в Рим. К вам моя убедительнейшая просьба узнать, могу ли я взять сестер моих до экзамена и таким образом выиграть время или необходимо они должны ожидать выпуска. Дайте мне ответ ваш и, если можно, скорее. Скоро после него я обниму, может быть, вас лично[2].

Я слышал и горевал о вашей утрате[3]. <...> Знаете ли, что я предчувствовал это. И когда прощался с вами[4], мне что-то смутно говорило, что я увижу вас в другой раз уже вдовцом. Еще одно предчувствие, оно еще не исполнилось, но исполнится, потому что предчувствия мои верны, и я не знаю отчего во мне поселился теперь дар пророчества. Но одного я никак не мог предчувствовать – смерти Пушкина, и я расстался с ним, как будто бы разлучаясь на два дни[5].

Как странно! Боже, как странно. Россия без Пушкина. Я приеду в П<етер>бург и Пушкина нет. Я увижу вас – и Пушкина нет. Зачем вам теперь Петербург? к чему вам теперь ваши милые прежние привычки, ваша прежняя жизнь? Бросьте всё! и едем в Рим. О, если б вы знали, какой там

приют для того, чье сердце испытало утраты. Как наполняются там незаместимые пространства пустоты в нашей жизни! Как близко там к небу. Боже, Боже, Боже! о мой Рим. Прекрасный мой, чудесный Рим. Несчастлив тот, кто на два месяца расстался с тобой и счастлив тот, для которого эти два месяца прошли, и он на возвратном пути к тебе. Клянусь, как ни чудесно ехать в Рим, но возвращаться в него в тысячу раз прекраснее. Ради Бога, узнайте от Жуковского, получил ли он мое письмо из *Варшавы*[6] и какой его ответ».

В тот же день, 27 сентября 1839 г., Гоголя и М. П. Погодина навестил М. С. Щепкин и провел у них целый вечер[7]. Гоголь сообщил Щепкину о готовящейся для его бенефиса (вместо обещанной ранее комедии «Владимир 3-ей степени»[8]), «драме за выбритый ус»[9] (драме из эпохи Богдана Хмельницкого, имевшей близкое сходство с «Тарасом Бульбой»[10]). Возможно, тогда же состоялся разговор с Щепкиным о «Старосветских помещиках»[11].

В ноябре 1852 г. П. А. Кулиш, со слов М. С. Щепкина, записал: «Тарас Бульба. Молчи, у меня есть пьеса с таким лицом, почти готовая. “Болтун! ничего не скажу”»[12].

В 1856 г. Кулиш добавлял: «В первый приезд свой в Москву Гоголь сказал однажды Щепкину: “Ну, М<ихаил> С<еменович>, будет вам славная работа. У меня есть драма за выбритый ус[13] в роде «Тараса Бульбы». Я скоро ее окончу”. М<ихаил> С<еменович> имел неосторожность спросить у Гоголя об этой драме при свидетелях <возможно, при И. И. Срезневском[14] или при Аксаковых>. Гоголь отперся и отвечал, что никогда не говорил ничего подобного; но, выходя из комнаты шепнул г. Щепкину на ухо: “Болтун! ничего больше не скажу”»[15].

В искаженном виде этой случай был пересказан позднее А. Д. Галаховым (1892): «...Вот <...> пассаж, рассказанный мне Щепкиным, нашим гениальным комиком, боготворившим автора “Ревизора”. Гоголь жил у Погодина, занимаясь, как он говорил, вторым томом “Мертвых душ”. Щепкин почти ежедневно отправлялся на беседу с ним (ведь они оба были хохлы). Раз, — говорит он, — прихожу к нему и вижу, что он сидит за письменным столом такой веселый. — “Как ваше здравие? Заметно, что вы в хорошем расположении духа”. — “Ты угадал; поздравь меня: кончил работу”. Щепкин от удовольствия чуть не пустился в пляс и на все лады начал поздравлять автора. Прощаясь, Гоголь спрашивает Щепкина: “Ты где сегодня обедаешь?” — “У Аксаковых”. — “Прекрасно: и я там же”. Когда они сошлись в доме Аксакова, Щепкин, перед обедом, обращаясь к присутствовавшим, говорит: “Поздравьте Николая Васильевича”. — “С чем?” — “Он кончил вторую часть «Мертвых душ»”. Гоголь вдруг вскакивает: “Что за вздор! от кого ты это слышал?” — Щепкин пришел в изумление: “Да от вас самих; сегодня утром вы мне сказали”. — “Что ты, любезный, перекрестись: ты, верно, белены объелся или видел во сне”. <...> ...Спрашивается: чего ради солгал человек? Зачем отперся от своих собственных слов?»[16]

[1] См. ***1839. Сентября 26. Вторник. Москва.***

[2] См. ***1839. Октября 30. Понедельник. Вечер. Санкт-Петербург.***

[3] 21 апреля 1839 г. умерла первая жена Плетнева Степанида Александровна (род. в 1795).

[4] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт.***

[5] См. ***1836. Январь-май. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1839. Сентября 28 <16>. Суббота. Варшава.***

[7] См. ***1839. Сентября 28. Четверг. Москва.***

[8] См. ***1832. Октября 18–23. Вторник-воскресенье.*** Москва; ***1838. Декабря 1 <ноября 19>. Суббота. Рим.***

[9] Замысел «драмы за выбритый ус» (из эпохи Богдана Хмельницкого) восходит к осени 1836 г. (см. ***1836. Ноября 12 <октября 31>. Суббота. Париж***). Непосредственная работа над ней начата в августе (н. ст.) 1839 г. (см. ***1839. Августа 15 <3>. Четверг. Мариенбад***; ***1839. Августа 22–23 <10–11>. Четверг-пятница. Прага***; ***1839. Августа 25 <13>. Воскресенье. Вена***; ***1839. Октября 18 <6>. Пятница. Вена***). По словам Гоголя в письме к С. П. Шевыреву от 10 сентября (н. ст.) 1839 г., он намеревался закончить драму в России до февраля 1840 г. (см. ***1839. Сентября 10 <августа 29>. Вторник. Вена***).

После того, как Гоголь не сумел завершить свою драму из украинской истории после активной работы над ней в Петербурге в ноябре 1839 г. (см. ***1839. Ноября 13. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1839. Ноября 26. Воскресенье. Санкт-Петербург***), писатель к исходу 1839 г. предложил Щепкину для его бенефисов другие драматические произведения, а именно три иностранные пьесы, переводы которых обещал исправить сам (см. ***1832. Июля начало. Москва*** – примечания). Спустя более полутора лет Гоголь окончательно отказался от замысла драмы и около 26 августа (н. ст.) 1841 г. сжег ее после неудачного чтения ее В. А. Жуковскому во Франкфурте (см. ***1841. Августа около 26 <около 14>. Дюссельдорф, Франкфурт***).

[10] Сразу после сожжения драмы в 1841 г. (см. предшеств. примеч.) Гоголь приступает к работе над второй редакцией «Тараса Бульбы», в создании которой активно использует материалы, приготовленные ранее для драмы (см.: *Гоголь 2009*. С. 436–455).

[11] См. ***1832. Июля начало. Москва.***

[12] Воспоминания о Гоголе С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, О. М. Бодянского в записи П. А. Кулиша (из материалов для биографии Гоголя) // *Свод.* Т. 3. С. 36.

[13] За выбритый ус – намеренно употребленный Гоголем в разговоре с Щепкиным украинизм. Значит: из-за выбритого уса. Ср. в воспоминаниях сестры Гоголя Ольги Васильевны, побывавшей в Москве в начале 1840 г.: «...Помню <...> актера Щепкина, который заговорил со мною по-малороссийски...» (см. ***1840. Апреля начало, не позднее 7 – апреля 27. Суббота. Москва***).

[14] См. ***1839. Октября 10. Вторник. Москва.***

[15] Воспоминания М. С. Щепкина о Гоголе в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 3. С. 13.

[16] *Галахов А. Д.* Сороковые годы // *Свод.* Т. 3. С. 302–303.

СЕНТЯБРЯ 28. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА, Д. АКСИНЬИНО, МОСКВА

М. С. Щепкин сообщает С. Т. Аксакову в д. Аксиньино о прибытии Гоголя и М. П. Погодина из-за границы:

«Спешу уведомить вас, что М. П. Погодин приехал, и не один; ожидания наши исполнились, с ним приехал Н. В. Гоголь. Последний просил никому не сказывать, что он здесь; он очень похорошел, хотя сомнение о здоровье у него беспрестанно проглядывает. Я до того обрадовался его приезду, что едва ли не сухо его встретил; совершенно обезумел даже до того, что вчера просидел целый вечер у них и, кажется, путного слова не сказал, такое волнение его приезд во мне произвел, что я нынешнюю ночь почти не спал. Не утерпел, чтобы не известить вас о таком для нас сюрпризе: ибо, помните, мы совсем уже не ожидали его. Прощайте, сегодня, к несчастию, играю и потому не увижу его»[1].

С. Т. Аксаков, получив в деревне письмо Щепкина[2], в тот же день извещал И. Е. Великопольского:

«Сею минуту получил самую неожиданную и радостную весть[3] – спешу Вам, любезнейшей Иван Ермолаевич, может быть, первому виновнику этого события, сообщить ее! Вчера приехал Мих<аил> Петр<ович> Погодин и с ним Гоголь... Крик радости поднялся у меня в доме и даже напугал некоторых. Щепкин прислал уведомить меня»[4].

Через день, 30 сентября 1839 г., К. С. Аксаков сообщал также братьям Григорию и Ивану в Петербург: «Мы в Москве, наконец, и это случилось скорее, нежели мы ожидали, самым нечаянным и приятным образом. В день отесенькиных именин[5] был у нас М. С. Щепкин. Мы разговорились о Гоголе, о его великом таланте и о том, что Бог знает когда придется нам его увидеть и услыхать то, что он написал нового. Михаил Петрович Погодин писал, что он ехать в Россию не хочет. Михаил Семеныч уехал в тот же вечер. Через день получаем мы поутру от него письмо, что М. П. Погодин приехал из чужих краев и... с ним приехал Николай Васильевич Гоголь! Можете себе представить наш восторг и вместе изумление! Я закричал, как давно не кричал, и испустил такой вопль от радо-

сти, что перепугал не на шутку Анну Ивановну[6] и маленьких сестер <Любовь и Марию>. Наконец, решено было мне ехать сейчас в Москву да уж там и остаться. Отесенька непременно хотел приехать с Мишей на другой день[7], а маменька с остальными на третий»[8].

В 1854 г. С. Т. Аксаков замечал: «Щепкин в 1839 <г.>. "Такое волнение его приезд во мне произвел, что я нынешнюю ночь почти не спал". — Константин, прочитавши записку Щепкина прежде всех, поднял от радости такой крик, что всех перепугал, а с Мишенькой[9] сделалось даже дурно»[10].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «В 1839 году Погодин ездил за границу, имея намерение привезти с собою Гоголя. Он ни слова не писал нам о свидании с Гоголем, и хотя мы сначала надеялись, что они воротятся в Москву вместе, но потом уже потеряли эту надежду. Мы жили лето на даче в Аксиньине, в 10 верстах от Москвы. 29-го <28-го> сентября вдруг получаю я следующую записку от Михаила Семеновича Щепкина:

"Почтеннейший Сергей Тимофеевич, спешу уведомить вас, что М. П. Погодин приехал, и не один; ожидания наши исполнились: с ним приехал Н. В. Гоголь. Последний просил никому не сказывать, что он здесь; он очень похорошел, хотя сомнение о здоровье у него беспрестанно проглядывает. Я до того обрадовался его приезду, что совершенно обезумел, даже до того, что едва ли не сухо его встретил; вчера просидел целый вечер у них и, кажется, путного слова не сказал: такое волнение его приезд во мне произвел, что я нынешнюю ночь почти не спал. Не утерпел, чтобы не известить вас о таком для нас сюрпризе: ибо, помнится, мы совсем уже его не ожидали. Прощайте, сегодня, к несчастию, играю и потому не увижу его.

Ваш покорнейший слуга
Михаил Щепкин.

От 28-го сентября 1839 года".

Я помещаю эту записку для того, чтоб показать, что значил приезд Гоголя в Москву для его почитателей. Мы все обрадовались чрезвычайно. Константин, прочитавши записку прежде всех, поднял от радости такой крик, что всех перепугал, а с Машенькой сделалось даже дурно. Он уехал в Москву в тот же день...»[11]

В тот же день, 28 сентября 1839 г., К. С. Аксаков, приехав в Москву из Аксиньино[12], заходит к Погодину, где встречается с Гоголем. Гоголь вспоминает о заграничном письме к нему К. С. Аксакова от октября (н. ст.) 1838 г.[13]

Через день, 30 сентября 1839 г., К. С. Аксаков сообщал братьям Григорию и Ивану в Петербург: «Наконец[14], приехал я к Михаилу Петровичу; вошел в залу, он выходит из дверей. Я бросился обнимать его и в дверях увидел Гоголя. Мы тоже обнялись с ним несколько раз. Он сказал сейчас, что получил от меня письмо[15], но не мог отвечать, потому что получил его слишком поздно и, сверх того, не знал моего адреса.— У них обедал я и вместе с Гоголем, отправлявшимся в гости, вышел от Михаила Петровича»[16].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Константин <...> виделся с Гоголем, который остановился у Погодина в его собственном доме на Девичьем поле. Гоголь встретился с Константином весело и ласково; говорил о письме, которое, очевидно, было для него приятно, и объяснял, почему он не мог приехать в назначенное Константином место, т. е. в Кельн. Причина состояла в том, что он уезжал на то время из Рима, а воротясь, целый месяц не получал писем из России, хотя часто осведомлялся на почте; наконец он решился пересмотреть сам все лежащие там письма и между ними нашел несколько адресованных к нему; в том числе находилось и письмо Константина. Бестолковый почтовый чиновник принимал Гоголя за кого-то другого и потому не отдавал до сих пор ему писем.

Разговаривая очень приятно, Константин сделал Гоголю вопрос, самый естественный, но, конечно, слишком часто повторяемый всеми при встрече с писателем: "Что вы нам привезли, Нико-

лай Васильевич?" — и Гоголь вдруг очень сухо и с неудовольствием отвечал: "Ничего". Подобные вопросы были всегда ему очень неприятны; он особенно любил содержать в секрете то, чем занимался, и терпеть не мог, если хотели его нарушить»[17].

Позднее, в письме к С. Т. Аксакову от 28 декабря (н. ст.) 1840 г., Гоголь говорил о том, что «не понимал вначале», какое значение имел для него тогдашний приезд в Москву и каким «приобретением» стала привязанность к нему Константина Аксакова — «юноши <...> полного сил и всякой благодати»[18].

[1] Из писем М. С. Щепкина // *Свод.* Т. 3. С. 9–10.

[2] См. также ***1839. Октября 1. Воскресенье. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Москва.***

[3] См. ***1839. Сентября 28. Четверг. Москва.***

[4] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 576.

[5] См. ***1839. Сентября 25. Понедельник. День памяти преподобного Сергия Радонежского. Деревня Аксиньино.***

[6] Родионову.

[7] См. ***1839. Сентября 29. Пятница. Москва.***

[8] Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 787. Датировка письма уточнена.

[9] Описка. Следует: «с Машенькой». Мария Сергеевна Аксакова (Марихен) (1831–1906), дочь С. Т. Аксакова.

[10] *Аксаков С. Т.* Из истории Нашего Знакомства с Гоголем <1832–1840 гг.>. <Выписки рукою П. А. Кулиша>. <Конец ноября — начало декабря 1854 г.> // *Свод.* Т. 2. С. 656.

[11] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 670–671.

[12] См. также ***1839. Октября 1. Воскресенье. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Москва.***

[13] См. ***1838 ноября 15 <3> — 1839 июня средина <июня начало>. Рим.***

[14] См. выше начало письма К. С. Аксакова.

[15] Письмо не сохранилось.

[16] Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 787. Датировка письма уточнена.

[17] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 670–671.

[18] См. ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим.***

СЕНТЯБРЯ 29. ПЯТНИЦА. МОСКВА

С. Т. Аксаков с дочерью Верой и сыном Михаилом приезжают из Аксиньино в Москву. По приезде за обедом их навещает, вместе с М. С. Щепкиным, Гоголь, с которым Аксаков обговаривает время совместной поездки в Петербург[1].

На следующий день, 30 сентября 1839 г., К. С. Аксаков сообщал братьям Григорию и Ивану в Петербург: «Гоголь написал много, но это секрет: он не любит, чтоб ему говорили об его сочинениях[2]. Мы все осторожны на этот счет. Он и теперь собирается писать что-то. Гоголь такой человек, которого нельзя не полюбить, узнав его лично. Вчера он обедал у нас и часто смешил нас, сам нисколько не улыбаясь; чудный человек! Насчет сочинений своих он очень скрытен и, верно, написал более, нежели как открылся, и то одному Михаилу Петровичу[3]. Гоголь, Гоголь! Наконец он здесь теперь! Я эту новость сообщил многим и в том числе Николаю Филипповичу и Каролине Карловне[4]. Вообразите, что он был в Испании во время междоусобной войны; в Лиссабоне также[5]. Вот вам радостная весть, милые друзья и братья»[6].

Позднее С. Т. Аксаков в адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» (1854) замечал: «В 39-м году он приехал в Москву вместе с Мих<аилом> Пет<ровичем> Погодиным, в доме которого остановился и постоянно жил до отъезда за границу. Здоровье его поправилось, он был очень весел и шутлив. Тут составились его близкие дружеские связи с людьми, с которыми прежде он не был знаком коротко. Об Мертвых Душах он ни с кем не говорил и на вопросы о них отвечал с неудовольствием, что "у него ничего готового нет". <...>

Я забыл вам сказать, что в 1839-м году Гоголь воротился совсем уже не тем франтиком, каким уехал за границу в 1836-м году[7] и каким изображен на портрете, который я вам дал[8]. Наружность Гоголя так переменилась, что его можно было не узнать: прекрасные белокурые густые волосы лежали у него почти по плечам, красивые усы, эспаньолка довершали перемену; черты лица получили совсем другое значение; когда он говорил, в глазах выражалась доброта, веселость и, так сказать, благорасположенность ко всем[9]; когда же он задумывался, то сейчас изображалось в них серьезное устремление к чему-то высокому. Сюртук в роде пальто заменил фрак, который Гоголь надевал только в крайности: вся фигура его в сюртуке сделалась благообразнее»[10].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «...Я с семейством[11] переехал <в Москву> 1-го октября <29-го сентября>. <...> [Не помню, видался ли я с Гоголем в первый день] На другой день <в тот же день> моего переезда в Москву, 2-го октября <29-го сентября>, Гоголь приехал к нам обедать вместе с Щепкиным, когда мы уже сидели за столом, совсем его не ожидая. С искренними, радостными восклицаниями встретили его все, и он сам казался воротившимся к близким и давнишним друзьям, а не просто к знакомым, которые виделись несколько раз и то на короткое время. Я был восхищен до глубины сердца и в то же время удивлен. Казалось, как бы могло пятилетнее отсутствие, без письменных сношений, так сблизить нас с Гоголем? По чувствам нашим мы, конечно, имели полное право на его дружбу, и, без сомнения, Погодин, знавший нас очень коротко, передал ему подробно обо всем, и Гоголь почувствовал, что мы точно его настоящие друзья.

Наружность Гоголя так переменилась, что его можно было не узнать: следов не было прежнего, гладко выбритого и обстриженного (кроме хохла) франтика в модном фраке! Прекрасные белокурые густые волосы лежали у него почти по плечам; красивые усы, эспаньолка довершали перемену; [все выражение лица получило] все черты лица получили совсем другое значение; особенно в глазах, когда он говорил, выражались доброта, [мыслящий ум и постоянное устремление к чему-то высокому] веселость и любовь ко всем; когда же он молчал или задумывался, то сейчас изображалось в них серьезное устремление к чему-то высокому. Сертук вроде пальто заменил фрак, который Гоголь надевал только в совершенной крайности. Самая фигура Гоголя в сюртуке сделалась благообразнее. Шутки Гоголя, которых передать нет никакой возможности, были так оригинальны и забавны, что неудержимый смех одолевал всех, кто его слушал, сам же он всегда шутил, не улыбаясь.

С этого собственно времени началась наша тесная дружба, вдруг [возникшая] развившаяся между нами. Гоголь бывал у нас почти каждый день и очень часто обедал. Зная, как он не любит, чтоб говорили с ним об его сочинениях, мы никогда об них не поминали[12], хотя слух о "Мертвых душах" обежал уже всю Россию и возбудил общее внимание и любопытство. Не помню, кто-то писал из чужих краев, что, выслушав перед отъездом из Рима первую главу "Мертв<ых> Душ", он хохотал до самого Парижа. Другие были не так деликатны, как мы, и приступали к Гоголю с вопросами, но получали самые неудовлетворительные и даже неприятные ответы.

Гоголь сказал нам, что ему надобно скоро ехать в Петербург, чтоб взять сестер своих[13] из Патриотического института, где они воспитывались на казенном содержании. Мать Гоголя должна была весною приехать за дочерьми в Москву. Я сам вместе с Верой сбирался ехать в Петербург, чтоб отвезть моего Мишу[14] в Пажеский корпус, где он был давно кандидатом. Я сейчас предложил Гоголю ехать вместе, и он очень был тому рад»[15].

В заметках о Гоголе 1861–1864 гг. В. С. Аксакова также сообщала: «1839 года 29 <28> сентября[16] на даче в Аксиньине мы получили записку от Щепкина с извещением, что приехал Гоголь. Радость была общая, Константин уехал в тот же день в Москву, а мы переехали на другой день <29 сентября>[17] совсем. Кажется, 1-го октября <29-го сентября> во время нашего обеда взошел в залу Щепкин и с ним кто-то, небольшого роста человек с длинными белокурыми волосами, усами и эспаньелкой — то был Гоголь. — С этого дня началось наше короткое знакомство с ним...»[18]

[1] См. ***1839. Сентября 29. Пятница. Д. Аксиньино.***

[2] См. ***1839. Сентября 28. Четверг. Москва, д. Аксиньино. Москва.***

[3] Погодину (см. ***1839. Сентября 28. Четверг. Москва, д. Аксиньино, Москва***).

[4] Каролина Карловна Павлова (1810–1893), поэтесса, жена Н. Ф. Павлова.
[5] См. ***1837. Июня 28 – июля не позднее 15 <июня 16 – июля не позднее 3>. Турин, Марсель, Барселона, Мадрид, Лиссабон, Турин, Баден-Баден.***
[6] Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 787. – Датировка письма уточнена.
[7] Перед отъездом Гоголя из Петербурга за границу 6 июня 1836 г. (см. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт***) Аксаков видел Гоголя во время его проезда через Москву в августе 1835 г. (см. ***1835. Августа около 27–28. Москва***).
[8] В «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (1856) Кулиша вместо: «на портрете, который я вам дал», – «на портрете, рисованном Венециановым». – См. ***1833. Декабря 21. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1834. Май-декабрь. Санкт-Петербург. В течение указанного периода.***
[9] «Эти слова напомнили мне, что на одной из рукописей Гоголя, найденных в чемодане за границею <см. ***1840. Января 13–14. Суббота-воскресенье. Санкт-Петербург***>, написано его рукою в разных местах: "Благорасположение. Благодарность всем и всему за все. Благодарность всем и всему за все". Рукопись относится еще ко времени петербургской его жизни. В первой книге черновых сочинений также написано, на листе, предшествующем повести "Ночь перед Рождеством": "благорасполож<ение>". *Н. М.*» (примеч. П. А. Кулиша в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (1856). К началу 1840-х гг. относится религиозно-нравственное сочинение Гоголя <О благодарности> (см. ***1842 октября 4 <сентября 22> – 1843 мая 2 <апреля 20>. Рим*** – примечания).
[10] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 636, 637.
[11] С дочерью Верой и сыном Михаилом.
[12] 14 октября 1839 г. Гоголь прочел у Аксаковых первую главу «Мертвых душ», а также драматический отрывок «Тяжба» (см. ***1839. Октября 14. Суббота. Москва***).
[13] Анну и Елисавету.
[14] Михаил Сергеевич Аксаков (1824–1841), младший сын С. Т. и О. Сем. Аксаковых.
[15] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 671–672.
[16] См. ***1839. Сентября 28. Четверг. Москва, д. Аксиньино, Москва.***
[17] О. Сем. Аксакова с остальными дочерьми переехала из Аксиньино в Москву, по-видимому, 30 сентября 1839 г. (ср. ***1839. Сентября 29. Пятница. Д. Аксиньино***).
[18] Список с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 898.

СЕНТЯБРЯ 29. ПЯТНИЦА. Д. АКСИНЬИНО

О. Сем. Аксакова отвечает[1] мужу С. Т. Аксакову:

«Что же вы не скажете правды Гоголю, что не можете ехать[2] тогда, как он думает?»[3]

[1] См. ***1839. Сентября 29. Пятница. Москва.***
[2] Речь идет о поездке в Петербург.
[3] Из писем О. Сем. Аксаковой (рожденной Заплатиной) // *Свод.* Т. 2. С. 778.

СЕНТЯБРЯ 29. ПЯТНИЦА – ОКТЯБРЯ 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. С. ВОЛЫНСКОЕ

Гоголь гостит у М. С. Щепкина на подмосковной даче.

В 1900 г. внук Щепкина М. А. Щепкин, со слов своего отца А. М. Щепкина, сообщал: «Однажды приехал Гоголь к Михаилу Семеновичу на дачу. Щепкин жил с семьей в то время на даче под Москвой, в Волынском. Гоголь выразил ему свою радость, что застал его на даче[1], говорил, что думает пожить у него, отдохнуть и немного поработать, обещался кое-что прочесть из "Мертвых Душ". М<ихаил> С<еменович> был вне себя от восторга, всем об этом передавал на ухо, как секрет. Но не успел Гоголь прожить трех дней, как приехал в гости к Михаилу Семеновичу Панаев[2], начинающий молодой литератор, которого отец мой характеризовал как человека зорко-

го, пронырливого и вообще несимпатичного. Когда сошлись все к вечернему чаю, Гоголь вошел с М<ихаилом> С<еменовичем> в столовую под руку, о чем-то тихо разговаривая, но по всему видно было, что разговор этот для Михаила Семеновича был крайне интересен. Лицо Щепкина сияло радостью. Гоголь же, наклонясь к нему, со свойственною ему улыбкой на губах продолжал что-то ему тихо передавать. Подойдя к столу, Гоголь быстро окинул всех взглядом и, заметя новое лицо, нервно взял чашку с чаем и сел в дальний угол столовой и весь как будто съежился. Лицо его приняло угрюмое и злое выражение, и во все время чаепития просидел он молча, а за ужином объявил, что рано утром на другой день ему надо ехать в Москву по делам. Так и не состоялось чтение его новых произведений, о чем сердечно горевал Михаил Семенович и все остальные члены семьи. После того Н. В. Гоголь заезжал к Щепкину еще несколько раз, но отец мой говорил, что таким веселым, каким он видел его на даче, он уже ни разу не видел Гоголя. Если Гоголь бывал, то как-то подозрительно оглядывал всех присутствующих[3] и вообще уж был не прежний Гоголь. Иной раз Михаил Семенович расшевелит его каким-нибудь своим рассказом, Гоголь слегка улыбнется, но сейчас же опять нахмурится и весь как бы уйдет в себя»[4].

И. И. Панаев вспоминал (1860): «Наружность Гоголя не произвела на меня приятного впечатления. С первого взгляда на него меня всего более поразил его нос, сухощавый, длинный и острый, как клюв хищной птицы. Он был одет с претензиею на щегольство, волосы были завиты и кок напереди поднят довольно высоко, в форме букли, как носили тогда. Вглядываясь в него, я все разочаровывался более и более, потому что заранее составил себе идеал автора "Миргорода", и Гоголь нисколько не подходил к этому идеалу. Мне даже не понравились глаза его — небольшие, проницательные и умные, но как-то хитро и неприветливо смотревшие»[5].

Из «Литературных воспоминаний» Панаева (1860–1861): «В июне месяце <1839 г.> Щепкин с семейством переехал на дачу близ Химок (первая станция от Москвы), и мы отправились к нему с Белинским[6] и Кетчером[7]. <...> Перед нами на холму был старый деревянный довольно большой помещичий дом, с прудом напереди и с густым садом назади, из-за которого поднималась зеленая глава церкви. Пруд был в цвету. Поверхность его была покрыта круглыми листами, дорожки сада заросли, сад, разросшийся на свободе, начинал глохнуть... Место, действительно, было прекрасное. За садом гладкое необозримое поле, засеянное хлебом... Когда мы свернули с большой дороги и спустились в овраг, кругом густо заросший деревьями, на нас так и пахнуло свежестию и запахом деревни. Поднимаясь на горку, мы увидели маленькую, круглую фигурку Щепкина, в летнем костюме и в соломенной шляпе с большими полями. <...> Многочисленное семейство его едва помещалось в этом помещичьем деревенском доме. Кроме четырех его сыновей[8], из которых старший, Дмитрий, был уже на службе, а двое (Николай и Петр) студентами университета, — у него жили два молодых человека Барсовы[9], сироты, дети его сценического приятеля[10], и две пожилые девицы — сестры его[11], так же маленькие и толстенькие, как он, с мужскими манерами, не выпускавшие изо рту чубуков и немилосердно истреблявшие жуков табак... Старшая дочь Щепкина[12], болезненная и слабая, почти не выходила из своей комнаты; вторая[13], имевшая южный тип своей матери[14] (женщины очень кроткой и симпатичной), уже дебютировала с успехом на московской и на разных провинциальных сценах... Она незадолго перед этим ездила с отцом в Казань, где произвела большой эффект... У нее в это время было множество поклонников и, между прочим, один из самых юных приятелей Белинского, принадлежавший к его кружку. Незадолго до этого, кажется, и сам Белинский был не совсем равнодушен к ней. Меньшая дочь Щепкина[15] была еще ребенком.

В комнатах был порядочный хаос, точно как будто семейство перебралось сюда накануне. В большой комнате в середине дома, из которой был выход через балкон в сад, был накрыт длинный стол... В этой же комнате лежал на полу огромный пуховик, на котором сидела одна из сестер Щепкина с длинным чубуком во рту. <...>

До обеда хозяин дома, его сыновья и Катков отправились купаться на пруд. Мы смотрели на них с берега. Щепкин-отец, великий мастер плавать, представлял нам разные фокусы на воде и между прочими остров: он весь скрывался в воде, обнаруживая только один круглый и полный живот свой[16].

За обедом Щепкин, с свойственным ему мастерством, рассказывал нам разные анекдоты и случаи из своей жизни, между прочим и Сороку-Воровку, которую впоследствии, со слов его, так хорошо изложил Искандер. <...>

В это время Щепкин был в полном расцвете своего таланта. Он производил тогда фурор в роли «городничего»... Влияние его на молодых людей, вступавших на сцену, было велико и благодетельно: он внушал им серьезную любовь к искусству и своими советами и замечаниями о игре их много способствовал их развитию. Щепкина ценили и любили все литераторы, и все были близки с ним. Шевырев отзывался об нем и его таланте с таким же энтузиазмом, как и Белинский... Блестящие рассказы Щепкина, исполненные малороссийского юмора, его наружное добродушие, вкрадчивость и мягкость в обращении со всеми, его пламенная любовь к

искусству, о которой он твердил всем беспрестанно; толки о его семейных добродетелях, о том, что он, несмотря на свои незначительные средства и огромное семейство, содержит еще на свой счет сирот — детей своего товарища, и т. д., — все это, независимо от его таланта, делало для тогдашней молодежи Щепкина лицом в высшей степени интересным и симпатичным... Темные слухи, робко выходившие откуда-то, о том, что Щепкин будто бы интриган и человек, умеющий ловко и льстиво подделываться к начальству и к сильным мира сего, были с негодованием заглушаемы... Для меня Щепкин казался идеалом артиста и человека. Я даже чувствовал к нему вроде сыновней нежности.

После "Ревизора" любовь Щепкина к Гоголю превратилась в благоговейное чувство. Когда он говорил об нем или читал отрывки из его писем к нему, лицо его сияло и на глазах показывались слезы — предвестники тех старческих слез от расслабления глазных нерв, которые льются у него теперь так обильно, кстати и некстати. Он передавал каждое самое простое и незамечательное слово Гоголя с несказанным умилением и, улыбаясь сквозь слезы, восклицал: "Каков! каков!" И в эти минуты голос и щеки его дрожали...

<...> Перед отъездом нашим Михайло Семеныч объявил мне, что он на днях будет обедать у Сергея Тимофеича[17] с Гоголем (который только что приехал в Москву[18]), и с таинственным тоном прибавил умиленным и дрожавшим голосом:

— Ведь он, кажется, намерен прочесть там что-то новенькое!..»[19]

В 1881 г. князь А. И. Урусов, со слов А. А. Краевского, сообщал: «Щепкин играл по указаниям Гоголя и тип городничего выходил у него необыкновенно цельным. <...> Г. Нильский играет городничего старательно... Но <...> в 1-м действии знаменитая фраза о "крысах" у него совсем пропала. <...> А Щепкин в этом месте широко разводил руками, так что крысы-то, как видно, были длиною чуть не в аршин — неестественной величины! — а в глазах у него был страх — и в небольшой паузе точно воскресал этот кошмар, которому письмо Чмыхова вдруг принесло такое подтверждение...»[20]

[1] По-видимому, на дачу в Волынское Гоголь приехал вместе с Щепкиным (см. ***1839. Сентября 29. Пятница. Москва***).

[2] Иван Иванович Панаев (1812–1862), писатель и критик, племянник В. И. Панаева, друг В. Г. Белинского. До 1845 г. состоял при редакции «Журнала Министерства Народного Просвещения» и одновременно принимал активное участие в «Отечественных Записках». С 1847 г. издавал вместе Н. А. Некрасовым журнал «Современник».

[3] Вероятно, возникшая подозрительность Гоголя была связана с тем, что в доме земляка М. С. Щепкина он нередко встречал людей, радикальные взгляды которых по отношению к традиционной культуре России писатель не разделял. В частности, это прямо касается И. И. Панаева, встреченного Гоголем в один из первых визитов к Щепкину, после чего Гоголь и стал настороженно относиться к гостям Щепкина. Князь А. И. Урусов, в частности, писал: «Все, что было лучшего в мыслящей России, не миновало общества и знакомства М. С. Щепкина. Пушкин питал к нему дружеское расположение. Рукою великого поэта написаны первые строки "записок актера Щепкина", которые он тогда же начал, по настойчивым убеждениям Пушкина <см. ***1836. Мая 17. Воскресенье. День Святой Троицы. Москва***>. С Лермонтовым Михаил Семенович сблизился во время недолгого пребывания его в Москве, перед смертью. Дружба Щепкина и Гоголя известна всем, кто читал письма последнего. Белинский, Кудрявцев, Грановский были в доме Щепкина своими людьми. За тем же столом сиживали Герцен, Огарев и Бакунин. Горячее чувство связывало покойного с Шевченкой. Словом, от Пушкина до Тургенева, в его гостинной сходились люди самых противоположных направлений...» (<*Урусов А. И., князь*>. Русская сцена. Кончина Щепкина // Библиотека для Чтения. 1863. Июль. С. 120; *Свод*. Т. 3. С. 33).

[4] *Щепкин М. А.* Воспоминания о М. С. Щепкине // *Свод*. Т. 3. С. 32

[5] *Панаев И. И.* Литературные воспоминания // *Свод*. Т. 3. С. 280.

[6] Позднее И. И. Панаев уехал в Казань, а Белинский в его отсутствие приезжал на несколько дней на дачу к Щепкину еще раз. В субботу 19 августа 1839 г. он сообщал А. А. Краевскому из Москвы: «Теперь я еду на дачу к Щепкиным... <...> Приеду я <в Петербург> с Панаевым (от которого недавно получил из Казани письмо — обещается быть в Москву к концу сентября, пробудет в Москве еще с месяц, а там *мы* и к Вам)» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 246). К четвергу 24 августа 1839 г. он уже вернулся в Москву (Там же. С. 251).

[7] Николай Христофорович Кетчер (1809–1886), писатель-переводчик, врач.

[8] Дмитрий Михайлович (1817–1857), Николай Михайлович (1820–1886), Петр Михайлович (1821–1877), Александр Михайлович (1828–1885).

[9] Павел Петрович Барсов (1819–1881), впоследствии юрист, муж Ф. М. Щепкиной, и Константин Петрович Барсов (1821–1888), впоследствии артиллерийский офицер, затем нотариус.

[10] Петр Егорович Барсов (ум. в 1823), провинциальный актер, один из содержателей театра в Курске.

[11] Анна (1794–1844) и Евдокия Семеновны Щепкины.

[12] Фекла (Фаина) Михайловна Щепкина (в замужестве Барсова; 1814–1852), актриса (Щепкина 1-я).

[13] Александра Михайловна Щепкина (1816–1841), актриса (Щепкина 2-я).

[14] Елена Дмитриевна Щепкина (до замужества Чаликова; 1789–1859) была родом турчанка, которую вырастил как дочь генерал-майор А. С. Чаликов (1754–1821).

[15] Вера Михайловна Щепкина (1830–1896).

[16] См. также ***1832. Июля начало. Москва*** (примечания).

[17] Аксакова.

[18] Гоголь приехал в Москву 26 сентября 1839 г. (*см.* ***1839. Сентября 26. Вторник. Москва***).

[19] *Панаев И. И.* Литературные воспоминания // Современник. 1861. № 9. С. 25–34; *Панаев И. И.* Литературные воспоминания // *Свод.* Т. 3. С. 281.

[20] *Урусов А. И., князь.* Театр. Заметки и наблюдения // *Свод.* Т. 1. С. 806. – См. также ***1832. Июля начало. Москва***; ***1839. Октября 17. Вторник. Москва.***

ОКТЯБРЯ 2. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь обедает у Аксаковых. На обеде, вероятно, присутствовали И. И. Панаев с женой.

На следующий день, 3 октября 1839 г., В. С. Аксакова сообщала в Петербург братьям Григорию и Ивану: «Вчера Гоголь обедал у нас, он очень забавен»[1].

Жена И. И. Панаева (с 1839 г.) Авдотья Яковлевна (дочь петербургского актера Я. Г. Брянского (Григорьева), во втором браке (с 1865 г.) Головачева), в 1889 г. вспоминала: «Собственный дом Аксаковых, кажется, был на Арбатской площади. Я помню хорошо, что против их дома стояли большие весы и валялись клоки сена на площади.

В зале нас[2] встретили старики Аксаковы и были очень приветливы ко мне. Пришла Вера Сергеевна[3] и сказала отцу и матери:

– Идите к гостю в кабинет, а мы пойдем в сад.

Сад для города был очень большой, и в нем было множество белых махровых роз.

Мы уселись в беседке и заговорили о сочинениях Гоголя.

Вера Сергеевна благоговела перед его талантом и сказала мне:

– К нам неожиданно сегодня приехал обедать Гоголь; вот вы увидите самого автора.

Нас позвали обедать. Вера Сергеевна, идя в комнаты, сказала:

– Я вас должна предупредить, чтобы вы не удивились, если вам не представят Гоголя. Он не любит теперь никаких новых знакомств, особенно с дамами. Он такой стал болезненный, нервный, не может выносить даже за столом шума, так что меньшие мои братья и сестры[4] сегодня обедают отдельно.

Я была очень довольна, что избавлюсь от представления мне Гоголя. Я очень конфузилась в такие минуты. Мы вошли в столовую одновременно, как в нее входил Гоголь с хозяином дома и Панаевым. Хозяйка дома усадила меня возле себя, а по другую сторону посадила Гоголя; ему было поставлено вольтеровское кресло. На противоположной стороне сидел хозяин дома с сыном[5] и Панаевым. Трудно было иметь более сходства, какое я нашла у Аксакова-сына с отцом. Подростки-сыновья сидели между Панаевым и Гоголем, а возле меня Вера Сергеевна и ее сестра лет 14[6].

У прибора Гоголя стоял особенный граненый большой стакан и в графине красное вино. Ему подали особенный пирог, жаркое тоже он ел другое, нежели все. Хозяйка дома потчевала его то тем, то другим, но он ел мало, отвечал на ее вопросы каким-то капризным тоном. Гоголь все время сидел сгорбившись, молчал, мрачно поглядывая на всех, изредка на его губах мелькала саркастическая улыбка, когда о чем-то горячо стали спорить Панаев с младшим Аксаковым.

Когда встали из-за стола, Гоголь сейчас же удалился опять в кабинет отдыхать после обеда. А мы все уселись на большой террасе пить кофе. Хозяйка дома отдала приказание прислуге, чтобы не шумели, убирая со стола.

Вера Сергеевна пригласила меня пойти посмотреть, как дети на лужайке играют в серсо[7]. Я пошла с ней; она меня спросила, какое на меня произвел впечатление Гоголь. Я с наивной откровен-

ностью ответила, что он, должно быть, очень сердитый и капризный. Она стала разуверять меня, что он от болезни сделался такой молчаливый и раздражительный и что сегодня он был особенно не в духе»[8].

[1] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 803. – О посещении Гоголем семьи Аксаковых сообщается также в неизданном письме жены С. Т. Аксакова Ольги Семеновны (1792–1878) к сыновьям от 4 октября 1839 г. (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 564).
[2] Рассказчицу и ее мужа И. И. Панаева.
[3] Старшая дочь Аксаковых.
[4] Имеются в виду Михаил, Ольга, Любовь и Мария Аксаковы.
[5] К. С. Аксаковым.
[6] Вероятно, Н. С. Аксакова.
[7] Серсо (serceau – обруч; *фр.*) – игра в обруч, который подкидывается и ловится палочкой.
[8] Воспоминания А. Я. Головачевой // *Свод.* Т. 3. С. 288–289.

ОКТЯБРЯ 6. ПЯТНИЦА. 11 ЧАСОВ ВЕЧЕРА. МОСКВА

Поздно вечером в Москву приезжает В. А. Жуковский.

Из дневника Жуковского: «*6 <октября>, пятница.* Приезд в Москву в 11-ть часов вечера».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 41.

ОКТЯБРЯ 6. ПЯТНИЦА. 11 ЧАСОВ ВЕЧЕРА. МОСКВА

Поздно вечером в Москву приезжает В. А. Жуковский.

Из дневника Жуковского: «*6 <октября>, пятница.* Приезд в Москву в 11-ть часов вечера».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 41.

ОКТЯБРЯ 18 <6>. ПЯТНИЦА. ВЕНА

О. М. Бодянский сообщает М. П. Погодину в Москву:

«Третьего дня получил письмо от Шафарика... <...> ...Он пишет, что Ник<олай> Вас<ильевич> Гоголь взял у него Малоросс<ийские> и Польские песни, изданные В<аццлавом> из Олеска[1], обещаясь послать назад ему из Вены[2], но он доныне не получал этой книги. Если он ее не получит, то очень трудно будет достать другой экз<емпляр>, потому что в Галиции оно теперь крайне редко».

Из писем О. М. Бодянского к М. П. Погодину // *Свод.* Т. 3. С. 221.

[1] См. ***1839. Августа 22–23 <10–11>. Четверг-пятница. Прага.***
[2] См. ***1839. Августа 24 <12>. Суббота. Вена.***

ОКТЯБРЯ МЕЖДУ 3 И 7. МОСКВА

И. И. Срезневский, прибывший, проездом в славянские земли, в Москву, знакомится, – вероятно, у М. П. Погодина – с Гоголем.

См. ***1839. Октября 7. Суббота. Москва.***

ОКТЯБРЯ 7. СУББОТА. МОСКВА

Гоголь обедает у только что прибывшего в Москву В. А. Жуковского[1].

Из дневника Жуковского: «*7 <октября>, суббота.* У нас Тургенев, бар<он> Черкасов[2], Павлов. Обедал Гоголь. Шарады из Гоголя. Шереметева»[3].

Возможно, в этот день, во время обеда у Жуковского, Гоголь познакомился с Надеждой Николаевной Шереметевой (рожд. Тютчевой, 1775 – 11 мая 1850), теткой Ф. И. Тютчева, тещей декабриста И. Д. Якушкина. По-видимому, уже в этот день Гоголь говорил с Шереметевой о своем «желании отправиться в Иерусалим»[4].

Позднее, в 1903 г., одна из родственниц Шереметевой, Е. Н. Бастамова (рожд. Алмазова, 1824 – после 1903), вспоминала: «Познакомилась же Шереметьева с Гоголем очень оригинальным образом. Была она раз на одном парадном обеде, на котором присутствовал и Гоголь. Старушка Шереметьева была большая оригиналка. У нее были стриженые волосы и она ходила в чепце. После обеда она сняла свой чепец и повесила пред собою на палку, бывшую у нее в руках. Увидев это, Гоголь рассмеялся и попросил познакомить с нею. Гоголя представили ей; он развалился, почти разлегся около нее на диване. "Батюшка, я вижу, что ты – большая знаменитость, но можешь вести себя все-таки по-приличнее", – сказала она Гоголю. Это смутило, даже ошеломило Гоголя. Он начал с нею разговор, и они после этого разговорились и долго мирно беседовали. С этих пор Гоголь и стал бывать у Шереметьевой[5] и между ними даже завязалась переписка[6]»[7].

П. А. Кулиш свидетельствовал: «...Известно, что Гоголь участвовал денежными пожертвованиями в христианских попечениях покойной Ш<ереметевой> о бедных и нуждающихся. В письмах его к ней об этом не упоминается, но я слыхал от людей, достойных веры, что он не раз вверял в ее распоряжение деньги, откладываемые им для помощи бедным»[8].

Вечером того же дня, 7 октября 1839 г., И. И. Срезневский был у М. П. Погодина в ожидании Гоголя, однако уехал, не дождавшись его.

Срезневский в письме к матери, начатом 7 октября 1839 г. и отправленном 8 октября, Срезневский писал: «Окт<ября> 7-е. Вот уже скоро неделя, как я в Москве, и скоро 4 дни, как я не писал к вам... <...> Покамест самое важное – знакомства. Я познакомился с Каченовским[9], Снегиревым, Строевым[10], Раичем[11], Вельтманом[12], Погодиным, Гоголем[13]. <...> Погодин <...> только что воротился из-за границы, был в Германии, Англии, Франции, Италии, – и воротился вместе с Гоголем. Вот почему я имел случай увидеться и с этим русским испанцем[14]. Очень молодой человек, хорошенький собою, умненький, любящий все славянское, все малороссийское, но с первого вида мало обещающий. Сегодня вечером они заедут ко мне, и потом поедем к ним. <...>

8-ое октября. <...> ...Вот как провел я вчерашний день: <...> От Черткова, в 6 часов, я поехал к Погодину, и провел с ним вечер, рассматривая редкости. Много очень важного. Гоголя не было дома. Погодин удерживал меня с часу на час, говоря, что Гоголь будет его бранить, если он отпустит меня, и будет жалковать. До 9 часов он не приехал, и я отправился домой...»[15]

[1] См. ***1839. Октября 6. Пятница. Москва.***

[2] Петр Иванович Черкасов (1796–1867), барон.

[3] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 41.

[4] См. ***1845. Марта 20 <апреля 1>. Вторник. Москва.***

[5] Сближение Гоголя с Шереметевой произошло позже, в апреле 1840 г., когда Гоголь хлопотал об устройстве в Москве сестры Елисаветы Васильевны (см. ***1840. Апреля не позднее 26. Москва***).

[6] Переписка Гоголя с Н. Н. Шереметевой относится к 1842–1850 гг.

[7] *Бастамова (рожденная Алмазова) Е. Н.* Из личных воспоминаний о Н. В. Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 718.

[8] *Кулиш 1856.* Т. 1. С. 279–280; *Свод.* Т. 3. С. 542.

[9] Михаил Трофимович Каченовский (1775–1842), журналист, историк, профессор Московского университета.

[10] Павел Михайлович Строев (1796–1876), археограф.

[11] Семен Егорович Раич (настоящая фамилия Амфитеатров, 1792–1855), родной брат святителя Филарета, митрополита Киевского, поэт, переводчик, журналист и педагог.

[12] Александр Фомич Вельтман (1800–1870), писатель, археолог.

[13] См. ***1839. Октября между 3 и 7. Москва.***

[14] ***1837. Июня 28 – июля не позднее 15 <июня 16 – июля не позднее 3>. Турин, Марсель, Барселона, Мадрид, Лиссабон, Турин, Баден-Баден.***

[15] Путевые письма Измаила Ивановича Срезневскаго из славянских земель. 1839–1842. СПб., 1895. С. 14–16; см. также: Гоголь в письмах И. И. Срезневского // *Свод.* Т. 2. С. 138.

ОКТЯБРЯ 8. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

И. И. Срезневский встречается с только что приехавшим в Москву В. В. Пассеком[1].

См.: Путевые письма Измаила Ивановича Срезневскаго из славянских земель. 1839–1842. СПб., 1895. С. 17. – См. также ***1839. Октября первая половина. Москва.***

[1] Вадим Васильевич Пассек (1808–1842), этнограф.

ОКТЯБРЯ 20 <8>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДАХАУ

С. П. Шевырев пишет ответное[1] письмо М. П. Погодину в Москву[2], которое сопровождает припиской к Гоголю:

«Благодарю тебя, любезный друг, за ободрительное слово. Твои три облатки свели с ума всех жителей Дахау. Письмо в триумфе несено было от почты до моего дома при великом стечении народа. Briefsammler с ума сошел, а жаль мне его: аккуратен был в доставке писем. – Дант мой уснул, яви<вш>ись на Моск<овской> сцене еще раз».

В письме к Погодину Шевырев сетует на его скороспелое решение издавать журнал (вероятно, «Прибавления к Московским Ведомостям»[3]).

«С тобой не сладишь. Ты был, есть и будешь упрям. Порть дело – издавай! Ты это делаешь, чтобы поправить финансы, но я уверен заранее, что расстроишь их более. Погоди<н> и Шевы<рев> – легион сотрудников, капитал труда! Шевырев в Мюнхене не может заниматься критикой Русской Литературы, Шевырев в Мюнхене не может тратить время на переписывание статей, Шевырев с будущего февраля будет в разъездах до конца июня. Ш<евырев> в Университете, по приезде[4], будет читать новые курсы, и откроет непременно курс Истории искусства. – Погодин, пока будет жить на Дев<ичьем> поле и всякое время принимать к себе гостей, которые сидят до глубокой ночи, журнал издавать физически не может. – Но делай как хочешь. Моего имени, разумеется, ты не выставишь на издании, как издателя, а сотрудником твоим я, без сомнения, не могу быть. Все, что у меня напишется, понесу к тебе. Условия мои с тобою такие же, как с Моск<овскими> Ведомостя<ми> и с Журналом Министерства. То, что от них получаю, – то и ты давай мне. – Поработал даром я уже довольно и для Моск<овского> Вестника и для Наблюдателя. – Пиши мне – что тебе надобно к первой книжке? Обозрение искусства в Мюнхене? Свидание с Бальзаком? Дай тебе Бог успеха! Я, разумеется, тебя не оставлю, а *соиздателем быть не могу.* – Видно, придется мне

когда-нибудь одному уж выступить, но это со временем. – Тютчев в Мюнхене. Я у него выпрошу также для 1-й книжки.

Ты бранишь С., но я все-таки ему благодарен за то, что он был у меня в Дахау и взглянул своими глазами на труд мой. У меня был душевный друг в Мюнхене[5], да и тот второпях не захотел пожертвовать утром и съездить в библиоте<ку> Молле[6]. Что он теперь скажет за меня в совете Университета? – Как бы видел своими глазами, мог бы рассказать все толком. <...> Мне еще работы много. <...> Я из Дахау не выезжаю до тех пор, пока не кончу всего дела. <...> Библиотека поглотила у меня все время. Я теперь ничего не делаю. – Даже и Дант спит».

[1] См. ***1839. Сентября 21 <9>. Суббота. Вена.***
[2] Датировка письма уточнена.
[3] См. ***1839. Ноября 4. Суббота. Санкт-Петербург.***
[4] См. ***1840. Июля 4 <16>. Четверг. Москва.***
[5] Имеется в виду Погодин.
[6] Карл Молль (1760–1833), барон, секретарь Баварской Академии наук. Его имение Молльгейм располагалось близ Дахау. Шевырев составлял каталог Моллевской библиотеки для Министертва Народного Просвещения. Книги предназначались для библиотеки Московского университета (см.: <*Шевырев С. П.*> Шевырев, Степан Петрович... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855. Ч. 2. С. 616–617).

ОКТЯБРЯ 9. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВЕЧЕР. МОСКВА

Гоголь накануне оттъезда В. А. Жуковского из Москвы в Петербург читает ему у Елагиных четвертую главу «Мертвых душ».

При встрече с А. П. Елагиной Гоголь застает ее за чтением сочинений Ф. Шиллера, рассказывает ей о своем пребывании за границей и на ее предложение «прочесть что-нибудь из Шиллера» («Ведь вы так любите его») решительно отказывается:

«Кто? я? Господь с вами, Авдотья Петровна: да я ни бельмеса не знаю по-немецки; ваше чтение будет не в коня корм»[1].

Жуковский записал в дневнике: «*9 <октября>, понедельник.* <...> Ввечеру чтение Гоголя»[2].

Поскольку в Риме в конце 1838 – январе 1839 г. Гоголь прочел Жуковскому первые три главы «Мертвых душ»[3], можно предположить, что на этот раз была прочитана четвертая, «ноздревская» глава.

24–25 октября 1839 г. К. С. Аксаков сообщал братьям Григорию и Ивану в Петербург: «Через несколько времени после его <Гоголя> приезда услышали мы, что он читал Жуковскому у Елагиных. Отесенька написал[4] записку к Михаилу Петровичу <Погодину>, в которой упомянул об этом чтении»[5].

[1] См. ***1832. Июля начало. Москва.***
[2] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 41.
[3] См. ***1839 января 11 <1838 декабря 30>. Пятница. Рим; 1839. Января 18 <6>. Пятница. Праздник Крещения Господня. Рим; 1839. Января 29 <17>. Вторник. Рим.***
[4] Незадолго до 14 октября 1839 г. (см. ***1839. Октября 14. Суббота. Москва***).
[5] Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 788.

ОКТЯБРЯ 10. ВТОРНИК. МОСКВА

Гоголь записывает в альбом И. И. Срезневского, отправлявшегося в путешествие в славянские земли (чтобы в дальнейшем — с 1842 г. — занять кафедру славистики[1] в Харьковском университете):

«Душевно желаю вам набрать, прибрать, раздать и привезти всякого добра».

Вероятно, запись была сделана во время визита Гоголя с М. С. Щепкиным к Срезневскому, о чем тот спустя несколько дней, 15 октября 1839 г., извещал мать: «...Он <М. С. Щепкин> страстный охотник до всего малороссийского. <...> Между прочим я передал ему Москаля Чаривника: он издаст его как 2-ю книжку Украин<ского> Сборника, и Гоголь будет держать корректуру; а издавши поставит на моск<овском> театре[2]. Щепкин премилый человек: он однажды просидел у меня с Гоголем целый вечер, и мы говорили все о Малороссии, между прочим читали кое-что из баллад украинских и думок и песень»[3].

«Малороссийская опера» И. П. Котляревского «Москаль-Чаривник» была издана в 1841 г. во второй книге «Украинского Сборника». Содержание пьесы перекликается с комедией Гоголя-отца «Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом»[4]. По-видимому, о сходстве комедий Котляревского и В. А. Гоголя-Яновского было известно не только самому Гоголю, но и Щепкину, со слов которого П. А. Кулиш после смерти писателя записал: «Комедия отца Гоголева: жена заставл<яет> мужа ловить зайца поросенком»[5]. Эта фраза следует в рукописи сразу после сообщения Щепкина о подготовленной Гоголем драме из эпохи Богдана Хмельницкого, о которой актер был извещен незадолго до визита к Срезневскому[6].

В тот же день, 10 октября 1839 г., М. П. Погодин сообщал С. П. Шевыреву:

«Гоголь работает. Ему обрадовались в Москве без памяти»[7].

В этот же день И. И. Панаев, вернувшийся в начале октября 1839 г. в Москву[8], получил из Петербурга письмо А. А. Краевского с просьбой уговорить Гоголя принять участие в «Отечественных Записках»[9]:

«Христа ради, хлопочите сами, подбейте Павлова и Погодина, чтоб вырвать у Гоголя статью для “Отечественных Записок”. Кстати. Я объявил было в “Литературных Прибавлениях” о приезде Гоголя в Москву; но Плетнев сказал мне, что получил от него письмо с просьбою — никому не объявлять, что он в Москве... Жуковский сказывал мне, что Гоголь через месяц будет в Петербурге. Его статья необходима; надобно употребить все средства, чтоб получить ее. Не пишу к нему сам[10], потому что эти вещи не делаются через письма, особенно с ним. *Растолкуйте ему необходимость поддерживать “Отечественные Записки” всеми силами.* Если же он сделался равнодушен к судьбам “российской словесности”, чего я не ожидаю, то *покажите ему впереди за статью хорошие деньги, в которых он, верно, нуждается.* Если ж ничто не возьмет, то надо дожидаться приезда его сюда и здесь напасть на него соединенными силами...»[11]

[1] См. ***1835. Июля 26. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См.: «Февр<аля> <...> 9 <1840>. Бол<ьшой> т<еатр>. Последнее прости, др<ама> в 2 д<ействиях>; Украинская Невеста, вод<евиль> в 1 д<ействии>; Ехал да не доехал, вод<евиль> в 1 д<ействии>; Москаль-Чаривник, оп<ера> в 1 д<ействии>; Дивертисмент. (Бенефис г. Щепкина)» (Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, с 1 по 25 февраля 1840 года // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песоцким, на 1840 год. СПб.: В типографии А. А. Плюшара, 1840. Т. 1. Кн. 3. <Отд. 2>. С. 1).

[3] Гоголь в письмах И. И. Срезневского // *Свод.* Т. 2. С. 139.

[4] См. ***1819. В течение года. Полтава.***

[5] Воспоминания о Гоголе С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, О. М. Бодянского в записи П. А. Кулиша (из материалов для биографии Гоголя). <Ноябрь 1852> // *Свод.* Т. 3. С. 36.

[6] См. также ***1839. Сентября 27. Среда. Москва.***

[7] Из писем М. П. Погодина // *Свод.* Т. 2. С. 412.

[8] См. ***1839. Сентября 29. Пятница – октября 1. Воскресенье. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. С. Волынское***; ***1839.* Октября 2. Понедельник. Москва.**

[9] См. также ***1839. Октября 7 <сентября 25>. Понедельник. Ганау.***

[10] 2 апреля (н. ст.) 1839 г. Гоголь писал А. С. Данилевскому: «Кстати о журнале Отечественные Записки. Я получ<ил> тотчас по приезде моем в Рим предлинное письмо от Краевского, на которое я никак не собрался отвечать, да признаюсь и не знаю как. К тому ж и самое письмо пошло на какие-то требы. Краевский просто воет и подымает решительно всех ополчиться на сатану; говорит, что здесь должны мы всеобщ<ими> силами двинуться, что это последний крестовый поход и что если этот <...>, <*вырвано*> то тогда уже решительно нужно бр<осить> <*вырвано*> всё и отчаяться. Я себе представляю мысленно, как этот человечек хлопочет и почесывает очень солидно бакенбарды на своем миниатюрном лице». Согласно письму И. С. Аксакова К. С. Аксакову от 25 февраля 1840 (см. ***1840. Февраля 25. Прощеное воскресенье. Санкт-Петербург***), Гоголь позднее обещал прислать «повесть» в «Отечественные Записки» (обещание не было выполнено). В 1842 г. к участию в «Отечественных Записках» безуспешно пытался привлечь Гоголя В. Г. Белинский (см. письмо Белинского к Гоголю от 20 апреля 1842 г.).

[11] *Панаев И. И.* Литературные воспоминания // *Свод.* Т. 3. С. 286.

ОКТЯБРЯ 14. СУББОТА. МОСКВА

В «Прибавлениях к № 82-му Московских Ведомостей (Октября 14-го <1839>)» напечатано объявление о представлении «Ревизора»:

«ИМПЕРАТОРСКИЙ Московский Театр. <...> В большом Театре. <...> Во вторник, 17-го октября, *не в счет абонемента: Ревизор*, оригинальная комедия в 5 действиях, в прозе, соч. *Н. Гоголя*; *дивертисмент. Начало в 7 часов*»[1].

В этот день, 14 октября 1839 г., Гоголь обедал у П. В. Нащокина, а вечером читал у Аксаковых комедию «Тяжба» и первую главу из «Мертвых душ». На чтении присутствовали также И. И. Панаев, Нащокин и М. С. Щепкин. Вероятно, тогда же Гоголь сообщил С. Т. Аксакову о своем намерении быть на представлении «Ревизора» в Большом театре 17 октября 1839 г.[2]

Спустя несколько дней, во вторник 17 октября 1839 г., С. Т. Аксаков сообщал сыновьям Григорию и Ивану в Петербург: «В прошедшую субботу Гоголь читал у нас начало комедии “Тяжба” и большую главу из романа (вероятно “Мертвые души”). И то и другое – чудные созданья! Особенно глава из романа! И к этому надобно прибавить, что он так читает или, лучше, играет, как никто! Лучшие актеры, мне известные, перед ним – ученики в театральном искусстве. Восхищение было всеобщее»[3].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «8-го марта <14 октября>[4], при многих гостях, совершенно неожиданно для нас объявил Гоголь, что хочет читать. Разумеется, все пришли в восхищение от такого известия, и все соединились в гостиной. Гоголь сел за боковой круглый стол, вынул какую-то тетрадку, вдруг икнул и, опустив бумагу, сказал, *как он объелся грибков.* Это было начало комической сцены, которую он нам и прочел. Он начал чтение до такой степени натурально, что ни один из присутствующих не догадался, что слышит сочинение. Впрочем, не только начало, но и вся сцена была точно также читана естественно и превосходно. <...>

Я не говорил о том, какое впечатление произвело на меня, на все мое семейство, а равно и на весь почти наш круг знакомых, когда мы услышали первое чтение первой главы “Мертвых Душ”. Это был восторг упоения, полное счастие, которому завидовали все, кому не удалось быть у нас во время чтения; потому что Гоголь не вдруг стал читать у других своих знакомых»[5].

19–20 октября 1839 г. В. С. Аксакова сообщала братьям Григорию и Ивану в Петербург: «В последний раз мы получили ваши письма при Гоголе — это было в субботу[6] вечером, и мы не успели их прочесть тотчас. В этот вечер Гоголь читал нам отрывок из своей комедии, и еще другой из какой-то повести, кажется "Мертвых душ"[7]; жаль, что вас не было; все, что он читал, превосходно, чудно; к тому же он так читает, как никакой актер не сумеет сыграть. При свиданьи расскажу вам подробно. Он написал много, как кажется, хотя говорит другим, что ничего не написал, но у него, кажется, нет почти ничего совсем оконченного. Он болен, в ипохондрии, но чрезвычайно смешон, когда рассказывает что-нибудь и не улыбается»[8].

24–25 октября 1839 г. К. С. Аксаков также писал братьям: «Я Гоголя люблю и просто как человека. Его лицо, его слова, вся его непосредственность мне чрезвычайно нравятся. Гоголь — художник искреннейший, durch und durch[9]; в самих рассказах его даже оживают лица, становятся движущимися, живыми образами. <...>. Михаил Петрович обещал быть у нас в тот день. У нас обедало несколько гостей: в том числе Панаев. Вечером приезжала Е. В. Погодина[10], которая сказала нам, что Гоголь у Нащокина. "Не будет ли он читать у него?" — спросил я. — "Нет, не будет ли он здесь читать?" — отвечала Е<лизавета> В<асильевна>. — Я почти закричал. Наконец приехал Гоголь, с ним Нащокин и М<ихаил> С<еменович>[11]. Через несколько времени все уселись в гостиной, и Гоголь начал читать нам[12]. — Я и все перерывали его часто хохотом.

Все, что ни прочел он, есть истинно художественное произведение. И те тупы, которые только видят в его сочинениях *смешное*. Гоголь — великий, гениальный художник, имеющий полное право стоять, как и Пушкин, в кругу первых поэтов, Гете, Шекспира, Шиллера и проч.[13] — Но о самом Гоголе когда-нибудь после»[14].

И. И. Панаев в 1860 г. вспоминал о Гоголе: «Я познакомился с ним летом 1839 года в Москве, в доме Сергея Тимофеевича Аксакова[15]. В день моего знакомства с ним он обедал у Аксаковых и в первый раз читал первую главу своих "Мертвых Душ"»[16].

Из «Литературных воспоминаний» Панаева (1860–1861): «Действительно, через несколько дней после этого[17] Сергей Тимофеич пригласил меня обедать, сказав, что у него будет Гоголь и что он обещал прочесть первую главу "Мертвых душ".

Я ожидал этого дня с лихорадочным нетерпением и забрался к Аксаковым часа за полтора до обеда, Щепкин явился, кажется, еще раньше меня...

В исходе четвертого прибыл Гоголь... Он встретился со мною, как с старым знакомым, и сказал, пожав мне руку:

— А, и вы здесь... Каким образом?

Нечего говорить, с каким восторгом он был принят. Константин Аксаков, видевший в нем русского Гомера, внушил к нему энтузиазм во всем семействе. Для Аксакова-отца сочинения Гоголя были новым словом. Они вывели его из рутины старой литературной школы (он принадлежал к самым записным литераторам-рутинерам) и пробудили в нем новые, свежие силы для будущей деятельности. Без Гоголя Аксаков едва ли бы написал "Семейство Багровых"[18].

День этот был праздником для Константина Аксакова... С какою любовию он следил за каждым взглядом, за каждым движением, за каждым словом Гоголя! Как он переглядывался с Щепкиным! Как крепко жал мне руки, повторяя:

— Вот он, наш Гоголь! Вот он!

Гоголь говорил мало, вяло и будто нехотя. Он казался задумчив и грустен. Он не мог не видеть поклонения и благоговения, окружавшего его, и принимал все это, как должное, стараясь прикрыть удовольствие, доставляемое его самолюбию, наружным равнодушием. В его манере вести себя было что-то натянутое, искусственное, тяжело действовавшее на всех, которые смотрели на него не как на гения, а просто как на человека...

Чувство глубокого, беспредельного уважения семейства Аксаковых к таланту Гоголя проявлялось во внешних знаках с ребяческой, наивной искренностию, доходившей до комизма. Перед его прибором, за обедом, стояло не простое, а розовое стекло; с него начинали подавать кушанье; ему подносили любимые им макароны для пробы, которые он не совсем одобрил и стал сам мешать и посыпать сыром.

После обеда он развалился на диване в кабинете Сергея Тимофеича и через несколько минут стал опускать голову и закрывать глаза — в самом ли деле начинал дремать, или притворялся дремлющим... В комнате мгновенно все смолкло... Щепкин, Аксаковы и я вышли на цыпочках. Константин Аксаков, едва переводя дыхание, ходил кругом кабинета, как часовой, и при чьем-нибудь малейшем движении или слове повторял шепотом и махая руками:

— Тсс! тсс! Николай Васильич засыпает!..

Об обещанном чтении Гоголь перед обедом не говорил ни слова; спросить его, сдержит ли он свое обещание, никто не решался... Покуда Гоголь дремал, у всех только был в голове один вопрос: прочтет ли он что-нибудь и что прочтет?.. У всех бились сердца, как они всегда бьются в ожидании необыкновенного события...

Наконец Гоголь зевнул громко.

Константин Аксаков при этом заглянул в щелку двери и, видя, что он открыл глаза, вошел в кабинет. Мы все последовали за ним.

— Кажется, я вздремнул немного? — спросил Гоголь, зевая и посматривая на нас...

Дамы, узнав, что он проснулся, вызывали Константина Аксакова и шепотом спрашивали — будет ли чтение? Константин Аксаков пожимал плечами и говорил, что ему ничего не известно.

Все томились от этой неизвестности, и Сергей Тимофеич первый решился вывести всех из такого неприятного положения.

— А вы, кажется, Николай Васильич, дали нам обещание?.. вы не забыли его? — спросил он осторожно...

Гоголя подернуло несколько.

— Какое обещание?.. Ах, да! Но я сегодня, право, не имею расположения к чтению и буду читать дурно, вы меня лучше уж избавьте от этого...

При этих словах мы все приуныли; но Сергей Тимофеич не потерял духа и с большою тонкостию и ловкостию стал упрашивать его... Гоголь отговаривался более получаса, переменяя беспрестанно разговор. Потом потянулся и сказал:

— Ну, так и быть, я, пожалуй, что-нибудь прочту вам... Не знаю только, что прочесть?.. — И приподнялся с дивана.

У встрепенувшегося Щепкина задрожали щеки; Константин Аксаков весь просиял, будто озаренный солнцем; повсюду пронесся шепот: "Гоголь будет читать!"

Гоголь встал с дивана, взглянув на меня не совсем приятным и пытливым глазом (он не любил, как я узнал после, присутствия мало знакомых ему лиц при его чтениях) и направил шаги в гостиную. Все последовали за ним. В гостиной дамы уже давно ожидали его.

Он нехотя подошел к большому овальному столу перед диваном, сел на диван, бросил беглый взгляд на всех, опять начал уверять, что он не знает, что прочесть, что у него нет ничего обделанного и оконченного... и вдруг икнул раз, другой, третий[19]...

Дамы переглянулись между собою, мы не смели обнаружить при этом никакого движения и только смотрели на него в тупом недоумении.

— Что это у меня? точно отрыжка? — сказал Гоголь и остановился. Хозяин и хозяйка дома даже несколько смутились... Им, вероятно, пришло в голову, что обед их не понравился Гоголю, что он расстроил желудок...

Гоголь продолжал:

— Вчерашний обед засел в горле, эти грибки да ботвиньи! Ешь, ешь, просто, чорт знает, чего не ешь...

И заикал снова, вынув рукопись из заднего кармана и кладя ее перед собою... "Прочитать еще «Северную Пчелу», что там такое?.." — говорил он, уже следя глазами свою рукопись.

Тут только мы догадались, что эта икота и эти слова были началом чтения драматического отрывка, напечатанного впоследствии под именем "Тяжбы". Лица всех озарились смехом, но громко смеяться никто не смел... Все только посматривали друг на друга, как бы говоря: "Каково? каково читает?" Щепкин заморгал глазами, полными слез.

Чтение отрывка продолжалось не более получаса. Восторг был всеобщий; он подействовал на автора.

— Теперь я вам прочту, — сказал он, — первую главу моих “Мертвых душ”, хоть она еще не обделана...

Все литературные кружки перед этим уже были сильно заинтересованы слухами о “Мертвых душах”. Гоголь, если я не ошибаюсь, прежде всех читал начало своей поэмы Жуковскому[20]. Говорили, что это произведение гениальное... Любопытство к “Мертвым душам” возбуждено было не только в литературе, но и в обществе.

Нечего говорить, как предложение Гоголя было принято его поклонниками...

Гоголь читал неподражаемо. Между современными литераторами лучшими чтецами своих произведений считаются Островский и Писемский: Островский читает без всяких драматических эффектов, с величайшею простотою, придавая между тем должный оттенок каждому лицу; Писемский читает, как актер, — он, так сказать, разыгрывает свою пьесу в чтении... В чтении Гоголя было что-то среднее между двумя этими манерами. Он читал драматичнее Островского и с гораздо большею простотою, чем Писемский...

Когда он окончил чтение первой главы и остановился, несколько утомленный, обведя глазами своих слушателей, его авторское самолюбие должно было удовлетвориться вполне... На лицах всех ясно выражалось глубокое впечатление, произведенное его чтением. Все были и потрясены и удивлены. Гоголь открывал для своих слушателей тот мир, который всем нам так знаком и близок, но который до него никто не умел воспроизвести с такою беспощадною наблюдательностию, с такою изумительною верностию и с такою художественною силою... И какой язык-то! язык-то! Какая сила, свежесть, поэзия!.. У нас даже мурашки пробегали по телу от удовольствия.

После чтения Сергей Тимофеич Аксаков в волнении прохаживался по комнате, подходил к Гоголю, жал его руки и значительно посматривал на всех нас... “Гениально, гениально!” — повторял он.

Глазки Константина Аксакова сверкали, он ударял кулаком о стол и говорил:

— Гомерическая сила! гомерическая[21]!

Дамы восторгались, ахали, рассыпались в восклицаниях.

Гоголь еще более вырос после этого чтения в глазах всех...»[22]

«...Бодрым, еще без болезненной задумчивости на лице изображает Гоголя, читающего “Мертвые души”, рисунок Э. А. Мамонова 1839 года. (<...> ...Чтение происходило в доме Нащокиных <на самом деле, в доме Аксаковых> в Москве; рисунок — карандашом, несомненно, с натуры)»[23].

[1] Прибавления к № 82 Московских Ведомостей (октября 14-го). 1839. С. 1082.

[2] См. ***1839. Октября 17. Вторник. Москва.***

[3] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 577.

[4] Авторское чтение у Аксаковых «комической сцены» «Тяжба» (а также первой главы первого тома «Мертвых душ») состоялось не 8 марта 1840 г., а 14 октября 1839 г. Объяснение ошибки, допущенной С. Т. Аксаковым, см.: ***1840. Марта 29. Пятница. Москва*** (примечания).

[5] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 690, 691.

[6] 14 октября 1839 г.

[7] Речь идет о чтении «Тяжбы» и первой главы «Мертвых душ». См. в наст. изд. письмо С. Т. Аксакова к сыновьям от 17 октября 1839 г.

[8] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 803.

[9] Насквозь (*нем.*).

[10] Елизавета Васильевна Погодина (в девичестве Вагнер, 1809–1844), жена М. П. Погодина.

[11] Щепкин.

[12] Речь идет о чтении Гоголем у Аксаковых 14 октября 1839 г. комедии «Тяжба» и первой главы «Мертвых душ».

[13] См. также ***1840. Января 2. Вторник. Москва.***

[14] Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 788.

[15] На самом деле знакомство состоялось ранее, на даче М. С. Щепкина (см. ***1839. Сентября 29. Пятница — октября 1. Воскресенье. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. С. Волынское***). См. также ***1839. Октября 2. Понедельник. Москва.*** В «Литературных воспоминаниях» (1860–1861) Панаев сообщал о своем знакомстве с Гоголем еще раз, относя здесь их первую встречу ко времени пребывания Гоголя в Петербурге, то ли в 1839, то ли в 1842 г. (см. ***1839. Ноября вторая половина — декабря не позднее 17. Санкт-Петербург***).

[16] *Панаев И. И.* Воспоминание о Белинском // *Свод.* Т. 3. С. 277.

[17] См. ***1839. Сентября 29. Пятница – октября 1. Воскресенье. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. С. Волынское.***

[18] Имеются в виду «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука».

[19] См. также ***1839. Октябрь. Москва.***

[20] См. ***1839 января 11 <1838 декабря 30>. Пятница. Рим; 1839. Января 18 <6>. Пятница. Праздник Крещения Господня. Рим; 1839. Января 29 <17>. Вторник. Рим; 1839. Октября 9. Понедельник. Вечер. Москва.***

[21] Впечатления К. С. Аксакова от авторского чтения первого тома «Мертвых душ» 14 октября 1839 г. легли впоследствии в основу его статьи «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842), где рассматривалось сходство (в отношении к «акту творчества») Гоголя и Гомера: «...Глубоко значение, являющееся нам в "Мертвых Душах" Гоголя! <...> древний эпос восстает пред нами. <...> Да, это поэма, и это название нам доказывает, что автор понимал <...> всю великость и важность своего дела» (*Аксаков К.* Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. М., 1842. С. 1, 5, 8). См. ***1840. Января 2. Вторник. Москва.***

[22] *Панаев И. И.* Литературные воспоминания // *Свод.* Т. 3. С. 281–284.

[23] *Сперанский М. Н.* Портреты Н. В. Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 837.

ОКТЯБРЯ 15. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

К. С. Аксаков и И. И. Панаев навещают В. Г. Белинского, с которым делятся впечатлениями от чтения Гоголем «Тяжбы» и первой главы «Мертвых душ».

Из «Литературных воспоминаний» И. И. Панаева (1860–1861): «На другой день[1] я с Константином Аксаковым отправился к Белинскому... Аксаков передал ему о вчерашнем чтении с энтузиазмом, он говорил, что после первой главы "Мертвых душ" нельзя уже сомневаться в том, что Гоголь гений и что он подарит русскую литературу колоссальным произведением, в котором отразится вся Русь.

Белинский слушал Аксакова с жадностию и смотрел на нас с завистию.

– Чорт вас возьми, счастливцы! – сказал он. – Я не знаю, чего бы я не дал, чтобы выслушать теперь эту главу...»

Панаев И. И. Литературные воспоминания // *Свод.* Т. 3. С. 284.

[1] См. ***1839. Октября 14. Суббота. Москва.***

ОКТЯБРЯ 15. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет № 10 «Отечественных Записок» за 1839 г. со статьей В. Г. Белинского «Бородинская годовщина. В. Жуковского...»

ОКТЯБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. МОСКВА

Гоголь, вероятно, через М. П. Погодина посылает С. Т. Аксакову паспорт с запиской:

«Посылаю вам всё, что имею. Других документов нет, кроме пашпорта. – Не можете ли вы узнать, когда выпуск в Патриот<ическом> институте».

В 1854 г. С. Т. Аксаков писал П. А. Кулишу: «В натуре Гоголя была проказливость, шутка: он любил проказить, подшутить, любил пуф. Он был не лгун, а выдумщик, и всегда готов был сочинить целую сказку, чтоб отделаться как-нибудь от скучных или неприятных вопросов. По тем же причинам, он часто давал обещания, которые и не думал исполнять. Из множества примеров я расскажу вам два[1].

Гоголь вздумал попробовать, можно ли путешествовать в чужих краях, не имея паспорта, и выдумал следующую штуку. Когда надобно было предъявлять где-нибудь паспорты, Гоголь отбирал их от пассажиров и очень обязательно принимал на себя хлопоты представить, кому следует. Собственного паспорта он не отдавал, а оставлял у себя в кармане. Когда помеченные паспорты возвращали Гоголю, он принимал их, рассматривал и вдруг восклицал: "Да где же мой паспорт? Я вам его отдал вместе с другими!" Начинали искать, но паспорта не находили. Тот, кто их записывал, совестился, извинялся, а Гоголь мастерски разыгрывал сконфуженного путешественника. Между тем надобно было ехать, и Гоголь уезжал с незаписанным паспортом. Разумеется, он разнообразил свои выдумки[2]. Дело только в том, что я и другие видели его паспорт, возвратившимся из-за границы почти белым; а известно, как бывают измараны заметками заграничные паспорты»[3].

Вероятно, просьбу Гоголя Погодин сопроводил собственной запиской к С. Т. Аксакову:

«Гоголь просит Вас узнать от Вашей знакомки — когда бывает выпуск воспитанниц Патриотического института, в декабре перед святками[4] или в январе, после них»[5].

С. Т. Аксаков в «Истории нашего знакомства с Гоголем...», поясняя эту записку Погодина, сообщал: «Не зная хорошенько времени, когда должен был последовать выпуск воспитанниц из Патриотического института, Гоголь сначала торопился отъездом. Это видно из записки Погодина ко мне, в которой он пишет, что Гоголь просит меня справиться об этом выпуске...»[6]

На обороте погодинской записки Аксаков тогда же отвечал:

«Я сейчас ездил узнавать и ничего не узнал»[7].

Возможно, в этот же период Гоголь познакомился с В. В. Пассеком, от которого получил несколько песен. Песни были внесены Гоголем в его сборник украинских исторических песен и дум[8], с пометами: «Доставлено от В. В. Пассека»; «Доставлено В. В. Пассеком»; «Получено от В. В. Пассека»[9].

«26 сентября с<т>. с<т>. 1839 г. Гоголь приехал из-за границы в Москву и поселился у М. П. Погодина. 1 октября того же года в Москву приехал Срезневский, направлявшийся в длительную поездку по славянским землям. Здесь при содействии Погодина состоялось личное его знакомство с Гоголем[10] (заочно они познакомились и вступили в переписку за несколько лет перед тем)[11]... <...> Тогда же в Москву приехал В. В. Пассек; <...> Срезневский <...> встретил его в Москве[12]... <...> и до своего отъезда в Петербург 17 октября встречался почти ежедневно[13]... <...> Через Срезневского Пассек мог передать несколько своих песенных записей Гоголю, — на это как будто намекает формула "доставлено от В. В. Пасека". Впрочем, отнюдь не исключено и личное[14] их знакомство»[15].

[1] См. также ***1839. Октября 18. Суббота. Москва.***

[2] См. также ***1839. Апреля 9 <марта 28>. Вторник Светлой седмицы. Рим***; ***1839. Июля 7 <июня 25>. Воскресенье. Франкфурт***; ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***

[3] Фрагменты из воспоминаний С. Т. Аксакова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 660–661. — Ср. описание паспортов Гоголя 1842–1847 и 1847 гг., сделанное С. П. Шевыревым: *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 124–126. — Данные перечня Шевырева см. в наст. летописи.

[4] Перед праздником Рождества Христова 25 декабря (ст. ст.).

[5] *Свод.* Т. 2. С. 471.

[6] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 672.

[7] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 577.

[8] См. ***1839 октября средина <сентября конец> — 1840 августа средина <августа начало>.***

[9] <Х. Украинские исторические песни и думы. Сборник Гоголя из бумаг А. А. Иванова> // *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 386, 412, 415.

[10] См. ***1839. Октября между 3 и 7. Москва; 1839. Октября 7. Суббота. Москва; 1839. Октября 10. Вторник. Москва.***

[11] См. ***1834. Февраля 16. Пятница. Харьков; 1834. Марта 6. Вторник. Санкт-Петербург.***

[12] См. ***1839. Октября 8. Воскресенье. Москва.***

[13] См. ***1839. Октября 16. Понедельник. Москва; 1839. Октября 17. Вторник. Москва.***

[14] Ср. ***1841. Ноября 6. Четверг. Москва.***

[15] *Айзеншток И. Я.* Комментарии // Лит. наследство. Песни, собранные писателями. Материалы из архива П. В. Киреевского. Т. 79. М., 1968. С. 274.

ОКТЯБРЯ 16. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

И. И. Срезневский встречается с В. В. Пассеком.

См.: Путевые письма Измаила Ивановича Срезневскаго из славянских земель. 1839–1842. СПб., 1895. С. 20. – См. также ***1839. Октября первая половина. Москва.***

ОКТЯБРЯ 16. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. ИМПЕРАТОРСКОЕ УЧИЛИЩЕ ПРАВОВЕДЕНИЯ

Н. К. Калайдович[1] пишет М. П. Погодину в Москву:

«Вы привезли с собою в подарок нашей литературе беглеца Пасичника! – Знаете ли, что известие об этом возбудило у нас энтузиазм! Теперь только и разговоров, что о Гоголе и новых его произведениях. Только и слышишь, что цитаты из “Вечеров на хуторе”, из “Миргорода”, из “Арабесок”. Даже вздумали разыгрывать “Ревизора” и уже выучили роли[2]. <...> Вот что значит побыть несколько времени за границею, возбудив перед тем всеобщее внимание! <...> “Ревизора” едва можно достать, и то не меньше как за 15 руб<лей>. – Потрудитесь предостеречь г-на Гоголя, чтобы он не медлил изданием своих творений, если не хочет возбудить против себя ярости почитателей его таланта»[3].

[1] Николай Константинович Калайдович (1820–1854), сын археолога К. Ф. Калайдовича (1792–1832); в то время учился в Училище правоведения.

[2] См. также ***1839. Октября 21. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] Гоголь в письмах Н. К. Калайдовича // *Свод.* Т. 2. С. 542.

ОКТЯБРЯ 17. ВТОРНИК. МОСКВА

Гоголь в семь часов вечера[1] в Большом театре: впервые смотрит постановку «Ревизора» на московской сцене[2]. В ложе Чертковых он присутствует на представлении комедии артистами Малого театра (в помещении Большого театра), которое устроено в его честь. Городничего играет М. С. Щепкин. Вероятно, разочарованный исполнением пьесы, Гоголь, избегая оваций публики, покидает театр, не дождавшись конца спектакля, и уезжает к Чертковым.

«17 <октября>. Бол<ьшой> т<еатр>. Ревизор, ком<едия> в 5 д<ействиях>. Дивер<тисмент>»[3].

В этот день С. Т. Аксаков сообщал сыновьям Григорию и Ивану в Петербург: «Сегодня дают “Ревизора”. Гоголь обещал быть в театре[4]. Я надеюсь, что публика встретит его с восторгом, только опасаюсь, что он, заметя такое волнение, не дождется конца и уйдет.

Гоголь вместе с нами приедет в Петербург на короткое время[5], как говорит,– но я думаю, что он вместе же с нами из него уедет»[6].

На следующий день, 18 октября 1839 г., О. Сем. Аксакова также сообщала сыновьям Григорию и Ивану в Петербург: «Я не знаю, за что приняться, торопятся ехать[7], а ничего не готово. Гоголь непременно хотел ехать вместе, но не знаю, что теперь, после вчерашнего. Вчера играли "Ревизора" – его вызывали, кричали, а он не вышел; все в негодовании, а он, я думаю, сердится на отца, считая это его заговором»[8].

В свою очередь, В. С. Аксакова 19–20 октября 1839 г. сообщала братьям в Петербург: «Вообразите, что на днях давали "Ревизора", его уговорили ехать смотреть, все согласились прежде вызвать его; наша ложа была возле ложи Чертковых, у которых он сидел; возле нас с другой стороны были Павловы; в театре было общество избранное, и потому не так много; все расспрашивали о Гоголе с таким участием, с такою жадностью хотели его видеть, заглядывали в ложу; он же совершенно ушел в кресла и закрылся рукой так, что и нам нельзя было его видеть. Перед вторым актом <М. Ф.> Орлов подходит к Павлову и говорит, что будут вызывать после второго; а между тем Загоскин оставил свой бенуар для Гоголя. Гоголь же просил отесеньку сказать Загоскину[9], что его нет в театре. Загоскин рассердился еще более потому, что он видел Гоголя из своей ложи. Прошли два акта, играли превосходно; вдруг раздается крик: "Автора". Гоголь спрятался еще более, крик все увеличивался. Гоголь встал и ушел из ложи. Отесенька вышел тоже, схватил его и уговаривал остаться; он просил сказать, что он нездоров, что он не в состоянии выйти благодарить публику, и уехал. Крик не перестает, напротив еще увеличивается, когда сказали, что Гоголь вышел из ложи, все обратились к директорской ложе, ожидая каждую минуту, что он появится, и если б он в эту минуту показался, его приняли бы с неистовством. Загоскин прислал за отесенькой, отесенька ему выговаривает, зачем он тотчас же не прислал или не пришел сам за Гоголем. Загоскин говорит: "Да ведь я не знаю, где он сидит (хотя он его видел), ведь он сказал, что его нет в *театре*", но уже было поздно. Гоголь уехал. Шум все продолжался, подняли занавес, шум удвоился, думали, что хотят начать играть, но выходит <И. В.> Самарин, игравший Хлестакова, и говорит: "Автор комедии в театре не находится". Все были чрезвычайно поражены, удивлены, огорчены этим; все утихло, но это произвело неприятное впечатление, стали говорить: "Что же, разве ему неприятно это?" Михаил Петрович Погодин поехал тотчас за ним, но не нашел его. Пьеса продолжалась, играли все, кажется, лучше, и принимали прекрасно. Щепкин был удивительно хорош, его вызвали с большим шумом. Это происшествие произвело довольно большой шум и движение в обществе»[10].

К. С. Аксаков 24–25 октября 1839 г. также сообщал братьям: «Теперь скажу о представлении "Ревизора". Здесь был назначен "Ревизор", и Гоголя убедили приехать. Публика хотела его непременно вызвать. Разумеется, этого ему не говорили. Я пошел нарочно в кресла. Там увидал я много знакомых: Кетчера, Боткина, Каткова (я был у Белинского еще перед этим и там видел их); встретился я с ними дружески, но не совершенно свободно. Скоро Гоголь приехал в ложу и совершенно спрятался; я указал на него своим знакомым. Мы условились было хлопать беспрестанно даже в антрактах и вызвать после пьесы. Актеры играли чудесно. Вдруг после второго действия несколько голосов закричали: "Автор!" Я изумился, потому что я не ожидал этого и боялся, что не будет дружен вызов; я совсем было расположился, но, видя, что уж начали вызывать, я присоединился к вызывающим и начал поддерживать всеми силами, голосом, руками и ногами. Уж если вызывать, так вызывать же! Все мои знакомые сделали то же, и вызов стал общим. Гоголь совсем спрятался в своей ложе. За ним не приходили от дирекции. Вызов все продолжался, он встал и уехал. Увидя, что он скрылся, публика удвоила вызов, думая, что он пошел в директорскую ложу. Все обратились туда, и в ней нельзя было мелькнуть фраку, не усилив крика. Вдруг стали подымать занавес, все еще громче закричали: "Автора! автора!" Занавес поднялся, вышел на авансцену <И. В.> Самарин; всё замолкло. И он сказал: "Автор комедии в театре не находится". Все были поражены, и совершенная тишина наступила после этих слов, точно будто спектакль кончился. Я ушел в ложу и там

узнал, что М<ихаил> Н<иколаевич> и рвет и мечет на Гоголя, но он сам виноват: зачем ему было не присылать[11]. Я Гоголя не виню нисколько»[12].

С. Т. Аксаков в первой половине декабря 1853 г. писал П. А. Кулишу: «В характере Гоголя не было [постоянного] упрямства, но на него находила иногда легкая *<1 нрзб.>* необъяснимая капризность, о которой он сам очень сожалел, хотя никогда не признавался в том, и которую объяснял разными выдумками. Один раз (кажется, в 1840 <1839> году) решился Гоголь посмотреть представлен<ие> Ревизора. Слух об этом распространился, и лучшая публика заняла первый ряд кресел. Гоголь приехал в ложу к Чертковой и сел там, чтоб его не было видно, а через ложу сидели я с семейством. Пиеса шла [даже] отлично хорошо. Публика приняла ее с восхищением. По окончании 3-го акта вдруг все встали, обратил<ись> к *<1 нрзб.>* Черт<ковой> и начали вызывать автора. Вероятно, кому-нибудь пришла мысль, что Гоголь может уехать, не досмотрев пьесы. Несколько времени он выдерживал вызовы и гром рукоплесканий; [но вдруг] потом выбежал из ложи. Я бросился за ним, чтобы провести его к ложе директора, [в котору<ю>] предполагая, что он хочет [показаться публике] явиться; но вдруг вижу, что он спешит вон из театра. Я догнал его и упрашивал показаться в директор<скую> ложу. – Гоголь не согласился и убежал. Публика была очень недовольна, сочла такой поступок оскорбительным и приписала его безмерному самолюбию автора»[13].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Я сказал[14], что были случаи, в которых я никак не умел объяснить себе поступков Гоголя... <...> ....Происшествие состояло в следующем (домашние мои утверждают, что оно случилось в 1840-м году[15], но это все равно): Гоголь еще не видал на Московской сцене "Ревизора"; актеры даже обижались этим, и мы уговорили Гоголя посмотреть свою комедию. Гоголь выбрал день, и "Ревизора" назначили. Слух об этом распространился по Москве, и лучшая публика заняла бельэтаж и первые ряды кресел. Гоголь приехал в бенуар к Чертковой, первый с левой стороны, и сел или почти лег, так чтоб в креслах было не видно. Через два бенуара сидел я с семейством; пиэса шла отлично хорошо; публика принимала ее (может быть, в сотый раз), с восхищением. По окончании 3-го акта вдруг все встали, обратились [к известному бенуару] к бенуару Чертковой и начали вызывать автора. Вероятно, кому-нибудь пришла мысль, что Гоголь может уехать, не дослушав пиэсы. Несколько времени он выдерживал вызовы и гром рукоплесканий; потом выбежал из бенуара. Я бросился за ним, чтобы провести его в ложу директора, предполагая, что он хочет показаться публике; но вдруг вижу, что он спешит вон из театра; я догнал его у наружных дверей и упрашивал выдти в директорскую ложу. – Гоголь не согласился, сказал, что он никак не может этого сделать, и убежал. Публика была очень недовольна, сочла такой поступок оскорбительным и приписала его безмерному самолюбию и гордости автора»[16].

На следующий день после представления «Ревизора», 18 октября 1839 г., Н. П. Огарев сообщал А. И. Герцену: «Начну с *Ревизора.* Вчера его давали. Во 2-м антракте стали вызывать Гоголя. Барон отхлопал себе ладоши, которые рдеют и покрываются пузырями, а я в ложе хлопал только тогда, когда внизу и вверху, казалось хотела было водвориться тишина. Но явился Хлестаков и рассказал, что Гоголя нет в театре (sensation désappointements rumeur a gauche[17]). Но пьеса шла превосходно, кроме Синецкой[18], которая, мне кажется, не умеет схватить это слияние провинциализма, скверных приемов и романтичности. Хлестаков (Самарин) средней доброты. Щепкин[19] неподражаем и Орлов[20] тоже. Чем более вникаю в эту пьесу, тем более сглаживаются все неровности, которые воображались прежде, и каждое лицо является в удивительной истинности»[21].

20 октября 1839 г. Н. Ф. Павлов писал С. П. Шевыреву в Баварию: «Гоголь здесь и он немножко гримасничает. Аксаковы и я постарались, чтоб его вызвали в Ревизоре. Загоскин нарочно дал пиесу. Гоголь сидел в бенуаре у Чертковой. После второго действия стали вызывать. Хоть в театре было немного, но публика приняла единодушное участие в вызове, а Гоголь посидел, посидел, да и уехал, не показавшись. Загоскин лез на стены. Если б публика не вызвала Гоголя, мы бы назвали ее публикой вандалов да готтентотов; теперь она узнала о его приезде, кричала, и тут виновата. <...>

Повести мои[22] поступили в продажу несколько дней тому назад. Здесь их еще нет. Публиковано в Петербурге»[23].

2 декабря 1839 г. Т. Н. Грановский сообщал Н. В. Станкевичу из Москвы: «Был здесь Гоголь. Я поругался за него с Белинским и Катковым: давали Ревизора (играли чудесно); вдруг, после второго акта наши друзья и еще несколько молодцов заорали: подавай сюда сочинителя. Разумеется, к ним присоединилось много других голосов; кричали, кричали, но без толку: сочинитель уехал, не желая тешить зрителей появлением своей особы. За это его ужасно поносили. Мне стало досадно: как будто человек обязан отдавать себя на волю публики, да еще какой! И Белинский и Катков видели, какой народ наиболее кричал: отъявленные дураки, люди известные»[24].

В 1842 г. В. С. Межевич писал: «После первых блестящих успехов в литературе Гоголь уехал в Италию; классический Рим, с его чудесами искусства, очаровал нашего художника, и он, погруженный душою в мир изящного, так пристрастился к дивной стране, что избрал ее постоянным своим местопребыванием. <...> Наконец, в 1839 году <...> друзья Гоголя дождались его возвращения. <...> Москва всегда рада гостям такого рода: она радушно встретила своего любимца и ласково, громко приветствовала его в театре, во время представления “Ревизора”. Едва разнесся слух, что “Ревизора” дают в театре *для Гоголя*, который и сам будет присутствовать при этом представлении, билеты тотчас были разобраны. Наступил вечер. Театр был полнехонек. Публика была в каком-то торжественном ожидании. Артисты московские, и без того с удивительным совершенством разыгрывающие “Ревизора”, в этот раз были еще более одушевлены присутствием того, кому каждый из них, со включением даже *третьестепенных*, обязан прекрасною ролью, обязан, можно сказать, дальнейшим успехом на сценическом поприще. Но в особенности Щепкин, пламенный поклонник Гоголя, Щепкин, которого художническая душа так живо сочувствует всем созданиям Гоголя, Щепкин в этот раз, казалось, превзошел самого себя... Нечего говорить о восторге, с каким, по окончании пиесы, приветствовала Гоголя московская публика!..»[25]

Из «Литературных воспоминаний» И. И. Панаева (1860–1861): «Сергей Тимофеич Аксаков уговорил Загоскина (который не слишком жаловал Гоголя) дать “Ревизора” на московской сцене, по случаю приезда Гоголя в Москву... Спектакль этот дан был сюрпризом для автора: Щепкин и все актеры наперерыв друг перед другом старались отличиться перед ним. — Большой московский театр, редко посещаемый публикою летом[26], был в этот раз полон. — Все московские литературные и другие знаменитости были здесь в полном сборе: в первых рядах кресел и в ложах бельэтажа. Белинский, Боткин и их друзья, еще не принадлежавшие тогда к знаменитостям, помещались в задних рядах. Все искали глазами автора, все спрашивали, где он? Но его не было видно. Только в конце второго действия его открыл Н. Ф. Павлов в углу бенуара г-жи Чертковой.

По окончании третьего акта раздались громкие крики: “Автора! автора!” Громче всех кричал и хлопал К. Аксаков. Он решительно выходил из себя...

— Константин Сергеич!.. Полноте!.. поберегите себя!.. — восклицал Николай Филиппыч Павлов, подходя к нему, смеясь и поправляя свое жабо...

— Оставьте меня в покое, — отвечал сурово Константин Аксаков и продолжал хлопать еще яростнее.

— За что же сердиться? Я желаю вам добра... Вот, — продолжал он, обращаясь ко мне, — Константин Сергеич на меня сердится за то, что я уговариваю его умерить свой энтузиазм, который может повредить его здоровью... В самом деле, ведь это вредно для здоровья так выходить из себя? Правда? а?..

Гоголь при этих неистовых криках (я следил за ним) все спускался ниже и ниже на своем стуле и почти выполз из ложи, чтобы не быть замеченным.

Занавес поднялся.

Актер вышел и объявил, что “автора нет в театре”.

Гоголь, действительно, уехал после третьего действия, к огорчению артистов, употреблявших все Богом данные им способности для того, чтобы заслужить похвалу автора.

На публику этот отъезд произвел также неприятное впечатление; даже Константин Аксаков был недоволен этим.

— Нет, ваш Гоголь уж слишком важничает, — говорил ему Павлов, — вы его избаловали... Не правда ли? А?... Согласитесь, что он поступил неприлично и относительно публики, и относительно артистов?.. а? Правду ведь я говорю?

— Да это он сделал напрасно, — заметил К. Аксаков с огорчением...»[27]

В 1909 г. П. И. Бартенев, со слов дочери А. Д. и Е. Г. Чертковых Софьи Александровны, сообщал: «На <...> представлении "Ревизора" Гоголь сидел в ложе у Чертковых. Гоголя стали вызывать, он пригнулся к полу и ползком ушел из ложи. Каково же было удивление Чертковых, когда, приехав домой, они застали у себя Гоголя храпящим на диване!»[28]

В. А. Нащокина вспоминала: «Не могу сказать наверное, в первое ли или в одно из первых представлений "Ревизора" на сцене Гоголь сидел в нашей ложе[29], в глубине ее, и прятался за моим плечом, иногда пригибался чуть не до самого пола. Публика неистовствовала и вызывала автора. <А. Н.> Верстовский несколько раз входил к нам и упрашивал Гоголя выйти к публике, но тот отказывался, говоря: "Скажите, что меня нет, что я уехал из театра", а между тем несколько раз во время хода пьесы ходил за кулисы и показывал актерам[30], как какую роль надо было играть»[31].

Жена Н. М. Щепкина (сына актера) А. В. Щепкина (рожд. Станкевич), познакомившаяся с М. С. Щепкиным в Москве в мае 1845 г., в 1887 г. вспоминала: «Играл свои роли М. С. Щепкин всегда одинаково хорошо, потому что игра его основывалась на глубоком изучении роли и на обдуманной интонации в произношении ее. <...> В "Ревизоре", в роли Городничего, живая, но не суетливая игра М<ихаила> С<еменовича> рисовала вам человека глубоко уверенного в себе и своей смышлености, опытного и спокойного, привыкшего властвовать в своем мирочке. В конце пьесы вы видите его обманутым, но не разбитым: он снова является старшим в семье и, презрительно упоминая о случайной ошибке, о пустом фанфароне, смеется только над легкомыслием женщин. Все это ясно выражалось в походке, в движениях и интонации М<ихаила> С<еменовича> в этой роли»[32].

П. Д. Боборыкин, видевший М. С. Щепкина в роли Городничего в 1853 г., позднее, в 1906 г., свидетельствовал: «Сквозник-Дмухановский точно нарочно создан был для Щепкина. Его произношение только помогало правде и типичности создания этой фигуры. Он его играл сангвиником, без всякого умничания, не уступая другу своему Гоголю в толковании этого лица, не придавая ему символического смысла, как желал того автор "Ревизора". И все в нем дышало комизмом. Он был глубоко забавен, но не мелко смешон. И выходило так от полнейшей художнической искренности исполнения. Комизм пробивался во всем: в дикции, в минах, в походке, в жестикуляции.

До сих пор я могу еще *представить* себе: как он сидит и читает письмо в первом акте, как дрожит перед пьяным Хлестаковым, как указывает квартальным на бумажку, посредине гостиной, как наскакивает на квартального с подавленным криком: "Не по чину берешь!"

Друг и единомышленник Гоголя сказывался и в том, как он произносил имя квартального Держиморды.

Щепкин выговаривал "Держи́морда", а не "Держимо́рда", как произносят везде вне московского Малого театра, где щепкинская традиция, вероятно, до сих пор еще сохраняется.

Сангвинический пошиб во всем преобладал. Тогда "первый комический актер" (по номенклатуре Гоголя) действительно играл как высокий *комик*, а не как резонер, который по-своему мудрит и подгоняет лицо, выхваченное из жизни, под свои личные теории, соображения, вкусы и приемы игры»[33].

Известен «отзыв Гоголя о Хлестакове-Самарине» (в московском представлении «Ревизора» 17 октября 1839 г.): «Зачем он симпатичен!? *Этому* Хлестакову я первый подал бы есть, если бы он был голоден: *мой* Хлестаков не должен возбуждать в зрителе чувство сострадания...»[34]

М. П. Садовский[35] в 1889 г. сообщал: «Федор Семенович <Потанчиков> был, как и прочие, выпущен на незначительное содержание[36] и занимал в труппе положение довольно скромное, не выпрашивая себе ролей, а играя все, что ему давали. Первый, очень крупный успех он имел в "Дмитрие Донском" Озерова... <...> Второю ролью был почтмейстер в "Ревизоре"; в преданиях нашего театра Федор Семенович до сих пор остается лучшим ее исполнителем. При первом представлении[37] у Федора Семеновича вышло пререкание с автором: Гоголь перед началом осматривал ак-

теров, кто как одет и загримирован; подходит к Потанчикову и говорит: "Вы стары, надо бы быть помоложе". — "Почему же?" — спросил Федор Семенович. — "А потому что в пьесе почтмейстер должен представлять лицо нового направления; да кроме того и городничиха говорит дочери, что та с ним кокетничает". — "Я это знаю, — отвечал Федор Семенович, — но в жизни бывает, что девицы за неимением подходящих кавалеров кокетничают с немолодыми людьми; кроме того, пожилым я его изображаю потому, что в пьесе он значится надворным советником, а это такой чин, до которого с его умом и среди окружающего невежества дослужиться в молодых годах невозможно". — Гоголь помолчал несколько времени, подумал и сказал: "Да, вы правы, — это я ошибся. Играйте так, как думали"»[38].

Спектакль 17 октября 1839 г. для самого Гоголя был, по сути, «премьерой» его комедии в Москве. Состав исполнителей на этом представлении был почти тот же, что и на состоявшейся в отсутствии Гоголя московской премьере «Ревизора» 25 мая 1836 г.[39] Из приведенных выше свидетельств современников явствует, что актеры, занятые в пьесе, играли в основном, исходя из собственных представлений о характере героев, и не особенно стремились проникнуть в замысел автора. Судя по гоголевской реакции, его впечатление от спектакля 1839 г. было сходно с тем, какое он испытал в 1836 г. от петербургской постановки[40]. По-видимому, это послужило Гоголю одним из толчков к позднейшей переработке комедии и появлению авторских комментариев к ней.

Сведениями о том, что Гоголь мог присутствовать на двух представлениях «Ревизора» в Москве в период с 17 октября 1841 по 23 мая 1842 г. (именно 19 декабря 1841 г. и 3 февраля 1842 г.[41]) мы не располагаем. Поэтому, вероятно, главным образом впечатлениями от петербургского и московского спектаклей 1836 и 1839 гг. вызваны следующие строки письма Гоголя к М. С. Щепкину от 16 декабря (н. ст.) 1846 г. из Неаполя: «"Ревизора" нужно будет дать так, как следует (сколько-нибудь сообразно тому, чего требует, по крайней мере, автор его), а для этого нужно время. Нужно, чтобы вы переиграли хотя мысленно все роли, услышали целое всей пиесы и несколько раз прочитали бы самую пиесу актерам, чтобы они таким образом невольно заучили настоящий смысл всякой фразы, который, как вы сами знаете, вдруг может измениться от одного ударения, перемещенного на другое место или на другое слово. Для этого нужно, чтобы прежде всего я прочел вам самому "Ревизора", а вы бы прочли потом актерам. Бывши в Москве[42], я не мог читать вам "Ревизора". Я не был в надлежащем расположении духа, а потому не мог даже суметь дать почувствовать другим, как он должен быть сыгран»[43].

В письме к П. А. Плетневу от 5 января (н. ст.) 1847 г. Гоголь также замечал: «...Всего "Ревизора" нужно будет, хорошенько пообчистивши, дать совершенно в другом виде, чем он дается ныне на театре. Теперь же на него гадко и противно глядеть: из него актеры сделали такую тривиальность, что, я думаю, нет человека, которому бы приятно было на него поглядеть»[44].

Около 10 июля (н. ст.) 1847 г. Гоголь еще раз писал Щепкину: «Одно замечанье насчет городничего примите к сведению. Начало первого акта несколько у вас холодно. Не позабудьте также: у городничего есть некоторое ироническое выражение в минуты самой досады, как, например, в словах: "Так уж, видно, нужно. До сих пор подбирались к другим городам; теперь пришла очередь и к нашему". Во втором акте, в разговоре с Хлестаковым, следует гораздо больше игры в лице. Тут есть совершенно различные выраженья сарказма. Впрочем, это ощутительней [будет тогда, когда "Ревизор" будет играться] по последнему изданию, напечатан<ному> в "Собрании сочинений"».

Как бы предчувствуя непонимание комедии у своих современников, Гоголь начал делать объяснения к «Ревизору» сразу по его завершении (к этому его, вероятно, подвигли наблюдения за своими слушателями во время авторских чтений еще неопубликованной и несыгранной в театре комедии[45]). К первому изданию пьесы 1836 г. он предпослал заметку «Характеры и костюмы. Замечания для гг. актеров»; в том же году написал письмо о постановке «Ревизора» к А. С. Пушкину («Отрывок...» из этого письма был опубликован им в 1841 г.); тогда же, в 1836 г., был начат «Театральный разъезд после представления новой комедии», напечатанный в 1842 г. Тесно связана с содержанием и сценической историей «Ревизора» написанная в то время Гоголем статья «Петербургская сцена в 1835–36 г.» К эпохе первой постановки пьесы восходит (по свидетельству Гоголя в письме к И. И. Сосницкому от 2 ноября (н. ст.) 1846 г.)[46] и драматическая «Развязка Ревизора», которая сделалась известной друзьям Гоголя в 1846 г. В 1846 г., вероятно, был написан еще один автокомментарий — «Предуведомление для тех, которые пожелали бы сыграть как следует "Ревизора"» (последние два произведения были опубликованы посмертно).

Следует при этом подчеркнуть, что одно из самых значимых авторских толкований комедии — «Развязка Ревизора» — отнюдь не является следствием якобы изменившегося в последние годы мировоззрения писателя, но органически вытекает из всего предшествующего творчества Гоголя. Проблематику «Ревизора», раскрытую позднее в «Развязке», можно обнаружить в целом ряде гоголевских произведений, включая самые ранние: «Сорочинской ярмарке», «Записках сумасшедшего», «Тарасе Бульбе», «Коляске», «Риме», в статьях «О средних веках», «О сословиях в государстве»[47].

Идеи, высказанные «Развязке Ревизора», восходят ко времени создания самой комедии[48] и были изложены Гоголем — в другой форме, но почти в той же последовательности — в 1841 г. в одиннадцатой главе «Мертвых душ»[49]. По наблюдению В. И. Шенрока, сам стиль «Развязки» («Ну, а что, если это наш же душевный город и сидит он у всякого из нас?») напоминает выражения Гоголя в письме к С. Т. Аксакову от 6/18 августа 1842 г. («Как можно знать, что нет, может быть, тайной связи между сим моим сочинением <“Мертвыми душами”> <...> и между сим отдаленным путешествием?» (паломничеством в Иерусалим)[50]. Значение «Развязки Ревизора» оказывается, таким образом, гораздо шире, чем просто истолкование «Ревизора», она представляет собой некий автокомментарий ко всему гоголевскому творчеству[51].

В тот же день, 17 октября 1839 г., В. В. Пассек проводил И. И. Срезневского, выехавшего в Петербург[52].

[1] См. ***1839. Октября 14. Суббота. Москва.***

[2] Следующее представление «Ревизора» на московской сцене состоялось 23 апреля 1840 г. (см. ***1840. Апреля 23. Вторник. Радоница. 7 часов вечера. Москва***).

[3] Репертуар С.-Петербургских и Московских Русских театров, 1839 года, с 1 по 31 октября // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песоцким, на 1839 год. СПб., 1839. Т. 2. <Отдельная пагинация>. С. 2; см. также: *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1897 гг.> // *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1852.

[4] Вероятно, об этом Аксаков узнал от Гоголя 14 октября 1839 г. (см. ***1839. Октября 14. Суббота. Москва***).

[5] Гоголь ехал в Петербург, чтобы взять из Патриотического института оканчивавших курс сестер Анну и Елисавету.

[6] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 577.

[7] Речь идет о поездке в Петербург.

[8] Из писем О. Сем. Аксаковой (рожденной Заплатиной) // *Свод.* Т. 2. С. 778.

[9] М. Н. Загоскин был в то время директором Императорских московских театров.

[10] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 803–804.

[11] По традиции авторы появлялись на вызов публики в директорской ложе. М. Н. Загоскин, видимо, не прислал вовремя за Гоголем.

[12] Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 788–789.

[13] *Аксаков С. Т.* <Замечания о рукописной редакции «Опыта биографии Н. В. Гоголя...»> (Черновик письма к П. А. Кулишу). <Первая половина декабря 1853. Москва> // *Свод.* Т. 2. С. 633.

[14] См. ***1841. Ноябрь-декабрь. Москва.***

[15] 17 октября 1839 г.

[16] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 706–707.

[17] Чувство разочарования, шум слева (*фр.*).

[18] М. Д. Львова-Синецкая исполняла роль жены Городничего.

[19] В роли Городничего.

[20] И. В. Орлов; исполнял роль Осипа (см. ***1836. Мая 25. Понедельник. Москва***; ***1836. Июня 3. Среда. Москва***).

[21] Гоголь в письмах Н. П. Огарева // *Свод.* Т. 2. С. 141.

[22] Подразумевается сборник, содержавший повести Н. Ф. Павлова «Маскарад», «Демон», «Миллион» и озаглавленный «Новые повести» (СПб., 1839).

[23] Гоголь в письмах Н. Ф. Павлова // *Свод.* Т. 2. С. 144.

[24] Гоголь в письмах Т. Н. Грановского // *Свод.* Т. 2. С. 148.

[25] *Межевич В. С.* Литературное обозрение // *Свод.* Т. 2. С. 146.

[26] Спектакль состоялся не летом, а осенью 1839 г. — 17 октября.

[27] *Панаев И. И.* Литературные воспоминания // *Свод.* Т. 3. С. 285.

[28] *Бартенев П. И.* Воспоминания С. А. Ермоловой <рожденной Чертковой> о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 140.

[29] Имеется в виду представление «Ревизора» в помещении Московского Большого театра 17 октября 1839 г. Гоголь был тогда в ложе у Чертковых.

[30] См. также ***1839. Сентября 29. Пятница — октября 1. Воскресенье. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. С. Волынское*** (примечания).

[31] *Родионов И.* Воспоминания В. А. Нащокиной о Пушкине и Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 552.

[32] *Щепкина А. В.* Михаил Семенович Щепкин в семье и на сцене // *Свод.* Т. 3. С. 34.

[33] *Боборыкин П. Д.* За полвека. Мои воспоминания // Русская Мысль. 1906. № 2. С. 31; см. также: *Боборыкин П. Д.* За полвека. (Мои воспоминания) / Редакция, предисл. и примеч. Б. П. Козьмина. М.; Л., 1929. С. 40–41.

[34] *К. А.* Надежда Алексеевна Никулина // Сезон, иллюстрированный артистический сборник, выходящий в Москве под ред. Н. П. Кичеева. М., 1887. Вып. 1. <Отд. 4>. С. 25.

[35] Михаил Провович Садовский (1847–1910), московский актер.

[36] Ф. С. Потанчиков окончил Московскую театральную школу в 1820 г.

[37] На самом деле речь идет не о первом представлении «Ревизора» на сцене Малого театра в Москве 25 мая 1836 г., где Ф. С. Потанчиков также исполнял роль почтмейстера, но, возможно, о спектакле 17 октября 1839 г. (или о спектакле 23 апреля 1840 г. – см. ***1840. Апреля 23. Вторник. Радоница. 7 часов вечера. Москва***).

[38] *Садовский М. П.* Федор Семенович Потанчиков. (Воспоминания об актере прежнего времени) // *Свод.* Т. 3. С. 39–40.

[39] См. ***1836. Мая 25. Москва. Понедельник.***

[40] См. ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[41] См. ***1841. Декабря 19. Пятница. Москва***; ***1842. Февраля 3. Вторник. Москва.***

[42] Имеется в виду пребывание Гоголя в Москве в 1839–1840 гг. (см. ***1839. Сентября 26 – октября 26. Москва***; ***1839 декабря 21. Четверг – 1840 апреля 27. Суббота. Москва***) и в 1841–1842 гг. (см. ***1841 октября 17 – 1842 мая 23. Москва***).

[43] См. ***1846. Декабря 16 <4>. Среда. Неаполь.*** – См. также ***1832. Июля начало. Москва*** (примечания).

[44] См. ***1847 января 5 <1846 декабря 24>. Вторник. Рождественский сочельник. Неаполь.***

[45] См. ***1836. Января 18. Суббота. Санкт-Петербург.***

[46] См. ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[47] См. коммент. в изд.: *Гоголь Н. В.* Ревизор. Комедия в пяти действиях. С приложениями. М., 1996. С. 328–330.

[48] См. ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург*** (примечания).

[49] Герой «Развязки Ревизора» замечает: «В пьесе выставлено нам униженье наше; не вижу я любви к отечеству в том, кто писал ее». – Ранее в одиннадцатой главе первого тома «Мертвых душ» Гоголь писал: «Еще падет обвинение на автора со стороны так называемых патриотов <...>, они выбегут со всех углов <...> и подымут вдруг крики: “Да хорошо ли выводить это на свет, провозглашать об этом?..”»

«Я уж этого даже не понимаю, – продолжает герой «Развязки...», – как сметь сказать в глаза всем: “Что смеетесь? – Над собой смеетесь!”» – Этим словам в одиннадцатой главе «Мертвых душ» соответствует притча о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче, в своем главном выводе утверждающая мысль о необходимости обратить взгляд на себя, и – «тяжелый запрос»: «А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?»

Строкам «Развязки Ревизора»: «Не то дурно, что нам показывают в дурном дурное и видишь, что оно дурно во всех отношениях; но то дурно, если нам так его выставляют, что не знаешь, злое ли оно или нет...» – соответствует размышление автора в одиннадцатой главе поэмы: «Но не то тяжело, что будут недовольны героем, тяжело то, <...> что тем же самым героем <...> были бы довольны читатели. Не загляни автор поглубже ему в душу, <...> все <...> приняли бы его за интересного человека».

«Несмотря на все удовольствие... – признается герой «Развязки...», – в итоге остается <...> что-то чудовищно мрачное, какой-то страх от беспорядков наших». – Именно отсутствие такого эффекта тревожит Гоголя, когда он пишет в одиннадцатой главе «Мертвых душ»: «Нет нужды, что ни лицо, ни весь образ его не метался бы как живой пред глазами; зато по окончании чтения душа не встревожена ничем...»

Признание героя «Развязки...» завершается словами: «...На меня ни одна трагедия не производила такого печального, такого тягостного, такого безотрадного чувства...» – Чрез все тирады этого героя об отсутствии цели в комедии, при его отрицательном отношении к «безотрадному чувству», внушаемому немой сценой, словно прослушиваются следующие строки одиннадцатой главы поэмы: «Да, мои добрые читатели, вам бы не хотелось видеть обнаруженную человеческую бедность. Зачем, говорите вы, к чему это?»

Находит соответствие в одиннадцатой главе поэмы и главный вывод «Развязки Ревизора»: «...Этакого города нет во всей России: не слыхано, чтобы где были у нас чиновники все до единого такие уроды... <...> Ну, а что, если это наш же душевный город?..» – В «Мертвых душах» этому выводу соответствует сравнение поэмы с городом – также следующее после предполагаемых «обвинений» автору со стороны читателей в сниженности выведенных образов: «С нашей стороны, если, точно, падет обвинение за бледность и невзрачность лиц и характеров, скажем только то, что никогда вначале не видно всего широкого теченья и объема дела. Въезд в какой бы ни было город, хоть даже в столицу, всегда как-то бледен; сначала все серо и однообразно...»

В сравнение первого тома «Мертвых душ» с «въездом в какой бы ни было город» Гоголь, по-видимому, также вкладывал идею «душевного города». Среди гоголевских высказываний имеются два дополнительных свидетельства на этот счет.

В 1843 г. в одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» Гоголь замечал: «...Герои моих последних произведений, и в особенности “Мертвых душ”, будучи далеки от того, чтобы быть портретами действительных людей, будучи сами по себе свойства совсем непривлекательного, неизвестно почему близки душе...»

В письме к А. О. Смирновой от 25 июля (н. ст.) 1845 г. он также сообщал: «Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков (ср. строки “Развязки...”: “...чиновники все до единого такие уроды...” – *И. В.*), и не то,

что им приписывают, есть предмет "Мертвых душ". Это пока еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последующих томах (ср. в письме Гоголя к С. П. Шевыреву от 24 октября (н. ст.) 1846 г. о посылаемой "Развязке...": "«Ревизор» должен быть напечатан <...> с тем заключением, которое сам зритель не догадался вывесть". – *И. В.*)... <...> Повторяю вам вновь, что это [еще] тайна, и ключ от нее покаместь в душе у одного только автора». – Вероятно, это тот самый «ключ», которым размыкается и «шкатулка» «Ревизора»: «Верно, вам автор дал в руки этот ключ...»; «Нет, господа, не давал мне автор ключа...»

[50] См.: *Шенрок.* Т. 4. С. 106.

[51] См.: *Виноградов И. А.* Завязка Ревизора // *Гоголь 2009–2010.* Т. 3–4. С. 618–655.

[52] См.: Путевые письма Измаила Ивановича Срезневскаго из славянских земель. 1839–1842. СПб., 1895. С. 22.

ОКТЯБРЯ 18. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь пишет извинительное письмо директору Императорских Московских театров М. Н. Загоскину по поводу своего внезапного отъезда из театра во время представления «Ревизора» – что было воспринято как неуважение к вызывавшей автора публике[1] (письмо не было отправлено):

«Моего положения внутреннего никто не видал. Никто не мог прочесть на лице моем потрясшего меня удара несчастий в моих отношениях семейственных, который получил я за несколько минут до представления моей пиэсы[2]. <...> ...Я пересилил себя и, несмотря на свое горе, был в театре. Я собрал даже всё присутствие духа, чтобы явиться по первому вызову и принести мою глубокую признательность. Но когда коснулся ушей моих сей единодушный гром рукоплесканий, так лестный для автора, сердце мое сжалось и силы мои меня оставили. Я смотрел с каким-то презрением на мою бесславную славу и думал: теперь я наслаждаюсь и упояюсь ею, а тех близких, мне родных существ, для которых я бы отдал лучшие минуты моей жизни, сторожит грозная, печальная будущность; [и] сердце мое переворотилось! Сквозь крики и рукоплескания мне слышались страдания и вопли. У меня недостало сил. Я исчез из театра. Вот вам причина моего невежественного поступка».

19–20 октября 1839 г. В. С. Аксакова сообщала в Петербург братьям Григорию и Ивану: «Гоголь сам чрезвычайно огорчился этим происшествием и написал даже извинительное письмо, после которого, конечно, никто не может его упрекнуть. Он должен скоро ехать в Петербург и собирается даже вместе с нами, но не знаю, уладится ли это, потому что мы еще не совсем решились – когда ехать»[3].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «На другой день Гоголь одумался, написал извинительное письмо к Загоскину (директору театра), прося его сделать письмо известным в публике, благодарил, извинялся и наклепал на себя небывалые обстоятельства. Погодин прислал это письмо на другой день мне, спрашивая, что делать? Я отсоветовал посылать, с чем и Погодин был согласен. Гоголь не послал письма и на мои вопросы отвечал мне точно то же, на что намекал только в письме, т<о> е<сть> что он перед самым спектаклем получил огорчительное письмо от матери, которое его так расстроило, что принимать в эту минуту изъявление восторга зрителей было для него не только совестно, но даже невозможно. Нам казалось тогда, и теперь еще почти всем кажется такое объяснение неискренним и несправедливым. Мать Гоголя вскоре приехала в Москву, и мы узнали, что ничего особенно огорчительного с нею в это время не случилось. Отговорка Гоголя признана была нами за чистую выдумку; но теперь я отступаюсь от этой мысли, признаю вполне возможным, что обыкновенное письмо о затруднении в уплате процентов по имению, заложенному в Приказе общественного призрения, могло так расстроить Гоголя, что всякое торжество, приятное самолюбию человеческому, могло показаться ему грешным и противным. Объяснение же с публикой о таких щекотливых семейных обстоятельствах,

которое мы сейчас готовы назвать трусостью и подлостью, или, из милости крайним неприличием, – обличают только чистую, прямую, простую душу Гоголя, полную любви к людям и уверенную в их сочувствии»[4].

20 октября 1839 г. Н. Ф. Павлов писал С. П. Шевыреву в Баварию: «На другой день[5], разумеется, по внушенью Погодина, а может быть и нет, Гоголь написал извинительное письмо, в котором говорит, что он был расстроен, что у него есть семейные отношения, какое-то горе, которое помешало ему выдти. Этого письма в ход не пустили, и умно сделали»[6].

[1] См. ***1839. Октября 17. Вторник. Москва.***

[2] Более вероятно, что Гоголь был просто разочарован исполнением пьесы – так же, как ранее был огорчен премьерой «Ревизора» в Петербурге (см. ***1839. Октября 17. Вторник. Москва*** – примечания).

[3] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 803–804.

[4] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 707. См. также: *Аксаков С. Т.* <Замечания о рукописной редакции «Опыта биографии Н. В. Гоголя...»> (Черновик письма к П. А. Кулишу). <Первая половина декабря 1853. Москва> // *Свод.* Т. 2. С. 633.

[5] После представления «Ревизора».

[6] Гоголь в письмах Н. Ф. Павлова // *Свод.* Т. 2. С. 144.

ОКТЯБРЯ 20. ПЯТНИЦА. МОСКВА

С. Т. Аксаков отправляет Гоголю записку, в которой просит отложить отъезд в Петербург «до вторника» (т. е. до 24 отября), на что Гоголь в ответной записке отвечает согласием.

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «...Замедление отъезда происходило от нас. Я писал Гоголю 20-го октября, что, "желая непременно ехать вместе с вами, любезнейший Николай Васильевич, я обращаюсь к вам с вопросом, можете ли вы отложить свой отъезд до вторника? Если не можете, мы едем в воскресенье поутру". На той же записке Гоголь отвечал: "Коли вам это непременно хочется и нужно и я могу сделать вам этим удовольствие, то готов отложить отъезд свой до вторника охотно". Но и во вторник отъезд был отложен...»[1]

Отъезд был отложен до четверга 26 октября 1839 г.[2]

[1] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 672–673.

[2] См. ***1839. Октября 26. Четверг. Москва.***

ОКТЯБРЯ 20. ПЯТНИЦА. ОДЕССА

Д. М. Княжевич пишет С. Т. Аксакову в Москву:

«За доставленные стихи приношу мою благодарность[1], а за уведомление о Гоголе вдвое. Слава Богу, что его, наконец, на святую Русь опять вытащили! Слава Богу! Только если он полюбил Италию, то у вас, верно, соскучится. В таком случае присылайте его к нам: у нас с Италией много сходства, по крайней мере больше, чем у вас. Но ты об нем пишешь как-то таинственно, что заставило нас много думать и догадываться. Если самому некогда, то попроси Константина Сергеича (которого дружески обнимаю) написать нам поподробнее, что и как и для чего.

Хорошо, кабы Гоголь дал для "Альманаха" статейку; в ножки бы ему поклонился. Попроси, пожалуйста! И к Погодину я об этом пишу[2]. Помнишь, я было в Рим хотел писать к нему о том. Авось не откажет по знакомству».

Гоголь в письмах Д. М. Княжевича // *Свод.* Т. 2. С. 966.

[1] Стихи К. С. Аксакова, помещенные в «Одесском альманахе» за 1840 г.: «Певец» (из Гете) и «Ночное посещение» (из Вецеля).

[2] См. ***1840. Ноября 20. Понедельник. Одесса.***

ОКТЯБРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 21. МОСКВА

Гоголь у Аксаковых дважды встречается с В. Г. Белинским[1], знакомится с А. О. Армфельдом[2]; дважды обедает в доме последнего, встречается и знакомится там с А. Д. Галаховым[3].

Из воспоминаний Галахова (1892): «Припомню несколько моих свиданий с Гоголем. Первое относится к тому времени, когда вслед за “Вечерами на хуторе близ Диканьки” явились “Арабески” и “Миргород”. Автор их приехал в Москву, где у него уже было немало почитателей. В числе их, кроме Погодина и семейства Аксаковых, состоял и короткий их знакомый, А. О. Армфельд, профессор судебной медицины и в то же время инспектор классов в Николаевском сиротском институте, где я преподавал историю русской словесности. Он пригласил на обед близких знакомых, в том числе и меня, жаждавших лицезреть новое светило нашей литературы. Обедом не торопились, зная обычай Гоголя запаздывать, но потом, потеряв надежду на его прибытие, сели за стол. При втором блюде явился Гоголь, видимо смущенный, что заставил себя долго ждать. Он сидел серьезный и сдержанный, как будто дичился, встретив две-три незнакомые личности. Но когда зашла речь о повести Основьяненки (Квитки) “Пан Халявский”, напечатанной в “Отечественных Записках”[4], тогда и он скромно вставил свое суждение. Соглашаясь с замечанием, что в главном лице (Халявском) есть преувеличения, доходящие до карикатуры, он старался, однако ж, умалить этот недостаток. Может быть, я ошибаюсь, но мне казалось, что он в невыгодном отзыве о Квитке видел как бы косвенную похвалу себе, намерение возвеличить его собственный талант. Вообще он говорил очень умно и держал себя отлично, не в пример другим случаям.

Вторая встреча устроилась в том же доме. Хозяин (Армфельд) играл в карты с С. Т. Аксаковым, а Гоголь, обедавший с ними, спал на кровати. Проснувшись, он вышел из-под полога, и я был представлен ему, как искренний поклонник его таланта, знакомивший институток[5] с его сочинениями, которые читались мною по вечерам в квартире начальницы, разумеется, с исключением некоторых мест[6], не подлежащих ведению девиц. Гоголь, бывший в хорошем расположении духа, протянул мне руку и сказал, смеясь: “Не слушайтесь вашего инспектора, читайте все сплошь и рядом, не пропускайте ничего”. — “Как это можно? — возразил Армфельд. — Всему есть вес и мера”. — “Да не все ли равно? Ведь дивчата прочтут же тайком, втихомолку”»[7].

[1] См. ***1839. Октября 21. Суббота. Москва; 1839. Октября 24–25. Вторник-среда. Москва.***

[2] Александр Осипович Армфельд (1806–1868), профессор судебной медицины в Московском университете.

[3] Алексей Дмитриевич Галахов (1807–1892), критик, историк литературы, профессор Петербургского университета, последователь В. Г. Белинского.

[4] Первая часть повести Г. Ф. Грицко-Основьяненко «Пан Халявский» была опубликована в «Отечественных Записках» в 1839 г. (эта часть повести при публикации была, в свою очередь, разделена на две половины, или «части»): *Основьяненко Грицько.* Пан Халявский. Часть первая // Отечественные Записки. 1839. № 6 (цензурное разрешение 14 июня). Отд. 3. С. 5–73; *Основьяненко Грицько.* Пан Халявский. Часть вторая // Отечественные Записки. 1839. № 7 (цензурное разрешение 14 июля). Отд. 3. С. 144–206. — Поскольку на обеде у Аксаковых 21 октября 1839 г. А. О. Армфельд, по-видимому, уже был знаком с Гоголем (***1839. Октября 21. Суббота. Москва***), то, вероятно, описанные Галаховым обеды у Армфельда состоялись до этого времени.

[5] Вероятно, имеются в виду воспитанницы Николаевского Сиротского института в Москве, преподавателем которого Галахов стал в 1839 г.

[6] См. также ***1839. Декабря 3. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[7] *Галахов А. Д.* Сороковые годы // *Свод.* Т. 3. С. 301.

ОКТЯБРЯ 21. СУББОТА. МОСКВА

Гоголь обедал у Аксаковых. Присутствовали М. С. и Д. М. Щепкины, И. И. Панаев, В. Г. Белинский[1], Н. Ф. Павлов, А. О. Армфельд.

Через несколько дней, 24–25 октября 1839 г., К. С. Аксаков сообщал братьям Григорию и Ивану в Петербург: «Гоголь у нас обедал и просидел до первого часу. Он был окружен людьми, его искренно любящими и понимающими его великий талант. Тут сидели: я, Дм. Щепкин, М<ихаил> С<еменович>, Панаев[2], Белинский; отесенька приходил тоже из гостиной, где играли в карты, Армфельд и Н. Ф. Павлов также. Последний и жалок и смешон и не знает, какую роль принять ему в присутствии Гоголя, который его давит и подавляет. Он все старается заметить, что он сам по себе, а Гоголь сам по себе, так что иногда щадишь бедного Н<иколая> Ф<илипповича>»[3].

[1] См. также ***1839. Октября не позднее 21. Москва***; ***1839. Октября 24–25. Вторник-среда. Москва.***

[2] И. И. Панаев.

[3] Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 789.

ОКТЯБРЯ 21. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Постановка «Ревизора» в Училище правоведения.

На следующий день, 22 октября 1839 г., Г. С. Аксаков писал родным: «У нас в училище играли в субботу после всенощной “Ревизора” Гоголя, разумеется, без декораций и хороших костюмов. Все училище смотрело и восхищалось этой пиесой. Сначала было вовсе запретили играть, но тогда отправились все в известное место и там представляли, как могли. Потом получили позволение от принца[1] которому донес о том директор[2]; и тогда все, что можно было сделать, не имея костюмов и декораций, было сделано. Против ожидания, шло очень хорошо. Особенно удачно-сыграны роли Хлестакова и Осипа.

Я думаю, Гоголю будет очень приятно, когда он узнает, что пиеса его была играна в училище и что ее почти всякий из нас знает наизусть[3]; сколько эпиграфов приведено было из его комедии к нашим профессорам; всякому досталось!»[4]

И. С. Аксаков 22 октября 1839 г. также писал родителям: «Вчера у нас играли “Ревизора” (т. е. только наш и 2-й класс). Некоторые были просто в куртках, другие склеили себе костюмы из бумаги. Впрочем, очень, очень порядочно играли, тем более, что это все устроили в одну неделю и в первый раз, без пособия кулис и костюмов. Был директор, только не на всем спектакле, очень смеялся и, говорят, хочет об этом доложить принцу — может быть, у нас устроят театр, как и в некоторых других заведениях. <...> Итак, письмо это, может быть, и не застанет отесеньку. <...> Стало, я увижу Гоголя[5], но я не понимаю: что, он приедет вместе с отесенькой или только в одно время с ним?»[6]

[1] Принц Ольденбургский Петр Георгиевич (1812–1881), основатель и попечитель Училища правоведения.

[2] Семен Антонович Пошман (1792–1847), действительный статский советник.

[3] Об отношении воспитанников Училища правоведения к Гоголю и его произведениям см. также: ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

[4] Гоголь в письмах Г. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 903.

[5] См. ***1839. Октября 30. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[6] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 905.

ОКТЯБРЯ 22. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Перенесение Андрониковской иконы Пресвятой Богородицы из Афона в Санкт-Петербург.

ОКТЯБРЯ 24–25. ВТОРНИК-СРЕДА. МОСКВА

К. С. Аксаков сообщает братьям Григорию и Ивану в Петербург:

«Вот, наконец, наши[1] отправляются к вам, и с Гоголем[2], который недолго пробудет в Петербурге. Я мало еще писал вам об нем, милые братья, и потому напишу теперь. Мы не говорили вовсе с ним о его сочинениях, потом мало-помалу, издалека, заводили разговор так, что, наконец, он сам рассказывал нам о поста<но>вке “Ревизора” и проч. <...> После этого[3] он был у нас несколько раз, и я еще более, как и все, полюбил его! Белинский, которого прошу вас встретить ласково[4], видел его у нас два раза и прошедшую субботу[5]. Какой день был это для нас!»

Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 788–789.

[1] С. Т. Аксаков с дочерью Верой и сыном Михаилом.
[2] См. ***1839. Октября 26. Четверг. Москва.***
[3] См. ***1839. Октября 17. Вторник. Москва.***
[4] В. Г. Белинский переехал в Петербург в конце октября 1839 г.
[5] См. ***1839. Октября 21. Суббота. Москва.***

НОЯБРЯ 6 <ОКТЯБРЯ 25>. СРЕДА. МЮНХЕН

С. П. Шевырев пишет М. П. Погодину в Москву:

«Не знаю, как вы доехали? <...> Где Гоголь? — Как кто приедет в Москву, тотчас замолчит. Безответный город».

Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 86.

ОКТЯБРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 26. МОСКВА

Гоголь отправляет записку С. Т. Аксакову:

«Жалею очень на нездоровье Веры Сергеевны, а что до картины или до Рафаэлей, как полагает их владетель, то они без всякого сомнения от нас не уйдут. К обеду к вам притечем».

ОКТЯБРЬ. МОСКВА

Гоголь читает «Тяжбу» у Чертковых.

Позднее П. И. Бартенев, со слов дочери А. Д. и Е. Г. Чертковых Софьи Александровны, сообщал, что Гоголь был «другом ее матери» и что «она помнит его с раннего детства»: «“Мы, дети и подростки, всегда радовались, когда он к нам приходил. Было в нем что-то обаятельное. Чудесные глаза, проницательные и в то же время кроткие и добрые, то задумчивость, то шутливость произво-

дили впечатление неизгладимое". <...> У Чертковых он держал себя откровенно и добродушно, и не стеснялся. Софья Александровна помнит, как однажды он начал икать и говорил: "чорт возьми, как я у вас объелся, напала икота"[1], и далее разный вздор. "Да перестаньте же", – говорят ему. "Что же вы мне мешаете", – отвечает Гоголь. Оказалось, что это было началом его какой-то повести[2]. Известно, как превосходно он читал; выводимые им лица говорили, словно живые, и он лицедействовал, как чудесный актер на сцене».

Бартенев П. И. Воспоминания С. А. Ермоловой <рожденной Чертковой> о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 140.

[1] См. также ***1839. Октября 14. Суббота. Москва.***
[2] Имеется в виду первая сцена драматического отрывка «Тяжба».

ОКТЯБРЯ 26. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголь накануне отъезда в Петербург отправляет записку С. Т. Аксакову:

«Составилось намерение для того, чтобы не останавливаться на дороге за обедом: позавтракать здесь, т. е. у вас, и потому мы с Погодиным в 1 ½ час. к вам – недурно, если бы и Щепкин был. – Итак, если это вам покажется и не затруднит вас, то уведомьте. Позавтракать можно даже в 2 часа, ибо Погодин теперь сказал, что ему даже нельзя выйти из университета раньше 2 часов».

В тот же день С. Т. Аксаков отвечал на записку Гоголя:

«Я и так продержал сутки дилижанс, лошади с 8 часов здесь; назначены 2 часа. Начинаем завтрак; это значит – мы выедем в 4, то есть в ночь. Итак, я считаю самым удобным отправиться сию минуту. Впрочем, уведомьте, любезный Николай Васильевич; как Вы решите, так и будет».

В ответ Гоголь сообщал:

«Вы правы, через час я готов».

В тот же день Гоголь и С. Т., В. С. и М. С. Аксаковы выехали из Москвы в Петербург.

В 1854 г. С. Т. Аксаков в адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» сообщал: «26 октября того же года он уехал вместе с одним из своих друзей[1] в Петербург для того, чтоб взять двух своих сестер из Патриотического Института»[2].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «...Мы выехали в четверг после обеда 26-го октября (1839 г.). Я взял особый дилижанс, разделенный на два купе: в переднем сидел Миша и Гоголь, а в заднем – я с Верой. Оба купе сообщались двумя небольшими окнами, в которых деревянные рамки можно было поднимать и опускать: с нашей стороны в рамках были вставлены два зеркала. Это путешествие было для меня и для детей моих так приятно, так весело, что я и теперь вспоминаю о нем с удовольствием. Гоголь был так любезен, так постоянно шутлив, что мы помирали со смеху. Все эти шутки обыкновенно происходили на станциях или при разговорах с кондуктором и ямщиками. Самый обыкновенный вопрос или какое-нибудь требование Гоголь умел так сказать забавно, что мы сейчас начинали хохотать; иногда даже было нам совестно перед Гоголем, особенно когда мы бывали окружены толпою слушателей. В продолжение дороги, которая тянулась [около пяти] более четырех суток, Гоголь говорил иногда с увлечением о жизни в Италии, о живописи (которую очень любил и к которой имел решительный талант), об

искусстве вообще, о комедии в особенности, о своем “Ревизоре”, очень сожалея о том, что главная роль, Хлестакова, играется дурно в Петербурге и Москве, отчего пьеса теряла весь смысл (хотя в Москве он не видал “Ревизора” на сцене[3]). Он предлагал мне, воротясь из Петербурга, разыграть “Ревизора” на домашнем театре; сам хотел взять роль Хлестакова, мне предлагал Городничего, Томашевскому[4] (с которым я успел его познакомить), служившему цензором в Почтамте, назначал роль почтмейстера, и так далее. Много высказывал Гоголь таких ясных и верных взглядов на искусство, таких тонких пониманий художества, что я был очарован им. Большую же часть во время езды, закутавшись в шинель, подняв ее воротник выше головы, он читал какую-то книгу, которую прятал под себя или клал в мешок, который всегда выносил с собою на станциях. В этом огромном мешке находились принадлежности туалета: какое-то масло, которым он мазал свои волосы, усы и эспаньолку, [множество щеток и щеточек] несколько головных щеток, из которых одна была очень большая и кривая: ею Гоголь расчесывал свои длинные волосы. Тут же были ножницы, щипчики и щеточки для ногтей и, наконец несколько книг. Сосед Гоголя, четырнадцатилетний наш Миша, живой и веселый, всегда показывал нам знаками, что делает Гоголь, читает или дремлет. Миша подсмотрел даже, какую книгу он читал: это был Шекспир на французском языке[5].

Гоголь чувствовал всегда, особенно в сидячем положении, необыкновенную зябкость; без сомнения, это было признаком болезненного состояния нерв, которые не пришли еще в свое нормальное положение после смерти Пушкина. Гоголь мог согревать ноги только ходьбою и для того в дорогу он надел сверх сапогов длинные и толстые русские шерстяные чулки и сверх всего этого теплые медвежьи сапоги. Несмотря на то, он на каждой станции бегал по комнатам и даже по улицам во все время, пока перекладывали лошадей, или просто ставил ноги в печку. Гоголь был тогда еще немножко гастрономом; он взял на себя распоряжение нашим кофеем, чаем, завтраком и обедом»[6].

В заметках о Гоголе 1861–1864 гг. В. С. Аксакова сообщала: «...Через месяц[7] мы уже ехали вместе в Петерб<ург> и дорогой еще больше сблизились»[8].

[1] Имеется в виду сам С. Т. Аксаков. В «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (1856) Кулиша вместо: «с одним из своих друзей», — «с одним близким ему семейством».

[2] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 636.

[3] Ошибка С. Т. Аксакова. Гоголь присутствовал на представлении «Ревизора» на сцене московского Большого театра 17 октября 1839 г. Сам С. Т. Аксаков в своей «Истории нашего знакомства с Гоголем...» рассказывает об этом спектакле среди описания событий начала 1842 г. (см. ***1839. Октября 17. Вторник. Москва***).

[4] «Антон Францович Томашевский, один из приятелей С<ергея> Т<имофееви>ча, бывший член литературного кружка Раича» (примеч. И. С. Аксакова в изд.: Отрывок из рукописи Сергея Тимофеевича Аксакова: «История моего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852» // Русь. 1880. 13 дек. № 5. С. 13).

[5] См. также ***1838. Апреля 23 <11>. Понедельник. Рим***; ***1840. Июля 7 <июня 25>. Вторник. Вена.***

[6] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 673–674.

[7] См. ***1839. Октября 1. Воскресенье. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Москва.***

[8] Список с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 898.

ОКТЯБРЯ 28. СУББОТА. УТРО. ТОРЖОК

Гоголь с С. Т., В. С. и М. С. Аксаковыми завтракают в Торжке.

В 1854 г. С. Т. Аксаков замечал: «Во время поездки в Петерб<ург> в 1839 году, на станции в Торжке — волосы в котлетах. Послали за половым, и Гоголь предупредил А<ксако>вых, как будет отвечать половой: “Волосы-с? какие же тут волосы-с? Откуда придется волосам-с? Это так-с, ничего-с! Куриные перушки или пух и проч. и проч.” В самую эту минуту вошел половой и на предложенный нами вопрос отвечал точно то же, что говорил Гоголь, многое даже теми самыми словами»[1].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Ехали мы чрезвычайно медленно, потому что лошади, возившие дилижансы, едва таскали ноги, а Гоголь рассчитал, что на другой день, часов в пять пополудни, мы должны приехать в Торжок, следственно должны там обедать и полакомиться знаменитыми котлетами Пожарского[2], и ради таковых причин дал нам только позавтракать[3], обедать же не дал: мы весело повиновались такому распоряжению. Вместо 5-ти часов вечера мы приехали в Торжок в 3 часа утра. Гоголь шутил так забавно над будущим нашим утренним обедом, что мы с громким смехом взошли на лестницу известной гостиницы, и Гоголь сейчас заказал нам дюжину котлет с тем, чтоб других блюд не спрашивать. Через полчаса были готовы котлеты, и одна их наружность и запах возбудили сильный аппетит в проголодавшихся путешественниках. Котлеты были точно необыкновенно вкусны, но вдруг (кажется, первая Вера) мы все перестали жевать, а начали вытаскивать из своих ртов довольно длинные белокурые волосы. Картина была очень забавная, а шутки Гоголя придали столько комического этому приключению, что несколько минут мы только хохотали, как безумные. Успокоившись, принялись мы рассматривать свои котлеты, и что же оказалось? В каждой из них мы нашли по нескольку десятков таких же длинных белокурых волос! Как они туда попали, я и теперь не понимаю. Предположения Гоголя были одно другого смешнее. Между прочим он говорил с своим неподражаемым малороссийским юмором, что "верно повар был пьян и не выспался, что его разбудили и что он с досады рвал на себе волосы, когда готовил котлеты; а может быть, он и не пьян и очень добрый человек, а был болен недавно лихорадкой, отчего у него лезли волосы, которые и падали на кушанье, когда он, приготовляя его, потряхивал своими белокурыми кудрями". Мы послали для объяснения за половым, и Гоголь предупредил нас, какой ответ мы получим от полового: "Волосы-с? Какие же тут волосы-с? Откуда придти волосам-с? Это так-с, ничего-с! Куриные перушки или пух, и проч., и проч." В самую эту минуту вошел половой и на предложенный нами вопрос отвечал точно то же, что говорил Гоголь, многое даже теми же самыми словами. Хохот до того овладел нами, что половой и наш человек посмотрели на нас, выпуча глаза от удивления, и я боялся, чтобы Вере не сделалось дурно. Наконец припадок смеха прошел. Вера попросила себе разогреть бульону; а мы трое, вытаскав предварительно все волосы, принялись мужественно за котлеты.

Так же весело продолжалась вся дорога. Не помню, где-то предлагали нам купить пряников. Гоголь, взявши один из них, начал с самым простодушным видом и серьезным голосом уверять продавца, что это не пряники; что он ошибся и захватил как-нибудь куски мыла вместо пряников, что и по белому их цвету это видно, да и пахнут они мылом, что пусть он сам отведает и что мыло стоит гораздо дороже, чем пряники[4]. Продавец сначала очень серьезно и убедительно доказывал, что это точно пряники, а не мыло, и наконец рассердился. В моем рассказе ничего нет смешного, но, слушая Гоголя, не было возможности не смеяться»[5].

[1] *Аксаков С. Т.* Из истории нашего знакомства с Гоголем <1832–1840 гг.>. <Выписки рукою П. А. Кулиша>. <Конец ноября – начало декабря 1854 г.> // *Свод.* Т. 2. С. 657.

[2] Котлеты Пожарского – блюдо из птицы, подававшееся в Торжке в трактире Пожарского. По преданию, во время остановки императора Александра I в трактире Пожарского был заказан обед, в меню которого входили телячьи котлеты. Однако, у Пожарского в тот момент не оказалось телятины, и он приготовил котлеты из куриного мяса. Блюдо понравилось императору и он назвал котлеты Пожарскими. 9 ноября 1826 г. А. С. Пушкин писал С. А. Соболевскому из Михайловского: «На досуге отобедай / У Пожарского в Торжке / Жареных котлет отведай (именно котлет) / И отправься налегке». Во времена Пушкина и Гоголя содержательницей трактира Пожарского в Торжке была «купецкая девица» Дарья Евдокимовна Пожарская (1798–1854). Подробнее см.: *Пушкин.* Письма. Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 196–197.

[3] Возможно, в Твери.

[4] Ср. описание города NN в первой главе первого тома «Мертвых душ»: «Кое-где просто на улице стояли столы с орехами, мылом и пряниками, похожими на мыло...»

[5] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 674–675.

ОКТЯБРЯ 30. ПОНЕДЕЛЬНИК. УТРО. С. ПОМЕРАНЬЕ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Гоголь с С. Т., В. С. и М. С. Аксаковыми завтракают на станции Померанье.

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Помню я также завтрак на станции в Померани, которая издавна славилась своим кофеем и вафлями, и еще более была замечательна тогда уже старым своим слугою, 20 лет ходившим по-видимому в одном и том же фраке, в одних и тех же чулках и башмаках с пряжками. Это был лакей высшего разряда, с самой представительной наружностью и приличными манерами. Его знала вся Россия, ездившая в Петербург. В какое бы время дня и ночи ни приехали порядочно одетые путешественники, особенно дамы, лакей-джентльмен являлся немедленно в полном своем костюме. Меня уверяли, что он всегда спал в нем, сидя на стуле. С этим-то, интересным для Гоголя, человеком умел он разговаривать так мастерски, впадая в его тон, что всегда хладнокровно-учтивый старик, оставляя вечно носимую маску, являлся другим лицом, так сказать, с внутренними своими чертами. В этом разговоре было что-то умилительно забавное и для меня даже трогательное».

Аксаков С. Т. История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 675.

ОКТЯБРЯ 30. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВЕЧЕР. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь с С. Т., В. С. и М. С. Аксаковыми приехал в Петербург; остановился отдельно от них у П. А. Плетнева. (Жена Плетнева, Степанида Александровна, умерла за полгода перед тем, 21 апреля 1839 г.[1])

В 1854 г. С. Т. Аксаков в адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» сообщал: «В Петербурге он остановился сначала у Плетнева, а через две недели <через один-два дня> переехал к Жуковскому[2], который жил тогда во дворце. В продолжении дороги в Петербург Гоголь был очень весел и заставлял хохотать своих спутников, но в Петербурге совершенно переменился. Он встретил какие-то неудачи, которые привели его опять в затруднительное положение насчет денег»[3].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «30-го октября в восемь часов вечера приехали мы в Петербург. Не доезжая до Владимирской, где был дом Карташевских[4], Гоголь вышел из дилижанса, захватил свой мешок и простился с нами. Он не знал, где остановится: у Плетнева или у Жуковского. Он обещал немедленно прислать за своими вещами и чемоданом и уведомить нас о своей квартире; хотел также скоро побывать и сам. Но обещания Гоголя в этом роде были весьма неверны; в тот же самый вечер, но так поздно, что все уже легли спать, Гоголь приезжал сам, взял свой мешок и еще кое-что и сказал человеку, что пришлет за остальными вещами; но где живет, не сказал»[5].

[1] См. ***1839. Апреля 21 <мая 3>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1839. Ноября 1. Среда. Царское Село***; ***1839. Ноября 3. Пятница. Санкт-Петербург.***

[3] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 636.

[4] Имеются в виду сенатор Григорий Иванович Карташевский (1777 — 12 августа 1840) и его жена Надежда Тимофеевна (рожд. Аксакова, 1794–1887), сестра С. Т. Аксакова. «Родная сестра С. Т<имофееви>ча, Надежда Тимофеевна (Наташа Сем<ейной> Хроники и Детских годов) была замужем за Григ. Ив. Карташевским, в то время сенатором. Он умер в 1840 г. Ред<актор И. С. Аксаков>» (примеч. И. С. Аксакова в изд.: Отрывок из рукописи Сергея Тимофеевича Аксакова: «История моего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852» // Русь. 1880. 13 дек. № 5. С. 14).

[5] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 675.

ОКТЯБРЯ 30 – ДЕКАБРЯ 17. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь живет в Петербурге; занимается делами сестер Анны и Елисаветы, оканчивающих Патриотический институт. Вскоре по приезде навещает Балабиных[1]; от П. А. Плетнева переезжает к В. А. Жуковскому[2]. Предположительно, через Плетнева знакомится с А. О. Ишимовой[3]; бывает у графа Мих. Ю. Виельгорского[4], у А. О. Смирновой[5], у С. Т., В. С. и М. С. Аксаковых (в доме Карташевских); у князя В. Ф. Одоевского (где встречается с В. Г. Белинским[6]), у А. А. Трощинского[7], у Н. Я. Прокоповича (где видится с П. В. Анненковым, И. И. Панаевым и, вероятно, с А. Н. Мокрицким)[8]; в домах князя П. А. Вяземского[9] и Валуевых[10] встречается с А. И. Тургеневым.

В период пребывания в Петербурге высоко отзывается о начатой Ф. А. фон Моллером в Риме картине «Русалка»[11].

Возможно, тогда же Гоголь знакомится с только что вышедшем в Петербурге новым синодальным переводом Кормчей книги: Книга правил Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец, на первоначальном Еллинском наречии и в переложении Славенороссийском, напечатана в царствующем граде святаго Петра, первым тиснением. 1839. Внимание Гоголя в то время могло привлечь одно из правил св. Афанасия Великого, архиепископа Александрийского, в котором святитель пишет о достойных снисхождения и даже восстановления клириках, которые во время гонений были насильно привлечены от Православия к арианству – тем более, если они решились на это не без «благоусмотрения» и принесли затем «достойное веры оправдание», – утверждая, «что они не совращались в нечестие, но дабы некоторые, соделавшись нечестивейшими, не расстроили Церквей, почли за лучшее уступити насилию и понести бремя, нежели погубити народ»[12]. Содержание этого правила нашло отражение во второй редакции «Тараса Бульбы» (1842), в описании подвига атамана Мосия Шила, принявшего мусульманство ради спасения казаков. (Во второй редакции повести Гоголь использовал образы и художественный материал сожженной в 1841 г.[13] драмы из эпохи Богдана Хмельницкого, работа над которой была начата летом 1839 г. в Мариенбаде[14] – и продолжена в том же году в Петербурге[15].)

Возможно, однако, что знакомство Гоголя с «Книгой правил...» (и, соответственно, появление во второй редакции «Тараса Бульбы» описания подвига Мосия Шила) относится к тому времени, когда Гоголь (предположительно, по возвращении в Москву из-за границы осенью 1841 г.) сделал из «Книги правил...» несколько выписок, в том числе посвященных вопросу о воинском призвании[16].

[1] См. ***1839. Мая 30 <18>. Четверг. Рим***; ***1839. Сентября 5 <августа 24>. Четверг. Вена***; ***1839. Ноября 17. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1839. Ноября 3. Пятница. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1846. Декабря 4 <16>. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[4] См. ***1839. Ноября 1. Среда. Царское Село, Санкт-Петербург***; ***1839. Ноября 2. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1839. Ноября 15. Среда. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1839. Ноября 20–25. Понедельник-суббота. Санкт-Петербург***; ***1839. Декабря 1. Пятница. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1839. Ноября 18. Суббота. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1839. Ноября конец – декабря начало. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1839. Ноября после 3 – декабря не позднее 17. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1839. Ноября 15. Среда. Санкт-Петербург.***

[10] См. ***1839. Декабря 5. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1839. Декабря 7. Четверг. Санкт-Петербург.***

[11] См. ***1839. Марта 18 <6>. Понедельник. Рим***; ***1840. Июля начало <июня вторая половина>. Рим***; ***1841. Марта 22 <апреля 3>. Лазарева суббота. Санкт-Петербург.***

[12] Книга правил... С. 335.

[13] См. ***1841. Августа около 26 <около 14>. Дюссельдорф, Франкфурт.***

[14] См. ***1839. Августа 15 <3>. Четверг. Мариенбад.***

[15] См. ***1839. Ноября 13. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1839. Ноября 26. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[16] См. ***1841 октября 17 – 1842 мая 23. Москва.*** – См. также ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

ОКТЯБРЯ 30. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

М. П. Погодин пишет М. А. Максимовичу в Киев:

«Гоголя я привез[1], жил у меня месяц, а теперь поехал в Петербург за сестрами, воротится ко мне опять месяца на три, и отправится в Рим. Написал он много»[2].

Из писем М. П. Погодина // *Свод.* Т. 2. С. 412.

[1] См. ***1839. Сентября 26. Вторник. Москва***; ***1839. Ноября первая половина. Киев.***

[2] 10 января 1840 г. Гоголь отвечал Максимовичу: «Погодин слил пулю, сказавши тебе, что у меня есть много написанного. У меня есть, это правда, роман, из которого я не хочу ничего объявлять до времени его появления в свет; притом, отрывок не будет иметь большой цены в твоем сборнике...» (см. ***1840. Января 10. Среда. Москва***). Имеется в виду альманах «Киевлянин» (первая книжка вышла в феврале 1840 г.). В письме от 28 марта – 7 апреля 1840 г. Погодин благодарил Максимовича за присылку книги (см. также ***1840. Апреля 7. Вербное воскресенье. Москва***).

ОКТЯБРЯ 31. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь предположительно навещает сестер Анну и Елисавету в Патриотическом институте благородных девиц.

Сестра Елисавета позднее вспоминала: «Перед выпуском за 3 месяца возвратился брат из Рима, и так как не мог долго оставаться в Петербурге, то взял нас прежде[1], и я несколько дней сряду плакала с M<ademois>elle Ме<лентьевой>, ожидая, что вот скоро настанет день разлуки»[2].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «...<Гоголь> [не прислал за чемоданом даже и на другой день <31 октября>[3]]. На другой день я поехал его отыскивать [он оказался у Плетнева, но на другой день хотел переехать к Жуковскому и тогда прислать за чемоданом], но не успел отыскать. По множеству моих разъездов, я не успел побывать у Плетнева, а у Жуковского Гоголя не оказалось»[4].

Возможно, в тот же день Аксаков беседовал с Жуковским, о чем позднее вспоминал, ошибочно датировав этот разговор 27 ноября 1839 г.[5]: «...Я поехал к Гоголю. Мне сказали, что его нет дома, и я зашел к его хозяину, к Жуковскому. Я не был с ним коротко знаком, но по Кавелину[6] и Гоголю он хорошо меня знал. Я засиделся у него часа два. Говорили о Гоголе. Я не могу умолчать, несмотря на все мое уважение к знаменитому писателю и еще большее уважение к его высоким нравственным достоинствам, [мне показалось тогда] – что Жуковский не вполне ценил талант Гоголя. Я подозреваю в этом даже [и] Пушкина, особенно потому, что Пушкин погиб, [не зная “Мертвых Душ”] зная только наброски первых глав “Мертвых Душ”. Оба они восхищались талантом Гоголя в изображении пошлости человеческой, его неподражаемым искусством схватывать вовсе незаметные черты и придавать им такую выпуклость, такую жизнь, такое внутреннее значение, что каждый образ становился живым лицом, совершенно понятным и незабвенным для читателя, восхищались его юмором, комизмом, – и только. Серьезного значения, мне так кажется, они не придавали ему[7]. Впрочем, должно предположить по письмам и отзывам Жуковского, что он уже понимал Гоголя вполне. Жуковский также много говорил со мной о Милькееве[8], принимая теплое участие в его судьбе. Он читал мне многие его письма, которые несравненно лучше его стихов, имеющих также достоинство, хотя одностороннее. Письма Милькеева очень меня разогрели, и я разделял надежды Жуковского, не оправдавшиеся впоследствии. Наконец я простился с ласковым хозяином...»[9]

[1] См. ***1839. Ноября 19. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 1. С. 181–182.

[3] См. ***1839. Октября 30. Понедельник. Вечер. Санкт-Петербург.***

[4] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 675.

[5] См. ***1839. Ноября 26. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[6] Александр Александрович Кавелин (1793–1850), генерал-адъютант, состоял при Наследнике Александре Николаевиче.

[7] В 1880 г. И. С. Аксаков сделал далее дополнение: «Неприятно звучало мне часто упоминаемое тогда Жуковским сравнение Гоголя с Теньером» (Отрывок из рукописи Сергея Тимофеевича Аксакова: «История моего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852» // Русь. 1880. 13 дек. № 5. С. 15). – Давид Теньер (Тенирс, 1610–1690), фламандский художник-жанрист.

[8] Евгений Лукич Милькеев (1815–1840), поэт.

[9] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 683–684.

НОЯБРЯ 1. СРЕДА. ЦАРСКОЕ СЕЛО, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь с утра навещает В. А. Жуковского в Царском Селе и, вероятно, просит ходатайствовать за него перед Императрицей Александрой Феодоровной об оказании материальной помощи при выпуске сестер (Анны и Елисаветы) из Патриотического института[1].

Жуковский записал в дневнике: «*1 ноября <1839 г.>, середа.* У меня Гоголь»[2].

В тот же день, по возвращении из Царского Села, Гоголь заходит к Виельгорским и, не застав графа Мих. Ю. Виельгорского дома, оставляет ему записку:

«Я приехал в Петербург на очень короткое время. Я был у вас, чтобы обнять вас, но жаль не застал дома. Я остановился у Плетнева недалеко от вас, в улице Новомихайловской, в доме Строганова. Сегодня мне нужно отряхнуться после дороги и поискать пристанища, но завтра я надеюсь быть у вас. <...> Вот между прочим письмо[3], которое Жуковский просил вас отослать как можно скорее в канцелярию Императ<рицы>. Прощайте. <...> До завтра! Я пробуду 1 ½ недели»[4].

[1] См. ***1839. Ноября 4. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 41.

[3] Не сохранилось.

[4] Гоголь пробыл в Петербурге более полутора месяцев (см. ***1839. Декабря 17. Воскресенье. 9 часов вечера. Санкт-Петербург***).

НОЯБРЯ 2. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Новый визит Гоголя к Виельгорским.

Из письма Гоголя к графу Мих. Ю. Виельгорскому от 1 ноября 1839 г.: «До завтра!»

См. ***1839. Ноября 1. Среда. Царское Село, Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 3. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

С. Т. Аксаков навестил Гоголя у В. А. Жуковского.

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Наконец, 3-го ноября, я был у Гоголя. Он только что переехал к Жуковскому и обещал на другой день, то есть 4-го, приехать обедать к нам. Он очень мне обрадовался, но казался чем-то смущенным и уже не походил на прежнего, *дорожного* Гоголя».

Аксаков С. Т. История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 675–676.

НОЯБРЯ 4. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь посетил Аксаковых в доме Карташевских[1].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Он развеселился несколько, говоря, что возьмет своих сестер и опять вместе с нами поедет в Москву; хотел немедленно, как только можно будет переехать через Неву, повезти нас в Патриотический институт, чтоб познакомить с своими сестрами. Он не остался у нас обедать, потому что за ним прислал Жуковский. Я познакомил его с моими хозяевами. Гоголь всем не очень понравился, даже Машеньке[2]. Вообще должно сказать, что, кроме Машеньки, никто не понимал и не ценил Гоголя как писателя. Гр. Ив. Карташевский даже и не читал его; но я надеялся, что он может и должен вполне оценить Гоголя, потому что в молодости, когда он был еще моим воспитателем, он страстно любил "Дон-Кихота", обожал Шекспира и Гомера и первый развил в моей душе любовь к искусству. Ожидания мои не оправдались[3], что увидим впоследствии»[4].

В заметках о Гоголе 1861–1864 гг. В. С. Аксакова сообщала: «В Петерб<урге> мы видались довольно часто, хотя на короткое время»[5].

В тот же день, 4 ноября 1839 г., Гоголь отправил ответное письмо М. П. Погодину:

«По поводу моих сестер столько мне дел и потребностей денежных, как я никак не ожидал: на одну музыку и братые им уроки нужно заплатить более тысячи, да притом на обмундировку, то, другое, так что у меня голова кружится. Надеюсь на Жуковского, но до сих пор ника<кого> верного ответа не получил. Правда, что время не очень благоприятное».

Необходимость «обмундировки» и «экипирования» сестер в 1839 г. поставила Гоголя в материальные затруднения («экипирование», «экипировка», – выражения, которые употреблял Гоголь в таких случаях; 7 апреля 1828 г. он, в частности, писал матери из Нежина: «Желал бы, сколько возможно, уменьшить свои нужды (я трепещу, воображая, каким трудом вами достается нам даже необходимое), но несмотря на мои великие ограничения, менее 200 рублей не может обойтиться мне мое экипирование»[6]).

Еще до отъезда из Москвы в Петербург, в сентябре 1839 г., Гоголь обратился в письме к В. А. Жуковскому с просьбой о денежной помощи: «Выпуск моих сестер требует непременно и личного моего присутствия. <...> Мне нужно на их окупировку <т. е. экипировку>, на зарплату за музыку учителям во время их пребывания там и проч. и пр<оч>. около 5000 рублей... <...> Может быть, каким-нибудь образом Государыня, на счет которой они воспитывались, что-нибудь стряхнет на них от благодетельной руки своей»[7]. Жуковский уверил Гоголя (или письмом в Москву[8] или лично, во время пребывания в Москве[9]), что Императрица пожалует его сестрам при выходе из института «по крайней мере по тысяче рублей». 1 ноября 1839 г. Жуковский, во время визита к нему Гоголя, написал по этому поводу письмо в канцелярию императрицы[10]. Этим планам, однако, не суждено было сбыться, ибо государыня, «по случаю нездоровья», не занималась во время пребывания Гоголя в Петербурге делами, и потому доложить ей о просьбе Гоголя никто не решился[11]. (Позднее, 22 ноября 1839 г., состоялся личный разговор Жуковского с Императрицей[12], который, по-видимому, остался безрезультатным.)

5 ноября 1839 г. Гоголь рассказал о своем затруднительном положении С. Т. Аксакову[13]. Аксаков пообещал ему 13 ноября 1839 г. одолжить 2000 рублей[14]. Деньги были взяты Аксаковым на следующий день, 14 ноября, заимообразно у откупщика Д. Е. Бенардаки[15]. Гоголь явился за деньгами только вечером 16 ноября, – вероятно

(как предположил Аксаков), после некоторых колебаний, брать или не брать деньги[16]. Через день, 18 ноября, Гоголь взял сестер из института и поместил их у Балабиных. Аксаков вспоминал, что, взяв сестер, Гоголь непосредственно занялся их «экипировкой»[17]. Однако, как явствует из воспоминаний Е. В. Быковой, забирая сестер из института, Гоголь, еще «накануне», то есть 17 ноября, привез им платья[18]. Вероятно, получив от Аксакова 13 ноября обещание об одолжении денег, Гоголь на следующий день уже приступил к необходимым покупкам, делая их на собственные средства (вероятно, имевшиеся у него в ограниченном количестве). Основные покупки были сделаны Гоголем в период с 14 по 24 ноября 1839 г. (до потери Гоголем бумажника с деньгами вечером 24 ноября)[19].

Выйти из тяжелого материального положения, в котором оказался Гоголь в 1839 г. по выходе сестер из института, ему помог все-таки Жуковский, взявший деньги взаймы у наследника Александра Николаевича[20]. Эти деньги, четыре тысячи рублей ассигнациями, были получены Гоголем в феврале 1840 г. «...О благодарности нечего и говорить, — писал Гоголь Жуковскому, — вы понимаете, как она должна быть сильна». Откуда Жуковским были получены деньги, Гоголь, вероятно, в то время не узнал. Спустя два месяца, 3 мая 1840 г., стремясь упрочить свое положение в Риме и расплатиться с долгами, Гоголь обратился с новой просьбой к Жуковскому, — на этот раз доставить ему место конференц-секретаря в Риме при только что назначенном туда инспектором русских художников П. И. Кривцове. Получить место при Кривцове Гоголю, однако, не удалось[21].

Далее в письме к Погодину от 4 ноября 1839 г. Гоголь замечал:

«Твое письмо, или лучше два пакета, я получил в один день. Нисколько не одобряю твоего намерения издавать прибавления к Москов<ским> Ведомостям[22] и даже удивляюсь, как тебе пришлось это. Уж коли выходить в свет, да притом тебе и в это время, то нужно выходить сурьезно, дельно, увесисто, сильно. Уж лучше, коли так, настоящий, сурьезный журнал. <...> И охота же тебе утверждать самому о себе несправедливо обращающееся в свете о тебе мнение, что неспособен к долгому и истинно сурьезному труду, а горячо берешься за всё вдруг[23] и т<ому> подоб<ное>. <...> Неужели ты думаешь, что статьи солидные, будучи помещены в газетные листки, займут кого-нибудь... <...> Статья умная, сильная, глубокая в ежедневном листке! <...> Это всё равно, что Пушкин на вечере у Греча между Строевым и прочим литературным дрязгом[24]. <...> Нет, во что бы то ни стало, но я послан Богом воспрепятствовать тебе в этом. Как ты меня охладил и расстроил этим известием, если б ты только знал. Я составлял и носил в голове идею верно обдуманного, непреложного журнала, заключителя в себе и сеятеля истин и добра. Я готовил даже и от себя написать некоторые статьи для него, пользуясь временем весны и будущего лета, которые будут у меня свободны, я, который дал клятву никогда не участвовать ни в каком журнале и не давать никуда своих статей. А теперь и я опустился духом: ты начнешь эти прибавления, ты оборвешься и подорвешься на них и охладеешь потом для издания сурьезного предприятия. <...> Я здесь пробуду еще полторы недели и к 20 ноября[25] непременно в Москве вместе с Аксаковым. <...> Поцелуй 50 раз ручки Елисавете Васильевне[26]. Если б ты знал, как я без вас соскучил. Несмотря на многих моих истинных друзей, делающих мое пребывание здесь сносным, несмотря на это, не вижу часу ехать в Москву и весь бы летел к вам сию же минуту.

Как я рад, если ты поместишь сестер возле меня в комнатке наверху. Мне, признаюсь, очень было совестно лишить Елизавету Фоминишну[27] на время всех удобств и занять ее комнату, но как ты сказал, что она с охотою уступает, то я в восторге. Они будут покамест переводить и работать для будущего журнала и для меня».

[1] См. ***1839. Ноября 3. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] М. Г. Карташевской.

[3] См. ***1839. Ноября 13. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[4] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 675–676.

[5] Список с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 898.

[6] См. ***1828. Апреля 7. Суббота. Нежин.***

[7] См. ***1839. Сентября 28 <16>. Суббота. Варшава.***

[8] См. ***1839. Ноября 13. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1839. Октября 6. Пятница. 11 часов вечера. Москва.***

[10] См. ***1839. Ноября 1. Среда. Царское Село, Санкт-Петербург.***

[11] См. ***1839. Ноября 5. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[12] См. ***1839. Ноября 22. Среда. Санкт-Петербург.***
[13] См. ***1839. Ноября 5. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[14] См. ***1839. Ноября 13. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[15] См. ***1839. Ноября 14. Вторник. Утро. Санкт-Петербург.***
[16] См. ***1839. Ноября 16. Четверг. Санкт-Петербург.***
[17] См. ***1839. Ноября 18. Суббота. Санкт-Петербург.***
[18] См. ***1839. Ноября 17. Пятница. Санкт-Петербург.***
[19] Подробнее см. ***1839. Ноября 18. Суббота. Санкт-Петербург*** (примечания).
[20] См. ***1840. Января 7–8. Воскресенье-понедельник. Санкт-Петербург***; ***1840. Января около 13. Санкт-Петербург***; ***1840. Января 13–14. Суббота-воскресенье. Санкт-Петербург.***
[21] Подробнее см. ***1840.*** **Февраля 1. Четверг. Москва** (примечания).
[22] См. также ***1839. Октября 20 <8>. Воскресенье. Дахау.*** – Проект «Прибавления к Московским Ведомостям» не был осуществлен. С 1 января 1841 г. М. П. Погодин стал издавать журнал «Москвитянин» (цензурное разрешение первого номера 13 декабря 1840 г.; см. ***1840. Декабря 13 <25>. Пятница. Москва***).
[23] Ср. характеристику, данную Гоголем Погодину в статье *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846): «...он торопился всю свою жизнь, спеша делиться всем с своими читателями... не разбирая, созрела ли мысль в его собственной голове...»
[24] См. ***1835. Июня 14. Пятница. Санкт-Петербург.***
[25] Ср. ***1839. Декабря 21. Четверг. 8 часов вечера. Москва.***
[26] Жена Погодина.
[27] Вагнер, теща М. П. Погодина.

НОЯБРЯ 5. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь дважды был у С. Т. Аксакова[1] (в доме Карташевских) и, придя во второй раз, говорил с ним о своем затруднительном материальном положении.

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «5-го ноября, я еще не сходил сверху, потому что до половины второго просидел у меня Кавелин, только что успели прибежать ко мне Вера и Машенька[2], чтоб послушать “Арабески” Гоголя[3], которые я накануне купил для Машеньки, – как вбежал сам Гоголь, до того замерзший, что даже жалко и смешно было смотреть на него, – в то время стояла в Петербурге страшная стужа, до 23 градусов при сильном ветре; но потом, посогревшись, был очень весел и забавен с обеими девицами. Сидел очень долго и просидел бы еще дольше, но пришел Ив. Ив. Панаев[4]: это напомнило Гоголю, что ему пора идти. Несмотря на то, что Гоголь показался всем очень веселым, внутренно он был чрезвычайно расстроен. 5-го же ноября он был у меня опять и открыл мне свое затруднительное положение. Он был обнадежен Жуковским[5], что сестры его получат вспоможение при выходе из института от щедрот Государыни; но теперь никто не берется доложить ей о том, ибо по случаю нездоровья она не занимается делами, и беспокоить ее докладами считают неприличным. Гоголь [вскоре по приезде] сказал, что насчет его уже начались сплетни и что он горит нетерпением поскорее отсюда уехать. Очень просил, чтоб я с Верой и с ним съездил к его сестрам, и поручил мне в каждом письме писать к моей жене и Константину по пяти поклонов. Я был взволнован его положением и предложил ему все, что тогда у меня было, разумеется, безделицу; он сказал что-то весьма растроганным голосом и убежал. В тот же день я описал все подробно Ольге Семеновне, заметив, что, вероятно, Гоголю надобно много денег, что все это, как я надеюсь, поправится, а в противном случае – я поправлю.

Во всем круге моих старых товарищей и друзей, во всем круге моих знакомых я не встретил ни одного человека, кому бы нравился Гоголь и кто бы ценил его вполне! Даже никого, кто бы всего его прочел! О, Петербург, о, пошло деловой, всегда равно отвратительный Петербург! Вот, например, Владимир Иванович Панаев, тоже старый мой товарищ[6], литератор и член Российской Академии, с которым, разумеется, я никогда о Гоголе не рассуждал, вдруг спрашивает меня при многих свидетелях: “А что Гоголь? Опять написал что-нибудь смешное и неестественное?” Не помню, что я отвечал ему; но, вероятно, присутствие других спасло его от такого ответа[7], от которого не поздоровилось бы ему»[8].

[1] См. также *1839. Ноября 9. Четверг. Санкт-Петербург* (примечание).
[2] Карташевская.
[3] См. также *1839. Декабря 3. Воскресенье. Санкт-Петербург.*
[4] В начале ноября 1839 г. К. С. Аксаков писал С. Т. и В. С. Аксаковым: «...Неужто вы еще не видали Панаева, т. е. он вас не отыскал; я удивляюсь, что <ни> он, ни Белинский не дают о себе вести» (Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 130).
[5] Подробнее см. *1839. Ноября 4. Суббота. Санкт-Петербург* (примечания).
[6] «По Казанской гимназии и университету» (пояснение И. С. Аксакова в изд.: Отрывок из рукописи Сергея Тимофеевича Аксакова: «История моего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852» // Русь. 1880. 13 дек. № 5. С. 14).
[7] «Появление сочинений Гоголя произвело такой резкий переворот в общественном и, в частности, в литературном сознании, что сочувствие или несочувствие к Гоголю определяло степень развития и способность к развитию самого человека. Это был рубеж, перейдя через который, С<ергей> Т<имофееви>ч растерял всех своих литературных друзей прежнего псевдоклассического нашего литературного периода. Они остались по *сю сторону Гоголя. Ред<актор>»* (примеч. И. С. Аксакова в изд.: Отрывок из рукописи Сергея Тимофеевича Аксакова: «История моего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852» // Русь. 1880. 13 дек. № 5. С. 14).
[8] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 676–677.

НОЯБРЯ 9. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь был у Аксаковых[1] (в доме Карташевских).

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «В продолжении нескольких дней Гоголь еще надеялся на какие-то благоприятные обстоятельства; мы виделись с ним несколько раз, но на короткое время. Всякий раз уславливались, когда ехать к его сестрам, и всякий раз что-нибудь мешало»[2].

[1] «В неизданных письмах В. С., И. С. и С. Т. Аксаковых к О. С. Аксаковой за этот период встречаются упоминания о посещении их Гоголем 5, 9, 12 и 13 ноября 1839 г.» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 575).
[2] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 676–677.

НОЯБРЯ ОКОЛО 9. МОСКВА

К. С. Аксаков пишет сестре Вере в Петербург:

«Есть <...> в твоем письме вещи, которые несколько тяжелое, неприятное впечатление на меня сделали. Между прочим то, что М<аша> <Карташевская> читала статьи Бел<инского> и они ей нравятся. <...> ...Думаю, что как Бел<инский> ни хорошо пишет, но все-таки тут много искаженного, много *отрывочного,* заимствованного, хотя и усвоенного...»[1]

14 ноября 1839 г. В. С. Аксакова отвечала брату: «...Что же касается до Белинского и его статей, то это очень естественно, что мы, которые слышали и сами говорили и повторяли эти истинные мысли даже в более стройном порядке, можем находить недостатки в том, как их представил Белинский, но для того, кто их слышит в первый раз почти и в ком они в то же время могут возбудить и определить свои собственные, до тех пор не сознаваемые мысли, тому, конечно, его статья должна понравиться; впрочем даже и Бел<инский> отдельные мысли мог присвоить себе совершенно и представить их живо»[2].

Речь в этих письмах идет главным образом о статье В. Г. Белинского «Бородинская годовщина. В. Жуковского...»[3] Помимо влияния Аксаковых, в этой статье нашли отражение взгляды М. П. Погодина. Сохра-

нился конспект Белинского лекций Погодина (составленный в то время, когда Белинский уже был исключен из университета, но продолжал слушать интересовавшие его предметы) — «Русская история. Лекции, читанные адъюнктом Московского Университета Михаилом Погодиным. 1833. Принадлежит Виссариону Белинскому»[4].

В 1909 г. В. Г. Короленко указал на близость содержания статей Белинского, написанных в так называемый «примирительный» период его деятельности, — «Бородинская годовщина. В. Жуковского...» (1839) и «Очерки Бородинского сражения... Ф. Глинки « (1839) — к идеям «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847) Гоголя[5]. Эти переклички объясняются особым замыслом гоголевской книги, в которой писатель попытался повлиять на критика, напомнив ему прежние его высказывания. Так, весь замысел статьи *X. О лиризме наших поэтов* в «Переписке с друзьми» ясно читается в следующих строках статьи Белинского: «Ход нашей истории обратный в отношении к европейской: в Европе точкою отправления жизни всегда была борьба и победа низших ступеней государственной жизни над высшими <...> у нас <...> власть <...> всегда таинственно сливалась с волею Провидения <...> безусловное повиновение царской власти есть не одна польза и необходимость наша, но и высшая поэзия нашей жизни...»[6] Эти строки Белинского прямо восходят к размышлениям над русской историей Погодина, а также к взглядам М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, Н. М. Карамзина, еще ранее воплотивших в своих трудах разработанную в европейской историографии идею завоевания.

Возможно, Гоголь, встречавшийся в этот период с Белинским[7], прочел тогда и его статью «Бородинская годовщина...»

[1] Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 130.

[2] Там же. С. 130–131.

[3] См. ***1839. Октября 15. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[4] *Петров Ф. А.* М. П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. М., 1995. С. 32, 123–124.

[5] См. *Короленко В.* Трагедия писателя. Несколько мыслей о Гоголе // Русское Богатство. 1909. № 5. <Отд. 2>. С. 169–170.

[6] *Белинский В. Г.* Бородинская годовщина. В. Жуковского... // Собр. соч.: В 9 т. М., 1997. Т. 2. С. 114–115

[7] См. ***1839. Ноября 16. Четверг. Санкт-Петербург; 1839. Ноября 18. Суббота. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 12. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь был у С. Т. Аксакова в доме Карташевских.

См. ***1839. Ноября 9. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).

НОЯБРЯ 13. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь обедает у Аксаковых[1] (в доме Карташевских); после обеда беседует с Г. И. Карташевским.

В 1854 г. П. А. Кулиш сделал из мемуаров С. Т. Аксакова следующую выписку: «В 1839 <г.>, в Петерб<урге> Г<оголь> гов<орил> С<ергею> Т<имофееви>чу, что кроме труда, завещанного ему Пушкиным, совершение которое он считает задачею своей жизни, то есть “Мертвых Душ”, у него составлена в голове трагедия из истории Запорожья, в которой все готово, до последней нитки, даже в одежде действующих лиц, что это его давнишнее, любимое дитя, что он считает, что эта пиеса будет лучшим его произведением и что ему будет слишком достаточно двух месяцев, чтоб переписать его на бумагу»[2].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Наконец 13-го ноября обедал у нас Гоголь. Григорий Иванович[3], который успел прочесть кое-что из него и всю ночь хохотал от “Вия”... увы, также не мог вполне понять художественное достоинство Гоголя; он почувствовал только один комизм его. Это не помешало ему быть вполне любезным по-своему с своим

земляком. Гоголь за обедом вдруг спросил меня потихоньку: “Откуда этот превосходный портрет?” и указал на портрет Кирил<л>овны, написанный Машенькой Карташевской. Я, разумеется, сейчас объяснил дело, и Машенька, которой по нездоровью не было за столом, также и Веры, была сердечно утешена отзывом Гоголя. После обеда он смотрел портрет Веры, начатый Машенькой, и портрет нашей Марихен[4], сделанный Верой, и чрезвычайно хвалил, особенно портрет Марихен, и в заключение сказал, что им нужно коротко познакомиться с Вандиком[5], чтоб усовершенствоваться. Оба друга были в восхищении. Я объяснил ему, какое прекрасное существо Машенька Карташевская. После обеда Гоголь долго говорил с Григорием Ивановичем об искусстве вообще: о музыке, живописи, о театре и характере малороссийской поэзии; говорил удивительно хорошо! Все было так ново, свежо и истинно! И какой же вышел результат? Григорий Иванович, этот умный, высоконравственный, просвещенный и доступный пониманию некоторых сторон искусства человек, сказал нам с Верой: что малороссийский народ пустой, что и Гоголь сам точно такой же хохол, каких он представляет в своих повестях, что ему мало одного, что он хочет быть и музыкантом, и живописцем, и начал бранить его за то, что он предался Италии. Это меня сердечно огорчило, и Вера печально сказала мне: “Что после этого и говорить, если Григорий Иванович не может понять, какое глубокое и великое значение имеет для Гоголя вообще искусство, в каких бы оно формах ни проявлялось!”

13-го ноября этого года осталось для меня незабвенным днем на всю мою жизнь. После обеда, часов в 7, мы ушли с Гоголем наверх, чтоб поговорить наедине. Когда я позвал Гоголя, [взял его за руку] обнял его одной рукою и повел таким образом наверх, то на лице его изобразилось такое волнение и смущение... Нет, оба эти слова не выражают того, что выражалось на его лице! Я почувствовал, что Гоголь, предвидя, о чем я буду говорить с ним, терзался внутренно, что ему это было больно, неприятно, унизительно. Мне вдруг сделалось так совестно, так стыдно, что я привожу в неприятное смущение, даже в какую-то робость этого гениального человека, — и я на минуту поколебался: говорить ли мне с ним об его положении? Но, взойдя наверх, Гоголь преодолел себя и начал говорить сам.

Его обстоятельства были следующие: Жуковский уверил его через письмо еще в Москву, что Императрица пожалует его сестрам при выходе из Института по крайней мере по тысяче рублей (что, впрочем, я уже отчасти знал). С этой верной надеждой он приехал в Петербург; но она не сбылась по нездоровью Государыни, и неизвестно, когда сбудется. <...> Кроме того, что ему надобно было одеть сестер и довезти до Москвы, он должен заплатить за какие-то уроки...[6] Что делать? К кому обратиться? Все кругом холодно, как лед, а денег ни гроша! У людей близких, т<о> е<сть> у Жуковского и Плетнева, он почему-то денег просить не мог (вероятно, он им был должен). Просить у других, не имея на то никакого права, считал он унизительным, бесчестным и даже бесполезным. Хотя я живо помню, но пересказать не умею, как вскипела моя душа. Прерывающимся от внутреннего чувства, но в то же время твердым голосом я сказал ему, что я могу без малейшего стесненья, совершенно свободно располагать 2000 рублей; что ему будет грех, если он, хотя на одну минуту, усумнится; что не он будет одолжен мне, а я ему; что помочь ему в затруднительном положении я считаю самою счастливою минутою моей жизни; что я имею право на это счастье по моей дружбе к нему; имею право даже на то, чтобы он взял эту помощь без малейшего смущения, и не только без неприятного чувства, но с удовольствием, которое чувствует человек, доставляя удовольствие другому человеку [не ручаясь за буква<льное>...]. — Видно, в словах моих и на лице моем выражалось столько чувства правды, что лицо Гоголя не только прояснилось, но сделалось лучезарным. Вместо ответа он благодарил Бога за эту минуту, за встречу его на земле со мной и моим семейством, протянул мне обе свои руки, крепко сжал мои и посмотрел на меня такими глазами, какими смотрел за несколько месяцев до своей смерти, уезжая из нашего Абрамцева в Москву и прощаясь со мной [только на несколько месяцев] не надолго[7]. Я верю, что в нем это было предчувствие вечной разлуки... Гоголь не скрыл от меня, что знал наперед, как поступлю я; но что в то же время знал через Погодина и Шевырева о моем нередко затруднительном положении, знал, что я иногда сам нуждаюсь в деньгах и что мысль быть причиною какого-нибудь лишения целого огромного семейства его терзала, и потому-то было ему так тяжело признаваться мне в своей бедности, в своей крайности; что, успокоив его на мой счет, я свалил камень, его давивший, что ему теперь

легко и свободно. Он с любовью и радостью начал говорить о том, что у него уже готово [в голове] в мыслях и что он сделает по возвращении в Москву; что кроме труда, завещанного ему Пушкиным, совершение которого он считает задачею своей жизни, то есть "Мертвые души", — у него составлена в голове трагедия из Истории Запорожья[8], в которой все готово, до последней нитки, даже в одежде действующих лиц; что это его давнишнее, любимое дитя, что он считает, что эта пиеса будет лучшим его произведением и что ему будет слишком достаточно двух месяцев, чтобы переписать ее на бумагу. Он говорил о моем семействе, которое вполне понимал и ценил; особенно о моем Константине, которого нетерпеливо желал перенести из отвлеченного мира мысли в мир искусства, куда, несмотря на философское направление, влекло его призвание. Сердца наши были переполнены чувством; я видел, что каждому из нас нужно было остаться наедине. Я обнял Гоголя, сказал ему, что мне необходимо надобно ехать, и просил, чтобы завтра, после обеда, он зашел ко мне или назначил мне час, когда я могу приехать к нему с деньгами, которые <будто бы> спрятаны у моей сестры; что никто, кроме Константина и моей жены, знать об этом не должен. Гоголь, спокойный и веселый, ушел от меня. Я, конечно, был вполне счастлив; но денег у меня не было. Надобно было их достать, [что, конечно, для меня было нетрудно] что не составляло трудности, и я сейчас написал записку и попросил на две недели 2000 рублей[9] к известному богачу, очень замечательному человеку по своему уму и душевным свойствам, разумеется, весьма односторонним — откупщику Бенардаки, с которым был хорошо знаком[10]. Он отвечал мне, что завтра поутру приедет сам для исполнения моего "приказания". Эта любезность была исполнена в точности. В тот же вечер я не вытерпел и нарушил обещание, добровольно данное Гоголю; я не мог скрыть моего восторженного состояния от Веры и друга ее Машеньки Карташевской, которую любил, как дочь (впрочем, они были единственным исключением). Обе мои девицы пришли в восхищение»[11].

На следующий день, 14 ноября 1839 г. С. Т. Аксаков писал жене в Москву: «Вчера Гоголь обедал у нас и ушел в 8 часу. Мы объяснились и я, все же теперь, по прошествии 13 часов, нахожусь еще в волнении, так я был глубоко проникнут этою сценою. Это письмо должны прочесть только ты, моя бесценная Олинька, да ты, дражайший Константин. Никто более. Здесь знают Вера <Аксакова> да Маша <Карташевская>. <...> Да и как унизиться великому человеку до просьбы денег, в которой, наверно, еще получит отказ!.. Зато когда я уверил его (я его обманул), что у меня деньги есть, что это меня не расстраивает, даже не стесняет, когда он почувствовал, что ему не стыдно, не совестно принять помощь от человека, заслуживающего эту честь, это счастье... Боже мой, какая радость разлилась по всему существу его...»[12]

[1] См. ***1839. Ноября 9. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечание).

[2] *Аксаков С. Т.* Из истории нашего знакомства с Гоголем <1832–1840 гг.>. <Выписки рукою П. А. Кулиша>. <Конец ноября – начало декабря 1854 г.> // *Свод.* Т. 2. С. 657.

[3] Карташевский.

[4] М. С. Аксаковой.

[5] Антонис Ван-Дейк (1599–1641), фламандский живописец.

[6] См. ***1839. Ноября 4. Суббота. Санкт-Петербург*** (письмо Гоголя к М. П. Погодину). – См. также коммент. к гоголевским <Спискам вещей, назначенных для покупки сестрам в 1839 г.> в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 862–869.

[7] См. ***1851. Сентября 8. Суббота. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Радонежье (Абрамцево).***

[8] Драма из эпохи Богдана Хмельницкого, «вроде "Тараса Бульбы"». – См. также ***1839. Сентября 27. Среда. Москва***; ***1839. Ноября 26. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1840. Между января 6 и февраля 3. Москва***; ***1842. Июля 6 <18> Понедельник. Гаврилково.***

[9] «Для уплаты этих денег я написал в Москву к должнику своему Великопольскому, который сейчас выслал мне 2700 рублей, то есть весь долг» (примеч. С. Т. Аксакова).

[10] «Еще в Оренбургской губернии, где он начинал подрядами свою коммерческую деятельность» (примеч. И. С. Аксакова в изд.: Отрывок из рукописи Сергея Тимофеевича Аксакова: «История моего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852» // Русь. 1880. 13 дек. № 5. С. 14).

[11] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 677–680.

[12] *Свод.* Т. 3. С. 246–247. – Датировка письма уточнена.

НОЯБРЯ 14. ВТОРНИК. УТРО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Откупщик Д. Е. Бенардаки принес С. Т. Аксакову 2000 рублей для Гоголя[1]. Гоголь в этот день к Аксакову за деньгами не пришел.

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «14-го ноября Гоголь ко мне не приходил»[2].

[1] См. ***1839. Ноября 13. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1839. Ноября 16. Четверг. Санкт-Петербург.***
[2] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 680.

НОЯБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. КИЕВ

М. А. Максимович, отвечая на послание М. П. Погодина[1], замечает:

«Ты говоришь, привез Гоголя. Спасибо великое тебе за это все говорят здесь»[2].

[1] См. ***1839. Октября 30. Понедельник. Москва.***
[2] *Свод.* Т. 1. С. 642.

НОЯБРЯ 15. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

С. Т. Аксаков отправляет Гоголю записку, приглашая его прийти за деньгами[1].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «15<-го> я писал ему записку и звал за *нужным*. – Гоголь не приходил»[2].

В этот день Гоголь вместе с В. А. Жуковским обедал у графа Мих. Ю. Виельгорского; вечер провели у князя П. А. Вяземского, где Гоголь, вероятно, читал пятую и шестую главы первого тома «Мертвых душ». После чтения, возможно, состоялся разговор Гоголя с Жуковским о Плюшкине[3] (ранее, в том же году, Гоголь уже прочел Жуковскому – в Риме и в Москве – первые четыре главы поэмы[4]).

Из дневника А. И. Тургенева: «*15 ноября.* <...> Ввечеру у Козлова[5] – и у Валуевых, отказался обедать у Соболев<ско>го. С Вяз<емским>, Жук<овским> и даже Вал<уевым>[6], спор за поведение с мерзавцами: один *Гогель* – за меня. *Я не жилец здесь:* вот всегдашний результат моей здешней жизни»[7].

Из дневника Жуковского: «*15 <ноября>, середа.* <...> Обедал у Вьельгорского с Гоголем. Рождение Анны Михайловны[8]. Вечер у Вяземского. Спор. Гоголь дикарь»[9].

В конце жизни Вяземский, вспоминая о Гоголе, сообщал: «Он был самолюбив, скажем откровенно, был или бывал иногда несколько суетен; но кто же не имеет греха этого на совести, в большей или меньшей степени? Вместе с тем, при своей гордости, имел он качество, которое имеют не все: недоверие к себе и к таланту своему, по крайней мере в той степени, на которую хотел он возвысить дарование свое. Эта черта его трогательна и возбуждает особенное сочувствие к нему.

<...> Однажды Гоголь обещал прочесть у меня новую главу *Мертвых Душ*. Съехалось несколько приятелей. Был ли он не в духе, не нравился ли ему один из присутствующих, не знаю, но Гоголь заупрямился и не хотел читать. Жуковский более всех приставал к нему, чтобы он читал; наконец, с свойственным ему юмором, сказал он: "Ну, что ты кобенишься, старая кокетка? Ведь самому смерть хочется прочесть, а только напускаешь на себя причуды"»[10].

4/16 декабря 1839 г. И. С. Тургенев писал Т. Н. Грановскому: «Оттого ли, что я гораздо более ожидал от Петербурга, чем он может дать, — но мне здесь довольно грустно. Судите сами: у Плетнева я был и застал его над корректурой "Современника". От него я узнал, что Гоголь живет у Жуковского, хандрит жестоко и едет обратно в Рим. Он прочел им как-то главы две-три из нового своего романа, и — говорят — превосходная вещь этот роман, но он делает это с большим трудом — и печатать не хочет»[11].

14 ноября (н. ст.) 1842 г. Жуковский писал Гоголю по поводу «Мертвых душ»: «...Мое мнение о знакомых мне отрывках вы знаете».

[1] См. ***1839. Ноября 13. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1839. Ноября 14. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 680.

[3] См. ***1837. Августа 14 <2>. Понедельник. Вечер. Баден-Баден.***

[4] См. ***1839 января 11 <1838 декабря 30>. Пятница. Рим; 1839. Января 18 <6>. Пятница. Праздник Крещения Господня. Рим; 1839. Января 29 <17>. Вторник. Рим***; ***1839. Октября 9. Понедельник. Вечер. Москва.***

[5] Поэт И. И. Козлов.

[6] Петр Александрович Валуев (1815–1890), граф (с 1880 г.), государственный деятель, писатель, поэт. Был женат на дочери князя П. А. Вяземского Н. П. Вяземской.

[7] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 76.

[8] Имеется в виду день рождения графини Анны Михайловны Виельгорской (в замужестве княгини Шаховской, 1822–1861), дочери Мих. Ю. и Л. К. Виельгорских, фрейлины.

[9] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 41.

[10] *Вяземский П. А., князь.* Языков. — Гоголь // *Свод.* Т. 1. С. 842.

[11] Из писем И. С. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 820.

НОЯБРЯ 16. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Утром, до 10 часов, у С. Т. Аксакова (в доме Карташевских) был И. И. Панаев; разговаривали о В. Г. Белинском.

До обеда Аксаков ездил к Гоголю, но не застал его дома.

Во второй половине дня Гоголь явился к Аксакову за деньгами (2000 рублей), — возможно (как предположил Аксаков), после некоторых колебаний, брать или не брать деньги[1], — либо просто накануне выкупа сделанного ранее у портного заказа[2]. (О том, что деньги были взяты у Д. Е. Бенардаки, Аксаков Гоголю не сказал[3].)

Вечером у Аксакова были Белинский и Панаев, которые, возможно, встретились в дверях с уходящим Гоголем[4].

В этот день, в 10 часов утра, С. Т. Аксаков, вероятно, со слов Панаева, писал жене, О. Сем. Аксаковой: «...Говорят, Белинский обезумлен бетизмом[5] Петербурга»[6].

В 11 часов вечера Аксаков в том же письме сообщал: «Сей час ушли от меня Панаев и Белинский: поговорили по-московски. Чудные стихи читали мне <В. И.> Красова, которые здесь не пропускаются и которые дают мне, чтобы послать в Одессу. <...> Белинский нравится Машеньке[7] гораздо больше Панаева: в последнем она не видит ничего собственного»[8].

На следующий день, 17 ноября 1839 г., В. С. Аксакова писала матери: «Вчера поутру был Панаев, мать его была очень больна, и потому он не мог быть до сих пор у отесеньки, вечером он пришел с Белинским, которого созвали вниз <к Карташевским>, и отесенька читал вслух»[9].

18 ноября 1839 г. она же сообщала брату К. С. Аксакову: «...Белинский был у нас внизу и видел М<ашу>, но этого избежать нельзя было, мы даже должны были, если б и не хотели, просидеть с ними довольно долго. Отесенька читал вслух стихи Павловой [русские] ее собствен<ные> <...> и стихи "Молитва" Лермонтова прекрасные. Отесенька также читал разбор повестей Павлова, писанны должно быть Краевским, это такая путаница разных истинных мыслей... <...> Потом читали отчасти критику Белинского на роман "Тоска по от<чизне>" Загоскина[10], где он старается скрасить по возможности свою брань.

Панаев не нравится М<аше>, она с первого раза поняла его, и эта манерность, эта несамостоятельность в мыслях, это ненатуральное одушевление, маленькая ручка в прекрасной перчатке сделали на нее неприятное впечатление, она удивлялась, что он может вам нравиться, впрочем, она заметила очень верно, что то, что в Панаеве есть женского (и что в мужчине не может нравится женщине) может понравиться мужчине, именно как что-то женственное. Белинского неблагородная наружность тоже не могла сделать на нее приятного впечатления, но она нашла его выше Панаева, разумеется, умом»[11].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «16-го я поехал к нему сам, но не застал его дома. Зная от Бенардаки, который 14-го числа сам привез мне поутру 2000 рублей[12], что именно 16-го Гоголь обещал у него обедать, я написал записку к Гоголю и велел человеку дожидаться его у Бенардаки; но Гоголь обманул и не приходил обедать. На меня напало беспокойство и сомнение, что Гоголь раздумал взять у меня деньги. Замечательно, что этот грек Бенардаки, очень умный, но без образования, был единственным человеком в Петербурге, который назвал Гоголя гениальным писателем и знакомство с ним ставил себе за большую честь[13]!

В этот же день, 16-го ноября, обедали у Карташевских два тайных советника: весьма известный и любимый прежде литератор Хмельницкий[14] и другой, тоже литератор, мало известный, но не без дарования, Марков[15]. Несколько раз разговор обращался на Гоголя. Боже мой, что они говорили, как они понимали его – этому трудно поверить[16]. Я тогда же написал об них в письме к моей жене, что это были Калибаны[17] в понимании искусства, и это совершенная правда. Зная свою горячность, резкость и неумеренность в своих выражениях, я молил только Бога, чтоб Он дал мне терпение и положил хранение устам моим. Я ходил по зале с Верой и Машенькой <Карташевской>, где, однако, были слышны все разговоры, и удивлялся вместе с ними крайнему тупоумию и невежеству высшей петербургской публики, как служебной, так и литературной. Брату Николаю Тимофеевичу[18] было даже совестно за старинного его приятеля Хмельницкого, а Григо<рию> Ив<анович>у – за Маркова. Наконец терпение мое лопнуло; я подошел к ним и с убийственным выражением сказал: "Ваши Превосходительства! Сядемте-ка лучше в карты!"

Только что мы кончили игру, в которую я с злобным удовольствием обыграл всех трех тайных советников, как пришел ко мне Гоголь. Я выбежал к нему навстречу и увел его наверх. Слава Богу! все исполнилось по моему желанию: Гоголь взял деньги и был спокоен, даже весел. Он не приходил ко мне, потому что переезжал от Плетнева к Жуковскому во дворец[19]. Впрочем, я не вполне поверил его словам, потому что на его переезд достаточно было одного часа, и у меня осталось сомнение, что Гоголь колебался взять у меня деньги и, может быть, даже пробовал достать их у кого-нибудь другого[20]. На другой день мы назначили ехать с ним в Патриотический институт[21].

Должно упомянуть, что в это время вышли из печати вторые "Три повести" Павлова, что, сравнивая их с прежними[22], многие нападали на них, а Гоголь постоянно защищал, доказывая, что они имеют свое неотъемлемое достоинство[23]: наблюдательный ум сочинителя и прекрасный язык, и что они нисколько не хуже первых»[24].

Сам Гоголь позднее, в статье «О Современнике» (1846), писал: «Я не знаю, почему замолчал Н. Павлов, писатель, который первыми тремя повестями своими получил с первого раза право на почетное место между нашими прозаическими писателями и который повредил себе только тем, что, не захотевши быть самим собой, вздумал копировать (в трех новых повестях своих) тех модных нувеллистов, которые гораздо его ниже. Он

мог бы всегда, не прибегая ни к напряженным вымыслам поэтическим, ни к мозаичным искусственным украшениям речи, так изуродовавшим благородный и ясный слог его, взять на выдержку первое психологическое явленье нашего общества и рассказать его так отчетливо и умно, что повесть его имела бы все принадлежности тех строгих классических произведений, которые остаются навсегда образцами в литературе».

[1] См. ***1839. Ноября 13. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1839. Ноября 14. Вторник. Утро. Санкт-Петербург***; **1839. Ноября 15. Среда. Санкт-Петербург.**

[2] См. ***1839. Ноября 18. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1842. Мая около 17. Москва*** (примечания).

[4] См. ***1839. Ноября 22. Среда. Санкт-Петербург.***

[5] Бетизм (от фр. bete) – скот, зверь. См. также ***1839. Ноября 22. Среда. Санкт-Петербург.***

[6] Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 132; *Свод.* Т. 3. С. 246.

[7] М. Г. Карташевская.

[8] Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 132.

[9] Там же. С. 133.

[10] Стихотворения М. Ю. Лермонтова «Молитва» и К. К. Павловой «Шепот грустный, говор тайный», рецензии А. А. Краевского на «Новые повести» Н. Ф. Павлова (СПб., 1839; «Маскарад», «Демон», «Миллион») и В. Г. Белинского на «повесть» М. Н. Загоскина «Тоска по родине» (СПб., 1839. Ч. 1–2) были напечатаны в № 11 «Отечественных Записок» за 1839 г. (цензурное разрешение 14 ноября; выход в свет 15 ноября 1839 г.).

[11] Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 134.

[12] См. ***1839. Ноября 14. Вторник. Утро. Санкт-Петербург.***

[13] Д. Е. Бенардаки познакомился с Гоголем летом 1839 г. в Мариенбаде (см. ***1839. Июля 13 <1>. Суббота – августа около пятницы 23 <около пятницы 11>. Мариенбад***).

[14] Николай Иванович Хмельницкий (1791–1845), чиновник, драматург, пьесы которого ставились на сцене домашнего театра Д. П. Трощинского (см. ***1821. Октября 27. Четверг. Кибинцы***). С. Т. Аксаков 24 ноября 1839 г. писал жене: «Я здесь очень сошелся с Хмельницким, несмотря на его младенческие понятия в литературе и смешные манеры» (*Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 255).

[15] Михаил Александрович Марков (1810–1876), генерал-лейтенант, поэт, беллетрист, драматург.

[16] В связи с этим примечательно также мнение о гоголевском творчестве поэта и критика Павла Александровича Катенина (1792–1853), который, как и Н. И. Хмельницкий, «весь», по определению А. С. Пушкина в письме к князю П. А. Вяземскому от 21 апреля 1820 г., «принадлежал 18 столетию». Биограф А. Ф. Писемского Б. Н. Алмазов писал: «Как, подумают многие, <...> Катенин, крайний сторонник и самый отчаянный поклонник французского псевдо-классицизма, переводчик Корнеля, имел влияние на такого писателя-реалиста как Писемский? <Имеется в виду Алексей Феофилактович Писемский (1820–1881), писатель, драматург.> Как это ни странно, а это правда. Познакомился Писемский с Катениным случайно: Катенин жил в трех верстах от родового имения Писемских (в Костромской губернии)... <...> Катенин, фанатически преданный своим идолам, Корнелю и Расину, и корану псевдо-классической поэзии *L'art Poétique* <Поэтическое искусство; *фр.*> Буало, подружился с молодым студентом, жарким поклонником Гоголя и статей Белинского... <...> Как же проводили время, сходясь между собою, эти два совершенно противоположные по литературным убеждениям человека? Катенин декламировал перед Писемским французских лже-классиков; Писемский читал Катенину произведения Гоголя. Разумеется, после чтения у них были горячие споры. "Ваш Гоголь дрянь, гадость!" – кричал в каком-то ожесточении Катенин. Писемский, возражая Катенину, обзывал, вероятно, тоже не совсем лестными эпитетами Корнеля и Расина. Но когда умолкал спор, Писемский слушал какую-нибудь трагедию какого-нибудь французского классика, а немного погодя Катенин слушал повесть или комедию Гоголя» (*Алмазов Б. Н.* Алексей Феофилактович Писемский и его двадцатипятилетняя литературная деятельность // Русский Архив. 1875. Кн. 1. № 4. С. 454).

Высказывания П. А. Катенина о Гоголе нашли отражение в автобиографическом романе А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» (1869), в образе Александра Ивановича Коптина (см.: *Могилянский А. П.* Примечания // *Писемский А. Ф.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1959. Т. 4. С. 306): «"Нынче Гоголя больше играют!" – произнес Павел, вовсе не ожидая – какая на него из-за этого поднимется гроза. Александра Ивановича точно кто ущипнул или даже ужалил. "Боже мой, Боже мой! – воскликнул он, забегав по комнате. – Этот Гоголь ваш – лакей какой-то!.. Холоп! У него на сцене ругаются непристойными словами!.. Падают!.. Разбивают себе носы!.. Я еще Грибоедову говорил: «Для чего это ты, мой милый, шлепнул на пол Репетилова – разве это смешно?» Смешно разве это? <...> ...Он там, каналья, навараксал каких-то карикатур на чиновников и помещиков, и мой

друг, Степан Петрович Шевырев, уверяет, что это поэма, и что тут вся Россия! В кривляканьи какого-то жаргондиста – вся Россия!"» (*Писемский А. Ф.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1959. Т. 4. С. 212–213; жирондист – член Жиронды, политической партии времен Великой французской революции).

[17] Калибан – персонаж комедии У. Шекспира «Буря», получеловек-получудовище.

[18] Николай Тимофеевич Аксаков (1797–1882), брат С. Т. Аксакова, богатый помещик Самарской и Симбирской губерний.

[19] Ср. ***1839. Ноября 3. Пятница. Санкт-Петербург.***

[20] «Этот долг Гоголя был впоследствии им уплачен» (примеч. И. С. Аксакова в изд.: Отрывок из рукописи Сергея Тимофеевича Аксакова: «История моего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852» // Русь. 1880. 13 дек. № 5. С. 14).

[21] См. ***1839. Ноября 17. Пятница. Санкт-Петербург.***

[22] «Три повести» Н. Ф. Павлова (СПб., 1835; «Именины», «Аукцион», «Ятаган»).

[23] См. также ***1839. Ноября 19 – декабря 17. Санкт-Петербург.***

[24] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 680–683.

НОЯБРЯ 17. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь с С. Т. и В. С. Аксаковыми навестил сестер Анну и Елисавету в Патриотическом институте. После визита Аксаковы отвезли Гоголя на квартиру к В. А. Жуковскому в Зимний дворец, где он надел фрак, после чего они вместе с Гоголем поехали на обед в дом Карташевских (где жили Аксаковы).

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Наконец 17-го ездили мы с Верой и с Гоголем к его сестрам. Гоголь был нежный брат, он боялся, что сестры его произведут на нас невыгодное впечатление; он во всю дорогу приготовлял нас, рассказывая об их неловкости и застенчивости и неумении говорить. Мы нашли их точно такими, как ожидали, т<о> е<сть> совершенными монастырками. Вера старалась обласкать их как можно больше; они были уверены, что в следующий четверг, 23 ноября, едут вместе с нами в Москву. Гоголь просил нас обмануть их, кажется, для того, чтобы заранее взять их из Института, с которым они не хотели расстаться, задолго до отъезда. Меньшая, Лиза, веселая и живая, была любимицей брата. Может быть, и сам Гоголь этого не знал, но мы заметили. Из института мы завезли Гоголя на его квартиру у Жуковского, который жил во дворце, потому что Гоголь, давши слово обедать с нами у Карташевских, сказал нам, что ему нужно чем-то дома распорядиться. Мы дожидались его с четверть часа и не вдруг заметили, что он бегал на квартиру для того, чтоб надеть фрак. Гоголь сказал нам, что на другой день[1] он перевозит сестер своих к княгине Репниной (бывшей Балабиной), у которой они останутся до отъезда[2]. Гоголю совестно было оставлять их там слишком долго, и потому Гоголь просил меня ускорить наш отъезд из Петербурга. Это приводило меня в большое затруднение, потому что судьба моего Миши не была устроена, и отъезд мой мог быть отложен очень надолго. Я не вдруг даже решился сказать об этом Гоголю, потому что такое известие было бы для него ударом. Ему казалось невозможным ехать одному с сестрами, которые 7 лет не выезжали из Института, ничего не знали и всего боялись. Впоследствии мы испытали на деле[3], что опасения Гоголя были справедливы».

Аксаков С. Т. История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 682.

[1] См. ***1839. Ноября 19. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1839. Ноября 19 – декабря 17. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1839. Декабря 17. Воскресенье. 9 часов вечера – декабря 21. Четверг. 8 часов вечера. Дорога от Санкт-Петербурга до Москвы.***

НОЯБРЯ 18. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь привез сестрам Анне и Елисавете в Патриотический институт платья и меховые манто для выпуска. Работает над повестью «Шинель».

В тот же день Гоголь, вероятно, был на обеде у князя В. Ф. Одоевского, где во второй[1] раз во время тогдашнего пребывания в Петербурге встретился с В. Г. Белинским[2].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Последующие[3] дни Гоголь не так часто виделся с нами, потому что очень занимался своими сестрами: сам покупал все нужное для их костюма, нередко терял записки нужных покупок, которые они ему давали, и покупал совсем не то, что было нужно; а между тем у него была маленькая претензия[4], что он во всем знает толк и умеет купить хорошо и дешево»[5].

Елисавета Васильевна вспоминала: «Брат сам заботился обо всем, заказал по несколько платьев в магазинах Курт <Courte>[6], [даже юбки отдавали туда шить], и ему много стоил наш выпуск. Накануне он привез нам платья и все нужное, чтобы одеться для выпуска: платья шерстяные коричневые, платья manteau <пальто, шуба; *фр.*>, но не оказалось самого нужного, об рубахах брат забыл, и после он уже купил две готовые. После уже, когда мы поехали к Андр<ею> Андр<еевичу>[7], то он нам дал несколько [ру<бах>] белья после покойницы[8], <*1 нрзб.*> и проч<ие> необходимые вещи»[9].

Сохранилось два списка вещей, назначенных Гоголем для покупки сестрам[10]. Перечень вещей первого списка (без заглавия) (рубахи, простыни, юбки, панталоны, чулки, фуфайки, полотенца) располагается в автографе вверху листа, ниже следует отрывок из «Шинели», — очевидно, появившийся здесь несколько позднее (отрывок написан более тонким пером и более темными чернилами, чем текст перечня): «Ну, нет, подумал Акакий Акакиевич. Теперь с Петровичем нельзя толковать. Он теперь того...» и т. д.[11] Второй список (бусы, камеи, пуговицы, серьги, запонки, шпильки и др.), заглавия также не имеет; на правом поле листа помета Гоголя: «Глава первая» (относящаяся, по-видимому, тоже к какому-то художественному произведению).

Очевидно, основные заказы и покупки были сделаны Гоголем в период с 10 по 27 ноября 1839 г., когда в письме к Погодину от 27 ноября он сообщал: «У меня <...> всё готово совершенно, сестры одеты и упакованы как следует». При этом украшения для сестер, означенные во втором из списков, возможно, были приобретены Гоголем уже после получения денег от Аксакова 16 ноября (однако не позже потери писателем бумажника с деньгами вечером 24 ноября)[12].

Списки вещей, назначенных Гоголем для покупки сестрам, очевидно, не исчерпывают всех приобретенных тогда украшений. В списках, например, не значится браслет, который старшая из сестер при отъезде на родину 27 апреля 1840 г. забыла в Москве — и который через неделю Гоголь ей выслал: «Посылаю тебе, милая моя Анет, твой браслет...» (письмо от 3 мая 1840 г.).

Зная об отрицательном отношении Гоголя к женскому украшательству[13], следует предположить, что, покупая украшения для сестер, он вынужден был отчасти уступить давлению тех светских обычаев и условностей, в борьбу с «тиранией» которых он вступил с самых первых своих произведений — и обличению которых он, в частности, посвятил создававшуюся в то же время повесть «Шинель»[14]. Кроме того, поскольку Гоголь брал сестер из института зимой — и приобретал для них не только платья, но и меховые пальто, — то, по-видимому, и это обстоятельство не могло не найти косвенного отражения в содержании «Шинели». По свидетельству С. Т. Аксакова, «в то время <в начале ноября 1839 г.> стояла в Петербурге страшная стужа, до 23 градусов при сильном ветре»[15]. Гоголь даже отморозил ухо[16]. Очевидно, тогдашний приезд Гоголя в Петербург освежил в его памяти впечатления, полученные в первые годы пребывания в северной столице (тогда тоже он «отморозил нос» — и «отхватал всю зиму в летней шинели»)[17].

[1] Ср. ***1839. Ноября 16. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1839. Ноября 22. Среда. Санкт-Петербург***; ***1839. Декабря 8. Пятница. Санкт-Петербург.***

[3] После 17 декабря 1839 г. (см. ***1839. Ноября 17. Пятница. Санкт-Петербург***).

[4] Вероятно, «маленькую претензию» Гоголь показывал окружающим прежде всего для того, чтобы купить вещи самому — дешевле.

[5] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 682.

[6] Поскольку 2000 рублей от С. Т. Аксакова были получены Гоголем только 16 ноября 1839 г. (см. ***1839. Ноября 16. Четверг. Санкт-Петербург***), то, очевидно, что заказ был сделан ранее Гоголем либо в долг, либо на собственные имевшиеся у него (вероятно, в ограниченном количестве) деньги.

[7] Трощинский (см. ***1839. Ноября конец – декабря начало. Санкт-Петербург***).

[8] В 1839 г. умерла жена А. А. Трощинского Ольга Дмитриевна, 35-ти лет.

[9] Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 1. С. 182.

[10] См.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 484.

[11] *РНБ.* Ф. 199. Ед. хр. 4. Л. 53.

[12] См. ***1839. Ноября 24. Пятница. Санкт-Петербург.***

[13] Это отношение Гоголя не замедлило сказаться в отношении к нарядам сестер спустя лишь месяц или два, в Москве, отразившись тогда в диалоге дам о нарядах в девятой главе первого тома «Мертвых душ» (см. ***1839 декабря 21. Четверг – 1840 апреля 27. Суббота. Москва***).

[14] О негативном отношении Гоголя к женским украшениям, – основывавшемся на апостольской заповеди – «Чтобы <...> жены <...> украшали себя не плетением волос, ни золотом, ни жемчугом, ни многоценною одеждою, но добрыми делами...» (1 Тим. 2, 9–10), а также об автобиографическом начале в повести «Шинель» – и воплощении в ней темы пагубных «светских приличий» – см. сопроводит. статьи и коммент. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 1–4; а также монографию: *Виноградов 2000.* С. 27–29, 39–40, 136–137, 217–218, 240–254.

[15] См. ***1839. Ноября 5. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[16] См. ***1839. Декабря 7. Четверг. Санкт-Петербург.***

[17] См. ***1829. Января 3. Четверг. Рождественские святки. Санкт-Петербург*** (примечания).

НОЯБРЯ 18. СУББОТА. СЕМЕРЕНЬКИ[1]

А. С. Данилевский пишет М. П. Погодину в Москву:

«Если б вы знали, как я скучаю здесь и как желаю вырваться из этого омута, называемого Малороссиею. Какая перемена вдруг, Париж и дальний заброшенный уголок Полтавской губернии, где я осужден на лень, на скуку, на “Московские Ведомости”».

РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. 10. Ед. хр. 26. Л. 2; опубл.: *Барсуков.* 1892. Кн. 5. С. 320.

[1] Имение А. С. Данилевского находилось неподалеку от гоголевской Васильевки.

НОЯБРЯ 19. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь взял сестер из Патриотического института и поместил их у Балабиных. По дороге к Балабиным Гоголь вместе с сестрами заезжает в памятную ему со времен преподавательской деятельности[1] университетскую церковь (вероятно, чтобы отслужить благодарственный молебен).

Е. В. Быкова (рожденная Гоголь) вспоминала: «Утром мы оделись в свои собственные платья, и нас заняло очень после шести с половиной лет надеть первый раз неказенные платья. Мы пошли к обедне, это было воскресенье[2]; в церкви пришли нам сказать, что брат за нами приехал. Тут началась минута рас<с>таванья, мы рыдали, грустно, очень грустно было оставлять институт, особенно M<ademois>elle Ме<лентьеву>, она тоже много плакала и часто говорила: “Будет ли меня кто так любить, как ты меня любила!”. <...> После выпуска брат нас повез в университетскую церковь [и мы заплакан<н>ые <*не закончено*>]. На другой день, как мы были в институт<е>, то С<*нрзб.*> говори<ла>, что ее брат видел нас в церкви и сказал, что мен<ь>шая Г<оголь> хорошенькая; а как лестно для меня было слышать это в первой раз в жизни, что я не дурна, что придало мне немного куражу, но, увы, не уменьшило моей застенчивости...»[3]

Позднее, 9 января (н. ст.) 1845 г., Гоголь писал А. О. Смирновой: «Лучшим делом с своей стороны я считаю то, что пожертвовал им <сестрам> своим временем и провел с ними год[4] по выходе их из института, для того, чтобы хотя сколько-нибудь воспитать их для того места и круга, среди которого будет обращаться их жизнь, чему, как известно, не учат в институтах».

[1] См. ***1834. Июля 19. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1835. Декабря 31. Вторник. Санкт-Петербург.***
[2] 19 ноября 1839 г.
[3] Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 2. С. 182.
[4] Полгода (см. ***1840. Апреля 27. Суббота. Москва***; ***1840. Мая 18. Суббота. Полдень. Москва, Перхушково***).

НОЯБРЯ 19 – ДЕКАБРЯ 17. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Сестры Гоголя Анна и Елисавета живут у Балабиных. За это время четырнадцать раз навещают оставленный Патриотический институт.

Е. В. Гоголь, приехав 21 декабря 1839 г. с сестрой и братом в Москву, около 25 декабря 1839 г. сообщала матери в Васильевку: «Из института прямо мы поехали к генеральше Балабиной[1] и прожили у нее месяц: у нее нам было очень весело. Мы хорошо познакомились с Мари[2], ее дочкой, и я плакала, когда с ней расставалась, и особливо, когда с институтками. Но после того, как мы выехали <из Патриотического института>, мы уже были 14 раз в институте. Как мы жалели, когда расставались с нашими друзьями»[3].

Позднее Елисавета Васильевна вспоминала: «Балабины предложили нас приютить у себя, пока мы уедем; и так мы пробыли месяц у них и каждый день бывали в институте. Брат приезжал часто к Балаб<иным>, обедал с нами. Это семейство состояло: старушка и старичок Балаб<ины>; Marie, дочь их, около 20 лет, красавица, особенно глаза; я была неравнодушна к красоте, и потому очень ее полюбила; 3 брата ее, сестра ее M-me Репнина[4], молодая женщина с мужем[5] и детьми[6] – чрез сени жили в другом доме, куда и мы ходили ночевать, а день проводили с Marie Б<алабиной>. Очень интересное существо, она постоянно болела; она [сочиняла] писала, и мы переписывали ее сочинения. <...> У Бал<абиных> мне просто мученье было <...>: чрез мою застенчивость я часто голодала, утром я не пила чаю, совестно было попросить полную чашку кофию, и так прошу половину, и с одним сухариком в 6 часов обедала; нас спрашивали, не хотим ли мы завтракать, и мы отказываемся чрез свою застенчивость; иногда такое сильное бурчанье делает<ся> в желудке от голода, и если мы одни, то идем к печке и утоляем своей голод углем, особенно я наедалась донельзя. За обедом опять я ничего не ем, тем более, что мне приходилось сидеть подле молодого Балаб<ина>, а с другой стороны Анет. Я ее просила уступить свое место подле Marie, она обещала, но когда придет время, то все-таки не имела столько смелости, чтобы сесть подле Балаб<ина>, и я со слезами иду на свое место. К обеду подают мужчины руки дамам, для нас это было новое мученье, и как мы услышим, что зовут обедать, то идем сейчас искать платков носовых, и так без нас уладят. Эта хитрость наша удавалась каждый раз, не знаю, заметили ли ее. Со мной никто почти не говорил, от того, что кто заговорит со мной, то беда, я так покраснею, что слезы навертываются. Брала кушанье, не смотревши в блюдо, и таким образом раз я взяла одну кость. Б<алабин> заметил и сказал мне [об том]. Я сейчас же оставила вилку, и слезы полились. Просто беда мне была с моей застенчивостью. Брат к нам часто приходил, иногда нас брал прокатывать на свою квартиру, и так мы подкрепляли свои силы калачом, съедали его вдвоем [пополам] весь. Нам тяжело было: привыкши в 12 часов обедать, начать в 5 часов и потом не ужинать. <...> Брат нас познакомил с Аксаков<ыми>: Верочкой, старшей дочерью, и отцом Сер<геем> Ти<мофеевичем>: они приезжали к родным в Петерб<ург>, и мы вместе с ними выехали»[7].

С. Т. Аксаков, имея в виду период с 19 по 24 ноября 1839 г., в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) сообщал: «Когда <...> Гоголь сидел у меня, то любимый его разговор

был о том, как он весною увезет с собою Константина в Италию и как благотворно подействует на него эта классическая страна искусства. Я предупредил его, что мы не можем скоро ехать и чтоб он нас не дожидался. Гоголь с тяжелым вздохом признался мне, что без нас никак не может ехать и потому будет ждать нашего отъезда, как бы он поздно ни последовал. Очень жаловался на юродство институтского воспитания и говорил, что его сестры не умеют даже ходить по-человечески. Он хотел на днях привести их к нам, чтоб познакомить с сестрой Надиной и ее дочерьми[8]. Гоголь опять читал повести Павлова, опять многое хвалил[9] и говорил, что они имеют свое неотъемлемое достоинство»[10].

В 1902–1903 гг. сын князя и княгини В. Н. и Е. П. Репниных-Волконских, князь Н. В. Репнин-Волконский, сообщал А. И. Маркевичу: «Первое <...> мое воспоминание о нем <о Гоголе> относится к 1844 <1839> году, когда весною <осенью> бабушка моя В. И. Балабина приютила у себя двух сестер Гоголя, по окончании ими курса в патриотическом институте. Это было в Петербурге; мы жили с отцом и матерью у бабушки, и я хорошо помню приезд сестер Гоголя, затем его посещения до отправки сестер в Малороссию»[11].

[1] Варвара Осиповна Балабина (рожд. де Пари), художница, жена жандармского генерал-майора Петра Ивановича Балабина (1776–1855).

[2] Мария Петровна Балабина (в замужестве Вагнер; 1820–1901), дочь П. И. и В. О. Балабиных, бывшая ученица Гоголя.

[3] *Свод.* Т. 2. С. 174.

[4] Княгиня Е. П. Репнина-Волконская (рожд. Балабина), старшая сестра М. П. Балабиной.

[5] Князь В. Н. Репнин-Волконский.

[6] Петром и Николаем (1834–1918) (см. ниже воспоминания последнего о Гоголе).

[7] Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 2. С. 182–183.

[8] Дочери Г. И. и Н. Т. Карташевских Мария (1818–1906) и Надежда (в замужестве Маркевич, ум. в 1890).

[9] См. ***1839. Ноября 16. Четверг. Санкт-Петербург.***

[10] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 682–683.

[11] *Маркевич А. И.* Воспоминания кн<язя> Н. В. Репнина о пребывании Гоголя в Одессе // *Свод.* Т. 3. С. 785.

НОЯБРЯ 20. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Сестры Гоголя Анна и Елисавета, вероятно, в сопровождении брата, навещают Патриотический институт.

См. ***1839. Ноября 19. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 20. ПОНЕДЕЛЬНИК. ОДЕССА

Д. М. Княжевич пишет М. П. Погодину в Москву:

«Поддержите хоть Вы честь московских литераторов, которые в нынешнем году сильно меня надули. Обещали чортову пропасть все, и не прислал почти никто ничего. Славные ребята! В том числе и Щепкин, на которого, как на твердую гору, надеялся, что он пришлет отрывок из своих записок. Напомните-ка ему, старику, что “кто слову изменит, тому да будет стыдно”. За ходатайство Ваше у Гоголя[1] усердно благодарю, хотя вовсе не надеюсь успеха».

Гоголь в письмах Д. М. Княжевича // *Свод.* Т. 2. С. 966.– Упоминание о Гоголе встречается также в неизданном письме Д. М. Княжевича к М. П. Погодину от 3 января 1840 г. (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 568).

[1] См. также ***1839. Октября 20. Пятница. Одесса.***

НОЯБРЯ 22. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Разговор В. А. Жуковского с Императрицей Александрой Феодоровной о помощи сестрам Гоголя Анне и Елисавете[1].

Из дневника Жуковского: «*22 <ноября>, середа. <Санкт-Петербург>*. <...> О Гоголе с Императрицею»[2].

В тот же день В. Г. Белинский писал В. П. Боткину в Москву[3]:

«Питер город знатный, Нева – река пребольшущая...[4] <...> Да, и в Питере есть люди, но это все москвичи, хотя бы они и в глаза не видали белокаменной. Собственно Питеру принадлежит все половинчатое, полуцветное, серенькое, как его небо, истершееся и гладкое, как его прекрасные тротуары. В Питере только поймешь, что религия есть основа всего и что без нее человек – ничто, ибо Питер имеет необыкновенное свойство оскорбить в *человеке* все святое и заставить в нем выйти наружу все сокровенное. Только в Питере человек может узнать себя – человек он, получеловек или скотина[5]: если будет страдать в нем – человек; если Питер полюбится ему – будет или богат или действительным статским советником. <...> В театре я был два раза (то есть в Александринском) и в третий страх не хочется идти... <...> Публика – господа офицеры и чиновники – зверинец орангутангов и мартышек – позор и оскорбление человечества и общества. <...>

У Краевского я встретился с Срезневским – необычайно острый муж: очень хорошо рассуждает о Гоголе и Основьяненке, – говорит, что что есть в одном, того недостает другому, что Гоголь берет формою, а Основьяненко изобретением, но что "Ревизор" – отвратительный фарс, "Старосветские помещики" – превосходное, гениальное создание, а "Тарас Бульба" – дрянь и прочее в этом роде[6]. <...>

Гоголя видел два раза[7], во второй обедал с ним у Одоевского[8]. Хандрит, да есть от чего, и все с ироническою улыбкою спрашивает меня, как мне понравился Петербург[9]. Невский проспект – чудо, так что перенес бы его да Неву, да несколько человек в Москву»[10].

[1] Подробнее см. ***1839. Ноября 4. Суббота. Санкт-Петербург*** (примечания).

[2] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 41.

[3] Василий Петрович Боткин (1811–1869), сын московского чаеторговца П. К. Боткина, писатель и критик.

[4] Ср. в «Ночи перед Рождеством»: «"Что ж, земляк, <...> што балшой город?" <...> – "Губерния знатная! <...> Нечего сказать: домы балшущие..."»

[5] См. ***1839. Ноября 16. Четверг. Санкт-Петербург.*** Позднее, 14 сентября 1840 г. Аксаков сообщал жене из Петербурга: «...У меня вчера был Белинский. Говорит, что слишком тяжело жить. Кланяется Косте и желает, чтоб он прожил полгода в Петербурге!.. В этом есть правда» (Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 141).

[6] См. ***1834. Февраля 16. Пятница. Харьков*** (примечания).

[7] Первая из двух тогдашних встреч В. Г. Белинского с Гоголем, возможно, произошла, у С. Т. Аксакова в доме Карташевских 16 ноября 1839 г. (см. ***1839. Ноября 16. Четверг. Санкт-Петербург***; *Оксман Ю.* Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958. С. 215).

[8] Поскольку литературные приемы у князя В. Ф. Одоевского устраивались по субботам, то, вероятно, встреча состоялась 18 ноября 1839 г. (см. ***1839. Ноября 18. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1839. Декабря начало. Санкт-Петербург***; ***1839. Декабря 8. Пятница. Санкт-Петербург***).

[9] Иронию Гоголя – последовательного критика новейшей западной цивилизации – вызывала, вероятно, сама ситуация, когда едва переехавший из Москвы в Петербург на постоянное жительство один из главных «журнальных вождей» западничества Белинский был, очевидно, не в восторге от города, европейски «цивилизованный» быт которого «теоретически» должен был быть ему по душе.

[10] Из писем В. Г. Белинского // *Свод*. Т. 3. С. 246.

НОЯБРЯ 23. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, возможно, навещает сестер Анну и Елисавету в доме Репниных.

См. ***1839. Ноября 21 или декабря между 1 и 5 или между 8 и 12. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 24. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь провел утро у С. Т. Аксакова (в доме Карташевских). Вечером, «по дороге от кондитерской у Полицейского моста до Нового переулка», потерял бумажник «с некоторыми нужными бумагами» и 105 рублями ассигнациями.

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «24-го ноября Гоголь сидел у меня целое утро. Он сказал мне между прочим, что здешние мерзости не так уже его оскорбляют, что он впадает в апатию и что ему скоро будет все равно, как бы о нем ни думали и как бы с ним ни поступали. Совестно было мне оставлять его долго в этом положении и отнимать у него время, которое, может быть, было бы творчески плодотворно в Москве. К тому же сестры его грустили по Институту, и дальнейшее пребывание их у Княгини Репниной было для него тягостно. Но что же было мне делать? Нельзя же было мне пожертвовать для этого существенно важными обстоятельствами для собственного моего семейства! <...>

К довершению всего, Гоголь потерял свой бумажник с деньгами, да еще и с записками, для него очень важными. (Об этом было публиковано в Полицейской газете[1]; но, разумеется, бумажник не нашелся, именно потому, что в нем были деньги.)»[2]

В тот же день Аксаков сообщал сыну Константину об устроенном специально для него, С. Т. Аксакова, литературном вечере у И. И. Панаева:

«Ну, мой дражайший Константин, видел я, хотя в малом числе, литературный зверинец у любезнейшего из смертных <у Панаева>, которого и в шутку грешно называть, как ты назвал, Хлестаковым. У него были: Краевский, Каменский[3], Гребенка, Владиславлев (альманах его — пустяки), Плетнев, <М. А.> Языков и Белинский. Подробности до свидания»[4].

[1] См. ***1839. Ноября 29. Среда. Санкт-Петербург***; ***1839. Декабря 2. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 683, 678.

[3] Павел Павлович Каменский (1810 или 1812 – 1871), литератор; в 1836 г. женился на дочери графа Ф. П. Толстого Марии Федоровне. — См. ***1833. Вторая половина года. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[4] Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 134.

НОЯБРЯ 20–25. ПОНЕДЕЛЬНИК-СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Предположительно в эти дни В. А. Жуковский отправляет записку к А. О. Смирновой:

«Думал, думал, посылать ли? Наконец решился, и посылаю вашему херувимскому личику мое гипсовое рыло. Ведь вам хотелось моего портрета — почему же не иметь бюста? Вот и бюст[1]. А собака Вихман хотел мне вместе с ним прислать и ваш бюст: да забыл...[2] <...> В Воскресенье[3] буду к вам обедать. Но вот предложение: вам хотелось слышать Гоголеву комедию. Хотите, чтоб я к вам привез Гоголя? Он бы прочитал после обеда; а я бы так устроился, чтобы не заснуть под чтение»[4].

Намерение Жуковского приехать на обед к Смирновой с Гоголем — предположительно, в воскресенье 26 ноября 1839 г. — не было осуществлено. Утром этого дня Жуковский получил извещение о смерти Д. В. Дашкова[5] — и, очевидно, должен был изменить свои планы: *«26 <ноября 1839>, воскресенье.* В 4 часа разбужен известием о смерти Дашкова. В пять часов ко вдове <Елизавете Васильевне, рожденной Пашковой>. Странная твердость или экзальтация. Портрет. Панихида. Обедал один. Вечер у Вьельгорского»[6].

Посещение Смирновой Жуковского с Гоголем состоялось спустя пять дней, в пятницу 1 декабря 1839 г.[7]

Под «Гоголевой комедией» Жуковский, вероятно, имел в виду комедию «Женитьба», которую Гоголь читал за год перед тем в Риме Наследнику, в присутствии Жуковского[8].

[1] Работы Л. В. Вихмана 1833 г.

[2] Вероятно, шутка Жуковского.

[3] Возможно, 26 ноября 1839 г.

[4] *<Бартенев П. И.> П. Б.* К биографии Жуковского // Русский Архив. 1883. № 2. С. 336; см. также: Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 49. Датировка письма уточнена (Бартенев условно относил это послание к 1836 г., однако в этом году Смирнова была в Берлине и с Жуковским не встречалась).

[5] 26 ноября 1839 г.

[6] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М., 2004. Т. 14. С. 191.

[7] См. ***1839. Декабря 1. Пятница. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1838. Декабря 29 <17>. Суббота. Рим.***

НОЯБРЯ 25. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. С. Аксакова пишет матери, О. Сем. Аксаковой, в Москву:

«В воскресенье[1] дают "Ревизора", и отесенька берет ложу, но не знаю, поедем ли мы, т. е. я и Машенька[2]: это будет зависеть от того, что скажет дядя Григорий Иванович[3], которому нарочно дадут прочесть "Ревизора". Гоголя мы не видали с тех пор. Он уверен, что мы едем во вторник[4]. Как неприятно его обманывать! Но неужели для этого мы должны ускорить свой отъезд отсюда?»[5]

На следующий день, 26 ноября 1839 г., В. С. Аксакова сообщала брату К. С. Аксакову:

«...Вчера Панаев и Белинский заходили, не застали отесеньки дома, принесли по письму к тебе и жалеют, что мы не сейчас можем их тебе доставить»[6].

Письма Белинского и Панаева от 25 ноября 1839 г. не сохранились. Получив от отца[7] письмо Белинского, К. С. Аксаков был оскорблен, о чем в конце 1839 г. сообщал И. И. Панаеву в послании, прочитанном Белинским (письмо не сохранилось). 10 января 1840 г. Белинский писал К. С. Аксакову: «...Панаев сию минуту прочел мне твое письмо к нему. Прошу тебя дружески извинить меня за мое к тебе письмо, грязное и не эстетическое, которое так глубоко оскорбило твое чувство. Поверь мне, что я не имел никакого намерения оскорблять тебя, а признаюсь в грехе — хотел только шутя намекнуть тебе на некоторые истины»[8]. Белинскому Константин Аксаков спустя некоторое время также отправил записку: «Я давно уж получил письмо твое, Виссарион, но не отвечал на него до сих пор. Ты нападаешь на Русских, на народность их, и между тем, в письме твоем, ты являешься Русским по преимуществу (по твоему определению Русского человека) в отношении к вони. Оно конечно, запах силен, но все мне гадко оставаться в нужнике: таково письмо твое»[9].

Письмо с «дружескими» извинениями Аксакову Белинский написал, только ознакомившись с письмом Аксакова Панаеву; на записку, адресованную ему лично, он, по-видимому, отвечать не стал. На извинения Белинского Аксаков тогда же откликнулся (вероятно, это произошло весной 1840 г.; письмо не сохранилось). Из ответного письма Белинского от 14 июня 1840 г. явствует, что дружеские отношения с ним К. С. Аксаков считал оконченными (хотя переписка между ними еще некоторое время продолжалась: спустя год, 18 июля 1841 г., Боткин писал Белинскому по поводу его послания к Константину Аксакову (также не сохранилось): «Прочел твое письмо к Аксакову. Ну, ну! Вот до чего дошло! Но меня это нисколько не удивило. В Аксакове лежала всегда возможность того, чем он теперь стал»[10]).

Позднее И. С. Аксаков, публикуя письма Белинского к К. С. Аксакову от 10 января, 14 июня и 23 августа 1840 г. и отмечая, что «во втором из них (на самом деле в первом. – *И. В.*) упоминается о каком-то письме, глубоко оскорбившем К<онстантина> С<ергееви>ча», сообщал: «Сколько помнится из рассказов К<онстантина> С<ергееви>ча (пишущий эти строки с 1838 по 1842 гг. не жил в Москве, а воспитывался в Петербурге), было еще письмо Белинского, преисполненное самых грубых, неистовых, цинических ругательств на Россию и русского человека и самоуверенной похвальбы, что в этом его новом отношении к русской народности заключался "новый момент развития", высшая точка зрения, истинное разумение действительности. С свойственным ему остервенением искренности, Белинский мял и топтал беспощадно то, чему еще недавно сам поклонялся, глумился над Москвою и над новым направлением, которое уже возникало и созревало в К<онстантине> С<ергееви>че. Это было каплею, переполнившею сосуд. К<онстантин> С<ергеевич> отвечал резким, коротким письмом, и разрыв совершился»[11].

Судя по всему, «грязное и не эстетическое», «преисполненное» нападок «на Россию и русского человека» письмо Белинского 1839 г., оскорбившее Константина Аксакова, явилось определенным предвестием позднейшего оскорбительного письма Белинского к Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» 1847 г.

[1] См. ***1839. Ноября 26. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] М. Г. Карташевская.

[3] Карташевский.

[4] То есть 28 ноября 1839 г. Отъезд Гоголя с сестрами и Аксакова с дочерью из Петербурга состоялся лишь 17 декабря 1839 г. (см. ***1839. Декабря 17. Воскресенье. 9 часов вечера. Санкт-Петербург***).

[5] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 804.

[6] Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 135.

[7] См. ***1839. Декабря 21. Четверг. 8 часов вечера. Москва.***

[8] См. ***1840. Января 10. Среда. Санкт-Петербург.***

[9] *Коншина Е. Н.* Письма К. С. Аксакова к В. Г. Белинскому // Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1939. Сб. 4. С. 205.

[10] Письма В. П. Боткина. Публикация Н. В. Измайлова // Литературная мысль. Пг., 1923. Вып. 2. С. 180.

[11] <*Аксаков И. С.*> Примечание редактора / Письма В. Г. Белинского к К. С. Аксакову // Русь. 1881. 3 янв. № 8. С. 15.

НОЯБРЯ 26. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

С. Т. Аксаков рано утром заезжает к В. А. Жуковскому, но не застает его дома. Встречается здесь с Гоголем. Вечером того же дня Аксаков с дочерью Верой, сыновьями Григорием, Иваном и Михаилом и племянницей М. Г. Карташевской[1] присутствует на представлении «Ревизора» в Александринском театре.

«26 <ноября>. <...> Ал<ександринский> т<еатр>. Ревизор, ком<едия> в 5 д<ействиях>. Чего на свете не бывает, вод<евиль> в 1 д<ействии>»[2].

Вечером того же дня С. Т. Аксаков сообщал жене О. Сем. Аксаковой в Москву: «Мы сейчас воротились из театра; брали три ложи. <...> Играли "Ревизора", Гоголь ни за что не хотел его видеть. Мне очень хотелось его видеть на здешней сцене и – недаром. Представьте себе, что пиесы узнать нельзя... что пиеса дурна. Как *теперь* она здесь играется – ее нельзя видеть образованному человеку. Но театр был полон, и хохоту было много»[3].

В «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксаков писал: «26-го ноября давали "Ревизора". У нас было два бельэтажа, но я никак не мог уговорить Гоголя ехать с нами. Он верно рассчитал, до чего должно было дойти его представление в течение четырех лет. "Ревизора" нельзя было видеть без отвращения, все актеры впали в отвратительную карикатуру. Сосницкий сначала был недурен; много было естественности и правды в его игре; слышно было, что Гоголь сам два раза читал ему "Ревизора"[4], он перенял кое-что и еще не забыл; но как скоро дошло до волнений духа, до *страсти*, говоря по-театральному, – Сосницкий сделался невыносимым ломакой, балаганным паясом»[5].

На следующий день, 27 ноября 1839 г., С. Т. Аксаков сообщал также сыну Константину: «Как я рад, что ты не видел вчера “Ревизора”! Ты пришел бы в совершенное изумление, а потом в ярость! Каково! Пьеса сделана посильным произведением для толпы! Нет истины, нет живых лиц — все отвратительная карикатура! — Как опасно нехорошо играть Гоголя да и всякого гениального писателя! Я даже не скажу ему, до какой степени дурно играют “Ревизора”. Это его расстроит, и он должен сейчас у меня быть[6].

Вообрази, Костя: вчера я приехал рано к Жуковскому (его не было уж дома: он уехал к умершему в ту ночь Дашкову[7]) и вошел тихонько к Гоголю и нашел его в роде какого-то халата, на голове бархатная большая, вышитая золотом шапка, а ноги в чулках... Стоит и пишет что-то...[8] и видно, что я ему крепко помешал. Уморительный костюм его не кажется ему и странным»[9].

В «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксаков ошибочно датировал этот эпизод 27 ноября 1839 г. и так же ошибочно сообщал о разговоре тогда с В. А. Жуковским (встреча Аксакова с Жуковским произошла, несомненно, ранее, в отсутствие Гоголя, — вероятно, 31 октября 1839 г.[10]). В «Истории...» Аксаков писал: «...Поутру я поехал к Гоголю. Мне сказали, что его нет дома, и я зашел к его хозяину, к Жуковскому. <...> Я засиделся у него часа два. Говорили о Гоголе. <...> Наконец я простился с ласковым хозяином и сказал, что зайду узнать, не воротился ли Гоголь, которого мне нужно видеть. “Гоголь никуда не уходил, — сказал Жуковский, — он дома и пишет. Но теперь пора уже ему гулять. Пойдемте”. И он провел меня через внутренние комнаты к кабинету Гоголя, тихо отпер и отворил дверь. Я едва не закричал от удивления. Передо мной стоял Гоголь в следующем фантастическом костюме[11]: вместо сапог длинные шерстяные русские чулки выше колен; вместо сертука, сверх фланелевого камзола, бархатный спензер; шея обмотана большим разноцветным шарфом, а на голове бархатный, малиновый, шитый золотом кокошник, весьма похожий на головной убор мордовок. Гоголь писал и был углублен в свое дело, и мы очевидно ему помешали. Он долго, *не зря, смотрел* на нас, по выражению Жуковского[12], но костюмом своим нисколько не стеснялся. Жуковский сейчас ушел, и я, скрепя сердце, сказал Гоголю, что мы поедем из Петербурга после 6-го декабря. Он был очень огорчен, но отвечал, что делать нечего и что он покоряется своей участи. Я звал его гулять, но он возразил, что еще рано. Я увидел, что ему надобно было что-то кончить, и сейчас с ним простился»[13].

27 ноября 1839 г. В. С. Аксакова, в свою очередь, сообщала матери: «...В воскресенье, т. е. вчера, у нас был нанят возок на целый день <...> Вечером мы были в театре всей семьей, видели “Ревизора”, и какая разница с тем, что у нас играют, начиная с Сосницкого[14], который ходит как-то согнувшись, изломанный какой-то, совсем нет той жизни, которая у нас всех одушевляет. Городничий бывал иногда отвратителен, но иное говорил со смыслом и удачно. Хлестакова здесь играл Куликов[15], который сам по себе более похож на Хлестакова, нежели Самарин, но совершенно играет, не понимая роли всей, без толку; иное, впрочем, у него лучше, нежели у нас; особенно наружность и манеры»[16].

В тот же день, 27 ноября 1839 г., младший сын Аксаковых Михаил тоже писал матери: «...Здесь “Ревизора” играют гораздо хуже, нежели в Москве, и потому эта пьеса здесь нравиться не может»[17].

Позднее, в первой половине декабря 1853 г., С. Т. Аксаков, прочитав в рукописи «Опыт биографии Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша, писал последнему: «...Для всякого будет интересно узнать, что Ревизора ставил на Сцену сам Гоголь (неподражаемый актер для комических ролей), и потому пиэса сначала игралась хорошо; впоследствии же, мало-помалу, актеры впали в карикатуру и в 1839-м году я не имел терпения выслушать двух актов — так отвратительно шел Ревизор на Петербургской сцене. Замечательно то, что Гоголь предсказал мне это и не пошел со мной в Театр. Считаю не лишним прибавить, что в 1839-м году Гоголь приезжал вместе со мной, месяца на два, в Петербург, взял двух сестер своих из Патриотического Института и вместе же со мной воротился в Москву»[18].

[1] См. ***1839. Ноября 25. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] Репертуар С.-Петербургских и Московских Русских театров, 1839 года, с 1 по 30 ноября // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песоцким, на 1839 год. СПб., 1839. Т. 2. <Отдельная пагинация>. С. 2.

[3] Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 576; см. также: Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 577.

[4] См. ***1836. Марта после 9. Санкт-Петербург.***

[5] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 683.

[6] См. ***1839. Ноября 27. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1839. Ноября 20–25. Понедельник-суббота. Санкт-Петербург*** (примечания).

[8] Вероятно, Гоголь работал тогда над драмой из эпохи Богдана Хмельницкого (см. ***1839. Сентября 27. Среда. Москва***; ***1839. Ноября 13. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1841. Января 17 <29>. Пятница. Москва***). — См. также ниже примеч. 11; а также коммент. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 7. С. 779–788.

[9] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 578.

[10] См. ***1839. Октября 31. Вторник. Санкт-Петербург.***

[11] Мнение о том, что в описанном С. Т. Аксаковым «костюме» Гоголь, по-видимому, писал драму из эпохи Богдана Хмельницкого впервые было высказано Н. С. Тихонравовым (*Тихонравов Н. С.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь 1889–1896.* Т. 1. С. 635). См. также выше примеч. 8.

[12] Описанный случай произошел в отсутствии В. А. Жуковского.

[13] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 683–684.

[14] См. также ***1838. Апреля 13 <25>. Среда. Москва***; ***1838. Апреля 17 <29>. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1838. Апреля 22 <мая 4>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1839. Ноября 26. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1840. Апреля 23. Вторник. Радоница. 7 часов вечера. Москва.***

[15] Николай Иванович Куликов (псевдоним Н. Крестовский) (1812–1891), брат актрис А. И. Шуберт и П. И. Орловой (в девичестве Куликовых), выпускник Московского театрального училища (1830), с 1834 г. артист Московской драматической труппы, с 1837 г. артист Александринского театра в Петербурге; здесь же с 28 октября 1838 г. по 21 июля 1852 г. состоял режиссером русской драматической труппы, после чего вышел в отставку. 9 сентября 1842 г. в бенефис Куликова в Александринском театре была поставлена его инсценировка «Комические сцены из новой поэмы *Мертвые души* сочинения Гоголя (автора Ревизора)...» (постановка осуществлена без согласия Гоголя). Премьера этой инсценировки в Москве состоялась на сцене Малого театра 11 сентября 1842 г. (см. ***1842. Сентября 6 <18>. Воскресенье. Москва***; ***1842. Сентября 9 <21>. Среда. Санкт-Петербург***; ***1842. Сентября 11 <23>. Пятница. Москва***). В 1848 г., с разрешения Гоголя, Куликов ставил «Сорочинскую ярмарку» (см. ***1848. Ноября 23. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1848. Ноября 25. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1848. Ноября 26. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1848. Ноября 29. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1848. Ноября 30. Вторник. Санкт-Петербург***). В 1852 г. в соавторстве с К. Д. Ефимовичем инсценировал «Тараса Бульбу» (премьера 1 декабря 1852 г. на сцене Александринского театра (см. ***1852. Декабря 1. Понедельник. Санкт-Петербург***), 21 января 1853 г. — на сцене Большого театра в Москве; в 1859 г. — в Одессе).

[16] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 804–805.

[17] *Свод.* Т. 2. С. 947.

[18] *Аксаков С. Т.* <Замечания о рукописной редакции «Опыта биографии Н. В. Гоголя...»> (Черновик письма к П. А. Кулишу). <Первая половина декабря 1853. Москва> // *Свод.* Т. 2. С. 632.

НОЯБРЯ 27. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь заезжает к С. Т. Аксакову[1], который еще раз сообщает ему о предполагаемом дне отъезда в Москву — 7 декабря 1839 г.

В тот же день, после визита к Аксакову, Гоголь писал М. П. Погодину в Москву:

«Не сердись на меня. Ей Богу, не могу писать, кажется, как будто на каждой руке по четыре пуда тяжести. <...> Как пошла моя жизнь в Петербурге! Ни о чем не могу думать, ничто не идет в голову. Как вспомню, что я здесь убил месяц уже времени — ужасно. А всё виною Аксаков. Он меня выкупил из беды[2], он же меня и посадил. Мне ужасно хотелось возвратиться с ним вместе в Москву. Я же так его полюбил истинно душою. Притом для моих сестер компания и вся нужная прислуга, словом, всё заставляло меня дожидаться. Он меня всё обнадеживал скорым выездом: через неделю, через неделю — а между тем уже месяц. Если б я знал это вперед, я бы непременно выехал 14 ноября. У меня же всё готово совершенно, сестры одеты и упакованы как следует. Ах, тоска! Я уже успел один раз заболеть: простудил горло и зубы, и щеки. Теперь, слава Богу, всё

прошло. Как здесь холодно. И приветы, и пожатия, часто, может быть, искренние, но мне отвсюду несет морозом. Я здесь не на месте. Для сестер ничего не нужно кроме двух кроватей. У них всё есть от платьев до белья с собою. Передай мой братской поцелуй Елисав<ете> Васильевне[3]. <...> Перецелуй малюток, моих племянников[4]. Коли будешь видеть Елиз<авету> Григорьевну[5], скажи ей, что я страшно скучаю в Петербурге. Обними Щепкина. О Боже, Боже! когда я выеду из этого Петербурга! Аксаков меня уверяет, как наверное, что 7 декабря[6] будет этот благодатный день. Неужели он опять обманет, не дай Бог! <...> Обними Нащокина, как увидишь».

В тот же день, 27 ноября 1839 г., В. С. Аксакова сообщала матери, О. Сем. Аксаковой: «Сегодня мы едем, кажется, смотреть "Тень"[7]. Нас хотят удержать до 7 числа, и я думаю, что мы останемся, а Гоголь, может быть, поедет один...»[8]

[1] См. ***1839. Ноября 26. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1839. Ноября 4. Суббота. Санкт-Петербург.***
[3] Жена Погодина.
[4] В семье М. П. и Е. В. Погодиных в то время были сын Дмитрий (1836–1890) и дочь Александра (в замужестве Зедергольм; 1834 – после 1909).
[5] Черткова.
[6] Ср. ***1839. Декабря 17. Воскресенье. 9 часов вечера. Санкт-Петербург.***
[7] «Тень» – балет Л. Маурера с участием М. Тальони, гастролировавшей в это время в Петербурге.
[8] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 805.

НОЯБРЯ 29. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В «Прибавлениях к Ведомостям Санктпетербургской Городской Полиции» (№ 44) напечатано объявление Гоголя о потере бумажника:

«Вечером 24 ноября[1], по дороге от кандитерской у Полицейского моста до Нового переулка, потерян маленький подержанный, зеленый БУМАЖНИК, в котором находилось 105 р<ублей> ассигнациями и некоторые нужные бумаги; нашедшего оный просят деньги взять себе, а бумаги доставить в Новый переулок, 2 Адмир<алтейской> Части, в дом Полковника Брума, в квартиру под № 22»[2].

В тот же день, 29 ноября 1839 г., Гоголь впервые после выхода сестер Анны и Елисаветы из Патриотического института[3] привозит их в гости к Аксаковым (в дом Карташевских).

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «29-го ноября, перед обедом, Гоголь привозил к нам своих сестер. Их разласкали донельзя, даже больная моя сестра[4] встала с постели, чтоб принять их; но это были такие дикарки, каких и вообразить нельзя. Они стали несравненно хуже, чем были в институте[5]: в новых длинных платьях совершенно не умели себя держать, путались в них, беспрестанно спотыкались и падали, от чего приходили в такую конфузию, что ни на один вопрос ни слова не отвечали. Жалко было смотреть на бедного Гоголя.

Мы условились с ним послезавтра[6] в одно время приехать в Эрмитаж: мы с Панаевым, который доставил нам вечный билет для входа, а Гоголь с сестрами и с Балабиной. Гоголь предлагал [нам также] Верочке <Аксаковой> и Машеньке <Карташевской> осмотреть картины Жуковского, между которыми были очень замечательные, и также его чудесный альбом, стоивший, как говорили, тысяч 40. Разумеется, это надо было сделать в отсутствие хозяина, что мои девицы [нашли неудобным] находили не совсем удобным»[7].

[1] См. ***1839. Ноября 24. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См. также ***1839. Декабря 2. Суббота. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1839. Ноября 19. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[4] Н. Т. Карташевская.
[5] См. ***1839. Ноября 17. Пятница. Санкт-Петербург.***
[6] См. ***1839. Декабря 1. Пятница. Санкт-Петербург.***
[7] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 684.

НОЯБРЯ 29. СРЕДА. МОСКВА

М. П. Погодин пишет С. П. Шевыреву за границу:

«Гоголь еще в Петербурге; но теперь жду его с обеими сестрами, которые будут жить у нас. Он непременно должен выдать что-нибудь, и многое, потому что денег нужна ему куча и для себя, и для сестер, и для матери. Аксаков поехал с ним отдавать Мишу в Лицей и воротится вместе».

Из писем М. П. Погодина // *Свод.* Т. 2. С. 413.

НОЯБРЯ КОНЕЦ – ДЕКАБРЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь с сестрами Анной и Елисаветой навещает А. А. Трощинского.

См. ***1839. Ноября 18. Суббота. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ ПОСЛЕ 3 – ДЕКАБРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 17. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь бывает у Н. Я. Прокоповича (на Васильевском острове[1]), где однажды, в присутствии старых друзей и П. В. Анненкова, бывших на его вечерах в Петербурге в первой половине 1830-х гг.[2], читает первые четыре главы «Мертвых душ».

У Прокоповича Гоголь встретился с И. И. Панаевым и, вероятно, встречался с А. Н. Мокрицким[3].

Из «Воспоминаний о Гоголе» Анненкова (1857): «Последнее мое свидание с Гоголем <перед встречей в Риме в 1841 г.>[4] было в 1839 году, в Петербурге, когда он останавливался в Зимнем дворце, у Жуковского. Первые главы "Мертвых Душ" были уже им написаны, и однажды вечером[5], явившись в голубом фраке с золотыми пуговицами, с какого-то обеда, к старому товарищу своему Н. Я. Про<копо>вичу, он застал там всех скромных, безызвестных своих друзей и почитателей, которыми еще дорожил в то время... Мы уже узнали, что он собирался прочесть нам новое свое произведение, но приступить к делу было не легко. Гоголь, как ни в чем не бывало, ходил по комнате, добродушно подсмеивался над некоторыми общими знакомыми, а об чтении и помину не было. Даже раз он намекнул, что можно отложить заседание, но Н. Я. Про<копови>ч, хорошо знавший его привычки, вывел всех из затруднения. Он подошел к Гоголю сзади, ощупал карманы его фрака, вытащил оттуда тетрадь почтовой бумаги в осьмушку, мелко-намелко исписанную, и сказал по-малороссийски, кажется, так: "А що се таке у вас, пане?" Гоголь сердито выхватил тетрадку, сел мрачно на диван и тотчас же начал читать, при всеобщем молчании. Он читал без перерыва до тех пор, пока истощился весь его голос и зарябило в глазах. Мы узнали таким образом первые четыре главы "Мертвых Душ"... Общий смех мало поразил Гоголя, но изъявление нелицемерного восторга, которое видимо было на всех лицах, под конец чтения, его тронуло... Он был доволен. Кто-то сказал, что приветствие Селифана босой девочке, которую он сажает на козлы вместо проводника от Коробочки – приветствие: "ноздря" – не совсем прилично. Все остальные слушатели восстали

против этого замечания, как выражающего излишнюю щекотливость вкуса и отчасти испорченное воображение, но Гоголь прекратил спор, взяв сторону критика и заметив: "Если одному пришла такая мысль в голову — значит и многим может придти. Это надо исправить"[6]. После чтения он закутался, по обыкновению, в шубу до самого лба, сел со мной на извощика, и мы молча доехали до Зимнего дворца, где я его ссадил. Вскоре потом он опять исчез из Петербурга»[7].

Позднее, в мемуарном очерке «Замечательное десятилетие» (1880), Анненков добавлял: «Николай Васильевич Гоголь <...> побывал в Петербурге зимой 1839 года и читал нам здесь первые главы знаменитой своей поэмы, у Н. Я. Прокоповича, но Белинского не было на вечере: он находился случайно в Москве»[8].

Вопреки сообщению Анненкова, Белинский был в то время в Петербурге, но, как и ранее в Москве, когда Гоголь 14 октября 1839 г. читал первую главу первого тома «Мертвых душ» у Аксаковых[9], очевидно, приглашен на чтение не был[10]. «...Белинский прибыл в Петербург в конце октября 1839 г. <...> по воскресеньям обыкновенно обедал у Комарова и бывал нередко у Прокоповича»[11].

И. И. Панаев вспоминал (1860): «Из находившихся в ту минуту в Петербурге литераторов я не был знаком только с Гоголем[12], который с первого своего шага стал почти впереди всех и потому обратил на себя всеобщее внимание. Мне очень захотелось взглянуть на автора "Старосветских Помещиков" и "Тараса Бульбы", с которыми я носился и перечитывал всем моим знакомым, начиная с Кречетова[13]. <...> Случай скоро представился мне увидеть Гоголя. Через А. А. Комарова я познакомился с Прокоповичем, учителем словесности в кадетских корпусах, стихотворцем[14], большим чудаком и — главное — добрейшим человеком[15]. Прокопович в один год с Гоголем кончил курс в Нежинском лицее. Приятель Гоголя еще со школьной скамьи, Прокопович, горячо любивший литературу, после первых произведений Гоголя присоединил к своей школьной дружбе благоговейную привязанность к нему как к писателю. — Гоголь, по-видимому, был очень близок с ним: во время своего пребывания в Малороссии или за границей он всегда делал Прокоповичу различные поручения и, возвращаясь в Петербург, — останавливался у него.

Прокопович, узнав через А. А. Комарова мое желание посмотреть Гоголя, пригласил меня в тот день, когда Гоголь обещал у него обедать. <...> Он занят был перед обедом приготовлением макарон по-итальянски (это было уже после второй поездки его за границу[16]) и беспрестанно выходил на кухню смотреть за их приготовлением. За обедом он говорил мало и ел много. Разговор его не был интересен, он касался самых обыкновенных и вседневных вещей; о литературе почти не было речи, только, не помню к чему, он заметил, что по его мнению первый поэт после Пушкина — Языков и что он не только не уступает самому Пушкину, но даже превосходит его иногда по силе, громкости и звучности стиха. Меня еще неприятно поразило то, что в обращении двух друзей и товарищей не было простоты: сквозь любовь Прокоповича к Гоголю невольно проглядывало то подобострастие, которое обнаруживают всегда низшие к друзьям высшего ранга; Гоголь, в свою очередь, посматривал на Прокоповича тоже как будто немножко свысока. Тотчас после обеда мы все разошлись, и, когда я уходил, Прокопович заметил мне, что Гоголь сегодня был не в духе.

Я слышал, что, когда Гоголь бывал в духе — рассказывал различные анекдоты с необыкновенным мастерством и юмором; но после издания "Миргорода" и громадного успеха этой книги, — он принимал уже тон более серьезный и строгий и редко бывал в хорошем расположении... Иногда только он обнаруживал свой юмор перед людьми высшего общества, с которыми начал сближаться. — До этого и обращение его с Прокоповичем было гораздо проще и искреннее, так, по крайней мере, уверяют те, которые были знакомы с ним с самого приезда его в Петербург...»[17]

[1] См. ***1837. Июля 20 <августа 1>. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1841. Ноября 25. Вторник. Москва.***

[2] См. ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург***; ***1834. Октября 1. Понедельник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург***; и др.

[3] 1 декабря 1839 г. Мокрицкий подал прошение президенту петербургской Академии художеств, в котором сообщил о своем отъезде в Малороссию, к родным. (Дневник художника А. Н. Мокрицкого / Составитель,

автор вступ. статьи и примеч. Н. Л. Приймак. М., 1975. С. 233). Спустя два месяца, 25 января 1840 г., приехав в Борзну, Мокрицкий записал в дневнике: «После продолжительного и скучного пути прибыли мы к Н<иколаю> Д<аниловичу> (Н. Д. Белозерский служил в Борзне уездным судьей и владел здесь родовым имением. — *И. В.*)... <...> На кучу вопросов о Петерб<урге>, расспросы о том, о другом, о Гоголе <ср. ***1840. Апреля 12. Страстная пятница. Москва***>, Данилевск<ом>, и проч<ее>, об Акад<емии>, о выст<авке>, обо мне, наконец, о Брюллове...» (Там же. С. 166).

[4] См. ***1841. Апреля 8 <марта 27>. Великий четверг. Рим***.

[5] В период с 3 ноября по 17 декабря 1839 г. Чтения Гоголем первых четырех глав первого тома «Мертвых душ» у Н. Я. Прокоповича состоялись, по-видимому, после переезда Гоголя к Жуковскому 3 ноября 1839 г. (см. ***1839. Ноября 3. Пятница. Санкт-Петербург***). Авторские чтения глав первого тома поэмы состоялись тогда же на квартире князя П. А. Вяземского (см. ***1839. Ноября 15. Среда. Санкт-Петербург***), в домах П. А. Валуева (см. ***1839. Декабря 5. Вторник. Санкт-Петербург***) и Карамзиных (см. ***1839. Декабря 11. Понедельник. Санкт-Петербург***).

[6] Как и в окончательном тексте, в сохранившихся редакциях третьей главы первого тома «Мертвых душ» (наиболее ранняя из которых — неполная — относится к 1836–1839 гг.) упомянутое «приветствие» Селифана босой девчонке Пелагее отсутствует. Возможно, слово «ноздря» было либо исключено Гоголем из последующих реплик Селифана в разговоре с девчонкой, либо заменено на слово «черноногая» в его последней фразе при *прощании* с Пелагеей: «Он остановился и помог ей сойти, проговорив сквозь зубы: "Эх ты, черноногая!"»

[7] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 426–427.

[8] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 507.

[9] См. ***1839. Октября 14. Суббота. Москва***; ***1839. Октября 15. Воскресенье. Москва***.

[10] См. также ***1835. Мая после 4 — не позднее 10. Москва***.

[11] *Шенрок.* Т. 4. С. 44–45.

[12] С Гоголем И. И. Панаев познакомился еще осенью 1839 г. в Москве (см. ***1839. Сентября 29. Пятница — октября 1. Воскресенье. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. С. Волынское***).

[13] См. ***1835. Февраля 21. Четверг. Санкт-Петербург***.

[14] См. ***1835. Февраля после 20 — марта до 11. Санкт-Петербург***; ***1835. 1835. Мая 24. Пятница. Полтава***.

[15] Ср. ***1836. Сентября 27 <15>. Вторник. Ферней, Женева*** (воспоминания В. Г. фон Бооля).

[16] Вероятно, Панаев смешал воспоминания о двух пребываниях Гоголя в Петербурге, в 1839 и 1842 гг. (см. ***1842. Мая 26. Вторник — июня 5. Пятница. Санкт-Петербург***).

[17] *Панаев И. И.* Литературные воспоминания // *Свод.* Т. 3. С. 280–281.

ДЕКАБРЯ 1. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«*1 декабря, пятница.* Обедал у великих князей. <...> Потом с Гоголем у Смирновой»[1].

В этот день Гоголь, возможно, читал у Смирновой комедию «Женитьба»[2].

В 1893 г. дочь Смирновой Ольга Николаевна сообщала: «Если я не успею напечатать всего, что может быть опубликовано, я поручу это другим; а все, что имеет литературный и исторический интерес, поступит в музей; в музей я отдам и портрет Гоголя от 1839 или 40-го года...»[3]

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова:

«В эрмитаже мы были 1-го декабря с Панаевым до 2-х часов, а потом с каким-то чичероне вплоть до сумерек. Уже в последних комнатах, перед самым выходом, встретили мы сестер Гоголя с старухой Балабиной и ее дочерью; но сам Гоголь не приезжал. Сестры его сказали нам, что они сейчас от Жуковского; они, вероятно, осматривали картины[4] и знаменитый альбом»[5].

В тот же день, 1 декабря 1839 г., к С. Т. Аксакову в дом Карташевских заходил В. Г. Белинский, но не застал его дома.

На следующий день, 2 декабря 1839 г., С. Т. Аксаков сообщал жене, О. Сем. Аксаковой: «Вчера заходил ко мне Белинский, но не застал дома. Очень хочется с ним отвесть душу и поговорить языком, понятным для нас! Я не могу выучиться здешнему пошлому разговору, особливо относительно искусства»[6].

[1] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 41.

[2] См. ***1839. Ноября 20–25. Понедельник-суббота. Санкт-Петербург.***

[3] *Смирнова О. Н.* Предисловие / *Смирнова О. Н.* Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод*. Т. 2. С. 319.

[4] См. ***1839. Ноября 29. Среда. Санкт-Петербург.***

[5] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод*. Т. 2. С. 684–685.

[6] *Свод*. Т. 2. С. 761.

ДЕКАБРЯ 2. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В «Прибавлениях к Ведомостям Санктпетербургской Городской Полиции» (№ 45) напечатано повторное[1] объявление Гоголя о потере бумажника.

В тот же день Гоголь был у Аксаковых (в доме Карташевских) и узнал, что отъезд в Москву откладывается.

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «2-го декабря был у нас Гоголь, и мы вновь опечалили его известием, что и после 6-го декабря отъезд наш на несколько дней отлагается»[2].

[1] См. ***1839. Ноября 29. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод*. Т. 2. С. 685.

ДЕКАБРЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. С. Аксакова сообщает брату Константину в Москву:

«Панаев был у нас, они хотели сделать обед для Гоголя у одного итальянца, чтобы подчивать его макаронами, но это не состоялось. Как-то Белинского представляли княгине Адоевской[1] — ты можешь себе вообразить его на раутах у Адоев<ских>».

Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 56. М., 1850. С. 136; Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 805.

[1] Речь идет об обеде у Одоевских 18 ноября 1839 г. (см. ***1839. Ноября 18. Суббота. Санкт-Петербург***).

ДЕКАБРЯ 3. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

С. Т. Аксаков читает своим родным — зятю Г. И. Карташевскому, племяннице М. Г. Карташевской и дочери Вере — «Арабески» Гоголя[1].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «3-го декабря я читал «Арабески» [брату] Григорию Ивановичу, Машеньке и Верочке. Я прочел "Жизнь", "Невский Проспект", с некоторыми выпусками[2], и "Записки Сумасшедшего". Григорий Иванович очень хвалил, а Машенька и Вера были в восхищении и тронуты до слез».

Аксаков С. Т. История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 685.

[1] См. также ***1839. Ноября 5. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] См. также ***1839. Октября не позднее 21. Москва.*** – Сам Гоголь исключил из черновой редакции «Невского проспекта» (1834) следующий фрагмент: «Боже! помоги мне вынесть! произнес отчаянным голосом Пискарев и уже готов был собрать весь гром [душевного] сильного, из самой души излитого красноречия, чтобы потрясти бесчувственную замерзшую душу красавицы, как вдруг дверь отворилась и вошел с шумом один Офицер. Здравствуй, Липушка, произнес без церемонии ударивши по плечу красавицу. – Не мешай же нам, сказала красавица, принимая глупо сурьезный вид. Я выхожу замуж и сейчас должна принять [сватов<ство>] предлагаемое мне сватовство. О! этого уже нет сил перенести. [Как сумасшедший] бросился он вон» (*Гоголь 2001–2012.* Т. 3. С. 410).

ДЕКАБРЯ 5. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. И. Тургенев отметил в дневнике:

«К Валуевым: здесь Жук<овский>, Гогель, Плетнев. Гогель читал опять[1] те же главы[2] из *Мертвы<х> душ:* все смеялись; главу из Италии»[3].

Под «главой из Италии» подразумевается фрагмент из незавершенного романа Гоголя («отрывок» из романа, под названием «Рим», был опубликован в 1842 г.) Первое авторское чтение фрагментов этого романа, носившего название «Мадонна дей Фьори», состоялось в Риме весной 1839 г. М. П. Погодин 10 марта (н. ст.) 1839 г., на второй день по приезде в Рим, записал в своем дневнике: «Гог<оль> читал Мадон<н>а degli fiori»[4]. Главы романа, получившего к тому времени название «Аннунциата», Гоголь прочел также 4 февраля 1840 г. в Москве в доме Аксаковых и 21 февраля того же года у Киреевских[5].

Возможно, в тот же день, 5 декабря 1839 г., состоялся разговор Гоголя с П. А. Плетневым о возможной встрече в 1841 г. в Риме.

Позднее, в письме к Плетневу от 25 июня (н. ст.) 1840 г. из Вены, Гоголь замечал: «...До свиданья. Я хотел написать прощайте, а вместо того само собою написалось до свиданья. Неужли через год? Право, мне что-то кажется, что вы в 1841 будете стоять со мною рука об руку, а вокруг нас с обеих сторон воз<д>вигнутся стены Колизея или Капитолий; носы поразятся дыханьем чудного воздуха, а очи... о, нет слов в челове<че>ских лексиконах. Поглядите на меня в Риме, и вы много во мне поймете того, чему, может быть, многие дали название бессмысленной странности».

[1] См. ***1838. Октября 24 <12>. Среда. Париж.***

[2] Одну из первых трех глав (см. ***1839. Декабря 11. Понедельник. Санкт-Петербург***).

[3] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 76.

[4] См. ***1839. Марта 10 <февраля 26>. Воскресенье. Рим.***

[5] См. ***1840. Февраля 4. Воскресенье. Москва***; ***1840. Февраля 21. Среда. Москва.***

ДЕКАБРЯ МЕЖДУ 3 И 6. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь встречался с С. Т. Аксаковым.

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «До 6-го декабря мы виделись с Гоголем один раз на короткое время».

Аксаков С. Т. История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 685.

ДЕКАБРЯ 7. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, возможно, навещает сестер Анну и Елисавету в доме Репниных[1].

В тот же день, 7 декабря 1839 г., А. И. Тургенев отметил в дневнике:

«Обедал у Смирновой с Вяз<емским>, Гогелем; опять брат ее[2] и А. Кар<амзин> арестованы[3]»[4].

В тот же день С. Т. Аксаков сообщил Гоголю о неудаче с определением сына Михаила в Царскосельский лицей, задерживающей отъезд в Москву. На записку Аксакова Гоголь отвечал:

«Вы не виноваты. Это моя несчастная судьба всему виною. Я теперь сам не еду. Морозы повергнули меня в совершенное уныние. Я уже успел отморозить себе ухо, несмотря на все закутыванья. Я не знаю, как и что делать. Как это все странно вышло! Но мне никогда ни в чем удачи. Признаюсь, в вашей записке мне больше всего жаль, что вы обманулись в ваших надеждах, что определение не состоялось, жаль потому, что эта неудача вам неприятна. <...> Если удастся, завтра[5] буду у вас».

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «6-го декабря я ездил в Царское Село, и надежда на помещение Миши в Лицей разрушилась. Я решился поместить его или в экстерны Пажеского Корпуса[6], или в Юнкерскую Школу. 7-го декабря я написал к Гоголю обо всем случившемся со мной и также о том, что теперь я сам не знаю, когда поеду, и чтоб он не ждал меня. Я получил ответ самый нежный и грустный. Гоголь обвинял в моей неудаче свою несчастную судьбу, не хотел без меня ехать и жалел только о том, что я огорчен. Жестокие морозы повергли его в уныние, и вдобавок он отморозил ухо. Он хотел приехать ко мне на другой день; но я намеревался предупредить его, потому что он очень легко одет. Гоголь не стал дожидаться следующего дня; он приехал ко мне в тот же день после обеда, сильно расстроенный моею неудачей, и утешал меня, сколько мог, даже вызвался разведать об учителях Юнкерской Школы. Он так страдал от стужи, что у нас сердце переболело глядя на него»[7].

[1] См. ***1839. Ноября 21 или декабря между 1 и 5 или между 8 и 12. Санкт-Петербург.***

[2] Аркадий Осипович Россет (1812–1881), прапорщик лейб-гвардии конной артиллерии, впоследствии генерал-майор, сенатор; брат А. О. Смирновой.

[3] А. О. Россет и Александр Николаевич Карамзин (1815–1888) вместе служили в лейб-гвардейской конной артиллерии. Их арест, видимо, был связан с нарушением ими офицерских обязанностей, что бывало с ними и раньше, в 1836–1837 гг. (см. об этом: Пушкин в письмах Карамзиных. 1836–1837. М.; Л., 1960. С. 120, 155–156).

[4] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 76.

[5] См. ***1839. Декабря 8. Пятница. Санкт-Петербург.***

[6] В конечном счете М. С. Аксаков был определен в Пажеский корпус. Его братья, Григорий и Иван, учились в Петербурге в Императорском училище правоведения.

[7] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 685.

ДЕКАБРЯ 8. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, возможно, посетил Аксаковых (в доме Карташевских)[1].

В тот же день И. И. Панаев сообщал К. С. Аксакову в Москву:

«Гоголя, хоть и редко, но я видел. Один раз мы втроем (я, Белинский и он) обедали у князя[2] <В. Ф. Одоевского>»[3].

[1] См. ***1839. Декабря 7. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1839. Ноября 18. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] Гоголь в письмах и воспоминаниях И. И. Панаева и А. Я. Головачевой (в девичестве Брянской, в первом браке Панаевой) // *Свод.* Т. 3. С. 273.

ДЕКАБРЯ ДО 11. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. А. Жуковский пишет Н. И. Гречу:

«Благодарю Вас за любезное Ваше приглашение. <...> Вы зовете меня на особенное чтение, которого бы так приятно было в малом круге послушать, а я сам утерял у Карамзиных чтение Гоголя[1], которому другого дня избрать невозможно, который скоро отсюда уезжает и хочет прочитать главы из нового начатого им романа[2]. Сожалею, а делать нечего. Авось будущей пятницы[3] судьба у меня не отымет».

Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 50.

[1] См. ***1839. Декабря 11. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] Имеются в виду «Мертвые души». В тому времени Жуковский уже слышал в авторском чтении начальные главы поэмы (вероятно, до шести) (см. ***1839 января 11 <1838 декабря 30>. Пятница. Рим; 1839. Января 18 <6>. Пятница. Праздник Крещения Господня. Рим; 1839. Января 29 <17>. Вторник. Рим***; ***1839. Октября 9. Понедельник. Москва***; ***1839. Ноября 15. Среда. Санкт-Петербург***).

[3] 15 декабря 1839 г.

ДЕКАБРЯ 11. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь был у Аксаковых.

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «До 11-го декабря[1] мы не видали Гоголя; морозы сделались сноснее, и он, узнав от меня, что я не могу ничего положительного сказать о своем отъезде, решался через неделю уехать один с сестрами»[2].

Вечером у Карамзиных Гоголь читал первые четыре главы «Мертвых душ».

А. И. Тургенев отметил в дневнике: «К Карамз<иным>, там читал Гоголь — знакомое и новое для меня, напр<мер> *Ноздрев* — до 2-х часов»[3].

[1] С 7 декабря (см. ***1839. Декабря 7. Четверг. Санкт-Петербург***).

[2] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 685.

[3] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 76.

НОЯБРЯ 21 ИЛИ ДЕКАБРЯ МЕЖДУ 1 И 5 ИЛИ МЕЖДУ 8 И 12. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь посылает в дом Репниных записку сестре Анне:

«Если у тебя всё еще продолжается желудочная боль, моя милая Анет, то советую тебе пить вместо чаю по утрам посылаемую при сем мяту. Ее нужно настаивать так же, как и чай. Прощай, обнимаю тебя. Я в четверг[1] буду».

[1] Четвергами между 19 ноября и 17 декабря 1839 г. были: 23 и 30 ноября, 7 и 14 декабря. В среду 29 ноября Гоголь был с сестрами у Аксакова (см. ***1839. Ноября 29. Среда. Санкт-Петербург***), поэтому, даже если бы он отправил записку в тот же день вечером, то написал бы «завтра буду», а не «в четверг буду». Таким образом, остаются четверги 23 ноября, 7 и 14 декабря (см. ***1839. Ноября 23. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1839. Декабря 7. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1839. Декабря 14. Четверг. Санкт-Петербург***).

ДЕКАБРЯ 13. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь вновь был у Аксаковых.

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «13-го Гоголь был у нас, и так как мы решились [через три дни ехать] через несколько дней непременно ехать, то, разумеется, условились ехать вместе. Федор Иванович Васьков также вызвался ехать с нами».

Аксаков С. Т. История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 685.

ДЕКАБРЯ 14. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, возможно, навещает сестер Анну и Елисавету в доме Репниных.

См. ***1839. Ноября 21 или декабря между 1 и 5 или между 8 и 12. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 15. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь с сестрами Анной и Елисаветой был у Аксаковых.

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «15-го Гоголь вторично[1] привозил своих сестер; они стали гораздо развязнее, много говорили и были очень забавны. Они нетерпеливо желали уехать поскорее в Москву. Много раз уже назначался день нашего отъезда и много раз отменялся по самым неожиданным причинам, и Гоголь полагал, что именно ему что-то постороннее мешает выехать из Петербурга».

Аксаков С. Т. История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 685.

[1] См. ***1839. Ноября 29. Среда. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 30 – ДЕКАБРЯ 17. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, предположительно, читает статью Н. И. Надеждина «Великая Россия», напечатанную в девятом томе «Энциклопедического лексикона» (СПб., 1837).

Рассуждение Надеждина о пословице «Русак умен задним умом», возможно, нашло отражение в строках десятой главы первого тома «Мертвых душ», датируемых указанным периодом[1].

Кроме того, Надеждин в своей статье писал: «В первый раз название “Великой России”, в смысле частном, употреблено гетманом Богданом Хмельницким, в донесении о присяге всего Запорожского войска на верность царю Алексею Михайловичу, 8 января 1654[2]. Здесь оно явно поставлено для отличия от “Малой России”, как с давних пор называлась юго-западная часть земли Русской... <...> Приняв во владение это древнее наследие своих предков, царь сам с 24 марта 1654, начал именовать себя самодержцем “всея *Великия* и

Малыя России", а в следующем 1655, по занятии своими войсками западной Руси до Вильны, присовокупил еще к своему титулу выражение: "и белыя России", также издавна означавшее северо-западный край Русский...»[3]

[1] См. ***1837. Июня 29 <июля 11>. Вторник. День памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1654. Января 8. Воскресенье. Переяслав.***

[3] *<Надеждин Н. И.> Н. Н.* Великая Россия // Энциклопедический лексикон. СПб., 1837. Т. 9. Вар-Вес (цензурное разрешение 29 июня). С. 262.

ДЕКАБРЯ 17. ВОСКРЕСЕНЬЕ. 9 ЧАСОВ ВЕЧЕРА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь с сестрами Анной и Елисаветой, С. Т. и В. С. Аксаковыми и Ф. И. Васьковым выехал из Петербурга в Москву.

Перед отъездом Гоголь поручил В. А. Жуковскому право издания своих «прежних» сочинений[1].

По прибытии в Москву Е. В. Гоголь около 25 декабря 1839 г. сообщала матери в Васильевку: «Мы выехали из Петербурга в воскресенье в 9 часов вечера»[2].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Наконец, дни через два[3] (настоящего числа не знаю), выехали мы из Петербурга. Я взял два особых дилижанса: один четвероместный, называющийся фамильным, в котором села Вера, две сестры Гоголя и я; другой двуместный, в котором сидели Гоголь и Фед. Ив. Васьков. Впрочем, в продолжение дня Гоголь станции на две садился к сестрам, а я — на его место к Васькову»[4].

В заметках о Гоголе 1861–1864 гг. В. С. Аксакова сообщала: «Из Петерб<урга> поехали вместе с ним и с его сестрами и с Фед<ором> Ив<ановичем> Васьковым»[5].

[1] См. ***1840. Января первые числа. Санкт-Петербург***; ***1840. Января 4. Четверг. Москва***; ***1840. Января 7–8. Воскресенье-понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] *Свод.* Т. 2. С. 174.

[3] После 15 декабря (см. ***1839. Декабря 15. Пятница. Санкт-Петербург***).

[4] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 685.

[5] Список с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 898.

ДЕКАБРЯ 17. ВОСКРЕСЕНЬЕ. 9 ЧАСОВ ВЕЧЕРА – ДЕКАБРЯ 21. ЧЕТВЕРГ. 8 ЧАСОВ ВЕЧЕРА.

Дорога от Санкт-Петербурга до Москвы.

Приехав в Москву, Е. В. Гоголь около 25 декабря 1839 г. сообщала матери: «...Мы ехали 4 дня и 4 ночи, наши лошади вязли несколько раз, падали, карета шла боком. Мы ехали в двух дилижансах: в одном сидели, Е<лисавета>, Ан<ет>, m<ademoise>lle Аксакова и ее отец, а в другом — один господин[1], братец и еще. В нашем дилижансе нам было веселее. Мы хорошо познакомились с этой девицей. Какие толчки мы себе давали дорогой; я с Аксаковой (стукалась) лбами. И как мы спали, ангел маменька, дорогой! Первые три ночи я совсем не спала, только 3–4 часа, и то, как Аксакова положит свою голову на мое плечо, — и так только я могла немного заснуть»[2].

Другая сестра Гоголя, Анна Васильевна, много лет спустя, в сентябре 1890 г., сообщала А. М. Черницкой: «...Статьи Аксакова[3] я еще не читала, только отрывки! Говорят, что он невыгодно отозвался о нас! Немудрено, мы были совсем дикарки, 7 лет прожили, не выходя из 4-х стен, и ни-

кого не видевшие! Бедному брату была возня с нами! Верно, он вспоминает нашу дорогу из Петербурга. У меня осталось неприятное впечатление, помню, что я была больна и еще угорела на одном ночлеге, зимою в дилижансе (карете) и с сильной головной болью. Долго мы оставались буквально институтками, так что брат только и знал нас такими! Большая разница тогдашние инст<итутки> с теперешн<ими>!»[4]

В. С. Аксакова 28 декабря 1839 г., в свою очередь, сообщала братьям: «Сестры Гоголя были беспрестанно нездоровы, и одной особенно сделалось дурно. Впрочем, ехали мы без всяких приключений. Один раз только напугал нас кондуктор: стал бить бедного извозчика. Гоголь сменял у нас в карете днем отесеньку и называл себя *днем*, а отесеньку *ночью*[5]. Дорогой я, разумеется, имела случай узнать короче его сестер. Они мне очень нравятся сами по себе, но, Боже мой, что за понятия, что за мир, в котором они живут, что за дети! С Гоголем у нас бывали разговоры, но большею частью мы молчали или спали. Один раз он смотрел на обозных лошадей, которые тянулись перед нами, и говорит: “Вот эта лошадь непременно должна быть Степан Степаныч, ну вот так мне кажется, что Степан Степаныч”, а сестра его меньшая, над которой он подшучивал прежде, говорит: “А мне кажется, что Николай Васильич”»[6].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Несмотря на то, что Гоголь нетерпеливо желал уехать из Петербурга, возвратный наш путь совсем не был так весел, как путь из Москвы в Петербург. Во-первых, потому что Васьков, хотя был самое милое и доброе существо, был мало знаком с Гоголем, и во-вторых, потому что последнего сильно озабочивали и смущали сестры. Уродливость физического и нравственного институтского воспитания высказывалась тут выпукло и ярко. Ничего не зная и не понимая, они всего боялись, от всего кричали и плакали, особенно по ночам. Принужденность положения в дороге, шубы, платки и теплая обувь наводили на них тоску, так что им делалось и тошно, и дурно. К тому же, как совершенные дети, беспрестанно ссорились между собою. Все это приводило Гоголя в отчаяние и за настоящее и за будущее их положение. Надобно сказать правду, что бедной Верочке много было хлопот и забот, и я удивлялся ее терпению. Я не знаю, что стал бы с сестрами делать Гоголь без нее. Они бы свели его с ума. Жалко и смешно было смотреть на Гоголя; он ничего не разумел в этом деле, и все его приемы и наставления были некстати, не у места, не вовремя и совершенно бесполезны. И гениальный поэт был в этом случае нелепее всякого пошлого человека. Один Васьков смешил меня всю дорогу своими жалобами. Мы пленили его описанием веселого нашего путешествия с Гоголем в Петербург; он ожидал того же на возвратном пути, но вышло совсем напротив. Когда Гоголь садился вместе с Васьковым, то сейчас притворялся спящим и в четверо суток не сказал ни одного слова; а Васьков, любивший спать днем, любил поговорить вечером и ночью. Он заговаривал с своим соседом, но мнимоспящий Гоголь не отвечал ни слова. Всякое утро Васьков прекомически благодарил меня за приятного соседа, которого он досыта наслушался и нахохотался. На станциях, во время обедов и завтраков, чая и кофе, не слыхали мы ни одной шутки от Гоголя. Он и Вера постоянно были заняты около капризных *патриоток*[7], на которых угодить не было никакой возможности, которым все не нравилось, потому что не было похоже на их институт, и которые буквально почти ничего не ели, потому что кушанья были не так приготовлены, как у них в институте. Можно себе представить, что точно такая же история была в Петербурге у Княгини Репниной[8]! Каково было смотреть на все это бедному Гоголю? Он просто был мученик»[9].

[1] Ф. И. Васьков (см. ***1839. Декабря 17. Воскресенье. 9 часов вечера. Санкт-Петербург***).

[2] *Свод*. Т. 2. С. 174.

[3] «История нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова была опубликована в № 8 журнала «Русский Архив» за 1890 г.

[4] *Свод*. Т. 1. С. 160.

[5] См. также ***1839. Декабря 20. Торжок.***

[6] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 806.

[7] Выпускниц Патриотического института.

[8] См. ***1839. Ноября 19 – декабря 17. Санкт-Петербург.***

[9] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 685–686.

ДЕКАБРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 18. МОСКВА

Е. А. Боратынский пишет матери:

«Гоголь, автор “Ревизора”, сочинил большой роман под названием “Мертвые души”. На днях он должен приехать в Москву[1], и я надеюсь, прочтет нам некоторые страницы».

Гоголь в письмах Е. А. и А. Л. Боратынских // *Свод.* Т. 1. С. 752.

[1] См. ***1839. Декабря 21. Четверг. 8 часов вечера. Москва.***

ДЕКАБРЯ 20. СРЕДА. ТОРЖОК

В. С. Аксакова сообщает братьям Григорию и Ивану в Петербург:

«Завтра, Бог даст, будем в Москве <...> По ночам сидит с нами отесенька, а днем Гоголь, который, впрочем, и днем спит».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 805.

ДЕКАБРЯ 21. ЧЕТВЕРГ. 8 ЧАСОВ ВЕЧЕРА. МОСКВА

Гоголь с сестрами и С. Т. и В. С. Аксаковыми прибыл в Москву. Заезжают сначала к Аксаковым, затем Гоголь с сестрами отправляется к М. П. Погодину.

С. Т. Аксаков передает сыну Константину адресованные ему письмо И. И. Панаева и оскорбительное послание В. Г. Белинского[1].

В. С. Аксакова на следующий день, 22 декабря 1839 г., сообщала братьям Григорию и Ивану в Петербург: «Дорога наша прошла без всяких особенных происшествий, только в иных местах была очень беспокойна, и ехали мы тихо; вчера[2] приехали часу в девятом, стало быть четверо суток были в дороге»[3].

Е. В. Гоголь около 25 декабря 1839 г. сообщала матери: «Мы нигде еще не были кроме (как) у Аксаковой. Она довольно близко живет от нас. Мы были у нее в четверг[4] прямо с дороги; и в пятницу, и сегодня[5] также поедем, и в четверг[6] в театр. С каким нетерпением ожидаю четверга! Уже семь лет, как мы не были в театре, и теперь нам очень хочется побывать. Мы живем у Погодина, наверху. У нас одна комната с Анной и братец как раз прямо пред нами. Дети Погодина мне очень понравились: дочери[7] – 5 лет, а сыну[8] – три, и они очень нас полюбили. Ах, ангел маменька, мы вас ожидаем»[9].

Позднее Елисавета Васильевна вспоминала: «Приехали в Москву вечером, где нас очень радостно приняли семейство Аксаковых, чудесные люди, мать – чудесная женщина, 6 дочерей[10]; в их кругу мы очень приятно проводили время, я была совершенное дитя, играла с меньшими детьми в куклы, которые меня очень занимали, хотя я старалась это скрыть. В Москве мы остановились у Профессора Погодина, приятеля брата, его семейство состояло из жены, молодой женщины, 2-х маленьких детей и старушки, его матери, самой простой женщины... <...> 3 раза в неделю мы ездили к Аксаков<ым>, и брат с нами иногда, и все больше сближались с этим семейством, Анет с Верой, я с Ольгой»[11].

Кроме Погодина, его жены Елизаветы Васильевны, их дочери Александры и сына Дмитрия, в доме Погодина в то время жила также его мать, Аграфена Михайловна[12], и квартировавшие у Погодина студенты[13]. В доме часто бывали также мать Е. В. Погодиной Елизавета Фоминична Вагнер, брат Погодина Григорий Петрович и их сестра Аграфена Петровна с мужем Михаилом Ивановичем Мессингом[14].

В 1854 г. С. Т. Аксаков в отправленных П. А. Кулишу для печати «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» сообщал: «22-го <21-го> декабря, вместе с тем же семейством[15] и двумя своими сестрами, возвратился он в Москву»[16].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Наконец на пятые сутки притащились мы в Москву. Натурально сначала все приехали к нам. Гоголь познакомил своих сестер с моей женой и с моим семейством и перевез их к Погодину, у которого и сам поместился. Они занимали мезонин: на одной стороне жил Гоголь, а на другой его сестры»[17].

В заметках о Гоголе 1861–1864 гг. В. С. Аксакова сообщала: «К Празднику Рождества Христова[18] мы были в Москве...»[19]

[1] См. ***1839. Ноября 25. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] 21 декабря 1839 г.

[3] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 805.

[4] 21 декабря 1839 г.

[5] Возможно, 23 или 24 декабря 1839 г. (см. ***1839. Декабря 23. Суббота. Москва***; ***1839. Декабря 24. Воскресенье. Москва***).

[6] 28 декабря 1839 г.

[7] Александра.

[8] Дмитрий.

[9] *Свод.* Т. 1. С. 175.

[10] Вера (1819–1864), Ольга (1821–1861), Надежда (1829–1869), Любовь (1830–1867), Мария (1831–1908; в замужестве Томашевская), Софья (1834–1885).

[11] Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 1. С. 183.

[12] Аграфена Михайловна Погодина (1776–1850).

[13] См. ***1840. Февраля 9 – мая 18. Москва.***

[14] См. ***1840. Сентября 10 <августа 29>. Четверг. Венеция.***

[15] С. Т. Аксаков имеет в виду самого себя и свою дочь Веру.

[16] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 636.

[17] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 686.

[18] См. ***1839. Декабря 25. Понедельник. Праздник Рождества Христова.***

[19] Список с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 898.

1839 ДЕКАБРЯ 21. ЧЕТВЕРГ – 1840 АПРЕЛЯ 27. СУББОТА. МОСКВА.

Гоголь с сестрами Анной и Елисаветой живет в доме М. П. Погодина; сюда в начале апреля 1840 г. приезжает мать Гоголя с младшей дочерью Ольгой[1].

В 1855 г., в наброске воспоминаний о Гоголе, Погодин замечал: «Из Вены привез его в Росс<ию>. Жил у меня. Сестры. Мать»[2].

Позднее Елисавета Васильевна вспоминала: «Брата комната была у Погодина на хорах, и vis-a-vis <напротив; *фр.*> такую же большую мы занимали с Анет. Так как я была большая трусиха, то часто просила брата, чтобы он посидел, пока я не лягу и погасил свечу, и он исполнял мои прихоти, сядет у меня на кровати и ожидает; и я с ним была как с старшей сестрой, не конфузилась, и он был так добр, что сидел, пока я не начну засыпать. Раз он нарисовал меня лежащую в постели в ночном чепчике и кофте, я рассердилась, после долго его просила, чтобы он мне отдал этот чудесный портрет, в котором никакого не было сходства со мной. Мы любили поспать после выпуска, и нам ни

разу не дали выспаться[3], у Погодина приходила девушка нас будить. <...>

3 раза в неделю мы ездили к Аксаков<ым>, и брат с нами иногда, и все больше сближались с этим семейством, Анет с Верой, я с Ольгой[4]. Брат нас заставлял каждый день переводить[5], потом мы вышивали для него по канве картинки для подушек, до которых он был большой охотник. Часто я ходила к брату в его комнату; когда он не занят был, то шутил, шалил со мной, и только я входила, комоды запирались, потому что я очень любопытна была, только увижу какую рукопись его, сейчас читаю, а он не любил <*2 нрзб.*>, а как бюре отперто, то мои руки уже там; я была большая лакомка, как и брат, и зная это, у него там всегда конфекты, орехи в сахаре и сливы в сахаре, его любимые, и как он не успеет скоро запереть ящик, то мои руки уже там, и тогда начинается война, и всегда он остается победителем. Он часто делал нам сюрпризы, то флаконы мы находили на своих столах, то ящики, корзинки и тому подобное. Он не любил, когда мы ничем не заняты, и по праздникам заставлял нас работать, вышивать ему подушки, переводить каждый день. Раз он посылает меня в праздник переводить. Я со слезами пошла, раскрываю туалет — любимые пряники вместо переводной тетради. <...>

Мы ездили с братом на литературные вечера к Хомяковым, Свербеевым, Елагиным[6], Киреевским, хотя ни слова не слышали и не понимали, что читали, — слишком серьезно для наших лет. Мы постоянно были в белых мусин<ных> своих платьях, и нас так привыкли видеть постоянно в белом: это любимый наряд был брата[7], и он нас одевал по своему вкусу»[8].

В 1857 г. сестра Гоголя Анна Васильевна также рассказывала, «как, сейчас по выпуске из института, брат возил их к своим близким знакомым "высокообразованным и светским дамам". — "Все ласкали нас и принимали очень любезно, но, конечно, только благодаря ему, а сами-то мы мало делали ему чести: наша мучительная застенчивость, вероятно, сильно смахивала на глупость"»[9].

В 1885 г. она же сообщала Г. П. Данилевскому: «Брат считал нас, двух сестер (Елизавету и Анну) своими воспитанницами, потому что сам поместил нас в институт в Петербурге. Он заставлял нас переводить. Дал мне раз немецкую статью, где сравнивали брата с Погодиным. И когда я затруднилась перевести фразу: "Pogodin ist ein umgekehrter Gogol", он посоветовал мне перевести так: "Погодин — вывороченный Гоголь". При этом он старался нас уверить, что наши переводы "очень нужны", сам их поправлял и давал нам награды за них. <...> Письма брата к нам потом в деревню были наполнены наставлениями. Он боялся, чтобы мы не скучали, весь день были бы в занятиях и более делали бы моциона; боялся, чтобы нас не занимали наряды, и внушал нам, что очень стыдно при ком-нибудь говорить о нарядах»[10].

В письме к В. С. Аксаковой от 24 марта 1853 г. А. В. Гоголь вспоминала о брате: «...В Москве <...> он раз хотел резать мое платье[11] за то, что я сказала, что меня оно занимает, и как я с трудом его отстояла только тем, что легла на него. Он нам всегда говорил, что стыдно заниматься и говорить о платьях, и в самом деле я привыкла так думать, так что мне всегда было совестно за других, которые говорили о таком вздоре»[12].

В 1873 г. Анна Васильевна рассказывала также гостившей у нее «около 8 месяцев» в Полтаве «иностранке» С. Г. Гетекомер: «Гоголь терпеть не мог кокетства и светской мишуры. По окончании института сестры его начали выезжать, и вот однажды им для первого бала были сшиты бальные платья. Как и для всех молодых девушек, только что расставшихся с институтом, этот случай был для них праздником, а по тем временам, пожалуй, и целым событием. Оживленные разговоры в доме о нарядах и об ожидаемом вечере не прекращались, и присутствовавший при них Гоголь не переставал возмущаться пустотою и легкомыслием своих сестер. Ему все это до того, наконец, надоело, что он добыл ножницы, и если бы сестры во время не скрылись, то бальные костюмы на них оказались бы, наверно, в самом жалком виде. После этого случая сестры стали осторожнее со своим братом»[13].

Случай с сестрами отзывается в содержании комического диалога дам о нарядах в девятой главе первого тома «Мертвых душ». Этот диалог появляется в сохранившейся черновой редакции поэмы, датируемой периодом с начала 1840 г. до осени этого года[14].

По приезде в Москву Гоголь, помимо литературного образования, постарался укрепить религиозное воспитание сестер, — считая, очевидно, их духовный уровень после институтского образования, недостаточно удовлетворительным (возможно, незавершенность воспитания сестер обнаружилась для него в самой их

приверженности к нарядам). Еще в 1833 г., в письме к матери от 2 октября, он, в частности, замечал о сестре Елисавете: «У ней <...> нет никакого сердца, ни доброго, ни злого... <...> ...За пустую игрушку она забывает все на свете». (О недостатках воспитания в пансионах Гоголь упомянул также во второй главе первого тома «Мертвых душ»: «...В пансионах, как известно, три главные предмета составляют основу человеческих добродетелей: французский язык, необходимый для счастия семейственной жизни, фортепьяно, для доставления приятных минут супругу, и, наконец, собственно хозяйственная часть: вязание кошельков и других сюрпризов».)

Во время пребывания в Москве Гоголь пригласил для уроков сестрам бывшего тогда в первопрестольной известного миссионера Сибири, основателя Алтайской миссии, преподобного Макария (Глухарева)[15]. Духовными соображениями руководствовался также Гоголь, оставляя в 1840 г. сестру Елисавету в Москве в семье известной своим благочестием вдовы П. И. Раевской[16].

[1] См. ***1840. Апреля не позднее 7. Москва.***

[2] *Погодин М. П.* <Набросок воспоминаний о Гоголе> // *Свод.* Т. 2. С. 520.

[3] См. ***1840. Января 7. Воскресенье. Москва.***

[4] См. также ***1840. Апреля начало, не позднее 7 – апреля 27. Суббота. Москва.***

[5] В письме к М. С. Щепкину от 10 августа (н. ст.) 1840 г. Гоголь сообщал о переводе его сестрами какой-то «Шекспировой пьесы». Ранее, в письме от 4 ноября 1838 г. Гоголь сообщал М. П. Погодину, что намеревается привлечь сестер к участию в предполагаемом издании журнала «Москвитянин»: «Как я рад, если ты поместишь сестер возле меня в комнатке наверху. <...> Они будут покамест переводить и работать для будущего журнала и для меня». 28 апреля 1838 г. Гоголь, в частности, писал сестрам: «Пришлите мне что-нибудь из вашего сочинения. Если не написали, то напишите, у Лизы верно что-нибудь есть» (ср. также в письме Гоголя к матери от 26 мая 1836 г.: «Дети вам готовят какой-то сюрприз. Анет что-то вышивает. Лиза сочиняет».)

[6] См. ***1840. Февраля 22. Четверг. Москва.***

[7] Еще в 1833 г., в одном из набросков незавершенной повести, предназначавшейся, по-видимому, для совместного альманаха А. С. Пушкина, князя В. Ф. Одоевского и Гоголя «Тройчатка», он замечал: «Но белый цвет – с ним нет сравнения. Женщина выше женщины, в белом».

[8] Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 1. С. 184–185, 183–184.

[9] *Горова Н.* Воспоминания о семье Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 167.

[10] *Данилевский Г. П.* Знакомство с Гоголем // Свод. Т. 1. С. 317.

[11] Платье было заказано для сестры в Петербурге самим Гоголем (см. ***1839. Ноября 18. Суббота. Санкт-Петербург***).

[12] *Свод.* Т. 1. С. 144.

[13] *Т.* Воспоминания о семье Гоголя // Одесский Листок. 1909. 19 марта. № 64; М. В. Гоголь в Одесі. Матеріали до біографії. Упорядник О. Г. Нуньєс. Одеса, 2013. С. 368.

[14] *Гоголь 1937–1952.* Т. 6. С. 494–496.

[15] См. ***1840. Января 25. Четверг. Москва.***

[16] См. ***1840. Апреля 23–24. Вторник-среда. Москва.***

ДЕКАБРЯ 22. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь с сестрами Анной и Елисаветой заезжают к Аксаковым[1].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Тут начались наши почти ежедневные свидания»[2].

[1] См. ***1839. Декабря 21. Четверг. Москва.***

[2] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 686.

ДЕКАБРЯ 23. СУББОТА. МОСКВА

Гоголь приезжает (возможно, с сестрами[1]) к Аксаковым, где читает вторую и третью главы первого тома «Мертвых душ». Присутствовал также Ю. Ф. Самарин[2], который после чтения нарисовал портрет Гоголя.

Через день, 25 декабря 1839 г., на праздник Рождества Христова, С. Т. Аксаков сообщал сыновьям Григорию и Ивану в Петербург: «Гоголь читал у нас еще две главы из романа "Мертвые души". Это просто — чудо. На похвалу слов нет. Смешно до того, что все валились со смеха. Скажите об этом Машеньке[3]. Я не прощу себе, что не попросил Гоголя прочесть что-нибудь в Петербурге»[4].

В тот же день, 25 декабря 1839 г., В. С. Аксакова также писала братьям: «В субботу, совершенно неожиданно, Гоголь предложил сам прочесть что-нибудь у нас. Разумеется, все приняли с радостью это предложение, но вместе и забыли, что Загоскин хотел в тот же вечер читать свое что-то; отесенька решился пожертвовать Загоскиным и написал ему почти всю правду; Загоскин отвечал, что это очень кстати, потому что у него лицо болит, что, впрочем, и правда, но он, должно быть, рассердился, хотя и был вчера у нас. О чтении Гоголя вы знаете, что можно сказать — чудно. Он читал две главы из "Мертвых душ"[5], первую главу еще перед нашим отъездом[6] мы слышали; все смеялись, и, точно, нельзя не смеяться; но не одно смешное имеет у него достоинство, все чудно. Когда-нибудь напишу, что значат эти "Мертвые души". В воскресенье[7] была у нас Павлова, просила непременно нас всех приехать завтра к ней на елку. Она по всему городу искала портрет *Гоголя*, чтоб повесить на елку для Константина вместе с портретом *Гегеля*. В субботу, когда читал Гоголь, был у Константина Самарин, который тоже слушал, и нарисовал после чтения портрет Гоголя[8], довольно похожий»[9].

В свою очередь, Н. С. Аксакова[10] 25 декабря 1839 г. сообщала братьям: «С тех пор как они приехали[11], Гоголь у нас всякий день. В субботу[12] он у нас читал ("Мертвые души"), а я его слушала в другой комнате — это очень смешно...»[13]

Вероятно, после чтения Самарин записал в дневнике: «Да, мы можем назвать себя счастливыми, что родились современниками Гоголя. Такие люди родятся не годами, а столетиями. Это одна из тех первородных художнических натур, в которых нет ничего заученного, ничего заимствованного, ничего рассчитанного на эффект. Бесконечно разнообразен мир его внутреннего созерцания. Перенестись бы на один миг в этот очарованный мир, взглянуть бы на ту толпу людей в разнообразных костюмах и разнохарактерных и разноплеменных, окинуть взглядом бесконечную куда-то далеко растянувшуюся степь, уловить этот хор бесчисленных звуков, наверно доносящихся его слуху, сделаться на минуту Гоголем, и если не разорвется сердце, если не раздастся голова, ужели на единую жизнь запас воспоминаний! Счастлив и тот, кому удастся постигнуть Гоголя и оправдать свой восторг для себя и для других, счастлив, кто изучит его досконально и принесет ему не безотчетную дань удивления, но украсит главу его венком неувядающим. Убеждения того, кто не преклонит перед ним колени, кто, читая его, не забудет себя, чей эгоизм не растает перед палящими лучами его поэзии? — Я не буду тратить слов с теми, кто будет порицать Гоголя или не будет благоговеть перед ним безусловно, но я отвернусь от них, и эти люди потеряют всякую нравственную власть надо мною, всякое право иметь на меня влияние. Я не приду в задумчивость от их премудрости, ни одна мысль, ни одно чувство из их души не перельется в мою — мы с ними ни в чем не сойдемся. Но если они осмелятся посягнуть на великого гения, если нечистыми устами...»[14]

Позднее, в 1861–1863 гг., Самарин вспоминал: «После Пушкина, ничьим мнением Гоголь так высоко не дорожил, как мнением С<ергея> Т<имофеевича>. Весь первый том «Мертвых душ» был прочитан ему автором по нескольку раз, с глазу на глаз, или в присутствии двух или трех близких к ним обоим людей. Читая, Гоголь беспрестанно взглядывал на С<ергея> Т<имофеевича> и следил за каждым выражением сочувствия или несочувствия на его лице. Между тем, я почти никогда не слыхал между ними продолжительных бесед о достоинстве или недостатке той или другой главы "Мертвых душ". Бог ведает, как они переговаривались или перемигивались, но дело в том, что они друг друга понимали насквозь»[15].

[1] См. ***1839. Декабря 21. Четверг. Москва.***

[2] Юрий Федорович Самарин (1819–1876), публицист, критик-славянофил.

[3] Имеется в виду М. Г. Карташевская.

[4] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 578.

[5] То есть вторую и третью главы поэмы.

[6] Имеется в виду отъезд С. Т., В. С. и М. С. Аксаковых вместе с Гоголем из Москвы в Петербург 26 октября

1839 г. Чтение первой главы «Мертвых душ», а также «Тяжбы» состоялось 14 октября 1839 г. (см. ***1839. Октября 14. Суббота. Москва***).

[7] 24 декабря.

[8] Портрет неизвестен.

[9] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 805.

[10] Надежда Сергеевна Аксакова (1829–1869), дочь С. Т. Аксакова.

[11] С. Т. и В. С. Аксаковы и Гоголь с сестрами приехали из Петербурга 21 декабря 1839 г. (см. ***1839. Декабря 21. Четверг. 8 часов вечера. Москва***).

[12] 23 декабря 1839 г.

[13] Свидетельства о Гоголе Н. С. Аксаковой // *Свод.* Т. 2. С. 948.

[14] Гоголь в дневнике Ю. Ф. Самарина 1839–1841 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 207.

[15] *Самарин Ю. Ф.* С. Т. Аксаков и его литературные произведения // *Свод.* Т. 3. С. 208.

ДЕКАБРЯ 24. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. МОСКВА

Сестры Гоголя Анна и Елисавета обедают у Аксаковых.

На следующий день, 25 декабря 1839 г., В. С. Аксакова сообщала братьям Григорию и Ивану в Петербург: «Дорогой[1] мы познакомились, разумеется очень коротко, с сестрами Гоголя; в воскресенье они у нас обедали...»[2]

Н. С. Аксакова 25 декабря 1839 г. также сообщала братьям: «...В воскресенье[3] обедали у нас его <Гоголя> сестры»[4].

[1] Из Петербурга в Москву (см. ***1839. Декабря 17. Воскресенье. 9 часов вечера – декабря 21. Четверг. 8 часов вечера. Дорога от Санкт-Петербурга до Москвы***).

[2] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 805.

[3] 24 декабря 1839 г.

[4] Свидетельства о Гоголе Н. С. Аксаковой // *Свод.* Т. 2. С. 948.

ДЕКАБРЯ 25. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Гоголь, вероятно, дарит сестрам Анне и Елисавете рождественские подарки.

ДЕКАБРЯ 28. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Аксаковы с сестрами Гоголя Анной и Елисаветой (и, возможно, с самим Гоголем) в театре.

См. ***1839. Декабря 21. Четверг. Москва.***

ДЕКАБРЯ 29. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1].

В тот же день Гоголь писал А. С. Данилевскому (в Семереньки или Толстое):

«Да, я в России. Последнюю нужно принести жертву. <...> Я был в Петербурге и взял оттуда сестер. Они будут жить в Москве. Где-нибудь я их пристрою, хоть у кого-нибудь из моих знакомых, но лишь бы они не знали и не видели своего дома, где они пропадут совершенно. Ты понимаешь всё. Ты знаешь, что маминька моя глядит и не видит, что она делает то, чего никак не воображает

делать, и, [заботясь] думая об их счастии, сделает их несчастными и потом всю вину сложит на Бога, говоря, что так Богу угодно было попустить. — Об партии нечего и думать в наших местах и с нашим несчастным состоянием... <...> Из писем, в которых очень заметно, что от меня многое еще скрывается, я вижу, что дела маминьки должны быть до последней степени плохи. Пожалуйста, сделай мне большое одолжение побывай у моей маминьки tete-a-tete[2] и допроси ее хорошенько и обстоятельно, сколько она может рассказать положение дел. <...> ...Пожалуйста, расспроси соседей и что говорят в околотке, и как в самом деле правятся у нас дела, и до какой степени обманывают нас мужики, приказчики и, наконец, сами соседи. Тебе ничего не будет стоить заехать в полверсте от нас к помещице Цюревской[3], она самая ближняя соседка и, без сомнения, многое может рассказать. Не знаю и не могу постичь, какими средствами помочь нашим обстоятельств<ам> хозяйственным, которым грозит совершенное разорение. Тем более оно изумительно, что имение наше во всяком отношении можно назвать хорошим. Мужики богаты, земли довольно. В год четыре ярманки, из которых Скотная, в марте одна из важнейших в нашей губернии. Все средства для сбыта. Купцы платят мужикам за наем загонов, хлевов, ночлегов, не говоря уже о мелочах за доски, за лес для постройки и наконец за все те потребности, которых рождает стечение народа. Всё это, не говоря уже о выгодах экономических и удобстве сбывать на месте хозяйственные произведения, доставляет возможность крестьянину быть более самостоятельным, нежели [где-либо] в другом месте, и с крестьян же ничего не берется за это, никаких пошлин, и вообще нигде так не облегчены крестьяне, как у нас. — Нужно же именно так распорядиться, чтобы при этом расстроить в такой степени. Не нужно позабыть, что еще не так давно в руках у маминьки были деньги, что при перезакладке имения года три тому назад[4] она выиграла почти 10 тысяч, которые, кажется, могли бы в руках даже неуча помочь и неурожаю и быть полезными на запас и на всякой будущий случай. Ничего не бывало, эти деньги канули как в воду. Я не буду в Малороссии и не имею никакой возможности сделать. Но желая исполнить сыновний долг, то есть доставить случай маминьке меня видеть, приглашаю ее в Москву, на две недели. Мне же предстоит, как сам знаешь, путь не малый в мой любезный Рим, где там только найду успокоение. Дух мой страдает. Ради Бога, коли тебе будет можно, дай сколько-нибудь маминьке на дорогу, рублей около пятисот, коли можешь. Очень, буду тебе благодарен. У меня денег ни гроша, всё, что добыл, употребил на обмундировку сестер[5]. — Еще лучше ты сделаешь, если приедешь вместе с маминькой моей в Москву. <...> В деревне тебе жить не вижу необходимости. Уж тебе вряд ли поправить хозяйство. Не нам с тобой поправлять. А разве постарайся жениться — это другое дело, то есть жениться, я разумею, не на одной жене, а и на деревне вместе».

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.
[2] С глазу на глаз (*фр.*).
[3] Жена Петра Федоровича Цюревского, соседа Гоголя по имению, родственника А. С. Данилевского.
[4] См. ***1836. Января 31. Пятница. Полтава.***
[5] Подробнее см. ***1839. Ноября 4. Суббота. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 26–31. ВТОРНИК-ВОСКРЕСЕНЬЕ. РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СВЯТКИ. МОСКВА

Гоголь отправляет записку к П. В. Нащокину:

«Не знаю как Мих<аил> Петрович[1], который еще спит, а что до меня с сестрами[2], то буду непременно. Только просьба прежняя и старая: ради Бога не обкармливайте. Закажите равиоли[3] да и полно, дабы после обеда мы были хоть сколько-нибудь похожи на двуногих»[4].

В. А. Нащокина вспоминала: «Мне очень хотелось повеселить девочек[5], а для этого их надо было повезти в благородное собрание на бал. В те времена доступ туда имели исключительно только баре, членских билетов было весьма ограниченное количество, да и стоили они довольно дорого. Тогда я устроила такую штуку: из картона вырезала два билета такой величины и формы, как на-

стоящий, и каждой из сестер Гоголя приколола по одному на грудь, а свой настоящий билет взяла с собой. Швейцар собрания знал меня в лицо, как постоянного члена, и вместе со мной пропустил мнимых новых членов.

Гоголь, когда мы собирались на бал, говорил моему мужу: "Посадят твою жену, Павел Войнович, непременно посадят с фальшивыми билетами-то".

И на самом деле наши мужчины были несколько в тревожном состоянии, ожидая нас дома с чаем.

"Молодец, Вера Александровна, вот молодец-то!" — говорил довольный Гоголь, когда мы, натанцовавшись, возвратились из собрания»[6].

[1] Погодин.

[2] Анной и Елисаветой.

[3] Равиоли (raviuoli; *ит.*) — кушанье из теста, вроде ушков или пельменей.

[4] Гоголь приехал из Петербурга в Москву с сестрами 21 декабря 1839 г. В начале апреля 1840 г. в Москву приехала его мать, и 27 апреля одна из сестер, Анна, выехала с матерью в Васильевку (сестру Елисавету Гоголь 10 мая 1840 г. отвез к П. И. Раевской). М. П. Погодин, также упоминаемый в записке, отлучался из Москвы с половины января по 19–20 февраля. Вероятнее всего, П. В. Нащокин звал Гоголя с сестрами в конце декабря 1839 г., на Рождественских святках.

[5] Имеются в виду сестры Гоголя Анна и Елисавета.

[6] *Родионов И.* Воспоминания В. А. Нащокиной о Пушкине и Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 552.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ПЕРЕЯСЛАВЛЬ

«Полтавская губерния. <...> В Переяславле. <...> В Земском суде. <...> *Стан<овой> прист<ав>* 14 кл<асса> Герасим Ив<анович> Высоцкий»[1].

«Герасим Иванович Высоцкий[2] жил в Переяславском уезде, Полтавской губернии еще в 60–70 годах, в своем поместье. Он был тучного сложения, любил поесть и часто разъезжал по соседям, среди которых пользовался славой большого насмешника и остряка; иногда свои шутки он излагал и в стихах; между прочим, интересовался сочинениями по естественным наукам. Умер в начале 70 годов. (Сообщено нам его соседями по поместью.)»[3]

[1] Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1839. СПб., <1839>. Ч. 2. С. 355.

[2] Школьный товарищ Гоголя.

[3] *Владимиров П. В.* Из ученических лет Гоголя. Киев, 1890. С. 10.

КОНЕЦ ГОДА. МОСКВА

Гоголь, не сумев закончить для бенефиса М. С. Щепкина драму из эпохи Богдана Хмельницкого[1], приступает к работе над литературной обработкой русского перевода комедии Мольера «Сганарель, или Мнимый рогоносец» («Sganarel, ou le Cocu imaginaire», 1660)[2].

[1] Подробнее см. ***1839. Сентября 27. Среда. Москва*** (примечания); ***1840. Между января 6 и февраля 3. Москва.***

[2] См. ***1840. Февраля 3. Суббота. Москва.***

ЯНВАРЯ 2. ВТОРНИК. МОСКВА

О. Сем. Аксакова с дочерью Верой уезжают в Курск.

В заметках о Гоголе 1861–1864 гг. В. С. Аксакова сообщала: «2 января 1840 года мы с маменькой уехали в Курск и воротились[1] в первых числах февраля»[2].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Достоверно, что во время их отсутствия, продолжавшегося ровно месяц, Гоголь нам ничего не читал»[3].

В тот же день, 2 января 1840 г., К. С. Аксаков, дважды присутствовавший ранее[4] на чтениях Гоголем у Аксаковых начальных глав первого тома «Мертвых душ», сообщал в письме к братьям Григорию, Ивану и Михаилу в Петербург:

«Гоголь бывает часто у нас, читал уже два раза после приезда. Я дивлюсь ему, и не только во время слушания его сочинений, но и тогда, когда просто с ним разговариваю. Можно бы много написать о характере его как художника, характере, который делает его художником по преимуществу и ставит его в один круг с знаменитым бессмертным Греком и Англичанином. *Гомер, Шекспир и Гоголь* — вот чудное, пышное созвездие[5]. — Напечатает ли он что-нибудь?»[6]

По-видимому, еще при чтении первой главы поэмы 14 октября 1839 г. Аксаков поделился возникшей тогда мыслью о единстве «акта творчества» Гомера и Гоголя с И. И. Панаевым, который позднее вспоминал, как после чтения Константин Аксаков «ударял кулаком о стол и говорил: “Гомерическая сила! гомерическая!”»[7] Далее в своих мемуарах Панаев сообщал: «На другой день я с Константином Аксаковым отправился к Белинскому... Аксаков передал ему о вчерашнем чтении с энтузиазмом, он говорил, что после первой главы “Мертвых душ” нельзя уже сомневаться в том, что Гоголь гений и что он подарит русскую литературу колоссальным произведением, в котором отразится вся Русь. Белинский слушал Аксакова с жадностию и смотрел на нас с завистию. “Чорт вас возьми, счастливцы! — сказал он. — Я не знаю, чего бы я не дал, чтобы выслушать теперь эту главу...”»[8]

В начале января 1840 г. Аксаков, как бы подтверждая впечатление, полученное от поэмы Гоголя, решил направить такое же письмо, какое послал братьям, Панаеву. Это несохранившееся аксаковское письмо прочел тогда в Петербурге В. Г. Белинский, который 10 января 1840 г. отвечал Аксакову: «Радуюсь твоей новой классификации — Гомер, Шекспир и Гоголь...»[9]

Таким образом, мысль о единстве «акта творчества» Гомера, Шекспира и Гоголя, которую Аксаков развил позднее в статье «Несколько слов о поэме Гоголя...» (1842)[10], возникла у него еще в 1839 г., когда он слышал начальные главы «Мертвых душ» в чтении автора. Само же представление о том, что произведения разные по содержанию могут быть «равны» между собой «в художническом отношении», Константин Аксаков высказывал еще в 1837 г.[11] Следовательно, несмотря на то, что свои впечатления от гоголевской поэмы Аксаков выразил в 1842 г. «не совсем изящно»[12], скороспелыми их назвать нельзя.

Вероятно, авторское чтение второй и третьей глав первого тома «Мертвых душ» определило и позднейшую оценку поэмы Гоголя Ю. Ф. Самариным, также присутствовавшим на чтении 23 декабря 1839 г.[13]. Самарин был «вполне согласен» с высказываниями о «Мертвых душах» К. С. Аксакова[14]. В свою очередь, Аксаков разделял суждения Самарина[15] и в ноябре 1842 г. даже послал его письмо о «Мертвых душах», вместе с своей брошюрой, в Рим Гоголю[16].

Полемика Константина Аксакова и Белинского 1842 г. о «Мертвых душах» явилась ***первым*** публичным актом размежевания критиков двух лагерей. При самом ее зарождении в конце 1839 — начале 1840 гг. нашла отражение многолетняя история восприятия в критике гоголевских произведений. Белинский, откликаясь в 1840 г. на аксаковскую «классификацию» «Гомер, Шекспир и Гоголь», не мог, конечно, не помнить свое собственное прежнее сравнение «Тараса Бульбы» в 1835 г. с поэмами Гомера[17]. В следующем письме к К. С. Аксакову, от 14 июня 1840 г., критик добавлял: «Пушкинская поэзия — наше искупление, а в созданиях Гоголя я вижу только “Тараса Бульбу” <...> “Тарас Бульба” выше всего остального, что напечатано из сочинений Гоголя»[18]. В статье «Разделение поэзии на роды и виды», напечатанной в 1841 г. в «Отечественных Записках» (Т. 15. № 3), Белинский замечал: «Эпическое произведение не только ничего не теряет из своего достоинства, когда в

него входит драматический элемент, но еще много выигрывает от этого. <...> Превосходный пример эпического произведения, проникнутого драматическим элементом, представляет повесть Гоголя "Тарас Бульба". <...> Эта повесть <...> должна занимать почетное место между созданиями первого разряда величайших творцов»[19].

Следует в то же время иметь в виду, что понимание Белинским «Тараса Бульбы» оставляло желать лучшего. Отчетливо это понимание выразилось в статье критика «Горе от ума... Сочинение А. С. Грибоедова», которая была начата Белинским еще в августе 1839 г. и вышла в свет в январском номере «Отечественных Записок» за 1840 г.[20] В этой же статье наиболее показательно проявилась и связь оценок критиком «Тараса Бульбы» и «сатирической» составляющей творчества Гоголя, применительно к «гомеровской» теме. В письме от 10 января 1840 г. Белинский спрашивал К. С. Аксакова по поводу своей статьи: «Бога самого ради, уведомь меня тотчас же, какое произведет впечатление статья о "Горе от ума" на Гоголя. Я что-то и почему-то не ожидаю хорошего, — но во всяком случае не церемонься: надо *все* знать»[21]. Действительно, оснований «не ожидать хорошего» в отзыве Гоголя об этой статье у Белинского было более чем достаточно. Здесь по поводу «Тараса Бульбы» Белинский, вопреки замыслу Гоголя показать в своем произведении общину людей, нашедших призвание в исполнении заповеди Спасителя о любви к братьям, заявлял, что сила сплочения запорожцев кроется... — «нет <...> не в православии», но в «кровавой сече» во время войны и «бешеной гульбе» во время мира[22]. (Хотя в начале и в заключении разбора Белинский причислял Тараса Бульбу к «разумной» и даже «великой действительности», однако сосредоточил свой анализ преимущественно на снижающих чертах в образе героя, — на тех, что, по замыслу самого Гоголя, служат в повести указанием на то, что мешает запорожцам в исполнении их главного призвания.)

На что же мог рассчитывать в таком случае Белинский, желая услышать отзыв Гоголя о своей статье? Очевидно, по мнению Белинского, было в его работе и то, за что Гоголь мог простить ему выходку против «Тараса Бульбы». И действительно, отзыв Гоголя Белинский получил — и, конечно, не за «развенчание» Тараса Бульбы, а именно за развернутую далее в статье оценку «Ревизора». В письме от 14–15 марта 1840 г. Белинский сообщал В. П. Боткину: «Гоголь доволен моею статьею о "Ревизоре" — говорит — многое подмечено верно. Это меня обрадовало»[23]. Очевидно, что гоголевский отзыв, переданный Белинскому кем-то из знакомых, касался лишь той части статьи «Горе от ума...», которая была посвящена «Ревизору»[24]. Быть «довольным» статьей критика Гоголь мог лишь за то, что тот оценивал здесь «Ревизора» вне всяких политических тенденций, исключительно с художественной точки зрения, — пытаясь, в соответствии со своими теориями, понять, как вообще однозначно отрицательные (не приукрашенные, не фальсифицированные) образы могут быть содержанием поэзии: «...Это отрицание жизни, пошлая, грязная действительность <...> каким же образом могла она сделаться содержанием художественного произведения?..»[25] Как раз эту проблему решал для себя в те же месяцы и Константин Аксаков, выслушав начальные главы первого тома «Мертвых душ»[26]. И ему отрицательные образы гоголевского произведения также не помешали сделать вывод о высочайшем — «гомеровском» уровне мастерства писателя.

Согласно с этими размышлениями, Белинский в 1842 г. в статье «Похождения Чичикова, или Мертвые души», опубликованной в июльском номере «Отечественных Записок», замечал: «...Не в шутку назвал Гоголь свой роман "поэмою" и что не комическую поэму разумеет он под нею. <...> Мы не видим в ней ничего шуточного и смешного; ни в одном слове автора не заметили мы намерения смешить читателя: все серьезно, спокойно, истинно и глубоко... Не забудьте, что книга эта есть только экспозиция, введение в поэму, что автор обещает еще две такие же большие книги, в которых мы снова встретимся с Чичиковым и увидим новые лица, в которых Русь выразится с другой своей стороны... Нельзя ошибочнее смотреть на "Мертвые души" и грубее понимать их, как видя в них сатиру»[27].

Очевидно, что взгляды Константина Аксакова и Белинского на гоголевскую поэму — по крайней мере в том, что «Мертвые души» не являются сатирой, — первоначально почти совпадали. Однако, прочитав брошюру Аксакова, Белинский поспешил отмежеваться от славянофильских воззрений: «...Поскольку концепция Аксакова <...> была аргументом в пользу славянофильских идей, Белинский немедленно выступил с резкой полемикой»[28]. Вследствие этого критик отказался рассматривать замысел поэмы в целом и сосредоточил внимание лишь на первом томе. «В смысле *поэмы* "Мертвые души" диаметрально противоположны "Илиаде". В "Илиаде" жизнь возведена на апофеозу: в "Мертвых душах" она разлагается и отрицается», — писал Белинский в рецензии на брошюру К. С. Аксакова[29].

Таким образом, Белинский в 1842 г., хотя и замечал поначалу, что «нельзя ошибочнее смотреть на "Мертвые души" и грубее понимать их, как видя в них сатиру», — вскоре занял вполне однозначную — и, согласно с его собственным определением, «грубую» и «ошибочную» позицию. Как следствие этого, его замечания, высказанные в споре о «Мертвых душах», явились, сравнительно с суждениями Константина Аксакова, заурядными, и то, на что с сознанием превосходства указывал он Аксакову в поэме Гоголя, лежит на поверхности и очевидно для всякого. Знакомая Гоголя княжна В. Н. Репнина-Волконская, в частности, вспоминала: «...Для меня непостижимо было, почему вся читающая и образованная публика пришла в такой восторг при появлении первого тома "Мертвых Душ". Я дала слово Г. П. Галагану прочесть эту книгу; это Гомер, говорил он. Но типы "Мертвых Душ" и "Ревизора" так отвратительны, что ни ум автора, ни прелесть слога не могут заставить забыть, что утопаешь в грязи, ходя по тем дорогам, по которым шагают герои "Мертвых Душ" и "Ревизора"»[30].

(«Линия Белинского» в интерпретации гоголевского произведения, в свою очередь, привела к крайне скудным и примитивным толкованиям «Мертвых душ» в работах советского периода. В седьмом томе советской академической «Истории русской литературы» (1955) по поводу героев поэмы читаем: Манилов — «выражение той праздности, того экономического и духовного паразитизма, который порождался крепостническим строем»; «Ноздрев — типичный представитель безвременья и реакции <...> в котором Гоголь уловил и типизировал самые отвратительные черты дворянской реакции»; «С образом Собакевича связан у Ленина типический облик помещика-черносотенца»; «Образ Плюшкина вырастает в отвратительный символ дворянского разложения, оскудения и распада крепостнического хозяйства...»; «...Чичиков <...> является как бы воплощением всей той пошлости, хищничества, нравственной пустоты, цинизма, угодливости и всех прочих отвратительных качеств, которые создавались и культивировались всем строем помещичье-крепостнического общества того времени»[31]. — И это *всё*, что исследователь нашелся сказать о героях поэмы.)

В связи со статьей Белинского «Горе от ума...» следует отметить еще один важный момент, имеющий отношение к полемике Константина Аксакова и Белинского 1842 г. по поводу «Мертвых душ». Выросший в эпоху жарких споров «классиков» с «романтиками», сам Гоголь всегда ощущал себя «классиком», или, вернее сказать, стремился быть таковым. В 1836 г., в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.», он, в частности, замечал: «...Что такое было то, что называли романтизм? Это было больше ничего, как стремление подвинуться ближе к нашему обществу... <...> Но как только <...> выказывался талант великий, он уже обращал это романтическое, с великим вдохновенным спокойством художника, в классическое, или, лучше сказать, в отчетливое, ясное, величественное создание». В прочитанной Гоголем в 1840 г. статье Белинского «Горе от ума...» между прочим говорилось: «...Для классиков хуже чумы те авторы, которые не выставляют на своих сочинениях слов: *поэма, трагедия, драма, комедия, водевиль* <...> и пр.»[32] Можно предположить, что отчасти именно эти «провокационные» строки побудили «классика» Гоголя в 1842 г., продолжая тлевшую с 1835 г. скрытую полемику с Белинским, «выставить» на заглавном листе первого тома «Мертвых душ» слово «ПОЭМА». (Именно так, крупными, выделяющимися буквами — крупнее даже самого заглавия — был обозначен жанр «Мертвых душ» на рисованной самим Гоголем обложке книги.). В этом смысле, т. е. в соответствии с содержанием статьи Белинского, это определение должно было означать не что иное как единство христианского содержания и классической формы[33]. «Только в наш век искусство получило полное свое значение, примирение христианского содержания с пластицизмом классической формы...» — замечал Белинский в статье[34]. Образно говоря, Гоголь «ловил» критика на слове, и окончательным утверждением на обложке жанра «Мертвых душ» закреплял то, что в их противостоянии служило упрочению христианских ценностей («поэмой» Гоголь назвал впервые свое произведение еще на первых этапах работы над ним[35]). К сожалению, обращение Гоголя к «голосу» самого Белинского, критик не «услышал». Уже распрощавшийся к тому времени с попытками «примирения с действительностью», Белинский на вопрос, «что это такое, почему "поэма", так и не смог ответить ни после третьего, ни после последующих чтений этого "великого произведения"»[36].

По словам Гоголя в письме к П. В. Анненкову от 12 августа (н. ст.) 1847 г. (а также в письме к В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г.), создавая свою поэму, он провел «долгое время за Библией, за Моисеем, Гомером[37] – законодателями веков минувших». Весной 1836 г., когда собственная поэма Гоголя уже была начата, но еще не названа «поэмой», писатель в одной из рецензий, написанных для пушкинского «Современника», замечал: «Божественный Учитель и Спаситель наш первый открыл эту высокую тайну, облекши святые божественные мысли Свои в притчи, которые слушали и понимали тысячи народов <...> Мы <...> наконец возвращаемся к той истине, которая была сказана еще в глубине младенческих сердец наших <...> Уже везде, во всех нынешних попытках романов и повестей, видно стремление осуществить, окрылить или доказать какую-нибудь мысль...» (рецензия на книгу Е. И. Ольдекопа «Картины мира»). Насущную потребность «поэмы», как произведения учительной литературы, для современности Гоголь подчеркивал позднее в статье «Об Одиссее, переводимой Жуковским» (1846). Повторяя здесь суждения Белинского о религиозно-нравственном содержании поэм Гомера («"Илиада" была <...> священною книгою, источником религии и нравственности»[38]) и имея в виду «прогрессистские» высказывания критика по отношению к традиционной духовной культуре России, он писал: «..."Одиссея" есть <...> нравственнейшее произведение и <...> единственно затем и предпринята древним поэтом, чтобы в живых образах начертать законы действий тогдашнему человеку <...> все нынешние обстоятельства как бы нарочно обставились так, чтобы сделать появление "Одиссеи" почти необходимым в настоящее время...» «Словом, — продолжал Гоголь, — на страждущих и болеющих от своего европейского совершенства "Одиссея" подействует. Много напомнит она им младенчески прекрасного, которое (увы!) утрачено, но которое должно возвратить себе человечество, как свое законное наследство». Имея в виду противопоставление Белинским «идеала жизни» «самой жизни» — представленной в натуралистическом зеркале «реальной поэзии» — Гоголь в «Авторской исповеди» (1847) добавлял: «...Писатель-творец творит творенье свое в поученье людей <...> Нужно, чтобы в созданье его жизнь сделала какой-нибудь шаг вперед <...> Возвратить людей в том же виде, в каком и взял, для писателя-творца даже невозможно...»

Судя по этим высказываниям, определение автором жанра «Мертвых душ» как «поэмы» преследовало цель подчеркнуть принадлежность его творения к высоким классическим образцам древней учительной литературы. Надо сказать, этим Гоголь отвечал не только Белинскому, но и Константину Аксакову, ибо, согласно Гоголю, его поэма заключала в себе не только древнее эпическое *созерцание* (на чем настаивал Аксаков), но и учительство (и отнюдь не «бессознательное»), как учительным, по убеждению писателя, было и творчество Гомера.

С признанием Гоголя в том, что «за Библией, за Моисеем, Гомером» он подготавливал себя к созданию «Мертвых душ», в один ряд может быть поставлена и свойственная его поэме многоплановая содержательность образов: «...В уроде вы почувствуете идеал того, чего карикатурой стал урод» (статья «Что такое губернаторша», 1846)[39]. Именно такая многоплановость является, согласно трактату Г. С. Сковороды «Икона Алкивиадская» (1780), характернейшим признаком Библии как «поэмы»: «...Опять сказываю, что в Библии иное на лице, а иное в сердце. Так, как Алкивиадская икона, называемая по-эллински σηληνός <силен>, с лица была *шуточная*, а внутри скрывала великолепие Божие. Благородный и забавный есть обман и подлог, где находим под ложью истину, мудрость под буйством, а во плоти – Бога. Вот прямое, именуемое у древних эллинов ποίημα, то есть творение! А такие писатели суть точные пииты...»[40] Речь в этом отрывке идет о так называемых силенах – полых скульптурных фигурах, обычно безобразных («уродливых»), внутри которых древние греки хранили драгоценные изваяния богов. В диалоге Платона «Пир» Алкивиад сравнивает с силеном Сократа. Как показывает исследование, определение Сковороды восходит к трактату Эразма Роттердамского «Оружие христианского воина» (1502). «Пренебрегая буквой, – писал последний, – тебе прежде всего надо думать о тайне. Таковы сочинения всех поэтов, а из философов – у платоников. Однако более всего – Священное Писание, которое, почти как силены у Алкивиада, под грязною и даже смешной оболочкой скрывает чистое Божество»[41].

[1] См. ***1839. Февраля 3. Суббота. Москва.***

[2] Список с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 898.

[3] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 689. См. также ***1840. Января 3. Среда. Москва.***

[4] См. ***1839. Октября 14. Москва; 1839. Декабря 23. Суббота. Москва.***

[5] См. также ***1839. Октября 14. Суббота. Москва.***

[6] *Кошелев В. А.* «Мертвые души» Н. В. Гоголя в славянофильском истолковании // *Кошелев В. А.* Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов. 1840–1850-е годы. Л., 1984. С. 116; цит. по изд.: *Кошелев В. А.* Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М., 2000. С. 239; см. также: *Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика / Сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. В. А. Кошелева. М., 1995. С. 491; Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 789.

[7] См. ***1839. Октября 14. Суббота. Москва.***

[8] См. ***1839. Октября 15. Воскресенье. Москва.***

[9] См. ***1840. Января 10. Среда. Санкт-Петербург.***

[10] См. ***1842. Июля 24 <августа 5>. Пятница. Москва.***

[11] См. ***1837. Января 16 <28> . Суббота. Москва.***

[12] См. ***1842. Сентября 23 <октября 5>. Среда. Москва.***

[13] См. ***1839. Декабря 23. Суббота. Москва.***

[14] См. ***1842. Сентябрь-октябрь <сентября средина – ноября начало>; 1842. Октября вторая половина <ноября начало>.***

[15] См. ***1842. Октября конец <ноября первая половина>. Москва.***

[16] См. ***1842. Ноября начало <ноября средина>. Москва.***

[17] См. ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва; 1840. Декабря 11 <23>. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[18] *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. С. 388.

[19] *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 3. С. 308. – См. также ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки*** (примечания).

[20] См. также ***1840. Марта 14–15. Четверг-пятница. Санкт-Петербург.***

[21] См. ***1840. Января 10. Среда. Санкт-Петербург.***

[22] *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1976. Т. 2. С. 200.

[23] См. ***1840. Марта 14–15. Четверг-пятница. Санкт-Петербург.***

[24] См.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 3. С. 452–470, 476–477, 485; *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 212–228, 234, 241–242.

[25] *Белинский В. Г.* Горе от ума... Сочинение А. С. Грибоедова // Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 201–202.

[26] См. ***1838. Августа 10 <22>. Среда; 1842. Октября конец <ноября первая половина>. Москва.***

[27] *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. С. 53–54.

[28] *Кожинов В. В.* К методологии истории русской литературы (о реализме 30-х годов XIX века) // Вопросы литературы. 1968. № 5. С. 74.

[29] *Белинский В. Г.* Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» // Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. С. 58.

[30] <*Бартенев П. И.*> Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной о Гоголе <1890> // *Свод.* Т. 3. С. 99.

[31] *Степанов Н. Л.* Гоголь // История русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1955. Т. 7. С. 208–211.

[32] *Белинский В. Г.* Горе от ума... Сочинение А. С. Грибоедова // Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 191.

[33] См. также ***1840. Декабря 11 <23>. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[34] *Белинский В. Г.* Горе от ума... Сочинение А. С. Грибоедова // Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 194.

[35] См. ***1836. Ноября 12 <октября 31>. Суббота. Париж***; ***1836. Ноября 28 <16>. Понедельник. Париж.***

[36] *Курилов А. С.* В. Г. Белинский в жизни и творчестве. М., 2012. С. 113.

[37] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт*** (примечания).

[38] *Белинский В. Г.* О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») // Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. С. 265.

[39] В «Театральном разъезде...» (1842) Гоголь также писал: «Разве все, до малейшей излучины души подлого и бесчестного человека не рисуют уже образ честного человека? Разве все это накопление низостей, отступлений от законов и справедливости не дает уже ясно знать, чего требуют от нас закон, долг и справедливость?»; «...Яркостью собранных преступлений и пороков уже рисуется сама собою противуположность в голове каждого». Ранее, в статье «Об архитектуре нынешнего времени» (1834) он также замечал: «...Самые ошибки уже подают идею о том, как избежать их: <...> углубление вниз подает идею о возвышении вверх...»

[40] *Сковорода Г. С.* Соч.: В 2 т. М., 1973. Т. 2. С. 33.

[41] *Эразм Роттердамский.* Философские произведения. М., 1987. С. 143.

ЯНВАРЯ 3. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь с М. С. Щепкиным обедал у С. Т. Аксакова.

Н. С. Аксакова на следующий день, 4 января 1840 г., сообщала матери, О. Сем. Аксаковой: «Вчера был Щепкин. <...> Он у нас обедал с Гоголем»[1].

К этому письму другой дочерью С. Т. Аксакова – Марией Сергеевной, сделана приписка, в которой также сообщается о присутствии Гоголя на этом обеде. Подобная же запись встречается в неизданном письме к матери Ольги Сергеевны Аксаковой (1821–1861) от 8 января 1840 г.[2]

5 января 1840 г. сам С. Т. Аксаков также сообщал жене О. Сем. Аксаковой и дочери Вере: «Воротясь домой, нашел у себя Гоголя и Щепкина. Первый сказал: “Вы теперь сироты, и я привез макарон, сыру и масла, чтоб вас утешить. Я же слышал, что вы такой славный мех подцепили, что в нем есть не только звери, но и птицы и чорт знает что такое...” Призвал повара, научил как варить и пр., но вышло, хотя вкусно, да сыро и тяжело, а Гоголю ничего!»[3]

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «2-го января Ольга Семеновна с Верой уехали в Курск. Третьего числа, часа за два до обеда, вдруг прибегает к нам Гоголь – меня не было дома, – вытаскивает из карманов макароны, сыр-пармезан и даже сливочное масло и просит, чтоб призвали повара и растолковали ему, как сварить макароны. В обыкновенное время обеда Гоголь приехал к нам с Щепкиным, но меня опять не было дома: я поехал выручать свою шубу, которою обменялся с кем-то в Опекунском совете. По необыкновенному счастью, я нашел свою прекрасную шубу, висящую на той же вешалке: хозяин дрянной шубы, которую я надел вместо своей, видно еще не кончил своих дел и оставался почти уже в опустевшей зале Опекунского совета. Чрезвычайно обрадованный, я возвратился весел домой, где Гоголь и Щепкин уже давно меня ожидали. Гоголь встретил меня следующими словами: “Вы теперь сироты, и я привез макарон, сыру и масла, чтоб вас утешить. Я же слышал, что вы такой славный мех подцепили, что в нем есть не только звери, но и птицы и чорт знает что такое”. Когда подали макароны, которые, по приказанию Гоголя, не были доварены, он сам принялся стряпать. Стоя на ногах перед миской, он засучил обшлага и с торопливостью, и в то же время с аккуратностью, положил сначала множество масла и двумя соусными ложками принялся мешать макароны, потом положил соли, потом перцу и, наконец, сыр и продолжал долго мешать. Нельзя было без смеха и удивления смотреть на Гоголя;

он так от всей души занимался этим делом, как будто оно было его любимое ремесло, и я подумал, что если б судьба не сделала Гоголя великим поэтом, то он был бы непременно артистом-поваром. Как скоро оказался признак, что макароны готовы, т<о> е<сть> когда распустившийся сыр начал тянуться нитками, Гоголь с великою торопливостью заставил нас положить себе на тарелки макарон и кушать. Макароны точно были очень вкусны, но многим показались не доварены и слишком посыпаны перцем; но Гоголь находил их очень удачными, ел много и не чувствовал потом никакой тягости, на которую некоторые потом жаловались. В этот день бедный Константин должен был встать из-за стола и, не дообедавши, уехать, потому что он дал слово обедать у Горчаковых, да забыл. Особенно было это ему тяжело, потому что мы не переставали надеяться, что Гоголь что-нибудь нам прочтет; но это случилось еще не скоро. Во все время пребывания Гоголя в Москве макароны появлялись у нас довольно часто»[4].

[1] Свидетельства о Гоголе Н. С. Аксаковой // *Свод.* Т. 2. С. 948.

[2] См.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 581; *Свод.* Т. 2. С. 948.

[3] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 579.

[4] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 686–687.

ЯНВАРЯ 4. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Н. С. Аксакова сообщает матери, О. Сем. Аксаковой:

«Сейчас получили ответ от Загоскина, он не может дать нам ложу, потому что он отдал ее Бакуниным, а Верстовский отдал ложу Нащокину, который хочет повести матерь Гоголя в театр»[1].

В тот же день, 4 января 1840 г., С. Т. Аксаков получил из Петербурга письмо от И. И. Панаева по поводу собрания сочинений Гоголя.

На следующий день, 5 января 1840 г., С. Т. Аксаков сообщал жене О. Сем. Аксаковой и дочери Вере: «Вчера я получил два письма: одно от управителя <...>, а другое от И. И. Панаева[2] – и самое пламенное, в котором умоляют меня Одоевский, Плетнев, Панаев, Враский[3] и Краевский, чтоб Гоголь не продавал своих сочинений за 5 тысяч (и новой комедии[4] в том числе) Смирдину[5], особенно потому, что новая комедия будет напечатана в "Сыне отечества" (Полевой прочь, а на его место Никитенко) или "Библиотеке для чтения". Враский предлагает десять тысяч с правом напечатать новую комедию в "Отечественных записках". Как только отправлю это письмо, поеду к Гоголю[6]. Я понимаю благородную причину, которая заставляет его торопиться: он поручил Жуковскому в полное распоряжение свои сочинения прежние[7], но о новой комедии и мы еще ничего не знаем»[8].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «На другой день[9] получил я письмо от Ив. И. Панаева, в котором он от имени Одоевского, Плетнева, Врасского, Краевского и от себя умолял, чтоб Гоголь не продавал своих прежних сочинений Смирдину за 5 тыс<яч> (и новой комедии в том числе), особенно потому, что *новая комедия* будет напечатана в "Сыне Отечества" или "Библиотеке для Чтения"; а Врасский предлагает 6 тысяч с правом напечатать новую комедию в "Отечественных Записках". Я очень хорошо понял благородную причину, которая заставляла Гоголя торопиться продажею своих сочинений, для чего он поручил все это дело Жуковскому; но о новой комедии мы не слыхали. Я немедленно поехал к Гоголю, и, разумеется, ни той, ни другой продажи не состоялось. Под *новой комедией*, вероятно, разумелись разные отрывки из недописанной Гоголем комедии, которую он хотел назвать: "Владимир третьей степени"[10]. Я не могу утвердительно сказать, почему Гоголь не дописал этой комедии[11]; может быть, он признал ее в полном составе неудобною в цензурном отношении, а может быть, был недоволен ею, как взыскательный художник»[12].

[1] Свидетельства о Гоголе Н. С. Аксаковой // *Свод.* Т. 2. С. 948. – См. ***1840. Апреля начало, не позднее 7 – апреля 27. Суббота. Москва***; ***1840. Апреля 23. Вторник. Москва***.

[2] Письмо неизвестно.

[3] Александр Васильевич Враский.

[4] Речь идет о «Женитьбе» (см. ***1839. Октября 7 <сентября 25>. Понедельник. Ганау***).

[5] См. ***1839. Декабря 17. Воскресенье. 9 часов вечера. Санкт-Петербург***; ***1840. Января первые числа. Санкт-Петербург***; ***1840. Января 7–8. Воскресенье-понедельник. Санкт-Петербург***; ***1840. Января 10. Среда. Санкт-Петербург***.

[6] По-видимому, в результате переговоров С. Т. Аксакова с Гоголем, последний 25 января 1840 г. написал письмо к князю В. Ф. Одоевскому (не сохранилось; см. ***1840. Января 25. Четверг. Москва***), в котором обещал «прислать повесть в "Отечественные записки"» (*см.* ***1840. Февраля 25. Прощеное воскресенье. Санкт-Петербург***). Это обещание Гоголь, однако, не выполнил.

[7] См. ***1840. Января 7–8. Воскресенье-понедельник. Санкт-Петербург.***

[8] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 579.

[9] После 3 января (см. ***1840. Января 3. Среда. Москва***).

[10] А. А. Краевский просил у Гоголя для «Отечественных Записок» комедию «Женитьба» (см. примеч. выше).

[11] См. также ***1840. Апреля 13. Великая суббота. Москва*** (примечания).

[12] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 687–688.

ЯНВАРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 4–5. МОСКВА

Гоголь получил восторженное анонимное письмо от неизвестной девушки (не сохранилось).

4–5 января 1840 г. К. С. Аксаков сообщал в Петербург брату Григорию: «Николай Васильевич получил анонимное письмо от неизвестной девушки, письмо, в самом деле, одушевленное; в общем, она говорит ему о своем наслаждении чтением его повестей. Он счастлив этим и поет гимн неиспорченной природе».

Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 789.

ЯНВАРЯ ПЕРВЫЕ ЧИСЛА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. А. Жуковский пишет А. П. Елагиной в Москву:

«Поздравляю вас, милая Дуняша, с Новым годом. <...> Приложенное письмо[1] отдайте поскорее Гогольку. Возьмите от него поскорее мне ответ. Ведь мне опять ехать за границу надобно[2], чтобы все[3] было до сих пор кончено»[4].

8 января 1840 г. А. П. Елагина сообщала В. А. Жуковскому: «Гоголю доставила письмо»[5]. По-видимому, на письмо, которое передавал Гоголю Жуковский через Елагину, Гоголь отвечал 7–8 января 1840 г.[6] В этом письме Гоголь просил Жуковского собрать ему четыре тысячи рублей. Получив прошение Гоголя, Жуковский около 13 января 1840 г. обратился с письменной просьбой к Наследнику о ссуде четырех тысяч рублей[7].

[1] Не сохранилось.

[2] В. А. Жуковский оставался в Петербурге до 5 марта 1840 г. (см. ***1840. Марта 5. Вторник. Санкт-Петербург***).

[3] Речь идет об издании сочинений Гоголя. С таким предложением обратился тогда к Гоголю, через Жуковского, А. Ф. Смирдин (см. ***1839. Декабря 17. Воскресенье. 9 часов вечера. Санкт-Петербург***; ***1840. Января 4. Четверг. Москва***; ***1840. Января 7–8. Воскресенье-понедельник. Санкт-Петербург***).

[4] *Бычков И. А.* Неизданные письма Жуковского к А. П. Елагиной и А. П. Зонтаг // Русский Библиофил. 1912. № 7–8. С. 110; см. также: Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 50.

[5] См. ***1840. Января 8. Понедельник. Москва.***

[6] См. ***1840. Января 7–8. Воскресенье-понедельник. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1840. Января около 13. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 5. ПЯТНИЦА. КРЕЩЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Вот каких *живых* людей надо в историю»[1]; «С Акс<аковым> о предложениях Свербеевых Гоголю»[2].

[1] В 1847 г. Погодин писал профессору И. И. Давыдову: «О тоне Истории своей, о тоне Истории вообще для нашего времени я думал ни много, ни мало десять лет; принимался писать в продолжение этого времени несколько раз, и недовольный оставлял; смотря и слушая Гоголя, записал на своей тетради, 1840 года, января 5: вот каких *живых* людей надо в историю...» (*Барсуков.* 1895. Кн. 9. С. 89). 13 августа 1848 г. он, в частности, писал Гоголю: «Тебе, то есть впечатлениям, тобою произведенным, понятиям, тобою возбужденным в "Ревизоре" и "Мертвых душах" об объективности действующих лиц, обязана моя "История" много». – См. также ***1833. Конец года. Санкт-Петербург.***

[2] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1840–1841 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 472.

ЯНВАРЯ 6. СУББОТА. ПРАЗДНИК КРЕЩЕНИЯ ГОСПОДНЯ. МОСКВА

Гоголь предположительно обедает у Аксаковых вместе с графом В. А. Соллогубом.

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Через несколько дней[1], а именно в субботу, обедал у нас Гоголь с другими гостями; в том числе был <Ю. Ф.> Самарин и Григорий Толстой[2], давнишний мой знакомый и товарищ по театру, который жил в Симбирске и приехал в Москву на короткое время и которому очень хотелось увидать и познакомиться с Гоголем. Гоголь приехал к обеду несколькими минутами ранее обыкновенного и сказал, что он пригласил ко мне обедать незнакомого мне гостя графа Владимира Соллогуба. Если б это сделал кто-нибудь другой из моих приятелей, то я бы был этим недоволен; но все приятное для Гоголя было и для меня приятно. Дело состояло в том, что Соллогуб был в Москве проездом, давно не видался с Гоголем, в этот же вечер уезжал в Петербург и желал пробыть с ним несколько времени вместе. Гоголь, не понимавший неприличия этого поступка и не знавший, может быть, что Соллогуб, как человек, мне не нравился, пригласил его отобедать у нас. Через несколько минут вошел Толстой и сказал, что Соллогуб стоит в лакейской и что ему совестно войти. Я вышел к нему и принял его ласково и нецеремонно. Гоголь опять делал макароны и был очень весел и забавен. Соллогуб держал себя очень скромно, ел за троих и не позволял себе никаких выходок, которые могли бы назваться неучтивостью по нашим понятиям и которыми он очень известен в так называемом большом кругу. С этого дня Гоголь уже обыкновенно по субботам приготовлял макароны».

Аксаков С. Т. История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 688.

[1] После 4 января (см. ***1840. Января 4. Четверг. Москва***).

[2] Григорий Михайлович Толстой (1808–1871), богатый симбирский и казанский помещик. – См. также ***1844. Июня между 15 и 19 <июня между 3 и 7>. Мангейм.***

МЕЖДУ ЯНВАРЯ 6 И ФЕВРАЛЯ 3. МОСКВА

Гоголь часто бывает у Аксаковых; знакомится здесь с В. А. Пановым.

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Он приходил к нам почти всякий день и обедал раза три в неделю, но всегда являлся неожиданно[1]. В это время мы узнали, что Гоголь очень много работал, но сам он ничего о том не говорил. Он приходил к нам отдыхать от своих творческих трудов, поговорить вздор, пошутить, поиграть на бильярде, на котором, разумеется, играть совершенно не умел, но Константину удавалось иногда затягивать его в серьезные разговоры об искусстве вообще. Я мало помню таких разговоров, но заключаю о них по письмам Константина, которые он писал около 20-го января к Вере в Курск и к Мише в Петербург. Вот что он говорит в одном своем письме: "Чем более я смотрю на него, тем более удивляюсь и чувствую всю важность этого человека и всю мелкость людей, его не понимающих. Что это за художник! Как полезно с ним проводить время! Как уясняет он взгляд в мир искусства! Недавно я написал письмо об этом к Мише, серьезное и важное, которое вылилось у меня из души"[2].

В это время приехал Панов из деревни[3]. Он вполне понимал и ценил Гоголя. Разумеется, мы сейчас их познакомили, и Панов привязался всею своею любящею душою к великому художнику. Он скоро доказал свою привязанность убедительным образом[4].

Так шло время до возвращения[5] Ольги Семеновны с Верой и с Соничкой Самборской[6] из Обояни».

Аксаков С. Т. История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 688–689.

[1] В 1880 г. И. С. Аксаков после этих слов сделал примечание: «В рукописи замечено карандашом для памяти, что однажды человек (конечно, недавно поступивший в должность), взойдя в гостиную, доложил вместо Гоголя: "Гегель". Так как в комнате было немало юных поклонников Гегеля и в то же время Гоголя, то это вышло очень забавно. Не проказа ли это самого Гоголя? *Ред<актор>*» (Из неизданной рукописи С. Т. Аксакова: «История моего знакомства с Гоголем» // Русь. 1880. 20 дек. № 6. С. 15).

[2] В 1880 г. И. С. Аксаков после этих слов сделал подстрочное примечание: «Здесь на полях Серг<ей> Тим<офеевич> написал карандашом: "Вставить, что я спрашивал Гоголя о Запорожской трагедии и что он, махнув рукою, не сказал ни слова". *Ред<актор>*» (Из неизданной рукописи С. Т. Аксакова: «История моего знакомства с Гоголем» // Русь. 1880. 20 дек. № 6. С. 16). Речь идет о драме из эпохи Богдана Хмельницкого (см. ***1839. Сентября 27. Среда. Москва***; ***1839. Ноября 13. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1839. Ноября 26. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1841. Января 17 <29>. Пятница. Москва***).

[3] В 1880 г. И. С. Аксаков после этих слов сделал подстрочное примечание: «Василий Алексеевич Панов, кандидат Моск<овского> Университета, товарищ Валуева, Елагиных и, кажется, А. Н. Попова. – Он напечатал впоследствии брошюру о своем путешествии по Славянским землям и издал Московский Сборник 1846 и 1847 гг. (первые славянофильские издания). *Ред<актор>*» (Из неизданной рукописи С. Т. Аксакова: «История моего знакомства с Гоголем» // Русь. 1880. 20 дек. № 6. С. 16).

[4] См. ***1840. Апреля 13. Великая суббота. Москва.***

[5] См. ***1840. Февраля 3. Суббота. Москва.***

[6] Софья Алексеевна Самборская (Самбурская, в замужестве Трутовская), племянница О. Сем. Аксаковой.

ЯНВАРЯ 7. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Какие деревяшки Гоголевы сестры!»[1]

Речь идет о сестрах Гоголя Анне и Елисавете, только что выпущенных из института; в домах Балабиных[2] и Погодина, где они проживали, вели себя крайне застенчиво[3]. Елисавета Васильевна вспоминала: «Мы не

любили рано вставать, и Мих<аил> Петров<ич> <Погодин> нам угрожал, если мы не будем вставать в одно время со всеми, то он сам придет нас будить. Мы его очень боялись. <...> Мы с вечера довольно долго не ложились, мать Погодина была простая старушка, страстная любительница играть в карты, [и мы с Анет первые уроки получили от нее в бастон и преферанс] <...>, засадит нас, бывало, за карты тихонько от сына, в своей комнате, научит нас, бывало, хитрить, проститься с ее сыном и невесткой, будто бы мы идем спать, и засадит нас за бостон до 11, 12 и первого часа. Раз нас застал ее сын за игрой [мы перепугались], ужасно рассердился, сказал матери: "Так-то вы наставляете молодых девиц, хорош пример подаете им", [нам же тоже выговор] а нам сказал, чтобы мы шли сей час спать и что он сам придет завтра нас будить, что нас много напугало, и мы старались пораньше встать, чтобы он не застал нас в постели»[4].

[1] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1840–1841 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 472.
[2] См. ***1839. Ноября 19 – декабря 17. Санкт-Петербург.***
[3] См. также ***1839. Декабря 17. Воскресенье. 9 часов вечера. Санкт-Петербург.***
[4] Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 2. С. 183–185.

ЯНВАРЯ 7–8. ВОСКРЕСЕНЬЕ-ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь через А. П. Елагину получил письмо от Жуковского из Петербурга[1]. Отвечая, Гоголь благодарит поэта за «петербургский приют»[2]. Имея в виду хлопоты Жуковского по изданию своих сочинений[3], замечает:

«...Вы заботились, вы хлопотали обо мне... <...> Но поговорим о предложении Смирдина. <...> Я признаюсь думал, что вы сделаете предложение другому книгопродавцу; мне кажется, я вам говорил, что с Смирдиным я не хочу иметь сношений».

Пишет, что условия А. Ф. Смирдина невыгодны, но даже если бы он и принял это предложение Смирдина, то теперь не в состоянии их исполнить, так как не может найти у себя рукопись «Женихов» (окончательное название – «Женитьба»). Просит Жуковского собрать ему четыре тысячи рублей:

«Я придумал вот что: сделайте складку, сложитесь все те, которые питают ко мне истинное участие, составьте сумму в 4000 р<ублей> и дайте мне взаймы на год».

[1] См. ***1840. Января первые числа. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1839. Ноября 3. Пятница. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1839. Декабря 17. Воскресенье. 9 часов вечера. Санкт-Петербург***; ***1840. Января первые числа. Санкт-Петербург***; ***1840. Января 4. Четверг. Москва***; ***1840. Января 10. Среда. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 8. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

А. П. Елагина в письме к В. А. Жуковскому в Петербург сообщает о доставлении его письма Гоголю.

См. ***1840. Января первые числа. Санкт-Петербург.***

1839 ДЕКАБРЯ ПОСЛЕ 21 – 1840 ЯНВАРЯ НАЧАЛО. МОСКВА

П. В. Нащокин в записке к Гоголю благодарит его за присылку 25 рублей серебром. Просит не лишать его возможности заплатить свой долг М. П. Погодину самому.

ЯНВАРЯ 10. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь в ответном письме к М. А. Максимовичу в Киев отвечает отказом на просьбу дать что-нибудь для первой книжки альманаха «Киевлянин» (вышла в свет в феврале 1840 г.). Пишет, что М. П. Погодин ввел приятеля в заблуждение, сообщив, что будто бы у него «есть много написанного»[1]:

«У меня есть, это правда, роман[2], из которого я не хочу ничего объявлять до времени его появления в свет; притом, отрывок не будет иметь большой цены в твоем сборнике, а цельного ничего нет, ни даже маленькой повести. <...> Если бы ты знал, как тягостно мое существование здесь, в моем отечестве! Жду и не дождусь весны и поры ехать в мой Рим, в мой рай, где я почувствую вновь свежесть и силы, охладевающие здесь. <...> Приезжай когда-нибудь, хоть под закат дней, в Рим, на мою могилу, если не станет уже меня в живых. Боже, какая земля! какая земля чудес! и как там свежо душе!..»

[1] См. ***1839. Октября 30. Понедельник. Москва.***
[2] В то время в работе у Гоголя были два романа, «Аннунциата» и «Мертвые души».

ЯНВАРЯ 10. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский пишет К. С. Аксакову в Москву:

«Любезный Константин, Панаев сию минуту прочел мне твое письмо к нему. Прошу тебя дружески извинить меня за мое к тебе письмо, грязное и не эстетическое, которое так глубоко оскорбило твое чувство[1]. Поверь мне, что я не имел никакого намерения оскорблять тебя, а признаюсь в грехе – хотел только шутя намекнуть тебе на некоторые истины. <...>

Бога самого ради, уведомь меня тотчас же, какое произведет впечатление статья о “Горе от ума” на Гоголя[2]. Я что-то и почему-то не ожидаю хорошего, – но во всяком случае не церемонься: надо *все* знать.

Радуюсь твоей новой классификации – Гомер, Шекспир и Гоголь...[3] <...> Вот мы и сошлись с тобою; только у меня на месте Гоголя стоит Пушкин... <...>

Видел Жуковского в тот вечер, как на него все напали за намерение *продать Гоголя Смирдину*[4]. Жуковский – это воплощенное прекраснодушие. В делах жизни он даже и не юноша, а меньше, чем ребенок. <...>

Поклонись от меня Гоголю и скажи ему, что я так люблю его, и как поэта и как человека, что те немногие минуты, в которые я встречался с ним в Питере[5], были для меня отрадою и отдыхом[6]. В самом деле, мне даже не хотелось и говорить с ним, но его присутствие давало полноту моей душе, и в ту субботу, как я не увидел его у Одоевского[7], мне было душно среди этих лиц и пустынно среди множества».

Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 247.

[1] 25 ноября 1839 г. В. Г. Белинский и И. И. Панаев занесли С. Т. Аксакову, который был в то время в Петербурге, вместе с Гоголем, свои письма К. С. Аксакову. Об этом В. С. Аксакова сообщила брату на следующий день, 26 ноября. Письмо Белинского «глубоко оскорбило» Константина Аксакова нападками «на Русских, на народность их» (см. ***1839. Ноября 25. Суббота. Санкт-Петербург***).

[2] См. ***1840. Марта 14–15. Четверг-пятница. Санкт-Петербург.***

[3] Как свидетельствует написанное в тот же период послание К. С. Аксакова к младшим братьям Ивану и Михаилу (воспитывавшимся в Петербурге), мысль о единстве «акта творчества» Гомера, Шекспира и Гоголя, которую Аксаков развил позднее в статье «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (1842), появилась у него именно в 1839 г., когда он слышал начальные главы «Мертвых душ» в чтении самого автора (см. ***1840. Января 2. Вторник. Москва***).

[4] См. ***1839. Декабря 17. Воскресенье. 9 часов вечера. Санкт-Петербург***; ***1840. Января первые числа. Санкт-Петербург***; ***1840. Января 4. Четверг. Москва***; ***1840. Января 7–8. Воскресенье-понедельник. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1839. Ноября 16. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1839. Ноября 18. Суббота. Санкт-Петербург.***

[6] Ср. свидетельство И. И. Панаева (1860): «Белинский был в энтузиазме от Гоголя, как писателя – это всем известно, но как с человеком он никогда не мог сойтись с ним близко. Гоголь был слишком сосредоточен в самом себе и к тому же, по мере своей известности, начинал приобретать постепенно неприступность авторитета, все более и более сближаясь с другими литературными и светскими авторитетами. Открытый и искренний по натуре Белинский не терпел никакой напыщенности, натянутости и признавался, что ему всегда бывало немного тяжеловато в присутствии Гоголя» (*Панаев И. И.* Воспоминание о Белинском // *Свод.* Т. 3. С. 277).

[7] После встречи в субботу 18 ноября (см. ***1839. Ноября 18. Суббота. Санкт-Петербург***).

ЯНВАРЯ ОКОЛО 11. МОСКВА

М. П. Погодин отправляется в Петербург[1]. Гоголь передает с ним письмо к В. А. Жуковскому[2].

[1] *Барсуков.* 1892. Кн. 5. С. 330.

[2] См. ***1840. Января около 13. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ ОКОЛО 13. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. А. Жуковский обращается к Наследнику Александру Николаевичу с просьбой:

«...Главный предмет письма моего есть просьба к Вам. <...> Прошу Вас не оставить Розена. Если Вы сохраните ему то, что было ему от Вас определено сверх того жалованья, которое он получал на своем месте, то <...> у него будет верный, хотя, впрочем, весьма скудный кусок хлеба.

Еще одна просьба. Гоголь в самом стесненном положении: взял из института сестер, а маленькое именьице, какое у него было, пропадает. Ему нужно 4000 рублей. Я хотел было их собрать, но это не удается. Не можете ли меня *ссудить* этою суммою? Я перешлю ее Гоголю, а Вам заплачу, когда это мне будет удобно, впрочем в течение года или через год. От Вас же самих помощи не прошу, ибо знаю, что Вы бы охотно помогли, но что этого теперь нельзя сделать: слишком много других расходов»[1].

Просьба Жуковского сначала вызвала недоразумение. Наследник решил, что Жуковский просит для Гоголя четыре тысячи рублей и назначал вместо этой суммы две[2].

С просьбой о ссуде четырех тысяч рублей ассигнациями для помощи Гоголю Жуковский обратился к Наследнику после получения письма Гоголя, отправленного 7–8 января 1840 г.[3] Возможно, ускорить дело Жуковского побудило новое послание Гоголя, переданное прибывшим тогда в Петербург М. П. Погодиным[4]. В новом послании Гоголь писал: «Письмо мое передаст Погодин». Здесь Гоголь вновь благодарил Жуковского за хлопоты по изданию сочинений[5]: «Что я могу написать к вам! Благодарить только вас за ваши заботы, за ваше редкое

участие», – и здесь же напоминал: «...Как, где найти средства! Думаю и ничего не могу придумать». – Далее Гоголь намекает (впервые в своих письмах) на возможность получения им места конференц-секретаря в Риме при только что назначенном туда инспектором русских художников П. И. Кривцове: «Неужели мне не могут дать какого-нибудь официального поручения... Неужели меня не могут приклеить и засчитать в какую-нибудь должность. Ведь всё же таки в Риме можно чем-нибудь быть полезным. Как бы то ни было, ведь всё же тут огромная, великая часть искусства, которая должна бы войти сколько-нибудь в деловой круг наш, и я бы тут мог быть полезным в отношении художеств». К этой мысли Гоголь вновь обратится в письме к В. А. Жуковскому от 3 мая 1840 г.[6]

В 1854 г. С. Т. Аксаков замечал: «Кривцов был назначен в Рим вроде какого-то попечителя и оффициальным ходатаем всех русских художников, там живущих. Гоголь хотел быть его помощником, которому предполагали определить жалованья слишком две тысячи рубл<ей> асс<игнациями>»[7].

[1] Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 50.

[2] См. ***1840. Января 13–14. Суббота-воскресенье. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1840. Января первые числа. Санкт-Петербург***; ***1840. Января 7–8. Воскресенье-понедельник. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1840. Января около 11. Москва.***

[5] Ср. ***1840. Января первые числа. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1840. Февраля 1. Четверг. Москва*** (примечания).

[7] *Аксаков С. Т.* Из истории нашего знакомства с Гоголем <1832–1840 гг.>. <Выписки рукою П. А. Кулиша>. <Конец ноября – начало декабря 1854 г.> // *Свод.* Т. 2. С. 657.

ЯНВАРЯ 13–14. СУББОТА-ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. А. Жуковский отвечает Наследнику Александру Николаевичу[1]:

«За Розена целую Вашу благодетельную руку; Вы меня очень этим порадовали, и Вам самим хорошо быть благотворителем своих приближенных.

О Гоголе другое дело. Видно, вы не разобрали моего письма. Я не просил для него помощи, и было бы с моей стороны *несправедливо* просить ее, особливо такой большой, какую Вы назначили: ибо у Вас есть кому давать, и Вы уже раз помогли Гоголю[2] – довольно.

Еще менее просил я у Вас *ему* взаймы: это было бы с моей стороны *неприлично*. Я просил у Вас просто *взаймы* себе самому, как то было прежде, и Вы очень одолжите меня, если ссудите меня этими деньгами; а с Гоголем будут у меня свои расчеты. Эти деньги дам ему *от себя*, не вмешивая в это Вашего имени. Итак прошу Вас убедительно не давать в подарок назначенных Вами 2000 рублей; я решительно от этого отказываюсь, благодаря вас за доброе намерение, которое само по себе есть уже богатый подарок, мне сделанный, и прося покорно *ссудить* мою особу вышереченными 4000, кои нимало не потеряют своей натуры, если будут, принадлежа Вам, покоиться в моем кармане, откуда в свое время с торжеством возвратятся в прежнюю великокняжескую обитель»[3].

Вследствие просьбы Жуковского деньги для Гоголя, четыре тысячи рублей ассигнациями, были получены. Об этом Жуковский известил Гоголя в письме от 21 января 1840 г.[4]

Позднее, 12 февраля 1854 г., О. М. Бодянский записал в своем дневнике: «*12/II.* Кандидат нашего Университета по историко-филологическому факультету, бывший мой студент[5], в разговоре о переписке Гоголя с нашими писателями (по случаю "Опыта Биографии Гоголя", соч. Н. М. <П. А. Кулиша>, появившегося только что во 2-й книжке "Современника"), сообщил, что с писем Гоголя к матери и некоторым другим лицам Ш<евыре>в имеет лишь копии, но что подлинники все у матери; далее, что П<огоди>н охотно, кажется, передает К<улишу> переписку свою с Гоголем[6] и что он теперь разбирает еще кое-что из найденного вместе с "Остраницею"[7] в чемодане Гоголя[8], находившемся у Жуковского и переданного женой его А. П. Елагиной. "Мне передавали, – прибавил он, – что Жуковский в течение 4-х лет платил Гоголю по тысяче рублей сер<ебром> (ассигнациями. – *И. В.*), испросив на это согласия Наследника Государя, которому был эти деньги должен"[9]. Высокий пример с обеих сторон!»[10]

[1] Послание представляет собой ответ на письмо Наследника от 13 января 1840 г.

[2] Вероятно, ранее помощь была оказана Гоголю Наследником в конце 1838 – начале 1839 г., во время пребывания его в Риме вместе с Жуковским. Гоголь в то время, 29 декабря (н. ст.) 1838 г., прочел Наследнику «Женитьбу» (см. ***1838. Декабря 29 <17>. Суббота. Рим***).

[3] Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 51–52.

[4] См. ***1840. Января 21. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[5] Имеется в виду племянник Гоголя Н. П. Трушковский.

[6] В январе 1856 г. сорок девять писем Гоголя к М. П. и Е. В. Погодиным (47 и 2) 1832–1841 гг. опубликовал сам Погодин в «Москвитянине»: <*Погодин М. П.*> Письма Гоголя. К М. П. Погодину // Москвитянин. 1855. № 19 и 20. Октябрь (цензурное разрешение 19 янв. 1856). Кн. 1 и 2. С. 1–56. – По поводу откликов на эту публикацию М. П. Бибиков 19 апреля 1856 г. писал Н. А. Рамазанову: «...Ну не скотина ли безымянный критик С<анкт-Петербургских> Ведомостей! по поводу письма Гоголя к Погодину, вот, он говорит: Откуда такое безусловное благоговение Гоголя к Погодину, не кроется ли оно в том, что Погодин часто одолжал Гоголя деньгами? Гоголь впрочем очень хорошо знал, что ссуда денег не всегда признак любви и бескорыстного желания добра, под нею часто кроется задняя мысль, желание овладеть, для личных своих целей, волею и временем одолженного человека. – Это из рук вон низко! <...> спрашивается: с какого права этот господин вмешивается в дела, чисто партикулярные, двух приятелей? (а как Гоголь-то любил Погодина!) После этакой непристойной и бессердечной выходки всякое благородное, бескорыстное чувство позволяется печатно втоптать в говно. Да этот господин во сто раз несноснее желчного Белинского, озлобленного на весь мир бедностью и чахоткой. – Сам Белинский, не любивший ни Погодина, ни Шевырева, не решился б сказать такую гадость» (*Свод.* Т. 3. С. 572).

[7] Имеется в виду начало исторического романа Гоголя «Гетьман» (1833). Н. П. Трушковский, впервые опубликовавший это незавершенное произведение в пятом томе «Сочинений Н. В. Гоголя» (СПб., 1856) и назвавший его «Отрывок неизвестной повести», сообщал: «Этот черновой отрывок хранился в числе бумаг, оставленных Гоголем у В. А. Жуковского, и доставлен нам его супругою». И. С. Аксаков, побывавший в Васильевке 2 июля 1854 г., сообщал родным в Москву (в письме из Ромен от 4 июля): «От Авдотьи Петровны Елагиной он <Н. П. Трушковский> получил чемодан Николая Васильевича, хранившийся у Жуковского. Там, кроме книг, есть письма к Гоголю от разных лиц, в том числе чисто семейные – от матери его, и рукопись черновая одной главы из романа: “Остраница”, которую очень трудно разобрать. Трушковский намерен разобрать и переписать ее. Впрочем, Елагины ему говорили, что они разобрали. Этот роман принадлежит к молодым произведениям Гоголя» (Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 938).

[8] См. также ***1839. Сентября 29. Пятница. Москва***; ***1840. Апреля 13. Великая суббота. Москва.***

[9] Возможно, об этом сообщала А. П. Елагина, через которую Жуковский отправлял тогда письма к Гоголю (см. ***1840. Января 8. Понедельник. Москва***; ***1840. Января 21. Воскресенье. Санкт-Петербург***).

[10] Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1852–1856 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 235.

ЯНВАРЯ 21. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. А. Жуковский пишет А. П. Елагиной в Москву:

«Прошу вас вложенное письмо[1] доставить немедленно и сказать Гогольку, чтобы так же немедленно отвечал»[2].

Спустя некоторое время, около 26 января 1840 г., Елагина сообщала Жуковскому: «Гоголю письмо ваше отдала, и он обещал отвечать»[3]. Гоголь отвечал Жуковскому 1 февраля 1840 г.[4]

[1] Не сохранилось. Речь в письме шла о полученных Жуковским для Гоголя от Наследника Александра Николаевича 4000 рублях ассигнациями (см. ***1840. Января 13–14. Суббота-воскресенье. Санкт-Петербург***).

[2] Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 52.

[3] Гоголь в письмах А. П. Елагиной // *Свод.* Т. 2. С. 131.

[4] См. ***1840. Февраля 1. Четверг. Москва.***

ЯНВАРЯ 23. ВТОРНИК. МОСКВА

Н. А. Маркевич[1] записывает в дневнике:

«*Генварь 1840. 23.* Знакомство с Верстовским[2]. <...> Разговор с Гоголем. <...> Собирались с Верстовским писать оперу “Страшная месть”»[3].

На следующий день Маркевич записал: «С утра на репетиции “Вадима”[4] и “Аскольдовой могилы”[5]. Толкование о будущей опере: “Страшная месть”[6]. Я пишу либретто, Верстовский – партитуру»[7].

[1] Николай Андреевич Маркевич (1804–1860), историк и поэт.
[2] Алексей Николаевич Верстовский (1799–1862), композитор.
[3] Гоголь в дневнике Н. А. Маркевича // *Свод.* Т. 2. С. 152.
[4] Опера А. Н. Верстовского «Вадим, или Двенадцать спящих дев» (1832; текст С. П. Шевырева).
[5] Опера А. Н. Верстовского «Аскольдова могила» (1835; сюжет М. Н. Загоскина).
[6] Замысел остался неосуществленным.
[7] Гоголь в дневнике Н. А. Маркевича // *Свод.* Т. 2. С. 152.

ЯНВАРЯ 25. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголь в письме к М. П. Погодину в Петербург[1] сообщает, что нуждается в скорейшем отъезде в Рим, спрашивает о его делах, просит отправить прилагаемые письма (не сохранились):

«Одно можешь сам отдать Одоевскому[2] и от него получить небольшую посылочку, которую привезешь мне».

В тот же день, 25 января 1840 г., Гоголь в письме к матери в Васильевку приглашает ее приехать вместе с А. С. Данилевским в Москву. Сообщает, что пригласил в наставники к сестрам архимандрита Макария (Глухарева)[3]:

«Я им доставил общество не шумное и рассеянное, но тихое и приятное, которое бы действовало на их нравственность. К счастию моему, сюда приехал архимандрит Макарий – муж, известный своею святою жизнью, редкими добродетелями и пламенною ревностью к вере. Я просил его, и он так добр, что, несмотря на неименье времени и кучу дел, приезжает к нам и научает сестер моих великим истинам христианским. Я сам по нескольким часам останавливаюсь и слушаю его, и никогда не слышал я, чтобы пастырь так глубоко, с таким убеждением, с такою мудростью и простотою говорил».

Судя по воспоминаниям Елисаветы Васильевны, уроки архимандрита Макария не произвели такого же глубокого впечатления на сестер Гоголя[4]. Елисавета Васильевна вспоминала: «К нам два раза приходил миссионер, приехавший издалека и всеми уважаемый в Москве. Он приезжал искать себе спутников или спутниц, чтобы проповедовать христианскую веру. Брат его просил быть у нас и наставить нас на путь истинный; нам очень не нравилось это, но что же делать, надо было повиноваться, сидеть с наклоненными головами и говорить про себя: “помилуй мя, Боже!”; он же по слабости и старости засыпал и забывал об нас, у нас же шеи разболелись, и я, видя, что он уснул, подняла голову. Анет потихоньку взглянула на меня, и мы расхохотались, что его пробудило; а может, он так был прогружен в духовные мысли. Он нам говорит: “Ничего, соблазнил лукавый, продолжайте опять, нагните головки”. Наконец у нас начали заты<лки> и виски болеть, мы расплакались. Он приписал это умилению и везде расхваливал нас, так что раз за нами прислана была зимняя карета от какой-то дамы Глебовой, незнакомой, брат отказался болезнию, нам же сказал ехать, и нам ужасно не хотелось ехать, но нечего делать, надо было послушаться. Нас лишь занимало знать, куда нас везут, кто эта дама, хорош ли у нее дом, судя по экипажу, должно быть, богатая, чудесная карета с форейтором и человек в богатой ливрее, наконец, подъезжаем к двухэтажному

дому, человек указывает нам, куда идти, входим в гостиную, где сидят несколько дам старушек, и между ними О<тец> Макарий читает вслух Евангелие. Одна из старушек подошла к нам, пожилая девушка Глебова, указала нам места, и чтение продолжалось. Для нас это был большой шаг в первый раз выехать одним в незнакомое общество, когда мы были так застенчивы и так молоды. Потом пошли обедать, и мы, помню, ели; после обеда Анет имела смелость сама подойти к хозяйке дома и просить нас отправить. После мы узнали, что О<тец> Макарий нас так расхвалил, что мы плакали от умиления, что <*2 нрзб.*> мы присутствовали при его чтении»[5].

От преподобного Макария Гоголь мог услышать о преподобном Серафиме Саровском (1759–1833)[6]. 22 июня 1847 г. архимандрит Порфирий (Успенский), узнав о кончине о. Макария, писал А. С. Стурдзе из Петербурга: «Наставник мой и благовестник Евангелия, о. архимандрит Макарий внезапно преставился в небесный Сион! <...> Согретый его духовным светом и теплотою, я поступил в С.-Петербургскую академию в августе 1825 года. <...> ...Этот Глухарев многим дал слышание истины Божией. <...> ...Он подвизался на поприще учительства и инспекторства в Екатеринославской семинарии и оттуда переведен был ректором в Костромскую семинарию (в 1821 году, если не изменяет мне память). Здесь, по слову Господню, он творил и учил до конца 1824 года. Потом сей преподобный муж покоился в разных обителях российских (в Киеве, в Саровской пустыни) тем покоем, во время которого дух его весь погружен был в Боге и от Бога приял <в 1829 г.> повеление идти на проповедь к языку, седящему во тьме и сени смертной, и крестить его во имя Отца и Сына и Св. Духа. Благовестнические подвиги его вам известны»[7].

Кроме того, во время общения с преподобным Макарием Гоголь, возможно, познакомился с его переводом Библии на русский язык (с древнееврейского)[8]. В частности, реминисценцию перевода Книги св. пророка Исаии (именно этим переводом занимался в то время о. Макарий) можно усмотреть в следующих строках, появившихся тогда же в восьмой главе первого тома «Мертвых душ»: «Во время обедни у одной из дам заметили внизу платья такое руло, которое растопырило его на полцеркви, так что полицмейстер немедленно дал приказание подвинуть народ далее, то есть поближе к паперти, чтобы [дать надлежащее место] не мог как-нибудь измяться туалет»[9]. Нелепость и неуместность наряда светской дамы, заполнившей собою «полцеркви», с очевидностью являют себя именно в святом месте, пред Богом, «края риз» Которого наполняют «весь храм» (Ис. 6, 1). Ср. в переводе св. Макария: «В год смерти царя Озии, тогда я видел Господа, сидящего на престоле, Великого и Превознесенного; и длинное одеяние Его наполняло весь храм»[10] (Ис. 6, 1). (В этот же период Гоголь выражал недовольство увлечением его сестер нарядами, что, в свою очередь, нашло отражение в следующей, девятой главе первого тома поэмы[11].)

[1] См. ***1840. Января около 11. Москва.***

[2] См. ***1840. Января 4. Четверг. Москва.***

[3] Архимандрит Макарий (Глухарев, 1792–1847), известный миссионер Сибири, основатель Алтайской духовной миссии в Бийске; в 2000 г. причислен к лику святых. Память преподобного Макария Алтайского совершается 15/28 мая, а также 23 января / 5 февраля, в день празднования Собора Костромских святых. – См. также ***1845. Декабря 16 <28>. Воскресенье. Калуга.***

[4] См. ***1839 декабря 21. Четверг – 1840 апреля 27. Суббота. Москва.***

[5] Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 1. С. 184–185, 183–184.

[6] Подробнее см.: ***1842. Февраля 25. Среда. Москва.***

[7] Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Издание Императорской Академии наук, исполненное под ред. П. В. Безобразова на завещанные Академии епископом Порфирием средства. СПБ., 1910. Т. 2. С. 207–208.

[8] См. также ***1843. Февраля 3 <января 22>. Пятница. Рим*** (примечания).

[9] *Гоголь 1937–1952.* Т. 6. С. 464.

[10] Книга пророка Исаии. (Опыт переложения на русский язык). Алтайского миссионера Архимандрита Макария <Глухарева>. М.: В Университетской типографии (Катков и К°), 1863. С. 12.

[11] См. ***1839 декабря 21. Четверг – 1840 апреля 27. Суббота. Москва.***

ЯНВАРЯ 26. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

А. С. Данилевский навещает мать Гоголя, которая сообщает, что в Москву ехать не собирается.

См. ***1840. Января 27. Суббота. Семереньки.***

ЯНВАРЯ 27. СУББОТА. СЕМЕРЕНЬКИ

А. С. Данилевский сообщает М. П. Погодину в Москву о своем визите к М. И. Гоголь и о материальном положении ее семьи.

«Вчера я от его <Гоголя> маменьки. Она в Москву не будет[1]. Об этом, конечно, он уже известен <...> Не пускайте от себя Гоголя и упросите его приехать в Малороссию повидаться с матерью[2] хоть на несколько недель. Если б он знал, как она его любит! <...> Экономические дела Гоголевой матери не так плохи, как он себе воображает. Есть долг на имении, но этот долг пустой и то не на всем. Теперешний год труден для всех, недостаток хлеба и бедность дают себя чувствовать жестоко. Крестьяне не имеют ничего, помещики почти тоже, и вся ответственность лежит на последних. Цены на хлеб растут, чем далее, тем более»[3].

Свод. Т. 1. С. 493.

[1] М. И. Гоголь приехала в Москву с младшей дочерью Ольгой позднее, в начале апреля 1840 г. (см. ***1840. Апреля не позднее 7 – апреля 27. Суббота. Москва***).

[2] 29 декабря 1839 г. Гоголь отправил А. С. Данилевскому письмо, где замечал: «Я не буду в Малороссии и не имею никакой возможности сделать. Но желая исполнить сыновний долг, то есть доставить случай маминьке меня видеть, приглашаю ее в Москву, на две недели».

[3] Подробнее о материальном положении семьи Гоголей в этот период см.: *Назаревский.* С. 315–357.

ЯНВАРЬ. МОСКВА

Гоголь в письме к В. О. Балабиной благодарит ее за «приют», доставленный в Петербурге его сестрам Анне и Елисавете[1]. Пишет, что с нетерпением ждет отъезда в Рим:

«...Существование мое так пошло! какое-то бесчувственно-страдательное оцепенение нашло на меня. Много, много горя! и может быть, большое количество его навело на меня это деревянное беспамятство. – Жду и не дождусь времени отъезда моего в Рим. Там только измученная душа моя найдет успокоение».

Позднее, 22 марта 1842 г., Гоголь писал матери из Москвы: «...Мной овладело то тягостное и тоскливое состояние духа, которое и прежде, и в первый мой приезд в Россию, мной было овладело».

[1] См. ***1839. Ноября 19 – декабря 17. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 30. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Кончина И. И. Козлова.

ФЕВРАЛЯ 1. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголь пишет М. П. Погодину в Петербург:

«Жуковский достал для меня денег 4000[1]. Я просил его, чтобы передал он тебе, и ты уже привез бы их ко мне».

В письмо была вложена расписка:

«От Погодина[2] Жуковского четыре тысячи получил. Н. Гоголь. 1 генваря <февраля>[3] 1840».

Кроме расписки, Гоголь приложил к письму Погодину ответное[4] послание самому В. А. Жуковскому, в котором сообщал:

«Я получил ваше письмо, в нем же радостная весть моего освобождения. – Рим мой! <...> А о благодарности нечего и говорить: вы понимаете, как она должна быть сильна. – Что я употреблю всё, вы этому должны поверить потому, что я для этого живу и существую, и, даст Бог, выплачу мой долг. Деньги отправьте или с Тургеневым, или еще лучше передайте Погодину, который теперь в Петербурге и который мне их передаст и привезет. У ваших теперь не случилось».

Последняя фраза письма указывает на то, что Жуковский, по-видимому, предлагал Гоголю, взамен полученных для него в Петербурге 4000 рублей, взять эти деньги у Киреевских, родственников Жуковского.

Деньги были переданы Гоголю с возвращением Погодина в Москву[5]. Гоголь вернул долг Жуковскому в 1843 г.[6]

Откуда Жуковским в 1840 г. было получено 4000 рублей, Гоголь, вероятно, в то время не узнал. Спустя два месяца, стремясь упрочить свое положение в Риме и расплатиться с долгами, Гоголь вновь обратился с просьбой к Жуковскому доставить ему место конференц-секретаря в Риме при только что назначенном туда инспектором русских художников П. И. Кривцове[7]. «...Тогда мне, может быть, – писал Гоголь Жуковскому 3 мая 1840 г., – дадут рублей 1000 серебром жалованья. <...> Вы можете это <...> представить Государю Наследнику и расположить его в мою пользу...»[8] Подробнее об этих планах Гоголь 25 июня (н. ст.) 1840 г. сообщал также П. А. Плетневу из Вены[9]. (9 августа 1840 г. Плетнев, со своей стороны, известил об этом Жуковского[10].) См. также письма Гоголя из Рима к М. П. Погодину от 29 октября (н. ст.) 1840 г.[11], к Плетневу от 30 октября (н. ст.) 1840 г.[12], к С. Т. Аксакову от 28 декабря (н. ст.) 1840 г.[13]

Получить место при Кривцове Гоголю, однако, не удалось. По его словам в письме к А. А. Иванову от 20 сентября (н. ст.) 1841 г. из Ганау[14], вместо должности секретаря Кривцов предложил Гоголю через Жуковского место «библиотекаря еще покамест не существующей библиотеки»: «Я, однако же, как вы сами догадаетесь, за место поблагодарил, сказавши, что хотя бы Кривцов предложил мне и свое собственное место, то и его бы не взял, по причине других дел и занятий».

В ноябре 1852 г. П. А. Кулиш записал: «Место попеч<ителя> художн<иков>, которое потом занимал Кривцов. Оно давало 3000 р<ублей> ассигн<ациями>. Помощника Кривцова»[15].

[1] См. ***1840. Января 21. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] «Погодина» вписано.

[3] Ошибочное обозначение месяца на расписке – «генварь» вместо февраля – либо обычная для Гоголя в его корреспонденции описка (см. коммент. в изд.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 11. С. 404, 423, 436–437), либо Гоголь намеренно датировал расписку задним числом, имея в виду то, что деньги были получены Жуковским в январе 1840 г.

[4] См. ***1840. Января 21. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1840. Февраля вторая половина. Москва.***

[6] См. ***1843. Апреля 17 <5>. Великий понедельник. Рим.***

[7] См. также ***1840. Января около 13. Санкт-Петербург*** (примечания). – Жена П. И. Кривцова, Елизавета Николаевна Кривцова (рожд. княжна Репнина-Волконская) была родной сестрой знакомой Гоголя княжны В. Н. Репниной-Волконской и родственницей бывшей ученицы Гоголя М. П. Балабиной (в замужестве Вагнер). Княгиня Е. П. Репнина-Волконская (рожд. Балабина), родная сестра М. П. Балабиной, была замужем (с 12 ноября 1837 г.) за братом Е. Н. Кривцовой князем В. Н. Репниным-Волконским. Возможно, именно Е. Н. Кривцову имел в виду Гоголь, сообщая в апреле 1838 г. М. П. Балабиной из Рима: «Нужно вам знать, что я приехал совершенно один, что в Риме я не нашел никого из моих знакомых. Ваша сестрица оставалась еще во Флоренции» (см. ***1837 ноября не позднее 30 <не позднее 18> – 1838 июля начало <июня вторая половина>. Рим***).

[8] См. ***1840. Мая 3. Пятница. Москва.***

[9] См. ***1840. Июня 25 <13>. Четверг. Вена.***

[10] См. ***1840. Августа 9 <21>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[11] ***1840. Октября 29 <17>. Четверг. Рим.***

[12] ***1840. Октября 30 <18>. Пятница. Рим.***

[13] ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[14] См. ***1841. Августа около 26 <около 14>. Дюссельдорф, Франкфурт.***

[15] Воспоминания о Гоголе С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, О. М. Бодянского в записи П. А. Кулиша (из материалов для биографии Гоголя) // *Свод.* Т. 3. С. 36.

ФЕВРАЛЯ 3. СУББОТА. МОСКВА

Приезд в Москву О. Сем., В. С. Аксаковых[1] и С. А. Самборской. Гоголь обедает у Аксаковых.

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Они воротились, кажется, 2-го или 3-го февраля, вероятно, в субботу[2], потому что у нас обедал Гоголь и много гостей. <...> ...Когда начал он читать нам "Мертвые души", т<о> е<сть> которого именно числа[3], письменных доказательств нет. Легко может быть, что он читал один или два раза по возвращении нашем из Петербурга, от 23 декабря до 2-го января, потому что в письмах Веры к Машеньке Карташевской <есть> известие, от 14-го февр<аля>[4], что мы слушали уже итальянскую его повесть ("Ан<н>унциату")[5] и что 6-го марта Гоголь прочел нам уже 4-ую главу[6] "Мертвых Душ"»[7].

В тот же день, 3 февраля 1840 г., вышли в свет «Прибавления к № 10 Московских Ведомостей», с объявлением о бенефисе М. С. Щепкина, назначенном на пятницу 9 февраля 1840 г., на котором впервые должна была быть представлена комедия Мольера «Сганарель, или Мнимый рогоносец» (бенефис не состоялся)[8].

Перевод комедии был выполнен друзьями М. С. Щепкина Т. Н. Грановским и Н. Х. Кетчером и обработан Гоголем в конце 1839 г. во время его пребывания в Москве. В то время Гоголь общался с Щепкиным лично, поэтому никаких упоминаний об этой работе в переписке Гоголя нет (за исключением слов о «двух пиесах» для бенефисов Щепкина – под одной из которых подразумевался, вероятно, «Сганарель» – в письме к актеру от 10 сентября (н. ст.) 1840 г. из Венеции[9]).

А. Н. Афанасьев в 1852 г., после смерти Гоголя, со слов М. С. Щепкина, записал: «Для Щепкинского бенефиса друзья его (Грановский[10] и Кетчер) перевели Сганареля (Мольеровскую пиесу "Мнимый рогоносец") – и Гоголь ее всю исправил, переделавши почти всякую фразу»[11]. (В 1864 г. эти сведения были опубликованы: «...Когда друзья М<ихаила> С<еменови>ча перевели для него из Мольера комедию "Мнимый рогоносец", Гоголь взялся исправить этот перевод и переделал почти каждую фразу»[12].)

В 1872 г. В. И. Родиславский также писал: «Щепкин постоянно хотел иметь для своих бенефисов Мольеровы комедии; поэтому некоторые из близких ему людей, желая ему угодить, задумали перевести целой компанией Мольерова *Сганареля.* К этой компании присоединился Гоголь и на него возложилась редакция перевода. Таким образом явился перевод комедии Мольера *Le Cocu imaginaire,* под заглавием *Сганарель, или муж, думающий, что он обманут женой.* Говорят, редактируя перевод компании, Гоголь почти совершенно его переделал и даже странное заглавие: *Муж, думающий, что он обманут женой* было написано им. Многие оспаривали такое заглавие, но Гоголь настоял, и оно было удержано. Перевод этот был объявлен 9-го февраля 1840 года в бенефис Щепкина, <...> но в бенефис Щепкина, 9-го февраля 1840 перевод этот не шел (если не ошибаемся, был отменен весь бенефис) и *Сганарель* в этом переводе дан на Московской сцене в первый раз в том же году 4-го октября, в бенефис Никифорова[13], с некоторыми уже изменениями в распределении ролей[14]. <...> Перевод этот не долго продержался на Московской сцене, он был дан всего раза три... <...> Перевод этот, сделанный Гоголем, прозаический. Он очень неровен, а местами и неразговорен.

Видно, перевод компании был таков, что хотя даже по нем прошлась и рука Гоголя, но все-таки не могла сгладить всех его шероховатостей»[15].

[1] Ср. ***1840. Января 2. Вторник. Москва.***

[2] 3 февраля 1840 г.

[3] Первую главу «Мертвых душ» Гоголь прочел у Аксаковых 14 октября 1839 г. (см. ***1839. Октября 14. Суббота. Москва***); 23 декабря 1839 г. он прочел у Аксаковых вторую и третью главы поэмы (см. ***1839. Декабря 23. Суббота. Москва***).

[4] См. ***1840. Февраля 4. Воскресенье. Москва.***

[5] Чтение задуманного Гоголем весной 1838 г. или зимой 1838/39 г. в Риме романа «Аннунциата» (первоначальное название «Мадонна дей Фьори») состоялось 4 февраля 1840 г. (см. ***1840. Февраля 4. Воскресенье. Москва***). Отрывок из этого романа, под названием «Рим», был опубликован в 1842 г.

[6] См. ***1840. Марта 6. Среда. Москва.***

[7] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 689–690.

[8] См.: <Объявление газеты «Московские Ведомости» от 3 февраля 1840 г. о постановке комедии «Сганарель» Мольера> // *Свод.* Т. 2. С. 153.

[9] См. ***1840. Сентября 10 <августа 29>. Четверг. Венеция.***

[10] См. ***1840. Февраля 21. Среда. Москва.***

[11] *Афанасьев А. Н.* Отрывки из моей памяти и переписки // *Свод.* Т. 2. С. 26.

[12] *Афанасьев А. Н.* М. С. Щепкин и его записки // *Свод.* Т. 2. С. 24.

[13] Николай Матвеевич Никифоров (1805–1881), артист московской труппы Императорских театров.

[14] Спустя несколько дней комедия была представлена на сцене Большого театра: «Октября <...> 15. Бол<ьшой> т<еатр>. Сганарель, ком<едия> в 1 д<ействии>; Полюбовная сделка, вод<евиль> в 1 д<ействии>; Неожиданная семья, вод<евиль> в 1 д<ействии>, дивертис<мент>» (Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, с 1 октября по 1 декабря <ноября> 1840 года // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песоцким, на 1840 год. СПб., 1840. Т. 2 / Приложения к Репертуару Русского Театра. № 2. 1840 (цензурное разрешение 24 октября 1840). Кн. 11. <Отд. 2>. С. 1).

[15] *Родиславский В. И.* Мольер в России // *Свод.* Т. 2. С. 154.

ФЕВРАЛЯ 4. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Гоголь читает С. Т. Аксакову «главу из итальянской повести».

Речь идет о задуманном Гоголем весной 1838 г. или зимой 1838/39 г. в Риме[1] романе «Аннунциата» (первоначальное название «Мадонна дей Фьори»[2]; отрывок из этого романа, под названием «Рим», был опубликован в 1842 г.).

На следующий день, 5 февраля 1840 г., С. Т. Аксаков сообщал сыновьям Григорию и Ивану в Петербург: «Вчера вечером вдруг упал ко мне, как с неба, — а просто сказать — с званного обеда — Гоголь (я же его поутру и упросил ехать туда вместе с Армфельдом) и прочел первую главу из итальянской повести... Прелесть, очарование!.. Вот что истина! Вот во что должны были обратиться победители-римляне... Это так! Это те же самые огненные стихии, на которых была основана слава победителей света... А близорукие историки, тупорылые ученые ничего не поняли в этой куче сора, грязи и обломков»[3].

Спустя еще несколько дней, 14 февраля 1840 г., В. С. Аксакова, в свою очередь, сообщала М. Г. Карташевской: «Я не помню статьи Гоголя, о которой ты говоришь, непременно прочту ее. Гоголь у нас недавно читал отрывок из своей итальянской повести, но только мужчинам, а мы не слыхали»[4].

[1] См. ***1838. Февраля 26 <14>. Понедельник. Рим***; ***1838. Марта 15 <3>. Четверг. Рим***; ***1838. Апреля 15 <3>. Суббота. Рим***; ***1838. Апреля 23 <11>. Понедельник. Рим***; ***1838. Апреля 28 <16>. Суббота. Рим***; ***1838. Июня 14 <2>. Четверг. Католический праздник Тела Господня. Дженцано, Рим***; ***1838. Июня 30 <18>. Суббота. Рим***; ***1838 ноября 15 <3>. Четверг — 1839 июня средина <июня начало>. Рим***; ***1838. Ноября 19 <7>. Понедельник. Рим***. — См. также ***1837. Января 25 <13>. Среда. Париж***; ***1837. Марта средина <марта начало>. Бра***; ***1837. Июня 3 <мая 22>. Суббота. Рим***.

[2] См. ***1837. Марта средина <марта начало>. Бра***; ***1839. Марта 10 <февраля 26>. Воскресенье.***

[3] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 579.

[4] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 807.

ФЕВРАЛЯ 9. ПЯТНИЦА. МОСКВА

«Февр<аля> <...> 9 <1840>. Бол<ьшой> т<еатр>. Последнее прости, др<ама> в 2 д<ействиях>; Украинская Невеста, вод<евиль> в 1 д<ействии>; Ехал да не доехал, вод<евиль> в 1 д<ействии>; Москаль-Чаривник, оп<ера> в 1 д<ействии>; Дивертисмент. (Бенефис г. Щепкина)»[1].

В тот же день В. П. Боткин в письме от 9–12 февраля 1840 г. сообщал В. Г. Белинскому в Петербург:

«...Кстати о Гоголе, – Кирюша[2] познакомился с ним, – и Гоголь его оценил и полюбил. Он обещает ему непременно, что Брюллов примет его к себе учеником и возьмет в Италию, а Брюллова на днях ждут сюда. Ты можешь себе вообразить, что даст Кирюше знакомство и разговоры с Гоголем, а особенно рассказы Гоголя об Италии и итальянских школах живописи, которые, видно, Гоголь пристально изучал, – дай Бог, если б пришлось Кирюше поскорее убраться отсюда, – только там свободно могли бы развернуться крылья его»[3].

Спустя десять дней, 19 февраля 1840 г., Белинский в письме от 18–20 февраля 1840 г. отвечал Боткину из Петербурга: «Я очень рад за Кирюшу, что он так хорошо познакомился с Гоголем. Тем не менее, его надежды на Брюллова едва ли сбыточны. Вы ждете Брюллова на днях в Москву, а он и не думает ехать, и, говорят, пьет мертвую. Это обыкновенное явление в Питере, не как в Москве. Кукольник пьяница, Глинка пьяница, Брюллов тоже. После развода с женою[4] он, говорят, ничего не делает и только пьет»[5].

[1] Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, с 1 по 25 февраля 1840 года // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песоцким, на 1840 год. СПб.: В типографии А. А. Плюшара, 1840. Т. 1. Кн. 3. <Отд. 2>. С. 1.

[2] Кирилл Антонович Горбунов (1822–1893), крепостной художник. В неизданном письме к А. П. Елагиной от 13 января 1842 г. К. А. Горбунов писал, что «советом и мнением» Гоголя он «чрезвычайно дорожит» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 584; *Свод.* Т. 2. С. 808). – См. также ***1840. Марта 8. Пятница. Москва***.

[3] Из писем В. П. Боткина // *Свод.* Т. 3. С. 292.

[4] К. П. Брюллов женился на Эмилии Карлотте Катарине Тимм, которая была на 22 года младше жениха. Она была дочерью рижского бургомистра Г. Ф. Тимма, который в 1836–1839 гг. был направлен в Комитет редакции законов для Остзейских губерний и жил с семьей в Петербурге. Брат Эмилии, В. Ф. Тимм, был учеником Академии художеств. Венчание состоялось 27 января 1839 г. Причиной разрыва, окончившегося бракоразводным процессом в 1841 г., была супружеская неверность. «“Юное очаровательное создание”, ставшее спутником жизни прославленного русского живописца, оказалось глубоко порочным существом. Эмилия Карлотта состояла в интимной связи с одним из своих ближайших родственников и не пожелала разорвать эту связь даже после брака. Брюллов, видимо, узнал о порочных наклонностях своей невесты еще до брака, и свадьба чуть было из-за этого не расстроилась, но слезы и клятвы Эмилии Карлотты и давление ее родственников сделали-таки свое дело. Супружеский союз художника с дочерью рижского бургомистра продолжался чуть более месяца, которых было достаточно, чтобы Брюллов убедился, что его жена неисправима. Карл Павлович тяжело переживал эту скандальную историю, повредившую его репутации. В своем письме министру императорского двора П. М. Волконскому и начальнику III Отделения А. Х. Бенкендорфу он писал: “Я расскажу... со всею откровенностью историю моей несчастной женитьбы... Я познакомился с Эмилией Тимм, дочерью рижского адвоката, приехавшего сюда по делам своего города... Красота ее и талант сильно пленили меня. Я влюбился страстно в эту девушку. Родители ее, в особенности отец, тотчас составили план женить меня на ней... Девушка <так> искусно играла роль влюбленной, что я не подозревал обмана... Между нами последовал разрыв. Родители девушки и их приятели оклеветали меня в публике, приписав причину развода совсем другому обстоятельству... Я так сильно чувствовал свое несчастье, свой позор, разрушение моих надежд на домашнее счастье... что боялся лишиться ума”» (*Бочаров И. Н., Глушакова Ю. П.* Итальянская

пушкиниана. М., 1991. С. 69–70). После разрыва Э. Тимм уехала с родителями в Ригу. Впоследствии вышла замуж за сына Н. И. Греча, Алексея.

[5] Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 251.

ФЕВРАЛЯ 12. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь на вечере у П. Я. Чаадаева.

В этот день А. И. Тургенев отметил в дневнике: «К Чаадаеву: там <Н. Ф.> Павл<ов>, <М. Ф.> Орл<ов>, Корсак<ов>[1], <И. В.> Киреев<ский>, Жихарев[2] (племян<ник> Чаад<аева>), Гогель»[3].

Из «Воспоминаний о П. Я. Чаадаеве» (1856) Д. Н. Свербеева: «...Чаадаев сам заискивал знакомства с известными чем-либо иностранными путешественниками и заботился, чтобы их у него видели; не менее старался он сближаться и с русскими литературными и другими знаменитостями. Я помню, как, давно уже, ленивый и необщительный Гоголь, еще до появления своих Мертвых Душ, приехал в одну середу вечером к Чаадаеву[4]. Долго на это он не решался, сколько ни упрашивали общие приятели упрямого малоросса; наконец он приехал и, почти не обращая никакого внимания на хозяина и гостей, уселся в углу на покойное кресло, закрыл глаза, начал дремать и потом, прохрапев весь вечер, очнулся, пробормотал два-три слова в извинение и тут же уехал. Долго не мог забыть Чаадаев такого оригинального посещения, и конечно, оно вспомнилось ему при чтении Гоголя, а может быть, и при суждении о его произведениях[5]»[6].

[1] Петр Александрович Корсаков (1790, по др. сведениям около 1787 — 11 апреля 1844), переводчик, драматург, критик, цензор, в 1840–1841 гг. один из редакторов журнала «Маяк».

[2] Степан Петрович Жихарев (1788–1860), мемуарист, переводчик, драматург.

[3] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 77.

[4] Визит Гоголя к П. Я. Чаадаеву состоялся в понедельник 12 февраля 1840 г. (см. выше дневниковую запись А. И. Тургенева).

[5] См. письмо П. Я. Чаадаева к князю П. А. Вяземскому от средины марта 1847 – весны 1848 гг. (***1847. Апреля 29 <мая 11>. Вторник. Москва***).

[6] *Свербеев Д. Н.* Воспоминания о Петре Яковлевиче Чаадаеве // *Свод.* Т. 3. С. 844.

ФЕВРАЛЯ 12. ПОНЕДЕЛЬНИК. КИЕВ

Цензурное разрешение первого выпуска альманаха М. А. Максимовича «Киевлянин», где, в частности, опубликованы «Малороссийские рассказы» П. А. Кулиша (С. 205–228; с датой: «1839 г.») — будущего биографа Гоголя.

ФЕВРАЛЯ 16. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь у Д. Н. и Е. А. Свербеевых[1].

В тот же день А. И. Тургенев отметил в дневнике: «Возвратился к Сверб<еевым>: там <А. С.> Хомяков, <Н. Ф.> Павлов, Гогель, <И. В.> Киреевский. Опять ссоры. Сверб<еев>а умно вмешалась: сравнил ее с Рекамье[2]»[3].

[1] Екатерина Александровна Свербеева (1808–1892), дочь генерал-майора князя Александра Федоровича Щербатова (1772–1817) и княгини Варвары Петровны Щербатовой (рожд. княжны Оболенской, 1774–1843), жена Д. Н. Свербеева.

[2] Юлия Аделаида Рекамье (1777–1849), хозяйка литературного салона, в котором бывал А. И. Тургенев (см. ***1845. Января 14 <2>. Вторник. Париж***).

[3] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод*. Т. 3. С. 77.

ФЕВРАЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА. МОСКВА

М. П. Погодин возвращается в Москву; привозит Гоголю деньги от В. А. Жуковского[1].

В эти дни М. П. Погодин сообщал М. А. Максимовичу: «Я только что воротился из Петербурга»[2].

[1] См. ***1840. Февраля 1. Четверг. Москва.***
[2] Из писем М. П. Погодина // *Свод*. Т. 2. С. 413.

ФЕВРАЛЯ 17. СУББОТА. МОСКВА

А. П. Елагина пишет В. А. Жуковскому в Петербург:

«Вчера, ко всем прочим горестям, легло у меня на сердце еще новое: Гоголь просил меня взять его бедненьких сестер[1], а мне и некуда, и нечем. <...> ...Чтобы иметь возможность иметь каждому *свой* уголок в доме, нужен не такой дом, какой я нанять не в состоянии. Необходимость отказать ему и себе в счастии быть бедным Гоголицам полезной огорчает меня неизъяснимо; буду стараться поместить их у кого-нибудь доброго (напр<имер>, Кат<ерина> Фед<оровна> Муравьева[2]), но знаю, что у меня им было бы лучше, они нашли бы любовь и прямое участие. Ведь он Диканькин!»

Гоголь в письмах А. П. Елагиной // *Свод*. Т. 2. С. 131.

[1] Анну и Елисавету.
[2] Екатерина Федоровна Муравьева (рожд. баронесса Колокольцева, 1771 –21 апреля 1848), вдова поэта и государственного деятеля М. Н. Муравьев (1757–1807). Последний, по приглашению Екатерины II, с 1785 г. был воспитателем великих князей Александра и Константина Павловичей; преподавал им русскую словесность, русскую историю и так называемую «нравственную философию». В 1801 г. был назначен Императором Александром I статс-секретарем, в 1802-м – товарищем министра народного просвещения, в 1803-м – попечителем Московского университета. Покровитель Карамзина, под руководством которого в 1810 г. были изданы «Сочинения М. Н. Муравьева». В 1826 г. сыновья М. Н. и Е. Ф. Муравьевых Никита и Александр были осуждены на длительные сроки в каторжную работу (на 15 и 8 лет). После смерти в 1843 г. старшего из сыновей-декабристов, Н. М. Муравьева, Е. Ф. Муравьева воспитывала его дочь – свою внучку Е. Н. Муравьеву, страдавшую «ослаблением умственных сил» (Восстание декабристов. Материалы по истории восстания декабристов. Л., 1925. Т. 8. С. 358). – См. также ***1848. Июня 4. Пятница. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 18. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

А. И. Тургенев отметил в дневнике:

«...К Сверб<еевым> и к Елагиной, где и кончил вечер в споре с Хомяков<ым> и с <И. В.> Киреевским. Сверб<еева> просила за сестер Гогеля»[1].

Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод*. Т. 3. С. 77.

[1] Анну и Елисавету.

ФЕВРАЛЯ 19. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

А. И. Тургенев в записке к князю П. А. Вяземскому сообщает:

«Я был у княгини <Е. Н.> Мещерской. Гоголь в большом затруднении с сестрами. Нужно поместить их, а он горд, и в России талант его дохнет. Добрая Свербеева хлопочет, но придется приняться за Муравьеву»[1]. (Имеется в виду Е. Ф. Муравьева[2].)

В тот же день в своем дневнике Тургенев отметил:

«...Провел вечер у Мурав<ьевой>. Сорока-Уварова хочет печатать что-то; отсоветовал. О Гоголе и сестрах его, по поручению Сверб<еевой>»[3].

На следующий день, 20 февраля 1840 г., Тургенев вновь сообщал Вяземскому:

«A propos (между нами): Гоголь здесь очень в тонком[4] за сестер: не знает, что делать с ними, и в Москве ему не пишется. Хлопочет о их размещении по добрым людям; но жаль, что все одни и те же: Муравьева да Муравьева; а у ней и без того пансион сирот»[5].

[1] Из писем А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 86.
[2] См. о ней: ***1840. Февраля 17. Суббота. Москва***; ***1848. Июня 4. Пятница. Москва***.
[3] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 77.
[4] Так в публикации.
[5] Из писем А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 86.

ФЕВРАЛЯ 21. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь читал «Аннунциату» у Киреевских в присутствии Т. Н. Грановского, А. И. Тургенева и Е. А. Свербеевой.

В тот же день А. И. Тургенев отметил в дневнике: «...С Сверб<еевой> к *Киреевским*: там слышал статью Гогеля о римской Анунцияте: я бы не с этой стороны желал видеть и следить римлян и Рим. Конечно, и в этом много истины, но всеми ли истинами должно заниматься эстетическое чувство? – Устал, уехал»[1].

На следующий день, 22 февраля 1840 г., Грановский сообщал Н. В. Станкевичу: «Вчера была среда и чтение у Киреевских: читал Крюков[2], которого наконец допекли до того, что покаялся, – признаюсь, я от него не ожидал такой дельной статьи "Об отношении искусства к жизни". Но главное украшение вечера был отрывок из романа, еще не конченного, читанный Гоголем. Чудо. Действие происходит в Риме. Это одно из лучших произведений Гоголя, если только он доведет до конца так же хорошо. <...> Гоголь здесь давно: я его вижу раза два в неделю: он был у меня; но как человек он очень переменился. Много претензий, манерности, что-то неестественное во всех приемах. Талант тот же»[3].

Позднее, весной 1840 г., Грановский писал Я. М. Неверову: «Я подбиваю Ивана Киреевского издать альманах. У него все средства: связи со всем, что есть хорошего в нашей литературе. Я обещал с своей стороны дать ему историческую статью. Состоится ли предприятие – не знаю. Гоголь, вероятно, дал бы отрывок из своего романа[4]. Я слышал чтение нескольких глав – чудо! Также при мне читал он первую главу романа, взятого из итальянской жизни – Аннунчиата. Талант его еще выше стал. Вообрази, каковы наши книгопродавцы! Никто не купил строки у Гоголя»[5].

[1] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод*. Т. 3. С. 77.

[2] Дмитрий Львович Крюков (1809–1845), профессор римской словесности Московского университета.

[3] Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 383–384; см. также: Гоголь в письмах Т. Н. Грановского // *Свод*. Т. 2. С. 148.

[4] Имеются в виду «Мертвые души».

[5] Гоголь в письмах Т. Н. Грановского // *Свод*. Т. 2. С. 149.

ФЕВРАЛЯ 22. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

«Февр<аля> <...> 22. Бол<ьшой> т<еатр>. (Утрен<ний> спек<такль>). Ревизор, ком<едия>-вод<евиль> в 5 д<ействиях>»[1].

В тот же день А. И. Тургенев записал в дневнике:

«...К Сверб<еевой> и к Елагиной, где видел сестер Гогеля»[2].

Из воспоминаний сестры Гоголя Елисаветы: «Мы ездили с братом на литературные вечера к Хомяковым, Свербеевым, Елагиным, Киреевским, хотя ни слова не слышали и не понимали, что читали, – слишком серьезно для наших лет»[3].

[1] Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, с 1 по 25 февраля 1840 года // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песоцким, на 1840 год. СПб.: В типографии А. А. Плюшара, 1840. Т. 1. Кн. 3. <Отд. 2>. С. 2; *Гриц*. С. 272.

[2] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод*. Т. 3. С. 77.

[3] См. ***1839 декабря 21. Четверг – 1840 апреля 27. Суббота. Москва.***

ФЕВРАЛЯ ОКОЛО 22. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский пишет В. П. Боткину в Москву:

«Желал бы что-нибудь знать о Гоголе, да К. Аксаков не отвечает на мои письма – видно, сердится на меня[1] – что ж делать. Вполне понимаю страдания Гоголя и сочувствую им. Понимаю и его Sehnsucht[2] к Италии. Родная действительность ужасна. Будь у меня средства, я надолго бы раскланялся с нею. Это мой идеал счастия теперь. Кажется, что бы лучше, как, имея деревню и семейство, уйти в сферу природы и семейного благополучия, но и там найдет тебя предводитель, исправник, земский суд, русский поп, окончивший курс богословия, пьяный лакей, которого непременно надо бить по роже, чтоб он тебя не бил по роже. А там еще черт дернет подписаться на журналы – будешь видеть, как ерничает Сенковский и как <...> Полевой. Страшная и гадкая действительность!»

Из писем В. Г. Белинского // *Свод*. Т. 3. С. 251–252.

[1] См. ***1839. Ноября 25. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] Тоска (*нем.*).

ФЕВРАЛЯ 25. ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Февр<аля> <...> 25. Ал<ександринский> т<еатр>. Ревизор, ком<едия> в 5 д<ействиях>; Первое июля <в Петергофе>, шут<ка>-вод<евиль> в 1 д<ействии <П. А. Каратыгина>; Две женщины против одного Мужчины, вод<евиль> в 1 д<ействии>»[1].

В тот же день И. С. Аксаков в письме в Москву сообщает брату Константину:

«Панаев в восхищении: получили письмо Гоголя к Одоевскому[2]: он обещает прислать повесть в “Отечественные записки”[3] и просит, чтоб ему высылали “Отечественные записки” в Рим»[4].

[1] Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, с 1 по 25 февраля 1840 года // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песоцким, на 1840 год. СПб.: В типографии А. А. Плюшара, 1840. Т. 1. Кн. 3. <Отд. 2>. С. 3.

[2] Очевидно, речь идет о несохранившемся письме Гоголя к князю В. Ф. Одоевскому, о котором Гоголь упоминал в послании к М. П. Погодину от 25 января 1840 г. из Москвы в Петербург: «Пожалуйста, отправь эти письма. Одно можешь сам отдать Одоевскому и от него получить небольшую посылочку, которую привезешь мне» (см. ***1840. Января 25. Четверг. Москва***). См. также ***1840. Января 4. Четверг. Москва***.

[3] Обещание не было выполнено.

[4] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 905. – К отправлению из Москвы в Италию Гоголь стал готовиться с начала 1840 г., но выехал только 18 мая этого года (***1840. Мая 18. Суббота. Москва, Перхушково***).

ФЕВРАЛЯ 26. ПОНЕДЕЛЬНИК. НАЧАЛО ВЕЛИКОГО ПОСТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. А. Жуковский отвечает[1] А. П. Елагиной в Москву:

«То, что вы пишете мне о предложении, сделанном вам от Гоголя, сердит меня. Как можно сделать такое предложение! И чего доброго вы еще и согласитесь. Если это будет, то знайте, что рассержусь на вас не на шутку. Вы не должны соглашаться на такое предложение; это с вашей стороны будет слабость и неблагоразумие. А Гоголь часто капризный эгоист. Погодин требует, чтобы он у него оставил сестер своих[2]; Аксаков тоже ему предлагал. Нет, он хочет по-своему, и без всякой деликатности навязывает на вас, обремененных семейством и не богатых ни здоровьем, ни средствами для такого затруднительного дела. Это мне противно»[3].

[1] См. ***1840. Февраля 17. Суббота. Москва.***

[2] Анну и Елисавету.

[3] Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 53.

МАРТА 1. ПЯТНИЦА. МОСКВА

А. И. Тургенев записал в дневнике:

«...К Сверб<еевой> и к Елагиным; там спор с Хомяк<овым> и с Киреевс<ким> о праве естественном; с Сверб<еевой> о Гоголе».

Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод*. Т. 3. С. 77.

МАРТА 3. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Гоголь надписывает М. П. Погодину второе издание книги Ф. А. Гильтебрандта (1773–1845) «О средствах сберегать глаза и зрение до самой глубокой старости. Сочинение, изданное для народа Федором Гильтебрандтом» (М., 1819) (1-е изд. – М., 1804).

На авантитуле книге Гоголь написал: «Мои советы тебе не нравятся и труд мой тебе не дорог. Прочти[1] О СРЕДСТВАХ СБЕРЕГАТЬ ГЛАЗА И ЗРЕНИЕ и повторяй советы этого издания. Гоголь. 1840 г. Марта 3-го»[2].

Позднее, 29 октября (н. ст.) 1840 г., Гоголь, имея в виду какую-то свою размолвку с Погодиным (возможно, по поводу настойчивых просьб приятеля дать ему что-нибудь в будущий журнал[3]) писал ему из Вены: «Друг мой! <...> ты многого не понял в некоторых случаях во мне. Ты суровым упреком мужа встретил меня там, где расстроенная душа моя ждала участия нежного, почти женского. Я был болен тогда душою. Теперь тебе самому, может, объясняется много, и ты, может быть, видишь сам, что ты иногда слишком поспешен в заключениях. <...> ...Ты в познании сердца челов<еческого> из Шекспира попал в Коцебу».

В тот же день, 29 октября (н. ст.) 1840 г., Гоголь писал также жене Погодина Елизавете Васильевне: «...Вы на мне, может быть, видели часто в Москве черствую невыражающую наружность. Но виною этому не душа, не сердце, не я, но мои обстоятельства тогдашние, которые мне мешали почти всегда быть <тем>, чем бы я хотел быть, то есть мною, со всеми моими грехами и пороками и, может быть, двумя-тремя истинно хорошими чертами: любить не притворно и не на заказ друзей своих. Вы себе, верно, не можете представить, как меня мучит мысль, что я был так деревян, так оболванен, так скучен в Москве, так мало показал моих истинных расположений, и так невольно скрытен и неоткровенен, и черств, и сух. – Если бы вы знали, как я горевал потом, когда выехал из Москвы[4], что [оставил о себе такое дурное мнение] я вел себя так дурно. Мнением людским, конечно, я не дорожу, но мнением друзей... а они все меня любят, несмотря на то, что я был просто несносен»[5].

28 декабря (н. ст.) 1840 г. в письме к Погодину Гоголь добавлял: «...Я <...> не в силах был в Москве сказать тебе ничего такого, что бы оправдало меня перед тобою во многом. Когда-нибудь в обоюдной встрече, может быть, на меня найдет такое расположение, что слова мои потекут, и я с чистой откровенностью ребенка поведаю состояние души моей, причинившей многое вольное и невольное. О! ты должен знать, что тот, кто создан сколько-нибудь творить во глубине души, жить и дышать своими твореньями, тот должен быть странен во многом. Боже! другому человеку, чтобы оправдать себя, достаточно двух слов, а ему нужны целые страницы. Как это тягостно иногда!»

[1] Далее прописными буквами следует печатный текст заглавия книги.

[2] Лики Гоголя. Фотоальбом. Под общ. ред. М. С. Гомозковой. Авторы-составители Е. М. Варенцова, С. П. Белехова, В. Н. Куделина, Н. Г. Прохоров. М., 2009. С. 176; *Свод*. Т. 2. С. 413.

[3] См. ***1839. Октября 30. Понедельник. Москва***; ***1840. Января 10. Среда. Москва***; ***1840. Апреля 7. Вербное воскресенье. Москва.***

[4] См. ***1840. Мая 18. Суббота. Полдень. Москва, Перхушково.***

[5] Получив письма Гоголя, Погодин 28 ноября 1840 г. отвечал: «Как я плачу! Виноват, прости меня! Признаюсь – я был огорчен, я негодовал на тебя! Прости меня... Твоя несчастная наружность!.. О сердце человеческое! Ни Шекспир, ни Коцебу не знают тебя! И знают иногда, но чужое, а не свое. И теперь вообрази, я раскаиваюсь, скорблю о тебе, негодую на себя, а все еще могу, точно с Петром, воскликнуть: "Верую, господи, помози моему неверию!" "Человек есть ложь" – как глубоко сказал это Павел! При таких явлениях я убеждаюсь, что он искуплен, убеждаюсь в первородном грехе. Ну как объяснить иначе такие чужие противные впечатления! И это в сторону!.. Успокойся, успокойся! О, если б ты мне предстал, сложа руки крестом! Твои испытания кончатся, только молись об успокоении». – См. также ***1840. Ноября 27 <декабря 9>. Среда. Москва.***

МАРТА 5. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. А. Жуковский, назначенный учителем русского языка принцессы Гессенской Марии, невесты великого князя Александра Николаевича, выезжает в его свите в Дармштадт.

Даты жизни и творчества В. А. Жуковского // *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 гг. / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. С. 395.

МАРТА 6. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь обедает у Аксаковых и после обеда читает четвертую главу первого тома «Мертвых душ».

В этот день В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской: «Сейчас только кончил Гоголь читать, он сегодня у нас обедал и после обеда сам предложил чтение. Он прочел четвертую главу из Мертвых душ, как хорошо это, и говорить нечего, как жаль мне, что ты не можешь присутствовать при этих чтениях».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 807.

МАРТА 7. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголь в письме к П. А. Плетневу обращается с просьбой о выдаче утерянного им аттестата о службе[1], необходимого для оформления заграничного паспорта:

«За ним остановка. Я бы давно уже был на дороге в Рим»[2].

Аттестат был выдан Гоголю ректором Петербургского университета И. П. Шульгиным незадолго до отъезда за границу в 1836 г.[3]

[1] См. также ***1840. Марта 12. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] Последняя фраза, с подписью: «Гоголь», — впоследствии была воспроизведена в печати И. Е. Бецким в издании: Молодик, на 1844 год, украинский литературный сборник, издаваемый И. Бецким. СПб., 1844. Вып. 4 (цензурное разрешение 22 марта 1844). Строки были опубликованы здесь в качестве факсимиле на литографии К. Поля с портрета Гоголя работы К. П. Мазера (см. ***1840. Февраля 9 — мая 18. Москва***): «Поясной; сидит в готическом кресле; $^3/_4$ вправо; в сюртуке с бархатным воротником; гриф: *Я бы давно уже был на дороге | в Рим. — Гоголь; — Лит. Поля;* выш. 13 с.; при "Молодике на 1844 г."; есть экземпляр с одним грифом *Гоголь»* (*Адарюков В. Я., Обольянинов Н. А.* Словарь русских литографированных портретов. М., 1916. Т. 1. С. 228). — См. также ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт.***

[3] См. ***1836. Мая 14. Четверг. Санкт-Петербург.***

МАРТА 8. ПЯТНИЦА. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской в Петербург:

«...Гоголь дал ему (Кир<иллу> Горбунову) письмо к Брюллову[1], и, может быть, этот даст ему способ усовершенствоваться»[2].

В позднейшей приписке к этому письму В. С. Аксакова сделала примечание: «NB. Это так и было»[3].

[1] Письмо неизвестно.

[2] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 807.

[3] Там же. Т. 2. С. 807.

МАРТА 11. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

А. И. Тургенев записал в дневнике:

«После обеда и до вечера Сверб<еевы> и потом Хомяков и Гогель».

Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 77.

МАРТА 11. ПОНЕДЕЛЬНИК. ХАРЬКОВ

И. Е. Бецкий[1] пишет М. П. Погодину в Москву:

«Скажу еще несколько слов о самом Харькове. <...> ...Что меня всего более удивило – это недостаток хоть по крайней мере собачьего чутья оценить Гоголя! <...> Я спрашиваю природного малоросца, да еще профессора; мало того что профессора – философа! как нравится ему Гоголь, а он, разбойник, спрашивает: "Это тот Гоголь, который перекладывал в стихи русские сказки?"[2] – "Бову королевича гекзаметром", – отвечал я. <...> Положим, что философия – великая наука, да как же не знать, что и кто Гоголь!»[3]

[1] Иван Егорович (Юрьевич) Бецкий (1818–1890), воспитанник Погодина, в это время студент Харьковского университета, переводчик, прозаик, издатель альманаха «Молодик» (1843–1844) (см. ***1844. Февраль <февраля средина – марта средина>. Санкт-Петербург***).

[2] По предположению Л. Р. Каплана, Бецкий говорит здесь о профессоре Матвее Николаевиче Протопопове (1794–1857), читавшем в это время философию в Харьковском университете (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 586).

[3] Гоголь в письмах И. Е. Бецкого к М. П. Погодину // *Свод.* Т. 2. С. 544.

МАРТА 12. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголю по ходатайству П. А. Плетнева выписана копия аттестата[1].

«№ 536.
Копия.

Аттестат

Состоящий по установлению в 8-м классе Николай Васильев сын Гоголь – бывший Адъюнктом по кафедре Истории при Императорском С. Петербургском Университете, как из Формулярного о службе его списка видно, происходит из дворян, по окончании курса учения в Лицее высших наук Князя Безбородко поступил на службу в Департамент Уделов с правом на чин 14 класса 1830 года Апреля 10-го; Указом Правительствующего Сената утвержден в чине Коллежского Регистратора со старшинством со дня вступления в службу, 1830, Июня 3-го; Помещен Помощником Столоначальника в том же Департаменте 1830, Июля 10; по прошению его из оного Департамента уволен 1831, Марта 9; с Высочайшего соизволения Ея Императорского Величества определен в Патриотический Институт Старшим Учителем Истории, состоя по силе Высочайшего Указа 1-го Апреля 1831 года в чине Титулярного Советника со дня вступления в сию должность 1831 года Марта 10; в награду отличных трудов пожалован от Ея Императорского Величества бриллиантовым перстнем 1834, Марта 9; определен Адъюнктом по кафедре Истории при Императорском С. Петербургском Университете 1834 Июля 24; по случаю преобразования Университета остался за реформою с выдачею годового оклада жалованья 1836, Января 1-го; От роду ему 27 лет[2]; благоприобретенного имения за ним не состоит, родового имеет 80 душ крестьян и 700 десятин земли[3] в Миргородском Уезде Полтавской Губернии; холост; исповедания Греко-Российского; в отпуске был с 24 Апреля 1835 по 25 Августа, и возвратился на срок <*так в рукописи*>; в отставке, в штрафах и под судом не бывал, и ни одному из случаев, лишающих права на получение знака отличия беспорочной службы не подвергался; аттестован был всегда способным и достойным и во все продолжение своей службы вел себя как прилично благородному человеку. Во уверение чего и дан ему сей Аттестат из Правления Императорского С. Петербургского Университета за надлежащим подписанием и с приложением казенной печати. – В С. Петербурге, Мая 14 дня 1836 года.

На подлинном написано:

Его Императорского Величества Всемилостивейшего Государя моего Статский Советник, Ректор Императорского С. Петербургского Университета, Ординарный Профессор и разных орденов Кавалер И. Шульгин.

Скрепил: Секретарь А. Очкин.

С подлинным верно: Секретарь Дмитрий Умнов.

№ 362.

Копия сия выдана по просьбе Г<-на> Гоголя
вместо подлинного Аттестата, им утраченного.
Марта 12 дня 1840 года.

Секретарь Дмитрий Умнов»[4].

[1] См. также ***1836. Мая 14. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1840. Марта 7. Четверг. Москва.***
[2] Копия документа сообщает возраст Гоголя в 1836 г. К моменту ее выдачи ему было уже 30 лет.
[3] Ср. ***1829. Июля 23. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания).
[4] *РГБ*. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 89. Л. 1–2; *Гоголь 2009–2010*. Т. 11. С. 449–450.

МАРТА 14–15. ЧЕТВЕРГ-ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский пишет В. П. Боткину в Москву:

«Гоголь доволен моею статьею о “Ревизоре” — говорит — многое подмечено верно. Это меня обрадовало»[1].

Речь идет о части статьи В. Г. Белинского «Горе от ума»[2], посвященной «Ревизору»[3]. Так как Гоголь в то время находился в Москве, его отзыв об этой статье критика, вероятно, был передан Белинскому кем-то из общих знакомых. Ранее, в письме от 10 января 1840 г., Белинский просил узнать мнение Гоголя об этой статье у К. С. Аксакова[4]. Для самого Белинского эта работа была одной из самых «выстраданных». Хотя она была задумана в августе 1839 г. и вышла в свет спустя некоторое время в январском номере «Отечественных Записок» за 1840 г., однако представляет собой итог размышлений не нескольких месяцев, а целого трехлетия, истекшего со времени появления на сцене и в печати гоголевской комедии (1836). Осмысление «поэзии» «Ревизора» оказалось для Белинского настолько сложной задачей, что, вопреки своему обыкновению незамедлительно откликаться на новинки литературы, он молчал о комедии Гоголя более трех с половиной лет[5]. Тем острее был интерес Белинского к мнению Гоголя о его статье, когда она была закончена.

П. В. Анненков в 1880 г. заявлял о статье Белинского: «Нигде в сильнейшей степени не сказались все самые видные качества эстетической критики Белинского, <...>, как именно в <...> разборе “Ревизора”, которого Белинский противопоставлял “Горю от ума”[6]. <...> Между прочим здесь находилось множество мыслей, которые потом, к удивлению, были усвоены самим Гоголем и встречаются в его собственной защите этой комедии, как, например, мысль, что грубая ошибка городничего, принявшего мальчишку Хлестакова за ревизора, есть действие встревоженной совести. “Не грозная действительность, а призрак, фантом, или, лучше сказать, тень от страха виновной совести должна была наказать человека призраков (городничего)”, — говорил Белинский в одном месте. Даже знаменитое положение Гоголя, что честное существо в “Ревизоре” есть смех, даже и оно сказано было Белинским прежде. Упомянув, что основа трагедии всегда зиждется на борьбе, возбуждающей сострадание и заставляющей гордиться достоинством человеческой природы, Белинский продолжает: “так и основа комедии — на комической борьбе, возбуждающей смех; однако же, в этом смехе не одна веселость, *но и мщение за униженное человеческое достоинство, и, таким образом, другим путем, нежели в трагедии, но опять-таки открывается торжество нравственного закона”*; и много еще подобных мест заключалось в статье. Я не вывожу из этого сближения никаких заключений, хотя и позволительно думать, что Гоголь читал статью Белинского, по крайней мере, весьма внимательно»[7].

О том, чем мог быть «доволен» Гоголь в статье Белинского, см.: ***1840. Января 2. Вторник. Москва*** (примечания).

[1] Из писем В. Г. Белинского // *Свод*. Т. 3. С. 252.
[2] Отечественные Записки. 1840. № 1.
[3] См.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 3. С. 452–470, 476–477, 485.
[4] См. ***1840. Января 10. Среда. Санкт-Петербург***
[5] Подробнее см.: *Курилов А. С.* В. Г. Белинский в жизни и творчестве. М., 2012. С. 62–63, 77–79, 119.
[6] Об отношении Гоголя к статье В. Г. Белинского «Горе от ума... Сочинение А. С. Грибоедова» (Отечественные Записки. 1840. № 1) см.: ***1840. Января 2. Вторник. Москва*** (примечания).
[7] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод*. Т. 3. С. 508.

МАРТА 19. ВТОРНИК. МОСКВА

Гоголю исполняется 31 год.

МАРТА 29. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь на дне рождения К. С. Аксакова прочитал отрывок из неизвестной слушателям комедии.

Прочитанный отрывок не мог быть из «Женитьбы», так как с содержанием этой пьесы Константин Аксаков был уже знаком[1].

2 апреля 1840 г. С. Т. Аксаков сообщал сыновьям Григорию и Ивану в Петербург: «В день рождения Кости Гоголь прочел отрывок еще из новой комедии, имени которой не знаем. Это был подарок, единственный в мире»[2].

В. С. Аксакова в период между 30 марта и 4 апреля 1840 г. писала М. Г. Карташевской в Петербург: «В пятницу Гоголь у нас опять читал, но не из "Мертвых душ"[3], а из какой-то комедии[4]. Мы уже думали, что он никогда более не будет читать, потому что слышали, что это ему уже наскучило, и, конечно, он это сделал по особенному случаю»[5].

Она же в период между 3 и 10 апреля 1840 г. сообщала братьям Григорию, Ивану и Михаилу: «Письмо ваше получили мы в самый день рожденья Константина. У нас были Горчаковы да несколько мужчин, как, например, Гоголь, Великопольский, Погодин, Павлов, Панов[6], после обеда Самарин. <...> В пятницу Гоголь читал у нас отрывок из какой-то комедии, я слушала больше из другой комнаты и потому не могла всего расслышать»[7].

[1] См. ***1835. Мая 4. Суббота. Москва.***
[2] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 580.
[3] См. ***1840. Марта 6. Среда. Москва***; ***1840. Марта 10 или 20 или 27 или апреля 10. Среда. Москва.***
[4] Выписка из письма В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской между 30 марта и 4 апреля 1840 г. в собственноручном сборнике В. С. Аксаковой «Выписки из писем 1840–1849 гг. В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской о Гоголе» осталась недатированной. Позднее С. Т. Аксаков, пользуясь сборником дочери и ошибочно следуя ее датировке предшествующей выписки (из письма от 8 марта 1840 г.), описал в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» под этим числом чтение Гоголем «Тяжбы», состоявшееся на самом деле несколькими месяцами ранее — 14 октября 1839 г. (см. ***1839. Октября 14. Суббота. Москва***).
[5] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 808.
[6] В. А. Панов.
[7] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 809.

МАРТА 30. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение комедии Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе»[1].

Г. П. Данилевский в 1855 г. сообщал о комедии Квитки-Основьяненко: «В архиве Московского Цензурного Комитета она записана под № 602-м. В редакции "Репертуара" сохранился от рукописи ее, затерянной в типографии, заглавный листок на синей бумаге, в четвертку, с печатью Комитета и следующею подписью: *Печатать позволяется. Москва, 1828 года, октября 18-го дня. В должности председателя Московского Цензурного Комитета, Сергей Аксаков, № 602.* Рукопись тогда же была послана на сцену в Петербург, ходила там по рукам, ходила по Москве... <...> ...в 1836 г. вызвала следующее любопытное обстоятельство. Узнав о слухах о содержании "Ревизора", Основьяненко пришел в негодование, с нетерпением стал ожидать его появления в печати, и когда первый экземпляр комедии Гоголя был получен в Харькове, он созвал приятелей в дом свой, прочел сперва свою комедию, по процензированной тетрадке, а потом и "Ревизора". Гости ахнули и сказали в один голос, что комедия Гоголя целиком взята из его сюжета, и по плану, и по характерам, и даже по частной обстановке»[2].

Данилевский незадолго до публикации своей статьи о Квитке-Основьяненко, 16 марта 1854 г., обратился с письмом к С. Т. Аксакову — как бывшему цензору «Приезжего из столицы...»: «...Прошу покорнейше сообщить

мне <...>, не помните ли Вы чего-нибудь о следующем: я кончил большой труд, биографию Основьяненка, где провожу параллель между его комедией "Приезжий из столицы" и "Ревизором" Гоголя. "Ревизор" явно писан Гоголем под влиянием этой пьесы, очень схожей с ним и по мысли и характерам; а пьеса процензурована Вами в 1828 году в Москве под № 602, как я исследовал и убедился, но не была напечатана до 1840 года, а ходила в столицах по рукописям? Разумеется, она ниже критики против гоголевской, и слава Гоголю при этом не уменьшается. Не помните ли Вы чего об этом? Вы крайне обяжете»[3].

Аксаков 28 марта 1854 г. отвечал: «Очень охотно отвечаю на ваш вопрос, относительно комедии *Г-на Квитки: "Приезжий из столицы"*. Она точно была одобрена мною к напечатанью, 26 лет тому назад, вместе с другими комедиями того же автора... <...> Я даже не знал, что "Приезжий из Столицы" был напечатан, и теперь не помню в подробности его содержание; но могу вас смело уверить, что "Ревизор" не мог быть писан под влиянием этой пьесы, потому что "Ревизор" был напечатан прежде, чем Гоголь узнал о существовании комедии г. Квитки. Я спрашивал Гоголя (около 1840 года): знает ли он эту комедию? И он отвечал мне, что слышал о ней[4], но не читал. Не подлежит сомнению только то, что анекдоты о ложных ревизорах ходили по России издавна, с разными вариациями, и что одно и то же происшествие подало мысль написать комедию обоим авторам»[5].

Спустя много лет, в 1890 г., Данилевский сделал вывод: «Хотя покойный С. Т. Аксаков на мой вопрос писал мне, что "Ревизор" не мог быть создан под влиянием комедии Квитки, так как Гоголь писал его, не зная о существовании "Приезжего", — но нельзя не придти к мысли, что внешний план, рамки "Ревизора" могли быть даны Гоголю его другом, С. Т. Аксаковым[6], который, в качестве цензора, прочел пьесу Квитки еще в 1828 году. Это не умаляет крупных достоинств "Ревизора"»[7].

[1] Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе. Оригинальная комедия, в пяти действиях. Сочинение Грицка-Основьяненка. Писана в 1827 году // Пантеон Русского и всех Европейских Театров. Издание книгопродавца В. Полякова. СПб., 1840. Ч. 1. № 3. Безденежное приложение к Пантеону Русского и всех Европейских Театров. № 2. <Отд. 2> (цензурное разрешение 30 марта 1840; цензор П. Корсаков). С. 38–86.

[2] *Данилевский Г.* Основьяненко (Г. Квитка). Материалы для истории украинской литературы // *Свод.* Т. 1. С. 295.

[3] *Свиясов Е. В.* Письма Г. П. Данилевского П. А. Плетневу, И. С. и С. Т. Аксаковым // Русская литература. 1979. № 4. С. 190; *Свод.* Т. 1. С. 299.

[4] См. также ***1835. Августа после 18–19 — до 27. Кролевец, Курск (?), Орел, Тула, Москва*** (примечания).

[5] *Данилевский Г.* Основьяненко (Г. Квитка). Материалы для истории украинской литературы // *Свод.* Т. 1. С. 296.

[6] См. ***1835. Мая после 4 — не позднее 10. Москва.***

[7] *Данилевский Г. П.* Григорий Федорович Квитка-Основьяненко (1778–1843 г.) // *Данилевский Г. П.* Соч.: В 8 т. Изд. 6-е, доп. СПб., 1890. Т. 8. С. 400; То же // *Данилевский Г. П.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 10. С. 179; *Свод.* Т. 1. С. 297–298.

АПРЕЛЯ 6. ЛАЗАРЕВА СУББОТА. МОСКВА

В «Прибавлении к № 28-му Московских Ведомостей» напечатаны два извещения, связанные с готовящимся отъездом Гоголя за границу.

Первое объявление в первоначальной авторской редакции выглядело следующим образом: «Некто, не имеющий собственного экипажа, желает прокатиться до Вены с кем-нибудь, имеющим собственный экипаж, на половинных издержках. Оный некто — человек смирный и незаносчивый: не будет делать во всю дорогу никаких запросов своему попутчику и будет спать вплоть от Москвы до Вены. Спросить на Девичьем поле, в доме Погодина, Николая Васильев<ича> Гоголя».

Напечатано: «Некто не имеющий собственного экипажа, имеет <ищет> попутчика для <до> Вены, имеющего собственный экипаж, на половинных издержках; на Девичьем поле в доме проф<ессора> Погодина; спросить Николая Васильева Гоголя».

Второе объявление было помещено в газете в списке «Отъезжающих за границу»: «В Германию и Италию, 8-го класса Николай Васильевич Гоголь; жительство имеет на Девичьем поле в доме профессора Погодина»[1].

[1] <Извещения газеты «Московские Ведомости» от 6, 10 и 13 апреля 1840 г. об отъезде Гоголя за границу> // *Свод.* Т. 2. С. 156. Текст объявления см. также в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 485 (первоначальный вариант); С. 871 (вариант, напечатанный в «Прибавлениях» к «Московским Ведомостям» от 6, 10 и 17 апреля 1840 г., № 28, 29 и 31).

АПРЕЛЯ НАЧАЛО, НЕ ПОЗДНЕЕ 7 – АПРЕЛЯ 27. СУББОТА. МОСКВА

М. И. Гоголь с младшей дочерью Ольгой и, вероятно, с горничной Настасьей Юрченко[1] живет в Москве, куда приехала с целью забрать домой дочь Анну (Елисавета оставалась в Москве). Остановились у М. П. Погодина, где проживали в то время Анна, Елисавета и сам Гоголь. В продолжение этого времени Гоголь познакомил мать и сестер с Чертковыми.

С. Т. Аксаков в адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» (1854) замечал: «Великим постом приехала к Гоголю мать и жила вместе с ним и дочерьми также у Погодина»[2].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Перед Святой Неделью[3] приехала мать Гоголя с его меньшой сестрой. Взглянув на Марью Ивановну (так зовут мать Гоголя) и поговоря с ней несколько минут от души, можно было понять, что у такой женщины мог родиться такой сын. Это было доброе, нежное, любящее существо, полное эстетического чувства, с легким оттенком самого кроткого юмора. Она была так моложава, так хороша собой, что ее решительно можно было назвать только старшею сестрою Гоголя. Натурально, Марья Ивановна жила вместе с своими дочерьми также у Погодина. <...>

По возвращении из Петербурга, прожив несколько времени вместе с матерью и сестрами в доме Погодина, Гоголь уверил себя, что его сестры, *патриотки* (как их называют), которые по-ребячьи были очень несогласны между собой, не могут ехать вместе с матерью в деревню, потому что они будут постоянно огорчать мать своими ссорами. Итак, он решился пристроить как-нибудь в Москве меньшую сестру Лизу, которая была умнее, живее и более расположена к жизни в обществе. Приведение в исполнение этой мысли стоило много хлопот и огорчений Гоголю. Черткова, с которой он был очень дружен, не взяла его сестры к себе, хотя очень могла это сделать; у других знакомых поместить было невозможно. Наконец, через Надежду Николаевну Шереметеву[4], почтенную и благодетельную старушку, которая впоследствии любила Гоголя, как сына, поместил он сестру свою Лизу к г-же Раевской[5], женщине благочестивой, богатой, не имевшей своих детей, у которой жили и воспитывались какие-то родственницы. Мать Гоголя уехала из Москвы прежде него»[6].

Из воспоминаний сестры Гоголя Елисаветы Васильевны: «Ему ужасно не хотелось нас отпускать в деревню, боялся, чтобы не одичали совершенно, но здоровье Анет было очень слабо, доктора советовали ехать в деревню лечиться в Малороссию, и тогда брат написал Маминьке, и она приехала в Моск<ву>. Мы не виделись 7 лет, свидание очень трогательно мне было, особен<н>о Анет, она мечтала давно об этом, я же до того была застенчива, что конфузилась даже маминьку. Я так живо помню день приезда Маминьки... <...> ...Нас будила каждый день девушка. Один раз мы слышим голос у дверей: "Ах, не будите их". Этот голос нас пробудил обеих, меня удивило, кто бы просил нас не будить? Анет же растрогал этот голос до слез, она мне говорит: "Ах, слышала ли ты, мне кажется, это голос Маминьки!", и когда пришла девушка, мы ее спросили, не приехала ли Маминька, она нам открыла, что она у брата сидит, и чрез несколько минут приводит нам брат сестру Олю, которая очень неуклюжей нам показалась. Мы сейчас начали перечесывать ее и пере<о>девать, брат нас понемногу приготовил, и когда мы оделись, тогда повел к Маминьке»[7].

Ольга Васильевна вспоминала: «Через два года мать взяла меня домой <из семьи И. А. Горбовского>[8]. Рассчитывала, что сестры кончают институт и будут со мною заниматься. Мне было тогда <в 1840 г.> уже 15 лет. <...> Мать получила от брата письмо, в котором он писал, что сестер привез в Москву, чтобы мать приехала забрать их в деревню, т. е. домой (в продолжение семи лет мать ни разу их не видала, одной 11 лет, другой 10 <9> лет, а брать пришлось взрослых – одной 18, другой 17 <16> лет). Это было зимою; мать и меня взяла с собою; она наняла ямщика до самой Москвы,

это было зимой, экипаж у него была рогозовая кибитка. Со мною ей была возня, от него всю дорогу были рвоты, ужасно долго ехали, кажется, более двух недель. Наконец, приехали в Москву, прямо к Погодину, на Девичьем поле, там был брат с сестрами. В настоящее время конфузились бы рогозовой кибитки, но тогда не смотрели на то. Не помню, как встретились мы, только помню, как сестры ласкою со мною обращалися, и как Лиза желала, чтобы я ее больше полюбила, как Аннет; постоянно меня занимала и дарила миниатюрные вещицы. Хотя Аннет ничего не дарила и меньше обращала на меня внимания, но не понимаю, почему она мне больше нравилась. Замечательная зала у Погодина: громадная, круглая, наверху купол, кругом решетки; наши комнаты были наверху, с одной комнаты в другую переходили по той решетке, страшно было смотреть вниз. Половина этой залы, от пола до верха, завалена старинными бумагами, он, кажется, собирал древность; там стоял и рояль. Как там никто не сидел, я пользовалась тем случаем и постоянно ходила туда играть; брат услышал, как я играю. “Ты лучше играешь, как <чем> Аннет”, и вообразил, что у меня есть талант, договорил мне учителя[9] — давать мне уроки музыки, и платил за час 5 рублей, а чтобы не беспокоить Погодина, он возил меня каждый день к Нащокиным, туда приходил учитель. Потом сказал мне: “Поживи у Нащокина, потому что мне некогда каждый день возить тебя”. Пришлось оставаться, иногда навещал меня. Раз мадам Нащокина просила его остаться обедать, он отвечал ей “некогда”, а она говорила: “У нас за обедом будут малороссийские вареники, и сегодня многие обещали приехать”, — тогда он остался. Потом начали съезжаться и за обедом сидело 12 душ, все мужчины, а дамы — только хозяйка да я. У них постоянно собирались все талантливые, из числа тех помню только актера Щепкина, который заговорил со мною по-малороссийски, но я ни слова не знала: конечно, по случаю глухоты я не слышала хохлацкого языка[10]. <...> ...Я не знала ни одного слова по-малороссийски говорить, когда заговорил со мною Щепкин. <...> Помню, как один играл на скрипке, другой — на рояли, а некоторые рисунки свои показывали, иные читали, верно, свои сочинения; до моего уха долетали слова брата, когда он говорил: нужно развивать талант, грешно не пользоваться. Не будь я глуха, много бы наслушалася их разговору и знала бы всех фамилии, а то только глаза были, как на фантомиме; тем кончился вечер.

Когда в другой раз брат приезжал меня навестить, я просила его отвезти меня к матери, что у меня живот болит, а он говорит: полежи, то перестанет. Я сказала — мне нужно ехать, а он допытывается: скажи мне, какая у тебя болезнь. Вот мое положение: вместо того, чтобы везти меня к матери, а он завез меня к Аксаковым, сказал: здесь будут мать с сестрами, указал, в какие двери идти, а сам уехал. Незнакомый дом, и я очутилась, как в лесу. Вошла в первую комнату, в это время вошел старик Аксаков в халате, увидел меня, тотчас же возвратился, выслал свою дочь, и она повела меня в другую комнату, должно быть, в классную, где младшие занималися. Потом мать с сестрами приехали. Старшая дочь Аксакова <Вера> всегда с Аннет была, а вторая <Ольга>[11] — с Лизой[12], но эта вторая за все время меня не оставляла. Помню, как у них было много гостей, вторая разливала чай, а меня около себя посадила и сказала мне тихо: вымойте стакан; я сейчас взялася мыть, а потом она удивилася, как я послышала. Я ей сказала: когда близко говорят, то я слышу; как видно, она была очень довольна и все время разговаривала со мною. Против нас сидела дама в золотой цепочке с серебряным рожком; к ней подошел мужчина, она тогда приставила рожок к уху, а он ей на все горло кричал, так что я послышала. Еще помню, как брат возил нас в театр; тогда по случаю поста[13] концерт играли. На сцене только один мальчик 12 лет играл на рояли длинную пьесу, а сзади его стоял, должно быть, с каких-то родственников.

Несколько раз возил нас в театр потом[14]. Я не помню, как-то раз выезжали с театра, верно, не хватало фаэтонов — только один был; как он с матерью сел, а нас порастыкал знакомым. Мне пришлось ехать в карете с двумя дамами. Они вдвоем разговаривали. О чем — только прослышала, “и тот ком иль фо”. Вероятно, в то время было в моде употреблять то слово — ком иль фо.

С Погодиным мы видались во время обеда, а вечером сидели в гостиной, брат читал свое сочинение[15]. Комната наша была на верхнем этаже, мы все там местились, а в другой — брат.

Сестры между собой не дружно жили, хотя я не слышала, чтобы они когда ссорились, но заметила, что одна с другой никогда не говорили. Вероятно, мать жаловалась старухе — матери Погодина, что они не дружны между собою до ненависти. Старуха говорила матери: “Вы не справитесь с ними. Подумайте, три дочери взрослые, да еще дома у вас вдова, поэтому необходимо вам нужно

одну оставить". Так и с братом порешили. Так как Аннет с малых лет была любимицей матери, то Лизу брат оставил и пристроил в доме Шереметьевой[16], и меня хотел оставить, нанял у какого-то немца квартиру, чтобы учили меня музыке. Но я сказала: "Не стоит того, слишком дорого выйдет: за квартиру платить, да еще учителю", – и брат согласился с тем. <...>

Как брат заботился о нас, когда отдал сестер в институт! <...> А когда кончили институт, он одел их: белье, несколько платьев и проч., и готовыми сдал матери. Потом купил нам всем троим розовой кисеи на платья, и для деревни соломенные шляпы»[17].

В. А. Нащокина вспоминала: «У Гоголя была прекрасная семья. Мать кроткая, чудная и в молодости, вероятно, была красавица собой. Гоголь относился к ней с глубокой почтительностью и любовью. Я это знаю потому, что мать и две его сестры прожили у меня в доме около года <?>. Старшая из сестер[18] была очень недурна собой, и Николай Васильевич был с ней особенно дружен; меньшая, Анна <*ошибка; следует:* Ольга> Васильевна, лицом поразительно походила на брата. Гоголь, обожавший музыку, очень хотел, чтобы хоть одна из его сестер играла на фортепиано, и, желая сделать ему приятное, мы пригласили для Анны <Ольги> Васильевны учителя музыки – знаменитого тогда Гурилева[19]. Но Анна <Ольга> Васильевна не отличалась музыкальными способностями, уроки шли неуспешно и скоро прекратились»[20].

В. А. Чаговец в 1901 г. сообщал: «Приведу один из <...> мелких рассказов, полагая, что всякий эпизод из жизни нашего поэта интересен русскому человеку. – Я наклонился над каким-то документом; прядь волос упала мне на лоб и мешала читать. Ольга Васильевна предложила мне перевязать их платком, как это делал Николай Васильевич. Однажды были они в Москве у Погодиных на обеде; сидело за столом много гостей, и среди них находился Щепкин, Аксаков и др. Подали жаркое не разрезанным на куски: каждому предлагали резать, но никому это не удавалось. Тогда Николай Васильевич взял нож, вилку, и стал резать, наклонившись над блюдом, вследствие чего его длинные волосы упали на лицо и мешали ему делать свое дело. Тогда Н<иколай> В<асильевич> быстро взял салфетку, перевязал ею голову на манер чепца и снова принялся резать жаркое, что ему наконец и удалось. Сделав свое дело, он сел и окинул взором присутствующих. Все смеялись от находчивости поэта и от того, что он был действительно смешон в своем головном уборе»[21].

В 1909 г. П. И. Бартенев, со слов дочери А. Д. и Е. Г. Чертковых Софьи Александровны, сообщал: «Гоголь познакомил с Чертковыми и сестер своих, и они с матерью гостили у Чертковых в их Воронежской Ольховатке. С. А. Ермолова вполне убеждена в полной искренности Гоголя и в живом его благочестии»[22].

[1] В. А. Гиляровский в 1902 г. сообщал: «Кроме сестры Гоголя, Ольги Васильевны, из современников его в Яновщине есть несколько человек, бывших в то время детьми, а из служивших Гоголю, только двое, супруги Юрченки: Петр – повар и Настасья – горничная Марьи Ивановны. <...> О Гоголе они мало помнят, и ничего интересного не сказали. Старуха только сказала, что была в Москве и жила в доме Погодина с господами» (*Гиляровский В. А.* В Гоголевщине. (Из последней поездки) // *Свод.* Т. 1. С. 357).

[2] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 637.

[3] Вероятно, имеется в виду Страстная неделя (см. ***1840. Апреля 7. Вербное воскресенье. Москва***).

[4] См. ***1839. Октября 7. Суббота. Москва***; ***1840. Апреля не позднее 26. Москва.***

[5] См. ***1840. Мая 3. Пятница. Москва.***

[6] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 690, 693. См. также: *Аксаков С. Т.* Из истории нашего знакомства с Гоголем <1832–1840 гг.>. <Выписки рукою П. А. Кулиша>. <Конец ноября – начало декабря 1854 г.> // *Свод.* Т. 2. С. 657.

[7] Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 1. С. 184–185.

[8] См. ***1838. В течение года. Васильевка.***

[9] Уроки музыки давал О. В. Гоголь композитор Л. Ф. Лангер (см. ***1840. Апреля первая половина. Москва***).

[10] Очевидное свидетельство, что в семье Гоголей говорили по-русски.

[11] «В семье С. Т. Аксакова О<льга> В<асильевна> сблизилась с младшей дочерью писателя, с Ольгой Сергеевной, по своему характеру более подходящей к О<льге> В<асильевне>, нежели живая и бойкая Вера Сергеевна. Во время постигшей Ольгу Серг<еевну> тяжкой болезни, перешедшей в хроническую, и Гоголь и О<льга> В<асильевна> в письмах соболезновали и сокрушались о ее страданиях» (примеч. В. А. Чаговца).

[12] См. также *1839 декабря 21. Четверг — 1840 апреля 27. Суббота. Москва.*

[13] Страстная неделя оканчивалась в 1840 г. 13 апреля.

[14] См. *1840. Апреля 23. Вторник. 7 часов вечера. Москва.*

[15] См. *1840. Апреля между 21 и 27. Москва.*

[16] В доме П. И. Раевской. Н. Н. Шереметева лишь помогла Гоголю устроить сестру к Раевской (см. *1840. Апреля не позднее 26. Москва*).

[17] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 197–199, 216.

[18] Имеется в виду Елисавета Васильевна Гоголь (в замужестве Быкова), которая на самом деле была тремя годами младше сестры Анны Васильевны. С последней Нащокина перепутала самую младшую сестру Гоголя Ольгу (об уроках музыки в доме Нащокиных, на которые Гоголь возил сестру Ольгу, см. выше). Всего у Гоголя было шесть сестер, из которых две умерли во младенчестве.

[19] По предположению Н. А. Раевского, речь идет не об известном скрипаче и композиторе Александре Львовиче Гурилеве (1805–1853), а, скорее, об его отце Льве Степановиче (1770–1844), московском преподавателе музыки (см.: *Раевский Н. А.* Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин // *Раевский Н. А.* Избранное. М., 1978. С. 415).

[20] *Родионов И.* Воспоминания В. А. Нащокиной о Пушкине и Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 552.

[21] *Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 221.

[22] *Бартенев П. И.* Воспоминания С. А. Ермоловой <рожденной Чертковой> о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 140.

АПРЕЛЯ 7. ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

М. П. Погодин в письме к М. А. Максимовичу в Киев благодарит его за присылку первой книги альманаха «Киевлянин» (вышла в свет в феврале 1840 г.; здесь появилась первая публикация П. А. Кулиша: «Малороссийские рассказы»[1]):

«Честь тебе и слава за твои труды! <...> К Гоголю пристаю[2]. — Муханову[3] скажу. Я занимаюсь теперь периодом уделов, и пришлю, если хочешь, о границах и городах киевского княжества, также и черниговского. <...> Твоей Истории словесности[4] я получил только вместе с "Киевлянином" 3 экз<емпляра>, один для себя, а другой для Киреевского, и 3-й для Гоголя. Прежде не получал ничего. <...> Гоголь едет через две недели в Рим[5]. Мать его здесь[6]. Я отправляюсь через два часа к Тройце, на страстную[7] и святую[8], молиться и работать»[9].

[1] См. *1840. Февраля 12. Понедельник. Киев.* — Еще одна повесть Кулиша появилась во второй книге «Киевлянина» (см. *1841. Марта 20 <апреля 1>. Четверг. Киев*).

[2] См. *1839. Октября 30. Понедельник. Москва*; *1840. Марта 3. Воскресенье. Москва.*

[3] Имеется в виду Павел Александрович Муханов (1797 или 1798 — 1871), историк, археограф, публицист.

[4] История древней русской словесности. Соч. М. Максимовича. Киев, 1839. Кн. 1 (цензурное разрешение 1 мая).

[5] См. *1840. Мая 18. Суббота. Полдень. Москва, Перхушково.*

[6] См. *1840. Апреля не позднее 7. Москва.*

[7] 8–13 апреля 1840 г.

[8] 15–20 апреля 1840 г.

[9] Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу. С пояснениями С. И. Пономарева // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1882. Т. 31. № 2. <Отд. 3>. С. 22–23; см. также: Из писем М. П. Погодина // *Свод.* Т. 2. С. 413.

АПРЕЛЯ МЕЖДУ 3 И 10. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает братьям Григорию, Ивану и Михаилу в Петербург:

«В середу[1] в московских газетах будет одно презабавное и оригинальное объявление от Гоголя, в котором он приглашает себе сопутника в чужие краи. Как, я думаю, в Петербурге мудрено сыскать "Московские Ведомости", то мы вам пришлем это объявление».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 808.

[1] См. ***1840. Апреля 10. Великая среда. Москва.***

АПРЕЛЯ 10. ВЕЛИКАЯ СРЕДА. МОСКВА

В «Прибавлении к № 29-му Московских Ведомостей» перепечатаны два извещения, связанные с готовящимся отъездом Гоголя за границу.

См. ***1840. Апреля 6. Лазарева суббота. Москва.***

МАРТА 10 ИЛИ 20 ИЛИ 27 ИЛИ АПРЕЛЯ 10. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь читает у Аксаковых пятую главу «Мертвых душ».

В период между 14 и 28 марта или между 10 и 12 апреля 1840 г. В. С. Аксакова сообщала братьям Григорию, Ивану и Михаилу в Петербург: «В эту середу Гоголь опять обедал у нас и [опять] читал уже шестую[1] главу, это чудо что такое; тут выведен один помещик *Собакевич* – какое это лицо, как обрисовано, и вообще все тут совершенство. Жаль, очень жаль, что вы не присутствуете при этих чтениях, милые братья, тем более еще потому, что едва ли это будет напечатано[2]. Пересказывать этого невозможно. Хорошо, если бы он нас каждую середу угощал этим! По субботам он, кроме того, бывает у нас, и сестры его также. Сестры его гораздо стали развязнее, очень много выезжают, почти каждый день на вечерах, в лучшем обществе, и везде за ними чрезвычайно ухаживают и стараются занять их...»[3]

С. Т. Аксаков в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) ошибочно указывал, что пятая глава была прочитана у них в субботу: «После этого[4], в одну из суббот[5], он прочел 5-ую главу...»[6]

[1] Ошибка В. С. Аксаковой. Имеется в виду пятая глава. В черновых рукописях Гоголя, которыми он мог пользоваться при чтении Аксаковым глав «Мертвых душ» осенью 1839 – весной 1840 гг., шестая глава («Глава 6») посвящена, как и в окончательном тексте, Плюшкину (см.: *Гоголь 1937–1952.* Т. 6. С. 301).

[2] По свидетельству М. П. Погодина, Гоголь во время пребывания в Мариенбаде в июле-августе (н. ст.) 1839 г. читал ему «отрывки из «Мертв<ых> душ» и уверял, что при жизни они не будут напечатаны» (см. ***1839. Июля 13 <1>. Суббота – августа около пятницы 23 <11>. Мариенбад***).

[3] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 808.

[4] После 8 марта 1840 г. (см. ***1839. Октября 14. Суббота. Москва***).

[5] Ошибка С. Т. Аксакова. Пятая глава «Мертвых душ» была прочитана Гоголем у Аксаковых в *среду* 13 или 20 или 27 марта или 10 апреля 1840 г. (см. выше письмо В. С. Аксаковой к братьям).

[6] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 690.

АПРЕЛЯ 12. СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь в письме к Н. Д. Белозерскому (вероятно, в Борзну[1]) благодарит его за письмо и выписку «Историко-статистические сведения о раздаче земель в Южной России»[2], составленную Н. Д. Мизко. Сообщает, что через две недели едет за границу[3]:

«Я же теперь больше гожусь для монастыря, чем для жизни светской».

Просит Белозерского заехать в Васильевку для оказания хозяйственной помощи:

«Маминька несколько раз слышала об вас от меня и будет рада вам несказанно. Сестры мои, из которых две на днях вышли из института и вам несколько знакомы, предобрые девушки... <...> Если вы не хотите дать виду, или вам покажется неловким показать маминьке, что вы ревизуете имение, то скажите, пожалуй, что я вас просил особенно исследовать почву земли и годность ее для саду, а маминька знает, что я всегда хотел развести сад. <...> ...А я, между прочим, от себя предуведомил маминьку, что вы большой охотник до саду и большой охотник хозяйничать и знаток. <...> Одно письмо ваше я могу еще получить в Москве. Адресуйте на имя профессора Михаила Петровича Погодина на Девичьем поле. Обнимаю вас и вашего братца[4]...»

П. А. Кулиш в 1854 г. сообщал: «Г. Белозерский доставил Гоголю записку, под заглавием: "Историко-статистические сведения о раздаче земель в Южной России", составленную Н. Д. Мизко»[5].

Записка представляет тот исторический фон, который, очевидно, имел в виду Гоголь, предоставляя своему герою Чичикову планы поселения своих несуществующих крестьян в Таврическую и Херсонскую губернии[6]. Этот мотив находит еще одно отражение в перекличках образа Чичикова с его реальным прототипом — «охотником страшным до степей и Крыма» С. Д. Шаржинским[7].

[1] См. ***1836. Февраля 21. Пятница. Санкт-Петербург.*** — Незадолго перед тем, в январе 1840 г., в Борзне у Белозерского побывал А. Н. Мокрицкий, с которым они разговаривали о Гоголе (см. ***1839. Ноября после 3 — декабря не позднее 17. Санкт-Петербург*** — примечания).

[2] *Гоголь 2009–2010*. Т. 8. С. 578–591.

[3] Ср. ***1840. Мая 18. Суббота. Москва, Перхушково.***

[4] Михаил Данилович Белозерский или Иван Данилович Белозерский.

[5] Воспоминания Н. Д. Белозерского в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 1. С. 643.

[6] См. также ***1829. Июля не позднее 5. Санкт-Петербург*** (примечания).

[7] См. об этом коммент. к выписке Гоголя «Критика "Мертвых душ" из "Современника"» в изд.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 17. С. 877–880. См. также: *Гоголь 2001 (1)*. С. 399–401; ***1834. Июнь — июля начало. Санкт-Петербург***; ***1834. Июля 18. Среда. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 13. ВЕЛИКАЯ СУББОТА. МОСКВА

В «Прибавлении к № 30-му Московских Ведомостей» напечатано (в третий, последний раз) извещение об отъезде Гоголя за границу[1].

В тот же день Гоголь у Аксаковых читал шестую главу «Мертвых душ».

15 апреля 1840 г. С. Т. Аксаков сообщал сыновьям Григорию и Ивану в Петербург: «В субботу на страстной Гоголь прочел нам огромную седьмую[2] главу, где выведен скряга Плюшкин. Это лицо превосходит все лица творческой фантазии, какие я только знаю. Это нисколько не смешно, а грустно; это не простой скупец, а человек, прежде порядочно живший, только бережливый, но впоследствии, с потерею жены, детей, десятки лет поглощенный скаредством, развившимся ужасно в это время, и дошедший до глупости и гнусности невероятной; он только копит, бережет — нужды нет, что на десятки тысяч ежегодно гниет у него хлеба, сена, сукон, холста... Он только собирает в кучу... Это чудо да и только»[3].

В адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» (1854) Аксаков замечал: «По возвращении Гоголь начал читать у нас Мертвые Души и в разное время прочел [семь] шесть глав[4]. Читал также отрывки из комедии "Тяжба"[5] и начало итальянской повести "Ан<н>уцианта"[6], которое потом было несколько переделано и составило статью "Рим"[7], напечатанную в Москвитянине. <...> Он не любил быть в дороге один; он искал себе попутчика, которого на ту пору не было. Один молодой человек из числа наших приятелей, только что кон-

чивший курс в университете, В. А. Панов, который хотел ехать за границу года через два, решился переменить все свои планы и вызвался ехать с Гоголем. Последний от этого был в восхищении»[8].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «17-го <13-го> апреля, тоже в субботу, он прочел нам, перед самой заутреней Светлого Воскресенья, в маленьком моем кабинете, 6-ю главу, в которой создание Плюшкина привело меня и всех нас в великой восторг. При этом чтении был <А. О.> Армфельд, приехавший просто поиграть со мной в пикет до заутрени, и <В. А.> Панов, который приехал в то время, когда уже Гоголь читал, и чтоб не помешать этому чтению, он сидел у двери другого, соседнего моего кабинетца. Панов пришел в упоение и тут же решился пожертвовать всеми своими расчетами и ехать вместе с Гоголем в Италию[9]. Я уже говорил о том, как нужен был товарищ Гоголю и что он напрасно искал его. После чтения мы все отправились в Кремль, чтоб услышать на площади первый удар колокола Ивана Великого. Похристосовавшись после заутрени с Гоголем, Панов сказал ему, что едет с ним в Италию, чему Гоголь чрезвычайно обрадовался»[10].

В период между 15 и 19 апреля В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской: «В субботу Гоголь опять читал у нас, и что он читал — это просто возбуждает удивление, что человек может так творить»[11].

В позднейшей приписке к письму В. С. Аксакова сообщала: «Гоголь читал Плюшкина[12], перед самой заутреней Светлого Воскресения»[13].

[1] См. ***1840. Апреля 6. Лазарева суббота. Москва.***

[2] Ошибка С. Т. Аксакова. Имеется в виду шестая глава. Аналогичную ошибку допустила В. С. Аксакова в письме к братьям, написанном между 14 и 28 марта или между 10 и 12 апреля 1840 г. (см. ***1840. Марта 10 или 20 или 27 или апреля 10. Среда. Москва***). В черновых рукописях Гоголя, которыми он мог пользоваться при чтении Аксаковым глав «Мертвых душ» осенью 1839 — весной 1840 гг., Плюшкину, как и в окончательном тексте, посвящена шестая глава («Глава 6») (см.: *Гоголь 1937–1952.* Т. 6. С. 301). Позднее, в «Истории нашего знакомства с Гоголем...», С. Т. Аксаков исправил свою ошибку (см. ниже).

[3] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 580.

[4] См. ***1839. Октября 14. Суббота. Москва***; ***1839. Декабря 23. Суббота. Москва***; ***1840. Марта 6. Среда. Москва***; ***1840. Марта 10 или 20 или 27 или апреля 10. Среда. Москва.***

[5] См. ***1839. Октября 14. Суббота. Москва.***

[6] ***1840. Февраля 4. Воскресенье. Москва.***

[7] «Намерение написать повесть “Аннунциата” было брошено» (примеч. С. Т. Аксакова. В «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (1856) П. А. Кулиш к примечанию Аксакова добавил свое замечание: «Вероятно, к этой повести относится следующий отрывок, написанный на одной стороне осьмушки почтовой бумаги и найденный в чемодане Гоголя, оставшемся в квартире Жуковского за границею <см. ***1840. Января 13–14. Суббота-воскресенье. Санкт-Петербург***>.

“Клянусь, этаких очей нельзя представить и вообразить! Их тоже немощна предать кисть художника: так они черны; а из них льются молнии. А чело, плечи... это солнечное сияние, облившее белые стены каменных домов. А волосы, Боже, какие волосы! темная громовая ночь, и все в лоске. О, нет! такой женщины не сыскать в Европе; об них только живут предания, да бледные, бесчувственные портреты их иногда являются в правильных созданиях художников. У, как смело, как ловко обхватило платье ее могучие, прекрасные члены! Но лучше, если б оно не обхватило ее вовсе. Покровы прочь, и тогда бы увидели все, что это богиня. А попробуйте покровы прочь с немки, или англичанки, или француженки, и выйдет чорт знает что: цыпленок! Вот повернулась картинная голова. Коса кольцом. Сверкнул затылок и тонкая снежная шея. Еще движение, и уже видны благородные прямые линии носа, тонкий конец брови и три длинные иглы ресниц. А что же далее?.. Но нет, не гляди, не наноси своих молний...”

В 1839 году у него, по свидетельству С. Т. Аксакова, была новая комедия: «Владимир 3-й степени» <см. ***1838. Декабря 1 <ноября 19>. Суббота. Рим***; ***1840. Января 4. Четверг. Москва***; ***1841. Января 31 <февраля 12>. Пятница. Москва***>, но он не дописал ее, признавая ее, вероятно, в полном составе неудобною для печати, а может быть, он был недоволен ею, как взыскательный художник» (*Свод.* Т. 2. С. 637).

Ср.: «В 1839 году у Гоголя была новая комедия “Владимир 3-й степени”, но он не дописал ее признавая ее, вероятно, в полном составе, неудобною в цензурном отношении, а может быть, он был недоволен ею как взыскательный художник» (*Аксаков С. Т.* Из истории Нашего Знакомства с Гоголем <1832–1840 гг.>. <Выписки рукою П. А. Кулиша>. <Конец ноября – начало декабря 1854 г.> // *Свод.* Т. 2. С. 657). – Ср. также ***1839. Сентября 27. Среда. Москва.***

[8] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 637.

[9] См. ***1840. Апреля 27. Суббота. Москва.***

[10] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 690.

[11] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 810.

[12] То есть шестую главу первого тома «Мертвых душ».

[13] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 810.

АПРЕЛЯ 14. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ

АПРЕЛЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. МОСКВА

Гоголь читает первые главы «Мертвых душ» у И. В. Киреевского.

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Гоголь читал первые главы “Мертвых Душ” у Ив. Вас. Киреевского и еще у кого-то: все слушатели приходили в совершенный восторг, но были люди, которые возненавидели Гоголя с самого появления “Ревизора”»[1].

В средине апреля 1840 г. В. С. Аксакова сообщала братьям Григорию, Ивану и Михаилу в Петербург: «Хотелось бы часто тебя послушать, Мишенька, смотри не оставляй музыку <...>. Лангер[2], которого Константин недавно видел, очень об тебе расспрашивал и боится, чтоб ты не забыл, чему учился у него. Теперь здесь мать Гоголя[3], женщина умная, чрезвычайно приятная; она привезла с собой меньшую дочь[4], которой Лангер будет давать уроки[5]. Гоголь очень похож на свою мать. Она скоро едет назад в деревню и увозит с собою старшую дочь и меньшую, а средняя остается здесь у какой-то дамы[6]. <...> Константин познакомился недавно с Киреевским[7], Гоголь попросил его ехать с ним вместе прямо на вечер к Киреевскому, и Константин согласился, это, конечно, только один Гоголь мог сделать, Константин теперь сделался еще более немодным; эта мысль, что ни к кому не поеду, прежде нежели тот у меня не будет или не будет меня убедительно просить, у него теперь сделалась еще сильнее, но он готов сделать все для Гоголя, все, о чем то<лько> он его не попросит. Кажется, Гоголь более не будет читать, у него еще ничего не кончено...»[8]

В адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» (1854) Аксаков замечал: «Пребывание в Москве Гоголя имело сильное на него влияние»[9]. Далее Аксаков, предваряя цитату из письма к нему Гоголя из Вены от 7 июля (н. ст.) 1840 г.[10], замечал: «Первые письма Гоголя из Варшавы, Вены и Венеции к одному из друзей его были так же веселы и шутливы, каким он был сам во время пребывания своего в Москве»[11].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» Аксакова: «В это пребывание свое в Москве Гоголь играл иногда в домино с Константином и Верой, и она проиграла ему дорожный мешок (sac de voyage). Гоголь взял обещание с Веры, что она напишет ему масляными красками мой портрет[12], на что Вера согласилась с тем, чтобы он прислал нам свой, и он обещал»[13].

[1] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 693.

[2] Леопольд Федорович Лангер (1802–1885), композитор и преподаватель музыки, знакомый В. Г. Белинского.

[3] См. ***1840. Апреля начало, не позднее 7 — апреля 27. Суббота. Москва.***

[4] Ольга Васильевна Гоголь (в замужестве Головня).

[5] См. также ***1840. Августа 3 <15>. Суббота. Москва.***

[6] У П. И. Раевской.

[7] К. С. Аксаков в одном из своих писем, в частности, замечал о И. В. Киреевском: «Ив<ан> В<асильевич> странный человек; от него услышишь иногда такие неожиданные вещи, которые бы, кажется, нельзя ожидать от человека умного. В И<ване> К<иреевском> очень мало естественного и простого; человек, который не понимает, не любит природы, который, кажется мне, не понимает также и природы человека — народа, который является совершенно индивидуально, отвлеченно наполняясь категориями человеческими, — такой человек, обращаясь во внутренней и добросовестной работе своего духа, в истощительной заключенной деятельности, никогда не будет иметь, не вынесет свежей действительной мысли, свежего действительного чувства. Кир<еевский>, я думаю, ты знаешь, не понимает Гоголя» (*Кошелев В. А.* Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов. 1840–1850-е годы. Л., 1984. С. 33).

[8] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 809–810.

[9] См. также ***1840. Сентября начало — декабря начало <сентября средина — декабря средина>. Санкт-Петербург***; ***1840. Декабря 11 <23>. Среда. Санкт-Петербург***; ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[10] См. ***1840. Июля 7 <июня 25>. Вторник. Вена.***

[11] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 637, 638.

[12] См. также ***1840. Сентября 10 <августа 29>. Четверг. Венеция.***

[13] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 690.

1839 ОКТЯБРЯ НАЧАЛО – ОКТЯБРЯ 26; 1839 ДЕКАБРЯ КОНЕЦ – 1840 АПРЕЛЯ СРЕДИНА[1]. МОСКВА

Предположительно в указанный период художник И. И. Жерен пишет портрет Гоголя.

Из наблюдений М. Н. Сперанского (1902): «...Портрет Гоголя работы *Жерена* (Gérin) <...> — первый из известных нам портретов (акварель), рисующих Гоголя по наружности таким, каким мы знали его за последний период жизни. Точное установление обстоятельств и времени написания портрета трудно при тех средствах, какими мы располагаем. (Издан портрет в обоих альбомах последних пушкинских выставок (петербургской, л. 43, московской, л. 67), с неопределенным указанием: "времен Пушкина" (каталог петерб<ургской> выставки, № 543), т. е. до января 1837 года.) <...> ...Судя по типу портрета, он должен был быть писан позднее <...> портрета в группе писателей, т. е. после весны 1835 <1836> г.[2], так как на портрете в группе Гоголь еще "франтиком", у Жерена уже с усами, эспаньолкой и характерной прической — все черты позднейшей физиономии Гоголя. <...> Жерен жил в России, в Москве был учителем рисования. <...> ...Если Жерен, московский учитель рисования, писал в это время Гоголя, <...> то <...> мы должны предположить, что Жерен был в Петербурге и писал портрет до мая 1836 г. (отъезда Гоголя за границу). Относительно этого сведений у нас не имеется. Но в апреле 1836 г. на генеральной репетиции "Ревизора" Каратыгин рисует Гоголя[3] еще "франтиком", т. е. старый тип. Т. о., если допустить наше предположение, <...> <что> хронология портрета Жерена определяется <...> между второй половиной апреля (18 число) и концом мая 1836 года <...>, то необходимо допустить, что Гоголь, едучи за границу <...> перед отъездом переменил и наружность, отпустивши усы и бородку, уничтоживши модный хохол и облекшись в более "солидный" костюм»[4].

Без усов и бородки Гоголь изображен также на карандашном портрете работы К. П. Брюллова, датируемом концом мая 1836 г.[5] Судя по этому портрету, своей «наружности» перед отъездом за границу в 1836 г. Гоголь не менял. Скорее всего, его портрет работы Жерена, «с усами, эспаньолкой»[6], написан в Москве, в период с октября 1839 по первую половину мая 1840 гг.

[1] См. ***1840. Апреля 27. Суббота. Москва.***

[2] См. ***1836. Января вторая половина — февраль. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1836. Апреля 18. Суббота. Санкт-Петербург.***

[4] *Сперанский М. Н.* Портреты Н. В. Гоголя // Гоголевский сборник. Киев, 1902. С. 128–130; см. также: *Свод.* Т. 1. С. 839.

[5] См. ***1836. Мая 24–31. Воскресенье, заговенье на Петров пост, — воскресенье. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1839. Сентября 29. Пятница. Москва***; ***1839. Октября 26. Четверг. Москва.***

АПРЕЛЯ 16. ВТОРНИК СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет братьям Григорию, Ивану и Михаилу в Петербург:

«Спешу вам сказать одну новость, которая вас очень удивит, особенно тебя, Гриша. Вы уже знаете, что Гоголь ищет попутчика и объявлял в газетах о том, только не тем смешным объявлением, о котором я вам писала[1], — вообразите, что этого не пропустили [в это трудно поверить]. Но только Гоголь до сих пор не находил никого. Панов решился ехать с ним, и вчера уже они условились. Сегодня Панов едет к своей матери проститься и тотчас же воротится, чтоб ехать с Гоголем в чужие края, через Вену. <...> Панов хотел ехать в чужие <края>, но только после выдержания экзамена в магистры, но теперь решился и хочет прежде, и пробыть там года два».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 810.

[1] См. ***1840. Апреля между 3 и 10. Москва.***

АПРЕЛЯ 17. СРЕДА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. МОСКВА

В «Прибавлении» к «Московским Ведомостям» напечатано (в третий раз) извещение о поисках Гоголем попутчика в дорогу до Вены.

См. ***1840. Апреля 6. Лазарева суббота. Москва.***

МАЯ 1 <АПРЕЛЯ 19>. ПЯТНИЦА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. РИМ

С. П. Шевырев пишет М. П. Погодину в Москву:

«Напиши же Данилевскому, чтобы он выслал деньги к Павлову. По моему расчету следует с него 354-х асс<игнациями>, которым равняются 400 франков.

Станкевич[1] здесь и бедный очень болен: у него горловая чахотка. Едва ли он ее вынесет. Лечит его прусак, доктор Папы —и посылал его в Альбано, в окрестности Рима. Очень жаль его.

А Максимович-таки перебил заглавие! Этот человек не <может> не подражать: мы Москвитянина, а он уж тотчас Киевлянина».

Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 87.

[1] Николай Владимирович Станкевич (1813–1840), философ, поэт.

АПРЕЛЯ 21. ФОМИНО ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

М. П. Погодин предположительно возвращается из Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в Москву.

См. ***1840. Апреля 7. Вербное воскресенье. Москва.***

АПРЕЛЯ 23. ВТОРНИК. РАДОНИЦА. 7 ЧАСОВ ВЕЧЕРА. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Большом театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин. На представлении, возможно, присутствует Гоголь с матерью и сестрами[2].

«Императорский Московский Театр. В большом Театре. <...> Во вторник, 23-го Апреля, *не в счет абонемента: Ревизор,* оригинальная комедия в 5 действиях, в прозе, соч. *Н. Гоголя. Вторник на Фоминой неделе,* или *Продажа дешевых товаров.* Московская картина в 1 действии. *Начало в 7 часов*»[3].

Сестра Гоголя Ольга Васильевна вспоминала, что во время пребывания в Москве в апреле 1840 г., брат «несколько раз возил» мать и сестер в театр[4].

Через несколько дней после спектакля, 27 апреля 1840 г., князь П. А. Вяземский писал жене: «Был я в театре: давали "Ревизора". Щепкин хорош в роли Городничего, но не лучше же Сосницкого[5], а все прочие лица в Петербурге лучше. Театр мрачен, грязен и пуст»[6].

Возможно, в день представления, 23 апреля 1840 г., Вяземский встретился в театре с Гоголем и посоветовал ему искать места конференц-секретаря в Риме при только что назначенном туда инспектором русских художников П. И. Кривцове[7].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305; см. также: *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1897 гг.> // *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1852.

[2] См. ***1840. Января 4. Четверг. Москва.***

[3] Прибавления к № 32 Московских Ведомостей (Апреля 20-го <1840>). С. 486.

[4] См. ***1840. Апреля начало, не позднее 7 – апреля 27. Суббота. Москва.***

[5] См. также ***1838. Апреля 13 <25>. Среда. Москва; 1838. Апреля 17 <29>. Воскресенье. Санкт-Петербург; 1838. Апреля 22 <мая 4>. Пятница. Санкт-Петербург; 1839. Ноября 26. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[6] *Гриц.* С. 273.

[7] См. ***1840. Мая 3. Пятница. Москва.***

АПРЕЛЯ 23–24. ВТОРНИК-СРЕДА. МОСКВА

Гоголь, заботясь о том, чтобы поместить сестру Елисавету в дом П. И. Раевской[1], встречается с Н. Н. Шереметевой, с которой, вероятно, познакомился ранее у В. А. Жуковского[2].

В эти дни Гоголь писал А. П. Елагиной: «Не имеете ли какого-нибудь известия от Раевской? Если нет, то прошу вас еще одной милости. Вы верно знаете Дочь Пастора Зедергольма[3]. Напишите ей маленькую записочку, чтобы она уведомила на маленьком лоскутке бумажки. Она, верно, знает мысли Раевской об этом деле. Откровеннее сколько возможно. Маминька отъезжает завтра[4] и потому здесь нужно необходимо окончание совершенно решительное. Если окажется что-нибудь похожее на слово: нет (деликатничать нечего, меня теперь ничто не может огорчить), то сестра может сделать противоположное, т. е. ехать с маминькой. <...> Отъезд задержан. Я был у вас и не застал дома. Хотел ехать к Зедергольму, но никто мне не мог означить его адреса».

Получив это письмо, А. П. Елагина писала Шереметевой: «Сию минуту получила от Гоголя записку, хотела послать к вам, но дети куда-то затащили; он в великой тревоге, возьмет ли Р<аевская> сестру его или нет. Ваша добрая записка его успокоит. Какие вы славные! Дай вам Бог здоровья!»[5]

В следующей записке к Шереметевой Елагина сообщала: «Благодарю вас сердечно; приказание ваше передала Гоголю, который принял с покорностью, и исполнит. Он хотел сегодня *к вам*, не знаю, доедет ли. Еще раз, дай вам Бог здоровья»[6].

Оставляя в апреле 1840 г. сестру Елисавету в Москве, Гоголь заботился о том, чтобы она попала не просто в «хорошую», но в глубоко верующую, церковную семью. Гоголю предлагали тогда свои услуги М. П. Погодин, С. Т. Аксаков[7], но он, через посредство Н. Н. Шереметевой, выбрал Раевскую, известную в Москве своим благочестием: «...через Надежду Николаевну Шереметеву, почтенную и благодетельную старушку, которая впоследствии любила Гоголя, как сына, поместил он сестру свою Лизу к г-же Раевской, женщине благочестивой[8], богатой, не имевшей своих детей, у которой жили и воспитывались какие-то родственницы»[9]. Настойчивость Гоголя объяснялась именно заботой о христианском воспитании сестер. «Я совершенно благодарю Бога за то, что Лиза будет у ней», — писал он матери 3 мая 1840 г. Е. М. Хомякова извещала тогда же своего брата поэта Н. М. Языкова: «Я очень люблю Гоголя; он очень добрый и любит сестер, заботится об них... Теперь он очень рад, что поместил одну у препочтенной и богомольной дамы, старой Раевской...»[10] (Духовником Е. В. Гоголь во время ее проживания в Москве у Раевской стал протоиерей Сергий Григорьевич Терновский[11], известный проповедник, духовный писатель, магистр Московской Духовной академии; ум. в 1868 г.)

Позднее (вероятно, весной 1843 г.)[12] Гоголь писал Раевской: «Сестру мою я пристроил к вам, зная, что она не будет счастлива дома вследствие многих причин. Душа ее не лишена прекрасных движений и доброты, но какое-то упорное свойство отчасти сильного характера грозило ей многими несчастиями. Для умирения душевного ей просто нужно было безмятежную противоположность, и эту безмятежную противоположность нашла она в вашем доме, в семействе добрых, светлых душ». Самой сестре Гоголь также признавался: «Я поместил тебя к Прасковье Ивановне совсем не затем, чтобы чему-нибудь выучиться, но чтобы нечувствительно сделаться и самой доброю, находясь ежеминутно окруженной кроткими и незлобивыми людьми, тогда как если бы ты осталась тогда в доме, ты бы еще более раздражилась в характере от беспрестанных ссор и споров с сестрой. Но, живя там и видя пред собой беспрестанно светлое, исполненное доброты лицо Прасковьи Ивановны, ты и сама стала нечувствительно выражать на лице своем больше светлости и спокойствия» (письмо от 6 апреля (н. ст.) 1847 г.).

По свидетельству С. Т. Аксакова, сестра Гоголя действительно «во время пребывания своего у Раевской много переменилась к лучшему, чем Гоголь был очень доволен»[13]. 21 августа 1851 г. жених Елисаветы Васильевны (спустя непродолжительное время ее супруг) Н. В. Быков писал Гоголю: «Я всегда старался искать девицы как можно меньше любящей роскошь; теперь по воле Всевышнего мои мечты сбылись и я восхищаюсь похвалами Елизавете Васильевне, которые слышу от всех ее знающих, и потому теперь мне остается просить Бога, чтобы Он поддержал ее в добрых качествах до конца жизни».

[1] Прасковья Ивановна Раевская (рожд. Арсеньева; 1788 –1846). — См. также ***1840. Апреля 27. Суббота. Москва*** (примечания).

[2] См. ***1839. Октября 7. Суббота. Москва.***

[3] Надежда Карловна Зедергольм, дочь пастора Карла Альбертовича Зедергольма (1769–1867), была гувернанткой в доме П. И. Раевской.

[4] Отъезд был отложен (см. ***1840. Апреля 27. Суббота. Москва***).

[5] Гоголь в письмах А. П. Елагиной // *Свод.* Т. 2. С. 132.

[6] Тама же. Т. 2. С. 133.

[7] См. ***1840. Февраля 26. Понедельник. Начало Великого Поста. Санкт-Петербург.***

[8] См. также ***1840. Апреля 27. Суббота. Москва*** (воспоминания Е. В. Гоголь).

[9] См. ***1840. Апреля начало, не позднее 7 — апреля 27. Суббота. Москва.***

[10] См. ***1840. Мая средина. Москва.***

[11] См. ***1851. Июля 14. Суббота. Москва.***

[12] См. ***1843. Апреля средина — мая 2 <апреля начало — апреля 20>. Рим.***

[13] См. ***1842. Мая 21. Четверг. Москва.***

АПРЕЛЯ 24. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский пишет В. П. Боткину в Москву:

«А кстати: ты познакомился с Гоголем[1] — вот так поздравляю и даже завидую. Чертовски досадно, что он едет не через Питер и что я его не увижу — хоть бы из окна в улицу посмотреть на него».

Из писем В. Г. Белинского // *Свод*. Т. 3. С. 252.

[1] Вероятно, знакомство состоялось благодаря брату В. П. Боткина Николаю Петровичу (см. ***1840. Мая 12–18. Москва***).

АПРЕЛЯ 25. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Вероятно, в этот день А. П. Елагина писала Н. Н. Шереметевой:

«Благодарю вас от всего сердца. Завтра[1] он <Гоголь> у меня обедает; я переговорюсь с Н<иколаем> В<асильевичем> и тогда повезу сама к Прасковье Ивановне[2], которую Бог наградит лучшими Своими благами. И вас также, моя добрая, бесценная».

Гоголь в письмах А. П. Елагиной // *Свод*. Т. 2. С. 133.

[1] См. ***1840. Апреля 26. Пятница. Москва***.
[2] Раевской. – См. ***1840. Апреля 23–24. Вторник-среда. Москва***.

АПРЕЛЯ 26. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Вероятно, в этот день Гоголь обедал у А. П. Елагиной[1].

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов А. П. Елагиной, сообщал: «С А. П. Е<лагин>ой, <...> он <Гоголь> сблизился всего больше по случаю помещения сестры его к П. И. Р<аевск>ой. Интересен рассказ ее о нерешимости, овладевшей Гоголем (это была одна из слабостей его характера), когда нужно было ехать к П. И. Р<аевск>ой с матерью[2], чтобы поблагодарить ее за доброе дело, которое она для него сделала. Заехав к А. П. Е<лагин>ой на минуту, он долго медлил у нее, не смотря на напоминания матери, что пора ехать; наконец положил руки на стол, оперся на них головою и предался раздумью. "Не поехать ли мне за вас, Николай Васильевич?", – сказала тогда А. П. Е<лаги>на. Гоголь с радостью на это согласился»[3].

[1] См. ***1840. Апреля 25. Четверг. Москва***.
[2] М. И. Гоголь с дочерьми Анной и Ольгой на следующий день уезжала из Москвы на родину (см. ***1840. Апреля 27. Суббота. Москва***).
[3] Воспоминания А. П. Елагиной в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 2. С. 130.

АПРЕЛЯ 26. ПЯТНИЦА. ВОРОНЕЖ

Представление «Ревизора» в Воронежском театре, в исполнении труппы, организованной 21 апреля 1840 г. актером Микульским:

«26-е апр<еля>. *Ревизор*, комедия Гоголя. Первые два действия комедии шли сухо и скучно, но последние вознаградили за прежние; самая главная причина неуспеха пиесы, кажется, состояла в незнании ролей большей части актеров. Васильев (Городничий) совершенно не выдержал роли; он не умел выразить той ужасной робости, которая попрепятствовала пронырливому уму Городничего с первого раза узнать птицу по полету; отчего естественно он должен был броситься в другую крайность и дать очерк какого-то другого непонятного характера. Жаль, что Васильев, имев случай видеть Щепкина в этой роли, не проследил его умной игры. Данилова, Московская актриса, в роли Анны Андреевны была очень, очень хороша. Провинциальное безвкусие в костюме, заметное кокетство во всех движениях, она выразила как нельзя удачнее. Ларина (Марья Антоновна) была

слишком проста, хоть это и не последнее условие ее роли. Рыбаков (Тяпкин-Ляпкин) изолировал себя и держался от всех на пушечный выстрел. К чему давать такое заносчивое выражение характеру, который все-таки необходимое звено в этом оригинальном обществе?..

Микульский (Земляника) был бесподобен; небольшой своей роли он дал именно то выражение, которое следует по смыслу пиесы; в его манерах чрезвычайно хорошо выражалось пронырство под маскою простоты; и теперь еще без улыбки не могу представить того смиренного вида, которой он имел, разговаривая с Хлестаковым. Лавров (Хлестаков) был принужден и натянут; притом он часто оканчивает разговор каким-то странным шопотом; жаль, что он принимает ложную дорогу, а он имеет много таланта и сценической ловкости. <П. С.> Мочалов (Осип) был хорош, а мне кажется, вот где настоящее место Васильева. – Суфлер во время нынешнего представления играл громко и прекрасно».

Дацков И. Воронежский театр // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песоцким, на 1840 год. СПб.: В типографии А. А. Плюшара, 1840. Т. 2. Кн. 7. С. 3–4; *Клинчин.* С. 153.

АПРЕЛЯ МЕЖДУ 21 И 27. МОСКВА

Гоголь в доме М. П. Погодина читает одно из своих произведений (вероятно, «Мертвые души» или «Женитьбу»)[1]; часто вместе с матерью и сестрами бывает у Аксаковых.

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Последнюю неделю своего пребывания в Москве Гоголь был у нас всякий день и пять раз обедал, по большей части с своей матерью и сестрами»[2].

[1] См. ***1840. Апреля начало, не позднее 7 – апреля 27. Суббота. Москва*** (воспоминания О. В. Гоголь); ***1840. Апреля 21. Фомино воскресенье. Москва.***

[2] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 691.

АПРЕЛЯ 27. СУББОТА. МОСКВА

В «Прибавлении к № 34-му Московских Ведомостей» напечатано первое извещение об отъезде за границу В. А. Панова[1]:

«В Германию, Швейцарию и Италию, кандидат ИМПЕРАТОРСКОГО Московского университета Василий Алексеевич Панов; спросить в университете»[2].

В тот же день – в день рождения сестры Гоголя Анны (которой исполнилось 19 лет)[3], М. И. Гоголь вместе с ней и младшей дочерью Ольгой выехала из Москвы в Васильевку. (Дочь Елисавета осталась до 10 мая 1840 г. в доме М. П. Погодина – до тех пор, пока Гоголь не перевез ее к П. И. Раевской[4].) Накануне отъезда Гоголь наказал сестре Анне заниматься в Васильевке переводами.

Позднее, в письме к сестре Анне от 7 августа (н. ст.) 1840 г. из Вены, Гоголь замечал: «К чему ты спрашиваешь меня, что тебе нужно переводить, к чему это? Ведь ты очень хорошо знаешь, что тебе нужно делать? Я тебе слишком ясно сказал перед отъездом, что и французский перевод, и немецкий, тот и другой нужен, но немецкий нужнее, ибо нужно, чтобы к новому году перевести полторы книжки маленькие, которые я тебе купил. А тебе, признайся, не хотелось приниматься

за работу, которая показалась на тот раз скучною. Дай-ка, подумала сама в себе, я спрошу его, а до того времени погуляю... <...> Не ленись, помни, что это одно может доставить тебе деньги и даст со временем возможность помогать даже маминьке».

29 октября (н. ст.) 1840 г. Гоголь писал также Погодину: «Анетой я доволен совершенно... <...> Уже в последний день, который она провела со мною, я прочитал в лице ее решительность и силу и видел в жадности, с какой она меня слушала, что уже с моей стороны сделано всё».

Погодин 27 апреля 1840 г. записал в дневнике: «Провожали Гоголюху. Заплакали и деревяшки»[5]. («Деревяшками» Погодин называл, за их застенчивость, сестер Гоголя Анну и Елисавету, только что выпущенных из института[6].)

В. И. Шенрок в 1895 г. сообщал: «Одну из сестер Гоголю удалось поместить у П. И. Раевской, приятельницы его знакомой А. П. Елагиной. По словам покойной А. В. Гоголь (в письме ко мне), Гоголь "прежде совсем не знал Раевской, но ему посоветовали поместить сестру в этом почтенном семействе, и тогда только он познакомился с ними"»[7].

Сама Елисавета Васильевна вспоминала: «Маминька пробыла не <более> месяца в Москве. Брат никак не решался нас отпускать в деревню, и так как Анет здоровье требовало деревенского лечения, то он ее отпустил с Маминькой, а для меня приискивал такое семейство, где бы мог меня оставить. Ему посоветовали такой дом. Почтен<н>ая, всеми уважаемая Прасковья Ивановна Раевская, благочестивая и добродетельная[8] вдова, она хотела поселиться в Монастыре и жила уже 5 лет там, и мясного не ела 10 лет с тех пор, как умер ее муж[9], но привязанность и любовь к маленькой племяннице[10], которую она взяла 5 лет по случаю несогласия между собой ее родителей[11], заставила ее оставить монастырь и переехать в город, где она имела свой небольшой дом; эту-то почтенную даму брат просил меня принять на 5 месяцев[12], пока он съездит за границу.

Он меня свозил наперед познакомить с M-me Раевской, которая мне очень понравилась. Это была эпоха моей влюбчивости в дам. Вскоре Маминька, Оля и Анет уехали. О, какое для меня тягостное было это время, мое первое расставанье с Анет, я много плакала, мы с братом ехали их провожать до конторы дилижансов. Возвратясь к Погодиным, я вошла в свою комнату, и как она показалась мне пуста! – нас мало 4-х, теперь я одна, – я залилась слезами. Брат, чтобы успокоить меня, повел в свою комнату и, чтобы развеять, начал показывать, что у него в ящиках, в бюре; прежде находила между бумагами всегда я пакеты его любимых конфект, орехов грецких в сахаре и чернослив в сахаре, в прочих – разного сорта платочков шейных, большею частию кисейных, когда я была в веселом расположении духа, то только открыть ящик, уже мои руки там, и он спешит запирать, чтобы я у него не схватила чего, я часто просила его подарить мне один из его платочков, но он всегда отказывал, теперь же сам предлагал, но я от всего отказывалась, ничем не мог меня утешить, он уже начал говорить, что он оттого меня оставил в Москве, что меня больше всех любит, и не хотел со мной расстаться; наконец вынимает портрет свой[13] и дарит мне, меня очень он обрадовал, и я немного успокоилась, но войдя опять в свою комнату, я горько плакала. Брат, видя меня в таком грустном положении, просил M-me Погодину не оставлять меня одну в прежней комнате, и так меня взяла старушка Погодина спать в свою комнату, я боялась одна спать. На другой день[14] отвез меня брат к M-me Раевской»[15].

Ольга Васильевна вспоминала: «Итак, брат нас выпроводил, нанял дилижанс и на дорогу дал нам разные съестные припасы: икры, сыру, разные копченки и калачи, замечательно вкусные московские калачи, и этой провизии нам стало до Харькова. Ехали мы день и ночь, нигде не останавливалися, даже чай не пили до Харькова две недели. В Харькове остановились в доме Воронянского, который был женат на дочери Квитки; оттуда <мать> написала в деревню, чтобы выслали лошадей, и там пришлося целую неделю ожидать, пока прислали лошадей. Из Харькова тоже долго ехали; наконец, ночью приехали в деревню. Мать не велела будить сестру <Марию>. В гостиной постлали постель – матери на диване, а мы на полу. Тогда была лунная ночь, соловьи пели, так было приятно, что и спать не хотелось. Утром сестра вошла к нам, а дальше не помню, какая встреча, а главное, ничего не

слышала, о чем они говорили. Только помню, что сестра уступила свою комнату, а сама перешла к матери в спальню. Бедная сестра, ей казалось, что она лишняя в доме! Как ей хотелось, чтобы мать выделила ей часть, чтобы хозяйничать на своем. Она бы не прочь и ей помогать в чем-нибудь, но мать любила сама всем распоряжаться. Все говорила матери, что вы тех, то есть нас, больше любите, да и матери было тяжело видеть ее в грустном положении, но нам она не мешала, она постоянно сидела в спальне. Мы с нею обращались с почтением и на вы, называли ее не по имени, а — сестрица. Сын ее был в Полтаве, учился в гимназии, но незаметно было, чтобы она была к нему привязана. По большим праздникам приезжал домой ее сын, но не помню, как он проводил время дома. Замечательно добрый мальчик, нас он очень любил, а моя мать его больше любила, как <чем> нас. Но сестре было не до него. Ей хотелось выйти замуж за Данилевского, а он не думал о ней, хотя и приезжал к нам, как к матери его друга, который в Нежине учился с моим братом; а она вообразила, что к ней; но ничего не заметно было, чтобы он интересовался ею. Бедная, мечта ее была несбыточна»[16].

[1] См. ***1840. Апреля 13. Великая суббота. Москва.***

[2] <Извещения газеты «Московские Ведомости» от 6, 10 и 13 апреля 1840 г. об отъезде Гоголя за границу> // *Свод.* Т. 2. С. 156.

[3] См. ***1821. Апреля 27. Среда. Васильевка.***

[4] См. ***1840. Мая 10. Пятница. Москва.***

[5] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1840–1841 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 472.

[6] См. ***1840. Января 7. Воскресенье. Москва.***

[7] Воспоминания А. В. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 162.

[8] См. также ***1840. Апреля 23–24. Вторник–среда. Москва.***

[9] Иван Евграфович Раевский (около 1763–1817).

[10] Варвара Алексеевна Мосолова (в замужестве княгиня Львова; 1828–1904).

[11] Алексей Петрович Мосолов и Прасковья Николаевна Мосолова (рожд. Молчанова).

[12] См. также ***1840 сентября конец – 1841 январь <1840 сентября средина – 1841 января средина>. Рим.***

[13] Возможно, портрет работы И. И. Жерена (см. ***1839 октября начало – октября 26; 1839 декабря конец – 1840 апреля средина. Москва***).

[14] См. ***1840. Мая 10. Пятница. Москва.***

[15] Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 1. С. 184–185, 183–184.

[16] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 199.

АПРЕЛЯ 28. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

А. И. Тургенев записал в дневнике:

«Обедал у <М. Ф.> Орлова с Вяз<емским>, к<нязем> Голицыным[1], Гогелем, Ча<а>даевым, Погодин<ым>, <И. И.> Давыдовым, генералами и проф<ессорами>»[2].

Возможно, в этот день Тургенев предложил Гоголю искать места конференц-секретаря в Риме при только что назначенном туда инспектором русских художников П. И. Кривцове[3].

[1] Возможно, имеется в виду князь Д. В. Голицын.

[2] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 77.

[3] См. ***1840. Мая 3. Пятница. Москва.***

АПРЕЛЯ 28. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВОРОНЕЖ

А. В. Кольцов пишет В. Г. Белинскому:

«Сегодня Павел Степанович <Мочалов> был у меня... <...> Говорит, что вас видел и был у вас редко... <...> Гоголь в Москве, однако Павел Степанович его не видал. Досадно, чорт возьми, если он скоро опять улетит в Италию, и я его не увижу, а уж он, поедет туда, — скоро не воротится».

Гоголь в письмах А. В. Кольцова // *Свод.* Т. 1. С. 807.

АПРЕЛЯ 29. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение девятого, десятого и одиннадцатого томов «Сочинений Александра Пушкина» (СПб., 1841)[1], где, в частности, впервые напечатаны: стихотворения А. С. Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один...» (с названием «К Н**»)[2], «Странник» (с названием «Отрывок»)[3] (т. 9); незаконченный роман «Дубровский»[4] (т. 10); отдельные главы неозаглавленной статьи Пушкина о А. Н. Радищеве («Шоссе», «Москва», «Ломоносов», «О Цензуре» <Торжок>, «Русская изба», «Этикет») (т. 11)[5]; и др.

В Риме эти тома сочинений Пушкина были получены в начале января (н. ст.) 1843 г.[6]

[1] См. также ***1837. Апреля 3 <15>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1842. Января между 2 и 7. Москва*** (примечания).

[3] Позднее, в статье X. *О лиризме наших поэтов* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846), Гоголь писал: «Не говоря уже о Ломоносове и Державине, даже у Пушкина слышится этот строгий лиризм повсюду, где ни коснется он высоких предметов. Вспомни только стихотворенья его: к пастырю Церкви, “Пророк” и, наконец, этот таинственный побег из города, напечатанный уже после его смерти». В другой статье – «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» – Гоголь еще раз напоминал об этом пушкинском стихотворении: «...Еще замечательней было то, что строилось внутри самой души его и готовилось осветить перед ним еще больше жизни. Отголоски этого слышны в изданном уже по смерти его стихотворенье, в котором звуками почти апокалипсическими изображен побег из города, обреченного гибели, и часть его собственного душевного состояния». – См. также ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург***; ***1850. Январь-май. Москва.***

[4] См. ***1837. Ноября средина. Санкт-Петербург*** (примечания).

[5] См. ***1834 – 1836 начало.***

[6] См. ***1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим*** (примечания).

МАЯ 1. СРЕДА. МОСКВА

В «Прибавлении к № 35-му Московских Ведомостей» напечатано второе известие об отъезде за границу В. А. Панова.

См. ***1840. Апреля 27. Суббота. Москва.***

1839 ДЕКАБРЯ КОНЕЦ – 1840 НЕ ПОЗДНЕЕ НАЧАЛА МАЯ. МОСКВА

Гоголь заказывает сапоги у немецкого сапожника П. Э. Такке[1]; вечером посещает Английский клуб.

Барон А. И. Дельвиг вспоминал: «По прошествии нескольких лет, когда уже была напечатана первая часть “Мертвых душ”[2], я встретился с ним в Москве у сапожника Таке, у которого он очень хлопотал о том, чтобы сапоги ему были красиво сшиты[3], и в тот же день в английском клубе[4], где мы сидели на одном диване. Не узнал ли он меня, или не хотел узнать, но мы не говорили друг с другом, как в этот раз, так и во все следующие наши встречи в Москве.

Упомянув о сапожнике Таке, не могу не сказать, что он был художник своего дела. Сапоги, им шитые, были и прочны и изящны; со всех работанных им сапогов у него были колодки, расположенные в известном порядке. Это был своего рода музей, так как в его долговременную и большую

практику у него набралось множество колодок. Постарев и нажив хороший капитал, он продал свой магазин, бывший в Большой Дмитровке».

Дельвиг А. И., барон. Мои воспоминания // *Свод.* Т. 1. С. 723.

[1] Сапожная мастерская Петра Энгельбертовича Такке располагалась в Москве на Большой Дмитровской улице (см.: Книга адресов столицы Москвы, составленная из документов и сведений правительственных и присутственных мест, изданная майором и кав<алером> фон Метелеркампом и К. Нистремом. М., 1839. Ч. 3. С. 223).

[2] Несмотря на указание А. И. Дельвига, что его встреча с Гоголем состоялась после выхода в свет первого тома «Мертвых душ», периодом одновременного проживания Гоголя и А. И. Дельвига в Москве, в который с наибольшей вероятностью могла произойти их встреча, является конец декабря – начало мая 1840 г. (первый том «Мертвых душ» вышел два года спустя, в мае 1842 г.). Как явствует из письма Гоголя к С. Т. Аксакову из Вены от 7 июля (н. ст.) 1840 г., именно в этот период Гоголь посещал в Москве немецкого сапожника Такке, с которым, по-видимому, долго обсуждал заказ (см. ***1840. Июля 7 <июня 25>. Вторник. Вена***).

А. И. Дельвиг проживал также в Москве с ноября 1839 г. до конца марта 1842 г., когда уехал на Кавказ. Гоголь приехал в Москву в октябре 1841 г. и отбыл в мае 1842 г. Однако в то время Гоголь избегал посещений Английского (или Дворянского) клуба (иначе – Российского благородного собрания). Об этом могут свидетельствовать строки записки Гоголя к С. Т. Аксакову от 20 октября 1841 г., в ответ на приглашение «отобедать вместе в клубе»: «К вам натурально приеду, а в клуб и ворон костей моих не занесет». Сведениями о посещении тогда Гоголем сапожника Такке мы также не располагаем.

[3] См. также ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота – июля вторая половина, не позднее 26. Калуга.***

[4] А. И. Дельвиг являлся членом Английского клуба с марта 1837 г.

МАЯ 3. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь сообщает матери в Васильевку:

«Лиза день погрустила после вашего отъезда. <...> Мы были потом опять у Раевской. Я совершенно благодарю Бога за то, что Лиза будет у ней».

В тот же день Гоголь писал также сестре Анне:

«Посылаю тебе, милая моя Анет, твой браслет... <...> Лиза день было погрустила после вас, особливо когда вошла в пустую комнату. Но на другой и на третий день развеселилась снова. Теперь она уже обожает Раевскую, куда она переезжает 10 мая».

В тот же день Гоголь отправил письмо В. А. Жуковскому (вероятно, в Дармштадт):

«Теперь должен я повергнуть к ногам вашим просьбу. Просьбу, которую мне посоветовали сделать в одно и то же время к<нязь> Вяземский[1] и Тургенев[2], как будто по вдохновению. Кривцов получил, как вам известно, место директора основывающейся ныне в Риме нашей Академии художеств, с 20 тысячами рублей жалованья <в> год. Так как при директорах всегда бывает конференц-секретарь, то почему не сделаться мне секретарем его. <...> ...Для меня <...> это будет полезно, потому что тогда мне, может быть, дадут рублей 1000 серебр<ом> жалованья. <...> Вы можете это обстоятельство представить государю наследнику и расположить его в мою пользу и написать от себя письмо об этом к Кривцову[3]. <...> ...Адресуйте в Вену в poste restante (до июля месяца). Если же после этого времени (в августе месяце), то в Рим».

[1] См. ***1840. Апреля 23. Вторник. Радоница. 7 часов вечера. Москва.***

[2] См. ***1840. Апреля 28. Воскресенье. Москва.***

[3] См. также ***1840. Июня 25 <13>. Четверг. Вена.***

МАЯ 4. СУББОТА. МОСКВА

В «Прибавлении к № 36-му Московских Ведомостей» напечатано третье, последнее извещение об отъезде за границу В. А. Панова.

См. ***1840. Апреля 27. Суббота. Москва.***

МАЯ 8. СРЕДА. МОСКВА

С. Т. Аксаков сообщает сыновьям Григорию и Ивану в Петербург:

«Завтра именинник Гоголь, и все приятели у него с Погодиным обедают. Через несколько дней он уезжает[1] вместе с Пановым».

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 580.

[1] См. ***1840. Мая 18. Суббота. Полдень. Москва, Перхушково.***

МАЯ 9. ЧЕТВЕРГ. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. МОСКВА

Именины Гоголя. С утра Гоголь посылает в Аксаковым коляску за сестрой Елизаветой (которая, по-видимому, находилась у них в гостях), просит ее запиской помочь в приготовлениях к своему именинному обеду, который собирался дать в саду погодинского дома.

Перед обедом поздравить Гоголя заезжал С. Т. Аксаков. За обедом, кроме М. П. Погодина, присутствовали К. С. Аксаков, А. О. Армфельд, Е. А. Боратынский, князь П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка, М. А. Дмитриев, М. Н. Загоскин, И. В. Киреевский, М. Ю. Лермонтов, М. Ф. Орлов, А. Н. Попов[1], П. Г. Редкин, Ю. Ф. Самарин, Д. Н. Свербеев, А. И. Тургенев, А. С. Хомяков, П. Я. Чаадаев, М. С. Щепкин и др.

Вечером к имениннику с поздравлениями приезжали дамы: А. П. Елагина, Е. А. Свербеева, Е. М. Хомякова и Е. Г. Черткова.

А. И. Тургенев в тот же день записал в дневнике: «...К Свербеевой. С ней у крыльца. Там и Павлов. Оттуда к Лермонтову, не застал, домой и к Гогелю, на Девичье Поле у Погодина: там уже la jene Russie[2] съехалась: это напомнило мне и *наш поддевиченский Арзамас* при Павле I. Мы пошли в сад обедать. Стол накрыт в саду: Лермонт<ов>, К<нязь> Вязем<ский>, Баратынский, Сверб<еев>, Хомяков, Самарин, актер Щепкин, Орлов, Попов, Хотяева и пр<очие> Глинки[3]; веселый обед. С Лермонт<овым> о Барантах[4], о Кн<язе> Долгорук<ове> и о Бахерахтше. К<нязь> Долгоруков здесь и скрывается от публики. Жженка – и разговор о религии. В 9 час<ов> разъехались. Приехал и Чадаев. Я домой и опять к Павлов<у>, кот<орый> ошибкой приглашен не был»[5].

На следующий день, 10 мая 1840 г., князь П. А. Вяземский сообщал дочери, М. П. Валуевой, в Петербург: «Вчера обедал я с Лермонтовым у Гоголя на Девичьем поле под открытым небом...»[6]

Наутро следующего дня, 10 мая 1840 г., Е. А. Боратынский также сообщал жене: «Был на обеде у Гоголя: нашел всю братию, кроме кого бы ты думала? <И. В.> Киреевского и <Н. Ф.> Павлова.

С Орловым Михаилом Федоровичем сошелся опять очень дружески. Вообще не получил ни одного неприятного впечатления»[7].

11 мая 1840 г. Боратынский добавлял: «На обеде Гоголя Орлов был пьян, и ты не можешь себе представить, как в особенности был дружелюбен со мною. То, что я накомерил[8] Вяземскому, принесло наилучшие плоды. От Гоголя мы уехали вместе. <...> Чадаев у Гоголя тоже со мною експликоваться и приглашал меня[9] на свои понедельники»[10].

31 июля 1841 г. Ю. Ф. Самарин записал в дневнике: «В первый раз я встретился с Лермонтовым на вечере на Солянке[11]. Он возвращался с Кавказа[12]. Я был в восторге от его стихов на смерть Пушкина. После двух или трех свиданий он пленил меня простым обращением, детскою откровенностью. После того я увидел его несколько лет спустя на обеде у Гоголя. Это было после его дуэли с Барантом. Лермонтов был очень весел. Он узнал меня, обрадовался; мы разговорились про Гагарина[13]; тут он читал свои стихи — Бой мальчика с барсом[14]. Ему понравился Хомяков. Помню его суждение о Петербурге и петербургских женщинах. Лермонтов сделал на всех самое приятное впечатление. Ко мне он охотно обращался в своих разговорах и звал к себе»[15].

С. Т. Аксаков в адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» (1854) замечал: «9-го мая, в день именин Гоголя, обедали у него все его приятели и знакомые в саду, что повторялось всякой раз, когда Гоголю случалось проводить этот день в Москве. Гоголь уже собирался ехать в Рим, откуда обещал непременно через год воротиться»[16].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Приблизился день именин Гоголя, 9-е мая, и он захотел угостить обедом всех своих приятелей и знакомых в саду у Погодина. Можно себе представить, как было мне досадно, что я не мог участвовать в этом обеде: у меня сделался жестокий флюс от зубной боли, с сильной опухолью. Несмотря на то, я приехал в карете, закутав совершенно свою голову, чтобы обнять и поздравить Гоголя; но обедать на открытом воздухе, в довольно прохладную погоду, не было никакой возможности. Разумеется, Константин там обедал и упросил именинника позвать <Ю. Ф.> Самарина, с которым Гоголь был знаком еще мало. На этом обеде, кроме круга близких приятелей и знакомых, были: <А.> И. Тургенев, князь П. А. Вяземский, Лермонтов, М. Ф. Орлов, М. А. Дмитриев, Загоскин, профессора Армфельд и Редкин, и многие другие. Обед был веселый и шумный, но Гоголь, хотя был также весел, но как-то озабочен, что, впрочем, всегда с ним бывало в подобных случаях. После обеда все разбрелись по саду, маленькими кружками. Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случились, отрывок из новой своей поэмы "Мцыри", и читал, говорят, прекрасно. Константин не слыхал чтения, потому что в это время находился в другом конце обширного сада с кем-то из своих приятелей. Потом все собрались в беседку, где Гоголь, собственноручно, с особенным старанием, приготовлял жженку. Он любил брать на себя приготовления этого напитка, причем говаривал много очень забавных шуток[17]. Вечером приехали к имениннику пить чай, уже в доме, несколько дам: А. П. Елагина, Б. А. <Е. А.> Свербеева, К. М. Хомякова и Черткова. На вечер многие из гостей отправились к Павловым, куда Константин, будучи за что-то сердит на Павлова, не поехал»[18].

[1] Александр Николаевич Попов (1821–1877), историк, славянофил.

[2] Молодая Россия (*фр.*).

[3] Вероятно, Федор Николаевич Глинка (1796–1880) и его жена Авдотья Павловна (рожд. Голенищева-Кутузова, 1795–1863).

[4] Имеются в виду французский посланник в Петербурге барон Амабль-Гильом-Проспер-Брюжьер де Барант и его сын Эрнест де Барант. С последним у М. Ю. Лермонтова 18 февраля 1840 г. состоялась дуэль, вследствие которой поэт, по Высочайшему определению от 13 апреля 1840 г., был переведен в Тенгинский пехотный полк. На именинном обеде Гоголя Лермонтов оказался, будучи в Москве проездом на Кавказ.

[5] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 77.

[6] *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 2002. Т. 7. С. 210.

[7] Гоголь в письмах Е. А. и А. Л. Боратынских // *Свод.* Т. 1. С. 752.

[8] Насплетничал (от. фр. commérage).

[9] См. ***1840. Мая 13. Понедельник. Москва.***

[10] Гоголь в письмах Е. А. и А. Л. Боратынских // *Свод.* Т. 1. С. 753.

[11] На Солянке жил князь Александр Петрович Оболенский (1780–1855), женатый на тетке Ю. Ф. Самарина по материнской линии Аграфене Юрьевне (рожд. Нелединской-Мелецкой). – См. также о них: ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота – июля вторая половина, не позднее 26. Калуга.***

[12] В начале января 1838 г.

[13] Имеется в виду князь И. С. Гагарин.

[14] Из поэмы Лермонтова «Мцыри», напечатанной позднее в сборнике «Стихотворения Лермонтова» (СПб., 1840), вышедшем в свет 25 октября 1840 г.

[15] Гоголь в дневнике Ю. Ф. Самарина 1839–1841 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 207.

[16] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 637.

[17] См. ***1832. Июля начало. Москва***; ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***

[18] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 691.

МАЯ 10. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь перевез свою сестру Елисавету от М. П. Погодина к П. И. Раевской[1]. Вечером того же дня Гоголь был с М. Ю. Лермонтовым у Свербеевых.

Позднее Елизавета Васильевна, вспоминая, как брат отвез ее к Раевской, рассказывала: «Я опять много плакала, когда очутилась в незнакомом доме между незнакомыми лицами. Меня старались утешить, приласкать. M-me Раевская, чудная женщина лет 50, Соф<ья> Ник<олаевна> Молча<нова>[2], ее кузи<н>а[3] 35 лет, тоже добрейшая женщина, племя<нн>ица 12 <лет>[4], Англичанка 14 <лет>, гувернант<ка> 22-х лет [и я 16<-ти лет>[5]], вот семейство, где я прожила вместо 5 меся<цев>[6] два года. Вскоре я так полюбила это семейство и привяза<ла>сь <к> M-me Раевск<ой> как матери, Софью Николаевну <Молчанову> тоже, в Надежду Кар<ловну> Зедергольм чувст<вительно> влюбилась, и чрез нее я часто плакала»[7].

В тот же день, 10 мая 1840 г., А. И. Тургенев записал в дневнике: «Вечер у <Е. А.> Сверб<еевой> с гр<афиней> Зубовой[8], <К. К.> Павловой: подарил ей лиру. Очень довольна. Лермонтов и Гогель. До 2-х часов. Гр<афиня> Зубова звала обедать завтра. Был у кн<ягини> Щерб<атовой>[9]. Сквозь слезы смеется. Любит Лермонт<ова>»[10].

Позднее, 2 декабря 1844 г., Н. М. Языков писал Гоголю: «Тебе кланяются Свербеевы: они тебя помнят и любят, как подобает, и чтут воспоминание о твоем бывании на их вечерах. Елагины тоже».

[1] См. ***1840. Мая 3. Пятница. Москва.***

[2] С. Н. Молчанова, сестра П. Н. Мосоловой (рожд. Молчановой), матери В. А. Мосоловой (в замужестве княгини Львовой).

[3] Двоюродная сестра. Отец С. Н. Молчановой (и П. Н. Мосоловой) был родным братом Арсеньевой, матери Раевской. – См. также ***1840. Сентября 10 <августа 29>. Четверг. Венеция.***

[4] В. А. Мосолова.

[5] К тому времени Елисавете Васильевне исполнилось 17 лет (см. ***1823. Март-апрель. Ярески.***)

[6] См. также ***1840 сентября конец – 1841 январь <1840 сентября средина – 1841 января средина>. Рим.***

[7] Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 1. С. 184–185, 183–184.

[8] Подразумевается либо графиня Екатерина Александровна Зубова (рожд. Оболенская, 1811–1843), либо графиня Наталия Александровна Зубова (рожд. Суворова, 1775 – 30 марта 1844), дочь князя А. В. Суворова.

[9] В 1840 г. М. Ю. Лермонтов посвятил княгине Марии Алексеевне Щербатовой (рожд. Штерич) стихотворение «На светские цепи...»

[10] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 77.

МАЯ 13. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь на вечере у П. Я. Чаадаева.

А. И. Тургенев записал в дневнике: «К Чадаеву: там <барон М. А.> Корф, <М. Ф.> Орлов, <Н. Ф.> Павлов, Гоголь – заполночь и домой»[1].

На вечере, возможно, присутствовал также Е. А. Боратынский[2].

[1] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 77.
[2] См. ***1840. Мая 9. Четверг. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***

МАЯ 14. ВТОРНИК. МОСКВА

А. И. Тургенев снабдил В. А. Панова, отправлявшегося с Гоголем за границу, рекомендательным письмом в Берлин к К. А. Фарнгагену фон Энзе, где упомянул о Гоголе как «оригинальнейшем поэте и драматическом писателе... во всей России»[1].

Панов вручил письмо по назначению только спустя год, в конце мая (н. ст.) 1841 г. в Берлине[2]. Панаев сообщил тогда же Фарнгагену фон Энзе (согласно дневниковой записи последнего от 30 мая (н. ст.) 1841 г.) сведения о «Грановском, Шевыреве, Гоголе»[3]. Очевидно, именно о рекомендательном письме Тургенева к Фарнгагену идет речь в письме Панова к К. С. Аксакову от 6 июня (н. ст.) 1841 г. из Берлина: «Я был раза два у Фарнгагена, к которому я имел письмо»[4]. Судя по всему, годовая отсрочка, последовавшая за вручением Панову письма к Фарнгагену, объясняется тем, что пребыванию в Берлине Панов предпочел личное общение с Гоголем.

[1] *Ziegengeist G.* Neue Zeugnisse über Varnhagens geplanten Žukovskij-Aufsatz (1840–1842) // Zeitschrift für Slawistik. 1990. Bd. 35. Heft 2. S. 166, 177–178; *Свод.* Т. 3. С. 82.
[2] См. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (примечания).
[3] *Ziegengeist G.* Neue Zeugnisse über Varnhagens geplanten Žukovskij-Aufsatz (1840–1842). S. 166; *Свод.* Т. 3. С. 82.
[4] См. ***1841. Июня 6 <мая 25>. Воскресенье. Берлин.***

1839 ДЕКАБРЯ ПОСЛЕ 21 – 1840 ЯНВАРЯ ОКОЛО 11; 1840 ФЕВРАЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – МАЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. МОСКВА

Гоголь знакомится с стихотворениями А. А. Фета[1], в ту пору студента Московского университета, жившего в доме А. А. Григорьева.

А. А. Фет вспоминал: «...Аполлон Григорьев, не взирая на примерное рвение к наукам, успел, подобно мне, заразиться страстью к стихотворству, и мы каждое свидание передавали друг другу вновь написанное стихотворение.

Свои я записывал в отдельную желтую тетрадку, и их набралось уже до трех десятков. Вероятно, заметив наше взаимное влечение, Григорьевы стали поговаривать, как бы было хорошо, если бы, отойдя к Новому <1839> году[2] от Погодина, я упросил отца[3] поместить меня в их дом вместе с Аполлоном, причем они согласились бы на самое умеренное вознаграждение.

Все мы хорошо знали, что Николай Васильевич Гоголь проживает на антресолях в доме Погодина, но никто из нас его не видал. Только однажды, всходя на крыльцо погодинского дома, я

встретился с Гоголем лицом к лицу. Его горбатый нос и светло-русые усы навсегда запечатлелись в моей памяти, хотя это была единственная в моей жизни с ним встреча. Не будучи знакомы, мы даже друг другу не поклонились.

О своих университетских занятиях в то время совестно вспоминать. Ни один из профессоров, за исключением декана Ив. Ив. Давыдова, читавшего эстетику, не умел ни на минуту привлечь моего внимания, и, посещая по временам лекции, я или дремал, поставивши кулак на кулак, или старался думать о другом, чтобы не слыхать тоску наводящей болтовни. Зато желтая моя тетрадка все увеличивалась в объеме, и однажды я решился отправиться к Погодину за приговором моему эстетическому стремлению.

— Я вашу тетрадку, почтеннейший, передам Гоголю, — сказал Погодин, — он в этом случае лучший судья.

Через неделю я получил от Погодина тетрадку обратно со словами: "Гоголь сказал: это несомненное дарование"»[4].

[1] Афанасий Афанасьевич Фет (настоящая фамилия Шеншин, 1820–1892), поэт.

[2] В 1838 г. Фет провел полгода в московском пансионе М. П. Погодина, готовясь к поступлению в Московский университет (принят 27 августа 1838 г., продолжал жить у Погодина до конца 1838 г.; в январе-феврале 1839 г. переселился к родителям А. А. Григорьева). Первый стихотворный сборник Фета «Лирический Пантеон» (без имени автора, с инициалами: «А. Ф.») получил цензурное разрешение 20 сентября 1840 г. и вышел из печати 18–28 ноября того же года.

[3] Афанасий Неофитович Шеншин (1775–1855), отчим Фета.

[4] *Фет А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 140–141; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 565.

МАЯ 15. СРЕДА. МОСКВА

С. Т. Аксаков сообщает сыновьям Григорию, Ивану и Михаилу в Петербург:

«Сегодня в последний раз обедает у нас, в кругу нашего семейства и коротких приятелей, Гоголь. Завтра[1] он с Пáновым едет в Италию прямо из нашего дома. Если он захочет, то, может быть, мы проводим его до первой станции. Гоголь сделался нашим семьянином, и нам очень грустно расставаться с ним как с человеком: гениальный писатель тут в стороне».

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 581.

[1] См. также ***1840. Мая 17. Пятница. Москва.***

МАЯ 16. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголь получил письмо от матери из Харькова[1].
В тот же день А. И. Тургенев записал в дневнике:

«Гогель приезжал проститься, не застал»[2].

[1] См. ***1840. Мая 17. Пятница. Москва.***

[2] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 77.

МАЯ 17. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь в письмах к матери и сестре Анне сообщает, что накануне получил от них письма из Харькова[1]. Пишет, что на следующий день выезжает из Москвы. Просит сестру исполнять предписания доктора и замечает:

«Елагина[2] посылает тебе Шиллера, который ты должна получить вместе с этим письмом моим. Он доставит тебе приятное чтение в дождливое и ненастное время».

В тот же день, 17 мая 1840 г., Гоголь с сестрой Елисаветой и дочерьми Аксаковых был в театре.

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Отъезд его с Пановым был назначен 17-го мая [но за большим разгоном <*не дописано*>]. Гоголь с сестрой своей Лизой был с моими детьми в театре. Играла m<ademoise>lle Allan[3], приехавшая из Петербурга; после спектакля он хотел ехать; но, за большим разгоном, лошадей не достали, и Гоголь с сестрою ночевали у нас»[4].

[1] См. также ***1840. Июня 25 <13>. Четверг. Вена.***

[2] Позднее, 28 июня (н. ст.) 1840 г., Гоголь писал А. П. Елагиной из Вены: «Я послал сестре в деревню Шиллера и сказал ей, что это вы посылаете. Почему я это сказал, вы догадаетесь. Она живет не одна, с ней есть старшая сестра <Мария>, которой всякая безделица покажется предпочтением и проч. И потому вы не удивитесь, если Annette вздумает вас благодарить, а примите на свой счет».

[3] Луиза Аллан де Прео, артистка французской драматической труппы. В ее бенефис 17 мая 1840 г. в Большом театре игралась драма в трех действиях Ж. Ф. А. Баяра и Лоренсена (П. Э. Шапелля) «Матильда, или Ревность» (известен перевод с фр. Н. П. Мундта) и водевиль «Быть любимой, или Умереть».

«*Au grand Théatre.* <в большом Театре; *фр.*>

Pour les abonnés <для абонентов; *фр.*>. <...>

Continuation <продолжение; *фр.*> des de *Mr* et *M-me Allan,* artistes du Théatre IMPERIAL de St.-Pétersbourg. <...>

Abonnement suspendu <отложенный абонемент; *фр.*>.

Vendredi <в пятницу; *фр.*>, 17 Mai: *Mathilde,* vaud<eville> en 3 actes. Etre aimé ou mourir, vaud<eville> en 1 acte.

Au bénefice de M-me Allan, artiste du Theatre IMPERIAL de St.-Petersbourg. <...>

Les personnes, qui désireront se procurer d'avance des billets, voudront bien s'adresser à *Mr Allan,* chez M-me Howard, grande Dmitrovka, maison du général Bartholomée; et le jour de la représentation, à la caisse du Théatre <лица, которые пожелают заранее приобрести билеты, могут обратиться к *господину Аллану,* у госпожи Ховард, в большой Дмитровке, дом генерала Бартоломея; и в день представления, в кассе театра; *фр.*>» (ИМПЕРАТОРСКИЙ Московский театр // Прибавления к № 39-му Московских Ведомостей. (Мая 15-го <1840>). Отделение II. Объявления частные. С. 588).

2 декабря 1839 г. С. Т. Аксаков писал жене из Петербурга: «Нет, не могу я восхищаться мадам Алан: истинного чувства мало, а плаксивость – не чувство. Искусство ее не так велико, чтоб не видно было швов на этом шитье» (*Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 259; *Свод.* Т. 2. С. 759).

[4] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 691.

МАЯ 12–18. МОСКВА

Гоголь, по-видимому, заходит к Н. П. Боткину и, не застав его дома, оставляет записку:

«Визит отдадите в Риме № 126, Via Felice»[1].

Записка была адресована московскому знакомому Гоголя (и А. С. Данилевского) с 1835 г., путешественнику и литератору Николаю Петровичу Боткину[2]. С Н. П. Боткиным Гоголь встречался также в апреле (н. ст.) 1839 г. в Риме: тогда Н. П. Боткин привез Гоголю письмо А. С. Данилевского из Парижа[3]. Свидетельством того, что Гоголь общался с Н. П. Боткиным не только в 1835 и 1839 гг., но и весной 1840 г., могут служить строки письма В. Г. Белинского к старшему брату Н. П. Боткина Василию Петровичу от 24 апреля 1840 г., в которых критик выражал удовлетворение по поводу знакомства В. П. Боткина с Гоголем[4]. По-видимому, знакомство состоялось именно благодаря Н. П. Боткину.

Перед отъездом за границу весной 1840 г. Гоголь искал попутчика, о чем дал объявление, напечатанное трижды, 6, 10 и 17 апреля 1840 г., в «Московских Ведомостях»: «Некто, не имеющий собственного экипажа, ищет попутчика до Вены, имеющего собственный экипаж...»[5] Хотя в дорогу Гоголь отправился тогда с В. А. Пановым (изъявившим желание быть спутником Гоголя 13 апреля 1840 г.[6]), однако именно Н. П. Боткин оказался позднее с Гоголем в Вене во второй половине – конце августа (н. ст.) 1840 г., во время тяжелой болезни писателя (в то время как Панов 11 июля (н. ст.) 1840 г. выехал из Вены в Мюнхен, условившись с Гоголем встретиться вновь в Венеции[7]). 2 сентября (н. ст.) 1840 г. Н. П. Боткин приехал вместе с Гоголем в Венецию[8], а затем с Гоголем и Пановым прибыл 25 сентября (н. ст.) в Рим[9].

Судя по всему, Н. П. Боткин, получив в Москве в средине мая 1840 г. гоголевскую записку, решил *не в Риме* отдать визит Гоголю, а догнать его еще по дороге в Италию. О намерении Гоголя остановиться по пути в Рим в Вене Н. П. Боткин мог знать как от самого писателя, так и из упомянутого газетного объявления или от общих знакомых. О своих планах задержаться в Вене Гоголь, в частности, сообщал в 1840 г. в письмах из Москвы к В. А. Жуковскому от 3 мая и к матери от 17 мая, а также в письмах из Варшавы в Москву к М. П. Погодину от конца мая – начала июня (н. ст.) и к С. Т. Аксакову от 10 июня (н. ст.). 28 июня (н. ст.) 1840 г. Гоголь писал в Москву из самой Вены А. П. Елагиной: «Кто вздумает писать ко мне, тот да адресует в Вену в poste restante. Я здесь пробуду месяца полтора – пью воды. В сентябре же месяце адрес мой в Рим тоже poste restante»[10].

[1] См.: *Виноградов И. А.* Гоголь на пути в Рим в 1840 г. Из истории общения писателя с современниками // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии. Ніжин, 2014. Вып. 4 (21). С. 12–18; *Виноградов И. А.* «Хаос» в Ватикане. К истории одного из путешествий Гоголя // Восток и Запад в русской литературе путешествий XI–XX вв. (в печати).

[2] См. ***1835. Августа 28. Среда. Москва.***

[3] См. ***1839. Апреля 7 <марта 26>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Рим.***

[4] См. ***1840. Апреля 24. Среда. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1840. Апреля 6. Лазарева суббота. Москва.***

[6] См. ***1840. Апреля 13. Великая суббота. Москва.***

[7] См. ***1840. Июля 11 <июня 29>. Суббота. День памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла. Вена.***

[8] См. ***1840. Сентября 2 <августа 21>. Среда. Венеция.***

[9] См. ***1840. Сентября 25 <13>. Пятница. Рим.*** См. также ***1850.* Декабря 15 <27>. Воскресенье. Москва**; ***1851. Марта 9. Пятница. Москва.***

[10] См. также ***1840. Июля 7 <июня 25>. Вторник. Вена.***

МАЯ СРЕДИНА. МОСКВА

Е. М. Хомякова[1] пишет брату Н. М. Языкову за границу:

«Гоголь в восторге от ваших стихов "Послание к Павловой"; выучил их наизусть[2]. Он просит вас написать ему в Вену. Когда вы будете в Ганау, он непременно приедет туда; он любит вас ужасно и говорит всегда с большим восхищением об вас, так, как об Италии. Я люблю Гоголя; он очень добрый и любит сестер, заботится об них. Это все делает честь ему. Теперь он очень рад, что поместил одну у препочтенной и богомольной дамы, старой Раевской[3]; она соседка наша в Богучарове[4], и я собиралась познакомиться с ней. Все здесь нападают на Гоголя, говоря, что, слушая его разговор, нельзя предполагать в нем чего-нибудь необыкновенного, Иван Васильевич Киреевский <говорит>, что с ним почти говорить нельзя: до того он пуст. Я сержусь за это ужасно. У них кто не кричит, тот и глуп[5]. <...> Каролина Павловна <Каролина Карловна Павлова> отвечает вам стихами[6]; ждите послания длинного...»[7]

[1] Екатерина Михайловна Хомякова (рожд. Языкова, 1817–1852), жена А. С. Хомякова, сестра Н. М. Языкова. В юности в Екатерину Михайловну был влюблен *«служка Божией Матери и Серафимов»* (как он сам себя называл) Николай Александрович Мотовилов, симбирский совестной судья, попечитель Серафимо-Дивеевского монастыря. Он намеревался жениться на Екатерине Михайловне и беседовал о ней как набожной девушке-«монастырке» с Серафимом Саровским (см.: *Нилус С.* Великое в малом. Новосибирск: Благовест, 1992 / Репринтное издание: Сергиев Посад, 1911. С. 142). В альбоме Хомяковой сохранился шаржированный портрет Гоголя неизвестного художника 1840-х гг. (бумага, карандаш; *ГИМ*) (*Машковцев*. С. 159).

[2] Послание «К К. К. Павловой» («Забыли вы меня? Я сам же виноват...»), написанное Н. М. Языковым 15 февраля 1840 г. в Ницце (опубл.: Москвитянин. 1841. № 2 (цензурное разрешение 31 января). С. 348–350), Гоголь читал также в конце мая 1840 г., по дороге из Москвы за границу, В. А. Панову (см. ***1840. Мая 18. Суббота. Москва, Перхушково***). – См. также ***1843. Февраля 16 <4>. Четверг. Рим***.

[3] Гоголь перевез сестру Елисавету Васильевну от М. П. Погодина к П. И. Раевской 10 мая 1840 г.

[4] Богучарово (Боучарово), имение А. С. Хомякова под Тулой.

[5] Неудивительно, что и М. П. Погодин в 1847 г. довольно опрометчиво писал Гоголю: «...О западном направлении – ты не имеешь вовсе никакого понятия, куда оно начало хватать и хватает» (письмо от 10 апреля 1847 г.). П. И. Бартенев в своем дневнике записал об одном из вечеров, состоявшемся 1 мая 1849 г. у А. С. Хомякова. Присутствовали Константин Аксаков, Чаадаев, Чижов, Павлов и др. Разговор шел вполне «славянофильский». Говорили о Галиции, об участии России в судьбе карпатороссов. В это время вошел создатель «Тараса Бульбы», «сел в угол дивана, далеко от света <...> и большею частью все молчал <...> часто позевывал, теребил пальцами по подушке; наконец спросил себе воды, выпил и, ни с кем не простившись, взял шляпу и тихонько вышел» (см. ***1849. Мая 1. Воскресенье. Москва***). Подобным образом Гоголь вел себя в обществе довольно часто (см., в частности: ***1840. Февраля 12. Понедельник. Москва***). Писатель, по обыкновению, сознательно избегал открытой полемики (даже в кругу друзей), считая, что «поэту более следует *углублять* самую истину, чем *препираться* об истине» (письмо к Н. М. Языкову от 5 апреля (н. ст.) 1845 г.). В 1844 г. в статье *XI. Споры* «Выбранных мест из переписки с друзьями», непосредственно посвященной полемике славянофилов и западников, Гоголь писал: «К спорам прислушивайся, но в них не вмешивайся. <...> Поверь, уже так заведено и нужно, чтобы передовые крикуны вдоволь выкричались затем именно, дабы умные могли в это время надуматься вдоволь». Свою точку зрения Гоголь предпочитал излагать не в открытых полемических выступлениях, но в самих своих художественных сочинениях.

[6] «Ответ Н. М. Языкову» датирован Павловой июнем 1840 г. (опубл. вместе с стихотворением Языкова «К К. К. Павловой» в № 2 журнала «Москвитянин» за 1841 г.).

[7] Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод*. Т. 3. С. 188.

МАЯ СРЕДИНА, ДО 18 ЧИСЛА. МОСКВА

Гоголь наведывается на квартиру А. П. Елагиной («у Арбатских ворот в доме Савича близ церкви»); узнает адрес, по которому она находится за городом, чтобы по пути из Москвы за границу заехать к ней в деревню проститься.

Позднее, 28 июня (н. ст.) 1840 г., Гоголь писал Елагиной из Вены: «Никаким образом не могу понять, как это случилось, что я не был у вас перед самым моим отъездом[1]. <...> Каждый день я наведывался к Арба<тским> воротам, к дому, внизу которого живет башмачник, носящий такую грациозную фамилию, не приехали ли вы и когда вы будете в город, и всякий раз слуга, выходивший отворять мне дверь, встречал меня тем же ответом, что вы не приехали и что неизвестно, когда вы будете в город. Этот слуга и сертук его выучены мною наизусть, так что я знаю даже, где пятно на нем и которой пуговицы недостает. Три или четыре раза я спросил у него обстоятельно ваш адрес. Всё это я передал очень обстоятельно моему кучеру и, при всем том, я у вас не был»[2].

[1] Последний раз Гоголь виделся с Елагиной на его именинах (см. ***1840. Мая 9. Четверг. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***), за девять дней до отъезда (см. ***1840. Мая 18. Суббота. Полдень. Москва, Перхушково***).

[2] См. ***1840. Мая 18. Суббота. Полдень. Москва, Перхушково***. – См. также ***1840. Мая 19. Воскресенье. Вязьма***.

МАЯ ДО 18. МОСКВА

Гоголь читает «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова[1] (отдельное издание романа вышло в свет в Петербурге 27 апреля 1840 г.[2]).

[1] См. ***1840. Июня 10 <22>. Понедельник. Москва***.

[2] *Мануйлов В.* Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.; Л., 1964. С. 128. – Повесть «Тамань» была напечатана ранее в № 2 «Отечественных Записок» за 1839 г.; рассказ «Бэла. Из записок офицера на Кавказе» – в № 3 «Отечественных Записок» за 1839 г.; повесть «Фаталист» – в № 11 того же журнала за тот же год.

ФЕВРАЛЯ 9 – МАЯ 18. МОСКВА

Гоголь обещает М. С. Щепкину обработать русский перевод комедии итальянского драматурга графа Джиованни Жиро (Giovanni Giraud) «Дядька в затруднительном положении» («L'Ajo nell' imbarazzo», 1807). Перевод еще одной – «Шекспировой» – пьесы, выполненный сестрами Гоголя Елисаветой и Анной и «какими-то студентами»[1] – и также предназначавшийся для бенефисов Щепкина, остается у актера в Москве[2].

В этот же период К. П. Мазер пишет портрет Гоголя.

Из наблюдений М. Н. Сперанского (1902): «18 мая 1840 года Гоголь опять уехал из Москвы за границу, опять в Рим. Но до отъезда, надо полагать, был сделан с него карандашный портрет: в высоком кресле, голова опирается на левую руку, облокоченную на ручку кресла; он в глухом жилете с массивной цепочкой. Автором портрета был Мазер (Mazer): на рисунке его подпись и 1840 год»[3].

Возможно, об этом портрете Гоголь писал позднее, около 29 октября (н. ст.) 1840 г., из Рима, отвечая на послание жены М. П. Погодина Елизаветы Васильевны: «[Мне досадно, что] Вы даже приберегли и спрятали портрет мой. Вы правы: я его вовсе не назначал вам. Я его выбросил потому, что вам хотел прислать всё-таки что-нибудь похожее на меня, а этот портрет не годится никуда»[4].

Спустя четыре года в альманахе И. Е. Бецкого «Молодик, на 1844 год» была помещена литография К. Поля с портрета Гоголя работы Мазера[5].

[1] Вероятно, студентами М. П. Погодина, в доме которых жили сестры, мать Гоголя и сам Гоголь (см. ***1839 декабря 21. Четверг – 1840 апреля 27. Суббота. Москва***).

[2] См. ***1840. Сентября 10 <августа 29>. Четверг. Венеция***.

[3] *Сперанский М. Н.* Портреты Н. В. Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 839.

[4] См. также ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт***.

[5] См. ***1844. Февраль <февраля средина – марта средина>. Санкт-Петербург***; ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье*** (примечания).

МАЯ 18. СУББОТА. ПОЛДЕНЬ. МОСКВА, ПЕРХУШКОВО

Гоголь, простившись в доме Аксаковых с сестрой Елисаветой, выехал вместе с В. А. Пановым из Москвы в Италию. До первой станции Перхушково[1] их провожали С. Т. и К. С. Аксаковы, М. С. и Д. М. Щепкины, М. П. Погодин и его зять М. И. Мессинг.

До Бреста Гоголь и Панов отправились дорогой через Можайск, Гжацк, Шенкурск, Вязьму, Дорогобуж, Смоленск, Оршу, Минск, Несвиж, Слоним и Ружаны (в последнем местечке осматривали замок Льва Сапеги).

Через несколько дней, 22 мая 1840 г., О. Сем. Аксакова сообщала сыновьям Григорию, Ивану и Михаилу в Петербург: «В субботу[2] Гоголь с Пановым уехали, отец провожал их с Костенькой, М<ихаилом> П<етровичем>[3] <...> и Щепкиными за 30 верст от Москвы»[4].

В тот же день, 22 мая 1840 г., В. С. Аксакова также сообщала братьям: «В субботу уехали и Гоголь и Панов; в эту ночь они все у нас ночевали, и Лиза Гоголь[5] также»[6].

В заметках о Гоголе 1861–1864 гг. В. С. Аксакова также писала: «В мае Гоголь уехал с Пановым в чужие края из нашего дома»[7].

С. Т. Аксаков в адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» (1854) замечал: «18-го числа 1840 <года> мы[8] проводили их до первой станции. Панов умер еще в 49-м году, это был достойнейший и наидобрейший из людей»[9].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «...18-го числа, после завтрака, в 12 часов, Гоголь, простившись очень дружески и нежно с нами и с сестрой, которая очень плакала, сел с Пановым в тарантас, я с Константином и Щепкин с сыном Дмитрием[10] поместились в коляске, а Погодин с зятем своим Мессингом[11] – на дрожках, и выехали из Москвы. В таком порядке ехали мы с Поклонной горы по Смоленской дороге, потому что путешественники наши отправлялись через Варшаву. На Поклонной горе мы вышли все из экипажей, полюбовались на Москву; Гоголь и Панов, уезжая на чужбину, простились с ней и низко поклонились. Я, Гоголь, Погодин и Щепкин сели в коляску, а молодежь поместилась в тарантасе и на дрожках. Так доехали мы до Перхушкова, т<о> е<сть> до первой станции. Дорогой был Гоголь весел и разговорчив. Он повторил свое обещание, сделанное им у меня в доме за завтраком и еще накануне за обедом, что через год воротится в Москву и привезет первый том "Мертвых Душ" совершенно готовый для печати. Это обещание он сдержал, но тогда мы ему не совсем верили. Нам очень не нравился его отъезд в чужие края, в Италию, которую, как нам казалось, он любил слишком много. Нам казалось непонятным уверение Гоголя, что ему надобно удалиться в Рим, чтоб писать об России; нам казалось, что Гоголь не довольно любит Россию, что [роскошь климата] итальянское небо, свободная жизнь посреди художников всякого рода, роскошь климата, поэтические развалины славного прошедшего, все это вместе бросало невыгодную тень на природу нашу и нашу жизнь. В Перхушкове мы обедали, выпили здоровье отъезжающих; Гоголь сделал жженку [в последн<ий раз>] (не потому, чтоб мы любили выпить, а так, ради воспоминания подобных оказий). Вскоре после обеда мы сели, по русскому обычаю, потом помолились. Гоголь прощался с нами нежно, особенно со мной и Константином, был очень растроган, но не хотел этого показать. Он сел в тарантас с нашим добрым Пановым, и мы стояли на улице до тех пор, пока экипаж не пропал из глаз. Погодин был искренно расстроен, а Щепкин заливался слезами. Я, Щепкин, Погодин и Константин сели в коляску, а Митя[12], Щепкин и Мессинг на дрожки. На половине дороги, вдруг откуда ни взялись, потянулись с северо-востока черные, страшные тучи и очень быстро и густо заволокли половину неба и весь край западного горизонта; сделалось очень темно, и какое-то зловещее чувство налегло на нас. Мы грустно разговаривали, применяя к будущей судьбе Гоголя мрачные тучи, потемнившие солнце; но не более как через полчаса мы были поражены внезапною переменою горизонта: сильный северо-западный ветер рвал на клочки и разгонял черные тучи, в четверть часа небо совершенно прояснилось, солнце явилось во всем блеске своих лучей и великолепно склонялось к западу. Радостное чувство наполнило наши сердца. Нетрудно было составить благоприятное толкование небесного знаменья! Каких блистательных надежд, каких великих созданий и какого полного торжества его славы мы не могли ожидать в будущем! Это явление произвело на нас с Константином, особенно на меня, такое сильное впечатление, что я во всю остальную жизнь Гоголя никогда не смущался черными тучами, которые не только затемняли его путь, но даже грозили пресечь его существование, не дав ему кончить великого труда. До самого последнего страшного известия я был убежден, что Гоголь не может умереть, не совершив дела, свыше ему предназначенного»[13].

3 июля (н. ст.) 1840 г. В. А. Панов в письме к К. С. Аксакову из Вены, начатом 27 июня и отправленном 8 июля (н. ст.), сообщал: «Потерявши Вас из виду на первой станции, где мы с Вами простились, мы пожали друг другу руку и стали смотреть каждый в свою сторону и погонять изредка ямщика, до тех пор пока не заснули. Я на каждой станции выходил, чтоб подать подорожную и рассчитаться, а Николай Васильевич, закутанный с головою в плащ, казалось, не просыпался во всю ночь. <...> Днем он совершенно не спал, только разве когда мы поехали в дилижансах. Вам хорошо известно, что чувствуешь у нас, когда едешь на почтовых. И мы, как обыкновенно, находились большей частью в этом напряженном состоянии, когда всё хочется ехать поскорее, рассчитываешь беспрестанно, сколько проехал и сколько остается. Бывали, однако ж, минуты, когда нас наполняло настоящее, и это обыкновенно после хорошего обеда (что

по милости Ольги Семеновны[14] и искусства Николая Васильевича мы имели даже в деревнях) и особенно после удачного чаю. Тогда Николай Васильевич или пел краковяк и вместе отплясывал его в повозке, или читал стихи, особенно Языкова "Послание к Каролине Карловне"[15], учил меня по-итальянски. Один раз рассматривание замка Сапеги[16], мимо которого мы проехали в Минской губернии, привело нас к разговору о России, в котором он высказал чудные, разительные мысли. Как он умеет проникать в глубину того, что жизнь в себе скрывает. Передавать Вам все мысли, замечания, высказанные им в разное время, — невозможно. При первой возможности запишу их, чтоб не позабыть. — При въезде в города повторялись на словах сцены из начала 1-й главы "Мертвых душ"»[17].

В письме от 21 ноября (н. ст.) 1840 г. из Рима Панов также сообщал С. Т. Аксакову: «Когда мы с ним в Москве собрались в дорогу, он говорил, что, как скоро мы переедем границу, он станет мне полезен, приучая меня к бережливости, расчету, порядку. Вышло совсем наоборот: он был точно так же рассеян, как и в Москве. Однако ж он чувствовал себя довольно хорошо»[18].

[1] В 27 верстах от Москвы.

[2] 18 мая 1840 г.

[3] Погодиным.

[4] Из писем О. Сем. Аксаковой (рожденной Заплатиной) // *Свод.* Т. 2. С. 778.

[5] Елизавета Васильевна Гоголь (в замужестве Быкова).

[6] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 811.

[7] Список с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 898.

[8] В «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (1856) П. А. Кулиша вместо: «мы», — «я, сын мой Константин, М. П. Погодин, М. С. Щепкин и еще двое друзей Гоголя».

[9] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 637–638.

[10] Дмитрий Михайлович Щепкин (1817–1857), математик и филолог.

[11] Михаил Иванович Мессинг (около 1800 — 1884), муж сестры М. П. Погодина Аграфены Петровны.

[12] Д. М. Щепкин.

[13] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 691–692. — См. также: *Аксаков С. Т.* Из истории нашего знакомства с Гоголем <1832–1840 гг.>. <Выписки рукою П. А. Кулиша>. <Конец ноября — начало декабря 1854 г.> // *Свод.* Т. 2. С. 657–658; *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 638.

[14] Аксаковой.

[15] Стихотворение Н. М. Языкова «К К. К. Павловой» («Забыли вы меня? Я сам же виноват...») стало известно Гоголю прежде его публикации в журнале М. П. Погодина «Москвитянин» (1841. № 2 (цензурное разрешение 31 января). С. 348–350). В рукописном фонде М. П. Погодина *РНБ* сохранился список Гоголя этого послания, с которого, очевидно, и осуществлялся набор (см.: *Гоголь 2001.* С. 368–369; *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 644). — См. ***1840. Мая средина. Москва.***

[16] В Ружанах.

[17] Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод.* Т. 2. С. 158.

[18] Там же. С. 161.

МАЯ 19. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВЯЗЬМА

Гоголь, доехав с В. А. Пановым до Вязьмы, вспомнил, что забыл заехать по дороге в деревню к А. П. Елагиной[1].

Позднее, 28 июня (н. ст.) 1840 г., Гоголь писал Елагиной из Вены: «Дорогою <...> я щупал беспрестанно у себя во всех карманах, мне казалось всё, что я позабыл какую-то самую нужную вещь, но какую именно — не мог припомнить, и только на другой день я вспомнил, что я лошадь, и хватил себя по лбу, но это решительно ничего не помогло. Поправить дела нельзя было: повозка, в которой я сидел, уже добиралась до Вязьмы. <...> ...Мне сделалось так досадно, что я готов был тогда вытереть рожу свою самою гадкою тряпкою и публично при всех поднести себе кукыш, промолвив:

"Вот на тебе, дурак!", но всей публики был [на ту пору] один станционный смотритель, который бы, вероятно, принял это на свой счет, да кот, который сидел в его шапке и который, без всякого сомнения, не обратил бы на это никакого внимания».

[1] См. также ***1840. Мая средина, до 18 числа. Москва.***

МАЯ 24 <5 ИЮНЯ>. ПЯТНИЦА. БРЕСТ

Гоголь и В. А. Панов проездом в Бресте, на границе с Царством Польским.

3 июля (н. ст.) 1840 г. В. А. Панов в письме к К. С. Аксакову из Вены, начатом 27 июня и отправленном 8 июля (н. ст.), сообщал: «Мы ехали очень скоро, несмотря на несносные песчаные дороги, которые тянутся посреди литовских тундр; в шесть дней мы приехали в Брест, 24 мая с<тарого> с<тиля>. Пробывши в нем час, мы пустились было далее, но нас не пропустили за заставу, потому что у человека не было паспорта. И мы за этим пробыли там целые сутки. Это было очень досадно. Мне надо было все хлопотать в полиции. Николай Васильевич был тут такой же, как и в Москве. Ему лень было приняться. Поэтому я не имел ни времени, ни расположения хорошего для того, чтоб писать Вам».

Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод.* Т. 2. С. 158.

ИЮНЯ 7–13 <МАЯ 26 – ИЮНЯ 1>. ВОСКРЕСЕНЬЕ-СУББОТА. ВАРШАВА

Гоголь с В. А. Пановым проездом в Варшаве. В недатированном письме к М. П. Погодину в Москву он сообщает:

«Мы доехали до Варшавы благополучно. В Вене я ожидаю от тебя письма с подробным известием о том, чем тебя подарил Бог[1] и кум ли я твой, и всё ли благополучно, а до того целую тебя. Поцелуй за меня Елизавету Васильевну. <...> В моей комнате остались на шкафчике письма от лиц, близких ко мне. Пожалуйста, прибереги их и при случае пришли ко мне».

Позднее, 3 июля (н. ст.) 1840 г., В. А. Панов в письме к К. С. Аксакову из Вены, начатом 27 июня и отправленном 8 июля (н. ст.), сообщал: «Из Бреста до Варшавы мы пронеслись в 18 часов — 200 верст. Почта тут устроена прекрасно. Мы пробыли в Варшаве 6 дней, от 7 до 13 июня. Я надеялся оттуда написать Вам и всем, кому было нужно, но всё вышло напротив. Едва мы поместились там в своем номере, как в нем сделался ужасный хаос; все разбросалось, ничего нельзя было ни собрать, ни найти. Что делать, непривычка! Я не умел (Николай Васильевич, по крайней мере, не старался) избавиться от этого хаоса, а между тем он был для меня невыносим. Пришедши вечером домой, я не в состоянии был приняться ни за что другое, как за книгу. Едва в продолжение всех 6 дней написал одно письмо к маменьке[2]. Очень кстати было в таких обстоятельствах шататься с утра до вечера, как мы делали. Варшава — этот оазис кругом обнаженной, весьма мало заселенной Польши — город прекрасный. Характер ее совершенно уже отличен от городов наших. Совершенно похожи одни только новые здания, которые в середине города имеют вид каких-то заплат. Мы объехали все примечательные окрестности (путеводителем нашим был везде один лицейский товарищ Гоголя — Симановский; чрезвычайно любопытно было видеть его в кругу прежних товарищей — он отыскал одного, которого не видал с самого выхода из лицея и который там адъютантом) — королевские Лазенки, кулинария, замок Радзивилла, Бельведер — дворец гр<афа> Потоцкого, построенный И. Собизским. Везде тут есть картинные галлереи, которые мы осматривали. Замечательна только Бельведерская. — В самом городе есть довольно большой сад с прекрасными каштановыми аллеями. Из многих прекрасных дворцов и зданий всех замечательнее банк и театр, который, одна-

ко ж, столько же беден внутри, сколько величествен снаружи. Мы были в нем на одном представлении — актеры плохие, даже гадкие, за исключением одной панны Гальперт[3]. Играют еще пьесы старой французской школы. <...>

Я продал в Варшаве свой тарантас за 270 злотых. Он нам послужил прекрасно. Во всю дорогу не изломался ни один винтик»[4].

[1] Речь идет о рождении 30 мая / 11 июня 1840 г. сына Погодина Петра (см. ***1840. Июня 10 <22>. Понедельник. Москва***).

[2] Марии Александровне Пановой.

[3] Леонтина Гальперт (рожд. Жучковская; 1803–1895), польская актриса.

[4] Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод.* Т. 2. С. 158–159.

ИЮНЯ 10 <МАЯ 29>. СРЕДА. ВАРШАВА

Гоголь сообщает С. Т. Аксакову в Москву, что нашел в Варшаве «кое-каких знакомых», что через два дня выезжает в Краков, а оттуда «того же дни» в Вену. Дает поручение К. С. Аксакову, который летом собирается ехать в Италию, привезти ему миниатюрное издание «Евгения Онегина»[1], «Горе от ума»[2], басни И. И. Дмитриева[3] и «компактное издание» «Русских песней» И. П. Сахарова («если только вышло»)[4]. Просит также достать ему «каких-нибудь докладных записок и дел» (по-видимому, для работы над «Мертвыми душами»). В заключение замечает:

«...Ольге Семеновне вместе с самою искреннейшею благодарностью передайте очень приятное известие, именно, что запасов, данных нам, стало не только на всю дорогу, но даже и на станционных смотрителей, и даже в Варшаве мы наделили прислуживавших нам плутов остатками пирогов, балыков, лепешек и прочего».

Случай, по-видимому, был использован Гоголем при создании образа Петра Петровича Петуха во втором томе «Мертвых душ» – при описании отъезда Чичикова из его имения: «На другой день до того объелись гости, что Платонов уже не мог ехать верхом <...> “Нет, это уже слишком, — сказал Чичиков, когда выехали со двора. — Это даже по-свински. Не беспокойно ли вам, Платон Михалыч? <...> отовсюду торчат какие-то коробки!” “Это <...> Петр Петрович насовал в дорогу”. “<...> Приказано было все поставить в коляску — пашкеты и пироги”»[5].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Поручения Константину привезть с собою книги и деловые бумаги показывают, что Гоголь вполне был уверен в скором приезде Константина в Италию. У нас точно было это намерение, хотя не так твердое и непреложное, как это казалось Гоголю. (Но в доказательство, что оно было, прилагаю ответ мой на это первое письмо Гоголя[6]. <...> Из этого письма очевидно, что мы действительно имели твердое намерение послать Константина в Италию к Гоголю.) Впрочем, если б оно и было точно таково, то, конечно, не могло бы исполниться, потому что в 1840-м году, 12 августа, умер муж у сестры Надежды Тимофеевны, и мы с Верой прожили четыре месяца в Петербурге, а в 1841 году, 5 марта, мы потеряли Мишу. Потому разлучаться было не время. Деловые бумаги и разные акты, которых Гоголь добивался постоянно, вероятно, были ему нужны для того, чтоб поверить написанные им в “Мертвых Душах” разные судебные сделки Чичикова, которые так и остались неверными с действительностью. — Вскоре по получении этого первого письма я уехал с Гришей[7] за Волгу в свои деревни, и об этом-то отъезде спрашивает меня Гоголь»[8].

[1] Издано в Петербурге в 1837 г.

[2] Издано там же в 1839 г.

[3] «Басни и апологи» И. И. Дмитриева (СПб., 1838).

[4] *Сахаров И. П.* Песни русского народа (СПб., 1838–1839. Ч. 1–5; цензурное разрешение ч. 5 — 19 января

1839). – Это издание Гоголь, возможно, использовал при составлении своего сборника «Русские песни» (см. ***1841 октября 17 – 1842 мая 23. Москва***).

[5] Об использовании Гоголем ряда черт С. Т. Аксакова при создании образа помещика Петуха см. также: ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Москва*** (примечания); *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М., 2007. С. 104–107.

[6] Далее следует текст письма (см. ***1840. Июня 10 <22>. Понедельник. Москва***).

[7] Григорий Сергеевич Аксаков (1820–1891), второй сын С. Т. и О. Сем. Аксаковых.

[8] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 694–695.

ИЮНЯ 13 <1>. ТРОИЦКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА. ВАРШАВА

Гоголь и В. А. Панов выехали из Варшавы в Вену (через Краков, Подгурт, Брюнн и Люндербург).

См. ***1840. Июня 14 <2>. Воскресенье. День Святой Троицы. Краков.***

ИЮНЯ 14 <2>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЕНЬ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ. КРАКОВ

Гоголь и В. А. Панов проездом в Кракове.

3 июля (н. ст.) 1840 г. В. А. Панов в письме к К. С. Аксакову из Вены, начатом 27 июня и отправленном 8 июля (н. ст.), сообщал: «Из Варшавы до Кракова мы ехали в дилижансе с курьером одни сутки (13–14) и во всё время спали, что очень забавляло трех полячек и поляка, которые ехали с нами и без умолку болтали. С границы нашей Польши, где прописывали наши паспорты, открылся перед нами вид Карпатских гор – впрочем, они были еще далеко. Краков мне понравился, несмотря на то, что я был против него предубежден. <...> В Кракове вдруг пробудилась деятельность Николая Васильевича. Он вечером написал там статью по-итальянски для журнала римского о собрании эскизов кн<язя> Долгорукого[1] в Москве».

Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод.* Т. 2. С. 159.

[1] Имеется в виду богатейшее собрание рисунков, составленное русским послом в Вене князем Д. М. Голицыным (1665–1738) и перешедшее позднее к семье князей Долгоруких. (Вероятно, временно эта коллекция находилась у кого-то из Глинок, возможно, поэта Ф. Н. Глинки.) В 1840-х гг. это собрание было выставлено для продажи и спустя несколько лет приобретено зубным врачом Жилем (Жоли), увезшим его в Париж и там распродавшим. 14 июня (н. ст.) 1847 г. М. П. Погодин писал Гоголю об этом собрании: «Ты знаешь коллекцию эскизов, что была у Глинки? С тех пор не нашлось охотника купить ее даже за 100 тысяч рублей. Каковы подлецы наши богачи, которых ты так честишь. Ее хотят увезти в чужие края». Судьба статьи Гоголя об собрании рисунков князя Д. М. Голицына неизвестна. Возможно, статья предназначалась Гоголем в итальянский журнал «Diario di Roma» («Римский ежедневник»; *um.*). Граф Мих. Ю. Виельгорский 28 июля 1839 г. писал Гоголю из Марселя: «...Жалею, что не просил вас написать строк десяток для помещения в "Diario" о смерти нашего незабвенного друга!» (речь шла о сыне М. Ю. Виельгорского Иосифе).

ИЮНЯ 15 <3>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕНЬ СВЯТОГО ДУХА. КРАКОВ, ПОДГУРТ

Гоголь и В. А. Панов пересекают австрийскую границу.

3 июля (н. ст.) 1840 г. В. А. Панов в письме к К. С. Аксакову из Вены, начатом 27 июня и отправленном 8 июля (н. ст.), сообщал: «Я не стану Вам говорить, как в Podgurz'е – место Венгрии, отделяющееся от Кракова одним мостом через Вислу и где находится австрийская таможня, – меня заставили заплатить около 20 р<ублей> штрафу за то, что я при осмотре позабыл показать

кисет, который лежал у меня в коляске; его увидели, когда я отъехал уже шага два от рогатки; меня воротили, взвесили кисет, нашли в нем ½ фунта, за который взяли с меня 7 ½ гульденов (Николай Васильевич оставался в городе дожидаться выдачи паспортов из Пол<ьши>). Если бы я Вам писал тот день, я бы несколько листов написал ругательствами за этот невежественный поступок. Теперь боюсь вспомнить. В Подгурте мы сели в дилижанс (15 июня) до Брюна <Брно>...»

Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод.* Т. 2. С. 159.

ИЮНЯ 17. СРЕДА. БРЮНН, ЛЮНДЕНБУРГ, ВЕНА

Гоголь и В. А. Панов приехали утром в Брюнн (Брно) и, проехав оттуда по железной дороге через Люнденбург, к полудню прибыли в Вену.

27 июня (н. ст.) 1840 г. В. А. Панов в письме к К. С. Аксакову из Вены (отправленном 8 июля н. ст.), сообщал К. С. Аксакову: «...Теперь уже 11-й день как мы приехали <...> в Вену»[1].

3 июля Панов добавлял, что в Брюнн с Гоголем они «приехали 17<-го> в 7-м часу утра, тотчас переправились на железную дорогу и через 5 часов были уже в Вене (20 миль)»: «Наконец, пропустивши всю дорогу чрез Венгрию, Моравию, Богемию, где сначала тянутся отрасли Карпат, где чудное население, где каждая станция есть прекрасный чистый городок, дорогу, по которой виды и воздух доставляли наслаждения Николаю Васильевичу, но не мне, страдавшему от ужасного насморка и начавшейся уже головной боли, — я добрался, наконец, до Вены, куда я относил все свои ожидания, где думал отдохнуть, получить письма, устроить дела, всем написать, где ничего этого не сделал, где сначала ничего не нашел нового и которой, между тем, доволен сверх всякого ожидания. — Первая вещь, которая меня здесь поразила, это была довольно несносная болезнь. Она началась еще в Варшаве насморком и кончилась здесь сильным ревматизмом в глазу и головною болью... Неделю просидел я дома, мне ставили пьявки и пр.»[2]

[1] Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод.* Т. 2. С. 158.
[2] Там же. Т. 2. С. 159.

ИЮНЯ 17 <5>. СРЕДА – АВГУСТА КОНЕЦ <ИЮНЯ 5 – АВГУСТА СРЕДИНА>. ВЕНА

Гоголь живет в Вене (до 11 июля (н. ст.) вместе с В. А. Пановым[1]); возобновляет[2] работу над драмой из эпохи Богдана Хмельницкого[3].

7 июля (н. ст.) 1840 г. В. А. Панов в письме к К. С. Аксакову из Вены (начатом 27 июня и отправленном 8 июля), сообщал: «Мы имели величайшее счастие застать здесь чудную оперу[4] — известнейших артистов — Ронкони[5], Мариани, Ungher[6], Frezzolini[7], Brambilla, Gabussi. Это всё такие имена, которые приводили Николая Васильевича в восторг, когда он читал их на афишах. Несколько дней продолжался этот приятный сюрприз — узнавать, что эти артисты здесь, а Николай Васильевич первый день, увидавши только, что здесь Ungher, был уже в восхищении. Это наслаждение (т. е. итальянскую оперу) имели мы только до 1 июля.

Николай Васильевич показывал мне здесь картинные галлереи в Бельведере (императорском) и кн<язей> Эстергази»[8].

[1] См. ***1840. Июля 11 <июня 29>. Суббота. День памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла. Вена.***
[2] См. ***1839. Конец года. Москва***; ***1840. Между января 6 и февраля 3. Москва.***

[3] См. ***1840. Июля 8 <июня 26>. Среда. Вена***; ***1840. Августа вторая половина – конец <августа начало – средина>. Вена***.

[4] Панов из-за болезни стал выходить из дома лишь около 24 июня (н. ст.) 1840 г. (см. ***1840. Июня 17 <5>. Среда. Брюнн, Вена***).

[5] Джорджио Ронкони (род. в 1810), баритон. Пел в Вене, Лондоне, Париже, Петербурге.

[6] Каролина Унгер (Унгер-Сабатье, 1803–1877), австрийская певица (контральто).

[7] Эрминия Фреццолини (1818–1884), итальянская певица. Дебютировала в 1838 г. во Флоренции в опере «Беатриче ди Тенда» В. Беллини. Пела в Лондоне, Петербурге (1848–50), Мадриде и Париже.

[8] Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод*. Т. 2. С. 160.

ИЮНЯ 22 <10>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВЕНА

Гоголь пишет шутливое письмо Е. Г. Чертковой в Москву (датировка письма уточнена):

«Странная вещь. Как только напьюсь чаю, в ту же минуту кто-то невидимый[1] толкает меня под руку писать к вам, и Елисавет Григорьевна не сходит ни на минуту с мыслей. И отчего бы это? Пусть бы еще эта потребность являлась во время кофию, тогда по крайней мере понятно. Кофий клеится в моей памяти с вами[2]: вы сами мне клали сахар и наливали; но во время чаю вы не брали на себя никакой должности. Отчего же это? Я теряюсь и становлюсь похожим на того почтенного гражданина и дворянина, который всю жизнь свою задавал себе вопрос: почему он Хризанфий, а не Иван, и не Максим, и не Онуфрий, и даже не Кондрат и не Прокофий. Вы верно знаете, отчего вы живее в моих мыслях после чаю. Верно вы один раз, пивши его, вообразили, что льете мне его на голову и вылили вашу чашку на пол. Или, хотевши швырнуть блюдечком мне в лоб, попали им в верхнюю губу и передний зуб вашего доктора, который только что успел вам рассказать, как весь город удивляется терпению вашего Гриши[3], или может быть ваша Лиза[4], взявши чашку с чаем и приготовляясь пить, закричала во весь голос: Ах мама, вообрази, здесь в чашке сидит Гоголь! Вы бросились с места и вскрикнули: Где Гоголь? Лиза принялась ловить ложечкой в стакане и закричала вновь: Ах, это не Гоголь, это муха! И вы увидели, что это была, точно, муха и может быть в эту минуту сказали: Ах, зачем эта муха, которая так надоедала мне, уже далеко от меня. Словом, что-нибудь верно случилось, иначе мне бы не было такого сильного желания писать к вам именно после чаю. Вы мне обыкновенно представляетесь сидящею в креслах, в ваших креслах. Но после чаю вы стоите возле меня, живо опершись на спинку стула, и как будто что-то говорите. <...> Словом, хотя мне чай вреден, но я буду его пить чаще, чтобы иметь подобные минуты.

Знаете ли, что это письмо пишется к вам из Вены? я мог бы сию минуту сходить в Poste restante и взять там ваше письмо и написать на него ответ, но я не хотел этого сделать для того, чтобы до завтра быть в сладкой уверенности, что там лежит точно ваше письмо ко мне».

[1] В изд. 1952 г.: «невидимкой» (*Гоголь 1937–1952*. Т. 11. С. 236). Уточнено по публикации 2012 г.: *Фалалеева М. В.* Предисловие // *Чертков А. Д.* Журнал моего путешествия по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии и проч. в 1823–1825 годах. М., 2012. С. 19.

[2] См. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим***; ***1839. Октября 17. Вторник. Москва***; ***1839. Октябрь. Москва***; ***1840. Апреля начало, не позднее 7 – апреля 27. Суббота. Москва***; ***1840. Мая 9. Четверг. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***.

[3] Григорий Александрович Чертков (1832–1900), сын Чертковой.

[4] Елизавета Александровна Черткова (в замужестве княгиня Голицына; 1829–1894), дочь Чертковой.

ИЮНЯ 10 <22>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

С. Т. Аксаков отправляет Гоголю ответное[1] письмо в Вену[2]:

«...Я не спросил вас, куда писать к вам? <...> ...От глупой мысли, что письмо мое <...> воротится опять в Москву, опускало мне руки... Теперь я столько пропустил времени, что, вероятно, это в самом деле случится... <...> Все обнимаем вас, а Константин особенно... <...> Все ваши поручения он выполнит с радостию: он все еще готовится писать диссертацию[3]. Лиза ваша здорова, начинает привыкать к новому своему житью-бытью и хорошо улаживается. Мы видимся нередко. Она гостит у нас другой день: вчера было Воскресение[4], а сегодня Раевской нет дома. Лиза сама пишет[5]. Погодин, верно, написал вам, что у него родился сын[6] в день рождения Петра Великого[7] и назван Петром[8] и что я крестил его с Лизаветой Григорьевной Чертковой. Это мне было очень приятно, потому что она ваша добрая приятельница. — Едва ли я поеду в свои деревни за Волгу... Кажется, мы проведем лето в Москве: к этому есть много побудительных причин и не весьма приятных. Не такой год, чтоб расставаться. — Я прочел *Лермонтова "Героя нашего времени"* в связи и нахожу в нем большое достоинство. Живо помню слова ваши, что Лермонтов-прозаик будет выше Лермонтова-стихотворца. <...> Михаил Семенович очень было прихворнул, но теперь выезжает и поправляется. Пожалейте: он на строжайшей диэте... Он обнимает вас и обещает достать много *записок из дел*, к которым я присоединю свои. Все это привезет вам Константин, если не встретится оказии прежде».

[1] См. ***1840. Июня 10 <мая 29>. Среда. Варшава.***

[2] Датировка письма уточнена.

[3] Подразумевается диссертация К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (М., 1846), вчерне написанная еще в 1839 г.

[4] 9/21 июня 1840 г.

[5] Сестра Гоголя Е. В. Гоголь, проживавшая в доме П. И. Раевской. К письму С. Т. Аксакова было приложено письмо Елисаветы Васильевны к брату (см. ***1840. Июля 7 <июня 25>. Вторник. Вена***).

[6] См. также ***1840. Июня 7–13 <мая 26 – июня 1>. Воскресенье-суббота. Варшава.***

[7] Петр I родился 30 мая 1672 г.

[8] П. М. Погодин умер через год, 16 июня 1841 г. (см. ***1841. Мая 15 <3>. Суббота. Рим*** — примечания).

ИЮНЯ 25 <13>. ЧЕТВЕРГ. ВЕНА

Гоголь отправляет несколько писем к родным и друзьям: матери в Васильевку; П. И. Раевской и сестре Елисавете в Москву; П. А. Плетневу в Петербург и А. А. Иванову в Рим.

В письме к матери сообщает: «Я приехал в Вену довольно благополучно назад тому неделю[1]. Не написал к вам потому, что ожидал вашего письма. <...> Здесь я намерен остаться месяц или около того. Хочется попробовать новооткрытых вод, которые всем помогают, а главное, говорят, дают свежесть сил, которых у меня уже с давних пор нет. Переезд мой, по крайней мере, доставил мне ту пользу, что у меня на душе несколько покойнее. Тяжесть, которая жала мое сердце во всё мое пребывание в России, наконец как будто свалилась, хоть не вся, но частичка».

В письме к Раевской Гоголь благодарит ее за попечение о сестре Елисавете: «...Как воображу себе ваш тихий, светлый, весь проникнутый душевною добротою взгляд, мне становится легче. Ни слова не скажу вам о моей благодарности. <...> Положение сестры моей было для меня невыносимою тяжестью. И сколько ни прибирал я в уме своем, где бы найти ей угол такой, где бы характер ее нашел хорошую дорогу и укрепился на ней, я не мог, однако ж, и потерялся было совершенно. И вдруг Бог ниспослал мне больше, чем я ожидал. В Вашем доме я нашел все. Первое и самое главное — Вы; второе, что уже редкость неслыханная, все окружающее вас. Точно я никого не нашел вокруг вас, кто бы не был совершенно доброе существо и на лице которого не отражалась бы душа. От вас ли это все сообщалось, или они заключали все это в себе, во всяком случае, это изумительно. <...> Вот почему, когда Вы меня спросили, как я хочу, чтобы была ведена и к чему готовлена сестра моя, я не сказал вам ничего, потому что главное было найдено. Если она утвердится в одном

хорошем и душа ее приобретет хотя часть того, что находится в окружающем ее обществе, то везде, где бы она потом ни была, куда бы ни бросила судьба ее, она будет везде счастлива. <...> С моей стороны я бы пожелал, чтобы сестра моя выучилась вот чему:

1-ое) Уметь быть довольну совершенно всем,

2-ое) Быть знакому более с нуждою, чем с изобилием – и 3-ье) узнать, что такое терпение, и находить наслаждение в труде. Собственно же, к какому званию ее готовить, я об этом не заботился, это временное, а я думал больше о вечном. <...> Назначение женщины – семейная жизнь, а в ней много обязанностей разнородных. Здесь женщина является и гувернанткой, и нянькой, и домоводкой, и казначейшей, и распорядительницей, и рабой, и повелительницей. <...> Например, вы можете поручать ей иногда какие-нибудь отдельные части домашнего хозяйства, особенно что-нибудь такое, что бы доставляло ей в одно время и муцион. Потому что по своей воле и прогуливаться для того, чтобы прогуливаться, молодые девушки не любят, да оно, впрочем, и лучше.

Вы, верно, проживете лето в деревне, а в деревне столько разных хозяйственных занятий, требующих и беготни и хлопот! Мое всегдашнее желание было, чтобы у нее был один какой-нибудь труд постоянный, который бы занимал у ней часа полтора, но решительно всякой день и в одно и то же время. Это – переводить[2]. Занятие, которое в будущем ей может очень прислужиться и даже дать средства жить, если других не найдется. Я же, по своему отношению литературному, могу некоторым образом доставить ей выгодный сбыт и приличную цену. <...> Кроме возложенной на нее одной какой-нибудь части домашнего хозяйства, не мешало бы давать разные поручения: купить что-нибудь, расплатиться или расчесться, свести приход и расход. Она девушка бедная, у ней нет ничего. Если она выйдет замуж, то это ей будет вместо приданого, и, верно, муж ее, если только он будет человек не глупый, будет за него больше благодарить, чем за денежный капитал. Но если бы даже сестра моя не была девушка бедная и ей бы предстояла блистательная участь, то и тогда к воспитанию ее я бы, может быть, прибавил один или два языка лишних, да кое-что для гостиных, но, верно бы, не выключил ни одной из означенных статей. <...>

Сестрицам вашим[3], с которыми я имел удовольствие познакомиться, свидетельствую мое нелицемерное, искреннее почтение и семейству вашему душевный поклон».

В послание к Раевской Гоголь вкладывает письмо к сестре Елисавете, в котором упрекает ее за молчание: «Я думал уже найти письмо твое давно лежащим на почте... <...> Аннет больше твоего меня любит: она мне написала, написала подробно обо всем, что ни случилось с нею в дороге и по приезде домой[4]. <...> Я теперь в Вене и пробуду здесь еще месяц с лишком, и потому ты можешь адресовать мне письма в Вену, в poste restante, больше ничего не нужно надписывать; письма же, которые вздумаешь писать в августе месяце, адресуй в Рим, тоже poste restante».

В письме к Плетневу Гоголь просит ходатайствовать за него перед великой княгиней Марией Николаевной о доставлении ему места конференц-секретаря[5] при инспекторе русских художников в Риме П. И. Кривцове: «...Еще в Москве мне советовали в одно слово Вяземский[6] и Тургенев[7] сделать вот что: Кривцову назна<чи>ли в Риме быть директором римских художников и вследствие того составившейся римско-русской Академии с 25 тысячами в год жалованья... <...> Так как при директоре должно находиться что-нибудь вроде конференц-секретаря <...> , то чтобы я хлопотал для себя об этом. К сожалению с Кривцовым я не могу видеться. Он выехал из Рима и, вероятно, будет скоро в Петербурге. Я написал к Жуковскому[8], чтобы он употребил влияние свое при дворе Наследника; потому что Кривцов, между прочим, обязан этим местом Наследнику. <...> ...Весьма не худо бы, если бы вы что-нибудь сказали об этом великим княжнам. Если Марья Николаевна от себя еще слово, то это натурально еще действительнее. <...> Жалованья мне может быть дадут 1000 рубл<ей> серебром, меньше чего за границей не дают. И теперь, вообразите себе, я в Риме и обеспечен! Только работай да наслаждайся! Это было бы так хорошо...»

В письме к Иванову Гоголь спрашивает: «В Риме ли вы? <...> Что делает ваша Famosa[9] (то е<сть>, разумею я, картина[10])? На чем она теперь остановилась, то е<сть> я разумею, на чем остановился труд ваш. Близится ли к концу или еще доныне остаются роковые tre anni[11]? С нетерпени-

ем алчу узреть ее и обнять самого maestro. Я был и в России и чорт знает где. Теперь сижу в Вене, пью воды, а в конце августа или в начале сентября буду в Рим, увижу вас, побредем к Фалькону[12] есть Bacchio arosto[13] или girato[14] и осушим фольету[15] Asciuto[16], и настанет вновь райская жизнь. В Риме ли Моллер и что делает? Пожалуйста, скажите ему, что я с нетерпением хочу его видеть, что он и сам, я думаю, знает. Поклонитесь любезнейшему Иордану и спросите о здоровье находящегося у него сундука[17]... <...> Адресуйте мне в Вену, в poste restante».

[1] См. ***1840. Июня 17. Среда. Брюнн, Люнденбург, Вена.***

[2] «Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от Аксаковых окружение П. И. Раевской предпочитает французский язык русскому» (*Тарланов Е. З.* Альбом Е. В. Гоголь-Быковой // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1985. М., 1987. С. 39; см. также ***1840. Мая 27–30. Среда-суббота. Москва***).

[3] Вероятно, имеются в виду родная и двоюродная сестры Раевской (рожд. Арсеньевой), Евдокия Ивановна Арсеньева (ум. в 1864) и С. Н. Молчанова (см. ***1840. Мая 10. Пятница. Москва***).

[4] Речь идет о возвращении А. В. Гоголь вместе с матерью и сестрой Ольгой в конце апреля — начале мая 1840 г. из Москвы в Васильевку (см. ***1840. Апреля 27. Суббота. Москва***). Возможно, Гоголь имеет в виду письмо сестры Анны из Харькова, полученное им 17 мая 1840 г. (см. ***1840. Мая 17. Пятница. Москва***; ср. также ***1840. Августа 7 <июля 26>. Пятница. Вена***).

[5] См. ***1840. Февраля 1. Четверг. Москва*** (примечания).

[6] См. ***1840. Апреля 23. Вторник. Радоница. 7 часов вечера. Москва.*** — См. также ***1840. Мая 3. Пятница. Москва.***

[7] См. ***1840. Апреля 28. Воскресенье. Москва.*** — См. также ***1840. Мая 3. Пятница. Москва.***

[8] См. ***1840. Мая 3. Пятница. Москва.***

[9] Славная, знаменитая (*ит.*).

[10] «Явление Мессии».

[11] Три года (*ит.*).

[12] Римский трактир «Trattoria del Falcone».

[13] Bacchio arosto (arrosto) — жареная баранина (*ит.*).

[14] Обжаренная на вертеле (*ит.*).

[15] Фольета (foglietta; *ит.*) — шкалик.

[16] См. ***1839. Сентября 20 <8>. Пятница. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Вена.***

[17] См. также ***1842 октября 4 <сентября 22> — 1843 мая 2 <апреля 20>. Рим*** (воспоминания Ф. И. Иордана).

ИЮНЯ 28 <16>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВЕНА

Гоголь в письме к А. П. Елагиной извиняется, что, выехав из Москвы за границу, по дороге забыл заехать к ней в деревню проститься[1]:

«...Вы, может быть, не сердитесь на меня за это — этим я могу еще потешать себя. От вашей доброты можно всего ожидать. Но мне нужно было вас видеть, мне хотелось, чтобы вы видели меня отъезжающего. Меня, у которого на душе легко. У вас, в ваших мыслях, я остался с черствою физиогномией, с скучным выражением лица. Еще мне нужно было вам сказать многое, очень многое, что такое, не знаю, но знаю, что я сказал бы его вам и что мне было бы приятно. <...> Но, Бога ради, будьте здоровы! Что вам за охота забаливать так часто? <...> Мне так и представляетесь вы сидящей на диване, с вашим ангельским терпением, старающеюся не подать виду, что у вас какое-нибудь страдание. Исполните же мою просьбу, если меня хоть каплю любите, а не то ведь я опять вытру себе рожу гадкою тряпкою, то есть, до такой степени гадкою, что буду чихать до самого Рима. Кстати насчет последнего обстоятельства. Я распростился с предметами, возбуждающими чихание, на русской границе. Какой воздух! святые небеса, какой воздух. В нем есть что-то принесшееся из Италии. Нос мой слышит даже хвостик широкка[2]. И откуда это? какие благодатные ветры принесли? Мне ли нарочно навстречу? Если мне, то, право, стоит; конечно, я не генерал, но кто же может так любить... Так и упиваешься, и жмуришь глаза, и только жалеешь на то, что нос всё еще мал и короток, что бы хотя крошку подлиннее!

К вам одна маленькая просьба. Я послал сестре <Анне> в деревню Шиллера и сказал ей, что это вы посылаете[3]. Почему я это сказал, вы догадаетесь. Она живет не одна, с ней есть старшая се-

стра[4], которой всякая безделица покажется предпочтением и проч. И потому вы не удивитесь, если Annette вздумает вас благодарить, а примите на свой счет. Всему семейству вашему посылаются самые искреннейшие рукопожатия. <...> Кто вздумает писать ко мне, тот да адресует в Вену в poste restante. Я здесь пробуду месяца полтора – пью воды. В сентябре же месяце адрес мой в Рим тоже poste restante».

[1] См. ***1840. Мая средина, до 18 числа. Москва***; ***1840. Мая 19. Воскресенье. Вязьма.***
[2] Широкко (сирокко; scirocco; *um.*) – знойный юго-восточный ветер.
[3] См. ***1840. Мая 17. Пятница. Москва.***
[4] М. В. Трушковская.

ИЮЛЯ 5 <ИЮНЯ 23>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВЕНА

Гоголь получил от С. Т. Аксакова письмо из Москвы[1], с вложением письма от сестры Елисаветы[2].

[1] См. ***1840. Июня 10 <22>. Понедельник. Москва.***
[2] См. ***1840. Июля 7 <июня 25>. Вторник. Вена.***

ИЮЛЯ 7 <ИЮНЯ 25>. ВТОРНИК. ВЕНА

Гоголь отвечает С. Т. Аксакову, что получил его письмо «третьего дня»[1] и что в Вене он намеревается пробыть еще «месяца полтора, попить воды и отдохнуть»:

«Тут <...> свобода во всем. Нужно знать, что последняя давно убежала из деревень и маленьких городов Европы, где существуют воды и съезды. Парадно – мочи нет! <...> Как вспомню Мариенбад[2] <...> и несносных русских с вечным и непреложным вопросом: "А который стакан вы пьете?"... <...> Этот вопрос мне показался на ту пору родным братцем другого известного вопроса: "Чем вы подарите нас новеньким?"[3] <...> Я здесь один; меня не смущает никто. На немцев я гляжу как на необходимых насекомых во всякой русской избе. <...> Вена приняла меня царским образом! Только теперь всего два дня прекратилась опера... Чудная, невиданная. В продолжение целых двух недель первые певцы Италии[4] мощно возмущали, двигали и производили благодетельные потрясения в моих чувствах».

Советует С. Т. Аксакову провести лето на даче. Поручает К. С. Аксакову «спросить у Погодина, не нашелся ли» его Шекспир «2-й том[5], который взять ему с собою и прибавить к этому оба издания песней Максимовича[6], а может быть, и третье, коли вышло».

«А главное, купить или поручить Михаилу Семеновичу <Щепкину> купить у лучшего сапожника петербургской выделанной кожи, самой мягкой для сапог... <...> Пары две или три; случилась беда: все сапоги, сделанные мне *Таке*[7], оказались короткими. Упрямый немец! Я толковал ему, что будут коротки, – не хотел, сапожная колодка, согласиться! и широки так, что у меня ноги распухли».

Сообщает что В. А. Панов «немного было прихворнул, но теперь здоров, заглядывается на Вену и с грустью собирается ее оставить послезавтра для дальнейшего пути»:

«Он теперь сидит за письмом к вам».

В. А. Панов в письме к К. С. Аксакову из Вены (начатом 27 июня (н. ст.) и отправленном 8 июля (н. ст.) 1840 г.) сообщал:

«Июля 3 <н. ст.>. <...> Я не могу не упомянуть уже теперь о главном наслаждении, главной пользе, которое оно <путешествие с Гоголем> мне до сих пор доставляло, о счастии быть так долго неразлучно вместе с Великим человеком. Да, бывали минуты, когда созерцание его меня вполне наполняло; когда, соображая всё мною испытанное в нем, я видел всю полноту его самосознания, о котором мы не могли иметь понятия в Москве. Чудесные минуты! Тем светлее, тем ярче они для меня были, что им иногда предшествовали такие, в которые мы чуть не бранились, споря или о блюде, которое должно заказать, или о русском языке, или когда мы даже мешали друг другу, бегая, например, по улицам: он иногда побежит, а я с ужасною головною болью едва тащусь, не зная, куда деться от солнца или жару; или я затороплюсь, а у него на ту беду ноги распухнут[8], и он их едва переводит, жалуясь на мозоли»[9].

В письме от 21 ноября (н. ст.) 1840 г. из Рима Панов сообщал также С. Т. Аксакову о Гоголе: «В Вене его беспокоила только какая-то боль в ноге»[10].

С. Т. Аксаков в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855), комментируя письмо Гоголя от 7 июля (н. ст.) 1840 г., замечал: «К этому письму не нужно прибавлять никаких объяснений. Но следует заметить, что здесь продолжается в душе Гоголя то же самое настроение, с каким он уехал из Москвы[11]. Его же увидим мы и в следующем письме в Москву к О<льге> С<еменовне>[12], ибо я известил Гоголя, что уезжаю с Константином за Волгу, куда я и уехал, кажется, 27-го июня. Из этого письма также видно, какое значение имели для Гоголя все искусства и как благодетельно было их влияние на его душу. О сильном стремлении его к живописи я уже имел случай говорить; но здесь видно, как действовала на него музыка и как дороги были ему родные малороссийские песни. Даже третье издание Максимовича, почти одних и тех же песень, просит он Константина привезть ему в Рим. Итак, очень ошибочно это мнение, что будто Гоголь только в последние два года своей жизни вновь обратился к своей прекрасной родине и к ее прелестным песням»[13]. – В черновой редакции своих мемуаров Аксаков к этим словам добавлял: «Впрочем, в прежнем письме, из Варш<авы> от 10 июня[14], он просил привезти ему в Рим компактное издание русских песней Сахарова»[15].

В тот же день, 7 июля (н. ст.) 1840 г., Гоголь в ответном[16] письме к сестре Елисавете (вложенном в послание к Аксакову) замечал:

«Ты очень мнительна, когда дело идет до собственного твоего здоровья[17]. Это грех. Будь добра и деятельна, будь с утра и до вечера на ногах – и мнительность к тебе не пристанет. Когда же случится тебе быть больной, то занимайся в это время тем, чем можно заниматься в постели, и чаще молись, чтобы ум твой не был ни на минуту празден и не имел бы времени выдумывать чего-нибудь соблазнительного и вводящего в грех как в словах, так и в действиях. Письмо <С. Н.> Молчановой, о котором ты спрашиваешь, я получил давно, и если ей приятен ответ, то отправь при сем приложенную записочку[18] и скажи ей, что я всегда признателен ей за ее любовь к тебе. Затем Бог да хранит тебя! <...> Счеты не позабывай вести аккуратно, чтобы Н<?> было что показать мне по приезде».

[1] См. ***1840. Июля 5 <июня 23>. Воскресенье. Вена.***

[2] См. ***1839. Июля 13 <1>. Суббота – августа около пятницы 23 <11>. Мариенбад.***

[3] См. ***1839. Сентября 28. Четверг. Москва, д. Аксиньино, Москва.***

[4] См. ***1840. Июня 17 <5>. Среда – августа конец <июня 5 – августа средина>. Вена.***

[5] См. ***1838. Апреля 23 <11>. Понедельник. Рим***; ***1839. Октября 26. Четверг. Москва.***

[6] Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем (М., 1827); Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем (М., 1834. Ч. 1).

[7] См. ***1839 декабря конец – 1840 не позднее начала мая. Москва.***

[8] См. также ***1840. Июля 7 <июня 25>. Вторник. Вена.***

[9] Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод.* Т. 2. С. 158.

[10] Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод.* Т. 2. С. 161.

[11] См. ***1840. Апреля первая половина. Москва.***

[12] См. ***1840. Сентября 10 <августа 29>. Четверг. Венеция.***

[13] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 696.

[14] См. ***1840. Июня 10 <мая 29>. Среда. Варшава.***

[15] *Аксаков С. Т.* Из истории нашего знакомства с Гоголем <1832–1840 гг.>. <Выписки рукою П. А. Кулиша>. <Конец ноября – начало декабря 1854 г.> // *Свод.* Т. 2. С. 657.

[16] См. ***1840. Июня 10 <22>. Понедельник. Москва.***

[17] См. также ***1840. Августа 7 <июля 26>. Пятница. Вена.***

[18] Не сохранилась.

ИЮЛЯ НАЧАЛО <ИЮНЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. РИМ

А. А. Иванов пишет ответное[1] письмо Гоголю в Вену:

«Письмо ваше от июня 25 весьма меня и всех ваших знакомых радовало. Мы видели, что вы нас совсем не забываете. <...> Ваше письмо едва застает меня в Риме: я чрез три дня отсюда уеду шататься по Италии и, может быть, даже с вами где-нибудь встречусь, что было бы для меня весьма приятно. Я располагаю отправиться, во-первых, в Перуджию, для наблюдения купающихся в Тибре лучшего класса людей, ибо в Риме купальны устроены в виде кабинетов, где ни щелки не оставляется для глаза наблюдательного. Это все клонится к перемене или к улучшению первопланного срединного группа в моей картине. Первого августа надеюсь быть в Ассизи, видеть праздник *отпущения грехов,* с надеждою почерпнуть что-нибудь для моих физиогномий в сем религиозном торжестве. А второго или третьего отправлюсь в Синигалию, на знаменитую ярмарку, присмотреться к азиатским чертам лиц. Пробыв там два или три дня, отправлюсь во Флоренцию[2] для скопирования некоторых этюдов в галерее Питти. Тут пройдут две недели, после чего намерен странствовать в горах около Рима, чтобы к осени привезти этюды для первопланных каменьев реки. Вот план моего путешествия. Могу сказать, что все время разлуки нашей я довольно прилежно занимался, но картина подвигается все-таки тихо. Довольно часто мне приходит в мысль, что затеянный труд мне не по силам.

Моллер вам кланяется, извиняется, что сам не пишет, ибо очень занят. Ему хочется кончить пред отъездом в Неаполь свою "Русалку"[3]. Он на вас сердится за то, что вы самое лучшее мнение дали в Петербурге[4] об его начатой "Русалке", которую он пред сим известием собирался изорвать и бросить. Он в самом деле пред тем, чтобы приняться ее оканчивать, был очень встревожен и всегда упрекал вас. Его эту картину вы не узнаете: она в самом деле будет такая, как вы об ней думали. Иордан вам свидетельствует свое почтение. Сундук ваш[5] как был. <...> Этот год в Риме для меня был довольно важен: я видел выставленную в студии Овербека его большую картину[6]!! Я видел в студии Энгра его картину[7]!»

[1] См. ***1840. Июня 25 <13>. Четверг. Вена.***

[2] См. ***1840. Сентября около 12–13 <около августа 31 – сентября 1>. Флоренция.***

[3] См. ***1839. Марта 18 <6>. Понедельник. Рим.***

[4] См. ***1839. Октября 30 – декабря 17. Санкт-Петербург.***

[5] См. также ***1842 октября 4 <сентября 22> – 1843 мая 2 <апреля 20>. Рим*** (воспоминания Ф. И. Иордана).

[6] Речь идет о картине Ф. Овербека «Der Bund der Religion mit den Künsten» (Союз религии с искусствами; *нем.*) (окончена в 1840 г.).

[7] Подразумевается либо картина Ж. Энгра «Одалиска и рабыня», либо его «Стратоник».

ИЮЛЯ 8 <ИЮНЯ 26>. СРЕДА. ВЕНА

В. А. Панов в письме к К. С. Аксакову из Вены в Москву (начатом 27 июня и отправленном 8 июля) сообщает:

«Пробуду здесь до субботы (11-е июля), потом еду в Мюнхен – до Линца на пароходе. <...> В Венецию к 1-му сентября, где найду Николая Васильевича. С ним чрез Анкону в Рим. В конце октября в Берлин. Пишите мне, пожалуйста, в Венецию или Рим. Найду ли я Вас в Берлине? Я Вам не успел ничего сказать о Николае Васильевиче. Он работает здесь над малороссийскими песнями, никогда не изданными, которых у него самое огромное богатейшее собрание»[1].

В письме С. Т. Аксакову от 21 ноября (н. ст.) 1840 г. из Рима Панов сообщал также о пребывании с Гоголем в Вене: «В продолжение почти 4 недель[2], которые я тут с ним пробыл, я видел ясно, что он чем-то занят. Хотя он и в это время лечил себя, пил воды, прогуливался, но все ему оставалось свободное время, и он тогда перечитывал и переписывал свое огромное собрание малороссийских песен[3], собирал лоскутки, на которых у него были записаны поговорки, замечания и проч. Расставаясь около половины июня[4] (по н. ст.)[5], мы назначили съехаться в Венеции. Он хотел приехать туда из Вены в половине августа, а мне назначил последним сроком 1 сентября»[6].

[1] Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод.* Т. 2. С. 160.

[2] Неполные четыре недели, со среды 17 июня (н. ст.) до субботы 11 июля (н. ст.) 1840 г.

[3] См. ***1838 конец года – 1839 начало года. Рим.*** – С обращения к народным песням в августе 1839 г. началась история создания Гоголем драмы из эпохи Богдана Хмельницкого (см. ***1839. Сентября 27. Среда. Москва*** – примечания). Гоголевское собрание народных песен см. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. – См. также ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>.***

[4] Так в публикации. Следует: «июля».

[5] 11 июля (н. ст.) 1840 г. (см. ***1840. Июля 11 <июня 29>. Суббота. День памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла. Вена***).

[6] Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод.* Т. 2. С. 161.

ИЮЛЯ 11 <ИЮНЯ 29>. СУББОТА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА. ВЕНА

В. А. Панов выезжает из Вены в Мюнхен, условившись с Гоголем встретиться в Венеции 1 сентября 1840 г.

См. ***1840. Июля 8 <июня 26>. Среда. Вена***; ***1840. Сентября 2 <августа 21>. Среда. Венеция.***

ИЮЛЯ 4 <16>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

С. П. Шевырев вернулся в Москву из-за границы.

Барсуков. 1892. Кн. 5. С. 382.

ИЮЛЯ 12 <24>. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

Мать Гоголя и его сестра Анна посылают ему письма в Вену.

См. ***1840. Августа 7 <июля 26>. Пятница. Вена.***

АВГУСТА 7 <ИЮЛЯ 26>. ПЯТНИЦА. ВЕНА

Гоголь пишет в Васильевку ответные[1] письма матери и сестре Анне.

В письме к матери сообщает: «Я получил ваше письмо от 12 июня <июля>, адресованное прямо ко мне в Вену... <...> Но не получал вашего письма, которое вы, говорите, послали к Погодину скоро после отъезда моего из Москвы[2]. Известия в вашем письме меня не очень радуют. Кажется, на урожай надежды не много. <...> Мы должны собрать все силы духа нашего и твердо переносить – это верно ведет к чему-нибудь. Без цели ничего не делается в мире. Я здесь остаюсь не больше недели и отправляюсь в Венецию. <...> Успокойтесь! Лиза так счастлива, как дай Бог быть всякому из нас. <...> Что она написала вам о своей сильной тоске и что она скучает, причина этому та, что слишком весело провела целую неделю с Аксаковыми, которые поехали огромным цугом за город и веселились там на пропало. Натурально после этого возвратившись к себе, то есть к Прасковье Ивановне <Раевской>, <...> ей показалось несколько скучно. И она по безрассудности своей в ту же минуту написала письмо, а к этому присоединила и грудную боль[3], что натурально ложь. Потому что от Аксакова я сию минуту получил письмо, что она потолстела. Да и сама она ко мне пишет, что несмотря на свое горе толстеет и боится чрезвычайно сделаться Щепкиным и все платья нужно было ей переправлять. Вот какого рода ее грудная боль!»

Из письма к сестре: «Я получил твое письмо от 12 июля вместе с маминькиным, адресован<-ным> прямо ко мне в Вену. Неужели это первое твое письмо из дому? Итак, ты мне ни слова не сказала о том, как ты приехала[4], как и где была в Полтаве, как наконец увидела свою деревню и кто тебя встретил, и как тебя встретили, и кто тебя узнал, и кого ты узнала, и какие были первые твои впечатления. Словом, ничего из того, что прежде всего должно занять. Но, может быть, ты писала и адресовала на имя Погодина, который позабыл отослать. <...> Я выезжаю на днях отсюда в *Венецию*. Письма адресуй в Рим, poste restante.

Сейчас только получил второе твое письмо и спешу попросить у тебя извинения за выговор. Этим письмом я доволен вполне. Ты пишешь довольно подробно и как следует. <...> ...Как увидишь Данилевского, А. С., то скажи ему, чтобы он писал ко мне. <...> А Ольге[5] скажи, что она молодец. Я доволен ее письмом. Что ж она говорит, что нет материи и не о чем писать! ведь вот есть же о чем. Ведь написала же письмо, и тоже довольно обстоятельно».

[1] См. ***1840. Июля 12 <24>. Пятница. Васильевка.***
[2] См. ***1840. Мая 18. Суббота. Полдень. Москва, Перхушково.***
[3] См. также ***1840. Июля 7 <июня 25>. Вторник. Вена.***
[4] Ср. ***1840. Мая 17. Пятница. Москва***; ***1840. Июня 25 <13>. Четверг. Вена.***
[5] Младшая сестра.

АВГУСТА 3 <15>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получил от Гоголя письмо из Вены[1]; делает на письме помету: «По<лучено> 3 авг<уста> 1840»[2].

[1] См. ***1840. Июня 25 <13>. Четверг. Вена.***
[2] См.: *Городецкий*. С. 450. – См. также ***1840. Августа 9 <21>. Пятница. Санкт-Петербург.***

АВГУСТА 3 <15>. СУББОТА. МОСКВА

К. С. Аксаков сообщает брату Ивану:

«Я отвез Лангеру[1] его ноты и деньги ему от Гоголя; Лангер в деревне; я отдал ноты жене его».

Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 790.

[1] См. ***1840. Апреля первая половина. Москва.***

АВГУСТА 7 <19>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение № 15 «Художественной Газеты» за 1840 г. с статьей А. Н. Струговщикова о картине Ф. А. фон Моллера «Поцелуй»:

«Одно из самых замечательных, самых отрадных художественных явлений в настоящем году – это новая картина Ф. А. фон Моллера. <...> Совет *Императорской* Академии Художеств определил: <...> Федора Антоновича фон Моллера возвести в звание Академика *Императорской* Академии Художеств... <...> Картину Г<-на> фон Моллера признать достойною представления на всемилостивейшее воззрение *Его Императорского Величества*»[1].

Из воспоминаний Ф. И. Иордана (опубл. в 1891 г.): «Его <Моллера> картина, известная под названием "Поцелуй", заставила говорить о нем весь Рим...»[2]

Картина была начата в Риме в 1839 г.; в апреле 1840 г. закончена и отправлена в Петербург. 10 июля 1840 г. в Петербурге состоялось специальное заседание Совета Академии художеств, единогласно признавшего «Поцелуй» Моллера «произведением, исполненным высоких достоинств». Художник был возведен в звание академика[3].

[1] <*Струговщиков А. Н.*> Поцелуй. Картина Ф. А. фон-Моллера // Художественная Газета. 1840. 1 авг. № 15 (цензурное разрешение 7 авг.). С. 16, 18–19). – См. также: «Недавно Академия видела полученное из Рима произведение любителя-художника Ф. А. Моллера: *Поцелуй*, и радушно приветствовала нового отличного Русского Живописца. Произведение это – изящное в полном смысле слова, поразившее прекрасною идеею и исполнением Римлян, обворожившее нас, принадлежит *Его Императорскому Величеству*. Художник, путешествующий на свой счет, награжден от *Государя* 600 червонцев, которые будут доставлены ему в виде содержания в течении двух лет, а Академия почла обязанностию признать его своим Академиком» (Отчет Императорской Академии Художеств за 1839–1840 академический год // Художественная Газета. 1840. 15 дек. № 24 (цензурное разрешение 22 дек.). С. 8); «В Риме "Поцелуй" был принят с восторгом и увенчался полным успехом; ту же участь испытал он и в Петербурге; да как и быть иначе! Но обо всем этом мы уже говорили в свое время (см. № 15 Худ<ожественной> Газеты 1840 г.)» (<*Струговщиков А. Н.*> Поцелуй. Картина Ф. А. фон-Моллера // Художественная Газета. 1841. № 7 (цензурное разрешение 22 марта). С. 2; авторство статьи указано: <*Струговщиков А. Н.*> От редакции // Художественная Газета. 1841. № 10 (цензурное разрешение 20 мая). С. 6).

[2] Записки профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана // *Свод*. Т. 3. С. 376.

[3] *Маркина Л. А.* Живописец Федор Моллер. М., 2002. С. 43–44, 210.

АВГУСТА 9 <21>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев, получив незадолго перед тем письмо от Гоголя из Вены[1], пишет В. А. Жуковскому в Дармштадт:

«Гоголь желает занять место в Риме при Кривцове, назначенном в начальники русских художников в Италии. Это дало бы ему рублей тысячу серебром – и он благословил бы Провидение, посвятив себя единственно литературной работе»[2].

[1] См. ***1840. Июня 25 <13>. Четверг. Вена***; ***1840. Августа 3 <15>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] *Свод*. Т. 1. С. 661.

АВГУСТА 15 <27>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ВОРОНЕЖ

А. В. Кольцов пишет В. Г. Белинскому:

«Да если б Бог дал увидеть Гоголя! Застану ль? Нету ль в Москве? И не знаком[1], а уж пойду к нему: хочется быть у него да и только».

Гоголь в письмах А. В. Кольцова // *Свод.* Т. 1. С. 807.

[1] См. ***1835. Января вторая половина – февраль. Суббота. Санкт-Петербург.***

1839 ОКТЯБРЯ СРЕДИНА <СЕНТЯБРЯ КОНЕЦ> – 1840 АВГУСТА СРЕДИНА <АВГУСТА НАЧАЛО>

Предположительно в этот период[1] Гоголь составляет сборник украинских исторических[2] песен и дум[3], посвященных периоду начала унии, эпохам Богдана Хмельницкого, Полтавской битвы и др.

Сборник состоит из 53-х песен и 27-ми разделов: <I> Про Гетьмана Свирговського[4]; <II> Про атамана Байду[5]; <III> Про Гетмана Наливайка[6]; <IV> Про Асаула Тетеренка[7]; <V> Про Асаула Чурая[8]; <VI> Про Саву Чалого[9]; <VII> Про гетьмана Серпягу[10]; <VIII> Про поход під Пиляву[11]; <IX> Про Яссы[12]; <X> Про полковника Перебійноса[13]; <XI> Про гетмана Хмельныченка[14]; <XII> Про полковныка Пушкаря[15]; <XIII> Про атамана Гордіенка[16]; <XIV> Про козака Сагайдачного[17]; <XV> Про полковника Палія[18]; <XVI> Про гетьмана Мазепу[19]; <XVII> Про козака Швачку[20]; <XVIII> Про поход на Лінію[21]; <XIX> Про козака Жадченка[22]; <XX> Про Козака Морозенка[23]; <XXI> Про полковника Лободу[24]; <XXII> Про гетьмана Богданка[25]; <XXIII> Про Гетьмана Хмельницького[26]; <XXIV> Про Гриця[27]; <XXV> Про полубітковську недолю[28]; <XXVI> Писня, яку співали тіи запорозци, що видойшли до турка[29]; <XXVII> На послидне поруйнуванье Січи[30].

Три песни Гоголь получил, вероятно, осенью 1839 г. от В. В. Пассека[31]. Две песни были переписаны из книги «Малороссийские и червоно-русские думы и песни, изданные П. Лукашевичем» (СПб., 1836); по одной – из сборников «Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем» (М., 1834. Ч. 1) и «Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем» (М., 1827). Одну из песен Гоголь опубликовал ранее сам в «Отечественных Записках»[32]. Основной источник выписок – выпуски «Запорожской Старины» И. И. Срезневского: Ч. 1, кн. 1 (Харьков, 1833); Ч. 2, кн. 1 (Харьков, 1834); Ч. 2, кн. 2 (Харьков, 1835) (отдельные песни могли попасть в «Запорожскую Старину» Срезневского через Максимовича от самого Гоголя).

Большое число песен сборника были известны Гоголю с 1833–1834 гг. Но если его ранние рукописные сборники украинских дум, а также «старинная тетрадь с песнями», доставленная ему в начале ноября 1833 г. сестрой Марией Васильевной и использованная при создании первой редакции «Тараса Бульбы», до нас не дошли[33], то относительно второй редакции «Тараса Бульбы» можно предположить, что именно настоящий сборник (сохранившийся в бумагах художника А. А. Иванова) был опосредованным образом использован Гоголем при создании новой редакции повести. Содержание сборника нашло отражение во второй редакции «Тараса Бульбы» после того, как Гоголь в конце августа (н. ст.) 1841 г. сжег готовившуюся драму из эпохи Богдана Хмельницкого[34] – а затем использовал наброски и приготовленные для драмы материалы в переработке повести.

На использование Гоголем в работе над драмой из эпохи Богдана Хмельницкого настоящего сборника указывает, в частности, наличие в нем нескольких дум «про Гетьмана Хмельницкого». Об использовании Гоголем сборника исторических песен и дум в работе над «Тарасом Бульбой» может свидетельствовать также то, что сборник сохранился в бумагах Иванова вместе с рукописями второй редакции повести, а именно с черновыми автографами V–VIII глав «Тараса Бульбы», а также с полной копией этой повести, переписанной сестрой Гоголя Елисаветой Васильевной и являвшейся рабочим экземпляром писателя, увезенным им с собой за границу в 1842 г. Все эти рукописи поступили в Румянцевский музей в 1880 г. по завещанию брата Иванова скульптора С. А. Иванова вместе с еще несколькими рукописями Гоголя[35]. На обложке сборника имеется экслибрис Московского Публичного и Румянцевского музеев и надпись А. Е. Викторова о времени поступления сборника в музей и его владельце: «1882 г. Из бумаг А. А. Иванова». (С отъезда за границу в 1842 г. вплоть до 1848 г. Гоголь в России не бывал; после возвращения в Россию в 1848 г. с А. А. Ивановым больше не встречался.)

[1] См. ***1839. Октября первая половина. Москва***; ***1840. Июля 8 <июня 26>. Среда. Вена.***

[2] См. также любимую Гоголем песню о Нечае: ***1651. Февраля между 3 и 9. Масленица. М. Красное на Подолье.*** – См. также ***1834. Мая 28. Понедельник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[3] См.: <Х. Украинские исторические песни и думы. Сборник Гоголя из бумаг А. А. Иванова> // *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 374–415.

[4] См. ***1574. Июня 14. Понедельник. Валахия.***

[5] См. ***1563. Один из дней года. Константинополь.***
[6] См. ***1597. Апреля 11. Понедельник. Варшава.***
[7] См. там же.
[8] См. ***1638. Один из дней года. Варшава.***
[9] См. ***1597. Апреля 11. Понедельник. Варшава.***
[10] См. ***1578. Июня 16. Воскресенье. Львов.***
[11] См. ***1648. Сентября 11–13. Понедельник-среда. М. Пилявцы на Подолье.***
[12] См. ***1650. В течение года. Бендеры, Яссы.***
[13] См. ***1648. Ноября средина. Замостье.***
[14] См. ***1662. Конец года. Корсунь.***
[15] См. ***1658. Июня 11. Пятница. Близ Полтавы.***
[16] См. ***1709. Мая 1. Фомино воскресенье. Полтава.***
[17] См. ***1621. Сентября 2 – октября 9. Хотин.***
[18] См. ***1704. Июль***; ***1709. Июня 27. Понедельник. Полтава.***
[19] См. ***1709. Июня 27. Понедельник. Полтава.***
[20] См. ***1768. Июнь-июль. Белая Церковь.***
[21] См. ***1716. Весна-лето. Между Днепром и Донцом.***
[22] См. ***1736. Мая 19–21. Среда-пятница. Перекоп.***
[23] См. ***1649. Июль – августа начало. Збараж.***
[24] См. ***1633. В течение года.***
[25] См. ***1575. Ноябрь-декабрь. Крым.***
[26] См. ***1648. Мая первая половина. Урочище Желтые Воды***; ***1650. В течение года. Бендеры, Яссы***; ***1651. Июня 18–20. Среда-пятница. М. Берестечко***; ***1653. Сентябрь-декабрь. Местечко Жванец***; ***1657. Июля 27. Понедельник. Чигирин.***
[27] См. ***1775. Июня 4. Четверг. Запорожская Сечь.***
[28] См. ***1724. Декабря 29. Вторник. Санкт-Петербург.***
[29] См. ***1775. Июня 4. Четверг. Запорожская Сечь.***
[30] См. ***1775. Июня 4. Четверг. Запорожская Сечь.***
[31] См. ***1839. Октября первая половина. Москва.***
[32] См. ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[33] См. ***1833. Ноября начало. Санкт-Петербург.***
[34] См. ***1841. Августа около 26 <около 14>. Дюссельдорф, Франкфурт.***
[35] См. ***1843. Апреля 30 <18>. Фомино воскресенье. Рим*** (примечания).

АВГУСТА ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – КОНЕЦ <АВГУСТА НАЧАЛО – СРЕДИНА>. ВЕНА

Болезнь Гоголя[1].

Спустя два месяца, 29 октября (н. ст.) 1840 г., Гоголь сообщал М. П. Погодину из Рима: «...О! как бы не хотелось мне открывать своего состояния. И в письме моем к тебе из Вены <из Венеции>[2] я бодрился и не дал знать тебе ни слова. Но знай всё. Я выехал из Москвы хорошо, и дорога до Вены по нашим[3] открытым степям тотчас сделала надо мною чудо. Свежесть, бодрость взялась такая, какой я никогда не чувствовал. Я, чтобы освободить еще, между прочим, свой желудок от разных старых неудобств и кое-где засевших остатков московских обедов, начал пить в Вене мариенбадскую воду. Она на этот раз помогла мне удивительно, я начал чувствовать какую-то бодрость юности, а самое главное я почувствовал, что нервы мои пробуждаются, что я выхожу из того летаргического умственного [усыпления] бездействия, в котором я находился в последние годы и чему причиною было нервическое усыпление... Я почувствовал, что в голове моей шевелятся мысли, как разбуженный рой пчел; воображение мое становится чутко. О! какая была это радость, если бы ты знал! Сюжет[4], который в [в последний раз] последнее время лениво держал я в голове своей, не осмеливаясь даже приниматься за него, развернулся передо мною в величии таком, что всё во мне почувствовало сладкий трепет. И я, позабывши всё, переселился вдруг в тот мир, в котором давно не бывал, и в ту же минуту засел за работу, позабыв, что это вовсе не годилось во время пития вод, и именно тут-то требовалось спокойствие головы и мыслей.

Но впрочем, как же мне было воздержаться. Разве тому, кто просидел в темнице без свету солнечного несколько лет, придет на ум, по выходе из нее, жмурить глаза, из опасения ослепнуть, и не глядеть на то, что радость и жизнь для него, притом я думал: Может быть, это только мгновенье, может, это опять скроется от меня, и я буду потом вечно жалеть, что не воспользовался временем пробуждения сил моих. Если бы я хотя прекратил в это время питие вод, но мне хотелось кончить курс, и я думал: когда теперь уже я нахожусь в таком светлом состоянии, по окончании курса еще более настроенно будет во мне всё. Это же было еще летом в жар, и нервическое мое пробуждение обратилось вдруг в раздраженье нервическое. Всё мне бросилось разом на грудь. Я испугался. Я сам не понимал своего положения. Я бросил занятия, думал, что это от недостатка движения при водах и сидящей жизни. Пустился ходить и двигаться до усталости и сделал еще хуже. Нервическое расстройство и раздражение возросло ужасно, тяжесть в груди и давление, никогда дотоле мною не испытанное, усилилось. По счастию, доктора нашли, что у меня еще нет чахотки, что это желудочное расстройство, остановившееся пищеварение и необыкновенное раздражение нерв. От этого мне было не легче, потому что лечение мое было довольно опасно, то, что могло бы помочь желудку, действовало разрушительно на нервы, а нервы обратно на желудок. К этому присоединилась болезненная тоска, которой нет описания. Я был приведен в такое состояние, что не знал решительно, куда деть себя, к чему прислониться. Ни двух минут я не мог остаться в покойном положении ни на постеле, ни на стуле, ни на ногах. О, это было ужасно, это была та сама<я> тоска и то ужасное беспокойство, в каком я видел бедного Вельегорского в последние минуты жизни[5]. Вообрази, что с каждым днем после этого мне становилось хуже, хуже. Наконец уже доктор сам ничего не мог предречь мне утешительного. При мне был один Боткин[6], очень добрый малый, которому я всегда останусь за это благодарен, который меня утешал сколько-нибудь, но который сам потом мне сказал, что он никак не думал, чтобы я мог выздороветь. Я понимал свое положение и наскоро, собравшись с силами, нацарапал, как мог, тощее духовное завещание, чтобы хоть долги мои были выплачены немедленно после моей смерти. Но умереть среди немцев мне показалось страшно. Я велел себя посадить в дилижанс и везти в Италию».

30 октября (н. ст.) 1840 г. Гоголь писал также П. А. Плетневу: «Я заболел жестоко, и, Боже, как заболел. Я сам виноват. Я обрадовался моим проснувшим<ся> силам, освеженным после вод и путешеств<ия>, и стал работать изо всех сил, почуя просыпающееся вдохновение, которое давно же спало во мне. Я перешел через край и за напряжение не во время, когда мне нужн<о> было отдохновение, заплатил страшно. Не хочу вам говорить и рассказать, как была опасна болезнь моя. Геморoид мне бросился на грудь и [раздражение горла] нервическое раздражение, которого я в жизнь никогда не знал, произошло во мне такое, что я не мог ни лежать, ни сидеть, ни стоять. Уже медики было махнули рукою, но одно лекарство меня спасло неожиданное. Я велел себя положить ветурину[7] [в дилижанс] в дорожную коляску. Дорога спасла меня. Три дни, которые я провел в дороге[8], меня несколько восстановили. <...> А так было хорошо началось дело. Я начал такую вещь, какой, верно, у меня до сих пор не было — и теперь из-под самых облаков да в грязь».

С. Т. Аксакову Гоголь 28 декабря (н. ст.) 1840 г. сообщал: «Я много перед вами виноват, друг души моей Сергей Тимофеевич, что не писал к вам тотчас после вашего мне так всегда приятного письма. Я был тогда болен. О моей болезни мне не хотелось писать к вам, потому что это бы вас огорчило. Вы же в это время и без того, как я узнал, узнали великую утрату[9]; лгать мне тоже не хотелось, и потому я решился обождать. Теперь я пишу к вам, потому что здоров, благодаря чудесной силе Бога, воскресившего меня от болезни, от которой, признаюсь, я не думал уже встать. Много чудного совершилось в моих мыслях и жизни!»

28 декабря (н. ст.) 1840 г. Гоголь писал также Погодину: «...Собираюсь в наступающем году печатать первый том[10], если только дивной силе Бога, воскресившего меня, будет так угодно. Многое совершилось во мне в немногое время, но я не в силах теперь писать о том, не знаю почему».

В конце 1840 — начале 1841 г. Гоголь, в свою очередь, сообщал П. И. Раевской: «Прежние мои предположения[11] сильно разрушились, и причиною была сильная моя опасная болезнь, в излечении которой отказался доктор, и одна только чудная воля Бога воскресила меня. <...> Это чудное мое исцеление наполняет душу мою утешеньем несказанным: стало быть жизнь моя еще нужна и не будет бесполезна».

25 марта (н. ст.) 1841 г. Гоголь повторял в письме к сестре Елисавете: «...Я был в тяжелой болезни, <...> одно только чудо, явленное Всемогущим, спасло меня от смерти...»

17 февраля 1842 г. Гоголь, сообщая М. П. Балабиной о своем болезненном состоянии, замечал: «Но страшнее всего мне показалось то состояние, которое напомнило мне ужасную болезнь мою в Вене, а особливо когда я почувствовал то подступившее к сердцу волненье, которое всякий образ, пролетавший в мыслях, обращало в исполина, всякое незначительно-приятное чувство превращало в такую страшную радость, какую не в силах вынести природа человека, и всякое сумрачное чувство претворяло в печаль, тяжкую, мучительную печаль, и потом следовали обмороки, наконец совершенно сомнамбулическое состояние».

В письме к графу А. П. Толстому от 1 октября (н. ст.) 1845 г. Гоголь, вспоминая о болезни 1840 г., называл ее «великим нервическим расстройством в Вене»[12].

В. А. Панов в письме С. Т. Аксакову от 21 ноября (н. ст.) 1840 г. из Рима писал о Гоголе: «Болезнь, от которой он думал умереть, задержала его в Вене. К счастию, с ним был Боткин, брат того[13], которого знает Константин Сергеевич[14]. Этот истинно добрый человек ухаживал за ним, как нянька[15]. (Он с ним приехал сюда, и живет теперь со мной в одном доме.) Болезнь эта надолго расстроила Ник<олая> Вас<ильевича>, без того уже расстроенного. Она отвлекла его внимание ото всего...»[16]

С. Т. Аксаков в адресованных П. А. Кулишу «Кратких сведениях и выписках из писем для биографии Гоголя» (1854) замечал: «Вскоре Гоголь сделался очень болен, и первое письмо его после болезни, от 28 декабря[17], поразило всех серьезностью, торжественностью тона и открытым выражением религиозного направления, которое было в Гоголе всегда, но о котором он прежде не говорил и даже скрывал. Этот тон продолжался до его смерти. <...> Очевидно, что это письмо написано уже совсем в другом тоне, чем все предыдущие. Этот тон сохранился уже навсегда. Должно поверить, что *много чудного совершилось* с Гоголем, потому что он с этих пор изменился в нравственном существе своем. Это не значит, что он сделался другим человеком, чем был прежде; внутренняя основа всегда лежала в нем, даже в самых молодых годах; но она скрывалась, так сказать, наружностью внешнего человека. Отсюда начинается постоянное стремление Гоголя к улучшению в себе духовного человека и преобладание религиозного направления, достигшего в последствии, по моему мнению, такого высокого настроения, которое уже несовместимо с телесным организмом человека. Я не спрашивал Гоголя в подробности, что с ним случилось: частью из деликатности, не желая насиловать его природной скрытности, а частью потому, что боялся дотрогиваться до [таких предметов и явлений, которым я не верил и теперь не верю, считая их порождением болезненного состояния духа и тела. Но я слышал, что Гоголь, во время болезни имел [какое-то видение] какие-то видения, о которых он тогда же рассказывал ходившему за ним с братскою любовью, нежностью и заботою купцу Н. П. Боткину]. Считаю за нужное сообщить вам, что во время болезни Гоголя, с нежной заботливостью ходил за ним купец Ник<олай> Петр<ович> Боткин, который случился[18] на то время в Риме»[19].

По мнению С. Т. Аксакова, болезнь Гоголя в Вене, послужившая «изменению» в «нравственном существе» писателя, существенно повлияла и на замысел «Мертвых душ», которые, как ошибочно полагал Аксаков, Гоголь «начал писать» лишь «как любопытный и забавный анекдот»[20].

[1] В. И. Шенрок ошибочно относил болезнь Гоголя в Вене в августе 1840 г. ко времени его пребывания в Риме осенью того же года и, со слов О. Н. Смирновой, по-видимому, столь же ошибочно полагал, что «это была римская malaria, которою Гоголь впоследствии всегда страдал, – лихорадка с бессонницей, соединенная с отвращением к пище» (Указатель к письмам Гоголя, заключающий в себе объяснения инициалов и других сокращений в издании Кулиша. С приложением неизданных отрывков из писем матери Н. В. Гоголя и его собственных. Составил В. И. Шенрок. М., 1886. С. 66). – См. ***1843. Января 29 <17>. Воскресенье. Рим***; ***1843. Ноября около 18 <6>. Генуя***; ***1852. Марта 16. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

[2] См. ***1840. Сентября 10 <августа 29>. Четверг. Венеция.***

[3] То, что в письме к Погодину, к единомышленнику, земли от Бреста до Вены (а это Варшава, Краков, Брно) Гоголь откровенно называет «нашими», свидетельствует о давнем, выношенном писателем сознании единства всех славянских народов, вопреки политическим разделениям (см. также ***1839. Августа 26 <14>. Понедельник. Вена*** – примечания).

[4] Драма из эпохи Богдана Хмельницкого (см. ***1840. Июля 8 <июня 26>. Среда. Вена***).
[5] См. ***1839. Июня 1 <мая 20>. Суббота. Рим.***
[6] Николай Петрович Боткин (1813–1869), брат В. П. Боткина.
[7] Ветурин (vetturino; *ит.*) – извозчик.
[8] См. ***1840. Августа конец <августа средина>. Вена.***
[9] 12/24 августа 1840 г. в Петербурге скончался сенатор Г. И. Карташевский, зять С. Т. Аксакова.
[10] Поэмы «Мертвые души».
[11] См. ***1840 сентября конец – 1841 январь <1840 сентября средина – 1841 января средина>. Рим.***
[12] См. ***1845. Октября 1 <сентября 19>. Среда. Дрезден.***
[13] В. П. Боткина.
[14] Аксаков.
[15] См. также ***1843. Февраля 4 <января 23>. Суббота. Рим*** (воспоминания А. О. Смирновой).
[16] Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод.* Т. 2. С. 161.
[17] См. ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим.***
[18] Н. П. Боткин, по-видимому, намеренно догнал Гоголя в Вене, по его пути в Рим, откликнувшись на гоголевскую записку от средины мая 1840 г. (см. ***1840. Мая 12–18. Москва***).
[19] *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 638–639. См. также: *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 698.
[20] См. ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим.***

АВГУСТА КОНЕЦ <АВГУСТА СРЕДИНА>. ВЕНА

Гоголь с Н. П. Боткиным выезжает из Вены в Рим, через Глогниц[1], Триест, Венецию и Флоренцию.

Спустя два месяца, 29 октября (н. ст.) 1840 г., Гоголь сообщал М. П. Погодину: «Добравшись до Триэста, я себя почувствовал лучше[2]. Дорога, мое единственное лекарство, оказала и на этот раз свое действие. Я мог уже двигаться. Воздух, хотя в это время он был еще неприятен и жарок, освежил меня. О, как бы мне в это время хотелось сделать какую-нибудь дальнюю дорогу. Я чувствовал, я знал и знаю, что я бы восстановлен был тогда совершенно. Но я не имел никаких средств ехать куда-либо. С какою бы радостью я сделался бы фельдъегерем, курьером даже на русскую перекладную и отважился бы даже в Камчатку[3], чем дальше, тем лучше. Клянусь, я бы был здоров. Но мне всего дороги до Рима было три дни только. Тут мало было перемен воздуха. Все, однако ж, и это сделало на меня действие, и я в Риме почувствовал себя лучше в первые дни».

[1] См. ***1843. Февраля 4 <января 23>. Суббота. Рим*** (воспоминания А. О. Смирновой).
[2] См. ***1840. Августа вторая половина – конец <августа начало – средина>. Вена.***
[3] См. также ***1840. Ноября 21 <9>. Суббота. Рим.***

СЕНТЯБРЯ 2 <АВГУСТА 21>. СРЕДА. ВЕНЕЦИЯ

Гоголь с Н. П. Боткиным прибыл в Венецию и встретился с только что приехавшим туда В. А. Пановым. Гоголь и его спутники познакомились там с прибывшими из России художниками И. К. Айвазовским[1] и В. И. Штернбергом[2].

В письме С. Т. Аксакову от 21 ноября (н. ст.) 1840 г. из Рима Панов сообщал: «Въезжая в Венецию 2 сентя<бря>, я дрожал, боялся его <Гоголя> уже не застать в ней. Вместо этого встречаю его на площади Св. Марка и узнаю, что мы с противоположных сторон въехали в один и тот же час. Болезнь <в Вене>[3] <...> отвлекла его внимание ото всего, и только в Венеции иногда проглядывали у него минуты спокойные, в которые дух его сколько-нибудь просветлял ужасную мрачность его состояния, большею частию по необходимости материального. Какие мысли светлые он тогда высказывал, какое сознание самого себя <...> В продолжение десяти дней, которые мы там про-

жили, мне казалось, что я был окружен каким-то волшебством. С утра до вечера мы катались по водяным улицам в гондоле, между мраморных палаццов, заезжали в церкви, галереи, наполненные гениальными произведениями богатой, роскошной венецианской школы. Из гондолы выходили на площадь Марка, где проводили все остальное время... Потом опять мы в гондоле возвращались на площадь взглянуть, как она оживает при лунном свете»[4].

«При рассказах о первом приезде своем в Италию и знакомстве с Гоголем И. К. Айвазовский оживлялся и довольно часто вспоминал о Гоголе и своей дружбе с ним»[5].

Около 1878 г. Айвазовский сообщал: «Первым городом Италии, который я посетил, была, конечно, Венеция. После скучных Берлина, Дрездена, Вены, она несказанно нравилась мне. В Венеции я познакомился с Гоголем, проживавшим здесь с покойным Н. П. Боткиным. Впервые в жизни я, увидев тогда автора “Ревизора”, уже обдумывающего свои бессмертные “Мертвые души”, я скоро сдружился с ним и был удивлен оригинальной наружностью его. Если бы я был портретистом, я написал бы в ту пору портрет Гоголя. Низенький, сухощавый, с весьма длинным заостренным носом, с прядями белокурых волос, часто падавшими на маленькие прищуренные глазки, Гоголь выкупал эту неприглядную внешность своею любезностью, неистощимой веселостью и проблесками своего чудного юмора, которым искрилась его беседа в приятельском кругу. Появление нового незнакомого лица мгновенно набрасывало тень на сияющее добротою и озаренное улыбкой лицо Гоголя: он умолкал, хмурился, как-то уходил в себя. Эту странную черту характера замечали в нем все его близкие знакомые. Со мною, однако же, он довольно скоро сошелся, и я не раз наслаждался его беседою»[6].

[1] Иван Константинович Айвазовский (Гайвазовский, 1818–1900), художник-маринист. Айвазовский путешествовал вместе с В. И. Штернбергом. «Путь молодым художникам — Айвазовскому и Штернбергу — лежал через Берлин, Дрезден, Вену и Триест; из последнего города Айвазовский прибыл в Венецию. <...> В Венеции проживал тогда наш незабвенный Гоголь, вместе с Николаем Петровичем Боткиным...» (*Каратыгин П. П.* Иван Константинович Айвазовский и его художественная XLII-х летняя деятельность // *Свод.* Т. 3. С. 309). Об отправлении художников за границу летом 1840 г. в Отчете петербургской Академии художеств сообщалось: «Нынешнее лето <1840 г.> отправлены в Италию четыре Пейзажиста: Штернберг, Фрике, <С. М.> Воробьев и Гайвазовский, все ученики профессора Воробьева... <...> ...Живопись всех их имеет столь разные оттенки, что и следа одной школы в работах их незаметно. То же сказать можно об Архитекторах Бенуа и Щурупове, вместе с ними отправленных за границу, а равно и об уехавших на свой счет братьях Михаиле и Григорье Эльсонах, из коих один Пейзажист, а другой Архитектор, и о братьях Чернецовых, которые <...> теперь предприняли путешествие по Италии...» (Отчет Императорской Академии Художеств за 1839–1840 академический год // Художественная Газета. 1840. 15 дек. № 24 (цензурное разрешение 22 дек.). С. 6–7; *Свод.* Т. 3. С. 307).

[2] Василий Иванович Штернберг (1818–1845), художник.

[3] См. ***1840. Августа вторая половина — конец <августа начало — средина>. Вена.***

[4] Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод.* Т. 2. С. 161, 162.

[5] Воспоминание о профессоре И. К. Айвазовском Н. Н. Кузьмина // *Свод.* Т. 3. С. 312.

[6] *Кузьмин Н. Н.* Гоголь и И. К. Айвазовский. (По воспоминаниям Айвазовского) // *Свод.* Т. 3. С. 306; см. также: Воспоминание о профессоре И. К. Айвазовском Н. Н. Кузьмина // *Свод.* Т. 3. С. 312.

СЕНТЯБРЯ 2–10 <АВГУСТА 21–29>. ВЕНЕЦИЯ

За неделю пребывания в Венеции Гоголь подготовил для бенефиса М. С. Щепкина литературный перевод на русский язык комедии итальянского драматурга графа Джиованни Жиро (1776–1834) «Дядька в затруднительном положении» (1807)[1].

10 сентября (н. ст.) 1840 г. Гоголь, высылая из Венеции готовый текст перевода, писал М. С. Щепкину: «...Комедия готова. В несколько дней русские наши художники перевели. И как я поступил добросовестно! всю от начала до конца выправил, перемарал и переписал собственною рукою».

Кого имел в виду Гоголь под «русскими художниками», неизвестно, но в Венеции тогда были с ним И. К. Айвазовский и В. И. Штернберг[2].

[1] См. также ***1840. Сентября 10 <августа 29>. Четверг. Венеция.*** – Подготовить к бенефису Щепкина перевод этой пьесы Гоголь обещал актеру в Москве в период с 9 февраля по 18 мая 1840 г. (см. ***1840. Февраля 9 – мая 18. Москва***).
[2] См. ***1840. Сентября 2 <августа 21>. Среда. Венеция.***

СЕНТЯБРЯ 10 <АВГУСТА 29>. ЧЕТВЕРГ. ВЕНЕЦИЯ

Гоголь получил из Васильевки письма от матери и от сестры Анны. Пишет письма в Москву – сестре Елисавете, М. С. Щепкину, О. Сем. Аксаковой и М. П. Погодину. В трех последних письмах посылает по одному действию перевода комедии Дж. Жиро «Дядька в затруднительном положении».

В письме к сестре (с ошибочной пометой: «Венеция 1840. Август 10»[1]), Гоголь сообщает: «Я получил два письма твоих. Наконец ты умница! <...> Жду теперь с нетерпением твоего описанья деревни[2] и как ты разливаешь чай и варишь варенья. <...> ...Помнишь, как ты боялась в первый раз ехать к Прасковье Ивановне <Раевской>. Чем же кончилось? Ты теперь влюблена в Прасковью Ивановну. Ты грустишь, что не знаешь как выразить свои чувства, ты говоришь с восторгом о Софье Николаевне <Молчановой> и Надежде Карловне <Зедергольм>... <...> За этим сей час будет следовать тебе сильный выговор. Я только что получил письмо от маминьки. Что ты наделала? Маминька чуть не плачет. Письмо ее исполнено самого беспокойного волнения. Зачем ты написала, что ты упала с дрожек, что у тебя болит с тех пор грудь, что ты скучаешь ужасно. <...> Ты должна всячески успокаивать маминьку, а ты ей пишешь такие письма. <...> Сестра Анет тоже не могла читать равнодушно письма твоего, и письмо ее ко мне исполнено непритворной горести и участия к тебе. <...> Благодарю тебя за то, что молилась за мое здоровье и поручала молиться другим. Оно точно было плохо, и я захворал было не на шутку. Но теперь, благодаря Бога, начал поправляться. <...> Не позабудь <...> передать от меня поклон Вариньке <Мосоловой>. <...> Письма отправляй к Аксаковым. Если же захочешь написать прямо ко мне, то адресуй в Рим poste restante. Я там буду в конце этого месяца».

В 1888 г. А. В. Гоголь на запрос В. И. Шенрока о лицах, упоминаемых Гоголем в письме к сестре Елисавете от 10 сентября (н. ст.) 1840 г., сообщала: «Софья Николаевна Молчанова – двоюродная сестра П. И. Раевской; Надежда Карловна <Зедергольм>, дочь пастора, гувернантка у Раевской; сестра ее очень любила; Варенька Мосолова, 12 лет, была племянница Раевской»[3].

В письме к Щепкину Гоголь сообщает: «Ну, Михаил Семенович, <...> половина заклада выиграна: комедия готова[4]. <...> В афишке вы должны выставить два заглавия: русское и итальянское. Можете даже прибавить тотчас после фамилии автора: “первого итальянского комика нашего времени”. Первое действие я прилагаю при письме вашем, второе будет в письме к С. Т. <Аксакову>, а за третьим отправьтесь к Погодину. <...> Комедия должна иметь успех; по крайней мере в итальянских театрах и во Франции она имела успех блестящий. Вы, как человек, имеющий тонкое чутье, тотчас постигнете комическое положение вашей роли. Нечего вам и говорить, что ваша роль – сам дядька, находящийся в затруднительном положении; роль ажитации сильной. Человек, который совершенно потерял голову: тут сколько есть комических и истинных сторон! Я видел в ней актера с большим талантом, который, между прочим, далеко ниже вас. Он был прекрасен, и так в нем всё было натурально и истинно! Слышен был человек, не рожденный для интриги, а попавший невольно в оную, – и сколько натурально комического! Этот гувернер, которого я назвал дядькой, потому что первое, кажется, не совсем точно, да и не русское, должен быть одет весь в черном, как одеваются в Италии доныне все эти люди: аббаты, ученые и проч.: в черном фраке не совсем по моде, а так, как у стариков, в черных панталонах до колен, в черных чулках и башмаках,

в черном суконном жилете, застегнутом плотно снизу доверху, и в черной пуховой шляпе, треугольной, — <не> как носят у нас, что называют вареником, а в той, в какой нарисован блудный сын, пасущий стада, то есть с пригнутыми немного полями на три стороны. Два молодые маркиза точно так же должны быть одеты в черных фраках, только помоднее, и шляпы вместо треугольных, круглые, черные, пуховые или шелковые, как носим мы все, грешные люди; черные чулки и башмаки и панталоны короткие. <...> Роль Джильды лучше всего, если вы дадите которой-нибудь из ваших дочерей[5]. <...> Если же кому другому, то, ради Бога, слишком хорошей актрисе. Джильда умная, бойкая; она не притворяется; если ж притворяется, то это притворное у ней становится уже истинным. Она произносит свои монологи, которые, говорит, набрала из романов, с одушевлением истинным; а когда в самом деле проснулось в ней чувство матери, тут она не глядит ни на что и вся женщина. Ее движения просты и развязны, а в минуту одушевления картины она становится как-то вдруг выше обыкновенной женщины, что удивительно хорошо исполняют итальянки. Актриса, игравшая Джильду, которую я видел, была свежая, молодая, проста и очаровательна во всех своих движениях, забывалась и одушевлялась, как природа. Француженка убила бы эту роль и никогда бы не выполнила. Для этой роли, кажется, как будто нужна воспитанная свежим воздухом деревни и степей.

Играющему роль Пиппето никак не нужно сказывать, что Пиппето немного приглуповат: он тотчас будет выполнять с претензиями. Он должен выполнить ее совершенно невинно, как роль молодого, довольно неопытного человека, а глупость, явится сама собою, так, как <у> многих людей, которых вовсе никто не называет глупыми. <...>

...Чем больше репетиций вы сделаете, тем будет лучше и актерам сделаются яснее их роли. Впрочем, ролей немного и постановка не обойдется дорого и хлопотливо. Да! маркиза дайте какому-нибудь хорошему актеру. Эта роль энергическая: бешеный, взбалмошный старик, не слушающий никаких резонов. Я думаю, коли нет другого, отдайте Мочалову; его же имя имеет магическое действие на московскую публику. Да не судите по первому впечатлению и прочитайте несколько раз эту пьесу, — непременно несколько раз. Вы увидите, что она очень мила и будет иметь успех...

Итак, вы имеете теперь две пиесы[6]. Ваш бенефис укомплектован. <...> Еще. Шекспировой пьесы я не успел второпях поправить. Ее переводили мои сестры и кое-какие студенты[7]. Пожалуйста, перечитайте ее и велите переписать на тоненькой бумаге все монологи, которые читаются неловко, и перешлите ко мне поскорее; я вам всё выправлю, хоть всю пиесу пожалуй. За хвостом комедии сходите сейчас к Аксакову и Погодину».

В тот же день Гоголь, в письме с ошибочной пометой: «Венеция, августа 10», обращается к Аксаковой: «Так как Сергея Тимофеевича теперь вероятно нет в Москве[8], Констан<тин> Сергеев<ич> без сомнения тоже с ним; то решаюсь, Ольга Семеновна, осадить вас моими двумя усерднейшими просьбами. <...> Отправьте прилагаемое при сем письмо к Лизе[9] и вручите Михаилу Семеновичу <Щепкину> прилагаемое при сем действие переведенной для него комедии. Еще одна просьба, о которой напоминать мне немножко бессовестно, но нечего делать. Просьба эта относится прямо к Вере Сергеевне, а в чем она заключается — это ей известно. Исполнению ее конечно теперь мешает отъезд Сергея Тимоф<еевича>. Но по приезде...»

С. Т. Аксаков в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855), комментируя это письмо, замечал: «Первое действие комедии, о которой пишет Гоголь, принадлежит к той самой пьесе, которую Щепкин, под названием "Дядька в хлопотах", давал себе в бенефис в прошедшую зиму[10], через год после кончины Гоголя. Просьба к Верочке относится до моего портрета, который она обещала написать для Гоголя[11], исполнению которой без сомнения мешало мое отсутствие. Я воротился из-за Волги в исходе августа. Меня ожидало уже печальное известие, что Гр. Ив. Карташевского уже нет на свете. Через сутки мы уже уехали с Верой в Петербург»[12].

В тот же день, 10 сентября (н. ст.) 1840 г., Гоголь в письме с ошибочной пометой: «Август 10. Венеция», просит Погодина: «Пожалуйста, отдай Щепкину прилагаемое при сем действие переведенной для него комедии». В приписке, адресованной жене Погодина Елизавете Васильевне, спрашивает об ее сыновьях, Дмитрии и новорожденном Петре[13], просит передать поклон ее ма-

тери, Елизавете Фоминичне Вагнер, матери Погодина, Аграфене Михайловне, брату Погодина, Григорию Петровичу, сестре, Аграфене Петровне, и мужу последней, Михаилу Ивановичу Мессингу: «А вам кланяется за это Венеция с своим упавшим величием и сумрачным великолепием, еще мелькающими гондолами, долговечным Риальтом[14] и мною, довольно хилого здоровьем, но искренно и душевно любящим вас»[15].

[1] Письмо отправлено из Венеции 10 сентября (н. ст.) 1840 г. Августом это сентябрьское письмо помечено Гоголем ошибочно; подобная ошибка часто встречается в его корреспонденции и связана с неверным осмыслением календаря при пересчете разницы между европейским и русским стилями летоисчисления (подробнее см.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 11. С. 458–459). – См. также ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим*** (примечания).

[2] Е. В. Гоголь, вместе с П. И. Раевской, С. Н. Молчановой, Н. К. Зедергольм и В. А. Мосоловой провела лето 1840 г. в деревне Раевской. (25 июня (н. ст.) 1840 г. Гоголь писал Раевской: «Вы, верно, проживете лето в деревне...»)

[3] *Свод.* Т. 1. С. 153. – См. также ***1840. Мая 10. Пятница. Москва.***

[4] См. ***1840. Сентября 2–10 <августа 21–29>. Венеция.***

[5] Имеются в виду дочери Щепкина, актрисы Фекла (Фаина) Михайловна Щепкина (в замужестве Барсова; 1814–1852) (Щепкина 1-я) и Александра Михайловна Щепкина (1816–1841) (Щепкина 2-я).

[6] См. ***1840. Февраля 3. Суббота. Москва.***

[7] См. ***1840. Февраля 9 – мая 18. Москва.***

[8] К концу августа 1840 г. С. Т. Аксаков уже вернулся в Москву (см. ***1840. Июля 7 <июня 25>. Вторник. Вена***; а также помещенный ниже отрывок из воспоминаний Аксакова).

[9] Сестра Гоголя.

[10] Согласно составленному С. А. Черневским указателю спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя, «Дядька в затруднительном положении» был впервые поставлен в бенефис М. С. Щепкина 9 января 1853 г.: «Январь 9, пятница (бенефис М. С. Щепкина). Состав при первом представлении: маркиз Джолио Антик<в>ати – Леонидов; маркиз Энрик<о>, сын – Самарин; Джильда Онрати – Рыкалова; маркиз Пепет<т>о – С. В. Васильев; дон Григорио Кордебоно – Щепкин; Леонарда – Акимова» (*ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1852. Л. 9 об.). Спектакли продолжались 13, 18, 22 января и 10 февраля 1853 г. «Бенефис М. С. Щепкина, – писал театральный критик, – удовлетворил вполне общим ожиданиям. "Дядька в затруднительных обстоятельствах" – пиеска живая и веселая, исполненная движения и самых забавных положений, которыми заслуженный артист наш воспользовался в совершенстве. Он был очень хорош в роли этого бедного дядьки, который запутался в чужой беде» (*И. К.* Бенефис М. С. Щепкина и новая пиеса г. Островского // Литературный отдел Московских Ведомостей 1853 года, января 27-го дня. № 12. С. 121). Еще раз «Дядька в затруднительном положении» был сыгран на сцене Малого театра в 1865 г.: представления состоялись 15, 18 и 19 января.

[11] См. ***1840. Апреля первая половина. Москва.***

[12] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 696–697. – См. ***1840. Сентября начало – декабря начало <сентября средина – декабря средина>. Санкт-Петербург.***

[13] См. ***1840. Июня 7–13 <мая 26 – июня 1>. Воскресенье-суббота. Варшава***; ***1840. Июня 10 <22>. Понедельник. Москва.***

[14] Мост в Венеции. – См. ***1837. Марта около 21–25 <марта около 9–13>. Флоренция*** (примечания).

[15] Погодины вскоре отвечали Гоголю (ответные письма Гоголя см.: ***1840. Октября 29 <17>. Четверг. Рим***).

АВГУСТА 30 <СЕНТЯБРЯ 11>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

«*Августа.* <...> *30*<-*го*>. Бол<ьшой> т<еатр>. Горе от ума, ком<едия> в 4 д<ействиях>; Усы, вод<евиль> в 1 д<ействии>».

Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, с 1 августа по 1 октября 1840 года // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песоцким, на 1840 год. СПб.: В типографии А. А. Плюшара, 1840. Т. 2 / Приложения к Репертуару Русского Театра. № 1. 1840 (цензурное разрешение 4 сентября 1840). Кн. 10. <Отд. 2>. С. 1.

СЕНТЯБРЯ ОКОЛО 12 <АВГУСТА ОКОЛО 31>. ВЕНЕЦИЯ

Гоголь с Н. П. Боткиным, В. А. Пановым, И. К. Айвазовским и В. И. Штернбергом отправляются из Венеции во Флоренцию[1].

Около 1878 г. Айвазовский вспоминал: «Он <Гоголь>, Боткин и Панов предложили мне ехать с ними во Флоренцию, на что я, разумеется, с удовольствием согласился. Ехали мы в наемной четвероместной коляске и — каюсь в нашем общем грехе! — дорогою мы играли в преферанс, подмостив экипажные подушки вместо стола. Впрочем, это прозаическое занятие не мешало нам восхищаться красивыми местностями, попадавшимися на дороге»[2].

[1] В. А. Панов в письме С. Т. Аксакову от 21 ноября (н. ст.) 1840 г. из Рима сообщал, что в Венеции с Гоголем они пробыли «десять дней» — начиная с 2 сентября (н. ст.) 1840 г. (см. ***1840. Сентября 2 <августа 21>. Среда. Венеция***).

[2] *Каратыгин П. П.* Иван Константинович Айвазовский и его художественная XLII-х летняя деятельность // *Свод.* Т. 3. С. 309; см. также: Воспоминание о профессоре И. К. Айвазовском Н. Н. Кузьмина // *Свод.* Т. 3. С. 312–313.

СЕНТЯБРЯ ОКОЛО 12–13 <ОКОЛО АВГУСТА 31 – СЕНТЯБРЯ 1>. ФЛОРЕНЦИЯ

Гоголь с Н. П. Боткиным, В. А. Пановым, И. К. Айвазовским и В. И. Штернбергом приезжают во Флоренцию, где встречают А. А. Иванова[1].

Около 1878 г. Айвазовский вспоминал: «По прибытии во Флоренцию, я осмотрел художественные сокровища столицы Тосканы, посетил палаццо Питти и т. д. Здесь встретил я Александра Андреевича Иванова, на время приехавшего из Рима. От природы не слишком общительный, Иванов сказал, что прибыл во Флоренцию, чтобы скопировать несколько деревьев с пейзажей Сальватора-Розы для помещения их на своей картине "Явление Мессии народу". При всем моем уважении к памяти Александра Андреевича, я, признаюсь, до сих пор не могу ни понять, ни объяснить себе: зачем ему понадобилось — на местности берегов Иордана, изображенной на его картине, — деревья с пейзажей Сальватора-Розы? ужели их недостаточно натуральных в окрестностях Рима?»[2]

Позднее Штернберг написал портрет Гоголя в группе русских художников во Флоренции: «У собирателя русских картин Ник. Д. Быкова[3] <...> *Итальянские шарлатаны*, карандашный рисунок *Штернберга*, с портретами: *Гоголя, Моллера, Рамазанова*[4] и *Ставассера*»[5]. Главными действующими лицами этой жанровой композиции являлись уличные продавцы или фокусники. Местом действия картины «Шарлатаны», сюжет которой был разработан для В. И. Штернберга в 1842–1843 г. А. А. Ивановым, была Флоренция — место, где Гоголь, Панов, Боткин, Айвазовский и Штернберг нашли в 1841 г. Иванова. В одной из черновых тетрадей Иванова сохранился схематически набросанный эскиз и два варианта письма к Штернбергу, в которых имя Гоголя (и группа русских художников в целом), однако, не упоминается, зато говорится о группе из трех знаменитых современников-флорентийцев: «Одну группу можно сделать портретами (великих) замечательных людей Флоренции нашего времени. Росселини, Розини, Бартолини»[6]; «Хорошо бы поместить на первом плане кого-нибудь из знаменитых людей нашего времени, напр<имер>: Роселини или Бартолини, идущих наискось площади»[7].

Возможно, предание о жанровом рисунке Штернберга нашло отражение и в сообщении Н. Н. Кузьмина 1901 г.: «Иван Константинович рассказывал о существовании небольшого рисунка, сделанного еще в начале 1840-х годов, кажется, известным художником Пименовым[8], где изображены во весь рост, конечно, в небольшом виде, все наши художники "русской колонии",

бывшие в Риме в одно время с ним и Гоголем: как-то: Ставассер[9], Рамазанов, Иванов, Логановский, Штернберг и др., а посреди их Гоголь, но видеть этого рисунка нам не приходилось»[10].

Предположительно, ко времени пребывания во Флоренции в сентябре 1840 г., относится свидетельство о Гоголе, сообщенное в 1873 г. М. П. Погодиным. Вспоминая о приезде Гоголя в Москву осенью 1841 г., он сообщал: «...Я <...> перед тем услышал, что наш чудак, вместе с Николаем Боткиным, чуть было не сожгли по неосторожности гостиницу, кажется, во Флоренции, позабыв потушить свечу, или поставив ее куда-то близь занавесок»[11].

[1] См. также ***1840. Июля начало <июня вторая половина>. Рим.***

[2] *Каратыгин П. П.* Иван Константинович Айвазовский и его художественная XLII-х летняя деятельность // *Свод.* Т. 3. С. 309; см. также: Воспоминание о профессоре И. К. Айвазовском Н. Н. Кузьмина // *Свод.* Т. 3. С. 313.

[3] См. также ***1842. В течение года. Санкт-Петербург.***

[4] Николай Александрович Рамазанов (1817–1867), скульптор.

[5] Подробный словарь русских гравированных портретов. Составил Д. А. Ровинский. СПб., 1889. Т. 2. Приложения. С. 286.

[6] *Машковцев.* С. 129.

[7] *Алленов М. М.* Александр Андреевич Иванов. М., 1980. С. 47–48. См. также в изд.: *Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. М., 2001. С. 265–266.

[8] Н. С. Пименов был скульптором.

[9] Скульптор Петр Андреевич Ставассер (1816–1850) вместе со скульптором Антоном Андреевичем Ивановым (1815–1848), архитекторами Федором Ивановичем Эппингером (1816–1873), Карлом Андреевичем Бейне (1816–1858), гравером Андреем Андреевичем Пищалкиным (1817–1892) и художниками Пименом Никитичем Орловым (1812–1864) и Петром Степановичем Петровским (1814 — 29 мая / 11 июня 1842) был отправлен в Рим в июне-июле 1841 г. (см.: Художники, отправляющиеся за границу // Художественная Газета. 1841. № 12 (цензурное разрешение 14 июня). С. 4–7).

[10] *Кузьмин Н. Н.* И. К. Айвазовский и его произведения // *Свод.* Т. 3. С. 311; см. также: Воспоминание о профессоре И. К. Айвазовском Н. Н. Кузьмина // *Свод.* Т. 3. С. 313.

[11] См. ***1841. Октября 17. Пятница. Москва.***

СЕНТЯБРЯ 1 <13>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

«*Сентября. 1*<*-го*>. Бол<ьшой> т<еатр>. Ревизор, ком<едия> в 5 д<ействиях>; Узкие башмаки, вод<евиль> в 1 д<ействии>»[1].

«Гастроль Петер<бургского> артиста М. Максимова в роли Хлестакова»[2].

[1] Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, с 1 августа по 1 октября 1840 года // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. Песоцким, на 1840 год. СПб.: В типографии А. А. Плюшара, 1840. Т. 2 / Приложения к Репертуару Русского Театра. № 1. 1840 (цензурное разрешение 4 сентября 1840). Кн. 10. <Отд. 2>. С. 1.

[2] *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1897 гг.> // *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1852.

СЕНТЯБРЯ ОКОЛО 13–14 <СЕНТЯБРЯ ОКОЛО 1–2>. ФЛОРЕНЦИЯ

И. К. Айвазовский и В. И. Штернберг расстаются с Гоголем, А. А. Ивановым, Н. П. Боткиным и В. А. Пановым и отправляются, через Рим, в Неаполь[1].

В 1878 г. П. П. Каратыгин сообщал: «Из Флоренции, расставшись с Гоголем, Иван Константинович отправился на берега Неаполитанского залива»[2].

В Неаполь И. К. Айвазовский отправился проездом через Рим, где пробыл неделю с 14 по 21 сентября (н. ст.) 1840 г.[3] Гоголь вместе с Н. П. Боткиным и В. А. Пановым приехал из Флоренции в Рим позднее, 25 сентября (н. ст.) 1840 г., когда Айвазовский уже отправился далее в Неаполь[4].

[1] См. ***1840. Сентября около 13–14 <сентября около 1–2>. Флоренция***; ***1840. Декабря 15 <3>. Вторник. Неаполь***.

[2] *Каратыгин П. П.* Иван Константинович Айвазовский и его художественная XLII-х летняя деятельность // *Свод*. Т. 3. С. 309; см. также: Воспоминание о профессоре И. К. Айвазовском Н. Н. Кузьмина // *Свод*. Т. 3. С. 313.

[3] См. ***1840. Сентября 14 <2>. Среда. Рим***.

[4] См. ***1840. Сентября 25 <13>. Пятница. Рим***.

СЕНТЯБРЯ 14 <2>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

И. К. Айвазовский и В. И. Штернберг прибыли в Рим.

9/21 сентября 1840 г. И. К. Айвазовский сообщал в Петербург в правление Академии художеств: «Имею честь уведомить о прибытии моем в Рим 2-го сентября 1840 года и прошу покорнейше оное Правление выслать вексель на первую треть...»

Айвазовский. Документы и материалы / Составители М. С. Саргсян, Г. Г. Арутюнян, Г. М. Шатирян. Ереван, 1967. С. 48; *Свод*. Т. 3. С. 310.

СЕНТЯБРЯ 4 <16>. СРЕДА. МОСКВА

М. П. Погодин сообщает М. А. Максимовичу в Киев:

«Гоголь в Риме. Что будет – Бог весть. Чудак он превеликий».

Из писем М. П. Погодина // *Свод*. Т. 2. С. 414.

СЕНТЯБРЯ 10 <22>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«*Сентября*. <...> *10<-го>*. Ал<ександринский> т<еатр>. Ревизор, ком<едия> в 5 д<ействиях>; Ложа 1-го яруса, вод<евиль> в 2 д<ействиях>».

Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, с 1 августа по 1 октября 1840 года // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. Песоцким, на 1840 год. СПб.: В типографии А. А. Плюшара, 1840. Т. 2 / Приложения к Репертуару Русского Театра. № 1. 1840 (цензурное разрешение 4 сентября 1840). Кн. 10. <Отд. 2>. С. 2.

СЕНТЯБРЯ 25 <13>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь с Н. П. Боткиным и В. А. Пановым приехал в Рим.

Спустя несколько дней Гоголь поселился на прежней[1] квартире (Via Felice, № 126).

По приезде в Рим Гоголь, вероятно, встретился с И. С. Шаповаленко[2], который передал ему несколько писем. Ранее, в начале июля (н. ст.) 1840 г., А. А. Иванов в ответ на просьбу Гоголя получать адресованные ему письма сообщал: «О сю пору на ваше имя получил я только два письма: одно давно из России, а другое, месяц назад, кажется, из Парижа. Если вы приедете в Рим прежде меня, то Шаповалов вас сведет в мою студию, и там вы их увидите».

Спустя месяц, 29 октября (н. ст.) 1840 г., Гоголь сообщал М. П. Погодину: «...Я в Риме почувствовал себя лучше[3] в первые дни. По крайней мере я уже мог сделать даже небольшую прогулку, хотя после этого уставал так, как будто б я сделал 10 верст».

Панов в письме С. Т. Аксакову от 21 ноября (н. ст.) 1840 г. из Рима сообщал: «Через Болонию, Флоренцию, Ливурно, море, Чивит<т>а-Веккию мы 25 сентября достигли Рима. <...> ...Приехавши сюда (25 с<ентября> н. с.), он <Гоголь> уже, казалось, ничем более не был занят, как только своим желудком, поправлением своего здоровья (а между тем никто из нас не мог съесть столько макарон, сколько он их опускал иной раз); скучал, беспрестанно жаловался, что даже ничего не может читать»[4].

Позднее, в письме из Рима к К. С. Аксакову от 12 января (н. ст.) 1841 г., Панов добавлял: «Когда мы приехали сюда с Николаем Васильевичем, он после несколько дней был в совершенной нерешительности, где ему нанять квартиру — потому что тогда для него было трудно подняться в полчаса на маленький пригорок и, чтоб взойти десять ступень, надо было двадцать раз остановиться, а прежняя его квартира на горе и в третьем этаже, — но, к счастию, нерешимость была так велика, что он думал, думал и, наконец, все-таки поселился на старой своей квартире[5]. Мне же он советовал для практики в итальянском языке взять квартиру, где была бы хозяйка, с которой интересно было бы беседовать. <Н. П.> Боткин, который приехал сюда вместе с нами, знал здесь одно семейство, куда тотчас и отвел меня[6]. Таким образом мы с Николаем Васильевичем виделись довольно часто; завтракали, обедали вместе. Но вскоре я стал обедать дома, в семействе хозяев. Спустя месяц Николай Васильевич также начал более сидеть у себя, и мы уже виделись гораздо реже, по вечерам, раза три, четыре в неделю. Между тем я был сначала очень доволен своей квартирой; комната у меня, в самом деле, была хорошая. Практика итальянского языка меня мало-помалу впутала в обстоятельства моего семейства, состоящего из матери, трех дочерей от 20 до 13 лет и шестнадцатилетнего сына. Наконец я так запутался[7], что и не знал уже, что мне делать. Конечно, через месяц уже я стал довольно свободно изъясняться по-итальянски...»[8]

В 2001 г. В. Н. Гасперович указывала: «...В то время[9] рядом с комнатой Николая Васильевича размещался Василий Панов — молодой славянофил, родственник Аксаковых. Священник приходской церкви в марте этого <1841 г.> года вписывает[10] в перечень жителей 3-го <4-го>[11] этажа известного нам дома по виа Феличе: "Panoff Basilio, russo, possidente" (Панов Василий, русский, помещик) и — на свой лад: "Cocoli Nicolo" (Коколи Николо).

Относительно фонетической ассоциации хотелось бы сказать, что в Италии в XIX веке большим успехом среди местных жителей пользовались соленые лепешки — coccoli — которые продавались на улицах. Помимо того, 12 апреля 1837 г. в этом же приходе скончался некий Джакомо Гоголи, проживавший на виа Сервити, № 26 — консультант Академии св. Луки. Воспоминание об этом факте тоже могло вызвать ассоциацию у священника. <...>

Гоголь жил на 3-м этаже (4-й по русской традиции) вместе с семьей хозяйки — Аннамарии Ринальди. В этом доме были еще и 4-й и 5-й <5-й и 6-й> этажи, где иногда не жил никто. В 1841 г., согласно церковной книге, в доме на первом <на втором> этаже жил испанский герцог Дориго [?] Зуго (71 г.) с женой Катериной, француженкой, а на 2-м <на 3-м> этаже — три англичанина»[12].

[1] См. ***1837 ноября не позднее 30 <не позднее 18> — 1838 июля начало <июня вторая половина>. Рим*** (примечания).

[2] И. С. Шаповаленко (Шаповалов, 1817–1890), художник, мозаичист.

[3] См. ***1840. Августа вторая половина — конец <августа начало — средина>. Вена***; ***1840. Августа конец <августа средина>. Вена***.

[4] Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод.* Т. 2. С. 161.

[5] Квартира Гоголя в Риме находилась на Via Felice (в настоящее время Via Sistina), № 126. Позднее, вероятно, в феврале (н. ст.) 1841 г. В. А. Панов переехал на эту квартиру к Гоголю (см. ***1841. Февраль <января вторая половина — февраля средина>. Рим***). Здесь Пановым были переписаны первые пять глав первого тома «Мертвых душ», а также «Новые сцены к комедии "Ревизор"» (1–5 явления IV действия), «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления "Ревизора" к одному литератору» и «Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пиесы». Панов выехал из Рима 6 мая (н. ст.) 1841 г. (см. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим***). П. В. Анненков в своих мемуарах сообщал: «Комната Николая Васильевича была довольно просторна, с двумя окнами, имевшими решетчатые ставни изнутри. Обок с дверью стояла его кровать, посередине большой круглый стол; узкий соломенный диван, рядом с книжным шкафом, занимал ту стену ее, где пробита была другая дверь. Дверь эта вела в соседнюю комнату, тогда принадлежавшую

В. А. Па<но>ву, а по отъезде его в Берлин доставшуюся мне...» (см. ***1841. Апреля 8 <марта 27>. Великий четверг. Рим***).

[6] В письме к С. Т. Аксакову от 21 ноября (н. ст.) 1840 г. Панов сообщал: «Он <Боткин> с ним <с Гоголем> приехал сюда, и живет теперь со мной в одном доме» (Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод*. Т. 2. С. 161).

[7] Панов подразумевает свою связь с одной из дочерей хозяйки квартиры, Джюлией (см. ***1841. Мая 9 <апреля 27>. Воскресенье. Рим***). Письмо не было дописано и, по-видимому, осталось неотправленным.

[8] Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод*. Т. 2. С. 162–163.

[9] С февраля (н. ст.) 1841 г. (см. ***1841. Февраль <января вторая половина – февраля средина>. Рим***).

[10] Имеется в виду одна из «церковных приходских книг (Stato delle Anime), содержащих записи о ежегодной переписи населения, проводимой приходскими священниками перед Пасхой». Дом, в котором остановился Гоголь, принадлежал к «приходу церкви Св. Викентия и Анастасия (SS. Vicenzo e Anastasio) у фонтана Треви, в районе, считавшемся в XIX веке центром культурной жизни Вечного Города» (*Гасперович В.* Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод*. Т. 3. С. 128).

[11] «...У итальянцев принято считать этажи с нулевого, “земляного”, этажа (piano terra), а не с первого, посему 1-й этаж в Италии соответствует 2-му в России и т. д. <...> ...Мы будем придерживаться итальянской традиции, то есть следовать нумерации, обозначенной в приходской книге» (*Гасперович В.* Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод*. Т. 3. С. 129).

[12] *Гасперович В.* Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод*. Т. 3. С. 130–131.

1840 СЕНТЯБРЯ 25 <13> – 1841 АВГУСТА СРЕДИНА <АВГУСТА НАЧАЛО>. РИМ

Гоголь живет в Риме.

Позднее, в средине декабря (н. ст.) 1841 г., А. А. Иванов писал Гоголю в Москву: «Грусть и скука нам без вас в Риме. Мы привыкли в часы досуга или слушать подкрепительные для духа ваши суждения, или просто забавляться вашим остроумием и весельем. Теперь ничего этого нет: вечерние сходки в натурном классе, состоящие из Моллера, Иордана, Шаповалова и меня, не стоят и десятой доли беседы вашей. Неужели вы к нам в Рим и на следующую зиму не приедете? Вы бы могли нам быть весьма полезны во всех случаях».

ОКТЯБРЯ НАЧАЛО <СЕНТЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. РИМ

В Рим с семьей графа С. Г. Строганова приезжает Ф. И. Буслаев[1].

В 1891 г. Буслаев вспоминал: «В начале октября 1840 г. переселились мы с берегов Неаполитанского залива в Рим, где прожили семь месяцев до конца апреля 1841 г. <...> К великой моей радости, приехал в Рим мой университетский товарищ Василий Алексеевич Панов[2], и тотчас же отыскал меня. <...> Однажды утром в праздничный день сговорились мы с Пановым идти за город, и именно, хорошо помню и теперь, в виллу Albani, которую особенно часто посещал я. Положено было сойтись нам в cafe Greco, куда в эту пору дня обыкновенно собирались русские художники. Когда явился я в кофейню, человек пять-шесть из них сидели вокруг стола, приставленного к двум деревянным скамьям, которые соединяются между собою там, где стены образуют угол комнаты. Это было налево от входа. Собеседники болтали и шумели: это был народ веселый и беззаботный. Только в том углу сидел, сгорбившись над книгою, какой-то неизвестный мне господин, и в течение получаса, пока я поджидал своего Панова, он так погружен был в чтение, что ни разу ни с кем не перемолвился ни единым словом, ни на кого не обратил хоть минутного взгляда, будто окаменел в своей невозмутимой сосредоточенности. Когда мы с Пановым вышли из кофейни, он спросил меня: “Ну, видел? познакомился с ним? Говорил?” Я отвечал отрицательно. Оказалось, что я целых полчаса просидел за столом с самим Гоголем. Он читал тогда что-то из Диккенса[3], которым, по словам Панова, в то время он был заинтересован. Замечу мимоходом, что по этому случаю узнал я в первый раз имя великого английского романиста: так

и осталось оно для меня навсегда в соединении с наклоненною над книгой фигурою в полусвете темного угла»[4].

[1] Федор Иванович Буслаев (1818–1897), филолог и искусствовед. В 1839 г., вскоре после окончания университета (1838), принял предложение попечителя Московского учебного округа графа С. Г. Строганова совершить вместе с его семьей путешествие за границу (1839–1841). С октября 1840 г. по 15 апреля 1841 г. Буслаев пробыл в Риме, где в это время жил Гоголь. Согласно дневниковым записям Буслаева, 19 апреля 1841 г. он был уже во Флоренции (см.: *РГАЛИ*. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 49 об.–50).

[2] В. А. Панов приехал в Рим с Гоголем и Н. П. Боткиным 25 сентября (н. ст.) 1840 г. (см. ***1840. Сентября 25 <13>. Пятница. Рим***).

[3] Позднее, в 1845 г., А. С. Хомяков называл Ч. Диккенса «меньшим братом нашего Гоголя» (см. ***1845. Мая 26 <июня 7>. Суббота. Москва***). – См. также ***1845. Марта 8 <20>. Четверг. Москва***; ***1851. Между четвергом ноября 29 и понедельником декабря 3. Москва.***

В 1846 г., Ю. Ф. Самарин в рецензии на повесть графа В. А. Соллогуба «Тарантас» замечал: «Дар наблюдения дело важное, но для того, чтобы виденное воссоздать, для того, чтобы написать картину, нужно избрать точку зрения, и на ней утвердиться. <...> Мы не в том упрекаем автора, что он не говорит от своего лица, не выдвигает своей мысли, а в том, что вовсе не слыхал ее, что этой мысли нет. Она есть в произведениях Гоголя, и если не для всех она ясна, то это потому, что Гоголь слишком еще к нам близок; она есть у Диккенса, и у обоих она не вредит художественности» (*<Самарин Ю. Ф.> М.. З.. К..* Тарантас. Путевые впечатления. Сочинение графа В. А. Соллогуба // Московский Литературный и Ученый Сборник. 1846 (цензурное разрешение 13 мая). С. 578). – См. также ***1846. Февраля 21 <марта 5>. Четверг. Калуга.***

30 августа 1855 г., Ф. В. Чижов записал в дневнике о «значении Гоголя в литературе»: «Он первый ввел натуральную школу, не только у нас, но до него ее не было вообще. Новая французская школа не могла назваться натуральною: в ней героем романа был не человек, а заданная мысль, или, всего чаще, болезнь человеческая, болезнь общественная; человек был только ее представителем, – оттого люди являлись сделанными на заказ. У Гоголя, как потом у Диккенса, явился человек как он есть, но не простой портрет Ивана Семеновича, Максима Максимовича и т. п., а портрет известного положения человека в обществе, оттого у него явились живые люди; общество явилось со всею мелочью, со всею ничтожностию, но живое, а не склеенное по заказу. По мне Гоголь выше Диккенса большим углублением внутрь человека и братованием его с собою. Поэтому-то именно и прекрасно то, что Гоголь брал пошлые стороны общества: побратоваться с героем каждому приятно; пережить в себе с дюжинным человеком и еще того ниже, – это дело высокохристианское» (Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод*. Т. 3. С. 66).

[4] *Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания // *Свод*. Т. 3. С. 318–319.

СЕНТЯБРЯ 25 <ОКТЯБРЯ 7>. СРЕДА. ХАРЬКОВ

А. Я. Кульчицкий[1] сообщает В. Г. Белинскому в Петербург:

«Нынче я у одного моего товарища[2], приехавшего из Петербурга, и недавно путешествовавшего, видел карточку с именем *Гоголь*, и потом надпись внизу, его рукою, карандашом: Визит отдадите в Риме[3]. Рука довольно женская, а уж знаменитая! Неужели она не напишет нам новых драм?»[4]

[1] Александр Яковлевич Кульчицкий (1815–1845), писатель, переводчик, театральный критик. В 1837 г. окончил юридический факультет Харьковского университета; до 1842 г. жил в Харькове, после чего переехал в Петербург. В 1840 г. через посредство В. П. Боткина, который часто бывал в Харькове, вступил в переписку с В. Г. Белинским. Летом 1841 г. приезжал в Петербург для встречи с критиком (см.: *Ходанен Л. А.* Кульчицкий Александр Яковлевич... // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 226). В письме от 8 сентября 1841 г. Белинский в кощунственных выражениях отчитывал Боткина за то, что тот «оставил» Кульчицкого «в теплой вере» в Бога (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 485).

[2] Имеется в виду В. П. Боткин, неоднократно бывавший в Харькове и общавшийся с Кульчицким. 22 ноября 1839 г. Белинский, в частности, писал Боткину: «Срезневский презирает Кульчицкого и весь этот кружок и тебя, понеже ты в этом кружке вращался в Харькове» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 290).

[3] Имеется в виду записка Гоголя Н. П. Боткину от средины мая 1840 г. (см. ***1840. Мая 12–18. Москва***). Визитку с гоголевским автографом Н. П. Боткин перед отъездом за границу, по-видимому, оставил брату В. П. Боткину, от которого она и стала известна А. Я. Кульчицкому.

[4] *Свод*. Т. 3. С. 304.

ОКТЯБРЯ 12 <СЕНТЯБРЯ 30>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь получил из Васильевки письмо от сестры Анны и, вероятно, от матери.

См. ***1840. Октября 13 <1>. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Рим.***

ОКТЯБРЯ 13 <1>. ВТОРНИК. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. РИМ

Гоголь пишет в Васильевку ответное письмо сестре Анне и, — вероятно, в тот же день — матери.

В письме к матери сообщает: «Благодарю вас за письмо... <...> Оно было первое, которое я получил в Риме. <...> ...Странно, что у нас в доме все, исключая одних вас, то есть все сестры мои[1] не имеют никакого понятия в хозяйстве, ведут жизнь совершенно праздную, как будто бы в жизнь никогда не придется им хозяйничать. Это может просто быть для них несчастием со временем, когда придется им жить не при вас. В главные статьи хозяйства вы их не вводите потому, что это будет не по силам, а назначьте каждой из них одну какую-нибудь из второстепенных частей, так, чтобы она знала только одну ее, вела тщательный приход и расход, смотрела бы за нею внимательно и потом бы в месяц раз давала бы вам отчет. <...> Теперь позвольте поздравить от души и сердца с днем ангела вашего».

В письме к сестре замечает: «Я вчера получил твое письмо... <...> Выговор тебе следует жестокой... <...> ...Ты сказала, что у вас много было праздников и что приняться за иглу в праздник здесь (т. е. в Васильевке) считается за ужасный грех. И ты могла покориться глупому предрассудку, повторенному горнишными девками или глупыми невежами-соседками, тогда как против этого кричит и здравый смысл и рассудок! <...> ...Я бы извинил твое незнание, сказал бы, что ты несведуща, что не понимаешь истинного смысла Священного Писания... <...> Но теперь... и ты не в состоянии презреть светским мнениям, даже в ничтожных случаях, и у тебя такая мелкая душонка? <...> А для чего дается человеку характер? [Характер ему дан на то] чтобы он мог презреть толки и пересуды и следовать тому, что велит ему благоразумие, и, как сказал сам Спаситель, не глядеть на людей[2]. <...> Итак, я тебе приказываю работать и заниматься именно в праздник, натурально только не в те часы, которые посвящены Богу. <...> Без твердости характер человека нуль. <...>

Наконец поговорим еще об одном довольно важном предмете. Слушай, моя душа. Тебя должно непременно тронуть положение маминьки, на которой лежит столько забот и такая сильная обуза, что весьма немудрено, если и у человека сильного закружится голова и кончится тем, что он наконец ничего не будет делать. Слушай. Нужно, чтоб и ты и Оля взяли на долю какие-нибудь маленькие части хозяйства и чтобы уже аккуратно вели дела свои. <...> Обними за меня старшую сестрицу <Марию> и Олиньку. Поцелуй моего крестника[3]...»

[1] Мария, Анна и Ольга.

[2] Вероятно, имеются в виду слова Спасителя: «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо» (Лк. 6, 26). — См. также ***1851. Марта 4. Воскресенье. Одесса.***

[3] Н. П. Трушковский.

ОКТЯБРЯ 4 <16>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Премьера комедии Мольера «Сганарель, или Мнимый рогоносец», в переводе Т. Н. Грановского и Н. Х. Кетчера и литературной обработке Гоголя, на сцене

московского Большого театра в бенефис актера Н. М. Никифорова. В роли Сганареля – М. С. Щепкин.

Гриц. С. 277; *Ельницкая 1978*. С. 310.

ОКТЯБРЯ 4 <16>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский пишет В. П. Боткину в Москву:

«Если что узнаешь о Гоголе – тотчас же уведомь».

Из писем В. Г. Белинского // *Свод*. Т. 3. С. 253.

ОКТЯБРЯ 15 <27>. МОСКВА

«Октября <...> 15. Бол<ьшой> т<еатр>. Сганарель, ком<едия> в 1 д<ействии>; Полюбовная сделка, вод<евиль> в 1 д<ействии>; Неожиданная семья, вод<евиль> в 1 д<ействии>, дивертис<мент>».

Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, с 1 октября по 1 декабря <ноября> 1840 года // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. Песоцким, на 1840 год. СПб.: В типографии А. А. Плюшара, 1840. Т. 2 / Приложения к Репертуару Русского Театра. № 2. 1840 (цензурное разрешение 24 октября 1840). Кн. 11. <Отд. 2>. С. 1; *Гриц*. С. 277.

ОКТЯБРЯ 29 <17>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Гоголь, вернувшись с прогулки, пишет ответные письма М. П. и Е. В. Погодиным в Москву[1].

В письме к Погодину, в частности, замечает: «Благодарю за известие об Лизе[2]. Я не имел в том сомнения, чтобы она не становилась лучше, но всё <же> нельзя, чтобы я был совершенно спокоен насчет <ее>. <...> Анетой я доволен совершенно, и каждое письмо ее делает меня еще довольнее. <...> А Лиза, Лиза может сделаться еще лучше, чем теперь, благодаря обществу, которое ее теперь окружает. Вы, Аксаковы, Раевские – тут, кроме хорошего, натурально ей ничего нельзя занять. Лиза – золото, если попадется в хорошие руки. Если же в дурные или такие, которых превосходства над собою она не почувствует, то Лизы в несколько дней нельзя будет узнать. Вот почему я подумать не могу без страха, если б ей, не дай Бог, случилось жить с матерью и сестрами и еще в такой деревне и круге. <...>

Рад очень твоему счастию, т. е. редким находкам, сделанным тобою[3]. Одною из них ты потчеваешь меня, как такою, которая ближе всего лежит ко мне[4], но таким образом, как один раз журавль позвал к себе кума, кажется, волка, на обед и велел блюда подавать в сосудах с такими узкими горлами, куда только один журавлий нос мог просунуться... <...> Хоть бы какими-нибудь пахучими выписками из нее попользоваться, [а теперь мне] т. е. где пахнет более старина и [дух] обряд старинных времен».

Далее рассказывает о своей болезни в Вене[5], о дороге через Триест[6] до Рима[7]: «Я до сих пор не могу понять, как я остался жив, и здоровье мое в таком сомнительном положении, в каком я еще никогда не бывал. Чем далее, как будто опять становится хуже, и лечение и медикаменты только растравляют. Ни Рим, ни небо, ни то, что так бы причаровало меня, ничто не имеет теперь на меня влияния. Я их не вижу, не чувствую. Мне бы дорога теперь, да дорога, в дождь, слякоть, через леса, через степи, на край света. Вчера и сегодня было скверное время, и в это скверное время я как будто

бы ожил. [С какой бы радостью я бросил] Так вот всё мне хотелось броситься или в дилижанс или хоть на перекладную. Двух минут я не мог посидеть в комнате, мне так сделалось тяжело и отправился бродить по дождю. Я устал после нескольких шагов, но, право, почувствовал как будто бы лучше себя. Друг! вот тебе мое положение. Не хотелось мне, страшно не хотелось открывать его, и долго я писал это письмо и останавливался, и вновь принимался писать, и уже хотел изодрать его, и скрыть всё от тебя. Но грех был бы на моей душе.

Со страхом я гляжу на себя. [Прие<хал>] Я ехал бодрый и свежий на труд, на работу. Теперь... Боже. Сколько пожертвований сделано для меня моими друзьями — когда я их выплачу! А я думал, что в этом году уже будет готова у меня вещь, которая за одним разом меня выкупит, снимет тяжести, которые лежат на моей бессовестной совести. Что предо мною впереди? Боже, я не боюсь малого срока жизни, но [если бы] я был уверен по такому свежему бодрому началу, что мне два года будет дано плодотворной жизни. И теперь от меня скрылась эта сладкая уверенность. Без надежды, без средств восстановить здоровье. Никаких известий из Петербурга: надеяться ли мне на место при Кривцове[8]. По намерениям Кривцова, о которых я узнал здесь, мне нечего надеяться, потому что Кривцов искал на это место европейской знаменитости по части художеств. Он хотел иметь немца Шадова[9], директора Дюссельдорфской Академии художеств, которому тоже хотелось, а потом даже хотел предложить Обервеку, чтобы прикрыть натурально свое по этой части невежество и придать более весу своему месту. Но Бог с ним со всем этим. Я равнодушен теперь к этому. К чему мне это послужит. На квартиру да на лекарство разве? на две вещи равные ничтожностью и бесполезностью. Если к ним не присоединится наконец третья, венчающая всё, что влачится на свете. <...> Теперь не могу глядеть я ни на Колизей, ни на бессмертный купол[10], ни на воздух, ни на всё, глядеть всеми глазами, совершенно на них, глаза мои видят другое, мысль моя развлечена. Она с вами[11]. <...> Я хотел было наскоро переписать куски из Ревизора[12], исключенные прежде, и другие переделанные, [и не в си<лах>] чтобы поскорее хотя его издать и заплатить великодушному, как и ты, Сергею Тимофеевичу <Аксакову>, и этого не мог сделать. Впрочем, я соберу все силы и, может быть, на той же неделе управлюсь с этим. <...> Правда ли, что будто бы Жуковский женится[13]? Я не могу никак этому верить. <...> Обними Шевырева за меня несколько раз. Я бы писал к нему, но не в силах. [Боже, я стыжусь теперь себя. Так было прекрасно началось всё и так теперь...] К Сергею Тимофеевичу я бы тоже хотел писать... но что мне писать теперь? Я не в силах... Мне бы хотелось скрыть от моих друзей мое положение. Письмо мое издери в куски. Я храбрюсь всеми силами».

[1] См. также ***1840. Марта 3. Воскресенье. Москва***; ***1840. Февраля 9 — мая 18. Москва.***

[2] Сестра Гоголя, проживавшая в Москве в доме П. И. Раевской.

[3] 28 августа 1840 г. Погодин приобрел около двухсот рукописей и несколько старопечатных книг из коллекции купца И. П. Лаптева (1774–1838), которые стали основой погодинского Древлехранилища (см.: *Барсуков.* 1892. Кн. 5. С. 438). В 1855 г. Погодин, от третьего лица, сообщал о себе: «Первое большое вдруг количество <рукописей и старопечатных книг> приобретено было по случаю получения (1839 г.) полной Демидовской премии за исследование об Несторе» (*<Погодин М. П.>* Погодин, Михаил Петрович... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855. Ч. 2. С. 262).

[4] Найденной Погодиным летописью была хроника С. В. Величко (напечатана впервые по рукописи, принадлежавшей Погодину: *Величко 1848–1864*). Ср.: «Важнейшие исторические находки и открытия <Погодина>: подлинная летопись Малороссийская Величка (которую Погодин доставил впоследствии Киевской Коммиссии для напечатания)...»; «Между рукописями было много единственных или самых редких, например: <...> Малороссийский летописец, подлинный, Самуила Велички, о Гетманском времени, на 800 листах, с грамотами за подписями Польских Королей, важнейших сановников и проч.» (*<Погодин М. П.>* Погодин, Михаил Петрович... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855. Ч. 2. С. 254, 267). — См. также ***XIII–XV вв. Предыстория (происхождение казачества)*** (примечания); ***1841 октября 17 — 1842 мая 23. Москва.*** — Об этой же летописи Погодин известил тогда же М. А. Максимовича, который отвечал: «Поздравляю с находкою Летописи Малороссийской! Она должна быть очень любопытна; печатай ее скорее, только исправнее и без мудрования, сиречь без больших примечаний» (*Барсуков.* 1892. Кн. 5. С. 439). В 1845 г. Погодин предоставлял хронику Величко П. А. Кулишу (см. ***1845. Ноября 6 <18>. Вторник. Москва***).

[5] См. ***1840. Августа вторая половина — конец <августа начало — средина>. Вена.***

[6] См. ***1840. Августа конец <августа средина>. Вена.***

[7] См. ***1840. Сентября 25 <13>. Пятница. Рим.***

[8] См. ***1840. Февраля 1. Четверг. Москва.***

[9] Фридрих Вильгельм фон Шадов (1788–1862), художник; в 1814 г. под влиянием Ф. Овербека перешел в католичество.

[10] Купол собора Св. Петра в Риме.

[11] См. также ***1839. Сентября 22 <10>. Воскресенье. Вена.***

[12] См. также ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[13] 2 августа 1840 г. В. А. Жуковский сделал предложение юной Елизавете Рейтерн, дочери своего приятеля, немецкого художника Г. Р. фон Рейтерна; 21 мая 1841 г. состоялась их свадьба.

ОКТЯБРЯ 30 <18>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь в письме к П. А. Плетневу в Петербург спрашивает:

«Можно ли мне надеяться на то место в Риме[1], о котором я писал к вам[2]? Мне нужно теперь знать это, и тем более теперь. Я заболел жестоко, и, Боже, как заболел[3]. <...> ...Не знаю, вышел ли я еще совершенно из опасности. Малейшее какое-нибудь движение, незначущее усилие, и со мной делается чорт знает что. Страшно, просто страшно. <...> ...Вот месяц и я ничуть не лучше. <...> Больной, расстроенный душой и телом, и никаких средств...»[4]

[1] См. ***1840. Февраля 1. Четверг. Москва.***

[2] См. ***1840. Июня 25 <13>. Четверг. Вена.***

[3] См. ***1840. Августа вторая половина – конец <августа начало – средина>. Вена.***

[4] Ответ Плетнева до нас не дошел (см. ***1840. Декабря 1 <13>. Воскресенье. Санкт-Петербург***).

АПРЕЛЯ 11 <23> – ОКТЯБРЯ 24 <НОЯБРЯ 5>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В журнале «Репертуар Русского Театра» публикован рисунок В. М. Самойлова[1] сцены пятого действия «Ревизора»:

«При сей книжке *Репертуара* прилагается картинка из комедии *Ревизор.* Картинка эта интересна тем, что в ней вы увидите всех действующих лиц в пиесе, исключая самого Ревизора и его слуги»[2].

[1] Василий Михайлович Самойлов (1782–1839), петербургский актер.

[2] Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песоцким, на 1840 год. СПб.: В типографии А. А. Плюшара, 1840. Т. 1. Кн. 4 (цензурное разрешение 11 апреля). <Отд. 2>. С. 33; «Сцена из ком<едии> Ревизор, действие V, явление IX. Рисовал В. Самойлов. Гравировал Эльвал» (Репертуар Русского Театра, издаваемый И. Песоцким, на 1840 год. СПб.: В типографии А. А. Плюшара, 1840. Т. 2 / Приложения к Репертуару Русского Театра. № 2. 1840 (цензурное разрешение 24 октября 1840). Вклейка в конце книги.

НОЯБРЯ 7 <ОКТЯБРЯ 26>. СУББОТА. РИМ

Княгиня З. А. Волконская в письме В. Паве в Москву к С. П. Шевыреву сделала приписку:

«Гогель <так!> сник, он страдает и слабеет».

Мусатова Т. Л. Н. Гоголь, З. Волконская и «социальное христианство» // Творчество Гоголя в диалоге культур. Четырнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 29 марта – 1 апреля 2014 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2015. С. 226–227.

НОЯБРЯ ОКОЛО 11 <ОКТЯБРЯ ОКОЛО 30>. РИМ

Гоголь читает В. А. Панову начало драмы из эпохи Богдана Хмельницкого.

В письме С. Т. Аксакову от 21 ноября (н. ст.) 1840 г. из Рима Панов сообщал: «Хотя я в душе никогда не переставал быть убежденным, что Гоголь непременно пробудится с новыми силами, но, признаюсь, мне кажется, — я уже забывал видеть в нем Гоголя, как вдруг в одно утро, дней 10 тому назад, он меня угостил началом нового произведения[1]! <...> Это будет, как он мне сказал, трагедия. План ее он задумал еще в Вене, начал писать здесь. Действие в Малороссии. В нескольких сценах, которые он уже написал и прочел мне, есть одно лицо комическое, которое, выражаясь не столько в действии, сколько в словах, теперь уже совершенство. О прочих судить нельзя: они должны еще обрисоваться в самом действии. Главное лицо еще не обозначилось. Не поверите, с каким торжеством я возвращался домой. Первою мыслию было писать к вам. Подумайте, что если б этого не было, то значило бы, что все погибло. Это должно было быть. Во-первых, он один, на своей прежней квартире. Ничто его не рассеивает. Идти почти некуда более, как только к нам да к двум-трем художникам. Часов пять в день должно уже непременно просидеть одному; надо же что-нибудь делать! Но главное то, что в Риме невозможно не заниматься; или надо быть больным, без движения. Здесь человека, который сколько-нибудь посвятил себя умственной жизни, все вызывает к деятельности, к труду, все из него вытягивает мысль».

Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод.* Т. 2. С. 161–162.

[1] Речь идет о драме из эпохи Богдана Хмельницкого. Ответ С. Т. Аксакова см. ***1841. Января 17 <29>. Пятница. Москва.***

НОЯБРЯ 3 <15>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

Мать Гоголя и его сестра Анна пишут ему ответные[1] письма в Рим[2].

[1] См. ***1840. Октября 13 <1>. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Рим.***
[2] См. ***1841. Марта 25 <13>. Четверг. Рим.***

НОЯБРЯ 4 <16>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«4 <ноября>. Ал<ександринский> т<еатр>. Ревизор, к<омедия> в 5 д<ействиях>. Стряпчий под столом, вод<евиль> в 2 д<ействиях>».

Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, с 1-го ноября по 1-е декабря 1840 года // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. Песоцким, на 1840 год. СПб.: В типографии А. А. Плюшара, 1840. Т. 2 / Приложения к Репертуару Русского Театра. № 2. 1840 (цензурное разрешение 24 октября 1840). Кн. 12. <Отд. 2>. С. 1.

НОЯБРЯ 21 <9>. СУББОТА. РИМ

В. А. Панов пишет С. Т. Аксакову в Москву:

«...Прежде должен сказать вам, что знаю о состоянии, в котором он находится с выезда своего из России и до сих пор. Вообще мне кажется, что он ошибался, если думал, что ему стоит только выехать за границу, чтобы возвратить деятельность и силы, которые он боялся уже потерять. Хорошо, если бы так. Но, к несчастию, его расстройство не зависит от климата и места, и не так легко

поправляется. (Теперь он тешит себя другою мыслию: он убежден, что для поправления своего здоровья, ему необходимо сделать огромное путешествие, жалеет, что слишком скоро приехал в Рим, и хотел бы, чтоб его теперь курьером отправили в Камчатку[1], разумеется, с возвратом.) Может быть, целые десять лет его жизни постепенно расстроивали его организацию, которая теперь в ужасном разладе. Его физическое состояние действует, конечно, на силы душевные; поэтому он им чрезвычайно дорожит, и поэтому он ужасно мнителен. Все эти причины, действуя совокупно, приводят его иногда в такое состояние, в котором он истинно несчастнейший человек, и эти тяжкие минуты, в которые вы его видели, мне кажется, были здесь с ним чаще, продолжительнее и сильнее, нежели в России. <...>

Приехавши сюда[2] из Фраскати, куда я отправился дней за пять, чтобы в совершенном одиночестве рассматривать эту дивную Кампанию римскую, я нашел Николая Васильевича совершенно поправившимся. Он теперь гораздо веселее; вспоминает всегда с удовольствием об России, а приехал ведь для того, чтобы с ней рассориться».

Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод.* Т. 2. С. 161, 162.

[1] «О том же говорит сам Гоголь в письме к Погодину от 17 октября 1840 г. <...>. См. также соч. Гоголя, изд. X, т. 1, стр. 637» (примеч. В. И. Шенрока) (см. ***1840. Августа конец <августа средина>. Вена***).

[2] В Рим.

НОЯБРЯ 10 <22>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

«10 <ноября>. Мал<ый> т<еатр>. Ревизор, к<омедия> в 5 д<ействиях>»[1]. В роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

[1] Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, с 1-го ноября по 1-е декабря 1840 года // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. Песоцким, на 1840 год. СПб.: В типографии А. А. Плюшара, 1840. Т. 2 / Приложения к Репертуару Русского Театра. № 2. 1840 (цензурное разрешение 24 октября 1840). Кн. 12. <Отд. 2>. С. 1.

[2] *Гриц.* С. 277.

НОЯБРЯ 11 <23>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

«11 <ноября>. Мал<ый> т<еатр>. Горе от ума, к<омедия> в 4 д<ействиях>».

Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, с 1-го ноября по 1-е декабря 1840 года // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. Песоцким, на 1840 год. СПб.: В типографии А. А. Плюшара, 1840. Т. 2 / Приложения к Репертуару Русского Театра. № 2. 1840 (цензурное разрешение 24 октября 1840). Кн. 12. <Отд. 2>. С. 1.

НОЯБРЯ 13 <25>. СРЕДА

Граф В. А. Соллогуб женился на графине С. М. Виельгорской.

См. ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино.***

НОЯБРЯ 16 <28>. СУББОТА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Со Щепкиным о театре. – Решился напечатать Гоголев перевод[1] и отрывок из его Записок»[2].

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1840–1841 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 472.

[1] Очевидно, имеется в виду гоголевская литературная обработка перевода комедии итальянского драматурга графа Джиованни Жиро (1776–1834) «Дядька в затруднительном положении» (1807), высланная Гоголем 10 сентября (н. ст.) 1840 г. из Венеции для бенефиса М. С. Щепкина. (Рукопись была разделена Гоголем на три части, которые были вложены в письма к М. С. Щепкину, к С. Т. Аксакову и к М. П. Погодину.) Перевод был впервые напечатан С. И. Пономаревым в 1882 г.: Дядька в затруднительном положении (L'aio nell' imbarazzo). Комедия в трех действиях, сочинение гр<афа> Джованни Жиро (Giovanni Giraud). Перевод с итальянского, приписываемый Н. В. Гоголю // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Киев; Лейпциг, 1882. Т. 7. Отд. 2.

[2] Имеются в виду записки М. С. Щепкина.

НОЯБРЯ 19 <ДЕКАБРЯ 1>. ВТОРНИК. МОСКВА

М. П. Погодин получает записку от М. Ф. Орлова:

«Орлов свидетельствует свое почтение Михайле Петровичу Погодину и извещает его, что он имеет оказию переслать что-либо Гоголю чрез Павла Ивановича Кривцова. Ежели Михайле Петровичу угодно воспользоваться сим случаем, то он может это сделать на следующих условиях: 1) Чтобы посылка не была очень громоздка. 2) Чтобы она доставлена была к Орлову, но не позже завтрашнего числа. В этом случае усердствует наипаче жена моя и просит напомнить об ней и обо мне нашему Гоголю».

Свод. Т. 2. С. 473.

НОЯБРЯ 27 <ДЕКАБРЯ 9>. СРЕДА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Получил письмо от Гоголя[1]. Был утешен и огорчен. Удивительное создание человек! – И все еще не верится вполне. Человек испорчен, первородный ум ясен. – Были минуты торжественные».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1840–1841 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 472.

[1] Имеется в виду письмо от 29 октября (н. ст.) 1840 г., где Гоголь сообщает о посетившей его летом 1840 г. (см. ***1840. Августа вторая половина – конец <августа начало – средина>. Вена***) тяжелой болезни (см. ***1840. Октября 29 <17>. Четверг. Рим***; см. также ***1840. Марта 3. Воскресенье. Москва***). На это письмо Погодин отвечал на следующий день, 28 ноября 1840 г. (см. ***1840. Ноября 28 <декабря 10>. Четверг. Москва***).

НОЯБРЯ 28 <ДЕКАБРЯ 10>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

М. П. Погодин в ответном[1] письме к Гоголю в Рим просит прощения за то, что негодовал на него[2]. В заключение письма добавляет:

«Я вижу, тебе надо путешествовать, чтоб привести в ровность твой организм. Езди из конца в конец[3] и останавливайся по дороге в городах на неделю – на две и работай. Надеюсь прислать тебе скоро на дорогу. У меня надежды много на журнал.

Теперь я успокою Лизу[4]. Я послал к тебе через Кривцова ее подушку».

В конце ноября 1840 г. с письмом Гоголя познакомилась О. Сем. Аксакова, которая писала Погодину: «Письмо Гоголя меня так и покрыло туманом. Его надобно вытащить из Рима. Он сам не понимает, ему нужен родной воздух – русских, московских друзей, и он оживет, а так он погибнет, как Виельгорский, как Станкевич»[5].

В те же дни, в письме к мужу, С. Т. Аксакову, в Петербург, Аксакова пересказала содержание письма Гоголя.

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) Аксакова: «Писем от Гоголя долго не было. Наконец пришло известие, что он был отчаянно болен...»[6]

[1] См. ***1840. Ноября 27 <декабря 9>. Среда. Москва.***

[2] См. ***1840. Марта 3. Воскресенье. Москва*** (примечания).

[3] См. ***1840. Августа конец <августа средина>. Вена.***

[4] Сестра Гоголя, проживавшая в Москве в доме П. И. Раевской.

[5] Из писем О. Сем. Аксаковой (рожденной Заплатиной) // *Свод.* Т. 2. С. 778.

[6] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 697. – Имеется в виду болезнь Гоголя в Вене во второй половине – конце августа (н. ст.) 1840 г. См. также письмо В. А. Панова к С. Т. Аксакову от 9/21 ноября 1840 г. (см. ***1840. Августа вторая половина – конец <августа начало – средина>. Вена***).

ДЕКАБРЯ 1 <13>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет ответное[1] письмо Гоголю в Рим[2] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1840. Октября 30 <18>. Пятница. Рим.***

[2] См.: *Городецкий.* С. 450.

ДЕКАБРЯ 1 <13>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Хохотал, воображая себя на месте городничего, которому представляются свиные рожи и пр.»

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1840–1841 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 472.

ДЕКАБРЯ 15 <3>. ВТОРНИК. НЕАПОЛЬ

И. К. Айвазовский пишет в правление петербургской Академии художеств:

«Честь имею уведомить о получении мною векселя первую треть и 2-го сего декабря известия о милости Императорского Величества за картины. Благодаря за сделанное распоряжение, прошу покорнейше остальные 285 рублей серебром выслать вместе с векселем на вторую треть в Римское или Неаполитанское посольство. Два месяца как я в Неаполе и имею уже несколько картин, которые после Римской выставки отправлю в С.-Петербург...»

Айвазовский. Документы и материалы / Составители М. С. Саргсян, Г. Г. Арутюнян, Г. М. Шатирян. Ереван, 1967. С. 50. – К 7/19 января 1841 г. это письмо Айвазовского было получено в Петербурге (см.: Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии Художеств за сто лет ее существования, изданный под ред. П. Н. Петрова. СПб., 1865. Т. 2. С. 412).

СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО – ДЕКАБРЯ НАЧАЛО <СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА – ДЕКАБРЯ СРЕДИНА>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

С. Т. Аксаков с дочерью Верой вновь[1] находится в Петербурге, куда приехал в связи с кончиной зятя Г. И. Карташевского (умер 12 августа 1840 г.)[2], а также с целью навестить обучавшихся здесь сыновей Григория, Ивана и Михаила. Несколько раз встречается с В. Г. Белинским и И. И. Панаевым. В числе писем из Москвы от жены, О. Сем. Аксаковой, получает в конце ноября – начале декабря 1840 г. послание, в котором она пересказывает содержание письма Гоголя от 29 октября (н. ст.) 1840 г. из Рима. Получив письмо жены, Аксаков в начале декабря 1840 г. пересказывает его содержание Белинскому. Перенимает у Белинского мнение о якобы только что зачинающейся любви Гоголя к России[3].

14 сентября 1840 г. С. Т. Аксаков сообщал жене из Петербурга: «...У меня вчера был Белинский»[4].

3 октября 1840 г. он также писал О. Сем. и К. С. Аксаковым: «...Вчера целый вечер сидели у меня И. Панаев и Белинский: я с удовольствием поговорил с ними. Часто разговор обращался на тебя, мой дражайший Константин»[5].

Возможно, Белинский внушил в те месяцы Сергею Тимофеевичу мысль – или просто поддержал Аксакова в этом лестном для него мнении, что будто бы именно его сын Константин сыграл исключительную роль в якобы пробудившемся лишь тогда в Гоголе сильном «чувстве к России»[6].

К ноябрю 1840 г. С. Т. Аксаков едва не начинает разделять мнения Белинского. 18 ноября 1840 г. он сообщает жене: «В субботу просидели вечер у меня И. И. Панаев и Белинский и рассказывали мне разные события и обстоятельства. Это просто... да нет – не нахожу слов, чтобы определить состояние нашей литературы... Но всего хуже, что я ни малейшей надежды к улучшению не вижу...»[7]

В письме к О. Сем. Аксаковой от 30 ноября 1840 г. С. Т. Аксаков также замечает: «...Обнимаю лишний раз Михаила Семеновича <Щепкина> за то, что он не стал петь куплеты на Белинского»[8].

Имеются в виду памфлетные стихи П. А. Каратыгина в его водевиле «Авось, или Сцены в книжной лавке». Премьера водевиля состоялась в Петербурге 7 ноября 1840 г. В Москве водевиль шел в ноябре того же года. Отказ Щепкина исполнять куплеты был продиктован его дружеским расположением к критику[9].

1–2 декабря 1840 г. С. Т. Аксаков вновь писал жене и сыну из Петербурга: «...Над флигилем, где живет Белинский, развевается красный флаг!.. Причины не могу добиться»[10].

[1] См. ***1839. Октября 30. Понедельник. Вечер. Санкт-Петербург***; ***1839. Декабря 17. Воскресенье. 9 часов вечера. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1840. Сентября 10 <августа 29>. Четверг. Венеция*** (примечания).

[3] См. ***1840. Декабря 11 <23>. Среда. Санкт-Петербург***; ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим***; ***1841. Марта 17 <5>. Среда. Рим.***

[4] См. ***1839. Ноября 22. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[5] Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 144.

[6] См. ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[7] Там же. С. 145.

[8] Там же. С. 146.

[9] См. также ***1839. Августа конец <августа средина>. Вена*** (примечания); ***1842. Января между 2 и 7. Москва.***

[10] Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 146.

ДЕКАБРЯ 23 <11>. СРЕДА. РИМ

Ек. В. Давыдова[1] пишет В. Л. и А. И. Давыдовым (на фр. яз.) в Красноярск:

«Мы[2] познакомились в Альбано с одним соотечественником-писателем, г-ном Гоголем. Это очень приятный человек, он часто нас посещает и читал нам много раз свои произведения, которые очень забавны. В последний раз мы договорились с ним, что он придет и прочтет нам своего "Ревизора", который, как говорят, имел большой успех несколько лет тому назад в Московском театре. Он его очень хорошо читал, и мы много смеялись, но этот род пьес мне не нравится; она может позабавить два-три раза, особенно, когда читает сам автор, потому что он читает ее более естественным образом, чем кто бы то ни было. Но если б мне пришлось читать ее самой, я б ее никогда не окончила, мне кажется. Что я люблю в Гоголе, это что он русский в душе, и когда бываешь с ним, кажется, что находишься в России, потому что он говорит только по-русски и вдобавок с малороссийским акцентом[3], что совсем родное сердцу»[4].

[1] Екатерина Васильевна Давыдова, в замужестве Переслени (20 декабря 1822 – 1904), дочь декабриста Василия Львовича Давыдова (1792–1855). Письмо адресовано ее родителям, находившимся на поселении в Сибири.

[2] Ек. В. Давыдова имеет в виду себя и свою младшую сестру Елизавету (5 октября 1823–1902).

[3] Давыдовы были родом с Украины, в их имении Каменка в двадцатых годах бывали А. С. Пушкин, многие декабристы, а впоследствии – П. И. Чайковский.

[4] Свидетельства о Гоголе Ек. В., Ел. В. и В. Л. Давыдовых // *Свод.* Т. 3. С. 322.

ДЕКАБРЯ 11 <23>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский пишет В. П. Боткину в Москву:

«Аксаков сказывал[1], что Гоголь пишет к нему, что он убедился, что у него чахотка[2], что он ничего не может делать. Но это, может быть, и пройдет, как вздор. Важно вот что: его начинает занимать Россия, ее участь, он грустит о ней; ибо в последний раз он увидел, что в ней есть люди! А я – торжествую: субстанция общества взяла свое – космополит поэт кончился и уступает свое место русскому поэту»[3]. (Это же мнение Белинский внушил в то время и самому С. Т. Аксакову[4].)

Последняя фраза Белинского является в значительной степени провокационной и объясняется особым пониманием патриотизма самим критиком. Заявляя, что Гоголь, под давлением «субстанции общества», якобы из прежнего поэта-«космополита» теперь лишь становится «русским поэтом», Белинский в содержание упомянутой «субстанции» вкладывал свои представления о «русском» и подразумевал под этим прежде всего оппозиционность сложившимся формам русской государственности (сопровождаемую порой откровенными вспышками русофобии[5]). В статье по поводу брошюры К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (1842) критик утверждал, что якобы пафос гоголевской поэмы «состоит в противоречии общественных форм русской жизни с ее глубоким субстанциальным началом, доселе еще таинственным, доселе еще не открывшимся собственному сознанию и неуловимым ни для какого определения»[6]. Под носителями «глубокого субстанциального начала» критик подразумевал прежде всего тех, чьи взгляды были близки его собственным, т. е. лиц противоправительственных и полупротестантско-полуатеистических воззрений, – в духе *не*-«примирения с действительностью». (Именно такое «личное» понимание патриотизма имел в виду Гоголь, упоминая в «Записках сумасшедшего» об открытии героя, «испанца» Поприщина, «что у всякого петуха есть Испания, что она у него находится под перьями».)

22 ноября 1839 г. Белинский писал В. П. Боткину: «Скажи Грановскому, что, чем больше живу и думаю, тем больше, *кровнее* люблю Русь, но начинаю сознавать, что это с ее субстанциальной стороны, но ее определение, ее действительность настоящая начинают приводить меня в отчаяние – грязно, мерзко, возмутительно, нечеловечески...»[7]; 13 июня 1840 г. – ему же: «Лермонтов великий поэт: он объектировал современное общество и его представителей. Это навело меня на мысль на разницу между Пушкиным и Гоголем, как *национальными* поэтами. Гоголь велик, как Вальтер Скотт, Купер; может быть, последующие его создания докажут, что и выше их; но только Пушкин есть такой наш поэт, в раны которого мы можем влагать персты, чтобы чувствовать боль

своих и врачевать их. Лермонтов обещает то же»[8]. В письме к К. С. Аксакову от 14 июня 1840 г. Белинский, говоря о Гоголе, повторял: «Он великий художник, о том слова нет. Я и теперь не вижу, чтобы он был ниже В<альтер> Ск<отта> и Купера, и не почитаю невозможным, чтобы последующие его создания не доказали, что он выше их. Сверх того, он и ближе их к нам, следовательно, понятнее для нас. Но он не русский поэт в том смысле, как Пушкин, который выразил и исчерпал собою всю глубину русской жизни и в раны которого мы можем влагать персты, чтобы чувствовать боль своих и врачевать ее. Пушкинская поэзия – наше искупление, а в созданиях Гоголя я вижу только "Тараса Бульбу"... <...> ..."Тарас Бульба" выше всего остального, что напечатано из сочинений Гоголя»[9]. (Следует иметь в виду, что «Тараса Бульбу» Белинский истолковывал в прямом противоречии с гоголевским замыслом, заявляя, что сила сплочения запорожцев кроется... – «нет <...> не в православии», но в «кровавой сече» во время войны и «бешеной гульбе» во время мира[10].)

7 декабря 1847 г. Белинский писал также К. Д. Кавелину: «...Честных, благородных и вместе с тем умных людей <...> на Руси, по сущности народа русского, должно быть гораздо больше, нежели как думают сами славянофилы (то есть истинно хороших людей, а не мелодраматических героев)... <...> Но вот горе-то: литература <...> не может представлять их художественно такими, как они есть на самом деле, по той простой причине, то их тогда не пропустит цензурная таможня. А почему? Потому именно, что в них человеческое в прямом противоречии с тою общественною средою, в которой они живут»[11].

Это «оппозиционное», присущее самому Белинскому мироощущение критик распространял едва ли не на весь русский народ, называя его, в письме к Гоголю от 12–17 июля (н. ст.) 1847 г., «атеистическим» (в чем, по мнению Белинского, и заключалась «огромность исторических судеб» русского народа «в будущем»)[12]. Позднее Ф. М. Достоевский в письме к Н. Н. Страхову от 30 мая (н. ст.) 1871 г. замечал о Белинском: «Я помню мое юношеское удивление, когда я прислушивался к некоторым чисто художественным его суждениям (н<а>прим<ер>, о "Мертв<ых> душах"). Он до безобразия поверхностно и с пренебрежением относился к типам Гоголя и только рад был до восторга, что Гоголь *обличил*»[13]. Именно «общественною средою» русской жизни, препятствующей «развитию» народа по западным меркам, Белинский объяснял, вопреки воззрениям самого Гоголя, пороки выведенных в «Мертвых душах» героев: «Но неужели же в русской действительности нет ничего лучше и благороднее Петрушки, Селифана, Коробочки, Собакевича, Чичикова?.. <...> Без всякого сомнения, есть... <...> Сверх того, надо еще сказать, что, находя лица, изображенные Гоголем, особенно безнравственными и глупыми, довольно ребячески преувеличивают дело и грубо его понимают. Эти лица дурны по воспитанию, по невежественности, а не по натуре, и не их вина, что со дня смерти Петра Великого прошло только 116, а не 300 лет»[14]. Отсюда делался вывод о «невозможности» поэмы «*пока*» – в смысле утверждения в русской жизни западноевропейских «идеалов», и о невозможности поэмы вообще – в религиозном, или «древнем» смысле. «...Думать, что в наше время возможен древний эпос, – писал Белинский, – это так же нелепо, как и думать, что в наше время человечество могло вновь сделаться из взрослого человека ребенком...»[15] Повторяя мнение Шевырева о том, что в именовании «Мертвых душ» «поэмой», возможно, заключена ирония, критик утверждал, что в противном случае авторское определение жанра «Мертвых душ» кажется ему «великой ошибкой»: «Не зная, *как, впрочем, раскроется содержание* "Мертвых душ" в двух последних частях, мы еще не понимаем ясно, почему Гоголь назвал "поэмою" свое произведение, и *пока* видим в этом названии тот же юмор, каким растворено и проникнуто насквозь это произведение. Если же сам поэт почитает свое произведение "поэмою", содержание и герой которой есть субстанция русского народа, – то мы не обинуясь скажем, что поэт сделал великую ошибку <...> субстанция народа может быть предметом поэмы только в своем разумном определении, когда она есть нечто положительное и действительное, а не гадательное и предположительное... <...> И потому великая ошибка для художника писать поэму, которая может быть возможна в будущем»[16].

С первых своих статей Белинский вступает в литературу как убежденный западник, апологет петровских преобразований, откровенно сочувствующий протестантизму. В частности, в 1836 г. он, сравнивая «Северную думу» – протестантизм – с католицизмом и Православием, без обиняков называл ее «истинным знанием» (в печать это признание не попало и было опубликовано впервые только в 1969 г.)[17]. Осенью 1834 г., когда Гоголь готовил к изданию «Арабески» и «Миргород», Белинский, в «Литературных мечтаниях» (первая значительная статья критика, принесшая ему известность), замечал о русском народе: «Крепко стоял он за Церковь Божию, за веру праотцев... <...> Но... <...> это была жизнь... <...> односторонняя... <...> Петр был совершенно прав...»; «...Русская жизнь до Петра Великого была слишком... <...> одностороння...»[18] В статье «О стихотворениях г. Баратынского» (1835) Белинский добавлял: «...Народ довольствовался скудною житейскою философиею, лениво наследованною им от праотцев... <...> был чужд всякого движения вперед, всякого стремления к совершенствованию...»[19] Подобное отношение к русской национальной культуре и ее сокровищнице – Православию, где духовное и нравственное совершенствование человека полагается целью всей его жизни, не было неожиданностью для Белинского. Все это он высказывал и ранее, и с еще большей безапелляционностью, вполне предвосхищая обороты и интонации будущего Хлестакова. В 1830 г. он писал матери: «Маменька, Вы уже в другом письме увещеваете меня ходить по церквам... <...> Шататься мне по оным некогда, ибо чрезвычайно много других, гораздо важнейших дел... <...> Я пошел по такому отделению, которое требует, чтобы иметь познание и толк во всех изящных искусствах. И потому я прошу Вас уволить меня от нравоучений такого рода: уверяю Вас, что они будут бесполезны»[20].

Мировоззрение Белинского напрямую сказывалось в его литературных представлениях, в частности, во взглядах на литературный жанр поэмы. Еще в 1835 г., в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя», критик, размышляя о противоположности «идеальной» и «реальной» поэзии, высказывался о «поэме» и ее отношении к современности следующим образом: «...Первобытное человечество <...> объясняло явления физического мира влиянием высших таинственных сил. <...> "Илиада" была <...> священною книгою, источником религии и нравственности <...> Но младенчество не вечно для человека <...> вера в богов и чудесное умерла <...> Мы требуем не идеала жизни, но самой жизни, как она есть. Дурна ли, хороша ли, но мы не хотим ее украшать <...> вот поэзия *реальная* <...> она не пересоздает жизнь, но воспроизводит <...> ее...»[21] Для упрочения таких взглядов на значение литературы в современном обществе — служить верным «зеркалом» действительности — привлекался тезис о бессознательности настоящего художественного творчества. В своем западничестве Белинский выступал лишь против «слепой подражательности» и ратовал за создание «нашими руками» и «на родной почве» национального «просвещения», в основе которого главенствовала бы, однако, идея европейского прогресса[22]. Именно как проявление этого национального «просвещения» (приведшего от «гимна», «поэмы» и «молитвы» «младенчествующего человека» к современным — якобы заменившим их — «повести и роману») Белинский и истолковывал повести Гоголя в «Арабесках» и «Миргороде», найдя в них, по замечанию Я. М. Неверова, «свою любимую реальную поэзию» (в противовес «идеальной» — древнего источника «религии и нравственности»)[23].

Гоголь, внимательно прочитавший тогда статью Белинского, посвященную «Арабескам» и «Миргороду»[24], впоследствии прямо возражал на эти (и подобные) заявления критика, подчеркивая и значение «Моисея, Гомера» как «законодателей веков минувших», и принадлежность его собственной поэмы к высоким классическим образцам древней учительной литературы[25]. Имея в виду противопоставление Белинским «идеала жизни» «самой жизни» — представленной в натуралистическом зеркале «реальной поэзии» — Гоголь в «Авторской исповеди» (1847) замечал: «...Писатель-творец творит творенье свое в поученье людей <...> Нужно, чтобы в созданье его жизнь сделала какой-нибудь шаг вперед <...> Возвратить людей в том же виде, в каком и взял, для писателя-творца даже невозможно...»

Надежды Гоголя на исполнение его грандиозного замысла питал, в числе прочего, отмеченный в 1835 г. всеми критиками успех Гоголя в создании произведения, действительно приближающегося к поэмам Гомера. Тот же Белинский, который отрицал в современной литературе возможность «идеальной поэзии», не мог не воскликнуть о гоголевском «Тарасе Бульбе»: «Если в наше время возможна гомерическая эпопея, то вот вам ее высочайший образец, идеал и прототип!..»[26] Именно тогда, когда работа над первым томом «Мертвых душ» приближалась к концу, Гоголь создал вторую, окончательную редакцию «Тараса Бульбы» — превосходящую по объему первую почти в два раза и с еще большей отчетливостью обнаруживающую следы изучения писателем Библии и поэм Гомера[27]. Очевидно, что высказанное Белинским в 1842 г. в полемике с К. С. Аксаковым утверждение, что с Гомером у Гоголя «нет ничего общего»[28], диктовалось прежде всего тактическими соображениями. По наблюдению М. Я. Ермаковой, слова Белинского, сказанные в этой полемике, что «"Илиаду" может напомнить собою только такая поэма <...> в которой <...> жизнь *полагается*, а не *отрицается*», вполне могли быть применены, в соответствии с ранним определением, к «Тарасу Бульбе»[29]. Однако к прежнему своему высказыванию о «Тарасе Бульбе» как «гомерической эпопее» Белинский не вернулся. Выделяя впоследствии, в «Ответе "Москвитянину"», гоголевскую повесть из других созданий Гоголя (где писатель является «живописцем пошлости жизни») как произведение «высоко трагическое», Белинский подчеркивал, что «из всех известных произведений европейских литератур» пример подобного, как в «Тарасе Бульбе», «слияния серьезного и смешного, трагического и комического, ничтожности и пошлости жизни со всем, что есть в ней великого и прекрасного, представляет только "Дон-Кихот" Сервантеса»[30].

[1] В начале декабря 1840 г. (см. ***1840. Сентября начало — декабря начало <сентября средина — декабря средина>. Санкт-Петербург***).

[2] В. И. Шенрок полагал, что в этих строках «слышны отголоски» письма Гоголя к М. П. Погодину от 29 октября (н. ст.) 1840 г. из Рима: «По счастию, доктора нашли, что у меня еще нет чахотки... <...> Безумный, я думал, ехавши в Россию: Ну хорошо, что я еду в Россию, у меня уже начинает простывать маленькая злость, так необходимая автору, против того-сего, всякого рода разных плевел, теперь я обновлю, и все это живее предстанет моим глазам, и вместо этого что я вывез? Всё дурное изгладилось из моей памяти, даже прежнее, и вместо этого одно только прекрасное и чистое со мною, всё, что удалось мне еще более узнать в друзьях моих...» (см.: *Шенрок*. Т. 4. С. 34). Поскольку с сентября по начало декабря 1840 г. С. Т. Аксаков был в Петербурге (см. ***1840. Сентября начало — декабря начало <сентября средина — декабря средина>. Санкт-Петербург***), то вероятно, что содержание гоголевского письма было пересказано ему женой О. Сем. Аксаковой, в одном из ее писем в Петербург (содержание письма Гоголя глубоко поразило Ольгу Семеновну; см. ***1840. Ноября 28 <декабря 10>. Четверг. Москва***). Аксаков вспоминал: «Писем от Гоголя долго не было. Наконец пришло известие, что он был отчаянно болен <вероятно, подразумевается цитированное выше письмо Гоголя к Погодину от 29 октября (н. ст.) 1840 г.>, и вот письмо, которое я получил от него уже в январе 1841 года. "*Рим, декабря*

28 <*н. ст. 1840*>. Я много перед вами виноват, друг души моей Сергей Тимофеевич, что не писал к вам... <...> Я был тогда болен. <...> Теперь я пишу к вам, потому что здоров, благодаря чудной силе Бога, воскресившего меня от болезни, от которой, признаюсь, я не думал уже встать"» (*см.* ***1840. Ноября 28 <декабря 10>. Четверг. Москва***; *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 697).

[3] Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 253.

[4] См. ***1840. Сентября начало – декабря начало <сентября средина – декабря средина>. Санкт-Петербург***; ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим***. – Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2017. Т. 15. № 3.

[5] См. ***1839. Ноября 25. Суббота. Санкт-Петербург.***

[6] *Белинский В. Г.* Объяснение на Объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 430–431.

[7] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 11. С. 420; см. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 291.

[8] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 11. С. 527–528; см. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 382.

[9] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 11. С. 534; см. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 388.

[10] Подробнее см. ***1840. Января 2. Вторник. Москва*** (примечания).

[11] См. ***1847. Декабря 7 <19>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[12] Подробнее см.: ***1835. Мая после 4 – не позднее 10. Москва*** (примечания).

[13] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 215.

[14] *Белинский В. Г.* Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 359–360.

[15] *Белинский В. Г.* Объяснение на Объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 416.

[16] Там же. С. 419–420.

[17] См.: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1976. Т. 1. С. 322, 676–677.

[18] Там же. Т. 1. С. 63, 65, 116.

[19] Там же. Т. 1. С. 186.

[20] Там же. Т. 9. С. 17.

[21] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 262–267.

[22] См.: *Белинский В. Г.* Литературные мечтания // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 20–104.

[23] См.: *Белинский В. Г.* О русской повести и повестях г. Гоголя // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 262–267, 284; *Неверов Я.* Обозрение русских газет и журналов за первую половину 1835 года // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1836. № 8. С. 433.

[24] См. ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва.***

[25] См. ***1840. Января 2. Вторник. Москва*** (примечания).

[26] См. ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва.***

[27] См.: *Гоголь 2009.* С. 405, 499–500, 506, 513, 522, 534, 541, 546, 564–567, 574, 578, 581–583, 585, 622.

[28] См.: *Белинский В. Г.* Объяснение на Объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 415.

[29] *Белинский В. Г.* Объяснение на Объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 430; *Ермакова М. Я.* «Тарас Бульба» Гоголя как исторический роман-эпопея. Дис. ...канд. филол. наук. Горький, 1955. С. 267.

[30] *Белинский В. Г.* Ответ «Москвитянину» // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 10. С. 244.

ДЕКАБРЯ 13 <25>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Цензурное разрешение первого номера нового журнала «Москвитянин», где в заметке «Где наши литераторы?» М. П. Погодин сообщал:

«*Гоголь*, больной живет в Италии. Прошлого года он приезжал в Москву, прожил здесь полгода, и отправился опять в Рим»[1].

В этом же номере Погодин опубликовал стихи А. С. Пушкина: «Полезен Русскому здоровью / Наш укрепительный мороз. / Ланиты жарче вешних роз / Играют холодом и кровью»[2]. Возможно, эти строки подразу-

мевал Гоголь в «Шинели» (1842): «Есть в Петербурге сильный враг всех, получающих четыреста рублей в год жалованья или около того. Враг этот не кто другой, как наш северный мороз, хотя, впрочем, и говорят, что он очень здоров».

Позднее, 19 марта 1852 г., М. И. Гоголь писала Погодину: «Мне жаль, что я не получила *Москвитянина* на этот год, где иногда писали об нем, уверена, что и теперь будут писать. Вы мне всегда высылали его, я имею с первого года его издания все книги, потом сын мой выписывал мне; но теперь ему не до того было; он — готовился к лучшему миру; и потому посылаю следуемые за этот журнал пятнадцать рублей серебром и прошу вас покорнейше выслать все книги с начала генваря...»[3]

[1] <*Погодин М. П.*> Где наши литераторы? // Москвитянин. 1841. Ч. 1. С. 325; *Свод.* Т. 2. С. 475. — См. также ***1841. Июля 23. Москва.***

[2] Стихи были напечатаны Погодиным с примечанием: «Эти стихи удержались в моей памяти из одного стихотворения, которое Пушкин читал мне наизусть в Петербурге в 1828 году и которое хотел назвать, кажется, *Осеннее чувство.* — М. П<огодин>» (Десять неизвестных стихов Пушкина // Москвитянин. 1841. № 1. С. 74). — См. также: *Пушкин А. С.* Осеннее чувство // Соч. А. Пушкина. СПб., 1841. Т. 9 (цензурное разрешение 29 апр. 1840 г.). С. 141.

[3] *Свод.* Т. 1. С. 131.

ДЕКАБРЯ 15 <27>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

А. В. Кольцов сообщает В. Г. Белинскому в Петербург:

«Гоголь обещал прислать Погодину повесть[1], но еще не прислал. А Боткина брат[2] пишет, что он начал писать драму[3]; интерес взят из малороссийской истории, и что много написал и скоро кончит. Для кого написал он? Кому отдаст? Неизвестно».

Гоголь в письмах А. В. Кольцова // *Свод.* Т. 1. С. 807.

[1] «Рим».

[2] Николай Петрович Боткин (1813–1869).

[3] Имеется в виду драма из эпохи Богдана Хмельницкого (см. ***1840. Ноября около 11 <октября около 30>. Рим***).

ДЕКАБРЯ 28 <16>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь пишет в Москву ответные письма С. Т. и К. С. Аксаковым и М. П. Погодину[1].

В письме к С. Т. Аксакову Гоголь сообщал о своей болезни (в Вене[2]) и добавлял: «Теперь я пишу к вам, потому что здоров... <...> Я, кажется, не получу места, о котором, помните, мы хлопотали и которое могло бы обеспечить мое пребывание в Риме[3]. <...> Но <...> я рад всему, всему, что ни случается со мною в жизни, и как погляжу я только, к каким чудным пользам и благу вело меня то, что называют в свете неудачами, то растроганная душа моя не находит слов благодарить Невидимую руку, ведущую меня. <...>

Я теперь приготовляю к совершенной очистке первый том "Мерт<вых> Душ". Переменяю, перечищаю, многое переработываю вовсе и вижу, что их печатание не может обойтись без моего присутствия. Между тем дальнейшее продолжение его[4] выясняется в голове моей чище, величественней, и теперь я вижу, что может быть со временем кое-что колоссальное, если только позволят слабые мои силы; по крайней мере верно немногие знают, на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначущий сюжет, которого первые невинные и скромные главы вы уже знаете. <...> В моем приезде к вам, которого значения я даже не понимал вначале, заключается много, много для меня. Да, чувство любви к России, слышу, во мне сильно. Многое, что казалось

мне прежде неприятно и невыносимо, теперь мне кажется опустившимся в свою ничтожность и незначительность[5], и я дивлюсь, ровный и спокойный, как я мог их когда-либо принимать близко к сердцу. И то, что я приобрел в теперешний приезд мой в Москву, вы знаете[6]! Что я разумею, Вам за этим незачем далеко ходить, чтобы узнать, какое это приобретение. Да, я не знаю, как и чем благодарить мне Бога... но уже когда я мыслю о вас и об этом юноше[7], так полном сил и всякой благодати [выражаясь фразой Языкова[8]], который так привязался ко мне, — я чувствую в этом что-то такое сладкое... но довольно. Сокровенные чувства как-то становятся пошлее, когда облекаются в слова. Я хотел было обождать этим письмом и послать вместе с ним перемененные страницы в "Ревизоре"[9] и просить вас о напечатании его вторым изданием, и не успел. <...> У меня почти дыбом волос, как вспомню, в какие я вошел долги. Я знаю, что вам подчас и весьма нужны деньги; но я надеюсь через неделю выслать вам переправки и приложения к "Ревизору", которые, может быть, заставят лучше покупать его. Хорошо бы, если бы он выручил прежде должные вам, а потом тысячу, взятую у Панова, которую я пообещал ему уплатить было в феврале. Панов молодец во всех отношениях, и Италия ему много принесла пользы, какой бы он никогда не приобрел в Германии, в чем он совершенно убедился; это не мешает довести между прочим до сведения кое-кого[10]. А впрочем, если рассудить по правде, то я не знаю, почему вообще молодым людям не развернуться в полноте сил [и в своей стихии] и в русской земле... <...>

Что Михаил Семенович <Щепкин>? Почему он не написал мне ни строчки, я не знаю даже, получил ли он пиесу[11] и доволен ли ею».

По мнению С. Т. Аксакова, это письмо Гоголя (которое «поразило всех <...> открытым выражением религиозного направления», о котором Гоголь «прежде не говорил»), явилось свидетельством нового периода в жизни писателя: «...Внутренняя основа всегда лежала в нем, даже в самых молодых годах; но она скрывалась... <...> Отсюда начинается постоянное стремление Гоголя к улучшению в себе духовного человека и преобладание религиозного направления...»[12]

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) Аксакова: «Что касается до места, которое мы все желали доставить Гоголю, то оно, кажется, вовсе не состоялось. Кривцов был назначен в Риме вроде какого-то попечителя и официального ходатая всех русских художников, там живущих. Гоголь хотел быть его помощником, которому предполагали определить жалованья с лишком две тысячи рублей ассигнац<иями>; получив такое место, Гоголь был бы обеспечен в своем существовании. Что же собственно разумел Гоголь под словами: "к каким чудным пользам и благу вело меня то, что называют в свете неудачами", то это обстоятельство осталось для меня неизвестным. Слова самого Гоголя утверждают меня в том мнении, что он начал писать "Мертвые Души" как любопытный и забавный анекдот; что только впоследствии он узнал, говоря его словами, "на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначущий сюжет"; что впоследствии, мало-помалу, составилось это колоссальное создание, наполнившееся болезненными явлениями нашей общественной жизни; что впоследствии почувствовал он необходимость исхода из этого страшного сборища человеческих уродов, необходимость — примирения... Возможно ли было исполнение такой задачи и мог ли ее исполнить Гоголь — это вопрос другой, к которому я обращусь в конце этих записок[13]. В словах Гоголя, что он слышит в себе *сильно чувство к России*, заключается, очевидно, указание, подтверждаемое последующими словами, что этого чувства у него прежде не было[14] или было слишком мало. Без сомнения, пребывание в Москве, в ее русской атмосфере, дружба с нами и особенно влияние Константина, который постоянно [доказывал] объяснял Гоголю, со всею пылкостью своих глубоких, святых убеждений — все значение, весь смысл Русского народа, были единственные тому причины. Я сам замечал много раз, какое впечатление производил он на Гоголя, хотя последний старательно скрывал свое внутреннее движение. Единственно в этом письме, в первый и последний раз, высказался откровенно Гоголь. И прежде и после этого письма он по большей части подшучивал над русским человеком. Есть еще доказательства этого Русского движения, образовавшегося в Москве именно в 1840-м году: в первом томе "Мертвых Д<уш>" многие места в этом духе очевидно вставлены и даже не совсем гармонируют с прежними речами. Под словами "*и то, что я приобрел в теперешний приезд мой в Москву*" Гоголь разумеет дружбу со мной и моим семейством; а под словами *юноша полный всякой благодати* — Константина»[15].

В 1854 г. П. А. Кулиш, читая предоставленные ему С. Т. Аксаковым мемуары о Гоголе, замечал: «После письма о болезни из Рима дек<абря> 28 (1840) сделать опровержение нелепого взгляда Дудышкина на полный состав плана «Мертвых Душ»[16] и пр., взяв в основание слова С<ергея> Т<имофееви>ча: "Слова самого Гоголя утверждают меня в том мнении, что он начал писать «Мертвые Души» как любопытный и забавный анекдот, что только впоследствии он узнал, говоря его словами, «на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначащий сюжет», что впоследствии мало-помалу составилось это колоссальное создание, наполнившееся болезненными явлениями нашей общественной жизни, что впоследствии почувствовал он необхо-

димость исхода из этого страшного сборища человеческих уродов, необходимость примирения... Возможно ли было исполнение этой задачи и мог ли ее исполнить Гоголь — это вопрос другой..."»[17]

Значение влияния на Гоголя своего сына Константина — в отношении «сильного чувства к России» — С. Т. Аксаков в своих мемуарах явно преувеличивает. Показательно, что из содержания тогдашних писем Гоголя к Аксаковым (комментируемого, к С. Т. Аксакову, — от 28 декабря (н. ст.) 1840 г., и позднейшего, к самому К. С. Аксакову, — от 25 марта (н. ст.) 1841 г.) следует прямо противоположный вывод: не К. С. Аксаков Гоголя, но Гоголь Аксакова убеждает в приоритете русских ценностей. В письме к Аксакову-отцу Гоголь намекает на неизжитое пристрастие Константина Аксакова к немецкой схластике (в конце октября 1838 г. тот вернулся в Россию после нескольких месяцев (с 16 июня 1838 г.) пребывания в Германии и Швейцарии[18]), а в письме к самому К. С. Аксакову выражает удовлетворение, что тот, преодолев, наконец, увлечение «немецкой философией», вступает на «прямо русскую дорогу»[19]. (Увлечение Константина Аксакова немецкими философами было заметно не одному Гоголю. 4 октября 1845 г. С. П. Шевырев, в частности, писал Гоголю о диссертации Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка»: «Хороший и большой труд, но во многом он был жертвою странного брожения мыслей. <...> Исторические взгляды и взгляды на народную жизнь и песню также весьма живые, светлые, новые. Но Гегель подпустил дыму, иногда и в мысль, а всего более в слог. <...> ...Гегель до сих пор всему мешает. Немцы напустили такого туману в эту славную русскую голову, что она до сих пор от того болит».)

Сам Гоголь с первых шагов в литературе (а также на педагогическом поприще) проявляет себя как глубокий, связанный с православной отечественной традицией мыслитель, главное место в раздумьях которого занимают судьбы русского народа и русской государственности. Профессор протопресвитер В. В. Зеньковский, почти полвека занимавшийся изучением гоголевского творчества, в своих работах относил Гоголя — не без оснований — к «зачинателям» славянофильского течения русской мысли[20]. К сожалению, «славянофильская» составляющая творчества Гоголя и христианское содержание его произведений, начиная с «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1831–1832), осталось для Аксаковых, как и для многих других читателей, закрытыми[21]. Даже наиболее благожелательно настроенный к Гоголю из всех Аксаковых И. С. Аксаков связывал начало его религиозного направления лишь с выходом «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847) и работой над вторым томом «Мертвых душ»: «2-й том должен разрешить задачу, которой не разрешили все 1847 лет христианства» (Аксаков подразумевал задачу соединения «христианства и художества», или «примирения» «искусства с религией»)[22]. Ю. Ф. Самарин, в свою очередь, в 1859 г. писал А. О. Смирновой: «Вспомните Гоголя, который изнемог, когда почуял громадность задачи, выросшей перед ним, задачи обновления художества в живой струе христианства. Все же он один ее почуял, тогда как ни Гете, ни Байрон, никто и не подозревал. И много еще падет, исчахнет благородных деятелей и передовых людей, которых вся беда состоять будет в том, что русская грудь одного человека не вместит в себе задачи, заданной целому народу[23]. Но, наконец, озарит же когда-нибудь, и весь народ сознает свое призвание»[24].

В письме к К. С. Аксакову Гоголь замечает: «Посылаю вам поцелуй, милый Константин Сергеевич, за ваше письмо. Оно сильно кипит русским чувством и пахнет от него Москвою, несмотря на то, что не выставлено ни месяца, ни дня. Зазывы ваши на снега и зиму тоже не без увлекательности, и почему ж иногда не позябнуть? Это [иногда] часто бывает здорово. Особливо, когда внутреннего жару[25] и горячих чувств вдоволь».

В послании к Погодину Гоголь пишет: «Утешься! Чудно-милостив и велик Бог: я здоров. Чувствую даже свежесть, занимаюсь переправками, выправками и даже продолжением Мертвых душ, вижу, что предмет становится глубже и глубже. Даже собираюсь в наступающем году печатать первый том, если только дивной силе Бога, воскресившего меня, будет так угодно. Многое совершилось во мне в немногое время, но я не в силах теперь писать о том, не знаю почему. <...> Письмо твое утешительно. Благодарю тебя за него! растроганно, душевно благодарю. Я покоен. Свежий воздух и приятный холод здешней зимы действуют на меня животворительно. Я так покоен, что даже не думаю вовсе о том, что у меня ни копейки денег. Живу кое-как в долг. Мне теперь всё трынь-трава. Если только мое свежее состояние продолжится до весны или лета, то может быть, мне удастся еще приготовить что-нибудь к печати[26], кроме первого тома Мерт<вых> д<уш>. Но лето, лето... Мне непременно нужна дорога. Дорога, далекая. <...> Обними за меня Елисавету Васильевну[27] от всей души».

[1] См. ***1840. Ноября 28 <декабря 10>. Четверг. Москва.***
[2] См. ***1840. Августа вторая половина — конец <августа начало — средина>. Вена.***
[3] См. ***1840. Февраля 1. Четверг. Москва.***

[4] Работа над вторым томом была начата в 1839–1840 гг. (см. ***1838. Июль – августа до 14 <июня конец – августа до 2>. Кастелламаре*** – примечания).

[5] См. также ***1839. Сентября 22 <10>. Воскресенье. Вена.***

[6] См. также ***1839. Сентября 28. Четверг. Москва, д. Аксиньино, Москва.***

[7] К. С. Аксакове.

[8] Из послания Н. М. Языкова «Д. В. Давыдову»: «...Вырос ты и полетел, / Полон всякой благодати...»

[9] См. также ***1840. Октября 29 <17>. Четверг. Рим***; ***1841. Января 31 <февраля 12>. Пятница. Москва.***

[10] Намек на К. С. Аксакова, увлекавшегося немецкой философией (см. также ***1841. Марта 25 <13>. Четверг. Рим***).

[11] См. ***1840. Сентября 10 <августа 29>. Четверг. Венеция.***

[12] См. ***1840. Августа вторая половина – конец <августа начало – средина>. Вена.***

[13] Намерения своего Аксаков не исполнил; «История нашего знакомства с Гоголем...» была доведена им только до 1843 г.

[14] В этом суждении С. Т. Аксаков вполне сходился с провокационным мнением В. Г. Белинского, которое тот, вероятно, высказал Аксакову в том же 1840 г., во время посещения последним Петербурга (см. ***1840. Сентября начало – декабря начало <сентября средина – декабря средина>. Санкт-Петербург***; ***1840. Декабря 11 <23>. Среда. Санкт-Петербург***).

[15] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 698–699.

[16] С. С. Дудышкин, критикуя «Опыт...» Кулиша, указывал: «Обозначать пределы литературной деятельности писателя, точные, ясные, как межевые знаки – нельзя: деятельность и образ воззрения писателя на искусство меняются мало-помалу и потому неудивительно, что некоторые места первого тома "Мертвых душ" также хорошо можно отнести к третьему периоду деятельности Гоголя, как и самую его "Переписку". <...> Припомним, что *полная* программа "Мертвых Душ" начертана автором уж в то время, когда он приступил к первому тому (в котором должны были быть "все люди ничтожные"); припомним, что вместе с программой тот же автор начертал для себя другую, нравственную программу постоянного развития (посредством освобождения от недостатков, как только они изображены в действующих лицах)» (*Дудышкин С. С.* Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение Николая М. Санктпетербург. 1854 // Отечественные Записки. 1854. № 11 (цензурное разрешение 1 ноября). Отд. 3. С. 10, 27). – Критику Дудышкиным «Опыта биографии Н. В. Гоголя...» Кулиша см. также: ***1837. Марта 1–2 <февраля 17–18>. Среда-четверг. Париж.***

[17] *Аксаков С. Т.* Из истории нашего знакомства с Гоголем <1832–1840 гг.>. <Выписки рукою П. А. Кулиша>. <Конец ноября – начало декабря 1854 г.> // *Свод.* Т. 2. С. 657. См. также: *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 638–639 (примечание).

[18] См. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим.*** – 4/16 июля 1838 г. К. С. Аксаков, в частности, писал родным из Дрездена: «Ах, Дрезден, Дрезден! Какой прекрасный город! Здесь только явилась мне дорогая моя Германия, с которой я так давно знаком, и которую увидал наконец. <...> Сейчас был я в *Большом Саду*. Как хорошо! Какой чудный вид на горы! <...> Я стоял, и Шиллер, Гофман, Гете, Фихте проходили мысленно передо мною. <...> Все величие, вся бесконечная сторона Германии, встала тогда передо мною. <...> Я купил Гофмана Elixire des Teufels (Чортов элексир)...» (Неизданные письма из-за границы К. С. Аксакова, 1838 года, с примечаниями Г. М. Князева (продолжение) // Космополис. (Cosmopolis). СПб., 1898. Т. 10. № 4. Апрель. С. 82–83). На следующий день Аксаков добавлял: «Да, мне свободно здесь, в этом германском элементе, и, вероятно, из всех народов только один германский, может быть <нам> так близок. <...> Здесь национальность перестает быть препятствием; здесь истинно жизнь общая. <...> ...Я русский, русский, остаюсь русским, но теперь только в Германии (т. е. в просвещении ее) могу находить такую полную отраду и потом идти своим путем...» (Там же. С. 84–85). В письме от 3 августа (н. ст.) 1838 г. из Базеля Аксаков сообщал: «...Скажу вообще, что Германия не только не проиграла, но выиграла в моем путешествии: узнав ближе немцев, я больше полюбил их» (Неизданные письма из-за границы К. С. Аксакова, 1838 года, с примечаниями Г. М. Князева (продолжение) // Космополис. (Cosmopolis). СПб., 1898. Т. 11. № 7. Июль. С. 83). – О том, какова могла бы быть (или была на самом деле) полемика Гоголя с Константином Аксаковым по поводу Германии – а также по поводу Шиллера и Гофмана, чрезвычайно чтимых в то время Аксаковым, можно судить как из содержания повести Гоголя «Невский проспект» (1834) (см., в частности: ***1833. Сентября вторая половина. Санкт-Петербург***; ***1831. Августа 21. Пятница. Санкт-Петербург***), так и из многолетнего спора Гоголя по тому же поводу с М. П. Балабиной (см. ***1836. Июня 28 <16>. Вторник. Гамбург*** – примечания). – См. также ***1848. Ноября 28. Воскресенье. Москва.***

[19] см. ***1841. Марта 25 <13>. Четверг. Рим.***

[20] См.: *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа. (Критика европейской культуры у русских мыслителей). Париж, <1926>. С. 63; *Зеньковский В.*, проф., прот. Н. В. Гоголь. Париж, <1961>. С. 205). – См. также: *Виноградов И. А.* Гоголь и славянство (К проблеме языкового единства славян) // Язык классической литера-

туры. М., 2007. Т. 1. С. 5–24; *Виноградов И. А.* Гоголь о единстве славян // Гоголь и традиционная славянская культура. Двенадцатые Гоголевские чтения. Новосибирск, 2012. С. 20–27; *Виноградов И. А.* Н. В. Гоголь как славянофил: Славянская тема в наследии писателя // Проблемы исторической поэтики. Вып. 12: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XXI веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 9. Сборник научных трудов. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2014. С. 199–219; ***1846. Сентября 16 <28>. Понедельник*** (примечания).

[21] Подробнее о религиозном характере произведений Гоголя, включая самые ранние, см.: *Виноградов 2000*; *Виноградов И. А.* ...И по ту, и по эту сторону Диканьки // Творчество Н. В. Гоголя в контексте православной традиции: Коллективная монография / Науч. ред., сост., предисл. Г. В. Мосалевой. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. С. 117–182.

[22] См. ***1847. Января 25 <февраля 6>. Вселенская родительская суббота. Калуга***; ***1848. Ноября 10. Среда. Одесса***.

[23] В письме к Смирновой от 13 марта 1859 г. Самарин замечал: «Нельзя же не признать, что во всей Европе существует только один народ, носящий Христа в душе своей, только один, для которого не порвалась нить, связывающая земное с небесным, которого взоры беспрестанно сами собой обращаются кверху, а пальцы складываются для крестного знамения при всяком событии грустном и радостном» (Из писем Ю. Ф. Самарина // *Свод.* Т. 3. С. 218).

[24] Из писем Ю. Ф. Самарина // *Свод.* Т. 3. С. 218.

[25] Ср. ***1836. Июня 28 <16>. Вторник. Гамбург*** (примечания).

[26] Имеется в виду драма из эпохи Богдана Хмельницкого (см. ***1840. Ноября около 11 <октября около 30>. Рим***; ***1840. Декабря 15 <27>. Воскресенье. Москва***).

[27] Жена Погодина.

ДЕКАБРЯ 17 <29>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Гоголь не печатает совсем не потому, что не уверен в сбыте или не догадается на это пуститься, а потому, что он упрям[1], как малороссийский бык, и самолюбив, яко сатана. Ему померещилось, что для довершения славы его не нужно при жизни его печатать ни строчки: вот он и умирает с голоду, *а через закон свой* не переступает, подобно Матрене Семеновне в "Ярмарке"»[2].

Свод. Т. 1. С. 660.

[1] См. также: ***1846. Января 6 <18>. Воскресенье. Праздник Крещения Господня. Москва*** (письмо С. П. Шевырева к С. Т. Аксакову); ***1852. Февраля 7. Четверг масленицы. Москва*** (свидетельство А. Д. Галахова).

[2] Матрена Семеновна, героиня повести Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Ярмарка», впервые опубликованной в плетневском «Современнике» (*Основьяненко.* Ярмарка // Современник. 1840. Т. 20. Отд. VI. С. 146–290).

ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ <СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА – ДЕКАБРЯ СРЕДИНА>. РИМ

Ф. А. фон Моллер пишет свой первый[1] портрет Гоголя[2].

Много лет спустя, 3 августа 1870 г., Ф. А. фон Моллер писал П. М. Третьякову: «...Я на днях только возвратился в Петербург и привез с собою снятый мною с натуры портрет Николая Васильевича Гоголя. Согласно Вашему желанию, платье оставлено мною неоконченным и вообще весь портрет оставлен мною в том виде, в каком он был, когда я его снимал с натуры — без всякого изменения»[3].

По мнению Л. А. Маркиной, портрет написан «во время одного из путешествий в римских окрестностях»: «На это указывает одежда изображенного: Гоголь закутан в дорожный плащ. О том, что это натурный этюд, свидетельствует непосредственность восприятия модели, особенности живописи (едва намеченный фон, применение пастозных быстрых мазков). Лицо сильно освещено лучами заходящего солнца. На губах улыбка, загадочная и несколько саркастическая. Голова писателя слегка наклонена вниз, взгляд исподлобья»[4].

В 1973 г. И. Н. Бочаров и Ю. П. Глушакова опубликовали и описали также неизвестный портрет Гоголя, хранящийся в частной коллекции в Италии: «Русскому живописцу, входившему в круг гоголевских приятелей по Риму, видимо, принадлежит <...> находящаяся в одном зарубежном собрании миниатюра писателя, написанная масляными красками на холсте. Гоголь изображен с длинными волосами, которые он стал носить с 1840 года. На нем темный сюртук и белая рубашка. По своему типу этот портрет ближе всего к работам Александра Иванова[5], наиболее верно передающим облик писателя. Но лицо его дано в ином развороте, который встречается на портретах Ф. Моллера. Совпадает с одной из работ Моллера (вариант Ивановского областного музея) и прическа Гоголя, с правым пробором, на миниатюрном изображении, тогда как на всех остальных портретах писателя, созданных после 1840 года, пробор у него на левой стороне. Этим, собственно, исчерпывается общность миниатюры с работами Моллера. Перед нами, по-видимому, произведение какого-то другого русского художника, общавшегося с писателем в Риме и оставившего нам его неизвестный прижизненный портрет, написанный с натуры. Заметим, что до сего времени специалистами по иконографии Н. В. Гоголя были выявлены только две миниатюры с прижизненным изображением писателя. Одна из них до революции находилась в частном собрании в Баку и ныне утрачена[6]. Бакинский портрет был написан маслом на картоне, и Гоголь на нем в другом костюме, нежели на вновь открытой работе. Не совпадает изображение писателя на зарубежном портрете и с миниатюрой на слоновой кости, которая в настоящее время хранится в музее Института русской литературы (Ленинград). Предполагать, что наша зарубежная миниатюра была выполнена с натуры, позволяет <...> то, что она не повторяет ни один из известных достоверных портретов Гоголя»[7].

[1] См. также ***1840 конец – 1841 начало. Рим.***

[2] В настоящее время этот портрет, с подписью художника: «Ф. фон Моллер. Рим. 1840», – находится в Ивановском областном художественном музее.

[3] Гоголь в письмах Ф. А. фон Моллера // *Свод.* Т. 3. С. 391.

[4] *Маркина Л. А.* Живописец Федор Моллер. М., 2002. С. 61.

[5] См. ***1841. Январь – августа средина <январь – августа начало>. Рим.***

[6] Имеется в виду миниатюра из собрания М. В. Горохового (см.: *Машковцев.* С. 149).

[7] *Бочаров И., Глушакова Н.* Гоголь в Риме // Советский музей. 1983. № 2 (74). С. 73; см. также: *Бочаров И., Глушакова Ю.* Там, где родился образ птицы-тройки // Встречи с прошлым. С. 88; *Бочаров И. Н., Глушакова Ю. П.* Итальянская пушкиниана. С. 256.

1840 ДЕКАБРЯ 22 <1841 ЯНВАРЯ 3>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Ревизора» актерами Малого театра на сцене Большого театра.

«22 <декабря>. Бол<ьшой> т<еатр>. Ревизор, к<омедия> в 5 д<ействиях>; Две кормилицы, вод<евиль> в 1 д<ействии>».

Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, с 1 декабря 1840 по 1 января 1841 // Репертуар Русского Театра на 1841 год, издаваемый И. П. Песоцким. СПб., 1841. Кн. 1 (цензурное разрешение 31 января 1841). <Отдельная пагинация>. С. 2; см. также: *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1897 гг.> // *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1852.

1841 ЯНВАРЯ 7 <1840 ДЕКАБРЯ 26>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Гоголь в письме в Петербург к конференц-секретарю Императорской Академии художеств В. И. Григоровичу благодарит Общество поощрения художеств за избрание 9 марта 1839 г. в члены-корреспонденты[1], однако просит исключить его из числа «поощрителей»:

«Теперь только доставили мне из здешнего посольства залежавший<ся> там пакет на мое имя, содержащий бумагу об избрании меня в члены-корреспонденты. Вследствие чего обращаюсь с убедительнейшею просьбою к вам: передать обществу мою искреннейшую благодарность за внимание, мне оказанное, а вместе с тем и сожаление, видя невозможность участвовать в его похвальных занятиях по трем важным причинам. Во-первых, по причине, что предмет занятий для меня чужд и

вовсе посторонен, во-вторых, по причине совершенного расстройства моего здоровья и неимения времени и, в-третьих, по причине моего отъезда из Рима[2] — обстоятельство, разрушающее само собою значение корреспондента. И потому прошу вас изгладить мое имя, попавшее незаконно в ряды почтенных поощрителей. <...> ...Уверен, что общество по благородству мыслей свои<х> не припишет отказ мой чему-нибудь дурному».

[1] См. ***1839. Марта 9 <21>. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1839. Июля 5 <17>. Среда. Санкт-Петербург.***
[2] Ср. ***1841. Августа средина <августа начало>. Рим.***

1841 ЯНВАРЯ 11 <1840 ДЕКАБРЯ 30>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВЕНА

Н. А. Мельгунов пишет Н. М. Языкову:

«Искренно благодарю Вас за литературные новости. Разве в самом деле Гоголь не написал романа “Мертвые души”? Откуда же взял Шевырев, который слышал 17-ю главу и многие другие? В переводе “Ятагана”[1] я грешен! “Бульбу” также сбирался перевесть с Кёнигом, да меня уведомил Фарнгаген из Берлина[2], что эта повесть, как и весь “Миргород”, там переводится. <...> Где помещен перевод “Бульбы”?»

Гоголь в письмах Н. А. Мельгунова // *Свод.* Т. 1. С. 761.

[1] «Ятаган» — повесть Н. Ф. Павлова, переведенная на немецкий язык Н. А. Мельгуновым.
[2] На самом деле об этом ошибочно уведомил Мельгунова в письме из Берлина Я. М. Неверов (см. ***1839. Апреля 10 <марта 29>. Среда***).

1841 ЯНВАРЯ 12 <1840 ДЕКАБРЯ 31>. ВТОРНИК. РИМ

В. А. Панов пишет К. С. Аксакову в Москву:

«По письмам, которые Николай Васильевич получил от Сергея Тимофеевича[1] и недавно от Вас, я узнал, что Вы постоянно еще пребываете в Москве, а то прежде я думал, что Вы, может быть, с сентября уже в Берлине, как Вы твердо были уверены при моем отъезде».

Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод.* Т. 2. С. 162. — Письмо не дописано и, по-видимому, осталось неотправленным.

[1] Письма С. Т. Аксакова к Гоголю за этот период не сохранились.

1840 ДЕКАБРЯ 31 <1841 ЯНВАРЯ 12>. ВТОРНИК. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«К к<нязю> Голицыну. <...> Говорил с Кривцовым, и о Библиотеке для художников в Риме[1]. Князь очень любезен, но я не мог при Кривцове, просить его о расссылке по частям».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1840–1841 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 472.

[1] См. «Реестр книгам, отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года Июля 11 дня» Погодиным в т. 9 Полн. собр. соч. и писем Гоголя в 17 т. (*Гоголь 2009–2010*). — Первая половина книг, приобретенная Погодиным на средства купца-благотворителя А. И. Лобкова, была получена в Риме в начале 1842 г. (см. ***1842. Января 23 <11>. Воскресенье. Рим***); вторая половина — в конце 1842 г. (см. ***1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим***).

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ЯРОСЛАВЛЬ

«Ревизор» поставлен Ярославле.

Клинчин. С. 153.

1840 КОНЕЦ – 1841 НАЧАЛО. РИМ

Гоголь, предположительно, пишет начало незавершенного произведения <Семен Семенович Батюшек>[1].

Отрывок <Семен Семенович Батюшек>, местом действия которого избран «заштатный городишко Погар», напоминает своим содержанием «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». По-видимому, в связи с продолжающейся работой над драмой из эпохи Богдана Хмельницкого[2] (послужившей позднее основой для второй редакции «Тараса Бульбы»[3]), Гоголь возвращается к «малороссийской» проблематике «Миргорода» в целом – в его «сатирическом» и утверждающем пафосах одновременно.

Предположительно в этот же период[4] Ф. А. фон Моллер создает два новых[5] портрета Гоголя. Один из них (который Гоголь подарил впоследствии Хомяковым[6]), изображает писателя в красно-коричневом халате и рубашке, с застегнутым отложным воротником[7].

Отмечено «полное сходство костюма с костюмом на известных портретах Иванова»[8] 1841 г.[9] В 1955 г. Н. Г. Машковцев замечал: «Зная уровень художественных возможностей Моллера и учитывая отношение к нему Иванова, можно предположить самую широкую помощь Иванова молодому художнику, которому покровительствовал Гоголь. Этим, думается, можно объяснить ряд особенностей <...> портрета, от которых потом так решительно и даже изобретательно отступил Моллер в позднейших вариантах. По отношению к ним <...> портрет является этюдом...»[10]

Еще один портрет, написанный тогда же Моллером[11], тоже представляет Гоголя в домашней обстановке. Писатель изображен в полосатом халате, в белой рубашке, с широко распахнутым отложным воротником[12].

[1] См. ***1839. Июля 12 <июня 30>. Пятница. Ганау***.

[2] См. ***1840. Ноября около 11 <октября около 30>. Рим***; ***1841. Августа около 26 <около 14>. Дюссельдорф, Франкфурт***.

[3] См.: *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009*. С. 436–455; *Гоголь 2009–2010*. Т. 7. С. 779–787.

[4] См.: *Машковцев*. С. 138–139, 151.

[5] См. также ***1840. Октябрь-декабрь <сентября средина – декабря средина>. Рим***.

[6] См. ***1842. Мая 21. Четверг. Москва***.

[7] В настоящее время этот портрет находится в Государственном Историческом музее в Москве. «В собрании ГИМа имеется изображение Н. В. Гоголя, совпадающее с работой кисти А. А. Иванова. Композиционно близок поворот головы, прическа (пробор сделан на другую сторону) и одежда (халат, белая рубашка). (Впервые на это сходство указал М. Н. Сперанский в работе: Портреты Н. В. Гоголя. Альбом, изданный Обществом любителей русской старины. М., 1909. С. 13.) Произведение не имеет ни подписи, ни даты исполнения. До революции полотно принадлежало наследникам А. С. Хомякова. Портрет висел в доме публициста-славянофила на Собачьей площадке, где в 1920 году открылся музей дворянского быта 1840-х годов (филиал Исторического музея). В каталоге и путеводителе названного музея произведение значилось работой Ф. Моллера. В атрибуции сказалась устная традиция, идущая от Хомяковых, а также свидетельство С. Т. Аксакова: "Таким схвачен он <Гоголь> на портрете Моллера, который, верно, ты видел у Хомякова. Таким бывает он в счастливые минуты творчества <см. ***1850. Марта 1. Среда. Москва***>". Н. Г. Машковцев высказал мнение, что "хомяковский" экземпляр написан Моллером под непосредственным наблюдением А. А. Иванова, который "оказал своими профессиональными советами помощь молодому художнику" (*Машковцев*. С. 140). Исследователь не исклю-

чал, что друзья-художники одновременно писали Гоголя, а в других изображениях литератора Моллер отступил от “ивановского” образца “решительно и даже изобретательно”. Однако это “отступление” объясняется, на наш взгляд, тем, что экземпляр из ГИМа написан не Моллером, а другим художником. В портрете отсутствует элемент натурного позирования, а также характерные черты живописного авторского почерка» (*Маркина Л.* Гоголь среди художников // Наше наследие. 2009. № 89/90. С. 40). «По нашему мнению, экземпляр из Исторического музея нуждается в комплексном исследовании и с большой натяжкой может быть приписан кисти Моллера» (*Маркина Л. А.* Живописец Федор Моллер. М., 2002. С. 71).

В конце мая 1842 г. К. С. Аксаков, сообщая Ю. Ф. Самарину об отъезде Гоголя 23 мая 1842 г., также замечал: «Поехал он необыкновенно ясен, почти с торжественным видом. Он похож был на свой портрет, который у Хомякова» (см. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***).

[8] *Машковцев.* С. 139.

[9] См. ***1841. Январь – августа средина <январь – августа начало>. Рим.***

[10] *Машковцев.* С. 153–154.

[11] *Маркина Л. А.* Живописец Федор Моллер. М., 2002. С. 64.

[12] В настоящее время портрет хранится в Государственном Русском Музее в Петербурге.

ЯНВАРЯ 2 <14>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«2 <января>. Ал<ександринский> т<еатр>. Ревизор, к<омедия> в 5 д<ействиях>; Харьковский жених, вод<евиль> в 2 д<ействиях>; Покойная ночь, шут<ка> вод<евиль> в 1 д<ействии>».

Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, с 1 января 1841 по 1 марта 1841 // Репертуар Русского Театра на 1841 год, издаваемый И. П. Песоцким. СПб., 1841. Кн. 2 (цензурное разрешение 27 февраля 1841). <Отдельная пагинация>. С. 1.

ЯНВАРЯ НАЧАЛО, ПОСЛЕ 3 <ПОСЛЕ 15>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

М. Г. Карташевская пишет В. С. Аксаковой:

«Сегодня Гришенька <Г. С. Аксаков> принес мне 1 № “Отечественных Записок”[1], и так как он принес мне его ненадолго, то я успела только прочесть повесть “Саламандра” <князя В. Ф. Одоевского> <...> В этой же книге есть опять критика Б<елинского>, и, пробежав листы, я видела имя Ломоносова. Теперь мне досадны его глупые слова»[2].

Под «глупыми словами»[3] М. Г. Карташевская, очевидно, подразумевала следующую фразу В. Г. Белинского о М. В. Ломоносове в статье «Русская литература в 1840 году»: «Что же до его прозы – трудно решить, больше вреда, или больше пользы оказал он русскому языку, заковав его в чуждое ему построение латинских и немецких периодов»[4].

[1] Номер вышел в свет 3 января 1840 г.

[2] *Розенблум Н.* Белинский в неизданной переписке современников // Русская литература. 1962. № 1. С. 201; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 811.

[3] См. также ***1841. Января около 8 <около 20>. Москва.***

[4] Отечественные Записки. 1841. № 1. Отд. 5. С. 7.

ЯНВАРЯ ОКОЛО 8 <ОКОЛО 20>. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет отцу и матери, С. Т. и О. Сем. Аксаковым:

«Что это написано о Ломоносове в “Отеч<ественных> зап<исках>”? Константин, вероятно, взбесится на это?..»[1]

Можно было бы предположить, что В. С. Аксакова имела в виду напечатанную в № 11 «Отечественных Записок» за 1840 г. (цензурное разрешение 14 ноября) рецензию В. Г. Белинского на трехтомное собрание сочинений М. В. Ломоносова, вышедшее в свет в 1840 г. В рецензии Белинский заявлял, что «в трудах и жизни Ломоносова гораздо больше поэзии, чем в его вдохновениях, принявших на себя форму тяжелых стихов», и утверждал, что Ломоносов «не нужен публике»[2]. В таком случае письмо Аксаковой следовало бы датировать 4 декабря 1840 г. Однако вероятнее, что письмо к родителям она написала после получения послания М. Г. Карташевской от начала 1841 г.[3]

Реакцию К. С. Аксакова на сообщение сестры см. в его письме к отцу: ***1841. Января средина <января конец>.*** Позднее по поводу сходных суждений Белинского о поэзии Г. Р. Державина отрицательно отозвался о критике и Гоголь[4].

[1] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 811.

[2] <*Белинский В. Г.*> Собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова // *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 3. С. 445–446.

[3] См. ***1841. Января начало, после 3 <после 15>. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1842. Марта 31. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания).

ЯНВАРЯ СРЕДИНА <ЯНВАРЯ КОНЕЦ>

К. С. Аксаков пишет отцу:

«Я не читал статьи Белинского о Ломоносове[1], потому что не получил “О<течественных> Записок” этого номера. Я воображаю, что наврано о Ломоносове; на это точно надо отвечать диссертацией[2]. Я очень хорошо понимаю таких людей, как Белинский: мне теперь ясно довольно (кажется) стало, какой смысл имеет этот кружок, в чем его *временная* польза, достоинство и в чем нелепость и ложь [кажется прошло время] теперь уже Белинского и пр<очих> толки и часто вранье становится не ко времю; теперь оно делает уже вред с некоторым ограничением. Но об этом я теперь не стану распространяться, а предвижу, что мы с Белинским так схватимся литературно[3], как еще никто с ним не схватывался; надо Б<елинского> определить и поставить на его место, какое он занимает. Или мы с Белинским навсегда разделимся, или он уступит мне, а я уж ему не уступлю. Но это мне никогда не будет мешать отдавать ему должное достоинство».

Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 790.

[1] См. ***1841. Января около 8 <около 20>. Москва.***

[2] Подразумевается диссертация К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (М., 1846) (см. также ***1840. Июня 10 <22>. Понедельник. Москва***).

[3] См.: *Виноградов И. А.* Спор К. С. Аксакова и В. Г. Белинского: Культурно-исторические аспекты полемики о жанре «Мертвых душ» // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии / Нежинский гос. ун-т им. Н. Гоголя, Гоголеведческий центр; Ин-т литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины. Нежин, 2012. Вып. 2 (19). С. 17–75.

ЯНВАРЯ 17 <29>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Вечер у Томашевского[1], который засадил меня играть в бостон с тремя Немцами. Прескучно, но все-таки я взял с них свою дань, наблюдав их внимательно. Подлинно, это деревянные Тедески[2]. Вот прототип[3] чиновников»[4].

В тот же день С. Т. Аксаков отвечал В. А. Панову:

«Как восхитили Вы меня извещением[5], что Николай Васильевич читал Вам начало своей драмы[6]! Слава Богу! Признаюсь, однако, мне сдается, что это прежнее его создание, а не новое! Он

еще в Петербурге мне говорил, что драма у него совсем готова[7], даже одеяние, и что стоит только написать, но для этого нужно, если не вдохновение, то расположение, которого в Москве он никак не мог почувствовать»[8].

[1] Антон Францевич Томашевский (1803–1883), заведующий почтовым училищем и цензор иностранных газет на Московском почтамте.

[2] Tedesco (*ит.*) – немец. Погодин вспоминает стихотворное послание Н. М. Языкова «К К. К. Павловой», неоднократно читанное Гоголем в 1840 г. друзьям и затем переданное Погодину для публикации в «Москвитянине»: «...Италии народ певучий, удалой, / И деревянные тедески!» (см. письмо Е. М. Хомяковой к Языкову от мая 1840 г.: ***1840. Мая средина. Москва***; письмо В. А. Панова к К. С. Аксакову от 27 июня – 8 июля (н. ст.) 1840 г.: ***1840. Мая 18. Суббота. Москва, Перхушково***; и коммент. к письму Языкова брату от 16 февраля (н. ст.) 1843 г.: ***1843. Февраля 16 <4>. Четверг. Рим***). Ср. также строки из статьи Ф. И. Тютчева «Россия и Революция» (1848) о немецких реформаторах: «Итальянцы <...> с неизменным упорством продолжают видеть в них <...> *Tedeschi* и *Barbari*...» (*Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М., 2003. Т. 3. С. 152; см. также: *Тютчев Ф. И.* Россия и Запад: Книга пророчеств. Статьи, стихи. М., 1999. С. 142); и из главы «Италия» (1849) незавершенного трактата Тютчева «Россия и Запад»: «Две вещи по обыкновению одинаково ненавидимы в Италии: *tedeschi* и *preti* <священники; *ит.*>« (*Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 3. С. 189; см. также: *Тютчев Ф. И.* Россия и Запад: Книга пророчеств. С. 73).

[3] В 1882 г. Н. Я. Аристов писал по поводу образа Акакия Акакиевича в повести Гоголя «Шинель»: «Мелкое чиновничество тянулось за крупным и подражало ему во всем <...> Созданное искусственно на бюрократический немецкий лад, оно размножало класс нищих в Петербурге, как прекрасно изображено в повести "Шинель"...» (*Аристов Н. Я.* Иноземное влияние в России, изображенное Гоголем в его сочинениях // *Аристов Н. Я.* Сочинения Н. В. Гоголя со стороны отечественной науки. СПб., 1887. С. 96).

[4] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1840–1841 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 472.

[5] В письме от 21 ноября (н. ст.) 1840 г. (см. ***1840. Ноября около 11 <октября около 30>. Рим***).

[6] Имеется в виду драма из эпохи Богдана Хмельницкого.

[7] Ср. ***1839. Ноября 26. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[8] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 581.

ЯНВАРЯ 18 <30>. СУББОТА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Письмо от Гоголя[1], который выздоровел и пишет, но не присылает»[2].

В 1855 г., в наброске воспоминаний о Гоголе, Погодин также замечал: «1841. Я начал издав<ать> журн<ал>. Хладнокров<ие> его произв<одило> во мне против<ное> впечатл<ение>. Начал подозр<евать> эгоизм»[3].

[1] См. ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[2] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1840–1841 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 472. – Подразумевается присылка Гоголем его произведений в журнал «Москвитянин», издание которого началось с января 1841 г. (цензурное разрешение первого номера 13 декабря 1840 г.; см. ***1840. Декабря 13 <25>. Пятница. Москва***). – См. также ***1841. Февраля 2 <14>. Понедельник. Праздник Сретения Господня. Москва.***

[3] *Погодин М. П.* <Набросок воспоминаний о Гоголе> // *Свод.* Т. 2. С. 520.

1840 СЕНТЯБРЯ КОНЕЦ – 1841 ЯНВАРЬ <1840 СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА – 1841 ЯНВАРЯ СРЕДИНА>. РИМ

Гоголь в письма к П. И. Раевской в Петербург благодарит ее за письмо и заботы о проживающей в ее доме[1] сестре Елисавете:

«Вы упоминаете <...>, что Лиза живет в уединении и что Лизе это может быть не так весело. А я, напротив, вижу из ее писем, что ей слишком весело... <...> ...То воспитание <...>, которое приобре-

тает она, поживши с вами, <...> будет твердым сопутником вперед. <...> Я вновь буду вас просить, чтобы ей давали как можно более занятий в доме и около... <...> Порядок и исправность сделаются ее потребностью. Чтобы ей давать как можно больше хлопот и занятий, пусть Софья Николаевна <Молчанова>, Надежда Карловна <Зедергольм> от себя дают ей побольше приказаний. <...>

Ваше поручение насчет [белья закупки] мне будет вовсе незатруднительно, но я еще ничего не знаю, будет ли Бог так милостив ко мне, что обстоятельства мои позволят мне возвратиться на родину весною[2]. Прежние мои предположения сильно разрушились, и причиною была сильная моя опасная болезнь[3]... <...> Может быть, только месяца через два или три мне будет известно, остаюсь ли я <или> буду иметь возможность вновь увидеть Москву».

В этот же период Гоголь отправляет записку А. А. Иванову:

«Я сегодняшний вечер, к несказанному моему удовольствию, остаюсь дома; а потому, если только вам в кафе покажется скучно, то пожалуйста ко мне и заберите с собою, коли попадете <Н. П.> Бот<кина>, <В. А.> Панов<а>[4], <Ф. И.> Иордана. Всем им буду рад, а домино лежит на столе».

[1] См. ***1840. Мая 10. Пятница. Москва***.
[2] Гоголь просил Раевскую принять его сестру на пять месяцев (см. ***1840. Апреля 27. Суббота. Москва***; ***1840. Мая 10. Пятница. Москва***).
[3] См. ***1840. Августа вторая половина – конец <августа начало – средина>. Вена***.
[4] С февраля (н. ст.) 1840 г. В. А. Панов переехал на квартиру Гоголя (см. ***1841. Февраль <января вторая половина – февраля средина>. Рим***). На этом основании датировка записки уточнена.

ЯНВАРЯ 31 <19>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь, отвечая на письмо матери из Васильевки, поздравляет ее и сестер Марию, Анну и Ольгу с новым годом и замечает:

«Не знаю, пропали ли мои письма здесь, или у вас, только из письма вашего видно, что вы их не получили вовсе. По крайней мере ни в первом, ни в следующем вашем письме нет никакого ответа на кое-какие мои просьбы и предложения, которые я считал немаловажными, особливо в первом письме[1], где я просил вас о поручении моим сестрам каждой в управление какой-нибудь хозяйственной отдельной статьи, чтобы их приучать таким образом к хозяйству, что важнее всех прочих учений, которые обыкновенно служат только для гостиных и для наружного блеска. <...> Здоровье мое слава Богу кое-как еще движется».

[1] См. ***1840. Октября 13 <1>. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Рим***; ***1841. Марта 25 <13>. Четверг. Рим***.

ФЕВРАЛЬ <ЯНВАРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА>. РИМ

В. А. Панов переезжает к Гоголю на Via Felice, № 126. Приступает к переписке первых пяти глав первого тома «Мертвых душ», а также «Новых сцен к комедии “Ревизор”» (1–5 явлений IV действия), «Отрывка из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору» и «Двух сцен, выключенных как замедлявшие течение пиесы»[1].

Возможно, в это же время Гоголь знакомит Панова с своим незавершенным романом[2] – «отрывок» из которого, под названием «Рим», был напечатан позднее в «Москвитянине» и в «Сочинениях Николая Гоголя» (1842).

Ф. И. Буслаев через Панова передал Гоголю, по его желанию, «лирические произведения» Франциска Ассизского.

В 1891 г. Буслаев вспоминал: «Когда Панов устроился в своей квартире, Гоголь поселился у него[3] и прожил вместе с ним всю зиму 1840–1841 годов. На все это время Панов, забывая, что живет в Риме, вполне предался неустанным попечениям о своем дорогом госте, был для него и радушным, щедрым хозяином, и заботливою нянькою, когда ему нездоровилось, и домашним секретарем, когда нужно было что переписать, даже услужливым приспешником, на всякую мелкую потребу.

В жизни великого писателя всякая подробность может иметь важное значение, особенно если она касается литературы. Гоголь желал познакомиться с лирическими произведениями Франциска Ассизского, и я через Панова доставил их ему в том издании старинных итальянских поэтов, которое... рекомендовал мне мой наставник Франческо Мази.

Как-то случилось, что в течение двух или трех недель ни разу не привелось нам с Пановым видеться: ко мне он перестал заходить, я нигде его не встречал, спрашивал о нем у наших общих знакомых, но и от них о нем ни слуху ни духу — совсем запропастился. Наконец является ко мне, но такой странный и необычный, каким я его никогда не видывал, умиленный и просветленный, будто какая благодать снизошла на него с неба; я спрашиваю его: "Что с тобой? куда ты девался?" — "Все это время, — отвечал он, — был я занят великим делом, таким, что ты и представить себе не можешь; продолжаю его и теперь". И говорит он это так сдержанно, таинственно, чуть не шепотом, чтобы кто не похитил у него сокровище, которое переполняет его душу светлою радостью. Будучи погружен в свои римские интересы, я подумал, что где-нибудь в развалинах откопан новый Лаокоон или новый Аполлон Бельведерский, и что теперь пришел Панов сообщить мне об этой великой радости. "Нет, совсем не то, — отвечал он, — дело это наше родное, русское. Гоголь написал великое произведение, лучше всех Лаокоонов и Аполлонов; называется оно «Мертвые Души», а я его теперь переписываю набело". Тут в первый раз услышал я загадочное название книги, которая стала потом драгоценным достоянием нашей литературы, и сначала вообразил себе, что это какой-нибудь фантастический роман или повесть вроде Вия; но Панов разуверил меня, однако не мог ничего сообщить мне о содержании нового произведения, потому что Гоголь желал сохранять это дело в тайне»[4].

В 1887 г. И. С. Некрасов сообщал: «Мне рассказывал один почтенный человек, бывший в то время в Риме, что он раз спросил Панова: "что вы здесь делаете", а тот таинственно сказал ему на ухо: «*переписываю "Мертвые души"*»[5].

«Образ Гоголя встречается в <...> недатированном тексте В. Панова "Рим"; здесь рассказывается о путешествии вчетвером по римским окрестностям: "Отсюда брал свое небо Рафаэль. Здесь на берегу Тибра стоял родительский домик Николая Пуссена, откуда он непрестанно созерцал это поле, эти горы. И вот возле меня стоит человек небольшого роста, в белой с широкими полями круглой шляпе, с русыми обстриженными в кружок волосами, — он тоже устремляет взор свой на этот город, ему доступны не одни живописные его красоты. Он проникает своим взором и во внутренние его судьбы, видит его протекшее величие и б<уд>ущие надежды. Он сказал об нем слово[6], какого еще не говорил ни один из всех чужестранцев, вечно стекающихся в этот город"»[7].

[1] Все эти дополнения к «Ревизору» были высланы Гоголем из Рима М. П. Погодину и С. Т. Аксакову 17 марта (н. ст.) 1841 г. (см. ***1841. Марта 17 <5>. Среда. Рим***).

[2] См. ***1837. Марта средина <марта начало>. Бра***.

[3] На самом деле В. А. Панов со времени приезда в Рим снимал квартиру отдельно от Гоголя (см. ***1840. Сентября 25 <13>. Пятница. Рим***), а затем, вероятно, с февраля (н. ст.) 1841 г. — когда началась переписка первых пяти глав первого тома «Мертвых душ» и дополнений к «Ревизору», переехал на квартиру Гоголя и жил у него до самого своего отъезда из Рима 6 мая (н. ст.) 1841 г. (см. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим***).

[4] *Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания // *Свод.* Т. 3. С. 318–319.

[5] *Некрасов И. С.* Значение Гоголя в истории русской литературы // *Свод.* Т. 2. С. 157.

[6] Подразумевается незавершенный роман Гоголя, «отрывок» из которого, под названием «Рим», был напечатан в 1842 г..

[7] <*Суперфин Г. Г.*> *Черныш Г. Г.* Неизвестное письмо Гоголя // Finitis Duodecim Lustris. Сб. ст. к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982. С. 113–114.

ФЕВРАЛЯ 8 <ЯНВАРЯ 27>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь в гостях у Екатерины и Елизаветы Васильевн Давыдовых.

«Впервые Гоголь упоминается в записи <Ел. В. Давыдовой> от 8 февраля <н. ст.> 1841 г., но из самого беглого перечисления гостей, среди которых был и Гоголь, видно, что знакомство[1] к этому времени было уже достаточно давним».

Житомирская С. В. Дневник дочери декабриста // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1978. Л., 1979. С. 72; *Свод.* Т. 3. С. 323.

[1] См. ***1840. Декабря 23 <11>. Среда. Рим***.

ЯНВАРЯ 31 <ФЕВРАЛЯ 12>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Цензурное разрешение № 2 журнала «Москвитянин», где в заметке «Литературные новости» М. П. Погодин сообщал:

«*Гоголь* написал уже два тома своего романа *Мертвые души*. Вероятно скоро весь роман будет кончен, и публика познакомится с ним в нынешнем году. Комедия *Жених*[1], в 2 действиях, давно готова. Из комедии *Владимир 3-й степени*[2] написано два действия. Есть несколько готовых повестей: о чиновнике, укравшем шинель[3], Мадонна dei fiori[4], и пр. К Ревизору прибавлено несколько новых сцен, другие исправлены[5], и он выйдет вскоре вторым изданием[6]. (Теперь продается он по 50 руб<лей> за экз<емпляр>.)»[7]

Позднее, 28 февраля 1843 г., Гоголь писал С. П. Шевыреву из Рима: «Понуждение к скорейшему появлению второго тома, может быть, ты сделал вследствие когда-то помещенного в “Москвитянине” объявления, и потому вот тебе настоящая истина: никогда и никому я не говорил, сколько и что именно у меня готово, и когда, к величайшему изумлению моему, напечатано было в “Москвитянине” извещение, что два тома уже написаны, третий пишется, и все сочинение выйдет в продолжение года, тогда не была даже кончена первая часть. Вот как трудно созидаются те вещи, которые на вид иным кажутся вовсе не трудны».

К «Мертвым душам» Погодин отнесся сдержанно. Осенью 1841 г., после чтения автором последних пяти глав первого тома поэмы, он высказал Гоголю ряд критических замечаний, из которых С. Т. Аксакову запомнилось только то, что «в первом томе содержание поэмы не двигается вперед; что Гоголь выстроил длинный коридор, по которому ведет своего читателя вместе с Чичиковым и, отворяя двери направо и налево, показывает сидящего в каждой комнате урода»[8]. Тем не менее в апреле 1842 г. Погодин предложил Гоголю напечатать одну или две главы из первого тома «Мертвых душ» в «Москвитянине» (на что получил отказ)[9]. В 1847 г., с выходом в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями», где содержался критический отзыв Гоголя о Погодине (в статье «О том, что такое слово»), последний писал ему: «На досуге по вечерам я хотел было исписать “Мертвые души”, но оставил это намерение после твоей последней книги, чтоб мои замечания не были растолкованы отмщением». В 1842 г. Погодин отказался напечатать в редактируемом им журнале «Москвитянин» благожелательную статью о «Мертвых душах» К. С. Аксакова – «Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова или Мертвые души”»[10]. Несколько месяцев спустя Погодин напечатал в «Москвитянине» (1843. № 7) статью неизвестного автора «Путевые впечатления», с примечанием: «Помещая эту статью, надеюсь, мне не нужно предупреждать читателей, что Москвитянин почти совершенно не согласен с литературными мнениями Автора. Я поставил себе за правило помещать все присылаемое ко мне: против себя, своих сотрудников и друзей, и при этом случае не нахожу причин изменять ему, — тем более, что статья имеет свои достоинства» (С. 178). В статье, в частности, содержался критический разбор первого тома «Мертвых душ»[11]. «В этом сочине-

нии, — писал неизвестный рецензент, — нет никакого плана, ни даже тени правдоподобия; самый слог местами чересчур уже низок и приличен только толкучему рынку». Спустя еще два года Погодин поместил в своем журнале такой же негативный отзыв о «Мертвых душах» помощника попечителя Московского учебного округа Д. П. Голохвастова (статья «Голос в защиту Русского языка»)[12]. В 1846 г. в опубликованном в «Москвитянине» обзоре А. Е. Студитского «Русская словесность в 1845-м году» о Гоголе говорилось как о продолжателе «разрушительного» направления, заданного О. И. Сенковским и поддержанного М. Ю. Лермонтовым[13]. В 1848 г. в погодинском «Москвитянине» появилась также статья М. А. Дмитриева «О натуральной школе и народности», где тот, в свою очередь, замечал: «Никто не будет отрицать, чтобы в первых произведениях Гоголя, в Вечерах на хуторе — и в Миргороде, не было натуры; однако ж в них он не был копи<и>стом. <...> Напротив (да простят мне и Гоголь, которого люблю, и его прежние поклонники, которых не люблю) – в повести Мертвые души, в которой он слишком близко захотел подойти к действительному миру (хотя и не подошел к нему) — я не вижу художника, потому что не вижу целости идеи в жизни, им изображаемой!»[14]

В 1853 г. в «Москвитянине» Погодин опубликовал также повесть Е. И. Вельтман (рожд. Кубе; 1816–1868) «Виктор»[15], в которой, по словам С. Т. Аксакова, заключалась «давно сдерживаемая неприязнь» к Гоголю[16].

С другой стороны, в 1852 г., возражая Ф. В. Булгарину, Погодин писал: «Г. Булгарин обвиняет Гоголя, зачем он не изобразил нам добродетельных людей. По моему мнению искать и требовать добродетельных людей от комедии и сатиры есть то же, что жаловаться, зачем в больнице нет здоровых, а одни только чахоточные и расслабленные. Здоровым в больнице нет места, точно как идеалам добродетели в комедии и сатире. Фон-Визин представил нам самое разительное доказательство, как неуместны там Стародумы и Правдины, которые наводят только скуку и мешают впечатлению целой его комедии. Для прославления добродетели есть другие живописцы, кроме комиков и сатириков. Впрочем, возбуждать отвращение к пороку разве важно меньше возбуждения любви к добродетели, — замечу я старой апофегмой г. Булгарину»[17]. Кроме того, сразу по выходе первого тома «Мертвых душ» Погодин напечатал в «Москвитянине» две положительные статьи о поэме С. П. Шевырева[18]. За публикацию в одном и том же журнале статей С. П. Шевырева и Д. П. Голохвастова, с противоположных точек зрения оценивающих «Мертвые души», Погодин заслужил даже упреки в непоследовательности[19].

[1] См. ***1835. Марта 11. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1835. Марта 11. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[3] См. также ***1839. Июля 13 <1>. Суббота — августа около пятницы 23 <около пятницы 11>. Мариенбад.***

[4] Первоначальное название незавершенного романа Гоголя «Аннунциата» (впоследствии — повесть «Рим. Отрывок»). См. ***1837. Марта средина <марта начало>. Бра.***

[5] См. ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[6] См. ***1841. Июля 26 <августа 7>. Суббота. Москва.***

[7] *<Погодин М. П.> Зеленецкий К.* Литературные новости // Москвитянин. 1841. № 2. С. 616; *Свод.* Т. 2. С. 475–476.

[8] См. ***1841. Октября вторая половина. Москва.*** — Аналогичное мнение о первом томе «Мертвых душ» высказал позднее князь П. А. Вяземский: «Как ни яркн и ни разнообразны были краски его <Гоголя>, как часто ни была высока и художественна кисть живописца; но длинная галлерея портретов его, этих неблаговидных личностей, под конец утомляла зрителей. <...> В зоологическом музее его тоскуешь» (Выдержки из старых бумаг Остафьевского Архива. Письма к кн. П. А. Вяземскому... с объяснениями *кн. П. А. Вяземского* // Русский Архив. 1866. № 7. Стб. 1081–1082).

[9] См. ***1842. Апреля вторая половина, не позднее 28. Москва.***

[10] Подробнее см.: ***1842. Июля 24 <августа 5>. Пятница. Москва.***

[11] Путевые впечатления // Москвитянин. 1843. № 7 (цензурное разрешение 8 авг.). С. 188–190.

[12] См. ***1842. Января 7. Среда. Москва.***

[13] См. ***1846. Марта 27 <апреля 8>. Среда. Москва.***

[14] *Дмитриев М.* О натуральной школе и народности // Москвитянин. 1848. № 9 (цензурное разрешение 16 авг.). С. 21–23.

[15] Виктор. Повесть Елены Вельтман // Москвитянин. 1853. № 2. (Январь. Кн. 2). Отд. 1. С. 167–210; № 3. (Февраль. Кн. 1) (цензурное разрешение 29 янв.). Отд. 1. С. 211–248; № 4. (Февраль. Кн. 2). С. 251–344; отд. изд. — 1853.

[16] Подробнее см.: *Свод.* Т. 2. С. 630–631.

[17] *Погодин М. П.* Ответы г. Булгарину // Москвитянин. 1852. № 11 (Июнь. Кн. 1 <цензурное разрешение дано в нач. июня>). Отд. VIII. С. 59.

[18] *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7 (цензурное разрешение 10 авг.). С. 207–228; *Шевырев С. П.* Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8 (цензурное разрешение 22 авг.). С. 346–376.

[19] См.: <*Голохвастов Д. П.*> *Д.* Ответ на статью Отечественных Записок: «Голос в защиту от голоса в защиту русского языка» // Москвитянин. 1846. № 3 (цензурное разрешение 19 марта). С. 238–239.

ФЕВРАЛЯ 14 <2>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК СРЕТЕНИЯ ГОСПОДНЯ. ВЕЧЕР. РИМ

Гоголь в доме княгини З. А. Волконской устраивает благотворительное чтение «Ревизора» в пользу художника И. С. Шаповаленко.

На следующий день, 15 февраля (н. ст.) 1841 г., Ел. В. Давыдова записала в дневнике: «В воскресенье (14 <февраля (н. ст.)>) вечером мы имели случай познакомиться с княгиней Волконской – на чтении *"Ревизора"* Гоголя. Надо объяснить причину этого чтения. Есть один русский молодой человек, художник, получавший пенсию от Общества *поощрения наукам*; вдруг самым несправедливым образом и без предупреждения ее у него отнимают, и бедный юноша остается без копейки. Гоголь, тронутый до глубины *печенки* таким сокрушительным несчастием, загорелся мыслью устроить платное чтение своего знаменитого *"Ревизора"*; он разослал билеты всем русским в Риме, по пиастру каждый, а в конце написал скромно в уголке мелкими буквами: *"Кто может, и более"*. Итак, в воскресенье в 7 часов мы пришли в дом кн<ягини> Волконской, где должно было состояться чтение. Салон был полон русских. Мы познакомились с двумя Олферьевыми[1]; они вовсе не чинились. Мы все трое встретились как старые знакомые и сели вместе. Русские господа, которые сидели позади нас, все время хохотали, и мы испытывали немалое удовольствие, когда нам удавалось уловить хоть несколько русских слов.

Вынести это чтение можно было лишь ради его благотворительной цели, ибо эта комедия страшно скучна. *"На пальчик, да, да, да, прекрасный пассаж, я сзади петушком, черт тебя подери!"* – вот небольшой образчик; да это еще только забавно, но в общем все это в очень грубом роде; правда, что действие происходит в провинции среди необразованных людей, однако он должен был бы вывести хоть какой-либо характер более comme il faut, более благородный. <...> Домой мы вернулись около полуночи»[2].

А. А. Иванов во второй половине февраля – марте (н. ст.) 1841 г. сообщал отцу, А. И. Иванову[3], из Рима: «С художниками русскими я вообще часто видаюсь, с Иорданом, однако же, чаще других. Сходки наши чем реже, тем мирнее, и даже есть надежда на уважение друг к другу. С некоторыми приезжими русскими я знаком, и в особенности с лучшим нашим литератором, Н. В. Гоголем[4]. Это человек необыкновенный, имеющий высокий ум и верный взгляд на искусство. Как поэт, он проникает глубоко, чувства человеческие он изучил и наблюдал их, словом – человек самый интереснейший, какой только может представиться для знакомства. Ко всему этому он имеет доброе сердце. Вот пример его доброты. Некто из нашего общества, художник лет 20, Шаповалов, получал от Общества поощрения художников пенсион в 80 руб<лей> в месяц; обращаясь к банкиру 1 февраля для капли сей живой воды, он получил отказ, увидев предписание от Общества. Таким образом он остался без куска хлеба. В отчаянии он был ни на что не способен. Гоголь, видя общее сострадание, несмотря на свое нездоровье, решается прочесть свое произведение "Ревизор" в пользу Шаповалова. Билет стоил не менее скудо, и вот в зале княгини Зинаиды Волконской собрались все русские. Для меня это было весьма важным – видеть отечественного лучшего писателя читающим свое собственное произведение. И в самом деле (это) было превосходно, вследствие чего собрано 500 руб<лей>, и Шаповалов с ними начинает важную копию с картины Перуджино, в Ватикане. Выдача денег и попечение о нем доверено мне, что сделаю единственно из уважения к Гоголю; в противном бы случае никакой охоты не имел заниматься учеником – обязанность самая несносная для непривычного и совестливо ее понимающего»[5].

В 1852 г. П. А. Кулиш сообщал: «Во время пребывания Гоголя в Риме, один из русских художников, вследствие продолжительной болезни, впал в крайне-затруднительные обстоятельства.

Гоголь, чтоб сколько-нибудь помочь ему, пока подоспеет пособие из родины, читал за деньги, в пользу его, своего “Ревизора”, для всех русских, находившихся тогда в Риме»[6].

В 1895 г. В. О. Шервуд сообщал: «Приведу рассказ Ю. Ф. Самарина, наск<олько> я его помню, конечно, к<а>к в Италии впервые русским друзьям читал Гог<оль> “Ревизора”. Одна из особ<енных> черт гениальных людей, к<оторая> т<а>к резко выдавалась у Гоголя, это – способность уходить в себя, к<а>к будто он не замеч<ал> окружающего. “Мы уже давно собрались,– гов<орил> Юр<ий> Фед<орович>,– в большой зале; недалеко от двери б<ыл> поставлен стол, 2 свечи и стак<ан> воды. Все жд<али> с нетерпением появл<ения> Н<иколая> Вас<ильевича>. Дверь отворил<ась>, и бледный как мертвец, с серьезн<ым>, значит<ельным> выраж<ением> лица, с тетр<адью> в рук<ах>, вош<ел> Гог<оль>. По обыкнов<ению> он читал к<а>к самый превосход<ный> актер: он не назыв<ал> имен, но по измен<ению> голоса м<ожно> б<ыло> догадыв<аться> о лицах. И в то вр<емя>, как все не могли удержаться от невольного хохота, Гог<оль>, все такой же бледный и серьезный, спокойно сидел, и ни 1 фибр его лица не дрогнул при общем заразительном смехе!”»[7]

Из воспоминаний графа Д. А. Милютина[8] (опубл. в 1919 г.): «...Мы наконец въехали около 7 часов вечера 24 января (5 февраля) <1841 г.> в “вечный город”. <...> ...Один вечер случилось мне присутствовать на публичном чтении Гоголя, который тогда только что начинал приобретать известность; он читал своего “Ревизора” в зале кн<ягини> Волконской с благотворительной целью – в пользу одного бедного русского художника»[9].

Из воспоминаний Ф. И. Иордана 1879 г.: «В первые годы Гоголь всех оживлял и занимал, но скоро исчезло прежнее светлое его расположение духа. Сколько припомню, это перемена совершилась с ним около того времени, когда произошло его неудачное публичное чтение в Риме, летом 1841 г. Желая помочь художнику Шаповаленке, сильно бедствовавшему от безденежья, Гоголь объявил, что прочтет в его пользу своего “Ревизора”. Княгиня Зинаида Волконская дала залу в своем Palazzo Poli, собрались все русские, находившиеся тогда в Риме. Плата была громадная – 5 скуд; мы, художники, были все налицо. Иванов рассказывал нам заранее: “Вот вы увидите-с, вот вы увидите-с, как Николай Васильич прочтет. Это просто чудесно-с! Никто так не может-с!” Поставили Гоголю стол на эстраде, а на нем – две свечи и стакан с сахарной водой. Но Гоголь стал читать так вяло, так невыносимо скучно, что нагнал тоску на всех. Уже с самого начала и тотчас после 1-го акта, гости стали один за другим расходиться. Под конец остались в зале одни мы, художники. Гоголь был жестоко оскорблен и обижен. Его самолюбие, столь всегда щекотливое, неимоверно страдало, и он этого случая никогда потом не мог забыть. С тех-то пор, бывало, он, иногда в целый вечер, не промолвит ни единого слова. Сидит себе, опустив голову на грудь, и запустив руки в карманы шаровар, – и молчит. Не раз я ему говаривал: “Николай Васильич, что это вы как экономны с нами на свою собственную особу? Поговорите же хоть что-нибудь”. Молчит. Я продолжаю: «Николай Васильич, мы вот все труженики, работаем целый день; идем к вам вечером, надеемся отдохнуть, рассеяться, – а вот вы ни слова не хотите промолвить. Неужели мы все должны только покупать вас в печати?»[10] Молчит и ухмыляется. Изредка только оживится, расскажет что-нибудь. Признаться сказать, на этих наших собраниях была ужаснейшая скука. Мы[11] сходились, кажется, только потому, что так было уже раз заведено, да и ходить-то более было некуда. С прочими же пенсионерами водить знакомство мы не желали, потому что там только и было, что вечное вино, да карты, да шум, да крик, да всякие шалости и баловство. Много ли разговаривал Иванов с Гоголем вне этих наших собраний, и был ли у них живой, важный обмен мыслей – того я не знаю, но что касается до наших вечеров, на квартире у Гоголя, то Иванов очень мало говорил, а все более прислушивался к другим, когда мы толковали о художественных новостях в Риме, о работах русских и иностранных пенсионеров, о прочитанном в газетах (мы одно время в складчину подписывались на русские газеты), а иногда, изредка, вспоминали тоже про Россию, про петербургское наше житье. Если Иванов иной раз вдруг и решался что-нибудь рассказать из увиденного на улице или из услышанного, он обыкновенно начинал смехом: “ха-ха-ха, а вот я сегодня...” Потом он, заминаясь и

спутываясь, тянул, и кончал часто тем, что, бывало, вовсе ничего так и не расскажет. Про свои работы ни Гоголь, ни Иванов, — эта неразлучная парочка, — никогда не разговаривали с нами. Впрочем, может быть, они про них рассуждали друг с дружкой, наедине, когда нас там не было. <...> Наш римский кружок не распадался и во время довольно частых отъездов то того, то другого из нашей среды, из Рима, летом: одни из нас уезжали в Неаполь или куда-нибудь в другое приморское место на воды, другие в Германию или Россию, третьи (как например, Иванов) отправлялись делать этюды в разных местностях Италии. Тогда мы принимались переписываться друг с другом. У меня было, вследствие того, немало писем от Гоголя и Иванова. К несчастью, они не сохранились, и потому я считаю большою радостью для себя, что могу теперь перечитать, после 25 или 30 лет, хотя некоторые из писем Иванова ко мне, уцелевшие в виде черновых набросков в его записных тетрадях: они мне напоминают дорогое и незабвенное для меня время»[12].

Из воспоминаний Иордана, опубликованных в 1891 г.: «Приезд наследника цесаревича[13] привлек в Рим множество гостей, особенно русских; Н. В. Гоголь, воспользовавшись этим, как известный писатель, желая помочь одному земляку своему, малороссу, весьма посредственному художнику, Шаповаленко, объявил, что будет читать комедию "Ревизор" в пользу этого живописца, по 5 скуд за билет. Как приезжие русские, так и приятели художника все бросились брать билеты. Говорили, что Гоголь имеет необыкновенный дар читать, особенно "Ревизора", — комедию, обессмертившую его. Княгиня Зинаида Волконская дала ему в своем дворце, Palazzo Poli, большое зало, с обещанием дарового угощения. Съезд был огромный. Я был восхищен появлением, в числе гостей, двух сестриц Алферьевых[14], из коих младшая была ангелом красоты, скромности и несказанной доброты; я все время любовался ею[15].

В зале водворилась тишина; впереди, полукруглом, стояло три ряда стульев, и все они были заняты лицами высшего круга. Посередине залы стоял стол, на нем графин с водою и лежала тетрадь; видим, Н. В. Гоголь с довольно пасмурным лицом раскрывает тетрадь, садится и начинает читать, вяло, с большими расстановками, монотонно. Публика, по-видимому, была мало заинтересована, скорее скучала, нежели слушала внимательно; Гоголь, время от времени, прихлебывал воду; в зале царствовала тишина. Окончилось чтение первого действия без всякого со стороны гостей одобрения; гости поднялись со своих мест, а Гоголь присоединился к своим друзьям. Явились официанты с подносами, на них чашки с отличным чаем и всякого рода печением. Я все посматривал на свой предмет, Алферьеву; увидал, что с нею была какая-то молодая бойкая дама[16], высокого роста мужчина[17], средних лет женщина[18] и старушка[19].

Во время чтения второго действия многие кресла оказались пустыми. Я слышал, как многие, выходя, говорили: "Этою пошлостью он кормил нас в Петербурге, теперь он перенес ее в Рим".

Доброе намерение Н. В. Гоголя оказалось для него совершенно проигранным. Несмотря на яркое освещение зала и на щедрое угощение, на княжеский лад, чаем и мороженым, чтение прошло сухо и принужденно, не вызвав ни малейшего аплодисмента, и к концу вечера зало оказалось пустым; остались только мы и его друзья, которые окружили его, выражая нашу признательность за его великодушное намерение устроить вечер в пользу неимущего художника.

Гоголь с растерянным видом молчал; с этого вечера характер его совершенно изменился: он предался строгой аскетической жизни, начал чаще и чаще посещать православную церковь, стал собирать разные реликвии, стал собираться в Иерусалим, сделался своенравным. Во время обеда, спросив какое-нибудь блюдо, он едва, бывало, дотронется до него, как уже зовет полового и требует переменить кушанье по два, по три раза, так что половой трактира "Сокол" (il Falcone) Луиджи почти бросал ему блюда, говоря: "Сэр Николо, лучше не ходите к нам обедать, на вас никто не может угодить. Забракованные вами блюда хозяин ставит на наш счет". <...>

Только мы трое: Александр Андреевич Иванов, <...> Федор Антонович Моллер и я остались вечерними посетителями Гоголя, которые были обречены на этих ежедневных вечерах сидеть и смотреть на него, как на оракула, и ожидать, когда отверзутся его уста. Иной раз они и отверзались, но не изрекали ничего особенно интересного. <...> Гоголь сидел обыкновенно опершись руками о колени, зачастую имея перед собою какие-нибудь мелкие покупки: они развлекали его. Часто встретишь его, бывало, в белых перчатках, щегольском пиджаке и синего бархата жилете; он всегда замечал шутя: "Вы — Рафаэль первого манера", и мы расходились смеясь. <...>

Об Александре Андреевиче Иванове я <...> уже говорил. Это была странная личность; он всегда улыбался и в Н. В. Гоголе видел какого-то пророка. Гоголь давал ему наставления, которые Иванов рабски слушал. Я и Моллер, всегдашние вечерние посетители Гоголя, были в его глазах ничто перед Гоголем, и я душевно смеялся над его увлечением. <...>

Мы <...> трое: Иванов, Моллер и я, каждый вечер сидели у Гоголя и скучали, особенно я. Часто, бывало, говорил я ему: "Мы ведь, мастеровые, потрудившись целый день, идем к вам послушать что-нибудь веселое или назидательное, вы молчите и желаете, чтобы мы вас занимали. Вы думаете: не стану расточать перед вами мои слова, вы их найдете в печати; но ваши книги дороги, и вы, как будто из скупости, говорите: покупайте их, даром не дам".

Гоголь сделался скрытен, уехал вскоре в Иерусалим[20], оттуда, кажется, в Москву[21], и я услыхал потом об его праведной кончине[22], яко истинного христианина; слышал от друга Рихтера о похоронах Гоголя[23], на которые собралась вся Москва. <...>

Вскоре после вечера у княгини Зинаиды Волконской, на котором Гоголь читал "Ревизора", я познакомился с семейством Обуховых, состоявшим из старушки матери, Марии Алексеевны <Марии Васильевны>, ее сына, Обухова – Василия Васильевича, отставного ротмистра уланского полка, его жены Екатерины Васильевны Обуховой, рожденной Обрезковой, и двух племянниц со стороны Василия В<асильевича>, детей его сестры[24], – Марии и Екатерины Павловны Алферьевых. Екатерина Павловна была предметом моей любви; ее дядя и тетушка принимали меня весьма ласково, но, видя, что я необдуманно хотел связать свою жизнь с девушкою, совершенно неравною мне ни по состоянию, ни по годам, старались деликатно, без всякой для меня обиды, удалить меня от их племянницы. Равномерно и Екатерина Павловна относилась ко мне в полном смысле несочувственно... <...> Наконец настало время отъезда Обуховых. <...> Я согласился быть вечером у них... <...> ...Я простился с семейством Обуховых и, взглянув на предмет моей двухгодовой любви, я увидал, что лицо ее, при прощании со мною, повеселело.

Прошло лето, на зиму семейство любезных Обуховых вновь возвратилось в Рим, и я к искренней моей радости узнал, что Екатерина Павловна помолвлена за красавца гусара, к тому же богатого, г. Маслова[25]. Тем и окончились все мои мечты»[26].

Из письма П. В. Анненкова М. М. Стасюлевичу от 16 августа (н. ст.) 1876 г.: «В Риме была одна старуха, имя которой начиналось с С.[27], но полное ее прозвище выскочило у меня совершенно из памяти. Замечательна она была тем, что в одну из ее внучек, Алферьеву, влюбился почти до безумия гравер Ф. И. Иордан и сделался поэтому предметом постоянных шуток и шпыняний со стороны Гоголя[28], Иванова и всего нашего круга в течении добрых 4–5 месяцев. Алферьева вышла потом замуж за Галахова[29], сына бывшего полицмейстера»[30].

21 ноября 1855 г. М. П. Бибиков писал Н. А. Рамазанову: «Какой это Шаповалов, у которого ты был на вечере? Уж не тот ли добрый и милый малый, которого я знал в Риме и которого тогда все звали синьором Шаповаленко? Если это тот самый, пожалуйста, поклонись ему от меня. И если это тот самый, то можешь употребить его на дело очень занимательное. Он в Риме все время жил с Гоголем, или, по крайней мере, виделся с ним каждый день (Гоголь даже подарил ему [свой] альбом своих эскизов с римской природы) и может дать тебе о Гоголе любопытнейшие сведения и подробные, интереснейшие детали о его художнической жизни в Риме. Шаповалов же, как большая часть малороссов, красноречив и рассказывает очень оригинально и приятно. Попробуй [написать] описать с его слов эту эпоху из жизни великого нашего писателя. Тем более статья твоя будет занимательна, что до сих пор, кроме малозначащих писем Гоголя, ничего нет относящегося ко времени его пребывания в Италии. Право, попробуй, дело хорошее, и тебе придется по душе. Вещь, верно, из твоих рук выйдет превосходная – и статью твою <А. А.> Краевский оторвет у тебя с руками и заплатит тебе все, что захочешь. – *За это я тебе ручаюсь*. Напиши мне, если дело пойдет на лад, и я внесу мою лепту и дам тебе кое-какие сведения и подробности о жизни Гоголя в Риме»[31].

[1] Речь идет о Марии и Екатерине Павловнах Олферьевых (Алферьевых). – См. ***1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим*** (примечания).

[2] Гоголь в дневниковых записях Ел. В. Давыдовой 1841 г. // *Свод*. Т. 3. С. 322–323.

[3] Андрей Иванович Иванов (1772–1848), отец А. А. и С. А. Ивановых, академик живописи.

[4] О начале знакомства Гоголя с А. А. Ивановым см.: ***1837. Апреля 18 <6>. Вторник. Рим***.

[5] Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 327.

[6] *Кулиш 1852*. С. 200–201; *Свод*. Т. 1. С. 325–326.

[7] *Шервуд В. О.* Вечера у Шевырева (Гоголь) // *Свод*. Т. 3. С. 713.

[8] Граф Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912), генерал-фельдмаршал (с 1898 г.); проживал в Риме с 5 февраля по 25 февраля (н. ст.) 1841 г., в то время был в чине капитана.

[9] Из воспоминаний генерал-фельдмаршала графа Д. А. Милютина // *Свод*. Т. 3. С. 326.

[10] См. также ***1842. Декабря 3 <ноября 21>. Суббота. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Рим***.

[11] Иордан имеет в виду себя, Гоголя, Иванова и Ф. А. фон Моллера (см. ***1838. Декабря 20 <8>. Четверг. Рим***).

[12] Воспоминания Ф. И. Иордана (1879 г.) // *Свод*. Т. 3. С. 374–375.

[13] Ошибка мемуариста. Гоголь устраивал чтение «Ревизора» в пользу Шаповалова не в период пребывания в Риме наследника Александра Николаевича, в конце 1838 – начале 1839 гг. (см. ***1838. Декабря 16 <4>. Воскресенье. Рим***; ***1839. Февраля 13 <1>. Среда. Рим***), а спустя два года после этого посещения.

[14] Мария и Екатерина Павловны Олферьевы (Алферьевы).

[15] См. ниже фрагмент из письма П. В. Анненкова к М. М. Стасюлевичу от 16 августа 1876 г., а также письмо Ф. В. Чижова к Г. П. Галагану от 3 декабря (н. ст.) 1842 г. (***1842. Декабря 3 <ноября 21>. Суббота. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Рим***).

[16] Вероятно, старшая сестра Е. П. Олферьевой (Алферьевой) Мария.

[17] Очевидно, дядя Е. П. Олферьевой, Василий Васильевич Обухов (1806–1878), бывший корнет лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка (1828–1830), брат Софьи Васильевны Олферьевой (рожд. Обуховой). (С. В. Олферьева была женой Павла Васильевича Олферьева (1787–1864), генерала от кавалерии (с 1851 г.), командира лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка.)

[18] Вероятно, жена В. В. Обухова, Екатерина Васильевна (рожд. Обрезкова).

[19] Имеется в виду Мария Васильевна Обухова, мать В. В. Обухова.

[20] См. ***1848. Января после 18 <6>. Неаполь***.

[21] См. ***1848. Сентября 7. Вторник. Москва***.

[22] См. ***1852. Февраля 21. Четверг второй недели Великого Поста. 7 часов 45 минут. Москва***.

[23] См. ***1852. Февраля 24. Воскресенье. Москва***.

[24] С. В. Олферьева (Алферьева, рожд. Обухова).

[25] Е. П. Олферьева (Алферьева) вышла замуж за П. А. Галахова. Замуж за Маслова, Евгения Дмитриевича (1840–1914), вышла не племянница, а дочь В. В. Обухова, Мария Васильевна; это произошло много позднее, в средине 1860-х гг. (см.: *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. 2. С. 202). По-видимому, Иордан в своих позднейших воспоминаниях смешал эти события.

[26] Записки профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана // *Свод*. Т. 3. С. 376–378.

[27] Речь идет о Марии Васильевне Обуховой.

[28] См. также ***1842. Декабря 3 <ноября 21>. Суббота. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Рим***; ***1847. Апреля 22 <10>. Четверг. Неаполь***.

[29] Имеется в виду сын петербургского обер-полицмейстера генерала Александра Павловича Галахова (1802–1863) Павел (род. в 1827).

[30] Из писем П. В. Анненкова // *Свод*. Т. 3. С. 537.

[31] *Свод*. Т. 3. С. 572.

ФЕВРАЛЯ 2 <14>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК СРЕТЕНИЯ ГОСПОДНЯ. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Книгопродавцы за экземп<ляры>. <А. С.> Ширяев прислал деньги; теперь в расходе около 660. Рас<с>читывался. Приготовлял 3 книжку. К Аксак<овым>. Читал Журнал. Приехал <Ф. И.> Васьков. Сели играть в карты: в одну пар<т>ию выиграл 80, а в другую проиграл 120. Толковали о Журнале. О Гоголе, его характере и выходках. Решил написать письмо[1]: Разоряюсь, выручай. Как бы было хорошо, если б теперь поддержать впечатление эффектными статьями. В 1000 подписчиках я теперь уверен. Дорогою думал купить роман Загоскина и напечатать начало в Журнале. Предложить Ин<н>окентию издание проповедей».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1840–1841 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 472.

[1] См. ***1841. Февраля 3 <15>. Вторник. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 3 <15>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Нап<исал> письма к Ин<н>ок<ентию>, к Гоголю...»[1]

Письмо Погодина к Гоголю не сохранилось. Судя по содержанию дневниковой записи Погодина от 2 февраля 1841 г., в письме содержалась просьба к Гоголю дать что-нибудь из его новых сочинений для публикации в «Москвитянине»[2]. Ранее, 13 марта (ст. ст.) 1840 г., Гоголь отвечал С. Т. Аксакову: «Вы пишете, чтобы я прислал что-нибудь в журнал Погодину. Боже, если бы вы знали, как тягостно, как разрушительно для меня это требование, — какую вдруг нагнало оно на меня тоску и мучительное состояние! Теперь на один миг оторваться мыслью от святого своего труда — для меня уже беда. Никогда б не предложил мне в другой раз подобной просьбы тот, кто бы мог узнать на самом деле, чего он лишает меня. Если бы я имел деньги, клянусь, я бы отдал все деньги, сколько б у меня их ни было, вместо отдачи своей статьи! Но, так и быть, я отыщу какой-нибудь старый лоскуток и просижу над переправкой и окончательной отделкой его, Боже! может быть, две-три недели, ибо теперь для меня всякая малая вещь почти такого же требует обдумыванья, как великая, и, может быть, еще большего и тягостно-томительнейшего труда, ибо он будет почти насильственный, и всякую минуту я буду помнить бесплодную великость своей жертвы — преступную свою жертву. Нет, клянусь, грех, сильный грех, тяжкий грех отвлекать меня! Только одному неверующему словам моим и недоступному мыслям высоким позволительно это сделать. Труд мой велик, мой подвиг спасителен. Я умер теперь для всего мелочного; и для презренного ли журнального пошлого занятья ежедневным дрязгом я должен совершать непрощаемые преступления? и что поможет журналу моя статья? Но статья будет готова и недели через три выслана. Жаль только, если она усилит мое болезненное расположение. Но, я думаю, нет. Бог милостив... <...> Обнимите Погодина и скажите ему, что я плачу, что не могу быть полезным ему со стороны журнала; но что он, если у него бьется русское чувство любви к отечеству, он должен требовать, чтоб я не давал ему ничего».

[1] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1840–1841 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 472.
[2] См. ***1841. Февраля 2 <14>. Воскресенье. Праздник Сретения Господня. Москва.***

НАЧАЛО ГОДА. МОСКВА

В. И. Даль пишет М. П. Погодину:

«Все ждут, что-то будет в Москвитянине Гоголя[1]? Его сотрудничество, кажется, непременно расширит круг журнала; Гоголя любят все, для него между читателями нет партий»[2].

П. И. Мельников (Андрей Печерский) вспоминал о Дале: «Еще в Дерпте познакомился Даль с Жуковским. В Петербурге это знакомство переросло в тесную дружбу. Дружба с Жуковским сделала Даля другом Пушкина, сблизила его с Воейковым, Языковым, Анною Зонтаг (рожденная Юшкова), Дельвигом, Крыловым, Гоголем, кн<язем> Одоевским, с братьями Перовскими»[3].

3 февраля 1853 г. граф А. П. Толстой сообщал сестре, графине С. П. Апраксиной из Нижнего Новгорода: «Мы часто здесь беседуем о Гоголе с человеком, который мало знал его лично, но весьма высоко ставит его произведения. Это г. Даль»[4].

[1] См. также ***1842. Апреля 1. Среда. Санкт-Петербург.***
[2] Гоголь в письмах В. И. Даля // *Свод.* Т. 1. С. 725.
[3] *Мельников П. И.* Воспоминания о В. И. Дале // *Свод.* Т. 1. С. 724.
[4] Из писем графа А. П. Толстого // *Свод.* Т. 3. С. 725.

ФЕВРАЛЯ 8 <20>. СУББОТА. КРАСНОЯРСК

В. Л. Давыдов отвечает дочерям Екатерине и Елизавете:

«Я завидую вашему знакомству с г. Гоголем, мои дорогие дети[1]; мне известна его комедия “Ревизор” и некоторые другие его сочинения, и я составил себе самое высокое мнение о его таланте. Это писатель, созданный для того, чтобы быть достойным представителем нашей литературы, так же, как он мог бы представлять и всякую иную. Вы не можете оценить его комедию так, как она этого заслуживает, потому что вы не знаете ни нравов, в ней обрисованных, ни (простите, крошки!) человеческого сердца – и слава Богу! Вы не можете судить об удивительной правдивости кисти Гоголя, о vis comica[2], о глубине этого поэта, и, однако, вы имели удовольствие слышать его “Ревизора”.– Я прочел его раз десять и перечту еще снова: по моему мнению, это– шедевр»[3].

Гоголь в письмах В. Л. Давыдова // *Свод.* Т. 3. С. 324.

[1] О своем знакомстве с Гоголем сообщила родителям Ек. В. Давыдова в письме от 23 декабря (н. ст.) 1840 г. (см. ***1840. Декабря 23 <11>. Среда. Рим***).
[2] Силе комизма (*лат.*).
[3] С этим отзывом Гоголь был ознакомлен (см. ***1841. Июня 24 <июля 6>. Вторник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Красноярск***).

ФЕВРАЛЯ 9 <21>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

«9 <февраля>. Мал<ый> т<еатр>. Ревизор, ком<едия> в 5 д<ействиях>; Маскарад в клубе, вод<евиль> в 1 д<ействии>».

Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, с 1 января 1841 по 1 марта 1841 // Репертуар Русского Театра на 1841 год, издаваемый И. П. Песоцким. СПб., 1841. Кн. 2 (цензурное разрешение 27 февраля 1841). <Отдельная пагинация>. С. 4.

ФЕВРАЛЯ 13 <25>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Был <П. И.> Кривцов, толковали о библиотеке[1] и Академии в Москве».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1840–1841 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 472.

[1] См. ***1840 декабря 31 <1841 января 12>. Вторник. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 28 <16>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВЕЧЕР. РИМ

Гоголь в гостях у Екатерины и Елизаветы Васильевн Давыдовых.

В этот день Ел. В. Давыдова записала в дневнике: «Вечером у нас были неожиданные гости, и все такие разные, что это было очень смешно. Гоголь, который говорит только по-русски, аббат Феррари, с которым мы говорим по-французски, Стрэтты и г. Стрэшн, англичане, незнакомые друг с другом. У меня была долгая беседа с аббатом о карнавале. Теперь только и говорят, что о карнавале».

Гоголь в дневниковых записях Ел. В. Давыдовой 1841 г. // *Свод.* Т. 3. С. 323.

ФЕВРАЛЯ 28 – МАРТА 7 <ФЕВРАЛЯ 16–23>. РИМ

Ел. В. Давыдова записывает в дневнике:

«На этой <...> неделе Раевская[1] повела нас к русскому художнику Айвазовскому, он — маринист, и его можно назвать среди первых художников в Риме. Мы видели у него дивные картины, прекрасные превосходные; одна, представляющая лунный свет в Неаполе, другая — тоже Неаполитанский залив <...> Это прелестно. Честь и слава РУССКИМ! <...> Он показался нам немного *хвастуном!* Но это правда, что он пишет свои картины с удивительной быстротой; эти большие картины он сделал за семь дней, другие берут три дня, а иногда один; никто не хочет этому верить и все удивляются, но я (наверное, по невежеству) не удивляюсь»[2].

Вероятно, к концу февраля — началу марта (н. ст.) 1841 г. — времени приезда И. К. Айвазовского и, вероятно, В. И. Штернберга[3] в Рим — относится свидетельство Штернберга о Гоголе, переданное Т. Г. Шевченко в его повести «Художник» (1856; опубл. в 1887):

«А кстати, о Штернберге. Я недавно получил от него письмо из Рима <...> Пишет, что у Лепри видел он великий собор художников, в том числе и Иванова, автора будущей картины “Иоанн Предтеча проповедует в пустыне”. Русские художники подтрунивают исподтишка над ним, говорят, что он совсем завяз в Понтийских болотах и все-таки не нашел такого живописного сухого пня с открытыми корнями, который ему нужен для третьего плана своей картины. А немцы вообще в восторге от Иванова. Еще встретил он, в кафе Греко, безмерно расфранченного Гоголя, рассказывающего за обедом самые сальные малороссийские анекдоты»[4].

[1] Вероятно, фрейлина императрицы Александры Феодоровны Софья Николаевна Раевская (1806–1883) (см. также ***1837. Марта 26 <14> — июня вторая половина, не позднее 25 <июня первая половина, не позднее 13>. Рим***; ***1837. Апреля 30 <18>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Рим***; ***1841. Марта 7 <февраля 23>. Воскресенье. Рим***; ***1842 октября 4 <сентября 22> — 1843 мая 2 <апреля 20>. Рим***).

[2] *Житомирская С. В.* Дневник дочери декабриста // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1978. Л., 1979. С. 73; *Свод*. Т. 3. С. 310.

[3] См. ***1841. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь***.

[4] *Шевченко Т. Г.* Художник // Собр. соч.: В 5 т. М., 1965. Т. 4. С. 225.

МАРТА 7 <ФЕВРАЛЯ 23>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Гоголь посетил Екатерину и Елизавету Васильевн Давыдовых.

Ел. В. Давыдова записала в дневнике: «23 февраля, последний день карнавала. Вечером мы пошли в театр на Veglione[1], как во Флоренции, но это не было забавно; было хуже, чем во Флоренции, потому что мы сидели во втором ряду, и маски не могли к нам подходить, но и вообще, мне кажется, что здесь больше бывает простой народ, чем люди из общества; совсем не было видно красивых масок: была одна, вся в красном, как в прошлом году во Флоренции, и по ее манерам мы решили, что это та же самая. Тетушка[2] была с кн. Гагариной и Софьей Раевской[3] в ложе, а мы трое с дядей[4] в другой. Гоголь провел с нами некоторое время, трое масок вошли к нам в ложу, и мы их узнали прежде, чем они заговорили. Это были Стрэтт, Уиллс и Энсли. Последний, одетый садовником, принес нам увядшие цветы и сам представлялся нам как увядшая фиалка, отчего мы хохотали, как безумные»[5].

В тот же день Ф. И. Буслаев записал в дневнике: «Февр<аля> 23 <1841>. Остался бы важнейший пробел в моем журнале, если бы я ничего не написал о Римском Карнавале. Сегодня его последний день. Я уже был на Корсо и видел маколетти, коими заключили шумный недельный праздник. Музыка, отряды войска и пушки дают сигнал к началу (в 2 часа) Карнавала, удалению карет (около 4 ½ часов), лошадиной скачке (в 5 часов) и т. д., отчего все носит характер какого-то законом определенного и ограниченного обряда; оттого — при ограниченном времени — Итальянец дорожит минутами наслаждения. Простота и общежительность — вот источник, откуда должно вести [начало] характеристику карнавала: весь город здесь родня и друзья — перебрасываются конфетами или кариандолями из мела и цветами; будучи наряжены — воображают, что все им знакомы, и го-

ворят со всеми — вот важный общежительный элемент в маскераде; он совершенно согласуется с бросаньем конфет и задуваньем моколей. Надо быть дитятей и наивным, как Итальянец, чтобы, нарядившись, без устали ежеминутно говорить глупости, или повторять одно и то же, что, разумеется, каждому встречному, услышавшему только раз, кажется новостью. Дети и взрослые — совершенно равняются на Карнавале. Многие гуляют наряженные — без всяких претензий на шутки — и наряжены как бы по обычаю, по необходимости; другие наряжены для того, что платье настоящее испортилось бы от мела и толкотни: таких, я думаю, особенно много. Иные выезжают просто в блузах и фуражках: ибо так удобнее бросить и получить меловые удары на простой блузе, а не на суконном платье, которое оттого испортилось бы: да в блузе и легче — особенно при такой восхитительной погоде, какая стояла во время Карнавала. Оттого кажется, что все как дома, кто как хочет — так и выходит: свобода — также одна из главных черт римского карнавала. Особенно оригинален вид Корсо во время Карнавала. Как самые костюмы и люди, так и экипажи, полные дамами, а кучер и лакей у них — маскированы — или турком или дамою и т. п. — носят характер поэтического беспорядка, при смене масок и немасок, щегольства и тряпок, праздничных украшений и домашних блуз; так и Корсо — с одной стороны, весь одет по-праздничному — т. е. из-за каждого окна вывешено красное покрывало; а с другой, — все магазины и лавки открыты, как в будни. — Удрученный недугом — я невольно забывался среди Корсо — увлеченный беготнею масок, криком, шумом, хохотом, всеобщим веселием — под теплым небом. Перенести к нам Карнавал невозможно точно так же, как римский климат, цветы, свободу, наивность, простоту, беспорядки, — главных украшений Карнавала»[6].

[1] Ночной бал-маскарад (*ит.*).

[2] Вероятно, Варвара Николаевна Давыдова (рожд. Лихарева; 1803–1876), вторая жена (с 1833 г.) брата В. Л. Давыдова, Петра Львовича.

[3] Имеется в виду фрейлина Софья Николаевна Раевская, сестра М. Н. Волконской (1804–1863), двоюродная сестра Ел. В. Давыдовой (см. также ***1837. Марта 26 <14> — июня вторая половина, не позднее 25 <июня первая половина, не позднее 13>. Рим***; ***1837. Апреля 30 <18>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Рим***; ***1841. Февраля 28 — марта 7 <февраля 16–23>. Рим***; ***1842 октября 4 <сентября 22> — 1843 мая 2 <апреля 20>. Рим***).

[4] Вероятно, Петр Львович Давыдов (1782–1842), генерал-майор.

[5] Гоголь в дневниковых записях Ел. В. Давыдовой 1841 г. // *Свод.* Т. 3. С. 323.

[6] *Свод.* Т. 3. С. 319.

МАРТА 11 <ФЕВРАЛЯ 27>. ЧЕТВЕРГ. ВЕЧЕР. РИМ

Ел. В. Давыдова записывает в дневнике:

«В четверг вечером пришла нас повидать мисс Харботтл, и постепенно наша гостиная начала наполняться неожиданными посетителями. Г. Стрэшн, вся семья Обуховых[1], Гоголь и Панов, и мы провели вечер довольно весело, играя в разные игры. Нам пришлось много смеяться над бедным г. Стрэшном».

Гоголь в дневниковых записях Ел. В. Давыдовой 1841 г. // *Свод.* Т. 3. С. 323.

[1] См. ***1841. Февраля 14 <2>. Воскресенье. Праздник Сретения Господня. Вечер. Рим***; ***1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим***.

МАРТА СРЕДИНА <МАРТА НАЧАЛО>. РИМ

Гоголь за обедом с И. К. Айвазовским, Н. П. Боткиным и В. А. Пановым и произносит застольную речь в честь Айвазовского, получившего от папы Григория XVI золотую медаль за картину «Хаос».

Картина Айвазовского «Хаос» была написана осенью 1840 — зимой 1840/41 гг. в Неаполе; в конце февраля — начале марта (н. ст.) 1841 г., во время карнавала, была выставлена в Риме[1]. Папа Григорий XVI приобрел картину и наградил художника золотой медалью.

В начале июня 1841 г. «Художественная Газета», редактируемая А. Н. Струговщиковым, сообщала: «В Одесском Вестнике <от 17 мая 1841 г., № 40> напечатаны любопытные известия об успехах Гайвазовского в Италии. <...> Художественная Газета <...> сохраняет в столбцах своих выписку из статьи Одесского Вестника. "В Риме и в Неаполе все говорят о картине Гайвазовского. В Неаполе так полюбили нашего художника, что дом его целый день наполнен посетителями. <...> В Риме, на художественной выставке, картины Гайвазовского признаны первыми. "Неаполитанская ночь", "Буря" и "Хаос" наделали столько шуму в столице изящных искусств, что залы вельмож, общественные сборища и притоны артистов оглашались славою новороссийского пейзажиста... <...> Папа купил картину его "Хаос" и поставил ее в Ватикане, куда удостаиваются быть помещенными только произведения первейших в мире художников. Изображение Хаоса, по общему мнению, отличается новою идеею и признано чудом искусства. Любопытно было бы получить описание этой картины, чтобы судить, до какой степени наш художник умел воспользоваться этой смутною и грандиозною идеею. Его святейшество пожелал непременно видеть Гайвазовского, видел его и, в знак отличного своего благоволения, пожаловал ему золотую медаль"»[2].

В 1900 г. Н. Н. Кузьмин сообщал: «По приезде в Петербург из-за границы[3] Айвазовский снова встретил у Панова Гоголя, который горячо приветствовал его после блестящих успехов за границей и, по воспоминаниям И<вана> К<онстантиновича>, за обедом у Панова[4] сказал, обращаясь к нему, целый прочувствованный и согретый живым юмором спич по поводу полученной Айвазовским от папы Григория XVI за помещенную в римской галереи Ватикана знаменитую картину его «Хаос» золотой медали»[5].

В 1901 г. Кузьмин уточнял: «Особенно сильное впечатление произвела в Риме картина «Хаос». Она так понравилась тогдашнему главе римской курии, папе Григорию XVI, что он решил купить ее и украсить ею стены Ватикана. <...> ...Папа <...> наградил молодого художника золотою медалью. Картина же «Хаос» и поныне украшает галлерею Ватикана[6]. Золотую медаль Айвазовского спрыснули у Панова и Боткина шампанским. Присутствовавший тут же Гоголь во время разгара пиршества сказал, обращаясь к Айвазовскому:

— Исполать тебе, Ваня. Пришел ты, маленький человек, с берегов Невы в Рим и сразу поднял «Хаос» в Ватикане! И ведь что обиднее всего, — продолжал Гоголь после того, как Айвазовский бросился ему на шею от восторга, — мне бы в шею за это дали, а Ване Айвазовскому дали золотую медаль»[7].

В 1912 г. был опубликован отрывок из письма Айвазовского, который ранее пересказывал Кузьмин: «За обедом, в присутствии многих художников, бессмертный творец "Мертвых Душ" обратился ко мне с следующим тостом: "Исполать тебе, Ваня. Пришел ты, маленький человек, с берегов далекой Невы в Рим и сразу поднял хаос в Ватикане. И ведь что обидно, — закончил свою речь Гоголь, — подними я в Ватикане хаос, мне бы в шею за это дали, а Ване Айвазовскому — золотую медаль"»[8].

В основе замысла картины «Хаос» (*греч.* chaos — зияющее, пропасть, тьма; первобытный мрак, предшествующий сотворению мира) художником были положены строки второго стиха первой главы Книги Бытия: «Земля же бе невидима и неустроенна: и тма вверху бездны: и Дух Божий ношашеся вверху воды». Для раннего периода творчества Айвазовского замысел подобного религиозного содержания является уникальным. Можно предположить, что его возникновением художник был во многом обязан встрече с Гоголем в сентябре 1840 г. Известно, что для Гоголя было свойственно придумывать сюжеты картин знакомым художникам. А. А. Иванову он помогал в разработке композиции «Явления Мессии»[9] и жанровых картин «Октябрьские праздники»[10]. Ф. А. фон Моллеру Гоголь подсказал сюжеты картин «Крещение Владимира»[11] и «Русалка» (для последней картины Гоголь собственноручно переписал для Моллера одноименное стихотворение А. С. Пушкина, подписав его: «Переписана на память и на чудное дело Н. Гоголем»[12]). В гоголевских бумагах сохранилась также выписка начальных стихов Книги Бытия (гл. 1, ст. 1–9), где строки, составляющие основу замысла картины Айвазовского, представлены в контексте источника[13]. Выписка, назначение которой не вполне ясно, датируется 1830-ми — первой половиной 1840-х гг., т. е. сделана в период знакомства Гоголя с Айвазовским и создания художником картины «Хаос».

По поводу происхождения гоголевской выписки, «предвосхищающей» замысел «Хаоса», можно высказать следующее предположение. Во второй половине — конце августа (н. ст.) 1840 г., незадолго до встречи с

Айвазовским[14], Гоголь пережил в Вене тяжелую болезнь[15], приступы которой напомнили ему предсмертные страдания графа И. М. Виельгорского, скончавшегося в Риме 2 июня (н. ст.) 1839 г.[16] По словам Гоголя в письме к М. П. Погодину от 17 октября (н. ст.) 1840 г., он испытал тогда в Вене то «ужасное беспокойство», в котором видел «бедного Виельгорского в последние минуты жизни»[17]. Незадолго перед кончиной Виельгорский подарил Гоголю Библию, на которой «дрожащей рукою было написано: *другу моему Николаю*» — о которой Гоголь сказал тогда «с глубоким выражением»: «Эта книга мне вдвое святее»[18]. Возможно, пережитая болезнь, напомнившая Гоголю смерть Виельгорского, и побудила писателя обратиться к чтению Библии, подаренной покойным другом.

Возможно, определенное влияние на попытку Айвазовского создать произведение духовного содержания оказал и пример встреченного тогда Айвазовским во Флоренции Иванова — с его религиозным отношением к искусству. (Позднее, в 1846 г., во время пребывания в Риме Гоголя, и сам Иванов, параллельно работе над «Явлением Мессии», принимается за воплощение библейских сюжетов[19].) Во всяком случае тот факт, что в основу картины Айвазовского были положены выписанные Гоголем в те же годы строки, мог иметь особенное значение для писателя, произнесшего спустя полгода после знакомства по поводу новой картины Айвазовского особый тост.

Поскольку Айвазовский привез в Рим картину «Хаос» ко времени карнавала, заканчивавшегося в 1841 г. в воскресенье 7 марта (н. ст.)[20], а 8 мая (н. ст.) того же года вернулся в Неаполь[21], то застольную речь Гоголя следует датировать, очевидно, этим периодом. Уточнить датировку позволяет время отъезда из Рима В. А. Панова (присутствовавшего на обеде) — 6 мая (н. ст.) 1841 г.[22] В то же время П. В. Анненков, прибывший в Рим в Великую Среду 7 апреля (н. ст.) 1841 г.[23], о шумном успехе в Риме картин Айвазовского не упоминает. Возможно, это случилось до приезда Анненкова, т. е. в период с конца февраля по конец марта (н. ст.) 1841 г., что позволяет датировать застольное приветствие Гоголя Айвазовскому предположительно срединой марта (н. ст.) 1841 г.

В 1901 г. Н. Н. Кузьмин также сообщал: «Гоголь, как истинный поэт и художник в душе, всем восхищался и особенно картинами Айвазовского»[24].

В своем письме (отрывок из которого был опубликован в 1912 г.[25]) Айвазовский сообщал: «Почти каждое утро, по приезде в Рим, я заставал Гоголя в кофейной “Del bouon gust” отдыхающим на диване после завтрака за большой чашкой кофе, очень крепкого, с жирными сливками. Любимой нашей прогулкой в Риме была прогулка на морском берегу или via Appia. Затем до заката солнца я снова с Гоголем гулял, любуясь морем и набрасывая эскизы в свой альбом, или осматривал древности, иногда вместе с Гоголем. Затем Гоголь заходил в кафе Греко, оттуда спешил домой писать свой роман, а я отправлялся к себе и весь уходил в работу. Только при отъезде Гоголь прочел мне поэтические главы первого тома “Мертвых Душ”. В свободные вечера вместе с Гоголем перечитывали некоторые поэмы Пушкина и любимые места из Данте... Надо сказать вам, что Гоголь не выносил римского зноя и с наступлением жаров бросал свои прежние привычки, запираясь иногда на целые дни дома и жалуясь на свой организм и натуру. При этом на письменном столе Гоголя неизменно стоял полный графин чистой, холодной воды из ближайшего каскада; оттуда в промежутках между работой и чтением осушал он стакан за стаканом до дна, говоря, что любимый напиток его — вода[26]. <...> С огнем вдохновения бессмертный творец читал мне и свой роман. В то время глаза его сверкали неземным огнем, казалось, то метая молнии на всех окружающих, то необычайно мягко и кротко светились, и вместе с нежным, вкрадчивым голосом, казалось, насквозь проникали в душу. На щеках его пылал яркий румянец, и он утолял внутренний жар водою, которую пил стакан за стаканом»[27].

[1] См. ***1841. Февраля 28 – марта 7 <февраля 16–23>. Рим.***

[2] Гайвазовский в Италии // Художественная Газета. 1841. № 11 (цензурное разрешение 8 июня). С. 1–3.

[3] Описанный случай произошел в Риме в средине марта (н. ст.) 1841 г.

[4] Панов к средине марта (н. ст.) 1841 г. жил в одной квартире с Гоголем (см. ***1841. Февраль <января вторая половина – февраля средина>. Рим***).

[5] *Кузьмин Н. Н.* Гоголь и И. К. Айвазовский. (По воспоминаниям Айвазовского) // *Свод.* Т. 3. С. 306.

[6] В начале XX в. римский папа Леон XIII подарил картину И. К. Айвазовского «Хаос» (1841) армянскому католическому монашескому ордену мхитаристов; с тех пор полотно находится в Музее Армянской конгрегации мхитаристов на о. Св. Лазаря в Венеции.

[7] *Кузьмин Н. Н.* И. К. Айвазовский и его произведения // *Свод.* Т. 3. С. 311; см. также: Воспоминание о профессоре И. К. Айвазовском Н. Н. Кузьмина // *Свод.* Т. 3. С. 314.

[8] *О. А.* Айвазовский и Гоголь // *Свод.* Т. 3. С. 317.

[9] См. ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4>. Рим.***

[10] См. ***1842. Декабря 8 <ноября 26>. Четверг. Рим.***

[11] *Гусева Е. Н.* Александр Иванов. Письма к Гоголю // Советское искусствознание. Вып. 26. М., 1990. С. 430, 436. – См. также ***1841. Декабря средина <декабря начало>. Рим***; ***1842. Февраля между 9 и 13 <между января 28 и февраля 1>. Рим.***

[12] См. ***1839. Марта 18 <6>. Понедельник. Рим***; ***1839. Октября 30 – декабря 17. Санкт-Петербург***; ***1840. Июля начало <июня вторая половина>. Рим***; ***1841. Марта 22 <апреля 3>. Лазарева суббота. Санкт-Петербург***; *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 636.

[13] Впервые опубликовано: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 143.

[14] См. ***1840. Сентября 2 <августа 21>. Среда. Венеция.***

[15] См. ***1840. Августа вторая половина – конец <августа начало – средина>. Вена.***

[16] См. ***1839. Июня 2 <мая 21>. Воскресенье. Рим.***

[17] См. ***1839. Июня 1 <мая 20>. Суббота. Рим.***

[18] См. ***1839. Июня первая половина (после 5 числа) <мая конец (после 24 числа)>. Фраскати, вилла Фальконьери.***

[19] См. ***1846 января 2 <1845 декабря 21>. Пятница. Рим.***

[20] См. ***1841. Марта 7 <23>. Воскресенье. Рим.***

[21] См. ***1841. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь.***

[22] См. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим.***

[23] См. ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим.***

[24] Воспоминание о профессоре И. К. Айвазовском Н. Н. Кузьмина // *Свод.* Т. 3. С. 315.

[25] Пересказ этого отрывка см. также: Воспоминание о профессоре И. К. Айвазовском Н. Н. Кузьмина <1901> // *Свод.* Т. 3. С. 314–315.

[26] Ср. в «Воспоминаниях о Гоголе» П. В. Анненкова (1857): «На письменном его бюро стоял уже графин с холодной водой из каскада Терни, и в промежутках работы он опорожнял его дочиста, а иногда и удвоивал порцию. <...> При наступившем вскоре римском зное Гоголь довольно часто жаловался на особенное свойство болезненной своей природы – никогда не подвергаться испарине. <...> ...Гоголь крепче притворял внутренние ставни окон от неотразимого южного солнца...» (см. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим***).

[27] *О. А.* Айвазовский и Гоголь // *Свод.* Т. 3. С. 317.

МАРТА 17 <5>. СРЕДА. РИМ

Гоголь высылает М. П. Погодину[1] и С. Т. Аксакову «изменения и приложения» ко второму изданию «Ревизора»[2].

В письме к Аксакову сообщает: «...Вы ожидали высылки мною обещанных изменений и приложений, следуемых ко 2 изданию “Ревизора”. Но я не мог найти нигде их. Теперь только случаем нашел их там, где не думал. Если б вы знали, как мне скучно теперь заниматься тем, что нужно на скорую руку, как мне тягостно на миг оторваться от труда, наполняющего ныне всю мою душу. – Но вот Вам, наконец, эти приложения. Здесь письмо, писанное мною к Пушкину [вслед за первым предст<авлением> Ревизора][3] по его собственному желанию. Он был тогда в деревне. Пьеса игралась без него. Он хотел писать полный разбор ее для своего журнала и меня просил уведомить, как она была выполнена на сцене. Письмо осталось у меня неотправленным, потому что он скоро приехал сам[4]. Из этого письма я выключил то, что собственно могло быть интересно для меня и для него, и оставил только то, что может быть интересно для будущей постановки “Ревизора”, если она когда-нибудь состоится. Мне кажется, что прилагаемый отрывок будет нелишним для умного актера, которому случится исполнять роль Хлестакова. Это письмо под таким названием, какое на нем выставлено, нужно отнесть на конец пиэсы, а за ним непосредственно следуют две прилагаемые, выключенные из пиэсы, сцены. Небольшую характеристику ролей, которая находится в начале книги первого издания[5], нужно исключить. Она вовсе не нужна. У Погодина возьмите приложенное в его письме изменение четвертого акта, которое совершенно необходимо. Хорошо бы издать “Ревизора” в миниатюрном формате; а впрочем, как найдете лучшим. Теперь я должен с вами поговорить о деле важном, но об этом сообщит вам Погодин. Вы вместе с ним сделаете совещание, как устроиться лучше. Я теперь прямо и открыто прошу помощи, ибо имею право и

чувствую это в душе. Да, Друг мой! я глубоко счастлив. Несмотря на мое болезненное состояние, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю дивные минуты. Создание чудное творится и совершается в душе моей, и благодарными слезами не раз теперь полны глаза мои. Здесь явно видна мне святая воля Бога: подобное внушенье не приходит от человека, никогда не выдумать ему такого сюжета. О, если бы еще три года с такими свежими минутами! Столько жизни прошу, сколько нужно для окончания труда моего, больше ни часу мне не нужно. Теперь мне нужно необходимо дорога и путешествие: они одни, как я уже заметил, восстановляют меня. У меня все средства истощились уже несколько месяцев. Для меня нужно сделать заем. Погодин вам скажет[6]. В начале же 42 года выплатится мною все, потому что одно то, которое уже у меня готово и которое, если даст Бог, напечатаю в конце текущего года, уже достаточно для уплаты. Теперь я ваш; Москва моя родина. В начале осени я прижму вас к моей русской груди. Все было дивно и мудро расположено высшею Волею: и мой приезд в Москву, и мое нынешнее путешествие в Рим, все было благо. <...> Мне тягостно и почти совершенно невозможно теперь заняться дорожными мелочами и хлопотами. <...> Я придумал вот что: пусть за мною приедут Михаил Семенович <Щепкин> и Константин Сергеевич <Аксаков>[7]... <...> Они сделают небесполезное дело. Они привезут с собой глиняную вазу; конечно, эта ваза теперь вся в трещинах, довольно стара и еле держится; но в этой вазе теперь заключено сокровище[8], стало быть ее нужно беречь. <...> Письма мне адресуйте на имя Банкира Валентини, это будет вернее, чем Poste restante[9]. Адрес его: Piazza Apostoli, Palazzo Valentini».

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «...Письмо от 5 марта <...> 1841 года получено мною уже тогда, когда Богу было угодно поразить нас ужасным и неожиданным ударом; именно 5 марта потеряли мы сына[10], полного крепости телесных сил и всяких блистательных надежд; а потому все поручения Гоголя передал я к исполнению Погодину. <...> Это письмо привело в восхищение всех друзей Гоголя, а также меня и мое семейство настолько, насколько наши убитые горестью сердца могли принять в этом участие. Письмо это утверждает обращение Гоголя к России[11]; слова "к русской груди моей" это доказывают. Можно также заключить, что Гоголь переезжал в Москву навсегда[12], с тем чтобы уже не ездить более в чужие края, о чем он и сам мне говорил сначала по возвращении из Рима. Как слышна искренность убеждений Гоголя в этом письме в великость своего труда, как в благую, свыше назначенную цель всей своей жизни. Поехать к Гоголю, так сказать, навстречу, чтоб привезть его в Москву, никто не мог: Константину невозможно было разлучиться с нами в это печальное время; Щепкин не имел никаких средств ехать, да и получить заграничный отпуск было бы для него очень затруднительно. Что же касается до займа денег для Гоголя и вообще до его письма об этом предмете[13], то его не вдруг показали мне, потому что мне было не до того»[14].

[1] Письмо к Погодину не сохранилось.

[2] См. также ***1840. Октября 29 <17>. Четверг. Рим***; ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим***; ***1841. Января 31 <февраля 12>. Пятница. Москва***; ***1841. Февраль <января вторая половина – февраля средина>. Рим***.

[3] Имеется в виду «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления "Ревизора" к одному литератору». Впервые напечатано в «Москвитянине» (1841. Ч. III. Кн. VI) и в приложении к изд.: Ревизор, комедия в пяти действиях, соч. Н. Гоголя (2-е изд. М., 1841).

[4] См. ***1836. Мая 23. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1836. Мая 25. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[5] «Характеры и костюмы. Замечания для гг. Актеров». – Ср. ***1841. Июля 26 <августа 7>. Суббота. Москва.***

[6] По свидетельству С. Т. Аксакова, Гоголь написал тогда «общее письмо», адресованное М. П. Погодину, С. П. Шевыреву, а также самому Аксакову: «Общее это письмо было написано ко мне, к Погодину и Шевыреву» (*Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 700). Далее Аксаков наметил для себя, для помещения в «Историю...», краткий план работы: «Общее письмо, объяснение его и действия по нем» (*Свод.* Т. 2. С. 701), – однако намерение описать эти события осталось неосуществленным.

[7] Тремя годами ранее сам С. Т. Аксаков советовал К. С. Аксакову, находившемуся в это время за границей, съездить в Рим к Гоголю (см. ***1838. Июля 18 <30>. Понедельник. Москва***). – См. также ***1841. Марта 25 <13>. Четверг. Рим***; ***1841. Мая 15 <3>. Суббота. Рим***.

[8] Подразумеваются слова св. апостола Павла во Втором послании к Коринфянам: «Имамы же сокровище сие в скудельных сосудех, да премножество силы будет Божия, а не от нас» (гл. 4, ст. 7). «Скудель, глина: скудельник, горшешник; скудельница, глиняная ваза» (гоголевский «объяснительный словарь» русского языка).

[9] До востребования.

[10] Михаила Сергеевича Аксакова. – См. ***1841. Мая не позднее 6 <апреля между 19 и 24>. Рим***; ***1841. Мая 15 <3>. Суббота. Рим***.

[11] Пристрастное мнение о якобы *едва начавшемся* в 1840 г. «обращении Гоголя к России» (опровергаемое всем содержанием гоголевского творчества, начиная с ранних произведений) С. Т. Аксаков, судя по всему, заимствовал в том же 1840 г. у западника В. Г. Белинского, «пустившего в ход» это мнение в определенных целях (см. ***1840. Сентября начало – декабря начало <сентября средина – декабря средина>. Санкт-Петербург***; ***1840. Декабря 11 <23>. Среда. Санкт-Петербург***). – См. также ***1848. Июня 8. Вторник. Васильевка*** (примечание).

[12] Об этом Гоголь сообщал также в 1847 г. в «Авторской исповеди» (см. ***1839. Сентября 26. Вторник. Москва*** – примечания).

[13] Подразумевается несохранившееся «общее письмо» к М. П. Погодину, С. П. Шевыреву и С. Т. Аксакову (см. примеч. выше).

[14] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 699–700. См. также: *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 639.

МАРТА 19 <7>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь и В. А. Панов встречают в Колизее сестер Екатерину и Елисавету Васильевн Давыдовых.

Из дневника Ел. В. Давыдовой: «Приехав туда <в Колизей>, мы все бегали, играли в горелки; гуляли с факелами под аркадами. Мы встретили Гоголя и Панова, которые сказали нам, что здесь Обуховы[1], чему мы очень обрадовались».

Гоголь в дневниковых записях Ел. В. Давыдовой 1841 г. // *Свод.* Т. 3. С. 323.

[1] См. ***1841. Февраля 14 <2>. Воскресенье. Праздник Сретения Господня. Вечер. Рим***; ***1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим***.

МАРТА МЕЖДУ 17 И 25 <МЕЖДУ 5 И 13>. РИМ

Гоголь получает из Москвы письма от С. Т. Аксакова (и, вероятно, от К. С. Аксакова), а также письмо от сестры Елисаветы.

См. ***1841. Марта 25 <13>. Четверг. Рим***.

МАРТА 25 <13>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Гоголь получает письма из Васильевки от матери и от сестры Анны[1]. Пишет ответные[2] письма в Москву С. Т. Аксакову, сестре Елисавете (и, – вероятно, в тот же день – К. С. Аксакову); матери и сестре Анне – в Васильевку.

Из письма к С. Т. Аксакову: «Едва только я успел отправить письмо мое к вам с приложеньями к “Ревизору”[3], как получил вслед за тем Ваше[4]. <...> “Ревизора”, я полагаю, не отложить ли до осени[5]? Время близится к лету; в это время книги сбываются плохо, и вообще торговля не движется. Отпечатать можно теперь, а выпуском повременить до осени. <...> Вы пишете, чтобы я прислал что-нибудь в журнал Погодину. Боже! Если бы вы знали, как тягостно, как разрушительно для меня это требование... <...> Теперь на один миг оторваться мыслью от святого своего труда для меня уже беда. <...> Но так и быть, я отыщу какой-нибудь старой лоскуток и просижу над переправкой и окончательной отделкой его... <...> Труд мой велик, мой подвиг спасителен; я умер

теперь для всего мелочного. И для презренного ли журнального, пошлого, занятого ежедневным дрязгом, я должен совершать непрощаемые преступления? и что поможет журналу моя статья? Но статья будет готова и недели через три выслана. <...> Не говорите о моем приезде никому и Погодину скажите, чтоб он также не говорил... <...> Обнимите Погодина и скажите ему, что я плачу, что не могу быть полезным ему со стороны журнала; но что он, если у него бьется русское чувство любви к отечеству, он должен требовать, чтоб я не давал ему ничего. <...> Насчет денег нужно будет распорядиться скорее. В мае месяце я полагаю выехать из Рима, месяцы жаркие провести где-нибудь в холодных углах Европы, может быть в Швейцарии, и к началу сентября в Москву...»

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Желание Гоголя не исполнилось. "Ревизор" был напечатан Погодиным со всеми приложениями, которые предварительно были помешены в "Москвитянине", что, разумеется, было Гоголю неприятно. Хотя я был тогда в таком положении, что не могу обвинять строго себя, но я должен признаться, что финансовые расчеты журналиста не казались мне тогда так противными, как теперь, и что вообще я не умел понимать во всей полноте страдальческого положения Гоголя; очевидным доказательством тому служит мое письмо к Гоголю, в котором я просил, чтоб он прислал что-нибудь в журнал Погодину. (Прилагаю письмо Погодина ко мне, из которого видно, что я противился помещению в "Москвитянине" добавочных сцен к "Ревизору". Это письмо вполне объясняет образ действий Погодина с Гоголем[6]: <...>.) Теперь для меня это очень прискорбно, но прошедшего не воротишь. Я особенно должен обвинять себя потому, что только моя просьба (как мне кажется) могла заставить Гоголя оторваться от своего святого труда, пожертвовать своею чудною итальянскою повестью "Ан<н>унциата", которой начало он нам читал, и сделать из нее отдельную статью под названием "Рим", которая впоследствии была напечатана в "Москвитянине". Впрочем, у Гоголя недостало сил исполнить свое обещание так скоро; он точно оставил было "Мер<твые> Д<уши>" и принялся за переделку "Ан<н>унциаты"; но он был так занят, так погружен в мир своей поэмы, что работа не спорилась и сделалась для него невыносимою. Он бросил ее и докончил уже в Москве»[7].

Из письма Гоголя к К. С. Аксакову: «В этот раз ваше письмо было для меня особенно радостно, милый Константин Сергеевич. Из него и уже отчасти из письма Сергея Тимофеевича к Панову[8] я слышу душою, что вы вступили на прямо русскую дорогу[9]. Стало быть, встреча между нами неизбежна, еще теснейшая, ближайшая встреча. Вы напрасно извиняетесь в письме, что заикнулись про немецкую философию. Опасаясь только того, чтобы вы не вдались односторонне в нее как в науку – для нее же самой, я радовался, между прочим, внутренне при мысли, если вы ею [сами собою] проберетесь на русскую дорогу, ее употребите, как лес, для поднятия себя на известную вышину, с которой можно начать здание, полетящее к небесам или просто на утесистую гору, с которой шире и дале откроются вам виды. О, как есть много у нас того, что нужно глубоко оценить и на что взглянуть озаренными глазами! Вам не нужно теперь ехать в Италию, ни даже в Берлин; вам нужен теперь труд, вам просто нужно заставить теперь руку побегать по бумаге. Нет нужды, что еще не вполне вызрела, развилась и освежилась мысль; кладите ее смело на бумагу, подержите только в портфеле и не выдавайте до времени в свет. Ибо великое дело, если есть рукопись в портфеле. Вы еще не можете этого постигнуть. Сверх труда вам еще нужен теперь я, и я это чувствую в душе. Мы многим можем быть полезны друг другу. Мне бы очень хотелось, чтобы вы за мною приехали[10] в Германию и чтобы мы дружно совершили возвращение на родину, рука в руку.

Покамест вот вам слова, которые вечно должны звучать в ушах ваших. Есть у русского человека враг, непримиримый, опасный враг, не будь которого, он был бы исполином. Враг этот – лень, или, лучше сказать, какое-то болезненное усыпление, одолевающее русского. Много мыслей, не сопровождаемых воплощением, уже у нас погибло бесплодно. Помните вечно, что всякая втуне истраченная минута *здесь* неумолимо спросится *там*, и лучше не родиться, чем побледнеть перед этим страшным упреком».

Из письма к сестре Елисавете: «Я получил твое письмо вместе с письмом Сергея Тимофеевича <Аксакова>[11]. Вероятно, ты уже теперь получила и прочла мое письмо, посланное вместе с письмом к Прасковье Ивановне <Раевской>[12]... <...> Письмом своим поспеши скорее, потому что я через полтора месяца оставлю Рим[13] и проведу лето и часть осени или в Швейцарии, или в Германии, где именно – неизвестно. К зиме надеюсь, если даст Бог, быть в Москве. Поблагодари от меня несколько раз Надежду Карловну <Зедергольм> за ее любовь к тебе и советы».

Из письма к матери: «Сегодня только попалось мне в руки письмо ваше, писанное вами четыре месяца назад в ответ на мое, которое я считал уже пропавшим. По ошибке на почте оно попало в другой ящик и пролежало до сего дня. Ответ на ваше последнее письмо мною уже вам послан[14], а <это> пишу <...>, чтобы изъявить вам мою <радость>, по случаю вестей о моем племянн<ике>[15]. По словам Анет, это вы<ходит> едва ли не чудо. <...> Но теперь, покаместь, пусть он продолжает так свое воспитание, как есть, которое, как я вижу, очень недурно, а через год или два, особенно, когда окажется в нем к чему-либо преимущественная наклонность, тогда подумаем об воспитании более сурьезном. Сестра Марья да не позабудет всей важности своего долга, а я буду помогать ей всеми силами».

Из письма к сестре Анне: «Мне теперь только сегодня попалось в руки твое письмо, писанное тобою 3-го ноября[16] в ответ на мое о хозяйстве[17]. Оно валялось на почте, тогда как я наведывался и спрашивал беспрестанно, нет ли ко мне писем, и наконец это письмо уже попало в кучу, назначенную в обратное отправление. Случайно один из моих знакомых, разгребая эту кучу, дал знать мне, и я сегодня только получил его ровно четыре месяца с половиною после того, как оно было писано ко мне. Не стыдно ли тебе? Или ты меня так мало знаешь? Неужели ты думаешь, что я стал бы принуждать тебя к тому, к чему у тебя нет склонности. Почему я тебе советовал заняться хозяйством? Потому что я боялся, чтобы тебе не показалась слишком скучна жизнь в деревне... <...> Я тебе сделал упрек, что ты слушаешь и даешь значение пустым мнениям простолюдина насчет праздников, а ты приняла это за желание мое, чтобы ты много трудилась. <...> Но я тебе благодарен за письмо... <...> Как духовнику мы желаем прежде всего объявить то, что тягостнее лежит на душе нашей, так и мне прежде всего ты должна сказать то, что почему-либо тебе покажется тягостно говорить мне. <...> Я не хочу, чтобы ты переводила более часу в день. Лучше оставлять работу тогда, когда еще хочется немного заняться, а не тогда, когда уже вовсе не хочется. <...> Письмо пиши ко мне скорее, чтобы застало меня в Риме. На лето я уезжаю[18] в Швейцарию».

[1] См. ***1840. Ноября 3 <15>. Воскресенье. Васильевка.***

[2] См. ***1841. Марта между 17 и 25 <между 5 и 13>. Рим.***

[3] См. ***1841. Марта 17 <5>. Среда. Рим.***

[4] Письмо, написанное С. Т. Аксаковым до кончины его сына Михаила (5/17 марта 1841 г.), не сохранилось.

[5] Цензурное разрешение второго издания «Ревизора» было дано 26 июля 1841 г.; в продажу издание поступило осенью 1841 г.

[6] Следует текст письма (см. ***1841. Марта 23–25 <апреля 4–6>. Москва***).

[7] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 702. См. также: *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 639.

[8] В ответ на письмо В. А. Панова к С. Т. Аксакову от 21 ноября (н. ст.) 1840 г. из Рима (см. ***1840. Мая 18. Суббота. Полдень. Москва, Перхушково***; ***1840. Июля 7 <июня 25>. Вторник. Вена***; ***1840. Июля 8 <июня 26>. Среда. Вена***; ***1840. Августа вторая половина – конец <августа начало – средина>. Вена***; ***1840. Сентября 2 <августа 21>. Среда. Венеция***; ***1840. Сентября 25 <13>. Пятница. Рим***; ***1840. Ноября около 11 <октября около 30>. Рим***; ***1840. Ноября 21 <9>. Суббота. Рим***).

[9] Ср. ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим*** (примечания).

[10] См. также ***1841. Марта 17 <5>. Среда. Рим***; ***1841. Мая 15 <3>. Суббота. Рим.***

[11] См. ***1841. Марта между 17 и 25 <между 5 и 13>. Рим.***

[12] См. ***1840. Июня 25 <13>. Четверг. Вена.***

[13] Ср. ***1841. Августа средина <августа начало>. Рим.***

[14] См. ***1841. Января 31 <19>. Понедельник. Рим.***

[15] Н. П. Трушковский.

[16] См. ***1839. Ноября 3 <15>. Воскресенье. Васильевка.***

[17] См. ***1840. Октября 13 <1>. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Рим.***

[18] Ср. ***1841. Августа средина <августа начало>. Рим.***

МАРТА 15 <27>. СУББОТА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Письмо к <А. И.> Лобкову о библиотеке для Русских художников в Риме»[1].

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1840–1841 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 472.

[1] См. ***1840 декабря 31 <1841 января 12>. Вторник. Москва.***

МАРТА 31 <19>. СРЕДА. РИМ

Гоголю исполняется 32 года.

МАРТА 20 <АПРЕЛЯ 1>. ЧЕТВЕРГ. КИЕВ

Цензурное разрешение второго выпуска альманаха М. А. Максимовича «Киевлянин», где, в частности, напечатана повесть П. А. Кулиша «Огненный змей» (С. 181–288).

МАРТА 21 <АПРЕЛЯ 2>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

В Московский цензурный комитет поступил «для представления в корректурных листах к Г. Ценсору [Крылову] Снегиреву Ревизор, соч. Гоголя».

Книга для записей рукописей и книг Московского цензурного комитета // *Свод.* Т. 2. С. 167. – См. также ***1841. Марта 17 <5>. Среда. Рим.***

МАРТА 22 <АПРЕЛЯ 3>. ЛАЗАРЕВА СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение № 7 «Художественной Газеты» за 1841 г. с новой[1] статьей А. Н. Струговщикова о картине Ф. А. фон Моллера «Поцелуй»:

«Говорят, что Моллер теперь занят в Риме картиною “Русалка”, сюжет которой заимствован из превосходной баллады Пушкина, “Отшельник” <“Русалка”>. Мы в то же время слышали, что тяжкая болезнь художника едва не лишила нас прекрасного дарования в полном цвету его; но гроза миновала – и Моллер нас скоро обрадует своим новым, и без сомнения также прекрасным произведением»[2].

[1] См. также ***1840. Августа 7 <19>. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] <*Струговщиков А. Н.*> Поцелуй. Картина Ф. А. фон-Моллера // Художественная Газета. 1841. № 7 (цензурное разрешение 22 марта). С. 2; авторство статьи указано: <*Струговщиков А. Н.*> От редакции // Художественная Газета. 1841. № 10 (цензурное разрешение 20 мая). С. 6.

МАРТА 23 <АПРЕЛЯ 4>. ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

С. Т. Аксаков в письме к М. П. Погодину не советует ему помещать в «Москвитянине» добавочные сцены к «Ревизору»[1]:

«От всякого права издателя, которое всегда принадлежало вам столько же, как и мне — я решительно отказываюсь: распорядитесь, как сочтете за лучшее. Я не выезжаю, никого не вижу, следственно и предлагать участие другим не могу; да и считаю это бесполезным. <...> Если Гоголь не писал к вам, чтоб вы поместили в Журнале присланные вам сцены, то не советую помещать их, а просто объявить, что в новом издании появятся такие-то прибавления»[2].

[1] *Барсуков Н. П.* 1892. Кн. 6. С. 230. — Ответ Погодина см.: ***1841. Марта 23–25 <апреля 4–6>. Москва.***
[2] *Гоголь 2001–2012.* Т. 4. С. 610–611.

МАРТА 23–25 <АПРЕЛЯ 4–6>. МОСКВА

М. П. Погодин отвечает[1] С. Т. Аксакову:

«Вы не советуете, т<о> е<сть> Гоголь рассердится, да помилуйте, Сергей Тимофеевич, что я в самом деле за козел отпущения: неужели можно предполагать, что он скажет: пришли и присылай, бегай и делай, и не смей подумать об одном шаге для себя. Да если б я изрезал в куски "Ревизора" и рассовал его по углам своего журнала, то и тогда Гоголь не должен бы был сердиться на меня, тем более, что "Ревиз<ор>" есть уже произведение ак<к>редитованное и не новое, которому ни вредить, ни помогать нельзя. А я, наоборот, думаю сделать подспорье своему же (т<о> е<сть> "Ревизора") изданию: вот де какие большие исправления и вставки. Впрочем, повторяю, я думаю так. Сыщете средство лучше, я оставлю свое, вам прекословить не буду и буду содействовать. Дело в том, что надо посылать ему деньги. — Если средства вы не находите, то согласитесь на мое, но прямо, ясно, или скажите мне, что находите в нем несогласного с пользою автора. Я готов оставить его, но тогда вопрос: что же нам делать? Посылать деньги? Откуда. Печатать. На какие деньги! И дожидаться год, а он без гроша. Теперь я рас<с>читываю войдти в сделку через месяц, как хозяин, с книгопродавцами, или и прежде, и выручить деньги, след<овательно>, могу перехватить на месяц. Напечатать я готов, пожалуй, для него, и продавать от него, — но в таком случае посылать теперь нечего, а ему нужно. — Избегая всего этого, я предлагаю самое верное средство и жду вашего разрешения»[2].

Возможно, в тот же день Аксаков отвечал Погодину:

«Нет, любезный Михаил Петрович, я не думал о том, что Гоголь *осердится*. Я только советовал вам не делать того, чего бы я сам не сделал... Чем более мне обязан человек, тем менее я позволю себе без его воли распорядиться его собственностью, хотя бы это было безвредно для него, а только выгодно для меня. В этом же случае нельзя сказать положительно *первого*. Я совершенно убежден, что предлагаемый вами способ есть лучший и единственный, если нужно вам мое согласие, то я совершенно согласен. Что же касается до изрезания в куски Ревизора и рассования его по углам вашего журнала <...> это просто вздор <...> без сомнения Гоголь осердился бы за такой дурной поступок»[3].

В «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) Аксаков, комментируя письмо Погодина, замечал: «Это письмо требует объяснения. Дело состояло в том, что Гоголь прислал "Ревизора" для напечатанья вторым изданием, или для продажи его книготорговцу. Мне тогда было не до того и я передал все Погодину. Он решился сам купить второе издание за 1500 р<ублей> ассигн<ациями> и уведомил об этом Гоголя; но особые, добавочные сцены "Ревизора" вздумал напечатать особо в своем журнале. Я узнал об этом особом его намерении и писал[4], что не советую этого делать, и прилагаемое письмо [от] Погодина – ответ на мою записку. Я согласился на предложение Погодина, потому что точно денег негде было взять для печатанья, и что выручка от распродажи должна была затянуться. Тогда то и послали мы (о чем уже было сказано) 6000 руб<лей> на первый год, как просил Гоголь. Слова же Погодина, *что если б он изрезал в куски "Ревизора" и рассовал его по углам своего журнала, то Гоголь не имел бы права сердиться* — ясно показывают натуру Погодина, который ссудив деньгами [в нужде] Гоголя, считал себя вправе поступать с его великим творением по собственному произволу»[5].

[1] См. ***1841. Марта 23 <апреля 4>. Вербное воскресенье. Москва.***

[2] *Свод.* Т. 2. С. 702.

[3] *Барсуков Н. П.* 1892. Кн. 6. С. 230; *Гоголь 2001–2012.* Т. 4. С. 611; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 760.

[4] См. ***1841. Марта 23 <апреля 4>. Вербное воскресенье. Москва.***

[5] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 702.

МАРТ-АПРЕЛЬ <ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА – АПРЕЛЯ СРЕДИНА>. РИМ

Гоголь пишет В. А. Жуковскому в Петербург[1]:

«Письмо это вручит вам Алек<сей> Тар<асович> Марков[2], которого вы уже знаете[3]. Он стоит [всякого] покровительства[4] и по таланту своему и по душевной доброте своей. Окажите ему ваше под час заступничество, где будет нужно. Я уверен, что он много сделает хорошего, если только ему будут задавать предметы сообразные с его образом мыслей и направлением его художества. Нельзя вдвинуть в человека того, чего элементов в нем нет, и нельзя отнять или затемнить или переделать в нем то, для чего существуют в нем элементы. Религиозное значение живописи – не Маркова дела. Физическая и моральная борьба человека сильного с близкою опасностью – его дело. Тут у него сильный, отважный размах, доказательство в его картине, которую он покажет вам. Что вы делаете? Здоровы ли вы, веселы ли, думаете ли о мне? – Я ничего не знаю и не слышу о вас – это грустно. Я не скажу, что я здоров. Нет, здоровье может быть еще хуже, но я более нежели здоров. Я слышу часто чудные минуты, чудной жизнью живу, внутренней огромной, заключенной во мне самом, и никакого блага и здоровья не взял бы. – Вся жизнь моя отныне – один благодарный гимн. – Не пеняйте, что я до сих пор не уплачиваю вам взятых у вас денег[5]. Всё будет заплочено, может быть, нынешней же зимою. Наконец не с потупленными очами я предстану к вам, а теперь я вижу и дивлюсь сам, как живу во всех отношениях ничем, и не забочусь о жизни и не стыжусь быть нищим»[6].

[1] 3/15 мая 1841 г. Жуковский выехал из Петербурга за границу, где прожил до конца жизни (см. ***1852. Апреля 24 <12>. Суббота. Баден-Баден***).

[2] В 1842 г. А. Т. Марков стал профессором по кафедре исторической живописи Санкт-Петербургской Академии художеств.

[3] Знакомство Жуковского с Марковым состоялось в Риме 22 декабря (н. ст.) 1838 г. (см. ***1838. Декабря 22 <10>. Суббота. Рим***). – См. также ***1839. Апреля 1 <марта 20>. Великий понедельник. Рим***; ***1839. Апреля 3 <марта 22>. Великая среда. Рим.***

[4] Позднее, 28 июня 1841 г., А. И. Иванов писал из Петербурга в Рим сыну А. А. Иванову: «Любопытно будет видеть, как примут у нас г. Маркова, но во всяком случае он может надеяться чего-либо, имея покровительство, да и сам не плох, что называется, поискать умеет» (*Виноградов 2001.* С. 230).

[5] См. ***1840. Февраля 1. Четверг. Москва.***

[6] Ср. заметку «Характер» в записной книжке Гоголя 1842–1845 гг. (датировка записной книжки уточнена; см. ***1842. Марта 14. Суббота. Вечер. Москва*** – примечания; ***1842 октября 4 <сентября 22> – 1843 мая 2 <апреля 20>. Рим*** – примечания): «Не в силах победить себя в отношении к ничтожным приличиям. Из гордости благород<ной>, из нежеланья показать своей бедности, затруднит<ельного> положения, входит в затруднитель<нейшее>. Не могущий вынести унижения от низших товарищей, бедней разоряется. Нищий оттого, что не имеет духу назвать себя нищим, и в несчастнейшем положении всё еще отплатит за одолженье одолженьем равной цены. Богатому отплатит он таким же порядком. Умный человек, и не в силах победить ни одного из сам<ых> пустых приличий». Строки этой заметки перекликаются с содержанием фрагмента третьей главы второго тома «Мертвых душ»: «"Помилуйте! – воскликнул Платонов. – В таком состоянии, разорившись совершенно, – и еще обед?" – "Что же делать? нельзя. Это долг, – сказал Хлобуев. – Они меня также угощали"».

АПРЕЛЯ 7 <МАРТА 26>. ВЕЛИКАЯ СРЕДА. РИМ

В Рим приезжает начинающий[1] литератор П. В. Анненков. Сразу по приезде узнает в русском посольстве адрес Гоголя. (Их встреча состоялась на следующий день[2].)

Из «Воспоминаний о Гоголе» Анненкова (1857): «С самой Вены торопился я в Рим, к страстной неделе[3], и наконец привел свой план в исполнение! <...> Путь наш лежал через знаменитое Лоретто, славное своим собором и драгоценностию, в нем хранимой[4]. <...> Происходило это в самой средине итальянской весны, в конце апреля <в конце марта> месяца. Начало ее я застал в Венеции[5]... <...>

Вскоре открылись перед нами и покинутые, бесплодные поля Рима, по которым Тибр три раза извился широкой, мутной лентой прежде вступления своего в вечный город. Мы переехали его сперва у Боргет, затем через *Ponte Mollo* – мост, построенный еще Августом. Какое-то подобие массивного темного колпака, висевшего на небе, указало нам место, где находился Петр, но мы держались левее и через ворота *del Popolo* въехали в Рим, на великолепную площадь, украшенную обелиском, имея перед собой три улицы, начинавшиеся церквами, а налево[6] от себя гору Пинчио с ее чудными виллами, в которых еще не так давно, в XVI столетии, жители Рима видели прохаживающуюся тень Нерона, где-то тут погребенного. Мы приехали в среду на страстной неделе, 28 апреля <26 марта>[7] 1841 года, после однонедельного счастливейшего и в полном смысле насладительного вояжа. <...> В трактире Hotel de Russie, на самой площади del Popolo, куда я тотчас бросился, не было ни одного номера, по милости гостей, прибывших к римским праздникам, особенно английских офицеров, смещенных на половину жалованья. Они в фантастических, выдуманных ими самими мундирах наполняли потом церкви и капеллы Рима, радуясь дешевизне его жизни и свободе носить какие угодно самозванные титулы. <...> Не успел, однако ж, я убедиться, что не найду пристанища ни в одном из соседних отелей, как какой-то *fac<c>hino*[8] подхватил мой чемодан и понесся вдоль Корсо. Волей или неволей я следовал за ним до тех пор, пока он не остановился у одного дома на Корсо, где подхватил меня уже поджидавший хозяин квартиры и приказал нести чемодан вверх, в две пустых и чистых комнатки. Тут произошла одна из тех штук, которые так чернят Италию в глазах людей, привыкших судить о всей стране по первому мошеннику, какой им попадется на дороге. Хозяин потребовал 150 франков платы за квартиру в продолжение одной Святой недели, и я думал выказать удивительные познания местных цен, предложив ту же сумму за весь месяц. Это было ровно в шесть раз более того, что следовало, – и едва торг состоялся, как хозяин, полагая, вероятно, возможность существования vendett'ы[9] и в моей славянской крови, явился ко мне с контрактом, обязывавшим меня не портить ни диванов, ни стульев, ни столов, ни стен, ни рам, ни полов и проч. Подписав это обязательство, я переоделся и тотчас же вышел на улицу, расспрашивая у всех, куда пройти к русскому посольству, где намеревался взять адрес Н. В. Гоголя. Между тем облачное небо, сопровождавшее нас во все время путешествия, разрешилось проливным дождем, загнавшим всех в дома и кофейни. По колена в воде, с трудом отыскал я дом посольства, взял адрес у швейцара и еще с большим трудом возвратился домой, потому что ошибся улицей и плутал до тех пор, пока не наткнулся на извозчичью коляску...»[10]

В 2001 г. В. Н. Гасперович указывала: «В письме <к А. А. Иванову между 10 и 23 октября (н. ст.) 1845 г.>[11] Гоголь сообщает, что остановился в "Cesari"... <...> Предполагаем, что в этой же гостинице задержался и Анненков, когда, прибывши в Рим и не найдя места в Hotel de Russie, он попал в отель на Корсо»[12].

16 августа (н. ст.) 1876 г. Анненков сообщал М. М. Стасюлевичу: «Мне было *28* лет в 1841 году, когда я попал в Рим»[13].

Анненков, с которым Гоголь познакомился еще в 1833 г.[14], был лишь четырьмя годами младше Гоголя, но в то же время далеко уступал ему талантом и известностью, и потому не мог не смотреть на прославленного писателя иначе как снизу вверх. В своих «Воспоминаниях о Гоголе. Рим, летом 1841 года» (1857) Анненков почти везде называет Гоголя по имени-отчеству – Николай Васильевич. Это хорошо отражает значительную духовную дистанцию между Гоголем и его биографом. (Позднее М. М. Стасюлевич, переиздавший мемуары

Анненкова[15], лишь в очень редких случаях сохранил эту особенность оригинала и почти везде заменил уважительное «Николай Васильевич» фамилией Гоголь. К сожалению, с этой редакторской правкой воспоминания Анненкова о Гоголе печатались до последнего времени.)

Еще в средине 1830-х гг. в Петербурге Гоголь принимал участие в самых первых шагах будущего критика в литературе. Около 1833 г. Гоголь прочел в рукописи какую-то «повесть» Анненкова – и за стремление молодого приятеля посвятить себя писательскому ремеслу дал ему прозвище Жюль Жанен[16]. Однако в Рим к Гоголю Анненков приехал в 1841 г. не только как старый знакомый писателя по Петербургу, но в известной мере и как «человек Белинского», с которым Анненков близко сошелся в конце октября 1839 г., почти сразу по переезде критика из Москвы в Петербург и за год до отправления Анненкова за границу в октябре 1840 г. Именно В. Г. Белинский, по свидетельству самого Анненкова, провожал его с М. Н. Катковым при их отъезде за границу: «В глухую осень 1840-го года (октября 5-го), мы <...> сели на *последний* пароход, отправлявшийся из Петербурга в Любек. Белинский, Кольцов и Панаев провожали нас до Кронштадта. <...> При отъезде моем за границу в октябре 1840 года Белинский спросил, какие книги я беру с собою. "Странно вывозить книги из России в Германию", – отвечал я. – "А Пушкина?" – "Не беру и Пушкина"... – "Лично для себя, я не понимаю возможности жить, да еще и в чужих краях, без Пушкина", – заметил Белинский. <...> ...Накануне моего отъезда за границу в 1840 г., Белинский как-то особенно был погружен в изучение и пересмотр гоголевских сочинений. Он и прежде пропитался молодым писателем настолько, что беспрестанно цитировал разные лаконически-юмористические фразы, столь обильные в его творениях, но теперь Белинский особенно и страстно занимался выводами, какие могут быть сделаны из них и вообще из деятельности Гоголя. <...> ...Обличения Гоголя довершали ряд обличений, начатых уже самым строем жизни и критическим умом Белинского...»[17]

Написанные во время тогдашнего путешествия «Письма из-за границы» Анненков адресовал именно Белинскому[18]. Тем не менее это первое опубликованное произведение Анненкова несет на себе определенный след ученичества у Гоголя. Гоголь был проводником Анненкова по Риму: именно гоголевскими глазами Анненков открывал для себя этот мир, и простое сравнение анненковских «Писем из-за границы» с повестью Гоголя «Рим» показывает, что многими наблюдениями, встречающимися в «Письмах...», Анненков обязан Гоголю: гоголевские размышления над римской и парижской жизнью Анненков почти дословно повторяет в своих путевых записках, не ссылаясь, впрочем, на авторство Гоголя[19]. Дело объясняется тем, что «Письма из-за границы» Анненкова и гоголевский «Рим» были опубликованы почти одновременно, и потому Анненков, находившийся в то время в Париже, не имел возможности откорректировать свое произведение. Достаточно одного примера.

В свете культурно-исторической концепции Гоголя, в которой полярными точками являются Петербург и Москва, Париж и Рим, вовсе не удивительно, что, по свидетельству Анненкова (в 1880 г.), «намек на то, что европейская цивилизация может еще ожидать от Франции важных услуг, не раз имел силу приводить невозмутимого Гоголя в некоторое раздражение. Отрицание Франции было у него <...> невозвратно и решительно...»[20] Речь, конечно, шла не об отрицании Франции, а о неприятии Гоголем самой западноевропейской цивилизации. Останавливает внимание другое. Удивительно само появление в устах западника Анненкова критики в адрес той же самой парижской «цивилизованной» жизни в его «Письмах из-за границы». Удивляет это, впрочем, если не знать, что все эти якобы анненковские размышления – всего лишь прямое повторение того, что, по-видимому, не раз говорил ему ранее в Риме Гоголь, уже успевший до этого оценить все достоинства и недостатки Парижа.

Идейное влияние Гоголя ощутимо и в анненковских «Воспоминаниях о Гоголе» 1857 г. Так, под впечатлением от встреч с Гоголем, Анненков пишет: «...Всякий заехавший в Рим совершенно отделяется от современности, забывает газеты, Европу, открытия и предается воспоминаниям истории и искусства: другого нет разговора, как статуя, картина, новая находка в этой земле... <...> Но как же тихо бывает здесь заезжим нашим туристам, офицерам, советникам, поехавшим прогуляться <...>! После <...> восхождения на купол Петра да осмотра Ватиканских зал, <...> да посещения <...> Колизея, – хоть удавиться от скуки. <...> А я между тем жил рядом <...> с Гоголем и сообществе трех или четырех русских художников...»[21]

Много лет спустя Анненков повторил эти размышления в «Замечательном десятилетии» (1880): «Для созерцательных людей это молчание и спокойствие было кладом: они могли вполне предаться изучению и самих себя и предметов, выбранных ими для занятий, уже не развлекаясь людскими толками и столкновениями партий. Гоголь, Иванов, Иордан и много других жили полно и хорошо в этой обстановке, осуществляя собою, еще задолго до Карлейля, некоторые черты из его идеала мудрого человека, благоговейно поклоняясь гениям искусства и литературы, сберегая про себя святыню души, отдаваясь всем своим существом избранному делу и не болтая зря со всеми и обо всем, по последнему журналу»[22].

Противопоставление Рима как главного представителя консервативной, религиозной Европы и торгово-промышленного европейского севера, конечно, является непосредственным отражением взглядов Гоголя, но отнюдь не Анненкова. Ибо скучно было, как выясняется, в Риме, вместе с «заезжими туристами» и самому либералу Анненкову – и только благодаря Гоголю и Иванову ему удавалось отчасти одолевать эту скуку. «Бывало, едешь по этому великолепно обставленному пустырю, как по улице гробниц в Помпее...» – вспоминал мемуарист, в связи с «меттерниховской Веной», о своей римской жизни[23].

Влиянием Гоголя объясняется, очевидно, и то обстоятельство, что, несмотря на поставленную задачу: доказать различие между «ранним» и «поздним» Гоголем, Анненков часто проговаривается. Интересно, в частности, свидетельство мемуариста, касающееся аскетического быта Гоголя, а именно, обыкновения проводить ночь в молитве, заменив сон недолгим дреманием в кресле: этот аскетический обычай Гоголь сохранил до конца жизни. Анненков свидетельствовал, что еще в начале 1840-х гг. писатель «добрую часть ночи» проводил, «дремля на диване и не ложась в постель», а «со светом взбивал и разметывал» ее, чтобы служанка[24], прибиравшая комнаты, не узнала об этом обычае своего жильца. Рассказав об этом обычае Гоголя, Анненков тут же, будто спохватившись, оговаривается: «Конечно, тут еще нельзя искать обыкновенных приемов аскетического настроения, развившегося впоследствии у Гоголя...»[25]

Влияние Гоголя на Анненкова нельзя недооценивать. Вероятно, именно «ученичеством» у Гоголя можно объяснить и то обстоятельство, что Французскую революцию 1848 г. либерал Анненков во многом все-таки не принял. В 1848 г. Гоголь сообщал А. С. Данилевскому: «В Петербурге я успел видеть <...> Анненкова, приехавшего на днях из-за границы. Все, что рассказывает он, как очевидец, о парижских происшествиях, — просто страх: совершенное разложенье общества». Сам Анненков в 1848 г. писал из Парижа брату Ивану: «...Здесь четыре дня кряду происходила такая отвратительная, чудовищная резня, что решительно примера в истории подобного не было... <...> Кровь лилась рекою... <...> Уже считают более 10 тысяч убитых и раненых с обеих сторон: в числе первых 7 генералов и архиепископ парижский, приходивший увещевать бунтовщиков и ими расстрелянный. <...> ...Все это страшно гадко, страшно отвратительно»[26]. Позднее, в статье «События марта 1848 года в Париже», Анненков добавлял: «Казалось, революция была сделана для того, чтобы показать, сколько таилось в Париже нищеты, физического безобразия, позорных промыслов и болезней; все это вышло из темных закоулков, где все это крепко держала дотоле полиция...»[27]

Анненков, который видел — и во многом не мог не видеть Рим иначе как глазами Гоголя, этим прежде всего и ценен как мемуарист. Однако чем взрослее становился Анненков, чем более угасало для него непосредственное влияние и обаяние личности Гоголя, тем более резок и безапелляционен становился мемуарист в своих оценках. Это вполне ощутимо в позднейших воспоминаниях Анненкова о Гоголе — в «Замечательном десятилетии» и в мемуарах «Две зимы в провинции и деревне». Таким, например, жалким и потерянным выглядит у Анненкова Гоголь в последней зарисовке мемуариста: «В четыре часа по полудни я ехал с братом-комендантом куда-то обедать, когда неожиданно повстречался с Гоголем, видимо, направлявшимся в соборы к вечерне, на которую благовестили. Как бы желая отклонить всякое подозрение о цели своей дороги, он торопливо подошел к коляске и с находчивостью лукавого малоросса проговорил: "А я к вам шел, да, видно, не вовремя, прощайте". Бедный страдалец!»[28] Вот таким заискивающим и неуверенным в себе — стыдящимся самой веры — выглядит Гоголь в этих позднейших, очевидно, далеких от достоверности воспоминаниях Анненкова. Предвзятость и стремление во что бы то ни стало подвести творческий путь Гоголя под установку, принятую по отношению к нему Белинским, к сожалению, внесли в мемуары Анненкова определенную долю тенденциозности, исказившую подлинный облик Гоголя.

Став убежденным западником, Анненков открыто признавал себя «нравственным участником» создания зальцбруннского письма Белинского к Гоголю 1847 г.: «Ф. Достоевский попал на пять лет в арестантские роты за распространение письма Белинского к Гоголю, писанного при мне в Зальцбрунне в 1847 г. Как нравственный участник, не донесший правительству о нем, я мог бы тоже попасть в арестантские роты»[29]. Сам Белинский, получив не дошедшее до нас послание Анненкова, в письме к В. П. Боткину от 28 февраля 1847 г. свидетельствовал: «...Отзыв Анненкова о книге Гоголя тоже не отзывается терпимостью»[30]. Анненков считал зальцбруннское письмо Белинского разоблачением «пустоты и безобразия всех идеалов Гоголя»[31]. Известно также, что Анненков неоднократно — весной 1846-го и 1848-го гг. — встречался в Брюсселе и Париже с К. Марксом, с которым завязал переписку[32]. Даже в эпоху наибольшего сближения Гоголя с Анненковым, в период переписки первого тома «Мертвых душ» в 1841 г., их отношения не обходились без идейных столкновений. Тон переписки Гоголя с Анненковым также весьма сдержан, а в последних письмах, 1847 г., прямо слышится продолжение полемики с Белинским.

Закономерно, что в мемуарах Анненкова о Гоголе, с которым мемуарист вступил в идейный спор еще при его жизни, не могла не сказаться определенная тенденция. Этой тенденцией продиктовано само обращение Анненкова к воспоминаниям о Гоголе. Главным побудительным мотивом создания мемуаров стал для Анненкова выход в свет в начале мая 1856 г. двухтомных «Записок о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша. Кулиш — первый биограф Гоголя — лично не знал писателя и свое представление о художнике черпал из воспоминаний о нем других лиц. Наиболее важным для биографа явилось общение с С. Т. Аксаковым. Именно Кулиш впервые познакомил читателей с обширными воспоминаниями Аксакова о Гоголе. В процессе работы Аксаков посылал Кулишу пространные выдержки из своего труда, а при личной встрече дал прочесть ему рукопись воспоминаний и разрешил сделать из нее выписки[33]. Прежде всего аксаковские материалы, «голос» славянофила Аксакова в книге Кулиша, и вызвал на себя критику Анненкова. Дело в том, что уже с самых первых своих мемуарных публикаций о Гоголе С. Т. Аксаков утверждал: «Да не подумают, что Гоголь менялся в своих убеждениях; напротив, с юношеских лет он оставался им верен»[34]. Это свидетельство

Аксакова и было оспорено спустя четыре года Анненковым, который, напротив, брался утверждать – в соответствии с выдвинутым Белинским тезисом о «двух Гоголях», – что якобы «великую ошибку сделает тот, кто смешает Гоголя последнего периода с тем, который начинал <...> жизнь в Петербурге...»[35] Доказательству этого тезиса и подчинены главным образом едва ли не все позднейшие мемуарные «свидетельства» Анненкова, касающиеся Гоголя. (Как показывает анализ, наиболее тенденциозные из этих «свидетельств» зиждутся либо на неполном знании вопроса, либо на недоразумении, либо являются прямой фальсификацией; см. ниже.) Не случайно, «Воспоминания...» Анненкова сразу по выходе получили хвалебные отзывы западников – И. С. Тургенева, В. П. Боткина, Н. Г. Чернышевского[36].

Ориентированные на «Записки о жизни Н. В. Гоголя...» Кулиша, мемуары Анненкова отнюдь не ограничивались задачей рассказать лишь о пребывании Гоголя в Риме в 1841 г. Они претендовали на переосмысление биографии и творчества Гоголя в целом. Только что завершивший работу над «Материалами для биографии А. С. Пушкина» (1855) Анненков стремился сказать свое «исчерпывающее» слово и о Гоголе[37]. Отсюда стремление мемуариста рассказать не только о римских месяцах 1841 г., но и охватить петербургский период жизни писателя, включая даже те годы, в которые Анненков еще не был знаком с Гоголем (т. е. до сентября 1833 г.), пересказать далее, по книге Кулиша – с своими комментариями, опять-таки неизвестный мемуаристу (за исключением отдельных встреч) период жизни Гоголя после лета 1841-го, и, в итоге, напомнить о зальцбруннском письме Белинского к Гоголю 1847 г. и указать на якобы одолевавшее писателя в конце жизни стремление «оживить все старые» убеждения и «примирить» их с будто бы «новым» религиозным мировоззрением. Подзаголовок к первой части «Воспоминаний о Гоголе» – «Рим, летом 1841 года» (напечатанный в журнале шрифтом меньшего размера, чем основное название), сообщал не столько об общем содержании работы, сколько о том, с какого времени мемуарист начинает свои записки. Римские воспоминания служили Анненкову отправной точкой для далеко идущих выводов.

В 1856 г. критик А. В. Дружинин возглавил журнал «Библиотека для Чтения» и, принявшись за пополнение редакционного портфеля, обратился к друзьям с предложением примерных тем желаемых статей. 1 сентября Анненков отвечал Дружинину из Симбирска: «Я все время обогащал ум мой познаниями из Русской Беседы, Записок о Гоголе <Кулиша> и проч. Сия последняя книга, нет сомненья, крайне любопытна и вполне будет полезна, если кто-нибудь возьмется написать на нее еще книгу. <...> ...Тему времяпрепровождения с Гоголем в Риме я непременно обработаю для Вас... <...> Вот уже с Гоголя никто не ходил у нас с головой и носом, поднятым кверьху, а ведь это, сами знаете, в соединении с молодостью и свежестию – картина наиприятнейшая»[38].

Еще 1 июня 1856 г., читая «Записки о жизни Н. В. Гоголя...» Кулиша, Анненков обратился к И. С. Тургеневу с просьбой прислать ему в Чирьково (родовое имение мемуариста в Симбирской губернии) первые четыре статьи Н. Г. Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы» (1855): «Перешлите мне *по тяжелой почте* кипу Чернышевского»[39]. Как известно, центральной фигурой «Очерков гоголевского периода...» Чернышевского является не Гоголь, а Белинский[40]. У Анненкова, как и в статьях Чернышевского, имя Гоголя также изначально оказалось «повязанным» с именем Белинского. Тогда же, одновременно с работой над мемуарами о Гоголе, Анненков начинает писать и свои воспоминания о Белинском (развернутые впоследствии в «Замечательном десятилетии»). Какие-то недошедшие до нас мемуарные записки о критике Анненков посылает в то время Чернышевскому, который в шестой статье «Очерков гоголевского периода русской литературы» указывал: «Кстати заметим, что в настоящей статье мы пользовались воспоминаниями, которые сообщил нам один из ближайших друзей Белинского, г. А<нненков>, и потому ручаемся за совершенную точность фактов, о которых упоминаем. Мы надеемся, что интересные воспоминания г. А<нненков>а со временем сделаются известны нашей публике, и спешим предупредить читателей, что тогда наши слова окажутся не более, как развитием его мыслей. За ту помощь, какую оказали нам его воспоминания при составлении настоящей статьи, мы обязаны принести здесь искреннейшую благодарность глубокоуважаемому нами г. А<нненков>у»[41].

В конечном счете ориентированные на Белинского, Тургенева, Чернышевского, продиктованные собственными западническими пристрастиями, мемуары Анненкова о Гоголе были напечатаны в дружининской «Библиотеке для Чтения»: *Анненков П.* Воспоминания о Гоголе. Рим, летом 1841 года. <I> // Библиотека для Чтения. 1857. № 2 (цензурное разрешение – 5 февр.). <Отд. 3>. С. 109–148; *Анненков П.* Воспоминания о Гоголе. II // Библиотека для Чтения. 1857. № 11 (цензурное разрешение 4 ноября). <Отд. 3>. С. 1–50.

Одно из наиболее показательных искажений Анненкова, допущенных им в его мемуарах, – представление о характере отношения Гоголя к наследию Вальтера Скотта[42]. Столь же бездоказателен Анненков и в своих заявлениях о якобы недостатке образования Гоголя[43]. Свое неверное толкование – в духе разделения Гоголя на раннего и позднего – дает Анненков и якобы «удивившему» его в 1841 г. высказыванию Гоголя о пуристах – группе немецких художников во главе с Ф. Овербеком и П. Корнелиусом[44]. Недостоверным является сообщение мемуариста о том, что якобы в июне 1832 г. Гоголь, проезжая через Москву, «чрезвычайно хлопотал на заставе, чтоб прописаться и попасть в *Московские Ведомости* не "коллежским регистратором", каковым был, а "коллежским ассесором"»[45]. Сомнительно свидетельство Анненкова о «страстном увлечении» Гоголя лечением В. Присница – и последующих «проклятиях» писателя в адрес этого доктора[46] и др. О духовно близких Гоголю

людях, А. О. Смирновой, графе А. П. Толстом, графине А. Г. Толстой, мемуарист в письме к М. М. Стасюлевичу от 16 августа (н. ст.) 1876 г. отзывался: «Г-жа Смирнова, калуж<ская> губернаторша, рожденная Розетти, к которой Пушкин стишками относился[47]. Это .... и злая светская бабенка, сделавшаяся ко времени Гоголя одной из матерей Восточной Церкви и проповедницей аристократизма, долженствующего спасти нас от наплыва канальи в литературе, управлении и в свете. <...> ...Граф Толстой, впоследствии Обер-Прокурор Синода, святоша и в доме которого в Москве и умер Гоголь. ..... <Жена> его, говорят, страдала страстию к Архимандриту Троицкой Лавры[48] и потому заживо сделалась преподобной наставницей и молитвенницей о душах наших»[49]. (В свою очередь, Гоголь после отъезда Анненкова из Рима, будучи знаком с образом жизни адресата, спрашивал его в письме в Петербург от 10 февраля (н. ст.) 1844 г.: «Как вы живете, как проводите время... <...> В каком положении находится вообще картолюбие и <...>любие...»)

Стремление во что бы то ни стало настоять на разности между ранним и поздним Гоголем заставляло Анненкова, судя по всему, и умалчивать о некоторых фактах гоголевской биографии, в которых христианские взгляды начинающего литературное поприще Гоголя проглядывали вполне определенно. Об этом, в частности, позволяет судить дневниковая запись фольклориста А. Н. Афанасьева, датированная 1861 г.[50] «Умолчание» Анненкова в его мемуарах об этом факте творческой биографии Гоголя оказалось столь долгим, что впервые этот факт был обнародован лишь в 1984 г. Между тем это свидетельство проливает свет на религиозный замысел повести Гоголя «Записки сумасшедшего», носившей в черновой редакции название «Записки сумасшедшего мученика»[51].

[1] См. ***1841. Апреля 28 <16>. Среда. Рим.***

[2] См. ***1841. Апреля 8 <марта 27>. Великий четверг. Рим.***

[3] Православная и католическая Пасха в 1841 г. совпадали и праздновались 30 марта / 11 апреля. Анненков выехал из Вены 25 февраля / 9 марта 1841 г., 2/14 марта был в Венеции, 19/ 31 марта в Анконе и прибыл в Рим в среду Страстной недели 26 марта / 7 апреля 1841 г. Ср. также свидетельство Анненкова в «Замечательном десятилетии» (1880): «В марте 1841 года я уже был в Риме, поселился близ Гоголя и видел папу Григория XVI действующим во всех многочисленных спектаклях римской Святой <Страстной> Недели...» (*Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 509).

[4] Лорето (Loreto), небольшой город в Центральной Италии, близ г. Анкона, известен Домом Богоматери (Santa Casa), в котором, по преданию, жила Пресвятая Богородица и который в конце XIII в. был перевезен из Назарета семьей Ангелов (владетелей Эпира) сначала в Далмацию, затем в Италию. Дом Богоматери находится в построенном для него соборе, фасад которого был закончен в конце XVI в. В «Письмах из-за границы» П. В. Анненков сообщал: «Первый предмет на пути моем, подвергшийся осмотру, была Лореттская церковь Богородицы. Вы знаете, под великолепным куполом ее стоит святой дом, где жила в Назарете Мария. Этот каменный четвероугольник окружен снаружи другим, каррарского мрамора, на котором горельефы и статуи сивилл и пророков, чудеса искусства времен Возрождения. С наружной стороны окна, где случилось Благовещение, алтарь; внутри дома, на месте, где была главная дверь жилища, алтарь со статуей Мадонны из кедра, резьбы св. Луки, засыпанною драгоценными камнями. Великолепные серебряные лампады кругом карниза едва прогоняют мрак этого святилища, в котором вы видите мужчин и женщин, распростертых на полу, и слышите тихий плач и заглушаемое рыдание... Коленки приходящих к Мадонне за помощью и утешением вытерли мрамор наружной ступеньки и превратили ее в желобок. Благочестивое предание говорит, что дом Марии был не все время переворотов в Сирии покрыт облаком от нечестивых глаз; потом ангелы перенесли его в Далмацию. Три года стоял он в Далмации, не производя большого влияния на христианский мир; тогда ангелы перенесли его в Лоретто. Иезуиты основали тут монастырь, и богатство всей католической Европы потекло к нему. Французы ограбили церковь и монастырь в 1798 году; теперь, однако ж, снова сокровищницы их полнеют, и богатеет сам город, производящий торговлю одними четками, серебряными сердечками, коронками из цветов и другими вещами для приношений знаменитой Лореттской Мадонне» (<*Анненков П. В.*> *А—в.* Письма из-за границы. Письмо V // Отечественные Записки. 1841. № 6 (цензурное разрешение 30 мая). Отд. «Смесь». С. 100; *Анненков П. В.* Письма из-за границы (1841) // *Анненков П. В.* Парижские письма. М., 1983. С. 26; *Свод.* Т. 3. С. 469-470). О Доме Богородицы в Лорето см. также: *Порфирий (Успенский), епископ.* Святыни земли Италийской. (Из путевых записок 1854 года) / Редактор-составитель Е. А. Лукьянов. М., 1996. С. 121-132.

[5] В Венеции Анненков был 14 марта (н. ст.) 1841 г.

[6] В изд. 1857 г.: ошибочно было: «направо». М. М. Стасюлевич писал Анненкову: «Я сам въезжал в Рим чрез ворота del Popolo, и мне кажется, что *monte Pincio* будет при таком въезде на лево, а у Вас сказано: *направо.* Если Вы не припомните, то я, впрочем, справлюсь в Петербурге на карте Рима». Анненков 16 августа (н. ст.) 1876 г. отвечал: «Всеконечно *Pincio* налево от въезда. Статья наврала — автор привык видеть Pincio на право от *Corso* да так и бухнул» (*Свод.* Т. 3. С. 540, 537).

[7] Страстная Среда в 1841 г. приходилась не на 28 марта (9 апреля), а на 26 марта (7 апреля). О том, что Анненков приехал в Рим именно в среду 26 марта (ст. ст.) свидетельствует также упоминание им в «Письмах из-за границы» о церковных католических службах Страстной Недели, начиная со среды, и подробное описание

службы Великого Четверга: «Я опишу вам теперь церемонии Страстной и Святой Недели. <...> В среду, четверг, пятницу вечером исполнялись в Сикстинской часовне, после псалмов, папскими певчими те духовные концерты, которые под именем Miserrere <Miserrere mei, Domine... –Помилуй мя, Боже... (*лат.;* Пс. 50)> так славятся в Европе; но я скажу вам, что мне чрезвычайно трудно было привыкнуть к голосу здешних певцов» (<*Анненков П. В.*> *А–в.* Письма из-за границы. Письмо V // Отечественные Записки. 1841. № 6 (цензурное разрешение 30 мая). Отд. «Смесь». С. 101; *Анненков П. В.* Письма из-за границы (1841) // *Анненков П. В.* Парижские письма. М., 1983. С. 27–28; *Свод.* Т. 3. С. 470). – См. также ***1841. Апреля 8 <марта 27>. Великий четверг. Рим*** (примечания).

[8] Носильщик (*ит.*).

[9] Мщение, кровная месть (*ит.*).

[10] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 419–425.

[11] См. ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4>. Рим.***

[12] *Гасперович В.* Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 131.

[13] Из писем П. В. Анненкова // *Свод.* Т. 3. С. 537.

[14] См. ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург.***

[15] Подробнее см.: *Свод.* Т. 3. С. 468–469.

[16] См. ***1833. Сентября вторая половина. Санкт-Петербург.***

[17] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 509, 505, 507–508.

[18] См. ***1841. Апреля 28 <16>. Среда. Рим.***

[19] О знакомстве Анненкова с гоголевским «Римом» см., в частности: ***1841. Февраля 7 <января 26>. Понедельник. Париж***; ***1841. Февраль <января вторая половина – февраля средина>. Рим.***

[20] См. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (примечания).

[21] См. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим.***

[22] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 509.

[23] Там же. С. 509.

[24] Вероятно, имеется в виду Аннунциата Костантини, римлянка 39 лет, жена табачника Джузеппе Спатти (см. **1839.** ***Марта 8 <февраля 24>. Пятница. Рим*** – примечания).

[25] См. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим.*** – См. также ***1852. Февраля в ночь с 8 на 9. С пятницы на субботу масленицы. Москва.***

[26] Письмо от 4 июля 1848 г. (*Морозов И. Л.* «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П. В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник. М.; Л., 1935. № 4. С. 255–256).

[27] *Анненков П. В.* События марта 1848 года в Париже. Из записок // Русский Вестник. 1862. Март. С. 275.

[28] См. ***1851. Сентябрь. Москва.***

[29] *Лернер Н.* Две зимы в провинции и деревне. С генваря 1849 по август 1851 года. Из воспоминаний П. В. Анненкова // Былое. 1922. № 18. С. 6.

[30] См. ***1847. Февраля 28 <марта 12>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[31] См. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн.***

[32] См. ***1846. Март – средина апреля <февраля вторая половина – апреля начало>. Брюссель***; ***1848. Марта после 29 – апреля около 6 <марта после 17 – около 25>. Париж.*** – Шесть писем Анненкова К. Марксу за 1846–1847 гг. см. в изд.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 127–146.

[33] См. ***1852. Ноября 4. Вторник. Москва*** (примечания).

[34] См. ***1852. Марта 6. Четверг. Радонежье (Абрамцево)*** (примечания).

[35] См. ***1831. Июня конец, не позднее четверга 30. Москва.***

[36] См.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М., 1961. Т. 3. С. 102; Письма к А. В. Дружинину (1850–1863) / Ред. и коммент. П. С. Попова. (Гос. лит. музей. Летописи. Кн. 9). М., 1948. С. 51; <*Чернышевский Н. Г.*> Заметки о журналах. Февраль 1857 // Современник. 1857. Т. 62. № 3. <Отд. 4>. С. 199; *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1948. Т. 4. С. 719; *Свод.* Т. 3. С. 467.

[37] Работа Анненкова как пушкиниста еще ждет своей объективной научной оценки. О клевете Анненкова в адрес Ф. М. Достоевского см.: *Захаров В. Н.* По поводу одного мифа о Достоевском // Север. 1985. № 11. С. 113–120.

[38] Из писем П. В. Анненкова // *Свод.* Т. 3. С. 532–533.

[39] Там же. С. 531.

[40] А. А. Григорьев 26 апреля 1856 г. писал, в частности, В. П. Боткину по поводу «Очерков гоголевского периода...» Чернышевского: «...Появляется ряд статей некоего г. Чернышевского, оскорбляющих всякое эстетическое и историческое чувство (не мое одно, конечно, но чувство и Ваше и всякого серьезного литератора)...» (*Григорьев, Аполлон.* Письма / Издание подготовили Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М., 1999. С. 107).

[41] <*Чернышевский Н. Г.*> Очерки гоголевского периода русской литературы. <...> Статья шестая // Современник. 1856. № 9 (цензурное разрешение 31 авг.; выход в свет 11 сент.). С. 15; см. также: *Чернышевский Н. Г.* Очерки гоголевского периода русской литературы // Полн. собр.соч.: В 15 т. М., 1947. Т. 3. С. 210.

[42] См. ***1836. Апреля между 19 и 29. Санкт-Петербург.***

[43] См. там же.

[44] См. ***1847. Июль-август <июня средина – августа средина>. Рим*** (примечания).

[45] См. ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург***; ***1832. Июня конец, не позднее четверга 30. Москва.***

[46] См. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим.***

[47] Известно три стихотворных послания А. С. Пушкина А. О. Россет (в замужестве Смирновой): «Ее глаза» (1828), «Полюбуйтесь же вы, дети...» (1830) и «В тревоге пестрой и бесплодной...» (1832).

[48] Имеется в виду сводный брат графини А. Г. Толстой (рожд. княгини Грузинской) преподобный Антоний (Медведев, 1792–1877), архимандрит Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, побочный сын князя Г. А. Грузинского, внук грузинского царевича Александра Бакаровича (см. ***1838. Октября 6 <18>. Четверг. Москва***).

[49] Из писем П. В. Анненкова // *Свод*. Т. 3. С. 538.

[50] См. ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург.***

[51] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Крест миролюбцев. К первоначальному названию повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Лит. Россия. 1994. 18 марта. № 11. С. 14.

АПРЕЛЯ 8 <МАРТА 27>. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ. РИМ

Во второй половине дня Гоголь встречается с П. В. Анненковым. Проводит вечер с ним и А. А. Ивановым.

Из «Воспоминаний о Гоголе» Анненкова (1857): «На другой день <после приезда в Рим>[1], прежде визита к Гоголю, я отправился в собор Петра. <...> Я присутствовал при “Омовении ног”, которое производил папа <Григорий XVI> в приделе Петра, при угощении им бедных священников в одной из сакристий того же храма, при исполнении Stabat Mater в сикстинской часовне[2]... <...> ...Наконец очутились в Strada Felice, у дома, носившего желанный 126 нумер. В последнем этаже дома, в просторной передней я наткнулся на сухого краснощекого старичка, почтенного владельца этажа, г. Челли[3], с которым так дружно жил впоследствии, и спросил его о квартире Н<иколая> В<асильевича>. Старичок объявил, что Гоголя нет дома, что он уехал за город, никому неизвестно, когда будет назад, да и по прибытии, вероятно, сляжет в постель и никого принимать не станет. Видно было, что почтенный старичок выговаривал затверженный урок, который ему крепко-накрепко был внушен Н<иколаем> В<асильевичем>, боявшимся посетителей, как огня. Но покуда я старался убедить его в своих правах на свидание с его жильцом, дверь прямо перед нами отворилась, и из нее высунулась голова самого Гоголя. Он шутливо сказал старичку: “Разве вы не знаете, что это Жюль[4] из Петербурга? Его надо впустить. – Здравствуйте. Что ж вы не приезжали к карнавалу?” – прибавил он по-русски, вводя меня в свою комнату и затворяя двери. <...> Комната Николая Васильевича была довольно просторна, с двумя окнами, имевшими решетчатые ставни извнутри. Обок с дверью стояла его кровать, посередине большой круглый стол; узкий соломенный диван, рядом с книжным шкафом, занимал ту стену ее, где пробита была другая дверь. Дверь эта вела в соседнюю комнату, тогда принадлежавшую В. А. Па<но>ву[5], а по отъезде его в Берлин[6] доставшуюся мне. У противоположной стены помещалось письменное бюро в рост Н<иколая> В<асильевича>, обыкновенно писавшего на нем свои произведения стоя. По бокам бюро – стулья с книгами, бельем, платьем в полном беспорядке. Каменный мозаичный пол звенел под ногами, и только у письменного бюро да у кровати разостланы были небольшие коврики. Ни малейшего украшения, если исключить ночник древней формы, на одной ножке и с красивым желобком, куда наливалось масло. Ночник или, говоря пышнее, римская лампа стояла на окне, и по вечерам всегда только она одна и употреблялась вместо свечей. Гоголь платил за комнату 20 франков в месяц. <...>

Гоголь обрадовался нашей новой встрече, расспрашивал, каким путем прибыл я в Италию, одобрял переезд из Анконы с ветурином[7] и весьма сожалел, что предварительно я не побывал в Париже. Ему казалось, что после Италии Париж становится сух и безжизнен, а значение Италии бросается само собой в глаза после парижской жизни и парижских интересов. Впоследствии он часто развивал эту мысль[8]. Между тем время было обеденное. Он повел меня в известную историческую австерию под фирмой Lepre (заяц), где за длинными столами, шагая по грязному полу и усаживаясь просто на скамейках, стекается к обеденному часу разнообразнейшая публика: художники, иностранцы, аббаты, читадины[9], фермеры, принчипе[10], смешиваясь в одном общем говоре и истре-

бляя одни и те же блюда, которые от долгого навыка поваров действительно приготовляются непогрешительно. Это все тот же рис, барашек, курица, — меняется только зелень по временам года. Простота, общежительность итальянская всего более кидаются тут в глаза, заставляя предчувствовать себя и во всех других сферах жизни. Гоголь поразил меня, однако, капризным, взыскательным обращением своим с прислужником. Раза два менял он блюдо риса, находя его то переваренным, то недоваренным, и всякий раз прислужник переменял блюдо с добродушной улыбкой, как человек, уже свыкшийся с прихотями странного форестьера (иностранца), которого он называл синьором Николо. Получив, наконец, тарелку риса по своему вкусу, Гоголь приступил к ней с необычайною алчностью, наклонясь так, что длинные волосы его упали на самое блюдо, и поглощая ложку за ложкой со страстью и быстротой, какими, говорят, обыкновенно отличаются за столом люди, расположенные к ипохондрии. В середине обеда к нам подсел довольно плотный мужчина, с красивой круглой бородкой, с необычайно умными, зоркими карими глазами и превосходным славянским обликом, где доброта и серьезная, проницательная мысль выражалась, так сказать, осязательно; это был А. И. <А. А.> Иванов, с которым я тут впервые познакомился. Опорожнив свое блюдо, Гоголь откинулся назад, сделался весел, разговорчив и начал шутить с прислужником, еще так недавно осыпаемым строгими выговорами и укоризнами. Намекая на древний обычай возвещать первое мая и начало весны пушкой с крепости св. Ангела и на соединенные с ним семейные обыкновения, он спрашивал: намеревается ли почтенный сервиторе[11] *piantar il Mag<g>io* (слово в слово — сажать май месяц) или нет? Сервиторе отвечал, что будет ждать примера от синьора Николо и т. д. По окончании расчета за обед Гоголь оставил прислужнику, как и все другие посетители, два байока, а когда я с своей стороны что-то переложил против этой скудной суммы, он остановил меня замечанием: «Не делайте этого никогда. Здесь есть обычаи, которые дороже вашей щедрости. Вы можете оскорбить человека. Везде вас поблагодарят за прибавку, а здесь посмеются». Известно, что житейской мудрости в нем было почти столько же, сколько и таланта. Прямо из австерии перешли мы на Piazza[12] d'Espagna, в кофейню "Del buon gusto"[13], кажется, уселись втроем в уголку за чашками кофе, и тут Гоголь до самой ночи внимательно и без устали слушал мои рассказы о Петербурге, литературе, литературных статьях, журналах, лицах и происшествиях, расспрашивая и возбуждая повествование, как только начинало оно ослабевать. Он был в своей тарелке и, по счастливому выражению гравера Ф. И. Иордана[14], мог *брать* что ему нужно было или что стоило этого, полной рукой, не давая сам ничего. Притом же ему видимо хотелось исчерпать человека вдруг, чтоб избавиться от скуки возвращаться к нему еще несколько раз. Наслаждение способностию читать в душе и понимать самого человека, по поводу того, что он говорит, — способностию, которой он, как все гениальные люди, обладал в высшей степени, тоже находило здесь материал... Не имея никаких причин размерять себя, а, напротив, считая необходимостью для истины будущих сношений представить полный вид на самого себя, я говорил решительно все то, что знал, и все то, что думал. Гоголь прерывал иногда беседу замечаниями, чрезвычайно глубокими, но не возражал ни на что и ничего не оспаривал. Раз только он обратился ко мне с весьма серьезным, настоятельным требованием, имевшим вместе с тем юмористический оттенок, удивительно грациозно замешанный в его слова. Дело шло о покойном Гребенке, как о подражателе Николая Васильевича, старавшемся даже иногда подделаться под его первую манеру рассказа[15]. "Вы с ним знакомы, — говорил Гоголь, — напишите ему, что это никуда не годится. Как же это можно, чтоб человек ничего не мог выдумать? Непременно напишите, чтоб он перестал подражать. Что ж это такое в самом деле? Он вредит мне. Скажите просто, что я сержусь и не хочу этого. Ведь он же родился где-нибудь, учился же грамоте где-нибудь[16], видел людей и думал о чем-нибудь. Чего же ему более для сочинения? Зачем же он в мои дела вмешивается? Это неблагородно, напишите ему. Если уже нужно ему за другим ухаживать, так пусть выберет кто поближе к нему живет!.. все же будет легче. А меня пусть оставит в покое, пусть непременно оставит в покое". Но в голосе и в выражении его было так много комического жара, что нельзя было не смеяться. Так сидели мы до самой ночи. Гоголь проводил меня потом к моей квартире и объявил, что завтра утром он придет за мной и покажет кой-что в городе».

Анненков П. В. Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 425–428.

[1] См. ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим.***

[2] В 1841 г. в «Письмах из-за границы» Анненков также сообщал: «В четверг на Страстной Неделе церковь Петра наполнилась народом. В одной из боковых часовен ее приготовлен был трон со скамейками, которые около двух часов пополудни заняты были кардиналами в красных шапках. У ног каждого из них сел духовный из свиты. Немного подалее, в белом одеянии, помещалось 12 сельских священников, изображавшие Апостолов. Ровно в полдень выстрелы с крепости Св. Ангела возвестили, что папа выступил из Ватиканских палат своих; он воссел на трон, совершенно закрытый длинною, широкою мантией, концы которой придерживали кардиналы-диаконы, так что видна была одна ветхая голова его, особенно отличающаяся каким-то болезненным, плачущим выражением. Тут кардинал прочел Евангелие; другие сняли с него мантию, подвязали фартук, и, окруженный свитой принцев Церкви, тронулся он к Апостолам, лил из золотой вазы воду на обнаженные ноги их и утирал полотенцем; так свершилось омовение ног, за которым следовало в одной из зал Петра угощение бедных священников. Тихо и не подымая глаз, ходил промежду двух рядов их папа, раздавая плоды, цветы и проч., между тем как принимающие падали на колени и целовали руки его» (*<Анненков П. В.> А—в.* Письма из-за границы. Письмо V // Отечественные Записки. 1841. № 6 (цензурное разрешение 30 мая). Отд. «Смесь». С. 101; *Анненков П. В.* Письма из-за границы (1841) // *Анненков П. В.* Парижские письма. М., 1983. С. 27–28; *Свод.* Т. 3. С. 470–471).

[3] См. ***1837 ноября не позднее 30 <не позднее 18> — 1838 июля начало <июня вторая половина>. Рим*** (примечания).

[4] Жюль Жанен — прозвище Анненкова, данное ему Гоголем в 1833 г. (см. ***1833. Сентября вторая половина. Санкт-Петербург***).

[5] См. ***1841. Февраль <января вторая половина — февраля средина>. Рим.*** В 1876 г. М. М. Стасюлевич спрашивал Анненкова: «В соседней комнате с Гоголем в Риме жил *В. А. Па—в.* Панаев, что ли?» (*Свод.* Т. 3. С. 540). Анненков в письме от 16 августа (н. ст.) того же года отвечал: «Прежде меня жил с Гоголем *В. А. Панов,* комнату которого я и занял. Это был молодой, добрый и несколько туповатый славянофил. Умер рано; от него есть в литературе путешествие не то в Хорватию, не то в Боснию или Герцеговину» (Из писем П. В. Анненкова // *Свод.* Т. 3. С. 537).

[6] См. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим.***

[7] Ветурин (vetturino; *ит.*) — извозчик.

[8] Противопоставление Парижа и Италии лежит в основе повести Гоголя «Рим».

[9] Читадин (cittadino; *ит.*) — горожанин.

[10] Принчипе (principe; *ит.*) — князь.

[11] Служитель, слуга, лакей (*ит.*).

[12] Площадь (*ит.*)

[13] Хорошего вкуса (*ит.*).

[14] Анненков приводит слова Ф. И. Иордана из воспоминаний Ф. В. Чижова, опубликованных П. А. Кулишом (см. ***1842. Декабря 3 <ноября 21>. Суббота. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Рим***).

[15] Подразумеваются «Рассказы пирятинца» (СПб., 1837) Е. П. Гребенки (1812–1848), обнаруживающие влияние «Вечеров на хуторе близ Диканьки». М. А. Максимович в статье «Полемическое обозрение Малороссийской словесности» писал: «Если Е. П. Гребенка не обратил на себя особенного внимания своими малорусскими пиесами, то еще менее мог он произвесть впечатления русскими стихотворениями, писанными на мотивы Жуковского и Пушкина. Гораздо большую известность приобрел он своими повествовательными рассказами, которые начал писать с 1837 года; первым таким опытом были "Рассказы Пирятинца", заимствованные из быта и преданий малороссийских и очень напоминающие "Вечера на хуторе". Это подражание и дало повод Гоголю высказать свое резкое осуждение Е. Гребенки, помещенное в "Воспоминаниях" П. В. Анненкова» (опубл.: *Науменко В.* Письма Е. П. Гребенки к родным // Киевская Старина. 1898. № 12. С. 430).

[16] Начало фразы Гоголю приписано. Гребенка учился в нежинской Гимназии высших наук (поступил в августе 1825 г.; окончил курс в 1831 г.)

МАРТА 27 <АПРЕЛЯ 8>. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Цензурное разрешение № 4 «Москвитянина», где М. П. Погодин напечатал «Новые сцены к комедии "Ревизор"»[1] (1–5 явления IV действия)[2].

Публикация была сопровождена подстрочным примечанием Погодина: «Автор прислал из Рима "Ревизора" для нового издания, исправленного. Следующими сценами заменяется прежнее начало 4 действия» (С. 578).

На с. 593 этого же номера журнала следовало еще одно примечание Погодина: «Второе издание будет готово к 1 Мая[3]; кому из иногородних угодно иметь оное, немедленно по выходе, то благоволят относиться в газетную экспедицию Московского почтамта, не прилагая ничего за пересылку. Цена два рубля серебром. К этому изданию приложатся несколько новых сцен[4], оставленных при первом издании. Также письмо автора о первом представлении»[5].

[1] Прибавление к изящной словесности. *Гоголь.* Новые сцены к комедии Ревизор // Москвитянин. 1841. № 4. С. 578–593.

[2] См. ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

[3] См. ***1841. Июля 26 <августа 7>. Суббота. Москва.***

[4] См. ***1841. Апреля 7 <19>. Понедельник. Москва; 1841. Июля 26 <августа 7>. Суббота. Москва.***

[5] «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору» (см. ***1841. Мая 31 <июня 12>. Суббота. Москва***).

МАРТА ОКОЛО 28 <АПРЕЛЯ ОКОЛО 8>. МОСКВА

Цензор Н. И. Крылов[1] пишет М. П. Погодину:

«Спасибо Вам, добрый Михайло Петрович, за Ваше православное послушание. Теперь пересмотрел журнал Ваш и нашел не только все мои отметки исполненными, но, кроме их, еще много Ваших, и дельных. Спасибо особенно за вчерашнюю мою неосторожность. Читаю с <Е. Ф.> Коршем Гоголя и останавливаюсь на словах: “Вы не только о собаках, но и о сотворении мира”. Думаю, зачеркнул ли я это место? Ну давай писать к Степанову[2] и просить его о снисхождении. Сегодня гляжу – все сделано[3]. Я теперь сбился в своем принципе: не знаю, откуда ждать грозы; и не гадаешь, где она постигнет. Так неопределенно ее движение»[4].

[1] Никита Иванович Крылов (1808–1879), цензор, профессор Московского университета.

[2] Н. С. Степанов, владелец типографии, в которой печатался «Москвитянин».

[3] В четвертой книжке «Москвитянина» за 1841 г., цензуровавшейся Н. И. Крыловым (см. ***1841. Марта 27 <апреля 8>. Великий четверг. Москва***), были напечатаны сцены из четвертого акта «Ревизора» в новой редакции. После слов Аммоса Федоровича: «Что иной раз увлечешься, говоря о домашней своре или гончей ищейке...» – была изъята ответная реплика чиновников: «Нет, вы не только о собаках, вы и о столпотворении...».

[4] *Свод.* Т. 2. С. 547.

АПРЕЛЯ 9–10 <МАРТА 28–29>. СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА – ВЕЛИКАЯ СУББОТА. РИМ

Гоголь показывает П. В. Анненкову Рим и направляет его в прогулках по городу.

Из «Воспоминаний о Гоголе» Анненкова (1857): «На другой день <9 апреля 1841 г.>[1] он действительно явился и добродушнейшим образом исполнил свое обещание. Он повел меня к Форуму, останавливал излишнюю ярость любопытства, обыкновенные новичкам порывы к частностям, и только указывал точки, с которых должно смотреть на целое и способы понимать его. В Колизее он посадил меня на нижних градинах, рядом с собою, и, обводя глазами чудное здание, советовал на первый раз только проникнуться им. Вообще он показывал Рим с таким наслаждением, как будто, по замечанию г-жи С<мирново>й[2], сам открыл его...

Это был тот же самый чудный, веселый, добродушный Гоголь, которого мы знали в Петербурге до 1836 г., до первого отъезда за границу. <...> Правда, некоторые черты, как увидим, уже показывали начало нового и последнего его развития, но они еще мелькали на поверхности его характера, не сообщая ему одной, господствующей краски. 1841 год был последним годом его свежей, мощной, многосторонней молодости, и вот почему воспоминание с особенной силой привязывается к этому году <...>

На третий день моего приезда[3] Рим, по случаю наступления праздников Святой недели, отдался весь ликованию. Как в эти дни, так и в предшествовавшие им я почти совсем не видал Гоголя, будучи занят глазеньем на все духовные процессии, которыми наполнился город. Много времени, беготни, стоического равнодушия к своей особе потребно было, чтоб не пропустить какой-либо стороны католицизма, показываемой раз в год. Могу сказать только, что ни один англичанин не опередил меня ни в чем. Я присутствовал <...> при крещении евреев в Латеране одним из кардиналов св. коллегии, при общем покаянии в иезуитской церкви и проч. Гоголь посвящал меня в церемонии и направлял поиски, но сам не выходил из дома и не переменял образа жизни. Великолепна была физиономия города с наступлением праздников. Ковры и ткани покрыли стены домов, петарды трещали с окон, с балконов, из-под ног пешеходов, улицы запестрели окрестным народонаселением, прибывшим к торжеству в ярких, живописных костюмах и с не менее живописными лицами».

Анненков П. В. Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 426–428, 440.

[1] См. ***1841. Апреля 8 <марта 27>. Великий четверг. Рим.***
[2] Анненков приводит слова А. О. Смирновой из ее воспоминаний, опубликованных П. А. Кулишом: «Вообще (говорит А. О. С<мирно>ва) он хвастал перед нами Римом так, как будто это его открытие» (см. ***1843. Февраля 1 <января 20>. Среда. Рим***).
[3] См. ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим.***

АПРЕЛЯ 11 <МАРТА 30>. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАВОСЛАВНЫЙ И КАТОЛИЧЕСКИЙ ПРАЗДНИКИ ПАСХИ. РИМ

Вечером этого дня Гоголь с П. В. Анненковым и двумя русскими художниками наблюдал торжественную иллюминацию купола собора Святого Петра.

Из «Воспоминаний о Гоголе» Анненкова (1857): «В день самого праздника[1] я, как и следовало ожидать, присутствовал при папской литургии и видел, как с высоты балкона св. Петра, окруженный кардиналами, папа дал благословение народу и отпустил ему грехи. Вечером того же дня мы ходили с Гоголем и двумя русскими художниками по площади собора, любуясь на чудное освещенье его купола и перемену огней, внезапно производимую в известный час. Купол горел тихо, ровно в мрачной синеве неба, посреди чудной, теплой весенней ночи, под шепот водопадов соборной площади, под говор народа, двигавшегося во всех направлениях[2]. Тут положено было, между прочим, что я перейду в комнату Па<но>ва тотчас, как он уедет в Берлин[3], и, сделавшись близким соседом Гоголя, посвящу один час каждого дня на переписку, под его диктовку, уже совсем изготовленной первой части "Мертвых Душ"».

Анненков П. В. Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 440.

[1] 30 марта / 11 апреля 1841 г.
[2] Ср. в «Письмах из-за границы» Анненкова: «Не упоминая вам о других, побочных церемониях, как-то: бичевании при затушенных свечах у иезуитов, о крещении жидовского семейства у Иоанна Латеранского и о всеобщем покаянии, я прямо перейду к обедне Светлого Воскресения, совершавшейся самим папою. Начиная с полудня и до ночи, вся суббота гремела выстрелами, которые производились частными лицами в домах посредством петард, маленьких пистолетов и проч. В 10 часов, в воскресенье, предшествуемый кардиналами, швейцарскими латниками в костюмах средних веков, отрядом гвардии своей из дворян, всеми канониками и министрами своими, показался папа на носилках. Народ, наполнявший церковь, и два ряда солдат, стоявших по обеим сторонам шествия, преклонили колена. Так несом он был при трубном звуке и осеняемый двумя павлиньими опахалами до самого алтаря Св. Петра, где, сошед с человеческих плеч и воссев на трон, начал обедню. В 12 часов таким же образом внесли его в колоссальное окно главного фасада церкви. Поднявшись в носилках на ноги и рисуясь таким образом всею фигурой своею на темном фоне балкона, дал он благословение городу и миру. Войско застучало в барабаны, раздались пушечные выстрелы с крепости Св. Ангела, и когда все

поуспокоилось, еще раз поднялся он, возвел глаза к небу и потом, опустив их на тьму тьмущую народа, наполнявшего площадь, новым благословением отпустил всем грехи. Тут полетели с балкона индульгенции и самый лист всеобщего отпущения вниз; народ кинулся ловить... Балкон опустел. Так кончилась церемония, не произведшая на меня сильного впечатления. Гораздо лучше освещение купола Петровского. Вообразите себе на черном небе горящий, огненный пантеон. Как какой-нибудь неслыханный огромный матовый колпак лампы, висел он над вечным городом. В восемь часов была перемена огней. Еще не затих звук башенного колокола, как непостижимым механизмом облился он весь ярким блеском взамен первого нежного блеска своего, и долго за полночь еще видны были струи огненных полос на колоссальных боках его. Это чудо! В понедельник был фейерверк <girandola> с крепости Св. Ангела – Адриановой гробницы. Каскады лились по стенам, на площадках являлись храмы; гром пушек придавал что-то грозное и величественное этому фейерверку, заключившемуся громоносным изображением извержения Везувия. С последнею ракетой кончились торжества, а с тем кончается и сие письме мое» (<*Анненков П. В.*> *А–в.* Письма из-за границы. Письмо V // Отечественные Записки. 1841. № 6 (цензурное разрешение 30 мая). Отд. «Смесь». С. 102; *Анненков П. В.* Письма из-за границы (1841) // *Анненков П. В.* Парижские письма. М., 1983. С. 28; *Свод.* Т. 3. С. 485).

[3] В. А. Панов выехал из Рима спустя три с половиной недели, 6 мая (н. ст.) 1841 г. (см. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим***).

МАРТ – АПРЕЛЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА <ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА – АПРЕЛЯ НАЧАЛО>. РИМ

Гоголь встречается с Ф. И. Буслаевым.

Позднее Е. А. Ляцкий[1], передавая давний рассказ Буслаева, сообщал: «Однажды, заговорив о посещении какого-то музея, Фед<ор> Ив<анович> заметил:

– Там, кстати, я в 1 раз увидел Гоголя[2].

Я слушал, затаив дыхание. <...>

– Да, да, это б<ыло> тогда, к<ак> сейчас помню. Мы с графом Строгановым[3] остановились на ступеньках лестницы, у входа в музей. Здесь-то граф и познакомил меня с Г<оголем>.

– Расскажите, Ф<едор> И<ванович>, – взмолился я, – расскажите подробно.

– Ничего особенного я вам рассказать не могу. Скажу только, ч<то> он мне не понравился с первого взгляда. Ч<то>-то в нем б<ыло> подчеркнутое, непростое – не то в костюме, не то в манере держаться. Кажется, он б<ыл> одет, к<ак> одевались тогда все рус<ские> художники. Они одевались небрежно и живописно, а живописности-то этой у Г<оголя> не б<ыло>. Разговаривая с графом, он смотрел в сторону, часто бросал на меня беглые, косые взгляды, словно изучал, что и где на мне б<ыло> надето. Мне показалось, ч<то> взгляды эти б<ыли> недружелюбны, но причины я объяснить не мог. То ли ему не нравился мой новенький костюм, то ли ч<то> другое.

Граф спросил его:

– Вы тоже направляетесь в музей?

Гоголь ответил:

– Нет, мне в музее делать нечего. Там темно и мертво. Мой музей вот, – он указал на группу цветочниц внизу, где столпилось несколько иностранцев. – Посмотрите, к<ак> их привлекает солнце... – И добавил:

– Земляк мой по музею бродит, пускай посчитает сокровища, а я его подожду.

– Притворяетесь, Ник<олай> Вас<ильевич>, – сказал граф, – притворяетесь. Сами ведь все исходили и высмотрели, а послушать вас, т<ак> вы и в Риме напрасно живете. В самом деле, если жить в Риме и по музеям не ходить – умереть можно со скуки.

Г<оголь> засмеялся – смех его тоже не б<ыл> приятен. Помнится, он отвечал т<ак>:

– И в музеях не скучно, когда чел<овек> весел, а весело ему всегда, когда здесь – он указал на сердце – не сосет. Впрочем, засосет – пойдешь, посмотришь на церковку тут одну... маленькая, так себе, а посмотришь на нее, легче душе станет. И входить даже не надо...

Затем Г<оголь> прибавил несколько подробностей, показывавших, ч<то> он недурно знал рим<ские> церкви. Он характеризовал их терминами, кот<орые> указывали на его понимание живописи и архитектуры. Ему, вероятно, пригодились его знакомства в среде художников. На этом

мы простились с ним и пошли в музей. Снова мне показалось, ч<то> его поклон в мою сторону б<ыл> небрежен, даже уничижителен. Я вспомнил, ч<то> рассказывали о нем, и сам повторил себе мысленно: "странный чел<овек>, очень странный... и неприятный..." Мне б<ыло> самому тяжело думать т<ак> об авторе "Ревизора".

— Через некоторое время я снова встретил Гоголя у одного из русских художников, которым покровительствовал граф Строганов[4]. Он сидел перед большой картиной, изображавшей типичный итальянский пейзаж — море, пальмы, скалы, — и молча вглядывался в нее. По внешности его тоже было можно принять за художника — широкая шляпа, небрежный галстук, пестрый жилет. К нему обращались с вопросами, спрашивая о мнении. Он только улыбался и делал неопределенный жест, как будто отмахивался. Увидев меня, он сказал:

— Тогда нам не удалось поговорить о музеях, а теперь мешает картина. Вот смотрите: солнце на этом камне так и горит. И скажите: что лучше — солнце или камни? Ваши музеи — тот же камень. Согрейте и оживите его солнцу, он все же камнем останется...

Кто-то при этом сказал:

— А солнце идет и спрячется...

Другой прибавил:

— Пока его не схватит художник на полотно.

Потом заговорили о новой в то время теме — о правде в искусстве.

Гоголь сказал:

— В искусстве есть чудо, а не правда, чудо может быть и от зла, и от лжи. Разные чудеса бывают. Но что удивительно — ложь искусства рождает правду даже тогда, когда художник ее не ищет и не умеет искать.

И потом, обратившись со смешком к пейзажисту, написавшему картину, со смехом сказал:

— Разве вы искали правды, когда писали вот это море и скалы? Разве они бывают такими? Вы искали эффектов и контрастов, а не правды. Правда не то, а в том, что вошло в картину помимо вашей воли. А ваша мнимая правда на дне винной бочки...

И продолжал смеяться своим мелким, лукавым, раздражающим смехом.

Когда я рассказал Строганову об этой встрече, он показал мне письмо Г<оголя>, не помню, кому адресованное, где высказывались те же мысли, только с мистическими намеками. Граф говорил, что он с любопытством следит за творческим процессом Гоголя, который готовился создать нечто великое, я тоже следил за ним с огромным интересом, но встречаться с ним мне не хотелось, и я больше не видал его никогда»[5].

[1] Евгений Александрович Ляцкий (1868–1942), писатель, критик и историк литературы; эмигрант, профессор русского языка и литературы Карлова университета в Праге.

[2] Вероятно, речь идет о первой личной встрече Буслаева с Гоголем. Впервые «увидеть» Гоголя Буслаеву довелось при иных обстоятельствах (см. ***1840. Октября начало <сентября вторая половина>. Рим***).

[3] Имеется в виду попечитель Московского учебного округа в 1835–1847 гг. граф Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882), с семьей которого Ф. И. Буслаев путешествовал за границей.

[4] Возможно, имелся в виду И. К. Айвазовский.

[5] Встреча Е. А. Ляцкого с Ф. И. Буслаевым // *Свод*. Т. 3. С. 992–993.

АПРЕЛЯ 15 <3>. ЧЕТВЕРГ СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. РИМ

Отъезд из Рима Ф. И. Буслаева.

См. ***1840. Октября начало <сентября вторая половина>. Рим***.

АПРЕЛЯ 7 <19>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Цензурное разрешение № 5 «Москвитянина», где М. П. Погодин напечатал сцену из «Ревизора» «Хлестаков и Растаковский».

Гоголь. Сцена. Хлестаков и Растаковский... // Москвитянин. 1841. № 5. С. 37–40.

АПРЕЛЯ 7 <19>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

И. С. Аксаков в письме в Москву сообщает брату Константину:

«Панаев[1] показывал мне письмо Языкова[2], в котором тот просит его похлопотать о Гоголе, именно о “Ревизоре”[3]. Панаев сердится, что не написано ни на сколько времени, ни какое количество экземпляров и пр. Он думает, что здесь дадут меньше за “Ревизора”[4]: в Петербурге он и не так разойдется, и ценить его не умеют».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 906.

[1] И. И. Панаев.

[2] Михаил Александрович Языков (1811–1885), директор Императорского стеклянного завода, приятель В. Г. Белинского.

[3] Письмо неизвестно. М. А. Языков написал И. И. Панаеву, вероятно, по просьбе Аксаковых, которых посещал во время своего пребывания в Москве.

[4] Намерение напечатать второе издание «Ревизора» в Петербурге не было осуществлено. «Ревизор» был издан в Москве М. П. Погодиным.

АПРЕЛЯ 8 <20>. ВТОРНИК. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Ксенофонт Полевой покупает все экз<емпляры> Ревизора и дает по 4 р<убля>, но в сроки. Привез наконец деньги. Толковали о книжной торговле».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1840–1841 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 472.

АПРЕЛЯ 14 <26>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Поутру был Граф Толстой[1], с которым много говорил о России нынешней и прошедшей. Журнал Ваш[2] запретят, сказал он, потому что в нем слишком явен Русский дух, и много православия. Есть какая-то невидимая, тайно действующая сила, которая мешает всякому добру в России. Верно, она имеет свое начало в чужих краях, трепещущих России, и действующих через золото. Обещал рас<с>просить Протасова и Уварова[3] о причинах моей остановки».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1840–1841 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 472.

[1] А. П. Толстой (см. ***1838. Октября 6 <18>. Четверг. Москва*** – примечания).

[2] «Москвитянин».

[3] Толстой собирался в то время в Петербург. Позднее, в неотправленном письме к графу С. Г. Строганову от конца января 1845 г., Погодин отмечал: «Никто в Москве не пишет... ссылаясь, по русской лени, на цензуру, которой ужаснее вообразить трудно... Один журнал <“Москвитянин”>, который целая партия считает оффициальным, а между тем ни одного нумера не проходит без затруднения, так что несколько раз я хотел уничтожить его. Только по первому нумеру я вижу, что преемник мой <И. В. Киреевский; см. ***1844. Ноября 5 <17>. Воскресенье. Москва***> не выдержит полгода. А в Петербурге, наоборот, пропускают Бог знает что. В Петербурге можно зажигать, а нам нельзя кричать – пожар» (*Барсуков*. 1894. Кн. 8. С. 96).

АПРЕЛЯ 28 <16>. СРЕДА. РИМ

П. В. Анненков в первой в своей жизни публикации — «Письмах из-за границы» — сообщает В. Г. Белинскому[1] (и всем читателям «Отечественных Записок»):

«Рим. 28-го апреля 1841 года. <...> Вот я уже здесь две недели[2]; отыскал Гоголя[3], который и указывает мне точки для наблюдения в этом море, где век римлян и век Микельанджело и Рафаэля соединились, чтоб сделать его неисчерпаемым. <...> ...Всякий заехавший в Рим совершенно отделяется от современности, забывает газеты, Европу, открытия и предается воспоминаниям истории и искусства: другого нет разговора, как статуя, картина, новая находка в этой земле, до сих пор еще наполненная шедеврами древних»[4].

Ранее Гоголь в повести «Рим» писал: «Тут не было толков о понизившихся фондах, о камерных преньях, об испанских делах: тут слышались речи об открытой недавно древней статуе, о достоинстве кистей великих мастеров...»

По-видимому, тем, что именно Гоголь указывал Анненкову «точки для наблюдения» в Риме, а также, вероятно, тем, что Гоголь прочел тогда Анненкову в рукописи отрывок своей незавершенной повести (или романа) «Рим», объясняются многочисленные переклички «Писем из-за границы» с этой гоголевской повестью[5]. (Незадолго перед тем в Риме Гоголь читал также отрывки из своего незавершенного романа об Италии В. А. Панову[6].)

Из «Воспоминаний о Гоголе» Анненкова (1857): «...Мы знаем, по статье “Рим”, что Гоголь нашел место в картине и для рыжего капуцина[7], значение которого, помню, с жаром объяснял В. А. П<ано>ву, ссылаясь на эффект, производимый нищенствующим братом, когда он вдруг появляется в среде пестрых итальянских женщин или удалой римской молодежи[8]. <...> ...Даже тяжелая красная карета кардинала с пудренными лакеями назади удостаивалась в его разговорах ласкового и пояснительного слова. Все это представление предметов было бы очень далеко от истины и настоящего их достоинства, если бы не поправлялось его юмором... <...> Множество проявлений этого юмора заключено в самой статье о Риме; присутствие его чувствовалось тогда почти в каждом разговоре Гоголя, но собрать проблески этой способности теперь нет никакой возможности. Большая часть их изгладилась из моей памяти, оставив только общее представление о своем характере. Случалось иногда, что это был осколок целого драматического представления, как, например, рассказ Гоголя о знакомстве с кардиналом Мец<ц>офанти. Он очень любил этого кардинала-полиглота, маленького, сухощавого и живого старичка, который при первой встрече с Гоголем заговорил по-русски. Гоголь объяснял способ его выпутываться из филологических затруднений, так сказать, наглядно. Кардинал, обдумав фразу, держался за нее очень долго, выворачивая ее во все стороны, не делая шагу вперед, покуда не являлась новая придуманная фраза, и при живости старика это имело комическую сторону, передаваемую Гоголем весьма живописно. Он наклонялся немного вперед и, подражая голосу и движениям президента “Пропаганды”[9], начинал вертеть шляпу в руках и говорить итальянской скороговоркой: “Что это у вас какая прекрасная шляпа, прекрасная, круглая шляпа, также и белая, и весьма удобная — это точно прекрасная, белая, круглая, удобная шляпа” и проч. Впрочем, Гоголь отдавал справедливость удивительной способности кардинала схватывать отношения частей речи друг к другу в чуждом диалекте, а степень настоящего познания нашего языка у Мец<ц>офанти может показать следующая стихотворная записка его, буквально списанная мною с оригинала:

Любя Российских Муз, я голос их внимаю
И некие слова их часто повторяю.
Как дальный Отзыв, я не ясно говорю:
Кто ж может мне сказать, что я стихи творю.

I. Меццофанти. <...>

Мы знаем положительно, что Н<иколай> В<асильевич>, вместе с другими членами обыкновенного своего круга, был настроен не совсем доброжелательно к Белинскому... <...> Гоголь несколько раз выражал недовольство свое критикой Белинского еще в Риме»[10].

Позднее, в мемуарном очерке «Замечательное десятилетие» (1880) Анненков добавлял: «...Гоголь <...> пришел к убеждению, что московская критика, т<о> е<сть> критика Белинского, злостно перетолковала все его намерения и авторские цели... <...> Вряд ли Гоголь и считал тогда Белинского за какую-либо надежную силу. По крайней мере, в мимолетных отзывах, слышанных мною от него несколько позднее (в 1841 году, в Риме) о русских людях той эпохи, Белинский не занимал никакого места»[11].

1 июня (н. ст.) 1874 г. Анненков писал также А. Н. Пыпину из Бадена: «К удивлению, и Гоголь позабыл о нем <о Белинском>, вспомнив только гораздо позднее, при издании 1-го тома Мертвых душ, когда опять критик сделался нужен»[12].

[1] В. П. Гаевский в письме к А. Н. Пыпину от 17 марта 1887 г., со слов А. А. Краевского, свидетельствовал, что «Письма из-за границы» были адресованы в 1841 г. П. В. Анненковым В. Г. Белинскому: «Краевский сообщил мне следующее: он встречался с Анненковым у Дм. <Як.> Федорова, директора театрального училища, и Крутицкого, служившего при театрах (при Гедеонове) по хозяйственной части. Это было в конце 1830-х годов. Потом Анненков уехал за границу, откуда написал Белинскому письмо, доставленное им в редакцию "Отечественных записок". Письмо понравилось, было напечатано (имеется в виду публикация в мартовском номере "Отечественных Записок" за 1841 г.: *А—в.* Письма из-за границы. Письмо I–II. – *И. В.*), и Белинский написал Анненкову в Париж (вероятно, в Берлин. – *И. В.*), чтоб он продолжал корреспонденцию» (*Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки». 1839–1848. Указатель содержания. М., 1985. С. 416). При публикации первых двух писем (от 12 ноября 1840 г. из Гамбурга и от 10 января 1841 г. из Берлина) они были сопровождены редакционным примечанием, написанным, вероятно, В. Г. Белинским. Это примечание заканчивалось следующей фразой: «Лучшее в письмах г-на Анненкова то, что они писаны не для печати и скорее могут быть названы импровизацией, чем сочинением» (Отечественные Записки. 1841. № 3. Отд. «Смесь». С. 15). Однако, если первые письма Анненкова, возможно, действительно, были «писаны не для печати», то последующие, безусловно, создавались с расчетом на публикацию.

[2] На самом деле к тому времени Анненков прожил в Риме три недели (см. ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим***).

[3] См. ***1841. Апреля 8 <марта 27>. Великий четверг. Рим.***

[4] <*Анненков П. В.*> *А—в.* Письма из-за границы. Письмо V // Отечественные Записки. 1841. № 6 (цензурное разрешение 30 мая). Отд. «Смесь». С. 91–102; *Свод.* Т. 3. С. 407.

[5] См. ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим*** (примечания); ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (примечания); ***1841. Октября 26 <14>. Вторник. Женева*** (примечания); ***1842. Февраля 7 <января 26>. Понедельник. Париж*** (примечания). См. также: *Виноградов И. А.* П. В. Анненков – биограф Н. В. Гоголя // Н. В. Гоголь и его литературное окружение: Восьмые Гоголевские чтения: Сб. докл. Междунар. конференции / Под общ. ред. В. П. Викуловой. М., 2009. С. 145–155.

[6] См. ***1841. Февраль <января вторая половина – февраля средина>. Рим.***

[7] Имеется в виду следующее место в повести «Рим»: «Тут самая нищета являлась в каком-то светлом виде, беззаботная, незнакомая с терзаньем и слезами, беспечно и живописно протягивавшая руку; картинные полки монахов, переходившие улицы в длинных белых или черных одеждах; нечистый рыжий капуцин, вдруг вспыхнувший на солнце светловерблюжьим цветом...»

[8] О том, что само ношение священником своей одежды является в известной мере исповедничеством, Гоголь писал позднее в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (во второй статье «о нашей Церкви и духовенстве» – «О том же») и в «Размышлениях о Божественной Литургии». В статье *XIV. О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности* он также замечал: «Христианин, наместо того, чтобы говорить о тех местах в Пушкине, которых смысл еще темен <...>, приведет его величественные стихи пастырю Церкви, где Пушкин сам говорит о себе, что даже и в те годы, когда он увлекался суетой и прелестию света, его поражал даже один вид служителя Христова» (см. ***1845. Марта 5 <февраля 21>. Среда. Франкфурт-на-Майне*** – примечания). Этот религиозный подтекст в разъяснениях Гоголя Панову об «эффекте, производимом нищенствующим братом, когда он вдруг появляется в среде пестрых итальянских женщин или удалой римской молодежи», очевидно, остался непонятым западником Анненковым.

[9] Дж. Меццофанти был заведующим учебной частью конгрегации пропаганды – католической организации, руководившей миссионерскими делами.

[10] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 448–449, 458–459.

[11] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 506, 507. – См. также ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва.***

[12] Из писем П. В. Анненкова // *Свод.* Т. 3. С. 534. – Говоря о том, что «при издании 1-го тома Мертвых душ» Белинский «сделался нужен» Гоголю, Анненков намекает на какое-то важное участие критика в публикации поэмы, тогда как Белинский, случайно оказавшийся в то время в Москве, исполнил в этом деле лишь роль курьера (см. ***1842. Января между 2 и 7. Москва***).

АПРЕЛЯ 17 <29>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Отнял несколько времени <Кс. А.> Полевой, которому не мог отказать о Ревизоре, хотя это мне и не очень выгодно».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1840–1841 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 473.

МАЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 6 <АПРЕЛЯ МЕЖДУ 19 И 24>. РИМ

Гоголь получил известие из Москвы от М. П. Погодина о кончине у С. Т. и О. Сем. Аксаковых 5 марта 1841 г. сына Михаила[1]. Пишет на имя Погодина утешительное письмо С. Т. Аксакову (не сохранилось)[2].

16 апреля 1841 г. Погодин записал в своем дневнике: «Написал лист о Риме[3]. <...> Вечер у Акс<аковых>... Домашняя досада на О<льгу> С<еменовну>, которая просто блажит, забывает о девяти живых, чтоб плакать об одном. Читал им Рим. Спорил о приличиях»[4].

По-видимому, ранее Погодин написал о смерти сына Аксаковых Гоголю, который отвечал ему в письме из Рима от 15 мая (н. ст.) 1841 г.[5]

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Между тем Гоголь получил известие о нашем несчастии. Не помню, писал ли я сам к нему об этом; но знаю, что он написал ко мне утешительное письмо, которое до меня не дошло и осталось для меня неизвестным. Письмо было послано через Погодина; вероятно, оно заключало в себе такого рода утешения [подкрепляемые выражением из Священных книг], до которых я был большой неохотник, и мог скорее рассердиться за них, чем утешиться ими. Погодин знал это очень хорошо и не отдал письма, а впоследствии или затерял, или обманул меня, сказав, что письма не нашел»[6].

[1] См. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим.***

[2] Ср. ***1841. Мая 15 <3>. Суббота. Рим***; ***1842. Августа 18 <6>. Четверг. Праздник Преображения Господня. Гастейн.***

[3] Подразумевается статья «Месяц в Риме».

[4] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1840–1841 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 473.

[5] См. ***1841. Мая 15 <3>. Суббота. Рим.***

[6] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 703.

МАЙ – АВГУСТА СРЕДИНА <АПРЕЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – АВГУСТА НАЧАЛО>. РИМ

Гоголь работает над вторым томом «Мертвых душ».

См. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (воспоминания П. В. Анненкова и примеч. к ним); ***1841. Августа 7 <июля 26>. Суббота. Рим.*** – См. также ***1838. Июль – августа до 14 <июня конец – августа до***

2>. Кастелламаре (примечания); *1839. Июля 13 <1>. Суббота – августа около пятницы 23 <около пятницы 11>. Мариенбад* (примечания).

МАЯ 6 <АПРЕЛЯ 24>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

В. А. Панов, живший в одной квартире с Гоголем на Via Felice, № 126[1], выезжает в Берлин[2]. П. В. Анненков поселяется у Гоголя в той комнате, где до него жил Панов[3]; приступает под диктовку Гоголя к переписке второй половины (шести глав) первого тома «Мертвых душ» (вероятно, продолжает эту работу до своего выезда из Рима 18 июля (н. ст.) 1841 г.[4]).

Спустя месяц, 6 июня (н. ст.) 1841 г., Панов сообщал К. С. Аксакову из Берлина: «Незадолго перед отъездом моим из Рима Николай Васильевич сообщил мне известие, которое он получил тогда от Погодина, о несчастии, постигшем Ваше семейство[5]. <...>

В конце апреля я должен был сделать путешествие в Неаполь: я подговорил ехать туда семейство Обуховых[6], которое с генваря месяца было в Риме, и обещал им ехать вместе. Но мое решение не было еще твердо. Мне не хотелось изменять прежнего моего плана – на этот раз не заезжать в Италию дальше Рима, и потом из Неаполя мне пришлось бы опять возвращаться на Рим – новый соблазн[7]. Одно утро, накануне дня, назначенного к отъезду нашему, 1-го мая, я отправился, не сказавши никому ни слова, в контору дилижансов и взял билет на 6-е в Анкону! Дело было кончено, Обуховы, недовольные, уехали одни. Николай Васильевич был доволен. Получивши его благословение, я 6-го мая расстался с Римом»[8].

Из воспоминаний Ф. И. Иордана (опубл. в 1891 г.): «В это время приехал в Рим наш писатель (П. В.) Анненков[9], с которым я познакомился. Он остановился у Гоголя, с которым был дружен, несмотря на все несходство их характеров. Анненков был характера веселого, открытого, что Гоголю не очень-то нравилось»[10].

Анненков 3 сентября (н. ст.) 1841 г., после оставления Рима, в «Письмах из-за границы» сообщал из Флоренции В. Г. Белинскому (и читателям «Отечественных Записок»): «Я прожил в Риме три месяца[11]: характер города много способствовал тому. Вообразите себе, что на свете есть столица, куда надо приезжать для того, чтоб войти в самого себя и жить в каком-то благородном и плодовитом уединении, посреди древности и произведений искусства, из которых многие – граница творчества, за какую уж и не перейдут люди. Голос Европы доходит сюда ослабленный и едва внятный; но это не китайское отъединение от всеобщей жизни, а что-то торжественное и высокое, как загородный дом, где работал великий человек. <...> Но как же тихо бывает здесь заезжим нашим туристам, офицерам, советникам, поехавшим прогуляться немного, и проч.[12]! После великого восхождения на купол Петра да осмотра Ватиканских зал, бесконечных, как мне удалось слышать, да посещения ночью, с двумя факелами, Колизея, – хоть удавиться от скуки. <...> А я между тем жил рядом, стена об стену с Гоголем и сообществе трех или четырех русских художников[13], которые, можно сказать без пристрастия, при нынешнем направлении живописи к картинам нравов или случайностей (tableaux de genre[14]) и вообще умельчании искусства, одни только и работают, что называется, по мере сил. Довольно упомянуть о колоссальных трудах гравера Иордана и живописца Иванова, которого “Магдалина” осталась в памяти даже у петербургской публики[15]. Первый уже четыре года трудится над эстампом с “Преображения” Рафаэля... <...> Иванов пишет картину “Появление Мессии”. Множество групп, уже приявших крещение у Иоанна Предтечи, и несколько лиц, ожидающих его, вдруг поражаются словом учителя, который, простирая руки, с вдохновенным взором указывает им вдали на тихо приближающегося Иисуса: “Се Человек, у Которого недостоин я развязать и ремень сапога!” Видно электрическое действие этого движения на всех лицах, которое переливается и на зрителя, знающего, что с этого времени начинаются проповеди Иисуса и наша религия... Что еще сказать вам? Одно разве: при всем разнообразии этих лиц нельзя не быть

поражену естественностью всех их поз и какою-то эпическою простотою целого, которая так хорошо согласуется с евангельским рассказом. <...>

Итак, с ними-то жил я... Мы проезжали уединенные римские поля и были в горах, с которых вид на поля — что на море, с тою разницей, что никогда море не навеет на вас такого расположения духа. Были во всех этих местах, прославленных красотами природы, историческими воспоминаниями, дворцами и виллами папских племянников, Альбано[16], Фраскати[17], Тиволи[18], Субиако[19], и, наконец, углубившись еще далее в горы, на границе Абруццов, в городах, которые лепятся на вершинах скал, к которым нет дорог и где только один способ сообщения известен: это верхом на осле. В этих городах встретили мы народонаселение совершенно дикое, едва знающее употребление монеты и, кажется, только сейчас вышедшее из первого состояния человека естественного, а la Rousseau[20]. И это рядом с Римом! Да что! В Сабинских горах есть еще деревни, где говорят по-латыни! Но со всем тем нельзя же даром жить на классической почве; как нынче, так и за несколько веков, люди и народы, приходившие в Рим, всегда уносили еще что-нибудь, кроме богатства его. Это моральное влияние Рима на народ, теперь обитающий около него, отразилось в общности его характера, имеющего что-то гордое, независимое, и проявилось в эстетическом вкусе, ему врожденном. Последнее качество всего более выказывается в празднествах, да не в тех, которые имеют какой-то официальный характер, как торжества святой недели, празднуемые больше, кажется, для иностранцев, чем для Рима, а в национальных праздниках июня месяца, когда знамена с изображением мучениц развеваются по ветру, капуцины со свечами в руках тянутся в длинных процессиях, проповедники на всех углах площадей поучают народ, и на улицах стреляют из петард. Какие тут встречаются женские лица, какие костюмы, и что иногда делают самые незначительные деревнюшки, так просто чудо! Так, например, в Женсано мостовая, по которой идет духовная процессия, расчерчивается в прихотливые фигуры мелом: по ним сыплются разнородные цветы; в числе этих фигур есть гербы папы, кардиналов, львы, арабески, все из цветов. Мостовая вдруг покрыта великолепным ковром, который, уж без всякого сомнения, превышает все ковры в мире яркостью красок. Едва только минует процессия, как все это количество роз, маку, лилий смешивается и составляет какую-то мраморную груду[21]. Где же это выдумается, скажите пожалуйста, кроме Рима? Буйные порывы римской черни, случающиеся очень часто и напоминающие времена итальянских республик средних веков, значительны еще тем, что это обыкновенно осуждение какого-нибудь преступления, не подлежащего законам. Так, когда принчипе Дориа[22] обольстил девушку обещанием жениться на ней и привел ее к смерти обманом и изменой, народ своротил погребальную процессию жертвы с настоящей дороги и заставил ее пройти мимо дворца принчипе, который после этого и уехал из Рима. Да и сам я был свидетелем, как жестоко был освистан гроб другого принчипе, Пиомбино[23], не любимого за скупость и который запер свою великолепную виллу Людовизи[24] и не пускал никого смотреть знаменитые статуи и фрески. Освистали мертвого[25], освистали совершенно, хоть и полиция наверное знала, что Пиомбино будет освистан...»[26]

Из «Воспоминаний о Гоголе» Анненкова (1857): «Поселившись рядом с Гоголем, в комнате, двери которой почти всегда были отворены, я связан был с Николаем Васильевичем только одним часом дня, когда занимался перепиской "Мертвых Душ"[27]. Остальное время мы жили розно и каждый по-своему. Правда, в течение дня сталкивались мы друг у друга довольно часто, а вечера обыкновенно проводили вместе, но важно было то, что между нами существовало молчаливое условие не давать чувствовать себя товарищу ни под каким видом. Гоголь вообще любил те отношения между людьми, где нет никаких связующих прав и обязательств, где от него ничего не требовали. Он тогда только и давал что-либо от себя. В Риме система эта, предоставив каждому полную свободу действий, поставила каждого в нравственную независимость, которою он всего более дорожил.

Гоголь вставал обыкновенно очень рано и тотчас принимался за работу. На письменном его бюро стоял уже графин с холодной водой из каскада Терни, и в промежутках работы он опорожнял его дочиста, а иногда и удвоивал порцию. Это была одна из потребностей того длинного процесса самолечения, которому он следовал всю свою жизнь. Он имел даже особенный взгляд на свой организм и весьма серьезно говорил, что устроен совсем иначе, чем другие люди, и, если не обманывает меня память, с каким-то извращенным желудком[28]. Я относился тогда несколько скептически к его

жалобам на свои немощи, и помню, что Гоголь возражал мне с досадой и настойчиво. “Вы этого не можете понять, – говорил он, – это так: я себя знаю”. При наступившем вскоре римском зное Гоголь довольно часто жаловался на особенное свойство болезненной своей природы – никогда не подвергаться испарине. “Я горю, но не потею”, – говорил он. Все это не мешало ему следовать вполне своим обыкновенным привычкам. Почти каждое утро заставал я его в кофейной del buon gusto, отдыхающим на диване после завтрака, состоявшего из доброй чашки крепкого кофе и жирных сливок, за которые почасту происходили у него ссоры с прислужниками кофейни: яркий румянец пылал на его щеках, и глаза светились необыкновенно. Затем отправлялись мы в разные стороны до условного часа, когда положено было сходиться домой для переписки романа. Тогда Гоголь крепче притворял внутренние ставни окон от неотразимого южного солнца, я садился за круглый стол, а Николай Васильевич, разложив перед собой тетрадку на том же столе подалее, весь уходил в нее и начинал диктовать мерно, торжественно, с таким чувством и полнотой выражения, что главы первого тома Мертвых Душ приобрели в моей памяти особенный колорит. Это было похоже на спокойное, правильно разлитое вдохновение, какое порождается обыкновенно глубоким созерцанием предмета. Николай Васильевич ждал терпеливо моего последнего слова и продолжал новый период тем же голосом, проникнутым сосредоточенным чувством и мыслию. Превосходный тон этой поэтической диктовки был так истинен в самом себе, что не мог быть ничем ослаблен или изменен. Часто рев итальянского осла пронзительно раздавался в комнате, затем слышался удар палки по бокам его и сердитый вскрик женщины: Ecco, ladrone! (вот тебе, разбойник!) – Гоголь останавливался, проговаривал, улыбаясь: “как разнежился, негодяй!” – и снова начинал вторую половину фразы с той же силой и крепостью, с какой вылилась у него ее первая половина. Случалось также, что он прекращал диктовку на моих орфографических заметках, обсуживал дело и, как будто не было ни малейшего перерыва в течении его мыслей, возвращался свободно к своему тону, к своей поэтической ноте. Помню, например, что, передавая ему написанную фразу, я вместо продиктованного им слова: щекатурка – употребил: штукатурка. Гоголь остановился и спросил: “Отчего так?” – “Да правильнее, кажется”. – Гоголь побежал к книжным шкафам своим, вынул оттуда какой-то лексикон, приискал немецкий корень слова, русскую его передачу и, тщательно обследовав все доводы, закрыл книгу и поставил опять на место, сказав: “А за науку спасибо”[29]. Затем он сел по-прежнему в кресла, помолчал немного, и снова полилась та же звучная, по-видимому простая, но возвышенная и волнующая речь. Случалось также, что, прежде исполнения моей обязанности переписчика, я в некоторых местах опрокидывался назад и разражался хохотом. Гоголь глядел на меня хладнокровно, но ласково улыбался и только проговаривал: “Старайтесь не смеяться, Жюль”[30]. Действительно, я знал, что переписка замедляется подобным выражением личных моих ощущений, и делал усилия над самим собой, но в те годы усилия эти редко сопровождались успехом. Впрочем, сам Гоголь иногда следовал моему примеру и вторил мне при случае каким-то сдержанным полусмехом, если могу так выразиться. Это случилось, например, после окончания Повести о капитане Копейкине, первая редакция которой, далеко превосходящая в силе и развитии напечатанную, только недавно сделалась известна публике[31]. Когда, по окончании повести, я отдался неудержимому порыву веселости, Гоголь смеялся вместе со мною и несколько раз спрашивал: “Какова повесть о капитане Копейкине?”

– Но увидит ли она печать когда-нибудь? – заметил я.

– Печать – пустяки, – отвечал Гоголь с самоуверенностью, – все будет в печати.

Еще гораздо сильнее выразилось чувство авторского самодовольствия в главе, где описывается сад Плюшкина[32]. Никогда еще пафос диктовки, помню, не достигал такой высоты в Гоголе, сохраняя всю художническую естественность, как в этом месте. Гоголь даже встал с кресел (видно было, что природа, им описываемая, носится в эту минуту перед глазами его) и сопровождал диктовку гордым, как<им>-то повелительным жестом. По окончании всей этой изумительной VI главы я был в волнении и, положив перо на стол, сказал откровенно: “Я считаю эту главу, Николай Васильевич, гениальной вещью”. Гоголь крепко сжал маленькую тетрадку, по которой диктовал, в кольцо и произнес тонким, едва слышным голосом: “Поверьте, что и другие не хуже ее”. В ту же минуту, однако ж, возвысив голос, он продолжал: “Знаете ли, что нам до *cenare* (ужина) осталось еще много: пойдемте смотреть сады Саллюстия, которых вы еще не видали, да и в виллу Людови-

зи[33] постучимся". (Римляне зовут ужином обед в 7 часов вечера, около вечерен, когда становится прохладнее, а обедают ровно в полдень, после чего или спят, или запираются в домах своих на все время полуденного зноя. Тому же порядку следовал и я, когда он не нарушался обязанностями туриста. Сады Саллюстия — ныне живописный огород[34], в котором разбросаны руины бывших построек, а великолепная вилла Людовизи замечательна тем, что отворяется для немногих посетителей, наделенных особенной рекомендацией посланников или значительных лиц города. В ней, как известно, сохраняются колоссальный бюст Юноны и знаменитая статуя "Apия и Петус". Причину ее недоступности объясняют покражей или порчей, произведенной в ней какими-то английскими туристами.) По светлому выражению его лица, да и по самому предложению видно было, что впечатления диктовки привели его в веселое состояние духа. Это оказалось еще более на дороге. Гоголь взял с собой зонтик на всякий случай, и как только повернули мы налево от дворца Барберини в глухой переулок, он принялся петь разгульную малороссийскую песню, наконец пустился просто в пляс и стал вывертывать зонтиком на воздухе такие штуки, что не далее двух минут ручка зонтика осталась у него в руках, а остальное полетело в сторону. Он быстро поднял отломленную часть и продолжал песню. Так отозвалось удовлетворенное художническое чувство: Гоголь праздновал мир с самим собою, и в значении этого бурного порыва веселости, который вполне напомнил мне старого Гоголя, я не ошибся и тогда. В виллу Людовизи нас, однако ж, не пустили, как Гоголь ни стучал в безответные двери ее ворот; решетчатые ворота садов Саллюстия были тоже крепко замкнуты, так как время сиесты[35] и всеобщего бездействия в городе еще не миновалось. Мы прошли далее за город, остановились у первой локанды[36], выпили по стакану местного слабого вина и возвратились в город к вечернему обеду в знаменитой тогда австерии[37] Фальконе (Сокол)»[38].

«Важное значение города Рима в жизни Гоголя еще не вполне исследовано, — продолжал Анненков. — Памятником и свидетельством его воззрения на папскую столицу времен Григория XVI может служить превосходная его статья "Рим", в которой должно удивляться не завязке или характерам (их почти и нет), а чудному противопоставлению двух народностей, французской и итальянской, где Гоголь явился столь же глубоким этнографом, сколько и великим живописцем-поэтом. <...> ...Под воззрение свое на Рим Гоголь начинал подводить в эту эпоху и свои суждения вообще о предметах нравственного свойства, свой образ мыслей и, наконец, жизнь свою. Так, взлелеянный уединением Рима, он весь предался творчеству и перестал читать и заботиться о том, что делается в остальной Европе. Он сам говорил, что в известные эпохи одна хорошая книга достаточна для наполнения всей жизни человека. В Риме он только перечитывал любимые места из Данте, Илиады Гнедича и стихотворений Пушкина. Это было совершенно вровень, так сказать, с городом, который, под управлением папы Григория XVI, обращен был официально и формально только к прошлому. Добродушный пастырь этот, так ласково улыбавшийся народу при церемониальных поездах и с такою любовью благословлявший его, умел остановить все новые почки европейской образованности и европейских стремлений, завязавшиеся в его пастве, и когда умер, они еще поражены были онемением. О том, какими средствами достиг он своей цели, никто из иностранцев не спрашивал: это составляло домашнюю тайну римлян, до которой никому особенного дела не было. Гоголь, вероятно, знал ее: это видно даже по намекам в его статье, где мнение народа о господствующем клерикальном сословии нисколько не скрыто; но она не тревожила его, потому что если не оправдывалась, то, по крайней мере, объяснялась воззрением на Рим. Вот собственные его слова из статьи: "Самое духовное правительство, этот странный, уцелевший призрак минувших времен, осталось как будто для того, чтобы сохранить народ от постороннего влияния... чтобы до времени в тишине таилась его гордая народность"[39]. Последующие события доказали, что народ не был сохранен от постороннего влияния, и подтвердили убедительным образом старую истину, что государство, находящееся в Европе, не может убежать от Европы[40]. Оказалось и оказывается с каждым днем более, что Рим никогда не находился в таком уединении и в таком сиротстве, какие признаны были за ним наблюдателями. Необычайными мерами, еще в некоторой степени продолжающимися и теперь, с него была снята только работа, требуемая временем и его необходимостями: и благодаря этому обстоятельству народ предался одним природным своим наклонностям, артистическому веселью, остроумной беспечности и, столь свойственному ему, художническому творчеству. Сильное развитие этой стороны его характера заставило предполагать, что в ней и вся жизнь Рима, но колесо европейской истории не может миновать ни одного уголка нашей части света и неизбежно захватывает людей, как бы ни сторонились они. Стремление римского населения сделаться причастником общих благ просвещения и развития признается теперь законным почти всеми; но оно жило во многих сердцах и тогда. Гоголь знал это, но встречал явление с некоторой грустью. Помню, раз на мое замечание, "что, вероятно, в самом Риме есть люди, которые иначе смотрят на него, чем мы с ним", — Гоголь отвечал почти со вздохом: "Ах, да, батюшка, есть, есть такие". Далее он не продолжал. Видно было, что утрата некоторых старых обычаев, прозреваемая им в будущем и почти неизбежная при новых

стремлениях, поражала его неприятным образом. Он был влюблен, смею сказать, в свое воззрение на Рим, да тут же действовал отчасти и малороссийский элемент, всегда охотно обращенный к тому, что носит печать стародавнего или его напоминает. Зато уж и Францию, которую считал родоначальницей легкомысленного презрения к поэзии прошлого, начинал он ненавидеть от всей души. О французском владычестве в Риме, в эпоху Первой империи, когда действительно сподвижники Наполеона I, вместе с истреблением суеверия, принялись истреблять и коренные начала народного характера, Николай Васильевич отзывался с негодованием. Он много говорил дельного и умного о всесветных преобразователях, не умеющих отличать жизненных особенностей, никогда не уступаемых народом, от тех, с которыми он может расстаться, не уничтожая себя как народ, но упускал из вида заслуги всей истории Франции перед общим европейским образованием. <...> Однажды за обедом, в присутствии А. А. Иванова, разговор наш нечаянно попал на предмет, всегда вызывавший споры: речь зашла именно о пустоте всех задач, поставляемых французами в жизни, искусстве и философии. Гоголь говорил резко, деспотически, отрывисто. Ради честности, необходимой даже в застольной беседе, я принужден был невольно указать на несколько фактов, значение и важность которых для цивилизации вообще признаваемы всеми. Гоголь отвечал горячо и тем, вероятно, поднял тон моего возражения; однако ж спор тотчас же упал в одно время с обеих сторон, как только сделалась ощутительна в нем некоторая степень напряжения. Молча вышли мы из австерии, но после немногих задумчивых шагов Н<иколай> В<асильевич> подбежал к первой лавочке лимонадчика, раскинутой на улице, каких много бывает в Риме, выбрал два апельсина и, возвратясь к нам, подал с серьезной миной один из них мне. Апельсин этот меня тронул: он делался, так сказать, формулой, посредством которой Гоголь выразил внутреннюю потребность некоторого рода уступки и примирения[41].

Вообще следует помнить, что в эту эпоху он был занят внутренней работой, которая началась для него со второго тома Мертвых Душ, тогда же им предпринятого, как я могу утверждать положительно[42]. <...> ...Долго, с великим вниманием и с великим участием слушал он горячие повествования о России, заносимые в Рим приезжими, но ничего не говорил в ответ, оставляя последнее слово и решение для самого себя. Отсюда также и те длинные часы немого созерцания, какому предавался он в Риме. На даче кн<ягини> З. В<олконской>, упиравшейся в старый римский водопровод, который служил ей террасой, он ложился спиной на аркаду тогатых[43], как называл древних римлян, и по полусуткам смотрел в голубое небо, на мертвую и великолепную римскую Кампанию. Так точно было и в Тиволи[44], в густой растительности, окружающей его *каскателли*[45]; он садился где-нибудь в чаще, упирал зоркие, недвижные глаза в темную зелень, купами сбегавшую по скалам, и оставался недвижим целые часы, с воспаленными щеками. Раз после вечера, проведенного с одним знакомым живописца Овербека, рассказывавшим о попытках этого мастера воскресить простоту, ясность, скромное и набожное созерцание живописцев до-Рафаэлевой эпохи, мы возвращались домой, и я был удивлен, когда Н<иколай> В<асильевич>, внимательно и напряженно слушавший рассказ, заметил в раздумьи: "Подобная мысль могла только явиться в голове немецкого педанта"[46]. <...>

В Риме не было тогда постоянного театра, но какая-то заезжая труппа давала пьесы Гольдони, Нотте[47] и переделки из французских водевилей. Спектакль начинался обыкновенно в десять часов вечера и кончался за полночь. Мы довольно часто посещали его, ради первой его любовницы, красавицы в полном смысле слова, очень хорошего jeune premier[48], а более ради старика Гольдони, который, по весьма спокойному, правильному развитию сложных завязок в своих комедиях, составлял противоположность с путаницей и небывальщиной французского водевиля. Гоголь весьма высоко ценил итальянского писателя. Ночь до спектакля проводили мы в прогулках по улицам Рима, освещенным кофейнями, лавочками и разноцветными фонарями тех сквозных балаганчиков с плодами и прохладительными напитками, которые, наподобие небольших зеленых храмиков, растут в Риме по углам улиц и у фонтанов его. В тихую летнюю ночь Рим не ложится спать вовсе, и как бы поздно ни возвращались мы домой, всегда могли иметь надежду встретить толпу молодых людей без курток или с куртками, брошенными на одно плечо, идущих целой стеной и вполголоса распевающих мелодический туземный мотив. Бряцание гитары и музыкальный строй голосов особенно хороши бывали при ярком блеске луны: чудная песня как будто скользила тогда тонкой серебряной струей по воздуху, далеко расходясь в пространстве. Случалось, однако же, что удушливый *сирок<к>о*[49], перелетев из Африки через Средиземное море, наполнял город палящей, раскаленной атмосферой: тогда и ночи были знойны по-своему: жало удушливого ветра чувствовалось в груди и на теле. В такое время Н<иколай> В<асильевич> видимо страдал: кожа его делалась суха, на щеках выступал яркий румянец. Он начинал искать по вечерам прохлады на перекрестках улиц; опершись на палку, он закидывал голову назад и долго стоял так, обращенный лицом кверху, словно перехватывая каждый свежий ток, который может случайно пробежать в атмосфере. Наскучив прогулками и театрами, мы проводили иногда остаток вечера у себя дома за бостоном. Надо сказать, что ни я, ни хозяин, ни А. А. Иванов, участвовавший в этих партиях, понятия не имели не только о сущности игры, но даже и о начальных ее правилах. Н<иколай> В<асильевич> изобрел по этому случаю своего рода законы, которые и прикладывал поминутно, мало заботясь о противоречиях и происходившей оттого путанице: он даже весьма аккуратно записывал на особенной бумажке результаты игры, неизвестно для чего, потому что с новой игрой всегда оказывалась необходимость изменить прежние законы и считать недействительными все старые приобретения и потери. Лучше всего была обстановка игры: Гоголь зажигал итальянскую свою лампу об одном

рожке, не дававшую света даже столько, сколько дает порядочный ночник, но имевшую достоинства напоминать, что при таких точно лампах работали и веселились древние консулы, сенаторы и проч. Затем Н<иколай> В<асильевич> принимал в свое распоряжение фляжку *орвиетто*[50], захваченную кем-нибудь на дороге, и мастерским образом сливал из нее верхний пласт оливкового масла, заменявший, тоже по древнему обычаю, пробку и укупорку. Вообще у Гоголя была некоторая страсть к рукодельям: с приближением лета он начинал выкраивать для себя шейные платки из кисеи и батиста, подпускать жилеты на несколько линий ниже и проч., и занимался этим делом весьма серьезно. Я заставал его перед столом с ножницами и другими портняжными матерьялами, в сильной задумчивости. Одно обстоятельство только тревожило меня, возбуждая при этом сильное беспокойное чувство, которое выразить я, однако же, не смел перед Гоголем, а именно: тогдашняя его причуда проводить иногда добрую часть ночи, дремля на диване и не ложась в постель. Поводом к такому образу жизни могла быть, во-первых, опасная болезнь, недавно им выдержанная и сильно напугавшая его, а во-вторых, боязнь обморока и замирания, которым он, как говорят, действительно был подвержен. Как бы то ни было, но открыть секрет Гоголя, даже из благодушного желания пособить ему, значило нанести глубочайшую рану его сердцу. Таким образом, Н<иколай> В<асильевич> довольно часто, а к концу все чаще и чаще приходил в мою комнату, садился на узенький плетеный диван из соломы, опускал голову на руку и дремал долго после того, как я уже был в постеле и тушил свечу. Затем переходил он к себе на цыпочках и так же точно усаживался на своем собственном соломенном диванчике вплоть до света, а со светом взбивал и разметывал свою постель для того, чтоб общая наша служанка[51], прибиравшая комнаты, не могла иметь подозрения о капризе жильца своего, в чем, однако же, успел весьма мало, как и следовало ожидать. Обстоятельство это, между прочим, хорошо поясняет то место в любопытной записке Ф. В. Чижова о Гоголе 1843 года, где автор касается апатических вечеров Н. М. Языкова, на которых все присутствующие находились в состоянии полудремоты и после часа молчания или редких отрывистых замечаний расходились, приглашаемые иногда ироническим замечанием Гоголя: "Не пора ли нам, господа, окончить нашу шумную беседу"[52]. <...> Вечера эти могли быть для Н<иколая> В<асильевича> началом самой ночи, точно так же проводимой, только без друзей и разговоров. Конечно, тут еще нельзя искать обыкновенных приемов аскетического настроения[53], развившегося впоследствии у Гоголя до необычайной степени, но путь для них был уже намечен. <...>

Помню одно письмо Гоголя к поэту Н. М. Языкову, кажется пропущенное г. Кулишом, в котором он излагает мистическое значение грефенберговского способа лечения холодной водой. Он обращает внимание друга на поучительную историю воды, как всеобщего медицинского средства, от начала веков предложенного человеку самим Промыслом. Отвергнутое заумничавшимся человеком, оно вновь открыто, но не академиями, не профессорами и современной наукой, а простым и бедным крестьянином австрийской деревушки! Но когда Гоголь сам попробовал ванны и души Грефенберга, которые отчасти расстроили его слабые нервы, Н<иколай> В<асильевич> забывает все свои прежние толкования и в другом письме к Н. М. Языкову откровенно проклинает Грефенберг и его знаменитого доктора[54]. Ошибки не исправляют страстные увлечения...»[55]

Речь идет об австрийском враче, владельце водолечебницы в местечке Грефенберг-Фрейвальдау при подошве Судетских гор, в Австрийской Силезии (ныне Присница Лазне в Есенике), одном из основателей гидротерапии Винценте Приснице (Vinzenz Priesznitz; 1799–1851)[56].

Хотя в Грефенберге Гоголь впервые побывал лишь в 1845 г. (см. ниже), однако интерес к методу В. Присница проявил гораздо ранее, что, вероятно, связано с тем, что подобный метод практиковал известный на Украине врач, домашний доктор Гоголей М. Я. Трахимовский[57]. А. О. Смирнова, со слов Гоголя, рассказывала о его семье: «Их домашним доктором был Трохимовский. Он по-своему лечил давно, до Греффенберга, холодной водой, вся процедура происходила у реки на солнце, не было ни завертывания в мокрые простыни, ни душа, раздражающих спинной мозг. "Бог, — говорил доктор, — так щедр и милосерден, что дает человеку на его потребу и в свое время, что ему нужно на пищу и на его здоровье"»[58].

В письме от 14–17 апреля (н. ст.) 1839 г. Гоголь писал А. С. Данилевскому: «...Я слышу беспрестанно даже сюда в Италию пробирающиеся слухи о чудесах, производимых посредством лечения холодною водою в Грефенберге, очень недалеко от Мариенбада, которая, между прочим, особенно оказывает чудо в болезнях твоего рода. Я сам после мариенбадских вод намерен отправиться туда». В письме к Данилевскому от 8 мая (н. ст.) 1839 г. он вновь замечал: «Кстати, писал ли я тебе о том, что если Мариенбад мне не поможет, поеду в Грефенберг на лечение холодною водою, которое, в самом деле, производит чудеса над всякого рода болезнями и преимущественно над теми, которые лечатся сильной испариной? Говорят, производит лошадиные испарения». 16 мая (н. ст.) 1839 г. он еще писал приятелю: «Признаюсь, я не столько надеюсь на самый Мариенбад, сколько на Грефенберг, на его холодное лечение об котором ежеминутно слышу чудеса, которое лечит удивительно золотушные, венерические, ломотные и ревматизмы. И словом все болезни, кроме грудных, и потому я думаю, что они должны также лечить успешно желудочные и гемороидальные болезни, в которых, как тебе известно, холодная вода не может не быть употреблена с пользою».

30 мая (н. ст.) 1839 г. Гоголь сообщал также о Приснице М. П. Балабиной: «Слышали ли вы о чудесах, производимых <...> медиком, воспитанным одною натурою, без помощи медицинских академий, и проч. и

проч.? Я один из числа самых неверующих <...> Но <...> я <...> своими глазами видел такие чудеса...» 18 июня (н. ст.) 1843 г. в письме к Н. М. Языкову Гоголь, пересказывая содержание письма к нему Ар. О. Россета от 26 мая (н. ст.) 1843 г. из Грефенберга о лечении у Присница (и желая побудить Языкова согласиться на это лечение), повторял: «...Не столько самая вода изумила меня своими действиями <...> сколько гений исцеляющего ею, пред которым мы должны все поклониться <...> грех на душах наших, если мы этого не сделаем. Это значит — не благоговеть перед величеством Божиим, вселившим в человека такое откровение...» Пред ним — «обязанным самому себе своим образованием» — «мало знают лучшие из книжников докторов», — замечал также Гоголь о Приснице в письмах к Д. Е. Бенардаки от июля 1842 г. и к А. С. Данилевскому от 20 июня (н. ст.) 1843 г. Позднее, в письме к Языкову, начатом 10 января (н. ст.) 1845 г. во Франкфурте и отправленном 14 января (н. ст.) 1845 г. из Парижа, Гоголь замечал: «Намерение твое попробовать Призница и воды я считаю совершенно основательным и благоразумным. О сем, как помнишь ты, мы когда-то трактовали. По крайней мере, по моему мнению, следовало бы во всяком случае потолковать и посоветоваться лично с Призницем, чтобы быть потом покойну в совести и не пенять на самого себя. Ты сам знаешь, что это единственное леченье, которому я верил... <...> Весьма может быть, что и сам я примусь за это лечение, и тогда разделим вместе скуку греффенбергского местопребывания».

Однако, вопреки словам Анненкова, никакого «страстного увлечения» методом Присница у Гоголя не было. В день своих именин 9 мая 1842 г. Гоголь даже развлекал дам шутками, рассказывая «всякие пустяки об леченьи Присница»[59]. См. также письмо Гоголя к Ар. О. Россету от 18 июня (н. ст.) 1843 г.[60]; и строки письма к нему же от февраля (н. ст.) 1844 г.: «Вербуйте охотников в Греффенберг. Я почти уверен, что, лечась гуртом и обществом, можно скорее выздороветь, чем поодиночке, Греффенберг же такого свойства, что нужно его сильнее усластить, чтобы он пришелся понутру». 12 ноября (н. ст.) 1844 г. Гоголь сообщал Языкову: «О Россете скажу то, что ему не помогло водяное лечение или же если помогло, то весьма мало. Он, как пишет мне сестра его <А. О. Смирнова>, чувствует себя весьма дурно в Петербурге и намерен с первым весенним путем ехать в Италию. Впрочем, я и прежде не думал, чтобы для него было слишком полезно водяное лечение. Я скорей думаю, что ему помогло бы более морское купание, чем пресная вода». За пять месяцев до своего первого лечения в Грефенберге, 2 апреля (н. ст.) 1845 г. Гоголь писал Смирновой: «Насчет Призница я с вами согласен и не думаю, чтобы мне было удобно это лечение. Призница средства могут быть мне полезны в самой малой мере, т. е. почти таким образом, как можно употреблять самому, без доктора». Спустя еще месяц, 1 мая (н. ст.) 1845 г., Гоголь писал опять-таки к Ар. О. Россету: «Я не хлопочу из-за совершенного здоровья, и чуть только мне немного делается лучше — я подальше от докторов и леченья. Припомните, что я и вам советовал прежде вашего путешествия к Призницу не пускаться в такие глубины водоврачевания, а довольствовать<ся> просто утренним обливанием дома... <...> Я сам, бывши в Гастейне с Языковым[61], хотел было попробовать вод, но переменил это намерение единственно от того, что почувствовал себя вдруг лучше от одного гастейнского воздуха...»

Высокая оценка В. Присница основывалась на давних размышлениях Гоголя об отличии истинного врачебного искусства от доходного ремесла. Эти гоголевские размышления, в частности, были связаны с памятью об отце. Незадолго до своей смерти тяжко страдающий Василий Афанасьевич, отправившийся лечиться в Лубны к доктору Ф. П. Голованеву, писал жене в Васильевку: «...Голованев оставил меня лечиться у себя — сие для нас будет весьма разорительно, но что делать... <...> Бога ради старайтесь собирать деньги; ибо мне здесь много надобно»[62]. Представлением о враче как одном из «правящих миром» ремесленников проникнуты строки раннего гоголевского письма к матери от 2 февраля 1830 г. из Петербурга, что «издержки на лекарства и врачей» для бедняка «совершенно невозможны». При этом Гоголь замечает: «...здесь есть Арендт, которого *искусство* и благородная душа чужды всякого интереса» (курсив наш.— *И. В.*). В письме к матери от 30 апреля 1830 г. он опять сообщает: «...проклятая болезнь, посетившая было меня при вскрытии Невы, помогла еще более истреблению денег...» В гоголевском конспекте 1830-х гг. книги английского историка Г. Галлама «Европа в Средние века» ремесло «медиков и аптекарей» стоит в одном ряду с занятиями и промыслами «законоведцев и нотариусов, купцов чужеземными тканями», «банкиров или менял, суконщиков», «продавцов шелковых товаров и меховщиков». С мыслью о присвоении себе корыстолюбивым «врачом»-ремесленником имени истинного Спасителя и Врача (для тех, кто «в болезни своей взыскал не Господа, а врачей»; 2 Пар. 16, 12) создавался Гоголем один из образов его ранней повести «Ночь перед Рождеством» (1832). В чудесном питании связанного с нечистой силой Пузатого Пацюка «варениками в сметане» — которые *сами* лезли ему в рот, угадывается как бы наглядное изображение той власти, которую приобрел он над селом репутацией целителя: «Не прошло нескольких дней после прибытия его в село, как все уже узнали, что он [величайший] знахарь. <...> В последнее время его редко видали где-нибудь. <...> *Миряне* (!) должны были отправляться к нему *сами*...» (курсив наш. — *И. В.*). Эта же мысль — о стремлении нечистого духа создать себе в глазах обращающихся к нему людей славу настоящего спасителя — сквозит и в «Вечере накануне Ивана Купала» (обращения Пидорки к знахарям и колдунье — вместо св. великомученика и целителя Пантелеймона[63]), и в «Ревизоре» — в имени немца-врача *Христиана* Ивановича *Гибнера*. Достаточно иронично изображение врача в повести Гоголя «Нос» (1835) — где познания доктора, занимающего «лучшую квартиру в бельэтаже», мало чем отличаются от искусства «отворяющего кровь» цирюльника.

Сомнение в действенности водолечения Присница разделяли, кроме Гоголя и Ар. О. Россета, другие современники. В 1845 г. один из них даже писал: «Вред, причиненный больным холодною водою, превосходит вероятие. Сколько несчастных преждевременно сведено им из прекрасного светлого мира в темную могилу! <...> ...Во все времена люди отдавали дань моде и промышленности, будучи жертвою обмана и легковерия. <...> Мы же, Русские, более обманулись водяным лечением: мы забыли, что самая первая и самая лучшая на свете гидропатия есть *Русская баня*; что австрийский мужик снял только копию с нашей беспримерной бани, копию слабую и с дурной стороны...»[64]

Однако, приведенное выше свидетельство Анненкова, что будто бы существовало еще одно, «другое» письмо Гоголя к Языкову, где он, оставляя прежнее, якобы неумеренно восторженное отношение к Присницу, «откровенно проклинает Грефенберг и его знаменитого доктора», малодостоверно. Вероятнее всего, такого письма (призванного, по замыслу мемуариста, проиллюстрировать «ошибки» в «страстных увлечениях» Гоголя) не существовало. Скорее всего, Анненков в своих мемуарах исказил содержание письма Гоголя к Языкову от 5 апреля (н. ст.) 1845 г., в котором пересказывается мнение о лечении Присница Ар. О. Россета: «...К Призницу я не отваживаюсь, тем более, что получил, наконец, известие от Россети[65], который бранит на все четыре стороны холодное свое лечение, говоря, что, кроме каторги самого лечения, никакого от него удовольствия, а пользы и на копейку <нет>, и который притом пророчит, что я никак не в силах буду выдержать курса»[66]. П. А. Кулиш в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...», имея в виду письмо Ар. О. Россета Гоголю от 28 марта 1845 г.[67], сообщал: «По совету своих друзей, изведавших на себе пользу Присницева лечения холодною водою, Гоголь отправился в Грефенберг, но не выдержал полного курса и уехал от Присница полувыздоровевший. Во время последнего своего пребывания в Москве, увидя у О. М. Бодянского на стене портрет знаменитого гидропата, он вспомнил о Грефенберге. "Почему же вы не кончили курса?" — спросил О<сип> М<аксимович>. "Холодно!" — отвечал одним словом Гоголь»[68] (ср. также воспоминания штаб-лекаря А. Т. Тарасенкова «Н. В. Гоголь в последнее время жизни»: «Лечение холодною водою у Пристница лет пять до смерти он исполнял неточно, разбавляя холодную воду теплою, всякий раз приступал к употребляемым там приемам с большою робостью, и вскоре, не окончив курса, бросил это лечение»[69]).

У Присница в Грефенберге Гоголь лечился дважды: первый раз, после сожжения первоначальной редакции второго тома «Мертвых душ» и составления завещания[70] — со второй половины августа по 21 сентября (н. ст.) 1845 г., вместе с графом А. П. Толстым[71]; второй раз — во второй половине июня (н. ст.) 1846 г.[72] 12 сентября (н. ст.) 1845 г., после трех недель лечения, Гоголь писал В. А. Жуковскому из Грефенберга: «Призниц решительно умный мужик, и многое из того, что он говорит, слишком справедливо»[73]. Вскоре после лечения, 24 сентября 1845 г., Языков сообщал брату: «Гоголь был у Призница, едет в Рим на зиму; обещал написать мне, что ему сделало водолечение»[74]. 24 октября (н. ст.) 1846 г. Гоголь прибыл в Рим, о чем известил Языкова письмом от 30 октября (н. ст.). В этом послании Гоголь замечал: «Из письма, при сем приложенного, к Сергею Тимоф<еевичу> узнаешь остальное о моих недугах...» В приложенном письме к С. Т. Аксакову от 29–30 октября (н. ст.) 1845 г. он сообщал: «...Холодное леченье мне помогло и заставило меня, наконец, увериться лучше всех докторов в том, что главное дело в моей болезни были нервы...» Языков 21 ноября 1845 г. отвечал Гоголю: «Слава, громкая слава Присницу, что он восстановил, освежил, приободрил и освежил бренное тело твое». В письме к Н. Н. Шереметевой от средины сентября (н. ст.) 1845 г. из Грефенберга Гоголь также сообщал: «Нынешнее лечение холодной водою, по крайней мере, освежает и прогоняет печальные мысли. Я чувствую себя как будто крепче».

В еще одном письме к Языкову, отправленном из Грефенберга в период второго лечения у Присница, 24 июня (н. ст.) 1846 г., Гоголь сообщал: «...Нахожусь в недуге, увеличивающемся более и более, чувствую, что нужно куда-нибудь двинуться, и недостает сил...» (письмо впервые напечатано в 1961 г.). Незадолго до этого лечения, 23 апреля (н. ст.) 1846 г., Гоголь писал также матери: «Излишне заботиться о здоровье грех. Нужно ввериться одному Богу: Он вылечит»; 1 мая (н. ст.) 1846 г. — сестрам: «...Один Бог наш доктор <...> Его одного должно молить о излечении». «Наше выздоровление в руках Божиих, а не в руках докторов и не в руках каких-либо медицинских средств, Я думаю, что какое бы ни было предписано нам лечение, хотя бы оно даже и не вполне соответствовало нашему недугу и даже самый врач ошибся, но если мы во имя Божие и верой в Бога станем им лечиться, то всевышняя воля направит всё в исцеление нам» (письмо к А. О. Смирновой от 15 июля (н. ст.) 1845 г.); «...Да будет во всем Божья воля! Жду от Него одного только помощи, Его одного только средства действительны и могут излечить меня» (письмо к Языкову от 8 января (н. ст.) 1846 г.). Очевидно, что отношение Гоголя к современной медицине носило взвешенный, духовно-осмысленный характер, и имеет мало общего с заявлениями, сделанными мемуаристом.

[1] См. ***1841. Февраль <января вторая половина — февраля средина>. Рим.***

[2] См. ***1841. Июня 6 <мая 25>. Воскресенье. Берлин.*** — Позднее Гоголь рассчитывал на встречу с Пановым в Берлине в конце сентября — начале октября (н. ст.) 1841 г. (см. ***1841. Сентября 24–25 <12–13>. Пятница-суббота. Ганау***).

[3] См. ***1841. Апреля 8 <марта 27>. Великий четверг. Рим.***

[4] См. ***1841. Июля 18 <6>. Воскресенье. Рим, Альбано.***

[5] См. ***1841. Мая не позднее 6 <апреля между 19 и 24>. Рим.***

[6] О семействе Обуховых см.: ***1841. Февраля 14 <2>. Воскресенье. Праздник Сретения Господня. Вечер. Рим***; ***1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим.***

[7] Панов подразумевает свою связь с итальянкой Джюлией.

[8] Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод.* Т. 2. С. 163.

[9] См. ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим.***

[10] Записки профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана // *Свод.* Т. 3. С. 378.

[11] Более трех с половиной месяцев, с 7 апреля по 19 июля (н. ст.) 1841 г. (см. ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим***; ***1841. Июля 19 <7>. Понедельник. Альбано***).

[12] «Что теперь Рим? – писал 29 марта 1845 г. из Рима М. С. Волков А. Баландину. – <...> Город <...> беспрестанно убывающий, разрушающийся, покидаемый, пустеющий. В нем есть только прошедшее, а настоящего нет ничего. Душа его – в картинах, статуях и зданиях» (Отрывки из заграничных писем (1844–1848) Матвея Волкова. СПб., 1857. С. 129). 7 февраля (н. ст.) Ф. В. Чижов, сообщая А. В. Никитенко о своем общении с Гоголем в Риме, в частности, замечал: «...В настоящей моей жизни я нахожу бездну наслаждений... <...> День мой <...> весь <...> отдан <...> изучению Италии. <...> Вы не можете себе представить тишины нашей жизни; теперь еще иностранцы много прибавляют шуму, а без них такая патриархальность, какой нигде не найдешь, кроме Рима. <...> Чтоб видеть вполне состарившийся народ, чтоб получить об этом понятие, непременно надобно быть в Италии. Все обрисовывает старость, начиная от любимой итальянцами шахматной игры до их растабарывания в кофейнях, от их литературы, в области изящного вертящейся или на самых истертых истинах, или на самом подробном рассказе о старине, до всего решительно, везде все одно и то же. Особенно это видно в ходе дел; <...> большая половина проволочек зависит не от мошенничества, как у нас, а от какого-то оцепенения; все это дряхло, все валится. Но <...> как бы ни было, а Италия чудо как хороша...» (Из архива А. В. Никитенко // Русская Старина. 1904. № 9. С. 677–678; см. также ***1843. Февраля 7 <января 26>. Вторник. Рим***). В 1846 г. Н. Б. Герсеванов, передавая свои впечатления от Рима, свою очередь, указывал, что «вечный город» представляет собой «необыкновенную прелесть» и «обширное поле действий» для «любителей старины» – антиквариев, архитекторов, живописцев, но наводит на «всех других» скуку (см. ***1838. Апреля конец (апреля средина). Рим*** – примечания). Анненков также свидетельствовал, что Рим в то время олицетворял собой «тишину и немоту», превратившись в город «археологов, нумизматов, историков», так что даже «наши отдыхающие откупщики, старинные степенные помещики, офицеры от Дюссо» (известный петербургский ресторатор») были «заражены археологией», толкуя «о памятниках, камеях, Рафаэлях» и перемешивая «свои вздохи возгласами об удивительно глубоком небе Италии и о скуке, которая под ним безгранично царствует» (см. там же). Скучно было в Риме, вместе с «офицерами от Дюссо», и самому Анненкову (см. ***1838. Апреля конец (апреля средина). Рим*** – примечания; ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим*** – примечания).

[13] Имеются в виду А. А. Иванов, Ф. И. Иордан, Н. С. Пименов, А. В. Логановский.

[14] Жанровая картина (*фр.*).

[15] Картина А. А. Иванова «Явление Христа Марии Магдалине после воскресения» (1834–1836), присланная на выставку петербургской Академии художеств, заслужила самую высокую оценку (см.: <*Сенковский О. И.*> Выставка художественных произведений // Библиотека для Чтения. 1836, т. 18 (цензурное разрешение 29 авг.). Отд. 6. С. 57–58; Беглый взгляд на нынешнюю Выставку Академии Художеств (Подпись: *В.*) // Северная Пчела. 1836. 6 окт. № 228. С. 912; О нынешней выставке Императорской Академии Художеств // Журнал Общеполезных Сведений. 1836. 24 окт. № 43. С. 356; <*Кукольник Н. В.*> С<анкт>-Петербургская выставка в Императорской Академии Художеств // Художественная Газета. 1836. Декабрь. № 9–10. С. 146–147). 24 сентября 1836 г. художник был удостоен звания академика, а картина 6 декабря 1836 г. представлена в дар от Общества Поощрения Художников Императору Николаю I.

[16] См. ***1841. Июня 14 <2> (понедельник) или 26 <14> (суббота). Рим, Альбано***; ***1841. Июля 18 <6>. Воскресенье. Рим, Альбано.***

[17] В «Воспоминаниях о Гоголе» (1857) П. В. Анненков сообщал: «...Однажды во Фраскати мы долго разговаривали, сидя на окне локанды, глядя в темное голубое небо и прислушиваясь к шуму фонтана, который журчал на дворе. Беседа шла преимущественно об отечестве; Гоголь по временам вдыхал в себя ароматический запах итальянской ночи и при воспоминании о некоторых явлениях нашего быта приговаривал задумчиво: “А может быть, все так и нужно покамест”. Вообще мысль о России была в то время, вместе с мыслью о Риме, живейшей частью его существования. Он вполне был прав, утверждая впоследствии, что никогда так много не думал об отечестве, как вдали от него, и никогда не был так связан с ним, как живя на чужой почве: чувство, испытываемое многими людьми с гораздо меньшими способностями и меньшим призванием, чем Гоголь. Между тем кроткая свежесть ночи, тишина ее и однообразный плеск фонтана погрузили меня в дремоту: я заснул на окне в то самое время, как мне казалось, что все еще слышу говор фонтана и различаю шопот собеседника...

Вероятно, Гоголь также продремал всю ночь на окне, потому что он разбудил меня поутру точно в том виде и костюме, как был накануне» (*Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 451).

В мемуарном очерке «Замечательное десятилетие» (1880) Анненков также вспоминал о «незабвенных вечерах в Риме, Альбано, Фраскати и проч.», когда они с Гоголем «проводили чудные южные ночи в бесконечных толках и разговорах о всем и о вся, когда за этими разговорами, как не раз случалось в Тиволи <во Фраскати>, даже вовсе не ложились в постель на ночь, а просиживали до утра на окне траттории <trattoria; *ит.* — трактир, закусочная>, дремля под шум фонтана, который монотонно плескал посреди ее двора, перерезывая великолепные линии древнего греческого храма, высившегося на другом его конце» (*Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 513).

[18] См. ***1841. Мая средина <мая начало>. Тиволи***.

[19] ***1841. Июня конец – июля первая половина <июня вторая половина – июля начало>. Рим и окрестности (Олевано, Субиако и др.)***.

[20] Ж. Ж. Руссо.

[21] Слова П. В. Анненкова о характере итальянцев, «имеющем что-то гордое, независимое», и о их «врожденном» «эстетическом вкусе» – с последующим описанием украшенных цветами мостовых Дженцано (Дженсано, Женсано), повторяют строки Гоголя об итальянском народе в «отрывке» «Рим»: «В его природе заключалось что-то младенчески благородное. Эта гордость римским именем, вследствие которой часть города, считая себя потомками древних квиритов, никогда не вступала в брачные союзы с другими. <...> Потом черты природного художественного инстинкта и чувства: он видел <...> как выражалось невольно это чувство в живописных одеждах, в церковных убранствах, как в Дженсано народ убирал цветочными коврами улицы, как разноцветные листики цветов обращались в краски и тени, на мостовой выходили узоры, кардинальские гербы, портрет папы, вензеля, птицы, звери и арабески». Поскольку сам Анненков в Дженцано тогда не был – торжества католического праздника Тела Господня он наблюдал 10 июня (н. ст.) 1841 г. вместе с Гоголем в Риме (см. ***1841. Июня 10 <мая 29>. Четверг. Рим***), – то, очевидно, что все его слова о праздничном украшении «мостовой» «в Женсано», т. е. о традиционной дженцанской «инфьорате», представляют собой очередное заимствование либо из устных рассказов Гоголя, либо из чтения в рукописи его повести «Рим».

[22] Роман князя Дориа, окончившийся смертью девушки, относится к 1838 г. Об этом случае Анненков, приехавший в Рим весной 1841 г., очевидно, слышал в пересказе Гоголя (см. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим***).

[23] См. ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим***.

[24] См. там же.

[25] См. там же.

[26] <*Анненков П. В.*> *А–в.* Письма из-за границы. Письмо VI // Отечественные Записки. 1841. № 10 (цензурное разрешение 30 сент.). Отд. «Смесь». С. 81–87; *Свод.* Т. 3. С. 407–408.

[27] Анненковым, после Панова, были переписаны шестая – одиннадцатая главы первого тома «Мертвых душ».

[28] Ср. в мемуарах штаб-лекаря А. Т. Тарасенкова «Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя» (1856): «Гоголь нередко говаривал, когда ему нездоровилось, что у него особенная натура, на которую все влияния действуют не так, как на всех других, и что его нельзя мерить на одну мерку со всеми. Он относил свои слова к материальному устройству своего тела... <...> [Не имея, кажется, даже самых поверхностных сведений о устройстве тела и вообще ни о какой медицинской науке, он приписывал большую важность действию на здоровье некоторых незначительных предметов. Безвредные он почитал сильнодействующими, от маловажных он надеялся получить огромное влияние...] <...> Не имея, кажется, даже самых поверхностных сведений об устройстве тела и вообще ни о какой медицинской науке, он судил ошибочно о важности действия на здоровье различных предметов. Безвредные он почитал сильнодействующими, от маловажных он надеялся получить огромное влияние... <...> О лекарствах *аптечных* он имел понятие как о ядах и решительно отказывался от них; если же и принимал какое-либо лекарство, то скорее по совету тех, которые утверждали о его испытанной на себе пользе, нежели по назначению самих врачей» (см. ***1852. Февраля 16. Суббота. Шестой день Великого Поста. Москва.***). В конце сентября – начале октября (н. ст.) 1841 г. Н. М. Языков сообщал брату: «Гоголь рассказывал мне о странностях своей (вероятно, мнимой) болезни: в нем-де находятся зародыши всех возможных болезней; также и об особенном устройстве головы своей и неестественном положения желудка. Его будто бы осматривали и ощупывали в Париже знаменитые врачи и нашли, что желудок – вверх ногами!» (см. ***1841. Сентября 26 <14>. Воскресенье. Праздник Воздвижения Креста Господня. Ганау***).

[29] Исправив слова «щекатурную» и «щекатурка» в шестой и девятой главах первого тома «Мертвых душ», Гоголь, однако, сохранил прежнее написание в первой главе поэмы: «Наружный фасад гостиницы отвечал ее внутренности: она была очень длинна, в два этажа; нижний не был выщекатурен...» Неустойчива орфография этого слова и в позднейших письмах Гоголя к матери 1850 г. (В Толковом словаре В. И. Даля к слову «щекотурить» сделана помета: «свойственнее языку нашему, чем "штукатурить"»). В комедии «Женитьба» Гоголь использовал замечание Анненкова для создания особого стилистического эффекта. В словосочетании «щеко-

турщик щекотурит» (в разговоре Подколесина с Агафьей Тихоновной) он дважды последовательно исправил: «штукатурщик щекотурит» — «щекатурщик штукатурит».

[30] Жюль Жанен, прозвище данное Анненкову Гоголем осенью 1833 г. (см. ***1833. Сентября вторая половина. Санкт-Петербург***).

[31] Имеется в виду публикация: Повесть о капитане Копейкине. (*В первоначальном виде*) // Сочинения и письма Н. В. Гоголя. Мертвые души. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857 (цензурное разрешение 28 марта). Т. 4. С. 548–554. Текст «Повести...» в этом издании представляет собой произвольно составленную контаминацию двух редакций, история происхождения которой до настоящего времени оставалась неизученной. Основным источником текста была редакция «Повести...», прошедшая цензуру в мае 1842 г. и напечатанная в том же году в первом издании поэмы. Другим источником, давшим основание сопроводить публикацию подзаголовком «В первоначальном виде», был, как показывает текстологический анализ, имевшийся в распоряжении Кулиша список той редакции «Повести о капитане Копейкине», что в составе первого тома «Мертвых душ» была отправлена Гоголем в петербургскую цензуру в начале января 1842 г. (см. ***1842. Января между 2 и 7. Москва***). 5 апреля 1842 г. Гоголь получил рукопись назад с запрещением цензора А. В. Никитенко «Повести о капитане Копейкине». Срочно переделав «Повесть...», Гоголь 10 апреля 1842 г. выслал ее новую редакцию в Петербург. К 15 мая 1842 г. разрешенная рукопись «Повести...» была получена Гоголем и напечатана в 1842 г. в этой исправленной редакции в составе «Мертвых душ». Полученный из цензуры разрешенный автограф «Повести...» был вклеен в те дни в цензурную рукопись «Мертвых душ» на место вырезанных страниц первоначальной редакции повести (см. этот текст в изд.: *Гоголь Н. В.* Повесть о капитане Копейкине. Цензурная редакция // *Гоголь 1937–1952.* Т. 6. С. 581–586). Вырезанная из цензурного экземпляра редакция "Повести о капитане Копейкине" осталась на хранении у М. П. Погодина и в 1852 г. была переписана Н. С. Тихонравовым, напечатавшим эту редакцию «Повести...» по своему списку спустя почти сорок лет — в 1889 г. (*Гоголь Н. В.* Повесть о капитане Копейкине. Редакция, зачеркнутая цензором // *Гоголь 1889–1896.* Т. 3. С. 270–276). Эту публикацию Тихонравов сопроводил пояснением: «Вырезанные из цензурной рукописи листы "Повести о капитане Копейкине" были сообщены мне в 1852 году М. П. Погодиным, у которого они оставались с 1842 г.» (*Гоголь 1889–1896.* Т. 3. С. 531–532). По-видимому, Кулиш, в свою очередь, переписал запрещенный цензурой текст «Повести...» у Тихонравова, с которым общался в 1853–1855 гг. 2 июля 1854 г. Кулиш, в частности, писал О. М. Бодянскому: «Мне известно, что Вам послан экземпляр "Опыта". Передайте его от меня Тихонравову, чтоб я не показался ему неблагодарным; а Вам я готовлю экземпляр с приписками, как было обещано» (*Титов А.* Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому. Киев, 1898. С. 79–80). В 1853 г. Тихонравов напечатал в № 51 «Московских Ведомостей» (и отд. изд.) ряд библиографических замечаний и поправок на статью Кулиша «Несколько черт для биографии Н. В. Гоголя» (см.: *Тихонравов Н.* Библиографические поправки и дополнения к статье: «Несколько черт для биографии Н. В. Гоголя» // Московские Ведомости. 1853. 28 апр. № 51. Литературный отдел. С. 521–522); в 1855 г. помогал Кулишу в атрибуции рецензий, опубликованных Гоголем в первом номере журнала «Современник» (1836) (см.: *Кулиш 1856.* Т. 1. С. 166).

По изготовлении Тихонравовым своего списка автограф запрещенной редакции «Повести...» попал (вероятно, после смерти Погодина) в коллекцию рукописей красноярского купца Г. В. Юдина (1840–1912) и заново был обнаружен исследователями лишь в 1939 г. (см.: *Свод.* Т. 2. С. 512). Этот автограф был принят в качестве основного текста «Повести о капитане Копейкине» при подготовке первого тома «Мертвых душ» для академического собрания сочинений Гоголя (подготовленный для собрания текст впервые был опубликован в 1948 г. отдельным изданием; том собрания вышел в 1951 г.: *Гоголь Н. В.* Мертвые души. I // *Гоголь 1937–1952.* Т. 6. С. 199–205).

Таким образом, варианты доцензурной редакции «Повести о капитане Копейкине» были впервые обнародованы Кулишом и, естественно, были «узнаны» Анненковым в публикации 1857 г. Фрагмент с «Повестью о капитане Копейкине» из рукописи, по которой Гоголь непосредственно диктовал Анненкову этот текст, был опубликован позднее. Эта редакция была напечатана в 1865 г. А. Ф. Бычковым по автографу, переданному в Императорскую Публичную библиотеку архитектором С. А. Ивановым (братом А. А. Иванова): Повесть о капитане Копейкине. (*Первоначальная редакция*) // Русский Архив. 1865. Стб. 775–788. Публикация была сопровождена предисловием А. Ф. Бычкова (см.: *Свод.* Т. 3. С. 328) и примечанием П. И. Бартенева: «Считаем долгом выразить нашу признательность как многоуважаемому Старшему Библиотекарю Императорской Публичной Библиотеки *А. Ф. Бычкову* за доставление этих любопытных разноречий, так и родственникам Н. В. Гоголя, дозволившим (при посредстве Ф. В. Чижова) поместить их в Русском Архиве. *П. Б<артенев>*» (Стб. 775); см. этот текст в изд.: *Гоголь 1937–1952.* Т. 6. С. 522–530). Текст «Повести...», переписанный рукою Анненкова (под диктовку Гоголя), впервые напечатан еще четверть века спустя: *Гоголь Н. В.* Повесть о капитане Копейкине. Одна из первоначальных редакций // *Гоголь 1889–1896.* Т. 3. С. 264–270; см. также: *Гоголь 2009–2010.* Т. 5. С. 496–501; в качестве вариантов к основному тексту использовано: *Гоголь 1937–1952.* Т. 6. С. 825–830.

В 1861 г. сын Н. Я. Прокоповича Николай Николаевич Прокопович (1835–1891), располагавший последней рукописью, сообщал, что «несколько позже» приобретения у него в 1858 г. этой рукописи (см. ***1842. Марта 23 <апреля 4>. Вторник. Санкт-Петербург*** — примечания), он, желая получить «сведение» о ее

происхождении, обратился за разъяснениями к Анненкову, «одному из самых коротких знакомых Н. В. Гоголя и Н. Я. Прокоповича»: «От П. В. Анненкова мы узнали, что это та самая рукопись "Мертвых Душ", о которой он говорил в статье своей: "Воспоминание о Гоголе", помещенной в "Библиотеке для Чтения" (1857 года № 11)» (*Прокопович Н. Н.* Заметка по поводу статьи «О рукописях Гоголя» // Время. 1861. № 11. Отд. 2. С. 30). Незадолго до этого сообщения Н. В. Гербель утверждал, что будто бы публикация в 1857 г. «Повести о капитане Копейкине» была сделана Кулишом именно по рукописи, приобретенной графом Г. А. Кушелевым-Безбородко, вместе с рядом автографов Гоголя, «у семейства» покойного Прокоповича (сам Гербель выступал посредником в этом деле). Гербель писал: «В 1858 году эти рукописи были приобретены у семейства покойного Прокоповича графом Г. А. Кушелевым-Безбородко за 1200 руб<лей> сереб<ром>, и принесены им в дар лицею князя Безбородко... <...> ..."Повесть о капитане Копейкине", *в первоначальном виде*, уже напечатана в приложении к четвертому тому "Сочинений и писем Гоголя" (стр. 548–554), по доставленному мною списку, о чем г. Кулиш вероятно забыл упомянуть» (*Гербель Н.* О рукописях Гоголя, принадлежащих лицею князя Безбородко // Время. 1861. № 4. Отд. 1. С. 606, 611). Однако указание Гербеля на то, что при публикации доцензурной редакции «Повести о капитане Копейкине» Кулиш якобы воспользовался «доставленным» им, Гербелем, списком, не сответствует действительности. Этому противоречат и текстологические, и хронологические данные. С одной стороны, опубликованный Кулишом текст содержит определенные заимствования именно из цензурной рукописи – не имеющие соответствий в автографе Анненкова. С другой стороны, дата цензурного разрешения четвертого тома «Сочинений и писем Н. В. Гоголя», где Кулиш напечатал «в первоначальном виде» «Повесть о капитане Копейкине», – 28 марта 1857 г., предшествует (а не последует) кончине Н. Я. Прокоповича (1 июня 1857 г.) и, соответственно, приобретению в 1858 г. гоголевских рукописей графом Кушелевым-Безбородко. (История публикации Кулишом в 1857 г. «Повести о капитане Копейкине» осталась непроясненной в новом академическом изд.: *Гоголь 2001–2012.* Т. 7. Кн. 2. С. 496 (отв. ред. тома Ю. В. Манн; коммент. И. А. Зайцевой). В разделе «Источники текста» указанного издания публикация Кулиша также не отражена; см.: *Гоголь 2001–2012.* Т. 7. Кн. 2. С. 318.)

[32] Переписка первого тома «Мертвых душ» была начата Анненковым, после отъезда Панова, именно с шестой главы.

[33] См. примеч. выше.

[34] Ср. запись от 19 марта (н. ст.) 1839 г. в дорожном дневнике М. П. Погодина: «Взглянули чрез забор на *сады Саллюстия*, в которых разведен теперь огород, и вдали виднеется древняя стена – это, говорят, храм Венеры, обращенный с одной стороны в кузницу, только не Вулканом» (см. ***1839. Марта 19 <7>. Вторник. Рим***).

[35] Сиеста (siesta; *ит.*) – послеобеденный отдых в жаркое время дня.

[36] Локанда (locanda; *ит.*) – гостиница.

[37] Австерия (osteria; *ит.*) – таверна, харчевня.

[38] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 441–442.

[39] Цитата из повести Гоголя «Рим».

[40] Подразумеваются революционные события в Италии в 1848–1849 гг., с которыми Гоголь непосредственно столкнулся в январе 1848 г. в Неаполе, откуда вследствие этого был вынужден выехать в Иерусалим раньше, чем намеревался: «Из Неаполя меня выгнали раньше, чем я предполагал, разные политические смуты и бестолковщина, во время которых трудно находить<ся> иностранцу, любящему мир и тишину» (письмо к графине А. М. Виельгорской от 23 января (н. ст.) 1848 г. из Мальты). 22 января (н. ст.) 1847 г. он писал графу А. П. Толстому: «Может быть, вы уже оставили Неаполь. (А если не оставили, то сотворите благо, его оставивши). Дела короля <Фердинанда II> совершенно плохи: Мессина, Катания – всё восстало, и английские фрегаты повсюду, как у себя дома». Ранее, 18 января (н. ст.) 1848 г., Гоголь сообщал А. А. Иванову из самого Неаполя: «Я полагаю выехать на днях, – тем более, что оставаться в Неаполе не совсем весело. В городе неспокойно: что будет, Бог весть». – Подробнее см.: ***1848. Января 18 <6>. Вторник. Праздник Крещения Господня. Неаполь*** (примечания).

[41] В 1880 г. Анненков также вспоминал: «К удивлению, я заметил, что французский вопрос далеко не безынтересен даже и для Гоголя и Иванова, по-видимому, успевших освободиться от суетных волнений своей эпохи и поставить себе опережающие ее задачи. Намек на то, что европейская цивилизация может еще ожидать от Франции важных услуг, не раз имел силу приводить невозмутимого Гоголя в некоторое раздражение. Отрицание Франции было у него так невозвратно и решительно, что при спорах по этому предмету он терял обычную свою осторожность и осмотрительность и ясно обнаруживал не совсем точное знание фактов и идей, которые затрагивал.

У Иванова доля убеждения в той же самой несостоятельности французской жизни была ничуть не менее, но как часто случается с людьми глубоко-аскетической природы, – искушения и сомнения жили у него рядом со всеми верованиями его. Он никогда не выходил из тревог совести. Можно даже сказать про этого замечательного человека, что все самые горячие попытки его выразить на деле в творчестве свои верования и убеждения рождались у него так же точно из мучительной потребности подавить во что бы то ни стало волновавшие его сомнения. И не всегда удавалось ему это. Притом же, наоборот, с Гоголем он питал затаенную неуверенность к себе, к своему суждению, к своей подготовке для решения занимавших его вопросов, и потому с радостию и

благодарностию опирался на Гоголя при возникающих беспрестанно затруднениях своей мысли, не будучи, однако же, в состоянии умиротворить ее вполне и с этой поддержкой. Вот почему при неожиданно возникшем диспуте нашем с Гоголем, за обедом у Фальконе, о Франции (а диспуты о Франции возникали тогда поминутно в каждом городе, семействе и дружеском кругу), Иванов слушал аргументы обеих сторон с напряженным вниманием, но не сказал ни слова. Не знаю, как отразилось на нем наше словопрение и чью сторону он втайне держал тогда. Дня через два он встретил меня на Monte-Pincio и, улыбаясь, повторил не очень замысловатую фразу, сказанную мною в жару разговора: "Итак, батюшка, Франция — очаг, подставленный под Европу, чтобы она не застывала и не плесневела". Он еще думал о разговоре, между тем как Гоголь, добродушно помирившись в тот же вечер со своим горячим оппонентом (он преподнес ему в залог примирения апельсин, тщательно выбранный в лавочке, встретившейся по дороге из Фальконе), забыл и думать о том, что такое говорилось час тому назад» (*Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 510).

42 28 декабря (н. ст.) 1840 г. Гоголь сообщал М. П. Погодину из Рима: «...Занимаюсь переправками, выправками и даже продолжением Мертвых душ...» В тот же день он писал также С. Т. Аксакову: «Я теперь приготовляю к совершенной очистке первый том "Мертвых душ". <...> Между тем дальнейшее продолжение его выясняется в голове моей чище, величественней, и теперь я вижу, что может быть современем кое-что колоссальное, если только позволят слабые мои силы. По крайней мере, верно, немногие знают, на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначащий сюжет, которого первые, невинные и скромные главы вы уже знаете» (см. ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим***). Строки последнего письма П. А. Кулиш цитировал в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (1856), где с ними и познакомился Анненков. Кроме того, еще в начале 1841 г. М. П. Погодин поместил в № 2 «Москвитянина» извещение о том, что «*Гоголь* написал уже два тома своего романа *Мертвые души*» (***1841. Января 31 <февраля 12>. Пятница. Москва***). Работа над вторым томом была, вероятно, начата Гоголем еще в 1839 г. (см. ***1838. Июль — августа до 14 <июня конец — августа до 2>. Кастелламаре*** — примечания).

43 Тогатый (от *ит.* togato) — облеченный в тогу.

44 См. ***1841. Мая средина <мая начало>. Тиволи.***

45 Маленькие водопады (*ит.*).

46 Подробнее об отношении Гоголя к немецким художникам-«пуристам» см.: ***1846. Июль-август <июня средина — августа средина>. Рим*** (примечания).

47 Имеется в виду барон Альберт Нота (1775–1847), итальянский драматург, последователь К. Гольдони.

48 первого любовника (*фр.*).

49 Сирокко (scirocco; *ит.*) — юго-восточный ветер.

50 Orvieto (орвието) — марка столового белого вина.

51 Вероятно, Аннунциата Костантини, римлянка 39 лет, жена табачника Джузеппе Спатти (см. ***1839. Марта 8 <февраля 24>. Пятница. Рим*** — примечания).

52 См. ***1843. Декабря 7 <ноября 25>. Среда. Рим.***

53 См. ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим*** (примечания).

54 Свидетельство Анненкова недостоверно (см. примеч. ниже).

55 *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 442–444, 450–451, 454.

56 См. о нем: Жизнеописание Викентия Присница, с портретом его. Соч. доктора Ю. Э. Зелингера. Перевод с немецкого. Издание В. Н. Дорошенко. СПб., 1853.

57 См. ***1803. Ноябрь. Москва.***

58 *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 273.

59 См. ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***

60 См. ***1843. Апреля 20 <8>. Великий четверг. Рим*** (примечания).

61 См. ***1842. Июля 14 — сентября первая половина <июля 2 — сентября начало>. Гастейн.***

62 См. ***1825. Марта 14. Суббота. Утро. Лубны.***

63 См.: *Виноградов 2000.* С. 31, 53–55; а также сопроводит. статью к т. 1 в изд.: *Гоголь 2009–2010.*

64 Z. О бессознательном лечении // Москвитянин. 1845. № 2. Смесь. С. 39.

65 См. ***1845. Марта 20 <апреля 1>. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания).

66 См. ***1845. Апреля 5 <марта 24>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

67 См. ***1845. Марта 27–28 <апреля 8–9>. Вторник-среда. Санкт-Петербург.***

68 См. ***1848. Ноября 22. Понедельник. Москва.***

69 См. ***1846. Июня вторая половина <июня первая половина>. Грефенберг-Фрейвальдау.***

70 См. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн.***

71 См. ***1845. Августа около 21 <около 8> — сентября 21 <9>. Грефенберг-Фрейвальдау.***

72 См. ***1846. Июня вторая половина <июня первая половина>. Грефенберг-Фрейвальдау.***

73 См. ***1845. Сентября 12 <августа 31>. Пятница. Грефенберг-Фрейвальдау.***

74 См. ***1845. Сентября 24 <октября 6>. Понедельник. Москва.***

АПРЕЛЯ 24 <МАЯ 6>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Е. М. Хомякова пишет брату Н. М. Языкову:

«Панов все сидит в Риме[1], любуясь и восхищаясь не Римом, а Гоголем, с которым он не может уже расстаться».

Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод.* Т. 3. С. 189.

[1] В. А. Панов выехал из Рима в день отправления Е. М. Хомяковой брату настоящего послания (см. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим***).

АПРЕЛЯ ОКОЛО 25 <МАЯ ОКОЛО 7>. СЕМЕРЕНЬКИ

А. С. Данилевский пишет письмо Гоголю в Рим.

См. ***1841. Августа 7 <июля 26>. Суббота.***

МАЯ 8 <АПРЕЛЯ 26>. СУББОТА. НЕАПОЛЬ

И. К. Айвазовский вместе с В. И. Штернбергом и архитектором И. А. Монигетти вернулся из Рима в Неаполь.

См. письмо Айвазовского к В. И. Григоровичу из Неаполя от 30 апреля / 12 мая 1841 г. (Айвазовский. Документы и материалы / Составители М. С. Саргсян, Г. Г. Арутюнян, Г. М. Шатирян. Ереван, 1967. С. 52–53).

МАЯ 9 <АПРЕЛЯ 27>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Итальянка Джюлия заходила на квартиру к Гоголю, желая передать ему свой (вероятно, совместный с В. А. Пановым) портрет. Не застав Гоголя дома, в письме к Панову сообщает:

«Друг мой, наконец-то я получила свой портрет; как только он оказался у меня в руках, я побежала к Поэту[1], чтоб возможно скорее передать ему на хранение, однако с большим огорчением, дорогой мой Базильо, должна сообщить тебе, что я не застала его дома. Никогда не смогу тебе передать, сколько я выстрадала, стоя на улице, — ничего подобного я не испытывала в течение всей своей жизни. <...> Увидев мое состояние, Нанна[2] предложила мне сесть. Я ее горячо поблагодарила; сказав, что не имею времени, я попросила ее передать Поэту, чтоб он был настолько добр и пришел ко мне на следующий день. Она мне обещала сделать всё, что будет в ее силах, чтобы сообщить ему это, и надеюсь — она не обманет».

Свод. Т. 2. С. 166. — Письмо было отправлено позднее, 11 мая (н. ст.) 1841 г.[3]

[1] Имеется в виду Гоголь.
[2] Вероятно, Аннунциата Костантини, служанка Гоголя (см. ***1839. Марта 8 <февраля 24>. Пятница. Рим***).
[3] См. ***1841. Мая 10 <апреля 28>. Понедельник. Рим***; ***1841. Мая 11 <апреля 29>. Вторник. Рим.***

МАЯ 10 <АПРЕЛЯ 28>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь приходил к знакомой В. А. Панова Джюлии.

Вечером этого дня Джюлия в письме к Панову, отправленном 11 мая (н. ст.) 1841 г., сообщала: «Сегодня утром ко мне приходил Поэт. Я была так рада видеть его. Я говорила ему о своем портрете и сказала ему, что отнесу его завтра к нему на дом, так как отнести сегодня у меня нет возможности. Я его заставила дать обещание тотчас же отправить портрет к тебе и не показывать его никому, и я объяснила ему причину, по которой ты не мог взять портрета с собой. Он обещал мне также, что, когда он тебе будет писать, то передаст привет от меня. Завтра я собираюсь отправиться к нему и отдать портрет ему в собственные руки, как я тебе обещала».

Свод. Т. 2. С. 166.

МАЯ 11 <АПРЕЛЯ 29>. ВТОРНИК. РИМ

Римская знакомая В. А. Панова Джюлия пишет ему:

«Мой славный Базильо, будь спокоен: сегодня утром я побывала у Поэта и передала портрет[1] ему в собственные руки, и он взял на себя его доставку к твоему другу[2], у которого ты сможешь его получить».

Свод. Т. 2. С. 166.

[1] Речь, вероятно, идет о портрете В. А. Панова с его возлюбленной Джюлией (см. ***1841. Июня средина <июня начало>. Рим***; ***1841. Октября первая половина <октября начало>. Берлин***; ***1841. Октября 29 <17>. Пятница. Берлин***).

[2] М. Н. Каткову, находившемуся в Берлине.

АПРЕЛЬ <АПРЕЛЯ СРЕДИНА – МАЯ СРЕДИНА>. КАЗАНЬ

М. С. Щепкин устраивает публичные чтения «Тараса Бульбы» на гастролях в Казани.

Корреспондент «Москвитянина» сообщал: «Чем можно отблагодарить тебя, несравненный артист, за те прекрасные, истинно поэтические минуты, которые ты доставил некоторым жителям Казани и мне, заезжему страннику! И не одними представлениями на сцене, нет, – сколько раз читал он нам в коротком кругу любимого своего писателя Гоголя! Надобно слышать его, когда он примется за Тараса Бульбу; надобно вглядеться в выражение его лица; надобно ловить звуки его голоса. (Надобно видеть, как он беспрестанно меняет образы, читая то за то, то за другое лицо, – и как всякий раз верно схватывает каждого: из важного вдруг переходит в смешное, из великого в низкое, или наоборот; после слез смеется, после ярости – хныкает. Тарас как будто сшит по его мерке.) Как он забавен в первой главе повести, и между тем как непреклонный характер его уже предвещает грядущие бедствия! Описание степей Запорожья так живо, как будто слышишь шелест травы и видишь приседающих лыцарей. Но как ужасен он в сцене сыноубийства, как тяжело слышать из уст его это громовое: "Что, сынку?!" Как больно смотреть на этого старца, плачущего по своем милом Остапе! Когда он рассказывал нам словами Гоголя все ужасы казни Остапа в присутствии миллиона народа и на вопль сына: "Слышишь ли, батько?" – ответил за Бульбу: "Слышу, сынку", я вздрогнул вместе с миллионом народа и тут же рассмеялся до слез, представив себе испуганную фигуру Янкеля, так уморительно верно созданную Гоголем и так живо переданную Щепкиным».

А. Ж. Московские гости в Казани // Москвитянин. 1841. № 8 (цензурное разрешение 31 июля). С. 550; с подписью: «1841 года июня 15. Село З.»; *Свод.* Т. 3. С. 11.

АПРЕЛЯ КОНЕЦ – МАЙ <МАЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. МОСКВА

Д. А. Валуев[1] сообщает Н. М. Языкову:

«Сегодня мы проводили Авдотью Петровну[2] в дальние заморские края[3]. <...> Наши духовные, литературные и прочие приращения <...> идут добрым порядком. Сологуб выдал том повестей[4], Лермонтов пишет стихи со дня на день лучшие (надеемся выслать последние, чудные[5]), Гоголь пишет, Ал<ексей> Ст<епанович>[6] работает, И. В. Кир<еевский> приготовляет большое сочинение (Ист<орию> Церкви). Москвитянин идет в гору...»[7]

[1] Дмитрий Александрович Валуев (Волуев, 1820 – 23 ноября 1845), историк, редактор и издатель. Мать Д. А. Валуева А. М. Валуева (рожд. Языкова) приходилась родной сестрой Н. М. Языкову и Е. М. Хомяковой (рожд. Языковой).

[2] Елагину.

[3] Ср. ***1841. Июля 8 <июня 26>. Четверг. Берлин.***

[4] «На сон грядущий. Отрывки из вседневной жизни» (СПб., 1841. Ч. 1).

[5] Имеется в виду стихотворение М. Ю. Лермонтова «Спор», переданное около 23 апреля 1841 г. Ю. Ф. Самарину для публикации в «Москвитянине» (1841. № 6; цензурное разрешение 31 мая) (см.: *Мануйлов В.* Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.; Л., 1964. С. 158, 160). Языкову послал это стихотворение в мае 1841 г. А. С. Хомяков (см.: *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 2002. Т. 7. С. 244–245).

[6] Хомяков.

[7] Гоголь в письмах братьев Н. М. и А. М. Языковых и их друзей // *Свод.* Т. 3. С. 185.

МАЯ 15 <3>. СУББОТА. РИМ

Гоголь пишет ответное письмо М. П. Погодину в Москву:

«Благодарю много за деньги. Я их получил, но это, однако ж, как ты сам знаешь, только половина. Я расплатился с долгами и сижу на месте. Если ты не выслал остальных двух тысяч еще до получения сего письма, то мне беда, беда, потому придется оставаться в Риме на самое жаркое время лета... <...> Досадно мне очень, как подумаю, что мне придется возвращаться одному[1]... <...> Если бы Бог послал мне счастие, т. е. попутчика с коляской[2]... <...> Ужасно жалко мне Аксаковых, не потому только, что у них умер сын[3], но потому, что безграничная привязанность до упоенья к чему бы ни было в жизни есть уже несчастье. Так мало знать жизнь, чтобы не помнить, что всякую минуту мы можем лишиться всего, позабыть, что всякую минуту мы должны благодарить за то, что остается нам, жить обманом и стараться вечно обманываться – страшно, просто страшно. Мы ропчем только на утраты и никогда не благодарим за блага, которые даются нам щедро, обильно, но мы замечаем их только в минуту, когда лишаемся их, а до того времени глядим на них, как на что-то должное нам, на что-то непременно принадлежащее нам. Неблагодарен человек[4]. <...> Почему же хотя Константин не написал мне ни строчки. Уж два месяца с лишком, как я не получаю ни от кого письма».

[1] См. ***1841. Марта 25 <13>. Четверг. Рим 1841. Марта 17 <5>. Среда. Рим.***

[2] См. также ***1841. Августа средина <августа начало>. Рим.***

[3] М. С. Аксаков. – См. ***1841. Марта 17 <5>. Среда. Рим***; ***1841. Мая не позднее 6 <апреля между 19 и 24>. Рим.*** – 16 июня 1841 г. умер также годовалый сын Погодиных Петр (*Барсуков.* 1892. Кн. 5. С. 147). – См. также ***1840. Июня 10 <22>. Понедельник. Москва.***

[4] Спустя шесть лет, 20 мая (н. ст.) 1847 г., Гоголь писал также А. О. Смирновой: «Это не та разумная, неизменно-твердая любовь во Христе, возвышающая человека, но скорее чувственная родственная любовь, делающая малодушным человека, дрожащим, как робкий лист, за предмет любви своей, так что сама старушка, жена

Аксакова, которая в душе своей гораздо больше христианка, чем все они вместе, два года не могла утешиться о смерти одного из одиннадцати детей своих, так что два года никто в целой семье не смел упомянуть при ней имени умершего сына».

МАЯ СРЕДИНА <МАЯ НАЧАЛО>. ТИВОЛИ

Гоголь и П. В. Анненков посетили Тиволи.

20 мая (н. ст.) 1841 г. П. В. Анненков писал братьям И. Ф. и Ф. В. Анненковым из Рима: «Недавно с Гоголем были мы в Тиволи[1], удивительной загородной деревне Рима»[2].

Из «Воспоминаний о Гоголе» Анненкова (1857): «Живописность и всякий проблеск самородной выдумки, как бы малозначительна ни была она, находили в Гоголе почти всегда лучшего и благорасположеннейшего ценителя. Помню, что в одно из наших путешествий по дорогам между Тиволи, Фраскати и Альбано мы наехали на узкую лощину, закраины которой так густо поросли кустами живой изгороди, что составили над тропинкой род зеленого, непроницаемого свода. Гоголь был в восхищении и сказал: "Вот какими дорогами надо бы обзавестись Европе"; но Европа обзавелась дорогами совсем в другом вкусе»[3].

[1] См. также ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (свидетельства и воспоминания Анненкова).
[2] Из писем П. В. Анненкова // *Свод.* Т. 3. С. 530.
[3] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 452.

МАЯ 20 <8>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ. РИМ

Гоголь и П. В. Анненков присутствуют на торжествах благословения «urbi et orbi»[1] папы Григория XVI.

Из «Воспоминаний о Гоголе» Анненкова (1857): «Гоголь не только без устали любовался тогдашним Римом, но и увлекал неудержимо всех к тому же поклонению чудесам его. Официальные католические праздники Пасхи, на которых, по стечению иностранцев, присутствует чуть ли не более насмешливых, чем верующих глаз, уже давно миновались. Значительная часть туристов разъехалась, и настоящий туземный Рим выступил один для новых духовных праздников, совпадающих с летними месяцами. Здесь, в виду итальянского народа, Гоголь не чуждался толпы. Он предупреждал меня о дне Вознесения, когда папа дает благословение полям Рима с высоты балкона Иоанна Латеранского, — и зрелище, на котором мы присутствовали в тот день, было не ниже наших ожиданий. Летнее солнце Италии осветило старые стены Рима, задернув голубой, прозрачной пеленой далекие албанские горы. Ближе к нам и в самую минуту благословения оно ударило нестерпимо ярко на белые головные платки коленопреклоненных женщин, на широкие соломенные шляпы мужчин, на разноцветные перья войска, тоже преклонившего колена, на красные мантии кардиналов — и произвело картину ослепительного блеска и вместе превосходной перспективы».

Анненков П. В. Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 444–445.

[1] К городу (Риму) и к миру (*лат.*).

МАЯ 9 <21>. ПЯТНИЦА.
ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО.
РИМ

Именины Гоголя.

МАЯ 16 <28>. ПЯТНИЦА.
МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.
[2] *Гриц.* С. 284.

МАЯ 30 <18>. ВОСКРЕСЕНЬЕ.
В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ –
ДЕНЬ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ, ПЯТИДЕСЯТНИЦА;
У КАТОЛИКОВ – ПЯТИДЕСЯТНИЦА

МАЯ 20 <ИЮНЯ 1>. ВТОРНИК.
МОСКВА

Е. М. Хомякова пишет брату Н. М. Языкову:

«Как я буду рада, когда услышу, что Гоголь у вас; он вас так любит».

Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод.* Т. 3. С. 189.

МАЯ 25 <ИЮНЯ 6>. ВОСКРЕСЕНЬЕ.
МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Лобков получил Станислава[1] за пожертвование, которое лежит у меня в ящике, а Государю доложено, что библиотека доставлена[2]. Письмо от Гоголя[3], который ждет денег[4], а мне не хотелось бы посылать. Между тем я думал поутру, как бы приобрести равнодушие к деньгам».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1840–1841 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 473.

[1] А. И. Лобкову был пожалован орден Св. Станислава 3-й степени (см.: *АВПРИ.* Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 565. Л. 30).
[2] См. ***1840 декабря 31 <1841 января 12>. Вторник. Москва.***
[3] См. ***1841. Мая 15 <3>. Суббота. Рим.***
[4] См. ***1841. Июля 31 <19>. Суббота. Рим.***

ИЮНЯ 6 <МАЯ 25>. ВОСКРЕСЕНЬЕ.
БЕРЛИН

В. А. Панов сообщает К. С. Аксакову в Москву[1]:

«Я был раза два у Фарнгагена, к которому я имел письмо[2]. Он принял меня даже с излишними учтивствами. Он вообще относится к разряду людей, которых Николай Васильевич называет слад-

кими и которых знакомство отчасти бывает тяжело. К тому же у него бездна предрассудков. Мы себе его представляли совершенно иначе. Он мне сказывал, между прочим, что он произведения г-жи Дюдеван, или George Sand, ставит наравне с лучшим, что произвела Германия. После этого его хвала Пушкину в отношении к нему теряет совершенно свою цену. <...> В мое письмо не могла по недостатку времени и места войти целая статья о дорогом, неоцененном Николае Васильевиче. Я бы никогда не кончил. Вы его скоро увидите»[3].

Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод*. Т. 2. С. 163–164; Т. 3. С. 145.

[1] В. А. Панов с 26 мая (н. ст.) 1841 г. по 9 августа (н. ст.) 1842 г. был слушателем Берлинского университета (см.: *Ziegengeist G.* Neue Zeugnisse über Varnhagens geplanten Žukovskij-Aufsatz (1840–1842) // Zeitschrift für Slawistik. 1990. Bd. 35. Heft 2. S. 177; *Свод*. Т. 3. С. 473).

[2] Речь, по-видимому, идет о рекомендательном письме к К. А. Фарнгагену фон Энзе, которым снабдил Панова 14/26 мая 1840 г., перед его отъездом с Гоголем за границу, А. И. Тургенев. В этом письме Тургенев упоминал и о Гоголе (см. ***1840. Мая 14. Вторник. Москва***). Таким образом, письмо Тургенева Панов вручил в Берлине по назначению только спустя год, в конце мая (н. ст.) 1841 г.

[3] В средине августа (н. ст.) 1841 г. Гоголь выехал из Рима, 7 октября прибыл в Петербург, 17 октября – в Москву (см. ***1841. Августа средина <августа начало>. Рим***; ***1841. Октября 7 <19>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1841. Октября 17. Пятница. Москва***).

ИЮНЯ 10 <МАЯ 29>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Гоголь и П. В. Анненков в Риме наблюдают торжества католического праздника Тела Господня[1].

Из «Воспоминаний о Гоголе» Анненкова (1857): «Затем наступили торжества Corpus Domini. В семь часов вечера перед *Ave-Maria*, при самом начале вечерних прогулок наших, мы непременно встречали духовную процессию, импровизированный алтарь на углу улицы, аббата под балдахином с дарохранильницей, которою, после краткой молитвы, он благословлял падающий ниц народ. Вечернее солнце играло опять главную роль в картине, обливая пурпуром знамена, огромные полотна с фигурами святых, кресты разных величин, фонари, рясы нищенствующих монахов и загорелые лица итальянцев, пылавшие несколько мгновений неизобразимо ярким и теплым светом. О цветочных коврах Дженсано, раскладываемых по пути таких же процессий и составляющих подвижной рисунок с изображениями кардинальских гербов, арабесок, узоров из листьев и лепестков растений, Гоголь упоминает сам в статье о Риме»[2].

В Дженцано (Дженсано), в 25 верстах от Рима, по традиции, в этот же день, в честь праздника Тела Господня, всегда устраивалась так называемая «инфьората» (inflorata – украшение цветами; *um.*). Гоголь, который побывал на «цветочном» празднике в Дженцано в 1838 г.[3], вероятно, во время римского торжества 10 июня (н. ст.) 1841 г. вспомнил об этом и рассказал об «инфиорате» Анненкову – который воспользовался рассказом Гоголя сначала в своих «Письмах из-за границы»[4], затем – в «Воспоминаниях о Гоголе».

«Николай Васильевич, – продолжал Анненков в “Воспоминаниях о Гоголе”, – был неутомим в подметке различных особенностей этого народного творчества, которое окружало тогда духовные торжества[5], но могло существовать и помимо их. Так, очевидцы происшествий 1848–49 годов рассказывают об удивительных триумфальных арках, строимых в одну ночь неизвестными архитекторами, да и в мое время, как справедливо заметил Гоголь, любая лавочка лимонадчика на площади заслуживала изучения по рисунку украшений из зелени, винограда и лавра. Как велико было уважение Гоголя ко всякому проявлению самородной фантазии или даже сноровки, покажет следующий пример. В одной из кофейных он заметил, что стены и потолок ее покрыты сеткой из полосок бумаги, перегнутых надвое и приставленных к штукатурке. Узнав, что этим способом придумано сохранять заведения от порчи мух, гуляющих преимущественно по внешней стороне клеток, Гоголь долго рассматривал это хозяйственное изобретение и, наконец, воскликнул с чувством: “И этих-то людей называют маленьким народом!” Сметливость и остроумие в народе были для него признаками, свидетельствующими даже об историческом его призвании. Несколько раз повторял он мне, что нынешние римляне, без сомнения, гораздо выше суровых праотцев своих и что последние никогда не знали того неистощимого веселия, той добродушной

любезности, какие отличают современных обитателей города. Он приводил в пример случай, им самим подсмотренный. Два молодых водоноса, поставив ушат на землю, принялись с глазу на глаз смешить друг друга уморительными анекдотами и остротами. "Я целый час подсматривал за ними из окна, — говорил Гоголь, — и конца не дождался. Смех не умолкал, прозвища, насмешки и рассказы так и летели, и ничего водевильного тут не было; только сердечное веселие, да потребность поделиться друг с другом обилием жизни". Н<иколай> В<асильевич> был не прочь и от сильных, необузданных страстей, которые затемняют иногда сердце и ум этих любезных людей. Все естественное, самородное, уже по одному этому имело право на его уважение. Вот какой анекдот рассказывал он юмористически, но не без удовольствия. В его глазах один мальчишка пустил чем-то в другого, проходившего мимо, и, чувствуя, вероятно, важность ответственности за поступок, тотчас же шмыгнул в двери близлежащего дома, которые и припер за собою. Обиженный ребенок кинулся к дверям, старался выломать их и, видя невозможность одолеть преграду, стал вызывать оскорбителя на личную расправу. Ответа никакого, разумеется, не последовало; ребенок истощался в бранных эпитетах, в самых ядовитых прозвищах и в ругательствах и не слыхал ни малейшего отзыва. Тогда он лег у порога двери и зарыдал от ярости, но и слезы не истощили жажду мщения, которая кипела в этой детской груди. Он встал опять на ноги и принялся умолять своего врага хоть подойти к окну, чтоб дать посмотреть на себя, обещая ему за одно это прощение и дружбу... Но, оставляя в стороне анекдоты, скажем, что уважение Н<иколая> В<асильевича> к проблескам цельной и свежей натуры не ограничивалось одними людскими характерами: он и создания искусства ценил еще тогда по признакам силы, обнимающей сразу предмет, и чем менее заметно было в произведении искания, пробованья и щупанья, тем более оно ему нравилось, но он простирал иногда определения свои до парадокса. Так, к великому соблазну А. А. Ив<ано>ва, он объявил однажды, что известная пушкинская сцена из Фауста[6] выше всего Фауста Гете, вместе взятого. Не должно думать, однако ж, чтоб наслаждение Римом и людьми его сделало самого Гоголя слабым и мягкосердечным; напротив, он обращался весьма строго с последними — и это *по принципу*. Притворная суровость его была тут противодействием римской сметливости, народного расположения к сарказму и природной беспечности итальянца. Он был взыскателен, и надо было видеть, как важно примеривал он новые башмаки, сшитые ему молодым парнем с блестящими черными глазами и лукавой улыбкой. Он его почти измучил осмотром и потом говорил мне, смеясь: "Иначе и нельзя с этим народом; чуть оплошай — заговорит тебя. Подсунет мерзость, поставит перед собой башмак, отступит шаг назад и начнет: «О, что за чудная *cosa*[7]! о, какая дивная вещица! Никакой племянник папы не носил такого башмака. Посмотрите, синьор, какая форма каблука! Можно влюбиться до безумия в такую вещь», и так далее". Придирчивость Гоголя была лицемерна уже и потому, что он никогда не сердился на те обыкновенные итальянские надувательства, которым, несмотря на всю свою строгость и сноровку, подвергался не раз. Так, вздумав сделать прогулку за город в обыкновенном нашем обществе, мы подрядили веттурина, дали ему задаток и назначили час отъезда. Но час прошел, а веттурин не являлся, употребив, вероятно, задаток на неотлагательные свои нужды и забыв о поручении. Все присутствующие оказывали ясные знаки нетерпения и громко выражали негодование свое, исключая Гоголя, который оставался совершенно равнодушен, а когда один из общества заметил, что подобной штуки никогда бы не могло случиться в Германии: там-де никто своего не даст и чужого не возьмет, — то Гоголь отвечал с досадой и презрением: "Да, но это только в картах хорошо!"

Еще одна черта. Мы, разумеется, весьма прилежно осматривали памятники, музеи, дворцы, картинные галереи, где Гоголь почти всегда погружался в немое созерцание, редко прерываемое отрывистым замечанием. Только уже по прошествии некоторого времени развязывался у него язык и можно было услыхать его суждение о виденных предметах. Всего замечательнее, что скульптурные произведения древних тогда еще производили на него сильное впечатление. Он говорил про них: "То была религия, иначе нельзя бы и проникнуться таким чувством красоты".

Может статься, всего тяжелее было для позднейшего Гоголя победить врожденное благоговение к высокой, непогрешительной, идеальной пластической форме, какое высказывалось у него в мое время поминутно. Он часто забегал в мастерскую известного Тенерани любоваться его "Флорой", приводимой тогда к окончанию, и с восторгом говорил о чудных линиях, которые представляет она со всех сторон и особенно сзади. "Тайна красоты линий, — прибавлял он, — потеряна теперь во Франции, Англии, Германии и сохраняется только в Италии". Так точно и знаменитый римский живописец Камучини, воспитанный на классических преданиях, находил в нем усердного почитателя за чистоту своего вкуса, грацию и теплоту, разлитые в его картинах, похожих на оживленные барельефы. Никогда не забывал Гоголь, при разговоре о римских женщинах или даже при встрече с замечательной женской фигурой, каких много в этой стране, сказать: "А если бы посмотреть на нее в одном только одеянии целомудрия, так скажешь: женщина эта с неба сошла"[8]. Не нужно, полагаю, толковать, что поводом ко всем словам такого рода было одно артистическое чувство его: жизнь вел он всегда целомудренную, близкую даже к суровости и, если исключить маленькие гастрономические прихоти, более исполненную лишений, чем довольства. Так еще полно и невредимо сохранял он в себе художнический элемент, который особенно разыгрывался, когда духота, потребность воздуха и гулянья заставляли прекращать переписку Мертвых Душ и выгоняли нас за город[9], в окрестности Рима»[10].

[1] В 1841 г. празднование католического праздника Тела Господня (Corpus Domini) приходилось на 10 июня (н. ст.).

[2] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 445.

[3] См. ***Июня 14 <2>. Четверг. Католический праздник Тела Господня. Дженцано.***

[4] См. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (примечания).

[5] См., в частности: ***1839. Марта 29 <17>. Пятница. Рим.***

[6] Содержание высоко оцененной Гоголем «Сцены из Фауста» (1825) А. С. Пушкина перекликается с принципиальным для Гоголя представлением об истоках новейшей европейской цивилизации, началом которой послужило золото, вывезенное Испанией из Америки. Заключительные строки пушкинского стихотворения, в которых описывается «Корабль испанский, трехмачтовый, / Пристать в Голландию готовый: / На нем мерзавцев сотни три, / Две обезьяны, бочки злата...», — представляют собой, согласно гоголевским воззрениям, «узловой момент» новейшей истории, когда золото испанцев стало первостепенной причиной возникновения и дальнейшего развития голландской (а затем английской) промышленности. Промышленный поток вещей в итоге лишил Испанию ее золота — и на долгие века оставил в разорении. С другой стороны, в наследство северной Европе процесс «освоения» американо-испанского золота принес развитую промышленность, направленную на создание культа вещей — соблазнительных предметов роскоши и комфорта (подробнее см.: ***1839. Марта 10 <февраля 26>. Воскресенье. Рим*** — примечания). — См. также ***1847. Августа 5 <июля 24>. Четверг. Париж.***

[7] Вещь (*ит.*).

[8] Ср. рассуждение св. Иоанна Лествичника по поводу жития преподобной Пелагии: «Некоторый человек, <...> увидев однажды пригожую женщину, вместо того, чтоб на оную прельститься, взял из того себе случай преславлять и чудиться премудрости Создавшего толь прекрасное творение... <...> Естьли кто при таковых случаях всегда таковое оказывает чувствование и поведение, тот прежде общего воскресения при всей своей нетленности воскресает» (цит. по переводу, каким пользовался Гоголь: Преподобного отца нашего Иоанна Лествичника Лествица, возводящая на небо. М., 1795. Л. 84). — См. также: ***Конец 1820-х (не позднее 1829)***; ***1851. Февраля 23. Пятница первой недели Великого Поста. Одесса*** (примечания).

[9] Первая поездка Гоголя и Анненкова «за город в Альбано» состоялась 14 или 26 июня (н. ст.) 1841 г. (см. ***1841. Июня 14 <2> (понедельник) или 26 <14> (суббота). Рим, Альбано***).

[10] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 445–447.

МАЯ 30 <ИЮНЯ 11>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение № 6 «Отечественных Записок» за 1841 г., где напечатано пятое «Письмо из-за границы» П. В. Анненкова с упоминанием о встрече с Гоголем.

См. ***1841. Апреля 28 <16>. Среда. Рим.***

МАЯ 31 <ИЮНЯ 12>. СУББОТА. МОСКВА

Цензурное разрешение № 6 «Москвитянина» за 1841 г., где М. П. Погодин напечатал присланный Гоголем из Рима «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору».

См. ***1841. Марта 17 <5>. Среда. Рим.***

ИЮНЯ 14 <2> (ПОНЕДЕЛЬНИК) ИЛИ 26 <14> (СУББОТА). РИМ, АЛЬБАНО

Кончина архитектора М. А. Томаринского (Тамаринского). Гоголь на вилле в Альбано вместе Ф. И. Иорданом, А. А. Ивановым, П. В. Анненковым. Под впечатлением смерти Томаринского пишет заключительные строки «отрывка» «Рим».

В сентябре 1841 г. Н. А. Рамазанов в некрологе М. А. Томаринскому сообщал: «Художник, занимавшись в Вилле <Адриана>, простудился. Пособия медицины не могли восстановить его здоровья, и в ночи на 14 июня[1], он скончался, окруженный товарищами, которые не отлучались от него в продолжение трех суток. Нельзя было, говорят приехавшие из Рима, смотреть без слез на трогательную картину расставания наших молодых пенсионеров с любезным товарищем»[2].

П. В. Анненков и Ф. И. Иордан, общавшиеся с Гоголем в Риме, в своих воспоминаниях одинаково указывали на то, что описание в повести «Рим» вечерней «сияющей» панорамы римских окрестностей, открывающихся с террасы виллы в Альбано, возникло у писателя непосредственно под впечатлением от смерти Томаринского. Анненков при этом прямо указывал на соответствующее место в повести: «Долго, полный невыразимого восхищенья, стоял он перед таким видом...» и т. д. Описание «изумительного вида на Рим и всю его Кампанью» в лучах «пурпурного» заката, созерцаемого с горы Альбано, завершается в гоголевском «Риме» тем же образом, который был воплощен во второй редакции «Тараса Бульбы» в великолепной «картине католического богослужения». Это снова образ «веельзевула» — «повелителя мух»[3], дополненный здесь упоминанием о болезни, от которой умер Томаринский: «...Потухали вмиг померкнувшие поля <...> огнистыми фонтанами подымались <...> мухи, и неуклюжее крылатое насекомое <...> известное под именем дьявола, ударялось <...> ему в очи. Тогда только он чувствовал, что наступивший холод южной ночи уже прохватил его всего, и спешил в городские улицы, чтобы не схватить южной лихорадки».

Значимо для понимания настоящего образа и само место, описываемое Гоголем, — поля римской Кампаньи: именно здесь, как предполагалось, будет похоронен Томаринский. Более того. Разговор о месте погребения Томаринского, состоявшийся между Гоголем и Иорданом, должен был еще раз заставить Гоголя задуматься о характере «чудного» обаяния католического Рима.

Гоголь оказался в Альбано именно после того, как, пережив сильное потрясение от смерти Томаринского, был увезен туда Анненковым (на похоронах Гоголь не присутствовал). По свидетельству Анненкова, позднее в Альбано приехали Иордан и А. А. Иванов; по воспоминаниям Иордана, они отправились туда все вместе[4].

Из воспоминаний Иордана (опубл. в 1891 г.): «Простудившись, Томаринский получил сильную опухоль в боку, которая была полна разлагающейся материи. Ему сделали операцию, вышло огромное количество пахучей желтой воды и через несколько дней его не стало.

Я душевно оплакивал его кончину и гости, бывшие у меня вечером в день его похорон, П. В. Анненков, Н. В. Гоголь, А. А. Иванов, заметив это, предложили мне поехать с ними за город, чтобы развлечься. Н. В. Гоголь, любуясь на чудный закат солнца, описание которого, вероятно, понадобилось ему для какого-нибудь из его произведений, не имея с собою ни пера, ни бумаги, видимо, старался запечатлеть в своей памяти представившуюся нам чудную картину»[5].

Из «Воспоминаний о Гоголе» Анненкова (1857): «Первая наша поездка за город в Альбано[6] возникла, однако ж, по особенному поводу, который заслуживает упоминовения. Один молодой русский архитектор <М. А. Томаринский> (фамилия его совершенно вышла у меня из памяти) имел несчастие, занимаясь проектом реставрации известной загородной дачи Адриана, простудиться в Тиволи и получить злокачественную лихорадку. Благодаря искусству римских докторов через две недели он лежал без всякой надежды, приговоренный к смерти. Во все время его тяжкой болезни Гоголь с участием справлялся о нем у товарища его по академии и квартире в Риме, скульптора Лугановского[7] (теперь тоже покойного), но сам не заходил к умирающему, боясь, может быть, прилипчивости недуга, а может быть, опасаясь слишком сильного удара для своих расстроенных нервов. Бедный молодой человек кончался: я был при последних минутах его и видел, как после одной ложечки прохладительного питья, которое беспрестанно подавала ему, по здешнему обычаю, женщина, сидевшая у его изголовья, он вдруг бодро, необычайно зорко окинул большими глазами комнату и людей, в ней находившихся, но это было последнее усилие молодости; он тотчас же ослабел и вскоре угас. Мы все собирались отдать бедному нашему соотечественнику последний долг, но Гоголь, вероятно по тем же причинам, о каких было упомянуто, боялся печальной церемонии и хотел освободиться от нее. За день до похорон, утром, после чашки кофе, я подымался по мраморной лестнице Piazza d'Espagna и увидел Гоголя, который задумчиво приближался к ней сверху. Едва только заметили мы друг друга, как Гоголь, ускорив шаги и раздвинув руки, спустился ко мне на площадку и начал с видом и выражением совершеннейшего отчаяния: "Спасите меня, ради Бога: я не знаю, что со мною делается... Я умираю... я едва не умер от нервического удара нынче ночью...

Увезите меня куда-нибудь, да поскорее, чтоб не было поздно..." Я был поражен неожиданностью известия и отвечал ему: "Да хоть сию же минуту, Николай Васильевич, если хотите. Я схожу за веттурином, а куда ехать, назначайте сами". Через несколько часов мы очутились в Альбано, и, надо заметить, что как дорогой, так и в самом городке Гоголь казался совершенно покоен и ни разу не возвращался к пояснению отчаянных своих слов, точно никогда не были они и произнесены.

С горы Альбано, как известно, открывается изумительный вид на Рим и всю его Кампанию, которому, может быть, только вредит самая его обширность и полнота. Далекое, безмолвное поле, усеянное руинами, по которому, кажется, ходит одно только солнце, меняя ежечасно краски и цвета его в виду недвижной черты города и синего купола Петра! Особенно вечером, при закате, когда длиннее и гуще ложатся на землю тени гробниц и водопроводов, картина эта приобретала строгое художественное величие, почти всегда производившее на Гоголя непостижимое действие: на него ниспадал род нравственного столбняка, который он сам изобразил в статье Рим этими чудными чертами: "Долго, полный невыразимого восхищения, стоял он перед таким видом, и потом уже стоял так, просто, не восхищаясь, позабыв все, когда и солнце уже скрывалось, потухал быстро горизонт и еще быстрее потухали вмиг померкнувшие поля, везде устанавливал свой темный образ вечер" и проч. (стран. 395, том III, изд. 1855). После утренней работы, еще до обеда, Гоголь приходил прямо к превосходной террасе виллы Барберини[8], господствующей над всею окрестностью, куда являлся и я, покончив с осмотрами города и окрестностей. Н<иколай> В<асильевич> садился на мраморную скамейку террасы, вынимал из кармана книжку, читал и смотрел, отвечая и делая вопросы быстро и односложно. Надо сказать, что Гоголь перечитывал в то время Историю Малороссии, кажется г. Каменского[9], и вот по какому поводу. Он писал драму из казацкого запорожского быта, которую потом бросил равнодушно в огонь[10], недовольный малым действием ее на Жуковского[11]: история Малороссии служила ему пособием. О существовании драмы я узнал случайно. Между бумагами, которые Н<иколай> В<асильевич> тщательно подкладывал под мою тетрадку, когда приготовлялся диктовать, попался нечаянно оторванный лоскуток, мелко-намелко писанный его рукою. Я наклонился к бумажке и прочел вслух первую фразу какого-то старого казака (имени не припомню), попавшуюся мне на глаза и мною удержанную в памяти: "И зачем это Господь Бог создал баб на свете, разве только, чтоб казаков рожала баба..." Гоголь сердито бросился ко мне с восклицанием: "Это что?" – вырвал у меня бумажку из рук и сунул ее в письменное бюро; затем мы спокойно принялись за дело. Возвращаюсь к террасе Барберини. Более занятый своею мыслью, чем чтением, Гоголь часто опускал книжку на колена и устремлял прямо перед собой недвижный, острый взгляд, который был ему свойственен. Вообще все окружающие Гоголя чрезвычайно берегли его уединение и пароксизмы раздумья, находившие на него, как бы предчувствуя за ними ту тяжелую, многосложную внутреннюю работу... <...> Иногда уходили мы с ним, и обыкновенно в самый полдень, под непроницаемую тень той знаменитой аллеи, которая ведет из Альбано в Кастель-Гандольфо (загородный дворец папы), известна Европе под именем альбанской *галлереи* и утрудила на себе, неисчерпанная вполне, воображение и кисти стольких живописцев и стольких поэтов. Под этими массами зелени итальянского дуба, платана, пины и проч. Н<иколай> В<асильевич>, случалось, воодушевлялся как живописец (он, как известно, сам порядочно рисовал). Раз он сказал мне: "Если бы я был художник, я бы изобрел особенного рода пейзаж. Какие деревья и лан<д>шафты теперь пишут! Все ясно, разобрано, прочтено мастером, а зритель по складам за ним идет. Я бы сцепил дерево с деревом, перепутал ветви, выбросил свет, где никто не ожидает его, вот какие пейзажи надо писать!" – и он сопровождал слова свои энергическими, непередаваемыми жестами[12]. Не надо забывать, что вместе с полнотой внутренней жизни и творчества Н<иколай> В<асильевич> обнаруживал в это время и признаки самонадеянности, которая высказывалась иногда в быстром замечании, иногда в гордом мимолетном слове, выдававшем тайну его мысли. Он еще тогда вполне сберегал доверенность к себе, наслаждался чувством своей силы и полагал высокие надежды на себя и на деятельность свою. О скромности и христианском смирении еще и помину не было. Так, при самом начале моего пребывания в Риме, разгуливая с ним по отдаленным улицам его, мы коснулись неожиданно Пушкина и недавней его смерти. Я заметил, что кончина поэта сопровождалась явлением, в высшей степени отрадным и поучительным: она разбудила хладнокровный, деловой Петербург и потрясла его... Гоголь отвечал тотчас же каким-то

горделивым, пророческим тоном, поразившим меня: "Что мудреного? человека всегда можно потрясти... То ли еще будет с ним... увидите". В самом Альбано, на одной из вечерних прогулок, кто-то сказал, что около шести часов вечера передние всех провинциальных домов в России наполняются угаром от самовара, который кипит на крыльце, и что само крыльцо представляет оживленную картину: подбежит девочка или мальчик, прильнет к трубе, осветится пламенем раздуваемых углей и скроется. Гоголь остановился на ходу, точно кто-нибудь придержал его: "Боже мой, да как же я это пропустил, — сказал он с наивным недоумением, — а вот пропустил же, пропустил, пропустил", — говорил он, шагая вперед и как будто попрекая себя. В том же Альбано, где мы теперь находимся, вырвалось у Гоголя восклицание, запавшее мне в душу. Два обычные сопутники наши, А. А. И<ванов> и Ф. И. И<ордан>, прибыли в Альбано, похоронив бедного своего товарища <М. А. Томаринского>. За обедом Ф. И. И<ордан>, сообщая несколько семейных подробностей о покойнике, заметил: "Вот он вместо невесты обручился с римской Кампанией". — "Отчего с Кампанией?" — сказал Гоголь. "Да неимущих иноверцев хоронят иногда здесь просто в поле"[13]. — "Ну, — воскликнул Гоголь, — значит, надо приезжать в Рим для таких похорон"»[14].

Можно предположить, что после этого разговора Гоголь и наблюдал картину вечерней римской Кампании — с образом «веельзевула» в финале.

Воспоминания Анненкова о полуденных прогулках с Гоголем «под непроницаемой тенью <...> знаменитой аллеи, которая ведет из Альбано в Кастель-Гандольфо» (где Гоголь, «случалось, воодушевлялся как живописец»), очевидно, также подразумевают содержание гоголевского «Рима», именно самое начало повести: «Попробуй взглянуть на молнию, когда, раскроивши черные, как уголь, тучи, нестерпимо затрепещет она целым потопом блеска. Таковы очи у альбанки Аннунциаты. <...> Никакой гибкой пантере не сравниться с ней в быстроте, силе и гордости движений. <...> В праздничный <...> день, когда темная древесная галерея, ведущая из Альбано в Кастель-Гандольфо, вся полна празднично убранного народа, <...> глубина галереи выдает ее из сумрачной темноты своей всю сверкающую, всю в блеске».

Прижизненную Гоголю критику в этих строках «Рима» поразило необычное сравнение красавицы с пантерой. Н. А. Полевой писал об изображении Аннунциаты: «"Никакой гибкой пантере (т. е. леопарду) не сравниться с ней в быстроте, силе и гордости движений". Если красавицу можно сравнивать с леопардом, почему же не сравнить ее после сего с слоном, тигром, львом?»[15]

Позднее был указан источник гоголевского образа: «В одной из зал Ватикана с витрины готова броситься на входящего посетителя изумительно сделанная мраморная пантера»[16]. Настоящим сравнением, так же, как образом «веельзевула» в картине Кампаньи, Гоголь выражает мысль о кроющейся порой в ослепительной красоте смертельной опасности.

[1] 29 декабря 1841 г. президент Императорской Академии художеств А. Н. Оленин писал российскому посланнику в Риме И. А. Потемкину: «На отношение Вашего превосходительства за № 326 честь имею ответствовать, что Имп<ераторская> Академия Художеств не может принять на себя ходатайство касательно требования денег на содержание умершего пенсионера Томаринского за сентябрьскую сего года треть, которые Ваше Превосходительство предполагаете употребить на уплату долгов покойного, тем более, что Томаринский умер в июне месяце, следовательно, по расчету должны оставаться деньги из присланного ему содержания за майскую треть, родители же Томаринского находятся, сколько мне известно, в бедности» (*АВПРИ*. Ф. 190. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 109. Л. 265; *Свод*. Т. 3. С. 378).

[2] *Скульптор Рамазанов*. М. А. Томаринский // Художественная Газета. 1841. № 17 (цензурное разрешение 11 сент.). С. 6–7; сведения из некролога Рамазанова см. также: Русский биографический словарь. Издание Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1912. Т. <20>. Суворова — Ткачев. С. 284.

[3] См. также ***1834. Января 7. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1836. Августа 23 <11>. Вторник. Женева*** (примечания). — «Веельзевул, Веельзевув, имя Финикийского божества, упоминаемое часто в Библии. По Еврейскому правописанию оно выговаривается *Баал-Зебуб*, что значит собственно "бог мух". <...> В Новом Завете Веельзевул <...> называется "князем бесовским" (Лук. XI, 15). Такое значение сохраняет это слово и доныне в языке церковном» (*<Надеждин Н. И.> Н. Н.* Веельзевул... // Энциклопедический лексикон. СПб.: В типографии А. Плюшара, 1837. Т. 9 (цензурное разрешение 29 июня). С. 204).

[4] О значении этого события для творческой эволюции Гоголя в целом см.: *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009*. С. 441, 449–452.

[5] Записки профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана // *Свод*. Т. 3. С. 375–376.

[6] См. также ***1841. Июня 28 <16>. Понедельник. Рим***; ***1841. Июля 18 <6>. Воскресенье. Рим, Альбано***.

[7] Ошибочное написание фамилии скульптора Александра Васильевича Логановского (1812–1855) встречается также в письме Анненкова к братьям: от средины июля (н. ст.) 1841 г.: «Общество наше состояло из живописца Иванова, <...> из гравера Иордана, <...> из скульптора Лугановского...» (см. ***1841. Июля средина <июля начало>. Рим***).

[8] В отличие от палаццо Барберини в восточной части Рима (см. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим***), вилла Барберини находится в Кастель-Гандольфо, по соседству с Альбано.

[9] Имеется в виду «История Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского (1822; 2-е изд. 1830). Гоголь пользовался этой книгой и при создании первой редакции «Тараса Бульбы» (1835). В свою очередь, в работе над второй редакцией повести Гоголь активно использовал материалы, приготовленные ранее для уничтоженной «драмы из казацкого запорожского быта», или драмы из эпохи Богдана Хмельницкого (см.: *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009.* С. 436–455; *Гоголь 2009–2010.* Т. 7. С. 779–787).

[10] См. ***1841. Августа около 26 <около 14>. Дюссельдорф, Франкфурт.***

[11] Анненков имеет в виду свидетельство Ф. В. Чижова, переданное П. А. Кулишом (см. ***1842. Августа 21 <9>. Воскресенье. Дюссельдорф***).

[12] Слова Гоголя перекликаются с его описанием сада Плюшкина в шестой главе первого тома «Мертвых душ».

[13] М. А. Томаринский был погребен на кладбище «Тестаччо», называемом иначе «Некатолическим» (acattolico) или «Протестантским» (см.: *Талалай М.* Православная русская церковь Святителя Николая Чудотворца в Риме. Рим, 1994. С. 18).

[14] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 447–448.

[15] *Полевой Н.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя // Русский Вестник. 1842. № 5–6. Отд. 3. С. 37–38.

[16] *Десницкий В. А.* Задачи изучения жизни и творчества Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 67.

ИЮНЯ СРЕДИНА <ИЮНЯ НАЧАЛО>. Рим

Гоголь в письме к В. А. Панову в Берлин (отправленном на имя М. Н. Каткова) сообщает:

«Вы, верно, не можете понять причины, почему до сих пор я не писал к вам и почему по обещанию не прислал портрета[1]... <...> ...Два известные вам господина поднялись на такие штуки, каких, верно, вы не придумали бы вовек, именно испортить портрет, и сделали его похожим на сестру ее, что изумило совершенно всех, и сам оригинал не может постигнуть причины, почему теперь решительно не похож портрет, тогда как прежде был похож... Наконец, <...> причина, может быть, самая неприятная для вас, но дело прошлое, стало быть, можно сказать прямо: оригинал и сотой доли не стоит сердечных чувств ваших. И тени в нем и нет, и не было того, что заключается сильно в груди италианской любовницы. При вас, при моих глазах даже, произошли такие сцены, которые если бы я вам сообщил вполовину, то уже доставил бы вам несколько горьких минут, омрачивших бы, может быть, ваше последнее пребывание в Риме... <...> Сильнее и крепче воздвигайте упор в душе своей всему, что низменно и чем соблазняется свет. Помните вечно, какой земли гражданин вы и что никому не предстоит столько трудов и работ, как гражданину сей земли, и что есть таинственная рука, которая поведет вас на прекрасное и высокое... <...> Посылаю вам письмо, вероятно, вашей маминьки».

[1] Речь идет о портрете В. А. Панова с его возлюбленной Джюлией (см. ***1841. Мая 11 <апреля 29>. Вторник. Рим***).

ИЮНЯ 28 <16>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь получает пропуск на право прохода через парк палаццо Киджи в Ариччe, близ Альбано.

Свод. Т. 3. С. 384.

ИЮНЯ 24 <ИЮЛЯ 6>. ВТОРНИК. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ИОАННА ПРЕДТЕЧИ. КРАСНОЯРСК

В. Л. Давыдов отправляет в Рим ответное письмо дочерям Екатерине и Елизавете:

«Мне очень приятно, что г. Гоголь знает, что в глубине Сибири он имеет пламенных почитателей[1]. Во время получения вашего последнего письма я читал сцены, добавленные им к “Ревизору”[2]. Не знаю, знакомы ли вам другие сочинения этого автора. – Что касается меня, я нахожу их восхитительными, и, поверите ли, я настолько варвар, что предпочитаю их роману вашего Манцони, который я читал по-французски и пробовал читать по-итальянски (я имею в виду “Обрученных”[3])».

Гоголь в письмах В. Л. Давыдова // *Свод*. Т. 3. С. 324.

[1] См. ***1840. Февраля 8 <20>. Суббота. Красноярск.***
[2] «Новые сцены к комедии “Ревизор”» (1–5 явления IV действия) были напечатаны в 1841 г. в четвертом номере журнала «Москвитянин» (см. ***1841. Марта 27 <апреля 8>. Великий четверг. Москва***).
[3] «Обрученные» («I promessi sposi»), роман итальянского писателя Александра Манцони (1785–1873).

ИЮЛЯ 8 <ИЮНЯ 26>. ЧЕТВЕРГ. БЕРЛИН

В. А. Панов пишет К. С. Аксакову в Москву:

«Здесь проездом пробыла дней пять Авдотья Петровна Елагина[1]; она тоже сообщила мне кое-какие известия о нашей молодежи, о том, что делается в Москве. Она в конце сентября думает возвратиться и желала бы привезти с собою Гоголя. <...>. Три недели тому назад я получил письмо, или записку, от Николая Васильевича из Рима[2]. Вообразите, не пишет ни слова, долго ли там остается и куда оттуда едет. Я ему отвечал наудачу. Ответ этот в продолжение трех суток волновал меня ужасно. Конец его записки всегда останется мне памятным. Он очень важен. Сообщу Вам его, когда буду подробнее говорить о Николае Васильевиче, может быть-это будет только при нашем свидании. А когда оно будет?»

Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод*. Т. 2. С. 164.

[1] Ср. ***1841. Апреля конец – май <мая вторая половина>. Москва.***
[2] См. ***1841. Июня средина <июня начало>. Рим.***

ИЮНЯ КОНЕЦ – ИЮЛЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА <ИЮНЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – ИЮЛЯ НАЧАЛО>. РИМ И ОКРЕСТНОСТИ (ОЛЕВАНО, СУБИАКО И ДР.)

Кратковременная болезнь в Риме П. В. Анненкова, на время которой Гоголь уезжает за город. По выздоровлении Анненков отправляется на прогулку в Олевано и Субиако. Во время тогдашнего отсутствия Анненкова Ф. А. фон Моллер пишет в Риме новый[1] портрет Гоголя[2].

Из «Воспоминаний о Гоголе» Анненкова (1857): «Между тем со мной случилось довольно неприятное происшествие. Выкупавшись в Тибре, я захватил сильную простуду, которая разрешилась опухолью горла, или жабой, по простонародному названию. Доктор никак не мог овладеть

болезнию и, не зная, что делать, потребовал кровопускания. Я сопротивлялся этому общему итальянскому средству; но раз почтенный доктор вошел ко мне в сопровождении хозяина нашей квартиры, его домашних и фельдшера. По первым словам я убедился, что они решились на насилие, и покорно отдал себя в их распоряжение. Фельдшер быстро перевязал мне руку и с видом какого-то свирепого наслаждения приступил к делу. Всего забавнее, что сам доктор не мог удержаться от восторга при виде крови и закричал: bel sangue! Ecco-lo (вот она, кровь-то). Затем, почти прыгая около меня, он подтверждал фельдшеру не жалеть моей крови и просил о том же всех присутствующих, на лицах которых было написано душевное удовольствие. Комическая сцена, поразившая меня своей странностью и неожиданностию!

При первых признаках упорного недуга, сопротивляющегося медицинским средствам, Н. В. Гоголь уехал за город, написав оттуда хозяину нашей квартиры маленькую записочку, в которой просил его заняться больным — nostro povero ammalato[3], как выразился. Кажется, вид страдания был невыносим для него, как и вид смерти. Картина немощи если не погружала его в горькое лирическое настроение, как это случилось у постели больного графа Иосифа Виельгорского[4] в 1839 году, то уже гнала его прочь от себя: он не мог вытерпеть природного безобразия всяких физических страданий. <...> Вообще при сердце, способном на глубокое сочувствие, Гоголь лишен был дара и уменья прикасаться собственными руками к ранам ближнего. Ему недоставало для этого той особенной твердости характера, которая не всегда встречается и у самых энергических людей. Беду и заботу человека он переводил на разумный язык доброго посредника и помогал ближнему советом, заступничеством, связями, но никогда не переживал с ним горечи страдания, никогда не был с ним в живом, так сказать, натуральном общении. Он мог отдать страждущему свою мысль, свою молитву, пламенное желание своего сердца, но самого себя ни в каком случае не отдавал. Нельзя и требовать от натуры человека, чего в ней не заключается (довольно, что натура была благородная и любящая по-своему), но замечание это показалось нам совершенно необходимым в виду тех безразличных, ничего не выражающих фраз об "ангельской" душе[5], "необычайном" сердце[6] и проч., которые расточаются биографами Гоголя в опытах изображения его характера и характера его нисколько не определяют.

Я скоро выздоровел, а между тем время отъезда моего из Рима приближалось. До того мы успели сделать целым обществом прогулку в Сабинских горах, побывать в Олевано и Субиако, где нашли толпу русских художников, изучающих все эти превосходные и оригинальные местности. Гоголь нам не сопутствовал, он оставался в Риме... (Известный наш художник Ф. А. Моллер, окончивший свою "Русалку"[7], писал в это же время портрет Гоголя. По возвращении моем из Субиако я раз застал в его мастерской Н<иколая> В<асильевича> за сеансом. Вероятно, сеансы эти и были причиной, помешавшей Гоголю принять участие в нашей прогулке. Показывая мне свой портрет, Н<иколай> В<асильевич> заметил: "Писать с меня весьма трудно: у меня по дням бывают различные лица, да иногда и на одном дне несколько совершенно различных выражений", что подтвердил и Ф. А. Моллер. Портрет известен: это мастерская вещь, но саркастическая улыбка, кажется нам, взята Гоголем только для сеанса. Она искусственна и никогда не составляла главной принадлежности его лица.) <...> <Гоголь> потом весьма пенял на леность, помешавшую ему присоединиться к страинническому каравану. Особенно сожалел он, что лишился удобного случая видеть те бедные римские общины, которые еще в средние века поселились на вершинах недоступных гор, одолеваемых с трудом, по каменистой тропинке, привычным итальянским ослом. Другого способа езды здесь нет. Многие живут там и доселе, связываясь с государством только посредством сборщика податей и местного аббата, их всеобщего духовника, сходя в долину для посева и сбора маиса и кукурузы, обмена своих овощей, а иногда, при благоприятных политических обстоятельствах, для разбоя и грабежа на дорогах. Как совершеннейшее проявление той естественной, *непосредственной* жизни, которую так высоко ценил Н<иколай> В<асильевич>, они действительно заслуживали внимания его, особенно если вспомнить истинно живописные стороны, какими они, надо сказать правду, обладают в изобилии»[8].

[1] См. также ***1840. Октябрь-декабрь <сентября средина — декабря средина>. Рим***; ***1840 конец — 1841 начало. Рим.***

[2] Этот портрет Гоголь подарил в 1842 г. матери, сказав, что «сделал его собственно для нее, что христианин должен быть с светлым лицом» (см. ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Мо-***

сква). В 1871 г. Н. В. Берг сообщал: «О портрете работы Моллера <...> слышал я, что он заказан был Гоголем для отсылки в Малороссию, к матери, после убедительных просьб целого его семейства. Гоголь, по-видимому, думал тогда, как бы сняться *покрасивее;* надел сюртук, в каком никогда его не видали, ни прежде, ни после; растянул по жилету невероятную бисерную цепочку; сел *прямо,* может быть для того, чтоб спрятать от потомков сколь возможно более свой длинный нос, который, впрочем, был не особенно длинен» (см. ***1848. Октября 18. Понедельник. Москва***). «Портрет хранился в семье Гоголя и в 1919 году был передан в Полтавский Государственный историко-краеведческий музей, где находился до 1941 г.» (*Машковцев.* С. 154). Настоящее его местонахождение неизвестно. Авторские копии этого портрета хранятся в Государственной Третьяковской галерее в Москве и в Пушкинском Доме в Петербурге (см.: *Машковцев.* С. 154).

[3] Нашим бедным больным (*ит.*).

[4] Граф И. М. Виельгорский умер 2 июня (н. ст.) 1839 г. (см. ***1839. Июня 2 <мая 21>. Воскресенье. Рим***). Для его родных, прежде всего матери, которая не присутствовала при кончине сына, Гоголь во второй половине июня (н. ст.) обещал написать воспоминания о последних днях покойного (см. ***1839. Июня после 5 – июля начало <мая после 24 – июня конец>. Рим, Чивитавеккья, Марсель***). Это произведение, получившее название «Ночи на вилле», осталось незавершенным (см. коммент. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 7. С. 763–777). «Ночи на вилле» были впервые опубликованы П. А. Кулишом в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (СПб., 1856. Т. 1. С. 227–230).

[5] Имеются в виду слова П. А. Кулиша о гоголевских «Ночах на вилле»: «Как бы то ни было, но этот отрывок интересен в высшей степени, как излияние нежной, можно сказать ангельской души поэта» (*Кулиш 1856.* Т. 1. С. 227).

[6] Имеется в виду замечание П. А. Кулиша по поводу признания Гоголя в письме к матери от 13 августа (н. ст.) 1829 г. из Любека: «Часто я думаю о себе, зачем Бог, создав сердце, может, единственное, по крайней мере редкое в мире, чистую, пламенеющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душу, зачем Он дал всему этому такую грубую оболочку...» Процитировав эти строки, Кулиш замечал: «Вот внутренний портрет Гоголя, нарисованный им самим. Черты этого образа с летами прояснялись, облагораживались и становились все выше и величественнее, но основания были все те же. И теперь, когда мы знаем его в разные периоды его жизни, мы, подобно ему, невольно задаем себе вопрос: зачем существовало это действительно редкое сердце, для чего явилась пред нами эта чистая, пламенная и высокая душа в вечной борьбе с собственными противоречиями?» (*Кулиш* 1856. Т. 1. С. 78).

[7] См. ***1841. Марта 22 <апреля 3>. Лазарева суббота. Санкт-Петербург***; ***1841. Сентябрь <августа средина – сентября средина>. Рим.***

[8] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 451–452.

ИЮЛЯ СРЕДИНА <ИЮЛЯ НАЧАЛО>. РИМ

П. В. Анненков пишет братьям И. В. и Ф. В. Анненковым:

«Пишу вам, любезные братья, последнее письмо из Рима, почти перед самым отъездом в Неаполь[1]. Прожил я здесь три месяца[2], более чем хотел, и долго буду помнить об этом городе. Причиной этому – славный Гоголь, а потом и несколько русских художников, с которыми я познакомился, и жили мы, таким образом, весело, осматривая всё, что есть лучшего, обедая вместе, – не видал как пролетели три месяца, а вот, однако ж, наступил июль месяц, жары сделались нестерпимые, а я еду еще южнее, в Неаполь и Сицилию <...>

Общество наше состояло из живописца Иванова, который рисует чудную картину – “Иоанна Крестителя” <...>; из гравера Иордана, начавшего гравировать “Преображение” Рафаэля, и это будет первый эстамп в Европе, передающий верно этот шедевр Рафаэля, после которого он и умер, точно не оставалось ему ничего больше делать на земле; из скульптора Лугановского[3], сделавшего по заказу Государя-Наследника статую “Аббадонна, плачущий уединенно о потере блаженства”[4] <...> Таково-то было наше общество».

Из писем П. В. Анненкова // *Свод.* Т. 3. С. 531.

[1] См. ***1841. Июля 18 <6>. Воскресенье. Рим, Альбано.*** На письме имеется также надпись о получении: 19 июля.

[2] Более трех с половиной месяцев, с 7 апреля 1841 г. (см. ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим***).

[3] А. В. Логановского.

[4] Осенью 1841 г. А. А. Иванов извещал своего друга художника Г. И. Лапченко: «Пименов сделал “Нищего, просящего милостыню”, а Логановский “Абадонну”. Оба теперь начинают высекать их из мрамора» (*Боткин М.* Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. СПб., 1880. С. 139).

ИЮЛЯ 18 <6>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ, АЛЬБАНО

Гоголь, провожая П. В. Анненкова в Неаполь, приезжает с ним из Рима в Альбано.

Из «Воспоминаний о Гоголе» Анненкова (1857): «За день до моего отъезда из Рима[1] мы перебрались в Альбано, где решились ожидать прибытия почтовой кареты г-на Перети, в которой я взял место до Неаполя» .

Анненков П. В. Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 452.

[1] См. ***1841. Июля 19 <7>. Понедельник. Альбано.***

ИЮЛЯ 6 <18>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в театре Петровского парка[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.

[2] *Гриц.* С. 284.

ИЮЛЯ 19 <7>. ПОНЕДЕЛЬНИК. АЛЬБАНО

П. В. Анненков выехал из Альбано в Неаполь.

3 сентября (н. ст.) 1841 г., после оставления Рима, Анненков в «Письмах из-за границы», будучи во Флоренции, сообщал: «19-го июля выехал я из Рима в Неаполь[1], унося с собой воспоминание о всех древних чудесах его, мною весьма подробно осмотренных...»[2]

Из «Воспоминаний о Гоголе» Анненкова (1857): «На другой день[3] после прощального дружеского обеда в обыкновенной нашей локанде Гоголь проводил меня до дилижанса и на расставаньи сказал мне с неподдельным участием и лаской: “Прощайте, Жюль”[4]. Помните мои слова. До Неаполя вы сыщете легко дорогу; но надо отыскать дорогу поважнее, чтоб в жизни была дорога; их множество, и стоит только выбрать...» Мы расстались. Я ехал на Неаполь с тем, чтоб осень провести в Верхней Италии, а на зиму переселиться в Париж»[5].

[1] См. ***1841. Июля средина <июля начало>. Рим.***

[2] <*Анненков П. В.*> *А–в.* Письма из-за границы. Письмо VI // Отечественные Записки. 1841. № 10 (цензурное разрешение 30 сент.). Отд. «Смесь». С. 81–87; *Свод.* Т. 3. С. 408.

[3] Ср. ***1841. Июля 18 <6>. Воскресенье. Рим, Альбано.***

[4] Жюль Жанен, прозвище данное Анненкову Гоголем осенью 1833 г. (см. ***1833. Сентября вторая половина. Санкт-Петербург***).

[5] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 452.

МАРТ-ИЮНЬ. РИМ

Гоголь встретился с Н. И. Надеждиным и, вероятно, с Д. М. Княжевичем[1], отправившимися из Рима в путешествие по Далмации[2], где они пробыли, предположительно, до конца июля (н. ст.), после чего вернулись в Рим.

О своем знакомстве с Гоголем (без указания на место и время их первой встречи) сообщал сам Княжевич в письме к С. Т. Аксакову из Одессы от 20 октября 1839 г.[3]

Аксаков в 1854–1855 гг., в свою очередь, замечал о знакомстве Гоголя с Княжевичем в Риме: «...Он, по крайней мере до издания “Мер<твых> Д<уш>”, понимал и ценил Гоголя, он был с ним очень дружески знаком в Риме и, как гостеприимный славянин – не один раз угощал у себя Гоголя»[4]. (О вышедших в 1842 г. «Мертвых душах» Княжевич отзывался критически[5].)

27 февраля 1843 г. Княжевич писал Аксакову, опять из Одессы: «Где теперь Гоголь? у вас ли еще? или опять улетел в Рим? Ох, этот Рим! Многих он с ума сводит!»[6]

[1] См. ***1841. Июля 12 <июня 30>. Понедельник.***

[2] Результатом путешествия явилась книга Надеждина «Род Княжевичей» (Одесса, 1842). (Род Княжевичей, или Кнежевичей, происходил из Сербии.) См. также: *Надеждин Н.* Записка о путешествии по южно-славянским странам // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1842. № 34. Отд. 2. С. 87–106.

[3] См. ***1839. Октября 20. Пятница. Одесса.***

[4] См. ***1842. Январь-апрель. Москва.***

[5] См. ***1842. Январь-апрель. Москва*** (примечания).

[6] *Свод.* Т. 3. С. 144.

ИЮЛЯ 12 <ИЮНЯ 30>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВЕНА

Н. А. Мельгунов сообщает Н. М. Языкову:

«Кстати о Риме: там был недавно <Н. И.> Надеждин, который Вам усердно кланяется, – и видел Гоголя. С чего, как бы Вы думали, начал этот свой разговор с экс-профессором-журналистом? “Каков урожай в России, и высоки ли цены на хлеб?” – У Надеждина так и опустились руки. – Его[1] еще здесь нет; он странствует с Княжевичем по Далмации, хе, и воротится сюда недели через две».

Гоголь в письмах Н. А. Мельгунова // *Свод.* Т. 1. С. 761.

[1] Н. И. Надеждина. Н. М. Языков ошибочно предположил, что речь идет о Гоголе (см. ***1841. Июля средина <июля начало>. Швальбах***).

ИЮЛЯ СРЕДИНА <ИЮЛЯ НАЧАЛО>. ШВАЛЬБАХ

Н. М. Языков сообщает родным:

«Мельгунов теперь в Вене, где проболел всю зиму. Он пишет мне[1], что Гоголь опять был в Риме, а теперь ездит по Далмации вместе с Княжевичем и скоро будет в Вену»[2].

Сообщаемые Языковым сведения о путешествии Гоголя с Княжевичем по Далмации летом 1841 г. ошибочны. Речь в письме Н. А. Мельгунова шла о Н. И. Надеждине, который, очевидно, вместе с Княжевичем навестил Гоголя в Риме в июне (н. ст.) 1841 г., перед отправлением в путешествие по Далмации[3]. Предполагалось, что к концу июля (н. ст.) 1841 г. Княжевич и Надеждин опять будут в Риме.

[1] См. ***1841. Июля 12 <июня 30>. Понедельник. Вена.***

[2] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 144.
[3] См. ***1841. Март-июнь. Рим.***

ИЮЛЯ 6 <18>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

«6 <июля>. Пет<ровский> т<еатр>. Ревизор, ком<едия> в 5 д<ействиях>».

Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, за май, июнь и июль 1841 года // Репертуар Русского Театра на 1841 год, издаваемый И. П. Песоцким. СПб., 1841. Т. 2. Кн. 7 (цензурное разрешение 30 июля 1841). <Отдельная пагинация>. С. 2.

ИЮЛЯ 11 <23>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

М. П. Погодин отправляет в Рим для русских художников часть библиотеки, пожертвованной А. И. Лобковым и, вероятно, составленной по рекомендациям Гоголя[1].

Первая половина книг была получена в Риме в начале января (н. ст.) 1842 г.[2], вторая — в начале января (н. ст.) 1843 г.[3]

[1] *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 721.
[2] См. ***1842. Января 23 <11>. Воскресенье. Рим.***
[3] См. ***1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим.***

ИЮЛЯ 15 <27>. ВТОРНИК. ПОДНОЖЬЕ ГОРЫ МАШУК, БЛИЗ ПЯТИГОРСКА

М. Ю. Лермонтов убит на дуэли.

ИЮЛЯ 31 <19>. СУББОТА. РИМ

Гоголь и А. А. Иванов берут в долг у банкира Д. Валентини 200 скудо[1] (деньги были нужны Гоголю на дорогу)[2].

[1] <Долговая расписка Н. В. Гоголя и А. А. Иванова в получении денег от римского банкира Д. Валентини 1841 г.> // *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 485; на ит. яз.
[2] См. также ***1841. Мая 25 <июня 6>. Воскресенье. Москва***; ***1841. Августа вторая половина <августа первая половина>. Флоренция***; ***1841. Октября 20. Понедельник. Москва***; ***1841 декабря 25 <1842 января 6>. Четверг. Праздник Рождества Христова. Москва.***

ИЮЛЯ КОНЕЦ <ИЮНЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. ШВАЛЬБАХ

Н. М. Языков сообщает родным:

«К<атерина>[1] очень и очень понравилась Жуковскому[2]. Он в восторге от Х<омяко>вых. Мы видели его и жену его[3]; находим, что она ему кстати, по нем, и что он будет с нею счастлив, несмотря на несообразность возрастов. <...> На днях встретился с Бакуниным; это один из московских юношей, занимающихся философией, такой, который из всех там судящих о Гегеле, читал Гегеля и теперь приехал в Эмс. Он мне очень понравился и показался дельным. Он герой и потому уже, что из офицерства перешел к наукам».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 143, 144.

[1] Е. М. Хомякова.
[2] В. А. Жуковский несколько раз встречался с Хомяковыми в Москве в январе-феврале 1841 г.
[3] Брак В. А. Жуковского с баронессой Е. Рейтерн состоялся 21 мая <н. ст.> 1841 г. С четой Жуковских Н. М. и П. М. Языковы встретились в Ганау 7 июня <н. ст.> 1841 г. (см.: Даты жизни и творчества В. А. Жуковского // *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 гг. / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М., 2004. С. 403).

ИЮЛЯ 23 <ИЮЛЯ 4>. СРЕДА. МОСКВА

С. П. Шевырев в письме к князю П. А. Вяземскому сетует:

«Лучшие повествователи наши ничего не пишут: Павлов, Гоголь, Одоевский не дали[1] ни одной повести».

Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому 1825–1874 годов. (Из Остафьевского Архива). Изданы с предисловием и примечаниями Н. Барсукова. СПб., 1901. С. 138.

[1] Для журнала «Москвитянин», основанного в том же году. – См. также ***1840. Декабря 13. Москва.***

АВГУСТА 6 <ИЮЛЯ 25>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь получил письмо от А. С. Данилевского из его имения Семереньки.

См. ***1841. Августа 7 <июля 26>. Суббота. Рим.***

ИЮЛЯ 26 <АВГУСТА 7>. СУББОТА. МОСКВА

Цензурное разрешение второго, «исправленного» издания «Ревизора», с приложениями.

В раздел «Приложения» вошли: «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору», «Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы» («Анна Андреевна и Марья Антоновна», «Хлестаков и Растаковский»). Кроме того, М. П. Погодин поместил здесь фрагменты первоначальной редакции комедии 1836 г.: «Начало IV действия по первому изданию, до сцены Хлестакова с Земленикою» (явления I–III); «Монолог Хлестакова на 123 с. первого издания»; «Характеры и костюмы. Замечания для гг. Актеров»[1].

В продажу книга поступила после 22 сентября 1841 г.[2]

[1] Ср. ***1841. Марта 17 <5>. Среда. Рим.***
[2] См. ***1841. Сентября 22 <октября 4>. Понедельник. Москва.***

АВГУСТА 7 <ИЮЛЯ 26>. СУББОТА. РИМ

Гоголь отправляет в Васильевку письмо к матери, с вложением письма к А. С. Данилевскому.

Из письма к матери: «Уже более двух месяцев прошло после моего последнего письма, на которое я не получал ни полстроки ответа. <...> От Лизы[1] я тоже давно не получал писем. <...> Более

писем <...> лучше совсем не пишите до моего приезда в Москву, потому что я <...> в продолжение [следующих] целых трех месяцев <...> буду скитаться по разным городам Германии. В Москву надеюсь быть зимою. <...> Отправьте прилагаемое письмо поскорее к Данилевскому».

Из письма к Данилевскому: «Письмо твое попалось наконец в мои руки вчера[2], ровно три месяца после написания[3]... <...> Ты всё еще не схватил в руки кормила своей жизни, всё еще носится она бесцельно и праздно, ибо о другом грезит дремлющий кормчий... <...> Оглянись вокруг себя и протри глаза: всё лучшее, что ни есть — всё вокруг тебя, как оно находится везде вокруг человека и как один мудрый узнает это, и часто слишком поздно. Неужели до сих пор не видишь ты, во сколько раз круг действия в Семереньках может быть выше всякой должностной и ничтожно-видной жизни, со всеми удобствами, блестящими комфортами, и проч. и проч., даже жизни, невозмущенно-праздно протекшей в пресмыканьях по великолепным парижским кафе[4]. Неужели до сих пор ни разу не пришло тебе в ум, что у тебя целая область в управлении[5], что здесь, имея одну только крупицу, ничтожную крупицу ума, и сколько-нибудь занявшись, можно произвесть много для себя — внешнего и еще более для себя — внутреннего, и неужели до сих пор не страшат тебя детски повторяемые мысли насчет мелузги, ничтожности занятий, невозможности приспособить, применить, завести что-нибудь хорошее и проч. и проч., — всё, что повторяется беспрестанно людьми, кидающимися с жаром за хозяйство, за улучшения и перемены и притом плохо видящими в чем дело. Но слушай, теперь ты должен слушать моего слова, ибо вдвойне властно над тобою мое слово, и горе кому бы то ни было не слушающему моего слова[6]. Оставь на время всё, всё, что ни шевелит иногда в праздные минуты мысли, как бы ни заманчиво и ни приятно оно шевелило их. Покорись и займись год, один только год, своею деревней. Не заводи, не усовершенствуй, даже не поддерживай, а войди во всё, следуй за мужиками, за приказчиком, за работами, за плутнями, за ходом дел, хотя бы для того только, чтобы увидеть и узнать, что всё в неисправимом беспорядке. Один год — и этот год будет вечно памятен в твоей жизни. Клянусь, с него начнется заря твоего счастья. Итак, безропотно и беспрекословно исполни сию мою просьбу! Не для себя одного, ты сделаешь для меня великую, великую пользу. Не старайся узнать, в чем заключена именно эта польза; тебе не узнать ее, но, когда придет время, возблагодаришь ты провидение, давшее тебе возможность оказать мне услугу... <...> О, верь словам моим! Властью высшею облеченно отныне мое слово. Всё может разочаровать, обмануть, изменить тебе, но <не> изменит мое слово. Прощай! Шлю тебе братской поцелуй мой и молю Бога, <да> снидет вместе с ним на тебя хотя часть то<й> свежести, которою объемлется ныне душа моя, <востор>жествовавшая над болезнями хворого моего тела. Ничего не пишу к тебе о римских происшествиях, о которых ты меня спрашиваешь. Я уже ничего не вижу перед собою, и во взоре моем нет животрепещущей внимательности новичка. Всё, что мне нужно было, я забрал и заключил к себе в глубину души моей. Там Рим как святыня, как свидетель чудных явлений, совершившихся надо мною, пребывает вечен. И как путешественник, который уложил уже все свои вещи в чемодан и усталый, но покойный, ожидает только подъезда кареты, понесущей его в далекий верный желанный путь, так я, перетерпев урочное время своих испытаний, изготовясь внутреннею удаленною от мира жизнью, покойно, неторопливо по пути, начертанному свыше, готов идти укрепленный и мыслью, и духом. Недели две, а может и менее того, я остаюсь в Риме[7]. Заеду на Рейн, в Дюссельдорф к Жуковскому. В Москву надеюсь быть к зиме».

Позднее, в письме к Н. Я. Прокоповичу от 15 мая 1842 г. из Москвы, Гоголь замечал, что «три-четыре слова», посланные им Данилевскому «еще из Рима, низвели свежесть в его душу».

[1] Из Москвы.

[2] См. ***1841. Августа 6 <июля 25>. Пятница. Рим.***

[3] См. ***1841. Апреля около 25 <мая около 7>. Семереньки.***

[4] А. С. Данилевский, вернувшись, после долгого пребывания за границей (см. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт***; ***1839. Июня 5 <мая 24>. Среда. Рим***), в родные Семереньки (имение неподалеку от гоголевской Васильевки), писал 18 ноября 1839 г. М. П. Погодину, что «желает вырваться» из Малороссии, и вспоминал о Париже (см. ***1839. Ноября 18. Суббота. Семереньки***).

[5] Ср. размышления Тентетникова в первой главе второго тома «Мертвых душ»: «Ну, не дурак ли я был доселе? <...> Учившись, воспитавшись, просветившись, сделавши порядочный запас тех именно сведений, какие

требуются для управления людьми, улучшенья целой области <...>, выбрать вместо этого <...> переписыванье бумаг...» – См. также ***1838. Июль – августа до 14 <июня конец – августа до 2>. Кастелламаре*** (примечания); ***1841. Май – августа средина <апреля вторая половина – августа начало>. Рим***; ***1841. Сентября 26 <14>. Воскресенье. Праздник Воздвижения Креста Господня. Ганау***.

[6] В своем «Завещании» (1845), открывающем книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», Гоголь писал: «...Я, как ни был сам по себе слаб и ничтожен, всегда ободрял друзей моих...» В первой главе второго тома «Мертвых душ» он замечал: «...Кто бы был в силах воздвигнуть шатаемые вечными колебаниями силы и лишенную упругости немощную волю, кто бы крикнул душе пробуждающим криком это бодрящее слово: *вперед*, которого жаждет повсюду, на всех ступенях стоящий, всех сословий, и званий, и промыслов, русский человек? Где же тот, кто бы на родном языке русской души нашей умел бы нам сказать это всемогущее слово: *вперед!* кто, зная все силы и свойства и всю глубину нашей природы, одним чародейным мановеньем мог бы устремить нас на высокую жизнь?» Ср. также в письме Гоголя к Ф. А. фон Моллеру около 20 октября 1841 г.: «Мне нужно знать необходимо все ваши планы, и потому, пожалуйста, напишите мне обо всем этом немедленно. Но прежде всего, ради всего святого в мире, не упадайте духом. <...> Верьте, вся жизнь потом бывает одна благодарность за сей ниспосланный перелом. Напишите скорее! Весь ваш, так же твердо жмущий вам руку и говорящий: вперед». Моллер, вероятно, под влиянием Гоголя, принялся в конце 1841 г. за историческую картину «Крещение Владимира» (см.: *Гусева Е. Н.* Александр Иванов. Письма к Гоголю // Сов. искусствознание. Вып. 26. М., 1990. С. 430, 436; ***1841. Декабря средина <декабря начало>. Рим***; ***1842. Февраля между 9 и 13 <между января 28 и февраля 1>. Рим***). В декабре 1841 г. А. А. Иванов писал Гоголю: «Моллер благодарит вас за письмецо; он ожидает еще от вас ответа на подтверждение выбранного им сюжета, которым он теперь исключительно занимается». – См. также ***1836. Июля 17 <5>. Воскресенье. Ахен***; ***1841. Сентября 27 <15>. Понедельник. Дрезден***.

[7] См. ***1841. Августа средина <августа начало>. Рим***.

АВГУСТА 1 <13>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

В журнале заседаний Московского цензурного комитета сделана запись:

«1841 Августа 1-го дня в присутствие Московского Цензурного Комитета прибыли по полуночи Правящий должность Председателя, Помощник Попечителя Московского Учебного Округа Его Превосходительство и Кавалер Димитрий Павлович Голохвастов, Его Превосходительство и Кавалер Михаил Трофимович Каченовский, Иван Михайлович Снегирев, Никита Иванович Крылов, Василий Павлович Флеров <...> Присутствию Комитета докладываемо было о том, что с 25 прошлого июля по 1-е число сего месяца выданы были ГГ. Ценсорами билеты на выпуск в свет отпечатанных книг и нот, а именно <...> Г. Ценсором Снегиревым на книги: <...> 4. Ревизор, комедия в 5 действиях, соч. Н. Гоголя, издание 2-е...»

Свод. Т. 2. С. 167.

ЯНВАРЬ – АВГУСТА СРЕДИНА <ЯНВАРЬ – АВГУСТА НАЧАЛО>. РИМ

В течение указанного периода художник А. А. Иванов создает два портрета Гоголя[1] и, предположительно, наносит на отдельный картон три рисунка к немой сцене «Ревизора»[2].

В. А. Чаговец в 1901 г. сообщал: «Из рукописей у Н. В. Быкова <племянника Гоголя> сохранилось 2 рисунка из "Ревизора"...»[3]

В. А. Гиляровский в 1902 г. также указывал: «*У Н. В. Быкова*. <...> 3 рисунка Гоголя к Ревизору: 2 варианта заключительной сцены и сцена Мар<ьи> Андр<еевны> с Мар<ьей> Антонов<ной>. (Дейст<вие> I, явл<ение> 6)»[4].

[1] Один из портретов был подарен впоследствии Гоголем В. А. Жуковскому (см. ***1841. Августа около 26 <около 14>. Дюссельдорф, Франкфурт***), другой – оставлен у М. П. Погодина (см. ***1842. Мая 23. Суббота.***

Москва, с. Химки; ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт*** – примечания) (см. также ***1852. Апреля 21 <9>. Среда. Рим***; ***1852. Май <апреля средина – мая средина>. Рим***). Портрет, подаренный Гоголем Жуковскому, хранится ныне в Государственном Русском музее, портрет, принадлежавший Погодину, – в Пушкинском Доме. См. также ***1840 конец – 1841 начало. Рим.***

[2] Подробнее см.: *Виноградов 2001*. С. 670–708.

[3] *Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод*. Т. 1. 229.

[4] *Гиляровский В. А.* В Гоголевщине. (Из последней поездки) // *Свод*. Т. 1. С. 354.

АВГУСТА СРЕДИНА <АВГУСТА НАЧАЛО>. РИМ

Гоголь, завершив работу над первым томом «Мертвых душ»[1] и драмой из эпохи Богдана Хмельницкого[2], выехал из Рима[3], намереваясь к осени быть в России[4]. (Сначала Гоголь отправился из Рима – через Флоренцию, Геную и Женеву – в Дюссельдорф к В. А. Жуковскому.)

Возможно, незадолго до отъезда Гоголь оставил в альбоме М. А. Власовой (рожд. княжна Белосельская-Белозерская; сестра княгини З. А. Волконской) запись «Как ни глуп Индейский петух...»[5]

[1] См. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим.***

[2] См. ***1841. Августа около 26 <около 14>. Дюссельдорф, Франкфурт.***

[3] См. ***1841. Августа 7 <июля 26>. Суббота. Рим.***

[4] См. ***1841. Октября 7 <19>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1839 июня первая половина (после 5 числа) <мая конец (после 24 числа)> или 1841 августа средина <августа начало>. Рим.***

АВГУСТА ВТОРАЯ ПОЛОВИНА <АВГУСТА ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА>. ФЛОРЕНЦИЯ

Гоголь пишет А. А. Иванову в Рим:

«Я позабыл вам дать маленькую записочку, которую нужно будет вручить, если, на случай, в самом деле кто из моих знакомых приедет в Рим и привезет мне деньги. Во Флоренции я полтора дни и через два часа еду с курьером в Геную»[1].

В приложенной записке к неизвестному лицу (к кому-то из Москвы, намеревавшемуся привезти Гоголю деньги от М. П. Погодина и сопровождать писателя в Россию[2]) Гоголь пишет:

«Пишется записка тому, кто имел доброе намерение ехать за мною и опоздал. Если он привез деньги мне, то да вручит 200 скуд Валентини[3], 120 Иванову, и что останется, то да останется у Иванова до моего дальнейшего распоряжения. Я в Дюссельдорфе».

[1] См. ***1841. Августа вторая половина <августа первая половина>. Генуя.***

[2] См. ***1841. Мая 15 <3>. Суббота. Рим***; ***1841. Мая 25 <июня 6>. Воскресенье. Москва***; ***1841. Октября 20. Понедельник. Москва.***

[3] См. также ***1841. Июля 31 <19>. Суббота. Рим***; ***1841. Октября 20. Понедельник. Москва.***

АВГУСТА ВТОРАЯ ПОЛОВИНА <АВГУСТА ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА>. ГЕНУЯ

Гоголь в Генуе проездом в Женеву.

См. ***1841. Августа вторая половина <августа первая половина>. Флоренция.***

АВГУСТА ВТОРАЯ ПОЛОВИНА <АВГУСТА ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА>. ЖЕНЕВА

Гоголь в Женеве проездом в Дюссельдорф.

Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной-Волконской в пересказе А. В. Марковича (1856–1859): «Кн<яжна> В. Н. Р<епни>на видела <...> Гоголя <...> в 1840 или 1841 г. в Женеве... <...> В Женеве К<няжна> встретила его неожиданно. Он туда приехал из Италии и поджидал на улице дилижанса в Дюс<с>ельдорф, куда отправлялся к Жуковскому: он спешил и не мог навестить ее родителей[1]. Заговоря о переписке, она услышала в ответ слова, сказанные с поспешностию, что и без писем можно друг друга помнить, или что-то подобное. С тех пор совсем прекратилась между ними переписка, которая и до того была, по словам К<няжны>, незначительна и как бы искусственна, но, по-видимому, не совсем лишенная занимательности, если разошлась по рукам и не может быть собрана».

Записка, составленная А<фанасием> В<асильевичем> М<аркович>ем из письма к нему Кн<яжны> В. Н. Р<епни>ной о Гоголе. <Письмо к П. А. Кулишу от 31 декабря 1856–1859 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 96–97.

[1] Имеются в виду князь Николай Григорьевич и княгиня Варвара Алексеевна (рожд. графиня Разумовская) Репнины-Волконские.

АВГУСТА ОКОЛО 26 <ОКОЛО 14>. ДЮССЕЛЬДОРФ, ФРАНКФУРТ

Гоголь, прибыв в Дюссельдорф и не застав там В. А. Жуковского, проехал для свидания с ним во Франкфурт. Здесь Гоголь знакомится с юной супругой Жуковского Елизаветой Евграфовной (Алексеевной; рожд. Рейтерн)[1], вручает Жуковскому свой портрет работы А. А. Иванова[2], говорит с ним о делах художника и читает свою драму из эпохи Богдана Хмельницкого[3] — которую, закончив чтение, сжигает.

«По отзыву лиц, близко знавших Гоголя, наиболее удачный и схожий портрет его принадлежит кисти А. А. Иванова, который писал его с Гоголя в Риме, в 1841 г., для В. А. Жуковского. Портрет этот был передан Гоголем Жуковскому при свидании с ним во Франкфурте-на-Майне в сентябре <в августе> 1841 года»[4].

Позднее, 20 сентября (н. ст.) 1841 г., Гоголь писал из Ганау Иванову в Рим: «Я к вам долго не писал по разным причинам. <Во->первых, гонялся за Жуковским. Его не было в Дюсс<ельдорфе>. Он отправился посещать разных новых родных своих, <так что> поймал его я уже во Франкфурте. Во-первых, он <...> благодарен за ваше доброе о нем мнение относительно Станиславича[5], то есть, что вы не поколебались выдать <...> деньги... <...> Да, чтобы не позабыть: он просит, если можно, прислать к нему все копии, которые уже сделаны Станисл<авичем> в Дюссельдорф, адресуя прямо на его имя, без дальнейших других адресов. Наконец говорили мы о вас и о картине. Жуковский не будет видеться с Госуд<арем> Наследником <Александром Николаевичем>, а потому решено на том, чтобы вы написали Наследн<ику> письмо и прислали бы к Жуковскому, а Жуковский пошлет его к Наследнику с присовокуплением от себя всяких резонов и прав ваших на продолжение пансиона. Зная, что вам подчас трудно, да и некогда заняться официальною бумагою, я написал вам тут же черновой образчик письма[6], который, если придется вам по вкусу, перепишите и немедленно, не откладывая дела в ящик, пошлите тот же час Жуковскому. Кажется, дело пойдет на лад.

Нельзя, чтобы наследник не уважил просьбы Жуковского. Тем более, что это будет первое письмо, которое напишет к нему Жуковск<ий> после своей женитьбы[7]. <...> Да кстати о том, что у вас делается, Кривцов твердо уверен, что я ищу у него места[8], и сказал Жуковскому, что он для меня приберег удивительное место <...>, место библиотекаря еще покамест не существующей библиотеки. Итак, вы видите, что у вас штат готовится огромный и на широкую ногу. Я, однако же, как вы сами догадаетесь, за место поблагодарил, сказавши, что хотя бы Кривцов предложил мне и свое собственное место, то и его бы не взял, по причине других дел и занятий. Итак, вы видите, что Кривцов намерен оказывать свое <...>, которые и не нуждаются в нем. Стало быть, вам будет недурно. Насчет способа отправления картин в Дюссельдорф к Жуковскому, если только вы еще не нашли, советую обратиться к немцам, отправлявшим свои картины на Дюссельдорфскую выставку. Именно я полагаю расспросить Фогеля[9], потому что его картина была тоже теперь на выставке».

26 июня (н. ст.) 1842 г., Гоголь, объясняя Жуковскому, почему он не приехал к нему в Дюссельдорф, замечал: «Мне не хотелось, чтобы свиданье наше было похоже на свиданье прошлого году, когда у вас много было забот и развлечений и вместе с тем сосредоточенной в себя самого жизни, и было вовсе не до меня, и когда мне, тоже подавленному многими ощущеньями, было не под силу лететь с светлой душой к вам навстречу. Душе моей тогда были сильно нужны пустыня и одиночество. Я помню, как, желая передать вам сколько-нибудь блаженство души моей, я не находил слов в разговоре с вами, издавал одни только бессвязные звуки, похожие на бред безумия, и, может быть, до сих пор осталось в душе вашей недоумение, за кого принять меня и что за странность произошла внутри меня».

В 1854–1855 гг. Ф. В. Чижов, рассказывая П. А. Кулишу о своем пребывании у Жуковского в Дюссельдорфе в августе-сентябре (н. ст.) 1842 г.[10], сообщал: «На замечание мое об отсутствии драмы в "Мертвых Душах", Жуковский отвечал мне:

— Да и вообще в драме Гоголь не мастер. Знаете ли, что он написал было трагедию? (Не могу утверждать, сказал ли мне Жуковский ее имя, содержание и из какого быта она была взята; только как-то при воспоминании об этом мне представляется, что она была из русской истории.) Читал он мне ее во Франкфурте[11]. Сначала я слушал; сильно было скучно; потом решительно не мог удержаться и задремал. Когда Гоголь кончил и спросил, как я нахожу, я говорю:

— Ну, брат Николай Васильевич, прости, мне сильно спать захотелось.

— А когда спать захотелось, тогда можно и сжечь ее, — отвечал он, и тут же бросил в камин.

Я говорю:

— И хорошо, брат, сделал»[12].

А. В. Никитенко 11 мая 1866 г. записал в дневнике: «Однажды Гоголь просил (Вас<илия> Андр<еевича>) Жуковского выслушать какую-то вновь написанную им пьесу и сказать о ней свое мнение. Это, кажется, было за границей в Дюссельдорфе, где находился Жуковский. Чтение пришлось как раз после обеда, а в это время Жуковский любил немножко подремать. Не в состоянии бороться со своею привычкою, он и теперь, слушая автора, мало-помалу погрузился в тихий сон. Наконец он проснулся. — "Вот видите, Василий Андреевич, — сказал ему Гоголь, — я просил у вас критики на мое сочинение. Ваш сон есть лучшая на него критика". И с этими словами бросил рукопись в тут же топившийся камин. — Этот анекдот передал мне Ф. В. Чижов со слов самого Гоголя»[13]. (Чижову рассказывал о сожжении Гоголем своей драмы «за выбритый ус» сам Жуковский; см. выше.)

[1] Позднее, 5 мая (н. ст.) 1843 г. Гоголь писал Жуковскому в Дюссельдорф: «Смутило меня несколько известие ваше о недугах много любимой мною и уважаемой супруги вашей, которую я, верно бы, любил и тогда, если бы не видал ее, как прекрасно пополнившую прекрасную жизнь вашу...»

[2] См. ***1841. Январь — августа средина <январь — августа начало>. Рим.***

[3] См. ***1839. Сентября 27. Среда. Москва.***

[4] *Ефремов П. А.* Портреты Гоголя и рисунки к его сочинениям // *Свод.* Т. 2. С. 71.

[5] Станиславич (Станиславович) И. (1816–1842), сербский художник, выполнявший ряд копий с картин Рафаэля и тяжело заболевший. Иванов принимал участие в судьбе Станиславовича.

[6] См. ***1841. Сентября 20 <8>. Понедельник. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Ганау.***
[7] 21 мая 1841 г. (см. ***1840. Октября 29 <17>. Четверг. Рим*** – примечания).
[8] См. ***1840. Февраля 1. Четверг. Москва.***
[9] Карл Христиан Фогель (1788–1868), немецкий художник, близкий к «назарейцам».
[10] См. ***1842. Августа 21 <9>. Воскресенье. Дюссельдорф***; ***1842. Августа около 26 <около 14>. Дюссельдорф, Франкфурт.***
[11] Около 26 августа (н. ст.) 1841 г.
[12] Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 3. С. 48.
[13] Записи о Гоголе в дневнике А. В. Никитенко // *Свод.* Т. 1. С. 729.

АВГУСТА 26 <14>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ

Случайная встреча Гоголя с Н. П. Огаревым, с которым они говорят о смерти М. Ю. Лермонтова[1].

В день встречи с Гоголем, 26 августа, Огарев сообщал жене[2] из Гейсенгейма: «Происшествия этого дня удивительны. <...> В 12 час<ов> отправились мы <...> в Майнц. Обедали. <...> Во Франкфурте я закричал: Гоголь! – и Гоголь явился; мы вместе ехали на паровозе[3]. Чудак он! В Майнце я осмотрел достопримечательный собор и в 5 час<ов> на маленьком пароходе уехал сюда, в Гейсенгейм»[4].

Спустя два дня, 28 августа (н. ст.) 1841 г., Огарев писал также жене из Кёльна: «Гоголь не верит смерти Лермонтова, ибо дуэль давно известна и известно, что никто в ней не погиб. Слава Богу, если так!»[5]

[1] См. ***1841. Июля 15 <27>. Подножье горы Машук, близ Пятигорска.***
[2] Мария Львовна Огарева (рожд. Милославская, по другим сведениям – Рославлева), племянница пензенского губернатора А. А. Панчулидзева, жена Н. П. Огарева.
[3] Во Франкфурте Гоголь встречался с В. А. Жуковским и читал ему драму из эпохи Богдана Хмельницкого (см. ***1841. Августа около 26 <около 14>. Дюссельдорф, Франкфурт***). После сожжения драмы Гоголь из Франкфурта 26 августа (н. ст.) 1841 г. переехал к Н. М. и П. М. Языковым в Ганау (см. ***1841. Августа после 26 – сентября до 26 <августа после 14 – сентября до 14>. Ганау***).
Железная дорога во Франкфурте в 1841 г. была только до Майнца (см.: Состояние сети железных дорог в Западной Европе в 1846 году / *<Комаро>в <А. С.>* Европейские железные дороги в историческом, географическом и статистическом отношениях. (С картою всех железных дорог в Европе – оконченных, ныне строющихся и проектированных) // Отечественные Записки. 1846. Т. XLVIII. № 9 (цензурное разрешение 31 августа 1846). Отд. 2. Вклейка между с. 56 и 57). Очевидно, что Гоголь вместе с Н. П. Огаревым проехал сначала в Майнц (в обратную сторону от Ганау), а затем по Майну отправился пароходом в Ганау.
[4] Гоголь в письмах Н. П. Огарева // *Свод.* Т. 2. С. 141.
[5] Там же. Т. 2. С. 142.

АВГУСТА ОКОЛО 26 <ОКОЛО 14>. ГАНАУ

Н. М. Языков сообщает брату А. М. Языкову:

«По отъезде Греча приехал известный Фарнгаген. Я с ним познакомился <...> Он пробыл в Эмсе два дни и потом заходил к нашему старику[1], проезжая Швальбах...»[2]

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 145.

[1] Имеется в виду Петр Михайлович Языков (1798–1851), старший брат Н. М. Языкова («Старик»), богатый помещик и ученый-геолог.
[2] По-видимому, в Эмсе и в Швальбахе К. А. Фарнгаген фон Энзе был до приезда в Ганау. «...Во второй половине августа <н. ст.> <Н. М.> Языков съехался с женой брата <Петра Михайловича, Елизаветой Петровной

(рожд. Ивашевой)> в Ганау. Здесь же <около 26 августа (н. ст.) 1841 г.> встретились они <Н. М. и П. М. Языковы> с Гоголем» (*Шенрок В.* Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 622). Таким образом, с 26 августа (н. ст.) 1841 г. П. М. Языков уже не проживал в Швальбахе, а находился вместе с братом в Ганау (см. ***1841. Сентября 26 <14>. Воскресенье. Праздник Воздвижения Креста Господня. Ганау***).

АВГУСТА 31 <СЕНТЯБРЯ 12>. МОСКВА

«31 <августа>. Бол<ьшой> т<еатр>. Ревизор, к<омедия> в 5 д<ействиях>»[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

[1] Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, с 16 августа по 1 сентября 1841 года // Репертуар Русского Театра на 1841 год, издаваемый И. П. Песоцким. СПб., 1841. Т. 2. Кн. 9 (цензурное разрешение 29 сентября 1841). <Отдельная пагинация>. С. 1.

[2] *Гриц.* С. 285.

АВГУСТА ПОСЛЕ 26 – СЕНТЯБРЯ ДО 26 <АВГУСТА ПОСЛЕ 14 – СЕНТЯБРЯ ДО 14>. ГАНАУ

Гоголь целый месяц[1] живет в Ганау в обществе Н. М. и П. М. Языковых, куда приехал из Франкфурта (в 20 километрах от Ганау). Приступает к работе над второй редакцией «Тараса Бульбы», фрагменты которой читает Н. М. Языкову[2]. Возможно, встречается здесь с М. А. Бакуниным[3]. Перед отъездом Н. М. Языков заказывает свой портрет и дарит его Гоголю; Гоголь обещает заказать для Языкова свой портрет в Москве, где они договариваются вскоре встретиться[4]. Гоголь обещает съездить на родину Языкова в Симбирск[5].

Позднее, 27 ноября (н. ст.) 1841 г., Н. М. Языков писал родным из Ганау: «Известия о моем портрете вполне удовлетворительны. Я нарисован чересчур цветущим и молодцеватым, а положение мне дано вальтерскоттовское. <...> Гоголев очерк, вопреки тому, что вы о нем пишете, очень хорош: Копп узнал его как раз. Я вклею его в мой альбом»[6].

В 1897 г. В. И. Шенрок пояснял эти слова Языкова: «В память о совместной жизни в Ганау Гоголь и Языков заказали себе портреты»[7].

В 1902 г. М. Н. Сперанский писал: «В конце 30-х годов Гоголь лично знакомится с Н. М. Языковым, сближается с ним, дружится; в 1841 г. в августе они вместе проводят время в Ганау, откуда Гоголь возвращается в Москву. К этому времени относится неизвестный нам или еще не найденный портрет Гоголя, сделанный литографией: заказан он был в ограниченном количестве экземпляров, оба поэта обменялись портретами. Портрет Языкова, подаренный Гоголю, с подписью первого нам известен (собственность С. П. Виноградова); портрет же Гоголя, неизвестно, где»[8].

[1] См. ***1841. Сентября 26 <14>. Воскресенье. Праздник Воздвижения Креста Господня. Ганау.***

[2] См. ***1842. Февраля 21 <9>. Понедельник. Ганау.***

[3] См. ***1841. Ноября 17. Понедельник. Москва.***

[4] См. ***1841. Сентября 27 <15>. Понедельник. Дрезден***; ***1841. Октября 7 <19>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1841. Октября 23 <ноября 4>. Четверг. Москва***; ***1841. Ноября между 16 и 20 <между 4 и 8>. Ганау***; ***1841. Ноября 17. Понедельник. Москва.***

[5] См. ***1841. Сентября 26 <14>. Воскресенье. Праздник Воздвижения Креста Господня. Ганау.***

[6] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 147.

[7] *Шенрок В.* Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 624; см. также: *Свод.* Т. 3. С. 147.

[8] *Сперанский М. Н.* Портреты Н. В. Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 837.

СЕНТЯБРЯ 20 <8>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ГАНАУ

Гоголь в письме к А. А. Иванову в Рим сообщает, что во Франкфурте встретился с В. А. Жуковским, с которым говорил о продлении ему пансиона для работы над «Явлением Мессии»[1]. Прилагает написанное им от имени Иванова прошение к Наследнику Александру Николаевичу, которое художнику следует переписать и переслать Жуковскому[2]:

«Ваше Императорское Высочество, Всемилостивейший Государь. Вам угодно было осчастливить меня принятием моей картины, милостиво пожаловав мне трехтысячный пансион[3] в продолжение трех лет. Гордый в душе сим высоким вниманием и вместе мыслию, что картина моя будет принадлежать вам, Государь, я предпринял произвести ее окончательней и отчетливей, чем предполагал прежде, и совершенней, сколько может быть совершенней в границах сил моих. Все часы и дни мои были отданы ей, и после трех лет беспрерывной работы я увидел с горестью, что не мог измерить прежде всей огромности труда, невозможного быть исполненным в означенное время. Средств у меня нет, а заняться другим не могу: всякая другая работа отвлекла бы меня от предмета, наполняющего ныне всю мою душу, притом я бы чувствовал вечный упрек на моей совести, если бы картина не была кончена. Я принял смелость прибегнуть к Вашему великодушию, Государь, молить о продлении мне пансиона еще на три года...»

Содержание данного письма, а также письма Гоголя к Жуковскому от 7 октября (н. ст.) 1841 г.[4] во многом предваряют написанную позднее Гоголем статью *XXIII. Исторический живописец Иванов* в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1846).

В письме к Иванову Гоголь добавлял:

«Отправивши письмо к Жуковскому, вы уведомьте тот же час меня... <...> Через недели три надеюсь, коли Бог поможет, быть в Москве. <...> Напишите мне, дал ли я вам ключ от сундука с моими книгами и заперт ли он или нет. Я совершенно позабыл».

[1] См. ***1841. Августа около 26 <около 14>. Дюссельдорф, Франкфурт.***

[2] См. также ***1841. Октября 7 <сентября 25>. Четверг. Берлин.***

[3] В конце января 1839 г. (см.: *Виноградов 2001.* С. 198–201). – См. также ***1838. Декабря 22 <10>. Суббота. Рим.***

[4] См. ***1841. Октября 7 <сентября 25>. Четверг. Берлин.***

СЕНТЯБРЯ 24–25 <12–13>. ПЯТНИЦА-СУББОТА. ГАНАУ

Гоголь 24 сентября (н. ст.) 1841 г. в письме в Берлин, отправленном из Ганау 25 сентября на имя П. И. Родионова (доставлено в Берлин 28 сентября), извещает В. А. Панова:

«Коли вы в Берлине, не уезжайте из Берлина: через дня два или три после сего письма я надеюсь быть сам у вас и мы проведем, надеюсь, еще несколько часов на чужой земле. О моем приезде, пожалуйста, не говорите немцам, заезжающим в русскую литературу[1], ниже русским, которые там живут теперь[2]. Вы знаете, что и всегда бывал неохочь до знакомств, а теперь и более того».

Гоголь рассчитывал на встречу с Пановым в Берлине в конце сентября — начале октября (н. ст.) 1841 г.[3] Однако эта встреча не состоялась, так как Панова тогда в Берлине не было. «Он занимался в Дрезденской королевской библиотеке. <...> ...В Берлин он вернулся 19 октября н. ст. 1841 г.[4] Гоголь уже уехал на родину

вместе с семейством П. М. Языкова, Хованскими и вдовой П. И. Родионова <А. И. Родионовой> с детьми. <...> Родионов Петр Иванович, на имя которого послано <...> письмо Гоголя к Панову, – симбирский помещик, родственник Пановых, Ивашевых и др. (Р о д и о н о в Д. П. Заметка о Родионовых // Русская Старина. 1878. Сент. С. 157–158). В дружеской и семейной переписке выставлен анекдотической фигурой. В мае 1841 г. вместе с женой и малолетними детьми выехал на лечение за границу (Симбир<ские> Губ<ернские> Ведомости, прибавления к № 16, 17, 18). Умер в Берлине в авг<усте>-сент<ябре> 1841 г. В Ганау при Гоголе о случившемся еще не знали»[5].

[1] Вероятно, имеется в виду К. А. Фарнгаген фон Энзе.

[2] Подразумеваются, вероятно, М. Н. Катков, переводчик Фарнгагена фон Энзе и друг В. А.Панова, а также М. А. Бакунин, знакомый Панову.

[3] См. ***1841. Октября первая половина <октября начало>. Берлин.***

[4] См. ***1841. Октября 29 <17>. Пятница. Берлин.***

[5] *<Суперфин Г. Г.> Черныш Г. Г.* Неизвестное письмо Гоголя // Finitis Duodecim Lustris. Сб. ст. к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982. С. 112, 115.

СЕНТЯБРЯ 26 <14>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК ВОЗДВИЖЕНИЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ. ГАНАУ

Гоголь и П. М. Языков, простившись с Н. М. Языковым, отправляются, через Берлин (с предварительным заездом в Дрезден), в Россию[1].

Через несколько дней, 1 октября (н. ст.) 1841 г., Н. М. Языков писал из Ганау сестре Е. М. Хомяковой: «Мне пришлось еще зиму просидеть в Ганау. Брат Петр Михайлович расскажет тебе, почему, как и чего ради это сделалось. Он отправился отсюда в Дрезден, а потом и далее в Питер и на Русь, вместе с Гоголем, который провел с нами целый месяц[2], *ожидая решения судьбы моей на будущий год*: если бы мне ехать восвояси, то и он пустился бы со мною. Вышло иначе.

Гоголь *сошелся* с нами, обещался жить со мною вместе, т. е. на одной квартире, по возвращении моем в Москву[3]. Он, кажется, написал много нового и едет издавать оное. Он премилый, и я рад, что брат Петр Михайлович не один пустился в дальний путь, а с товарищем, с которым не может быть скучно и который бывал и перебывал в чужих краях и знает все немецкие обычаи и поверья дорожные. Гоголь обещался приехать пожить и в Симбирске, чтобы получить истинное понятие о странах приволжских. Это было бы нам хорошо»[4].

В те же дни, в конце сентября – начале октября (н. ст.) 1841 г., Языков сообщал брату А. М. Языкову: «Гоголь рассказывал мне о странностях своей (вероятно, мнимой) болезни: в немде находятся зародыши всех возможных болезней; также и об особенном устройстве головы своей и неестественном положения желудка. Его будто бы осматривали и ощупывали в Париже знаменитые врачи и нашли, что желудок – вверх ногами! Вообще, в Гоголе чрезвычайно много странного, – иногда даже я не понимал слов его, – и чудного; но все-таки он очень мил, не правда ли? А в его огромном таланте никто, конечно, не сомневается. Он обещался в Москве жить со мною вместе»[5].

Спустя еще три месяца, 24 декабря (н. ст.) 1841 г., Языков извещал родных: «В Гаштейн я заеду радостно и потому, что тамошний видный врач был нынче осенью у Коппа и перетолковал с ним обо мне, которого он любит. Статью этого врача Г. Д. Кине о Гаштейне я послал с Гоголем в Москву[6] для перевода и издания в русскую публику – для пользы ученых и неученых наших – те и другие вовсе не знают этих сильнодействующих и важных, неизвестно чем действующих и высочайших целебных вод!»[7]

В период проживания Гоголя в Ганау в обществе Н. М. и П. М. Языковых, с конца августа (после 26 числа) по конец сентября (до 26 числа н. ст.) 1841 г., и возвращения с последним в Россию осенью того же года, Гоголь завел новую записную книжку (1841–1844 гг.) и со слов П. М. Языкова внес туда заметку о «ко́шачьей» ярмар-

ке в с. Жаровка Корсунского уезда Симбирской губернии (использована затем в «Шинели» — упоминание об употреблении на воротник шинели ко́шачьего меха), а также вписал в новую книжку сведения об Арзамасе.

Предположительно, ранее[8] от П. М. Языкова Гоголь получил запись русской народной песни о «воре» Копейкине, содержание которой нашло отражение в «Повести о капитане Копейкине» в десятой главе первого тома «Мертвых душ». В 1874 г. П. А. Бессонов[9] во вступительной заметке к песням раздела «Копейкин с товарищами» 10-го выпуска «Песен, собранных П. В. Киреевским» сообщал: «...Предлежащие образцы чрезвычайно любопытны еще в том отношении, что, вместе с преданиями, их окружающими, породили под пером Гоголя знаменитый рассказ о проделках необыкновенного *Копейкина*, в "Мертвых душах"[10]; герой является там без ноги именно оттого, что по песням оступился ногою (то левою, то правою) и повредил ее; после неудач в Петербурге появился он атаманом в Рязанских лесах (мы помним лично слышанные живые рассказы Гоголя на вечере у Дм. Н. С<вербее>ва[11])»[12].

Можно предположить, что из восьми песен о Копейкине, напечатанных в указанном издании, Гоголю был известен вариант, доставленный Киреевскому одним из братьев Языковых (вероятно, П. М. Языковым) (песня сопровождена в издании двумя пометами: «Г<убернии> Симбирской, Сызрань»; «Запис<ано> Языковым»).

«Собирается вор Копейкин
На славном на устье Карастане.
Он с вечера вор Копейкин спать ложился,
Ко полуночи вор Копейкин подымался,
Он утренней росой умывался,
Тафтяным платком утирался,
На восточну сторонушку Богу молился:
"Вставайте-ка, братцы полюбовны!
Не хорош-то мне, братцы, сон приснился:
Будто я, добрый молодец, хожу по край морю,
Я правою ногою оступился,
За кропкое деревцо ухватился,
За кропкое дерево — за крушину.
Не ты ли меня, крушинушка, сокрушила:
Сушить да крушить добра добра молодца печаль-горе!
Вы кидайтеся-бросайтеся, братцы, в лёгки лодки,
Гребите, ребятушки, не робейте,
Под те ли же под горы под Змеины!"
Не лютая тут змеюшка прошипела,
Свинцовая тут пулюшка пролетела»[13].

Возможно, со слов П. М. Языкова Гоголь внес также в еще одну записную книжку — 1841–1846 гг. — заметку «*Моршанская мельница* графа Кутайсова на реке Цне» («Строил ее иностран<ный> механик Погдеборд...»[14])

[1] 24 сентября (н. ст.) 1841 г., перед выездом из Ганау, Гоголь писал В. А. Панову: «Коли вы в Берлине, не уезжайте из Берлина: через дня два или три после сего письма я надеюсь быть сам у вас...» 26 сентября (н. ст.), т. е. «через два дня» — Гоголь вместе с П. М. Языковым отправился в Россию. 27 сентября (н. ст.) 1841 г. он был уже в Дрездене, откуда отправил письмо к Н. М. Языкову, оставшемуся в Ганау (см. ***1841. Сентября 27 <15>. Понедельник. Дрезден***).

[2] См. ***1841. Августа после 26 — сентября до 26 <августа после 14 — сентября до 14>. Ганау***.

[3] См. также ниже письмо Н. М. Языкова к А. М. Языкову от конца сентября — начала октября (н. ст.) 1841 г. и письмо Е. М. Хомяковой к Н. М. Языкову от 16–17 ноября 1841 г. (см. ***1841. Ноября 17. Понедельник. Москва***). С. Т. Аксаков в «Истории нашего знакомства с Гоголем...», в свою очередь, замечал: «...Возвращаясь в Россию, если не навсегда, то надолго, Гоголь не имел намерения жить у Погодина: он хотел жить вместе с Н. М. Языковым, который по болезни не мог тогда еще воротиться в Россию» (см. ***1841. Октября 17. Пятница. Москва***). В. С. Аксакова также вспоминала: «В 1841 году он воротился один с намерением поселиться в Москве с Языковым» (см. ***1841. Октября 17. Пятница. Москва***).

[4] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 145.

[5] Там же. Т. 3. С. 146.

[6] Брошюра немецкого врача Г. Д. Кине «Гастейнские воды» вышла в Москве в 1842 г. См. также: <*Кине Г. Д.*> Гастейнские воды (близ Зальцбурга) // Москвитянин. 1842. № 5 (цензурное разрешение 6 мая). С. 187–193. В записной книжке Гоголя 1842–1851 гг. сохранилась запись: «В типографию: <...> Взять Гастейн». — См. также ***1842. Марта конец — апреля начало. Москва***.

[7] Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 146.

[8] См. ***1839. Июля 12 <июня 30>. Пятница. Ганау***. – См. также ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (примеч. 31).

[9] Петр Алексеевич Бессонов (1828–1898), славист и фольклорист. В 1860 г. Бессонов опубликовал хранившиеся в собрании П. В. Киреевского пять рождественских колядок в записи Гоголя (см. раздел <*I. Духовные рождественские стихи в записи Гоголя из собрания П. В. Киреевского*> в изд.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 17. С. 7–10, 718–719). Кроме того, заметка Бессонова 1862 г. стала *первой* публикацией по изучению сюжетов и образов народных сказок и преданий как фолькорных источников повести Гоголя «Вий» (см.: Заметка П. Ас. Бессонова о песнях, помещенных во всех 4-х выпусках I-й Части, с соответствующими дополнениями, сказками, преданиями... // *Киреевский П. В.* Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1862. Ч. I. Вып. 4. С. XL–XLI). См. также ***1834. Января 7. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания): *Виноградов И. А.* Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: К истории замысла и его интерпретации // Гоголезнавчі студії, Гоголеведческие студии. Ніжин, 2000. Вып. 5. С. 84–108; *Свод*. Т. 3. С. 876.

[10] Возможно, в данном случае П. А. Бессонов опирался на свидетельство П. В. Киреевского.

[11] См. ***1851. Декабря 21. Пятница. Москва***.

[12] *Бессонов П.* <Вступительная заметка к песням раздела «Копейкин с товарищами» 10-го выпуска «Песен, собранных П. В. Киреевским» (М., 1874)> // *Свод*. Т. 3. С. 877.

[13] Песни, собранные П. В. Киреевским. Под ред. и с доп. П. Бессонова. М., 1874. Вып. 10. С. 108.

[14] Гоголь, по всей видимости, со слуха неверно написал фамилию строителя мельницы. Имеется в виду французский инженер Жак Батист Пуадбаре (1762–1824), работавший в России, в том числе и в имении графа П. И. Кутайсова (отмечено в изд.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. М., 2004. С. 452).

СЕНТЯБРЯ 27 <15>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПЛАУЭН

Гоголь с П. М. Языковым, предположительно, в Плауэне неожиданно вновь[1] встречают М. А. Бакунина[2].

Позднее, в тот же день, Гоголь, прибыв в Дрезден, сообщал Н. М. Языкову: «Дорожное спокойствие было смущено [несколько] перелазкой из коляски в паровой воз[3], где как сон в руку встретились Бакунин и весьма жесткие деревянные лавки. То и другое было страх неловко... но мы в Дрездене».

[1] См. ***1841. Августа после 26 – сентября до 26 <августа после 14 – сентября до 14>. Ганау***.

[2] О своей встрече с Бакуниным Н. М. Языков сообщал сестре в письме от конца июля (н. ст.) 1841 г. из Швальбаха (см. ***1841. Июля конец <июня вторая половина>. Швальбах***).

[3] Вероятно, перемена транспорта состоялась в Плауэне (Plauen), откуда начиналась в то время железная дорога до Лейпцига и Дрездена (см.: Состояние сети железных дорог в Западной Европе в 1846 году / <*Комаро*>*в* <*А. С.*> Европейские железные дороги в историческом, географическом и статистическом отношениях. (С картою всех железных дорог в Европе – оконченных, ныне строющихся и проектированных) // Отечественные Записки. 1846. Т. XLVIII. № 9 (цензурное разрешение 31 августа 1846). Отд. 2. Вклейка между с. 56 и 57).

СЕНТЯБРЯ 27 <15>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ЛЕЙПЦИГ

Гоголь и П. М. Языков, предположительно, проезжают железной дорогой через Лейпциг.

«Железные дороги, сократив расстояния, усилили, конечно, жизнь и деятельность, но зато сильно подкопали поэтические наслаждения путешественников. В скромных дилижансах вы, бывало, могли видеть города, наблюдать нравы, заводить на пути знакомства, если и непродолжительные, то все же важные для любознательного туриста. Теперь совсем иначе. Скача по железным дорогам, вы оставляете города и селения в стороне; перед вами пролетают целые государства, не оставляя следов в вашем уме и воображении. Беготня, шум, новые лица – все сливается в хаос неживописный и непоэтический».

Железнов М. Несколько слов о путешествии К. П. Брюллова на Мадеру // Мода. Журнал для светских людей. 1851. 1 мая (цензурное разрешение 6 мая). № 9. С. 67.

СЕНТЯБРЯ 27 <15>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДРЕЗДЕН

Гоголь в письме к Н. М. Языкову сообщает, что он и П. М. Языков «достигли» Дрездена благополучно[1] (согласно почтовому штемпелю[2], письмо было отправлено из Дрездена в Ганау на следующий день[3]):

«Выехавши из Ганау, мы на второй станции подсадили к себе в коляску двух наших земляков, русских помещиков, Сопикова и Храповицкого[4], и провели с ними время до зари[5]. Петр Миха<й>лович даже и по заре еще перекинулся двумя-тремя фразами с Храповицким».

Сообщает, что П. М. Языков отправился к «своему семейству» — к жене Елизавете Петровне (рожд. Ивашовой)[6] и дочери Екатерине, — а он «остался один».

То, что Гоголь не отправился тогда прямо от Лейпцига в Берлин (куда также в то время уже проложена была железная дорога), а свернув, проехал в Дрезден, объясняется, по-видимому, именно тем, что в Дрездене лечилась жена П. М. Языкова. По словам В. И. Шенрока, «сперва они взяли путь на Дрезден, где вскоре Петру Михайловичу пришлось оставить жену, для дальнейшего лечения»[7]. По-видимому, именно это несколько отсрочило время приезда Гоголя в Берлин, куда он первоначально собирался прибыть «через дня два или три» после получения В. А. Пановым в Берлине его письма из Ганау от 24–25 сентября (н. ст.) 1841 г. – т. е. в конце сентября — самом начале октября (н. ст.) 1841 г. (в Берлин Гоголь приехал 7 октября (н. ст.) 1841 г.)

Представляет дом, в котором они будут жить с Н. М. Языковым в Москве[8]:

«...Мне <...> один раз даже мелькнул почти ненароком московский длинный дом с рядом комнат, пятнадцатиградусною ровною теплотою и двумя недоступными кабинетами. Нет, тебе не должна теперь казаться страшна Москва своим шумом и надоедливостью; ты должен теперь помнить, что там жду тебя я и что ты едешь прямо домой, а не в гости. Тверд путь твой, и залогом слов сих не даром оставлен тебе посох. О верь словам моим!.. Ничего не в силах я тебе более сказать как только: верь словам моим. Я сам не смею не верить словам моим[9]. Есть чудное и непостижное... но рыдания и слезы глубоко взволнованной благородной души помешали бы мне вечно досказать... и онемели бы уста мои. Никакая мысль человеческая не в силах себе представить сотой доли той необъятной любви, какую содержит Бог к человеку!.. Вот всё. Отныне взор твой должен быть светло и бодро вознесен горе — для сего была наша встреча. И если при расставании нашем, при пожатии рук наших не отделилась от моей руки искра крепости душевной в душу тебе, то значит ты не любишь меня. <...> Уведоми меня в Москву, что ты получил это письмо; мне бы не хотелось, чтобы оно пропало, ибо оно писано в душевную минуту».

Возможно, в тот же день, 27 сентября (н. ст.) 1841 г., или на следующий, 28 сентября[10], Гоголь посетил Дрезденскую картинную галерею, где смотрел «Сикстинскую Мадонну» Рафаэля[11].

Н. М. Языков, предвосхищая прибытие Гоголя в Дрезден, 26 сентября (н. ст.) 1841 г. писал родным из Ганау: «Гоголь в первый раз в Дрездене; стыдно ему будет не видеть Мадонны»[12].

[1] См. также ***1841. Сентября 27 <15>. Понедельник. Плауэн.***

[2] См.: *Городецкий.* С. 471.

[3] См. ***1841. Сентября 28 <16>. Вторник. Дрезден.***

[4] См. также ***1827. Июня конец – августа средина. Васильевка***; ***1842. Августа 5 <июля 24>. Мюнхен***; ***1850. Июня 15–16. Калуга.***

[5] Т. е. всю дорогу проспали.

[6] Елизавета Петровна Языкова, сестра декабриста В. П. Ивашева. В письме к С. Т. Аксакову от 4 июля 1845 г. Н. М. Языков отмечал, что Гоголь с Е. П. Языковой «давно знаком и не чинится» (см. ***1845. Июля 4 <16>. Среда. Москва***). За границей встречалась с А. И. Герценом, который упомянул о ней в первой части «Былого и дум»: «Подробности дела я слышал от Языковой, которая ездила к брату (Ивашову) в Сибирь» (*Герцен (псевдоним Искандер) А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 60). – См. также ***1844. Июня между 15 и 19 <июня между 3 и 7>. Мангейм*** (примечания).

[7] *Шенрок В.* Николай Михайлович Языков. 1803–1846 гг. // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 623.

[8] См. также ***1841. Августа после 26 – сентября до 26 <августа после 14 – сентября до 14>. Ганау***; ***1841. Октября 7 <19>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1841. Ноября 17. Понедельник. Москва.***

[9] См. также ***1836. Июля 17 <5>. Воскресенье. Ахен*** (примечания); ***1841. Августа 7 <июля 26>. Суббота. Рим*** (примечания).

[10] См. ***1841. Сентября 28 <16>. Вторник. Дрезден.***

[11] См. ***1842. Февраля 6. Пятница. Москва.***

[12] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 146. – Датировка письма уточнена.

СЕНТЯБРЯ 28 <16>. ВТОРНИК. ДРЕЗДЕН

Гоголь отправляет в Ганау написанное накануне[1] письмо к Н. М. Языкову.

[1] См. ***1841. Сентября 27 <15>. Понедельник. Дрезден.***

СЕНТЯБРЬ <АВГУСТА СРЕДИНА – СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА>. РИМ

Ф. А. фон Моллер посылает законченную картину «Русалка»[1] в Петербург.

Осенью 1841 г. А. А. Иванов писал Г. И. Лапченко: «Моллер много уже посылал своих работ в Петербург, а именно: “Пастушка”, “Поцелуй”, профиль своей прекрасной[2], “Русалку” – последняя в меру твоей “Сусанны”[3], и вся нагая»[4].

Из воспоминаний Ф. И. Иордана (опубл. в 1891 г.): «...“Русалка” <Моллера>, по стихотворению Пушкина, была менее удачна <чем “Поцелуй”[5] (1840)>»[6].

[1] См. также ***1839. Марта 18 <6>. Понедельник. Рим***; ***1839. Октября 30 – декабря 17. Санкт-Петербург***; ***1840. Июля начало <июня вторая половина>. Рим***; ***1841. Марта 22 <апреля 3>. Лазарева суббота. Санкт-Петербург***; ***1841. Июня конец – июля первая половина <июня вторая половина – июля начало>. Рим и окрестности (Олевано, Субиако и др.).***

[2] Имеется в виду А. Лаваньини.

[3] См. ***1842 декабря вторая половина <1842 декабря конец – 1843 января начало>. Санкт-Петербург*** (примечания).

[4] *Боткин М. П.* Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. СПб., 1880. С. 138–139.

[5] См. ***1840. Августа 7 <19>. Среда. Санкт-Петербург.***

[6] Записки профессора и ректора Императорской Академии Художеств Федора Ивановича Иордана // *Свод.* Т. 3. С. 376.

ОКТЯБРЯ НАЧАЛО <СЕНТЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. РИМ

А. А. Иванов пишет Гоголю в Москву:

«Приехав в Рим на последних числах сентября, я был извещен от Валентини, что на почте письмо есть на ваше имя. Взяв письмо и прочитав на конверте, я положил за верное в нем найти

вексель, пришел с ним к Валентини, где его и распечатал. Но векселя там не нашли, и я, не читав ничего, счел за нужное препроводить его к вам.

Мы ожидаем Кривцова, и в особенности Шаповалов, с большим нетерпением, ибо в самом деле у него денег давно нет, а живет он данным ему задатком для неизвестной работы от Бутенева[1]. На случай если и остальные из них тридцать скуди он проживет, то я совершенно не знаю, что с ним делать, ибо и мое положение о сю пору похоже на его. Для Кривцова уже готовятся в Риме апартаменты.

Я привез с собой десять этюдов из Ариччи, которые теперь приспособливаю к картине. Я и Иордан весьма чувствуем ваше отсутствие. Недавно наехавшие молодые пенсионеры совсем с нами не сходятся, да им и некогда.

Неделю назад был здесь Греч, спрашивал у меня об вас, что вы делали здесь? Я сказал, что ничего не знаю. "Его у нас слишком захвалили,— говорил он,— и потому я полагаю, что он ничего не делает".

Греч думал, что его примут в Италии как европейского литератора, но это не случилось. Он ругает Италию, сколько сил достает. Его статья об нас, художниках русских в Риме, посланная печататься в "Северную пчелу"[2], должна быть уморительная: все написано впопыхах, бегло, без малейших приготовлений.

Хозяин квартиры вашей послал <у>знать, как поступить ему с подпиской вашей на издание Нибби[3]?»

[1] Аполлинарий Петрович Бутенев (1787–1866), русский посланник в Риме.

[2] Опубликовано: *Гр<еч> Н.* Письмо из Рима. Ф. В. Булгарину. 18/30 сентября 1841 // Северная Пчела. 1841. 30 окт. № 243. С. 971.

[3] Возможно, путеводитель по Риму, составленный А. Нибби (Небби).

ОКТЯБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА <ОКТЯБРЯ НАЧАЛО>. БЕРЛИН

Гоголь в Берлине проездом в Россию в компании П. М. Языкова с дочерью, Хованских и А. И. Родионовой с детьми.

Проезжая через Берлин, Гоголь намеревался встретиться здесь с В. А. Пановым, который, однако, был в то время в Дрездене[1]. В Берлине Гоголь оставил для приятеля вывезенный им из Рима портрет Панова с его возлюбленной Джюлией[2]. В то время Гоголь отказался передать этот портрет А. И. Родионовой, которая 7 октября (н. ст.) 1841 г. сообщала Панову: «Гоголь не дает Ваш портрет, не знаю его мнений на этот предмет, а я посылала сейчас к нему, и он говорит, я сам буду отвечать, что это значит»[3].

«Судя по <...> письму Родионовой, отъезд <Гоголя> из Берлина состоялся не раньше 7 октября н. ст.[4] 7 октября ст. ст. <19 октября (н. ст.) 1841 г.> Гоголь был уже в Петербурге[5] <...> Та же дата названа в известии о прибытии в Петербург А. И. Родионовой, П. М. Языкова и др. <...> Ехали они, вероятно, не морем <...>, а дилижансами (пароходы из Любека были 1 и 8 окт<ября>). П. М. Языков сообщал, что он на свои деньги вез Гоголя (Языков П. М. – Языкову А. М. от 29 окт<ября 1841 г.> из Петербурга в Симбирск <...>)»[6].

[1] См. ***1841. Сентября 24–25 <12–13>. Пятница-суббота. Ганау*** (примечания).

[2] Об этом портрете см. также ***1841. Мая 11 <апреля 29>. Вторник. Рим***; ***1841. Июня средина <июня начало>. Рим.***

[3] *<Суперфин Г. Г.> Черныш Г. Г.* Неизвестное письмо Гоголя. С. 113; Встреча с Европой. Письма В. А. Панова к матери М. А. Пановой из центральной и юго-восточной Европы (1841–1843) / Сост. Т. Ивантышова и М. Ю. Досталь. Bratislava, 1996. С. 28. – См. также: ***1841. Октября 29 <17>. Пятница. Берлин.***

[4] 1841 г. – См. также письмо Гоголя к В. А. Жуковскому от 7 октября (н. ст.) 1841 г. из Берлина (***1841. Октября 7 <сентября 25>. Четверг. Берлин***).

[5] См. ***1841. Октября 7 <19>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[6] *<Суперфин Г. Г.> Черныш Г. Г.* Неизвестное письмо Гоголя // Finitis Duodecim Lustris. Сб. ст. к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982. С. 113, 115–116.

СЕНТЯБРЯ 22 <ОКТЯБРЯ 4>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Цензором В. П. Флеровым подписано разрешение на продажу поступивших в Московский цензурный комитет 2 сентября 1841 г. от книгопродавца В. В. Логинова отдельного издания «Ревизора» Гоголя и «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова.

Книга для записывания объявлений на продажу книг, нот и картин Московского цензурного комитета // *Свод.* Т. 2. С. 171.

ОКТЯБРЯ 6 <СЕНТЯБРЯ 24>. СРЕДА. РИМ

А. А. Иванов пишет В. А. Жуковскому (вероятно, в Дюссельдорф):

«Ваше превосходительство! Вследствие письма Н. В. Гоголя от 20 сентября[1], где он, видя мое крайнее положение, решился вас беспокоить моими делами, я с живейшею радостью следую всем его советам и, во-первых, препровождаю к вам письмо к Государю Наследнику, содержание коего вам уже известно[2]. Я только должен присовокупить, что 4 июня сего года просил о том же Общество Поощрения Художников; но как секретарь оного, г. Григорович (на имя коего было адресовано письмо), при смерти болен, то и не думаю, чтобы оное было там читано. Сознавая себя недостойным таковых ваших обо мне стараний, я не имею ни сил, ни средств благодарить вас. Я постараюсь по крайней мере настоящим трудом моим сделаться сколько-нибудь их достойным».

Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 329.

[1] См. ***1841. Сентября 20 <8>. Понедельник. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Ганау.***
[2] Прошение Наследнику было написано для Иванова Гоголем.

ОКТЯБРЯ 7 <СЕНТЯБРЯ 25>. ЧЕТВЕРГ. БЕРЛИН

Гоголь сообщает В. А. Жуковскому в Дюссельдорф:

«Я еще, как вы видите, до сих пор не в России и пишу к вам теперь из Берлина, пишу об Иванове — по делу, о котором мы уже с вами говорили[1]. Я посылаю к вам письмо, которое я написал вчерне для него к велик<ому> князю. Копию с него я послал уже к нему[2]. Недели через две или три после сего письма вы получите от него письмо[3]. Ему нужно помочь, иначе грех будет на душе: помочь таланту значит помочь не одному ближнему, а двадцати ближним вдруг[4]. <...> ...Вы с своей стороны можете засвидетельствовать: что Иванов дни и ночи сидел над картиною; что отказался от всех работ и заказов, чтобы ускорить ее окончание; что не ищет ничего, никаких других наград, кроме средств и возможности ее окончить; что со всех сторон слышны самые благоприятные отзывы о его картине; что картина Обервека[5], вдвое меньше по величине холста, заняла, однако же, труда на 10 лет с лишком, и что, наконец, жаркою любовью к искусству, простирающейся до самоотверженья, мудрою скромностью и смиреньем украшен художник, вполне заслуживающий всякого внимания и покровительства».

Содержание настоящего письма перекликается с написанной позднее Гоголем статьей *XXIII. Исторический живописец Иванов* в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1846)[6].

Созданный Гоголем в статье «Исторический живописец Иванов» образ «идеального» художника долгое время воспринимался читателями как соответствующий действительному облику Иванова. Однако, как свидетельствуют факты, это «соответствие» оказывается не вполне верным. Важным подспорьем к изучению статьи Гоголя служит письмо К. М. Климченко к Н. А. Рамазанову из Рима в Петербург от июля-августа (н. ст.)

1847 г.[7] Скульптор Климченко был лично знаком с проживавшим в Риме Александром Ивановым. Главное содержание его письма — резкая критика в адрес Гоголя, который, по мнению автора, исказил в своей статье подлинный облик создателя «Явления Мессии». Климченко как очевидец, на основании личных впечатлений от встреч с Ивановым, по пунктам отмечает несоответствие его личности тому образу «исторического живописца», какой выступает под именем Иванова в книге Гоголя.

Во-первых, Климченко, вопреки заявлениям Гоголя (и в соответствии с действительными фактами), отмечает, что пребывание Иванова в Италии никогда не было лишено участия и материальной поддержки. Во-вторых, Климченко иначе, чем Гоголь, объясняет медленность работы Иванова над «Явлением Мессии»: «...Самая картина, делаемая им уже несколько лет, сколько можно заметить, ему пригляделась и прискучила, чрез то и энергия к труду, естественно, ослабла...» Но важнее всего то, что Климченко подвергает сомнению созданный Гоголем в его статье образ Иванова как самоотверженного подвижника и аскета. Слова Гоголя о том, что Иванов «ведет жизнь истинно монашескую», вызывают следующее возражение Климченко: «Любопытно было бы знать, к какому ордену монахов причисляет автор выбранных мест исторического живописца, и как последний, *корпя день и ночь над своей работою*[8], встречается довольно часто гуляющим, охотно принимает участие в загородных поездках с проживающими в Риме русскими путешественниками...»

Сам Иванов, прочитав статью о нем Гоголя, высказал на нее, по сути, те же возражения, какие изложены в письме Климченко. Прочитав высланную ему статью, Иванов отвечал Гоголю: «Одно мне позвольте возразить против следующих слов вашей статьи: "*Иванов ведет жизнь истинно монашескую*". И очень бы не отказался иметь женой монахиню — женщину, занятую преследованием собственных своих пороков!»[9] В то время Иванов был увлечен планами женитьбы на графине Марии Владимировне Апраксиной (вышедшей вскоре замуж за князя С. В. Мещерского). Позднее Иванов в разговорах с окружающими неоднократно упоминал о том, что статья Гоголя его тяготит[10].

Гоголю суждено было сыграть в судьбе Александра Иванова исключительную роль. Многочисленные письма Гоголя к Иванову свидетельствуют о постоянной духовной и моральной поддержке его со стороны писателя. Публикация в 1847 г. статьи «Исторический живописец Иванов» в свою очередь была задумана Гоголем как одно из действенных средств такого морального воздействия. Своей статьей Гоголь ставил Иванова в глазах русского общества на такую высоту, на какой сам художник в то время еще не стоял. На указанную Гоголем высоту Иванов, по «замыслу» писателя, только еще должен был взойти по мере духовного совершенствования. Как показало время, этот «замысел» Гоголя не вполне оправдался.

Следует добавить, что Иванов был не единственным, чей облик в «Выбранных местах из переписки с друзьями» оказался, вследствие особого воспитательного замысла Гоголя, не в полной мере соответствующим действительности. Наиболее заметно это по характеристике, которую дал Гоголь в «Переписке с друзьями» одному из своих близких друзей и единомышленников, известному историку, писателю и журналисту М. П. Погодину. Если Иванова Гоголь поставил в книге весьма высоко, то Погодину, напротив, дал чрезвычайно заниженную и даже несправедливую оценку (см. статью Гоголя *IV. О том, что такое слово*). Если Иванов указывал, что написанное о нем Гоголем «неверно», то Погодин, со своей стороны, отзывом Гоголя «огорчился до слез, до глубины сердца» (согласно дневниковой записи Погодина)[11]. Дело объясняется тем, что обе гоголевские оценки — и Иванова, и Погодина — были одинаково обусловлены дидактическим характером книги. Обоих своих друзей Гоголь попросту воспитывал: одного порицанием, другого похвалой. Ибо ни Погодин, ни Иванов в действительности не были такими, какими они явились в книге Гоголя. По поводу Погодина сам Гоголь впоследствии намеревался написать статью «О *достоинстве* сочинений и литературных трудов Погодина»[12]. Так, ни критикуемый в книге Погодин не был столь плох, как его представил Гоголь, ни превозносимый Иванов не был тем идеальным аскетом-подвижником, каким он изображен в статье «Исторический живописец Иванов». Отзывы на книгу Гоголя Иванова и Погодина объединяет то, что это, по сути, одинаковая негативная реакция воспитуемых на воспитательные средства, употребленные Гоголем, — средства «кнута и пряника». Можно даже с уверенностью предположить, почему Гоголь употребил то или другое «лекарство». Погодин, как известно, был человеком достаточно волевым и крепким — и для исправления его недостатков Гоголь избрал порицание; Иванов был человеком мятущимся, постоянно тревожащимся — и Гоголь употребил исключительно одобрение и похвалу. 6 апреля (н. ст.) 1847 г. Гоголь, в частности, писал сестре Елисавете: «От упреков моих не приходи в сокрушение: ты видишь — я сегодня попрекну, завтра похвалю. Таков уж человек; в нем пребывает рядом одно с другим: и то, что достойно похвалы, и то, что достойно порицанья».

Воздействие «воспитательных средств» Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» — и похвал, и порицаний — испытал на себе еще один из его друзей — князь П. А. Вяземский. Характеристика Вяземского также оказалась в книге не вполне соответствующей реальному облику «прототипа», и целью этого «несоответствия» вновь явилось стремление Гоголя повлиять на своего адресата: одобрив способности князя, побудить его приняться за «большое и полное» сочинение: написать историю царствования Екатерины II[13]. Много лет спустя Вяземский, процитировав отзыв о себе Гоголя в «Переписке с друзьями», восклицал: «Уф! Задыхаюсь и изнемогаю <...> от похвал, которые нагромоздил на меня Гоголь <...> Если сбавить и наполовину все то, что им сказано, то и тогда еще будет с меня избыточно довольно <...> Но <...> после больших похвал

<Гоголь> не скупится и на укоризны. Между прочим говорит он: “отсутствие большого и полного труда есть болезнь князя Вяземского”. С этим приговором я совершенно согласен, но с оговоркою. Полно, болезнь ли это? – разве недостаток»[14] (7 мая 1847 г. П. А. Плетнев, писал, в частности, Я. К. Гроту по поводу литературной деятельности Вяземского, а именно по поводу его статьи «Языков. – Гоголь»: «Он довольствуется приобретенным единожды и без хорошей системы. <...> Беда, что это знатный человек, следовательно, не нуждающийся в литературе как в ремесле, что нас лучше всего совершенствует в ее законах. Да он же и самое ленивое существо, так что и надежды нет видеть исправление недостатков его»[15].)

Наблюдение об особом дидактическом характере «Выбранных мест из переписки с друзьями» важно не только в отношении к последней книге Гоголя и ее адресатам. Не только гоголевские друзья – Иванов, Погодин, князь Вяземский, но и всё светское общество было для писателя таким же «воспитуемым» объектом, как и «персонажи» «Переписки». В отношении к читателям эта книга – своеобразная творческая реализация замысла «Мертвых душ» в действительной жизни. 18 марта (н. ст.) 1843 г. Гоголь писал С. Т. Аксакову по поводу составления «умной инструкции» для своей матери: «...Для того, чтобы разумно поступить в этом <...> деле, мне нужно взглянуть как на совершенно постороннее для меня дело, взглянуть так, как я гляжу на характер и положение лица, которое принимаюсь внесть в мое творение, тогда только предмет может предо мною стать всеми своими сторонами, и слово мое может быть проникнуто светом разума...» Потерпев неудачу с «Выбранными местами...», – сказав, что не его дело «поучать проповедью», – Гоголь возвращается к работе над поэмой. Закономерно, что первый том «Мертвых душ» сыграл в русской истории почти такую же роль, какую, к примеру, в судьбе Погодина отзыв о нем Гоголя в «Переписке с друзьями». По словам биографа Погодина Н. П. Барсукова, «письма́ *О достоинстве сочинений и литературных трудов Погодина* Гоголь не написал (как и продолжения «Мертвых душ». – *И. В.*), а *жесткие слова* (написанные Гоголем в адрес друга. – *И. В.*) остались навсегда и послужили орудием для врагов Погодина»[16]. Особым дидактическим замыслом – порой не всегда приводившим к желаемым результатам – прямо объясняется постоянное стремление Гоголя к диалогу с читателем, отразившееся как в «Выбранных местах из переписки с друзьями», так и в истории создания «Мертвых душ».

[1] См. ***1841. Августа около 26 <около 14>. Дюссельдорф, Франкфурт.***
[2] См. ***1841. Сентября 20 <8>. Понедельник. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Ганау.***
[3] См. ***1841. Октября 6 <сентября 24>. Среда. Рим.***
[4] См. также ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн.***
[5] «Der Bund der Religion mit den Künsten» (Союз религии с искусствами) (1840).
[6] См. также ***1841. Сентября 20 <8>. Понедельник. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Ганау.***
[7] См. ***1847. Июль-август <июня средина – августа средина>. Рим.***
[8] Цитируется выражение Гоголя.
[9] См. ***1847. Декабря между 14 и 27 <между 3 и 15>. Рим.***
[10] См. ***1847. Декабря между 15 и 27 <между 3 и 15>. Рим*** (примечания).
[11] См. ***1847. Января 10 <22>. Пятница. Москва.***
[12] См. ***1847. Апреля 27 <15>. Вторник. Неаполь.***
[13] См. ***1842. Августа вторая половина – сентября средина <августа средина – сентября начало>. Гастейн***; ***1852. Января 1. Вторник. Праздник Обрезания Господня. Москва.***
[14] *Вяземский П. А.*, князь. Автобиографическое введение // Старина и Новизна. М., 1916. Кн. 20. С. 227–228.
[15] Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 67.
[16] См. ***1847. Января 11 <23>. Суббота. Москва*** (примечания).

ОКТЯБРЯ 11 <СЕНТЯБРЯ 29>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЮССЕЛЬДОРФ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«*29 <сентября> (11 <октября>), понедельник.* <...> Я читал в спальне Гоголя».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 41.

ОКТЯБРЯ 12 <СЕНТЯБРЯ 30>. ВТОРНИК. ДЮССЕЛЬДОРФ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«*30 <сентября> (12 <октября>), вторник.* <...> Я читал в спальне Гоголя».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 41.

ОКТЯБРЯ СРЕДИНА <ОКТЯБРЯ НАЧАЛО>. РИМ

А. А. Иванов в ответном[1] письме к Гоголю в Москву сообщает:

«Послал письмо к Вам с извещением об отправлении к Жуковскому[2] просьбы Наследнику, скопированной с Вашей. Я, по случаю помещения в госпиталь Станиславовича, был в нашем посольстве, где и нашел на Ваше имя письмо, лежащее там уже два месяца, да еще и посылку с какими-то как будто рисунками, свернутыми в трубку. Письмо я теперь же к Вам препровождаю, а посылка осталась в посольстве до Вашего разрешения, как с ней поступить. Ключ от Вашего сундука[3] я нашел. <П. И.> Кривцова еще здесь нет. [Прошу кланяться гг. Погодину, <Ф. Ф.> Рихтеру, <Н. П.> Боткину.] Он <Кривцов> уже сделался здесь необходимым для нашего общества художников. <...> Жаль мне очень <П. А.> Ставассера, но говорить и замечать им значило бы только делать из них себе врагов».

[1] См. ***1841. Сентября 20 <8>. Понедельник. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Ганау.***
[2] См. ***1841. Октября 6 <сентября 24>. Среда. Рим.***
[3] См. также ***1843. Апреля 30 <18>. Фомино воскресенье. Рим*** (примечания).

ОКТЯБРЯ 7 <19>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в компании П. М. Языкова с дочерью, Хованских и А. И. Родионовой с детьми прибыл в Петербург из-за границы. Остановился у Н. Я. Прокоповича, тем же вечером навестил П. А. Плетнева.

По словам Гоголя в письме к Н. М. Языкову из Москвы от 23 октября 1841 г., в Петербург его «завезли» «предательски»[1].

В конце 1841 г. Языков писал родным: «Отчего хмурился Гоголь? Не пугало ли его путешествие столь многолюдное и сутолочное и не робел ли он молодой дамы?»[2]

Тогда же он сообщал им: «Я получил письмо от Гоголя уже из Москвы. Он недоволен своим путешествием с нашими: он-де завезен против воли в Питер, и сделал таким образом большой крюк. Верно, Гоголь в хандре с дороги»[3].

«...Гоголь останавливался в 1839 г. у Плетнева и Жуковского и только в 1841 г. <и, возможно, в 1842>[4] у Прокоповича...»[5]

В этот день, 19 октября 1841 г., П. А. Плетнев сообщал Я. К. Гроту: «Возвратившись из Царского Села в 6-м часу, вдруг вижу вошедшего ко мне Гоголя. Он прибыл на житье и, напечатав здесь Мертвые души, переселится в Москву, куда приедет летом и Н. Языков»[6].

[1] См. ***1841. Октября 23 <ноября 4>. Четверг. Москва.***
[2] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 147.
[3] Там же. Т. 3. С. 148.
[4] См. ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***
[5] *Шенрок.* Т. 4. С. 44–45.
[6] *Свод.* Т. 1. С. 661. – См. также ***1841. Сентября 27 <15>. Понедельник. Дрезден.***

ОКТЯБРЯ 7 <19>. ВТОРНИК – 14 <26>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь живет в Петербурге у Н. Я. Прокоповича[1]. Навещает А. О. Смирнову, П. А. Плетнева[2], Балабиных, родных Ф. А. фон Моллера[3].

В 1854 г. А. О. Смирнова в своем альбоме записала: «Мы приехали в Россию в 1838 году. Он <Гоголь> оставался в чужих краях, и ничего об нем не слыхали, не были с ним в переписке. В 1841 году он вдруг явился ко мне в хорошем расположении духа, но о "Мертвых душах" не было и помину. Я узнала тут, что он уже был в коротких отношениях с Виельгорскими[4], но сама еще тогда редко с ними виделась и не старалась разъяснить, когда и как эта связь устроилась. Находила его сближение с comme il faut[5], очень естественным и простым»[6].

П. А. Кулиш, беседовавший со Смирновой в 1854 г., также сообщал: «В 1841 году Гоголь приехал из-за границы в Москву через Петербург. Он сперва намерен был печатать "Мертвые Души" здесь, но потом раздумал. В этот приезд, он, между прочим, явился у А. О. С<мирнов>ой, в собственном доме ее на Мойке; был в хорошем расположении духа, но о "Мертвых Душах" не было и помину. Тут она узнала, что он находится в коротких отношениях с семейством графов В<иельгорски>х: это, впрочем, было для нее понятным: ибо она знала о его тесной дружбе с покойным графом Иосифом»[7].

20 октября 1841 г., Гоголь сообщал Моллеру из Москвы: «Я был у вас две минуты, то есть у ваших. Они мне сказали новости о вас, которые меня смутили на то время, и я уже не говорил им о том, о чем приготовлялся было говорить».

[1] См. ***1841. Октября 7 <19>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1847. Мая 12 <24>. Понедельник. День Святого Духа. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1841. Октября 7 <19>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1841. Октября 12. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1841. Октября 13. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[4] «Они часто собирались, там объедались, и Жуковский называл это макаронными утехами на бульоне. Ник<олай> Вас<ильевич> готовил макароны, как у Лепри в Риме, масло и пармезан, вот что нужно» (*Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 250).

[5] Комильфо (*фр.*).

[6] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод.* Т. 2. С. 228.

[7] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 217; см. также: <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 243.

ОКТЯБРЯ 12. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь обедал у П. А. Плетнева.

В этот день Плетнев сообщал Я. К. Гроту: «*Воскресенье (12 октября).* Утро на освящении церкви в 1-й гимназии, там и обед. У меня же обедал Гоголь».

Свод. Т. 1. С. 661.

ОКТЯБРЯ 13. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь на вечере у Балабиных, где был и П. А. Плетнев. Спрашивает М. П. Балабину о ее занятиях[1].

В этот день Плетнев сообщал Я. К. Гроту: «*Понедельник (13 октября)*. Работал над Современником до обеда. Обедал и вечер провел у Балабиных, где был и Гоголь»[2].

Вероятно, в это время Гоголь пообещал Плетневу дать что-нибудь для публикации в журнале «Современник»[3].

[1] См. ***1841. Октября 15. Среда. Санкт-Петербург.***
[2] *Свод*. Т. 1. С. 662.
[3] См. ***1842. Марта 13. Пятница. Москва***; ***1842. Марта 17. Вторник. Москва***; ***1842. Июля 12 <июня 30>. Вторник. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 14. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь выехал из Петербурга в Москву. Попутчиком его оказался П. И. Пейкер[1], которому он представился «Гогелем»[2].

Позднее, 25 ноября 1841 г., Гоголь писал Н. Я. Прокоповичу из Москвы: «Пришли, если готовы, мои манишки, да, вместе с тем, и мои резиновые калоши, которые я приказал Платоше взять в дилижанс, но он и не думал туда положить их. В дилижансе всё перерыли и не нашли их. А таких галош я теперь нигде не могу достать».

В тот же день, 14 октября 1841 г., Плетнев, отправляя Я. К. Гроту свой «журнал» (дневник) за четыре дня (с 11 по 14 октября 1841 г.), к воскресной записи от 12 октября[3] сделал дополнение, в скобках (после слов: «У меня же обедал Гоголь»): «сегодня уехавший в Москву и далее»[4].

[1] Петр Иванович Пейкер, сын директора Межевого корпуса, сенатора И. У. Пейкера. «Как выясняется из неизданного письма К. С. Аксакова к брату Григорию, Пейкер был знаком с М. А. Бакуниным, с которым вместе учился в артиллерийском училище» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 608). Пейкер принимал участие в издании «Истории Петра Великого» Н. П. Ламбина (СПб., 1843).
[2] См. ***1841. Октября 17. Пятница. Москва***; ***1841. Октября 18. Суббота. Москва***; ***1841. Ноября 7. Пятница. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1841. Октября 12. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[4] *Свод*. Т. 1. С. 661.

ОКТЯБРЯ 26 <14>. ВТОРНИК. ЖЕНЕВА

П. В. Анненков в «Письмах из-за границы» сообщает:

«Тороплюсь рассказать вам мое знакомство и целую неделю дружбы с миланским журналистом, издателем театральной газеты "Пират"[1], господином Регли, получающим подарки от Доницетти[2], Тальони[3] и от всех певцов и певиц, проезжающих через Милан. Он, вот изволите видеть, совсем не так желчен, как иные прочие. На мое замечание о пошлости итальянской журналистики и о путанице этих мягких фраз в разборах и отчетах, которые словно занавеска, колеблемая ветром у окна, и открывают внутренность комнаты и не открывают, он объявил мне, что это дело условное, что это вещь, непонятная для иностранца, но что есть похвальные фразы, выражающие осуждение! Пуф! Так, например, сказать: "опера вообще нравится" значит сказать, что опера никуда не годится, да и сам он, Регли, имел историю с любителем танцовщицы, про которую откровенно сказал, что она заслуживает внимания. Можете теперь представить, сколько надо употребить восторга и энтузиазма при разборе вещи действительно достойной похвалы».

<*Анненков П. В.*> *А—в*. Письма из-за границы. Письмо VII // Отечественные Записки. 1841. № 12 (цензурное разрешение 30 ноября). Отд. «Смесь». С. 79–82; *Свод*. Т. 3. С. 408–409.

[1] О литературно-театральном журнале «Pirata», издававшемся в Милане с 1835 по 1891 г., упоминает также Гоголь в повести «Рим» при описании парижской жизни римского князя: «Потом принимался он за чтение колоссальных журнальных листов и вспомнил о чахоточных журналишках Италии, о каком-нибудь "Diario di Roma", "il Pirato" и тому подобных, где помещались невинные политические известия и анекдоты чуть не о Термопилах и персидском царе Дарии».

[2] Гаэтано Доницетти (1797 – 8 апреля 1848), итальянский композитор.

[3] Филиппо Тальони (1777–1871), балетмейстер.

ОКТЯБРЯ 15. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

М. П. Балабина пишет Гоголю письмо в Москву (продолжая их старый спор о немецкой литературе[1]):

«Я не знаю, о чем мы можем вместе разговаривать: говорить о пустяках – глупо; говорить о литературе, о картинке Бруни[2] – скучно для меня; говорить о том, что делается в душе моей – с вами не могу. Она носит в себе такие чувства, которые, если я б попробовала растолковать их вам, приехали к вам под формою дыма, то есть вы нашли бы слова мои совершенно пусты, потому что эти чувства[3] так тонки, что не могут быть написаны. <...> Вы спрашивали меня о моих занятиях[4]: я довольно мало пишу по тому же резону, по которому и письмы писать не хочу и не могу. Я много читаю. Вы знаете, что я выучилась по-немецки, и это мне доставляет большие наслаждения. Я нахожу, что французская литература и даже все другие представляют нам дела человеческие, а немецкая представляет нам каждые, почти незаметные, но очень замечательные чувства души; в других литературах мы знаем только те мысли и те движения души, которые имеют причины в наружных действиях, а в немецкой мы видим те мысли и те движения сердца, которые родятся и умирают в нем, не <у>знаны никем. <...> Я очень обязана немецким книгам, потому что они, по крайней мере на несколько минут, позволяют мне *иногда* забывать много разных не слишком приятных вещей. Мне кажется, что я совершенно позабыла писать по-русски. Какой стыд! Не думайте, однако ж, что я не буду больше к вам писать: вы теперь в Москве, а в Москву писать глупое и короткое письмо гораздо легче, нежели писать такое же письмо в Рим, – не так совестно...»

[1] См. ***1836. Июня 28 <16>. Вторник. Гамбург*** (примечания).

[2] Картина Ф. А. Бруни «Воздвижение Моисеем медного змия» экспонировалась в 1841 г. на выставке в Зимнем дворце.

[3] Речь идет о влюбленности М. П. Балабиной, вскоре закончившейся (см. ***1844. Февраля 12 <24>. Суббота. Санкт-Петербург***).

[4] См. ***1841. Октября 13. Понедельник. Санкт-Петербург***.

ОКТЯБРЯ 17. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь прибыл из Петербурга в Москву (в одном дилижансе с П. И. Пейкером)[1]. Остановился у М. П. Погодина, которого «в первый же день» просил не требовать у него ничего для журнала (для «Москвитянина»).

В тот же день, 17 октября 1841 г., в Москву прибыл двадцатидвухлетний И. С. Тургенев[2].

В заметках о Гоголе 1861–1864 гг. В. С. Аксакова сообщала: «В 1841 году он воротился один с намерением поселиться в Москве с Языковым»[3].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «...Кстати сказать, что, возвращаясь в Россию, если не навсегда, то надолго, Гоголь не имел намерения жить у Погодина: он хотел жить вместе с Н. М. Языковым, который по болезни не мог тогда еще воротиться в Россию»[4].

Два года спустя, 2 ноября (н. ст.) 1843 г., Гоголь писал Погодину о своем пребывании в его доме (письмо осталось Погодину неизвестным)[5]: «Между нами произошло непостижимое событие. <...> Я <...> скажу две твои первоначальные вины, от которых произошли все те поступки, на которые ты глядел, как на самобытные начала и выводил из них отдельные истории, тогда как они все были звена одной и той же цепи. Вот эти вины: 1-ая. Ты сказал верю — и усумнился на другой же день. <...> ...Если человек, <...> не плакавший ни пред кем, никому не показавший никогда слез своих, заплакал предо мною и во имя этих душевных слез потребовал веры к себе, — тогда все кончено: я ни глазам своим, ни уму своему, ни чувствам своим не поверю, а поверю всем словам его, произнесенным во имя этих слез! <...> 2-я. Ты дал клятву ничего не просить от меня и не требовать, но клятвы не сдержал: не только попросил и потребовал[6], но даже отрекся и от того, что дал мне клятву. Отсюда произошло почти все. <...> Я <...> помню все, даже угол и место комнаты, где было произнесено какое слово твое, или мое. <...> Несколько раз хотел я говорить с тобою, чувствуя, что все дело можно объяснить такими простыми словами, что будет понятно ребенку. Но едва я начинал говорить, как эти объяснения вдруг удерживались целою кучею приходивших других объяснений, объяснений душевных, но и им мешало излиться находившее вдруг негодование при одной мысли: против каких подлых подозрений я должен оправдываться и пред кем я должен оправдываться? пред тем человеком, который должен был поверить одному моему слову. Но и негодование сменялось в ту же минуту презреньем к твоему характеру, который называл я внутренно бабьим, куриным, и, сказавши несколько бессвязных слов, которые ты все относил к моей необыкновенной гордости, я бежал от тебя. А убежавши, утешал себя злобным выражением: пусть его путается! душевному слову не поверил, пусть же поверяет умом своим! Все это быстро сменялось одно за другим в душе моей, и когда я подходил к дверям своей комнаты, все это исчезало и на место него оставался один вопрос: что это такое, что значит все это? Наконец мало-помалу я начинал прозревать в этом событии справедливое себе наказание. Надобно сказать тебе, что, воспитываясь внутренно в душе моей, я уже начинал приобретать о себе гордые мысли. Мне уже казалось, что я ничем не могу быть рассержен и выведен из себя[7]. Я старался мысленно сжиться со всеми возможными оскорблениями, несчастиями, старался их всех, так сказать, перечувствовать на своем теле и уже чувствовал, что душа моя приобретает крепость, что я могу снести то, чего не снесет иной человек. Словом, я уж чуть не почитал себя преуспевшим в мудрости человеком. И вдруг событие это дало почувствовать мне, что я еще ребенок и стою до сих пор на низших ступенях пути своего. Противу дальнейших случаев я приготовил в душе отпор, а против близких не приготовил. Все несчастия я бы, может быть, перенес, а не перенес *сомнения обо мне одного из близких*. И в душе моей проснулись те враги, которых я давно считал отступившими от меня. Мерзкий, подлый и гадкий гнев, которого ничего нет подлее, который подл даже и тогда, когда вспыхнул от справедливых причин, — а у меня он был и несправедлив: я рассердился на то, что ты схватил сгоряча топором там, где следовало употребить инструмент помельче; наконец, я сердился на себя и за то, что не в силах был перенести этого хладнокровно[8]. Все это натурально я должен был таить в душе и могу сказать только то, что от меня никто не узнал о том, что между нами происходили какие-нибудь неудовольствия. Но когда вырвался я от тебя, у меня была одна и та же мысль написать тебе подробно всю мою исповедь. Но тут увидел, что наши жизни так различны, так много следовало выводить тебе объяснений для того, чтоб познакомить тебя и ввести в этот мир. Всякое слово требовало объяснений на целых страницах, чтоб не быть приняту в другом смысле... Почти отчаяние овладело мною, я видел, что и конца не будет моей исповеди, а между тем оставить ее я не мог, потому что мысль о ней мешала всякому занятию...»

Так как это письмо не было доставлено Погодину, то спустя еще более чем три с половиной года, 8 июля (н. ст.) 1847 г., Гоголь послал ему новое объяснение: «...Между нами случилось дело, которое поставило нас в фальшивые отношения. Я припомню тебе все обстоятельства, потому что ты несколько забывчив. Перед приездом моим в Москву я писал еще из Рима Серг<ею> Тим<офеевичу> Аксакову[9], что я нахожусь в таком положении моего душевного состояния, во время которого я долго не буду писать, что писать мне решительно невозможно, что я не могу ничего этого объяснить, а прошу мне поверить на слово, что прошу его изъяснить это тебе, чтобы ты не требовал от меня ничего в журнал, что я буду просить об этом у тебя самого на коленях и слезно. {Словом, я

знал] Приехавши в Москву, я остановился у тебя со страхом, точно предчувствуя, что быть между нами неприятностям. В первый же день я повторил тебе эту самую просьбу[10]. Я ничего не умел тебе сказать и ничего не в силах был изъяснить. Я сказал тебе только, что случилось внутри меня что-то особенное, которое произвело значительный переворот в деле творчества моего, что сочиненье мое от этого может произойти слишком значительным. Я сказал, что оно так будет значительно, что ты сам будешь от него плакать и заплачут от него многие в России, тем более, что [оно] явится во время несравненно тяжелейшее [прежнего] и будет лекарством от горя. Ничего больше я не умел сказать тебе. Знаю только: я просил со слезами тебя во имя Бога поверить словам моим. Ты был тогда растроган и сказал мне: "Верю". Я просил тебя вновь не требовать ничего в журнал. Ты мне дал слово. На третий, на четвертый день ты стал задумываться. Тебе начали сниться черти. Из моих бессильных и неясных слов ты стал выводить какие-то особенные значения. Я потихоньку скорбел, но не говорил ничего, — знак, что я ничего не смогу объяснить, а только наклеплю на самого себя. Но когда ты через две недели после того [напомнил] объявил мне, что я должен дать тебе статью в журнал, точно как будто бы между нами ничего не происходило, это меня изумило и в то же время огорчило сильно. А когда ты потом, еще недели через три[11], напомнил вновь, говоря, что я [все-таки] должен дать тебе статью, потому что, как бы то ни было, я живу в твоем доме и тебя твои родственники спрашивают о том, что ж я, в самом деле, у тебя живу, а для тебя в журнале не тружусь[12]. Это напоминанье показалось мне так низким, неблагородным и неделикатным. (Прости меня. Это было уже давно. Я сам дивлюсь моей щекотливости. У меня на тот раз ушло из виду, что у тебя жесткие слова вырываются иногда вовсе без намерения.) Мне казалось так низким напомнить у себя живущему человеку, что он должен быть за это благодарным[13]. Мне показалось так неблагородным, давши честное слово, от него отступиться. Мне показалось так недостойным для высокой души не поверить слезам умоляющего человека или — еще хуже сказать: «верю» — и усумниться. Словом, мне это представилось так малодушным и неблагородным, что я стал презирать тебя. (Друг мой, прости меня, это чувство давно прошло.) Я не старался скрывать пред тобой презренья. Напротив, я тебе показывал его при всяком случае почти явно. Не понимая, из какого источника оно происходит, ты принимал его просто за гордость и, встречая [досадное] гневное выраженье лица при всяких, даже небольших случаях, ты заключил, что во мне поселился сам демон гордости во всем сатанинском своем виде, и думал, что это уже моя натура, что я непременно со всеми так обращаюсь, тогда как, признаюсь тебе поистине, ни с кем в мире я не обращался так дурно, как с тобою. Мне стыдно, как я припомню только некоторые свои поступки. Я сердился на тебя даже за то, что ты меня заставил рассердиться, потому что я было уже начинал о себе думать, что трудно какому-нибудь человеку рассердить меня. С этих пор всё пошло у нас [с тобой] навыворот. Видя, как ты обо мне путался и терялся в заключеньях, я говорил себе: "Путайся же, когда так!" И уж на зло тебе начал делать иное, мне вовсе не свойственное, ни моей натуре, с желаньем досадить тебе. Друг мой, за всё это я заплатил и тяжело заплатил. Целые два года я томился потом желаньем оправдаться перед тобою. Целые два года я почти ничего не в силах был делать: так меня занимало желанье излить перед тобою чистосердечную исповедь свою. Я принимался за перо и всякий раз изнемогал над ним. Исписывались кругом листы, и я видел, что всё это недостаточно дать тебе точное понятие [о себе] о деле. Я видел, [что уже всё так странно] что нужно подымать для этого всё, что ни соединилось с моими самыми тайными и сокровенн<ыми> помышления<ми>; я видел, что нужно для этого подымать самые "Мертвые души"... Словом, это была страшная работа. Ничем другим я не в силах был заняться, кроме этого, и всякий раз, изнурившись, выбившись из сил, видя, что изъясненьям конца нет, потому что затем, чтобы объяснить одну струну, надо было поднимать другую, — всякий раз я давал себе слово оставить это и не объяснять себя. И всякий раз вновь тянуло с непреодолимой силой перед тобой [оправдат<ься>] изъясниться. Я писал и рвал тогда же исписанное. Это были просто муки Тантала и окончились страшным нервическим расстройством. Но в сторону всё это. Привел это я теперь не для оправданья себя, но для того только, чтобы ты уверился сам, что взгляд твой на меня не может быть верен. А потому и замечания твои о мне относительно моего характера будут больше невпопад, чем замечания твои о всяком другом человеке. Оставим теперь всё. Я прошу у тебя искренно прощенья во всем, в чем огорчил тебя».

Погодин 14/26 июля 1847 г. отвечал Гоголю: «Между нами произошло великое недоразумение. Протекло много лет, много чувствований через сердце, много мыслей пронеслось через голову у меня, но то я помню, что стал я спрашивать у тебя статьи, в 1842 году, вследствие твоего предшествовавшего вызова, как мне казалось, вследствие собственных твоих прежде сказанных слов, в которых послышалось мне твое намерение дать мне статью. Я думал, что я только напоминаю тебе. Помню живо теперь еще слова твои: "Надо, чтоб это было тяжелое[14], чтоб об этом говорили". Ты говорил, вижу я теперь, о своем труде, а мне, приготовленному и думавшему, послышалось или подумалось, что ты говорил о статье, которую хотел приготовить для журнала. Когда прошло несколько времени после этих слов, когда должна была выйти книжка или другое какое понудительное обстоятельство, я, уполномоченный твоими словами, и начал напоминать тебе. Не могу теперь привести на память все подробности, но почти совершенно уверен, что это было так. Я очень помню, что я не хотел спрашивать у тебя статьи и спросил, когда ты сам вызвался, как мне казалось. Не хотел же я спрашивать, признаюсь, скрепя сердце, делая себе насилие, сетуя и обвиняя тебя внутренне, что ты не хочешь помочь мне, когда я делаю последнее усилие (перед приступом к большому своему труду — писать историю), чтоб устроить дела и судьбу своего семейства. Мне все казалось, что ты причудничаешь, хотя бессознательно, что мечтаешь поразить всех, в упоении гордости и тому под., между тем как Рафаэли и Корреджии (припоминаю тогдашнее сравнение) могли отрываться от своих мадонн и оказывать в антрактах мелкие услуги своим друзьям.

"Ты живешь у меня, и между тем..." Это я мог сказать, только без попреку, и стыдно тебе, что ты мог слышать попрек в словах совершенно простых и, прибавлю, совершенно верных. (Я могу сказать их и теперь.) Все говорят: "Он живет у него, связан с ним, называет своим другом, а между тем не принимает никакого участия в его труде, значит, что не одобряет его или просто надувает его". Так точно и было».

В 1873 г. Погодин, вспоминая о пребывании Гоголя в Москве осенью 1841 г., также замечал: «Я думаю, что всякий человек, если б он внимательно следил за собою, мог бы увидеть в своей жизни много такого, что должен бы приписать особой силе, принимающей участие, имеющей влияние на его дела. — Приехал ко мне Гоголь из-за границы и поселился в моем доме, вверху над кабинетом. В доме находилось у меня тогда Древлехранилище[15], а я только что перед тем услышал, что наш чудак, вместе с Николаем Боткиным, чуть было не сожгли по неосторожности гостиницу, кажется, во Флоренции[16], позабыв потушить свечу, или поставив ее куда-то близь занавесок. Я боялся, чтоб он с такою же неосторожностью и здесь не стал обращаться с огнем, — какая опасность грозила моим сокровищам! Надо было предупредить Гоголя и напомнить, чтобы он думал об этом. Но как напомнить, не оскорбляя, не огорчая его, а он человек, знал я, щекотливый, раздражительный, обидчивый. Два дня приискивал я оборот в голове своей, чтоб повести с ним речь об осторожности и опасности, — и что же? На третий день выхожу я из спальни в свой кабинет, и вижу, что сам позабыл свечку на конторке, свечка без меня упала как-то из подсвечника, прожгла лист бумаги, лежавшей на конторке, и самую кожу, коею была оклеена верхняя доска, но на ней погасла. Мне как будто послышалось внутри: ты хочешь учить других осторожности, но прежде поучися сам, — и в эту минуту из противоположной двери показывается идущий мне Гоголь. "Ну, вот два дня я думаю о том, — сказал я ему навстречу, — как бы напомнить тебе об осторожном обращении с огнем, а вот что случилось со мною самим; посмотри сюда. Я позабыл здесь свечку и произвел было пожар". Это был, разумеется, лучший оборот для напоминания ему об огне... Гоголь начал приводить доказательства своей осторожности, а я рад был про себя, что удачно ему напомнил»[17].

[1] См. ***1841. Октября 18. Суббота. Москва***; ***1841. Ноября 7. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1841. Октября 17 — декабрь. Москва.***

[3] Список с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе // *Свод*. Т. 2. С. 898. — См. также ***1841. Сентября 26 <14>. Воскресенье. Праздник Воздвижения Креста Господня. Ганау.***

[4] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод*. Т. 2. С. 714.

[5] См. ***1843 ноябрь-декабрь <1843 ноября средина — 1844 января первая половина>. Москва***; ***1844. Февраля 14 <2>. Среда. Праздник Сретения Господня. Ницца.***

[6] См. ***1841. Ноябрь-декабрь. Москва.***

[7] Ссора с Погодиным была для Гоголя как автора «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1834) тем более досадна, что мысль о необходимости примирения в Русской земле всего «враждующего и негодующего» (по словам составленной Гоголем в 1848 г. молитвы «Боже, соделай безопасным путь его...») была его заветным убеждением с самого начала литературной деятельности (см. ***1834. Июня 10. Воскресенье. День Святой Троицы. Санкт-Петербург*** – примечания; ***1836. Июля 17 <5>. Воскресенье. Ахен*** – примечания; ***1848. Июня между 5 и 11. Москва, Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье, Москва***). – Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Н. В. Гоголь как славянофил: Славянская тема в наследии писателя // Проблемы исторической поэтики. Вып. 12: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XXI веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 9. Сборник научных трудов. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2014. С. 199–219; *Виноградов И. А.* История в наследии Гоголя // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии / Ніжинський держ. ун-т ім. М. Гоголя; Ін-т літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України. Ніжин, 2015. Вып. 5 (22). С. 18–70; *Виноградов И. А.* Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2017 (в печати).

[8] См. выписку из «Лествицы» преподобного Иоанна Синайского в сочинении Гоголя 1843 г. <О гневе и безгневи>, адресованном А. О. Смирновой: «...Они и на то гневались, что изнемогали от гнева».

[9] См. ***1841. Марта 25 <13>. Четверг. Рим.***

[10] В копии письма, принадлежавшей Погодину, к этой фразе имеется его примечание на полях: «Не могу оставить этого места без объяснения: [покойный] Гоголь или забыл, писав чрез долгое время, года чрез три или более после происшествия, или было какое-нибудь недоразумение. Мне кажется, напротив, что он вызвался тотчас <*в источнике пропуск половины строки, обрезанной при переплете рукописи*> Рим, и я только что напомнил ему после, что ему представилось требованием. Могу найти доказательства, но теперь занят совсем другими предметами. (А в каком виде представлялся мне тогда Гоголь, можно видеть из следующего письма моего к нему, им сохраненного: оставить места на 10 строк). Между нами пробежала черная кошка. Я хотел отвечать ему при жизни... по окончании своей истории. Опишу когда-нибудь после этот интересный эпизод в нашей жизни. Теперь оставляю говорить его, поскольку пишется его биография. М. П<огодин>». Слова: «оставить места на 10 строк», – предназначались для переписчика, который должен был вписать письмо Погодина к Гоголю. Замечание Погодина относится, по-видимому, к августу 1855 – январю 1856 г., когда тот приступал к работе над биографией Гоголя (см. ***1835. Февраля после 20 – марта до 11. Санкт-Петербург***; ***1837. Марта 30 <18>. Четверг. Рим*** – примечания) и предполагал продолжить публикацию писем к нему Гоголя, которую начал в январе 1856 г., напечатав в «Москвитянине» письма 1832–1841 гг. (см.: <*Погодин М. П.*> Письма Гоголя. К М. П. Погодину // Москвитянин. 1855. № 19 и 20. Октябрь (цензурное разрешение 19 янв. 1856). Кн. 1 и 2. С. 1–56).

[11] См. ***1841. Ноябрь-декабрь. Москва.***

[12] В подлиннике слова: «я живу в твоем доме и тебя твои родственники спрашивают о том, что ж я, в самом деле, у тебя живу, а для тебя в журнале не тружусь», – зачеркнуты Погодиным при подготовке письма к публикации в 1855–1856 гг. (см. выше).

[13] Фраза в подлиннике также зачеркнута Погодиным.

[14] Т. е. увесистое.

[15] См. ***1840. Октября 29 <17>. Четверг. Рим*** (примечания).

[16] Вероятно, в первой половине сентября (н. ст.) 1840 г. (см. ***1840. Сентября около 12–13 <около августа 31 – сентября 1>. Флоренция***).

[17] *Погодин М. П.* Простая речь о мудреных вещах. М., 1873. С. 262–263; *Свод.* Т. 3. С. 1022–1023.

1841 ОКТЯБРЯ 17 – 1842 МАЯ 23. МОСКВА

Гоголь живет в Москве в доме М. П. Погодина; завершает работу над первым томом «Мертвых душ», второй редакцией «Тараса Бульбы»[1], повестями «Рим», «Шинель», создает новую редакцию «Портрета». Пишет <Заметку о «Москвитянине»>, в которой советует Погодину расширить программу только что основанного журнала[2].

В заметке, посвященной журналу, Гоголь замечает: «Нет европейской общественной стороны, которою всё же интересуются иногородцы и которая, хотя в небольшой перспективе, но должна быть постоянною статьею. Иначе получатели Москвитянина полезут за ними в другие журналы».

Гоголевская рекомендация соответствует одному из положений программы «Журнала Министерства Народного Просвещения», изложенной в 1834 г. С. С. Уваровым. В проспекте издания, открывавшем первый номер министерского журнала, говорилось, что Россия, «отжив период безусловного подражания, <...> лучше своих иноземных наставников умеет применять плоды образования к своим собственным потребностям; ясно различает в остальной Европе добро от зла: пользуется первым, и не страшится последнего»[3]. Позднее, в «Общем отчете, представленном Его Императорскому Величеству по Министерству Народного Просвещения за 1834 год», Уваров добавлял: «Состоящая при Департаменте Редакция Журнала Министерства Народного просвещения достигла цели учреждения своего: повременное издание сие <...> во многих отношениях заменяет, особенно внутри Империи, чтение иностранных журналов ученого и учебного содержания»[4].

Возможно, вскоре по приезде Гоголь знакомится с приобретенной в 1840 г. Погодиным украинской летописью С. В. Величко (или перечитывает эту хронику)[5]; составляет выписки из «Книги правил Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец...» (СПб., 1839) и первого тома «Христианского Чтения» за 1841 г.[6]

Выписки Гоголя посвящены, в частности, теме должного отношения христианина к своим гонителям, а также к возможным средствам защиты и распространения христианства. Одно из правил «Книги...» нашло отражение в описании подвига Мосия Шила во второй редакции «Тараса Бульбы»[7].

«Книга правил...», которая представляет собой новый синодальный перевод Кормчей книги, не могла пройти мимо внимания Гоголя и Погодина. В списке книг, первая половина которых была отправлена в июле 1841 г. Погодиным в Рим[8], значится «Обозрение Кормчей книги в историческом виде» барона Г. А. Розенкампфа (М., 1829)[9].

Вероятно, в тот же период Гоголь составляет сборник выписок «Сочинения Ломоносова и Державина». Для выписок использует бумагу заграничного производства, приобретенную в Риме (с характерной филигранью «Feliciano Innamorati»)[10].

Стихотворения Ломоносова занимают в тетради листы 3–19 (стихотворения I–XXII); стихотворения Державина – листы 20–70 (стихотворения I–XXXVIII). Среди державинских стихотворений под номером XXV Гоголь поместил «Басню Державина» («Рубил крестьянин дуб близ корня топором»), которая впервые была опубликована в журнале «Сын Отечества» за 1816 г. (Ч. 34. № XLIX. С. 154), с заглавием: «Крестьянин и Дуб. Басня», и подстрочным примечанием: «Написанная в Калуге покойным Г. Р. Державиным, и нигде еще не напечатанная». В 1842 г. другой вариант басни (с существенными отличиями) был напечатан без заглавия в журнале М. П. Погодина «Москвитянин»[11], с примечанием: «Сообщено М. А. Дмитриевым». Как показывает сличение, гоголевский список воспроизводит вариант басни, опубликованный Погодиным. Для выписок из произведений Ломоносова Гоголь пользовался, вероятно, первым томом собрания сочинений, подготовленного в 1840 г. Российской Академией наук (в трех томах)[12]. Наиболее вероятный источник большинства выписок из сочинений Державина – одно из изданий А. Ф. Смирдина[13].

По-видимому, настоящий сборник Гоголь оставлял для чтения графине Анне М. Виельгорской. О стихотворении Державина «Тоска души» (1810; помещено в сборнике под номером XXVII) она упоминала в записке к Гоголю, написанной, предположительно, в Ницце зимой 1843/44 г.: «Я в восхищении от *Тоски души!*»[14]

Предположительно тогда же Гоголь составляет сборники «Русские песни» (I–CV) и «Южнорусские песни. <Тетрадь первая>» (I–CCXII). Для обложки последнего сборника Гоголь употребил ту же бумагу, что и для выписок «Сочинения Ломоносова и Державина» (с филигранью «Feliciano Innamorati»).

Кроме списков песен, которые могли быть сделаны Гоголем при личном общении с исполнителями, при составлении сборников «Русские песни» и «Южнорусские песни. <Тетрадь первая>» он, по-видимому, имел в распоряжении тот же неустановленный источник, каким пользовался И. П. Сахаров в своем издании «Песни русского народа» (СПб., 1838–1839. Кн. 1–5)[15].

В сборнике «Русские песни» имеются также выписки из издания И. М. Снегирева «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (М., 1838. Вып. II); песни из книг: «Новое и полное собрание Российских песен...» Н. И. Новикова (М., 1780–1781. Ч. 1–6); «Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, и вторично изданные, с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева» (М., 1818); выписки из русских песенников 1791, 1796, 1810, 1819 гг. и др. Обилие использованных в работе отечественных изданий указывает на то, что сборник, вероятно, составлялся в России, а не за границей. Оформление всех выписок идентично оформлению гоголевского сборника «Каноны и песни церковные» (1845)[16]. Позднее, в 1847 г., Гоголь воспользовался одной из записей сборника «Русские песни» при составлении грамматической заметки «Синтаксис»[17].

При изготовлении сборника «Южнорусские песни. <Тетрадь первая>», кроме общего источника, каким пользовались Гоголь и Сахаров, употреблялась книга «Piesni polskie i ruskie ludu galicyjskiego. Z muzyka instrumentowana przez Karola Lipinskiego. Zebral i wydał Wacław z Oleska» (We Lwowie, 1833) (к этой книге Гоголь начиная с 1833 г. обращался неоднократно[18]). Еще одним источником записей в сборнике «Южнорусские песни. <Тетрадь первая>» стали ранние выписки Гоголя из рукописного собрания З. Я. Доленги-Ходаковского (поскольку собрание, которые было в распоряжении Гоголя около полутора лет, с апреля 1834 г.[19] до начала августа 1835 г.[20], было возвращено М. А. Максимовичу[21], то Гоголь должен был пользоваться своими старыми выписками[22]). Для составления сборника Гоголь привлекал также книгу «Малороссийские и червоно-русские думы и песни, изданные П. Лукашевичем» (СПб., 1836).

Вероятно, в период тогдашнего пребывания в Москве Гоголь «во время какого-то праздника» наблюдал «в кремлевских воротах» за поведением одного из трех московских полицеймейстеров[23], сдерживавшего «народ» и пропускавшего вперед «публику». (По-видимому, вскоре Гоголь рассказал об этом случае Аксаковым[24], а позднее передавал свой рассказ В. А. Жуковскому[25] и, возможно, — А. О. Смирновой и Ар. О. Россету[26].)

Несколько лет спустя, в письме к С. Т. Аксакову от 28 августа (н. ст.) 1847 г., Гоголь сообщал: «Последняя зима, проведенная мною в Москве, мне была очень тяжела и оставила грустное воспоминание. Натура моя сделалась несколько похожею на стариковскую, требующую юга[27]: крови мало, и та движется медленно, а нервы в то же время так чувствительны, что малейшая северная мгла действует сильно, от морозного же дня у меня захватывает дух в груди»[28].

Сын Погодина Дмитрий Михайлович, которому в 1841 г. исполнилось пять лет, позднее вспоминал: «Незабвенный Николай Васильевич Гоголь переселился к нам на Девичье поле прямо из знойной Италии. [Николай Васильевич жил у нас в старом доме <...>, в мезонине, над нами.] Он был изнежен южным солнцем, ему была нужна особенная теплота, даже зной; а у нас кстати случилась, над громадной залой с хорами, большая, светлая комната, с двумя окнами и балконом к восходу солнца, царившего над комнатой в летнее время с 3-х часов утра до 3-х пополудни. Хотя наш дом, принадлежавший раньше князю Щербатову, и был построен на большую ногу, но уже потому, что комната приходилась почти в третьем этаже, она была, относительно своей величины, низка, а железная крыша также способствовала ее нагреванию. Я распространяюсь об этом ничтожном для других обстоятельстве на том основании, что для Николая Васильевича это было важно; после итальянского зноя наш русский май не очень-то приятен; а потому наша комната была ему как раз по вкусу. Нечего и говорить, каким почетом и, можно сказать, благоговением был окружен у нас Гоголь. [Отец мой, как известно, чуть не боготворил его, ему была предоставлена полная свобода действий, и он ценил это и был очень доволен. Раз даже расчувствовался до того, что стал благодарить отца, говоря: "Спасибо тебе, спасибо за все, большое спасибо!"... и тут же, улыбнувшись, прибавил: "да вознаградит тебя за все это — история!"...] Детей он очень любил и позволял им резвиться и шалить сколько угодно. Бывало, мы, то есть я с сестрою, точно службу служим; каждое утро подойдем к комнате Н<иколая> В<асильевича>, стукнем в дверь и спросим: "Не надо ли чего?" — "Войдите", — откликнется он нам. Несмотря на жар в комнате, мы заставали его еще

в шерстяной фуфайке, поверх сорочки. [Он не стеснялся нами, оставляя нас сидеть у него, только приказывал: "сидеть смирно и не баловать". Мы и сидели — как будто нас в комнате и не было. Это ему нравилось, он подходил к нам и гладил по головкам, раздобрившись, говорил: "ну, поиграйте, дети!" — и мы начинали резвиться и шалить. Вообще в домашней жизни это было человек простой, добрый и снисходительный, но при всем том не чужд странности и эксцентричности: то он бывало ласкает нас и смеется с нами, то вдруг надуется, нахмурится и тогда сиди и не дыши: не то возьмет за ухо и выведет вон из комнаты. По утрам он не одевался, сидел до обеда в домашнем костюме, т. е. просто в сорочке, с надетой поверх шерстяной курткой. Куртку эту он носил даже летом, несмотря на жаркую погоду. Вернувшись из Италии, он стал слишком чуток к северным ветрам и утренней прохладе. Писал он, по крайней мере, по утрам, когда мы у него бывали (после обеда же он никого к себе не допускал) очень мало. На столе у него мы никогда не видали такой груды всевозможных бумаг, какая лежала у отца в кабинете. Даже книг у него на виду было мало; свои рукописи и книги он берег под замком, и вообще не любил, если прислуга, приходившая убирать его комнату, переворачивала или перестанавливала что-нибудь из его вещей, находившихся на столе или на комоде. Странно было видеть нам, детям, что гениальный русский писатель, каким считали у нас в доме Гоголя, мог проводить за вязаньем по целым утрам на спицах разных шерстяных вещиц, как то: ермолок, шарфиков и других безделушек, или же за вырезыванием из древесных сучьев дудочек. У меня долго хранилась подаренная им мне дудочка, но когда я однажды попросил его связать мне шерстяные чулки, он рассердился и надрал мне уши. Писал он иногда и при нас, но как-то урывками: сидит под окном вяжет или строгает, и перед ним лежит клочок бумаги и карандаш. Если ему придет в голову что-нибудь, возьмет карандаш и запишет, и опять примется за вязанье или строганье. Записанную мысль он иногда репетировал вполголоса и исправлял. По прошествии некоторого времени он брал в руки исписанный клочок бумаги, прочитывал его, и если оставался им недоволен, рвал его в клочки и бросал на пол, а со стола брал другой клочок и продолжал писать на нем. Если же и это писанье не удовлетворяло его, то он поступал с ним так же, как и с первым, и приступал к третьему. Таким образом на полу рваных клочков набиралось немало, и их прислуга, по уходе Гоголя из комнаты, выметала. Но случалось и так, что некоторые записанные прежде мысли вновь интересовали его, и он приказывал нам подбирать брошенные на пол изорванные клочки бумажек и составлял их по написанному. Если попытка удавалась, то он хвалил нас, гладил по головкам и обещал купить гостинец, чего, вероятно, по забывчивости, никогда почти не делал.] "Ну, сидеть, да смирно", — скажет он и продолжает свое дело, состоявшее обыкновенно в вязанье на спицах шарфа или ермолки, или в писании чего-то чрезвычайно мелким почерком на чрезвычайно маленьких клочках бумаги. Клочки эти он, иногда прочитывая вполголоса, рвал, как бы сердясь, или бросал на пол, потом заставлял нас подбирать их с пола и раскладывать по указанию, причем гладил по голове и благодарил, когда ему угождали; иногда же бывало, как бы рассердившись, схватит за ухо и выведет на хоры: это значило — на целый день уже и не показывайся ему. [После полудня он одевался и сходил вниз, заходил к отцу, когда тот был дома и никого посторонних у него в кабинете не было. В противном случае уходил гулять в сад, который был у нас очень большой, — десятины четыре, если не более. Хорошая погода производила на него всегда хорошее впечатление, он делался весел и шутлив. Но он был весел и шутлив только в своем домашнем кружке. Если же присутствовал кто-нибудь чужой или незнакомый, он, как улитка, уходил в самого себя и не обнаруживал никакой жизни, как будто все окружающее было ему чуждо, он молчал или отвечал односложным *да* или *нет*.] До обеда он никогда не сходил вниз в общие комнаты, обедал же всегда со всеми нами, причем был большею частью весел и шутлив. [Поесть любил гастрономично, хотя бы и немного. Малороссийской кухне отдавал предпочтение. Но, пристрастясь в Италии к макаронам, любил их кушать и даже приготовлял их за столом собственноручно, по вывезенному из Рима особенному способу. Было ли это лучше — я не знаю; но только все ели и похваливали.] Особенно хорошее расположение духа вызывали в нем любимые им макароны; он тут же за обедом и приготовлял их, не доверяя этого никому. Потребует себе большую миску и, с искусством истинного гастронома, начнет перебирать их по макаронке, опустит в дымящуюся миску сливочного масла, тертого сыру, перетрясет все вместе и, открыв крышку, с какой-то особенно веселой улыбкой, обведя глазами всех сидящих за столом, воскликнет: "Ну, теперь ратуйте, людие".

[В антрактах, между переменами блюд, он любил выламывать из хлеба мякиш и катать из него шарики, которые или бросал в кого-нибудь из сидящих за столом, преимущественно младших членов семьи, или опускал в стакан, или же оставлял у себя за прибором. После обеда отец сам собирал оставленные за прибором шарики и хранил, как какую-нибудь святыню, в особом ящике, в одном из шкафов своего кабинета[29]. Таких шариков собрано было 126, которые долго хранились, но куда потом делись — уже не помню.] Весь обед, бывало, он катает шарики из хлеба и, школьничая, начнет бросать ими в кого-нибудь из сидящих; а то так, если квас ему почему-либо не понравится, начнет опускать шарики прямо в графин. [После обеда Николай Васильевич тотчас уходил в свою комнату и запирался в ней. Что он там делал, работал или спал — я не знаю, так как нам строго было приказано: в это время его отнюдь не беспокоить. К 7-ми часам вечера он сходил вниз и гулял у нас в саду, а если погода не благоприятствовала, то начинал ходить взад и вперед по всей амфиладе комнат. Сделав несколько концов туда и сюда, он подходил к столу и выпивал стакан холодной воды. Находившись досыта, отправлялся в кабинет, где отец обыкновенно в это время работал, и усаживался в креслах. Если посторонних никого не было, сидел долго — час и больше, но ничего с отцом не говорил. Однажды он вошел в кабинет и опустился в кресла, не сняв с головы шляпы. Старик покосился на него и, не оставляя работы, спросил шутливо:

— Ну что, находился?

— Я-то находился, а ты-то вот — написался ли? — отвечал Гоголь.

— Да ты что же шляпы-то не снимаешь с головы? — переменил вдруг тему разговора отец.

— Перед кем это? Перед твоей историей что ли? — сыронизировал Николай Васильевич.

— Перед историей — не перед историей, а перед образами, — ответил старик.

— Перед образами я всегда сниму, — отвечал уклончиво Гоголь, — а вот перед твоей историей — наверное уж не снял бы, потому что вся твоя история — ни что иное, как легенда или просто басня...

— Ну, ну, брат заврался! — перебил отец и медленно поднявшись с места, подошел к нему, снял с него шляпу и положил ее перед ним, на стол.

— Вот так-то будет лучше! — проговорил он кротко, отошел к своему столу и молча принялся за работу.

Гоголь посидел после того недолго и молча вышел. Но это не было размолвкой между ними. Это было одним из характеристичных мгновенных вспышек каприза духа великого писателя. Нервная чуткость и моментальная вспыльчивость его были поразительны. На мой взгляд, он уподоблялся тогда мимозе, которая при первом прикосновении к ней свертывается и уходит в самое себя. Когда к нам по вечерам приезжали гости (а любопытных посмотреть на автора "Мертвых душ", или поговорить с ним было немало), Николай Васильевич забивался куда-нибудь в угол, нахмуривался и говорил очень мало, приставаний с участием и предложений услуг не любил, вместо ответов цедил сквозь зубы какие-то фразы и старался при первой возможности, под каким-нибудь благовидным предлогом, уйти к себе в мезонин. Когда же собирался известный небольшой кружок людей близких, Гоголь как будто преображался, вся его мнительность и напускная мизантропия исчезала, и он становился весел и приятен: разговаривал, шутил и смеялся. Даже, я помню, раза два читал что-то из своих новых сочинений. Ну, конечно, тогда у нас был праздник, и отец, выходя из кабинета, потирал руки и говорил: "Ну, слава Богу! развеселился, наконец"...] После обеда до семи часов вечера он уединялся к себе, и в это время к нему уже никто не ходил; а в семь часов он спускался вниз, широко распахивал двери всей амфилады передних комнат, и начиналось хождение, а походить было где: дом был очень велик. В крайних комнатах, маленькой и большой гостиных, ставились большие графины с холодной водой. Гоголь ходил и через каждые десять минут выпивал по стакану. На отца, сидевшего в это время в своем кабинете за летописями Нестора, это хождение не производило никакого впечатления; он преспокойно сидел и писал. Изредка только, бывало, поднимет голову на Николая Васильевича и спросит: "Ну, что, находился ли?" — "Пиши, пиши, — отвечает Гоголь, — бумага по тебе плачет". И опять то же; один пишет, а другой ходит. Ходил же Н<иколай> В<асильевич> всегда чрезвычайно быстро и как-то порывисто, производя при этом такой ветер, что стеариновые свечи (тогда о керосине еще не было и помину) оплывали, к немалому огорчению моей бережливой бабушки[30]. Когда же Н<иколай> В<асильевич> очень уж расходится, то моя бабушка, мать моего отца, сидевшая в одной из комнат, составлявших амфиладу его прогулок,

закричит, бывало, горничной: "Груша, а Груша, подай-ка теплый платок, тальянец (так она звала Н<иколая> В<асильевича>) столько ветру напустил, так страсть!" – "Не сердись, старая, – скажет добродушно Н<иколай> В<асильевич>, – графин кончу, и баста". Действительно, покончит второй графин и уйдет наверх. На ходу, да и вообще, Гоголь держал голову несколько набок. Из платья он обращал внимание преимущественно на жилеты: носил всегда бархатные и только двух цветов, синего и красного. Выезжал он из дома редко, у себя тоже не любил принимать гостей, хотя характера был крайне радушного. Мне кажется, известность утомляла его, и ему было неприятно, что каждый ловил его слово и старался навести его на разговор; наконец он знал, что к отцу приезжали многие лица специально для того, чтобы посмотреть на "Гоголя", и когда его случайно застигали в кабинете отца, он моментально свертывался, как улитка, и упорно молчал. Не могу сказать, чтобы у Н<иколая> В<асильевича> было много знакомых. Может быть, интеллигентное общество, понимая, как дорог для Гоголя каждый час, не решалось отнимать у него время, а может быть, было дано людям строгое приказание никого не принимать. Гоголь жил у нас скорее отшельником. <...> Вообще Н<иколай> В<асильевич> любил беседовать с духовенством и не обегал нашего немудрого, но очень добродушного религиозного старичка, отца Иоанна[31], переведенного из села Воронова графа Ростопчина, в наш приход св. Саввы Освященного, за усмирение одним пастырским словом 5-ти тысяч крестьян, не захотевших повиноваться распоряжениям графа Ростопчина в повелении сжечь Вороново; но в церкви Гоголя я ни разу не видал. Большое удовольствие доставил Н<иколаю> В<асильевичу> приезд его двух сестер[32]: Марии и Анны Васильевн, поместившихся у нас же, как раз против его комнаты, еще в лучшей, выходившей большим итальянским окном прямо в сад. Гоголь был очень нежный и заботливый брат и сейчас же задумал им что-нибудь подарить; но не знал – что, и прибег к совету моей матери Елизаветы Васильевны, которую он очень уважал и любил. Доказательством служат и письма его к ней, и отзывы о ней в письмах к отцу моему. С общего совета они решили купить два черных шелковых платья, в которых его "сестренки", как он выражался, вскоре и защеголяли. Продажа изданий Н<иколая> В<асильевича>, как это ни удивительно, шла все-таки относительно туго, и он постоянно нуждался в деньгах, но прибегал к помощи своих искренних друзей только в крайних случаях; а тогда были около него и считались его друзьями такие личности, как Нащокин, Мельгунов, Павлов, известные своим богатством; они сочли бы за честь и истинное удовольствие ссудить Н<иколая> В<асильевича> деньгами. В то время вообще денежные расчеты велись как-то особенно от нашего времени; верили больше слову, чем расписке или долговому письму (векселя между дворянами совсем не употреблялись). Жили попросту, касс не грабили, общественных сумм не расхищали, банков не было, не было и крахов; а жили себе припеваючи и при нужде помогали друг другу, но помогали так, как нынче было бы и непонятно. [В деньгах Николай Васильевич постоянно нуждался, так как продажа его сочинений шла не шибко. Сколько раз он обещал мне и сестре привезти гостинцев, купить игрушек или книжек, но всякий раз, когда мы напоминали ему об его обещании, отговари<ва>лся неимением денег. "Подождите, дети, – убеждал он нас, гладя по головкам, – скоро разбогатею я, тогда всего накуплю вам". И действительно, однажды он привез нам подарок, позвал нас и, смеясь, дал какой-то сверток. "Нате, – сказал, – снесите к отцу и покажите!.." Отец развязал, посмотрел и спрятал к себе в шкаф. Что это был за подарок – я не знаю, только нам строго-настрого было приказано: никаких гостинцев у Николая Васильевича не просить. Мы расплакались и несколько дней не были по утрам у него в комнате. Тогда он, при первой же поездке в город, купил мне маленькое ружьецо, а сестре – сетку для ловки бабочек, и на другой день утром пошел с нами в сад, учил меня стрелять, а с сестрой бегал по лужкам за бабочками. Но это было только один раз, и больше мы его дозваться в сад для игры с ним никоим образом не могли]»[33].

Дочь Погодина Александра Михайловна (в замужестве Зедергольм), которая была двумя годами старше своего брата (в 1841 г. ей было семь лет), оставила сходные воспоминания: «В памяти А. М. Зедергольм Гоголь сохранился со всеми странностями, характерными для него в период последних дней его жизни. Порывистый в своих движениях, с суетливой походкой, руки в карманах, небольшого роста, пестро одетый в любимый им бархатный жилет, с длинными волосами, часто спадавшими ему на лоб, почему ему часто приходилось откидывать голову назад, чтобы поправить волосы, – таков Гоголь в ее памяти. В этот период он был нелюдим, малообщителен, скрытен.

<...> В памяти А. М. Зедергольм запечатлелась очень ярко такая сцена. Гоголь любил вышивать по канве, но об этом никому не говорил и скрывал это от посторонних. Однажды, в то время, когда Гоголь проживал у М. П. Погодина, он был остановлен в зале, куда выходила дверь его комнаты, воспитательницей г-жи Зедергольм, которая неосторожно спросила о его успехах в вышивании. Гоголь мрачно ответил:

— Кто вам это сказал? Пустяки, пустяки, — и быстро, видимо очень недовольный, прошел дальше. <...>

Гоголь, когда подавались к столу макароны, любил сам их приготовлять, засучив для того рукава и сопровождая всю манипуляцию веселым смехом и шутками.

Гоголь был большим любителем кофе, у него было бесконечное число кофейников, он сам варил себе кофе. Гоголь любил эти утренние часы, когда пар вырывался из кофейника, — мысль его тогда как бы напряженно работала, он задумывался, становился сосредоточенным. Руками в это время он отрывал кусочки хлеба и скатывал его в шарики. Этими шариками вскоре наполнялся целый бокал. Отдавая раз этот бокал матери А<лександры> М<ихайловны>, Гоголь сказал:

— Вот вам Елизавета Васильевна, на память! В этих шариках много моих мыслей...»[34]

[1] См. ***1841. Августа после 26 — сентября до 26 <августа после 14 — сентября до 14>. Ганау.***

[2] См. ***1840. Декабря 13 <25>. Пятница. Москва.***

[3] <*Уваров С. С.* Предисловие> // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1. С. V–VI.

[4] Журнал Министерства Народного Просвещения. 1835. № 4. С. CXLV.

[5] См. ***1840. Октября 29 <17>. Четверг. Рим***; ***XIII–XV вв. Предыстория (происхождение казачества)*** (примечания).

[6] См. также ***1843 ноября 19 <7> — 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

[7] См. ***1839. Октября 30 — декабря 17. Санкт-Петербург*** (примечания).

[8] См. ***1841. Июля 11 <23>. Пятница. Москва.***

[9] Первая половина книг была получена в Риме в начале января (н. ст.) 1842 г. (см. ***1842. Января 23 <11>. Воскресенье. Рим***), вторая — в начале января (н. ст.) 1843 г. (см. ***1843 января 9 <1842 декабря 28>. Понедельник. Рим***).

[10] Лист такой бумаги встречается в переписке русской миссии в Риме 1842 г. (см.: *АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 565. Л. 216).

[11] Басня Державина. (Написанная в Калуге, 1802 года) // Москвитянин. 1842. № 4 (цензурное разрешение 1 апреля). С. 293–294.

[12] Собр. соч. *М. В. Ломоносова*. Печатано по определению Имп. Российской Академии. СПб., 1840. Ч. 1.

[13] Соч. *Державина*. Издание книгопродавца А. Смирдина. СПб., 1831. Ч. 1–4; То же. СПб., 1833. Ч. 1; 1834. Ч. 2–4 (о последнем издании Гоголь упоминал в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году»).

[14] См. ***1843 ноября 19 <7> — 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

[15] См.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 17. С. 720–721. — Издание Сахарова «Песни русского народа» Гоголь просил С. Т. Аксакова привезти ему в Рим («если только вышло») в письме от 10 июня (н. ст.) 1840 г. (см. ***1840. Июня 10 <мая 29>. Среда. Варшава***).

[16] См. ***1845. Января 14 — марта 1 <января 2 — февраля 17>. Париж.***

[17] См. ***1847. Декабря 2 <ноября 20>. Четверг. Неаполь***; *Гоголь 2009–2010*. Т. 17. С. 421, 777.

[18] См. ***1834. Января 7. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1839. Августа 22–23 <10–11>. Четверг-пятница. Прага 1850. Февраля 14. Вторник. Москва***; ***1850. Мая 12. Пятница. Москва.***

[19] См. ***1834. Марта 7. Среда. Москва***; ***1834. Апреля 20. Страстная пятница. Санкт-Петербург.***

[20] См. ***1835. Августа около 11. Васильевка, Великие Сорочинцы, Миргород***; ***1835. Августа 14 — 18–19. Киев.***

[21] См. ***1838. Февраля 5 <января 24>. Понедельник. Рим.***

[22] В частности, одна из песен сборника, заимствованных из собрания Ходаковского, — *XLIV. Летыть орел по над морем* — в 1834 г. была использована при создании первой редакции «Тараса Бульбы»; новая реминисценция из этой песни появляется во второй редакции повести (1842) (см.: *Гоголь 2009*. С. 625, 644).

[23] Полицеймейстерами в Москве в то время были: полковник Ф. И. Миллер, подполковник Д. Н. Ермолов (сменивший Миллера в период до 10 декабря 1841 г.), а также Л. Н. Верещагин и Н. П. Брянчанинов.

[24] См. ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва.***

[25] См. ***1843. Августа 28 <16>. Понедельник — ноября 5 <октября 24>. Воскресенье. Дюссельдорф***; ***1844 сентября 21 <9> — 1845 января 10 или 11 <1844 декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне.***

[26] См. ***1843. Января 26 <14>. Четверг. Рим*** (примечания).

[27] См. также ***1836. Июня 28 <16>. Вторник. Гамбург*** (примечания); ***1839. Мая 30 <18>. Четверг. Рим***; ***1847. Сентября 7 <августа 26>. Вторник. Остенде***.

[28] См. ***1847. Августа 28 <16>. Суббота. Остенде***.

[29] В 1871 г. об этом же сообщал Н. В. Берг (см. ***1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва***). Сам Погодин упоминал об этой привычке Гоголя в письме к нему от 8 апреля 1847 г.: «Может быть, <...> ты после болезни был так настроен и написал свое завещание, разве не имел какой особой мысли или какого особого намерения, что за тобой водилось, — придумывать, катая шарики, разные мудреные вещи...» (см. ***1847. Апреля 8 <20>. Вторник. Москва***).

[30] Агр. М. Погодина, мать Погодина.

[31] Имеется в виду священник церкви Преподобного Саввы Освященного на Девичьем поле отец Иоанн Диомидович Никольский, духовник Гоголя. Гоголь познакомился с ним в 1842 г., когда по приезде из-за границы жил у М. П. Погодина (см. ***1852. Февраля 5. Вторник масленицы. Москва*** – примечания). В декабре 1846 г., накануне выхода книги «Выбранные места из переписки с друзьями», Гоголь писал Шевыреву из Неаполя: «Отыщи, пожалуйста, того самого священника, у которого я говел и исповедовался в Москве. Имени его не помню. Погодин или, еще лучше — мать его должна знать его. Священник этот несколько толст, с лица ряб, на манер С***, но мне очень понравился. Простое слово у него проникнуто душевным чувством. Все, что я услышал о нем потом, было в его пользу. Отдай ему один экземпляр книги, скажи, что я его помню и книгу мою нахожу приличным вручить ему как продолжение моей исповеди».

[32] Имеются в виду мать Гоголя, Мария Ивановна, и его сестра, Анна Васильевна. Сестра Гоголя Елисавета с 1840 г. жила в Москве в доме П. И. Раевской (см. ***1842. Мая 9. Суббота. Москва***).

[33] *Погодин Д. М.* Пребывание Н. В. Гоголя в доме моего отца // *Свод.* Т. 2. С. 525–526; *Мартьянов П. К.* Гг. Погодины и газета «Жизнь» // *Свод.* Т. 2. С. 531–533.

[34] *В. С.* Из воспоминаний о Н. В. Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 540.

ОКТЯБРЯ 29 <17>. ПЯТНИЦА. БЕРЛИН

В. А. Панов сообщает матери:

«Окончивши свою работу в Дрезденской королевской библиотеке, я оставил Дрезден 18 числа и приехал сюда 19. <...> Когда я приехал сюда, мне ужасно досадно было найти, что портрет мой оставлен здесь. Кажется кн<язь> Хованский[1], не понявши, вероятно, то, что слышал от Гоголя, уверил Анну Ивановну <Родионову>, будто я не хочу, чтобы портрет мой отвезли в Россию[2]. Я думаю, что можно будет отправить Вам его, когда повезут тело покойного Петра Ивановича <Родионова> в Россию. Теперь я нахожу его очень похожим. Бороду я свою уже сбрил».

<*Суперфин Г. Г.*> *Черныш Г. Г.* Неизвестное письмо Гоголя // Finitis Duodecim Lustris. Сб. ст. к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982. С. 113; Гоголь в письмах В. А. Панова // *Свод.* Т. 2. С. 164.

[1] Князь Александр Николаевич Хованский (1771–1857), сенатор (с 1818), родственник В. А. Панова.

[2] Речь, вероятно, идет о портрете В. А. Панова с его возлюбленной Джюлией (см. ***1841. Октября первая половина <октября начало>. Берлин***).

ОКТЯБРЯ 18. СУББОТА. МОСКВА

Гоголь посетил Аксаковых, когда у них был П. И. Пейкер.

В этот день В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской: «Возвратившись с маменькой домой сегодня, мы нашли у нас — Гоголя. Он приехал вчера[1] же вместе с П<етром> И<вановичем>[2] в одной почтовой карете и, разговорившись, узнали, что мы им общие знакомые. Хотя и знали[3], что Гоголь едет в Россию, но не ожидали его так скоро, и потому, говорят, у нас был порядочный шум при его появлении, так что напугали весь дом. Я очень рада, что я тут не была в эту минуту — кроме испуга, вообрази, что мне еще достается от тех самых, которые меня испугают, что случается нередко. Еще не знают наверное, а кажется Гоголь приехал не с пустыми руками»[4].

На следующий день, 19 октября 1841 г., В. С. Аксакова в письме к Карташевской добавляла: «Вчера обедал у нас П. И. Пейкер... Я тебе писала, что П<етр> И<ванович> приехал в одном дилижансе с Гоголем, но Пейкер и не знал, что это тот самый Гоголь, писатель. Мы не могли удержаться от смеха, слыша рассказы Пейкера о том, как они ехали вместе и всё молчали; и вообрази, что Гоголь без всякой причины наговорил ему столько вздору, например, тот спрашивает, знает ли он Погодина, Гоголь отвечает, что нет, и т. п. Пейкер, узнавши, что он так был мистифицирован, обиделся было, но мы уверили его, что Гоголь делает это со всеми, что совершенная правда»[5].

В конце октября 1841 г. В. С. Аксакова вновь сообщала М. Г. Карташевской: «Письмо это пойдет с Петром Ивановичем[6] <...> На днях он обедал у нас вместе с Гоголем, сцена их свидания была так смешна, что я убежала в другую комнату, чтоб не расхохотаться, но и у нас даже Гоголь при Пейкере мало говорил. — Ты совершенно отгадала, моя милая Машенька, их разговор в дилижансе, но только он не пошел далее, и Петр Иванович жалуется ужасно на молчание своего спутника»[7].

В 1854 г. С. Т. Аксаков замечал: «*Гогель* вместо *Гоголь* сказано было Петру Ив<ановичу> Пейкеру»[8]. Тогда же Аксаков писал П. А. Кулишу: «Гоголь ехал из Петербурга в Москву в дилижансе и сидел в одном купе с моим знакомым, прекрасным человеком, П. И. П<ейкером>»[9].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Гоголя мы уже давно ждали, но наконец и ждать перестали; а потому внезапное появление его у нас в доме 18-го октября произвело такой же радостный шум, как в 39-м году письмо Щепкина[10], извещавшее о приезде Гоголя в Москву: крик Константина точно так же всех напугал.

В этот год последовала новая сильная перемена в Гоголе, не в отношении к наружности, а в отношении к его нраву и свойствам: впрочем, и по наружности он стал худ, бледен, и тихая покорность воле Божией слышна была в каждом его слове: гастрономического направления и прежней проказливости — как будто никогда не бывало. Иногда, очевидно без намерения, слышался юмор и природный его комизм; но смех слушателей, прежде не противный ему или не замечаемый им, в настоящее время сейчас заставлял его переменить тон разговора. Проявление последней его проказливости случилось во время переезда Гоголя из Петерб<урга> в Москву. Он приехал в одной почтовой карете с Пет<ром> Ив<ановичем> Пейкером и сидел с ним в одном купе. Заметя, что товарищ очень обрадовался соседству знаменитого писателя, он уверил его, что он не *Гоголь*, а *Гогель*, прикинулся смиренным простячком, круглым сиротой и рассказал о себе преплачевную историю. Притом на все вопросы отвечал: “нет, не знаю”. Пейкер оставил в покое своего неразговорчивого соседа. Приехав в Москву, Пейкер немедленно посетил нас. Речь зашла о Гоголе, и петербургский гость изъявил горячее желание его видеть. Я сказал, что это очень немудрено, потому что Гоголь бывает у меня почти всякой день. Через несколько минут входит Гоголь, своей тогда еще живою и бодрою походкой. Я познакомил его с моим гостем, и что же? Он узнает в Гоголе несносного своего соседа Гогеля. Мы не могли удержаться от смеха, но Пейкер осердился. Он был прав: за что Гоголь дурачил его трое суток? Между тем Гоголь сделал это единственно для того, чтоб избавиться от докучных вопросов, предлагаемых обыкновенно писателю: “Что вы теперь пишете? Когда подарите нас новым произведением? Для чего вы не напишете того-то?” и пр. и пр. Можно ли строго осудить за это Гоголя, который так любил уединение дороги? Невинная выдумка возвращала ему полную свободу, и он, подняв воротник шинели выше своей головы (это была его любимая поза), всю дорогу читал потихоньку Шекспира или предавался своим творческим фантазиям. Между тем многие его за это обвиняли. Мы успокоили Пейкера, объяснив ему, что подобные мистификации Гоголь делал со всеми. Впоследствии они обедали у нас вместе[11], и Гоголь был любезен с своим прежним дорожным соседом.

Гоголь точно привез с собой первый том “Мер<твых> Д<уш>”, совершенно конченный и отчасти отделанный. Он требовал от нас, чтоб мы никому об этом не говорили, а всем бы отвечали, что ничего готового нет»[12].

[1] См. ***1841. Октября 17. Пятница. Москва.***

[2] Пейкером.

[3] См. ***1841. Марта 25 <13>. Четверг. Рим.***

[4] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 812.

[5] Там же. Т. 2. С. 812.

[6] Ср. ***1841. Октября 20. Понедельник. Москва*; *1841. Ноября 7. Пятница. Санкт-Петербург.***

[7] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 812.

[8] *Аксаков С. Т.* Из истории нашего знакомства с Гоголем <1832–1840 гг.>. <Выписки рукою П. А. Кулиша>. <Конец ноября – начало декабря 1854 г.> // *Свод.* Т. 2. С. 657.

[9] Фрагменты из воспоминаний С. Т. Аксакова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 661.

[10] См. ***1839. Сентября 28. Четверг. Москва, д. Аксиньино, Москва.***

[11] См. ***1841. Октября 20. Понедельник. Москва*; *1841. Ноября 7. Пятница. Санкт-Петербург.***

[12] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 703. См. также: *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 639; Фрагменты из воспоминаний С. Т. Аксакова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 661.

ОКТЯБРЯ КОНЕЦ <ОКТЯБРЯ СРЕДИНА>. ПАРИЖ

П. В. Анненков по прибытии из Женевы[1] в Париж получает известие об отъезде[2] Гоголя в Россию.

Из «Воспоминаний о Гоголе» Анненкова (1857): «В октябре 1841 года в Париже получено было известие, что Н. В. Гоголь уехал в Россию для печатания первого тома “Мертвых душ”»[3].

[1] См. ***1841. Октября 26 <14>. Вторник. Женева.***

[2] См. ***1841. Августа средина <августа начало>. Рим.***

[3] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 452.

ОКТЯБРЯ 20 <НОЯБРЯ 1>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

С. Т. Аксаков отправляет записку Гоголю (в дом М. П. Погодина):

«Хоть плохую имею надежду, но на всякий случай предлагаю вам, любезнейший Николай Василь<евич>, <о>тобедать вместе в клубе, куда я записан, <пригласи>в вашего спутника из Питера[1]. Если же вы н<е хотите> в Двор<янский> Клуб, то не приедете ли к н<ам> <...> я не очень здоров и останусь дома, да <...> (если буду знать, что вы у нас) немедленно по<сле> обеда приеду. Обнимаю вас крепко. Очень бы хотелось подольше, побольше, на просторе поговорить с вами».

На записку Аксакова Гоголь в тот же день отвечал:

«К вам натурально приеду, а в клуб и ворон костей моих не занесет».

По-видимому, в этот день Гоголь вместе с П. И. Пейкером обедал у Аксаковых.

В тот же день, 20 октября 1841 г., Гоголь получил из Рима письмо от А. А. Иванова[2] и сразу отвечал:

«Меня удивляет, что вы не получили до сих пор денег. Они посланы были к Кривцову[3], и Кривцов еще в августе месяце уведомил Погодина[4], что послал в Рим распоряжение о выдаче их немедленно. Но не знаю только, кому он дал распоряжение: Валентини или кому другому. Итак, я вас прошу разыскать и принять эти деньги. Их 2000 р<ублей>[5]. 200 скуд отдайте Валентини[6], что с лишком возьмите себе, как придется по расчету наверно не припомню, сколько я вам должен. Если будет в остатке еще 100 скуд, то их определяю Шаповалову за копию женщин из Илиодора, о которой было говорено, мера назначена не помню вдвое или вдвое с половиною против копии Моллера.

<...> Еще: хозяин спрашивает насчет Нибби. — Заплатите, что следует за вышедшие листочки, а пусть следующие приносит разносящий к вам. Мы потом с вами сочтемся. Поклонитесь от меня Иордану и скажите ему также, чтобы он никак не унывал духом, а работал бы бодро свое дело. <...> Отдайте Моллеру письмецо, при сем прилагаемое».

В отправленном тогда же в Рим письме к Ф. А. фон Моллеру Гоголь сообщал, что посетил его родных в Петербурге[7], и спрашивал:

«Что? как вы? и что намерены? Мне нужно знать необходимо все ваши планы... <...> Но прежде всего, ради всего святого в мире, не упадайте духом. Всякий перелом, посылаемый человеку, чудно-благодетелен. Это лучшее, что только есть в жизни. Звезда и светильник, указующий ему, наконец, его настоящий путь. Верьте, вся жизнь потом бывает одна благодарность за сей ниспосланный перелом. Напишите скорее! Весь ваш, так же твердо жмущий вам руку и говорящий: вперед»[8].

В тот же день, 20 октября 1841 г., Е. М. Хомякова сообщала брату Н. М. Языкову:

«Гоголя рада буду видеть очень, люблю его, он такой добрый и любит Вас. Жаль только, что он от Погодина не хочет никуда ездить; к Авдотье Петровне[9] и то утром будет ездить»[10].

[1] Под «спутником из Питера» подразумевался, по-видимому, П. И. Пейкер.

[2] См. ***1841. Октября начало <сентября вторая половина>. Рим***.

[3] В то время обещанных денег Погодин в Рим не выслал, но лишь обещал прислать их «через две недели». Погодин обещал Гоголю отправить деньги в Рим (возможно, повторно) лишь 24–25 декабря 1841 г., однако, вероятно, и тогда не исполнил своего обещания, и в конце декабря 1841 г. Гоголь отправил деньги сам (см. ***1841. Декабря средина <декабря начало>. Рим***; ***1841 декабря 25 <1842 января 6>. Четверг. Праздник Рождества Христова. Москва***; ***1841 декабря конец <1842 января средина>. Москва***).

[4] С 3/15 августа по сентябрь 1841 г. Погодин был в поездке по России (см.: *Барсуков*. 1892. Кн. 5. С. 161–221), поэтому извещение Кривцова мог получить лишь в сентябре 1841 г.

[5] См. также ***1841. Октября около 27. Москва***.

[6] См. ***1841. Июля 31 <19>. Суббота. Рим***.

[7] См. ***1841. Октября 7 <19>. Вторник — 14 <26>. Вторник. Санкт-Петербург***.

[8] См. также ***1841. Августа 7 <июля 26>. Суббота. Рим*** (примечания).

[9] Елагиной.

[10] Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод*. Т. 3. С. 189.

ОКТЯБРЯ 23 <НОЯБРЯ 4>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголь пишет Н. М. Языкову в Ганау:

«Меня, как ты уже я думаю знаешь, предательски завезли в Петербург; там я пять дней[1] томился. Погода мерзейшая именно трепня. Но я теперь в Москве и вижу чудную разность в климатах. Дни все в солнце, воздух слышен свежий, осенний, передо мною открытое поле, и ни кареты, ни дрожек, ни души — словом рай. Обнимаю и целую тебя несколько раз. Жизнь наша[2] может быть здесь полно-хороша и безбурна. Кофий уже доведен мною до совершенства, никаких докучных мух и никакого беспокойства ни от кого. Я не знаю сам, как это делается, — но то справедливо, что если человек созрел для уединенной жизни, то в его лице, в речи, в поступках есть что-то такое, что отдаляет его от всего, что ежедневно, — и невольно отступаются от него люди, занятые ежедневными толками и страстями. <...> У меня на душе хорошо, светло».

На настоящее письмо Н. М. Языков ответил стихотворным посланием «Гоголю»[3].

В конце 1841 г. Языков писал родным о Гоголе: «В Москве он поселился в отдаленности от суеты мирской, на Девичьем Поле[4], никуда не ездит»[5].

[1] Ср. ***1841. Октября 7 <19>. Вторник – 14 <26>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] См. также ***1841. Августа после 26 – сентября до 26 <августа после 14 – сентября до 14>. Ганау; 1841. Сентября 27 <15>. Понедельник. Дрезден; 1841. Октября 7 <19>. Вторник. Санкт-Петербург; 1841. Ноября между 16 и 20 <между 4 и 8>. Ганау; 1841. Ноября 17. Понедельник. Москва.***

[3] См. ***1841. Ноября между 16 и 20 <между 4 и 8>. Ганау.***

[4] У М. П. Погодина.

[5] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 148.

ОКТЯБРЯ ОКОЛО 27. МОСКВА

Гоголь посылает в Рим доверенность А. А. Иванову:

«Уполномочиваю Александра Андреевича Иванова получить следуемые мне деньги 2000 рублей[1] на ассигн<ации>».

[1] См. ***1841. Октября 20. Понедельник. Москва.***

ОКТЯБРЬ. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской в Петербург:

«Вчера целый день у нас была Лиза Гоголь и ночевала, теперь она возле меня и просит, чтоб я тебе кланялась от нее. Лиза такая шалунья, все толкает мне руку».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 813.

ОКТЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА. МОСКВА

Гоголь прочел М. П. Погодину и С. Т. и К. С. Аксаковым последние пять глав первого тома «Мертвых душ»[1].

Позднее, 18 августа (н. ст.) 1842 г., Гоголь, отвечая на слова С. Т. Аксакова о толках по поводу «Мертвых душ», замечал: «Само по себе разумеется, что приятнее всего было мне читать отчет ваших собственных впечатлений, хотя они были мне отчасти известны. Бог одарил меня проницательностью, и я прочел в лице вашем во время чтения[2] почти все, что мне было нужно. Я не рассердился на вас за неоткровенность[3]. <...> Я знаю, что самые близкие люди, которые более других чувствуют мои сочинения, я знал, что и они все почти ощутят розные впечатления. Вот почему прежде всего я положил прочесть Вам, Погодину и Константину, как трем различным характерам, разнородно примущим первые впечатления. То, что я увидел в замечании их, в самом молчании и в легком движении недоуменья, ненароком и мельком проскальзывающего по лицам, то принесло мне уже на другой день пользу, хотя бы оно принесло мне несравненно большую пользу, если бы застенчивость не помешала каждому рассказать вполне характер своего впечатления».

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Покуда переписывались первые 6 глав, Гоголь прочел мне, Константину и Погодину остальные пять глав. Он читал их у себя на квартире, т<о> е<сть> в доме Погодина, и ни за что не соглашался, чтоб кто-нибудь слышал их, кроме нас троих. Он требовал от нас критических замечаний, не столько на частности, как на общий состав и ход происшествия в целом томе. Я решительно не был тогда способен к такого роду замечаниям[4]; частности, мелочи бросались мне в глаза во время чтения, но и об них я забывал после. Итак, я молчал, но Погодин заговорил. Что он говорил, я хорошенько не помню; помню только, что он между прочим утверждал, что в первом томе содержание поэмы не двигается вперед;

что Гоголь выстроил длинный коридор, по которому ведет своего читателя вместе с Чичиковым и, отворяя двери направо и налево, показывает сидящего в каждой комнате урода. Я принялся спорить с Погодиным, доказывая, что тут никакого коридора и никаких уродов нет, что содержание поэмы идет вперед, потому что Чичиков ездит по добрым людям и скупает мертвые души... но Гоголь был недоволен моим заступлением и, сказав мне: "Сами вы ничего заметить не хотите или не замечаете, а другому замечать мешаете...", просил Погодина продолжать и очень внимательно его слушал, не возражая ни одним словом.

Я говорил Гоголю после, что, слушая "Мерт<вые> Д<уши>" в первый раз, да хоть бы и не в первый, и увлекаясь красотами его художественного создания, никакой в свете критик, если только он способен принимать поэтические впечатления, — не в состоянии будет замечать какие-нибудь недостатки; что если он хочет моих замечаний, то пусть даст мне чисто переписанную рукопись в руки, чтоб я на свободе прочел ее и, может быть, не один раз. Тогда дело другое. Но Гоголь не хотел и не мог этого сделать: рукопись поспешно переписывалась и немедленно была отослана[5] в цензуру в Петерб<ург>»[6].

[1] См. ***1841. Ноября 1. Суббота. Москва.***

[2] Имеется в виду чтение Гоголем последних пяти глав первого тома «Мертвых душ» во второй половине октября 1841 г. в доме М. П. Погодина.

[3] «Гоголь решительно ошибался. При первых чтениях я не был еще способен замечать недостатки» (примеч. С. Т. Аксакова на копии письма Гоголя к С. Т. Аксакову от 18 августа (н. ст.) 1842 г., снятой В. С. Аксаковой для П. А. Кулиша: *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 642).

[4] См. также ***1842. Августа 18 <6>. Четверг. Праздник Преображения Господня. Гастейн*** (примечания).

[5] См. ***1842. Января между 2 и 7. Москва.***

[6] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 704. См. также: *Аксаков С. Т.* Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя <1836–1844 гг.>. <Письмо к П. А. Кулишу 10 июня 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 639–640.

ОКТЯБРЯ КОНЕЦ – НОЯБРЬ. МОСКВА

К. С. Аксаков сообщает брату Ивану:

«Можешь себе представить, как обрадовались мы, что приехал Гоголь![1] Мы видаемся с ним часто; он (но это по секрету) читал нам и прочел всю первую часть "Мертвых душ!"; это — чудо!»

Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 791.

[1] См. ***1841. Октября 17. Суббота. Москва.***

НОЯБРЯ 1. СУББОТА. МОСКВА

С. Т. Аксаков пишет М. Г. Карташевской в Петербург:

«За большой секрет скажу тебе, что только мы двое с Константином слышали 1-й том "Мертвых душ", всего 11 глав, но, кажется, нет возможности уместить их в одном томе. Последняя глава повергла нас в изумление восторга... В ней выразилась благодатная перемена в целом нравственном бытии автора... Вместо мрачной мизантропии – любовь, мир, спокойствие... И каким глубоко и высоко поэтическим образом все это высказалось...

При первой возможности, вероятно, ты первая в Петербурге получишь этот драгоценный том... Автор совсем другой человек. Он находится в состоянии если не всегда творчества (потому что это было бы невыносимо), но всегда производительности, деятельности... Сон и пища — для него дело постороннее. Это видно, что он живет постоянно в своем мире, в своем обществе. Читает только нам двоим и беспрестанно требует замечаний. Эти чтения — секрет для всех. Три раза в неделю он

обедает у нас, и до 9-ти часов мы занимаемся определением и записыванием особенностей нашего богатейшего языка[1]: для него это очень нужно».

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 581.

[1] Почерпнутые Гоголем в октябре-ноябре 1841 г. из бесед с С. Т. Аксаковым сведения сохранились в гоголевских записных книжках 1841–1844 и 1841–1845 гг. и были использованы тогда же Гоголем при переработке отдельных глав первого тома «Мертвых душ», второй редакции «Тараса Бульбы» и в работе над вторым томом поэмы (см. ***1841. Октября после 20 – декабря первая половина. Москва***).

НОЯБРЯ 15 <3>. ПОНЕДЕЛЬНИК. БЕРЛИН

Судя по почтовому штемпелю[1], письмо Гоголя к Языкову из Москвы[2], находится, по пути в Ганау, в Берлине.

[1] «Berlin 15.11» (*Городецкий*. С. 471).
[2] См. ***1841. Октября 23 <ноября 4>. Четверг. Москва.***

НОЯБРЯ МЕЖДУ 16[1] И 20 <МЕЖДУ 4 И 8>. ГАНАУ

Н. М. Языков в письме к Гоголю в Москву (не сохранилось) посылает стихотворение «Благословляю твой возврат...»:

«Благословляю твой возврат
Из этой нехристи немецкой
На Русь, к святыне москворецкой!
Ты, слава Богу, счастлив, брат:
Ты дома, ты уже устроил
Себе привольное житье; <...>
А я по-прежнему в Ганау
Сижу, мне скука и тоска... <...>
Пора мне дома отдохнуть;
Давай же, брат, собща устроим[2]
Себе приют и заживем!»

Стихотворение представляет собой ответ Н. М. Языкова на письмо к нему Гоголя из Москвы от 23 октября 1841 г.[3] Гоголь, вероятно, получил это письмо в конце ноября (н. ст.) 1841 г.[4]

[1] См. ***1841. Ноября 15 <3>. Понедельник. Берлин.***
[2] См. также ***1841. Августа после 26 – сентября до 26 <августа после 14 – сентября до 14>. Ганау***; ***1841. Сентября 27 <15>. Понедельник. Дрезден***; ***1841. Октября 7 <19>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1841. Ноября 17. Понедельник. Москва.***
[3] См. ***1841. Октября 23 <ноября 4>. Четверг. Москва.***
[4] См. ***1841. Ноября средина (до 16 числа) <ноября конец (до 28 числа)>. Москва.***

НОЯБРЯ 6. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголь у М. П. Погодина встретился с А. С. Хомяковым, К. С. Аксаковым и И. М. Снегиревым; подарил последнему экземпляр второго издания «Ревизора».

В этот день Снегирев записал в дневнике: «Я ездил к Пассеку и Погодину, у которого встретил Николая Вас<ильевича> Гоголя, подарившего мне свою комедию с надписанием[1], Хомякова и сына Аксакова».

Дневник Ивана Михайловича Снегирева // *Свод.* Т. 2. С. 172.

[1] Экземпляр с дарственной надписью Гоголя не сохранился.

НОЯБРЯ 6. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«6 <ноября>. Ал<ександринский> т<еатр>. Ревизор, к<омедия> в 5 д<ействиях>; Яков Шишморин, вод<евиль> в 2 д<ействиях>».

Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, за октябрь, ноябрь и декабрь 1841 года // Репертуар Русского Театра на 1841 год, издаваемый И. П. Песоцким. СПб., 1841. Т. 2. Кн. 12 (цензурное разрешение 31 января 1842). <Отдельная пагинация>. С. 3.

НОЯБРЯ 7. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. И. Пейкер пишет С. Т. Аксакову:

«Нередко вспоминаю о Гоголе – и признаюсь, если б знал, кто сидел возле меня в дилижансе, я бы ему еще более надоел[1]. Зная его теперь, хотя очень мало, я немедленно принялся за перечитывание его сочинений, и теперь многое представляется мне в ином виде; его метода преподавания всеобщей истории[2] восхищает меня; мне кажется, что гениальность этого замечательного человека является здесь не в меньшем блеске, как в юмористических сочинениях».

Свод. Т. 2. С. 967.

[1] Гоголь приехал в Москву из Петербурга в одном дилижансе с Пейкером, представившись попутчику не *Гоголем*, а *Гогелем* (см. ***1841. Октября 14. Вторник. Санкт-Петербург***).

[2] Речь идет о статье Гоголя «О преподавании всеобщей истории», впервые напечатанной, под названием «План преподавания всеобщей истории» и с подписью «Н. Гоголь», в «Журнале Министерства Народного Просвещения» (1834. Ч. 1. № 2). С измененным названием и небольшой стилистической правкой статья вошла в первую часть сборника «Арабески» (СПб., 1835).

НОЯБРЯ 11. ВТОРНИК. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской в Петербург:

«Жаль, что ты не видала картины Бруни[1]. Я спрашивала об ней Гоголя. Он говорит, что в картинах Бруни виден талант более зрелый, нежели даже в картинах Брюллова[2], но что у этого последнего более гения; что картина эта, впрочем, прекрасна и что каждая группа отдельно может служить для изучения».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 813.

[1] Написанная в Риме картина Федора Антоновича Бруни (1800–1875; принадлежал к католическому вероисповеданию) «Воздвижение Моисеем медного змия» экспонировалась в 1841 г. на выставке в Зимнем дворце. – См. также ***1839. Мая 30 <18>. Четверг. Рим.***

[2] Согласно словам В. С. Аксаковой в письме к М. Г. Карташевской от 21 октября 1842 г. (см. ***1842. Октября 21 <ноября 2>. Среда. Москва***), Гоголь прежде всего имел в виду знаменитую картину Карла Петро-

вича Брюллова (1799–1852; принадлежал к протестантскому вероисповеданию) «Гибель Помпеи» (см. ***1834. Август. Санкт-Петербург***).

НОЯБРЯ 27 <15>. СУББОТА. ГАНАУ

Н. М. Языков, получив из Москвы портрет Гоголя (не сохранился), сообщает родным, что «Гоголев очерк <...> очень хорош».

См. ***1841. Августа после 26 – сентября до 26 <августа после 14 – сентября до 14>. Ганау***.

НОЯБРЯ СРЕДИНА (ДО 16 ЧИСЛА) <НОЯБРЯ КОНЕЦ (ДО 28 ЧИСЛА)>. МОСКВА

Гоголь, вероятно, получил письмо от Н. М. Языкова из Ганау, с стихотворением «Благословляю твой возврат...»[1] Пишет ему ответ[2] (письмо не сохранилось).

Позднее, 10 февраля 1842 г., Гоголь сообщал Языкову: «Я писал к тебе мало в прежнем письме, потому что был не расположен. Я был болен и очень расстроен, и признаюсь невмочь было говорить ни о чем».

[1] См. ***1841. Ноября между 16 и 20 <между 4 и 8>. Ганау***; ***1841. Ноября 17. Понедельник. Москва***.
[2] См. ***1841. Декабря 16 <28>. Вторник. Ганау***.

НОЯБРЯ 17. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь был у Е. М. Хомяковой.

Накануне визита, 16 ноября 1841 г., Е. М. Хомякова писала брату Н. М. Языкову: «Мне очень бы хотелось встретить где-нибудь Гоголя, но он теперь нездоров и не ездит никуда; говорят, у него славные есть Ваши стихи[1]. Он любит Вас очень и говорит об Вас с совершенным восторгом. Как сидите Вы теперь одни? Гоголь говорит, что Вы стали еще бодрее перед его отъездом. Дай Бог, чтоб это была правда. <...> Гоголь представлял в лицах Вас с Бакуниным»[2].

17 ноября Хомякова в том же письме сообщала: «Сегодня был у меня Гоголь. Милый Вессель[3], Вы не можете вообразить, как я рада была видеть его, много рассказывал об Вас, и всё радостное; весело слушать, как он любит Вас, я полюбила его очень. Он отдал мне Ваши подарки. <...> Какие милые серьги! За иголки отдала Гоголю двугривенный, чтоб не поссориться; мы хотим быть друзьями. Он очень худ, всё нездоров. Ждет Вас и сказывал, что будете жить вместе»[4].

[1] В 1841–1843 гг. в «Москвитянине» М. П. Погодина был напечатан целый ряд стихотворений Языкова, появившихся здесь благодаря Гоголю (см.: *Гоголь 2001*. С. 546–565; а также коммент. к разделу «Н. М. Языков» в изд.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 17). Почти все они отправлялись Погодину непосредственно по получении от Н. М. Языкова (или от его брата П. М. Языкова).

Одной из первых таких публикаций стало напечатанное во втором номере «Москвитянина» за 1841 г. послание Языкова «К К. К. Павловой». В бумагах Гоголя сохранился его собственноручный список этого послания. Стихотворение Языкова стало известно Гоголю прежде его первой публикации. Весной 1840 г. сестра Языкова Е. М. Хомякова сообщала брату: «Гоголь в восторге от ваших стихов "Послание к Павловой"; выучил их наизусть» (см. ***1840. Мая средина. Москва***). Возможно, высокая оценка Гоголем стихотворения Языкова и стала одной из причин публикации этого послания в журнале Погодина.

В первом номере «Москвитянина» за 1842 г. (цензурное разрешение 6 янв.) были напечатаны два стихотворения Н. М. Языкова: «Элегия» («Толпа ли девочек игривая, живая...») (см. ***1839. Июля 12 <июня 30>. Пятница. Ганау***) и «К стихам моим». Позднее, 10 февраля 1842 г., Гоголь извещал Языкова в письме из Москвы, что получил от него письмо от 16 декабря 1841 г. (письмо не сохранилось), а «за неделю перед сим» (т. е.

в начале февраля) – «пару» «чудных» стихотворений» (см. ***1842. Февраля около 3. Москва***). Речь идет о стихотворениях Языкова «Альпийская песня» («Гастуна») и «Песня балтийским водам», напечатанных в 1842 г. в третьем номере «Москвитянина». – См. также ***1841. Декабря 22. Понедельник. Москва***; ***1842. Февраля 21 <9>. Понедельник. Ганау***.

В средине марта 1842 г. Гоголь извещал Погодина, что получил от старшего брата Языковых Петра Михайловича драматические сцены Н. М. Языкова «Странный случай». Сцены были опубликованы в пятом номере «Москвитянина» за 1842 г.

Возможно также, что уже осенью 1841 г. Гоголь получил от Языкова стихотворное послание «Гоголю» («Благословляю твой возврат...», 1841), напечатанное позднее, под заглавием «Г ***», в шестом номере «Москвитянина» за 1842 г. Стихотворение представляет собой ответ Языкова на письмо к нему Гоголя из Москвы от 23 октября 1841 г. Это стихотворное послание могло быть получено Гоголем (вместе с несохранившимся письмом Языкова) во второй половине ноября 1841 г. – чему свидетельством могут служить слова Хомяковой («у него <...> есть Ваши стихи») в письме к брату от 16–17 ноября 1841 г.

Однако Н. М. Языков в письме к А. М. Языкову от 28 января (н. ст.) 1842 г. сообщал: «Вчера получил я письмо от Гоголя <письмо не сохранилось>, – несколько строк; он до сих пор не получил от меня ни одного письма с тех пор, как он приехал в Москву <см. ***1841. Октября 17. Пятница. Москва***>, а я писал к нему шесть раз! <...> Были в моем письме к нему письма и со вложением стихов, – это еще досаднее писателю» (см. ***1842. Января 28 <16>. Пятница. Ганау***). Таким образом, стихотворное послание, адресованное Языковым Гоголю, могло быть получено писателем позднее – после того, как Языков вновь отправил Гоголю это стихотворение.

В «Москвитянин» для публикации стихотворение «Гоголю» было передано Погодину самим Гоголем. «Посылаю послание Языкова», – писал Гоголь Погодину во второй половине апреля 1842 г. (см. ***1842. Апреля вторая половина, не позднее 28. Москва***).

Послание «Гоголю», возможно, полученное ранее других опубликованных в 1842 г. в «Москвитянине», было, однако, передано в журнал позднее. По-видимому, это было сделано потому, что Гоголю казалось неудобным появление в печати посвященного ему стихотворения во время пребывания его самого в Москве, – тем более, что одно такое стихотворное посвящение – написанное С. П. Шевыревым («К Гоголю» – «Что ж дремлешь ты?»), Погодин уже напечатал в 1842 г. в № 1 журнала «Москвитянин». Поэтому Гоголь передал Погодину стихотворение Языкова лишь незадолго до своего отъезда за границу (18 мая 1842 г.), с расчетом, что оно появится в свет уже в его отсутствие.

Позднее, 17 мая (н. ст.) 1843 г., Гоголь писал Шевыреву из Гастейна: «Языков ничего не написал в Риме, но состоянием его здоровья я доволен, а главное, что лучше всего, в душе его, кажется, готовится перелом и, вероятно, скоро другие звуки издаст его лира. Посылаю из старых его стихов, которые, кажется, нигде не были напечатаны, по крайней мере он уверяет, что никому не давал их». Посланными произведениями и были стихотворения Языкова «То ли дело как бывало...» («Корабль») и «Люблю смотреть на сине море...» («Девятое мая»), списки которых рукою Гоголя сохранились в рукописном фонде Шевырева. Впервые оба этих стихотворения были опубликованы в 1843 г., в той же последовательности и с теми же номерами и подписями, в «Москвитянине» (№ 7; цензурное разрешение 8 авг.).

[2] О своей встрече с М. А. Бакуниным Н. М. Языков сообщал сестре в письме от конца июля (н. ст.) 1841 г. из Швальбаха (см. ***1841. Июля конец <июня вторая половина>. Швальбах***). Гоголь случайно встретился с Бакуниным в Плауэне, на следующий день после отъезда из Ганау, где жил с Языковыми (см. ***1841. Сентября 27 <15>. Понедельник. Плауэн***). Из слов Хомяковой можно предположить, что Гоголь и Языков встречались также с Бакуниным в Ганау.

[3] Вессель – домашнее прозвище Н. М. Языкова. Этим именем (вероятнее всего, именем предшественника Лютера Иоганна Весселя, 1419–1489) Языкова в шутку называли в семье за то, что он долго жил в Германии (см.: *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. <3-е изд.>. М., 1904. Т. 8. С. 95) (с 1838 по 1843 г. Языков лечился за границей, преимущественно в Германии и Австрии). Весной 1840 г. Е. М. Хомякова писала брату: «Когда-то вы, Вессель, подумаете с возвратом в Россию и об судьбе своей. Как сержусь я на вас, Вессель, что вы прислали 8 чудных пьес Шевыреву, а нам ничего» (*Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. <3-е изд.>. М., 1904. Т. 8. С. 102).

[4] Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод.* Т. 3. С. 189–190. – См. также ***1841. Сентября 26 <14>. Воскресенье. Праздник Воздвижения Креста Господня. Ганау***.

НОЯБРЯ СРЕДИНА – НОЯБРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 25. МОСКВА

Гоголь, вернувшись от С. Т. Аксакова, отправляет ему записку (по адресу: «На Сенной, в доме Теребиновой, против весов»):

«Я к вам приходил, между прочим, с просьбою, которую совершенно позабыл. А именно, нельзя ли послать к Крузе взять у него десть[1] или две чистой бумаги, которая ему теперь не нужна, а будет нужна моему переписчику[2]. Из-за нее остановилось дело».

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Начались хлопоты с перепискою набело "Мер<твых> Д<уш>". Я доставил было Гоголю отличного переписчика, бывшего при мне воспитанником в Межевом институте, Крузе[3]; но не знаю или, лучше сказать, не помню, почему Гоголь взял другого переписчика. Прилагаемая записка служит тому доказательством. <Следует текст записки.>»[4].

В этот же период Гоголь послал также записку М. П. Погодину:

«Пожалуйста, не позабудь дать знать писцу <Крузе>, чтобы пришел. Я с другим[5] уже условился на половину рукописи. Теперь дело остается за ним».

К этому же времени, вероятно, относится записка Гоголя к сестре Елисавете[6] (в дом П. И. Раевской):

«Здравствуй, Лиза! целую тебя. Я надеюсь, что ты уже не спишь, умылась и даже вспомнила обо мне. А я о тебе сейчас вспомнил, как только проснулся. Посылаю тебе 25 р<ублей>, из которых ты пятнадцать можешь взять себе и даже больше, как придется по расчету. А мне купи на остальные вот чего: 3 фунта сахару, который потом изруби в куски и в таком виде доставь, 2 фунта калетовских свечей и фунт левантского кофию. — Да смотри, покупай бойко и не позволь себя надуть никому. Прощай, жизнь моя, до третьего часу, — не так ли?»

[1] Десть — единица счета писчей бумаги, в современной метрической системе — 50 листов.

[2] Переписчиком последних восьми глав цензурного экземпляра «Мертвых душ», а также второй редакции повести «Тарас Бульба», была сестра Гоголя Елизавета Васильевна (см.: *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009*. С. 457–458). — К этому времени Е. В. Гоголь, вероятно, вернулась в Москву из деревни П. И. Раевской (см. ***1841. Декабря 3. Среда. Москва***). — См. также ***1841. Декабря до 7. Москва***.

[3] Возможно, Л. Ф. фон Крузе, брат Н. Ф. фон Крузе (1823–1901), переписчик первых трех глав цензурного экземпляра «Мертвых душ», с каллиграфическим почерком.

[4] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод*. Т. 2. С. 703–704.

[5] Е. В. Гоголь.

[6] Датировка письма уточнена (см. ***1842. Января первая половина. Москва*** — примечания).

НОЯБРЯ 25. ВТОРНИК. МОСКВА

Гоголь пишет Н. Я. Прокоповичу в Петербург:

«Пишу к тебе после долгой болезни, которая было меня одолела и которой начало уже получил я в Петербурге[1]. Теперь, слава Богу, мне гораздо лучше, хотя я исхудал сильно. <...> Тут пронесли<сь> было слухи, что в Петербурге было что-то в роде небольшого наводнения, и вода показалась на Васильевском Острове. Я боялся за твой домишко и за житье твое в нижнем этаже[2]. Уведоми меня, пожалуйста, не повредило ли у тебя чего? Дело мое, по причине болезни, почти не начи<на>лось. Теперь только началась переписываться рукопись»[3].

[1] См. ***1841. Октября 7 <19>. Вторник — 14 <26>. Вторник. Санкт-Петербург***.

[2] См. ***1839. Ноября после 3 — декабря не позднее 17. Санкт-Петербург***. — Вероятно, Гоголь вспоминает при этом содержание «Медного всадника» А. С. Пушкина.

[3] См. ***1841. Ноября средина — ноября не позднее 25. Москва***. — Речь идет о первом томе «Мертвых душ».

НОЯБРЯ КОНЕЦ. МОСКВА

Гоголь посылает К. С. Аксакову рукопись окончания шестой – начала седьмой глав первого тома «Мертвых душ», с запиской:

«Посылаю одну при сем тетрадь, окончание 6 и начало 7-ой главы. Здоровье мое хуже, Михала Петровича <Погодина> лучше. С трудом мог управиться кое-как с посылаемыми тетрадями. Обнимите Сергея Тимофеевича и будьте здоровы».

ДЕКАБРЯ 3. СРЕДА. МОСКВА

Сестра Гоголя Елисавета записывает в дневнике:

«Давно уже я не писала своего журнала. Мы уже в Москве застали брата[1]. Сегодня я ездила к Погодиным; обедала у них. Брат и Редкин[2] – также. Потом мы играли в карты и Редкин бренчал на фортепьяно. Вечером мы поехали к Киреевской <Елагиной>, их литературный вечер. Это был лучший из лучших вечеров моей жизни».

Свод. Т. 1. С. 170.

[1] Гоголь приехал в Москву 17 октября 1841 г. (см. ***1841. Октября 17. Пятница. Москва***). По-видимому, Е. В. Гоголь встретилась с братом позднее, по своем возвращении в первой половине ноября 1841 г. из деревни П. И. Раевской (ср. ***1840. Сентября 10 <августа 29>. Четверг. Венеция***). – См. также ***1841. Ноября средина – ноября не позднее 25. Москва*** (примечания).
[2] П. Г. Редкин.

ДЕКАБРЯ ДО 7. МОСКВА

Сестра Гоголя Елисавета заканчивает переписку последних восьми глав цензурного экземпляра первого тома «Мертвых душ» и приступает к переписке, по черновым автографам брата, второй редакции «Тараса Бульбы».

Сличение почерка последних восьми глав цензурного экземпляра первого тома «Мертвых душ» и авторизованной рукописной копии второй редакции «Тараса Бульбы», сделанных в декабре 1841 г., с почерком писем Е. В. Гоголь, жившей в ту пору в Москве в доме П. И. Раевской (сам Гоголь жил у М. П. Погодина), позволяет утверждать, что переписка «Мертвых душ» и «Тараса Бульбы» осуществлялась именно ею (ср. письма Е. В. Быковой к Ф. В. Чижову 1862–1865 гг., хранящиеся в *РГБ*. Ф. 332. К. 18. Ед. хр. 44; несмотря на более чем двадцатилетний промежуток времени почерк Елисаветы Васильевны почти не изменился).

См.: *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009*. С. 457.

ДЕКАБРЯ 7. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Гоголь передает И. М. Снегиреву рукопись «Мертвых душ» с просьбой высказать свое мнение как цензора. В случае, если тот найдет в ней «какое-нибудь место, наводящее на него сомнение», Гоголь предполагает отправить рукопись в Петербург[1].

В этот день Снегирев записал в дневнике: «Приезжал ко мне Гоголь с романом своим *“Мертвые души”*»[2].

[1] См. ***1842. Января 7. Среда. Москва.***
[2] Дневник Ивана Михайловича Снегирева // *Свод.* Т. 2. С. 172.

ДЕКАБРЯ 7. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«7 <декабря>. Ал<ександринский> т<еатр>. Ревизор, к<омедия> в 5 д<ействиях>; Французский обед в 32 коп<ейки>, в<одевиль> в 1 д<ействии>; Филатка и Мирошка, вод<евиль> в 1 д<ействии>».

Репертуар Санктпетербургских и Московских Русских театров, за октябрь, ноябрь и декабрь 1841 года // Репертуар Русского Театра на 1841 год, издаваемый И. П. Песоцким. СПб., 1841. Т. 2. Кн. 12 (цензурное разрешение 31 января 1842). <Отдельная пагинация>. С. 5.

ДЕКАБРЯ 9. ВТОРНИК. МОСКВА

С. Т. Аксаков сообщает сыну Ивану в Петербург:

«По секрету скажу тебе, что Гоголь начинает печатание первого тома “Мертвых душ”[1]. Сей час ожидаю его к себе, чтоб вместе с ним ехать в типографию для устройства этого дела, которое он, по необъяснимой странности, содержит в величайшей тайне. Сегодня же закажем новую бумагу для нового издания всех его сочинений».

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 582.

[1] Ср. ***1841. Декабря 7. Воскресенье. Москва.***

ДЕКАБРЯ 9 ИЛИ 10. ВТОРНИК ИЛИ СРЕДА. МОСКВА

Гоголь встречается с цензором И. М. Снегиревым, который сообщает, что рукопись «Мертвых душ» «он находит совершенно благонамеренной»[1].

Позднее, 18 августа (н. ст.) 1842 г., Гоголь писал С. Т. Аксакову о толках по поводу «Мертвых душ»: «При всякой неблагоприятности первого впечатления на массу, которое я подозревал заранее, я чувствовал вместе с тем, что у меня будут новые читатели и что будут душевные сочувствия. Еще первое испытание получило<сь> самое благоприятное. Оно произведено было над цензором <И. М. Снегиревым>».

Спустя месяц после кончины Гоголя, 19 марта 1852 г., Ф. И. Буслаев записал в дневнике: «Глубокомысленный И. М. Снегирев, по случаю толков о Гоголе, с свойственной ему пакостию, изволил выразиться: “оно и точно! как посмотришь с другой стороны, так что же такого сделал Гоголь? Разве то-то, что показал Европе жопу России, которой он поднял подол”»[2].

[1] См. ***1841. Декабря 12. Пятница. Москва.***
[2] Воспоминания М. С. Щепкина о Гоголе в дневнике Ф. И. Буслаева // *Свод.* Т. 3. С. 16.

ДЕКАБРЯ МЕЖДУ 9–10 И 12. МОСКВА

М. П. Погодин официально передает рукопись первого тома «Мертвых душ» в Московский цензурный комитет[1].

Рукопись первого тома «Мертвых душ» была передана цензору И. М. Снегиреву лично Гоголем 7 декабря 1841 г.[2] Однако, Снегиреву, по-видимому, неудобно было самому представлять рукопись в цензурный комитет, и это сделал М. П. Погодин, в доме которого жил тогда Гоголь. (После выхода книги из печати гоголевская рукопись хранилась у Погодина.)

[1] См. ***1841. Декабря 9 или 10. Вторник или среда. Москва***; ***1841. Декабря 12. Пятница. Москва***; ***1841. Декабря 19. Пятница. Москва.***

[2] См. ***1841. Декабря 7. Воскресенье. Москва.***

ДЕКАБРЯ 12. ПЯТНИЦА. МОСКВА

На заседании Московского цензурного комитета состоялось предварительное обсуждение рукописи первого тома «Мертвых душ». Поэма получила неодобрительные отзывы председателя комитета Д. П. Голохвастова[1], цензоров М. Т. Каченовского, Н. И. Крылова[2] и др., что предвещало ее возможное запрещение к печати.

«12 декабря 1841 г. в заседании Комитета, происходившем под председательством Помощника Попечителя Московского Учебного Округа Д. П. Голохвастова, в присутствии цензоров: М. Т. Каченовского, И. М. Снегирева, Н. И. Крылова и В. В. Флерова, состоялось постановление передать рукопись <«Мертвых Душ»> на рассмотрение цензору Снегиреву»[3].

7 января 1842 г. Гоголь, узнав о неблагоприятных толках цензоров о его поэме[4], сообщал П. А. Плетневу: «Удар для меня никак не ожиданный: запрещают всю рукопись. Я отдаю сначала её цензору Снегиреву[5], который несколько толковее других, с тем, что если он находит в ней какое-нибудь место, наводящее на него сомнение, чтоб объявил мне прямо, что я тогда посылаю ее в Петербург. Снегирев чрез два дни[6] объявляет мне торжественно, что рукопись он находит совершенно благонамеренной, и в отношении к цели и в отношении к впечатлению, производимому на читателя, и что кроме одного незначительного места: перемены двух-трех имен (на которые я тот же час согласился и изменил) – нет ничего, что бы могло навлечь притязанья цензуры самой строгой. Это же самое он объявил и другим. Вдруг Снегирева сбил кто-то с толку, и я узнаю, что он представляет мою рукопись в комитет. Комитет принимает ее таким образом, как будто уже был приготовлен заранее и был настроен разыграть комедию: ибо обвинения все без исключения были комедия в высшей степени. Как только занимавший место президента Голохвастов услышал название: Мертвые души, закричал голосом древнего римлянина: "Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертна[7]; мертвой души не может быть, автор вооружается против бессмертья". В силу наконец мог взять в толк умный президент, что дело идет об ревижских душах. Как только взял он в толк и взяли в толк вместе с ним другие цензора, что мертвые значит ревижские души, произошла еще большая кутерьма. "Нет, – закричал председатель и за ним половина цензоров. – Этого и подавно нельзя позволить, хотя бы в рукописи ничего не было, а стояло только одно слово: ревижская душа – уж этого нельзя позволить, это значит против крепостного права". Наконец сам Снегирев, увидев, что дело зашло уже очень далеко, стал уверять цензоров, что он рукопись читал и что о крепостном праве и намеков нет, что даже нет обыкновенных оплеух, которые раздаются во многих повестях крепостным людям, что здесь совершенно о другом речь, что главное дело основано на смешном недоумении продающих и на тонких хитростях покупщика и на всеобщей ералаше, которую произвела такая странная покупка, что это ряд характеров, внутренний быт России и некоторых обитателей, собрание картин самых невозмутительных. Но ничего не помогло.

"[Но предприятие Чичикова] Предприятие Чичикова,– стали кричать все, – есть уже уголовное преступление". "Да впрочем и автор не оправдывает его", – заметил мой цензор. "Да, не оправдывает! а вот он выставил его теперь, и пойдут другие брать пример и покупать мертвые души". Вот какие толки! Это толки цензоров-азиатцев, то есть людей старых, выслужившихся и сидящих дома.

Теперь следуют толки цензоров-европейцев, возвратившихся из-за границы, людей молодых. “Что вы ни говорите, а цена, которую дает Чичиков (сказал один из таких цензоров, именно Крылов), цена два с полтиною, которую он дает за душу, возмущает душу. Человеческое чувство вопиет против этого, хотя, конечно, эта цена дается только за одно имя, написанное на бумаге, но всё же это имя душа, душа человеческая, она жила, существовала. Этого ни во Франции, ни в Англии и нигде нельзя позволить. Да после этого ни один иностранец к нам не приедет”. Это главные пункты, основываясь на которых произошло запрещение рукописи. Я не рассказываю вам о других мелких замечаниях, как то: в одном месте сказано, что один помещик разорился, убирая себе дом в Москве в модном вкусе. “Да ведь и государь строит в Москве дворец!” — сказал цензор (Каченовский). Тут по поводу завязался у цензоров разговор единственный в мире. Потом произошли другие замечания, которые даже совестно пересказывать, и наконец дело кончилось тем, что рукопись объявлена запрещенною[8], хотя комитет только прочел три или четыре места. Вот вам вся история. Она почти невероятна, а для меня в добавку подозрительна. Подобной глупости нельзя предположить в человеке. Цензора не все же глупы до такой степени. Я думаю, что против меня что-нибудь есть».

[1] Дмитрий Павлович Голохвастов (1796–1849), председатель Московского цензурного комитета, помощник попечителя Московского учебного округа (с 1847 г. попечитель), автор трудов по древнерусской истории, первый издатель высоко оцененного позднее Гоголем «Домостроя». В 1845 г. негативный отзыв Голохвастова о «Мертвых душах» напечатал М. П. Погодин в «Москвитянине». Голохвастов, имея в виду рецензию В. Г. Белинского на книгу «Грамматические разыскания В. А. Васильева» (СПб., 1845) (Отечественные Записки. 1845. № 8), писал: «Не верим Рецензенту О<течественных> З<аписок>, когда он говорит, что Русская литература в лице Гоголя “обратилась преимущественно к изображению русского общества”. <...> Грибоедов и Гоголь показали нам одни карикатуры. Если они хотели составить нравственно-патологическую коллекцию уродов, то вполне успели. Если же это изображение нынешнего Русского общества, то любопытно, в ком из действующих лиц в комедии Грибоедова и в романе Гоголя, — а их довольно много, — Рецензент захочет узнать себя, своего отца, мать, брата или сестру? Неужели мы Русские должны так мало уважать в себе человечество, так мало сознавать в себе *человеческого* и *национального* достоинства, что при всякой выставке карикатур должны хлопать в ладоши и с восхищением кричать: это мы! это мы! похожи! похожи как две капли воды!» (*<Голохвастов Д. П.> Д.* Голос в защиту Русского языка // Москвитянин. 1845. № 11. С. 71–72).

[2] Никита Иванович Крылов (1808–1879), цензор, профессор римского права Московского университета. — См. также ***1841 конец — 1842 начало. Москва***; ***1842. Февраля 1. Воскресенье. Москва.*** — М. П. Погодин 5 мая 1843 г. в свою очередь записал в дневнике: «Слушал рассказы о грабительствах молодых профессоров, которых махиавелические козни, против меня в особенности, мне кажутся ясными. <...> Я удивляюсь, что я позволял делать с собою Крылову. Эти подлецы всячески старались оттереть меня, чтоб на свободе делать что угодно» (*Барсуков.* 1893. Кн. 7. С. 155).

[3] *Тихонравов Н.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь 1889–1896.* Т. 3. С. 458.

[4] См. ***1841 после декабря 19 — 1842 января 1–7. Москва.***

[5] См. ***1842. Декабря 7. Воскресенье. Москва.***

[6] См. ***1842. Декабря 9 или 10. Вторник или среда. Москва.***

[7] См. также ***1842. Января 23. Пятница. Москва.***

[8] Дело только клонилось к запрещению (см. ***1841. Декабря 19. Пятница. Москва***).

ОКТЯБРЯ ПОСЛЕ 20 – ДЕКАБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. МОСКВА

Гоголь со слов С. Т. Аксакова внес в записную книжку 1841–1844 гг.[1] сведения об охотничьих собаках, псовой охоте, «блюдах», «птичьих и звериных криках», голубях, «рыбных ловлях», о промыслах «в Оренбургской губернии»[2]. По приезде в Москву[3] Гоголь завел еще одну записную книжку (1841–1845 гг.), в которой также нашли отражение беседы с Аксаковым. С его слов Гоголь поместил сюда сведения о лесах, рыбах, птицах («Леса»; «Рыбы»; «Тудак...»; «Болотные»; «Утки нырки»; «Утки»; «Речные»; «Степные»; «Приморские птицы»). Почерпнутые в беседах с Аксаковым сведения были использованы в первом и втором томах «Мертвых душ» и второй редакции «Тараса Бульбы»[4].

1 ноября 1841 г. С. Т. Аксаков сообщал М. Г. Карташевской о Гоголе: «Три раза в неделю он обедает у нас, и до 9-ти часов мы занимаемся определением и записыванием особенностей нашего богатейшего языка: для него это очень нужно»[5].

Позднее, в 1861–1863 гг., Ю. Ф. Самарин вспоминал об Аксакове: «Прежде всех и более всех содействовал пробуждению в нем сознания его литературного призвания Гоголь[6]. <...> Громадный успех "Мертвых душ" и необыкновенное уважение Гоголя к эстетическому чутью С<ергея> Т<имофеевича> были для него как бы откровением его собственного таланта. Я помню, с каким напряженным вниманием, уставив в него глаза, Гоголь по целым вечерам вслушивался в рассказы С<ергея> Т<имофеевича> о заволжской природе и тамошней жизни. Он упивался ими, и на лице его видно было такое глубокое наслаждение, которого он и сам не в состоянии был бы выразить словами. Гоголь пристал к С<ергею> Т<имофеевичу> и потребовал от него, чтобы он взялся за перо и записал свои воспоминания[7]. Сначала С<ергей> Т<имофеевич> об этом и слышать не хотел, даже почти обижался. Потом мало-помалу Г<оголю> удалось его раззадорить[8]. Не говоря никому ни слова, он принялся за самую скромную часть своих воспоминаний, то есть за ужение и за весь подводный мир[9], и таким образом он прошел все царства природы, от рыб перешел к птицам, от птиц к людям. Г<оголь> следил за его работой с необыкновенным участием. Уезжая за границу, он потребовал, чтобы С<ергей> Т<имофеевич> пересылал ему в Рим корректурные листы своих "Записок ружейного охотника". Сам он в то время работал над вторым томом "Мертвых душ", и я помню, что раз он писал С<ергею> Т<имофеевичу>[10]: "Дай Бог, чтобы мои мертвецы вышли бы так живы, как Ваши кулички"»[11].

Уже в 1841 г. С. Т. Аксаков мог сообщить Гоголю «Песню Бедняка» («Не в неге я родился...»), список которой, на бумаге заграничного производства (с фабричным штемпелем: «SUPERFINE»), сохранился в рукописном фонде Гоголя РГБ[12]. Позднее, во второй части своей автобиографической трилогии — «Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением "Семейной хроники"» (1858), — Аксаков вспоминал: «"Детская библиотека", сочинение г. <И. Г.> Кампе, переведенная с немецкого А. С. Шишковым, особенно детские песни, которые скоро выучил я наизусть, привели меня в восхищение. <...> Александр Семеныч Шишков, без сомнения, оказал великую услугу переводом этой книжки, которая, несмотря на устарелость языка и нравоучительных приемов, до сих пор остается лучшею детскою книгою. Она имела много изданий; кажется, первое было сделано в 1792 году. <...> Я имею теперь под руками три издания "Детской библиотеки" 1806 (четвертое издание), 1820 и 1846 годов (вероятно, их было более десяти); но, к удивлению моему, не нахожу в двух последних небольшой драматической пиески, в которой бедный крестьянский мальчик поет следующую песню, сложенную для его отца каким-то грамотеем. Вот она: "Не в неге я родился, / Не в роскоши я жил; / Работал и трудился, / И хлад и зной сносил. <...>". Почему и кем была исключена драматическая пиеса и песня в изданиях 1820 и 1846 годов, не понимаю. Какая надобность была перепечатывать текст старых изданий 1790 годов, когда было издание 1806 года, исправленное и значительно пополненное самим Шишковым? А сколько силы и теплоты в приведенной мною песне, несмотря на неприличную для крестьянина книжность некоторых слов и выражений, хотя это извиняется тем, что песню написал какой-то грамотей! Как слышна горячая любовь Шишкова к простолюдину!»[13]

Возможно, к концу 1841 г., времени завершающей стадии работы над первым томом поэмы, относятся черновые заметки Гоголя «К 1-й части», в которых, в частности, встречается слово «бабич». Объяснение этого слова Гоголь предварительно внес в свою записную книжку 1841–1844 г.

Предположительно, в это же время в записной книжке Гоголя 1841–1846 гг. появляется запись: «Николай Алексеевич Мурашев. Василий Васильевич Варгин, умный купец в Москве».

[1] См. ***1841. Сентября 26 <14>. Воскресенье. Праздник Воздвижения Креста Господня. Ганау.***

[2] Заметки Гоголя перекликаются с содержанием написанных позднее С. Т. Аксаковым книг «Записки об уженье рыбы» (1847); «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852); «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (1855). — См. также ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Москва*** (примечания).

[3] См. ***1841. Октября 17. Пятница. Москва.***

[4] См. коммент. к «Тарасу Бульбе» в изд.: *Гоголь 2009.* С. 460; коммент. к повести «Старосветские помещики» в т. 2 в изд.: *Гоголь 2009–2010*; к «Мертвым душам» — в т. 5; к комедии «Женихи» — в т. 7; к записным книжкам 1841–1844 и 1841–1845 гг. — в т. 9 того же изд. Подробнее об использовании указанных заметок из записных книжек при создании «Мертвых душ» и, в частности, образа Петра Петровича Петуха во втором томе поэмы см.: *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1; *Гоголь* 2009–2010. Т. 9. С. 914–916.

См. также внесенные в записную книжку 1841–1844 гг. заметки о карточных играх: «Банчишка. Квинтичь» (использовано в реплике Ноздрева в четвертой главе первого тома «Мертвых душ»: «Этот, братец, и в гальбик, и в банчишку, и во все что хочешь»); «Банчишки. *Семпель* — один простой куш. *Пе*— карта ровно вдвое. *Пароле* или с углом — выигрывает втрое. *Пароле пе* — вдвое против *пароле. Загнуть утку* — прибавляет, волен на раз, на

два. С тобой играть — с бритвы мед лизать, — употребляют с теми, которые играют в дублет. Играть дублет — не отделять от выигрыша, а пускать вдвое» (использовано в «Игроках»).

Кроме того, прямым заимствованием из еще одной записной книжки Гоголя — 1841–1846 гг. — является слово «иора», появляющееся в девятой главе первого тома «Мертвых душ», а также в «Игроках». Из последней записной книжки была взята и фамилия одного из персонажей комедии — чиновника Замухрышкина (ср. в записной книжке слово «замухрышка»). Ряд выражений в этой записной книжке нашел также отражение в «Женитьбе»: «Фронтон заподлицо», «Чем дом не дом?», «Дом с флигерями и ринжереями».

[5] См. также ***1841. Ноября 1. Суббота. Москва***.

[6] См. также ***1832. Июля 2. Суббота. Москва*** (примечания).

[7] См. также ***1849. Октября 5. Среда. Радонежье (Абрамцево)***.

[8] В письме к С. Т. Аксакову от 28 августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал: «Мне кажется, что, если бы вы стали диктовать кому-нибудь воспоминания прежней жизни вашей и встречи со всеми людьми, с которыми случилось вам встретиться, с верными описаниями характеров их, вы бы усладили много этим последние дни ваши, а между тем доставили бы детям своим много полезных в жизни уроков, а всем соотечественникам лучшее познание русского человека. Это не безделица и не маловажный подвиг в нынешнее время, когда так нужно нам узнать истинные начала нашей природы, которые покуда мы рассматриваем только в мужике, да и то плохо».

[9] «Записки об уженье рыбы» С. Т. Аксакова вышли в свет в 1847 г.

[10] Имеются в виду следующие строки письма Гоголя к С. Т. Аксакову от 20 сентября 1851 г.: «Здравствуйте, бодрствуйте, готовьте своих птиц, а я приготовлю вам душ, пожелайте только, чтобы они были живые, так же, как живы ваши птицы» (см. ***1851. Сентября 20. Четверг. Москва***).

[11] *Самарин Ю. Ф.* С. Т. Аксаков и его литературные произведения // *Свод.* Т. 3. С. 208.

[12] Опубл.: *Гоголь 2001.* С. 535–536; см.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 806.

[13] *Аксаков С. Т.* Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением «Семейной хроники» // Собр. соч.: В 3 т. М., 1986. Т. 1. С. 291–292.

ДЕКАБРЯ СРЕДИНА <ДЕКАБРЯ НАЧАЛО>. РИМ

А. А. Иванов, получив от Гоголя письмо из Москвы[1], в тот же день пишет ему ответ[2]:

«Сегодня получил я письмо ваше от 20 октября, где вы просите разыскать наши деньги 2000 рублей. — Валентини ничего не знает, и, таким образом, я решился спросить Кривцова, не получал ли он письма от Погодина, на что Кривцов отвечал, что в августе месяце получил письмо, где Погодин, прося как можно скорее доставить вам в Рим деньги, обещал ему чрез две недели их прислать, вследствие чего Кривцов написал к Торлони, чтоб вам вручили <*нрзб.*> 2000 рублей. Но как вас уже в Риме не было, а Погодин не высылал обещанных денег, то это дело ничем и кончилось.

Кривцов сюда прибыл 26 октября. Художники все к нему представлялись, он чрезвычайно со всеми ласков. <...> Учтивство Кривцова совершенно исчезло, когда явился к нему Шаповалов объяснить свое положение. Он так на его напустился, что тот не мог и речи докончить. Кривцов говорил: "Зачем вы начали копию в Ватикане[3]? Кто вас об этом просил? Я денег никаких не имею и искать не буду. Я буду писать об вас Обществу[4], а вы покуда ищите себе пропитания, раскрашивая акварелью эстампы — для купцов" и проч. Шаповалов, в слезах, натурально, приходит ко мне. Я, держась остатками последних денег и вместо помощи или поощрения имея в виде впереди пошлости понукания Кривцова, рассудил обратиться к Моллеру как к единственному человеку, посредством которого можно с Кривцовым разговаривать о делах. В самом деле, добрый наш Федор Антонович уговорил Кривцова дать содержание Шаповалову на три месяца списки с Петербургом, по пяти павлов в день, начиная с первого ноября. Сильно потрясенный Шаповалов сим обстоятельством удвоил свои силы, и копией его с Перуджина и Моллер, и я весьма довольны. На окончание ее нужно бы еще дать ему полгода, о чем при первом случае нужно хлопотать.

Здесь находится князь Григорий Петрович Волконский, который хочет посетить наши студии. Да еще сюда едет <В. И.> Григорович. Мне бы и самому хотелось попытаться, не назначут ли мне плату за копию в Ватикане[5], равную Брюлловой, то есть вместо жалких трех тысяч рублей — 15 тысяч; тогда бы я кончил бы и картину для Наследника[6], и копию. <...>

Моллер благодарит вас за письмецо; он ожидает еще от вас ответа на подтверждение выбранного им сюжета[7], которым он теперь исключительно занимается. Феодор Иванович <Иордан> благодарит за незабытие его. Обуховы приехали в Рим, у него[8] был с визитом Василий Василич[9]. Мы пойдем к ним на днях, опять затеем проказы».

[1] См. ***1841. Октября 20 <ноября 1>. Понедельник. Москва.***

[2] См. также ***1840 сентября 25 <13> – 1841 августа средина <августа начало>. Рим.***

[3] Над копией с картины П. Перуджино «Мадонна среди святых» (1496), находящейся в Ватикане, И. С. Шаповалов работал по совету Иванова.

[4] Общество поощрения художников, от которого И. С. Шаповалов получал пансион.

[5] Чтобы приобрести средства, Иванов намеревался скопировать для Академии художеств находящуюся в Ватикане фреску Рафаэля «Умеренность, Сила и Благоразумие». Однако этот план не осуществился, поскольку предложенная художнику сумма (900 рублей серебром) была невелика (см.: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. VII).

[6] Нуждаясь в средствах, Иванов обратился к великому князю Александру Николаевичу, посетившему в декабре 1838 г. вместе с В. А. Жуковским мастерскую художника в Риме (см. ***1838. Декабря 22 <10>. Суббота. Рим*** – примечания), с просьбой пожаловать ему трехлетнее содержание для окончания картины «Явление Мессии». После своего завершения картина по этому условию принадлежала бы наследнику (см.: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 113, 122). – См. также ***1841. Сентября 20 <8>. Понедельник. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Ганау.***

[7] Вероятно, речь идет о картине «Крещение Владимира» (см. ***1841. Марта средина <марта начало>. Рим*** – примечания).

[8] У Иордана.

[9] Отставной ротмистр В. В. Обухов, в младшую племянницу которого, Е. П. Олферьеву, был влюблен Иордан (см. ***1841. Февраля 14 <2>. Воскресенье. Праздник Сретения Господня. Вечер. Рим***).

ДЕКАБРЯ 16 <28>. ВТОРНИК. ГАНАУ

Н. М. Языков отправляет ответное[1] письмо Гоголю[2].

[1] См. ***1841. Ноября средина (до 16 числа) <ноября конец (до 28 числа)>. Москва.***

[2] См. ***1842. Февраля 10. Вторник. Москва.***

ДЕКАБРЯ 19. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Рассмотрение рукописи первого тома «Мертвых душ» (399 с.), поступившей «от Погодина»[1] в Московский цензурный комитет, официально передано цензору[2].

Решение о передаче рукописи было принято 12 декабря 1841 г.[3]

В тот же день, 19 декабря 1841 г., состоялось представление «Ревизора» в Малом театре[4]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[5].

[1] См. ***1841. Декабря между 9–10 и 12. Москва.***

[2] Книга для записей рукописей и книг Московского цензурного комитета // *Свод.* Т. 2. С. 167.

[3] См. ***1841. Декабря 12. Пятница. Москва.***

[4] *Ельницкая 1978.* С. 305. – См. также ***1842. Февраля 3. Вторник. Москва.***

[5] *Гриц.* С. 287.

1841 ПОСЛЕ ДЕКАБРЯ 19 – 1842 ЯНВАРЯ 1–7. МОСКВА

Гоголь, узнав о неодобрительных отзывах о «Мертвых душах» председателя Московского цензурного комитета Д. П. Голохвастова, цензоров М. Т. Каченовского и Н. И. Крылова[1], забрал рукопись поэмы от И. М. Снегирева[2] с тем, чтобы отправить ее в Петербургский цензурный комитет[3].

[1] См. ***1841. Декабря 12. Пятница. Москва.***
[2] См. ***1841. Декабря 19. Пятница. Москва.***
[3] См. ***1841. Января между 2 и 7. Москва.***

1841 ДЕКАБРЯ 22 <1842 ЯНВАРЯ 3>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

А. М. Языков пишет брату Н. М. Языкову в Ганау:

«Гоголь сидит дома и печатает свои “Мертвые души”. <...> Говорят, Гоголь привез несколько новых твоих пиэс и что Погодин, у которого Гоголь живет, держит их под спудом[1] для “Москвитянина”».

Из писем А. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 181.

[1] См. ***1841. Ноября 17. Понедельник. Москва***; ***1842. Февраля 21 <9>. Понедельник. Ганау.***

1841 ДЕКАБРЯ 24 <1842 ЯНВАРЯ 5>. СРЕДА. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь получил из Рима письмо от А. А. Иванова.

См. ***1841. Декабря средина <декабря начало>. Рим***; ***1841 декабря 25 <1842 января 6>. Четверг. Праздник Рождества Христова. Москва.***

1841 ДЕКАБРЯ 25 <1842 ЯНВАРЯ 6>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА. МОСКВА

Гоголь пишет ответное письмо А. А. Иванову в Рим:

«Я получил вчера[1] ваше письмо и горевал, что наделал вам столько хлопот касательно денег. Дело спуталось чорт знает как. Я позабыл расспросить обстоятельно Погодина, как он распорядился, и полагал, что деньги давно уже в ваших руках. Мне больно, как воображу, что заставил вас нуждаться и бедного Шаповалова. Но теперь дело будет распоряжено как следует! Через неделю[2] после сего письма вы отправляйтесь к Валентини, он получит вексель на 2000 рублей. Распорядитесь, как я вам писал, то есть 200 скуд Валентини[3], 100 вам, а 500 рублей Шаповалову[4] за копию женщин из Илиодора, которые вы можете ему выдавать вперед. Еще вот ему работа для меня: сделать копии головок Спасителя с Рафаэлева Преображения и с Рафаэлева Положения во гроб. Размер головок пусть будет немного больше головы на моем портрете, сделанном вами[5], так чтоб холстик был длиною не больше шести вершков, или разве мало более. <...> Еще я бы хотел третью головку Спасителя, молящегося или просто беседующего, или, еще лучше, в совершенно покойном положении. <...> Это будет третья головка. Я полагал, что две в месяц сделать можно легко. Я ему

даю по 100 рублей за каждую. Он даже может заняться ими прежде, если еще не начинал женщин, потому что они мне теперь нужнее. Теперь еще слово насчет его копии с Перуджина. <...> Живописи тонкой и высокой у нас не понимают как следует, ее не оценят. Не хочет ли он, я ему дам за нее 2000 рублей и вышлю их будущим летом. А впрочем, пусть он распоряжается, как лучше ему и выгоднее. А Спасителями пусть займется, мне они очень нужны. Деньги за них пришлю немедленно. Если на случай найдется четвертая головка, сколько-нибудь достойная внимания, то пусть сделает и четвертую. А вас прошу прислать мне головку вашего Спасителя, если только [вам когда-нибудь] вы до него доберетесь и если только вам будет время снять с него хоть весьма эскизный этюд, а еще лучше во весь рост, как есть идущий по земле, хоть в каком ни есть малом размере.

Теперь самое главное: крепитесь! идите бодро и ни в каком случае не упадайте духом, иначе будет значить, что вы не помните меня и не любите меня[6], помнящий меня несет силу и крепость в душе[7]. <...> Чрез 8 дней после получения сего письма напишите ответ».

В тот же день, 25 декабря 1841 г., В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской в Петербург:

«Ты спрашиваешь о Гоголе. Право, нечего писать об нем; он бывает у нас несколько реже, иногда говорит забавно, играет на биллиарде; пишет ли он, нет ли, и что он пишет, — все это держит в секрете. Отесеньке он читал у себя на дому[8]. Первый том “Мертвых душ” кончен, кажется, но пожалуйста, скажи Ванечке[9], чтоб он не распространял этих слухов, а то вдруг где-нибудь напечатают, а до времени это, точно, должно быть в тайне. Но точно в нем произошла некоторая перемена, как он тогда писал, в нем есть чрезвычайная покорность Провидению, предрассудки он бросил и гастрономия совсем его уже не занимает, как бывало прежде»[10].

[1] См. ***1841 декабря 24 <1842 января 5>. Среда. Рождественский сочельник. Москва.***
[2] См. ***1841 декабря конец <1842 января средина>. Москва.***
[3] См. ***1841. Июля 31 <19>. Суббота. Рим.*** – См. также ***1842. Февраля 7–11 <января 26–30>. Рим.***
[4] См. также ***1841. Октября 20 <ноября 1>. Понедельник. Москва.***
[5] См. ***1841. Январь – августа средина <январь – августа начало>. Рим.***
[6] См. ***1836. Июля 17 <5>. Воскресенье. Ахен.***
[7] См. ***1841. Августа 7 <июля 26>. Суббота. Рим*** (примечания).
[8] См. ***1841. Октября вторая половина. Москва.***
[9] И. С. Аксакову.
[10] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 814.

ДЕКАБРЯ 29. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь пишет ответное письмо матери в Васильевку:

«Благодарю вас за ваше письмо... <...> Скажите старшей сестре Марии, что напрасно она так испугалась моего письма[1]. Кого любят, от того с радостью принимают даже упреки. <...> И прежде в приписке к ней и в письме к меньшей сестре <Ольге>[2] я сказал ясно, что письмо будет насчет ее дела, насчет ее счастья, насчет счастья ее сына[3], она должна бы иметь сколько-нибудь ума в голове, чтобы почувствовать, что письмо для нее заключит много приятного. Но она захотела лучше не получать от меня писем, — желанье ее будет исполнено: она их не получит.

Скажите сестре Анне, что прежде всего она должна благодарить за многие напоминанья, которые я сделал. Что же касается до обвинений, которые я на нее взвел, то они были сделаны с тем, чтобы рассердить ее хорошенько. Я знал, что ничем другим нельзя было рассердить ее, как этим, а рассердить ее чем-нибудь нужно, чтобы разбудить ее сонный, готовый всегда залениться и засидеться характер. <...> Поздравляю вас всех с наступающим новым годом».

Позднее, 1 сентября (н. ст.) 1842 г., Гоголь писал сестре Марии: «Я получил письмо твое. Оно наполнено похвалами, которых я так же мало достоин, как мало был достоин тех низких упреков и тех подлых поступков, которых ты мне придала в прежнем письме твоем».

[1] Не сохранилось.
[2] Письмо не сохранилось. – Ср. ***1841. Марта 25 <13>. Четверг. Рим.***
[3] Н. П. Трушковский.

ОКТЯБРЯ 17 – ДЕКАБРЬ. МОСКВА

Гоголь на вечерах у А. П. Елагиной дважды встречает И. С. Тургенева.

В 1869 г. Тургенев, вспоминая о встречах с Гоголем осенью 1851 г., сообщал: «Меня поразила перемена, происшедшая в нем с 41 года. Я раза два встретил его тогда у Авдотьи Петровны Е<лагин>ой. В то время он смотрел приземистым и плотным Малороссом...»[1]

Гоголь и Тургенев одновременно находились в Москве в период с 17 октября 1841 по 26 марта 1842 г.[2] В то же время Тургенев познакомился с К. С. Аксаковым и А. С. Хомяковым. В 1869 г. Тургенев вспоминал: «...С Константином Сергеевичем Аксаковым я познакомился в Москве зимою 1841-го года. Я только что вернулся из Берлина и был весь, так сказать, пропитан философией Гегеля, которую изучал в течение 3-х семестров... <...> В Москве существовало тогда несколько домов, в которых чуть ли не каждый вечер происходили словесные препинания о предметах важных... и ненужных; о предметах отвлеченных: философских и политических... <...> Покойный А. С. Хомяков играл роль первенствующую... <...> Чаадаев, тоже первоклассный корифей, держался в стороне, в некотором надменном отдалении. <...> Помню мое первое столкновение с самим великим Алексеем Степановичем... <...> О победе, разумеется, не могло быть и речи; но и позорного поражения я не потерпел. <...> Я <...> начал с тех пор раза три в неделю проводить вечера то у Х<овриных>, то у Е<лагиных>, то у С<вербеевых>, возвращаясь домой, часу в третьем ночи, с тупою болью в голове... <...> На одном из подобных вечеров я первый раз встретился с Константином Сергеевичем Аксаковым. <...> Впрочем, я в ту пору не сошелся с ним; поменялся с ним посещением – и только. Весной я уехал в Петербург. В Петербурге я познакомился с Белинским и со всем его кружком. <...> Все мои симпатии были на стороне Белинского... <...> ...Когда я опять очутился в Москве зимой 1851-го года, дом Аксаковых был закрыт для меня. – И между тем, именно в том году я снова сблизился не только с К. Аксаковым, но и всем его семейством»[3].

[1] См. ***1851. Октября 22. Понедельник. Москва***..
[2] 14 мая 1841 г. Тургенев приехал из-за границы в Петербург; в начале июня переехал в с. Спасское; не позднее 3 октября прибыл в Москву; затем ездил в Премухино и вернулся в Москву 17 октября. 26 марта 1842 г. он выехал в Петербург (см.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818–1858) / Составитель Н. С. Никитина. СПб., 1995. С. 62, 64, 65, 68).
[3] *Тургенев И. С.* <Семейство Аксаковых и славянофилы>. (Публикация Н. П. Генераловой, А. Я. Звигильского, В. А. Кошелева) // Русская литература. 1995. № 4. С. 151–152.

НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ. МОСКВА

М. П. Погодин пишет Гоголю:

«Я устроиваю теперь вторую книжку <“Москвитянина”>. Будет ли от тебя что для нее?»

На записку Погодина Гоголь тогда же отвечал:

«Ничего».

В 1855 г., в наброске воспоминаний о Гоголе, Погодин замечал: «1842. Он приехал[1]. Почти уверен, что я не спрашивал у него статью[2]. Может быть, другие говорили. Он вызвался сам, и я спрашив<ал> при истечении им назначенных сроков. Упрека<л> его сильно в холодности, егоизме, гордости. Помню сильнейшую сцену при Трофимовск<ом>[3]. Я считал себя его каким-то ментором, столько был уверен в неограничен<ной> ко мне доверен<ности> за мои дела, что [эти упреки] считал себя в праве, и был уверен, что эти упреки, хотя и горькие, не переменят наших отношен<ий>, тверд<ых> отношен<ий>; а он в это время меня уже презирал, и злобился, и показывал презрение.

Ничего этого я не замечал. Каково же было ему слышать упреки от презираемого человека. [К Лизе он писал все вре<мя> о дружбе[4]] Были минуты, в котор<ые> он видел мою душу – и минуты, смею сказать, которые должны были возбудить уважение даже в незнак<омом> человеке (письмо к <*фамилия нрзб.*> в университ<ет> для <*1 нрзб.*>).

Его холодность, беспреры<вная> ложь, улещанье знатных, меня сердили.

Причем не <*1 нрзб.*>, где он <*1 нрзб.*> от денег[5], и причем из <*1 нрзб.*>. Слухи, что он был у Краевс<кого>, посылал к Белинск<ому>[6].

Толков<ал> о мелоч<ах>, мимо меня, печатание. Посредн<ики>, клиенты, мимо меня[7]. Наконец, на мои стр<оки> о напечат<ании> вместо объявл<ения> главы не получил <согласия>[8]. Я даже имел право. Я рассерди<лся>...»[9]

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «В это время, то есть в конце 1841 и в начале 1842 года, начали возникать неудовольствия между Гоголем и Погодиным. Гоголь молчал, но казался расстроенным, а Погодин начал сильно жаловаться на Гоголя: на его капризность, скрытность, неискренность, даже ложь, холодность и невнимание к хозяевам, т<о> е<сть> к нему, к его жене, к матери и к теще, которые будто бы ничем не могли ему угодить. Я должен признаться, к сожалению, что жалобы и обвинения Погодина казались так правдоподобными, что сильно смущали мое семейство [особенно Ольгу Сем<еновну>] и отчасти меня самого, а также и Шевырева. Я, однако, объясняя себе поступки Гоголя его природною скрытностью и замкнутостью, его правилами, принятыми сыздетства, что иногда должно не только не говорить настоящей правды людям, но и выдумывать всякий вздор для скрытия истины, я старался успокоить других моими объяснениями. Я приписывал скрытность и даже какую-нибудь пустую ложь, которую употреблял иногда Гоголь, когда его уличали [в скрытности] в неискренности, единственно странности его характера и его рассеянности. Будучи погружен в совсем другие мысли, разбуженный как будто от сна, он иногда сам не знал, что отвечает и что говорит, лишь бы только отделаться от докучного вопроса; данный таким образом ответ невпопад надобно было впоследствии поддержать или оправдать, из чего иногда выходило целое сплетение разных мелких неправд. Впрочем, я должен сказать, что странности Гоголя иногда были необъяснимы и остались навсегда для меня загадками. Мне нередко приходилось объяснять самому себе поступки Гоголя точно так, как я объяснял их другим, т<о> е<сть> что мы не можем судить Гоголя по себе, даже не можем понимать его впечатлений, потому что, вероятно, весь организм его устроен как-нибудь иначе, чем у нас; что нервы его, может быть, во сто раз тоньше наших: слышат то, чего мы не слышим, и содрогаются от причин, для нас неизвестных. На такое объяснение Погодин с злобным смехом отвечал: "разве что так"[10]. Я тогда еще не вполне понимал Погодина и потому не догадывался, что [единственною] главнейшею причиною его неудовольствия было то, что Гоголь ничего не давал ему в журнал, чего он постоянно и грубо требовал, несмотря на все, уже приведенные мною, письма Гоголя[11]. После объяснилось, что Погодин пилил, мучил Гоголя не только словами, но даже записками, требуя статей себе в журнал и укоряя его в неблагодарности, которые посылал ежедневно к нему снизу наверх. Такая жизнь сделалась мученьем для Гоголя и была единственною причиною скорого его отъезда за границу. Теперь для меня ясно, что грубая, черствая, топорная натура Погодина, лишенная от природы или от воспитания всех нерв, передающих чувства деликатности, разборчивости, нежности, – не могла иначе поступать с натурою Гоголя, самою поэтическою, восприимчивою и по преимуществу нежною. Погодин сделал много добра Гоголю, хлопотал за него горячо всегда и везде, передавал ему много денег (не имея почти никакого состояния и имея на руках большое семейство), содержал его с сестрами и с матерью у себя в доме и по всему этому считал, что он имеет полное право распоряжаться в свою пользу талантом Гоголя и заставлять его писать в издаваемый им журнал. Погодин всегда имел добрые порывы и был способен сделать добро даже и такому человеку, который не мог заплатить ему тем же; но как скоро ему казалось, что одолженный им человек может его отблагодарить, то он уже приступал к нему без всяких церемоний, брал его за ворот и говорил: "Я тебе помог в нужде, а теперь ты на меня работай"»[12].

[1] См. ***1841. Октября 17. Пятница. Москва.***

[2] См. также ***1841 Октября 17. Пятница. Москва.*** – Позднее, 25 февраля 1842 г., после авторского чтения незавершенной повести «Рим» 19 февраля 1842 г. на вечере у князя Д. В. Голицына, Гоголь обещал эту повесть Погодину для публикации в третьем номере журнала (см. ***1842. Февраля 4. Среда. Москва***; ***1842. Февраля 19. Четверг. Москва***; ***1842. Февраля 25. Среда. Москва***). 13 марта 1842 г. Гоголь сообщал Н. Я. Прокоповичу: «В "Москвитянине" не повесть моя, а небольшой отрывок. <...> Это единственная вещь, которая у меня была годная для журнала. Погодину я должен был дать что-нибудь, потому что он для меня много делал». О раздражении

Гоголя от «приставаний» М. П. Погодина, желавшего привлечь Гоголя к активному участию в «Москвитянине», свидетельствует, в частности, адресованная, предположительно, М. П. Погодину надпись Гоголя от 3 марта 1840 г. на авантитуле книги «О средствах сберегать глаза и зрение до самой глубокой старости. Сочинение, изданное для народа Федором Гильтебрандтом» (М., 1819): «Мои советы тебе не нравятся и труд мой тебе не дорог. Прочти <*далее следует печатный текст заглавия книги*> О СРЕДСТВАХ СБЕРЕГАТЬ ГЛАЗА И ЗРЕНИЕ и повторяй советы этого издания. Гоголь. 1840 г. Марта 3-го» (см. ***1840. Марта 3. Воскресенье. Москва***).

[3] Вероятно, при Н. М. Трахимовском, внуке врача М. Я. Трохимовского.

[4] Подразумевается письмо Гоголя к жене Погодина, Елизавете Васильевне, от 4 июня 1842 г. из Петербурга.

[5] Ср. ***1841. Октября 20 <ноября 1>. Понедельник. Москва*** (примечания).

[6] См. ***1842. Января между 2 и 7. Москва.***

[7] Имеются в виду хлопоты Гоголя, связанные с изданием «Мертвых душ». – См. также ***1842. Мая около 17. Москва.***

[8] Отказ Гоголя опубликовать в «Москвитянине» вместо объявления о выходе «Мертвых душ» главу из поэмы содержится в его записке к М. П. Погодину от второй половины апреля (до 28 числа) 1842 г. (см. ***1842. Апреля вторая половина, не позднее 28. Москва***).

[9] *Погодин М. П.* <Набросок воспоминаний о Гоголе> // *Свод.* Т. 2. С. 520–521. – См. также ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***

[10] См. также ***1836. Мая 15. Пятница. Санкт-Петербург.***

[11] См. ***1841. Марта 25 <13>. Четверг. Рим.***

[12] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 704–706.

ДЕКАБРЬ. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской в Петербург:

«Павлова обедала у нас в субботу; она уже два раза приезжала почти единственно насчет Гоголя, и как нарочно [все] три раза его не было у нас; с его приезда она один раз его только видела, он к ней довольно благосклонен, но с Ник<олаем> Ф<илипповичем>[1], кажется, он не симпатизирует».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 814.

[1] Павлов, муж К. К. Павловой.

1841 ДЕКАБРЯ КОНЕЦ <1842 ЯНВАРЯ СРЕДИНА>. МОСКВА

В своей записной книжке 1841–1845 гг. Гоголь сделал помету: «К Розенштр<ему>[1]». В те же дни пишет записку к неизвестному (возможно, к М. П. Погодину или к С. П. Шевыреву)[2]:

«Нельзя ли отправить это письмецо к Розенштрему [вместе с деньгами] с тем, чтобы оно было включено в пакет [к Валент<ини>[3]] вместе с векселем к Валентини. [Да я и забыл[4]]

Деньги предназначались для А. А. Иванова[5]; получены были им в Риме от банкира Д. фон Валентини 7–11 февраля (н. ст.) 1842 г.[6]

В письме к А. А. Иванову (вероятно, в том самом «письмеце», что было отправлено «вместе с векселем к Валентини» в Рим через московского банкира Розенштрема) Гоголь писал:

«Вот вам деньги для расплаты моих долгов[7]. Не пеняйте за мою неисправность: тут моей вины почти не было. Хочу вам сказать одно слово насчет головок Спасителей[8]. Я назначил очень малый размер и позабыл, что на том же шестивершковом холстике можно сделать головок гораздо больше. Итак, пусть он сделает их сколько можно больше. <...> Не хорошо ли будет которую-нибудь из головок на кипарисной доске».

[1] Московский банкир.

[2] Датировка записки уточнена.

[3] Римский банкир Д. фон Валентини умер весной – летом 1842 г. (см. ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково***).

[4] Не дописано.

[5] См. ***1841 декабря 24 <1842 января 5>. Среда. Рождественский сочельник. Москва***; ***1841 декабря 25 <1842 января 6>. Четверг. Праздник Рождества Христова. Москва***.

[6] См. ***1842. Февраля 7–11 <января 26–30>. Рим***.

[7] См. ***1841. Октября 20 <ноября 1>. Понедельник. Москва*** (примечания). – См. также ***1842. Февраля 7–11 <января 26–30>. Рим***.

[8] См. ***1841 декабря 25 <1842 января 6>. Четверг. Праздник Рождества Христова. Москва***.

ДЕКАБРЯ 31. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение № 12 журнала «Русский Вестник», где, в частности, напечатаны рецензии Н. А. Полевого на посмертное издание сочинений Пушкина и второе издание «Ревизора» (М., 1841).

Из первой рецензии Гоголь в начале 1842 г. сделал выписку[1], озаглавив ее: «Слова Николая Алексеевича Полевого о Пушкине»[2]. Отрицательную рецензию на второе издание «Ревизора» Гоголь, вероятно, тоже прочел: «Язык в нем неправильный, лица уродливые гротески, характеры Китайские тени, происшествие несбыточное и нелепое, но вместе уморительно смешно, как Русская сказка о тяжбе ерша с лещом...»[3] Это, однако, не помешало Гоголю без предубеждения отнестись к признаниям Полевого о его взаимоотношениях с Пушкиным.

[1] Бумага, на которой сделана выписка, имеет фабричный штемпель: овальное тиснение, по окружности которого изображены корона и клеймо «В. Г. П. У. Ѳ. Сергиевской», а в овале, на выпуклых полосках – готические буквы Е. С. (литеры означают местоположение фабрики и ее владельца – Е. Н. Соленикова, содержавшего бумажную фабрику в 1820-х – 1860-х гг. в с. Сергиевском Покровского уезда Владимирской губернии; см.: *Клепиков С. А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959. С. 108, 155). На такой же бумаге был изготовлен цензурный список первого тома «Мертвых душ», законченный к 7 декабря 1841 г. (см. ***1841. Декабря 7. Воскресенье. Москва***). Бумага, очевидно, была получена Гоголем от переписчика первых трех глав цензурной копии Крузе (см. ***1841. Ноября средина – ноября не позднее 25. Москва***). Последние восемь глав поэмы были переписаны сестрой Гоголя Елисаветой Васильевной; ею же, на той же бумаге, был изготовлен в декабре 1841 г. список второй редакции повести «Тарас Бульба» (см. ***1841. Декабря до 7. Москва***). Позднее в тщательно оформленной тетрадке карманного формата из бумаги с клеймом «В. Г. П. У. Ѳ. Сергиевской» Гоголем было переписано начало Литургии св. Иоанна Златоуста на греческом языке (*РГБ*. Ф. 74. К. 4. Ед. хр. 34). На такой же бумаге Гоголь в первой половине 1840-х гг. начал переписывать для себя (а также для А. О. Смирновой) Псалтирь – записи остановлены на 3-м, на 6-м, на 9-м и на 11-м псалмах (*РГБ*. Ф. 74. К. 4. Ед. хр. 44). Кроме того, на бумаге с клеймом «В. Г. П. У. Ѳ. Сергиевской» написан черновик начала письма Гоголя к неустановленному лицу, – предположительно, 1842 г. («Я не отвечал вам скоро после получения вашего письма...»; *РНБ*. Ф. 199. Ед. хр. 4. Л. 59; см. ***1842. Октября 22 <10>. Суббота. Рим***).

[2] См.: *Полевой Н.* Сочинения Александра Пушкина. Т. I–XI. СПб. 1838 и 1841 гг. // Русский Вестник. 1842. № 1. <Отд. 3>. С. 42–43; *Гоголь 2001*. С. 168; *Гоголь 2009–2010*. Т. 17. С. 665.

[3] Русский Вестник. 1842. № 1. <Отд. 3>. С. 61. – При этом Полевой отмечал мастерство Гоголя в «изображении запорожского казацкого быта в "Тарасе Бульбе" (исключая те места, где запорожцы являются героями и смешат карикатурой на Дон-Кихота)» (С. 60).

ДЕКАБРЯ 31. СРЕДА. МОСКВА

Кончина дочери М. С. Щепкина А. М. Щепкиной[1]. Возможно, в этот день в Москву из Петербурга приехал В. Г. Белинский[2].

[1] *Николай Михайлович, великий князь*. Московский Некрополь. <Сост. В. И. Саитов, Б. Л. Модзалевский>. СПб., 1908. Т. 3. С. 375; *Гриц*. С. 288.

[2] См. ***1842. Января 2. Пятница. Москва***.

Список сокращений

Гоголь 1889–1896 – Соч. *Н. В. Гоголя.* 10-е изд. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. М., 1889. Т. 1–5; Соч. *Н. В. Гоголя.* Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым и В. Шенроком. М.; СПб., 1896. Т. 6; СПб., 1896. Т. 7.

Гоголь 1937–1952 – *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. <В 14 т.> <Л.>: АН СССР, 1937. Т. 2 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, В. В. Гиппиус, В. П. Петров, Н. Л. Степанов, Б. М. Эйхенбаум; 1938. Т. 3 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, В. Л. Комарович, Н. И. Мордовченко, Н. Л. Степанов, Б. М. Энгельгардт; 1940. Т. 1 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, Н. П. Андреев, А. И. Белецкий, Г. С. Виноградов, В. В. Гиппиус, М. К. Клеман, Н. К. Пиксанов, Н. Л. Степанов, П. Т. Щипунов; 1940. Т. 10 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, Г. А. Бялый, Г. С. Виноградов, Ц. С. Вольпе, В. В. Гиппиус, Б. П. Городецкий, А. И. Грушкин, А. Г. Дементьев, С. Н. Дурылин, А. И. Комаров, Л. В. Крестова, А. Н. Михайлова, Л. Б. Модзалевский, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, Л. А. Плоткин, И. Г. Ямпольский; 1949. Т. 5 / Тексты и коммент. подготовили М. П. Алексеев, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, А. Л. Слонимский; 1951. Т. 4 / Тексты и коммент. подготовили В. В. Гиппиус, В. Л. Комарович; 1951. Т. 6 / Тексты и коммент. подготовили В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур; 1951. Т. 7 / Тексты и коммент. подготовили В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур, В. Л. Комарович; 1952. Т. 8 / Тексты и коммент. подготовили О. Б. Билинкис, Л. М. Лотман, В. Б. Томашевский, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 9 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, А. А. Назаревский, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 11 / Тексты и коммент. подготовили М. К. Азадовский, Ц. С. Вольпе, В. В. Гиппиус, Б. П. Городецкий, А. Г. Дементьев, С. Н. Дурылин, Л. В. Крестова, Н. Г. Машковцев, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, М. А. Панченко; 1952. Т. 12 / Тексты и коммент. подготовили Р. Б. Заборова, А. Н. Михайлова, А. А. Назаревский, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 13 / Тексты и коммент. подготовили А. Н. Михайлова, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 14 / Тексты и коммент. подготовила А. Н. Михайлова.

Гоголь 1994 – *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. Сост., подгот. текстов и коммент., В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994.

Гоголь 2001 – Неизданный Гоголь. Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 600 с.

Гоголь 2001–2012 – *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 23 т. Т. 1 / Тексты и коммент. подготовили И. Ю. Винницкий, Е. Е. Дмитриева, Ю. В. Манн, К. Ю. Рогов. М.: Наследие, 2001 (2 изд., стереотипное – М.: Наука; ИМЛИ РАН, 2003); Т. 4 / Тексты и коммент. подготовили И. А. Зайцева, Ю. В. Манн. М.: Наука, 2003; Т. 3 / Тексты подготовила Л. В. Дерюгина; Коммент. подготовили С. Г. Бочаров, Л. В. Дерюгина. М.: Наука, 2009; Т. 7. Кн. 1–2 / Тексты и коммент. подготовили Н. Л. Виноградская, П. Ю. Гуревич, Е. Е. Дмитриева, И. А. Зайцева, Ю. В. Манн, О. К. Супронюк, А. С. Шолохова. М.: Наука, 2012.

Гоголь 2009 – *Гоголь Н. В.* Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009.

Гоголь 2009–2010 – Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 1–15; М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2010. Т. 17.

АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва.

Барсуков – Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1–22. СПб., 1888–1910.

Величко 1848–1864 – Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Составил Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии войска Запорожского. 1720. Издана Временною Комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1848. Т. 1 (цензурное разрешение 7 мая); 1851. Т. 2 (цензурное разрешение 2 сент. 1850); 1855. Т. 3; 1864. Т. 4.

Виноградов 2000 – Виноградов И. А. Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы миросозерцания. М.: Наследие, 2000. 448 с.

Виноградов 2001 – Виноградов И. А. Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001. 776 с. + 16 с. илл.

Виноградов 2015 – Виноградов И. А. Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: Из истории образования в России. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 352 с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, Москва (бывш. *ЦГАОР*).

ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва.

ГЛМ – Государственный литературный музей, Москва.

Городецкий – Городецкий Б. П. Описание автографов Н. В. Гоголя в собрании Института Литературы Академии Наук СССР // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. 1938. Т. 1.

Гриц – Гриц Т. С. М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества / Отв. ред. и сост. первой части (1788–1822) А. П. Клинчин. «Летопись» дополнили и снабдили справочным аппаратом Т. М. Ельницкая, А. П. Клинчин, Н. Г. Литвиненко, А. Я. Альтшуллер, Л. С. Данилова, И. А. Клецкая, Н. В. Королева, В. В. Сомина, М. Б. Рабинович. Иконографию М. С. Щепкина собрал и описал Н. П. Пахомов. Вступ. ст. В. Б. Шкловского / АН СССР; Ин-т истории искусств Мин. культуры СССР; Ин-т театра, музыки и кинематографии Мин. культуры СССР. М., 1966. 881 с.

ГЦТМ – Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, Москва.

Ельницкая 1978 – Ельницкая Т. М. Репертуарная сводка. Репертуар петербургского Александринского и московского Малого театров. 1826–1845 // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1978. Т. 3.

Ельницкая 1979 – Ельницкая Т. М. Репертуарная сводка. Репертуар петербургского Александринского и московского Малого театров. 1846–1861 // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1979. Т. 4.

ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург.

Клинчин – *Клинчин А. П.* Провинциальный театр <в 1826–1845 гг.> // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1978. Т. 3.

Кулиш 1852 – <*Кулиш П. А.*> Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя // Отечественные Записки. 1852. № 4. Отд. 8. С. 189–201.

Кулиш 1853 – <*Кулиш П. А.*> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2 (цензурное разрешение 25 янв.). Отд. 7. С. 109–121.

Кулиш 1854 (1) – <*Кулиш П. А.*> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. Николая М. // Современник. 1854. Т. 43. № 2 (цензурное разрешение 31 янв.). Отд. 2. С. 37–92; Т. 44. № 3 (цензурное разрешение 28 февраля). Отд. 2. С. 1–84; Т. 44. № 4 (цензурное разрешение 31 марта). Отд. 2. С. 91–154.

Кулиш 1854 (2) – <*Кулиш П. А.*> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение *Николая М.* СПб., 1854 (цензурное разрешение 22 апр.).

Кулиш 1856 – <*Кулиш П. А.*> *Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. СПб., 1856. Т. 1–2 (цензурное разрешение 15 янв.).

Машковцев – *Машковцев Н. Г.* Гоголь в кругу художников. Очерки. М., 1955. 170 с.

Назаревский – *Назаревский А. А.* Из архива Головни // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 315–357.

НБУ – Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины, Киев (бывш. *ЦНБ*).

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства, Москва (бывш. *ЦГАЛИ*).

РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва (бывш. *ГБЛ*).

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив, Москва.

РГИА – Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург (бывш. *ЦГИА*).

РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (бывш. *ГПБ*).

Свод – *Виноградов И. А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание. В трех томах. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1; 2012. Т. 2; 2013. Т. 3.

Супронюк. Словарь – *Супронюк О. К.* Н. В. Гоголь и его окружение в Нежинской гимназии. Биобиблиографический словарь. Киев, 2009.

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (бывш. *ЛГИА*).

ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы (бывш. *ЦГИАМ*).

Шенрок – *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1892. Т. 1; М., 1893. Т. 2; М., 1895. Т. 3; М., 1896. Т. 4.

Шубинский – Описание автографов Н. В. Гоголя. (Гос. публ. б-ка УССР. Отдел рукописей) / Сост. И. В. Шубинский. Киев, АН УССР, 1952.

Янушкевич – *Янушкевич А. С.* Н. В. Гоголь в Риме: По материалам дневника и рисунков В. А. Жуковского // Образы Италии в русской словесности. По итогам второй международной научной конференции Международного научно-исследовательского центра «Russia – Italia» – «Россия – Италия». Редакторы: О. Б. Лебедева, Т. И. Печерская; Томский государственный университет. Томск, 2011. С. 70–101.

Именной указатель

А. Ж., корреспондент журнала «Москвитянин», 550
Августа Мария Луиза Катерина, императрица Германии и королева Пруссии, 272
Августин, блаженный, 167, 168, 176, 210
Авель, второй сын Адама и Евы, 210
Авраам праотец, св. праведный, 92, 171, 210
Агафонов М. А., 178, 179
Агния (Агнесса), св. дева мученица, 168, 231
Агриппа Марк, 204, 226
Агриппина, горничная Погодиных, 596
Адарюков В. Я., 408
Адлерберг В. Ф., граф, 169
Адриан, римский император, 192, 212, 224, 225, 227, 229, 529, 556
Азадовский М. К., 622
Айвазовский И. К., 179, 180, 460, 461, 462, 465–467, 478, 506–510, 530, 548
Айзеншток И. Я., 24, 320, 622
Акацатова, 35
Акимова (рожд. Ребристова) С. П., 464
Аксаков Г. С., 47, 111, 301–303, 308, 309, 312, 314, 315, 320, 321, 328, 331, 332, 359, 368, 373, 377, 378, 381, 387, 400, 411, 416–420, 422, 431, 435, 439, 443, 444, 479, 492, 586
Аксаков И. С., 47, 49, 51, 60, 62, 80, 81, 263–265, 287, 301–303, 308, 309, 312, 314, 315, 320, 321, 328, 331, 332, 334, 336, 339, 343, 346, 351, 359, 368, 373, 377, 378, 381, 389, 392, 394, 400, 406, 411, 412, 416–420, 422, 431, 435, 439, 454, 479, 486, 531, 540, 603, 610, 617
Аксаков К. С., 11, 12, 47, 80, 126–128, 139, 143, 151, 152, 154, 250, 251, 264, 265, 285, 292, 301–305, 308, 309, 312, 314–318, 321, 323, 324, 326, 329–332, 342, 343, 346, 349, 355–360, 366, 368, 373, 377, 381–384, 386, 387, 389, 391, 392, 405, 406, 410, 411, 420, 421, 431, 432, 434, 438–445, 447, 450–452, 454, 459, 460, 463, 468, 479–482, 484–487, 490, 492–494, 497, 511–513, 531, 535, 550, 552, 560, 586, 599, 602–605, 609, 618
  Ломоносов в истории русской литературы и русского языка, 447, 486, 493
  Ночное посещение (из Веценя), 329, 330
  Певец (из Гете), 329, 330
Аксаков М. С., 302–305, 308, 309, 332–334, 336, 337, 351, 359, 360, 363, 368, 377, 381, 389, 392, 411, 416, 417, 419, 420, 422, 435, 439, 443, 479, 511, 512, 514, 534, 550, 660
Аксаков Н. Т., 349, 351
Аксаков С. Т., 16, 17, 51, 53, 54, 81, 84, 124–128, 130–132, 133, 136, 137, 143, 152, 154, 163, 275, 285, 292, 298, 300–305, 307–309, 312, 314–323, 326, 328–344, 346–363, 365–374, 376–378, 381, 384–389, 392, 393, 398–401, 406, 411–415, 417–421, 424, 426, 430–433, 435–437, 439–441, 443, 444, 446, 447, 450–452, 453, 454, 458–460, 462–465, 468, 469, 473, 475, 477–480, 482–487, 490–494, 496–498, 504, 510–517, 520, 534, 542, 547, 550, 564, 576, 579, 583, 587, 588, 590, 593, 597, 599, 600, 602–605, 607–610, 612–614, 617, 619, 620, 660
  А. И. Казначееву, 87
  Детские годы Багрова-внука, 315, 318, 336, 613
  Записки об уженье рыбы, 613, 614
  Записки ружейного охотника Оренбургской губернии, 613, 614
  Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах, 613
  Семейная хроника, 315, 318, 336, 613
Аксакова В. С., 44, 45, 264, 298, 303–305, 308, 309, 315, 317, 321, 326, 328, 329, 332–337, 340–343, 345, 346, 349, 351, 354, 358–362, 366–375, 377, 378, 381, 384–386, 389, 392, 399–401, 408, 411, 414–417, 419–422, 436, 439–441, 443, 463, 479, 492, 493, 576, 587, 590, 598–600, 602, 603, 605, 617, 620, 660
Аксакова Л. С., 302, 308, 309, 373, 374, 436
Аксакова (в замужестве Томашевская) М. С., 302, 303, 308, 309, 345, 346, 373, 374, 385, 436
Аксакова Н. С., 308, 309, 373, 374, 377, 378, 385–387, 436
Аксакова (рожд. Заплатина) О. Сем., 51, 298, 302, 305, 308, 309, 321, 326, 331, 342, 343, 346, 348–350, 356, 358–360, 362, 366, 373, 374, 381, 385, 386, 389, 399, 436, 439, 441, 443, 444, 451, 462, 463, 478, 479, 482, 487, 492, 534, 550, 598, 619
Аксакова О. Серг., 308, 309, 373–375, 385, 414, 415
Аксакова С. С., 373, 374
Аксаковы, 179, 300, 308, 315, 316, 322, 345, 346, 364, 367, 373–375, 376, 378, 381, 388, 389, 399, 407, 414, 417, 418, 431, 449, 454, 462, 468, 472, 503, 531, 593, 598, 618
Александр I, Император, 28, 40, 74, 87, 89, 176, 203, 335, 403
Александр VI, римский папа, 198
Александр Бакарович, царевич грузинский, 141, 144, 524
Александр Николаевич, Наследник Цесаревич, с 1855 г. Император Александр II, 38–41, 45, 64–66, 139, 141, 143, 149, 150, 162, 163, 166, 168–170, 175, 176, 179–182, 184, 185, 187, 207, 210, 234, 256, 259, 265, 278, 339, 341, 358, 365, 387, 392–394, 398, 407, 430, 448, 501, 503, 562, 570, 574, 581, 584, 614, 615
Александра Николаевна, великая княгиня, дочь Императора Николая I, принцесса Гессен-Кассельская, 448
Александра Феодоровна, Императрица, жена Николая I, 43, 87, 206, 294, 295, 339, 340, 342, 345, 356, 409, 506
Алексеев М. П., 622
Алексей Михайлович, русский царь, 370, 371
Алкивиад, 384
Аллан. *См.* Прео А. Луиза, де
Алленов М. М., 466
Аллори, 169
Алмазов Б. Н., 350
Алмазова Е. Н. *См.* Бастамова (рожд. Алмазова) Е. Н.
Алпатов М. В., 31, 33, 204
Алфераки (Альфераки) Д. И., 286
Альтшуллер А. Я., 623
Альфред Великий, святой Англиканской церкви, 115, 116

Аматриче, римская прислуга, 153
Анастасевич В. Г., 89
Анастасий Синаит, патриарх Антиохийский, свт., 20, 73, 154, 469
Анатолий (Мартыновский), архиепископ Могилевский, 93
Ангелы, семья владетелей Эпира, 522
Андреа делла Валле, 210
Андреев Н. П., 622
Андрей Первозванный, св. апостол, 168, 198, 199, 203, 229, 526
Андрей Рублев, св., 225
Андроников (Андроникашвили) И. Л., 15
Андросов В. П., 144
Анжелика, римлянка, 153
Анк Марций, 230
Анна, св., 266
Анненков И. В., 520, 551, 559, 562
Анненков П. В., 9–11, 16, 17, 73, 74, 76, 104, 108, 109, 122, 123, 150, 154, 301, 337, 363–365, 383, 410, 468, 469, 502, 503, 509, 510, 518–529, 532–536, 541, 543–547, 551, 553, 555, 556, 559, 560, 562, 563, 586, 600, 660
Анненков Ф. В., 551, 559, 562
Антоний Великий, св., 176, 178, 179
Антоний Печерский, св., 144
Антоний (Медведев), наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, св., 140, 142–144, 522, 524
Антоний, наемный слуга В. А. Жуковского в Риме, 184, 189
Антонин Пий, император, 192, 194, 196, 205, 207
Аньезе, римлянка, 71
Аппий Клавдий, 207, 208, 509
Апраксина (в замужестве княгиня Мещерская) М. В., графиня, 582
Апраксина (рожд. графиня Толстая) С. П., графиня, 142, 504
Арендт Ник. Ф., 14, 15, 28, 541
Аржевитинов И. С., 63, 146
Ариосто Л., 104, 164
Аристов Н. Я., 494
Армфельд А. О., 330, 331, 400, 419, 431, 432
Арнольди Л. И., 51, 143
Арсеньева (рожд. Молчанова), мать П. И. Раевской (рожд. Арсеньевой), 433
Арсеньева Е. И., 448, 449
Арутюнян Г. Г., 467, 478, 548
Асдрубал (Газдурбал), 164
Афанасий Великий, патриарх Александрийский, св., 337
Афанасий, слуга А. С. Данилевского, 185, 238
Афанасьев А. Н., 286, 287, 399, 400, 522
Афанасьев В. В., 270
Баадер Ф. К., 279, 280
Багно В. Е., 49
Базилевская (рожд. Грессер) Е. А., 176
Базилевская (рожд. Евреинова) А. М., 176
Базилевский А. Ф., 176
Базилевский И. А., 175, 176
Базилевский М. А., 176
Базилевский П. А., 176
Базили К. М., 9, 11, 115, 185, 186, 218, 238
Байда. *См.* Вишневецкий Д. И., князь
Байрон Дж., 147, 213, 486
Дон-Жуан, 270
Бакунин М. А., 286, 307, 565, 573, 575, 577, 586, 606, 607
Бакунины, 386
Балабин В. П., 108, 111, 354
Балабин Е. П., 108, 111, 354
Балабин И. П., 108, 111, 354
Балабин П. И., 22, 108, 111, 337, 341, 353–355, 357, 368–370, 389, 660
Балабина (рожд. де Пари) Варвара (Паулина) О., 22, 23, 34, 46, 54, 90, 108, 111, 157, 288, 337, 341, 353–355, 357, 365, 368–370, 389, 397, 660
Балабина Е. П. *См.* Репнина-Волконская (рожд. Балабина) Е. П., княгиня
Балабина М. П. *См.* Вагнер (рожд. Балабина) М. П.
Балабины, 21–24, 42, 72, 73, 176, 585, 586
Баландин А., 543
Балдина Е. В., 257–259
Бальзак О., де, 311
Баних (рожд. Данилевская) О. А., 146
Бантыш-Каменский Д. Н., 557, 559
Барановский Е. И., 61
Барант А., барон, 431, 432
Барант Э., барон, 431, 432
Барберини, князья, 25, 106, 164, 176, 203, 538, 557, 559
Бардовский А. Ф., 106, 257
Баррон М., 22
Барсов К. П., 306, 307
Барсов П. Е., 306, 307
Барсов П. П., 306, 307
Барсуков Н. П., 276, 353, 388, 392, 453, 473, 516, 517, 531, 550, 566, 583, 601, 612, 623
Бартенев П. И., 40, 89, 129, 130, 133, 143, 154, 163, 249, 257, 261, 324, 326, 332, 333, 358, 385, 415, 416, 438, 545
Бартолини Л., 465
Бартоломей И. И., 436
Бартоломео, 171
Бастамова (рожд. Алмазова) Е. Н., 310, 311
Баторий С., 214, 215
Бахерахт Е. И., 431
Бахрушин А. А., 623
Баяр Ж. Ф. А., 436
Баяр Ж. Ф. А., Лоренсен (П. Э. Шапелль)
Матильда, или Ревность, 436
Безбородко А. А., князь, 40, 173, 174, 409, 477, 546
Бейне К. А., 466
Беларди А., 153
Белехова С. П., 407
Белецкий А. И., 622
Белинская (рожд. Иванова) М. И., 481
Белинский В. Г., 87, 89, 103, 108, 133, 134, 139, 154, 180, 264, 265, 285–287, 292, 306, 307, 314, 318, 321, 323, 330–332, 337, 343, 344, 348–350, 352, 356–359, 364–366, 368, 373, 381–385, 391, 392, 394, 401, 402, 405, 410, 420, 424, 425, 428, 436, 455, 470, 472, 479–484, 487, 492, 493, 512, 519–521, 531–535, 612, 618, 619, 621, 660
Белли Дж., 71, 106, 107, 110, 263
Беллини В., 446
Беллини Дж., 48, 168, 169, 177, 178
Белозерская (рожд. Ген) Н. А., 160
Белозерский В. М., 174
Белозерский И. Д., 418
Белозерский М. Д., 418
Белозерский Н. Д., 365, 417, 418

Белосельская-Белозерская З. А., княжна. *См.* Волконская (рожд. княжна Белосельская-Белозерская) З. А., княгиня
Белосельская-Белозерская М. А., княжна. *См.* Власова (рожд. княжна Белосельская-Белозерская) М. А.
Белоусов Н. Г., 104
Беляев Ю. Д., 266
Бем (Бёме) И., 280
Бенардаки Д. Е., 200, 271–276, 278, 280, 281, 285, 286, 340, 346–350, 541
Бенардаки Л. Д., 286
Бенардаки Н. Д., 285
Бенедиктов В. Г.
На пятидесятилетний юбилей Крылова, 112, 113
Бенкендорф А. Х., граф (с 1832 г.), 401
Бенуа Н. Л., 461
Берг Н. В., 123, 124, 562, 598
Берг Ф. Ф., граф, 141
Бернини Дж. Л., 106
Бессараб М. Я., 266
Бессонов П. А., 576, 577
Бестужев (псевдоним Марлинский) А. А., 206
Бестужев П. А., 269
Бестужева (рожд. Языкова) П. М., 269
Беттигер К. А., 200
Бецкий И. Б., 408
Бецкий И. Е., 408, 409, 439
Бибиков М. П., 180, 242–244, 394, 502
Билевич М. В., 81
Билевич Н. И., 80, 81
Журавль, 81
Картинная галерея светской жизни, или Нравы XIX столетия, 81
Коренная ярмарка в Курске, 81
Мечты и существенность, 81
Несколько слов об историческом значении Петровско-го-Разумовского, 81
Николай Иванович Новиков, 81
О преподавании русского языка и словесности, 81
О цели и сущности гимназического образования, 81
Петр Иванович Короткоушкин, 81
Пребывание Карамзина в Москве, 81
Русские писательницы XIX века, 81
Русские писательницы XVIII века, 81
Святочные вечера, или Рассказы моей тетушки, 81
Сказка об Иване-Богатыре, 81
Билинкис О. Б., 622
Блудов Д. Н., граф (с 1842 г.), 212, 218
Боборыкин П. Д., 324, 326
Бог, Пресвятая Троица, Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой, Господь, См. также Иисус Христос, 7, 9, 10, 13, 18, 25, 26, 28, 30, 46, 53, 59, 63, 65, 68, 75, 76, 78, 81, 85, 88, 92, 94, 97, 101, 102, 107, 110, 111, 116–120, 122, 127, 132, 139, 140, 142–144, 151, 156, 158, 161, 162, 164, 167–170, 172, 177, 182, 190, 191, 194, 196, 197, 204, 205, 210, 212, 217, 220, 225, 227–229, 233, 234, 237, 240, 252, 267, 271, 274, 276, 278, 280, 287, 288, 291, 293, 295, 299–301, 307, 311, 312, 323, 329, 341, 345, 346, 349, 350, 361, 362, 372, 373, 377, 379, 382, 384, 391, 395, 396, 398, 401, 407, 416, 419, 422–425, 430, 437, 442, 444, 447, 449, 451, 454–456, 458, 462, 463, 467, 470–474, 481, 483, 485, 486, 493, 495, 504, 505, 508, 511–513, 522–524, 531, 540–542, 546, 550, 552, 556–558, 562, 567, 572, 574, 576, 578, 589, 591, 595, 599, 602, 604, 606, 608, 613, 617
Боград В. Э., 533
Бодянский О. М., 38, 47, 76, 77, 94, 112, 131, 247, 276, 281, 285, 301, 309, 314, 393, 394, 399, 542, 545
Боккаччо Дж., 177
Болейн А., 177
Боленко К. Г., 276
Болтин И. Н., 344
Бомарше П., де
Женитьба Фигаро, 188
Бонифачио В., 169
Бонсен, 21
Бооль В. Г., фон, 365
Боратынская (рожд. Энгельгардт) А. Л. (Н. Л.), 51, 373, 431, 432
Боратынская (рожд. Черепанова) А. Ф., 373
Боратынский (Баратынский) Е. А., 43, 125, 127, 132, 136, 373, 431, 432, 434, 481
Разуверение, 43, 44
Боргезе Ш. К., 32, 164, 168, 177, 201, 205, 206, 216, 217
Боргези (Боргезе), 85, 88
Борджиа Ч., 169, 177
Бордоне П., 168
Борх А. М., граф, 59, 60
Бот, 171
Боткин В. П., 221, 222, 321, 323, 356, 359, 382, 401, 405, 410, 424, 425, 436, 459, 460, 470, 472, 480, 484, 493, 520, 521, 523
Боткин М. П., 31, 89, 234, 484, 579, 615
Боткин Н. П., 149, 223, 227, 228, 233, 234, 239, 358, 425, 436, 437, 458–461, 465–470, 484, 495, 507, 508, 563, 579, 584, 590
Боткин П. К., 356
Боткин П. П., 234
Ботникова А. Б., 79
Бочаров И. Н., 19, 24, 110, 261, 401, 489
Бочаров С. Г., 622
Боюдони, ресторатор в Баден-Бадене, 55
Браун (Броун) А. Э., 158, 249
Бронзино А., 168
Брум, полковник, петербургский домовладелец, 362
Бруни Ф. А., 33, 139, 149, 161, 162, 164, 166, 183, 197, 215, 224, 225, 229, 234, 235, 254, 260, 587, 605
Брут М. Ю., 203
Брюллов К. П., 33, 104, 139, 162, 163, 224, 225, 227, 229, 234, 365, 401, 408, 421, 578, 605, 606, 614
Брюллова (рожд. Тимм, во втором браке Греч) Э. К. К., 401
Брянский (наст. фамилия Григорьев) Я. Г., 308
Брянчанинов Н. П., 597
Буало Н., 350
Буальдье Ф. А., 260
Булгарин Ф. В., 265, 298, 498, 580
Булгарини Ф., 71
Бунзен (Бунсен) К. Х. Й., фон, 71, 73
Бунцен, 39
Буслаев Ф. И., 89, 469, 470, 496, 506, 529, 530, 610
Буссе Г. Г., 242, 243
Бутенев А. П., 74, 93, 580
Буте-Сальвета (псевдоним — Мадемуазель Марс) А. Ф. И., 10, 11
Буффе М., 266
Быков Н. В., 424, 568

Быков Н. Д., 465
Бычков А. Ф., 545
Бычков И. А., 177, 388
Бьенеме Л., 177
Бялый Г. А., 622
В., корреспондент газеты «Северная Пчела», 543
Вагнер Е. Ф., 341, 342, 374, 464, 619
Вагнер (рожд. Балабина) М. П., 21–25, 34, 38, 46, 55, 67, 72, 74, 84, 85, 90, 100, 106, 110, 111, 119, 121, 150, 155, 253, 254, 287, 289, 354, 355, 362, 365, 398, 459, 487, 540, 585, 587
Вагнер П. А., 24
Валентини Д., фон, 25, 65, 103, 104, 122, 131, 132, 135, 137, 151, 158, 170, 231, 232, 511, 565, 569, 579, 580, 600, 614, 616, 620, 621
Валуев Д. А., 51, 54, 389, 550
Валуев П. А., граф (с 1880 г.), 337, 347, 348, 365, 367, 660
Валуева (рожд. Языкова) А. М., 550
Валуева (рожд. княжна Вяземская) М. П., 337, 347, 348, 367, 431, 660
Ван Дейк А., 345, 346
Ванда, дочь короля Крака, 294
Варвара, св. великомученица, 178
Варгин В. В., 613
Варенцова Е. М., 407
Варфоломей (Нафанаил), св. апостол, 198, 199, 206, 229, 526
Василий, юродивый, 60
Васильев В. А., 612
Васильев Л., 270
Васильев С. В., 464
Васильев, актер, 425
Васильева М. В. *См.* Обухова (рожд. Васильева) М. В.
Васильчикова (рожд. Архарова) А. И., княгиня, 151
Васильчикова Т. В. *См.* Голицына (рожд. Васильчикова) Т. В., княгиня
Васьков Ф. И., 370–373, 503
Вахтанг VI Законодатель, царь Грузии, 144
Вацлав из Олеска (Залеский В.), 276, 281, 309, 593
В—вой (Чекини), учитель музыки, 175
Веймер (псевдоним – Мадемуазель Жорж) М. Ж., 10, 11
Великопольский И. Е., 84, 124, 125, 126, 127, 132, 136, 284, 285, 301, 346, 411
Величко С. В., 473, 592, 623
Вельтман А. Ф., 215, 216, 310, 311
Неистовый Роланд, 215
Приезжий из уезда, или Суматоха в столице, 215
Вельтман (рожд. Кубе) Е. И., 498
Виктор, 498
Веневитинов Д. В., 203, 204, 256
Веневитинов М. А., 278
Венелин Ю. И., 81
Венецианов А. Г., 305
Вера, св. мученица, 168, 476
Вергилий, 177
Вересаев В. В., 91, 93
Верещагин Л. Н., 597
Верещагина А. Г., 162
Вернадский В. И., 624
Верстовский А. Н., 324, 386, 395
Вессель (домашнее прозвище). *См.* Языков Н. М.
Вессель И., 606, 607
Вецель И. К., 330
Виардо Л., 263–265
Виардо П., 265
Вивиана, святая католической Церкви, 174, 178
Вигель Ф. Ф., 141, 144
Виельгорская (в замужестве княгиня Шаховская) Анна М., графиня, 53, 78, 126, 263, 278, 347, 348, 546, 592
Виельгорская (в замужестве Веневитинова) Ап. М., графиня, 257, 263
Виельгорская (рожд. герцогиня Бирон) Л. К., графиня, 22, 24, 249, 254, 255, 257, 262–265, 348, 562
Виельгорские, 165, 585
Виельгорский И. М., граф, 22, 61, 140, 149, 150, 157, 158, 164, 165, 203, 204, 208, 210, 211, 214, 231, 244, 247–259, 261–265, 278, 444, 458, 478, 509, 561, 562, 585
Виельгорский Матв. Ю., граф, 263, 264
Виельгорский (Виельгорский-Матюшкин) Мих. М., граф, 263
Виельгорский Мих. Ю., граф, 57–59, 112, 113, 140, 149, 157, 158, 178–180, 185, 213, 214, 231, 246, 247, 250, 254–258, 262, 263, 267, 278, 287, 294, 295, 337, 339, 347, 348, 358, 444, 660
Цыган, 213
Викентий Августопольский (Сарагосский, Валенсийский), диакон, священномученик, 20, 73, 154, 469
Викторов А. Е., 456
Викулин С. А., 177, 178
Викулова В. П., 27, 45, 79, 82, 139, 174, 248, 255, 257, 281, 474, 533, 555
Вильмен А. Ф., 146, 147
Винкельман И. И., 213
Винницкий И. Ю., 622
Виноградов В. В., 13
Виноградов Г. С., 622
Виноградов И. А., 4, 13, 19, 27, 34, 40, 68, 79, 81, 93, 109, 110, 125, 143, 166, 174, 176, 199, 204, 270, 281, 328, 353, 437, 444, 466, 487, 488, 491, 493, 517, 524, 533, 547, 558, 559, 569, 574, 577, 591, 608, 609, 613, 622, 623, 624
Виноградов С. П., 573
Виноградская Н. Л., 622
Виоланта, 171
Висковатов П. А., 52, 54, 59, 60
Виттакер Ричард, 523
Вихман Л. В., 357, 358
Вишневецкий Д. И., князь, 456
Владимир, св. равноапостольный князь, 173, 214, 386, 419, 497, 508, 568, 615
Владимиров П. В., 380
Владиславлев В. А., 133, 357
Власов А. С., 74
Власова (рожд. княжна Белосельская-Белозерская) М. А., 73, 74, 118, 138, 255–257, 260, 569
Вогюэ Э. М., де, 49
Воейков А. Ф., 11, 504
Воейкова (рожд. Протасова) Ал. Анд., 169
Волков М. С., 87, 89, 543
Волконская (рожд. княжна Белосельская-Белозерская) З. А., княгиня, 21, 24, 35, 42, 45, 71, 73, 74, 78, 79, 82, 86–93, 95, 99, 101, 102, 108, 111, 112, 114, 115, 118–120, 139, 145, 148–150, 164–166, 171, 172, 175, 180, 183, 190, 203, 204, 215, 220, 223, 234, 235, 244, 248, 254–261, 474, 499–502, 539, 569
Песнь Невская, 82, 86, 87, 89–91, 145, 147, 148, 241

Волконская М. Н., 507
Волконская, княжна, внучка княгини З. А. Волконской, 261
Волконские, князья, 23
Волконский А-р Никитич, князь, сын З. А. Волконской, 74, 101, 102, 166, 204, 255, 257, 258, 260
Волконский А-р Никитич, двоюродный брат княгини З. А. Волконской, 73
Волконский Г. П., князь, 118, 614
Волконский Никита Г., князь, 22, 24, 256, 260
Волконский Николай Г., князь. *См.* Репнин-Волконский (до 1801 г. Волконский) Н. Г., князь
Волконский П. М., светлейший князь (с 1834 г.), 118, 140, 176, 287, 401
Волтерра Д., да, 172
Вольпе Ц. С., 622
Вольховской В. Д., 218, 219
Воробьев М. Н., 461
Воробьев С. М., 461
Воронцова М. А., графиня, 22, 24, 256, 257
Воронцова-Дашкова (рожд. Нарышкина) А. К., графиня, 14
Воронцов-Дашков И. И., граф, 14, 74
Воронянская (в девичестве Квитка), 427
Воронянский, знакомый М. И. Гоголь в Харькове, 427
Воропаев В. А., 13, 622, 623
Воскресенский П. Г., 274
Врангель, барон, домовладелец в Петербурге, 11, 43, 44, 58
Враский А. В., 386, 387
Врonченко Ф. П., 57, 58
Вротновский, 92, 94
Высоцкий Г. И., 380
Вяземская (рожд. княжна Гагарина) В. Ф., княгиня, 14
Вяземская М. П., княжна. *См.* Валуева (рожд. княжна Вяземская) М. П.
Вяземская П. П., княжна, 120, 220
Вяземский П. А., князь, 14, 28, 32, 37, 39, 40, 75, 91, 98, 100, 120, 121, 139, 172, 186, 220, 337, 347, 348, 350, 365, 368, 402, 404, 423, 428, 430–432, 448, 566, 582, 583, 660
На радость полувековую..., 112, 113
Вяземский П. П., князь, 100
Габерцеттель И. И., 34, 118, 166
Габерцеттель, жена И. И. Габерцеттеля, 118
Гагарин Г. И., князь, 145
Гагарин И. С., князь, 145, 146, 432, 433
Гагарин С. И., князь, 145, 146
Гагарин С. С., князь, 60
Гагарина (рожд. Соймонова) Е. П., княгиня, 146
Гагарина (рожд. Виленская) И. А., княгиня, 60
Гагарина, княгиня, 506
Гаевский В. П., 90, 91, 533
Гаетано, 169
Галаган Г. П., 105, 382, 503
Галахов А. А., 502
Галахов А. Д., 300, 301, 330, 331
Галахов А. П., 502, 503
Галахов П. А., 503
Галахова Е. П. *См.* Олферьева (Алферьева, в замужестве Галахова) Е. П.
Галлам Г., 32, 116, 541
Гальберг (рожд. Демут-Малиновская) М. В., 21
Гальберг С. И., 20, 21
Гальперт (рожд. Жучковская) Л., 443
Ганеман С., 203, 204
Ганка В. В., 79
Гарофало, 169, 178
Гаршинский, 94
Гасперович В. Н., 20, 21, 34, 71, 73, 74, 153–155, 468, 469, 518, 523
Гауди Ф., барон, 242, 243
Гаэтан, римский род, 208
Гверчино, 167, 178, 210, 222
Гегель Г. В. Ф., 280, 377, 389, 565, 618
Гедеонов А. М., 10, 533
Гедеонов С. А., 265
Геккерн Л. Б., барон, 14
Генералова Н. П., 618
Генрих VIII, английский король, 177
Герардо de la notti (Геррит Гонтгорст), 171
Герасим, иеромонах, с 1844 г. архимандрит, настоятель храма русского посольства в Риме, 92, 93, 233, 234, 255, 257
Герасимов П. Г., 297
Гербель Н. В., 546
Гердер И. Г., 146
Геррес Г., 242, 243
Герсеванов Н. Б., 109, 543
Герцен (псевдоним Искандер) А. И., 269, 286, 287, 306, 307, 322, 579
Былое и думы, 579
Сорока-воровка, 306
Гесс И. Г., 147
Гете И. В., фон, 103, 315, 330, 486, 487
Фауст, 554
Гетекомер С. Г., 375
Гиббон Э., 146
Гибсон (Джибсон) Дж., 220, 224
Гизо Ф., 145–147
Гильдебрандт (Гильтебрандт) Ф. И., 620
Гиляровский В. А., 415, 568, 569
Гиппиус В. В., 265, 622
Глазунов И. И., 621
Глебова (вероятно, Глебова-Стрешнева, вдова П. Ф. Глебова-Стрешнева), 395
Глебова (вероятно, сестра Глебовой-Стрешневой), 396
Глинка (рожд. Голенищева-Кутузова) А. П., 431, 432
Глинка М. И., 401
Глинка Ф. Н., 285, 287, 344, 431, 432, 444
Очерки Бородинского сражения, 89, 344
Глинки, 444
Глушакова Ю. П., 19, 24, 110, 261, 401, 489
Гнедич Н. И.
Илиада (перевод), 538
Гоголи Дж., 468
Гоголь Анна В. (старшая), 416
Гоголь Анна В., 13, 43, 44, 46, 66, 86, 103, 104, 111, 114, 117, 121, 135, 149–151, 155, 157, 160, 161, 173, 186, 191, 202, 237, 240, 241, 259, 271, 282–284, 287–289, 292–295, 299, 304, 305, 326, 333, 337–343, 345, 351–357, 359–363, 365, 368–376, 378–380, 389, 390, 392, 395–397, 403–406, 413–418, 420, 423, 425–428, 430, 435, 437, 439, 449, 450, 453, 462, 471, 472, 475, 495, 512, 514, 542, 596, 598, 617, 619, 660
Гоголь (в замужестве Быкова) Е. В., 13, 43–46, 66, 86, 103–105, 111, 114, 117, 121, 135, 149–151, 154, 155,

157, 173, 191, 202, 237, 240, 241, 259, 271, 282–284, 287–289, 292–295, 299, 304, 305, 310, 326, 333, 337–343, 345, 351–357, 359–363, 365, 368, 370–376, 378–380, 389, 390, 392, 395–397, 403–406, 413–418, 420, 423–428, 430, 431, 433, 436–441, 447–451, 454, 456, 459, 462–464, 472, 473, 477, 478, 494, 495, 512, 513, 542, 566, 582, 598, 602, 608, 609, 619, 621, 660
Гоголь (в замужестве Трушковская) М. В., 7, 8, 13, 45, 47, 78, 81–83, 136, 149, 160, 161, 202, 293, 294, 414, 416, 427, 436, 450, 456, 471, 472, 495, 514, 617
Гоголь Н. В.
Авторская исповедь (Повесть моего авторства), 49, 272, 292, 298, 383, 482, 512
Альбом эскизов с римской природы, 502
Альфред, 115, 116
Анна Андреевна и Марья Антоновна, 510, 566
Аннунциата, 90, 199, 367, 368, 391, 399, 400, 404, 418, 419, 498, 513
Арабески, 9, 10, 30, 94, 134, 320, 330, 342, 366, 385, 481, 482, 605
Билеты на благотворительное чтение «Ревизора» (1840), 499, 501
Близорукому приятелю, 115, 270
В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность, 32, 50, 71, 269, 429
Введение (в древнюю историю), 24
Вечер накануне Ивана Купала, 541
Вечера на хуторе близ Диканьки, 9, 10, 12, 13, 30, 77, 94, 320, 330, 486, 498, 526
Взгляд на составление Малороссии, 271, 275
Вий, 265, 344, 496, 577
Владимир 3-ей степени, 159, 300, 386, 419, 497
Выбранные места из переписки с друзьями, 28, 40, 50, 67, 71, 97, 116, 140, 161, 186, 187, 269, 270, 274, 286, 292, 342, 344, 359, 429, 438, 481, 486, 487, 497, 520, 533, 568, 574, 581–583, 598
Выписки из Книги Бытия (гл. 1, ст. 1–9), 508
Выписки из Кормчей книги, 337, 592
Выписки из Псалтири, 621
Ганц Кюхельгартен, 78, 270
Гетьман (Начало исторического романа), 393, 394
Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы (Приложение к комедии «Ревизор»), 468, 495, 496, 510, 512, 513, 515, 516, 527, 566
Девицы Чабловы, дочери бедных родителей... 271, 275
Драма из эпохи Богдана Хмельницкого, 44, 260, 271, 276, 280–282, 288, 289, 295, 300, 301, 313, 337, 344, 346, 361, 380, 389, 445, 453, 456–458, 460, 475, 484, 488, 491, 493, 494, 557, 559, 569–572
Древняя всеобщая история, 199
Дядька в затруднительном положении (литературная обработка перевода комедии Дж. Жиро), 301, 439, 461–464, 477, 485
Женитьба, 110, 168, 169, 298, 357, 358, 365, 386, 387, 390, 394, 411, 426, 497, 544, 614
Жених, 298, 497
Женихи, 298, 390, 613
Жизнь, 366, 598
Заметка о Мериме, 29, 270
Заметки и выписки при чтении «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, 76
Занимающему важное место, 116, 274
Записка Челли, хозяину квартиры в Риме, по поводу больного П. В. Анненкова (1841), 561
Записки сумасшедш<его> мучен<ика>, 522
Записки сумасшедшего, 265, 325, 366, 480, 522, 524
Записная книжка 1841–1844 гг., 51, 274, 575, 604, 612, 613
Записная книжка 1841–1845 гг., 604, 612, 613, 620
Записная книжка 1841–1846 гг., 200, 270, 576, 613, 614
Записная книжка 1842–1845 гг., 517
Записная книжка 1842–1851 гг., 137, 577
Записная книжка 1846–1850 гг., 200, 292
Зачем я оказался учителем? 292
Игроки, 614
Исторические афоризмы Михаила Погодина (рецензия), 200, 292
Исторический живописец Иванов, 67, 581, 582
История Малороссии, 90
Италия, 116, 494
К 1-й части <«Мертвых душ»> (наброски), 613
Каноны и песни церковные (сборник), 593
Картины мира, или Полезное и приятное чтение для юношества. Часть 2-я. С.-П.-бург, 1836 г. (рецензия), 383
Книга всякой всячины, или подручная Энциклопедия, 13, 14
Коляска, 12, 265, 325
Конспект книги Г. Галлама «Европа в средние века», 32, 116, 541
Критика «Мертвых душ» из «Современника» (выписка), 418
Лексикон малороссийский, 14
Мадонна дей Фьори (Madonna degli fiori), 18, 90, 118, 198, 367, 400, 497
Майская ночь, или Утопленница, 234
Малороссийские слова, встречающиеся в первом и втором томах, 14
Материалы для «объяснительного словаря» русского языка, 511
Мертвые души, 11, 12, 15, 16, 19, 24–27, 30, 33, 40, 49–51, 56, 57, 59–62, 76, 87, 88, 97, 113, 120, 121, 123, 126, 129–131, 133, 136, 145, 146, 157, 158, 161, 165, 172, 173, 175, 178, 179, 182, 197, 204, 207, 228, 236, 260, 261, 264, 268–274, 276, 284, 287, 298, 300, 303–305, 312, 314, 315, 317, 318, 326–328, 335, 338, 344, 346–348, 351, 353, 361, 363–365, 367, 369, 371, 373, 375–378, 381–385, 388, 391, 392, 396, 399, 400, 402, 405, 407, 408, 411, 417–420, 426, 429, 430, 440, 441, 443, 444, 458–461, 468, 480–487, 489, 490, 493, 495–498, 508–513, 517, 520, 528, 533–537, 539, 544–547, 554, 559, 563, 564, 567–569, 571, 576, 583–585, 589, 591, 595, 599, 600, 602–604, 608–617, 620, 621
Миргород, 22, 30, 77, 94, 134, 221, 237, 269, 306, 320, 330, 364, 385, 481, 482, 490, 491, 498
Наброски к статье «Взгляд на составление Малороссии», 271, 275
Наброски очерка о славянах, 247
Надпись в альбом М. А. Власовой (Как ни глуп Индейский петух...), 260, 569
Надпись в альбом И. И. Срезневскому (Душевно желаю вам набрать...) (1839), 313
Надпись в альбом Е. Г. Чертковой (Наша дружба священна) (1839), 249
Надпись П. И. Кривцову на первом издании «Ревизора» (СПб., 1836), 23
Надпись М. П. Погодину на авантитуле книги «О средствах сберегать глаза и зрение до самой глубокой

старости. Сочинение, изданное для народа Федором Гильтебрандтом» (М., 1819), 406, 620
Надпись И. М. Снегиреву на втором издании «Ревизора» (М., 1841), 605
<Начало исторического романа>, 78
Невеста, 298
Невский проспект, 199, 366, 367, 487
Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве, 159
Несколько слов о Пушкине, 32, 40
Новые сцены к комедии «Ревизор», 216, 468, 495–497, 510, 513, 516, 526, 527, 560
Нос, 541
Ночи на вилле, 79, 244, 249, 252, 262, 263, 562
Ночь перед Рождеством, 305, 356, 541
Нужно любить Россию, 87
О благодарности, 305
О гневе и безгневии. К А. О. Смирновой, 591
О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году, 597
О достоинстве сочинений и литературных трудов Погодина (замысел статьи), 582, 583
О лиризме наших поэтов, 28, 87, 344, 429
О Пермской губернии, 200
О преподавании всеобщей истории, 33, 605
О Современнике, 349
О сословиях в государстве, 325
О средних веках, 325
О Средних веках, 32
О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности, 292, 533
О том же (Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве), 533
О том, что такое слово, 342, 497, 582
Об архитектуре нынешнего времени, 385
Об Одиссее, переводимой Жуковским, 383
Объявление о выезде, 412, 416–418, 422, 437
Остраница (Начало исторического романа «Гетьман»), 393, 394
Откупа, 274
Отрывок, 116
Отрывок из «Истории Малороссии». Размышления Мазепы, 116
Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору, 325, 468, 495, 496, 510–513, 527, 555, 566
Отрывок неизвестной повести (Начало исторического романа «Гетьман»), 394
Песни, собранные Гоголем, 453
Песня Бедняка (Не в неге я родился...) (список), 613
Петербургская сцена в 1835–36 г., 325, 383
Петербургские записки 1836 года, 36, 37, 64
Письмо из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу, 67, 75, 97, 98, 100
План преподавания всеобщей истории, 605
Повесть о капитане Копейкине, 57, 87, 157, 537, 545, 546, 576
Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, 230, 231, 245, 491, 591
Повесть о чиновнике, крадущем шинели, 271, 275, 497
Портрет, 32, 162, 223, 287, 591
Портрет сестры Елисаветы (1839), 374
Потеря (объявление в газете о потере бумажника), 357, 362, 366
Похождения Чичикова, или Мертвые души, 12, 133, 264, 318, 382, 385, 392, 480, 497, 498, 559
Прачка, 194
Предуведомление для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора», 325
Приложение к комедии «Ревизор», 485, 510, 512, 513
Провинциальный жених, 298
Происшествия на Севере, 116
Просвещение, 78
Развязка Ревизора, 8, 325–327
Размышления о Божественной Литургии, 97, 533
Ревизор, 7–12, 14, 17, 18, 23, 30, 33, 37–39, 41, 43, 45–47, 49, 56, 58, 61, 64–67, 69, 70, 77, 81–84, 94, 103, 106, 111, 117, 126, 127, 129, 134, 138, 145, 158, 160, 164, 167, 169, 171, 173, 179, 187, 188, 191, 193, 215, 216, 242, 262, 267, 276, 279, 284, 285, 289, 300, 306, 307, 314, 320–329, 331, 332, 334, 350, 356, 358–361, 373, 378, 382, 383, 388, 405, 410–412, 420, 421, 423, 425, 461, 466–468, 473–475, 478, 480, 481, 485, 489, 491, 492, 495–497, 499–503, 505, 510–516, 526, 527, 530, 531, 534, 541, 552, 555, 560, 563, 565, 566, 568, 573, 581, 604, 605, 610, 615, 621
Рим, 10, 18, 74, 90, 109, 110, 118, 150, 154, 184, 185, 193, 199, 215, 216, 325, 367, 368, 399, 400, 404, 418, 484, 495–498, 513, 519, 523, 526, 532, 533, 538, 544, 546, 553, 555–558, 587, 591, 619
Рисунок обложки первого тома «Мертвых душ», 383
Русская история в политическом отношении, 145
Русские песни (сборник), 444, 592, 593
Сганарель (литературная обработка перевода комедии Ж. Б. Мольера Т. Н. Грановского и Н. Х. Кетчера), 301, 380, 399, 400, 462, 471, 472
Семен Семенович Батюшек, 268, 269, 491
Синтаксис (заметка), 593
Слова Николая Алексеевича Полевого о Пушкине (выписка), 621
Со всех сторон к концу балу Чагравину... 51, 260
Сорочинская ярмарка, 325, 361
Состояние королевства вестготов в Испании и завоевание ее арабами, 115
Соч. и письма Н. В. Гоголя. В 6 т. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857, 124
Сочинения Ломоносова и Державина (сборник), 87, 592
Сочинения Н. В. Гоголя. В 6 т. СПб., 1855–1856, 394
Сочинения Н. В. Гоголя. В 7 т. 10-е изд. М., СПб., 1889–1896, 361, 612
Сочинения Николая Гоголя. В 4 т. СПб., 1842, 14, 136
Списки вещей, назначенных для покупки сестрам в 1839 г., 346, 352
Список стихотворения А. С. Пушкина «Русалка» (Над озером в глухих дубравах...), 211, 508
Споры, 201, 438
Старосветские помещики, 30, 31, 94, 264, 265, 269, 300, 356, 364, 613
Статья на итальянском языке для римского журнала («Diario di Roma»?) о собрании эскизов князя Д. М. Голицына, 444
Страшная месть, 117, 270, 395
Тарас Бульба, 12, 27, 30, 31, 37, 77–80, 87, 93, 94, 113, 115–117, 208, 221, 260, 264, 265, 276, 281, 283, 300, 301, 325, 337, 346, 356, 361, 364, 381, 382, 438, 456, 481–483, 490, 491, 549, 556, 559, 573, 591, 592, 597, 604, 608, 609, 612, 613, 621, 622

Театральный разъезд после представления новой комедии, 268, 325, 385
Тяжба, 305, 314–318, 333, 378, 411, 418
Украинские исторические песни и думы. Сборник Гоголя из бумаг А. А. Иванова, 319, 456
Характер, 517
Характер русского несравненно тонее и хитрее... 271, 275
Характеры и костюмы. Замечания для гг. актеров, 325, 510, 511, 566
Хлестаков и Растаковский, 216, 510, 530, 566
Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ», 130, 327
Чин литургии св. Иоанна Златоуста на греческом языке (неполный текст первой великой ектении) (список рукою Гоголя), 621
Что такое губернаторша, 384
Шинель, 271, 276, 352, 353, 484, 494, 497, 576, 591
Южнорусские песни. <Тетрадь первая>, 592, 593
Гоголь Н. В., Данилевский А. С.
Да здравствует Нежинская бурса! 10
Гоголь Н. В., Одоевский В. Ф., князь, Пушкин А. С.
Тройчатка (замысел совместного альманаха из трех повестей), 376
Гоголь (в замужестве Головня) О. В., 8, 13, 47, 78, 81, 82, 159, 202, 301, 374, 397, 413, 415, 416, 420, 423, 425–428, 439, 449, 454, 471, 472, 495, 542, 617, 619, 624
Гоголь Т. В., 416
Гоголь-Яновская (рожд. Косяровская) М. И., 7, 11, 13, 15, 17–20, 25, 32, 43, 45, 47, 64, 66, 69, 70, 78, 80–83, 85, 100, 113, 114, 120, 124, 125, 127, 128, 135, 137, 139, 149, 151, 154, 159, 160, 173, 189–191, 201, 216–218, 259, 271, 282–284, 292–294, 304, 328, 340, 354, 363, 371, 373, 374, 376, 378–380, 386, 393–397, 413–416, 418, 420, 423–427, 430, 435, 437, 439, 447, 449, 453, 454, 462, 471, 472, 475, 484, 495, 512, 514, 541, 542, 544, 561, 562, 566, 583, 596, 598, 617, 619
Гоголь-Яновская (рожд. Лизогуб) Т. С., 173
Гоголь-Яновский В. А., 17, 81, 82, 173, 313, 541
Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом (Роман и Параска), 313
Голицын Авг. П., князь, 263
Голицын А. Н., князь, 89, 264, 279, 280
Голицын В. П., князь, 177, 235, 236
Голицын Д. В., князь, 200, 201, 215, 216, 222, 233, 234, 428, 490, 619
Голицын Д. М., князь, 444
Голицын С. М., князь, 166
Голицын Ф. А., князь, 92
Голицын Ф. Ф., князь, 145
Голицына (рожд. Измайлова) Е. И. (А. И.), княгиня, 165, 166
Голицына С., 143
Голицына (рожд. Васильчикова) Т. В., княгиня, 222
Голованев (Голованов) Ф. П., 541
Голохвастов Д. П., 498, 499, 568, 611, 612, 616
Голубцов В. В., 503
Гольдони К., 179, 539, 547
Дон-Жуан, 270
Гомер, 12, 32, 153, 165, 264, 265, 315, 318, 340, 381–384, 391, 392, 482
Илиада, 264, 382, 383, 482, 538
Одиссея, 383
Гомозкова М. С., 407
Гонзага, итальянский княжеский род, 172, 220
Гораций, 225, 226
Оды, 226, 228
Горбовская, жена И. А. Горбовского, 82
Горбовский И. А., 81, 82, 413
Горбунов К. А., 401, 408
Гордеенко (Гордиенко) К., 456
Горленко В. П., 24
Горностаев И. И., 34
Горова (рожд. Щитинская) Н., 376
Городецкий Б. П., 35, 36, 134, 454, 478, 578, 604, 622, 623
Гороховый М. В., 489
Горчаков А. М., князь, 44
Горчакова Е. П., княжна, 386, 411
Горчаковы, знакомые Аксаковых, 386, 411
Гостилий Тулл, 196
Гофман Э. Т. А., 52, 129, 155, 487
Чортов элексир, 487
Гошар (Hochard), домовладелица в Париже, 170, 185, 217, 245
Гране Ф. М., 176
Грановский Т. Н., 77, 112, 285, 286, 307, 323, 326, 348, 399, 404, 405, 434, 471, 480
Грацианский И. И., иерей, 285
Гребенка (Гребенкин) Е. П., 357, 525, 526
Рассказы пирятинца, 526
Греч А. Н., 402
Греч Н. И., 79, 265, 298, 341, 369, 402, 572, 580
Грибоедов А. С., 133, 350, 384, 385, 410, 612
Горе от ума, 133, 187, 188, 350, 382–385, 391, 410, 443, 464, 476, 612
Григорий Великий (Двоеслов), св., 203
Григорий V, патриарх Константинопольский, св., 115, 117
Григорий XVI, римский папа, 13, 19, 20, 23, 46, 88, 98, 110, 151, 163, 193, 200, 422, 507, 508, 522, 524, 526, 528, 538, 551
Григоров, родственник Вас. И. Черныша, 88
Григорович Вас. И., 32, 277, 489, 548, 581, 614
Григорьев А. А., 434, 523
Григорьев А. И., 435
Гризи Дж., 10, 29, 85, 99, 152, 235, 239
Грифи, учитель итальянского языка, 42, 43, 90, 227–229, 231, 232, 235, 236, 247
Гриц Т. С., 7, 12, 18, 46, 65, 69, 82, 84, 103, 106, 111, 117, 127, 134, 137, 138, 145, 171, 262, 285, 405, 423, 472, 476, 552, 563, 573, 615, 621, 623
Грищенко А. В., 225
Грот К. Я., 155
Грот Я. К., 265, 488, 583–586
Грузинская А. Г. (А. Е.), княжна. *См.* Толстая (рожд. княжна Грузинская) А. Г. (А. Е.), графиня
Грузинский Г. А., князь, 140–142, 144, 524
Грушкин А. И., 622
Гуревич П. Ю., 622
Гурилев А. Л., 416
Гурилев Л. С., 415, 416
Гус М. С., 283
Гусева Е. Н., 510, 568
Густав I Ваза, король Швеции, 214, 215
Д'Аршиак О., виконт, 14
Давид, св. пророк, 143

Давыдов В. Л., 480, 504–507, 560
Давыдов Д. В., 37, 487
Давыдов И. И., 388, 428, 435
Давыдов П. Л., 506, 507
Давыдова (рожд. Потапова) А. И., 480, 505
Давыдова (рожд. Лихарева) В. Н., 506, 507
Давыдова (в замужестве Переслени) Ек. В., 480, 497, 499, 504–506, 512, 560
Давыдова Ел. В., 480, 497, 499, 502, 504–507, 512, 560
Дажинкур, 208
Даль В. И., 144, 200, 504, 544
Дамиан, св. мученик, 168
Данзас К. К., 15
Данилевская А. С., 191, 260
Данилевская В. С., 191, 260
Данилевская Т. И. См. Черныш (в первом браке Данилевская) Т. И.
Данилевский, 123
Данилевский А. С., 8–10, 15–20, 27–32, 37, 38, 41–49, 53, 64, 68–70, 72–74, 76, 83, 84, 86, 88, 90, 96–104, 109–114, 119–122, 124, 125, 130–135, 137, 146–148, 150–152, 160, 161, 163, 167, 168, 170, 181–187, 189–191, 216–219, 223, 227, 234, 238–240, 245–248, 250, 251, 256, 259, 260, 277, 298, 314, 353, 365, 378, 379, 395–397, 422, 428, 436, 454, 520, 540, 541, 548, 566, 567
Данилевский А. С., Гоголь Н. В.
Да здравствует Нежинская бурса!, 10
Данилевский Г. П., 45, 123, 375, 376, 411, 412
Данилевский Е. С., 135, 191
Данилевский И. С., 119, 135, 159, 191, 248, 259, 260
Данилова Л. С., 623
Данилова, московская актриса, 425
Данте А., 32, 44, 169, 177, 229, 288, 291, 509, 538
Божественная комедия, 288–291, 311, 312
Дантес (Дантез) Ж. Ш. (барон Геккерн), 14, 15
Данченко-Немирович (Немирович-Данченко) Н. Ф., 9
Дарий I Истапс (Гистапс), персидский царь, 587
Дацков И., 426
Дашков Д. В., 212, 213, 358, 360
Дашкова (рожд. Пашкова) Е. В., 358
Де Лука Ф., римская прислуга, 153
Делавинь К., 10
Людовик XI, 10, 11
Делла Паче, испанская княгиня, 153
Делла Паче, испанский князь, 153
Дельвиг А. А., барон, 218, 504
Дельвиг Анд. И., барон, 429, 430
Дементьев А. Г., 622
Демидов П. Н., 44, 198, 199, 244, 246, 473
Демут-Малиновский В. И., 21
Державин Г. Р., 28, 32, 87, 228, 429, 493, 592, 597
Вельможа, 87
Водопад, 226, 228
Крестьянин и Дуб (Рубил крестьянин дуб близ корня топором), 592, 597
Мой истукан, 217, 219
Тоска души, 592
Дерюгина Л. В., 40, 622
Десницкий В. А., 559
Джорджоне (Жиорджоне), 168, 171
Джотто Б., ди, 178, 232
Джулиани Р., 34, 39, 41, 73, 204, 243, 244
Джулио Романо, 169, 171
Джустиниани, итальянский род, 255
Джюлия, знакомая В. А. Панова в Риме, 110, 468, 469, 543, 548, 549, 559, 580, 598
Дибич-Забалканский И. И., граф, 141
Дивьер, графиня, 35
Диккенс Ч., 469, 470
Диоген Синопский, 142
Диоклетиан, римский император, 211
Дионисий, иконописец, 225
Диоскуры, Кастор и Поллукс, 195–197
Дмитриев И. И., 443
Басни и апологи, 443, 444
Дмитриев М. А., 274, 276, 285, 431, 432, 498, 592
Дмитриева Е. Е., 622
Дмитриев-Мамонов Э. А., 317
Дмитрий Донской, св. благоверный князь, 324
Долгорукие, князья, 444
Долгоруков С. А., князь, 431
Доленга-Ходаковский З. Я. (Чарноцкий А.), 83, 593, 597
Дольчи К., 167–169
Доменикино, 167–169, 177, 203, 205, 206, 210, 222
Доменико Дж., 153
Доменико О., 153
Доминико (Dominico), слуга Репниных-Волконских, 129
Дон Хуан, брат Филиппа II, 167
Дон-Жуан, 270
Доницетти Г., 586, 587
Донцелли Д., 239
Дориа, генуэзский род, 167, 210
Дориа, князь, 150, 157, 536, 544
Дорошенко В. Н., 547
Досталь М. Ю., 580
Достоевский А. М., 80, 81
Достоевский М. М., 80
Достоевский Ф. М., 80, 81, 113, 481, 483, 520, 523
Жид Янкель, 80
Подросток, 80
Дружинин А. В., 521, 523
Друз, римский род, 207
Дудышкин С. С., 16, 17, 485, 487
Дунина-Борковская (рожд. Псиол) Г. И., 22–24, 126, 129, 138, 160, 263, 264
Дурнов А. Т., 34, 41, 85, 113, 177, 218
Дурнов И. Т., 84
Дурова Н. А. (Александров А. А.)
Добавление к Девице-кавалерист, 253, 254
Кавалерист-девица, 253, 254
Дурхольц, квартирная хозяйка в Бадене, 60
Дурылин С. Н., 283, 622
Дюр Н. О., 253
Дюссо, петербургский ресторатор, 109, 543
Егоров А. Е., 32, 162
Егоров Б. Ф., 523
Екатерина, св. великомученица, 169, 178
Екатерина II, Императрица, 28, 32, 403, 582
Елагин Ал. Анд., 618
Елагина (рожд. Юшкова, в первом браке Киреевская) А. П., 312, 375, 387, 388, 390, 393, 394, 401, 403, 405, 406, 423–425, 427, 431, 432, 436–438, 441, 449, 550, 560, 601, 609, 618

Елагины, 80, 312, 375, 389, 394, 405, 406, 433
Елена, св., 196
Елизавета Петровна, Императрица, 579
Елистратова А. А., 270
Ельницкая Т. М., 7, 8, 12, 14, 17, 18, 37, 45–47, 49, 56, 58, 64, 66, 67, 69, 70, 77, 81, 82, 84, 103, 106, 111, 117, 126, 127, 129, 134, 138, 145, 167, 171, 188, 242, 262, 379, 423, 472, 552, 563, 615, 623
Емельяни, знакомый М. А. Власовой, 118, 119
Ерастова Л. В., 270
Ермакова М. Я., 482, 483
Ермолов Д. Н., 597
Ермолова (рожд. Черткова) С. А., 249, 324, 326, 332, 333, 415, 416
Есфирь (Эсфирь), св. праведная, 178
Ефименко А. Я., 115, 117
Ефимов Д. Е., 19, 21, 23, 34, 41, 68, 72, 126, 129, 130, 166, 218, 219, 223–225, 229, 233, 246
Ефимов Н. Е., 34, 41, 218, 219
Ефимович К. Д., 361
Ефремов П. А., 571
Жадовская, тверская помещица, 41
Жадовский, отставной офицер, 41
Жадченко, казак, 456
Жанен (Jeanin), содержатель пансиона в предместье Женевы, 28
Жанен Ж. Г., 11
Жанен Жюль, прозвище, данное Гоголем П. В. Анненкову, 9–11, 104, 122, 519, 524, 526, 537, 545, 563
Жанна Неаполитанская, 167
Жданов В. А., 622
Жданов, московский актер, 84
Железнов М. И., 162, 578
Желтоухов, домовладелец в Петербурге, 58
Жемчужников Ал. М., 154
Жемчужников Л. М., 160, 161
Жерве Ф. О., аббат, с 1854 г. епископ Перпиньянский, 255–257
Жерен И. И., 421, 428
Живаго С. А., 165, 166, 224
Жигулин Н. Г., 74
Жиль (Жоли), зубной врач, 444
Жиро Дж., граф, 301, 463, 464, 477, 485
Дядька в затруднительном положении, 301, 439, 461–464, 477, 485
Житомирская С. В., 497, 506
Жихарев С. П., 402
Жозепе, слуга в римском трактире, 85
Жуков В. Г., 238, 306
Жукова М. С., 133
Жуковская (рожд. баронесса Рейтерн) Е. Е. (Е. А.), 393, 394, 474, 565, 566
Жуковский В. А., 27, 28, 30, 32, 37, 40, 43, 48, 51, 60, 62–64, 66, 71, 75, 91, 97, 120–122, 126, 130, 139, 149, 150, 155, 157, 158, 161, 163–170, 172–188, 190, 198, 201, 205–207, 211, 217, 218, 230, 250, 256, 261, 277, 278, 294, 295, 298, 300, 301, 309, 310, 312, 313, 317, 336–345, 347–349, 351, 356–363, 365–367, 369, 371, 383, 386–388, 390–394, 397, 398, 403, 406, 407, 419, 423, 430, 434, 437, 448, 455, 473, 474, 504, 517, 526, 557, 565–572, 574, 577, 580, 581, 583–585, 593, 615, 625, 660
Бородинская годовщина, 318, 343, 344
Последние минуты Пушкина, 28, 37
Рафаэлева Мадонна. (Из письма о Дрезденской галлерее), 205, 206
Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу, 182
Ундина, 44, 55
З., полковник, 234
Заборова Р. Б., 180, 184, 622
Загоскин М. Н., 321–323, 326, 328, 377, 386, 395, 431, 432, 503
Тоска по родине, 349, 350
Зайденшнур Э. Е., 622
Зайцева И. А., 546, 622
Закревский А. А., граф (с 1830 г.), 141
Залесский Б., 92, 94
Дума Мазепы, 94
Замойский, 92
Зарг, знакомый Н. М. Смирнова и Гоголя во Франкфурте, 63
Захаров В. Н., 523
Захаров М. П., 223
Захарова Л. Г., 38, 39, 41, 45, 88, 169
Звигильский А. Я., 618
Зеведей, отец св. апостолов Иакова и Иоанна, 169
Зедергольм (рожд. Погодина) А. М., 362, 373, 374, 593, 596, 597
Зедергольм К. А., пастор, 423, 424, 462
Зедергольм Н. К., 423, 424, 433, 462, 464, 495, 513
Зеленецкий К. (псевдоним). *См.* Погодин М. П.
Зелингер Ю. Э., 547
Зеньковский В. В., протопресвитер, 486, 487
Золотарев И. Ф., 16, 20, 71, 74, 96–102, 112
Зонтаг (рожд. Юшкова) А. П., 388, 504
Зотов Р. М., 268, 269
Зубов П. А., светлейший князь, 60
Зубова (рожд. Оболенская) Е. А., графиня, 433
Зубова (рожд. Суворова) Н. А., графиня, 433
Зуго Дориго, испанский герцог, 468
Зуго Катерина, испанская герцогиня, 468
Зябловский Е. Ф., 116, 117
И. К., корреспондент «Московских Ведомостей», 464
Иаков Алфеев, св. апостол, 198, 199, 229, 526
Иаков Зеведеев, св. апостол, 169, 198, 199, 229, 526
Иван, камердинер графа С. П. Толстого, 143
Иванов А-р Анд., 21, 31–34, 41, 42, 67, 73, 87, 89, 93, 109, 110, 126, 129, 149, 162, 165, 166, 169, 194, 204, 213, 216, 217, 221, 223–227, 231, 234, 287, 291, 398, 447, 448, 452, 456, 465–467, 469, 489, 491, 492, 495, 499–503, 506, 508–510, 517–519, 524, 525, 535, 539, 543, 545–547, 554–556, 558, 559, 562, 563, 565, 568–570, 572, 574, 579, 581–584, 600, 602, 614–616, 620, 623
Иванов Анд. И., 87, 89, 162, 499, 502, 517
Иванов Ант. Анд., 243, 244, 466
Иванов С. А., 456, 502, 545
Ивантышова Т., 580
Ивашев В. П., 579
Ивашевы, 575
Игнатий Лойола, святой католической Церкви, 167, 168
Иеремия, св. пророк, 87
Иеропес Х. Н., 153, 154
Изабелла Католическая (Кастильская), 48
Измайлов Н. В., 359
Иисус Христос, Бог, Бог-Сын, Сын Божий, Господь, Спаситель, Спас, Искупитель, Мессия, 7, 11, 15, 23, 31, 32, 34–36, 39, 41, 44, 45, 53, 68, 78, 79, 81, 82, 88–91, 93–95, 99–102, 108, 112, 114,

115, 117, 122, 123, 139, 140, 156, 164, 165–169, 171, 172, 174, 175, 178, 183, 187, 192, 194, 196, 199–201, 203–205, 207, 208, 210, 211, 213–217, 221–223, 225, 229, 231–233, 235, 238, 242, 244, 246–252, 255–257, 262, 270, 271, 275, 279, 280, 284, 291, 294, 295, 305, 310, 312, 313, 318, 319, 348, 353, 356, 369, 374, 377–380, 383, 384, 388, 395, 400, 419, 420, 424, 437, 449, 465, 474, 486, 488, 494, 499, 502–504, 506–509, 512, 522, 528, 533–535, 541, 543, 544, 546, 551, 553, 555, 557, 561, 562, 565, 568, 573–575, 577, 582, 583, 590, 592, 601, 603, 607, 613, 615–617, 620, 623
Илиодор, сановник сирийского царя Селевка IV, 600, 616
Иннокентий (Борисов), епископ Харьковский (с 1841 г., с 1845 г. архиепископ), с 1848 г. архиепископ Херсонский и Таврический, св., 285, 503, 504
Иноземцев Ф. И., 271, 272, 275, 282
Иоанн Креститель, 164–166, 168, 169, 171, 174, 198, 199, 203, 210, 217, 255, 260, 506, 528, 535, 551, 562
Иоанн Богослов, св. апостол и евангелист, 161, 162, 168, 169, 171, 198, 199, 205, 210, 229, 526
Иоанн Златоуст, св., 78, 274, 621
Иоанн Лествичник, св., 298, 419, 555, 591
Иоанн IV, Васильевич (Грозный), 116, 214, 215
Иоанн, герцог Саксонский, 272
Иоанна II, королева неаполитанская, 210
Иордан Ф. И., 31, 33, 68, 109, 138, 165, 166, 177, 179, 180, 229, 233, 234, 243, 449, 452, 455, 469, 495, 499–503, 519, 525, 526, 535, 543, 555, 556, 558, 559, 562, 579, 580, 601, 615
Иосиф Обручник, св. праведный, 164, 169, 171, 212, 230
Иосиф, кронпринц баварский (с 1849 г. – король баварский Максимилиан II), 183
Ипатий, епископ Гангрский, священномученик, 76
Исаак, библейский патриарх, 171
Исаакий Далматский, св., 225
Исаев Л. М., 223, 227, 228, 233, 234, 239, *См.* также Исаев, московский купец
Исаев М. А., 223
Исаев С. М., 223, 227, 228, 233, 234, 239, *См.* также Исаев, московский купец
Исаия, св. пророк, 168, 210, 396
Исидор, св. мученик, 20, 25, 26, 38, 99
Иуда (Фаддей), св. апостол, 198, 199, 229, 526
Иуда Искариот, 526
Иудифь, 178
Ишимова А. О., 337, 660
К. А., автор статьи в сборнике «Сезон» (1887), 327
Кавелин А. А., 338, 339, 342
Кавелин К. Д., 481
Казначеев А. И., 87
Каин, старший сын Адама и Евы, 210
Кайсевич И., ксендз (с 1841 г.), 71, 79, 86, 87, 91–95, 99, 100–103, 111, 112, 114, 115, 117
А. Целинскому, 95
Княгине З. А. Волконской, 95, 101, 102
Мадонна, 95
Н. Гоголю, 95, 101, 102
Сонеты, 95
Калабриец (Calabrese), 168, 169
Калайдович К. Ф., 320
Калайдович Н. К., 320
Калам, мадемуазель в Женеве, 64
Калигула Г. Ц., 196, 208, 209
Кальвин Ж., 78, 164
Кальдони В. *См.* Лапченко (рожд. Кальдони) В.
Кальяна, приживалка графини А. Г. Толстой, 142
Каменская (рожд. графиня Толстая) М. Ф. *См.* Толстая (в замужестве Каменская) М. Ф., графиня
Каменский П. П., 133, 357
Кампе И. Г., 613
Камуччини В., 178, 554
Каневский К. Я. (К. К.), 22, 23, 73, 74, 108, 166, 229
Канкрин Е. Ф., граф, 57
Канова А., 198
Каплан Л. Р., 128, 309, 343, 366, 386, 401, 409, 586
Караваджо М., да, 168, 169, 171, 210, 222
Каракалла С., римский император, 177, 178, 185, 208, 209
Карамзин А-р Н., 368
Карамзин Анд. Н., 12, 14–17, 21, 35, 36, 38, 39, 41, 59, 60, 62, 75, 76, 90
Карамзин В. Н., 60
Карамзин Н. М., 15, 21, 28, 35–38, 60, 76, 81, 203, 287, 344, 368, 403
История государства Российского, 76
О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях, 37
Карамзина (рожд. Колыванова, побочная дочь князя Анд. Ив. Вяземского) Е. А., 12, 14, 15–17, 35, 36, 39, 41, 59, 60
Карамзина С. Н., 14, 16
Карамзины, 365, 368, 369
Каратыгин В. А., 254
Каратыгин П. А., 405, 421, 479
Каратыгин П. П., 461, 465–467
Карафа ди Колобрано М. Э., 187
Караччи Агостино, 167
Караччи Аннибале, 167
Карл Великий, святой католической Церкви, 168, 171, 183
Карл VIII, французский король, 198
Карл IX, французский король, 29
Карл Альберт, король Сардинии, 47
Карл Фридрих, великий герцог Саксен-Веймарский, 272
Карлейль Т., 109, 519
Карломан (Карлман?), содержатель гостиницы в Ахене, 248
Карломан, король франков, 116
Карташевская М. Г., 11, 264, 340–343, 345, 346, 348–350, 355, 358, 359, 362, 366, 377, 399, 400, 408, 411, 419, 492, 493, 598, 599, 602, 603, 605, 613, 617, 620
Карташевская (в замужестве Маркевич) Н. Г., 355
Карташевская (рожд. Аксакова) Н. Т., 336, 337, 340, 342–344, 346, 348, 349, 351, 355–357, 362, 363, 365, 366, 368, 443, 660
Карташевский Г. И., 336, 337, 340, 342–346, 348, 349, 351, 355–359, 362, 365, 366, 368, 443, 460, 463, 479, 660
Касти Дж., 147, 148
Кастор, 195–197
Катенин П. А., 350
Катилина Л. С., 230
Катков М. Н., 306, 321, 323, 519, 549, 559, 575
Катон, 207
Катулл, 226

Каченовский М. Т., 310, 311, 568, 611, 612, 616
Каччи, врач в Риме, 22
Квитка А. И., 148
Квитка К. А., 137, 147, 148, 182, 185, 218, 239
Квитка-Основьяненко Г. Ф., 148, 161, 172, 330, 356, 412, 427, 488
Пан Халявский, 330
Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе, 411, 412
Ярмарка, 488
Кёниг Г., 79, 490
Кессельс, 177
Кестнер В., 185
Кетчер Н. Х., 306, 307, 321, 399, 471
Кивлицкий Е. А., 24
Кикин П. А., 204
Кине Г. Д., 575, 576
Гастейнские воды, 575, 576
Кинэ Э., 146
Кипренский О. А., 20, 99, 110, 166, 177
Киреевская М. В., 80, 404
Киреевские, 375, 398, 405
Киреевский И. В., 80, 367, 402–404, 406, 416, 420, 421, 431, 437, 531, 550
Киреевский П. В., 80, 320, 367, 404, 576, 577
Кирилл, учитель Словенский, св. равноапостольный, 203, 223
Кирилловна, знакомая Карташевских, 345
Кирпичников А. И., 221
Кирша Данилов, 593
Киселев Н. Д., 50, 51, 60
Кичеев Н. П., 327
Кишкин Г. Г., 277
Клеман М. К., 622
Клепиков С. А., 621
Клецкая И. А., 623
Климент, папа римский, священномученик, 203, 223
Климченко К. М., 581, 582
Клинчин А. П., 61, 173, 426, 491, 623, 624
Кловио (Клавио) Дж., 177
Клодт П. К., барон, 88
Клотильда, парижанка, 185
Княжевич Д. М., 329, 330, 355, 564
Княжевичи (Кнежевичи), 564
Князев Г. М., 487
Кожинов В. В., 384
Козлов А. И., 102, 103
Козлов И. И., 347, 348, 397
Козлов Н. И., 103, 137, 146, 147, 170
Козьмин Б. П., 162, 326
Козьмян Я., 92
Коллар Я., 244, 246
Кологривов, 123
Колумб Х., 200, 275
Кольбер Ж. Б., 113
Кольберт, парижский аптекарь, 113
Кольцов А. В., 139, 428, 429, 455, 456, 484, 519
Комаров А. А., 9, 11, 364
Комаров А. И., 622
Комаров А. С., 572, 577
Комаров Н. А., 9, 11
Комарович В. Л., 622
Комаровская А. Е., графиня. *См.* Шипова (рожд. графиня Комаровская) А. Е.
Комаровская (рожд. Галаган) М. П., графиня, 71, 104, 105
Комаровский П. Е., граф, 71
Комовский В. Д., 268, 270
Конашевич-Сагайдачный П., 456
Кони Ф. А., 124, 125
Константин Великий, св. равноапостольный, 116, 194, 196, 198, 199, 231
Константин Павлович, великий князь, 403
Константиновский М. А., протоиерей (с 1838 г.), 53, 141
Констанция, дочь св. равноапостольного царя Константина Великого, 231
Конти, римское семейство, 108, 110, 156
Коншина Е. Н., 359
Копитар В., 292
Копп И. Г., 50, 268, 269, 573, 575
Корнелиус П., фон, 231, 521
Корнель П., 350
Королева Н. В., 623
Короленко В. Г., 344
Коростович, муж и жена, знакомые А. В. и Е. В. Гоголь в Петербурге, 105
Корреджо А., 105, 106, 151, 164, 165, 169, 178, 205, 590
Корроди С., 22, 23
Корсаков П. А., 402, 412
Корсини (рожд. Быстроглазова) М. А., 71, 105
Корсини И. Д., 71, 105
Корсини, флорентийский род, 167, 212
Корф М. А., барон, 218, 434
Корш Е. Ф., 527
Косма (Козма), св. мученик, 168
Коссович К. А., 296
Костантини Анна, 72
Костантини Аннунциата, 72, 74, 165, 166, 193, 194, 520, 523, 540, 547, 548
Костантини П., 72
Костантини Р., 72
Костантини, римлянин, 72
Костомаров Н. И., 77
Костюшко Т., 294
Косяровская (в замужестве Березина) В. П., 128, 218
Косяровский Петр П., 81
Котляревский И. П., 313
Москаль чаривник, 313, 401
Кохрен Т., 177
Коцебу А. Ф., фон, 407
Кочубинский А. А., 89, 94, 95
Кошелев В. А., 384, 421, 618
Краевский А. А., 9, 11, 28, 35, 37, 79, 144, 151, 228, 265, 298, 307, 313, 314, 350, 356, 357, 386, 387, 502, 533, 619
Красильников С. А., 83
Красинский С., 93, 94
Иридион, 92, 93
Небожественная комедия, 92–94
Красов В. И., 348
Красовский А. И., 79
Красс, 207
Крашенинниковы, трое братьев, знакомые Гоголя в Петербурге, 85, 88
Крестова Л. В., 622
Кречетов В. И., 364

Кривонос (Перебейнос) М., 456
Кривцов П. И., 21–24, 34, 35, 44, 58, 67, 71–74, 90, 91, 108, 110, 126, 129, 131–133, 135, 149, 151, 165, 190, 200, 207, 212, 291, 341, 393, 398, 423, 428, 430, 448, 455, 473, 477, 485, 490, 505, 571, 580, 584, 600, 601, 614
Кривцова (рожд. княжна Репнина-Волконская) Е. Н., 22, 23, 34, 71, 72, 74, 126, 129, 133, 135, 398
Кричевский И., 83
Кричевский С., 83
Крон, 277
Крузе Л. Ф., фон, 608, 621
Крузе Н. Ф., фон, 608
Крутицкий, чиновник, 533
Крылов И. А., 40, 50, 112, 113, 194, 206, 225, 504
Голик, 206, 225
Лжец, 194
Крылов Н. И., 215, 515, 527, 568, 611, 612, 616
Крюденер (Криденер, Криднер) П. А., барон, 67
Крюденер В. Ю., баронесса, 89
Крюков Д. Л., 404, 405
Крюковские, 240
Куделина В. Н., 407
Кудинов А. С., 182, 183
Кудрявцев П. Н., 307
Кузьмин Н. Н., 461, 465–467, 508–510
Кузьмин Р. И., 72, 74, 218, 219
Кукольник Н. В., 9, 11, 88, 104, 218, 238, 401, 508, 543
Куликов (псевдоним Н. Крестовский) Н. И., 360, 361
Кулиш П. А., 16, 17, 23, 31, 33, 42, 48, 49, 52, 54, 60–62, 89, 98, 108, 109, 124, 125, 127, 133, 148, 150, 154, 160, 161, 173, 174, 218, 219, 257, 261, 286, 300, 301, 303, 305, 310, 311, 313, 314, 318, 319, 322, 326, 329, 333–336, 344, 346, 360, 361, 374, 393, 398, 399, 413, 415, 416, 418–421, 425, 432, 433, 440, 441, 452, 459, 460, 485, 487, 499, 502, 512, 514, 520, 521, 526, 528, 540, 542, 544–547, 559, 562, 570–572, 585, 599, 600, 603, 624
Малороссийские рассказы, 402, 416
Огненный змей, 515
Кульчицкий А. Я., 470
Купер Ф., 480, 481
Курганов Н. Г., 147, 148
Курилов А. С., 385, 410
Курт (Courte), владелец магазинов в Петербурге, 352
Кутайсов П. И., граф, 277, 576, 577
Кушакевич А. Я., 10, 11
Кушелева-Безбородко (рожд. княжна Репнина-Волконская) А. Н., графиня, 22, 154
Кушелев-Безбородко А. Г., граф, 154, 173
Кушелев-Безбородко Г. А., граф, 546
Ла Мотт-Фуке Ф., де
Ундина, 44
Лаблаш Л., 10
Лаваньини А., 110, 579
Лаврентий (Лоренцо), архидиакон, св. мученик, 211, 225, 231
Лавров, актер, 426
Лазарь Четверодневный, прав., 96, 119, 122, 180, 191, 219, 222, 337, 412, 417, 419, 422, 437, 509, 510, 515, 562, 579
Ламбин Н. П., 586
Ламбрускини Л., кардинал, 193
Лангер Л. Ф., 414, 415, 420, 454
Лангер, жена Л. Ф. Лангера, 454
Ланская (рожд. Шатилова) М. В., 91
Ланчи (Ланци, Lanci) М., аббат, 22, 24, 108, 254
Лаппо-Данилевская (рожд. Данилевская) М. С., 260
Лаптев И. П., 473
Лапченко (рожд. Кальдони) В., 110
Лапченко Г. И., 110, 563, 579
Ларина, актриса, 425
Ласкарис К., 147
Лауниц Н. К. Э., фон, 187
Лауниц Э. Ш., фон дер, 163
Ле Турнёр (Фурнер), 147
Лебедева О. Б., 166, 167, 178–181, 184, 185, 190, 358, 407, 566, 625
Лейнгольд, парижский знакомый А. С. Данилевского, 184, 185
Леман И. А., 87
Ленорман (Lenormand) М. А., 166
Ленский (наст. фамилия Воробьев) Д. Т., 103
Леон XIII, римский папа, 509
Леонардо да Винчи, 167, 171, 210
Леонидов (Стакилевич) Л. Л., 464
Леонтьев (Леонтиев) В. Ю., 83
Лепре К., маркиз, 112, 170, 201, 235, 506, 585
Лермонтов М. Ю., 265, 307, 431–433, 438, 447, 480, 481, 498, 550, 565, 572
Бородино, 37
Бэла. Из записок офицера на Кавказе, 438
Галуб, 102
Герой нашего времени, 438, 447
Молитва, 349, 350
Мцыри, 432, 433
На светские цепи... 433
Смерть поэта (На смерть Пушкина), 432
Спор, 550
Стихотворения Лермонтова (СПб., 1840), 433
Тамань, 438
Фаталист, 438
Лернер Н. О., 265, 523
Ливен, знакомый Гоголя в Неаполе, 129
Ливий Т., 230
Ливия Друзилла, 209
Лижье П., 10
Линде С. Б., 295
Липинский К., 281, 593
Липман Ф. И. (Ф. Л.), 181, 210
Лисянский Ю. Ф., 25
Литвиненко Н. Г., 623
Лобков А. И., 490, 515, 552, 565
Лобода И., 456
Лобойко И. Н., 296
Логановский А. В., 68, 85, 166, 233, 466, 535, 543, 556, 559, 562, 563
Логановский М. В., протоиерей, 68
Логинов В. В., 581
Локателли А., 171
Ломоносов М. В., 23, 87, 429, 447, 492, 493, 592, 597
Лоренсен (П. Э. Шапелль), 436
Лоренсен (П. Э. Шапелль), Баяр Ж. Ф. А.
Матильда, или Ревность, 436
Лоренцо. *См.* Лаврентий (Лоренцо), архидиакон, св. мученик
Лоррен (Желле) К., 164, 167, 171, 178, 210
Лотман Л. М., 622

Лотман Ю. М., 497, 575, 580, 598
Лугаковский В. А., 91, 93, 95
Луиджи, половой в римском трактире, 501
Луи-Филипп, французский король, 152, 154
Лука, св. апостол и евангелист, 161, 168, 171, 198, 199, 210, 229, 274, 468, 522, 526, 558
Лукашевич П. А., 10, 44, 85, 190, 217, 218, 456, 593
Лукреция, 169
Лукьянов Е. А., 522
Луций Корнелий Сципион Брадатый (barbatus), 207
Львова-Синецкая М. Д., 322, 326
Любовь, св. мученица, 168, 476
Людвиг I, король Баварии, 156, 157, 183
Людовизи Л., кардинал, 150, 154, 536, 538
Людовик Благочестивый I, 116
Людовик IX, французский король, святой католической Церкви, 168
Людовик XI, французский король, 10, 11
Лютер М., 78, 198, 200, 214, 215, 230, 292, 607
Лютцов Р., граф, 181, 183
Лямина Е. Э., 149, 157, 158, 164, 250, 276
Ляцкий Е. А., 529, 530
Мадерна К., 167
Мазаньелло (Томмазо Аньелло), 168
Мазепа И. С., 94, 456
Мазер К. П., 408, 439
Мази Ф., 496
Майков В. Н., 113
Макарий Алтайский (Глухарев), архимандрит, св., 376, 395, 396
Макиавелли Н., 612
Максенций, римский император, 208
Максимов (Лоскутов) М. А., 466
Максимович М. А., 83, 212, 266, 338, 347, 391, 402, 403, 416, 422, 450, 451, 456, 467, 473, 515, 526, 566, 593
Мамонов Э. А. *См.* Дмитриев-Мамонов Э. А.
Манассия К., 235
Мандевиль Б., 199
Манн Ю. В., 546, 622
Мантейфель Г. А. (Г. И.), граф, 182, 218, 239
Мантенья А., 168, 177
Мануйлов В. А., 438, 550
Манцони А., 560
Обрученные, 560
Мариани, 445
Мария Александровна, великая княгиня, жена наследника Александра Николаевича (с 1855 г. Императора Александра II), 407
Мария Кристина, королева Испании, 88
Мария Магдалина, св. равноапостольная, 53, 164, 167–169, 171, 177, 178, 222, 535, 543
Мария Николаевна, великая княгиня, дочь Императора Николая I, в первом браке герцогиня Лейхтенбергская, во втором браке за графом Г. А. Строгановым, 448
Мария Павловна, великая герцогиня Саксен-Веймарская, дочь Императора Павла I, 272
Мария Терезия, 227, 228
Мария, Пресвятая Богородица Дева, 18, 61, 66, 95, 110, 133–135, 137, 139, 143, 144, 154, 156, 157, 159, 160, 166–169, 171, 172, 177, 178, 180, 197–199, 201, 204–206, 208, 210, 220, 224, 225, 232, 234, 256, 271, 283, 284, 287, 291, 299, 303, 305, 314, 317, 318, 326, 332, 334, 346, 364, 365, 367, 437, 449, 455, 471, 475, 495, 497, 503, 514, 522, 524, 526, 553, 572, 574, 578, 581, 583, 584, 615
Мария, сестра прав. Лазаря Четверодневного, 78
Мария, римская прислуга, 153
Марк, св. апостол и евангелист, 161, 168, 171, 198, 199, 210, 229, 460, 461, 526
Марк Аврелий, 163, 185, 192, 195, 197, 212
Маркевич А. И., 23, 25, 355
Маркевич Н. А., 394, 395
Маркина Л. А., 138, 169, 455, 488, 489, 492
Марков А. Т., 166, 224, 229, 517
Марков М. А., 133, 349, 350
Маркович А. В., 21, 23, 131, 133, 153, 154, 256, 257, 261, 570
Маркс К., 108, 520, 523
Мармон О. Ф. Л., герцог, 195, 197
Мартин Милостивый, епископ Турский, св., 10, 11
Мартини А., 267, 277, 278
Мартос И. П., 88
Мартынов А. А., 138
Мартьянов П. К., 598
Марфа, сестра прав. Лазаря Четверодневного, 78
Марцелл М. К., 189, 206
Марчелли В., римская прислуга, 153
Марченко (рожд. Убри, Убриль) Е. П., 62
Марченко Е. Ю., 96
Марченко С. П., 62
Маслов Е. Д., 502
Массимо К. Ф., князь, 256
Массинисса, нумидийский царь, 164
Массоти (Mazzotti), жандарм в Риме, 118
Массуччи Джованни, 20
Массуччи Джузеппе, 20
Массуччи Н., 20
Матвеев П. А., 97
Матис Э., 18
Маттеи Г., 178, 185
Матфей, св. апостол и евангелист, 161, 168, 171, 198, 199, 210, 274
Матюшенко И. П., 234
Матюшкин Ф. Ф., 218, 219
Маурер Л., 362
Махмуд II, османский султан, 275
Мацеёвский В. А., 275, 276, 295
Машковцев Н. Г., 31, 33, 129, 165, 437, 466, 489, 491, 492, 562, 622, 624
Медичи К., 169
Медичи, флорентийский род, 197, 206
Межаков П. А., 167, 170, 182, 218, 239
Межаков, сын П. А. Межакова, 167, 182, 218, 239
Межевич В. С., 16, 17, 187, 188, 323, 326, 334
Мейер К., 21, 23, 39, 72, 90, 108
Эдвард в Риме, 21, 23
Мейер С., 65, 103
Мейербер Дж., 134
Мелентьева М. А., 44, 121, 338, 353
Меликов М. Е., 162
Мельгунов Н. А., 79, 127, 221, 237, 285, 297, 298, 490, 564, 596
Мельников (псевдоним Андрей Печерский) П. И., 504
Мен, знакомый В. А. Жуковского в Риме, 185
Мендельсон Н. М., 74
Мердер К. К., 265
Мерзляков А. Ф., 210

Ода на разрушение Вавилона, 209, 210
Мериме П., 29, 270
Двойная ошибка, 29
Души в чистилище, 270
Театр Клары Гасуль, 29
Хроника времен Карла IX, 29
Мерославский Л., 92, 93
Мессинг (рожд. Погодина) А. П., 374, 441, 464
Мессинг М. И., 374, 439–441, 464
Метелеркамп В. Д., фон, 223, 430
Меттела Ц., 178
Меттерних К. В., князь, 109, 275, 519
Меценат Г. Ц., 226
Меццофанти Дж., кардинал, 107, 109, 167, 230, 532, 533
Любя Российских Муз, я голос их внимаю..., 532
Мещерская (рожд. Карамзина) Е. Н., княгиня, 14, 404
Мещерская М. В., княгиня. *См.* Апраксина (в замужестве княгиня Мещерская) М. В., графиня
Мещерский П. И., князь, 14
Мещерский С. В., князь, 582
Мещерский Э. П., князь, 280
Мигель (Мигуэль) I, король Португалии, 88
Мизко Н. Д., 417, 418
Историко-статистические сведения о раздаче земель в Южной России (записка, присланная Гоголю), 417, 418
Микеланджело Б., 105, 168, 169, 195, 203, 206, 209–211, 221, 224, 225, 532
Миклашевич (рожд. Смагина) В. А.
Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия, 253, 254
Микульский, актер, 425, 426
Миллер (Мюллер) И., 147
Миллер Ф. И., 597
Милькеев Е. Л., 338, 339
Мильс, англичанин, 209
Милютин Д. А., граф (с 1878 г.), 88, 89, 500, 503
Минарди Т., 177, 178
Мирис (Миерис) Ф., ван, 232
Михаил Архангел, Архистратиг, 203
Михаил Курулларий (Церулларий), патриарх Константинопольский, 214
Михаил Николаевич, великий князь, 23
Михаил Павлович, великий князь, 166, 365
Михайлова А. Н., 622
Мицкевич А., 39, 40, 64, 86, 87, 91–95, 102, 103, 115, 213, 215, 251, 256, 260
Пан Тадеуш, 92, 93, 102, 103, 113
Мишле Ж., 146, 156, 157
Могилянский А. П., 350
Модзалевский Б. Л., 268, 270, 335, 621
Модзалевский Л. Б., 622
Моисеев К. А., 174
Моисей, св. пророк Боговидец, 171, 211, 383, 384, 482, 605
Мокрицкий Ап. Н., 9, 238, 337, 363, 364, 418, 660
Моллер А. В. (О. Б.), фон, 33, 138, 262
Моллер Ф. А., фон, 31–33, 110, 138, 149, 165, 169, 177, 211, 262, 291, 337, 449, 452, 455, 465, 469, 488, 489, 491, 492, 501–503, 508, 515, 560–562, 568, 579, 585, 600, 601, 614, 615
Моллеры, 585, 601
Молль К., барон, 312
Молчанов Н., 433
Молчанова П. Н. *См.* Мосолова (рожд. Молчанова) П. Н.
Молчанова С. Н., 433, 448, 449, 451, 462, 464, 495
Мольер Ж. Б., 8, 32, 399, 400
Дон-Жуан, или Каменный пир, 270
Мнимый больной, 8
Сганарель, или Мнимый рогоносец, 301, 380, 399, 400, 462, 471, 472
Тартюф, или Обманщик, 8
Монигетти И. А., 243, 548
Мордовченко Н. И., 622
Морозенко Н. (Мрозовицкий С.), 456
Морозов И. Л., 523
Мосалева Г. В., 68, 488
Мосолов А. П., 427, 428
Мосолова (в замужестве княгиня Львова) В. А., 427, 428, 433, 462, 464
Мосолова (рожд. Молчанова) П. Н., 427, 428, 433
Мостовская Н. Н., 74
Мотовилов Н. А., 437
Мохнацкий М., 92–94
Моцарт В. А., 11, 134, 270
Мочалов П. С., 426, 428, 463
Мундт Н. П., 436
Муравьев А. М., 403
Муравьев Мих. Никит., 403
Муравьев Н. М., 403
Муравьева Е. Н., 403
Муравьева (рожд. баронесса Колокольцева) Е. Ф., 403, 404
Мурашев Н. А., 613
Мусатова Т. Л., 45, 79, 82, 139, 248, 255, 257, 474
Муханов Павел А., 416
Мюссе А., де
Намуна, 270
Мятлев И. П., 260
Н., знакомая Гоголя и его сестры Елисаветы в Петербурге, 451
Надежда, св. мученица, 168, 476
Надеждин Н. И., 49, 50, 87, 144, 370, 371, 558, 564
Назаревский А. А., 173, 397, 622, 624
Наливайко С., 456
Наполеон I, 87, 192, 194, 195, 197, 539
Населенко Е. П., 350, 436
Науменко В. П., 526
Нащокин П. В., 142, 144, 285, 314, 315, 362, 379, 380, 386, 391, 414, 596
Нащокина В. А., 142, 144, 324, 326, 379, 380, 414–416
Нащокины, 414, 416
Неведомский В. Н., 89
Неверов Я. М., 77, 221, 237, 404, 482, 483, 490
Неизвестная (автор письма к Гоголю конца 1839 г.), 387
Некрасов И. С., 496
Некрасов Н. А., 221, 222, 286, 307
Блажен незлобивый поэт..., 221, 222
Тройка, 286
Некрасова Е. С., 31, 33, 141, 144
Нерон, 78, 196, 208, 209, 211, 518
Нессельроде К. В., граф, 62, 141
Нестор Летописец, св., 76, 218, 246, 247, 473, 595
Нефф Т. А., фон, 225

Нечай Д., 456
Нешумова Т. Ф., 276
Нибби А., 21, 90, 91, 170, 177, 178, 194, 580, 601
Нибур Б. Г., 156
Никитенко А. В., 97, 161, 386, 543, 545, 571, 572
Никитин А. С., 41, 42, 73, 74, 165, 177, 218, 219
Никитина Н. С., 618
Никифоров Н. М., 399, 400, 472
Никколини Дж.
Антонио Фоскарини, 108, 110
Николай Мирликийский, св., 35, 80, 93, 163, 171, 252, 257, 431–434, 438, 446, 547, 552, 559, 561
Николай I, Император, 15, 23, 26, 28, 30, 31, 33, 38–41, 43, 45, 56–58, 63, 64, 67, 68, 75, 76, 80, 87, 98, 100, 115, 116, 120, 124, 125, 161, 162, 169, 179, 206, 213, 218, 233, 246, 252, 256, 257, 264, 275, 278, 283, 296, 330, 409, 432, 455, 478, 543, 552, 592, 612
Николай Михайлович, великий князь, 245, 621
Николь Ш. Д., аббат, 87
Никольский И. Д., иерей, 596, 598
Никулина Н. А., 327
Нилус С. А., 437
Нильский (наст. фамилия Нилус) А. А., 307
Нимченко Я., 159, 160
Нистрем К. М., 223, 430
Нифонт (Черницын), игумен Саровской пустыни, 140, 144
Нич Г. В., 230
Ноак Ф., 242–244
Новиков Н. И., 593
Нонн, епископ Илиопольский, 555
Нота А., барон, 539, 547
Ноэль, учитель итальянского языка в Париже, 85, 88, 102, 190
Нума Помпилий, 208
Нуньес О. Г., 376
О. А., корреспондент «Московской Газеты», 509, 510
Ободовский К. П., 16, 17, 20, 96, 97
Оболенская (рожд. Нелединская-Мелецкая) А. Ю., княгиня, 433
Оболенский А-р П., князь, 433
Обольянинов Н. А., 408
Обухов В. В., 501–503, 507, 512, 615
Обухова (рожд. Обрезкова) Е. В., 501–503, 507, 512
Обухова (в замужестве Маслова) М. В., 503
Обухова (рожд. Васильева) М. В., 501–503, 507, 512
Обухова С. В. *См.* Олферьева (Алферьева, рожд. Обухова) С. В.
Обуховы, 535, 543, 615
Овер А. И., 142
Овербек И. Ф., 149, 153, 164, 230, 231, 452, 473, 474, 521, 539
Овербек, жена И. Ф. Овербека, 230
Огарев Н. П., 286, 307, 322, 326, 572
Бываю часто я смущен внутри души..., 286
Огарева (рожд. Милославская, по др. сведениям — Рославлева) М. Л., 572
Одоевская (рожд. Ланская) О. С., княгиня, 15, 366
Одоевский В. Ф., князь, 15, 28, 37, 65, 79, 86, 90, 95, 120, 121, 144, 186, 221, 287, 298, 337, 352, 356, 366, 368, 376, 386, 387, 391, 395, 406, 492, 504, 566, 660
Саламандра, 492
Одоевский В. Ф., князь, Гоголь Н. В., Пушкин А. С.
Тройчатка (замысел совместного альманаха из трех повестей), 376
Озеров В. А.
Дмитрий Донской, 324
Озия, иудейский царь, 396
Оксман Ю. Г., 356
Октавиан Август, 105
Октавия, дочь Кая Октавия, 204, 206
Окулова (Акулова) А. А., 71, 105
Оленин А. Н., 162, 558
Оливьери А., 71
Оливьери М. Л., 71
Оливьери М. О., 71
Оливьери, римлянин, 71
Олферьева (Алферьева, в замужестве Галахова) Е. П., 499, 501–503, 507, 512, 615
Олферьева (Алферьева) М. П., 499, 501–503, 507, 512
Олферьева (Алферьева, рожд. Обухова) С. В., 502, 503
Ольга Николаевна, великая княгиня, дочь Императора Николая I, с 1846 г. королева Вюртембергская (Виртембергская), 448
Ольдекоп Е. И., 383
Ольденбургский принц Петр Георгиевич, 331
Онуфрий Великий, св., 179, 181, 184, 206
Оризонт, 171
Орлай де Карва (Корва) И. С., 283
Орлов А. Ф., граф, 164
Орлов В. Ф., 58
Орлов (наст. фамилия Копылов) И. В., 103, 322, 326
Орлов М. Ф., 321, 402, 428, 431, 432, 434, 477
Орлов П. Н., 466
Орлова (рожд. Раевская) Ек. Н., 477
Орлова Ел. Н., 24
Орлова (в девичестве Куликова) П. И., 361
Островский А. Н., 317, 464
Остроухов И. С., 225
Острянин Я., 393, 394
Очкин А. Н., 409
Паве (Pavey) В., 73, 74, 114, 149, 150, 155, 248, 250, 255, 257, 258, 474
Павел, св. апостол, 49, 78, 126, 134, 163, 175, 184, 192, 231, 232, 274, 371, 407, 437, 445, 453, 511
Павел I, Император, 142, 431
Павел III, римский папа, 178, 195, 208
Павлов К. С., 32, 174
Павлов Н. Ф., 127, 132, 136, 285, 303, 305, 310, 313, 321–324, 326, 329, 331, 349, 351, 355, 402, 411, 422, 431, 432, 434, 438, 566, 596, 620
Аукцион, 349, 351
Демон, 323, 326, 349, 350, 355
Именины, 349, 351
Маскарад, 323, 326, 349, 350, 355
Миллион, 323, 326, 349, 350, 355
Новые повести, 323, 326, 349, 350, 355
Три повести, 349, 351
Ятаган, 349, 351, 490
Павлова (рожд. Яниш) К. К., 303, 305, 321, 377, 432, 433, 437, 438, 606, 620
Ответ Н. М. Языкову, 437, 438
Шепот грустный, говор тайный, 349, 350
Палацкий Ф., 213
Палей (Гурко) С. Ф., 456

Палладий, 211
Памфили, римский род, 212
Панаев В. И., 307, 342
Панаев И. И., 133, 286, 305–309, 313–318, 323, 326, 331, 337, 342, 343, 348, 349, 357, 358, 362–366, 368, 369, 373, 381, 386, 391, 392, 406, 479, 519, 526, 531, 660
Родственники, 286
Панаева (в девичестве Брянская, во втором браке Головачева) А. Я. (Е. Я.), 308, 309, 369
Панаева (рожд. Хулдубашева) М. Л., 349
Панио (Panio), фабрикант красок, 186
Панов В. А., 110, 389, 411, 419, 422, 426, 429, 431, 434–446, 450–453, 459–461, 465–470, 475, 476, 478, 485, 490, 493–496, 507-509, 512–514, 524, 526, 528, 529, 532, 533, 535, 542–544, 546, 548, 549, 552, 553, 559, 560, 574–576, 578, 580, 598
Рим, 496
Панова М. А., 422, 442, 443, 559, 580, 598
Пановы, 575
Пантелеимон, св. великомученик, 541
Панченко М. А., 622
Панчулидзев А. А., 572
Параска, приживалка в доме Дм. П. Трощинского, 313
Пассек В. В., 311, 319, 320, 326, 456, 605
Паткуль А. В., 256, 257
Пахомов Н. П., 623
Пащенко И. Г., 8–10, 43, 76, 85, 104, 119, 122
Пейкер И. У., 275, 276, 586
Пейкер П. И., 586, 587, 598-601, 605
Пейсар Л., 10
Пелагия, преподобная, 555
Пеллико С., 293
Мои темницы, 293
Об обязанностях человека, 293
Перети, владелец конторы дилижансов, 563
Перовский (псевдоним Погорельский) А. А., 504
Перовский В. А., граф (с 1855 г.), 504
Перуджино П., 48, 169, 171, 177, 201, 215, 499, 614, 615, 617
Песоцкий И. П., 188, 242, 262, 276, 279, 284, 285, 289, 313, 326, 360, 400, 401, 405, 406, 426, 464, 466, 467, 472, 474–476, 489, 492, 505, 565, 573, 605, 610
Петр, св. первоверховный апостол, 10, 11, 13, 19, 20, 23, 39, 46, 49, 72, 108, 126, 152, 156, 175, 183, 184, 192, 194, 198–200, 203, 205, 207, 211, 215, 220–223, 229, 230, 232, 240, 371, 407, 437, 445, 453, 474, 518, 524, 526, 528, 529, 535, 557
Петр I, 37, 71, 207, 337, 447, 481, 586
Петрарка Ф., 229
Петров В. П., 622
Петров П. Н., 478
Петров Ф. А., 344
Петровский П. С., 466
Петронилла, дочь св. первоверховного апостола Петра, св., 222
Петухов Е. В., 79, 252
Печерская Т. И., 625
Пий IX, римский папа, 93
Пикки, итальянский граф, 110
Пиккиоли Р., 72
Пиксанов Н. К., 622
Пилати, 164
Пименов Н. С., 110, 166, 229, 234, 465, 466, 535, 543, 563
Пинелли Б., 22, 24, 107, 110
Пинелли, сын Б. Пинелли, 22
Пинтуриккио (Пентуриккио, наст. имя Бернардино Бетти), 171, 172, 177, 183, 200, 201, 235, 279, 290
Пиомбино (Пьомбино), итальянские князья, 150, 154, 536
Пипин Короткий, король франков, 116
Пирожкова Т. Ф., 81
Писемский А. Ф., 317, 350, 351
Люди сороковых годов, 350
Питти Л., 452, 465
Пищалкин А. А., 466
Плаксин В. Т., 113
Планар Ф. А. Э., де, 187
Платон
Пир, 384
Платон (Платоша), слуга Н. Я. Прокоповича, 586
Платонов В. П., 14, 59, 60, 62
Плетнев П, А., 35
Плетнев П. А., 10, 25, 27, 28, 37, 43, 44, 64, 65, 67, 68, 75, 91, 97, 98, 100, 103, 121, 130, 144, 150, 155, 161, 172, 173, 245, 265, 276, 299, 300, 313, 325, 336–339, 345, 348, 349, 357, 367, 386, 398, 408, 409, 412, 447, 448, 454, 455, 458, 474, 488, 583–586, 611
Плетнева (рожд. Раевская) Ст. А., 245, 299, 300, 336
Плоткин Л. А., 622
Плюшар А. А., 238, 253, 276, 279, 313, 401, 405, 406, 426, 464, 466, 467, 472, 474–476, 489, 558, 573
Погодин Г. П., 374, 464
Погодин Д. М., 362, 373, 374, 463, 593, 596, 598
Погодин М. П., 12, 19, 20, 26–28, 35, 37, 41, 42, 47, 76, 77, 90, 94, 112, 124–127, 130–134, 136, 137, 144, 149–153, 155, 158, 169, 170, 179, 180, 190, 191, 193, 194, 197–202, 204, 206–208, 210–223, 225, 228–248, 251, 252, 254, 259, 260, 262, 266–268, 271, 273, 276–281, 283-304, 309–315, 317–321, 328–330, 332, 333, 338, 340–347, 352, 353, 355, 361, 363, 367, 373–376, 379, 380, 388–395, 397, 398, 403, 406, 407, 409, 411–418, 422, 424, 426–428, 431–435, 437–444, 447, 450, 454, 457–460, 462–464, 466, 467, 472, 473, 476–478, 482–484, 486, 490, 493, 494, 496–498, 503–505, 509–513, 515, 516, 526, 527, 530, 531, 534, 535, 545–547, 550, 552, 555, 565-569, 576, 582–584, 587, 588, 590–612, 614–616, 618–620
Исторические афоризмы, 200, 292
Реестр книгам, отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года Июля 11 дня, 490
Сокольницкий сад, 94
Погодин П. М., 443, 447, 463, 550
Погодина Агр. М., 373, 374, 390, 414, 427, 464, 595, 598, 619
Погодина Агр. П. *См.* Мессинг (рожд. Погодина) А. П.
Погодина А-ра М. *См.* Зедергольм (рожд. Погодина) А. М.
Погодина (в девичестве Вагнер) Е. В., 90, 149, 150, 155, 191, 193, 198–200, 202, 212–215, 222, 223, 225, 231–234, 236, 240, 244, 245, 248, 252, 259, 260, 271, 276, 277, 280, 284, 290, 292–298, 315, 317, 341, 342, 362, 373, 374, 390, 394, 407, 427, 439, 442, 463, 464, 472, 486, 488, 550, 596, 597, 619, 620
Погодина Е. И., 598
Погодины, 609
Пожарская Д. Е., 335
Пожарский, содержатель трактира в Торжке, 335

Полевой Кс. А., 531, 534
Полевой Н. А., 156, 157, 298, 386, 405, 558, 559, 621
Поллак Л., 242, 243
Поллукс, 195–197
Полонский Я. Б., 261
Полторацкий С. Д., 181
Полуботок П. Л., 456
Полуэктова (рожд. Свечина), 145
Поль К., 408, 439
Поляков В. П., 412
Помпей Великий, 195–197, 207
Пономарев С. И., 24, 416, 477
Понте Л., да
Дон-Жуан, 270
Понятовский Станислав Август, польский король, 195, 197, 294
Попов А-р Н., 389, 431, 432
Попов Н. И., 79
Попов П. С., 523
Порденоне, 169
Порфирий (Успенский), преосвященный, 208, 522
Поссевин А., 214, 215
Постников И. Ф., 150, 154
Потанчиков Ф. С., 188, 324, 325, 327
Потемкин И. А., 92, 183, 185, 558
Потемкин-Таврический Г. А., светлейший князь, 456
Потоцкий, граф, 442
Поттер П., 169
Поццо ди Борго К. О., граф, 141
Пошман С. А., 331
Пракситель, 197
Прео А. Луиза, де, 436
Прео А., де, артист, 436
Приймак Н. Л., 365
Присниц В., 521, 540–542
Прокопович В. Я., 185, 186, 191, 238, 250
Прокопович И. Н., 104
Прокопович (рожд. Трохнева) М. Н., 9, 11, 104
Прокопович Н. Н., 9, 545, 546
Прокопович Н. Я., 8, 10, 11, 17, 20, 25, 26, 36, 41–45, 49, 55, 58, 65, 75, 76, 85, 103, 104, 111, 113, 119, 122, 151, 152, 174, 182, 218, 238, 247, 337, 363–365, 545, 546, 567, 584–586, 608, 619, 660
Протасов Н. А., граф, 531
Протопопов М. Н., 409
Прохоров Н. Г., 407
Псиол А. И., 160
Псиол Г. И. *См.* Дунина-Борковская (рожд. Псиол) Г. И.
Пуадбаре Ж. Б., 576, 577
Пугачев Е. И., 37
Пурталес, графиня, 143
Пуссен Г., 167
Пуссен Н., 33, 167, 171, 224, 496
Путята Н. В., 51, 144, 145
Путята (рожд. Энгельгардт) С. Л., 51
Пушкарь М. И., 456
Пушкин А. С., 12, 14–16, 19, 24–28, 30–33, 35–37, 39, 40, 54, 62, 65, 71, 75, 87, 94, 97, 115, 127, 144, 163, 164, 170, 179, 203, 218, 222, 251, 256, 261, 265, 269, 288, 293, 299, 307, 315, 325, 326, 334, 335, 338, 341, 344, 346, 350, 364, 368, 376, 377, 380, 381, 391, 402, 416, 421, 429, 432, 480, 481, 489, 495, 504, 508, 509, 510, 512, 519, 521–524, 526, 527, 533, 538, 553–555, 557, 566, 579, 621, 623
Арап Петра Великого, 37, 71
В тревоге пестрой и бесплодной... 524
В часы забав иль праздной скуки... 429
Герой, 28, 37
Д. В. Давыдову. (При посылке «Истории Пугачевского бунта»), 37
Дубровский, 71, 429
Евгений Онегин, 29, 85, 88, 102, 104, 443
Египетские ночи, 102
Ее глаза, 524
История села Горюхина, 71, 230
К Н** (С Гомером долго ты беседовал один...), 429
Каменный гость, 269
Капитанская дочка, 9, 11, 71
Лицейская годовщина, 37
Ломоносов, 429
Медный всадник, 37, 608
Молитва (Отцы пустынники и жены непорочны...), 37
Москва, 429
Моцарт и Сальери, 11
Мысли на дороге. (Возражения на книгу Радищева) (Путешествие из Москвы в Петербург), 429
На статую играющего в свайку, 85, 88
О цензуре, 429
Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико, 293
Осеннее чувство (Полезен русскому здоровью...), 483, 484
Отрывок (Опять на родине! я посетил...), 37, 63, 64
Отрывок из рукописи Карамзина «О древней и новой России...», 37
Песни западных славян, 29
Полководец, 9, 11
Полтава, 115
Полюбуйтесь же вы, дети... 524
Пророк, 429
Русалка (Над озером в глухих дубравах...), 37, 211, 508, 515, 579
Русская изба, 429
Сочинения Александра Пушкина (СПб., 1838), 29
Сочинения Александра Пушкина (СПб., 1841), 429
Странник. (Из Bunyan) (Отрывок), 429
Сцена из Фауста, 554, 555
Сцены из рыцарских времен, 37
Торжок, 429
Шоссе, 429
Этикет, 429
Пушкин А. С., Гоголь Н. В., Одоевский В. Ф., князь
Тройчатка (замысел совместного альманаха из трех повестей), 376
Пушкин С. Л., 28
Пушкина (рожд. Гончарова, во втором браке Ланская) Н. Н., 14, 15, 87
Пыпин А. Н., 49, 52, 54, 60–62, 533, 585
Рабинович М. Б., 623
Радзивилл, князь, 442
Радищев А. Н., 429
Раевская Ек. Н. *См.* Орлова (рожд. Раевская) Ек. Н.
Раевская Ел. Н., 22, 23
Раевская (рожд. Арсеньева) П. И., 376, 380, 413, 416, 421, 423–427, 430, 433, 437, 438, 447–449, 454, 458, 462, 464, 472, 473, 478, 494, 495, 513, 598, 608, 609
Раевская (рожд. Константинова) Софья А., 22, 23, 35

Раевская Софья Н., 22, 23, 506, 507
Раевская Ст. А. *См.* Плетнева (рожд. Раевская) Ст. А.
Раевский И. Е., 427, 428
Раевский Н. А., 416
Раевский Н. Н., 23
Разумовская (рожд. княгиня Вяземская) М. Г., графиня, 14
Раич (наст. фамилия Амфитеатров) С. Е., 310, 311, 334
Рамазанов Н. А., 165, 243, 244, 394, 465, 466, 502, 556, 558, 581
Расин Ж., 350
Рафаэль С., 29, 31, 43, 48, 55, 105, 109, 151, 164, 167–169, 171, 177, 178, 195, 200, 201, 203, 205, 206, 209, 210, 229, 247, 332, 496, 501, 532, 535, 539, 543, 562, 572, 578, 590, 615, 616
Рашет Я. И., 219
Регли Л., 586
Редкин П. Г., 431, 432, 609
Резанов А. И., 243
Рейтерн Е. Е., фон. *См.* Жуковская (рожд. баронесса Рейтерн) Е. Е. (Е. А.)
Рейтерн Е. Р. (Г. В.), фон, 277, 474
Рекамье Ю. А., 402
Рель М., 49
Рени Г., 164, 166–168, 171, 178, 203, 211, 222, 235
Ренкевич (Рынкевич) Е. Е., 274
Репнин В. А., князь, 215
Репнина-Волконская (рожд. графиня Разумовская) В. А., княгиня, 22, 23, 71, 78, 79, 129, 135, 138, 176, 263, 264, 570
Репнина-Волконская В. Н., княжна, 21–24, 33, 34, 42, 43, 71–74, 108, 110, 118, 119, 129, 130–133, 135, 137, 151, 153, 154, 160, 163, 175, 176, 256, 257, 261, 262, 382, 385, 398, 570
Репнина-Волконская Е. Н., княжна. *См.* Кривцова (рожд. княжна Репнина-Волконская) Е. Н.
Репнина-Волконская (рожд. Балабина) Е. П., княгиня, 23, 24, 36, 38, 39, 41, 74, 129, 130, 337, 341, 351, 353–355, 357, 368–370, 372, 389, 398, 660
Репнина-Волконская О. Н., княжна, 23
Репнин-Волконский В. Н., князь, 23, 24, 36, 41, 129, 255, 257, 337, 341, 353–355, 357, 368–370, 389, 398, 660
Репнин-Волконский Н. В., князь, 20, 23–25, 129, 130, 354, 355
Репнин-Волконский (до 1801 г. Волконский) Н. Г., князь, 22–24, 129, 138, 150, 175, 176, 256, 263, 264, 570
Репнин-Волконский П. В., князь, 23, 129, 130, 354, 355
Репнины-Волконские, 21, 24, 35, 36, 42, 72, 85, 114, 118, 126, 149, 150, 176
Ринальди Анна Мария, 72, 74, 153, 468
Ринальди Аньезе, 71, 73
Ринальди С., 72
Рихтер Ф. Ф., 149, 197, 225, 229, 232, 291, 502, 584
Риччи М., граф, 149, 256, 258, 278
Робер (Роберт) Л. Л., 85, 88
Ровинский Д. А., 466
Рогов К. Ю., 622
Родионов Д. П., 575
Родионов И., 144, 326, 380, 416
Родионов П. И., 574, 575, 598
Родионова А. И., 302, 303, 575, 580, 584, 598
Родионовы, 575, 580, 584
Родиславский В. И., 399, 400
Рожалин Н. М., 203, 204
Роза С., 168, 210, 465
Роза, квартирная хозяйка А. С. Данилевского в Риме, 42, 85, 99, 100
Розелли Ф., 153
Розен Е. Ф., барон, 149, 163, 164, 392, 393
Розенблюм Н. Г., 285, 343, 344, 350, 355–357, 359, 360, 479, 492
Розенкампф Г. А., барон, 592
Розенштрем, московский банкир, 620, 621
Розини Дж., 465
Роман Иванович, старый приживал (1738 г. рожд.) в доме Дм. П. Трощинского, 313
Романовы, императорская фамилия, 115
Ромул, основатель Рима, 100
Ромул, сын римского императора Максенция, 208
Ронкони Дж., 445, 446
Рославский (Рославлевский) П., 188
Роспильози Дж., кардинал, 211
Росселини (Розеллини) И., 465
Россет (Россети) Ар. О., 50, 52, 61, 265, 368, 541, 542, 593
Россет К. О., 12
Россини Дж., 134, 186
Ростопчин (Растопчин) А. Ф., граф, 143, 596
Ростопчин (Растопчин) Ф. В., граф, 87, 143
Ростопчина (рожд. Сушкова) Е. П., графиня, 139, 143
Ротшильд А., барон, 266
Рубини Дж. Б., 10, 99, 152, 239
Ружемон (Ружемонт), парижский банкир, 132, 137, 170
Ружинский (Рожинский) Б. М., князь, 456
Руммель В. В., 503
Руссо Ж. Ж., 536, 544
Рыбаков, актер, 426
Рыкалова Н. В., 464
Рылеев К. Ф., 206
Рыскин Е. И., 37, 71
Рябушинский С. П., 225
С., знакомая Е. В. Гоголь в Петербурге, 353
С., знакомый С. П. Шевырева и М. П. Погодина, 312
Сабатье Ф., 242, 243
Сабинин С. К., протоиерей, 285
Савва Освященный, св., 596, 598
Савич, московский домовладелец, 438
Садовский М. П., 324, 327
Сазонов В. К., 162
Сазонов Н. И., 162
Саитов В. И., 245, 621
Салиас де Турнемир (рожд. Сухово-Кобылина, псевдоним Евгения Тур) Ел. В., графиня, 266
Саллюстий (Саллустий), римский историк, 154, 211, 537, 538, 546
Салтыков-Щедрин М. Е., 180, 184
Сальви Н., 106
Сальери А., 11
Сальпини А., 20
Сальпини Т., 20
Самарин И. В., 103, 321–324, 360, 464
Самарин Ю. Ф., 51, 54, 265, 376–378, 381, 388, 411, 431–433, 470, 486, 488, 492, 500, 550, 613, 614
Самбурская (в замужестве Трутовская) С. А., 389, 399

Самовер Н. В., 149, 157, 158, 164, 250
Самойлов В. М., 474
Сампсон, библейский судия и богатырь, 169
Санд Ж., 553
Лелия, 270
Сапега Л. И., 439, 441
Саргсян М. С., 467, 478, 548
Сарто Андреа, дель, 164
Сассоферрато (Дж. Сальви), 169, 177, 210
Сахаров И. П., 246, 247, 443, 444, 451, 592, 593, 597
Свербеев Д. Н., 375, 388, 402, 403, 405, 408, 431, 433, 576, 618
Свербеева (рожд. княжна Щербатова) Е. А., 375, 388, 402–406, 408, 431–433, 618
Свечина (рожд. Соймонова) С. П., 146
Свирговский (Сверчовский) И., 456
Свиясов Е. В., 412
Севастиан, св. мученик, 168, 171, 177, 207, 208, 222, 238
Северин, св. мученик, 164
Семененко П., ксендз (с 1841 г.), 71, 79, 86, 87, 91–95, 99–103, 111, 112, 114, 115, 117
Семирадский Г. И., 225
Сенковский О. И., 298, 405, 498, 543
Сен-Мартен Л. К., 280
Сент-Бёв Ш. О., 262, 263, 264, 265
Септимий Север, 194, 195
Серафим Саровский, преподобный, 140, 143, 437
Сервантес С. М., де
Дон Кихот, 49, 340, 482, 621
Сервий Туллий, 230
Сергий Радонежский, преподобный, 140, 142, 143, 298, 301, 303, 422, 437, 524
Серебряков В. А., 222
Серпяга И. (Подкова Г.), 456
Сестий, 163
Сикст V (в крещении Феличе), римский папа, 34, 71–74, 76, 85, 90, 99, 107, 153, 176, 182, 186, 187, 192, 193, 198, 221, 291, 436, 467, 468, 495, 523, 524, 535, 578
Сильвестр I, папа римский, св., 198, 199
Сильвестр (в иночестве Спиридон), священник, духовник Иоанна Грозного, 126
Симеон, англичанка, 22
Симоновский (Симановский) И. П., 19, 85, 442, 443
Синельникова (рожд. Ходаревская) М. Н., 179
Сирани Э., 169
Сковорода Г. С., 384, 385
Икона Алкивиадская, 384
Скотт В., 480, 481, 521, 573
Скотти И. П. (Дж. Б.), 224, 225
Скотти М. И., 223–225, 229, 236
Скьярра (Шиарр) К., 171, 183, 184
Словацкий Э., 101
Словацкий Ю., 94
Слонимский А. Л., 622
Смирдин А. Ф., 25, 43, 44, 64, 76, 113, 269, 284, 298, 386, 387, 390, 391, 592, 597
Смирнов М. Н., 49, 60–62, 143, 144, 258, 265, 524, 585
Смирнов Н. М., 12, 14, 15, 27, 59–63, 112, 113, 139, 143, 168, 171, 213, 277
Смирнов П. П., 139, 143
Смирнова (рожд. Россет) А. О., 12, 14, 15, 47–55, 59–63, 75, 76, 80, 100, 110, 139, 140, 142–144, 169, 256, 258, 263–265, 273, 286, 287, 327, 337, 354, 357, 365, 366, 368, 460, 486, 488, 522, 527, 528, 540–542, 547, 585, 591, 593, 621, 660
Смирнова Е. А., 350, 436
Смирнова О. Н., 48, 49, 51, 52, 60, 61, 143, 186, 258, 264, 365, 366, 459
Смоликовский П., ксендз, 93–95, 102, 112, 117
Снегирев И. М., 50, 76, 246, 247, 310, 515, 568, 593, 604, 605, 609–611, 616
Собизский И., 442
Соболевский А. П., 198, 199
Соболевский С. А., 14, 335, 347
Соймонова Е. П. *См.* Гагарина (рожд. Соймонова) Е. П., княгиня
Соймонова С. П. *См.* Свечина (рожд. Соймонова) С. П.
Соколов И. И., 117
Сократ, 384
Солеников Е. Н., 621
Соллогуб В. А., граф, 388, 470, 476
На сон грядущий. Отрывки из вседневной жизни, 550
Тарантас, 470
Соллогуб Л. А., граф, 12, 59, 60
Соллогуб (рожд. графиня Виельгорская) С. М., графиня, 53, 263, 265, 476
Соломон, третий царь Израиля, 165, 196
Сомина В. В., 623
Сорен (рожд. Смирнова) Н. Н., 143
Сосницкий И. И., 103, 106, 111, 147, 148, 325, 359, 360, 423
София, св. мученица, 476
Софонеба (Софониба), 164
Спаньолетто (Хосе де Рибера), 168
Спатти А., 72
Спатти (Спетти) Дж., 72, 194, 523, 547
Спатти Л., 72
Сперанский М. М., граф (с 1839 г.), 212
Сперанский М. Н., 129, 318, 421, 439, 491, 573
Срезневская (рожд. Кускова) Е. И., 47, 310, 313
Срезневский И. И., 47, 89, 300, 309–311, 313, 319, 320, 326, 328, 356, 456, 470
Ставассер П. А., 165, 465, 466, 584
Станислав, святой католической Церкви, покровитель Польши, 294, 552
Станиславич (Станиславович) И., 570, 571, 584
Станкевич А-ра В.
Щепкина (рожд. Станкевич) А. В., 324
Станкевич Н. В., 77, 323, 404, 422, 478
Станкер А. А., 22, 24
Стасов В. В., 221
Стасов Д. В., 61, 62
Стасюлевич М. М., 502, 503, 518, 522, 526
Стендаль
Кресное и черное, 147
Пармская обитель, 147
Прогулки по Риму, 146
Степанов Н. Л., 385, 622
Степанов Н. С., 527
Степанов П. Г., 103
Стефин, знакомый Гоголя и Н. Я. Прокоповича в Петербурге, 10
Стороженко Н. В., 24

Стратен В. В., 204
Страхов Н. Н., 481
Строганов А. Г., граф, 212
Строганов С. Г., граф, 279, 469, 470, 529–531
Строганов, петербургский домовладелец, 339
Строев В. М., 341
Строев П. М., 310, 311
Строев С. М., 239
Струговщиков А. Н., 33, 455, 508, 515
Стрэтт, англичанин, 506
Стрэтты, англичане, 505
Стрэшн, англичанин, 505, 507, 512
Студитский А. Е., 498
Стурдза А. С., 93, 117
Суворов А. В., князь Италийский, граф Рымницкий, 143, 297, 433
Суворова Н. А. *См.* Зубова (рожд. Суворова) Н. А., графиня
Суперфин Г. Г., 497, 575, 580, 598
Супронюк О. К., 148, 622, 624
Сухих А. А. (А. Е.), 162
Сухово-Кобылин А. В., 262, 266
Сухово-Кобылина Е. В. *См.* Салиас де Турнемир (рожд. Сухово-Кобылина, псевдоним Евгения Тур) Ел. В., графиня
Сучкова А. А., 221
Сципион, 207
Т., корреспондент «Одесского Листка», 376
Такке П. Э., 429, 430, 450
Талалай М. Г., 93, 559
Тальма Ф. Ж., 10
Тальони М., 10, 85, 88, 362
Тальони Ф., 586, 587
Тамбурини А., 10
Танеев А. С., 56, 57
Танеев В. И., 241
Тарасенков А. Т., 542, 544
Тарланов Е. З., 449
Тассо Т., 44, 46, 164, 175, 181, 204, 206
Тейнер (Тайнер) А., аббат, 214, 215
Тенерани П., 149, 164, 177, 220, 554
Теньер (Тенерис, Тенирс) Д., 339
Теребинова, московская домовладелица, 607
Тереза, римская прислуга, 153
Теренций П., 177
Терновский (Тарновский) С. Г., протоиерей, 424
Тетеренко Ф., 456
Тимм В. Ф., 401
Тимм Г. Ф., 401
Тимм Э. К., 401
Тимофей Эфесский, св. апостол, 274
Тимченко А. Ф., 120
Тимченко, сосед Гоголей по имению, 105
Тиндаль В., 143
Тиндетников И. Н., 270
Тинторетто Я., 168
Тирсо де Молина, монах
Севильский обольститель, или Каменный гость, 270
Тирш Ф. В., 204
Тит Флавий Веспасиан, римский император, 211, 212
Титов А. А., 545
Тихонравов Н. С., 24, 25, 148, 361, 545, 612, 622
Тициан, 105, 151, 167–169, 171, 178, 210, 222
Товия, израильтянин, сын Товита, 168
Толбин В. В., 213
Толстая (в замужестве Каменская) М. Ф., графиня, 357
Толстая (рожд. княжна Грузинская) А. Г. (А. Е.), графиня, 140–142, 144, 522, 524
Толстая (рожд. Перовская, побочная дочь графа А. К. Разумовского) А. А., 149
Толстая, жена графа С. П. Толстого, 143
Толстой А. К., граф, 149, 150, 154
Толстой А. П., граф, 140–142, 144, 154, 274, 459, 504, 522, 531, 542, 546
Толстой Г. М., 388
Толстой Дмитрий, 182
Толстой И. (Жан), дипломат, 51
Толстой С. П., граф, 143
Толстой Ф. П., граф, 357
Томаринский А. О., диакон, 68
Томаринский М. А., 68, 229, 233, 556, 558, 559
Томашевская М. С. *См.* Аксакова (в замужестве Томашевская) М. С.
Томашевский А. Ф., 334, 493, 494
Томашевский В. Б., 622
Торвальдсен Б., 165, 220, 221, 224, 243
Торлони (Торлониа) А., герцог, 164
Торлони, князь, банкир в Риме, 614
Торси, 164
Тортони, парижский ресторатор, 28
Трахимовский (Трохимовский) М. М., 217, 219
Трахимовский (Трохимовский, Трофимовский) М. Я., 217, 219, 540, 620
Трахимовский (Трохимовский) Н. М., 216, 217, 219, 618, 620
Траян (Троян), римский император, 198, 212, 213, 229, 232, 233
Третьяков П. М., 488
Троис Дж., 153
Трощинская (рожд. Кудрявцева) О. Д., 32, 237, 289, 352, 353
Трощинская А. А., 81
Трощинская С. А., 81
Трощинский Анд. А., 81–83, 120, 124, 136, 159, 160, 237, 289, 337, 352, 353, 363, 660
Трощинский Дм. П., 350, 353
Трубецкая, княгиня, 12
Трутовский К. А., 113
Трушковский И. П., 81, 82
Трушковский М. П., 7, 8, 81, 82
Трушковский Н. П., 13, 47, 81, 293, 294, 394, 428, 471, 514, 617, 618
Трушковский П. О., 81, 82, 293, 294
Тургенев А. И., 15, 47, 62–64, 86, 98, 102, 137, 145–148, 172, 251, 252, 310, 337, 347, 348, 367–369, 398, 402–406, 408, 428, 430–435, 448, 553
Тургенев И. С., 73, 74, 222, 264, 265, 286, 307, 348, 521, 523, 587, 618
Деревня, 286
Нахлебник, 286
Провинциалка, 286
Турингер Ж. (Turinger J.), 135, 186
Тьерри О., 147
Тютчев Ф. И., 54, 67, 98, 243, 310, 312, 494
Тютчева Н. Н. *См.* Шереметева (рожд. Тютчева) Н. Н.
Тютюник Л. И., 38, 39, 41, 45, 169
Уайт (Выйят, Виатт) Р. Д., 220, 224

Убри (Убриль) П. Я., 62
Уваров С. С., граф (с 1846 г.), 93, 247, 251, 252, 283, 287, 295, 298, 404, 531, 592, 597
Уварова Н. И., 129
Уиллс, англичанин, 506
Ульянов (Ленин) В. И., 74, 359, 383
Ульянов Н. И., 116, 117
Умецкая Е., 25
Умнов Д., 409
Унгер (Унгер-Сабатье) К., 445, 446
Уолтер (Walter), английский мебельщик, 308
Урбан, святой католической Церкви, 208
Урбани (Урбини) А., 72, 153
Урусов (псевдоним Ал. Иванов) А. И., князь, 265, 307, 308
Успенский Л. А., 225
Фабр, мадемуазель в Женеве, 64
Фабри Дж., 177
Фалалеева М. В., 446
Фалькони, содержатель трактира в Риме, 31, 33, 170, 179, 232, 235, 449, 501, 538, 547
Фалькуччи М., 110, 166
Фарнгаген фон Энзе К. А., 221, 237, 434, 490, 552, 553, 572, 575
Фарнезе А., кардинал, 167, 168, 206, 208, 209
Фаустина (Фавстина) Старшая, супруга императора Антонина, 194, 196
Феа И., аббат, 213
Федор Андреевич, художник театральных декораций, 10
Федоров Г. А., 81
Федоров Д. Я., 533
Фейт Я., 172
Феличе. *См.* Сикст V (в крещении Феличе), римский папа
Феодор Студит, преподобный, 110
Феофан Грек, 225
Феофилакт Болгарский, блаженный, 78
Фердинанд II, король Обеих Сицилий, 206, 207, 209, 546
Фердинанд VII, испанский король, 11
Феррари Г., 171
Феррари, аббат в Риме, 22, 505
Фет (наст. фамилия Шеншин) А. А., 434, 435
Лирический Пантеон, 435
Феш И., кардинал, 168, 169, 222
Фидий, 197
Филарет (Амфитеатров), митрополит Киевский и Галицкий, св., 311
Филипп, св. апостол, 198, 199, 229, 526
Филипп II, испанский король, 167, 200
Филипп, лакей в парижском кафе, 152, 170, 185
Филиппо, римлянин, 71
Филиппов Т. И., 141, 144
Филисов А. П., 38
Фихте И. Г., 487
Фишер К. А., 129
Флеров В. П., 225, 231, 568, 581, 611
Флор Ф., 242, 243
Фогель К. Х., 571, 572
Фома, св. апостол, 166, 198, 199, 229, 238, 239, 241, 245, 422, 423, 426, 457, 526, 584
Фонвизин Д. И., 498
Фонтана Д., 176
Форнарина (Маргарита), натурщица С. Рафаэля, 169, 171, 203
Фоскарини А., 108, 110
Фосс И. Г.
Луиза, 78
Фотий (Спасский), архимандрит, 89
Франциск Ассизский, святой католической Церкви, 203, 496
Франческо Дж., 153
Франчья Ф., 169
Фрестье Ж., 270
Фреццолини Э., 445, 446
Фридлендер Г. М., 622
Фридрих Вильгельм III, прусский король, 272
Фридрих Вильгельм IV, прусский король, 272
Фрикке Л. Х., 461
Фьезоле Фра Джованни, да (Беато Фра Джованни, Беато Анджелико), святой католической Церкви, 168, 178, 230, 231, 281, 290
Ханыкова, 140
Харботтл, знакомая Ел. В. Давыдовой в Риме, 507
Харвей (Гарвей, Harvey) А., лорд, 22
Харвей (Гарвей, Harvey), лорды, три брата, 22
Харне Т. Х., англиканский священник, 146
Хильчевский И. Ф., 89
Хитрово Е. А., 123
Хлебников П. К., 76
Хмельницкий Б. М., 44, 94, 260, 271, 276, 280–282, 289, 295, 300, 313, 337, 346, 361, 370, 380, 389, 445, 453, 456, 460, 475, 484, 488, 491, 494, 559, 569–572
Хмельницкий Н. И., 349, 350
Хмельницкий Ю. Б. (в монашестве Гедеон), 456
Хованские, 575, 580, 584
Хованский А. Н., князь, 598
Ховард (Howard), 436
Ховрин Н. В., 618
Ховрина М. Д., 618
Ходанен Л. А., 470
Хомутов И. П., 274
Хомяков А. С., 51, 52, 54, 80, 127, 179, 375, 384, 402, 403, 405, 406, 408, 431, 432, 437, 438, 470, 491, 492, 548, 550, 552, 565, 566, 601, 604, 605, 607, 618
Ей же (О дева-роза, для чего...). 52, 54
Иностранка, 54
Хомякова (рожд. Языкова) Е. М., 52, 424, 431, 432, 437, 438, 494, 548, 550, 552, 565, 566, 575–577, 601, 606, 607
Хомяковы, 491
Хотяева, гостья Гоголя на его именинном обеде 9 мая 1840 г., 431
Хоцянов К. С., 115, 117
Храповицкий А. И., 106
Христиани Г. Г., 88
Цезарь Г. Ю., 194, 196, 205–207, 209, 226, 231, 518
Целинский А., 95
Церетели Г. Ф., 228
Цецилия (Сесилия, Кикилия), св. мученица, 167, 168, 206
Цецилия Метелла, 207
Цигенгейст Г., 434, 553
Цицерон, 196, 207, 232
Цицианова Е. Д., княжна, 143
Цуккаро Т., 167, 168, 227
Цюревская, жена П. Ф. Цюревского, 379

Цюревский П. Ф., 379
Чаадаев (Чадаев) П. Я., 402, 428, 431, 432, 434, 438, 618
Чаговец В. А., 74, 82, 415, 416, 568, 569
Чайковский М. С., 94
Чайковский П. И., 480
Чаликов А. С., 308
Чалый М. К., 174
Чалый С., 456
Чапленко В. К., 14
Чарторыйский А. К., 215
Чекини (В—вой), учитель музыки, 175
Челаковский (Челяковский) Ф. Л., 77
Челли Джузеппе, римский домовладелец, 72, 73
Челли С., сын Дж. Челли, 72, 153
Челли, хозяин квартиры в Риме, 73, 524, 561, 580, 601
Ченчи Б., 203, 204
Черкасов П. И., барон, 310
Чермак Л. И., 80, 81
Черневский С. А., 84, 103, 138, 262, 285, 326, 423, 464, 466, 489
Чернецов Г. Г., 461
Чернецов Н. Г., 461
Чернецов П. Г., 461
Черницкая А. М., 160, 371
Черныш Вас. И., 88, 135, 191
Черныш Г. Г. *См.* Суперфин Г. Г.
Черныш (в первом браке Данилевская) Т. И., 96, 113, 114, 119, 121, 131, 135, 191
Чернышевский Н. Г., 521, 523
Чертков А. Д., 149, 150, 153, 170, 177, 212, 230, 231, 233-235, 249, 256, 310, 320-322, 324, 326, 332, 333, 413, 415, 446
Чертков Г. А., 446
Черткова (в замужестве княгиня Голицына) Е. А., 446
Черткова (рожд. графиня Чернышева) Е. Г., 149, 150, 153, 185, 230, 231, 233, 234, 248-250, 255-258, 320-324, 326, 332, 333, 362, 413, 415, 431, 432, 446, 447
Черткова С. А. *См.* Ермолова (рожд. Черткова) С. А.
Чижов Ф. В., 93, 231, 438, 470, 503, 526, 540, 543, 545, 559, 571, 572, 609
Чилищев, офицер, 227, 228
Чулков М. Д., 247
Чурай, есаул, 456
Шадов Ф. В., фон, 473, 474
Шамшин П. М., 166
Шаповаленко (Шаповалов) И. С., 169, 467-469, 499-503, 580, 600, 614-616
Шаржинский С. Д., 418
Шатирян Г. М., 467, 478, 548
Шафарик П. Й., 27, 76, 79, 94, 127, 215, 245-247, 268, 271, 275, 276, 281, 309
Шафарик Ю. А., 94
Шванталер (Шваненталер) Л. М., 290
Шварц Б., францисканский монах, 200
Швачка Н., 456
Шебуев В. К., 32, 162
Шевченко Т. Г., 307, 493, 506, 591
  Художник, 506
Шевырев Б. С., 238, 240, 241, 252, 255-257
Шевырев С. П., 45, 52, 79, 82, 123, 125, 136, 138, 144, 149, 150, 155, 164-166, 170, 179, 180, 191-194, 197-200, 204, 207, 208, 210, 212-216, 219-223, 225, 228-231, 235-237, 239-241, 244, 245, 247-249, 251, 252, 254-256, 258-260, 266-268, 271, 272, 276-283, 285-291, 298, 304, 306, 311-314, 319, 322, 328, 329, 332, 336, 338, 340, 345, 347, 351, 355, 363, 370, 371, 393-395, 399, 422, 432, 434, 440, 443, 453, 473, 474, 481, 486, 490, 497, 498, 511-513, 516, 540, 566, 587, 598, 599, 607, 619, 620
  Божественная комедия (Ад) (перевод), 289-291, 311, 312
  Две песни из Дантова Ада (перевод), 290
  История русской словесности, преимущественно древней, 213
  К Гоголю (Что ж дремлешь ты?), 179, 180, 288, 607
Шевырева (рожд. Зеленская) С. Б., 149, 150, 236, 238, 240, 241, 246, 249, 251, 252, 255-259, 267, 271, 276, 282, 292-298
Шевыревы, 249
Шекспир У., 32, 102, 147, 254, 264, 265, 315, 334, 340, 351, 376, 381, 391, 392, 407, 439, 450, 463, 599
  Буря, 351
  Гамлет, 160, 254
Шеллинг Ф. В., 204
Шелухин С. П., 77
Шенрок В. И., 8, 15, 17, 20, 22, 24, 31, 41-43, 48, 49, 51, 52, 60, 61, 64, 69, 70, 72, 74, 88, 96-98, 100, 103, 118-121, 123, 124, 130-133, 146-149, 153, 160, 165, 167, 168, 174, 176, 182, 183, 186, 187, 191, 217-219, 228, 241, 257, 258, 264, 265, 268-270, 283, 326, 328, 365, 427, 428, 459, 462, 476, 482, 573, 578, 579, 584, 622, 625
Шеншин А. Н., 434, 435
Шепелев Н. Д., 266
Шервуд В. О., 286, 500, 502
Шереметев Д. Н., граф, 224
Шереметева (рожд. Тютчева) Н. Н., 53, 54, 310, 413, 415, 416, 423-425, 542
Шиллер Ф., 52, 312, 315, 436, 449, 487
Шипова (рожд. графиня Комаровская) А. Е., 268, 270
Ширяев А. С., 503
Шишков А. С., 613
Шкловский В. Б., 623
Шолохова А. С., 622
Шпаур К., 185, 186
Штакельберг Г. О., граф, 92
Штернберг В. И., 243, 460-462, 465-467, 506, 548
Штиглиц Л. И., фон, 25, 56, 65, 76, 103, 122
Штраус Д., 280
Шуберт (в девичестве Куликова, во втором браке Яновская) А. И., 361
Шубинский И. В., 36, 50, 56, 104, 625
Шульгин И. П., 408, 409
Щеголев П. Е., 82, 162
Щекотов Н. М., 225
Щепкин А. М., 305, 307
Щепкин А. С., 188
Щепкин Д. М., 306, 307, 331, 439-441
Щепкин М. А., 305, 307
Щепкин М. С., 7, 12, 18, 46, 61, 65, 69, 82, 84, 103, 106, 111, 117, 127, 134, 137, 138, 145, 158, 171, 264, 286, 287, 298-307, 313-317, 320-326, 331, 333, 355, 376, 380, 385, 399-401, 414, 415, 423, 425, 431, 439-441, 447, 450, 454, 461-464, 476-479, 485, 490, 511, 549, 550, 552, 563, 573, 599, 610, 615, 621, 623
  Из записок артиста, 286
Щепкин Н. М., 287, 306, 307, 324

Щепкин П. М., 287, 306, 307
Щепкина (рожд. Станкевич) А. В., 324, 326
Щепкина А. М., 306, 308, 463, 464, 621
Щепкина А. С., 306, 307
Щепкина В. М., 306, 308
Щепкина (до замужества Чаликова) Е. Д., 306, 308
Щепкина Евд. С., 306, 307
Щепкина М. С., 464
Щепкина (в замужестве Барсова) Ф. М., 306, 307, 463, 464
Щербатов А. Ф., князь, 402
Щербатов Г. А., князь, 593
Щербатов М. М., 344
Щербатов, князь, 74
Щербатова (рожд. княжна Оболенская) В. П., княгиня, 402
Щербатова (рожд. Штерич) М. А., княгиня, 433
Щипунов П. Т., 622
Щурупов М. А., 461
Эбелинг А. К., 263, 265
Эварницкий Д. И., 77
Эварницкий И. Я., 77
Эйхенбаум Б. М., 622
Экеблад Х. А., 174
Эллиот Р., 146
Эльвал, гравер, 474
Эльслер Ф., 134
Эльсон Г. Г., 461
Эльсон М. Г., 461
Энгельбах Ф. Ф., 44, 76
Энгельгардт Б. М., 622
Энгельс Ф., 523
Энгр Ж., 452
Энсли, англичанин, 506
Эппингер Ф. И., 466
Эразм Роттердамский, 384, 385
Эсте (d'Este) Ипполит II, кардинал, 226
Эстель (Estelle), знакомая А. С. Данилевского в Париже, 190, 218
Эстергази, князья, 445
Югурта (Югорта), царь нумидийский, 230
Юдин Г. В., 545
Юлий II, римский папа, 169
Юнг-Штиллинг И. Г., 89
Юрченко А., 81, 82, 413, 415
Юрченко П., 82, 415
Юрьев С. А., 144
Юшкова А. П. *См.* Зонтаг (рожд. Юшкова) А. П.
Языков А. М., 54, 269, 494, 542, 544, 550, 572, 575, 576, 580, 607, 616
Языков М. А., 357, 531
Языков Н. М., 50, 52, 54, 73, 243, 264, 267–271, 297, 348, 364, 424, 433, 437, 438, 441, 485, 490, 494, 504, 531, 540–542, 544, 548, 550, 552, 564–566, 572, 573, 575–579, 583, 584, 587, 601, 602, 604, 606, 607, 615, 616
  Альпийская песня (Гастуна), 607
  Гоголю (Благословляю твой возврат...), 601, 604, 606, 607
  Д. В. Давыдову, 485, 487
  Девятое мая (Люблю смотреть на сине море...), 607
  Дерпт, 269
  Землетрясение, 269
  К К. К. Павловой (Забыли вы меня? Я сам же виноват...), 243, 437, 438, 441, 494, 606
  К ненашим, 269
  К стихам моим, 606
  Корабль (То ли дело как бывало...), 607
  Новые стихотворения Н. Языкова (М., 1845), 270
  Песня балтийским водам, 607
  Странный случай, 607
  Элегия (Толпа ли девочек игривая, живая...), 268, 269, 270, 606
Языков П. М., 268, 269, 566, 572, 573, 575–580, 584, 606
Языкова А. М. *См.* Валуева (рожд. Языкова) А. М.
Языкова Ек. М. *См.* Хомякова (рожд. Языкова) Е. М.
Языкова Ек. П., 578, 580, 584
Языкова (рожд. Ивашева) Ел. П., 573, 578, 579
Языкова П. М. *См.* Бестужева (рожд. Языкова) П. М.
Языковы, 575
Якушкин И. Д., 310
Ямпольская А. В., 39, 41, 73, 243, 244
Ямпольский И. Г., 622
Янушкевич А. С., 166, 167, 174, 175, 178–181, 184, 185, 190, 358, 407, 566, 625
Яньский Б., 86, 91, 92, 94, 95, 101, 111, 114
Ястребцов И. М., 296
Яценко Е. Л., 24

Aventino (псевдоним), знакомый М. П. Вагнер, 24
Brambilla, 445
Centini M., 18
De Michelis C. G., 73
Gabussi, 445
Hochard. *См.* Гошар (Hochard), домовладелица
La Baronne, знакомая княгини З. А. Волконской, 248
Laureani, 176
Massuci Giovanni, римский домовладелец, 26
N., знакомая А. Д. и Е. Г. Чертковых в Риме, 230
N., святой, 168
Nazzari, римский кондитер, 221
Padoviano, 169
Pongis, 76
St. Beuve. *См.* Сент-Бёв Ш. О.
Viardot. *См.* Виардо Л.
Z., автор статьи в журнале «Москвитянин», 542

Географическая канва жизни и творчества Гоголя 1837–1841

Париж 7

1837. Января 15 <3>. Гоголь присутствовал на торжественном спектакле в Théâtre Français по случаю 215-й годовщины рождения Мольера . . . 8

1837. Марта 1–2 <февраля 17–18>. Гоголь в гостях у Н. М. и А. О. Смирновых узнает о гибели А. С. Пушкина 15

1837. Марта около 6 <февраля около 22>. Гоголь выехал из Парижа в Рим, доворившись с А. С. Данилевским встретиться через неделю в Риме и отправиться далее в Неаполь 17

Бра 18

1837. Марта средина <марта начало>. Проезжая, предположительно, г. Бра (по пути из Турина в Геную), Гоголь знакомится с местным обычаем почитания Пресвятой Богородицы как «Богоматери цветов» . . . 18

Ливорно 19

1837. Марта около 20–24 <марта около 8–12>. Ливорно. Гоголь проездом в Ливорно 19

Флоренция 19

1837. Марта около 21–25 <марта около 9–13>. Гоголь во Флоренции (проездом из Ливорно в Рим). 19

Рим 19

1837. Марта 26 <14>. Воскресенье. Католический праздник Пасхи. Гоголь впервые прибыл в Рим. Присутствует на праздничной мессе в соборе Святого Петра, которую совершает папа Григорий XVI 19

1837. Марта 26 <14> — июня вторая половина, не позднее 25 <июня первая половина, не позднее 13>. Гоголь в Риме в обществе Балабиных, Репниных-Волконских, дипломата П. И. Кривцова, княгини З. А. Волконской, Анд. Н. Карамзина. Знакомится с русскими художниками в Риме, в том числе, вероятно, с А. А. Ивановым. 21

1837. Апреля 18 <6>. Гоголь пишет на Высочайшее имя прошение о вспомоществовании 30

1837. Апреля 21 <9>. Гоголь вместе с В. О. Балабиной, княжной В. Н. Репниной-Волконской, П. И. Кривцовым, художниками и стипендиатами Академии художеств присутствует на торжественном собрании в Институте археологической корреспонденции в честь дня основания Рима 34

1837. Апреля 27 <15>. Великий четверг. Вечер. Гоголь в церкви русского посольства на службе Страстной пятницы 35
1837. Апреля 30 <18>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Гоголь на пасхальной обедне в церкви Святителя Николая Мирликийского при русском посольстве 35

Рим, Фраскати, Рим 41
1837. Мая 31 — июня 1 <мая 19–20>. Гоголь с Анд. Н. Карамзиным ездил во Фраскати к Репниным-Волконским и пробыл там два дня 41

Рим 41
1837. Май <апреля вторая половина — мая первая половина>. Вероятно, в указанный период в Рим прибыл А. С. Данилевский . . . 41
1837. Июня вторая половина, не позднее 25 <июня первая половина, не позднее 13>. Рим. Гоголь, простившись с А. С. Данилевским, выезжает из Рима. Незадолго до отъезда обещал В. О. и М. П. Балабиным написать, какое впечатление на него произведет Швейцария после Италии 46

Турин 47
1837. Июня 27 <15>. Вторник. Гоголь находится проездом в Турине 47

Турин, Марсель, Барселона, Мадрид, Лиссабон, Турин, Баден-Баден . . . 47
1837. Июня 28 — июля не позднее 15 <июня 16 — июля не позднее 3>. Турин, Марсель, Барселона, Мадрид, Лиссабон, Турин, Баден-Баден. Вероятное путешествие Гоголя из Турина в охваченную междоусобной войной Испанию и Португалию, возвращение в Турин и переезд в Баден 47

Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден 50
1837. Июля около 15 — августа не позднее 27–28 <июля около 3 — августа не позднее 15–16>. Гоголь в Бадене, где рассказал А. О. Смирновой о своем путешествии в Испанию. Смирнова познакомила Гоголя с ее другом Н. Д. Киселевым. Вместе с ней и ее братом А. О. Россетом Гоголь ездил из Бадена в Страсбург 50
1837. Августа 14 <2>. Гоголь у Н. М. и А. О. Смирновых читает первые главы «Мертвых душ». На чтении присутствовали Анд. Н. Карамзин, граф Л. А. Соллогуб, В. П. Платонов и граф А. М. Борх 59

Баден-Баден, Карлсруэ 61
1837. Августа 27–28 <15–16>. Гоголь проводил Смирновых до Карлсруэ, где ночевал в гостинице в одной комнате с Н. М. Смирновым. (Далее Смирновы отправились в Дрезден и Петербург.) 61

Карлсруэ 62
1837. Августа 29–30 <17–18>. Гоголь отправляется на пароходе, по Рейну и Майну, во Франкфурт 62

Франкфурт-на-Майне 62

1837. Сентября 1 <августа 20>. Гоголь, приехав во Франкфурт, посетил русского посланника П. Я. Убри; встретился здесь с А. И. Тургеневым 62

Женева 64

1837. Сентября около 5 – ноября средина <августа около 24 – ноября начало>. Гоголь по приезде в Женеву получил от П. А. Плетнева из Петербурга 1000 рублей. Встречается в Женеве с А. С. Данилевским, с А. Мицкевичем 64

1837. Ноября 2 <октября 21>. Предположительно в этот день Гоголь получил пожалованные ему 8 июля 1837 г. Императором Николаем I пять тысяч рублей 67

1837. Ноября средина <ноября начало>. Гоголь и А. С. Данилевский выезжают из Женевы. Данилевский некоторое время провожает Гоголя по дороге в Рим (до города Домодоссола) 69

Озеро Лаго-Маджоре, Домодоссола 69

1837. Ноября вторая половина, не позднее 24 <ноября не позднее 12>. Гоголь и А. С. Данилевский проезжают мимо острова Белла на озере Лаго-Маджоре (Isola Bella; *ит.* «красивый остров») до города Домодоссола, на границе Швейцарии и Италии. Вероятно, здесь произошло расставание Гоголя с Данилевским, направлявшимся в Париж 69

Милан 70

1837. Ноября 24 <12>. Гоголь проездом в Милане 70

1837. Ноября 25 <13>. Гоголь выехал из Милана во Флоренцию 70

Рим 71

1837 ноября не позднее 30 <не позднее 18> – 1838 июля начало <июня вторая половина>. Гоголь в Риме. Встречается здесь с княгинями В. А. Репниной-Волконской, З. А. Волконской, И. Кайсевичем и П. Семененко, И. Ф. Золотаревым, Дж. Белли, княжной В. Н. Репниной-Волконской, П. И. и Е. Н. Кривцовыми, рускими художниками-пансионерами и др. 71

1837. Ноября 30 <18>. Гоголь посылает П. А. Плетневу для публикации в журнале «Современник» начатое в Женеве письмо с выражением благодарности Государю за оказанную материальную помощь. 75

1838. Марта 17 <5>. Гоголь через княгиню З. А. Волконскую, известную своим отступничеством от Православия, знакомится с представителями польской эмиграции, участниками польского восстания 1830–1831 гг., И. Кайсевичем и П. Семененко 91

1838. Март – апреля конец <февраля средина – апреля средина>. Рим. Гоголь через княгиню З. А. Волконскую знакомится с итальянским поэтом Дж. Белли 106

Дженцано (Дженсано), Рим 117
1838. Июня 14 <2>. Гоголь наблюдает в Дженцано красочную «инфьорату» в честь католического праздника Тела Господня 117

Рим 118
1838. Июня 14 <2>. Гоголь, вернувшись из Дженцано в Рим, пишет княжне В. Н. Репниной-Волконской шутливую записку по поводу несостоявшегося отъезда Репниных из Рима в Неаполь . . 118

Окрестности Рима. Местечко близ Манчиани (Manziana) или между Дженцано и Альбано 123
1838. Июня около 14 — июля начало <июня около 2 — июня средина>. Гоголь пишет лирическое отступление в начале седьмой главы первого тома «Мертвых душ» 123

Рим 124
1838. Июля 5–6 <июня 23–24>. Гоголь отправляется из Рима в Неаполь 124

Неаполь, остров Капри, Кастелламаре, Неаполь 126
1838. Июля после 5–6 — сентября 5 <июня после 23–24 — августа 24>. Гоголь живет в Неаполе и Кастелламаре. Общается с А. А. Ивановым, Репниными-Волконскими, Г. И. Дуниной-Борковской, П. И. и Е. Н. Кривцовыми, Д. Е. Ефимовым. Работает над «Мертвыми душами» 126

Остров Капри 127
1838. Июля вторая половина <июля первая половина>. Гоголь совершает поездку морем на Капри 127

Неаполь 128
1838. Июля 30 <18>. Гоголь в Неаполе 128

Кастелламаре 129
1838. Июль — августа 14 <июня конец — августа 2>. Гоголь в Кастелламаре 129

Неаполь, Кастелламаре, Неаполь 135
1838. Сентября 5 и 6 <августа 24 и 25>. Гоголь, побывав в Кастелламаре у княжны В. Н. Репниной-Волконской, отправляется из Неаполя в Париж к А. С. Данилевскому 135

Ливорно 135
1838. Сентября 9 <августа 28>. Гоголь прибыл морем из Неаполя в Ливорно 135

Париж 137
1838. Сентября средина — октября 25 <сентября начало — октября 13>. Гоголь в Париже у А. С. Данилевского. По приезде получает у одного из парижских банкиров — по поручительству римского банкира Валентини — деньги, назначенные для помощи Данилевскому. Во время

пребывания в Париже встречается с К. А. Квиткой, Н. И. Козловым, А. И. Тургеневым; пользуется книгами последнего 137

1838. Сентября 20 <8>. Гоголь в письме к княжне В. Н. Репниной-Волконской в Кастелламаре благодарит ее за помощь в получении денег для А. С. Данилевского 137

1838. Октября 25 <13>. Гоголь, простившись с А. С. Данилевским и Н. И. Козловым, выехал из Парижа в Рим 146

Лион 147

1838. Октября 28 <16>. Гоголь в Лионе проездом в Рим 147

Марсель 148

1838. Ноября начало <октября конец>. Гоголь проездом в Марселе 148

Генуя 149

1838. Ноября 13 <1>. Гоголь проездом в Генуе 149

Рим 149

1838 ноября 15 <3>. Четверг — 1839 июня средина <июня начало>. Гоголь в Риме. Посещает Репниных-Волконских, П. И. Кривцова, отца и сына Виельгорских, встречается с А. А. Ивановым, Ф. А. Бруни, Ф. Ф. Рихтером, Ф. А. фон Моллером, П. Тенарани, Ф. Овербеком, княгиней З. А. Волконской, В. Паве, В. А. Жуковским, великим князем Александром Николаевичем, бароном Е. Ф. Розеном, Шевыревыми, Погодиными, Чертковыми, Н. П. Боткиным, графом М. Риччи и др. В это время в Риме находится также графиня А. А. Толстая (рожд. Перовская) с сыном А. К. Толстым. . .149

1838. Ноября между 20 и 30 <между 8 и 18>. Гоголь читал у графов Мих. Ю. и И. М. Виельгорских «начало» «Мертвых душ» .157

1838. Декабря 16 <4>. В Рим в свите Наследника Александра Николаевича прибыл В. А. Жуковский. 162

1838. Декабря 18 <6>. Гоголь присутствовал на обеде, данном Наследником Александром Николаевичем по случаю приезда в Рим 163

1838. Декабря 19 <7>. Гоголь посещает вместе с В. А. Жуковским мастерские проживающих в Риме художников и скульпторов 164

1838. Декабря 20 <8>. Гоголь навещает больного графа И. М. Виельгорского 164

1838. Декабря 21 <9>. Гоголь посещает с Жуковским мастерскую Б. Торвальдсена 165

1838. Декабря 22 <10>. Гоголь посещает с Жуковским мастерские русских художников и скульпторов 166

1838. Декабря 23 <11>. Гоголь с Жуковским и С. П. Шевыревым обедают у княгини З. А. Волконской 166

1838. Декабря 28 <16>. Гоголь с Жуковским осматривают римские достопримечательности 167

1838. Декабря 29 <17>. Гоголь с Жуковским продолжают осмотр римских достопримечательностей. На вечере у великого князя Александра Николаевича Гоголь читает комедию «Женитьба» 168

1838. Декабря 30 <18>. Гоголь и Жуковский за воскресным богослужением в русской церкви 170
1839 января 3 <1838 декабря 22>. Гоголь и Жуковский продолжают осмотр римских достопримечательностей 171
1839 января 6 <1838 декабря 25>. Продолжение осмотра Гоголем и Жуковским достопримечательностей Рима 172
1839 января 8 <1838 декабря 27>. Княгиня З. А. Волконская устраивает на вилле Гонзага празднование именин С. П. Шевырева 172
1839 января 11 <1838 декабря 30>. Гоголь читает Жуковскому первую главу «Мертвых душ» 172
1838 конец года — 1839 начало года. Гоголь, вероятно, получил посылку от Н. Я. Прокоповича со своими рукописными книгами (материалами по истории и сборниками народных песен) 174
1839. Января 13 <1>. Гоголь совершает с Жуковским прогулку в окрестностях Рима. Жуковский изображает Гоголя на рисунке «Вид на Фраскати с Латинских гор» 174
1839. Января 18 <6>. Гоголь читает Жуковскому вторую главу «Мертвых душ» 175
1839. Января 19 <7>. Гоголь с Жуковским продолжают осматривать римские окрестности 176
1839. Января 20 <8>. Гоголь и Жуковский осматривают достопримечательности Рима 176
1839. Января 21 <9>. Продолжение римских прогулок Гоголя и Жуковского 177
1839. Января 22 <10>. Новая прогулка Гоголя и Жуковского по Риму 177
1839. Января 24 <12>. Продолжение осмотра Гоголем и Жуковским римских достопримечательностей. В этот день Жуковский сделал три рисунка с фигурой Гоголя: «Вилла Миллье»; «Вилла Миллье. Руины дворца Цезарей, Циркус Максимус»; «Римский Форум» 177
1839. Января 25 <13>. Жуковский во время прогулки сделал еще один рисунок с фигурой Гоголя: «Вид от S. Bibiana на разв<алины> Б<ань> Каракаллы» 178
1839. Января 29 <17>. Во время посещения галереи В. Камучини и других римских достопримечательностей Жуковский сделал рисунок с фигурой Гоголя: «La Ripetta». Вечером Гоголь читал Жуковскому третью главу «Мертвых душ» 178
1839. Января 30 <18>. Гоголь с Жуковским, графом М. Ю. Виельгорским и С. П. Шевыревым отмечает свой мнимый день рождения «на Антона» в ресторане гостиницы Фалькони. Шевырев посвящает Гоголю написанное накануне стихотворение 179
1839. Февраля 1 <января 20>. Гоголь с Жуковским совершают утреннюю прогулку по Риму 180
1839. Февраля 3 <января 22>. Утром Жуковский делает два рисунка с фигурой Гоголя: «Вид с виллы Волконской»; «Вид с высоты Колизея» 180

1839. Февраля 4 <января 23>. Начало римского карнавала. В этот день Жуковский сделал рисунок «Дуб Тассов», с фигурой Гоголя 181
1839. Февраля 5 <января 24>. Гоголь с Жуковским посещают мастерскую архитектора А. С. Кудинова 182
1839. Февраля 7 <января 26>. Гоголь с Жуковским наблюдают римский карнавал 183
1839. Февраля 9 <января 28>. Гоголь и Жуковский вновь наблюдают карнавал. Жуковский изображает гоголевскую фигуру на рисунке «Вилла Волконской» 183
1839. Февраля 10 <января 29>. Жуковский изобразил фигуру Гоголя на рисунке «Аква Паулина» 184
1839. Февраля 12 <января 31>. Гоголь и Жуковский в последний раз наблюдают вместе римский карнавал. Гоголь прощается с Жуковским 185
1839. Февраля 13 <1>. Среда. Рим. Жуковский в свите Наследника Александра Николаевича покидает Рим. Возможно, в этот день Гоголь еще раз простился с Жуковским 187
1839. Марта 8 <февраля 24>. Рано утром в Рим приехал М. П. Погодин с женой. Снял с помощью С. П. Шевырева квартиру на четыре дня, получил записку от Гоголя, посетил его и совершил с ним первую прогулку по Риму 191
1839. Марта 9 <февраля 25>. Гоголь знакомит Погодина с Римом. 194
1839. Марта 10 <февраля 26>. Гоголь продолжает знакомить Погодина с Римом 197
1839. Марта 11 <февраля 27>. Погодин с женой продолжают осматривать римские достопримечательности под руководством Гоголя . . .200
1839. Марта 12 <февраля 28>. Вероятно, в тот же день Погодин с женой переехал на квартиру Гоголя, заняв соседнюю комнату 202
1839. Марта 13 <1>. Гоголь продолжает знакомить Погодина и его жену с Римом 204
1839. Марта 14 <2>. Гоголь и Погодины осматривают римские достопримечательности 207
1839. Марта 18 <6>. Гоголь сделал для художника Ф. А. фон Моллера список стихотворения А. С. Пушкина «Русалка» 211
1839. Марта 25 <13>. Гоголь водил Погодина и Шевырева в мастерскую А. А. Иванова 216
1839. Марта 26 <14>. Гоголь беседует с Погодиным об «освобождении» русской литературы «от ига двадесяти язык». (Речь шла о будущем журнале, в котором Гоголь дал тогда согласие участвовать.) 219
1839. Марта 27 <15>. Погодин в сопровождении Шевырева и, возможно, Гоголя посетил кладбище, где в 1835 г. была похоронена дочь князя П. А. Вяземского княжна Прасковья Петровна 220

1839. Марта 30 <*18*>. Гоголь с Погодиными совершает прогулку по Риму 222
1839. Апреля 1 <*марта 20*>. Гоголь с М. П. и Е. В. Погодиными посещают мастерские художника М. И. Скотти, архитектора Д. Е. Ефимова и др. Вечером Гоголь, Погодины и Иванов смотрят фейерверк в замке Святого Ангела . . . 223
1839. Апреля 2 <*марта 21*>. Гоголь с Погодиными, Ивановым и архитектором Ф. Ф. Рихтером ездил в Тиволи. 225
1839. Апреля 5 <*марта 24*>. Гоголь и Погодины, в сопровождении учителя Грифи, побывали в римской Кампанье, осмотрели Преторианские казармы 231
1839. Апреля 6 <*25*>. Гоголь с Погодиными и Рихтером ездил во Фраскати. 232
1839. Апреля 7 <*марта 26*>. Гоголь и Погодины пополуночи до самого рассвета празднуют вместе с римской колонией русских художников-пансионеров православную Пасху. Во второй половине дня Гоголь с Погодиными, Н. П. Боткиным и Исаевым поднялись на Монте Марио, чтобы взглянуть оттуда на Рим и римскую Кампанью 233
1839. Апреля 9 <*марта 28*>. *Вторник Светлой седмицы*. Погодин с женой и Шевырев выехали из Рима в Неаполь (намереваясь в дальнейшем отправиться оттуда морем в Марсель – и далее в Париж). Договорились с Гоголем и С. Б. Шевыревой повидаться еще раз, на обратном пути из Неаполя, в Чивитавеккье, когда пароход, следующий в Марсель, на несколько часов остановится в этом порту. 236
Чивитавеккья 238
1839. Апреля 17 <*5*>. Гоголь вместе с С. Б. Шевыревой и ее сыном Борисом приезжают в Чивитавеккью, чтобы проститься с путешествующими на пароходе из Неаполя в Марсель (и далее – в Париж) Погодиными и С. П. Шевыревым 238
1839. Апреля 18 <*6*>. Гоголь провожает, вместе с С. Б. Шевыревой и ее сыном Борисом, М. П. и Е. В. Погодиных и С. П. Шевырева в Париж 240
Чивитавеккья, Рим 241
1839. Апреля 19 <*7*>. Гоголь вместе с Шевыревой и ее сыном Борисом возвращаются из Чивитавеккьи в Рим 241
Рим 241
1839. Мая 1 <*апреля 19*>. Гоголь в качестве почетного гостя принимает участие в карнавале немецких художников в каменоломнях Черваро (в окрестностях Рима) 242
1839. Май – июня 1 <*апреля вторая половина – мая 20*>. Гоголь

ухаживает за умирающим графом И. М. Виельгорским. Виельгорский дарит ему Библию 244

1839. Между апреля 20 и мая 3 <апреля между 8 и 21>. Гоголь встречался с П. Н. Демидовым; безуспешно беседовал с ним о приглашении в Россию Я. Коллара 244

1839. Апреля конец — мая 3 <апреля вторая половина, не позднее 21>. Гоголь получил письмо и посылку с книгами от П. И. Шафарика . . . 245

1839. Мая 11 <апреля 29>. Вероятно, в этот день Гоголь сделал прощальную запись в альбом Е. Г. Чертковой (Черткова возвращалась с мужем в Москву) 249

1839. Мая с 16 по 19 <с 4 по 7>. Гоголь проводит четверо суток у постели умирающего графа Виельгорского 251

1839. Июня 2 <мая 21>. Кончина графа Виельгорского 255

1839. Июня ночь со 2 на 3 <мая ночь с 21 на 22>. Гоголь и граф М. Риччи проводят ночь с отцом почившего графа И. М. Виельгорского графом Мих. Ю. Виельгорским 258

Рим, Чивитавеккья, Марсель 262

1839. Июня после 5 — июля начало <мая после 24 — июня конец>. Гоголь вместе с графом Мих. Ю. Виельгорским совершил поездку из Рима до Чивитавеккьи и — далее морем — в Марсель для встречи графини Л. К. Виельгорской, матери умершего в Риме графа И. М. Виельгорского. На пароходе Гоголь знакомится с Ш. О. Сент-Бёвом и, возможно, встречается с А. В. Сухово-Кобылиным. В Марселе в течение некоторого времени (от «двух суток» до месяца) пытается утешить в горе Виельгорскую и, вероятно, пишет с этой целью для нее и ее семьи эссе «Ночи на вилле» 262

Ганау 268

1839. Июля 12 <июня 30>. Гоголь в Ганау проездом в Мариенбад. Знакомится здесь с братьями Н. М. и П. М. Языковыми. Договаривается с поэтом Николаем Языковым встретиться с ним зимой 1839/40 г. в Риме 268

Мариенбад 271

1839. Июля 13 <1> — августа около пятницы 23 <около пятницы 11>. Гоголь на лечении в Мариенбаде (до 8 августа (н. ст.) 1839 г. живет здесь в одной комнате с Погодиным). Знакомится с П. Й. Шафариком, Д. Е. Бенардаки, встречается с Ф. И. Иноземцевым. Пишет отрывок «Девицы Чабловы, дочери бедных родителей, вышли вместе из института...»; начинает работу над «Повестью о чиновнике, крадущем шинели» (позднейшее название — «Шинель»), диктует повесть Погодину. Тогда же Гоголь делает набросок «Характер русского несравненно тонее и хитрее, чем жителей всей Европы»; предпринимает переработку ранней статьи «Взгляд на составление Малороссии»; возобновляет работу над драмой из эпохи Богдана

Хмельницкого и продолжает работу над «Мертвыми душами» 271
1839. Августа 8 <июля 27>. Погодин с женой уезжает из Мариенбада в Мюнхен и – далее – в Швейцарию и Италию, условившись встретиться с Гоголем осенью в Вене (чтобы вместе вернуться в Россию) 278
1839. Августа 22 <10>. Гоголь выехал из Мариенбада в Вену 281

Прага 281
1839. Августа 22–23 <10–11>. Гоголь проездом в Праге 281

Вена. 281
1839. Августа 24 <12>. Гоголь прибыл в Вену. .281
1839. Сентября 19 <7>. Условленная в августе 1839 г. – при расставании в Мариенбаде – встреча Гоголя с М. П. и Е. В. Погодиными 290
1839. Сентября 22 <10>. Гоголь вместе с Погодиными и С. Б. Шевыревой отправился из Вены в Россию. 292

Никольсбург, Брно 292
1839. Сентября 23 <11>. Гоголь с Погодиными и Шевыревой проезжает Никольсбург и Брно 292

Ольмюц 293
1839. Сентября 24 <12>. Гоголь с Погодиными и Шевыревой проездом в Ольмюце 293

Краков 293
1839. Сентября 25 <13>. Гоголь с Погодиными и Шевыревой прибыли в Краков 293

Варшава 294
1839. Сентября 28 <16>. Гоголь с Погодиными и Шевыревой прибыл в Варшаву. 294

Белосток. 295
1839. Сентября 17 <29>. Гоголь с Погодиными и Шевыревой остановились на ночь в Белостоке. 295

Гродно 296
1839. Сентября 19. Гоголь с Погодиными и Шевыревой проездом в Гродно. 296

Вильно 296
1839. Сентября 21. Гоголь с Погодиными и Шевыревой проводят день в Вильно. 296

Смоленск 296
1839. Сентября 23. Гоголь с Погодиными и Шевыревой рано утром приехали в Смоленск 296

Дорогобуж 297
1839. Сентября ночь с 23 на 24. Гоголь с Погодиными и Шевыревой проехали Дорогобуж 297

Вязьма 297
1839. Сентября 24. Гоголь с Погодиными и Шевыревой
рано утром проехали Вязьму 297
Гжатск 297
1839. Сентября ночь с 24 на 25. Гоголь с Погодиными
и Шевыревой проехали Гжатск. .297
Можайск 297
1839. Сентября 25. Гоголь с Погодиными и Шевыревой
проездом в Можайске. 297
Москва. 298
1839. Сентября 26. Гоголь с Погодиными и Шевыревой
приехал в Москву и остановился у Погодина. 298
1839. Сентября 29. С. Т. Аксаков с дочерью Верой и сыном Михаилом
приезжают из с. Аксиньино в Москву. По приезде за обедом
их навещает, вместе с М. С. Щепкиным, Гоголь, с которым
Аксаков обговаривает время совместной поездки в Петербург. 303
С. Волынское. 305
1839. Сентября 29 – октября 1. Гоголь гостит у Щепкина
на подмосковной даче. 305
Москва. 308
1839. Октября 2. Гоголь обедает у Аксаковых. На обеде, вероятно,
присутствовали И. И. Панаев с женой 308
1839. Октября между 3 и 7. И. И. Срезневский, прибывший
в Москву проездом в славянские земли, знакомится, –
вероятно, у М. П. Погодина – с Гоголем 309
1839. Октября 7. Гоголь обедает у только что прибывшего
в Москву Жуковского 310
1839. Октября 9. Гоголь накануне оттъезда Жуковского
из Москвы в Петербург читает ему у Елагиных
четвертую главу «Мертвых душ» .312
1839. Октября 10. Гоголь делает запись в альбом И. И. Срезневского,
отправлявшегося в славянские земли 313
1839. Октября 14. Гоголь обедал у П. В. Нащокина; вечером
читал у Аксаковых комедию «Тяжба» и первую главу
«Мертвых душ». На чтении присутствовали также
Панаев, Нащокин и Щепкин 314
1839. Октября 17. Гоголь в семь часов вечера в Большом театре:
впервые смотрит постановку «Ревизора» на московской сцене 320
1839. Октября не позднее 21. Гоголь у Аксаковых дважды встречается
с В. Г. Белинским, знакомится с А. О. Армфельдом;
дважды обедает в доме последнего, встречается
и знакомится там с А. Д. Галаховым. 330

1839. Октября 21. Гоголь обедал у Аксаковых. Присутствовали М. С. и Д. М. Щепкины, Панаев, Белинский, Н. Ф. Павлов, Армфельд 331
1839. Октябрь. Гоголь читает «Тяжбу» у Чертковых. 332
1839. Октября 26. Гоголь с С. Т., В. С. и М. С. Аксаковыми выехал из Москвы в Петербург. 333
Торжок. 334
1839. Октября 28. Гоголь с Аксаковыми завтракают в Торжке 334
С. Померанье Новгородской губернии 336
1839. Октября 30. Гоголь с Аксаковыми завтракают на станции Померанье 336
Санкт-Петербург 336
1839. Октября 30 – декабря 17. Гоголь живет в Петербурге; занимается делами сестер Анны и Елисаветы (оканчивающих Патриотический институт). Вскоре по приезде навещает Балабиных; от П. А. Плетнева переезжает к В. А. Жуковскому. Знакомится с А. О. Ишимовой; бывает у графа Мих. Ю. Виельгорского, у А. О. Смирновой, у С. Т., В. С. и М. С. Аксаковых (в доме Карташевских); у князя В. Ф. Одоевского (где встречается с В. Г. Белинским), у А. А. Трощинского, у Н. Я. Прокоповича (видится здесь с П. В. Анненковым, И. И. Панаевым и, вероятно, с А. Н. Мокрицким); в домах князя П. А. Вяземского и Валуевых встречается с А. И. Тургеневым 337
Царское Село, Санкт-Петербург 339
1839. Ноября 1. Гоголь с утра навещает Жуковского в Царском Селе и, вероятно, просит поэта ходатайствовать за него перед Императрицей Александрой Феодоровной об оказании материальной помощи при выпуске сестер из Патриотического института 339
Санкт-Петербург 339
1839. Ноября 3. С. Т. Аксаков навестил Гоголя у Жуковского 339
1839. Ноября 4. Гоголь посетил Аксаковых в доме Карташевских. 340
1839. Ноября 5. Гоголь дважды был у С. Т. Аксакова (в доме Карташевских) и, придя во второй раз, говорил с ним о своем затруднительном материальном положении 342
1839. Ноября 9. Гоголь был у Аксаковых 343
1839. Ноября 12. Гоголь был у С. Т. Аксакова .344
1839. Ноября 13. Гоголь обедает у Аксаковых; после обеда беседует с Г. И. Карташевским 344
1839. Ноября 14. Откупщик Д. Е. Бенардаки принес С. Т. Аксакову 2000 рублей для Гоголя 347
1839. Ноября 15. С. Т. Аксаков отправляет Гоголю записку, приглашая его прийти за деньгами. В этот день Гоголь вместе с В. А. Жуковским обедал у графа Мих. Ю. Виельгорского;

вечер провели у князя П. А. Вяземского, где Гоголь, вероятно, читал пятую и шестую главы из первого тома «Мертвых душ». После чтения, возможно, состоялся разговор Гоголя с Жуковским о Плюшкине 347
1839. Ноября 16. Утром, до 10 часов, у С. Т. Аксакова (в доме Карташевских) был И. И. Панаев; разговаривали о В. Г. Белинском. До обеда Аксаков ездил к Гоголю, но не застал его дома. Во второй половине дня Гоголь явился к Аксакову за деньгами. Вечером у Аксакова были Белинский и Панаев, которые, возможно, встретились в дверях с уходящим Гоголем. 348
1839. Ноября 17. Гоголь с С. Т. и В. С. Аксаковыми навестил сестер Анну и Елисавету в Патриотическом институте 351
1839. Ноября 18. Гоголь привез сестрам в Патриотический институт платья и меховые манто для выпуска. Работает над повестью «Шинель». В тот же день Гоголь, вероятно, был на обеде у князя В. Ф. Одоевского, где во второй раз во время тогдашнего пребывания в Петербурге встретился с В. Г. Белинским. 352
1839. Ноября 19. Гоголь взял сестер из Патриотического института и поместил их у Балабиных. По дороге к Балабиным Гоголь с сестрами заезжал в памятную ему со времен преподавательской деятельности университетскую церковь 353
1839. Ноября 19 – декабря 17. Сестры Гоголя Анна и Елисавета живут у Балабиных. (За это время четырнадцать раз навещают оставленный Патриотический институт.) 354
1839. Ноября 24. Гоголь провел утро у С. Т. Аксакова (в доме Карташевских). Вечером по дороге потерял бумажник «с некоторыми нужными бумагами» и 105 рублями ассигнациями . .357
1839. Ноября 26. С. Т. Аксаков рано утром заезжал к Жуковскому, но не застал его дома. Встретился здесь с Гоголем. Вечером того же дня Аксаков с дочерью Верой, сыновьями Григорием, Иваном и Михаилом и племянницей М. Г. Карташевской был на представлении «Ревизора» в Александринском театре 359
1839. Ноября конец – декабря начало. Гоголь с сестрами Анной и Елисаветой навещает А. А. Трощинского 363
1839. Ноября после 3 – декабря не позднее 17. Гоголь бывает у Н. Я. Прокоповича, где однажды, в присутствии старых друзей и П. В. Анненкова читает первые четыре главы «Мертвых душ». . . .363
1839. Декабря 1. Гоголь с Жуковским у Смирновой. В этот вечер Гоголь, возможно, читал комедию «Женитьба» 365
1839. Декабря 5. Гоголь на вечере у Валуевых читает одну из первых трех глав «Мертвых душ» и главу из незавершенного романа «Аннунциата» 367
1839. Декабря 11. Гоголь был у Аксаковых. Вечером у Карамзиных читал первые четыре главы «Мертвых душ» 369

1839. Декабря 17. Гоголь с сестрами Анной и Елисаветой, С. Т. и В. С. Аксаковыми и Ф. И. Васьковым выехал из Петербурга в Москву. Перед отъездом Гоголь поручил Жуковскому право издания своих «прежних» сочинений 371

Торжок. 373

1839. Декабря 20. Гоголь с сестрами Анной и Елисаветой, С. Т. и В. С. Аксаковыми и Ф. И. Васьковым проездом в Торжке . . .373

Москва. 373

1839. Декабря 21. Гоголь с сестрами и Аксаковыми прибыл в Москву. Заезжают сначала к Аксаковым, затем Гоголь с сестрами отправляется к Погодину 373

1839 декабря 21 – 1840 апреля 27. Гоголь с сестрами Анной и Елисаветой живет в доме Погодина (сюда в начале апреля 1840 г. приезжает мать Гоголя с младшей дочерью Ольгой) 374

1839. Декабря 23. Гоголь приезжает (возможно, с сестрами) к Аксаковым, где читает вторую и третью главы первого тома «Мертвых душ». Присутствовал также Ю. Ф. Самарин, который после чтения нарисовал портрет Гоголя 376

1839. Конец года. Гоголь, не сумев закончить для бенефиса Щепкина драму из эпохи Богдана Хмельницкого, приступает к работе над литературной обработкой русского перевода комедии Мольера «Сганарель, или Мнимый рогоносец» 380

1840. Января 3. Гоголь с Щепкиным обедал у С. Т. Аксакова. 385

1840. Между января 6 и февраля 3. Гоголь часто бывает у Аксаковых; знакомится здесь с В. А. Пановым 389

1840. Февраля 4. Гоголь читает С. Т. Аксакову «главу из итальянской повести». 400

1840. Февраля 21. Гоголь читал «Аннунциату» у Киреевских в присутствии Т. Н. Грановского, А. И. Тургенева и Е. А. Свербеевой 404

1840. Марта 6. Гоголь читает у Аксаковых четвертую главу первого тома «Мертвых душ». 407

1840. Марта 29. Гоголь на дне рождения К. С. Аксакова прочитал отрывок из неизвестной слушателям комедии 411

1840. Апреля начало, не позднее 7 – апреля 27. В Москве с младшей дочерью Ольгой живет мать Гоголя, которая приехала сюда с целью забрать домой дочь Анну (Елисавета оставалась в Москве). Остановились у Погодина, где проживали в то время Анна, Елисавета и сам Гоголь. 413

1840. Марта 10 или 20 или 27 или апреля 10. Гоголь читает у Аксаковых пятую главу «Мертвых душ» 417

1840. Апреля 13. Великая суббота. Гоголь у Аксаковых читает шестую главу «Мертвых душ» 418

1840. Апреля первая половина. Гоголь читает первые главы «Мертвых душ» у И. В. Киреевского 420

1840. Апреля 23. Вторник. Радоница. Представление «Ревизора» в Большом театре; в роли Городничего – М. С. Щепкин. На представлении, возможно, присутствовал Гоголь с матерью и сестрами 423

1840. Апреля между 21 и 27. Гоголь в доме Погодина читает одно из своих произведений (вероятно, «Мертвые души» или «Женитьбу»); часто вместе с матерью и сестрами бывает у Аксаковых 426

1840. Апреля 27. Мать Гоголя с дочерьми Анной и Ольгой выехала из Москвы в Васильевку 426

1840. Мая 9. День памяти св. Николая Мирликийского. Именинный обед Гоголя в саду у Погодина 431

1840. Мая 10. Гоголь перевез сестру Елисавету от Погодина к П. И. Раевской; вечером того же дня был с М. Ю. Лермонтовым у Свербеевых 433

1840. Мая 17. Гоголь с сестрой Елисаветой и дочерьми Аксаковых был в театре 436

Москва, Перхушково 439

1840. Мая 18. Гоголь, простившись в доме Аксаковых с сестрой Елисаветой, выехал вместе с Пановым из Москвы в Италию. До первой станции, Перхушково, их провожали С. Т. и К. С. Аксаковы, М. С. и Д. М. Щепкины, М. П. Погодин и его зять М. И. Мессинг 439

Вязьма 441

1840. Мая 19. Гоголь, доехав с Пановым до Вязьмы, вспомнил, что забыл заехать по дороге в деревню к А. П. Елагиной 441

Брест 442

1840. Мая 24 <5 июня>. Гоголь и Панов проездом в Бресте (на границе с Царством Польским) 442

Варшава 442

1840. Июня 7–13 <мая 26 – июня 1>. Гоголь с Пановым проездом в Варшаве 442

Краков 444

1840. Июня 14 <2>. Воскресенье. День Святой Троицы. Гоголь и Панов проездом в Кракове 444

Краков, Подгурт 444

1840. Июня 15 <3>. Понедельник. День Святого Духа. Гоголь и Панов пересекают австрийскую границу 444

Брюнн, Люнденбург, Вена 445

1840. Июня 17. Гоголь и Панов приехали утром в Брюнн (Брно); проехав оттуда по железной дороге через Люнденбург, к полудню прибыли в Вену 445

Вена 445

1840. Июня 17 <5> – августа конец <июня 5 – августа средина>. Гоголь живет в Вене (до 11 июля (н. ст.) вместе с Пановым); возобновляет работу над драмой из эпохи Богдана Хмельницкого 445

1840. Августа вторая половина – конец <августа начало – средина>. Болезнь Гоголя 457

1840. Августа конец <августа средина>. Гоголь с Н. П. Боткиным выезжает из Вены в Рим (через Глогниц, Триест, Венецию и Флоренцию) 460

Венеция 460

1840. Сентября 2 <августа 21>. Гоголь с Боткиным прибыл в Венецию и встретился с только что приехавшим туда Пановым. Гоголь и его спутники познакомились там с прибывшими из России художниками И. К. Айвазовским и В. И. Штернбергом . .460

1840. Сентября 2–10 <августа 21–29>. За неделю пребывания в Венеции Гоголь подготовил для бенефиса Щепкина литературный перевод на русский язык комедии итальянского драматурга графа Дж. Жиро «Дядька в затруднительном положении» 461

1840. Сентября около 12 <августа около 31>. Гоголь с Боткиным, Пановым, Айвазовским и Штернбергом отправляются из Венеции во Флоренцию 465

Флоренция 465

1840. Сентября около 12–13 <около августа 31 – сентября 1>. Гоголь с Боткиным, Пановым, Айвазовским и Штернбергом приезжают во Флоренцию, где встречают А. А. Иванова. 465

1840. Сентября около 13–14 <сентября около 1–2>. Айвазовский и Штернберг расстаются с Гоголем, Ивановым, Боткиным и Пановым и отправляются, через Рим, в Неаполь 466

Рим 467

1840. Сентября 25 <13>. Гоголь с Боткиным и Пановым приехал в Рим . .467

1840 сентября 25 <13> – 1841 августа средина <августа начало>. Гоголь живет в Риме 469

1840. Ноября около 11 <октября около 30>. Гоголь читает Панову начало драмы из эпохи Богдана Хмельницкого 475

1840. Октябрь-декабрь <сентября средина – декабря средина>. Ф. А. фон Моллер пишет свой первый портрет Гоголя 488

1840 конец – 1841 начало. Гоголь, предположительно, пишет начало незавершенного произведения <Семен Семенович Батюшек>. В этот период Моллер создает два новых портрета Гоголя 491

1841. Февраль <января вторая половина – февраля средина>. Панов переезжает к Гоголю на Via Felice, № 126. Приступает к переписке первых пяти глав первого тома «Мертвых душ», а также «Новых

сцен к комедии “Ревизор”», «Отрывка из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору» и «Двух сцен, выключенных как замедлявшие течение пиесы». Возможно, в это же время Гоголь знакомит Панова с своим незавершенным романом о Риме. Ф. И. Буслаев через Панова передал Гоголю, по его желанию, «лирические произведения» Франциска Ассизского 496

1841. Февраля 14 <2>. Воскресенье. Праздник Сретения Господня. Гоголь в доме княгини З. А. Волконской устраивает благотворительное чтение «Ревизора» в пользу художника И. С. Шаповаленко. 499

1841. Марта средина <марта начало>. Гоголь за обедом с Айвазовским, Боткиным и Пановым и произносит застольную речь в честь Айвазовского, получившего от папы Григория XVI золотую медаль за картину «Хаос» 507

1841. Марта 17 <5>. Гоголь высылает в Москву М. П. Погодину и С. Т. Аксакову «изменения и приложения» ко второму изданию «Ревизора» 510

1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. В Рим приезжает начинающий литератор П. В. Анненков. Сразу по приезде узнает в русском посольстве адрес Гоголя 518

1841. Апреля 8 <марта 27>. Великий четверг. Во второй половине дня Гоголь встречается с Анненковым. Проводит вечер с ним и с Ивановым 524

1841. Апреля 9–10 <марта 28–29>. Страстная пятница — Великая суббота. Гоголь показывает Анненкову Рим и направляет его в прогулках по городу .527

1841. Апреля 11 <марта 30>. Светлое Христово Воскресение. Православный и католический праздники Пасхи. Вечером этого дня Гоголь с Анненковым и двумя русскими художниками наблюдал торжественную иллюминацию купола собора Святого Петра. 528

1841. Мая 6 <апреля 24>. Панов, живший в одной квартире с Гоголем на Via Felice, № 126, выезжает в Берлин. Анненков поселяется у Гоголя в той комнате, где до него жил Панов. Приступает под диктовку Гоголя к переписке второй половины (шести глав) первого тома «Мертвых душ» (вероятно, продолжает эту работу до своего выезда из Рима 18 июля (н. ст.) 1841 г.) 535

Тиволи 551

1841. Мая средина <мая начало>. Гоголь и Анненков посетили Тиволи . .551

Рим 551

1841. Мая 20 <8>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Гоголь и Анненков присутствуют на торжествах благословения «urbi et orbi» папы Григория XVI 551

1841. Июня 10 <мая 29>. Гоголь и Анненков в Риме наблюдают торжества католического праздника Тела Господня . . . 553

Рим, Альбано . . . 555

1841. Июня 14 <2> (понедельник) или 26 <14> (суббота). Кончина архитектора М. А. Томаринского. Гоголь на вилле в Альбано вместе Ф. И. Иорданом, А. А. Ивановым, П. В. Анненковым. Под впечатлением смерти Томаринского пишет заключительные строки «отрывка» «Рим» . . . 555

Рим и окрестности (Олевано, Субиако и др.) . . . 560

1841. Июня конец – июля первая половина <июня вторая половина – июля начало>. Кратковременная болезнь в Риме Анненкова, на время которой Гоголь уезжает за город. По вызоровлении Анненков отправляется на прогулку в Олевано и Субиако. Во время тогдашнего отсутствия Анненкова Моллер пишет в Риме новый портрет Гоголя . . . 560

Рим, Альбано . . . 563

1841. Июля 18 <6>. Гоголь, провожая Анненкова в Неаполь, приезжает с ним из Рима в Альбано . . . 563

Рим . . . 564

1841. Март-июнь. Гоголь встретился с Н. И. Надеждиным и, вероятно, с Д. М. Княжевичем . . . 564

1841. Июля 31 <19>. Гоголь и Иванов берут в долг у банкира В. Валентини 200 скудо (деньги были нужны Гоголю на дорогу) . . . 565

1841. Январь – августа средина <январь – августа начало>. В течение указанного периода Иванов создает два портрета Гоголя и, предположительно, наносит на отдельный картон три рисунка к немой сцене «Ревизора» . . . 568

1841. Августа средина <августа начало>. Гоголь, завершив работу над первым томом «Мертвых душ» и драмой из эпохи Богдана Хмельницкого, выехал из Рима, намереваясь к осени быть в России. (Сначала Гоголь отправился из Рима – через Флоренцию, Геную и Женеву – в Дюссельдорф к В. А. Жуковскому.) . . . 569

Флоренция . . . 569

1841. Августа вторая половина <августа первая половина>. Гоголь проездом во Флоренции . . . 569

Генуя . . . 569

1841. Августа вторая половина <августа первая половина>. Гоголь проездом в Генуе . . . 569

Женева . . . 570

1841. Августа вторая половина <августа первая половина>. Гоголь в Женеве проездом в Дюссельдорф . . . 570

Дюссельдорф, Франкфурт 570
1841. Августа около 26 <около 14>. Гоголь, прибыв в Дюссельдорф и не застав там Жуковского, проехал для свидания с ним во Франкфурт. Здесь Гоголь знакомится с юной супругой Жуковского, вручает ему свой портрет работы Иванова, говорит с ним о делах художника и читает поэту свою драму из эпохи Богдана Хмельницкого — которую, закончив чтение, сжигает 570

Франкфурт 572
1841. Августа 26 <14>. Случайная встреча Гоголя с Н. П. Огаревым, с которым они говорят о смерти М. Ю. Лермонтова 572

Ганау 573
1841. Августа после 26 — сентября до 26 <августа после 14 — сентября до 14>. Гоголь целый месяц живет в Ганау в обществе братьев Н. М. и П. М. Языковых. Приступает к работе над второй редакцией «Тараса Бульбы», фрагменты которой читает Н. М. Языкову. Возможно, встречается здесь с М. А. Бакуниным. Перед отъездом Н. М. Языков заказывает свой портрет и дарит его Гоголю; Гоголь обещает заказать для Языкова свой портрет в Москве, где они договариваются вскоре встретиться. Гоголь обещает съездить на родину Языкова в Симбирск 573
1841. Сентября 26 <14>. Воскресенье. Праздник Воздвижения Креста Господня. Гоголь вместе с П. М. Языковым отправляется, через Берлин (с предварительным заездом в Дрезден), в Россию . . .575

Плауэн 577
1841. Сентября 27 <15>. Гоголь с П. М. Языковым, предположительно, в Плауэне неожиданно вновь встречают М. А. Бакунина 577

Лейпциг 577
1841. Сентября 27 <15>. Гоголь и П. М. Языков, предположительно, проезжают по железной дороге через Лейпциг 577

Дрезден 578
1841. Сентября 27 <15>. Понедельник. Гоголь и П. М. Языков проездом в Дрездене 578

Берлин 580
1841. Октября первая половина <октября начало>. Гоголь в Берлине проездом в Россию в компании П. М. Языкова с дочерью, Хованских и А. И. Родионовой с детьми 580

Санкт-Петербург 584
1841. Октября 7 <19>. Гоголь в компании П. М. Языкова с дочерью, Хованских и А. И. Родионовой с детьми прибыл в Петербург из-за границы. Остановился у Н. Я. Прокоповича; тем же вечером навестил П. А. Плетнева 584

1841. Октября 7–14 <19–26>. Гоголь живет в Петербурге у Прокоповича. Навещает Смирнову, Плетнева, Балабиных, родных Моллера 585

1841. Октября 14. Гоголь выехал из Петербурга в Москву. Попутчиком его оказался П. И. Пейкер, которому он представился «Гогелем» 586

Москва 587

1841. Октября 17. Гоголь прибыл из Петербурга в Москву; остановился у Погодина 587

1841 октября 17 — 1842 мая 23. Гоголь живет в Москве в доме Погодина; завершает работу над первым томом «Мертвых душ», второй редакцией «Тараса Бульбы», повестями «Рим», «Шинель», создает новую редакцию «Портрета». Пишет <Заметку о «Москвитянине»>; знакомится с приобретенной в 1840 г. Погодиным украинской летописью С. В. Величко (или перечитывает эту хронику); делает выписки из «Книги правил Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец...» (СПб., 1839) и первого тома «Христианского Чтения» за 1841 г.; составляет сборники «Сочинения Ломоносова и Державина»; «Русские песни»; «Южнорусские песни» 591

1841. Октября вторая половина. Гоголь прочел Погодину и С. Т. и К. С. Аксаковым последние пять глав первого тома «Мертвых душ» 602

1841. Ноября 6. Гоголь у Погодина встретился с А. С. Хомяковым, К. С. Аксаковым и И. М. Снегиревым; подарил последнему экземпляр второго издания «Ревизора» 604

1841. Декабря до 7. Сестра Гоголя Елисавета заканчивает переписку последних восьми глав цензурного экземпляра первого тома «Мертвых душ» и приступает к переписке, по черновым автографам брата, второй редакции «Тараса Бульбы» 609

1841. Декабря 7. Гоголь передает И. М. Снегиреву рукопись «Мертвых душ» с просьбой высказать о них свое мнение как цензора. В случае, если тот найдет в произведении «какое-нибудь место, наводящее на него сомнение», Гоголь предполагает отправить рукопись в Петербург 609

1841. Декабря 9 или 10. Гоголь встречается с цензором Снегиревым, который сообщает, что рукопись «Мертвых душ» «он находит совершенно благонамеренной» 610

1841. Декабря между 9–10 и 12. Погодин официально передает рукопись первого тома «Мертвых душ» в Московский цензурный комитет 610

1841. Декабря 12. На заседании Московского цензурного комитета состоялось предварительное обсуждение рукописи первого тома «Мертвых душ». Поэма получила неодобрительные

отзывы председателя комитета Д. П. Голохвастова, цензоров М. Т. Каченовского, Н. И. Крылова и др., что предвещало ее возможное запрещение к печати 611

1841. Октября после 20 — декабря первая половина. Гоголь со слов С. Т. Аксакова вносит в записную книжку 1841–1844 гг. сведения об охотничьих собаках, псовой охоте, «блюдах», «птичьих и звериных криках», голубях, «рыбных ловлях», о промыслах «в Оренбургской губернии». В другую записную книжку, 1841–1845 гг., Гоголь, со слов Аксакова, помещает сведения о лесах, рыбах, птицах («Леса»; «Рыбы»; «Тудак...»; «Болотные»; «Утки нырки»; «Утки»; «Речные»; «Степные»; «Приморские птицы»). Почерпнутые в беседах с Аксаковым сведения были использованы в первом и втором томах «Мертвых душ» и во второй редакции «Тараса Бульбы» 612

1841. Декабря 19. Рассмотрение рукописи первого тома «Мертвых душ» в Московском цензурном комитете официально передано цензору 615

1841 после декабря 19 — 1842 января 1–7. Гоголь, узнав о неодобрительных отзывах о «Мертвых душах» московских цензоров, забрал рукопись поэмы от Снегирева; собирается отправить ее в Петербург 616

1841. Октября 17 — декабрь. Гоголь на вечерах у А. П. Елагиной дважды встречает И. С. Тургенева. 618

1841. Декабря 31. Кончина дочери М. С. Щепкина А. М. Щепкиной. Возможный день приезда в Москву В. Г. Белинского. 621

Содержание

Летопись жизни и творчества Гоголя (1809–1852). 1837–1841 . . . . **5**

1837 7

1838 81

1839 174

1840 381

1841 491

Список сокращений **622**

Именной указатель **626**

Географическая канва жизни и творчества Гоголя. 1837–1841 . . . . **650**

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

И. А. ВИНОГРАДОВ

ЛЕТОПИСЬ
ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
Н. В. ГОГОЛЯ
в семи томах

том третий
1837–1841

Дизайн обложки и макет тома Д. К. Бернштейн
Корректор Е. Н. Сченснович
Компьютерная верстка А. З. Бернштейн

Подписано в печать 12.09.2017

Формат 70×100 1/16
Усл.-печ. л. 42,0; уч.-изд. л. 54,18.
Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
тел. (495) 691-23-01, 690-05-61

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ № 1085

ИМЛИ РАН

Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя

Том 3

Москва 2017